

НЮРНБЕРГСКИЙ
ПРОЦЕСС

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

НАД ГЛАВНЫМИ
НЕМЕЦКИМИ
ВОЕННЫМИ
ПРЕСТУПНИКАМИ

Сборник материалов

В СЕМИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Р.А. РУДЕНКО

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1959

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

ТОМ
IV

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Государственное Издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1959

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
Том IV

Составители

*Г. Н. Александров, А. Ф. Волчков,
Д. С. Карев, М. Ю. Рагинский*

Редакторы

И. Т. Никитченко, А. И. Полторак

Редактор *Г. К. Большакова*
Художник-оформитель *Ю. М. Сизов*
Художественный редактор *Ю. В. Алексеев*
Технический редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 13/VII 1959 г. Подписано к печати 1/IX 1959 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆
Объем: физ. печ. л. 56,75 (в том числе вклейки); условн. печ. л. 56,75; учетно.-изд. л. 57,08.
Тираж 46000. А-06138. Цена 14 р. Заказ № 581.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38-40.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза,
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ,
СОВЕРШЕННЫЕ
ГИТЛЕРОВЦАМИ
НА ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ
СССР, ПОЛЬШИ,
ЮГОСЛАВИИ,
ЧЕХОСЛОВАКИИ
И ГРЕЦИИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОМОЩНИКОМ
ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ СССР
Л. Н. СМИРНОВЫМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ,
СОВЕРШЕННЫЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ,
ЧЕХОСЛОВАКИИ И ГРЕЦИИ»

*[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 25, 26 и 27 февраля 1946 г.]*

Преступления немецких захватчиков вытекали из человеко-ненавистнической сущности фашизма, его стремления к мировому господству путем разбойничьего захвата целых государств на Западе и на Востоке, порабощения и массового истребления людей. Эти преступления были претворением в жизнь каннибальских теорий германского фашизма.

Элементы, образующие понятие «Преступления против человечности», содержатся почти во всех преступных действиях гитлеровцев. О значительной части фактов, подтверждающих совершение немецкими фашистами этих тяжчайших преступлений, было уже доложено Суду при представлении доказательств по разделу о военных преступлениях и преступлениях против мирного населения...

С появлением немецких воинских частей и водружением свастики на зданиях официальных учреждений жители временно оккупированных районов стран Восточной Европы как бы становились по ту сторону жизни. Безжалостная машина фашизма хотела заставить их отрешиться от всего того, что в результате тысячелетий развития стало неотъемлемой частью понятия человечности.

Смерть постоянно витала над ними, но по пути к смерти их заставляли пройти через многие унижительные для человеческого достоинства мучительные стадии, которые в совокупности

и образуют то, что Обвинительное заключение называет преступлениями против человечности.

Их хотели заставить забыть свое имя, надевая на шею бирку с номером или нашивая на рукав одежды условный знак. Их лишали права говорить и читать на родном языке. У них отнимали дом и семью, их пытались лишить родины, насильственно перемещая за многие сотни и тысячи километров. Их лишали права иметь детей. Их повседневно третировали и унижали. Над их чувствами и верованиями глумились и издевались. И, наконец, у них отнимали последнее — жизнь.

Многочисленные акты расследований отмечали не только состояние крайнего физического истощения жертв немецко-фашистских зверств. Они отмечали также состояние тяжелой душевной депрессии у тех людей, которые в силу тех или иных случайностей вырвались из фашистского ада.

Длительное время требовалось для того, чтобы люди, сделавшие жертвами германского фашизма, вновь вернулись к привычному кругу понятий и действий, к гуманным правилам человеческого общежития. Этот момент трудно выразить юридическими формулами, но он, с моей точки зрения, имеет весьма существенное значение для обвинения главных военных преступников.

Я прошу Суд обратиться к докладу Польского правительства, уже представленному Трибуналу под номером СССР-93.

На странице 70 русского текста доклада приведена цитата из показаний Якова Верника — плотника из Варшавы, пробовавшего год в лагере уничтожения Треблинка-2. Официальные немецкие документы называют Треблинку-2 Треблинкой-В. Это — одно и то же. Это было одно из самых страшных мест массового уничтожения людей, созданных германским фашизмом. В моем докладе я представляю уважаемому Суду доказательства, связанные с существованием этого лагеря.

Вот что говорил Верник, давая Польскому правительству свои показания о Треблинке, которые, как он подчеркнул во введении к ним, были единственной целью, ради которой «он продолжает свою жалкую жизнь»:

«Просьпаясь или во сне я вижу ужасные призраки тысяч людей, призывающих к помощи, умоляющих оставить им жизнь и помиловать».

...Я лишился семьи, я сам вел их на смерть, я сам строил смертные камеры, в которых их убили.

...Меня пугает все. Я опасюсь, что виденное мною написано на моем лице. Старая, сломанная жизнь — большая, тяжелая, но я должен нести это бремя и жить, чтобы рассказать миру, какие немецкие преступления и варварства я видел».

Люди, попадающие в Треблинку, становились по ту сторону жизни. Но эта участь постигала не только их. Анализ доказательств, связанных с преступлениями немецких фашистов, неопровержимо свидетельствует о том, что эту же судьбу разделяли не только посланные в специальные лагеря уничтожения, но и все те, которые во временно оккупированных немцами странах Восточной Европы становились жертвами преступников...

Смерть могла прийти совершенно неожиданно вместе с появлением в данной местности очередной зондеркоманды. Смертной казнью грозили за любые действия в специальных актах, получивших у немецко-фашистских захватчиков издевательское название «законов».

Мною и другими представителями советского обвинения уже приведены многочисленные примеры этих террористических законов, распоряжений, приказов немецко-фашистских властей. Я не хочу повторяться. Но все же я прошу у Суда разрешение огласить один из таких документов, ибо он касается всех временно захваченных немцами восточных областей.

Единственным основанием для издания подсудимым Альфредом Розенбергом этого документа явилось то, что временно захваченные области населяли не немцы. Этот документ характерен для доказательства преследования людей по расовым, национальным и политическим мотивам. Я прошу Суд приобщить к материалам дела представляемый мною под номером СССР-395 фотостат приказа, изданного Альфредом Розенбергом 17 февраля 1942 г. в дополнение к уголовным предписаниям, действовавшим в занятых восточных областях:

«§ 1. Смертной казнью, а в менее тяжких случаях — каторгой наказывается тот, кто применит насилие против германской империи или против установленной в занятых восточных областях верховной власти; кто применит насилие против германского подданного или лица немецкой национальности за его принадлежность к немецкой национальности; кто применит насилие против служащего германской армии или вневоинской организации, германской полиции, включая ее вспомогательные силы, учреждений трудовой повинности германских властей или учреждений и организаций НСДАП; кто призывает или побуждает к неподчинению изданному немецкими властями приказу или распоряжению; кто преднамеренно наносит вред мероприятиям германских властей и учреждений или вещам, используемым в работе последних, и общественному благу; кто содействует антинемецким стремлениям или организационно поддерживает объединение, запрещенные германскими властями; кто участвует во враждебной или подстрекательской деятельности обнаруживает антинемецкие взгляды или своим прочим

поведением умаляет или наносит ущерб авторитету или благу германского государства или немецкого народа; кто преднамеренно совершает поджог и тем самым наносит ущерб общегерманским интересам или состоянию германского подданного или лица немецкой национальности...»

Этот приказ Розенберга был лишь одним из звеньев в цепи преступлений руководителей немецкого фашизма, преступлений, направленных на уничтожение славянского народа.

Я перехожу к первому разделу моего доклада, озаглавленному «Уничтожение славянских народов». В этом разделе я покажу, как претворялась в жизнь эта преступная установка гитлеровцев об уничтожении славянских народов. Привожу данные из доклада правительства Югославии:

«Наряду с тысячами югославов, павших в боях, оккупанты уничтожили еще по меньшей мере 1,5—2 миллиона человек, главным образом детей, женщин и стариков. Из 15 миллионов югославского населения до войны за сравнительно короткий период в 4 года уничтожено почти 14 процентов населения».

В докладе правительства Чехословакии приведены доказательства составленного гитлеровскими преступниками плана насильственного переселения всех чехов и заселения Чехословакии немецкими колонистами. В докладе приведено извлечение из показаний Карла Германа Франка, признавшего наличие этого плана и заявившего, что он, Франк, якобы составил меморандум, в котором возражал против подобного плана. Я цитирую извлечение из показаний Карла Германа Франка:

«Я считал этот план бессмысленным, так как, по моему мнению, пустое пространство, созданное благодаря ему, будет серьезно нарушать жизненные функции Чехии и Моравии по различным причинам: геополитическим, транспортным, промышленным и другим, а немедленное заполнение этого пустого пространства нашими немецкими колонистами невозможно».

В Польше режим уничтожения славянского населения осуществлялся различными преступными способами, в числе которых видное место занимали доведение людей до предельного изнурения непосильным трудом и последующее умерщвление их голодом.

Преступники совершенно сознательно шли на умерщвление миллионов людей голодом, о чем свидетельствуют, в частности, выдержки из дневника Ганса Франка.

Вот отрывок из записи о совещании у «губернатора» 7 декабря 1942 г. в Кракове:

«Если будет осуществлен новый продовольственный план, то это означает, что только в Варшаве и ее окрестностях не будут больше получать продовольствия 500 тысяч человек...»

Вот извлечение из записи о правительственном заседании от 24 августа 1942 г.:

«Доктор Франк: При всех тех затруднениях, которые возникают в связи с заболеванием их рабочих или развалом их организаций, вы всегда должны помнить о том, что лучше видеть поверженным поляка, а не немца. То, что мы приговариваем к голодной смерти 1—2 миллиона евреев, само собой понятно. Если евреи не умрут с голоду, то это, вероятно, вызовет ускорение и активизацию мероприятий, направленных против них...»

Привожу третью короткую выдержку из записи от 14 декабря 1942 г. о рабочем совещании политических руководителей трудового фронта генерал-губернаторства:

«Это ставит перед нами следующую проблему: сможем ли мы, уже начиная со 2 февраля, лишить проживающих в этой области 2 миллиона человек негерманской национальности общего снабжения продовольствием».

Во вступительной речи Главный обвинитель от СССР, говоря о преступлениях против человечности, сослался на заметки Мартина Бормана.

Заметки Мартина Бормана были уже предъявлены Суду под номером СССР-172.

В частности, Главный обвинитель от СССР процитировал следующее место:

«Резюмируя, фюрер установил еще раз:

1. Последний немецкий рабочий и последний немецкий крестьянин должен всегда стоять в экономическом отношении выше любого поляка».

Как осуществлялись эти установки Гитлера, которые полностью разделял подсудимый Франк, на территории Польши?

В числе других фашистских институтов, производивших всякого рода лженаучные эксперименты, немецкие преступники создали специальный институт, занимавшийся исследованием хозяйственной жизни. Этот институт издал документ, озаглавленный «Значение польского вопроса для военной промышленности Верхней Силезии».

Подобным «исследованием» фашистский «научный» институт решил заняться для выяснения причин падения производительности труда польских рабочих.

О целях этого «исследования» лучше всего будут свидетельствовать приводимые ниже два очень коротких извлечения из документа под номером СССР-282:

«Исследованию чужда какая бы то ни было гуманная тенденция...»

...Мы поднимаем наш голос не для защиты поляков, а для того, чтобы воспрепятствовать падению военной продукции, которая должна снабжать вермахт».

Приведя две краткие цитаты, характеризующие цель и характер этого «исследования», я цитирую далее отдельные извлечения, показывающие положение поляков-рабочих и практическое осуществление подсудимым Франком приведенных выше указаний Гитлера:

«Сообщения, касающиеся положения польского населения, и мнения о том, какие меры в связи с этим надо считать наиболее целесообразными, расходятся во многом. Однако все мнения согласны в одном пункте, который сводится к краткой формуле: «Поляки голодают». Уже немногие, иногда беглые наблюдения подтверждают эти выводы. Один из информаторов посетил военно-промышленный завод во время обеденного перерыва. Рабочие апатично стоят или сидят, греясь на солнышке, некоторые курят папиросы. Наблюдатель пересчитал 80 человек. Только один из них имеет кусок хлеба на завтрак; у остальных нет с собой никакой еды, хотя рабочий день продолжается 10—12 часов.

Наблюдения, сделанные на заводах, доказывают, что нормы продовольствия, получаемые польскими рабочими, так ничтожны, что им недостает еды, чтобы захватить с собой завтрак на работу. У рабочих нет с собой даже куска хлеба, чтобы позавтракать во время полуденного перерыва на заводе. Если некоторые приносят с собой завтрак, то он состоит из тощего кофе и одного или двух кусков сухого хлеба или сырого картофеля, а в более трудные времена у них не хватает даже этой скудной пищи, и они довольствуются сырой морковью, которую во время работы подогревают на печке...

В связи с этим надо сказать, что при посещении рудников оказалось, что почти у 10 процентов польских рабочих, отправляющихся на смены в копи, не было с собой никакой пищи, а около 50 процентов из них отправлялись на работу под землей, захватив с собой только сухой хлеб или разрезанный на куски сырой картофель, который они подогревают потом на плите».

Институт занялся «научным» подсчетом числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, и сопоставлением их с числом калорий, получаемых немецким населением.

Я не буду приводить обширных извлечений из цитируемого документа и ограничусь лишь короткими итоговыми данными:

«Сравнение числа калорий, получаемых поляками в Верхней Силезии, с числом калорий, отводимых немецкому населению, доказывает, что поляки получают на 24 процента меньше немецких потребителей.

Эта разница возрастает до 26 процентов по продовольственным карточкам, выдаваемым неработающим полякам. Для мо-

лодежи в возрасте от 14 до 20 лет эта разница между долями, отводимыми немцам и полякам, достигает почти 33 процентов.

Все ярче выступает недоедание польских детей в возрасте от 10 до 14 лет в сравнении с тем, что получают немецкие дети. Здесь разница составляет не менее 65 процентов. Об этом свидетельствует уже внешний вид этой молодежи, получающей недостаточное питание. Польские дети моложе 10 лет получают питание на 60 процентов меньше немецких детей. Если врачи сообщают, что продовольственные условия младенцев не так уж благоприятны, то это только мнимое противоречие. Пока мать кормит младенца грудью, он получает все нужное из этого источника. Последствия недостаточного питания отражаются в этом периоде не на ребенке, а исключительно на матери, у которой здоровье и работоспособность падают, как это имело бы место при недостаточном питании...

Из всех категорий потребителей польское юношество по сравнению с немецким находится в самом худшем положении. Разница в получаемых продуктах достигает 60 процентов и даже больше».

Представляют также интерес приведенные в «исследовании» отрывки из доклада представителя немецкого трудового фронта от 10 октября 1941 г. после посещения им одной из угольных шахт в Польше.

«Было установлено, что ежедневно в различных селениях польские шахтеры падают от изнеможения... Ввиду того, что рабочие постоянно жалуются на желудочные боли, были запрошены врачи, которые ответили, что причиной этих заболеваний является недостаточное питание».

Я завершаю это сделанное самими немецкими преступниками, и притом «учеными» преступниками, описание физического состояния польских рабочих короткой цитатой из этого же «исследования»:

«Управления заводов постоянно подчеркивают, что нетрудоспособных, недоедающих людей невозможно больше понуждать к работе только угрозой ссылки в концентрационный лагерь. Все равно должен наступить день, когда ослабевшее тело станет больше неспособным к труду».

В этом же документе содержится не оставляющая возможности для двоякого истолкования характеристика правового положения польских рабочих в период немецкой оккупации Польши. Эта характеристика тем более ценна, что, как уже говорилось выше, авторы «исследования» подчеркивали, что ему «чужда какая бы то ни была гуманная тенденция»...

«Закон не дает лицам, принадлежащим к польской национальности, права требовать чего-нибудь в какой бы то ни было области. Все, что предоставлено полякам, — это добровольный

дар немецких господ. Самое яркое выражение находит это юридическое положение в обездоленности поляков перед законом.

В юридическом отношении поляки не имеют собственных представителей перед судом. Уголовное судопроизводство ведется в отношении их по принципу произвола. Проведение в жизнь законных распоряжений является делом полиции, которая решает дела по собственному усмотрению, а в некоторых случаях может передавать их на рассмотрение суда».

Согласно указу от 26 августа 1942 г. польские рабочие обязаны были наравне с немцами платить взносы на страхование от болезни, несчастных случаев, инвалидности. Эти отчисления из зарплаты польских рабочих были большими, чем отчисления из зарплаты немцев. Однако если рабочий-немец пользовался страховой помощью, то поляк фактически был лишен ее.

В подтверждение этого я приведу два коротких извлечения из того же «исследования»:

«Страхование от несчастных случаев, которым ведают профессиональные союзы, очень ограничено по отношению к полякам. Признание инвалидности имеет место в гораздо более узких границах, чем для немцев. При потере глаза немец считается инвалидом на 30 процентов, поляк — только на 25 процентов. Для выплаты помощи требуется, чтобы поляк потерял 33 процента трудоспособности...

Самым суровым образом ограничены права семей польских рабочих, погибших от несчастных случаев. Вдова только тогда получает пенсию и то в размере 50 процентов пенсии, предусмотренной для немцев, если она имеет на иждивении по крайней мере четырех детей или сама является инвалидом. Ограничение в правах поляков наглядно показывает пример: немецкая вдова, оставшаяся с тремя детьми, получает 80 процентов годичного заработка своего погибшего мужа или при заработке в 2000 марок пенсию в 1600 марок в год. Полячка в таком случае не получила бы ни гроша».

Немецко-фашистские главные военные преступники направляли на территории временно оккупированных ими восточных областей не только солдат и эсэсовцев; следом за ними приезжали специально командированные фашистские «ученые», «консультанты по экономическим вопросам» и всевозможные другие «исследователи». Некоторые из них командировались по линии ведомства Риббентропа, другие посылались Розенбергом.

Я предъявляю под номером СССР-218 донесения представителя министерства иностранных дел при 17-й армии Пфлайдерера, адресованные сотруднику отдела информации министерства иностранных дел фон Рантцау.

Документы были обнаружены частями Красной Армии в имении фон Дирксена, в Верхней Силезии.

На основании знакомства с документами можно заключить, что Пфлайдерер в 1941—1942 гг. совершил поездку по оккупированным областям по маршруту: Ярослав на Украине, Львов, Тернополь, Проскуров, Винница, Умань, Кировоград, Александрия, Кременчуг на Днепре.

Целью поездки, по-видимому, было изучение экономической и политической обстановки в оккупированных областях Украины. О том, что автор этого документа был совершенно «свободен от каких бы то ни было гуманистических тенденций», свидетельствует следующее небольшое извлечение из его донесения, датированного 28 октября 1941 г., где Пфлайдерер пишет:

«Существует крайняя необходимость выжать из страны все соки для обеспечения снабжения Германии».

Но даже при такого рода жестоких и хищнических установках Пфлайдерер был, очевидно, смущен поведением соотечественников и считал необходимым специально привлечь к этому внимание имперского руководства министерства иностранных дел.

Я цитирую донесение Пфлайдерера, озаглавленное «Предпосылки, обеспечивающие снабжение и конфискацию наибольшего количества продовольствия на Украине. Настроение и положение населения в конце октября 1941 года».

«...Настроение населения в большинстве случаев сразу же после оккупации территории нашими войсками значительно ухудшилось. В чем причина этого? Мы выражаем внутреннюю неприязнь, даже ненависть по отношению к этой стране и высокомерие по отношению к ее народу. Третий год войны и необходимость перемещаться в неприветливой стране вызывают ряд затруднений. Но их необходимо преодолевать со стойкостью и самодисциплиной. Мы не должны срывать на населении свое недовольство этой страной... Часто бывали случаи, когда мы поступали не логично и, вследствие ошибок, которых легко можно было избежать, теряли у населения всякую симпатию. Мы расстреливаем в деревнях и населенных пунктах выбившихся из сил пленных и оставляем их трупы на дороге, а эти факты не может понять население... Так как войскам даны широкие полномочия по самоснабжению, то вблизи больших магистралей и городов колхозы в большинстве случаев уже не имеют племенного скота, семян и посевного картофеля (Полтава). Снабжение собственных войск, безусловно, стоит на первом месте. Однако самый характер снабжения нам безразличен. Реквизиция последней курицы с психологической стороны столь же неразумна, как и неразумно с хозяйственной точки зрения убийство опоросшей свиньи и последних телят.

...Население оказалось без руководства. Оно стоит в стороне. Оно чувствует, что мы смотрим на него сверху вниз, что мы

видим саботаж в его темпе работы и методах, что мы совершенно не делаем никаких попыток, чтобы найти путь к нему».

Документ, предъявляемый мною Суду под номером СССР-439, представляет собой политический отчет немецкого профессора доктора Пауля Томсона, написанный им на бланках государственного университета в Познани и снабженный самим автором грифом «не подлежит оглашению».

Этот документ также вводит нас в обстановку полного бесправия и произвола по отношению к местному населению временно оккупированных районов Советского Союза, которую наблюдал профессор на протяжении всей своей поездки по временно оккупированным областям Советского Союза от Минска до Крыма.

Об отсутствии у автора гуманистических тенденций свидетельствует само содержание оглашаемых мною цитат, и если, тем не менее, Пауль Томсон вынес из поездки, как он говорит, «самое тяжелое впечатление», это является лишним доказательством того, насколько бесчеловечен и жесток был режим, насажденный немецкими фашистами...

Я продолжаю цитирование политического отчета профессора Пауля Томсона:

«Хотя здесь, на Востоке, на меня возложены чисто научные задачи, я чувствую себя обязанным присоединить к моему деловому докладу общий политический отчет. Я должен откровенно и честно заявить, что возвращаюсь на родину с самыми тяжелыми впечатлениями.

В этот час, когда решается судьба нашего народа, каждая ошибка может иметь роковые последствия.

С польскими или чешскими вопросами мы можем раздаться, на это хватит биологических сил нашего народа. Такие маленькие национальности, как эстонцы, латыши и литовцы, должны либо приспособиться к нам, либо погибнуть.

Совершенно иначе обстоят дела на колоссальном русском пространстве, которое крайне важно для нас как сырьевая база...

Об экономических мероприятиях, например, о закрытии свободного рынка в Киеве, воспринятом населением как тяжелый удар, я не берусь судить, так как не знаю общей ситуации. Но «унтер-офицерский» тон, избиения и окрики на улице, бессмысленное уничтожение научных учреждений, что все еще имеет место в Днепропетровске, следует прекратить и виновных наказать.

Киев, 19 октября 1942 г. Профессор, доктор *Пауль Томсон*».

Уже хорошо известная Суду теория немецких фашистов о «германизации» гласила, что германизируются не народы, а территории.

Я приведу Суду доказательство подобного рода преступлений гитлеровцев, которые они намеревались совершить в Югославии. Эти преступления не могли быть осуществлены в связи с вспыхнувшим по всей Югославии освободительным движением. Я привожу коротко извлечение из доклада правительства Югославии:

«Немедленно по вступлении германских войск в Словению немцы приступили к осуществлению своего давно задуманного плана германизации «аннексированных» районов Словении. Руководящим нацистским кругам было совершенно ясно, что нельзя успешно провести германизацию в Словении, если предварительно не убрать из нее большую часть национально и социально сознательных элементов; а для того чтобы ослабить сопротивление народных масс, которое они оказывают нацистским властям при проведении германизации, необходимо их численно уменьшить и экономически уничтожить. Германский план предусматривал полное «очищение» отдельных районов Словении от словенцев и заселение их немцами...

Несколько дней спустя после захвата Словении были созданы центральные органы по переселению. Штаб находился в Мариборе (Марбург на Драве) и в Бледи (Вельдес). Одновременно 22 апреля 1941 г. был опубликован закон об укреплении германского народного духа. Первой целью этого закона была конфискация имущества всех лиц и учреждений, «враждебно настроенных по отношению к Германии». К таковым, естественно, причислялись все те, кого по плану должны были изгнать из Словении.

Гитлеровцы приступили к практическому осуществлению этого плана. Они арестовали большое количество лиц, которых намечалось выслать в Сербию и Хорватию. Обращение с арестованными было исключительно жестоким. Все имущество арестованных конфисковывалось в пользу рейха. Было организовано много сборных пунктов, превращенных фактически в концлагеря, в Мариборе, Целье и других местностях».

По поводу обращения с арестованными в этих пунктах в докладе правительства Югославии сказано следующее:

«Интернированных оставляли без пищи, в антисанитарных условиях; обслуживающий персонал лагерей подвергал их телесным и духовным пыткам. Весь персонал лагерей и коменданты были членами СС. Среди них было много немцев из Каринтии и Штирии, которые ненавидели все словенское и вообще югославское».

Характерна следующая фраза: «Особенной жестокостью отличались члены «Союза культуры».

В качестве доказательства преступлений гитлеровцев я представляю Трибуналу под номером СССР-139 (Ю-87) письмо

германской военной комендатуры в Смередово югославскому квислинговцу, некоему комиссару Стефановичу. В письме содержится приказ сообщить о возможности переселения в Сербию большого количества словенцев.

В докладе правительства Югославии сказано, что первоначально германские власти намеревались ввезти в Сербию 260 тысяч словенцев. Однако осуществление этого плана встретило ряд трудностей.

«Но ввиду того, что переселение в Сербию такого большого количества словенцев натолкнулось на большие трудности, вскоре после этого между германскими властями и квислинговцами-устахами из управления в Загребе завязались переговоры по поводу транзита выселяемых словенцев через хорватскую территорию, а также по поводу поселения части словенцев в Хорватии и выселения из нее сербов».

Представляю документ под номером СССР-195 (Ю-88). Это — протокол совещания, проведенного 4 июня 1941 г. в германской миссии в Загребе. На этом совещании председательствовал германский посланник в Загребе обергруппенфюрер СС Зигфрид Таше. Протокол совещания был захвачен в сербском переводе в архиве комиссариата по делам беженцев так называемого «правительства» Милана Недича. В протоколе так обозначена обсуждавшаяся тема: «Выселение словенцев из Германии в Хорватию и Сербию, а также сербов из Хорватии в Сербию». В протоколе дословно говорится следующее:

«Совещание было одобрено имперским министерством иностранных дел в телеграмме за номером 389 от 31 мая. Согласие фюрера на переселение получено в телеграмме номер 344 от 24 мая».

Таким образом, констатируется непосредственная ответственность подсудимого Риббентропа за это преступление против человечности.

Одновременно с этим, как видно из доклада правительства Югославии, был произведен угон значительного количества словенцев в Германию.

«Вскоре после этого началось само переселение. По утрам в деревню приходили грузовики. Солдаты и гестаповцы, вооруженные пулеметами и винтовками, врываются в дома и приказывали жильцам немедленно выходить из жилищ, причем разрешалось брать с собой только то, что каждый мог нести сам. Все эти несчастные люди должны были в несколько минут уйти из дома и оставить там все свое имущество. На грузовиках они были доставлены в монастырь католического ордена траппистов в Рейхенберге. Оттуда отходили эшелоны. Каждый эшелон забирал в Германию от 600 до 1200 человек. Округ Брежице был очищен от населения почти полностью, округ Кршко — на 90 про-

центов. Из обоих округов было угнано 56 тысяч жителей. Из общины Цирковцы и Птуя, сверх того, уведено 4 тысячи человек...

...Их заставляли выполнять самые тяжелые работы и жить в ужаснейших условиях. Вследствие этого среди них была массовая смертность. За малейший проступок к ним применялись самые суровые меры наказания».

Прошу Суд принять в качестве доказательства дополнительный официальный доклад правительства Югославии, представляемый под номером СССР-357.

Подобные же преступления были совершены немецкими захватчиками на территории оккупированной Польши. Я привожу краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики. Этот раздел имеется в пункте «А» и называется «Германизация Польши».

Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространявшейся среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 году. Она содержала изложение принципов немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее: «...В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии. Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степеней, невиданной до сих пор в истории».

Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего Польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чуждого населения и занята немцами, и 2) навязать немецкое руководство с целью предотвращения возможности вспышки на этой территории нового пожара против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь вместе с поляками, а только против них».

Следующий раздел называется «Колонизация Польши немецкими поселенцами».

Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Остдейчер беобахтер» от 7 мая 1941 г. напечатано следующее воззвание: «Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметр земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку».

Таков был план, а факты, имевшие место на практике, были следующими: местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были «очищены» от польских жителей.

Это началось в октябре 1939 года, когда из местности Орлово были выселены все жившие и работавшие там поляки. Потом наступила очередь польского порта Гдыни. В феврале 1940 года около 40 тысяч человек было изгнано из города По-

знани. Их места были заняты 36 тысячами балтийских немцев, семьями военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнезно, Хелм, Постян, Нешив, Иновроцлав и многих других.

Немецкая газета «Гренцейтунг» уведомляла, что в феврале 1940 года весь центр города Лодзи был «очищен» от поляков и предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 года общее число поляков, вывезенных из Лодзи, достигло 150 тысяч.

Приказ о вывозе людей, живущих в этих местностях, сопровождался запрещением брать с собой свою собственность; все предлагалось оставлять. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими пришельцами. В январе 1941 года более 450 тысяч немцев было поселено таким образом.

Я опускаю следующую часть доклада, которую я хотел цитировать, и прошу Суд лишь обратить внимание на раздел «Германизация польских детей». Это короткая цитата, всего два небольших абзаца:

«Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и вывезены в Германию». Сами немцы объяснили цель этой самой жестокой меры в «Кельнише цейтунг»:

«Их будут учить немецкому языку, им будут затем прививать немецкий дух, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

Я перехожу к следующему разделу моего доклада — «Дискриминация советских людей», что было обычным методом гитлеровских преступников.

Предъявляю Суду под номером СССР-415 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии «О преступлениях, совершенных германским правительством и германским верховным командованием над советскими военнопленными в лагере «Ламсдорф». К этому Сообщению приложен ряд подлинных документов немецко-фашистских преступников, документов, изъятых из дел лагеря...

На основании произведенного расследования Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Ламсдорфе, в районе города Оппельн, с 1941 года по март 1945 года существовал немецкий стационарный лагерь № 344. В 1940—1941 гг. в этом лагере содержались польские, а с конца 1941 года в него стали поступать советские, английские и французские военнопленные...

«У военнопленных, — говорится в Сообщении Чрезвычайной Комиссии, — отбирали верхнюю одежду и обувь, и они должны были даже зимой ходить босиком. За время существования лагеря через него прошло не менее 300 тысяч военнопленных, из

них около 200 тысяч советских и 100 тысяч польских, английских, французских, бельгийских и греческих военнопленных.

Наиболее распространенным методом истребления советских военнопленных в Ламсдорфском лагере была продажа заключенных для работы на предприятиях различных германских фирм, где их беспощадно эксплуатировали до полной потери сил и смерти.

В отличие от многочисленных германских «бирж труда», где «уполномоченные» Заукеля продавали угнанных в немецкое рабство советских граждан немецким хозяйчикам «в розницу», в Ламсдорфском лагере была организована «оптовая» продажа предпринимателям военнопленных, сформированных в «рабочие команды». Таких «рабочих команд» в лагере было 1011.

Я совсем не хочу сказать, что режим, созданный немцами в отношении британских, французских или других военнопленных, отличался мягкостью или гуманностью и только советских военнопленных администрация лагеря уничтожала, применяя для этого различные преступные методы. Отнюдь нет. Лагерь в Ламсдорфе по существу преследовал цель уничтожения военнопленных без различия их национальности или гражданства. Однако и в этом «лагере смерти», в этих тяжчайших условиях, созданных для военнопленных всех национальностей, немецкие фашисты, совершая преступления против человечности, верные принципам своих «теорий», создавали особо мучительные условия для советских людей.

Я предъявляю Суду в кратких извлечениях серию документов, изъятых из архива этого лагеря и предъявляемых Трибуналу в подлинниках. Все эти документы указывают на явную дискриминацию советских военнопленных, осуществлявшуюся администрацией лагеря по указаниям имперского правительства и верховного командования вооруженных сил гитлеровской Германии.

Предъявляю под номером СССР-421 «Памятку об использовании труда советских военнопленных», адресованную начальником отдела по делам военнопленных VIII военного округа администрации промышленных предприятий, куда направлялись военнопленные. Относительно обращения с советскими военнопленными в ней имеются следующие указания:

«Русские военнопленные прошли школу большевизма, их нужно рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками. Согласно советским инструкциям они даже в плену должны активно бороться против государства, взявшего их в плен. Поэтому нужно с самого начала обращаться со всеми русскими военнопленными с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод. Полнейшая изоляция военнопленных от гражданского населения как на

работе, так и во время отдыха должна соблюдаться строжайшим образом. Все гражданские лица, пытающиеся каким-либо путем сблизиться с русскими военнопленными, находящимися на работе, беседовать с ними, передавать им деньги, продукты питания и проч., должны, безусловно, задерживаться, допрашиваться и передаваться полиции».

Главный штаб вооруженных сил издал указания об использовании труда советских военнопленных, согласно которым это использование допускалось лишь при условиях, значительно более строгих по сравнению с условиями работы военнопленных других национальностей.

Таким образом, указания об особо жестоком режиме в отношении советских военнопленных, применяемом лишь за то, что они были советскими людьми, не являлись произвольным делом администрации лагеря Ламсдорф. Они были продиктованы главным образом штабом вооруженных сил. Составляя «памятку», администрация лагеря Ламсдорф лишь выполняла прямое приказание верховного командования германских вооруженных сил.

«В противоположность повышенным требованиям, предъявляемым к обеспечению охраны жилых помещений для русских военнопленных, требования к этим помещениям с точки зрения жилищных удобств являются самыми минимальными...»

Размеры продовольственных пайков для находящихся на работе русских военнопленных отличаются от пайков, предоставляемых военнопленным других национальностей; о них будет сообщено дополнительно...»

Такова была «памятка» для промышленников, на предприятия которых в качестве рабов были направлены советские военнопленные.

Я представляю Суду под номером СССР-431 другую «памятку», адресованную уже охране советских военнопленных. Этот документ является приложением к распоряжению главного штаба вооруженных сил.

«В первый раз в этой войне немецкий солдат встречается с противником, обученным не только в военном, но и в политическом отношении, идеалом которого является коммунизм и который видит в национал-социализме своего злейшего врага...»

Даже попавший в плен солдат, каким бы безобидным внешне он ни выглядел, будет использовать всякую возможность для того, чтобы проявить свою ненависть ко всему немецкому. Надо считаться с тем, что военнопленные получили соответствующие указания о поведении в плену...

Поэтому по отношению к ним совершенно необходимы максимальная бдительность, величайшая осторожность и недоверчивость.

Для охранных команд существуют следующие указания:

1. Применение строжайших мер при проявлении малейших признаков сопротивления и непослушания! Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. По военнопленным, пытающимся бежать, немедленно стрелять (без окрика), стараясь в них попасть...

По отношению к трудолюбивым и послушным военнопленным также неуместно проявление мягкости, так как они рассматривают это как проявление слабости и делают из этого соответствующие выводы...

5. Мнимая безобидность большевистских военнопленных никогда не должна приводить к отклонению от вышеприведенных указаний».

Я предъявляю документ под номером СССР-422. Это — отношение начальника снабжения и снаряжения армии от 17 октября 1941 г., разосланное заместителям командующих корпусами и управлениям военных округов:

«Расквартирование советских военнопленных.

На совещании, которое состоялось 19 сентября 1941 г. у начальника снабжения и снаряжения армии, было установлено, что путем постройки многоэтажных нар вместо кроватей в бараках, рассчитанных на 150 военнопленных, можно разместить на постоянное жительство 840 человек согласно чертежу барака для советских военнопленных».

Из документа под номером СССР-433 — приказа по лагерю № 86 от 5 ноября 1943 г. — я цитирую § 12:

«Расстрелы советских военнопленных (судебный офицер).

О расстрелах советских военнопленных и о происходящих с ними несчастных случаях со смертельным исходом впредь не требуется доносить по телефону начальнику по делам военнопленных, как о чрезвычайных происшествиях...»

Верховным командованием вооруженных сил Германии советские военнопленные ставились в условия значительно худшие, чем военнопленные других национальностей.

Представляю директиву верховного командования вооруженных сил Германии, датированную 1 марта 1944 г. (документ СССР-427):

«...Военнопленные, работающие весь день, получают за один полный рабочий день основную плату:

несоветские военнопленные — 0,70 рейхсмарок.

советские военнопленные — 0,35 »

...Минимальная заработная плата составляет в день:

0,20 рейхсмарок для несоветских военнопленных,

0,10 рейхсмарок для советских военнопленных».

Если другие военнопленные получали от немецко-фашистских убийц право на несколько глотков свежего воздуха в день, то советские люди были лишены и этого.

Цитирую § 7 приказа по лагерю № 44, озаглавленный «Прогулки военнопленных» (документ СССР-424):

«В тех особых случаях, когда военнопленные в результате того, что их жилые помещения находятся внутри места работы, не имеют возможности пользоваться свежим воздухом, их можно для сохранения трудоспособности выводить на свежий воздух...»

В приказе по лагерю № 46 (документ СССР-425) пункт 10 тоже озаглавлен «Прогулки военнопленных», причем в качестве основания для этого пункта указан приказ начальника по делам военнопленных № 1259 от 2 июня 1943 г. В приказе № 46 говорится:

«В дополнение к пункту 7 приказа по лагерю № 44 от 8 июня 1943 г. разъясняется, что он не относится к советским военнопленным...»

Далее в документах указывается:

«...Необходимость замены 104 английских военнопленных, работающих в составе рабочей команды военнопленных № Е 351 на бумажной фабрике «Генрихсталь», 160 советскими военнопленными вызвана увеличившейся потребностью этой фабрики в рабочей силе. Пополнение команды английскими военнопленными до необходимой численности — 160 человек — является невозможным, так как после проверки лагеря соответствующими военными властями в течение последних месяцев было установлено, что имеющегося помещения хватает только на 104 английских военнопленных; однако в том же помещении можно без труда разместить 160 русских военнопленных...»

Инструкция № 8 по этому лагерю, датированная 7 мая 1942 г., озаглавлена «Использование на работе советских военнопленных». Из этого документа (СССР-146) цитирую раздел, озаглавленный «Мероприятия по восстановлению полной работоспособности»:

«Почти все без исключения советские военнопленные находятся в состоянии истощения, что не позволяет использовать их в настоящее время для нормальной работы».

Главный штаб германских вооруженных сил специально занимался двумя вопросами: во-первых, вопросом об одеялах для советских военнопленных и, во-вторых, вопросом о том, в каких формах должны проходить похороны умерших безжалостным режимом концентрационных лагерей советских людей. Оба эти вопроса получили разрешение в одном документе. Я представляю его Суду под номером СССР-428. Это — отношение управления VIII военного округа, датированное 28 октября 1941 г.:

«В соответствии с решениями, принятыми на совещании в главном штабе вооруженных сил, сделаны следующие распоряжения:

1. Одеяла:

Советские военнопленные получают бумажные одеяла, которые они должны изготовить сами по типу стеганых одеял, но из бумажной дерюги, заполненной скомканной бумагой или чем-либо подобным. Материал будет предоставлен главным штабом вооруженных сил.

2. Погребение советских военнопленных:

Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов. Гробами разрешается пользоваться только для перевозки. В рабочих командах погребение производится соответствующими местными властями. Расходы по погребению оплачивает соответствующий стационарный лагерь для военнопленных. Раздевание военнопленных осуществляется охраной».

Но не только управление военного округа занималось вопросом о способах погребения советских военнопленных; этим же занималось и министерство внутренних дел, направившее в лагерь срочное письмо, снабженное специальным грифом «Не подлежит опубликованию в прессе, даже в выдержках». Об этом свидетельствует документ под номером СССР-430:

«Следует в целях экономии обращаться в армейские учреждения, например, по поводу перевозки трупов (предоставление автомашин). Для перевозки и погребения не требуется гробов. Тела умерших следует завертывать в бумагу (по возможности пропитанную маслом, смолой или асфальтом) или какой-либо другой подходящий материал. Перевозку и погребение следует производить незаметно. При одновременном поступлении многих трупов следует производить погребение в общей могиле. При этом трупы необходимо укладывать на обычной глубине друг возле друга (но не друг на друга).

В качестве места погребения следует выбирать отдаленную часть кладбища, нельзя допускать украшения могил и совершения похоронных обрядов..

Необходимо расходовать как можно меньше средств».

Таким образом, даже в специальных учреждениях германского фашизма, созданных для уничтожения людей, преступники проводили политику дискриминации по расовым и политическим мотивам.

Практически эта дискриминация могла означать лишь то, что одна часть заключенных в лагере приводилась к неизбежному концу — смерти — быстрее, чем другая часть, но преступники и здесь старались сделать наиболее мучительным конец тех своих жертв, которых с позиции своих человеконенавистнических «теорий» расценивали как «недочеловеков» или считали способными к активному сопротивлению.

Документ под номером СССР-415 — Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о преступлениях в лагере «Ламсдорф» свидетельствует об объеме преступной деятельности гитлеровцев:

«По заключению Специальной комиссии за время существования Ламсдорфского лагеря немцами было замучено более 100 тысяч советских военнопленных. Из них большая часть погибла в шахтах и на предприятиях или при обратной перевозке в лагерь, часть была задавлена в землянках, многие были убиты в пути при эвакуации лагеря, 40 тысяч военнопленных были замучены в самом лагере «Ламсдорф».

Перехожу к разделу «Преследование евреев».

Возведенный в зоологические формы крайний антисемитизм гитлеровских преступников общеизвестен. Я не буду приводить цитат из так называемых «теоретических произведений» главных военных преступников от Гимmlера и Геринга до Папена и Штрейхера, доказывающих это. В странах Восточной Европы антисемитизм гитлеровцев осуществлялся преимущественно в форме физического уничтожения невинных людей.

В свое время американским обвинением уже был предъявлен Суду один из отчетов специальной преступной организации германских фашистов, так называемой «Оперативной группы А». Он был предъявлен под номером Л-180. Наши американские коллеги представили отчет по 15 октября 1941 г. включительно. Советское обвинение располагает другим отчетом этой злодейской организации германских фашистов, охватывающим другой период и являющимся как бы продолжением первого документа, а именно отчетом «Эйнзатцгруппы А» с 10 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.

Представляя фотостат этого отчета под номером СССР-357, прошу разрешения огласить цитаты из главы 3 отчета, озаглавленной «Еврей». Это данные по одной лишь организации, то есть «Эйнзатцгруппе А».

«...Систематическая работа по очищению Востока согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...»

Из подраздела «Эстония»:

«...Экзекуции над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стали постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет...»

Привожу далее короткие извлечения из подраздела «Латвия»:

«...При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев... До октября 1941 года этими особыми командами было подвергнуто экзекуции ровно 30 тысяч евреев...»

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, 9 ноября 1941 г. в Двинске было подвергнуто экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 года в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции безопасности операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 человек, в середине декабря 1941 года в Либаве — над 2350 евреями. В настоящее время в гетто находятся (кроме евреев из Германии) округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек, и Либаве — 300 человек».

Председатель: Скажите, пожалуйста, откуда взяты эти данные? Они содержатся в каком-либо официальном докладе или взяты из немецких источников?

Смирнов: Это данные самих немцев. Этот документ в копии был изъят из архивов гестапо, захваченных в Латвии войсками Красной Армии.

Разрешите мне продолжать, господин председатель?

Председатель: Пожалуйста.

Я цитирую из подраздела «Литва»:

«В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек».

Привожу более подробную цитату из раздела отчета «Эйнзатцгруппы А» в Белоруссии:

«Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области вследствие отсутствия других резервов являются необходимыми. Кроме того, «оперативная группа А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затруднили проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросано по всей территории. Учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...»

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания, как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто в лагерях Белоруссии подходит к концу».

Документ под номером СССР-119 — заверенный Чрезвычайной Государственной Комиссией фотостат подлинного немецкого документа. Это — итоговый отчет командира одной из рот 12-го полицейского полка, производившего массовую акцию по уничтожению евреев города Пинска, загнанных в гетто. 29 и 30 октября 1942 г. злодеи из 12-го полицейского полка уничтожили в Пинске 26 200 евреев. Вот как описывает командир роты Зауэр это совершенное немцами преступление:

«Оцепление было назначено на 4 ч. 30 м., и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.

Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00 часов. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах. С помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора. Когда остальные евреи увидели, в чем дело, то они примкнули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку из-за громадного, неожиданного скопления народа провести не удалось.

В первый день прочесывания рассчитывали только на 1—2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 часов и прошло без происшествий. В первый день было казнено около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано второй раз, 31 октября — в третий и 1 ноября — в четвертый раз.

В общем к месту сбора было пригнано около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1200 евреев...

Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак (в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака «Аста»), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно же выходят оттуда...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя».

Пример полицейского полка, о роте которого я только что доложил, характерен для уничтожения евреев, загнанных

в гетто, но немецко-фашистские захватчики не всегда прибегали к этому приему, предшествовавшему уничтожению мирного еврейского населения. Одним из таких же преступных приемов был сбор евреев данной местности под предлогом переселения в другую местность. Затем собранные таким образом в одно место евреи расстреливались. Я предъявляю Суду подлинное объявление, свидетельствующее о такого рода расстрелах в Кисловодске. Это объявление было расклеено немецкой комендатурой Кисловодска.

«Всем евреям. С целью заселения малонаселенных районов Украины все евреи, проживающие в городе Кисловодске, и те евреи, которые не имеют постоянного местожительства, обязаны в среду, 9 сентября 1942 г., в 5 часов утра по берлинскому времени (в 6 часов по московскому времени) явиться на товарную станцию города Кисловодска. Эшелон отходит в 6 часов утра (в 7 часов по московскому времени). Каждому еврею взять багаж весом не более 20 килограммов, включая продовольственный минимум на два дня.

Дальнейшее питание будет обеспечено на станциях германскими властями.

Переселению подлежат и те евреи, которые приняли крещение».

Для того чтобы уяснить, что случилось с еврейским населением Кисловодска (то же происходило и во многих других городах), я прошу Суд обратиться к документу под номером СССР-1 — Сообщению Чрезвычайной Государственной Комиссии по Ставропольскому краю. Там сказано, что собравшиеся на станции Кисловодск 2 тысячи евреев были отправлены на станцию Минеральные Воды и там расстреляны в противотанковом рву, в двух с половиной километрах от города. Там же были расстреляны тысячи евреев с их семьями, вывезенные из городов Эссентуки и Пятигорск.

Для того чтобы показать объемы преступного уничтожения мирного еврейского населения в странах Восточной Европы, я обращаюсь к содержанию докладов правительств соответствующих стран Восточной Европы, представленных Трибуналу.

Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 году определял количество евреев в 3 миллиона 115 тысяч. По неофициальным данным, собранным в 1939 году, в Польше было 3,5 миллиона евреев. После освобождения Польши в ней насчитывалось менее 100 тысяч евреев, и 200 тысяч польских евреев до сих пор находится в СССР. Таким образом, в Польше погибло 3 миллиона евреев.

В Чехословакии насчитывалось 118 тысяч евреев. В настоящее время во всей стране насчитывается только 6 тысяч евреев. Из общего числа 15 тысяч еврейских детей вернулось только 28.

Из 75 тысяч югославских евреев и около 5 тысяч евреев — эмигрантов из других стран, находившихся во время наступления в Югославии, то есть из общего числа 80 тысяч евреев, после оккупации осталось в живых только 10 тысяч человек.

Господин председатель, разрешите мне несколько видоизменить построение доклада и перейти к тому разделу моего доклада, который озаглавлен «Эксперименты над живыми людьми».

Документ американского обвинения под номером ПС-400. Он касается опытов доктора Рашера:

«Проще было бы, если бы я был переведен в части СС и смог бы поехать с племянником в Аушвиц, где бы я мог более быстро на ряде опытов разрешить вопрос отогревания обмороженных, происшедших на суше...

Для таких опытов Аушвиц во всех отношениях более приспособлен, чем Дахау, поскольку там более холодно и территория больше. Кроме того, это будет меньше привлекать к себе внимание (испытываемые кричат, когда замерзают).

Если уважаемый рейхсфюрер в наших интересах ускорит важные для армии опыты в Аушвице (Люблине или в каком-либо другом лагере на Востоке), то я вас покорнейше прошу дать мне в ближайшее время приказание, чтобы я еще смог использовать последние зимние холода.

С приветом и благодарностью. Хайль Гитлер! Всегда преданный вам С. Рашер».

Это тяготение доктора Рашера к лагерю Аушвиц (я напоминаю Суду, что Аушвиц — это центральное отделение лагеря вокруг города Освенцима), конечно, не было случайным. Именно в Освенциме были развернуты опыты, значительно превышающие масштабы опытов в Дахау и других концлагерях империи. Там проводились весьма жестокие эксперименты над людьми.

К материалам дела уже приобщено под номером СССР-8 Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме.

«В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдения; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ».

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наибольшим развитием в лагере пользовались опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин. Для производства опытов по наиболее эффектив-

ным приемам стерилизации и кастрации были выделены специальные массовые блоки лагеря.

«В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10 блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии матки...

...В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования».

Для доказательства объема опытов оглашаю краткие извлечения из показаний голландского подданного Де-Винда. Они содержатся в документе под номером СССР-52. Повторяю, что эти цифры касаются только одного блока, блока № 10. Вот кто содержался в этом блоке: «50 женщин разных национальностей, прибывших в марте 1943 года; 100 гречанок, прибывших в марте 1943 года; 110 бельгиек, прибывших в апреле 1943 года; 50 французенок, прибывших в июле 1943 года; 40 голландских женщин, прибывших в августе 1943 года; 100 голландских женщин, прибывших 15 сентября 1943 г.; 100 голландских женщин, прибывших неделей позднее, и 12 полячек»...

Давая показания о профессоре Шумане, Де-Винд далее продолжает: «Таким опытам были подвергнуты 15 девушек от 17 до 18 лет, между прочим: Шимми Белла из города Салоники (Греция), Буэня Дора из города Салоники (Греция). Из 15 девушек остались в живых лишь несколько. Они находятся, к сожалению, во власти немцев, вследствие чего об этих зверских опытах у нас нет объективных данных. Несомненно следующее. Девушек ставили между двумя плитами с ультракоротковолновым полем, один электрод ставили на живот, а другой помещали на ягодицах. Фокус лучей направлялся на яичники, вследствие чего яичники сгорали. Вследствие неправильной дозировки на животе и ягодицах появлялись серьезные ожоги. Одна девушка от таких страшных поражений умерла; других девушек отправили в Биркенау в санчасть или в рабочие группы.

Через месяц они вернулись в Освенцим. В Освенциме им сделали две контрольные операции: один разрез в длину, другой поперек, причем удалили половые органы для исследования их состояния. Девушки совершенно изменились внешне вследствие выпадения гормональных проявлений и походили на старух».

Опыты по стерилизации женщин и кастрации мужчин производились в Освенциме в массовом масштабе начиная с 1942 года; при этом через определенный период после стерилизации мужчины кастрировались для специального исследования тканей.

Подтверждение этому мы находим в Сообщении Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму, где, в частности, приведены многочисленные показания отдельных узников лагеря, подвергшихся этим операциям.

Подвергшийся экспериментам Валигура сообщил: «...Спустя несколько дней после того как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из города Салоники (Греция) дал следующие показания: «...Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас раздели и подвергли стерилизации рентгеновскими лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, где всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Мне кажется, не случайно, что опыты над людьми начались именно стерилизацией и кастрацией. Это было естественным продолжением «теоретических» установок немецкого фашизма о прекращении деторождения у народов, которых они считали покоренными. Это было частью гитлеровской «техники обезлюдивания», и в подтверждение этого я хотел бы привести очень короткую цитату из книги Раушнинга «Голос разрушения».

Гитлер говорил Раушнингу: «Под словом «уничтожить» я не имею в виду непременно истребление этих людей. Я просто приму меры к систематической приостановке естественного прироста этого населения.

...Существует немало путей, при помощи которых можно систематически, сравнительно безболезненно и уже во всяком случае без кровопролития добиться вымирания нежелательных для нас народов».

Стерилизация и кастрация широко вошли в преступную практику гитлеровцев в оккупированных ими странах Восточной Европы.

Я прошу у Суда разрешения привлечь его внимание к документу под номером СССР-400. Это два очень коротких немец-

ких документа, фотостаты которых заверены Государственной Чрезвычайной Комиссией. Речь идет об отношениях начальника отделения полиции безопасности лейтенанта Франка об условиях, при которых некая цыганка Люция Страздынш имеет право жить в городе Либава.

«Отделение полиции безопасности города Либава. 10 декабря 1941 г.

Бургомистру города Либава.

Решено, что цыганка Люция Страздынш имеет право здесь жить только в том случае, если она подвергнется стерилизации.

Объявить ей об этом и доложить о результатах.

Франк — лейтенант полиции безопасности и начальник отделения полиции безопасности».

Второй документ — это отношение бургомистра города Либава начальнику отделения полиции безопасности. Оглашаю текст:

«Пересылая обратно ваше отношение от 10 декабря 1941 г. о стерилизации цыганки Люции Страздынш, сообщаю, что упомянутая особа 9 января с. г. стерилизована в местной больнице».

Для доказательства объема опытов над живыми людьми, производившихся в Освенциме, я прошу уважаемых судей обратиться к содержанию Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по Освенциму. Здесь сказано о том, что в делах лагеря было обнаружено статистическое обозрение коменданта лагеря. Оно подписано заместителем коменданта лагеря Селла. В нем имеется графа «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится: «Подопытных женщин» на 15 мая 1944 г. — 400 человек, на 5 июня — 413 человек, на 19 июня — 348 человек и т. д.

Я позволю себе процитировать заключение судебно-медицинской экспертизы, извлечение из которого содержится в том же Сообщении.

Здесь указано, что в Освенциме производилось изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показанию немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер и химик Гебель специально закупили у администрации лагеря 150 женщин.

В лагере производились также опыты над мужчинами для установления действия раздражающих химических веществ на кожу голени с целью искусственно вызывать язвы и флегмоны. Производился и ряд других опытов, таких, как искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Я хотел бы привлечь внимание Суда к другим преступлениям, совершенным немецкими медиками, а именно к уничтожению больных в психиатрических больницах.

Цитирую абзац из Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии по городу Киеву:

«14 октября 1941 г. в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды, а затем расстреляли в овраге Кирилловской рощи. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 г.»

В последующем тексте Сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии указывается на проверенное и подтвержденное расследованием заявление профессора Копыстынского, врача Дзевалтовской и медицинской сестры Троепольской. Я представляю под номером СССР-249 фотостат этого заявления. Привожу некоторые извлечения из этого документа:

«Во время немецкой оккупации города Киева Киевской психиатрической больнице пришлось пережить трагические дни, закончившиеся полным разгромом и уничтожением больницы. Произошло небывалое в истории насилие над несчастными душевнобольными.

В течение 1941—1942 гг. было уничтожено 800 больных.

7 января 1942 г. прибыло в больницу гестапо. Везде на территории больницы были расставлены часовые. Вход и выход из больницы был запрещен. Представитель гестапо потребовал отобрать хронических больных для отправки в Житомир.

Что ожидало больных, тщательно скрывалось от медперсонала. Затем в больницу прибыли машины. В эти машины начали вталкивать больных, приблизительно по 60—70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных. Сознательные больные вскоре узнали истину. Наблюдались душераздирающие картины. Так, молодая девушка, больная Я., несмотря на все усилия врача, поняла, что ее ожидает смерть, вышла из палаты, обняла врача и тихо спросила: «Это конец?» Бледная, как смерть, направилась к карете и, отказавшись от помощи, вошла в нее. Весь персонал был предупрежден, что какая-либо критика и выражение недовольствия совершенно недопустимы и будут рассматриваться как саботаж...

Характерна подробность, что это беспримерное по гнусности убийство происходило в день рождества, когда немецким солдатам раздавались елки и на пряжках поясов исполнителей красовалась надпись «С нами бог».

Я прошу Суд принять в качестве доказательства фотостаты трех немецких документов, заверенных Чрезвычайной Комиссией, которые свидетельствуют о том, что для оформления убийства душевнобольных немецкими фашистами были выработаны специальные стандартные формы документов. Представляю эти документы. Первый из них — под номером СССР-397:

«Бюро гражданских записей города Рига.

Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29 января 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Второй документ представляется под номером СССР-410. Это — отношение командующего полицией безопасности и СД Латвии за номером 357-42, датированное 28 мая 1942 г.:

«Настоящим удостоверяю, что поименованные в прилагаемом списке 243 неизлечимых душевнобольных умерли 14 апреля 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Третий документ представляю под номером СССР-398. Это — отношение начальника полиции безопасности и СД Латвии, датированное 15 марта 1943 г. Оглашаю один абзац из текста этого документа:

«Настоящим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 98 неизлечимых душевнобольных умерли 22 октября 1942 г.

Кирсте — штурмбаннфюрер СС».

Представляю документ под номером СССР-406 — материалы об эксперименте в другом лагере, в Равенсбрюке. Это — материал исследования Польской комиссии по расследованию преступлений. Здесь очень характерные снимки. Я воздерживаюсь от их комментирования...

Мне хотелось бы доложить Суду также очень короткое извлечение из документа, являющегося приложением к докладу Польского правительства. Я говорю о данных под присягой показаниях польского следователя — судьи Лукашевича, запись которых мною представлена Суду. Я оглашу только то место, где он определяет объем злодеяний. Количество умерщвленных в Треблинке польский следователь исчисляет в 781 тысячу человек¹. При этом он отмечает, что допрошенные им свидетели показали, что при сортировке одежды заключенных они видели даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета.

¹ Материалы расследования, произведенного советской военной прокуратурой, свидетельствуют о том, что количество жертв, умерщвленных в Треблинке, примерно в три раза больше названного Лукашевичем. — Составители.

Таким образом, жертвы Трешлинки свозились со всех сторон Европы.

Я хочу привести далее в качестве доказательства данные о другом пункте тайного уничтожения людей, содержащиеся в показаниях Владислава Бенгажа, окружного судебного следователя в городе Лодзи. Показания Бенгажа были даны перед Главной комиссией по расследованию немецких преступлений в Польше. Они являются официальным приложением к докладу Польского правительства.

«...В деревне Хелмно находился необитаемый окруженный старым парком особняк — собственность государства. Вблизи... сосновый лес. В нем находятся початки молодой рощи с густыми, непроходимыми зарослями. В этом именно месте немцы устроили лагерь истребления. Парк был огорожен высоким деревянным забором, так что нельзя было видеть, что происходило в парке и в самом особняке. Население деревни Хелмно было изгнано...

Организация истребления людей была настолько хитро обдумана и выполнена, что следующий транспорт до последней минуты был не в состоянии угадать, какова была судьба людей предшествующей группы. Отправление всего транспорта (1—2 тысячи человек) из деревни Завадки в лагерь уничтожения и истребление прибывших продолжалось до 14 часов дня.

Нагруженные евреями автомашины, прибывшие в лагерь, останавливались перед особняком. К прибывшим обращался с речью представитель «зондеркоманды». Он убеждал их в том, что они едут работать на Восток. Обещал справедливое к ним отношение властей и достаточное питание, объявлял одновременно, что перед отъездом они будут купаться, а одежда их будет дезинфицироваться.

Со двора евреев провожали в теплый зал, находящийся во втором этаже особняка. Там они раздевались и только в белье опускались вниз, проходили через коридор, на стенах которого были вывески: «К врачу», «В купальню». Стрелка у надписи «В купальню» вела к проходным дверям. Выходящим из коридора во двор евреям немцы объявляли, что в купальню поедут на крытой автомашине. На самом деле вблизи выхода из коридора большая автомашина с дверью в задней стене была так установлена, что выходящие из особняка евреи попадали прямо на лестницу, ведущую внутрь автомашины. Погрузка евреев в автомашину происходила очень быстро. В коридоре и у автомашины находились жандармы. Криками и ударами они заставляли евреев быстро заходить в автомашину, делая невозможным проявление какого-нибудь защитного рефлекса. После того как все евреи входили внутрь автомашины, двери тщательно за-

пирались, шофер включал мотор, и с того момента начиналось отравление газом находящихся внутри».

Я полагаю, что нет надобности приводить ту часть сообщения, которая удостоверяет, что эта машина была хорошо известной Суду «душегубкой».

«Итак, наименьшее число уничтоженных в Хелмно мужчин, женщин и детей, от новорожденных до глубоких стариков, надо принять равным 340 тысячам».

Я считаю возможным на этом закончить раздел моего доклада, посвященный тайным пунктам уничтожения людей. Перехожу к разделу о преследовании по религиозным мотивам.

Как в Советском Союзе, так и во временно оккупированных странах Восточной Европы немецко-фашистские преступники опозорили себя глумлением над религиозными чувствами и верованиями народов, преследованием и убийствами священнослужителей.

Как видно из Чехословацкого правительственного доклада, «самый тяжелый удар был нанесен чешской православной церкви. Православным приходам в Чехословакии берлинским министерством по церковным делам было приказано выйти из подчинения белградской и константинопольской епархий и подчиниться берлинскому епископу. Чешский епископ Горазд был казнен вместе с двумя православными священниками. По особому распоряжению протектора Далюге от сентября 1942 года православная церковь сербской и константинопольской юрисдикции в чешских землях была уничтожена. Ее религиозная деятельность была запрещена, а имущество конфисковано...»

Чехословацкая национальная церковь подвергалась гонениям немецких фашистов, как сказано в докладе, «из-за одного только названия, из-за гуситских симпатий, демократической конституции и из-за связи с созданием Чехословацкой Республики». Чехословацкая церковь в Словакии была совершенно запрещена, и ее имущество было конфисковано немцами в 1940 году.

Серьезным преследованиям подвергалась протестантская церковь в Чехословакии:

«Протестантские церкви лишены свободы проповедывать евангелие. Немецкая тайная полиция зорко наблюдала за тем, чтобы духовенство соблюдало наложенные на него ограничения. Нацистская цензура доходила до того, что запрещала петь духовные песни, прославляющие бога за освобождение народа от власти неприятеля. Некоторые отрывки библии были запрещены для общественного чтения. Нацисты противились тому, чтобы некоторые христианские доктрины, а именно те, которые говорили о равенстве всех людей перед богом, о всемирном

характере христовой церкви, о еврейском происхождении евангелия и т. д., провозглашались открыто. Ссылки на Гуса, Жижку, гуситов и их достижения, так же как на Масарика и его легию, были строго воспрещены. Даже религиозные хрестоматии были изъяты. Церковные руководители были особенно преследуемы. Множество священников были брошены в концлагеря, между ними находился также генеральный секретарь студенческого христианского движения в Чехословакии. Один из товарищей председателя был казнен».

В докладе Чехословацкого правительства содержатся сведения о преследовании католической церкви в Чехословакии:

«На территориях, отданных Германии после Мюнхена, целый ряд священников чешского происхождения были ограблены и выгнаны. Паломничество к национальным святыням было запрещено в 1939 году. В начале войны 437 католических священников находились между тысячами чешских патриотов, арестованных и посланных в концлагеря в качестве заложников. Почтенные церковные служители были брошены в концлагеря Германии. Было обычным явлением видеть на дороге около концлагерей оборванного священника, измученного, запряженного в телегу, а за ним юношу в форме СС с кнутом в руке».

Жестоким преследованиям подвергались верующие и духовенство Польши. Я цитирую краткие извлечения из доклада правительства Польской Республики:

«До января 1941 года около 700 священников были убиты. 3 тысячи были в тюрьме или в концлагерях».

Преследования духовенства начались немедленно после захвата гитлеровцами территории Польши. В докладе Польского правительства по этому поводу сказано:

«...На следующий день после захвата Варшавы немцы арестовали 330 священников.

...В Кракове арестованы были ближайшие сотрудники архиепископа и сосланы в Германию.

...Каноник Чаплицкий 75 лет и его заместитель были казнены в ноябре 1939 года...»

В докладе Польского правительства приведены следующие слова кардинала Глонда:

«Духовенство преследуется самым сильным образом. Те, которым разрешено остаться, подвержены многочисленным унижениям, парализованы в исполнении своих духовных обязанностей и лишены своих приходских доходов и всех своих прав. Они зависят от милости гестапо...»

На территории Советского Союза преследования религии и духовенства проходили в формах кощунственного осквернения храмов, разрушения святынь, связанных с патриотическим движением русского народа, убийств священников.

Разрешите мне сказать несколько слов в заключение моего доклада.

Господа судьи! В ноте от 6 ноября 1942 г. Народный комиссар иностранных дел СССР говорил о том, что Советское правительство считает своим долгом довести до сведения «всего цивилизованного человечества, всех честных людей во всем мире» о чудовищных преступлениях гитлеровских бандитов.

Миллионы честных людей в боях величайшей в истории человечества войны добились победы над фашистской Германией.

Волею миллионов честных людей был создан этот Международный Военный Трибунал для суда над главными военными преступниками. И каждый из представителей обвинения чувствовал за собой незримую поддержку миллионов честных людей, от имени которых он обвинял главарей преступного фашистского заговора.

Мне выпала честь завершить представление доказательств советского обвинения.

Я знаю, что в этот момент миллионы граждан моей Родины и вместе с ними миллионы честных людей во всех странах мира ждут скорого и справедливого приговора Суда.

Документ СССР-9

О РАЗРУШЕНИЯХ И ЗВЕРСТВАХ, СОВЕРШЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОРОДЕ КИЕВЕ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩНИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА
ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ,
ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

Немецкие захватчики, вступив на территорию Украины, прежде всего приступили к разграблению народного достояния и имущества мирных жителей.

Гитлеровский ставленник на Украине — рейхскомиссар Эрих Кох писал: «Речь идет прежде всего о том, чтобы поддержать и обеспечить для немецкого военного хозяйства и немецкого командования чрезвычайно большие источники сырья и пищевых продуктов этой страны для того, чтобы Германия и Европа могли вести войну любой продолжительности».

Для проведения этих грабительских планов немцы пытались установить рабско-крепостнический режим на Украине.

В секретном циркуляре командующего германскими тыловыми войсками на Украине генерала авиации Китцингера от 18 июля 1942 года за № 1571/564/42 подчеркивалось: «Украинец был и останется для нас чуждым. Каждое простое, доверчивое проявление интереса к украинцам и их культурному существованию идет во вред и ослабляет те существенные черты, которым Германия обязана своей мощью и величием».

В Киеве орудовала шайка кровавых фашистских бандитов. Эту шайку возглавляли генерал-комиссар Магуня, комендант города генерал Эбергардт, высший руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбаннфюрер Эрлингер, штатскомиссар СА — бригаденфюрер Квитцрау. Под руководством этих бандитов наряду с грабежами, разрушениями и систематическим истреблением населения Киева проводилась политика онемечивания украинского народа. Украинская культура всячески подавлялась и уничтожалась, советские люди обрекались на голод и смерть. На стенах

многочисленных магазинов, ресторанов появились вывески: «Только для немцев». Украинский оперный театр имени Шевченко, стадион и другие общественные учреждения были объявлены доступными только для немцев. Приказом за № 184 от 6 августа 1942 года комендант города, генерал-майор Ремер запретил немцам приглашать «туземцев» (украинцев) на стадионы и в рестораны. Историческое место Киева — Аскольдову могилу оккупанты превратили в немецкое кладбище.

РАЗРУШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА И КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРОДА И ОГРАБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Немецкие оккупанты в городе Киеве разграбили и вывезли в Германию оборудование промышленных предприятий, а здания взорвали и сожгли. Гитлеровцы разрушили машиностроительные и металлообрабатывающие заводы «Большевик», «Красный экскаватор», которые снабжали промышленность, транспорт и сельское хозяйство машинами, инвентарем и запасными частями; взорвали, сожгли и разрушили все путевое хозяйство крупнейшего железнодорожного узла Киев — Дарница: все станционные здания, депо на станции Киев 1-й, паровозо-вагоноремонтный завод; они взорвали железнодорожные мосты через Днепр и железнодорожные виадуки в городе; взорвали и сожгли построенные за годы Советской власти крупные фабрики: текстильные, прядильно-трикотажную, швейную им. Горького, первую, четвертую, восьмую обувные и другие.

Фашисты взорвали, сожгли и разрушили электростанции и электросеть, трамвайный и троллейбусный парки, водопровод и канализацию, а также хлебозаводы и другие предприятия, лишив население крупнейшего города воды, хлеба, отопления, освещения и средств передвижения.

Немецко-фашистские варвары за время своего хозяйничанья в Киеве взрывами и поджогами совершенно уничтожили главную улицу — Крещатик, а также лучшие здания на прилегающих улицах: Прорезной, Институтской, Большой Васильковской. Они разрушили 940 зданий государственных и общественных учреждений с площадью около 1 млн. кв. метров, в том числе здания Верховного Совета УССР, Главного почтамта, гостиницы «Континенталь» и др.; 1742 коммунальных дома с жилой площадью более 1 млн. кв. метров, 3600 домов частных владельцев с жилой площадью около 500 тыс. кв. метров. В результате этих злодеяний больше 200 тысяч жителей Киева лишились крова.

6 октября 1942 года СС оберштурмбаннфюрер Шпацель опубликовал распоряжение: «12 августа 1942 года имперский руководитель дал указание, на основании которого все золото, серебро и другие благородные металлы и все ценные вещи без

исключения должны быть изъяты и направлены обергруппен-фюреру Полю».

Гитлеровцы объявляли целые районы города «боевой зоной». Насильственное переселение жителей из этой «зоны» было лишь поводом для разнузданного грабежа.

«Изгнание жителей из «боевых зон», — сообщил наместник Киево-Печерской лавры архимандрит Валерий, — сопровождалось избиением. Вышвыривали из квартир стариков и старух, не могущих ходить... Имущество изгнанных жильцов было разграблено. Мы видели эти злодеяния, ужасались и не могли понять, в чем их смысл, какая их цель. Но видя, трудно было поверить, на что способны гитлеровские изверги. Но мы видели все это своими глазами, пережили и уже не забудем никогда».

Заводы и фабрики почти не работали, культурные и научные учреждения были разгромлены. Многих деятелей науки немцы под угрозой угона в Германию заставляли работать сторожами, кассирами. Профессор математики Круковский работал кассиром на водной станции, доцент химии Страшкевич — заведующим прачечной, доцент Печук — сторожем.

Насильственный угон мирного населения на каторгу в Германию принял самые широкие размеры.

Комендант Киева генерал-майор Ремер после многократного насильственного угона советских людей в немецкое рабство вновь писал 9 октября 1942 года:

«Город Киев обязан в ближайшие дни вновь предоставить для Германии минимум 7000 рабочих. Командиры частей и руководители учреждений уже сейчас должны составить списки, каких рабочих (девушек и бездетных женщин) в возрасте от 16 до 45 лет они могут отпустить. Серьезность положения с рабочими на родине требует, чтобы все учреждения и т. д. ограничились небольшим количеством туземных рабочих».

Фашистские рабовладельцы угнали сотни тысяч советских граждан на немецкую каторгу. «Благодаря труду немецких руководителей, — писал рейхскомиссар Украины Эрих Кох, — нам удалось послать сотни тысяч украинских рабочих для работы в Германию и, прежде всего, на предприятия военной промышленности».

Два года немецко-фашистской оккупации были полны сплошными издевательствами над человеческим достоинством советских людей; это было время голода и разорения, время полного бесправия и беззащитности.

РАЗРУШЕНИЕ И РАЗГРАБЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ГОРОДА КИЕВА

Гитлеровцы с первых же дней вторжения на Украину приступили к планомерному уничтожению школ, высших учебных

заведений, музеев, библиотек, клубов, театров, больниц и детских садов.

В Киеве до вторжения немцев было 150 средних и начальных школ. Из них 77 школ оккупанты заняли под казармы, 9 — приспособили под склады и мастерские, в двух разместили воинские штабы и 8 школ использовали под конюшни. При отступлении из Киева немецкие варвары разрушили 140 школ.

Фашисты закрыли все детские сады, имущество их разграбили, часть зданий использовали под квартиры. Детские сады №№ 14, 107 и 217 приспособили под конюшни, 27 детских садов сожгли и 51 детский сад разрушили. Они разрушили также 13 детских домов, 4 дворца культуры, дом учителя, клуб профсоюза политпросветработников.

Немецкие оккупанты расхитили из книжных фондов киевских библиотек свыше четырех миллионов книг. Из одной только библиотеки Академии наук УССР гитлеровцы вывезли в Германию более 320 тысяч различных ценных и уникальных книг, журналов и рукописей. Старший лейтенант Шмиц и доктор Паульсен, служившие в частях СС, вывезли в Германию из университетской библиотеки карты, атласы, книги по географии, статистике и экономике.

5 сентября 1943 года немцы сожгли и взорвали один из старейших центров Украинской культуры — Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко, основанный в 1834 году и построенный по проекту архитектора Беретти-старшего. В огне погибли величайшие культурные ценности, служившие на протяжении столетий основой научно-учебной работы университета; погибли материалы исторического архива древних актов, представляющих исключительную ценность; погибла библиотека с фондом свыше 1300 тысяч книг; зоологический музей университета, имевший свыше 2 миллионов экземпляров экспонатов, и целый ряд других музеев, как, например, зоо-анатомический, анатомический, ботанический, общей биологии, минералогии, палеонтологии, петрографии; погибли 20 университетских лабораторий, 18 специальных кабинетов и мастерских. В сентябре 1943 года немецкий руководитель архивного дела — доктор Винтер вывез в Каменец-Подольск самые древние документы, хранившиеся в библиотеке университета.

Немецкие оккупанты разрушили также и другие высшие учебные заведения Киева: индустриальный, лесохозяйственный, педагогический им. Горького и другие институты.

За время оккупации города фашистские варвары разрушили, сожгли и разграбили большинство медицинских учреждений. Они сожгли коклюшную больницу, детскую инфекционную больницу на Кловском спуске, больницы в Дарнице и Слободке; разрушили детскую больницу на Дегтяревской улице; взорвали и

разрушили 3 родильных дома, 4 женские и детские консультации, молочную кухню, 17 детских яслей, 4 поликлиники; разграбили имущество Железнодорожной, Октябрьской и других больниц. Все эти разрушения и грабежи произведены при непосредственном участии руководителя здравоохранения при генерал-комиссарате города Киева доктора Гросскопфа.

Фашистские варвары сожгли в Киеве здание драматического театра Красной Армии на 1000 мест, театральный институт, консерваторию, в которой сгорели инструменты, богатейшая библиотека и все оборудование; взорвали прекрасное здание цирка на 2500 мест; сожгли со всем оборудованием Театр юного зрителя имени М. Горького; уничтожили Еврейский театр. По распоряжению интенданта Брюкнера разграблены все склады и костюмерная театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко.

Немецко-фашистские оккупанты под руководством доктора Винтера, его заместителя доктора Бенцинга, доктора Розкампа и художника Клейна разрушили музеи и вывезли в Германию все находившиеся в них экспонаты.

В музее западноевропейского и восточного искусств осталось лишь несколько больших полотен, которые грабители не успели снять с высоких стен лестничной клетки. Из музея русского искусства гитлеровцы вместе со всеми экспонатами вывезли ценнейшую коллекцию русских икон. Они разграбили музей украинского искусства: из 41 тысячи экспонатов отдела народного искусства этого музея осталось только 1900. Гитлеровцы вывезли из Киева украинскую посуду XVIII, XIX и начала XX столетий, в том числе образцы работ крупнейших мастеров: Ф. Лавренюка, А. Гончара с Подолии, И. Панасюка и других. Они вывезли изразцы работы гончара Бахметюка, разграбили богатейшую коллекцию вышивок XVIII, XIX и XX столетий, вывезли коллекцию народной одежды и богатейшую коллекцию писанок, вывезли 11 420 предметов из художественно-промышленного отдела, в том числе коллекцию фаянса Киево-Межигорской фабрики 1780—1798 гг., 5384 предмета живописи, графики, скульптуры художников А. Мурашко, Н. Мурашко, Бурачека, Пимоненко, Яровского, Святославского, Светлицкого, Жемчужникова, Ижакевича, Левченко, Яремича и др. Ценную музейную мебель немцы вывезли в Германию. Доктор Ласке, «работавший» в архивном управлении, вывез, например, гарнитур красного дерева первой половины XIX века, обитый французским гобеленом; доктор Винтер вывез из музея золоченые стулья, обитые серебряной парчой с вышивкой.

Гитлеровцы разграбили музей имени Т. Г. Шевченко и исторический музей. Они разграбили величайший памятник славянских народов — Софийский собор, из которого вывезли 14 фре-

сок XII века, в том числе 4 фрески со стен Михайловского Златоверхого монастыря, драгоценную утварь и предметы культа.

По приказу немецкого командования воинские части ограбили, взорвали и разрушили древнейший памятник культуры — Киево-Печерскую лавру. Рано утром 3 ноября 1941 года немецкие жандармы выселили из лавры всех жителей и в 2 часа дня взорвали Успенский собор.

Комиссия в составе: Наместника Киево-Печерской лавры архимандрита Валерия Устименко, проживающего в ней с 1891 года, схимника Киево-Печерской лавры Пимена Иванова, директора Управления Киево-Печерской лавры В. М. Тверского, педагога 75-й средней школы города Киева П. Д. Рудича, проживающего в лавре с 1912 года, старшего инспектора комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств при СНК СССР П. Д. Барановского — обследовала состояние Киево-Печерской лавры после двухгодичного хозяйничанья немецких оккупантов и установила:

«Успенский собор, построенный в 1075—1089 годах Великим князем Святославом и расписанный внутри в 1897 году известным художником В. В. Верещагиным, 3-го ноября 1941 года взорван немцами. В результате взрыва памятник сильно разрушен. Основная центральная часть постройки XI века вместе с куполом, сводами, западной и северной стенами и алтарными абсидами превращена в груды обломков и щебня. После взрыва вокруг бывшего собора образовались четыре огромных провала в земле, угрожающих сохранности остатков памятника».

В октябре — декабре 1941 года немцы вывезли из лавры ценнейшие экспонаты исторического музея, в том числе весь отдел оружия, насчитывавший около 4000 предметов, среди них были уникальные вещи, как, например, сабля Стефана Батория, витрина запорожского оружия и другие; разграбили ценнейшие экспонаты отдела истории Украины XV—XIX столетий: грамоты, нумизматику, печати, стекло, фарфор, ткани; вывезли из архива музея акты XV—XVIII столетий и рукописи научных трудов. Часть экспонатов немецкие солдаты и офицеры брали себе «на память». Так, например, немецкий начальник исторического музея Штампфусс преподнес генерал-комиссару Магуния нитку древних бус, украденных из фондов музея. Штампфусс украл также несколько картин из собрания музея украинского искусства.

В Успенском соборе Киево-Печерской лавры находилось больше 20 серебряных риз на иконах, серебряные царские врата, серебряные массивные доски на алтаре и жертвеннике, несколько евангелий в серебряных оправах, три серебряные гробницы, собрание тканей и парчи Киево-Печерской лавры,

насчитывавшие более 2000 редких и ценных образцов с дарственными записями царей и гетманов. Все эти ценности немецкие варвары разграбили и вывезли в Германию.

В сентябре — октябре 1943 года были вывезены в Германию материалы раскопок в Пушкарях, Мезыне, Кирилловской стоянке в Киеве, раскопок Трипольской культуры на Коломыйщине, в Халепье и целый ряд уникальных коллекций.

Из отдела Скифии Исторического музея гитлеровские грабители вывезли уникальные бронзовые фигурки зверей, наконечники значков и знамен, оружие, керамику, бытовые вещи; из отдела греческих причерноморских колоний — кипрскую керамику — около 5000 предметов, керамику из Ольвии; вывезли материалы отдела «Киевская Русь», в числе их такие уникальные вещи, как запрестольный крест X столетия Десятинной церкви, изразцы с гербом Рюриковичей, и другие ценные экспонаты.

«Нельзя без скорби смотреть, — сообщает член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай Митрополит Киевский и Галицкий, — на груды развалин Успенского собора, созданного в XI-м веке гением бессмертных строителей. От взрыва образовалось несколько огромных провалов в земле на окружающей собор территории, и, глядя на них, кажется, что даже земля содрогнулась при виде злодеяний тех, кто не имеет права на человеческое имя. Точно страшный ураган пронесся по лавре, все опрокинул вверх дном, рассыпал и разбросал могучие лаврские здания. Два с лишним года Киев был закован в немецкие кандалы. Гитлеровские палачи принесли с собою в Киев смерть, руины, голод и казнь. Все это со временем отойдет от близкого прошлого в отдаленное, но никогда не забудут этого злодеяния не только украинский и русский народы, но и все честное человечество во всем мире».

МАССОВОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНЫХ ГРАЖДАН И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Немецкие палачи с первых же дней захвата Киева проводили массовое истребление населения путем истязаний, расстрелов, повешения, отравления газом в «душегубках». Людей хватали прямо на улицах, расстреливали большими группами и в одиночку. Для устрашения населения вывешивались объявления о расстрелах: «В качестве репрессий за акт саботажа сегодня расстреляно 100 жителей Киева. Пусть это послужит предостережением. Каждый житель Киева является ответственным за акт саботажа. Киев, 22.X—1941 года. Комендант города». Или: «Участившиеся в Киеве случаи поджогов и саботажа заставляют меня прибегнуть к строжайшим мерам. Поэтому сегодня

расстреляны 300 жителей Киева. За каждый новый случай поджога или саботажа будет расстреляно значительно большее количество жителей Киева. Киев, 2 ноября 1941 года, Эбергардт, генерал-майор и комендант города».

Фашисты массами убивали мужчин, женщин, детей, стариков и больных. Так, 14 октября 1941 года в психиатрическую больницу во главе с немецким гарнизонным врачом Риковским ворвался отряд эсэсовцев. Гитлеровцы загнали 300 больных в одно из зданий, в котором продержали их без пищи и воды несколько дней, а затем расстреляли в овраге Кирилловской роши. Остальные больные были истреблены 7 января, 27 марта и 17 октября 1942 года.

Вот что сообщили об этой кровавой расправе профессор Е. А. Копыстынский, врачи А. Г. Дзевалтовская, Т. К. Пенская, И. М. Фарбер, А. И. Евстафьева и медсестра Е. Ф. Троепольская: «В больницу прибыли автомашины. В эти машины «душегубки» начали вталкивать больных, приблизительно по 60—70 человек в каждую, тут же их умерщвляли и трупы выбрасывались у здания больницы. Зверства эти продолжались несколько дней, в течение которых было уничтожено 800 больных». Организаторами этих убийств были: немецкий руководитель здравоохранения при генеральном комиссариате — Гросскопф и врач военного лазарета — Болым.

Убийствам часто предшествовали садистские истязания. Архимандрит Валерий сообщил, что фашисты до полусмерти избивали больных и слабых людей, поливали их на морозе водой и, наконец, пристреливали в немецком полицейском застенке, находившемся в Киево-Печерской лавре.

Убивали мирных граждан якобы за принадлежность к советско-партийному активу, за связь с партизанами, убивали и без всяких мотивов.

Зверствовали немецкие бандиты и в Дарницком и в Сырецком лагерях. Мирных советских граждан и военнопленных заставляли выполнять тяжелые изнурительные работы, подвергали неслыханным издевательствам и убивали. В Сырецком лагере орудовали пьяница, садист штурмбаннфюрер Радомский и его помощник Ридер.

Радомский и Ридер всячески ухищрялись в истреблении советских людей. Они, например, «изобрели» следующий способ убийства: одних советских людей заставляли влезать на дерево, а других подпиливать его. Люди падали вместе с деревом и разбивались. Или: Радомский собирал всех заключенных, проходил по строю, отбирал человек 25, выводил их из строя и тут же расстреливал.

Гитлеровские бандиты согноли 29 сентября 1941 года на угол улиц Мельника и Доктеревской тысячи мирных советских

граждан. Собравшихся палачи повели к Бабьему Яру, отобрали у них все ценности, а затем расстреляли. Проживающие вблизи Бабьего Яра граждане Н. Ф. Петренко и Н. Т. Горбачева рассказали о том, что они видели, как немцы бросали в овраг грудных детей и закапывали их живыми вместе с убитыми и ранеными родителями. «Было заметно, как слой земли шевелился от движения еще живых людей».

В 1943 году, чувствуя непрочность своего положения в Киеве, оккупанты, стремясь скрыть следы своих преступлений, раскапывали могилы своих жертв и сжигали их. Для работы по сжиганию трупов в Бабьем Яру немцы направляли заключенных из Сырецкого лагеря. Руководителями этих работ были офицер СС — Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и командир взвода СС — Рэвер.

Свидетели Л. К. Островский, С. Б. Берлянд, В. Ю. Давыдов, Я. А. Стеюк, И. М. Бродский, бежавшие от расстрела в Бабьем Яру 29 сентября 1943 года, показали: «В качестве военнопленных мы находились в Сырецком концлагере, на окраине Киева. 18 августа нас в количестве 100 человек направили в Бабий Яр. Там нас заковали в кандалы и заставили вырывать и сжигать трупы советских граждан, уничтоженных немцами. Немцы привезли сюда с кладбища гранитные памятники и железные ограды. Из памятников мы делали площадки, на которые клали рельсы, а на рельсы укладывали, как колосники, железные ограды. На железные ограды накладывали слой дров, а на дрова — слой трупов. На трупы снова укладывали слой дров и поливали нефтью. С такой последовательностью трупы накладывались по несколько рядов и поджигались. В каждой такой печи помещалось до 2500—3000 трупов. Немцы выделили специальные команды людей, которые снимали с трупов серьги, кольца, вытаскивали из челюстей золотые зубы. После того, как все трупы сгорали, закладывались новые печи и т. д. Кости трамбовками разбивали на мелкие части. Пепел заставляли рассеивать по Яру, чтобы не оставалось никаких следов. Так мы работали по 12—15 часов в сутки. Для ускорения работы немцы применили экскаватор. За время с 18 августа по день нашего побега — 29 сентября было сожжено, примерно, семьдесят тысяч трупов. Здесь же сжигались и вновь привозимые трупы мужчин, женщин и детей, убитых в газовых автомашинах».

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков были произведены раскопки в местах массовых истреблений советских людей в Сырецком лагере, в Бабьем Яру, в Дарнице и других местах. В раскопках приняли участие немецкие военнопленные. После окончания раскопок немецкие военнопленные подали следующее заявление:

«Нам, 850 немецким военнопленным в лагере военнопленных Киева, советскими властями была предоставлена возможность убедиться в зверствах, совершенных над русским населением во время оккупации Киева немцами. 160 избранных нами доверенных лиц произвели раскопки пяти из многочисленных ям. Только в двух местах нами были обнаружены 150 убитых русских граждан. В других местах мы натолкнулись на бесчисленные остатки сожженных тел, одежды и костей. Мы утверждаем: здесь, в Киеве, были произведены массовые убийства, невероятных размеров, русского гражданского населения, жертвы которых доходят до нескольких десятков тысяч мужчин, женщин и детей. Кто это делал — известно. Это немецкие оккупационные войска, преимущественно соединений СС, СД и полевой жандармерии». Следуют подписи, среди них: майор-интендант 208-Лау, штабной врач 246 полка — доктор Гелленбрандт, врач-ассистент 3-го батальона 76-го полка — доктор Беккер; военный священник евангелистской церкви 208 Круммахер; лейтенант 208 Юнге; лейтенант 215 батальона Гергард и другие.

Специальная Комиссия в составе: председателя Н. С. Хрущева, членов Комиссии: Наркомпроса УССР академика — П. Тычина, Секретаря Союза советских писателей УССР академика М. Рыльского, кандидата биологических наук Академии наук УССР — Д. Марковского, с участием медицинских экспертов: профессоров Я. И. Пивовонского, Ю. Ю. Крамаренко, А. М. Зюкова и судебно-медицинского эксперта, профессора Н. А. Шепелевского, в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии В. Д. Шевцова установила, что, по неполным данным, в Киеве замучено, расстреляно и отравлено в «душегубках» более 195 тысяч советских граждан, в том числе:

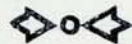
1. В Бабьем Яру свыше 100 тысяч мужчин, женщин, детей и стариков.
2. В Дарнице — свыше 68 тысяч советских военнопленных и мирных граждан.
3. В противотанковом рву, у Сырецкого лагеря и на самой территории лагеря — свыше 25 тысяч советских мирных граждан и военнопленных.
4. На территории Кирилловской больницы — 800 душевнобольных.
5. На территории Киево-Печерской лавры — около 500 мирных граждан.
6. На Лукьяновском кладбище — 400 мирных граждан.

На основании заявлений советских граждан, протоколов опроса, свидетельских показаний, материалов Специальной Комиссии, заключений судебно-медицинской экспертизы и личным расследованием, произведенным членами Чрезвычайной Госу-

дарственной Комиссии — Николаем Митрополитом Киевским и Галицким и академиком И. П. Трайниным, Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что разрушения в городе Киеве, поголовное ограбление населения, массовые истязания и убийства мирных советских граждан и военнопленных произвели по указаниям германского правительства и верховного рейхскомиссара Украины Эрих Кох, заместитель командования: рейхскомиссар Украины Эрих Кох, заместитель рейхскомиссара фон Ведельштедт, главнокомандующий армейской группой «Юг» генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал авиации Китцингер, генерал-лейтенант войск СС Ютнер, генерал-комиссар генеральной области Киева Магуния, руководитель СС и полицейфюрер Гальтерман, генерал полиции порядка Шеер, оберштурмбаннфюрер Эрлингер, СА бригаденфюрер Квитцрау, коменданты города Киева — генерал-майор Эбергардт и генерал-майор фон Ремер, генерал-майор Виров, начальник бригады СС генерал-майор Лернер, СС штандартенфюрер Нордман, СС оберфюрер Гофман, генерал полиции Приюцман, СС оберштурмбаннфюрер Шпацель, командующий войсками СС на юге России и на Украине генерал-майор Троекфельд, начальник военно-воздушных сил Киевского гарнизона полковник Альтерман, руководитель оборонного участка «С» полковник фон Вессель, командир 304 полицейского батальона майор Бекерт, коменданты гарнизона в Дарнице капитан Прицковский и обер-лейтенант Кваст, СС штурмбаннфюрер Гумперт, штурмбаннфюрер Радомский, его помощник Ридер, штаткомиссар Рогоауш, начальник бюро набора, доктор Яницкий, руководитель киевского бюро гитлеровской молодежи Брейер, штаткомиссар Берндт, шеф управления архивами, библиотеками и музеями при рейхскомиссариате Украины доктор Винтер, его заместитель доктор Бенцинг, начальник исторического музея Штампфусс, врач военного лазарета Больм, сотрудник штаба Розенберга доктор Розкампф, сотрудник архивного управления доктор Ласке, старший лейтенант частей СС Шмиц, военнослужащий частей СС, доктор Паульсен, руководитель здравоохранения при генерал-комиссариате, доктор Гросскопф, офицер СС Топайде, сотрудники жандармерии Иоганн Мэркель, Фохт и Рэвер, интендант Брюкнер, шеф клейнкунсттеатра Телин, шеф фронтального театра Бекерс.

Все они должны понести суровую ответственность за чудовищные злодеяния, совершенные перед советским народом.

29 февраля 1944 г.

Документ СССР-2

О РАЗРУШЕНИЯХ, ПРИЧИНЕННЫХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ГОРОДСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ И ПРИЧИНЕННОГО ИМИ УЩЕРБА
ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ,
ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ СССР

Сталинская область является важнейшим угольно-металлургическим центром СССР. В 152 шахтах комбината «Сталин-уголь» ежедневно добывалось свыше 140 000 тонн высокосортного угля. Мощные электрические станции производили до 3 миллиардов квтч. электроэнергии для предприятий Донбасса и Запорожья.

Коксохимические комбинаты выпускали со своих 78 коксовых батарей 8,5 млн. тонн первоклассного кокса в год и перерабатывали донецкий уголь в химическую продукцию.

На металлургических заводах 22 доменные печи давали ежегодно 5 млн. тонн чугуна, 43 мартеновских печи — свыше 4 млн. тонн стали, 3 блюминга и 34 прокатных стана — свыше 3 млн. тонн прокатного металла.

В Сталинской области было широко развито производство высокосортного цемента, стекла, технического фарфора, керамики, красного кирпича, добывались алебастр, известь, огнеупорные глины, гранитный камень.

Пятнадцать институтов и техникумов горной, металлургической, химической специальностей готовили высококвалифицированные кадры.

За годы пятилеток города: Сталино, Горловка, Енакиево, Константиновка, Краматорск, Макеевка, Мариуполь и другие стали крупными культурно-промышленными центрами.

Немецко-фашистские захватчики и их сообщники, действуя по плану германского верховного командования, разрушили

угольные шахты, электростанции, металлургические, химические, машиностроительные заводы, культурные учреждения, школы, больницы, театры, музеи и коммунальное хозяйство городов и поселков Донбасса.

В звериной ненависти к советским людям фашистские мерзавцы истязали и убивали мирное население, угоняли советских людей в немецкое рабство.

Секретной инструкцией хозяйственного руководителя группы южных армий от 2 сентября 1943 года № 1/313/43 г. предписывалось армейским руководителям и руководителям хозяйственных команд проводить полное разрушение промышленных предприятий, шахт, электростанций, заводских сооружений Донбасса, а также вывозить все ценное имущество и оборудование в Германию.

Этой инструкцией, изданной в то время, когда советские войска прорвали немецкий фронт на реке Миус и приступили к освобождению Донбасса от фашистских захватчиков, предписывалось:

«Весь Донецкий бассейн восточнее позиции «Черпахи» должен быть эвакуирован в хозяйственном отношении и полностью разрушен».

«...Все, что не может быть эвакуировано, подлежит разрушению, в особенности: водонапорные и электрические станции, шахты, заводские сооружения, средства производства всех видов, урожай, который не может быть вывезен, деревни и дома».

«...Разрушения следует произвести не в последний момент, когда войска будут уже вести бой или отступать, а своевременно».

«...Все хозяйственные органы и хозяйственные подразделения, Общество по эксплуатации Востока (Остгезельшафт) и филиалы частных фирм (Патернфирмен) обязаны выделять всех подходящих людей для работы по эвакуации и разрушению».

«...Армейские хозяйственные руководители должны доносить каждый вечер сводные данные в штаб хозяйственного руководителя группы армий Юга. КП в Сталино передает каждый вечер короткий обзор о положении в Донбассе в штаб № 1 майору Паульсу».

Подписано: «Южная группа армии по поручению:

Хозяйственный руководитель группы армии Нагель».

На основании документальных материалов, заявлений потерпевших, показаний свидетелей, заключений технических и медицинских экспертов, а также путем выезда в города и в районы, подвергавшиеся оккупации, специальной комиссии в составе: председателя Сталинской областной комиссии тов. Дрожжина М. И., председателя Сталинского облисполкома

тов. Решетняк Ф. Н., члена облисполкома тов. Чечкова А. Т., представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Кудрявцева Д. И., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила факты варварского разрушения промышленности, городского хозяйства, жилищ, школ, больниц, культурно-просветительных учреждений и чудовищных злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками.

РАЗРУШЕНИЕ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

За время оккупации и при своем отступлении немецко-фашистские захватчики почти полностью разрушили угольную промышленность Сталинской области, а наиболее ценное оборудование вывезли в Германию.

Фашистские мерзавцы вывели из строя и разрушили 140 шахт; уцелело только 12 мелких шахт с общей суточной добычей в 500 тонн угля.

Немецкие захватчики взорвали и уничтожили 154 шахтных ствола протяжением 15 517 метров, 192 копра, 292 подъемные машины, 189 вентиляторов. Из 526 паровых котлов выведено из строя 393 котла с поверхностью нагрева в 37 615 кв. метров. Из 268 надшахтных зданий взорвано и сожжено 241 здание объемом в 385 430 куб. метров. Оккупанты разрушили 266 машинных зданий в 260 067 куб. метров, 183 здания трансформаторных подстанций в 80 328 куб. метров, 161 эстакаду протяжением в 17 571 метр. Они разрушили компрессоры, сортировки, материальные склады, механические мастерские. Перед отступлением они уничтожили и затопили в шахтах: 1900 врубовых машин, 1209 конвейерных установок, 802 электровоза, 1651 электросверло, 760 насосов, 1065 скреперных лебедок и 4155 отбойных молотков.

Не ограничиваясь уничтожением шахт, производственных зданий и оборудования, немецкие захватчики уничтожали и жгли жилые дома рабочих, клубы, детские сады, детские ясли, столовые, школы, больницы, магазины, парки культуры и отдыха.

Только по комбинату «Сталинуголь» уничтожено 1 126 900 квадратных метров жилой площади.

Комиссия установила, что виновниками всех этих разрушений, совершенных по директивам немецкого военного командования и горнометаллургического акционерного общества «Восток», являются: технический руководитель шеф-генерал Винаккер, начальник отдела геологии и маркшейдерии капитан Релесман, начальник отдела горного хозяйства обер-лейтенант Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, руководители: Сталинской группы шахт обер-лейтенант Бранс, Чистяковской группы

Фульд, Горловской группы фон Фельзен; по тресту «Сталин-уголь» управляющий Клебер; по тресту «Макеевуголь» директор обер-лейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель; по тресту «Буденовуголь» управляющий зондерфюрер Офферман; по тресту «Куйбышевуголь» управляющий зондерфюрер Ройтеч, технический директор Флойтер; по тресту «Советскуголь» зондерфюрер Ляшпер, по Никитовской группе шахт директор Шуберт.

Ущерб, причиненный немецко-фашистскими захватчиками угольной промышленностью Сталинской области, по предварительным данным, определяется в два миллиарда рублей.

РАЗРУШЕНИЯ ПО ГОРОДУ СТАЛИНО

Немецкие оккупанты разрушили промышленный и культурный центр Донбасса — Сталино. В Сталино уничтожены крупнейшие предприятия, культурные учреждения, жилища.

Сталинский металлургический завод своей продукцией снабжал советское машиностроение, судостроительную и автотракторную промышленность. На заводе работало более 12,5 тыс. рабочих. Доменный цех завода имел 3 разливочные машины по 1000 тонн, газозадувную и мокрую газоочистительную станции. Мартеновский цех имел восемь печей, из них одну качающуюся печь, 16 разливочно-уборочных и завалочных кранов. Прокатный цех имел мощное газовое хозяйство, турбогенератор в 10 000 киловатт. Гитлеровцы превратили этот завод в груду развалин. При отступлении они взорвали доменный, мартеновский, прокатный, инструментальный цеха, компрессорную станцию, заводскую лабораторию, главную контору; привели в негодность доменные печи, грейферные котловые краны, разливочные машины, турбогенератор. Они разрушили дворец культуры, клуб инженерно-технических работников, здание ФЗО, детские ясли, материальные склады.

Немецко-фашистские оккупанты взорвали завод металлоконструкций, выпускавший оборудование для железнодорожных мостов, доменных печей, плотин и шлюзов. По указаниям представителя фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маника, директора завода той же фирмы Брюкенбау-Беккера, главного инженера Альтфельдта и начальников производства Смида и Кемпера специальные команды саперов-подрывников взорвали завод. Взрывами уничтожены двое гильотинных ножниц для резки листового железа, два кромкострогальных станка, паровой молот, сверлильные станки, четыре путевых крана.

Разрушению подверглись также Сталинский, Смоляниновский, Мушкетовский, Рутченковский коксохимические заводы, «Донэнерго», азотный, машиностроительный, ремонтный и другие заводы.

Огромные разрушения немецкие захватчики причинили городскому хозяйству гор. Сталино. Они сожгли трамвайный парк, 89 вагонов, 4 электровоза, уничтожили 35 километров трамвайного пути, 35 километров контактной сети и 10 новых троллейбусов. По указанию и под наблюдением капитана Шенка, зондерфюреров Гебхарта и Гусса, капитана Кауэрмана и фельдфебеля Филлера разрушили городской водопровод и под руководством шефа энергогруппы доктора Бутлера — электрохозяйство города. При отступлении из Сталино гитлеровцы полностью разрушили 3761 дом с жилой площадью в 1 207 470 квадратных метров, 113 школ, 62 детских сада, 390 магазинов, зимний и летний театры на 1100 мест, Дворец пионеров, Радио-театр, Музей Революции, Картинную галерею, клуб имени Дзержинского и другие лучшие здания города.

Специальные отряды саперов объезжали школы, обливали их горючей жидкостью и поджигали. Советских людей, пытавшихся тушить пожары, фашистские мерзавцы расстреливали на месте.

Военнопленный ефрейтор 597 пехотного полка 306 дивизии германской армии Фергольц Герман показал: «В составе команды подрывников я принимал участие в поджоге и взрыве государственных учреждений и жилых домов на 1 линии, главной улице города Сталино. Лично я закладывал взрывчатые вещества, которые затем я поджигал и таким путем взрывал здания. Всего с моим участием было взорвано пять больших домов и несколько подожжено».

Другой военнопленный ефрейтор 574 пехотного полка 304 дивизии Гольд Йоганн сообщил: «В городе Сталино я лично сам сжег один дом и взорвал два других больших здания. В двух зданиях помещалось мирное население, а в третьем был склад зерна. Перед взрывом я жителей об этом не предупреждал и предупредить не считал нужным, так как нам было приказано не заниматься никакими разговорами, а взрывать и сжигать независимо от того, есть ли в домах жители или нет. Сейчас же после взрыва одного из домов я слышал крик и плач женщин и детей и видел среди них убитых и раненых, придавленных камнями и балками, но на это я не обращал никакого внимания. Я выполнял приказы моих начальников».

Фашистские захватчики разграбили ценное имущество и оборудование Дворца пионеров, Детской сельскохозяйственной станции, Экскурсионного бюро. Исключительно большой ущерб причинили оккупанты медицинским учреждениям города.

Они сожгли и полностью разрушили Детскую больницу на 2000 коек, Клиническую больницу имени Ворошилова на 1000 коек, 12 лечебных учреждений на 2000 коек и 5 поликлиник. Ценную аппаратуру, оборудование и инвентарь больниц немецкие

оккупанты разграбили. Разрушение больниц совершено по указанию и при участии главного врача военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарушата. По приказу оберфельдмаршала Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа был разгромлен Медицинский институт, представлявший собой образцовое научное учреждение, в котором обучалось 2000 студентов.

По распоряжению директора горнометаллургического акционерного общества «Восток» шеф-генерала Винаккера, его заместителя доктора Бранса, зондерфюрера Стельмана, обер-лейтенанта Бурхарта и непосредственного исполнителя зондерфюрера Фогеля сожжены все здания Индустриального института имени тов. Хрущева, в котором обучалось до 15 тыс. студентов. Вместе с институтом они сожгли студенческую поликлинику, общежитие и подсобные помещения. Из 600 тыс. томов книжного фонда научной и художественной литературы гитлеровцы сожгли 530 тыс. томов книг.

Варварское разрушение города Сталино производилось по указаниям и приказам коменданта города полковника Петерса, а затем сменившего его подполковника Ленца, заместителя коменданта военного советника Нарушата, начальника гестапо оберштурмфюрера Моора, а затем сменившего его оберштурмфюрера Леунштейна, капитана Трома, полевого инспектора юстиции Штеккера, оберинспектора Крютнера, старшего лейтенанта Лея, доктора Гайда, бургомистра Эйхмана.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ КРАМАТОРСКЕ

Немецко-фашистские захватчики разрушили всю промышленность гор. Краматорска, в том числе один из лучших заводов машиностроения — Ново-Краматорский завод имени Сталина, Старо-Краматорский машиностроительный завод имени Орджоникидзе, металлургический завод имени Куйбышева, завод тяжелого станкостроения, цементный, коксохимический, этернитовый и другие заводы.

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина выпускал оборудование для доменных, мартеновских, коксовых печей, прокатных станков и угольных шахт. Завод занимал территорию в 200 гектаров и состоял из 20 основных и 10 вспомогательных производственных цехов. Только основные цехи завода занимали площадь в 183 045 квадратных метров. Мартеновский цех отливал болванки весом до 20 тонн из высоколегированной стали. Балансовая стоимость всех заводских зданий, оборудования, транспорта и энергохозяйства составляла 900 миллионов рублей. На заводе работало 20 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих.

Немецкие оккупанты привели в негодность на этом заводе 1113 станков, разрезали автогеном станину 800-тонного пресса; вывезли в Германию оборудование прессового цеха, моторы и вентиляторы, ковочные прессы и оборудование насосных станций; взорвали гидравлический 300-тонный горизонтальный пресс; разрушили мартеновские печи; вывезли паровые котлы станции холодного газа. Гитлеровцы уничтожили энергетическое хозяйство завода, все котлы ТЭЦ, силовое оборудование, более 100 километров кабеля. Они разрушили и уничтожили заводские больницы, клубы, детские ясли, школы, летний театр на 1200 мест, три кинотеатра. Из 247 многоэтажных домов завода сожжено 204.

В городе Краматорске оккупанты сожгли и взорвали Дворец культуры, театр им. Пушкина, клуб «Штурм», разрушили стадион, сожгли более 1300 лучших домов. Из 18 школ в городе остались только три. Сожжены три больницы, две поликлиники, детская больница, родильный дом.

Все эти разрушения города производились под руководством коменданта города лейтенанта Мойшке и бургомистра Шопена.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ МАКЕЕВКЕ

Макеевский металлургический завод имени Кирова являлся одним из самых крупных металлургических заводов Советского Союза. До войны на заводе работало 20 000 рабочих, инженеров, техников и служащих. За время оккупации и при своем отступлении гитлеровцы превратили завод в груду развалин.

На заводе взорваны и сожжены: доменный цех с 4 доменными печами, машинный цех со всем энергетическим хозяйством, прокатный, два мартеновских цеха с 14 мартеновскими печами, фасонно-литейный, модельный, механический и электроремонтные цехи; лаборатории: химическая, механическая, рентгенографическая, 6 электроподстанций, связь, сигнализация и автоблокировка. Разрушено 57 километров железнодорожных путей, 248 комплектов стрелочных переводов.

Немецкие оккупанты вывезли с завода в Германию часть оборудования электроподстанций, разливные машины, два паровых молота, станки и электрооборудование механического цеха. Они взорвали и сожгли заводскую школу, три здания детских яслей, гостиницу, театр, 186 жилых домов. Всего на заводе захватчиками взорвано, сожжено и разрушено 2 867 000 куб. метров производственных, бытовых и вспомогательных помещений и зданий.

На Старо-Макеевском коксохимическом заводе хозяйничали: сначала акционерное общество «Восток», потом немецкая фирма «Колин» и, наконец, в последнее время — фирма «Отто».

Немецкие захватчики вывезли с этого завода часть оборудования и при своем отступлении сожгли и взорвали: дробильное и дозирочное отделения, машинный зал, 6 транспортеров, 6 отсадочных машин, 89 коксовых печей; в химическом цехе взорвали машинный зал, газопроводы 12 газовых холодильников, аммиачное и бензольное отделения, химические лаборатории; в парокотельном цехе — 4 котла, насосную водоочистку, вентиляционное отделение.

Разрушение Старо-Макеевского завода производилось по указаниям и под руководством представителей: акционерного общества «Восток» — офицера Руфуса, фирмы «Колин» — шеф-директора Якобса, фирмы «Отто» — директора завода Ренкофа.

Немецко-фашистские захватчики разрушили в гор. Макеевке трамвай, осветительную сеть, водопровод, взорвали и сожгли здание городского Совета, гостиницу, дом инженеров и техников, городской театр на 1000 мест, цирк на 1500 мест, 49 школ, 20 детских яслей, 44 детских сада. По распоряжению коменданта города Фоглера были сожжены на костре 35 тыс. книг центральной библиотеки им. Горького.

Разрушение и ограбление города Макеевки производилось под руководством и по приказам коменданта города майора Фукса, его помощника капитана Мюллера, начальника охранной полиции капитана Розенталя.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ ГОРЛОВКЕ

За годы пятилеток гор. Горловка вырос в крупный угольно-индустриальный центр Донбасса, с мощными промышленными предприятиями, с многочисленными культурными учреждениями. На территории Горловского района работала 21 крупнейшая шахта с суточной добычей в 15 000 тонн угля. В Горловке находились 13 крупных заводов и фабрик, в том числе известные во всем Советском Союзе: Азотнотуковый завод имени Орджоникидзе, Коксохимический завод, Машиностроительный завод имени Кирова и другие.

Немецко-фашистские захватчики за время своего хозяйничания и при отступлении взорвали и затопили все шахты вместе с оборудованием и механизмами, разрушили и сожгли заводы, электростанции и другие сооружения города. Полностью разрушили Азотнотуковый завод им. Орджоникидзе. На этом заводе они взорвали и сожгли 9 производственных корпусов, служебные помещения, подсобные предприятия, жилые дома, вывезли в Германию большое количество разных материалов. Ущерб, причиненный немецкими оккупантами Азотнотуковому заводу, по предварительным данным выражается в сумме 243,3 миллиона рублей.

На Коксохимическом заводе немецкие оккупанты взорвали и сожгли все 25 промышленных зданий с объемом в 310 400 куб. метров.

В Горловском районе оккупанты разрушили заводы: Машиностроительный имени Кирова, производивший оборудование для всей каменноугольной промышленности Донбасса, Никитовский ртутный, Горловский трубный, предприятия «Подземгаза», Доломитный комбинат, три механизированных хлебозавода, крупнейший Горловский мясокомбинат и многие предприятия местной промышленности. Фашистские мерзавцы разрушили центральную электростанцию с двумя турбогенераторами, силовую электросеть протяжением в 248 километров и 516 километров световой электросети, 3 мощные водокачки, 632 жилых здания, оставив население Горловки без света, воды и жилищ. Они уничтожили в городе 32 школы, в которых обучалось 21 649 детей, сожгли городскую больницу, пять поликлиник, церковь, здания Дома Советов, «Донэнерго» и Дворец культуры.

Разрушения в Горловке производились по указаниям и под руководством представителя акционерного общества «Восток» фон Фельзена, директора треста «Артемуголь» Миллера и его заместителя Горшца.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ ЕНАКИЕВО

В Енакиево оккупанты разрушили и вывели из строя металлургический завод, оборудованный и оснащенный передовой техникой. До войны на нем работало 14,5 тысячи рабочих. Немецкие захватчики разрушили и подорвали: основные конструкции здания конверторного цеха, гидравлическое оборудование бессемеровского цеха, мартеновские печи, крановое оборудование, нагревательные печи, новую машину стана блюминг, центральную насосную станцию; сожгли центральную и химическую лаборатории, 148 жилых домов; вывезли с завода в Германию свыше 60 000 тонн металла и металлоизделий, а также большое количество оборудования и станков, демонтировали стан блюминг и вывезли основные его детали.

Разрушением и разграблением завода руководили гитлеровцы: директор завода Штрекенбах, главный инженер Геншайдт, коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксовых цехов Беке.

В Енакиево немецко-фашистские мерзавцы полностью разрушили Ново-Енакиевский, Старо-Енакиевский коксохимические, цементный и другие заводы; разрушили трамвай, рельсы вывезли в Германию; взорвали и сожгли 505 жилых домов, Дворец пионеров, здание Горсовета, кинотеатр на 1000 мест, первую, вторую и туберкулезную больницы, костнотуберкулезный

санаторий, две городские поликлиники и другие лечебные учреждения. Лучшие магазины города во время оккупации были использованы под гаражи и конюшни, а при отступлении немецкой армии сожжены. Разрушением и поджогами в городе Енакиеве руководили комендант лейтенант жандармерии Фишер и старший лейтенант жандармерии Шоинг.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ КОНСТАНТИНОВКЕ

В Константиновке было 13 крупных заводов. Немецко-фашистские бандиты полностью разрушили: завод «Автостекло», коксохимический, металлургический, химический, цинковый, стекольный, бутылочный, производства огнеупоров, «Красный Октябрь» и другие заводы.

Завод «Автостекло» был оборудован новейшими станками для обработки зеркальных отражателей, все цеха завода были механизированы. До войны на заводе работало 4500 рабочих и служащих. Оккупанты сожгли и взорвали все цеха завода, уничтожили оборудование, механизмы, сожгли культурно-бытовые здания, клуб, библиотеку, амбулаторию, стадион. Из 22 тыс. квадратных метров жилой площади они сожгли и уничтожили 17 тыс. квадратных метров.

На Константиновском стекольном заводе, являвшемся одним из крупнейших специализированных стекольных заводов в СССР, оккупанты сожгли и разрушили: газогенераторную станцию, две электроподстанции, цех триплекс-стекла, керамический, составной, ремонтно-строительный цехи; взорвали здание машинно-ванного цеха со стеклоплавильными печами и машинами Фурко; здание парокотельных установок; сожгли рабочий и деловой клубы, детский сад, детские ясли, санаторий. Фашистские грабители вывезли с завода в Германию: 3 трансформатора, 50 электромоторов, 20 редукторов, 10 машин Фурко и много другого оборудования и станков.

Разрушения на заводе производили саперно-подрывные команды под руководством начальников Лечерта и Гернера.

Оккупанты взорвали и сожгли городскую электростанцию и водопровод, 226 домов, все 25 городских школ, два кинотеатра, центральную городскую библиотеку с 35 тыс. томов книг, пионерский клуб, детскую техническую станцию, городскую больницу, детские ясли; взорвали Дом Советов, почтамт и другие учреждения.

РАЗРУШЕНИЯ В ГОРОДЕ МАРИУПОЛЕ

Город Мариуполь являлся крупнейшим индустриальным центром Советского Юга, в нем было 47 промышленных предприятий: металлургический завод имени Ильича, завод «Азов-

сталь» имени Орджоникидзе, коксохимический, трубный имени Куйбышева, металлоконструкций, радиаторный, рыбкоконсервный, ультрамаринный, графитный и другие заводы.

Первоклассный Мариупольский металлургический завод имени Ильича немецкие оккупанты превратили в развалины. Они разрушили доменный цех, взорвали мартеновские цехи, разливочные и завалочные краны. В листопрокатном и сортопрокатном цехах взорвали три паровые машины; вывели из строя все энергетическое хозяйство. Гитлеровцы взорвали здания электростанций, турбогенераторы, паровые котлы, силовые трансформаторы, здания газогенераторной станции с 20 генераторами системы Керпели, Сартанской водокачки и насосной станции второго подъема.

Модельный цех вместе со складским хозяйством, ремонтно-механические и строительные цехи, центральную инструментальную мастерскую, электроремонтную мастерскую гитлеровцы взорвали.

На заводе «Азовсталь» оккупанты полностью разрушили доменный цех с 4 печами, 3 газоочистки, мартеновский цех с шестью качающимися 400-тонными печами, компрессорное здание со всем оборудованием, 8 электроподстанций, систему водоснабжения с оборудованием, инструментальную мастерскую, лаборатории, заводскую столовую, здание заводоуправления. Из двух установок кислородных станций они одну уничтожили, а другую вывезли в Германию. Вывезена также часть моторов и паровых машин.

Разрушение заводов и фабрик в гор. Мариуполе производилось по приказу и под руководством фельдкоменданта генерала Гофмана, коменданта города Михаэля, его заместителя обер-лейтенанта Хука и руководителя команды «СД-6» обер-лейтенанта Вульфа. Перед отступлением из Мариуполя немецкие оккупационные власти сожгли 1593 дома жилой площадью в 370 000 квадратных метров, все 68 школ, 17 детских садов, 101 библиотеку, Дворец пионеров; вывели из строя трамвай и электросеть.

ИСТРЕБЛЕНИЕ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ И УГОН СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В НЕМЕЦКОЕ РАБСТВО

Во время оккупации Сталинской области немецко-фашистские захватчики установили для населения рабско-крепостнический режим. Трудоспособное население угонялось в немецкую каторгу. Они повсеместно широко применяли возмутительное насилие, грабежи и истребление советских граждан. Тысячи советских людей были замучены и расстреляны.

Неслыханные преступления фашистских мерзавцев установлены многочисленными свидетелями и документами, актами

комиссий и судебной экспертизы, находящимися в распоряжении Чрезвычайной Государственной Комиссии.

Комиссия в составе: члена исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Дубровой Ф. Г., председателя Артемовского горисполкома Баландина С. А., настоятеля Всехсвятской церкви священника Крещановского И. К., граждан города Артемовска — Пруденко С. П. и Орадовского М. С., при участии судебно-медицинских экспертов: профессора доктора медицинских наук Войнара А. И., профессора доктора медицинских наук Чаругина А. И. и майора медицинской службы Абрамова А. А., в присутствии представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д. И. установила, что по приказу немецкого коменданта гор. Артемовска майора фон Цобеля было расстреляно и замучено более 3000 советских граждан — женщин, детей и стариков. Трупы советских граждан были замурованы в туннеле карьеров Алебастрового завода. Комиссия установила:

«В двух километрах к востоку от города Артемовска в туннеле карьеров Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой, овальной пещерой. Вся пещера заполнена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все трупы тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры. Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел».

Чудовищные злодеяния совершены немецкими захватчиками в городе Краматорске. 25 сентября 1943 года комиссия в составе: представителя командования гвардейской армии подполковника Шапошникова, священника Покровской церкви Стрижко Д., учительницы Анищенко, представителя военной прокуратуры 3-й гвардейской армии майора юстиции Айзенварта Д. И., при участии главного судебно-медицинского эксперта Юго-Западного фронта капитана медицинской службы Шингановича А. В., главного патологоанатома Юго-Западного фронта полковника медицинской службы Шур Б. Ю., армейского судебно-медицинского эксперта капитана медицинской службы Поташина произвела на северной окраине города Краматорска на старом глиняно-меловом карьере раскопки 3 ям.

«При снятии верхних слоев породы на глубине от 20 сантиметров до одного метра, — говорится в акте комиссии, — обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами лицом вниз. Из этих 3-х ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских. 126 трупов

были опознаны, среди них мастер завода им. Куйбышева Соломко Н. И., счетовод Давиденко Н. И., инженер Греков Е. С., домашняя хозяйка Солод М. И. и другие.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что у 761 трупа имеются сквозные пулевые отверстия черепа, у 40 трупов сквозные пулевые ранения шейного отдела позвоночника. Из подвергнутых экспертизе трупов во всех 812 случаях смерть наступила в результате выстрела из ручного огнестрельного оружия в затылок, на близком расстоянии, почти в упор».

Расстрелы мирных граждан в городе Краматорске осуществлялись по приказу немецкого коменданта города лейтенанта Мойшке.

В километре от города Сталино немецко-фашистские мерзавцы замучили и расстреляли десятки тысяч мирных советских граждан и сбросили их в ствол Калиновской шахты 4—4-бис. Чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений, гитлеровцы подорвали шахтный копер и завалили таким образом ствол шахты. Областная комиссия по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов производит раскопки и извлечения трупов.

В гор. Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели. 11 сентября 1943 года комиссия в составе: заместителя председателя исполкома Сталинского областного Совета депутатов трудящихся Кремнева Я. Е., священника-настоятеля Преображенской церкви города Сталино Одринского, представителя политотдела части № 05830 старшего лейтенанта Зиньковского, при участии судебно-медицинских экспертов профессоров — Войнара А. И. и Чаругина А. И. и врачей Михалевой и Ермолаевой, произвела раскопки сгоревшего сарая. При раскопках пепелища комиссия обнаружила 41 обгоревший человеческий труп.

В городе Сталино на территории клуба имени Ленина и в здании центральной поликлиники находился лагерь для военнопленных и мирных советских граждан. Бежавшие из этого лагеря красноармейцы Плахов И. В. и Шацкий К. С. сообщили:

«В лагере нас морили голодом. Помещения, в которых мы содержались, не были застеклены; были случаи массового обмороживания. В жаркие летние месяцы страдавшие от жары военнопленные по 3—5 суток не получали питьевой воды. По всякому незначительному поводу нас избивали. В результате такого режима смертность среди военнопленных доходила до 200 человек в день».

Комиссия в составе: председателя Сталинозаводского райисполкома депутатов трудящихся Яковлева Н. П., протоиерея Чернявского, директора центральной поликлиники Ильинского А. А., при участии судебно-медицинских экспертов профессора Афанасьева Н. К. и городского судебного врача Михалева установила, что на территории лагеря при клубе имени Ленина и центральной поликлиники похоронено не менее 25 тысяч советских граждан. Истребление советских людей и издевательства над ними производились по указанию и при непосредственном участии начальника лагеря немецкого офицера Гаффеля.

14 сентября 1943 года Комиссия в составе военного прокурора города Артемовска Мусатина И. В., врача города Артемовска Леонидова В. П., представителя пограничной части лейтенанта Бородин В. К., священника Покровской церкви Зумина А. И. и представителя дистанции пути Обухова обнаружила на территории военного городка за северным вокзалом города Артемовска 25 могил. Комиссия установила, «что в 25 могилах на территории военного городка города Артемовска похоронено до 3000 трупов советских граждан, содержащихся в лагере, расположенном на территории военного городка».

За время оккупации Сталинской области немецко-фашистские власти насильно, под угрозой расстрела, угнали в Германию более 125 тысяч советских граждан.

* * *

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что ответственность за все эти зверские преступления наряду с гитлеровским правительством несут следующие немецко-фашистские офицеры и другие лица: хозяйственный руководитель группы армий Нагель, бывшие коменданты города Сталино полковник Петерс и подполковник Ленц, заместитель коменданта военный советник Нарушат, начальники гестапо оберштурмфюреры Моор и Леунштейн, руководитель концлагерей оберштурмфюрер Домник и капитан Тром, технический руководитель акционерного общества «Восток» шеф-генерал Винаккер, его заместитель доктор Бранс; комендант города Краматорска лейтенант Мойшке, бургомистр Шопен; коменданты города Макевки Фоглер, майор Фукс, помощник коменданта капитан Мюллер, нач. охранной полиции капитан Розенталь; комендант гор. Енакиево лейтенант жандармерии Фишер, старший лейтенант жандармерии Шоинг, директор Штрекенбах, главный инженер Берншайдт; коменданты гор. Мариуполя — фельдкомендант генерал Гофман, комендант Михаэль, его заместитель оберлейтенант Хук, руководитель команды «СД-6» оберлейтенант

Вульф, руководитель шпц-полиции оберлейтенант Шалерт; комендант города Артемовска фон Цобель, советник Шмок Герд, капитан Гергардт.

Кроме того, ответственность за все указанные выше преступления несут также следующие лица: полевой инспектор юстиции Штеккер, бургомистр Эйхман, старшие инспектора — старшие лейтенанты Лей и Момсен, полевой инспектор юстиции Штольц, оберинспектор Крютнер, капитан Брандт, советник доктор Меер, лейтенант Баас, капитан-доктор Гайде, военный инспектор доктор Франк, капитаны Майлинк и Шнайдер, главные врачи Белиндорф и Кухендорф, оберфельдарт Ролль, главный врач лазарета Троммер, представитель фирмы «Дортмундер Унион» Вилли Маник, директор завода той же фирмы Брюкенбау-Беккер, главный инженер Альтфельдт, начальники производства Сמיד и Кемпер, капитан Шенк, зондерфюреры Гебхарт и Гусс, капитан Кауэрман, шеф энергогруппы доктор Бутлер, зондерфюрер Стельман, оберлейтенант Бурхарт, зондерфюрер Фогель, начальники отделов общества «Восток» капитан Релесман, оберлейтенант Крюммер, капитан Шунт, управляющий дирекцией Якоб Кун, бывшие руководители шахт: оберлейтенант Бранс, зондерфюрер Фульд, фон Фельзен, управляющий дирекцией Клебер, директор оберлейтенант Штеф и его заместитель лейтенант Тебель, управляющий дирекциями Офферман и Ройтеч, технический директор Флойтер, зондерфюрер Лашнер, директор Шуберт; представители акционерного общества «Восток» — Руфус, фирмы «Колин» — шеф-директор Якобс, фирмы «Отто» — директор завода Ренкгоф; коммерческий директор Форм, начальник доменного и коксового цехов Беке, фельдфебель Пекерс; директор треста «Артемуголь» Миллер, его заместитель Горшц; ефрейторы Иоган Гольд, Герман Фергольд, фельдфебель Филлер.

Все эти преступники должны понести суровую кару за свои чудовищные злодеяния, совершенные против советского народа.

12 ноября 1943 г.

Документ СССР-6

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

Ворвавшись в город Львов 30 июня 1941 года, немецкие захватчики объявили Львовскую область «дистриктом Галиции» и ввели в ней так называемый «новый порядок» безудержного грабежа, насилий, пыток, массовых расстрелов и убийств мирного населения.

Убийства советских граждан совершались не случайными бандитскими группами немецких офицеров и солдат, а преднамеренно немецкими воинскими соединениями, полицией и СС, организовано, по заранее разработанным планам германского правительства. Для массового истребления советских людей был создан особый аппарат и организована целая сеть лагерей для уничтожения людей.

Главным вдохновителем и организатором системы истребления людей являлся рейхсминистр Германии Гиммлер, неоднократно приезжавший в Львов для инспектирования и проверки деятельности учрежденных по его воле «предприятий смерти».

Для расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков Чрезвычайная Государственная Комиссия назначила специальную комиссию в составе депутатов Верховного Совета Союза ССР генерал-майора И. С. Грушецкого, Н. В. Козырева и В. Г. Садового, доктора И. М. Трегуба, Е. С. Грушко, председателя исполкома Львовского городского Совета П. В. Бойко, П. С. Турченко, А. А. Вишневого, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии С. Т. Кузьмина, при участии главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии доктора медицинских наук М. И. Авдеева, помощника главного судебно-медицинского эксперта Красной Армии В. И. Пухнаревича, судебно-медицинского эксперта Д. А. Голаева, эксперта-криминалиста Н. И. Герасимова, прокурора Львовской области И. П. Корнетова и начальника следственного отдела Львовской областной прокуратуры П. З. Крыжановского,

На основании материалов расследования, произведенного специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также многочисленных свидетельских показаний советских граждан и граждан иностранных государств Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что в Львове, Раве-Русской, Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродах, в Подкаменском, Ново-Ярычевском, Ивано-Франковском и других районах Львовской области немецкие захватчики истребили около 700 тысяч советских людей — мужчин, женщин, детей, а также подданных Чехословакии, Югославии, Голландии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, привезенных в Львов из концентрационных лагерей Германии.

НЕМЕЦКИЕ ЗАХВАТЧИКИ УБИЛИ В ЛЬВОВЕ ВИДНЕЙШИХ ДЕЯТЕЛЕЙ НАУКИ И ИСКУССТВА

Отряды гестаповцев еще до захвата Львова имели составленные по указанию германского правительства списки виднейших представителей интеллигенции, предназначенных к уничтожению. Тотчас же после захвата города Львова начались массовые аресты и расстрелы. Гестаповцы арестовали: члена Союза советских писателей, автора многочисленных литературных произведений, профессора Тадеуш Бой-Желенского, профессора мединститута Романа Ренцкого, ректора университета профессора судебной медицины Владимира Серадского, доктора юридических наук Романа Лонгшамю де Берье вместе с тремя его сыновьями, профессора Тадеуша Островского, профессора Яна Грека, профессора-хирурга Генрика Гиляровича, профессора-стоматолога Антона Тешинского, профессора Францишека Гроэра, профессора патологической анатомии Витольда Новицкого, докторов физико-математических наук Владимира Стожека и Антона Ломницкого, академика Соловий, почетного члена многих академий наук Казимира Бартель, доктора химических наук Станислава Пилат, доктора технических наук Каспара Вайгеля, доктора технических наук Романа Виткевича, доктора технических наук Владимира Круковского, профессора Станислава Прогульского, профессора Менчевского, этнографа Адама Фишера, доктора технических наук Казимира Ветуляни, известного юриста, члена Кодификационной Комиссии Польши, профессора Мауриция Аперханда, львовскую писательницу Галину Гурскую, критика Остапа Ортвина, доцентов Ауэрбаха Пясецкого, физика Вандера, инженера Шимона Блюменталя, хирурга Руффа, доцента Чортковера и других профессоров и преподавателей учебных заведений.

Профессор Львовского медицинского института Ф. В. Гроэр, которому случайно удалось избежать смерти, сообщил комиссии:

«Когда 3 июля 1941 года, в 12 часов ночи, меня арестовали и посадили на грузовую машину, в ней уже находились профессора: Грек, Бой-Желенский и другие. Нас повезли в дом «Бурса Абрагамовичев». Ведя нас по коридору, гестаповцы глумились над нами, подталкивали прикладами винтовок, дергали за волосы и били по голове... Позже я видел, как из общежития «Бурса Абрагамовичев» немцы вывели под конвоем 5 профессоров, четверо из них несли окровавленный труп убитого немцами при допросе сына известного хирурга Руфф. Молодой Руфф был также специалистом. Вся эта группа профессоров под конвоем проследовала по направлению к Кадетской горе. Спустя 15—20 минут я услышал залп из винтовок в том направлении, куда повели профессоров». Чтобы унижить человеческое достоинство, немцы прибегали к самым изощренным истязаниям арестованных ученых, а затем расстреливали их.

Житель города Львова Гольцман Б. О. показал перед специальной комиссией, что он сам видел, как во двор дома № 8 на улице Артишевского в июле 1941 года эсэсовцы «привели 20 человек, среди них 4 профессора, адвокаты, врачи. Одного из них я знаю по фамилии — доктор юстиции Крепс. Среди приведенных было 5—6 женщин. Эсэсовцы заставили их языком и губами мыть лестницы в 7-ми подъездах 4-этажного дома. После того, как все лестницы были вымыты, этих же людей заставили собирать на дворе губами мусор... Весь собранный мусор нужно было перенести в одно место двора... Все это вместе со мной видел также дворник дома № 8 по улице Артишевского Гира Леопольд. После окончания работы гестаповцы выбрали из этой группы 5 человек, вывели их за город и расстреляли».

Фашистские захватчики тщательно скрывали факты истребления интеллигенции. На неоднократные просьбы родственников и близких сообщить, какая судьба постигла ученых, немцы отделывались «незнанием».

По приказу рейхсминистра Германии Гимmlера осенью 1943 года гестаповцы сожгли трупы расстрелянных профессоров. Производившие раскопки трупов бывшие заключенные Яновского лагеря Мандель и Корн сообщили комиссии следующее:

«5 октября 1943 года ночью между улицами Кадетской и Вулецкой, по приказу одного из гестаповцев, при свете прожекторов нами была открыта яма, из которой мы извлекли 36 трупов. Все эти трупы нами были сожжены. Во время извлечения трупов из ямы мы обнаружили документы на имя профессора Островского, доктора физико-математических наук Стожека и профессора политехнического института Казимира Бартеля».

Расследованием установлено, что в первые же месяцы оккупации немцы арестовали и убили в Львове свыше 70 виднейших деятелей науки, техники и искусства.

МАССОВОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Немецкий губернатор «дистрикта Галиции», в который входила Львовская область, доктор Вежтер и генерал-майор СС Кацман в ноябре 1941 года, в Львове, на Яновской улице создали так называемый «лагерь принудительных работ». Он был огорожен кирпичной стеной и обнесен колючей проволокой. Сюда немцы сгоняли мирных граждан и военнопленных. Заключенных в лагере морили голодом, заставляли выполнять непосильные работы, зверски избивали палками, заражали тифом и дизентерией. Рацион дневного довольствия состоял из 2 стаканов «черного кофе», приготовленного из древесных опилок, 100 граммов хлеба с примесью тех же опилок, тарелки супа из картофельных очисток и не обеспечивал даже голодного существования. Заключенные тысячами умирали от голода, тифа, дизентерии и расстреливались.

Гауптштурмфюрер СС Гебауэр установил в Яновском лагере систему зверского истребления людей, которую потом, после его перевода на новую должность, «совершенствовали» коменданты лагеря оберштурмфюрер СС Густав Вильгауз и гауптштурмфюрер СС Франц Варцок.

«Я лично видел, — сообщил комиссии бывший заключенный лагеря Аш, — как гауптштурмфюрер СС Фриц Гебауэр душил женщин и детей, а мужчин зимой замораживал в бочках с водой. Бочки наполнялись водой, жертвам связывали руки и ноги и опускали в воду. Обреченные находились в бочке до полного замерзания».

По показаниям многочисленных свидетелей советских военнопленных, а также французских подданных, находившихся в немецких лагерях, установлено, что немецкие бандиты «изобретали» самые изощренные методы истребления людей, причем все это считалось у них делом особой чести и поощрялось главным военным командованием и правительством.

Гауптштурмфюрер СС Франц Варцок, например, любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключенным животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздвигал свои жертвы, подвешивал их за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени».

Комендант Яновского лагеря, оберштурмфюрер Вильгауз, ради спорта и для удовольствия жены и дочери, систематически стрелял из автомата с балкона канцелярии лагеря в заключен-

ных, работавших в мастерских, потом передавал автомат своей жене, и она также стреляла. Иногда, чтобы доставить удовольствие своей 9-летней дочери, Вильгауз заставлял подбрасывать в воздух 2—4-летних детей и стрелял в них. Дочь аплодировала и кричала: «Папа, еще, папа, еще», и он стрелял.

Заключенные в лагере истреблялись без всякого повода, часто на спор. Свидетельница Киршнер Р. С. сообщила следственной комиссии, что комиссар гестапо Вепке поспорил с другими палачами лагеря о том, что он одним ударом секиры разрубит мальчика. Те ему не поверили. Тогда он поймал на улице 10-летнего мальчика, поставил его на колени, заставил сложить руки ладонями вместе и пригнуть к ним голову, примерился, поправил голову мальчика и ударом секиры разрубил его вдоль туловища. Гитлеровцы горячо поздравляли Вепке, крепко пожали ему руки, хвалили.

В 1943 году в день рождения Гитлера (ему исполнилось 54 года) комендант Яновского лагеря оберштурмфюрер Вильгауз отсчитал из числа заключенных 54 человека и лично расстрелял их.

При лагере для заключенных была организована больница. Немецкие палачи Брамбауэр и Бирман каждого 1-го и 15-го числа проводили проверку больных и, если устанавливали, что среди них имеются такие больные, которые находятся в больнице более 2 недель, тут же их расстреливали. При каждой такой проверке расстреливались от 6 до 10 человек.

Пытки, истязания и расстрел немцы производили под музыку. Для этой цели они организовали специальный оркестр из заключенных. Оркестром заставляли руководить профессора Штрикса и известного дирижера Мунда. Композиторам немцы предложили сочинить особую мелодию, которую назвали «Танго смерти». Незадолго до ликвидации лагеря немцы расстреляли всех оркестрантов.

В Яновском лагере фашисты расстреляли более 200 тысяч мирных советских людей. Бывший заключенный этого лагеря Мандель показал: «За два месяца моего пребывания в лагере немцы убили до 60 тысяч заключенных и в том числе 8 тысяч детей».

Основным местом массовых расстрелов в Яновском лагере был овраг, названный заключенными «Долиной смерти», который находился на расстоянии полукилометра от лагеря.

На территории Яновского лагеря комиссия обнаружила 3 ямы с трупами расстрелянных во второй половине июля 1944 года советских граждан. Как показали свидетели и родственники убитых, немцы расстреляли здесь советских людей, привезенных из разных тюрем гестапо. Нарушив обычный порядок, гитлеровцы

на этот раз не обыскали одежды убитых. В карманах одежды замученных комиссия обнаружила документы. По этим документам установлено, что в числе убитых и замученных были: Рыбий Василий, 1910 года рождения, Панасюк Василий, Окунь Михаил, Сорока Егор, 1921 года рождения, уроженец г. Львова, Рыбаковский Рудольф, 1913 года рождения, уроженец г. Львова, Говалевич Леон, Лакрайх, 1913 года рождения, уроженец с. Седлишка, Львовской области, Цыганик Варфоломей, 1904 года рождения, уроженец с. Комарно, улица Садовая, № 66, Вансович Михаил, 1905 года рождения, Табак Василий, Гаврилов Михаил, 1904 года рождения, Белый Чеслав, 1914 года рождения, проживавший в г. Львове, Синерухин Александр, 1916 года рождения, Табино Василий, 1919 года рождения.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав «Долину смерти» в Яновском лагере и изучив показания свидетелей, установила:

«1. В Яновском лагере производились массовые убийства мирного гражданского населения.

2. Убийства производились в основном путем расстрела типичным немецким приемом — выстрелом в затылочную область головы. Часть расстрелянных убиты выстрелами в теменную область черепа.

3. На территории, прилегающей к Яновскому лагерю, немцы производили массовое захоронение и впоследствии сожжение трупов. Сожжение трупов производилось длительное время и в разных местах территории лагеря, но большую часть трупов немцы сжигали в балке-выемке.

4. Земля в этой балке на значительной глубине оказалась пропитанной трупными жидкостями и жирами с гнилостным запахом и запахом гари.

5. Характер обнаруженного пепла, состоящего из мелких кусочков костей, хрупкость более крупных обломков костей свидетельствуют о том, что сожжение трупов производилось при высокой температуре. Оставшийся при сожжении трупов пепел зарывался в различных местах на территории лагеря на глубине до 2 метров. Таких мест обнаружено 59. Кроме того, пепел с костями был обнаружен на поверхности почвы почти на всей осмотренной территории лагеря.

Учитывая общую площадь закапывания и рассеивания пепла и костей, достигающую 2 квадратных километров, экспертная комиссия считает, что в Яновском лагере истреблено более 200 тысяч советских граждан».

В июле 1941 года немецкое военное командование создало в центре города Львова, на территории крепости, именуемой «Цитадель», концентрационный лагерь для военнопленных. Под угрозой расстрела немцы заставляли заключенных работать

с утра до поздней ночи. Помещения лагеря не отапливались. Заключенные десятками тысяч умирали от голода, побоев, болезней и расстреливались.

На основе свидетельских показаний установлено, что в лагере «Цитадель» за время его существования содержалось более 280 тыс. военнопленных, из которых от голода, болезней, истязаний и расстрелов погибло свыше 140 тыс. человек.

Свидетель Никифор Григорьевич Голюк, находившийся в этом лагере с 8 июля 1941 года по апрель 1942 года, сообщил комиссии:

«Как медфельдшер, работавший в этом лагере, я знаю, что за 4 месяца — с августа по ноябрь 1941 года в лагере умерло только от дизентерии около 3 тысяч военнопленных. Никаких мер борьбы с болезнями немецкое командование не принимало. Наоборот, немцы умышленно привезли в этот лагерь из лагеря № 385 в Раве-Русской больных сыпным тифом и разместили их в казармах группами по 10 человек среди здоровых военнопленных. После этого неизбежно в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа, от которой с ноября 1941 года по март 1942 года умерло около 5 тысяч военнопленных».

При осмотре лагеря «Цитадель» комиссия обнаружила в камерах надписи замученных военнопленных:

«Здесь умирали с голоду русские пленные тысячами. 22 января 1944 года».

«Доблестная русская армия, вас ждут с нетерпением не только народы, но и военнопленные, которые обречены на голодную смерть. Как тяжело умирать».

Массовые расстрелы мирного населения и военнопленных немцы производили также и в Лисеницком лесу, находящемся на окраине Львова по направлению к Тернополю. В этот лес немцы ежедневно пригоняли и привозили на автомашинах большие партии советских военнопленных из лагеря «Цитадель», заключенных из Яновского лагеря, Львовской тюрьмы, а также мирных советских людей, задержанных на площадях и улицах города Львова во время многочисленных облав.

Судебно-медицинская экспертная комиссия, обследовав место расстрелов советских военнопленных, обнаружила на поверхности земли и в разных ямах пепел и уцелевшие кости человеческих скелетов, искусственные зубы, предметы личного обихода, человеческие волосы. «Остатки мозгового вещества, волосы, предметы личного обихода и резкий трупный запах в ямах свидетельствуют о том, что в них первоначально продолжительное время были зарыты трупы, которые потом были вырыты и сожжены».

На основании расследования установлено, что немцы расстреляли в Лисеницком лесу свыше 200 тысяч человек.

В сентябре 1941 года по указанию генерал-майора полиции СС Кацмана в Львове было организовано гетто, названное немцами «Юденлаг» — еврейский лагерь. Гетто было размещено на окраине города. Территория лагеря была обнесена забором и проволокой. Выходить из гетто никому не разрешалось. На работу и с работы евреев водили только под конвоем. В лагере находилось 136 тысяч человек. Население подвергалось грабежу. Условия жизни в гетто были ужасающими: люди спали на голом полу и под открытым небом, с евреями обращались хуже, чем со скотом. Немцы проводили в городе массовые облавы на евреев. Они не щадили ни мужчин, ни женщин, ни детей. Взрослых они просто убивали, детей отдавали командам гитлеровской молодежи в качестве мишеней при стрельбе.

Вот что сообщила по этому поводу в своем письменном заявлении французская подданная Ида Вассо, директриса существовавшего в Львове еще задолго до войны специального убежища для престарелых и нетрудоспособных французов:

«...С приходом немецких властей мы были постоянно уверены, что будут убийства. И, действительно, не прошло и 2—3 дней, как мы услышали стрельбу из автомата, которая уверила нас в расстреле евреев — этих несчастных людей. Я имела возможность посетить гетто. Гигиенические условия там были ужасны. Люди жили по 15—20 человек в одной комнате, без воды и электричества. Дороговизна была ужасная, и, как всегда, сила денег играла свою роль. Несчастные были обречены на голод. Один раз в неделю их посещало гестапо, которое одних увозило в Бельзец (Польша), других к песчаному рву, чтобы расстрелять. Приговоренных увозили в одних сорочках, так как немецкие бандиты имели наглость отбирать их одежду и награбленное отправлять вагонами в Германию. Маленькие дети были мучениками. Их отдавали в распоряжение гитлеровской молодежи, которая из этих детей делала живую мишень, учась стрелять. Никакой жалости к другим, все для себя, таков девиз немцев. Надо, чтобы весь мир знал об их методе. Мы, которые были беспомощными свидетелями этих возмутительных сцен, мы должны рассказать об этих ужасах, чтобы все знали о них, а, главное, не забыть их, так как возмездие не вернет жизнь миллионам людей.

Забвение было бы изменой человечеству. Страдания советских, французских, английских, американских пленных должны быть отомщены. Запомните на всю жизнь. Ида Вассо Том».

За время существования гетто с 7 сентября 1941 года по 6 июня 1943 года немцы истребили свыше 130 тысяч человек, часть из них была расстреляна в самом гетто, часть в Яновском лагере, остальных немцы отправили для уничтожения в лагерь смерти в Бельзец (Польша).

Немцы производили массовое уничтожение советских людей и в других городах Львовской области. В городе Рава-Русская немцы организовали лагерь военнопленных. С июня 1941 года по апрель 1942 года в этом лагере находилось свыше 18 тысяч советских военнопленных. Все они к концу этого периода были уничтожены. Военнопленных, поступивших в лагерь, немцы раздевали, оставляли на них только одно белье, в зимнее время водили на работу раздетыми и разутыми. Лишенные сил, военнопленные падали. Немцы их добивали из автоматов и просто кололи штыками.

Житель села Яныче, Магеровского района, Кочак Василий Степанович показал перед следственной комиссией:

«Я работал в лагере советских военнопленных с декабря 1941 года по апрель 1942 года. За это время немцы уничтожили голодом, холодом и расстреляли около 15 тысяч военнопленных. Трупы умерших и расстрелянных увозили на тракторных прицепах в Волковицкий лес. Голодные и истощенные военнопленные, когда их проводили по территории лагеря, набрасывались на кучи гнилой и мерзлой картошки, но конвоиры их тут же расстреливали. Я видел, как выводили совершенно голых военнопленных, привязывали веревками к стене или столбу и в зимнее время держали их так, пока они не замерзали».

Массовое истребление советских людей немцы производили повсеместно, особенно в городах: Золочеве, Сокале, Яворове, Жолкве, Городке, Бродах.

НЕМЦЫ ИСТРЕБИЛИ В ЛАГЕРЯХ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ ТЫСЯЧИ ПОДДАННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Чрезвычайной Государственной Комиссией установлено, что немецкое правительство систематически направляло в лагеря Львовской области военнопленных и мирных граждан иностранных государств из концентрационных лагерей, расположенных на территории Германии. Здесь немцы подвергали их истязаниям и убивали.

Житель города Львова Бичь З. Е. сообщил комиссии:

«Когда я находился в заключении в Яновском лагере, там были, кроме украинцев, поляков и евреев — подданные Франции, Чехословакии, Италии и других государств».

Военнопленных иностранных государств немцы принуждали к непосильной работе, избивали, морили голодом, преднамеренно истребляли. Все это подтверждается многочисленными показаниями советских граждан, а также показаниями освобожденных Красной Армией в Львове французских военнопленных, находившихся в заключении в «Цитадели» и Яновском немецких лагерях.

Уроженец города Ангулем департамента Шаранта (Франция) Эмиль Леже, взятый немцами в плен 13 июня 1940 года в Шампани (Франция), сообщил: «С первых же минут моего плена мне пришлось испытать на себе жестокие методы, применяемые немцами... Под страхом смерти нас заставляли работать без отдыха, без достаточного количества пищи; мы были истощены, изнурены, покрыты вшами, без обуви, наше обмундирование было в лохмотьях. Когда мы жаловались на подобный режим, нам отвечали: «Это еще слишком хорошо для французских свиней и собак».

В течение этого времени мы не имели известий от наших родных. Когда мы просили разрешения написать им, то немцы отвечали нам: «Зачем? Ваши родные, без сомнения, убиты, а с вашими женами спят немецкие солдаты»...

...В 1941 году я присутствовал при первом прибытии русских военнопленных в «Шталаг» Нейбранденбург. Это было ужасно. Русские были настоящими скелетами, в которых еще теплились остатки жизни. У многих из них были штыковые раны на ягодицах и спине. Некоторых немцы убивали, некоторые сами падали мертвыми от истощения при малейшем передвижении. Мертвых раздевали, складывали на телегу и везли в общую могилу, находившуюся в окрестностях «Шталага». Телега возвращалась в «Шталаг», нагруженная хлебом и овощами для кухни. На телеге были кровавые пятна. Это было отвратительно! В эти минуты мы поняли, на какую утонченную жестокость способны немцы. Каждое утро немецкие офицеры и унтер-офицеры посещали лагерь русских военнопленных. Они говорили: «Мы идем упражняться в тире по живой мишени».

Приблизительно 200 человек русских солдат умирали ежедневно. Их убивали, или они умирали от болезней и голода. Среди многих убийств я лично видел ужасный способ убийства русских военнопленных немецкими солдатами. Ударами палки или ударами сапога они разбивали им головы, говоря: «Русские собаки не стоят ружейной пули». Доведенные до высшей степени утонченности подлость, варварство и жестокость являются отличительными чертами «бошей» в лагерях.

В январе 1943 года я был отправлен в «дисциплинарный лагерь 325» в Галицию (Рава-Русская — Тернополь — Львов). Здесь был еще более жестокий режим. Много французов было убито в этом «Шталаге». Это был террор. Один просвет, одна мысль — смерть. Во время моего тюремного заключения в Львове мне приходилось ходить на работы по мощению улиц, что позволило быть свидетелем убийств немцами десятков тысяч людей. Улицы были завалены горами трупов женщин, детей, мужчин, убитых ночью».

Лооф Клеман сообщил следственной комиссии об ужасах немецких лагерей, которые ему пришлось пережить, будучи пленником: «Воинскую повинность я отбывал в Сент-Авольд, близ Меца, в 18-м кавалерийском полку. Попал в плен к немцам 4 июня 1940 года в Сент-Клере (департамент Сена)... Рава-Русский лагерь военнопленных, куда я прибыл 3 сентября 1942 года, англичане называли «медленной смертью». В этом лагере был один водопроводный кран на 12 тысяч человек. Пользоваться им разрешалось только в течение 4—5 часов в день... Немецкая охрана нас терроризировала. За малейшую провинность грозила смерть. Нам не разрешалось пить воду. Мы голодали. Утром во время переключки мы с трудом стояли на ногах; нам давали на день 200 гр. хлеба, по утрам мы получали горячую воду с сосновыми иглами, днем пол-литра супа. Часто суп был только водой. Мы спали на полу. Повсюду были блохи и вши. Русские военнопленные тысячами умирали в лагере от голода и тифа... По ночам в Рава-Русской происходили убийства еврейских женщин и мужчин. Всю ночь работал пулемет. Утром, идя на работу, я сам видел большое количество трупов. Немцы даже не зарывали их и не давали себе труда увезти их».

Бывший французский военнопленный № 18057, XII. Д. Марсель Риветт о зверствах немцев сообщил следующее:

...«Я отбывал воинскую повинность в Саарбурге (Мозель) в 59-м пехотном полку. Во время всеобщей мобилизации был направлен в 60-й армейский моторизованный полк. 24 июня 1940 года я попал к немцам в плен в Вогезах...

В Трире я впервые встретился с русскими военнопленными. К ним относились очень плохо. Среди военнопленных были и поляки. Русские жили отдельно в своих камерах, и им давали в пищу картофельную шелуху.

В Лимбурге в «Шталаге XII.A» обращение с военнопленными было еще более суровым. В 6 часов утра нас выгоняли из барака ударами дубины... В полдень давали суп, который русские должны были есть стоя. Если кто-либо из них присаживался, тут же шелкала винтовка или стрелял пулемет. Французский говариц подымал упавшего и нес его в госпиталь, где врачу оставалось только констатировать смерть. Ежедневно умирало 15—20 русских. Причиной смерти были: голод, болезни или убийство. Французский доктор, который делал вскрытие, находил в кишках умерших траву, земляных червей, которых ели умиравшие от голода военнопленные...

...Начальник «Шталага XII.A» барон фон Бок нашел, что сборы в бараках происходят слишком медленно (нас было 1200 человек в двух бараках № 7, 8). Последовал приказ быть готовым в 4 минуты, опоздавших разрешалось колоть штыками. В этом находил себе удовольствие унтер-офицер Шрейнер, ко-

ловший нас. Нас перевели в Рава-Русскую. Там мы обратили внимание на плохой вид русских военнопленных. Было 10 января, и термометр показывал 10—15 градусов ниже нуля, а многие были только в сорочках, кальсонах, босые, без шапок и все страшно похудевшие, почти скелеты. У всех у них были штыковые раны на спине и ягодицах. Нам удалось поговорить с русскими и узнать, что они военнопленные и работают непосредственно на линии фронта. И когда их спросили, почему они раздеты, то получили ответ, что немцы раздели их, чтобы защитить самих себя от холода. После двухдневной проверки и вызовов нас поместили в подвале без света. Мы ничего не ели. Было 20 градусов ниже нуля, среди нас были солдаты Северной Африки, которые невыносимо страдали от холода.

1 июня 1943 года произошла кровавая бойня, во время которой было убито 10 тысяч человек. Некоторые куда-то были увезены. На следующий день, когда мы шли утром на работы, мы видели много трупов женщин, детей, мужчин, лежавших в лужах крови. Немцы убивали без разбора всех евреев, где бы они их ни встретили. Это было невообразимо! Убийства продолжались около месяца.

Советская Армия вступила во Львов. И с тех пор мы свободны, ожидаем скорого возвращения во Францию. Я надеюсь, что немцы сполна заплатят за пролитую ими кровь и будут наказаны за все ими содеянное. Марсель Риветт, военнопленный № 18057, XII. Д.».

Ле Фуль Жорж сообщил комиссии:

«После пяти тяжелых суток мы ночью прибыли в Рава-Русскую. Нас тащили, так как большинство военнопленных совершенно ослабели. Немецкий унтер-офицер крикнул нам: «Вот вы и приехали в страну солнца». Но какой ужас этот лагерь!..

Немец-адъютант сказал нам, что в лагере Рава-Русская умерло более 3000 русских военнопленных от тифа. Мы зарываем их тут. Случается, что среди них попадают еще не умершие, но их все равно бросают в ямы и засыпают негашеной известью, от которой они задыхаются. Ежедневно в лагерь прибывало 1000 французов, бежавших из Германии. Это были те, кто не хотел работать для победы Германии»...

Вблизи г. Рава-Русская, в 200 метрах от городской больницы и метрах 50 от шоссе, на опушке леса, комиссия обнаружила 22 могильных холма. На некоторых из них сохранились кресты с французскими надписями.

Судебно-медицинской экспертной комиссией были вскрыты 2 могильных холма. В одном из них был обнаружен труп мужчины в форменной одежде французской армии. На отворотах воротника имелась цифра «24». Документов при трупе не обнаружено. В другом комиссия обнаружила два мужских трупа без

одежды, со следами обугливания по всей поверхности трупов. По сохранившимся надписям на крестах могильных холмов установлено, что в них захоронены французы, замученные немцами: Бонэ Рожер, рождения 1911 года, Годи Пьер, рождения 1915 года, Дастю Пьер, Леплей Жозеф, 30 лет, Самье Арман, Блонди Рожер, 29 лет, Посэ Поль, 34 лет, Гюйон Андре, 30 лет, Рейно Шарль, 29 лет, Витто Эйжен, 34 лет, Сирг Камиль, Боннуа Альфонс, Котье Рожер и другие.

Немецкие захватчики, лишённые всякой морали, истребляли всех неугодных им людей: русских, украинцев, евреев, поляков, французов, чехов и даже вчерашних своих друзей по оружию — итальянцев.

Работавшая в период немецкой оккупации переводчицей в команде «Ретрово-Итальяно» Петрушковна Нина Здиславовна, по национальности полька, сообщила:

«После падения Муссолини фашисты потребовали от итальянских солдат, находившихся в городе Львове, присяги на верность гитлеровской Германии. Многие из них отказались дать присягу. Всех, кто отказывался от присяги, фашисты арестовывали. Так было арестовано 2000 человек итальянцев, и всех их немцы расстреляли.

Среди расстрелянных было 5 генералов и 45 офицеров итальянской армии, которых я знала. В числе расстрелянных находились следующие генералы и офицеры итальянской армии: генерал-майоры: Манджанини Энрико, Форнарولي Альфред, Джанноти Джузеппе, полковники: Манджонини Луиджи, Ашенцо, Стефанини Карло, офицеры: Джино Каруссо, Фузаролли Луиджи, Томмасо Серафини, Форнаролли Энрико, Нино Манто, Эдуард Монджианнини, Альфред Ломбарди, Ливно Корсини, Джиованни Джакомини, Луиджи Стефанини, Персини Клено, Кастеляни Ришардо, Персианини Тулио, Дельниери Марино, Моросси Альфредо, Кастори Джорджио, Бастианини Альфредо, Сторелли Эдуардо, Биньями Джиованни, Валентини Джино, Саво Луиджи, Сабо Ришардо, Винченци Эмануэло, Лоренцо Веранини, Тоскано Альфонсо, Родоканакши Массимо, Либери Марселло, Кристианини Роберто, Цитрини Джиозеппе, Паулин Эмилио, Бискезе Донато, Джианнини Луиджи, Джиантонио Тулио, Джакаото Тулио, Тороссе Эвальд, Кристианини Серджио, Кедрианини Лоренцо, Валентино Альфредо, Каусуро Ришардо, Руссини Бенито, Тиорсини Тулио, Кристаллини Марино, Фарино Антонио, Кальниери Марино, Массони Луиджи, Кальцари Марино».

Гражданка Французской республики Ида Вассо также подтвердила факт расстрела немцами итальянских генералов, офицеров и солдат: «После отставки Муссолини, — говорит она, — немцы арестовали всех итальянцев, которые не хотели при-

мкнуть к фашистской партии, и уничтожили их. Трупы их исчезли. Без сомнения, они были сожжены или залиты негашеной известью».

СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПО СОКРЫТИЮ СЛЕДОВ СВОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В связи с успешным наступлением Красной Армии и паническим отступлением немецко-фашистских войск, гитлеровское правительство и военное командование приступили к скрытию своих чудовищных преступлений по истреблению мирного населения, советских военнопленных и подданных Франции, Чехословакии, Югославии, Польши, Голландии, Бельгии, Соединённых Штатов Америки, Великобритании, находившихся в немецких концентрационных лагерях Львовской области.

По указанию рейхсминистра Германии Гимmlера и генерал-майора полиции СС Кацмана в июне 1943 года были проведены специальные мероприятия по выкапыванию и сжиганию трупов замученных и расстрелянных мирных жителей, советских военнопленных и подданных иностранных государств.

В Львове немцами была создана особая зондеркоманда № 1005, состоявшая из 126 человек. Шефом этой команды был гауптштурмбаннфюрер Шерляк, его заместителем — гауптштурмбаннфюрер Раух. В обязанности зондеркоманды входило выкапывание из земли трупов убитых немцами мирных жителей и военнопленных и сжигание их. Раскопкой и сжиганием трупов руководили шарфюрер СД Раух и обервахтмейстер СД Кепик.

Извлечённые из ям трупы укладывались на специальных площадках в штабеля, от 1200 до 1600 трупов в каждом. Трупы обливались смолой, бензином и сжигались. Пепел и остатки костей просеивались через специальное решето с целью сбора золотых предметов: коронок, зубов, колец, часов. Свидетели Величкер, Хамайде и другие в своих показаниях сообщили, что за пять месяцев их работы в «бригаде смерти» из пепла сожжённых ими трупов было высеяно и отправлено немцами в Германию 110 килограммов золота.

Пепел рассеивался по полям, а также закапывался в землю, крупные кости собирались отдельно и перемалывались в машине-костедробилке, которая была сконструирована для ускорения «работы». Костедробилку немцы не успели уничтожить, она осталась на территории бывшего Яновского лагеря вещественным доказательством кровавых преступлений гитлеровских палачей. Руководителем по перемалыванию костей замученных был немец, шарфюрер СД Елитко.

Бывший заключённый Яновского лагеря Величкер Л. А., которого немцы заставили работать в бригаде по раскопке и сожжению трупов, показал: «В «бригаде смерти» по сожжению

трупов я работал с 6 июня 1943 года до 20 ноября 1943 года. За это время бригадой было сожжено свыше 310 тыс. трупов, из них около 170 тыс. на песчанике Яновского лагеря, свыше 140 тыс. в Лисеницком лесу. В это число входят как те трупы, которые бригадой выкапывались из могил, так и те, которые не закапывались в землю, а сразу после расстрела сжигались. 20 ноября 1943 года вся наша бригада сбежала. Только немногие остались в живых, остальные при побеге были убиты. Немецкие палачи организовали другую бригаду из заключенных, которые продолжали сожжение трупов. Какое количество трупов было сожжено после моего побега, я не знаю, но знаю, что сожжение трупов в Лисеницком лесу продолжалось до января 1944 года».

Свидетель Манусевич Д. Ш., также работавший в «бригаде смерти» показал следующее: «После сжигания трупов в яру возле Яновского лагеря нас ночью автомашинами повезли в Лисеницкий лес, где мы отрыли 45 ям с трупами расстрелянных граждан. По форме одежды, по знакам различия, пуговицам, медалям и орденам мы опознали среди трупов расстрелянных красноармейцев, а также французских, бельгийских и итальянских военнопленных, среди них были также и трупы мирных граждан».

Судебно-медицинская экспертная комиссия, во главе с главным экспертом Красной Армии, профессором Авдеевым М. И., провела обследование мест захоронения и сжигания трупов в Лисеницах и установила: «Симметричное расположение на поверхности площадок, где были обнаружены ямы с пеплом, молодых побегов деревьев, из которых часть засохла или слабо развивается, указывает на то, что деревья посажены на этих площадках искусственно, с целью маскировки площадок. Для этой же цели производилось вкапывание по поверхности площадок пней деревьев. Эти факты свидетельствуют о том, что немецко-фашистские власти всемерно стремились скрыть следы своих преступлений. Выбор места для своеобразных «фабрик смерти» в глубине котловины, скрытой почти со всех сторон от постороннего взгляда высокими холмами и деревьями, также помогал немцам орудовать скрытно. Естественные условия местности, применявшаяся маскировка и сильная охрана позволяли палачам творить свое страшное дело в глубокой тайне».

Таким образом, гитлеровские убийцы на территории Львовской области придерживались той же методики скрытия своих преступлений, которую они начали раньше, убив польских офицеров в лесу под Катыню. Экспертная комиссия установила полную идентичность маскировки расположенных в Лисеницах могил с такой же маскировкой могил убитых немцами польских офицеров в Катыни.

Для распространения опыта по истреблению людей, сжиганию трупов, маскировке преступлений немцы создали в Львове при Яновском лагере специальную школу по подготовке «квалифицированных кадров».

В эту школу приезжали коменданты лагерей из Люблина, Варшавы, Кракова и других городов. Руководитель зондеркоманды № 1005 Шерляку «рабочего места» учил комендантов, как производить извлечение трупов из земли, как складывать их в штабели, сжигать, высевать пепел, перемалывать кости, засыпать ямы, производить на них маскировочную посадку деревьев и кустарника.

НЕМЕЦКИХ ПАЛАЧЕЙ К СУРОВОМУ ОТВЕТУ!

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает ответственными за массовое зверское уничтожение в г. Львове и Львовской области мирных советских граждан, военнопленных и подданных иностранных государств гитлеровское правительство, особенно рейхсминистра Германии Гимmlера, неоднократно приезжавшего в г. Львов для инспектирования немецких убийц и палачей.

Наряду с главными вдохновителями и организаторами массовых убийств ни в чем не повинных людей виновниками их являются следующие лица: глава генерал-губернаторства доктор Франк, генерал-губернатор «дистрикта Галиции» бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции доктор Ляш, губернатор «дистрикта Галиции» доктор Вехтер, начальник полиции генерал-майор СС Кацман, начальник «Шталага XII А» в Германии барон фон Бок, унтер-офицер в этом же лагере Шрейнер, организатор Яновского лагеря гауптштурмфюрер Гебауэр, коменданты Яновского лагеря гауптштурмфюрер СС Варцок Франц и оберштурмфюрер СС Вильгауз Густав, помощники и заместители коменданта Яновского лагеря: лейтенант СС Шейнбах, обер-лейтенант СС Силлер, штурмфюрер СС Райс, штурмфюрер Веске Вилли, оберштурмфюрер СС Рокита, оберштурмфюрер СС Урман, оберштурмфюрер СС Шульц, обер-лейтенант СС Венке, шеф Яновского лагеря оберштурмфюрер Манвингер, шарфюрер СС Колянко, начальник следственной части шарфюрер СС Гайне, шефы «гетто»: унтерштурмбаннфюрер Гайниш, шарфюрер Мансфельд, гауптштурмбаннфюрер Гжимик, шеф зондеркоманды СД № 1005 гауптштурмбаннфюрер Шерляк, его заместитель гауптштурмбаннфюрер Раух, руководитель группы по перемалыванию костей шарфюрер СД Елитко, руководитель группы по выкапыванию трупов шарфюрер СД Прайс, руководитель «бригады смерти» гауптшарфюрер Эйдель, шарфюреры СД Райс и Маер, руководитель группы по сжиганию трупов

обервахмейстер СД Кепик, обервахмейстер Вольф, оберштурмбаннифюрер Савицкий, коменданты лагеря «Цитадель»: капитан Блют, майор Сидорен, майор Рох, оберфельдфебель 328 полка Миллер Фриц, оберфельдфебель Пер, комиссары по делам евреев: Энгель, Зейс Икварт, Ленард, директора заводов в Яновском лагере Бляйнес, Кауфман, шарфюреры СС: Рерих, Чекаля, Хан, Блюм, Вурет, Биттерман, Мельхиор, Боэр, Коллер, Бирман, Битнер, Ульман, Браумбауэр, рядовые команды СС Фокс, Гайнер, Раузер, Поляпис, Ган, Лейдкрман, Кроп, оберштурмфюрер СС Гишвентнер, заместитель коменданта «гетто» Циллер, комиссар гестапо Вепке, комендант города Сокаль Миллер, гестаповцы Цейман, Гартман Риман, Гайзагов, Лекер, Крамзер, Сушес, Кроммерс, Бельц, Шнар, Бенер, помощник коменданта лагеря в городе Золочев Галимак, комендант лагеря в селе Ляцки обер-лейтенант Зоммбарен Иоган, начальник полиции города Золочев майор Людвиг, начальник жандармерии города Золочев Мура, жандарм Гильзенкар, штурмовики отряда СС в городе Золочев Прейзнер, Людвиг, Монс, начальник гестапо города Жолква капитан Папен, начальник полиции обермайстер Кетер, оберштурмфюрер СС Гильденбрант, крайсгауптман города Каменка-Бугская Неринг, комендант лагеря Липник, комендант города Городок Штаер, комендант жандармерии Кремлер, комендант «гетто» Шитт, крайсгауптман в городе Рава-Русская Хагер, штатткомиссар Ляске, начальник гестапо Шпейт, шеф жандармерии — комендант города Кляйн, офицеры жандармерии: Тригнер, Маерт, Фрейнток, комиссары по делам евреев Гольц и Штрух, коменданты лагеря военнопленных майор Фишер, майор Гассинер, майор Флекер, заместитель коменданта лагеря майор Бем, начальник гестапо Новарро, офицер Броер, врач лагеря лейтенант Найман, ортскомендант города Яворов капитан Енке, оберштурмфюрер СС Лейбмаер, ландкомиссар Штаер, полицейские Голлоб, Нойце, Вольф.

Все они должны понести суровую ответственность за свои чудовищные злодеяния.

«Правда» 23 декабря 1944 г.

Документ СССР-38

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ГОРОДЕ МИНСКЕ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ

Ворвавшись в Минск — столицу Белорусской Советской Социалистической Республики, немецко-фашистские захватчики пытались уничтожить культуру белорусского народа и превратить белорусов в послушных немецких рабов. По прямым директивам германского правительства гитлеровские военные власти беспощадно уничтожали научные исследовательские институты и школы, театры и клубы, больницы и поликлиники, детские сады и детские ясли; тысячами истребляли мирных советских людей — женщин, детей, стариков, а также военнопленных.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Минске расследовала Специальная Комиссия в составе: Председателя Совнаркома БССР Пономаренко П. К., генерал-майора Героя Советского Союза Козлова В. И., академика Якуба Коласа, члена Президиума Всеславянского Комитета Горбунова Т. С., кандидата медицинских наук Стельмашонка И. М., белорусского писателя Лынькова М. Т., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Табелёва В. Ф.

Специальная Комиссия обследовала концентрационные немецкие лагеря, опросила свыше 120 пострадавших и свидетелей зверств гитлеровцев, а также пленных немецких офицеров и солдат, бывших очевидцами или участниками преступлений.

На основании документальных материалов, представленных Специальной Комиссией, и личного расследования, произведенного членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Бурденко Н. Н., Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

ГИТЛЕРОВСКИЕ ПАЛАЧИ ИСТЯЗАЛИ И УНИЧТОЖАЛИ МИРНЫХ ГРАЖДАН

Немецко-фашистские захватчики ввели в Минске режим кровавого террора и насилия. Это подтверждают в своих показаниях не только советские люди, содержавшиеся в тюрьмах и лагерях, но и пленные немцы. Вот что рассказал председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус:

«17 июня 1941 года Гитлером был издан приказ, в котором говорилось, что немецкие солдаты имеют право грабить советское население и истреблять его. За действия, чинимые немецкими солдатами над советскими гражданами, солдат не разрешалось по приказу Гитлера предавать суду военного трибунала. Солдата мог наказать только командир его части, если он сочтет это необходимым. По тому же приказу Гитлера офицер немецкой армии имел более широкие права... Он мог истреблять русское население по своему усмотрению... Командиру было предоставлено полное право применять к мирному населению карательные меры борьбы, как-то: полностью сжигать деревни и города, отбирать у населения продовольствие и скот, по своему усмотрению угонять советских граждан на работы в Германию. Приказ Гитлера был доведен до нападения Германии на Советский Союз... В соответствии с приказом Гитлера, немецкие солдаты, руководимые офицерами... учиняли различного рода зверства».

Выполняя этот приказ Гитлера, фашистские мерзавцы истязали, грабили и убивали всех тех, кто им попадался под руку. В Минске и его окрестностях они создали для истребления советских людей целую систему концентрационных лагерей.

От рук немецких палачей погибли тысячи советских граждан в концентрационных лагерях. Редко кому удавалось выбраться живым из минского лагеря, находившегося на Широкой улице. «За время моего пребывания в лагере на Широкой улице с 21 августа 1943 года по 30 июня 1944 года, — сообщил комиссии Мойсевич Л. А., — немецкие палачи уничтожили около 10 тысяч советских людей. Они убивали стариков, женщин, подростков, не щадили беременных женщин и женщин-матерей с новорожденными. Я был очевидцем, как немцы уничтожали людей в «душегубках». В каждую «душегубку» они насильно вталкивали от 70 до 80 человек и увозили в неизвестном направлении. Я видел, как в «душегубку» были посажены содержавшиеся в лагере жители города Минска профессора Клумов и Анисимов».

Показания Мойсевича подтвердил также другой свидетель, содержавшийся в лагере на Широкой улице, Беляев Г. И. «Мне

известно, — сообщил он, — что много людей было уничтожено в специальной автомашине — «душегубке». Я неоднократно присутствовал во время промывки такой машины и видел, что кузов ее обит оцинкованным железом, двери закрываются плотно, от выхлопной трубы мотора в кузов проведена труба, через которую поступают отработанные газы, на полу положена деревянная решетка. 3—4 раза в день в «душегубке» увозили заключенных из лагеря. С 17 по 26 февраля 1943 года гитлеровцы вывезли в «душегубке» 3000 советских граждан, доставленных из города Полоцка. Мне известно также, что немецкие палачи — комендант лагеря Вакс и его помощники вешали и расстреливали людей в самом лагере».

Для массового истребления людей гитлеровские изверги использовали также обычные бани, в которые загоняли советских людей и отравляли окисью углерода. В сентябре 1941 года таким способом они уничтожили 200 больных, находившихся в загородной больнице Новинки. Служащие этой больницы Колоницкая Е. К. и Науменко В. И. сообщили комиссии: «Фашисты загоняли больных в баню, запирали их там, а затем через специальные отверстия в двери, по шлангам, соединенным с автомашинами, пускали газы. Через несколько минут они вытаскивали оттуда умерших и загоняли новую партию больных».

В специальном лагере-гетто, находившемся в западной части города Минска, немцы содержали до 100 тысяч евреев. Свидетели Бруднер М. И., Божко Ф. Ф., Нестерович Р. А., Ермоленко В. Ф., Чертова Р. А. и другие сообщили, что комендант лагеря Риддер и его помощники Готтенбах и Бенчке глумились над заключенными, пытали и убивали их без всякого повода. Заключенных травили собаками, кололи штыками и кинжалами, расстреливали, бросали живыми в огонь. Помощник начальника лагеря-гетто Готтенбах под музыку провозглашал тосты за уничтожение евреев, заставлял обреченных петь песни, плясать и сам лично расстреливал заключенных.

ЛАГЕРЬ НЕМЕЦКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ В МАЛОМ ТРОСТИНЦЕ

В 10 километрах от Минска, у деревни Малый Тростинец, немецко-фашистские захватчики организовали концентрационный лагерь немецкой тайной полиции, в котором содержались обреченные на смерть мирные граждане. В урочище Благовщина, расположенном в 1,5 километра от лагеря, они расстреливали заключенных в лагере и трупы закапывали в траншеях. Осенью 1943 года с тем, чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы приступили к раскопке ям-могил, извлекли из них трупы расстрелянных и стали сжигать их. Житель деревни Тростинец Головач П. Н. видел, что «в лесу Благовщина немецкие палачи

убивали мужчин, женщин, стариков и детей; видел, как группы убитых они складывали в заранее приготовленные траншеи... утрамбовывали их гусеничным трактором, затем снова клали слой убитых и опять утрамбовывали. Осенью 1943 года немцы раскопали траншеи в Благовщине и стали сжигать выкопанные трупы. На подвозку дров для сжигания трупов они мобилизовали все подводы из окрестных деревень».

Для уничтожения трупов замученных советских людей оккупанты осенью 1943 года построили специальную кремационную печь в урочище Шашковка в полукилометре от концентрационного лагеря Малый Тростинец. Работавшие при концентрационном лагере Коваленко К. Е. и Карета А. С. сообщили, что в этой печи сжигались трупы расстрелянных и умерщвленных в «душегубках». Ежедневно сюда прибывало 3—5 автомашин, набитых людьми.

«Я ежедневно видел, — говорит житель деревни Малый Тростинец Башко В. А., — как немецкие бандиты во главе с комендантом лагеря-гетто палачом Риддером убивали мирных граждан в лесу Шашковка и трупы убитых сжигали в печи. Недалеко от этой печи я пас скот и часто слышал плач и мольбу людей о пощаде. Я слышал автоматные очереди, после которых прекращались вопли несчастных».

Следственная комиссия подробно ознакомилась с кремационной печью. В момент осмотра печи в ней обнаружены рельсы, на рельсах — листы железа с отверстиями и масса мелких пергоревших человеческих костей. К печи устроен специальный спуск для автомашин. У входа в печь обнаружены бочка и черпак с остатками смолы. Тут же разбросаны вещи расстрелянных: обувь, одежда, женские кофточки, головные уборы, детские носки, пуговицы, гребенки, перочинные ножи. Судя по огромному количеству стреляных гильз и остаткам взорванных гранат, немцы расстреливали обреченных у входа в печь и в самой печи. Трупы поливались смолой и перекладывались дровами. Для повышения температуры в печь закладывались зажигательные бомбы.

В связи с быстрым продвижением на запад Красной Армии в конце июня 1944 года гитлеровские палачи придумали новый способ массового истребления советских мирных жителей. 29—30 июня они стали вывозить заключенных из концентрационных лагерей, а также трупы расстрелянных в деревню Малый Тростинец. Трупы складывали штабелем в сарае, там же немцы расстреливали советских людей и сарай поджигали.

Спасаясь от смерти Савинская С. И. показала следственной комиссии: «Проживая на оккупированной территории в городе Минске, я 29 февраля 1944 года вместе с мужем, Савинским Яковом Владиславовичем, была арестована немецко-фа-

шистскими захватчиками и посажена в минскую тюрьму за связь с партизанами. После длительных и мучительных пыток, когда мы не признались в своих связях с партизанами, нас с мужем, в середине мая, перевели в концлагерь «СС», расположенный по Широкой улице, где мы содержались до 30 июня 1944 года. В этот день вместе с другими женщинами в количестве 50 человек меня погрузили в автомашину и повезли в неизвестном направлении. Отъехав примерно 10 километров от города Минска, возле деревни Малый Тростинец, автомашина остановилась у одного из сараев. Здесь мы все поняли, что нас привезли на расстрел... По команде немецких палачей заключенные женщины по четыре выходили из машины. Вскоре очередь дошла и до меня. Я, совместно с Голубович Анной, Семашко Юлей и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, влезла на верх уложенных трупов. Послышались выстрелы, я была легко ранена в голову и упала. Будучи раненой, я продолжала лежать среди трупов до позднего вечера. Потом я стала выбираться из сарая, увидела раненых двух мужчин и мы все трое решили бежать. Заметив это, немецкий конвой открыл стрельбу, мужчины были убиты, а мне удалось скрыться в болоте. Там я пробыла 15 дней, не зная, что Минск уже освобожден Красной Армией».

При осмотре сарая в деревне Малый Тростинец, сожженного немцами, следственная комиссия обнаружила огромное количество пепла, костей, а также частично сохранившиеся трупы. Рядом на штабеле бревен находилось 127 не полностью обгоревших трупов мужчин, женщин и детей. Вблизи пожарища найдены вещи личного пользования.

Судебно-медицинской экспертизой обнаружены на трупах огнестрельные ранения в области головы и шеи. В сарае и на штабелях бревен немцы расстреляли и сожгли 6,5 тысяч человек.

ГИТЛЕРОВСКИЕ УБИЙЦЫ ПЫТАЛИСЬ СКРЫТЬ СЛЕДЫ СВОИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В 5 километрах от города, у железной дороги Минск-Молодечно, вблизи деревни Глинище следственная комиссия обнаружила 197 могил расстрелянных немцами советских людей. Трупы в могилах свалены в беспорядке, без верхней одежды, голые или в нижнем белье. Здесь были похоронены советские военнопленные, содержащиеся в лагере «Шталаг № 352», истребленные охраной лагеря, во главе с немецким комендантом, капитаном Липпом.

Судебно-медицинской экспертизой установлено наличие на некоторых трупах повреждений черепа и головного мозга, нанесенных тупым твердым предметом со значительной силой. В двух случаях обнаружено размятие грудной клетки с обширными при-

жизненными повреждениями позвонков и множественными переломами ребер. На кладбище вблизи деревни Глинище похоронено около 80 тысяч советских военнопленных.

В урочище Благовщина обнаружены 34 ямы-могилы, замаскированные хвойными ветвями. Некоторые могилы достигают в длину 50 метров. При частичном вскрытии пяти могил в них на глубине 3 метров найдены обуглившиеся трупы и слой пепла толщиной от половины до одного метра. Вблизи ям комиссия нашла множество мелких человеческих костей, волосы, зубные протезы и массу всевозможных мелких вещей личного обихода. Следствием установлено, что здесь фашисты истребили до 150 тысяч человек.

В 450 метрах от бывшего хутора Петрашкевичи обнаружены 8 ям-могил размерами 21 метр в длину, 4 метра в ширину и 5 метров в глубину. Перед каждой ямой-могилкой имеются огромные залежи пепла, оставшегося от сжигания трупов. Среди пепла найдены остатки обгоревших и обуглившихся костей, пучки волос, мелкие металлические вещи, обгоревшая женская и детская обувь. Следствием установлено, что на бывшем хуторе Петрашкевичи немцы сожгли до 25 тысяч расстрелянных мирных жителей города Минска.

На 9-м километре по автомагистрали Минск — Москва в урочище Уручье обнаружены 10 ям-могил. Из них: 8 могил — размером 21 на 5 метров, одна — 35 на 6 метров и другая — 20 на 6 метров, все ямы глубиной от 3 до 5 метров. В могилах комиссией обнаружены три продольных ряда трупов, в семь слоев каждый. Все трупы лежали вниз лицом, многие одеты в красноармейскую форму частей танковых войск. В карманах одежды некоторых трупов найдены документы, часы, советские деньги и различные предметы личного пользования. Преобладающий возраст погибших от 20 до 30 лет. В могилах обнаружено также несколько трупов женщин в гражданской одежде. У могил и в могилах найдено большое количество стреляных немецких гильз.

При судебно-медицинском исследовании 120 эксгумированных в выборочном порядке трупов установлено, что причиной смерти советских людей почти во всех случаях были сквозные огнестрельные, пулевые ранения головы, сопровождавшиеся значительными разрушениями костей свода и основания черепа. Все это указывает на расстрелы военнопленных из винтовок или карабинов на близком расстоянии, в упор. Общее количество расстрелянных и похороненных на территории в урочище Уручье, по свидетельским показаниям и данным экспертизы, превышает 30 тысяч человек.

Северо-восточнее концентрационного лагеря, находившегося на территории поселка Дрозды, обнаружена траншея-канавка

400 метров в длину, 2,5 метра в ширину и 2,5 метра в глубину. При раскопках в нескольких местах траншеи на глубине 0,5 метра найдены остатки трупов (черепа, кости) и истлевшая одежда. Следствием установлено, что в этой траншее-канаве похоронены около 10 000 расстрелянных немцами советских граждан.

Массовые могилы замученных немцами советских людей обнаружены также на Минском еврейском кладбище, в Тучинке, на Кальварийском кладбище, в парке культуры и отдыха и других местах.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: члена Чрезвычайной Государственной Комиссии академика Бурденко Н. Н., доктора медицинских наук профессора Смольянинова В. М., доктора медицинских наук профессора судебной медицины Червакова В. Ф. установила, что немецко-фашистские мерзавцы истребляли мирных жителей и советских военнопленных голодом, непосильным трудом, отравляли окисью углерода и расстреливали.

Следствием установлено, что в Минске и его окрестностях гитлеровцы истребили около 300 тысяч советских граждан, не считая сожженных в кремационной печи.

РАЗРУШЕНИЕ ГОРОДА МИНСКА

В течение трех лет немецко-фашистские захватчики планомерно разрушали в Минске научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, библиотеки, музеи, учреждения Академии наук, театры и клубы.

Более двадцати лет создавалась в Минске библиотека имени В. И. Ленина. В 1932 году было закончено постройкой специальное здание с большим оборудованным книгохранилищем. Немцы вывезли из библиотеки в Берлин и Кенигсберг 1,5 миллиона ценнейших книг по истории Белоруссии, в том числе собрание старопечатных изданий Георгия Скорины, первое издание Литовского статута, коллекции рукописи Янки Купалы, Максима Богдановича, Змитрака Бядули.

Немецко-фашистские захватчики, пытаясь искоренить культуру белорусского народа, разрушали в Минске все культурно-просветительные учреждения. Представители немецкого генерального комиссариата: шеф по так называемым культурным делам доктор Сивица, доктор Рахель, доктор Мюллер, доктор Кох, доктор Мах вывезли в Германию библиотеки Академии наук с фондом в 300 тысяч томов, Государственного университета, политехнического института, научную медицинскую библиотеку, городскую Публичную библиотеку имени А. С. Пушкина.

Гитлеровцы разрушили Белорусский государственный университет вместе с зоологическим, геолого-минералогическим и историко-археологическим музеями, разрушили медицинский институт со всеми его клиниками: разгромили Академию наук с 9 институтами, зоологическим и геологическим музеями, ботаническим садом; уничтожили Минский политехнический институт, в котором обучалось до 9 тысяч студентов; разрушили государственные филармонию и консерваторию.

Они уничтожили Государственную картинную галерею, а картины и скульптуру русских и белорусских мастеров: Репина, Айвазовского, Перова, Боголюбова, Козловского, Бразера, Азгура, Керзина вывезли в Германию; разграбили Государственный белорусский театр оперы и балета, 1-й белорусский драматический театр, Дом народного творчества, дома союзов писателей, художников и композиторов. Из оперного театра немцы вывезли в Германию театральные декорации, мебель, люстры, зеркала, картины, ковры, ткани.

Фашисты уничтожили в Минске 47 школ, 24 детских сада, дворец пионеров, 2 родильных дома, 3 детские больницы, 5 городских поликлиник, 27 детских яслей, 4 детские консультации, превратили в руины институт охраны материнства и младенчества.

Немецко-фашистские захватчики сожгли и взорвали в Минске 23 крупнейших предприятия: вагоноремонтный завод, станкостроительный завод, стекольный завод «Пролетарий», два кирпичных завода, весовой завод «Ударник»; уничтожили 11 хлебозаводов, кондитерскую бисквитную и трикотажную фабрики, мясокомбинат, швейные фабрики «Октябрь» и имени Крупской; разрушили в городе 4 гостиницы; привели в негодность водопровод, канализацию, телефонно-телеграфную сеть.

Немецкие генеральные комиссары Кубе и Беккер разместили на предприятиях города Минска немецкие фирмы: «Борман», «Шорова-Верк», «Требец», «Шлахтхоф», «Троль». Они вывезли в Германию оборудование всех предприятий и подвесную контактную сеть городского трамвая; заставляли советских граждан работать на немецких захватчиков, морили их голодом, истязали, принуждали выполнять непосильные работы. Технический руководитель мастерской по производству военных повозок фирмы «Требец» Райтцук Феликс, уроженец города Алленштайн Восточной Пруссии, допрошенный следственной комиссией, показал: «Я, как представитель фирмы «Требец» в Минске, утверждаю, что советских граждан... оккупационные власти направляли работать в принудительном порядке... Представители фирм жестоко эксплуатировали советских граждан, заставляли даже стариков работать по 10—12 часов в сутки за малую плату, били и плохо кормили. Хозяин фирмы — Борман

лично избивал советских людей, работавших у него. Рабочих кормил очень плохо и только один раз в сутки. Обед состоял из 80 граммов хлеба и жидкого картофельного супа. Ужинов и завтраков не было. На заработанные деньги, говорит он, рабочие покупать ничего не могли, а поэтому жили, как и рабочие других фирм, впроголодь, ходили оборванными».

Ввиду неоспоримых улик и доказательств Райтцук вынужден был признать себя перед следственной комиссией виновным в указанных выше преступлениях.

К ОТВЕТУ ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ!

За все злодеяния, совершенные немецкими захватчиками в городе Минске, за разрушение культурных и материальных ценностей, истязания и убийства мирных граждан и военнопленных несут ответственность гитлеровское правительство, верховное военное командование, а также следующие организаторы и непосредственные исполнители злодеяний: комендант города Минска генерал-лейтенант Шперлинг, СД (тайной полевой полиции) Шлегель и Штраух, заместитель начальника СД Кайзер, начальник войск СС Готберг, генеральные комиссары Белоруссии Кубе и Беккер, командир 18 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Цутаверн, командир 25 моторизованной дивизии генерал-лейтенант Ширман, командир 31 пехотной дивизии генерал-лейтенант Окснер, командир 78 пехотной дивизии генерал-лейтенант Трауте, командир 256 пехотной дивизии генерал-лейтенант Вюстенгаген, командир 260 пехотной дивизии генерал-майор Клямт, командир 5 танковой дивизии генерал-майор Деккер и генерал-майор Хаузен, командир 20 танковой дивизии генерал-майор Кассель Пауль, командир 2-го велополка подполковник Шмаль, председатель военного трибунала 267 немецкой стрелковой дивизии капитан Райхоф Юлиус, комендант «Шталаг № 352» капитан Липп, комендант лагеря-гетто Риддер, помощники коменданта лагеря Готтенбах, Рихтер, Бенcke, комендант лагеря Вакс, представители фирм «Борман», «Требец», «Шорова-Верк», «Шлахтхоф», «Троль» и технический руководитель фирмы «Требец» в Минске Райтцук Феликс.

19 сентября 1944 г.

Документ СССР-41

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛАТВИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ

Захватив Латвийскую Советскую Социалистическую Республику, немецко-фашистские оккупанты ликвидировали ее самостоятельность и стремились поработить латышский народ. Они объявили Ригу главным городом «Остланда» («Восточная территория») и резиденцией штаба рейхсминистра Розенберга, рейхскомиссара Прибалтики Лозе и генерального комиссара Латвии Дрекслера.

В своей преступной деятельности немецкие захватчики руководствовались директивой рейхсфюрера СС Г. Гиммлера не просто колонизировать, а превратить «Восточную территорию» в немецкие области и заселить их немцами.

В центральном берлинском органе эсэсовцев «Дас шварце Кор» в августе 1942 года была помещена передовая статья: «Германизировать ли?» В ней говорилось следующее:

«Для одного из номеров журнала «Дейче Арбайт», посвященного заданиям по заселению Востока, рейхсфюрер СС написал следующий лозунг: «Наша задача не германизировать Восток в прямом смысле этого слова..., а способствовать тому, чтобы Восток населяли люди только немецкой, германской крови»...

И далее:

«...Мы должны создать почву для того, чтобы поселенцы, которых наш народ посылает на Восток... развивали бы биологическую силу, которая в будущем пропитает собой область и станет управлять ею и формировать ее».

«...В широте пространств, приобретаемых им (немецким солдатом) для своего народа, в том изобилии, которое они ему открывают, не будет больше ни понижения рождаемости, ни за-

бот о пропитании, ни ограничений в жилплощади, ни чахлах городских детей, ни ухода от естественного развития в мучительные узкие рамки цивилизации. В естественных условиях немецкие матери снова будут в состоянии рожать своим мужьям детей в большом количестве...»

Захватывая землю латышских крестьян для баронов и помещиков, немцы беспощадно истребляли мирное население — мужчин, женщин и детей.

Комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Каллиберзина Я. Э., председателя СНК Латвийской ССР Лациса В. Т., писателей Рокпельниса Ф. Я., Судрабалнса Я. К., председателя Рижского городского исполкома Деглава А. Ф. и представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Дымова Н. Н., с участием судебно-медицинской экспертизы в составе: начальника санитарной службы армии Асатуряна А. А., армейского судебно-медицинского эксперта Кривцова С. Н., начальника армейского судебно-медицинского диагностического отделения Кузема В. А. и патологоанатома Ильинского С. П., расследовала факты злодеяний немцев.

На основании данных расследования и многочисленных показаний свидетелей Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что немецкие захватчики причинили городам Риге, Даугавпилсу, Резекне огромные разрушения, разгромили научные и культурные учреждения Латвийской ССР, разорили сельское хозяйство, преднамеренно истребили свыше 250 тысяч мирных жителей, 327 тысяч советских военнопленных и угнали в немецкое рабство 175 тысяч граждан Латвийской ССР.

НЕМЕЦКИЕ ЗАХВАТЧИКИ РАЗРУШИЛИ В ЛАТВИИ ГОРОДА, РАЗГРОМИЛИ УЧРЕЖДЕНИЯ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

В течение более трех лет немецкие захватчики разрушали предприятия, коммунальное хозяйство, библиотеки, музеи, жилые дома в городах Латвии. Гитлеровцы пытались уничтожить все, что связано с национальными традициями латышского народа. Улицы, бульвары в городе Риге, носившие имена латышских писателей и общественных деятелей — Райниса, Вальдемара и других, были заменены немецкими названиями. Улица Бривибас (Свободы) была переименована в улицу Адольфа Гитлера. Государственным языком был объявлен немецкий язык.

В Латвии немецкие захватчики разграбили ценнейшие библиотеки. Они разрушили в Риге 8 зданий государственной библиотеки, а здание по Англиканской улице — выдающийся памятник архитектуры XIII—XIV веков — превратили в казарму.

Штабом Розенберга увезено в Германию 100 тысяч томов книг и 70 ящиков старинной периодической литературы и ценных монографий.

Немцы сожгли Рижскую городскую библиотеку, основанную в 1524 году, в которой хранились редчайшие книги и рукописи. В этой библиотеке погибло около 800 тысяч библиографических единиц, чем нанесен латышскому народу огромный ущерб в области национальной культуры.

Картинную галерею Рижского городского музея гитлеровцы превратили в склад и казарму, картины же известных латышских, русских и иностранных художников увезли в Германию. Многие картины латышских художников — Розенталя, Страля и других были расхищены представителями немецких оккупационных властей. Генеральный комиссар Дрекслер украл 10 картин, генерал полиции Шредер — 4 картины, гебитскомиссар Медем — 6 картин, доктор Беннер — 9 картин, доктор Циммерман — 4 картины.

Немцы разграбили Академию художеств, Государственную консерваторию, Музыкальное училище и превратили их в казармы; взорвали здание бывшего Ремесленного общества с крупнейшим концертным залом; разрушили в Риге 65 школ. Экспонаты музеев Государственно-исторического, Рижского Думского и Военно-исторического немцы вывезли в Германию.

Многих представителей латышской интеллигенции немцы заключили в тюрьмы и концентрационные лагеря, замучили в застенках гестапо и расстреляли; многих насильно угнали в Германию. Немецкие палачи расстреляли одного из крупнейших деятелей народного образования, депутата Верховного Совета Латвийской ССР Лиекниса Я., художника Айженса Яниса, писателя-драматурга Лукса Роберта, артиста Перова Б. К., известного историка профессора Дубнова С. М., инженера Полонского Г., врача Гинзбурга, учителя Лата М., депутата Верховного Совета Латвийской ССР Струповича Т. Молодому писателю Лею Ф. немцы произвели насильственное выкачивание крови, после чего он заболел острой формой туберкулеза.

Немецкие захватчики разрушили в Риге крупнейшие предприятия: государственный электротехнический завод «ВЭФ», государственный вагоностроительный завод «Вайрогс», завод резиновых изделий «Квадрат», 13 гостиниц; привели в негодность водопроводную и телеграфно-телефонную сеть. Они взорвали Кегумскую гидроэлектростанцию мощностью в 55 тысяч киловатт, разрушили Рижский порт и железнодорожный узел, уничтожили 300 километров железнодорожных и 6 километров трамвайных путей, 100 километров воздушной электросети, повредили 330 трамвайных вагонов, вывезли в Германию 200 автобусов.

Немцы разрушили в Риге 2789 жилых домов; уничтожили целые кварталы с домами, построенными в XV—XVII столетиях.

В Даугавпилсе (Двинске) гитлеровцы взорвали Народный дом, вокзал, вагоноремонтные мастерские, депо, электростанцию; уничтожили 40 предприятий местной промышленности, городскую библиотеку со всеми книгами; разрушили 32 школы, 4 гостиницы, 15 бань, телефонно-телеграфную сеть, 2896 жилых домов. В своей звериной ненависти к латышскому народу немецкие захватчики при своем отступлении жгли, взрывали, разрушали школы, библиотеки, больницы, жилые дома и промышленные предприятия.

НЕМЕЦКИЕ ЗАХВАТЧИКИ РАЗОРИЛИ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сразу же после оккупации Латвийской Советской республики немецкие захватчики разорили сельское хозяйство. Они отобрали от сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян около 600 тысяч гектаров земли, которой они были наделены Советским правительством Латвии. Немцы отобрали у крестьян скот, весь сельскохозяйственный инвентарь, на обзаведение которым Советским правительством Латвии был выделен крестьянам кредит в сумме 27 179 тысяч рублей. Немецкие захватчики стали восстанавливать помещичьи и кулацкие хозяйства, заселять Латвию людьми «только немецкой, германской крови». Более 75 тысяч семей латышских крестьян немцы лишили земли и прикрепили их к немецким баронам и латышским помещикам и кулакам.

Немцы разграбили в Латвии все машинно-тракторные станции и, по далеко не полным данным, вывезли в Германию 700 тракторов, 180 автомашин, 4057 плугов, 2815 культиваторов, 3532 бороны, 10 600 жаток и сенокосилок, 506 молотилок и другой инвентарь; отобрали у крестьян 628 329 тонн разных сельскохозяйственных продуктов, уничтожили 3 млн. голов домашней птицы. В результате разорения немецкими захватчиками сельского хозяйства в Латвии уменьшилось поголовье скота: на 127 300 лошадей, на 443 700 голов крупного рогатого скота, на 318 200 свиней, на 593 800 овец.

НЕМЕЦКИЕ ДУШЕГУБЫ ИСТРЕБИЛИ 250 ТЫСЯЧ МИРНЫХ ГРАЖДАН ЛАТВИИ

Следуя своей неизменной политике массового истребления свободолюбивых народов, немецкие палачи убили в Риге более 170 тысяч мирных граждан — мужчин, женщин, детей,

стариков. Вокруг города Риги немцами были организованы концентрационные лагеря для мирных граждан: в Саласпилсе, Межапарке, в Страздумейже, Бишу-Муйже, Мильгрависе и других местах. Тысячи граждан были арестованы и заключены в тюрьмы: Центральную, Срочную, «Цитадель» и другие.

В лагерях и тюрьмах немецкие палачи подвергали заключенных истязаниям, пыткам и расстрелам. В Центральной тюрьме заключенных били и пытали. В течение круглых суток в камерах были слышны крики и стоны. Ежедневно от истязаний умирали 30—35 человек. Кто оставался в живых после истязаний и пыток, возвращался в камеру неузнаваемым: в крови, обожженный, с изорванными частями тела. Медицинской помощи истязуемым не оказывали. Об истязаниях сообщили комиссии очевидцы, содержащиеся в заключении в Центральной тюрьме: Глузде А. Ю., Заранкин С. Е., Лаукс Р., Якобсон М. Я., Вагнаг В., Трифонов Я. Я., адвокат Мункевич К. Г. и многие другие.

Истязаниям и пыткам гитлеровцы подвергали советских людей во всех городах Латвийской ССР.

Свидетель Осипов Г. М., содержащийся немцами в тюрьме в городе Даугавпилсе (Двинске), показал: «Немецкие палачи избивали меня резиновой трубкой, пытали при помощи электрического тока. Избиениям и пыткам подвергались все заключенные, подозреваемые в сочувствии Советской власти. Многим во время допросов скручивали на руках узлом колючую проволоку».

Немецкие изверги не щадили никого. Они убивали мужчин и женщин, здоровых и больных, детей и стариков. В Центральной тюрьме в Риге они убили более 2000 детей, отобранных от родителей, и в Саласпилском лагере — более 3000 детей. В Первой и Второй рижских психиатрических больницах они убили всех душевнобольных.

Как показал врач Второй психиатрической больницы Херманис Салтупс, немцы вывезли из больницы 29 января 1942 года свыше 350 душевнобольных и истребили их. Врач Первой психиатрической больницы Дрикитис В. И. показала: «14 апреля 1942 года в больницу прибыли эсэсовцы и увезли более 200 больных. По указанию администрации, на историях болезни я сделала отметки: «Эвакуированы СС полицией». В октябре 1942 года немцы вывезли еще около 100 душевнобольных. Все душевнобольные были расстреляны немцами в Бикернекском лесу».

Ниже публикуются немецкие документы, найденные в помещении «Департамента командующего полицией безопасности и СД», которые подтверждают кровавую расправу гитлеровцев с душевнобольными:

«КОМАНДУЮЩИЙ ПОЛИЦИЕЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И СД
ЛАТВИЯ.
ОТД. II. ДВ № 109/42 г.

Рига, 19/V-1942 г.
СЕКРЕТНО

В Бюро гражданских записей г. Риги. Отн.: Извещение о смертных случаях.

Ссылка:

Приложений: 10.

Сим удостоверяю, что перечисленные в прилагаемом списке 368 неизлечимых душевнобольных умерли 29. 1. 1942 года.

Исполняющий обязанности *Кирсте*
СС штурмбаннфюрер»

К этому рапорту приложен поименный список расстрелянных больных.

И еще два точно таких же документа со списками за подписью того же Кирсте: от 28 мая 1942 года — о «смерти» 14 апреля 1942 года 243 душевнобольных и от 15 марта 1943 года — о «смерти» 22 октября 1942 года 98 душевнобольных.

22 августа 1941 года в местечке Аглонь были расстреляны душевнобольные из Даугавпилской психиатрической больницы — около 700 взрослых и 60 детей, в том числе 20 здоровых детей, на время переведенных в помещения больницы из детского дома.

Арестованный советскими органами соучастник расстрела душевнобольных полицейский Мотисан А. А. на допросе показал: «Во время расстрела я с лопатой стоял у ямы. Расстрел длился около 6 часов. Люди кричали и плакали, но пощады не было. После расстрела для палачей привезли две бочки пива, началась попойка».

В 1942 году на территории старого гарнизонного стрельбища, в 18 километрах от Риги, немцы организовали Саласпилский лагерь для мирных граждан. Режим этого лагеря представлял продуманную систему умерщвления людей. В бараках, рассчитанных на 100—150 человек, содержалось по 500—600 мужчин, женщин и детей. Бараки не отапливались. Из-за отсутствия места часть заключенных находилась и зимой под открытым небом.

Заключенных мучили непосильной работой. Рабочий день длился 12—14 часов. Больных направляли к врачу, и, если врач находил, что по состоянию здоровья они работать не могут, заключенных расстреливали.

В начале 1943 года немцы пригнали в Саласпилский лагерь граждан из Ленинградской, Калининской, Витебской, Орловской областей. Скученность в лагере достигала ужасающих размеров, люди умирали каждый день сотнями. Для борьбы с эпидемическими заболеваниями немцы организовали так называемый

«карантин». Свидетели Лаугалайтис К. А., Яскевич А. Н. и другие сообщили, что немцы, в целях соблюдения этого «карантина», заставили «всех заключенных в лагере раздеться, потом голых, по грязи и снегу, погнали в баню, находившуюся на расстоянии 600—800 метров от бараков. Во дворе бани у женщин ножницами стригли волосы, причем издевательски оставляли клочья волос, а местами до кожи выстригали. Стригли, как овец... В бане заставляли мыться холодной водой. После мытья всех заключенных пригнали обратно в бараки, где была оставлена одежда. Однако одежды уже не было. Раздетых людей продержали в бараках с выбитыми окнами в течение 4-х суток, после чего выдали разное тряпье». В результате такого истязания в Саласпилском лагере погибли сотни советских людей.

Заключенных в лагере подвергали всевозможным пыткам. Бывшая заключенная Виба Э. сообщила комиссии, что комендант лагеря Краузе «независимо от времени года заставлял заключенных ложиться на землю и моментально вставать и прыгать на корточках. Раздавалась команда: «ложись», «вставай», «прыгай», а в это время собака коменданта лагеря Краузе нападала на заключенного и рвала его. Краузе и другие фашисты наблюдали сцену наказания и потешались над жертвой. Часто после такого истязания заключенный уже не мог подняться с земли, тогда полицейские били его резиновыми палками...»

Расстрелянных и погибших в Саласпилском лагере от голода, болезней, пыток и избиений гитлеровские палачи зарывали на старом гарнизонном кладбище, недалеко от лагеря. Там комиссией обнаружено 9 огромных могил-рвов общей площадью в 3043 кв. метра.

Судебно-медицинской экспертизой исследованы места захоронения, произведены обмер могил и эксгумация трупов. На основании данных экспертизы, а также многочисленных показаний свидетелей, в том числе бывших заключенных лагеря Бакше Я. А., Зекунде В. М., Кузьмина Ф. Л., Трифонова Я. Я., Крониш И. И. и других, комиссия установила, что в Саласпилском лагере немцы замучили более 56 тысяч мирных граждан.

Жителей города Риги и его окрестностей немцы истребляли также в Бикернекском лесу, Дрейлинском лесу и Румбульском лесу.

В Бикернекском лесу, расположенном на окраине города Риги, гитлеровцы расстреляли 46 500 мирных граждан. Свидетельница Стабульnek М., проживающая недалеко от этого леса, рассказала: «В пятницу и в субботу перед пасхой 1942 года автобусы с людьми круглые сутки курсировали из города в лес. Я насчитала, что в пятницу с утра до полудня мимо моего дома прошел 41 автобус. В первый день пасхи многие жители, и я в том числе, пошли в лес к месту расстрела. Мы там увидели

одну открытую большую яму, в которой были расстрелянные — женщины и дети, голые и в нижнем белье. На трупах женщин и детей были следы пыток и издевательств — у многих на лицах кровавые подтеки, на головах ссадины, у некоторых отрублены руки, пальцы, выбиты глаза, распороты животы».

Факты массовых расстрелов в Бикернекском лесу подтвердили свидетели, проживающие вблизи мест расстрелов: Каркльнш М. Я., Алекснис З., Циемгалс М. Т., Шапочка А. И., Берзинш Ю. А., Дзедулыс З. Ф. и многие другие.

На месте расстрелов комиссия обнаружила 55 могил общей площадью в 2885 квадратных метров.

В Дрейлинском лесу, находящемся в 5—7 километрах восточнее города Риги, по Лубанскому шоссе, немцы расстреляли свыше 13 тысяч мирных граждан и военнопленных. Свидетель Ганус В. З. показал: «Начиная с августа 1944 года, немцы организовали раскопки могил и жгли трупы в течение недели. Лес был оцеплен немецкими часовыми, вооруженными пулеметами. В 20 числах августа из Риги стали приходить черные закрытые автомашины с гражданами, среди которых были женщины, дети, так называемые «беженцы», их расстреливали, а трупы сразу же сжигали... Я, спрятавшись в кустах, видел эту страшную картину. Люди ужасно кричали. Я слышал крики: «Убийцы, палачи!» Дети кричали: «Мамочка, не оставляй». Пули убийц прерывали крики».

Массовые расстрелы мирных жителей гор. Риги немцы производили также в Румбульском лесу.

На основании произведенного комиссией расследования и показаний свидетелей: Круминьш Ц. И., Лутрын М. С., Спуйль Е. А., Калсонс Л. С., Приеда И. Я., Цейрулис Ф. А., Калсонс М. М. и многих других установлено, что в этом лесу немцы расстреляли 38 тысяч мирных жителей.

В Даугавпилсе (Двинске) немцы ежедневно расстреливали сотни советских людей, заключенных в тюрьмы и лагеря. На территории «Золотая Горка», между дер. Погулянка и дачей Будревича, возле тюрьмы немцы расстреляли свыше 40 тысяч мужчин, женщин и детей.

Участник немецких зверств в Даугавпилсе, могильщик Вильцан П. А., показал: «Массовые расстрелы мирных граждан в Даугавпилсе начались в конце июля 1941 года. Мне, как могильщику, пришлось работать на Средней Погулянке. Мы приготовили могилу длиной 100, шириной 3 и глубиной 2½ метра на 800—1000 человек. К рассвету к этой могиле немцы пригнали обреченных, в том числе женщин с детьми различных возрастов. Началось раздевание и ограбление обреченных граждан. Раздавались крики, стоны, плач детей. Матери вели своих детей к могилам за руки. Расстреливали группами по 10—12 человек

в затылок. Я видел окровавленную массу людей с разможенными головами. Потом полицейские принялись за дележку одежды, обуви и прочих вещей расстрелянных. Мне, как мотильщику, выдали несколько пар ботинок, брюки, френч и головной дамский платок».

НЕМЕЦКИЕ БАНДИТЫ СОЖГЛИ ДЕРЕВНЮ АУДРИНЫ И УНИЧТОЖИЛИ ВСЕХ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

В январе 1942 года в Резекнеском (Режицком) уезде немцами была уничтожена деревня Аудрины со всем населением якобы за помощь красноармейцам. В городах Латвии по этому поводу было вывешено следующее извещение на немецком, латышском и русском языках:

«Начальник германской полиции государственной безопасности Латвии сим извещает следующее:

2. Жители деревни Аудрины, Режицкого уезда, более четверти года скрывали у себя красноармейцев, прятали их, давали им оружие и всячески способствовали им в противогосударственной деятельности.

В борьбе с такими элементами были расстреляны латышские полицейские.

3. Как наказание я назначил следующее:

- a) Смести с лица земли деревню Аудрины.
- b) Жителей деревни Аудрины арестовать.
- c) 30 жителей мужского пола деревни Аудрины 4.1—4.2 г. публично расстрелять на базарной площади гор. Режицы.

И впредь приму строжайшие меры как против лиц, которые думают настоящий порядок саботировать, так же против лиц, которые этим элементам оказывают какую-либо помощь.

Начальник германской полиции
государственной безопасности Латвии

Штраух, СС оберштурмбаннфюрер».

Деревня Аудрины, в которой имелось 41 хозяйство, была подвергнута ограблению и полностью сожжена. Все ее жители в количестве 194 человек, в том числе женщины, старики, дети, были арестованы и заключены в Резекнескую тюрьму. Из них 30 человек мужского пола были публично расстреляны на базарной площади в городе Резекне (Режица), в том числе мальчик 12 лет. Все остальные арестованные были вывезены в Анчупанские горы и там расстреляны.

Всего в городе Резекне и в уезде немцы истребили 15 200 мирных граждан, в том числе свыше 2 тысяч детей.

КРОВАВАЯ РАСПРАВА НЕМЦЕВ С ЕВРЕЙСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ЛАТВИЙСКОЙ ССР

С первых же дней оккупации немцы приступили к кровавой расправе с еврейским населением Латвийской республики. Евреев истязали, подвергали издевательствам и пыткам, расстреливали в тюрьмах, на улицах городов, в собственных квартирах. Евреи обязаны были носить желтую звезду на груди и спине, не имели права показываться в общественных местах, производить покупки в магазинах «для арийцев», ходить по тротуарам. Немцы загоняли евреев в синагоги, наглухо запирали все выходы и затем сжигали здания вместе с людьми. Так были сожжены вместе с 2000 евреев синагоги: на Столбовой и Гоголевской улицах, на Старом еврейском кладбище и в Юеке.

В октябре 1941 года в Риге было организовано «гетто», куда гитлеровцы загнали 35 тысяч евреев. «Гетто» было оцеплено двумя рядами проволочных заграждений, и доступ туда был закрыт. Заключенных из «гетто» выпускали в город только в рабочих колоннах, под охраной полиции. Скученность в «гетто» была ужасающая, вызывала эпидемические заболевания и огромную смертность.

Свидетель Баринбаум Г. Л. сообщил: «На работу нас водили в колоннах под надзором полиции. После работы полицейские у входа в «гетто» всех нас обыскивали и при этом избивали резиновыми дубинками или просто кулаками. Специально избивались те лица, у которых немцы находили куски хлеба или папиросы. По ночам в «гетто» приезжали эсэсовцы. Они грабили и избивали людей, глумились над девушками».

В ноябре 1941 года немцы отобрали в «гетто» 4500 работоспособных мужчин и 300 женщин, а остальных 30 ноября и 8 декабря 1941 года расстреляли.

Свидетельница Долгицер Л. следующим образом описывает картину расстрела евреев из «гетто»: «Люди с маленькими детьми, старики и старухи высыпали на улицу, где их выстроили в ряды. Отправка совершалась в автобусах, но большей частью людей гнали пешком. По улицам тянулись бесконечные колонны евреев. Отправка продолжалась с субботы, с 5 часов дня, всю ночь и закончилась в воскресенье к вечеру. На улице была гололедица, люди падали, и их тут же на месте расстреливали. Улицы «гетто» окрасились кровью. Беспощадно расстреливались дети, матери. Люди совершали свой последний, смертный путь... Маленьких детей немецкие звери вырывали из рук матерей, хватили за ноги и разбивали о столбы и заборы...»

Евреи были расстреляны в Румбульском лесу, расположенном в 12 километрах от Риги.

О расстрелах евреев в Румбульском лесу случайно спасшаяся от смерти Фриде Ф. З. рассказала следующее: «Я попала к яме первого декабря 1941 года. Перед рассветом нас заставили раздеться до нижнего белья. Пытавшихся сопротивляться беспощадно избивали резиновыми палками. Одежду надо было класть отдельно от обуви. Не доходя до ямы, я умышленно упала; охрана приняла меня за убитую, а обреченные на расстрел, проходя мимо, забросали обувью. В течение всего дня до вечера мне пришлось слышать душераздирающие крики и вопли расстреливаемых. Пролежав до ночи, я незаметно для охраны подползла к одежде, оделась и, пользуясь темнотой, убежала в лес...»

В Даугавпилсе (Двинске), как показали свидетели Бляхман А. С., Рожанский В. В., Ляк С. Г., Яковлев В. В., Гравец И. Л. и другие, в июне и июле 1941 года немцы арестовали около 3000 евреев и расстреляли их возле тюрьмы в железнодорожном садике. Всех остальных евреев — стариков, женщин и детей гитлеровцы заключили в «гетто». Сюда же были помещены евреи из близлежащих городов и местечек — Вышки, Краслава, Догда и др.

В Даугавпилском «гетто» немецкие палачи организовали 5 массовых расстрелов евреев. Последний массовый расстрел был произведен 1 и 2 мая 1942 года. Из 30 тысяч евреев в «гетто» осталось только 400 человек, которые были переведены в крепость.

Комсомолец Шпунгин С. И. показал комиссии: «Все, что творили немецко-фашистские изверги, не поддается описанию. Людей избивали и живыми бросали в яму. Детей разрывали пополам на глазах матерей. Трудно описать трагедию 1 мая 1942 года. «Гетто» представляло ужаснейшую картину. На полу валялись изуродованные трупы детей, всюду была застывшая кровь убитых людей. 30 человек, которые отказались направиться в грузовик, были расстреляны во дворе «гетто».

Изобретательность немцев в издевательствах над людьми не имела границ. Немецкий комиссар города Риги Виттрок обязал всех женщин еврейской национальности, состоящих в смешанных браках, произвести стерилизацию (обеспложение). Стерилизация производилась в Первой рижской городской больнице докторами: Крастиныш, Эйкен, Легздиньш, Петерсон и Олоф. Мужчины, имевшие женами евреек, вызывались в гестапо и им ставился ультиматум: или согласиться на стерилизацию жен, или их жены будут расстреляны.

Подвергшаяся стерилизации гражданка Г. показала: «По распоряжению немецких властей города Риги, я, как еврейка, состоящая в смешанном браке, подверглась стерилизации в конце мая 1942 года».

Аналогичные заявления в комиссию о насильственной стерилизации были сделаны свидетелями Левикиной Б. М., врачом

Первой городской рижской больницы Бриедис К. К., подвергшейся стерилизации гражданкой Я. и другими.

ФАШИСТЫ ЗАМУЧИЛИ И РАССТРЕЛЯЛИ В ЛАТВИИ 327 ТЫСЯЧ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Для советских военнопленных немецкие захватчики организовали в Риге, в помещениях бывших казарм, расположенных по улицам Пернавской и Рудольфа, «Шталаг 350», который просуществовал с июля 1941 до октября 1944 года. Советские военнопленные содержались в нечеловеческих условиях. Здания, где они помещались, были без окон и не отапливались. Несмотря на тяжелую каторжную работу по 12—14 часов в сутки, паек военнопленных состоял из 150—200 граммов хлеба и так называемого супа из травы, порченого картофеля, листьев деревьев и разных отбросов.

Бывший военнопленный Яковенко П. Ф., содержащийся в «Шталаге 350», показал: «Нам давали 180 граммов хлеба, наполовину из опилок и соломы, и один литр супа без соли, сваренного из нечищеного гнилого картофеля. Спали прямо на земле; нас заедали вши. Он голода, холода, избиваний, сыпного тифа и расстрелов с декабря 1941 года по май 1942 года в лагере погибли 30 тысяч военнопленных».

Немцы ежедневно расстреливали военнопленных, которые не могли по слабости или болезни отправиться на работу, издевались над ними, избивали без всякого повода.

Новицкис Г. Б., работавшая старшей сестрой в госпитале для советских военнопленных по Гимнастической улице, дом 1, сообщила, что она постоянно видела, как больные, чтобы ослабить мучения голода, ели траву и листья деревьев.

В отделениях «Шталага 350» на территории бывшего пивоваренного завода и в Панцерских казармах от голода, истязаний и эпидемических заболеваний только с сентября 1941 года по апрель 1942 года погибло более 19 тысяч человек. Немцы расстреливали и раненых военнопленных. «В августе 1944 года, — сообщила свидетельница Зекунде В. М., — в Саласпилский лагерь доставили 370 раненых советских военнопленных; в конце этого месяца днем на глазах у всех их расстреляли. 25 сентября 1944 года из больницы Саласпилского лагеря забрали всех больных и расстреляли в лесу, недалеко от лагерей».

Советские военнопленные погибали и в пути следования в лагерь, так как их немцы оставляли без пищи и воды. Свидетельница Таукулис А. В. показала: «Осенью 1941 года на станцию Саласпилс прибыл эшелон с советскими военнопленными в составе 50—60 вагонов. Когда открыли вагоны, на далекое расстояние разнесся трупный запах. Половина людей были мертвы;

многие были при смерти. Люди, которые могли вылезти из вагонов, бросились к воде, но охрана открыла по ним огонь и расстреляла несколько десятков человек».

Железнодорожный мастер станции Шкиротава (Сортировочной) Коктс А. Ю. рассказал комиссии, что «немцы заставляли советских военнопленных при 35-градусном морозе голыми руками перетаскивать рельсы. Больных и падавших от истощения немцы укладывали на снег в ряд по 20 человек, а после, замерзших, тут же закапывали». С 1941 по 1943 г. на территории железнодорожной станции Шкиротава немцы уничтожили более 2000 человек. Все это подтвердили свидетели Чукстс А. Р., железнодорожный рабочий Фолкман Б. А., стрелочник Квач С. П., составитель поездов Шереметьев А. В. и другие.

В «Шталаге 350» и в его отделениях немцы замучили и расстреляли более 130 000 советских военнопленных. Комиссия обнаружила в Риге и ее окрестностях 12 мест массового захоронения трупов замученных советских военнопленных, из них наиболее крупные — в Саласпилсе, Зиелниеку-Калнс, на территории Панцерских казарм, на новом еврейском кладбище.

В Даугавпилсе (Двинске) существовал лагерь для советских военнопленных — «Шталаг 340», который среди узников лагеря и жителей города был известен под именем «лагеря смерти» и в котором за 3 года погибло от голода, истязаний и расстрелов свыше 124 000 советских военнопленных.

Расправу с военнопленными немецкие палачи обычно начинали в пути следования в лагерь. Летом пленных отправляли в наглухо закрытых вагонах, зимой — в полувагонах и на открытых площадках. Люди массами погибали от жажды и голода, летом задыхались от духоты, зимой замерзали. Свидетель, путевой сторож Орбидан С. Ю., сообщил комиссии: «В июле 1941 года на разезд «214 километр» прибыл первый эшелон с советскими военнопленными. Второй эшелон прибыл вслед за первым. В каждом вагоне было по 70—80 человек. Вагоны были закрыты наглухо. Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выйдя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы тут же у моей будки расстреливали. Из каждого эшелона выбрасывали по 400—500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 5—6 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды».

Свидетель Усенко Т. К. рассказал: «В ноябре 1941 года я дежурил на станции Мост в качестве стрелочника и видел, как на «217 километр» подали эшелон, в котором было более 30 вагонов. В вагонах ни одного живого человека не оказалось. Не менее 1500 мертвых были выгружены из этого эшелона, все они были в одном нижнем белье. Трупы пролежали у железнодорожного полотна около недели».

Коменданты Даугавпилского лагеря Хуго Маер, Нисин. Зимсон и другие так же, как и в других немецких лагерях, морили советских военнопленных голодом, истязали, подвергали мучительным пыткам и издевательствам, массами расстреливали.

Существовавший при лагере госпиталь также был подчинен задаче уничтожения военнопленных. Работавшая в госпитале свидетельница Ефимова В. А. рассказала комиссии: «Редко кто выходил живым из этого госпиталя. При госпитале работало 5 групп могильщиков из военнопленных, которые на тележках вывозили умерших на кладбище. Бывали часто случаи, когда на тележку бросали еще живого человека, сверху наклапывали еще 6—7 трупов умерших и расстрелянных. Живых закапывали вместе с мертвыми; больных, которые металсь в бреду, убивали в госпитале палками».

Зимой 1942—1943 года в лагере вспыхнула эпидемия сыпного тифа. В качестве меры борьбы с тифом, сообщил бывший военнопленный Дараган Д. М., фашистские мерзавцы организовали массовые расстрелы: достаточно было заболеть 3—4 военнопленным, как всех остальных, находившихся в этом бараке, немцы выводили к ямам на крепостной эспланаде и расстреливали. Так фашистские мерзавцы истребили на крепостной эспланаде у разезда «214 километр» около 45 тысяч советских военнопленных...

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ ФАШИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что кровавые злодеяния на территории Латвийской ССР, разгром городов и сельского хозяйства произведены по прямому указанию гитлеровского правительства и германского верховного командования. Виновниками всех этих чудовищных злодеяний, помимо гитлеровского правительства, являются: командующие северной группой немецкой армии генерал-полковник Модель и Шернер, генерал полиции Шредер, начальник полиции «Остланд» обергруппенфюрер СС Иекельн, рейхскомиссар Лозе, генеральный комиссар Латвии Дрекслер, генеральный директор Латвии Данкерс, командир германской полиции государственной безопасности Латвии оберштурмбаннфюрер СС Штраух, начальник гестапо штурмбаннфюрер доктор Ланге, заместитель командира полиции безопасности СС штурмбаннфюрер Кирсте, комендант города Риги генерал-майор Брамберг, начальник полиции города Риги майор Колбе, префект полиции Штиглиц, начальник центральной тюрьмы Виркхан, начальник «гетто» и комендант Саласпилского лагеря Краузе, начальник концлагеря Межапарк штурмбаннфюрер Зауер, его помощник обершарфюрер Бруннер, командир полиции СС Тидеман, комиссар города

Риги Виттрок, штурмбаннфюрер Микке, офицер гестапо Гимлер, организатор «гетто» унтерштурмфюрер СС Шульц, начальник малого «гетто» Ткель, коменданты «гетто»: унтершарфюрер Рошман, обершарфюрер Мигге, лейтенант гестапо Хесис, начальник «гетто» Гесфер, редактор фашистской газеты «Дейче Цейтунг ин Остланд» Микел, руководитель отдела прессы при рейхскомиссаре доктор Циммерман, военный комендант города Риги Нахтигаль, помощник коменданта «гетто» унтершарфюрер Гимлих, помощник начальника гестапо штурмфюрер Мегсе, руководитель отрядов СС Зелингер, помощник начальника концлагеря Межапарк врач штурмбаннфюрер Кребсбах, обершарфюрер СС Бухгольц Ганс, врач СС доктор Блудау, обершарфюрер СС Кнабе, унтершарфюрер СС Клеченс Герман, унтершарфюрер СС Хонис, штурмбаннфюрер СС Зайтлер, лейтенант войск СС Руйслер, комендант города Даугавпилс майор Ниссель, начальник полиции безопасности СД Шилле, окружной комиссар Швунк, начальник штаба окружного комиссара Гайнель, начальник Даугавпилского отделения гестапо Таборт, его помощники Беку, Мауриц, коменданты «Шталага № 340» капитан Хуго Маер, Нисин, Зимсон, офицеры шатаба «Шталага № 340» капитаны: Петер, Паулин, Мориц, Паулзин, заведующий рабочей силой капитан Мартин, заведующий кухней Роанз, переводчик и палач Миллер Якоб, заведующий хозяйством Ойген Дейле, начальник строительства лагеря Лауперт, коменданты концлагеря в городе Резекне майор Риттер фон Келиандер и капитан Данцейзен, начальник 3-го отделения гестапо лейтенант Клепфман, офицер 3-го отделения гестапо Штайнер, начальник политической полиции Резекнеского уезда майор войск СС Албер, унтер-офицеры Пийгсамер, Ульман, фельдфебели Брик, Бахман, вахмистры полиции СС Кок, Миллер, Крепш, Маер, Тухель, Ганс Коп, Нейман, ефрейторы Айзеле Карл, Штрикле Карл, солдаты Фрай Оган, Вольф Андре и переводчики Пирог и Хейлиш.

Преступников постигнет суровая кара за совершенные ими злодеяния.

5 апреля 1945 г.

Документ СССР-7

О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЛИТОВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ

Оккупировав Литовскую Советскую Социалистическую Республику, немецкие фашисты пытались превратить Литву в германскую колонию и поработить литовский народ. Эта преступная цель гитлеровского правительства нашла свое полное выражение в повсеместном грабеже, всеобщем разорении, насилиях и издевательствах над литовским населением, в массовых убийствах стариков, женщин, детей и военнопленных. Фашисты лишили литовское крестьянство земли, разгромили и закрыли университеты и школы, разрушили промышленность и культурные ценности.

Под руководством рейхсминистра Розенберга оккупанты пытались онемечить литовский народ, искоренить национальную культуру. Литва была объявлена частью немецкой провинции «Остланд».

После освобождения Красной Армией Литовской ССР специальная комиссия в составе: депутата Верховного Совета СССР Снечкуса А. Ю., Председателя Совета Народных Комиссаров Литовской ССР Гедвиласа М. А., Народного комиссара внутренних дел Литовской ССР Барташунаса И. М., профессора Пуренаса А., литовского писателя Юргиниса И. М., с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Зурабова В. С. произвела расследование совершенных гитлеровцами в Литве преступлений. Чрезвычайная Государственная Комиссия на основании материалов расследования этой комиссии, раскопок могил замученных фашистами жертв, показаний свидетелей установила факты злодеяний и разрушений, совершенных немецко-фашистскими бандитами за время оккупации ими Литовской Советской Социалистической Республики.

ГИТЛЕРОВЦЫ ПЫТАЛИСЬ УНИЧТОЖИТЬ ЛИТОВСКУЮ КУЛЬТУРУ

За год существования в Литве Советской власти литовская культура получила все условия для своего широкого развития. Были открыты новые учебные заведения, развернута сеть новых школ, созданы Государственная филармония, Дом народного творчества, открыты Художественная академия в Вильнюсе и Институт прикладного искусства в Каунасе. Организовались союзы литовских писателей, художников, композиторов.

Немецкие оккупанты сразу же после своего вторжения разгромили литовские культурные учреждения. Они закрыли Филармонию, Каунасскую консерваторию, Академию искусств в Вильнюсе, Институт прикладного искусства, ликвидировали все художественные учебные заведения, разогнали союзы творческих работников.

17 марта 1943 года гестаповцы оцепили здание старейшего Вильнюсского университета, разбили в нем статуи и орнаменты, изорвали картины, разграбили экспонаты, ценные учебные пособия, научную литературу, эпидиоскопы, электромоторы, станки и другое научно-вспомогательное оборудование; увезли в Германию 1743 грамма платины. В разгроме университета принимали активное участие немецкие «ученые» доктора Мюллер и Вульп.

Такая же участь постигла и другой крупнейший литовский Государственный университет и Химический институт. Немцы разрушили в Вильнюсе и Каунасе 14 гимназий и 46 начальных школ, а также учебные заведения в Шауляе, Мариамполе, Паневежисе, Укмерге; взорвали и уничтожили Сельскохозяйственную академию, Высшую сельскохозяйственную школу и 7 низших сельскохозяйственных школ.

Гебитскомиссар города Вильнюса Хингет присвоил и вывез из Вильнюсского Государственного художественного музея ценные коллекции мебели, старинный фарфор, ковры, картины, гравюры и другое музейное имущество. Из этого же музея немцы похитили 40 ценных картин XIX и XX веков, 130 матриц очень редких гравюр на меди (XVII, XVIII и XIX веков), конкурсную модель проекта памятника Петру Великому скульптора Т. Крюгера. Генерал Рунау украл ценные картины «Святое семейство» (мастерской Рубенса) и «Пейзаж» (Тенирса). Из библиотеки Академии искусств были похищены немцами 743 книги наиболее старинных и редких изданий, коллекции исторических золотых и серебряных медалей. Полному разгрому подверглись широко известные еврейские культурные учреждения: 1) библиотека им. М. Страшуна, 2) еврейский научный институт Академии наук Литовской ССР, 3) Историко-этнографический музей. 10 тысяч экземпляров старинных изданий XV, XVI, XVII веков

были направлены в Берлин (Бисмаркштрассе, 1). Немецкие захватчики отправили во Франкфурт-на-Майне ценные картины Репина, Левитана, Марка Шагала, скульптуры М. Антокольского, Гинцбурга, Аронсона, Н. Трегера, рукописи и письма Максима Горького, Льва Толстого, Ромэн Роллана, Шолом-Алейхема и др. При отступлении гитлеровцы сожгли в Литве старейшую библиотеку евангелическо-реформатского синода, основанную в 1611 году и состоявшую из 20 000 томов уникальных книг XVI, XVII и XVIII веков.

В городе Каунасе немцы разграбили дом-музей известного литовского поэта Майрониса и театры: оперный, драмы и оперетты. В городе Шауляй сожгли самый крупный из периферийных литовских театров и Краеведческий музей со всеми уникальными этнографическими, археологическими и историческими коллекциями. Немцы разграбили театры в городах Паневежис и Мариамполь.

Представители литовской интеллигенции подвергались жесточайшим преследованиям и репрессиям. Немцы расстреляли известного мастера многих произведений скульптуры Грибаса, поэта Монвила, дирижеров Гофмеклериса и Дурмашкинаса, режиссера и художественного руководителя польского театра музыкальной комедии в Вильнюсе Вярвич-Вихровского. От тяжелых условий фашистского режима погибли: академик, хирург Кузьма, поэт и драматург Бинкис, профессор Альбинас Римка, художники Диджиокас, Менчинскис, Самуолис, заслуженные композиторы Шимкус и Карнавичюс. Заведующий кафедрой истории театра Вильнюсского университета и драматург Балис Сруога заключен в один из концентрационных лагерей в Германии.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ ГИТЛЕРОВЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТОВСКОЙ ССР

За время оккупации Литовской ССР гитлеровские мерзавцы установили режим кровавого террора. Стремясь подавить всякое сопротивление со стороны населения фашистской колонизаторской политике, немцы планомерно и методически истребляли советских людей, подвергали их всевозможным издевательствам, пыткам и насилиям. По далеко не полным данным, они истребили в концентрационных лагерях на территории Литвы 165 тысяч военнопленных, расстреляли, сожгли и замучили свыше 300 тыс. человек мирного населения.

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В МЕСТЕЧКЕ ПАНЕРЯЙ

Сразу же после захвата столицы Литовской ССР Вильнюса немецкие оккупанты начали массовое истребление его населения. В местечке Панеряй (Понары), в 8 километрах от Вильнюса,

был организован специальный лагерь. Массовые убийства в этом лагере начались с июля 1941 года и продолжались до июля 1944 года.

«Начиная с июля 1941 года, — сообщил свидетель Сенюц Станислав Степанович, проживающий на станции Панеряй, — в этот лагерь ежедневно пригонялись и расстреливались группы в несколько сот человек. Когда привозили людей на машинах, я уже издали слышал их громкие крики. Расстрелы совершались почти ежедневно, с утра и до вечера, и продолжались до самого освобождения города Вильнюса Красной Армией».

С конца 1943 года гитлеровские палачи особенно тщательно старались замести следы своих кровавых преступлений. С этой целью они организовали в местечке Панеряй сожжение трупов расстрелянных людей.

«В декабре 1943 года, — сообщил свидетель Зайдель Матвей Федорович, — нас заставили выкапывать и сжигать трупы. Вначале клали дрова, затем трупы в ряд по сто человек, обливали горючей жидкостью и опять накладывали трупы. Таким образом на каждый костер мы укладывали около 3000 трупов, заливали их нефтью, с четырех сторон клали зажигательные бомбы и поджигали».

Сжигание трупов продолжалось с конца 1943 года до июня 1944 года. За это время из девяти ям с общим объемом 21179 кубических метров было извлечено и сожжено на кострах не менее 100 тысяч трупов.

Последние дни перед отступлением гитлеровцы не успевали сжигать трупы расстреливаемых, сбрасывали их в ямы и слегка засыпали сверху песком. По документам, обнаруженным в одежде убитых, и на основании свидетельских показаний установлено, что среди погибших были ученые и рабочие, инженеры и студенты, ксендзы и православные священники — жители не только Вильнюса, но и других городов, местечек и деревень Литовской ССР.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника медицинской службы Никольского В. П., главного патологоанатома фронта доктора медицинских наук подполковника мед. службы Молоткова В. Г., профессора патологической анатомии Марбурга С. Б., городского судебно-медицинского эксперта гор. Вильнюса Буткевича И. Ю. и других установила:

«Исследованные трупы относятся преимущественно к гражданскому населению. Небольшое количество трупов обнаружено в одежде военнослужащих. На некоторых трупах найдены предметы религиозного культа католической и православной церкви. На основании обнаруженных предметов и документов установлено, что среди расстрелянных были: врачи, инженеры,

студенты, шоферы, слесаря, железнодорожники, портнихи, часовщики, торговцы и другие.

В большинстве случаев причина смерти — сквозное огнестрельное ранение в голову от одиночных выстрелов с разрушением мозгового вещества. В некоторых случаях обнаружены двойные и множественные входные отверстия.

Типичный размер входных пулевых отверстий — 0,8 сантиметра — соответствует пулям немецкого образца. По характеру входного отверстия можно считать, что выстрелы производились в упор.

Состояние исследованных трупов и обнаруженные в одежде документы показывают, что расстрелы производились с осени 1941 года и до июля 1944 года».

Судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецко-фашистские палачи расстреляли и сожгли в Панеряй не менее 100 тысяч человек.

«ФОРТ СМЕРТИ» В КАУНАСЕ

Форт № 9 жители Каунаса называли «Фортом смерти». Форт расположен в 6 километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой.

Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью больше 5 гектаров, у западной стены форта. В течение июля — августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около 3 метров, длиной свыше 200 метров и глубиной больше 2 метров. Все, кто попадал в форт № 9, в живых не оставались. Колоннами в несколько тысяч человек гитлеровцы гнали сюда женщин, детей, подростков, мужчин и стариков на расстрел и сжигание.

Свидетель Михайловский Станислав Никодимович из деревни Кумпай сообщил комиссии: «Я сам видел, как немцы осенью 1941 года гнали колонной советских граждан в форт № 9. Один раз я наблюдал колонну людей длиной от форта до города Каунаса. Кроме того, немцы возили людей в закрытых машинах. Согнанных на казнь и мучения советских граждан немцы раздвигали догола в саду форта, затем партиями по 300 человек сгоняли в вырытые рвы и там расстреливали из автоматов и винтовок. Обреченных людей было так много, что они по несколько часов стояли голыми на холоде в ожидании смерти».

Свидетель Сместно В. А. из деревни Гедрайц показал комиссии: «Когда были приготовлены рвы, немцы стали пригонять

в форт № 9 большое количество мирных советских граждан из Каунаса и других районов и здесь их расстреливали».

Только за два дня в ноябре 1941 года в форте № 9 было расстреляно 7 тысяч мирных советских граждан, а за два дня в декабре 1941 года — около 22 тысяч человек.

В форте № 9 были расстреляны люди различных национальностей: русские, украинцы, белорусы, литовцы, поляки, евреи. В этом форте расстреляны: депутат Верховного Совета Союза ССР Буджинскиене, депутат Верховного Совета Литовской ССР Зибертас, каунасский рабочий-стахановец Шербаков со своей женой и новорожденным ребенком и многие другие.

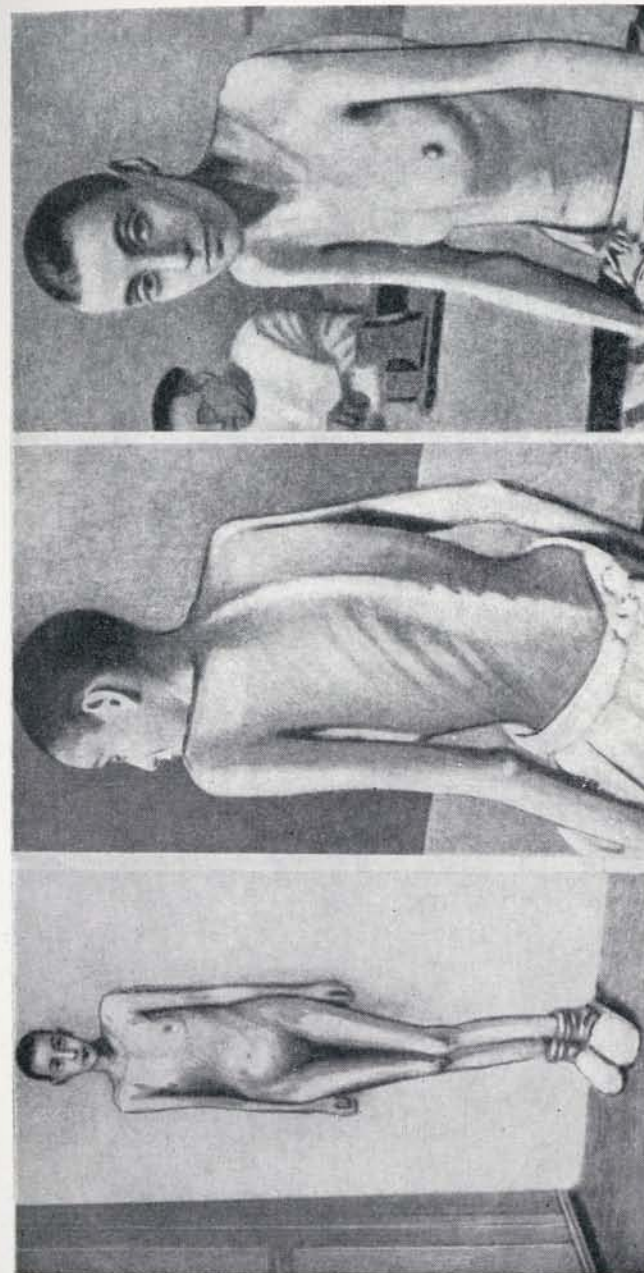
Кроме советских людей, гитлеровцы уничтожали в форте № 9 граждан из Франции, Австрии, Чехословакии. Бывший надзиратель форта № 9 Науджюнас Ю. Ю. показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4000 человек поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря 1941 года началось уничтожение иностранцев. Им было предложено выходить из форта группами по 100 человек как бы для проведения прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все четыре тысячи иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 года прибыла еще одна группа численностью около 3000 человек, которая также была уничтожена».

К октябрю 1943 года все рвы западнее форта № 9 были заполнены трупами расстрелянных. В каждом из таких рвов находилось от 3 до 4 тысяч трупов. Всего здесь гитлеровцы уничтожили до октября 1943 года свыше 50 тысяч человек, из которых больше 40 тысяч советских граждан и около 100 тысяч иностранцев. Чтобы скрыть следы своих преступлений, гитлеровцы с октября 1943 года начали сжигать трупы убитых ими людей на специальных кострах.

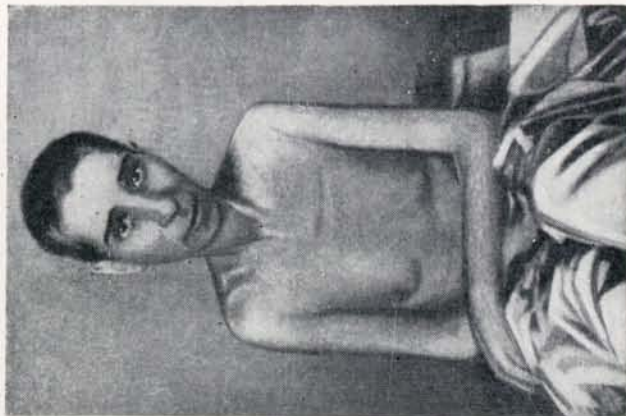
Бывший заключенный форта Гельтрук Михаил Ильич, которого немцы заставили вместе с другими в течение 6 недель раскапывать и сжигать трупы, рассказал комиссии следующее:

«В день мы откапывали и сжигали по 600 трупов. Это была норма, установленная немцами. Ежедневно горело по два больших костра, в каждом из которых помещалось по 300 трупов. После сжигания трупов кости раздроблялись металлическими предметами и зарывались в землю. За 6 недель нами было раскопано три с половиной рва, из которых было извлечено и сожжено 12 тысяч трупов; еще оставались неразрытыми девять с половиной рвов и много мелких ям, в них находилось не менее 40 тысяч трупов».

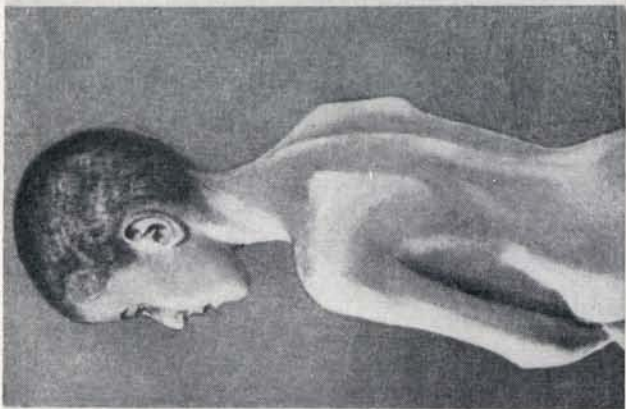
Гитлеровцы привозили в форт № 9 для сжигания трупы и из других мест. На этих же кострах немцы сжигали и живых

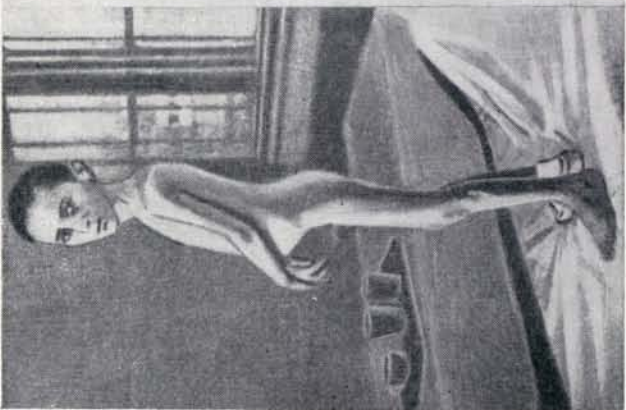
Танцор Софи. 20 лет. Из Австрии. Алимментарная дистрофия II степени

Левин Гильде, 42 лет. Из Франции (Ницца). Алиментарная дистрофия III степени

Блюм Палко, 6 лет. Из Чехословакии. Алиментарная дистрофия II степени

Блюм Палко, 6 лет. Из Чехословакии. Алиментарная дистрофия II степени

людей. Так, по показаниям свидетеля Гельтрукка, 16 декабря 1943 года в форте № 9 была заживо сожжена семья доцента Шапиро, состоявшая из 5 человек. Свидетель, гражданин деревни Гедрайц, Корольков Н. Ф. рассказал: «Я видел, как днем подъезжали к костру крытые машины, из которых выбрасывали людей в огонь. Нередко раздавались крики и выстрелы».

После того, как все трупы были сожжены, гитлеровцы засыпали рвы, вспахали и засеяли поле. С апреля 1943 года истребление советских людей производилось уже во дворе форта, во рву, у западной стены, где также постоянно горел костер. В этом рву обнаружены остатки дров, 8 бочек с горючей смесью и следы большого костра.

Комиссия по расследованию преступлений фашистских негодяев в городе Каунасе в составе: депутата Верховного Совета Литовской ССР Григолавичуса И., председателя исполкома Каунасского Совета депутатов трудящихся Руткаускаса, профессора Мажилиса, докторов Тикниуса, Гураускаса, Лашиене, Гуревичиуса, Вуйвидайте-Куторгене, писательницы Фелиции Борткевичиене, художника Михася Пранцкунаса, студента Ажукайтиса, майора Франчука и майора Румянцева — установила, что гитлеровцы уничтожили в форте № 9 более 70 тысяч мирных жителей.

ЗВЕРСТВА НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ НАД МИРНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В ЛАГЕРЕ БЛИЗ ГОРОДА АЛИТУС И В ДРУГИХ МЕСТАХ ЛИТОВСКОЙ ССР

На территории Литовской ССР гитлеровцы истребили в огромном количестве не только местное население, но и согнанных сюда жителей Орловской, Смоленской, Витебской и Ленинградской областей. Через лагерь для эвакуированного населения близ города Алитус (бывший лагерь № 133 для советских военнопленных) с лета 1943 года по июнь 1944 года прошло до 200 тысяч человек. Все бараки были оплетены колючей проволокой в два ряда. За самовольный уход за проволоку каждого «виновного» наказывали заключением в карцер и жестокой поркой. Заключенные должны были работать на тяжелых физических работах, их морили голодом: в день давали 150—200 граммов хлеба с опилками и пол-литра супа-бланды из испорченной чечевицы или гороха. Наиболее здоровых и молодых отправляли на работу в Германию.

Тяжелые антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, голод и болезни, а также массовые расстрелы привели к тому, что за 14 месяцев в этом лагере погибло до 60 тысяч мирных советских людей, что подтверждается документами и показаниями свидетелей, жителей города Алитус:

Гашкерис Ст. Вл., Гашкерис Максимильяна Германовича, Петрова, доктора Рыбкина, Новаковского, Стрембовского и других.

К концу 1943 года в бывший лагерь для военнопленных возле аэродрома в городе Каунасе были пригнаны мирные жители, мужчины и женщины разных возрастов, а также дети. Количество заключенных в этом лагере все время колебалось от 1200 до 1500 человек. Из строевой записи, обнаруженной в канцелярии лагеря, видно, что на 3 января 1944 года в лагере числилось: мужчин трудоспособных — 433, нетрудоспособных — 26, женщин трудоспособных — 737, нетрудоспособных — 42, детей — 253, а всего на этот день в лагере числился 1491 человек.

В начале 1944 года немцы в этом лагере насильно отобрали детей в возрасте от 6 до 12 лет и увезли. Житель города Каунаса Владислав Блюм показал: «На моих глазах происходили душераздирающие сцены: у матерей немцы отбирали детей и отправляли неизвестно куда, а многие дети погибли при расстреле вместе с матерями».

Внутри лагеря на стенах здания обнаружены надписи о злодеяниях фашистских извергов. Вот некоторые из них: «Отомстите за нас! Пускай весь мир знает и поймет, как зверски уничтожали наших детей. Наши дни уже сочтены, прощайте!» «Пусть весь мир знает и не забудет отомстить за наших невинных детей. Женщины всего мира! Вспомните и поймите все зверства, которые произошли в XX-м веке с нашими невинными детьми. Моего ребенка уже нет, и я ко всему безразлична».

Для семей военнослужащих Красной Армии на территории Литовской ССР немцами были созданы специальные концентрационные лагеря.

В этих лагерях был вывешен приказ: «За высказывание недовольства германскими властями и нарушение лагерного режима советских граждан без суда расстреливать, подвергать тюремному заключению, отправлять на вечную каторгу в Германию». В лагерях нередко производились публичные расстрелы.

О фактах истязаний и большой смертности в лагерях для семей советских военнослужащих рассказали свидетели, жены командиров Красной Армии: Козлова В. М., Шабалева А. М., Выглова М. Ф., Паньщина Н. С., Лапочкина В. В. и другие.

Начальник четырех таких лагерей немка Елизавета Зеелинг неоднократно заявляла заключенным: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу». Она применяла в лагерях жестокие пытки, избивала и даже лично расстреливала заключенных.

Зеелинг на допросе показала, что сотрудник гестапо шеф лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер дали на инструктивном совещании следующие указания: «За женщинами, находящимися в лагерях, строго следить, так как они являются

женами советских командиров. Если кто будет отказываться от работы, немедленно отправлять их в лагеря для расстрела без следствия. Из лагерей никого не выпускать. Установить строгую дисциплину. Жестоко пресекать всякую малейшую попытку к неповиновению или враждебные действия».

В урочище «Лысая Гора», на восток от села Лозники, Вильнюсского уезда, комиссией обнаружены две площадки — 30 на 12 метров и 10 на 6 метров, где сжигались трупы расстрелянных немцами жителей Науиои Вильня, Мицкунай, Лаворишкис, Шумскас, Медниникай, Тоторкаймис и других пунктов. По заявлениям граждан села Лозники Андрушковича, Нагановича и Петрулевича, немцы осенью 1941 года сгоняли сюда советских людей на расстрел. С 1 по 18 июня 1944 года немцы произвели вскрытие ям и сожжение трупов. Пепел закапывали в ямы. Насильственно пригнанных для раскопок и сожжения трупов советских людей немцы расстреляли. В урочище «Лысая Гора» немцы расстреляли 10 тыс. человек.

В сентябре 1941 года в местечке Эйшишкис были расстреляны из пулемета 800 человек. В городе Пренай немецкие палачи во главе с комендантом города капитаном войск СС Рейнартом замучили и убили свыше 3000 граждан, в том числе Степанавичюс Юозас, Марцынкевичене Маре, Штукшене Мацеле и других. В предместье города Каунас Вильямполь немцы сожгли около 8000 советских граждан.

3 июня 1944 года в деревню Перчюпе, Тракайского уезда, ворвались гитлеровцы; окружив деревню, они произвели повальный грабеж, после чего, загнав всех мужчин в один дом, а женщин и детей в три других дома, зажгли эти дома. Пытавшихся вырваться и бежать фашистские изверги ловили и снова бросали в горевшие дома. Так было сожжено все население деревни — 119 человек, из них 21 мужчина, 29 женщин и 69 детей. Здесь погибли: Ялкомас с женой и четырьмя детьми, Валькишюс Юозас с женой и с семьей детьми, Ковалеяускене Стасе с тремя детьми, Уждавинене Ева с тремя детьми, Имбалейкис с ребенком, Уждавинене Марьяна с четырьмя детьми, Уждавинис Стасис с двумя детьми, Маркевичюс Юозас с матерью, Маркевичюс Юозас с тремя детьми, Бразаускас с ребенком и другие.

Зверское массовое истребление мирных жителей немецкие оккупанты произвели в районе города Мариамполь, где было уничтожено 7700 человек. В местечке Сейрийай, Алитусского уезда, было расстреляно немцами 1900 человек, в Пильвишкяй было расстреляно свыше тысячи жителей. В Шауляйском уезде, по неполным данным, было уничтожено 3830 человек. В городах Тракай, Паневежис, Укмерге, Кедайняй и Биржай немцы истребили 37 640 человек мирного населения.

ИСТРЕБЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

В Каунасе, в форте № 6, находился лагерь № 336 для советских военнопленных. В лагере к военнопленным применялись жестокие пытки и издевательства в строгом соответствии с найденным там «Указанием для руководителей и конвоиров при рабочих командах», подписанным комендантом лагеря № 336 полковником Эргардтом. В этом указании говорится: «Каждый военнопленный рассматривается в качестве врага». На основе этой директивы немецкие солдаты и конвоиры распоряжались жизнью военнопленных по своему усмотрению.

Военнопленные в форте № 6 были обречены на истощение и голодную смерть. Голод, холод и тяжелый непосильный труд быстро истощали организм пленных. Свидетельница, гражданка деревни Петрушаны Мидешевская Розалия, сообщила комиссии: «Военнопленные ужасно голодали. Я видела, как они рвали траву и ели ее». Житель города Каунаса учитель Интересов Дмитрий рассказал: «Проживая с 24 декабря 1943 года близ форта № 6, я имел возможность несколько раз разговаривать с русскими военнопленными. Они рассказывали, что живут в сырых и мрачных подземельях крепости, но так как и этих помещений далеко не достаточно, то многие валяются прямо в крепостной канаве под открытым небом. Пища их состоит из сырой свеклы, картофельной шелухи и других овощных отбросов, а о хлебе, соли и других продуктах и думать не приходится».

Местному населению под угрозой смерти запрещалось оказывать какую-либо помощь военнопленным. При входе в лагерь № 336 сохранилась доска со следующим объявлением на немецком, литовском и русском языках: «Кто с военнопленными будет поддерживать связь, особенно, кто будет им давать съестные припасы, папиросы, штатскую одежду, сейчас же будет арестован. В случае бегства будет расстрелян».

В лагере форта № 6 был «лазарет» для военнопленных, который в действительности служил как бы пересыльным пунктом из лагеря в могилу. Военнопленные, брошенные в этот лазарет, были обречены на смерть. Из месячных немецких сводок заболеваемости военнопленных в форте № 6 видно, что только с сентября 1941 года по июль 1942 года, т. е. за 11 месяцев, в «лазарете» умерло 13 936 советских военнопленных.

В лагерном дворе комиссия обнаружила 67 стандартных могил размером 5 на 2,5 метра каждая. При вскрытии могил обнаружены сложенные штабелями скелеты. В канцелярии лагеря найден план кладбища № 5 с точным нанесением могил и указанием количества трупов в них. Из этого плана видно, что на одном только кладбище № 5 похоронено 7708 человек,

всего же, как свидетельствуют лагерные документы, здесь похоронено около 35 тысяч военнопленных.

В Каунасе также был лагерь для военнопленных без номера, расположенный на юго-западной окраине каунасского аэродрома. Так же, как и в форте № 6, здесь свирепствовали голод, плеть и палки. Истощенных военнопленных, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей. Это подтверждают свидетели, местные жители — Гутавкинас И. В., Гедрис И. И., Ионайтис Б. К. Близ лагеря были обнаружены: 13 могил размером 25 на 2 метра, 5 могил размером 12 на 2 метра и 1 могила размером 15 на 15 метров. При раскопках этих могил на глубине $\frac{3}{4}$ метра найдены трупы людей, одетых в серые шинели и защитного цвета обмундирование. На основании раскопок, документов и показаний свидетелей комиссия установила, что здесь, в районе аэродрома, замучено и погребено около 10 тысяч советских военнопленных.

Близ города Алитус немцами в июле 1941 года был организован лагерь № 133 для советских военнопленных, который просуществовал до начала апреля 1943 года. Еще по пути в этот лагерь пленных морили голодом и многих из них привозили мертвыми или в состоянии сильного истощения. Как показали свидетели, литовский партизан Маргялис и жители города Алитус, при выгрузке военнопленных из вагонов немцы расстреливали на месте всех неспособных дальше двигаться. Военнопленные были размещены в конюшнях, где они зачастую замерзали, так как у них было отобрано все обмундирование. Гитлеровцы открывали по пленным стрельбу из пулеметов и автоматов. В этом лагере № 133 погибло от расстрелов, голода, холода и сыпного тифа не менее 35 тысяч человек. Особо зверской жестокостью отличались начальник лагеря майор Розенкранц, его помощник Эверт, доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат.

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики организовали лагерь для советских военнопленных на территории военного городка города Науион Вильня. Одновременная загрузка этого лагеря составляла не менее 20 тысяч человек. Свидетель Туманов А. А. рассказал комиссии об истязаниях, которым подвергали немцы заключенных в этом лагере: «Пленных пытали до потери сознания, подвешивая их на цепях за ноги, затем снимали, обливали водой и снова повторяли то же самое».

Смертность военнопленных здесь никогда не была ниже 150 человек в сутки. Умерших закапывали на кладбище в 200 метрах от лагеря.

На основании многочисленных показаний свидетелей, жителей местечка Науион Вильня: Галевского Л. И., Галевской Р. Н.,

Козловского К. А., Тамунович А. И., Бублевича С. Н., Гульбинского А. А., Кондратович К. О. комиссия установила преднамеренное систематическое массовое истребление в этом лагере советских военнопленных путем голодного режима, изнурительного и непосильного труда, истязаний и расстрелов. Общее число жертв, истребленных гитлеровцами в этом лагере, составляет свыше 60 тысяч человек.

В 5 километрах от станции Безданы, Неменчинской волости, Вильнюсского уезда, также был организован лагерь для советских военнопленных. По показаниям очевидцев, жителей села Безданы, Ластовского И. М., Мацкевича А. В., Родзевича И. В., Брыжука Ф. Ю., Букшанского Л. И. и других, тяжелые условия, в которых находились военнопленные: систематический голод, массовые избиения, расстрелы порождали среди них огромную смертность. На территории данного лагеря обнаружено 18 больших могил. Лагерь был немцами полностью сожжен в августе 1943 года. Общее количество погибших здесь военнопленных, согласно документам и показаниям свидетелей, достигает 25 тысяч человек.

Установлено, что во всех перечисленных лагерях на территории Литовской ССР немцы уничтожили не менее 165 тысяч советских военнопленных.

РАЗОРЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗАКРЕПОЩЕНИЕ ЛИТОВСКИХ КРЕСТЬЯН

В 1940—1941 годах в Литве свыше 75 000 сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян были наделены земельными участками. Среди них было распределено около 400 тысяч га земли. Все получившие землю обеспечены кредитом на строительство, сельскохозяйственным инвентарем, оборудованием, семенами. Таким образом в Литовской ССР были заложены основы расцвета сельского хозяйства.

Фашистские колонизаторы сразу же отобрали у трудового крестьянства полученную им землю. Гитлеровский министр земледелия Дарре откровенно заявил:

«...Мелкие местные крестьяне должны быть удалены со своих земель и превращены в безземельных пролетариев, чтобы было сокращено их размножение. Культивируемые земли должны перейти в руки класса немецких господ. На всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, заселенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельскохозяйственных слуг и промышленных работников».

Генеральный комиссар Литвы фон Рентельн в приказе от 18 сентября 1941 года распорядился:

«Новоселы и малоземельные крестьяне, получившие в пользование землю согласно постановлению большевистского Совета Министров от 5 августа 1940 года, считаются утерявшими это право. Настоящее применяется также к лицам не немецкого происхождения, переселившимся из Германии. Земельные участки, предоставленные новоселам и переселившимся из Германии, передаются в управление тем, кому они принадлежали до отчуждения».

Сгоняя трудовое литовское крестьянство с земли, гитлеровцы грабили у него весь живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь и оборудование, отнимали даже тот лес, который у него был заготовлен для строительства жилых построек. Рейхскомиссар Остланда Лозе в приказе от 13 сентября 1941 года дал следующее указание: «Весь принадлежащий сельскому хозяйству живой и мертвый инвентарь переходит в пользование старых владельцев или соответственно назначенных управляющих, которые несут ответственность за все ведение хозяйства».

Отобрав у литовских крестьян землю, оккупанты закрепили их и превратили в рабов немецких колонистов. В приказе Лозе от 13 сентября 1941 года говорилось: «Новоселы считаются наемниками хозяев, которым возвращается земля». В развитие этого приказа генеральный комиссар Литвы Рентельн 18 сентября 1941 года указал: «...строго наказуемы сельскохозяйственные рабочие и бывшие новоселы, которые откажутся занять указанное им место работы, оставят его или будут мешать утвержденному управляющему принять управление хозяйством».

В январе 1942 года в Риге было создано общество по управлению землей «Остланд», в задачу которого входила организация хозяйства немецких колонистов. По неполным данным, только до осени 1942 года в Литву было завезено из Германии 16 300 немецких семейств, не считая многочисленных владельцев различного рода сельских и городских торговых и промышленных предприятий.

В продолжение всей оккупации немцы беспощадно изгоняли из своих хозяйств литовских крестьян и грабили их имущество. Так, в течение осени 1942 года в Мариампольском, Таурагском, Кедайнском и Вилкавишкском уездах были лишены земли 2057 семей. Вместе с землей у них было отобрано все движимое имущество: 2475 лошадей, 2267 коров, 2973 свиньи, 2386 овец, 1426 плугов, 1318 борон, 859 повозок. Все эти семьи были обязаны без всякого возмещения оставить немцам следующие запасы сельскохозяйственных продуктов (в центнерах): ржи — 22 166, пшеницы — 16 307, ячменя — 13 114, овса — 22 914, картофеля — 57 052.

В результате хозяйничанья гитлеровских захватчиков, по неполным данным, лишь по 14 уездам Литовской ССР поголовье

скота и птицы по сравнению с 1940—1941 гг. сократилось: по лошадям — на 136 140 голов, по крупному рогатому скоту — на 565 995 голов, по свиньям — на 463 340 голов, по овцам — на 594 492 головы, по курам — на 996 000 голов, по гусям и уткам — на 424 178 голов.

РАЗРУШЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА И ТРАНСПОРТА ЛИТОВСКОЙ ССР

Гитлеровские захватчики нанесли огромные разрушения промышленности Литовской ССР. Они взорвали крупные электростанции республики: Вильнюсскую, мощностью в 9 тыс. киловатт, и Каунасскую, мощностью в 16 тыс. киловатт. Они разрушили, сожгли и разграбили в городах Литвы все основные промышленные предприятия.

В гор. Каунас немцы уничтожили металлургический завод «Металас», оптическую фабрику «Спектрас», резиновую фабрику «Гума», мясокомбинат, стекольный завод, 3 мельничных комбината, 2 мыловаренные фабрики. Вывезли в Германию оборудование лесозаводов, фабрики шерстяных и бумажных тканей, фабрики «Рамуна».

В гор. Вильнюс захватчики разрушили завод радиоаппаратуры «Электрит», лесопильные и фанерные заводы. В гор. Шауляй сожгли и уничтожили первоклассный кожевенный завод № 6, обувную фабрику «Ватас», выпускавшую до 2 тысяч пар обуви в день, 3 кондитерские фабрики, пивоваренные заводы, маслобойный завод.

В гор. Науоис Вильне немцы уничтожили станкостроительный завод и бумажную фабрику, в местечке Швентупе сожгли спиртовой завод. С табачных фабрик республики оккупанты вывезли все электромоторы, сожгли много известковых и кирпичных заводов. В Паневежисе взорвали 7 мельниц и хлебозавод. С бумажной фабрики в Петрушанах захватчики из 300 имевшихся там электромоторов вывезли 244. По всей территории республики немцы разрушили большое количество мелких промышленных и кустарных предприятий.

Немецко-фашистские захватчики варварски уничтожили в городах Литвы коммунальное хозяйство. Помимо электростанций, они разрушили в Вильнюсе газовый завод, водонасосную станцию со всеми агрегатами, Каунасский водопровод в Эйгулях с резервуаром на Жалякальнис. Городское население было оставлено без света и воды. В Вильнюсе немцы взорвали новые мосты через реку Нерис (Вилию): Жверинасский, длиной в 82 метра, Зеленый, длиной в 86 метров, Антокольский, длиной в 110 метров, в Каунасе уничтожили 3 моста: 2 через реку Немунас и один через реку Нерис (Вилию).

Перед своим отступлением из Литвы, начиная с 6 июля 1944 года, в течение 7 дней, немецко-фашистские захватчики взрывали и сжигали наиболее благоустроенные дома и общественные здания в городах, уничтожали целые кварталы и улицы. Одна из центральных улиц города Вильнюса, Вокечю, центр торговых предприятий, после ухода немцев представляет собой сплошные руины. В гор. Каунас сожжено немцами, вместе с населением, предместье Вильямполе, уничтожена улица Бирштоно. Всего в городах Вильнюсе и Каунасе разрушено 4612 домов с кубатурой в 8414 тыс. куб. метров. Взорваны и сожжены уездные города Вилкавишкис и Расейняй.

Огромные разрушения фашистские громилы причинили учреждениям связи. Сожжены здания городской и междугородной телефонных станций, радиостанций и почтамтов. Приведены в негодность и уничтожены линия связи и кабельные сооружения. Значительную часть оборудования автоматической и междугородной телефонных станций, центрального телеграфа, радиостанций, радиоузла и мастерских немцы вывезли в Германию.

Под руководством гитлеровского начальника литовских железных дорог Доллинга, его заместителей Гофмана и Гиркенса, начальника полиции литовских железных дорог Краузе немецкие захватчики произвели разгром железнодорожного хозяйства в Литве. Они взорвали, сожгли и разрушили железнодорожные электростанции, здания депо и паровозоремонтных мастерских, насосные станции, водонапорные башни, разрушили тоннель близ гор. Каунас, взорвали железнодорожные мосты через реку Немунас длиной в 332 метра, через реку Нерис длиной в 301 метр и 49 других мостов, уничтожили 330 километров главных и 46 километров станционных путей, взорвали вокзалы на станциях: Каунас, Турмонтас, Дукштас, Жасляй, Кайшадорис, Варена, разрушили вокзалы на станциях Вильнюс, Швенченелай, Пабраде и других, уничтожили или подорвали 4283 товарных, 257 пассажирских вагонов и 183 паровоза; вывезли в Германию механическое оборудование многих депо и паровозоремонтных мастерских, аппаратуру телефонных и телеграфных станций.

Фашистские захватчики проводили массовый грабеж литовского городского населения. Все лучшие дома и квартиры были отняты у жителей и переданы немецким гражданским и военным чиновникам и переселившимся из Германии «колонизаторам». У населения городов гитлеровцы отбирали вещи и продукты.

Ценные вещи и товары были собраны гитлеровцами в специальные магазины с надписью «Только для немцев» и продавались немцам по баснословно низким ценам...

ПОГРОМЩИКИ И УБИЙЦЫ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ
И СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАТЬ
ПЕРЕД СУДОМ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что виновниками чудовищных преступлений, совершенных на территории Литовской Советской Социалистической Республики, являются: рейхскомиссар Лозе, заместители рейхскомиссара: Эше, Матиссен и Фреундт, генеральный комиссар Литвы д-р фон Рентельн, его заместители — обергебитсфюрер Наберсберг, доктор Пензе, капитан Шененбек и доктор Дексгеймер, командующий войсками генерал кавалерии Бремен, начальник полиции Остланд, обергруппенфюрер СС Икельн, начальник полиции Литвы бригаденфюрер СС генерал-майор Гарм, начальник СС и полиции Литвы бригаденфюрер СС генерал-майор Высоцкий, начальник полиции безопасности и СД Литвы оберфюрер доктор Фукс, начальник СС и полиции доктор Музиль, начальник бригады СС Гинтце и генерал-майор Бансе, представитель генерального комиссара доктор Вреде, секретари генерального комиссара фон Фрик и Веер, адъютант генерального комиссара Мейзе, военный комендант Литовского генерального округа генерал-майор Юст, начальник охранной полиции Коссман, руководители гитлеровской молодежи в Литве обербаннфюрер Кортманн и штурмбаннфюрер СА Вестер, руководитель общества по колонизации доктор Кобе, руководитель штаба по переселению штурмбаннфюрер СС Дукарт, высший государственный советник штандартфюрер СА Лют, начальник судебного отдела генерального комиссариата Фризе, начальник управления по распределению рабочей силы, правительственный советник доктор Дюнбир, чиновник по вопросам сельского хозяйства на Востоке профессор доктор Касниц, советники военного управления: доктор Гауль, доктор Фридрих, Роёс, Фрелих и Эльсман, начальник Литовской железной дороги Доллинг, его заместители Гофман и Гиркенс, начальник полиции по Литовской железной дороге Краузе, советник по железной дороге Лангнер, шефы концентрационных лагерей Яцке и оберштурмфюрер Мюллер, оберейнцафюрер штаба Розенберга доктор Мюллер, руководитель «исследовательского музея восточных народов» во Франкфурте-на-Майне доктор Поль, директор банка Вильгельм Шпильгер, комендант гор. Вильнюс генерал-майор Дитфурт и фон Остманн, начальник СС и полиции в гор. Вильнюс оберштурмбаннфюрер Криг, главный окружной руководитель по труду Мюллер, окружной руководитель по сельскому хозяйству Бекманн, гебитскомиссары: Хингст, оберфюрер СА Крамер, Ленцен, Вульф, Гевеке, фон Штаден, оберштурмбаннфюрер СС Вальтер Неум, заместители: Аппенродт, Лакнер, ректор Браун, Мурер, началь-

ник охранной полиции в Каунасе капитан Бюнгер, обершарфюрер Ланге, командиры охранной полиции и полевой комендатуры в Каунасе капитан Моргерд, капитан Пабст, капитан Кейдель, лейтенанты Тиль, Вейс и Тильман, командир гарнизона в Каунасе Гюс, комендант города Пренай, капитан войск СС Рейнерт, судьи Гафакен и Лукас, прокурор Лихтенштейн, начальники политических отделов: штурмфюрер СА барон фон Штаден, барон фон Ропп, Реке, криминальный советник Шмитц, главный областной руководитель по труду Рихтер, руководитель народного образования в Каунасе штандартфюрер доктор Эрих Майер, оберштурмбаннфюрер СС Шмолл, фрауенфюрер Эллерброк, гестаповцы: оберфюрер СА Вагнер, оберштурмбаннфюрер Гекке, гауптштурмфюрер Ринк, унтершарфюрер Пильграм, обершарфюрер Ауэр, обершарфюрер Финигер, обершарфюрер Киттель, Гротт, шеф гестапо Вульф из Берлина, капитан Герт из Кенигсберга, оберштурмфюрер Нойгебауер, оберштурмфюрер Артшвагер из Клайпеды, оберштурмфюрер Рихтер из Берлина, обершарфюрер Майер Герман из Вены, Швейнбергер из Берлина, начальник тюрем г. Вильнюс, гауптшарфюрер Мартин Вайсс из Карлсруэ, начальник концентрационных лагерей Елизавета Зеелинг, комендант концентрационного лагеря № 336 полковник Эргардт, начальник концентрационного лагеря № 133 майор Розенкранц, его помощник Эверт, врач того же лагеря доктор СС Ганке, зондерфюрер Мамат, старший командир штурмовиков СС Сонс, командир штурмовиков СА Лют, начальник отдела комендатуры Бранд, начальник отдела пропаганды Велема, руководитель службы связи в Каунасе Гарш, командир роты штурмовиков Мюллер, обершарфюрер Фаульгарбер, шеф района Панеряй Пэрр, начальник охраны района Панеряй Бинке, шеф штаба Розенберга в гор. Вильнюс Шпоркет, руководитель Каунасского отделения штаба Розенберга доктор Вульф, зондерфюрер Ганс Луц, командир окружной жандармерии в гор. Каунас лейтенант Мюллер, комендант лагеря в Вилиямполе оберштурмфюрер Иордан, управляющий делами общества «Остланд» доктор Гартманн, главные окружные руководители по труду Габерманн и Мюллер, доктор фон Берг из Берлина, Шпинклер из Берлина, Вилли Шеффер из Касселя, директора заводов: спиртового Кирхгеер и пивоваренного Гилланд.

Все они должны предстать перед судом и понести суровое наказание за свои кровавые злодеяния.

«Правда» 20 декабря 1944 г.

Документ СССР-39

О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ЭСТОНСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ

С первых дней оккупации Эстонской Советской Социалистической Республики немцы и их сообщники упразднили государственную самостоятельность эстонского народа, начали вводить «новый порядок», искоренять культуру, искусство и науку, истреблять и угонять на каторжный труд в Германию мирное население, опустошать и грабить города, деревни и хутора.

Специальная комиссия в составе: Н. Г. Каротамма, Председателя Совнаркома Эстонской ССР А. Т. Веймера, профессора Х. Х. Крууса, прокурора Эстонской ССР К. М. Пааса, депутата Верховного Совета Эстонской ССР А. В. Иоэра, генерал-лейтенанта Д. И. Холостова, представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Б. Т. Готцева, при участии экспертов генерал-майора юстиции Ф. Л. Петровского и государственного советника юстиции Э. Я. Удраса расследовала злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Комиссия осмотрела разрушения, произведенные гитлеровцами, изучила обнаруженные в Таллине и других городах документы оккупационных властей и командования немецкой армии.

На основании расследования, произведенного специальной комиссией, заключения судебно-медицинской экспертизы, а также заключения экспертов по промышленности, сельскому и коммунальному хозяйству, по историческим и художественным ценностям Чрезвычайная Государственная Комиссия установила:

ГИТЛЕРОВЦЫ ПЫТАЛИСЬ ПРЕВРАТИТЬ СОВЕТСКУЮ ЭСТОНИЮ
В НЕМЕЦКУЮ КОЛОНИЮ

Оккупировав Эстонию, немцы полностью ликвидировали ее самостоятельность и независимость, лишили эстонский народ всех политических и экономических прав.

17 июля 1941 года Гитлер своим декретом передал законодательную власть на территории Эстонии рейхсминистру Розенбергу. Последний в свою очередь переделал законодательную власть окружным немецким комиссарам.

В Эстонии был введен произвол, стал свирепствовать террор над мирным населением. Рейхсминистр Розенберг, рейхскомиссар Прибалтики Лозе и генеральный комиссар Эстонии Лицман полностью лишили эстонский народ каких бы то ни было политических прав. На основании декрета Гитлера от 17 июля 1941 года, рейхсминистр Розенберг издал 17 февраля 1942 года закон специально для лиц, не принадлежащих к немецкой национальности, и установил для них смертную казнь за малейшие выступления против германизации и за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности.

Для рабочих и служащих эстонцев оккупанты ввели телесное наказание. 20 февраля 1942 года чиновник управления железных дорог в Риге Валк направил в управление железных дорог Эстонии телеграмму следующего содержания: «Каждое нарушение служебной дисциплины со стороны служащего, принадлежащего к местной национальности, в особенности неявка на работу, опоздание на службу, появление на службе в пьяном виде, невыполнение служебного приказа и т. д., отныне должно караться со всей строгостью:

- а) в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу,
- б) в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

12 января 1942 года рейхсминистр Розенберг создал «чрезвычайные суды», которые состояли из председательствующего — полицейского офицера и двух подведомственных ему полицейских. Процессуальные порядки определял суд по своему усмотрению. «Суды» эти всегда выносили смертные приговоры и конфисковывали имущество. Другого наказания «суды» не определяли. Обжалование приговоров не допускалось. Кроме «судов», созданных Розенбергом, смертные приговоры выносила немецкая политическая полиция и в тот же день приводила их в исполнение.

Для рассмотрения гражданских и уголовных дел генеральный комиссар Лицман ввел местные суды. Судей, прокуроров, следователей, тюремщиков, нотариусов и адвокатов, всех без исключения, утверждал лично сам Лицман.

Постановлением рейхскомиссара Лозе от 18 августа 1941 года государственным языком в Эстонии был установлен немецкий.

Чтобы добиться более эффективной эксплуатации и закабаления эстонского народа, оккупанты создали так называемое «Эстонское самоуправление» во главе с изменником родины

Мяэ. 22 декабря 1942 года генеральный комиссар Лицман разрешил главному директору «Эстонского самоуправления» Мяэ издавать постановления и инструкции к ним. Но это было уловкой, нужной фашистам для обмана народа, фактически же все постановления исходили от немецких властей Берлина, Риги и Таллина. Даже самые незначительные постановления главного директора так называемого «Эстонского самоуправления» Мяэ должны были согласовываться с соответствующими немецкими органами. Это «самоуправление» являлось по существу подотделом немецкого генерального комиссариата, и «директора» «самоуправления» фактически являлись немецкими чиновниками.

В секретном годовом отчете немецкой политической полиции и СД Эстонии за время с июля 1941 года по 30 июня 1942 года подробно описывается, как «Эстонское самоуправление» было в личном, административном и экономическом отношении подчинено немецкому генеральному комиссариату Эстонии.

О взаимоотношениях немецкого генерального комиссара Эстонии Лицмана и директора «Эстонского самоуправления» Мяэ в этом секретном отчете в разделе: «Политическое бесправие» говорится дословно следующее: «Отношения между Лицманом и Мяэ характеризуются безусловным внешним и внутренним авторитетом Лицмана, его взглядов и решений, безусловным внешним и внутренним подчинением Мяэ».

В другом разделе отчета: «Принципиальные вопросы политики на Востоке» личное подчинение Мяэ генеральному комиссару Лицману разъясняется как необходимость закабаления эстонского народа. Там говорится, что в Прибалтийских государствах немцы должны стараться завоевать симпатии народов. Поэтому нужно было создать видимость того, будто немцы лишь руководят, а эстонцы через «местное самоуправление» управляют страной. «Эстонцы не желают, чтобы их эксплуатировали немцы, но они согласны эксплуатировать сами себя под их собственным режимом».

Фашистский генеральный комиссар Лицман создавал видимость самостоятельности эстонского народа и его государства, на деле в своих выступлениях открыто говорил, что «самостоятельное эстонское государство» никогда больше не будет существовать.

Немецкое правительство, оккупировав Эстонию, Латвию и Литву, пыталось поработить народы советских социалистических республик и утвердить свое господство в Балтийском море.

В приказе от 15 августа 1944 года командир 2-го немецкого армейского корпуса генерал-лейтенант Гассе писал: «Прибалтийский плацдарм, находящийся непосредственно у ворот нашей родины, представляет собой связующее звено с Финляндией

и образует фундамент, на котором зиждется оборона северного фланга Европы. Он является залогом германского господства в Балтийском море».

НЕМЕЦКИЕ ОККУПАНТЫ УНИЧТОЖАЛИ КУЛЬТУРУ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Превратив Эстонию в колонию Германии, фашистские поработители не могли оставить эстонскому народу его культуру.

В первую очередь оккупанты приступили к чистке библиотек. Секретным циркуляром «директора просвещения» от 9 декабря 1941 года приказано было изъять из библиотек: все советские произведения за время с 1917 по 1941 год, эстонскую литературу за 1940 и 1941 года. Кроме того изымались все без исключения литературные произведения следующих поэтов и писателей: Алле, Антсон, Барбарус, Хийр, Хинт, Якобсон, Юрна, Киппель, Кярнер, Рауд, Семпер, Таммлаан.

На площадях эстонских городов запылали костры, превращая в пепел сокровища эстонского национального творчества и лучшие произведения литературы народов Европы. Писателям и поэтам, оказавшимся в фашистской неволе, не разрешали печатать свои произведения. Многих из них: Таммлаан, Сирге, Сютисте, Паульсон, Антсон, Саар, Кангро-Пооль, Адамс, Руммо и Р. Тийтус фашисты заключили в концлагеря. Зверски замучены в тюрьме талантливый новеллист Иоган Рувен и молодой писатель Отт Кыдали.

Такая же судьба постигла талантливых художников, не желавших работать на немцев. Сидели в тюрьмах: Гори, Куммитс, Ныммик, убиты фашистскими палачами Юхани, Лийманд, Лайго.

В Эстонии почти не осталось картин и скульптур национальных художников и скульпторов. Немцы вывезли в Германию более 10 000 произведений искусств. Они сожгли национальный музей Эстонии, находившийся в имени Раади около Тарту.

В театре «Эстония» немцы разрешили ставить оперы и оперетты лишь на немецком языке.

В концентрационных лагерях и тюрьмах были заключены артисты Мюрк, Сахк, Рейнинг, Тюрк Э. и Тюрк М., Хелль и другие; не перенесли лишений и умерли Трилляров, Сялик, Сави, дирижер-композитор Кульль, режиссер П. Сепп; умерщвлены: Аумере, Парис с женой; покончили самоубийством артист и драматург Муржак, Закк.

Перед отступлением немцы подожгли театры в городах Тарту («Ванемуйне»), Нарва («Выйтлея»), Вильянди («Угала»), Пярну («Эндла»). Они разрушили исторические памятники архитектуры Эстонии: центральную часть города Нарвы

с домами кладки XVII века, красивейший ансамбль ратушной площади с историческими зданиями и двумя церквями, Нарвский дом Петра Великого; немцы подорвали две исторические крепости в Нарве — Шведскую крепость и «Ивангород»; в Тарту разрушили башню св. Иоанна, построенную в XIV веке; в Пярну — выдающийся исторический памятник XIV века Николаевскую церковь.

Гитлеровцы разграбили и частично разрушили Тартуский университет, имеющий более чем 300-летнее славное прошлое и являющийся старейшим высшим учебным заведением. Они расстреляли лучших представителей профессорско-преподавательского состава, среди них профессора А. Климан и П. Рубель.

ГИТЛЕРОВЦАМИ РАЗРУШЕНЫ В ЭСТОНИИ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

В последний довоенный год в Эстонии бурно развивалась промышленность. Громадное народнохозяйственное значение имела сланцевая промышленность. Добыча сланца в 1941 году по плану должна была достигнуть нескольких млн. тонн. Сланцевая промышленность являлась базой для развивающейся химической промышленности Эстонии.

Немецкие варвары почти полностью уничтожили предприятия сланцевой промышленности. Так, на перегонном заводе в Силламяэ немцы сняли все оборудование, а здание большей частью разрушили. Полностью разрушены завод в Кохтла, завод Кивизэли.

Гитлеровцы разрушили предприятия металлообрабатывающей промышленности: в Тарту — машиностроительный и металлообрабатывающий заводы, в Нарве — литейный завод, в Пярну — моторостроительный завод «Эсти Мотор».

В Таллине на крупном машиностроительном заводе «Ильмарине» гитлеровцы разрушили сталелитейный цех. В Тарту они разграбили оборудование телефонной фабрики, а здания ее разрушили.

Из крупных предприятий промышленности стройматериалов серьезные повреждения гитлеровцы причинили цементному заводу «Пунане Кунда». На кирпичном заводе «Пунане Киви» в уезде Вирума они полностью разрушили оборудование и большую часть зданий, разрушили также завод высококачественных термоизоляционных материалов «Эсти Диатомит».

На фанерно-мебельном комбинате в Таллине гитлеровцы полностью разрушили: фанерный, сушильный, пластинный, столлярный, красильный цехи и лесопилку, а запасы сырья, полуфабрикатов и готовую продукцию сожгли. Они полностью разрушили бумажную фабрику в городе Тюри.

Фашисты превратили в развалины хлопчатобумажную Нарвскую фабрику «Кренгольмская Мануфактура». Это был гигант текстильной промышленности, еще до первой мировой войны он имел около полумиллиона веретен. Немцы полностью разрушили другие текстильные предприятия Нарвы: льняную, суконную и шелкоткацкую фабрики.

Из предприятий пищевой промышленности фашисты полностью уничтожили в Таллине крупный зернокомбинат «Пыхья Вески» и конфетную фабрику «Квалитет».

РАЗРУШЕНИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА ГОРОДОВ

Немецко-фашистские захватчики в городах Эстонии сожгли и разрушили 9200 домов. Особенно большие разрушения были произведены в Нарве по приказу командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» генерал-лейтенанта Вагнер. Из 3500 домов в Нарве осталось только 114, и те требуют значительного ремонта. В Тарту из 5083 домов разрушено 2432 дома. В Таллине немцы разрушили 1885 домов.

Немецко-фашистские захватчики намеревались превратить столицу Эстонии в груды развалин. После освобождения Таллина было обнаружено 75 заминированных мест и извлечено свыше 100 тонн взрывчатых веществ и фугасов. Под Вышгородом были обнаружены минные галереи, в одной из которых находилось 12 тонн взрывчатых веществ.

Большой ущерб гитлеровцы причинили коммунальным предприятиям городов. Они разрушили 60 из 120 гостиниц и заезжих домов. В Тарту, например, сохранилось лишь 2 из 11 гостиниц. Из прежней мощности 71 тыс. квт. электростанций осталось всего около 11 тыс. квт.

При бегстве из Эстонии гитлеровцы намеревались разрушить все электростанции. Однако этого им не удалось сделать. При приближении Красной Армии рабочие некоторых электростанций с оружием в руках встали на охрану общественной собственности. На электростанцию Таллина немецкие подрывные команды приходили четыре раза, но, встретив вооруженную охрану из рабочих, уходили обратно. Тогда гитлеровцы открыли огонь по электростанции с военных судов, находившихся в порту. С оружием в руках рабочим удалось отстоять также таллинский водопровод и газовую фабрику.

РАЗРУШЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Цветущую Эстонию гитлеровцы превратили в рассадник инфекционных заболеваний. Среди населения в небывалых размерах распространялись сыпной тиф, дизентерия, дифтерит и

другие заболевания. По немецким официальным данным за шесть месяцев 1943 и 1944 годов было зарегистрировано 3476 случаев сыпного тифа, 7950 случаев дифтерии.

При немецкой оккупации в невиданных размерах среди населения распространилась также чесотка и вшивость.

Оккупационные власти не госпитализировали инфекционных больных и не оказывали медицинской помощи населению. Они отменили охрану источников водоснабжения городов, больше того, нарушая самые элементарные требования по водоохране, они устроили на берегу озера «Юлемисте», являющегося источником водоснабжения Таллина, конюшни и открытые полевые типа уборные для рабочего батальона.

Здания лечебно-профилактических учреждений немецко-фашистские захватчики приспособили под склады и солдатские казармы или сожгли и разрушили. В Таллине они уничтожили детскую больницу, детскую поликлинику, аптечный склад, три аптеки и три санитарно-гигиенических магазина, три детские и женские консультации; в городской центральной больнице разрушили шесть корпусов, в инфекционной больнице — один корпус. Оборудование, инвентарь, медикаменты, аппаратуру всех лечебно-профилактических учреждений Таллина гитлеровцы разграбили.

В Тарту немцы разрушили первую и вторую городские больницы, 6 аптек, водолечебницу и детскую поликлинику. В Пярну они разрушили поликлинику, тубдиспансер и родильный дом; В Нарве — все лечебно-профилактические учреждения, среди них 8 аптек, поликлинику, санитарно-эпидемиологическую станцию.

ОГРАБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Немецкие захватчики безудержно грабили сельское население Эстонии. Ограбление проводилось в форме взиманий с крестьян различного вида принудительных поставок сельскохозяйственных продуктов.

Нормы сдачи сельскохозяйственной продукции, установленные немцами, были огромны. Крестьянин уезда Харьюма, волости Хагари, Петр Ребане сообщил что за 1942—1943 годы на его хозяйство была наложена поставка — 900 килограммов мяса. За невыполнение поставки мяса у Петра Ребане были отобраны две коровы. За просрочку в выполнении поставки на крестьян накладывались также денежные штрафы или арест.

Землю, переданную Советской властью в 1940 году крестьянам-беднякам, общей площадью 404 000 га, немцы отобрали. Они заставили крестьян выплачивать не только старые земельные долги, но и погашать те ссуды, которые были выданы крестьянам Советской властью.

В результате хищнического хозяйничания немцев и бешеной эксплуатации ими эстонского крестьянства сельское хозяйство Эстонии непрерывно падало. Площадь под посевами зерновых в 1944 году по сравнению с 1941 годом сократилась на 35 процентов, площадь под посевом картофеля уменьшилась за это же время на 31 процент, под посевом льна — на 64 процента.

Уменьшение посевных площадей и понижение урожайности наблюдаются по всем зерновым, техническим и кормовым культурам. Общее уменьшение посевной площади в 1943 году по сравнению с посевной площадью 1939 года составляет 170,234 га.

За годы немецкой оккупации уничтожено 3500 га леса, что составляет в переводе на древесину около 3 500 000 кубометров.

Немцы отобрали у крестьян и угнали в Германию лошадей 107 000, коров 31 000, свиней 214 000, домашней птицы 790 000. Они разграбили около 50 000 пчелосемей.

При Советской власти в Эстонии было организовано 25 МТС с общим парком в 350 гусеничных тракторов. Немцы разрушили и разграбили эти станции. Они увезли в Германию 236 тракторов, 151 пятикорпусный плуг, 22 плуга для поднятия целины, 30 плугов для раскорчевки пней и свыше 500 других сельскохозяйственных машин. Большой ущерб гитлеровцы причинили станциям по аренде сельскохозяйственных машин. Они угнали со станций 1700 лошадей, разрушили и похитили 2474 разные сельскохозяйственные машины.

Гитлеровцы отобрали лично принадлежавшие крестьянству 1000 молотилок, 600 молотильных моторов, 700 локомотивов, 350 тракторов и 24 781 другую сельскохозяйственную машину.

Наиболее сильный ущерб фашисты причинили сельскому хозяйству уезда Вирума. В этом уезде они сожгли 2566 жилых домов и сельскохозяйственных построек. Полностью уничтожили сельское хозяйство в Нарвской, Пириской, Раяской, Алутагуской, Вайварской и Вакс-Нарвской волостях.

УНИЧТОЖЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ МИРНЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН И ВОЕННОПЛЕННЫХ

Немецко-фашистские захватчики покрыли захваченную ими территорию Эстонии густой сетью концентрационных лагерей, тюрем и гестаповских застенков. Они беспощадно уничтожали мирных граждан и военнопленных. Согласно ежемесячным отчетам главного врача лагерей оберштурмфюрера СС фон Бодмана, на 1 февраля 1944 года в Эстонии было более 20 лагерей. Только в четырех лагерях — Эреда-Асундус, Кивизэли, Вайвара и Клога — в феврале 1944 года содержалось более 6000 заключенных.

Заключенным советским гражданам в лагерях присваивали номера и лишали фамилий, их избивали нагайками, железными палками, использовали на непосильной работе. Руководила работами организация «Тодт». Рабочий день длился 16—18 часов. За невыполнение норм заключенных лишали пищи, жестоко избивали и расстреливали. Чтобы скрыть следы своих злодеяний, немцы сжигали трупы убитых на кострах, а несгоревшие кости размельчали и вместе с пеплом разбрасывали по полям.

Отступая под натиском Красной Армии, немцы поспешно ликвидировали концентрационные лагеря, причем большую часть заключенных расстреляли.

В 44 километрах юго-западнее Таллина, в дачном местечке Клога-Аэдлин, в сентябре 1943 года немецкие оккупанты создали концентрационный рабочий лагерь организации «Тодт». Независимо от пола и возраста, заключенные в лагере подвергались каторжному режиму. Каждому заключенному присваивался номер. Для предотвращения побегов женщинам сбрасывали волосы на голове, а мужчинам пробривали полосу, идущую от лба к затылку. Заключенных, в том числе и детей, принуждали работать по 12—15 часов в сутки.

Ежедневно в лагере производились публичные порки заключенных на специально оборудованном для этого станке. Кроме того, за малейшую провинность оставляли без пищи на двое суток, привязывали в сильные морозы на 2—3 часа к столбу. Издевательствами над заключенными занимались не только охранники-эсэсовцы, но и администрация лагеря и немецкие врачи. Немецкий доктор Ботман лично избил двух заключенных: врача Залкинсона и врача Гецова. Кроме того, Ботман систематически отравлял заболевших заключенных, впрыскивая под кожу яд (эвипан). Санитар лагеря унтершарфюрер Гент топором зарубил 23 престарелых заключенных. Свидетель Ратнер И. М. показал: «В феврале 1944 года в лагере в Клога родились двое детей, оба эти ребенка были живыми брошены в топку кочегарки и сожжены. Я сам видел, как сжигали детей. В мае 1944 года в лагере родился третий ребенок, его сразу же удушил унтершарфюрер Бар».

19 сентября 1944 года немцы приступили к ликвидации лагеря Клога. Унтершарфюрер лагеря Шварце и начальник канцелярии гауптшарфюрер Макс Дальман отобрали из заключенных 300 человек и заставили их носить дрова на лесную поляну, других 700 человек заставили устраивать костры. Когда костры были готовы, немецкие палачи приступили к массовому расстрелу заключенных. В первую очередь были расстреляны подносчики дров и строители костров; а затем и остальные. Расстрел происходил так: на подготовленную площадку костра немцы из полицейских команд СД силой оружия заставляли

заключенных ложиться вниз лицом и расстреливали их из автоматов и пистолетов. Расстрелянных сжигали на кострах. В лагере Клога 19 сентября 1944 года было уничтожено около 2000 человек.

В августе 1944 года в районе Таллинского лесного кладбища немцы расстреливали мирных граждан, которых привозили на автомашине по 25—30 человек. Трупы расстрелянных они также сжигали на кострах. Местному населению категорически запрещалось приближаться к этому месту под предлогом того, что здесь производятся опыты «с новой военной техникой». С 8 августа 1944 года по 19 сентября 1944 года на Таллинском лесном кладбище было расстреляно и сожжено более тысячи человек.

Одним из мест массового уничтожения людей немцы избрали долину между холмами в Калеви-Лийва, расположенную в 5 километрах от деревни Кабернеме, в волости Кусалу, уезда Харьюма. В 1942 году немцы объявили местному населению, что в районе этих холмов производятся оборонительные работы и появление граждан в этом районе категорически воспрещается.

В июле 1942 года двумя железнодорожными эшелонами на станцию Расику гитлеровцы доставили 3000 человек, затем автобусами перевезли их к холмам Калеви-Лийва и там расстреляли. В дальнейшем на протяжении 1943 и 1944 годов к этим холмам на автобусах гитлеровцы привозили новые группы мирных граждан и расстреливали.

Следствием установлено, что в районе холмов Калеви-Лийва фашисты уничтожили около 5000 человек. Чтобы скрыть следы своих преступлений, немцы с начала 1944 года начали выкапывать и сжигать трупы расстрелянных, а несгоревшие кости размельчать и вместе с пеплом зарывать в землю или разбрасывать по полям.

На сланцевых разработках, в рабочем поселке Кивиэли, уезда Вирума, немцы создали 3 концлагеря. В этих лагерях содержалось до 9000 заключенных мирных граждан. Все они использовались на работах по добыче сланцев. За невыполнение норм заключенных избивали резиновыми шлангами, лишали пищи на 5—6 дней, бросали в колодцы шахт, наполненные водой. За малейшую провинность заключенных расстреливали.

Свидетель Вихула М. Ф. показала: «Мой муж, Вихула Юган, в течение 15 лет работал шахтером на сланцах Кивиэли. Как только к нам пришли немцы, его арестовали, а 27 августа 1941 года расстреляли. С ним вместе были расстреляны еще 70 шахтеров, среди них: Салусоо, Клампе, Кооса, Коппель, Нормак, Алферов, Мяги».

В городе Нарве немецко-фашистские захватчики создали 7 лагерей для мирных граждан и военнопленных. Под лагеря

немцы приспособили эстонскую начальную школу, корпуса льнопрядильной фабрики, русский клуб и «Красные амбары». В лагерях находились постоянно десятки тысяч людей. В одном только лагере для советских военнопленных, размещенном в «Красных амбарах», постоянно находилось 15—20 тысяч человек. Гитлеровцы систематически расстреливали заключенных. Трупы замученных, а иногда и живых людей они сжигали в топках печей котельной льнопрядильной фабрики, зарывали в землю в лесу за деревней Поповка и в траншеях за «Красными амбарами».

Специальная комиссия установила, что за три года в Нарве гитлеровцы уничтожили около 30 000 мирных граждан и советских военнопленных, 8000 советских людей они уничтожили в лагерях уезда Вирума: Куремяэ, Вивиконна, Аувере, Иыхви, Кохтла-Ярве, Кукресе, Перм, Гольфильде, Эреда-Асундус, Сонда, Азери и Кунда.

Находившийся в одном из лагерей Эреда-Асундус бывший заключенный Гордон М. С. показал: «В апреле 1944 года меня, в числе 150 человек заключили в лагерь Эреда. Начальником лагеря тогда был немец Шнибель. Этот лагерь был разбит на две части. В одной из них находились здоровые, а во второй больные, смертность в лагере доходила до 20—30 человек в сутки. Больным медпомощи не оказывали. Немец санитар Глингер избивал до смерти больных тростью».

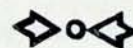
Особой жестокостью в лагерях отличался ефрейтор войск СС немец Шарфетер. Бывший заключенный лагеря Иыхви Гамбург Д. Ш. показал: «По прибытии к нам в лагерь ефрейтор Шарфетер в декабре 1943 года заявил, что у него больных не будет, и в первый же день он расстрелял двух больных, а трупы их сжег в печи лесопильного завода. Немного позже Шарфетер застрелил еще двух больных тифом».

К ОТВЕТУ НЕМЕЦКИХ ПАЛАЧЕЙ

Чрезвычайная Государственная Комиссия за все злодеяния, разрушения культурных и материальных ценностей и грабежи считает ответственными гитлеровское правительство, немецкое военное командование, а также конкретных организаторов и исполнителей злодеяний: генерал-фельдмаршала фон Лееба, генерал-фельдмаршала фон Кюхлера, генерал-полковника Моделя, генерал-полковника Линдемана, генерала пехоты Фриснера, генерал-полковника Шернера, немецкого генерального комиссара обергруппенфюрера Карла Лицмана, командующего армейской группой «Нарва» генерала пехоты Грассера, командира 3 германского танкового корпуса СС генерала пехоты Штайнер, командира 4 танково-гренадерской бригады «Нидерланд» гене-

рал-лейтенанта Вагнера, командира 11 танково-гренадерской дивизии «Нидерланд» генерал-майора Циглера, группенфюрера Астера, штандартенфюрера Менцеля, штандартенфюрера принца фон Хогенлое, начальника немецкой полиции безопасности СД — оберштурмбаннфюрера доктора Зандбергера, его заместителя штурмбаннфюрера Гейсслера, штандартенфюрера Бекинга, штандартенфюрера Лотара Бомбе, комиссара Тартуского округа фон Менена, руководителя всеми работами лагерей Эстонии — гауптштурмбаннфюрера Шварце, главного врача лагерей доктора Бодмана, начальника лагеря Клога Верлее и других лиц, упомянутых в настоящем Сообщении.

26 ноября 1944 г.

Документ СССР-4

ИСТРЕБЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПУТЕМ ЗАРАЖЕНИЯ СЫПНЫМ ТИФОМ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ

Чрезвычайная Государственная Комиссия в своих предыдущих Сообщениях опубликовала ряд документов, изобличающих гитлеровское правительство и верховное командование германской армии в массовом истреблении мирного советского населения. С особой жестокостью немецкие оккупанты и их сообщники проводили истязания, пытки и массовые убийства советских людей в концентрационных лагерях, организуемых в тылу германской армии. Не только военные, но и все другие оккупационные власти прикрывали создание этих лагерей потребностями эвакуации советского населения из прифронтовой полосы.

«ЛАГЕРЯ СМЕРТИ» ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ У ПЕРЕДНЕГО КРАЯ НЕМЕЦКОЙ ОБОРОНЫ

В настоящее время установлено, что немецко-фашистские мерзавцы в связи с поражением германской армии на советско-германском фронте и с изменившейся обстановкой начали широко практиковать новые зверские способы истребления советских людей. Одним из таких способов является распространение эпидемии сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, для чего гитлеровцы, как это выяснилось, организуют у переднего края своей обороны специальные концентрационные лагеря.

19 марта 1944 г. наступающие части Красной Армии в районе местечка Озаричи, Полесской области, Белорусской ССР, обнаружили на переднем крае немецкой обороны три концентрационных лагеря, в которых находилось свыше 33 тысяч детей, нетрудоспособных женщин и стариков. Эти лагеря размещались: первый — на болоте у поселка Дерт; второй — в 2 километрах северо-западнее местечка Озаричи; третий — на болоте в 2 километрах западнее деревни Подосинник.

Специальная комиссия в составе: Председателя Совнаркома Белорусской ССР Пономаренко П. К., депутата Верховного Совета Белорусской ССР Грековой Н. Г., действительного члена Белорусской Академии наук Якуба Коласа, депутата Верховного Совета СССР Гришко Г. Е., генерал-майора интендантской службы Саковича А. Н., начальника санитарной службы армии подполковника Колодкина В. Н. с участием представителя Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцева Д. И. — расследовала обстоятельства, связанные с созданием этих лагерей.

Лагеря представляли собой открытую площадь, обнесенную колючей проволокой. Подступы к ним были заминированы. Никаких построек, даже легкого типа, на территории лагерей не было. Заключенные размещались прямо на земле. Многие из них, потерявшие способность двигаться, без памяти лежали в грязи. Заключенным было запрещено разводить костры, собирать хворост для подстилки. За малейшую попытку нарушения этого режима гитлеровцы расстреливали советских людей.

Создавая концентрационные лагеря у переднего края обороны, немцы, во-первых, выбирали места для лагерей там, где они не надеялись удержать свои позиции; во-вторых, концентрируя большие массы советских людей в лагере, они размещали в них преимущественно детей, нетрудоспособных женщин и стариков; в-третьих, вместе с истощенным нетрудоспособным населением, находившимся в антисанитарных условиях, они размещали в лагерях тысячи сыпнотифозных больных, специально вывезенных из различных временно оккупированных районов Белорусской ССР. Среди освобожденных из лагерей детей до 13-летнего возраста было 15 960 человек, нетрудоспособных женщин — 13 072 и стариков — 4448. Расследованием установлено, что фашистские мерзавцы сгоняли все мирное советское население в пересылочные лагеря под видом эвакуации населения из прифронтовых районов.

В городе Жлобине немецкая комендатура объявила по радио следующее воззвание к населению: «Граждане города Жлобина, германское командование направляет вас в глубокий тыл, так как красноармейцы вас будут обстреливать из артиллерии и минометов. Желая спасти вас от большевистских зверств, мы эвакуируем вас в глубокий тыл. Берите с собой все вещи, лошадей, телеги, скот. Берите с собой котелки и ложки, так как по дороге вы будете обеспечены горячей пищей. Слушайте немецкого солдата, не скрывайтесь и не убегайте. Весь город оцеплен немецкими войсками. Всякий пытающийся скрыться или бежать будет застрелен. Выходите на улицу и двигайтесь, куда вам укажут немецкие солдаты».

По заранее разработанному плану немецко-фашистские власти организовали пересылочные пункты, в которые сгоняли

все мирное население. В них немцы предварительно отбирали трудоспособных мужчин, женщин и детей свыше 13-летнего возраста и отправляли на каторжные работы в Германию, остальных детей и нетрудоспособных взрослых направляли в концентрационные лагеря у переднего края обороны.

В период с 9 по 13 марта 1944 г. гитлеровцы под усиленным конвоем СС и охранной полиции согнали в лагерь в районе местечка Озаричи десятки тысяч советских людей из пересыльных пунктов, расположенных в районах станций Рудобелка, Рабор, Старушка, Красный Берег и населенных пунктов Микуль-Городок, Порослище, Медведевка.

«12 марта 1944 года на рассвете, — сообщила учительница Е. Маз, — нас жителей города Жлобина, немцы согнали за линию железной дороги, к зданию школы. Здесь они отобрали всех трудоспособных, а оставшихся стариков, детей и женщин погрузили в эшелон по 60—70 человек, в холодные, неотапливаемые вагоны. В исключительно тяжелых антисанитарных условиях, в холоде и грязи нас довели до станции Рабор и погнали в лагерь, расположенный в 3 километрах от станции. От холода и голода много детей замерзло и умерло в вагонах, много погибло стариков, женщин и детей по дороге в лагерь».

Освобожденная из лагеря Л. Пекарская сообщила комиссии: «12 марта 1944 года под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колено в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое ее детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба — немцы застрелили их».

Лисовая А. И. из села Малецкая Рудня сообщила: «В пути следования в лагерь группа усталых советских людей присела отдохнуть. Гестаповец, конвоировавший нас, натравил собак, которые сильно искусали Квитковскую и других».

«На моих глазах, — сообщил житель совхоза «Авангард» Буслов М. П., — была убита в лагере немцами гражданка Крек

из деревни Михайловская — мать троих детей, за то, что вышла на несколько шагов за колючую проволоку, чтобы собрать сучья для костра».

Жительница деревни Ковальки Манько Х. О. показала: «Рядом с проволокой, которой был обнесен лагерь, были вырыты канавы, заполненные грязной болотной водой. В канавах валялось много разложившихся трупов. Воды для питья нам немцы не давали, мы вынуждены были брать ее из этих канав».

Житель села Гадуни Безнивец П. Н., содержащийся в лагере, сообщил: «Лагерь, в котором я находился, был обнесен колючей проволокой и заминирован. Заключенные, пытавшиеся выйти за пределы лагеря за водой или дровами, избивались и расстреливались. Так была убита мать 4 детей Мокряк П. А. из села Слобода, Домановичского района».

У заключенных в лагерях советских граждан немецко-фашистские захватчики отбирали носильные вещи и сохранившиеся ценности.

Щуляренко Л. Д. из деревни Давидовичи показала: «В лагерь пришли 50 человек немецких солдат. В руках у них были палки. Они осматривали заключенных, у кого находили хорошую одежду или обувь, отбирали ее. Кто сопротивлялся, того избивали палками. Я сама видела, как немецкие солдаты стаскивали с женщин платки, пальто и обувь».

УМЫШЛЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ПАЛАЧАМИ ЭПИДЕМИИ СЫПНОГО ТИФА СРЕДИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

На основании материалов указанной выше комиссии членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайным И. П. и судебно-медицинской экспертной комиссией было произведено дополнительное расследование, которым было установлено, что немецкие военные власти преднамеренно, с целью распространения сыпного тифа, размещали сыпнотифозных больных вместе со здоровым населением, заключенным в концентрационные лагеря у переднего края немецкой обороны. Сыпнотифозные больные свозились немцами в эти лагеря из населенных пунктов Полесской, Минской, Гомельской и других областей Белорусской ССР.

Жительница деревни Заболотье Лабезникова М. Б., содержащаяся в лагере, сообщила комиссии: «К нам в дом пришли немцы. Узнав, что я больна тифом, они в тот же день прислали двух солдат и на лошади отвезли меня в лагерь».

Шептунова О. А. из деревни Солоновое рассказала: «Все население нашей деревни немцы согнали в деревню Воротынь, где было много больных сыпным тифом. Потом всех жителей

деревни Воротынь вместе с больными отправили в концентрационный лагерь, находившийся в районе местечка Озаричи».

Освобожденная из лагеря Матрахович П. С., жительница села Ново-Белица, показала: «Нас, больных сыпным тифом, повезли в район деревни Микуль-Городок, в лагерь, огороженный колючей проволокой».

Жительница местечка Новогрудок Гаврильчик З. П. сообщила: «В течение трех суток в лагерь привозили на машинах больных сыпным тифом, в результате чего многие здоровые, заключенные в лагере, заболели. В ночь с 15 на 16 марта умерло от сыпного тифа очень много заключенных».

Жительница деревни Пганцы Е. Душевская показала: «Нас, больных сыпным тифом, немцы перевезли в лагерь из деревни Ковчицы, Паричского района. Мы знали, что можем заразить здоровых, просили немцев отделать нас от здоровых, но они не обратили никакого внимания».

Фашисты размещали в лагерях у переднего края обороны не только здоровых и больных, переведенных из пересылочных пунктов, но и специально завозили в них советских граждан, больных сыпным тифом, из больниц и лазаретов.

Больная Третьякова Н. П. из деревни Замошаны сообщила: «Я заболела в середине февраля, после чего была помещена в больницу деревни Лески. В больнице лежала на полу, не раздевалась. Никакого лечения не было. Потом меня из больницы немцы направили в концентрационный лагерь около деревни Дерт».

Широков Г. С., житель города Жлобина, показал: «12 марта из Жлобинской больницы вывезли 200 человек больных сыпным тифом. Все больные были посланы в лагерь».

Романенко И. О. сообщил комиссии: «Находясь в заключении в концлагере, я видел большую группу жителей города Жлобина, больных тифом. Они лежали на мокрой земле, в грязи. Среди них были мертвые. Несколько человек, будучи в бреду, ползали по грязи. Врачей не было. Среди больных я видел граждан города Жлобина Щуклина и Гурскую. Они сообщили мне, что их, больных тифом, вывезли в лагерь из городской больницы».

Аналогичные показания дали комиссии бывшие заключенные концентрационных лагерей, советские граждане: Жданович Д. Г., Зайцева О. А., Русинович Х. Т., Решотко Т. И., Анисимова М. Т., Дробеза И. Р., Новик Л. К., Верос П. Я., Коваленко А. Е., Бондаренко В. Ф., Давыденко М. В. и многие другие.

Таким образом, преднамеренный вывоз немцами тифозных больных в лагерь с целью распространения сыпнотифозной эпидемии среди советского населения неопровержимо доказан мно-

гочисленными показаниями советских граждан, которые были принудительно отправлены немецкими властями в концентрационные лагеря на 5, 7, 8, 9-й день заболевания тифом.

Вот ряд документально установленных случаев такого рода, составляющих, однако, ничтожную часть всех зарегистрированных многочисленных фактов:

Болейко Е. П. из села Барбару была направлена в лагерь на седьмой день заболевания тифом, причем ее четверо детей: Николай 11 лет, Нина 9 лет, Любовь 7 лет, Василий 5 лет заболели уже по пути в лагерь. На 5—9-й день болезни тифом в лагерь были отправлены Крек из с. Слобода, Новик Л. К. из с. Юрки, Коваленко А. Е. из с. Ломовичи, Пархоменко А. из д. Замошаны, Решотко М. М. из с. Хомичи, Получь Н. Е. из д. Детбин, Голубь М. И. из с. Подветки, Крук Т. П. из с. Годуни, Евстратовская из с. Ковальки и многие другие.

В концентрационных лагерях заболели тифом: Земжецкая М. Д. из с. Буда, Романов И. из д. Белица, Венцов И. из с. Заполье, Белько П. из д. Волосовичи, Пощен М. З. из д. Порослище, Дроздова В. С. из д. Комадовка, Ящур А. М. из д. Иванище, Пацай М. И. из д. Гар, Дайнеко Ф. Д. из д. Пружилище, Козлова Т. из д. Новоселки, Шкутова Ф. С. из д. Годиновичи, Грыжкова А. С. из д. Радужа, Антоник Е. из д. Трельцы, Удот А. из д. Закеричи и многие другие.

Командование германской армии специально посылало в лагерь у переднего края обороны своих агентов, которым было вменено в обязанность следить за распространением эпидемии сыпного тифа среди населения, а также среди частей Красной Армии.

Задержанный немецкий агент разведывательной группы 308 Расторгуев Ф. показал: «11 марта 1944 г. я в сопровождении обер-лейтенанта немецкой армии — начальника группы 308 Керста был доставлен на автомашине на железнодорожную станцию, расположенную в 40—45 километрах южнее города Глуска. Вечером он сказал мне, что я на некоторое время посылаюсь в лагерь гражданского населения, расположенный в 30 километрах от этой станции. Керст объяснил мне, что в этом лагере находится до 40 тысяч мирных советских граждан, из которых до 7 тысяч больных сыпным тифом, что в ближайшие 3—4 дня в этот лагерь будет брошено еще до 20 тысяч лиц гражданского населения. Здесь же мне сделали противотифозную прививку.

Задание, данное мне начальником группы 308, заключалось в следующем: прибыть в лагерь, находящийся западнее деревни Озаричи, и быть там, оставаясь незамеченным в массе. Мне надо было установить, что будут делать части Красной Армии с гражданским населением, когда лагеря окажутся в распоряжении частей Красной Армии, куда направят женщин и детей,

как поступят с больными. После того, как я выполню данное мне задание, я должен буду возвратиться на сторону немцев и сообщить о собранных мною сведениях».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОМЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Преднамеренное распространение эпидемии сыпного тифа среди мирного советского населения, заключенного германскими властями в концентрационные лагеря у переднего края обороны, подтверждается также данными судебно-медицинской экспертизы.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С. М., армейского судебно-медицинского эксперта майора Алексева Н. Н. и начальника армейской патологоанатомической лаборатории майора Бутянина В. М. установила, что в целях заражения советских людей сыпным тифом:

«а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан (эпиданамнезы №№ 158, 180, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за №№ 2, 8, 10, 15, 16, 17 и др.);

в) в случае, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагерь, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за №№ 269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больниц и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за №№ 138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса № 273;

д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта».

После освобождения района местечка Озаричи Полесской области от немецких оккупантов, с 19 по 31 марта 1944 года командование частей Красной Армии госпитализировало 4052 советских гражданина, из них детей в возрасте до 13 лет — 2370 человек.

На основании расследования специальной комиссии, заключения судебно-медицинской экспертизы, документальных материалов, а также на основании произведенного членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Трайниным И. П. расследования Чрезвычайная Государственная Комиссия установила, что созданием концентрационных лагерей у переднего края обороны с размещением в них здоровых и сыпнотифозных

больных немецкие военные власти пытались преднамеренно распространить эпидемию сыпного тифа среди советского населения и частей Красной Армии, что является грубейшим нарушением законов и обычаев ведения войны, признанных цивилизованными народами.

К ОТВЕТУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ

Чрезвычайная Государственная Комиссия считает виновниками всех этих преступлений гитлеровское правительство, верховное командование германской армии, а также командующего 9-й армией генерала танковых войск Харпе, командира 35 армейского корпуса генерала пехоты Визе, командира 41 танкового корпуса генерал-лейтенанта Вейдмана, командира 6 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Гроссмана, командира 31 пехотной дивизии генерал-майора Экснера, командира 296 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Кульмера, командира 110 пехотной дивизии генерал-майора Вайсгаупта, командира 35 пехотной дивизии генерал-лейтенанта Рихарда, командира 34 пехотного полка полковника фон Капфа, командира 109 пехотного полка майора Рогилейна, начальника «Абвертрупп 308» обер-лейтенанта Керста.

Все они должны понести суровую ответственность за преступления, совершенные против советского народа.

30 апреля 1944 г.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КИВЕЛИША

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 26 февраля 1946 г.]

Смирнов: Советское обвинение обращается с просьбой о допросе в качестве свидетеля доктора Кивелиша, он врач, его показания являются особенно ценными для установления особого режима для советских военнопленных в лагерях.

(В зал вводят свидетеля Кивелиша Евгения Александровича.)

Председатель: Назовите Ваши фамилию, имя и отчество.

Свидетель: Кивелиша Евгений Александрович.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги. Я... — назовите Вашу фамилию, имя и отчество.

Свидетель: Я — Кивелиша Евгений Александрович...

Председатель: Гражданин Союза Советских Социалистических Республик...

Кивелиша: Гражданин Союза Советских Социалистических Республик...

Председатель: Вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу...

Кивелиша: Вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу...

Председатель: Обещаю и клянусь...

Кивелиша: Обещаю и клянусь...

Председатель: Перед лицом Суда...

Кивелиша: Перед лицом Суда...

Председатель: Говорить Суду только правду...

Кивелиша: Говорить Суду только правду...

Председатель: Обо всем, что мне известно по этому делу.

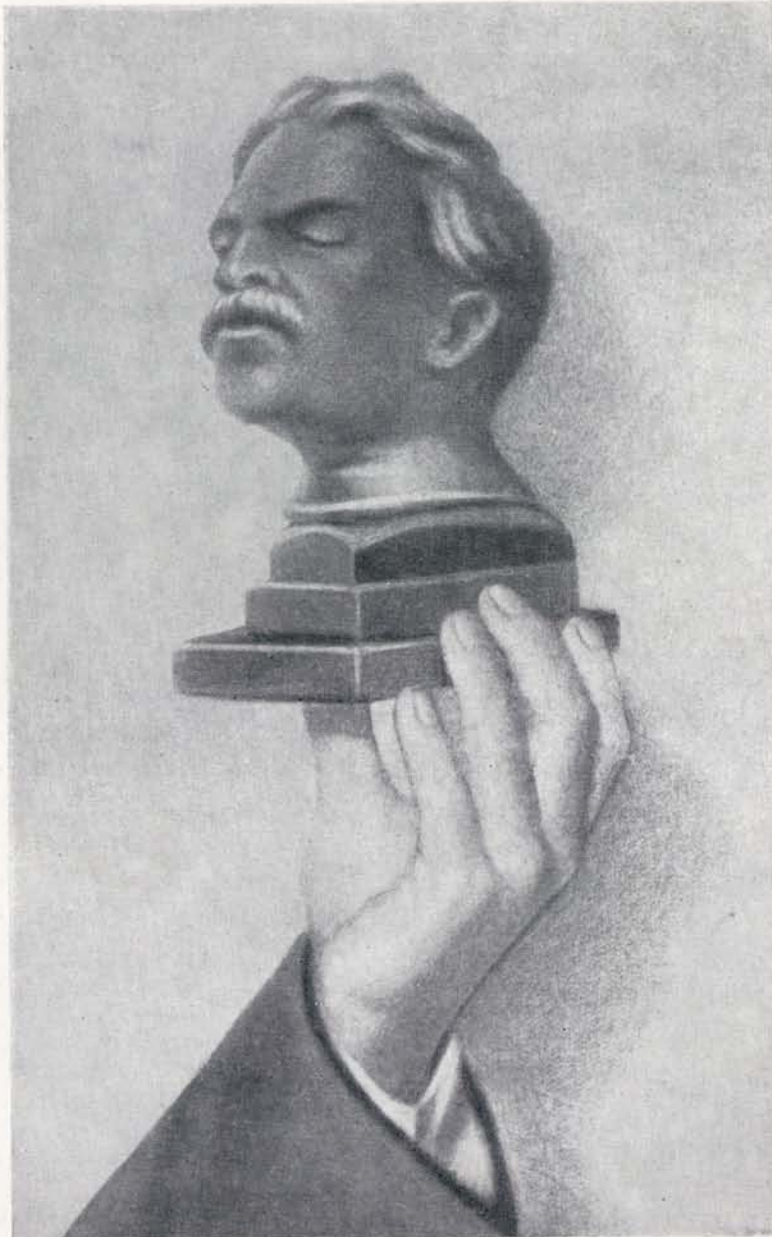
Кивелиша: Обо всем, что мне известно по этому делу.

Председатель: Вы можете сесть, если хотите (*обращается к полковнику Покровскому*). Пожалуйста, полковник Покровский.

(К микрофону подходит заместитель Главного обвинителя от СССР Покровский.)

Цимлих (слева). 12 лет. Из Польши; Мангель (справа). 13 лет. Из Венгрии. Обморожение стоп II и III степени. Были выставлены на мороз без обуви на 12 часов

Статуэтка из препарированной человеческой головы заключенного, специально для этого убитого гитлеровцами.
(Предъявлена обвинением в качестве доказательства.)

Покровский (обращаясь к свидетелю): Какую должность Вы занимали в рядах Красной Армии к моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз?

Кивелиша: К моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я занимал должность младшего врача 305-го полка 44-й стрелковой дивизии.

Покровский: Участвовала ли ваша часть — 305-й полк 44-й дивизии в боях с немцами?

Кивелиша: Да. Наш 305-й полк 44-й стрелковой дивизии участвовал в боях с первого дня войны.

Покровский: Какого числа и при каких обстоятельствах Вы попали в плен к немцам?

Кивелиша: В плен к немцам я попал 9 августа 1941 г. в районе города Умани Кировоградской области. Попал я в тот момент, когда наша часть и две советских армии, в которых находилась наша часть, после длительных боев были окружены.

Покровский: Что Вам известно об обращении немцев с теми военнослужащими Красной Армии, которые оказывались в плену у гитлеровских войск? В каком положении оказывались эти военнопленные?

Кивелиша: Мне слишком хорошо известны все формы варварского, издевательского отношения гитлеровских властей и армии к советским военнопленным в силу того обстоятельства, что я долгое время пребывал в числе последних.

В первый день моего пленения я в составе большой колонны военнопленных был этапом доставлен в один из транзитных лагерей. В дороге, разговаривая с пленными (подчеркиваю, в первый же день), с которыми я шел рядом, я узнал, что основная масса военнопленных была захвачена за 3—4 дня до того, как попала в плен та небольшая группа людей, с которыми попал в плен и я.

Все эти 3—4 дня люди содержались в сарае под усиленной охраной немцев, и все эти дни военнопленные были совершенно лишены пищи и воды. В последующем, когда мы проходили по деревне, пленные при виде колодцев или воды облизывали пересохшие губы и произвольно делали глотательные движения, обращая свои взоры к колодцу или воде. К вечеру того же дня мы закончили этап, и нашу колонну пленных, примерно в 5 тысяч человек, поместили на скотном дворе, где мы не имели возможности отдохнуть от длительного пути и всю ночь простояли под открытым небом.

Так продолжалось и на следующий день, когда нас, как и прежде, лишили пищи и воды.

Покровский: Не было ли такого случая, чтобы пленные, проходя мимо водоемов или водохранилищ, сами пытались направиться к воде, отойдя от колонны на 2—3 шага в сторону?

Кивелиша: Да, я помню несколько случаев и приведу один из них, который произошел в первый же день нашего этапа. Это было при таких обстоятельствах. Мы проходили по окраине одной деревни. Нас встречали мирные граждане и пытались снабдить пленнх водой и хлебом. Однако немцы не допускали пленнх к этим гражданам, как не допускали и граждан подходить к колонне военнопленнх. Один из пленнх вышел из колонны метров на 5—6 и без всякого предупреждения был убит немецким солдатом, выстрелившим из автомата. Несколько товарищей поспешили к нему на помощь, рассчитывая на то, что он еще жив, однако и по ним открыли стрельбу без всякого предупреждения. Несколько человек из них были ранены, а двое убиты.

Покровский: Это единственный случай, очевидцем которого Вы были, или за время вашего перевода из одного места в другое Вам приходилось наблюдать и другие случаи подобного рода?

Кивелиша: Нет, это не единственный случай. Почти всякий переход из одного лагеря в другой всегда сопровождался подобным рода расстрелами и избиениями.

Покровский: Расстреливались только военнопленнх, или репрессии применялись и к тем мирным жителям, которые пытались передать хлеб или воду военнопленнх?

Кивелиша: Репрессии применялись в отношении не только военнопленнх, но и мирных жителей. Я помню, что во время одного из переходов нас встретила группа женщин и детей, которые пытались передать нам воду и хлеб, но немцы не подпускали их к нам. Одна женщина послала к нам девочку лет пяти, по-видимому, свою дочь. Эта девочка подошла к колонне очень близко, но шагах примерно в 5—6 была убита немецким солдатом.

Покровский: Но, может быть, военнопленнх и не нуждались в той пище, которую им пытались передавать население, они достаточно были обеспечены питанием со стороны немецких властей?

Кивелиша: Военнопленнх во время переходов из одного лагеря в другой испытывали исключительный голод, так как немцы не обеспечивали их никаким питанием.

Покровский: Таким образом, эти передачи со стороны местного населения практически представляли собой единственную возможность поддерживать силы советских воинов, находящихся в плену у немцев?

Кивелиша: Да.

Покровский: Немцы расстреливали советских военнопленнх, когда они пытались воспользоваться передачами населения?

Кивелиша: Да, расстреливали.

Покровский: Вам пришлось быть в лагерях для военнопленнх? Назовите их.

Кивелиша: Первым лагерем, в котором я был, был лагерь, расположенный под открытым небом, в поле, в районе небольшого населенного пункта Тарновка. Второй лагерь — это лагерь, расположенный на территории кирпичного завода и бывшей птицефермы на окраине города Умань. Третий лагерь — лагерь, расположенный в окрестностях города Иван-Гора. Четвертый лагерь располагался на территории конюшен какой-то воинской части в районе города Гайсина; пятый лагерь — в районе военного городка около Винницы; шестой лагерь — в окрестностях города Жмеринки и последний лагерь, где я больше всего пробыл, находился в селе Раково, в 7 километрах от города Проскурова Каменец-Подольской области.

Покровский: Таким образом, Вы лично на собственном опыте имели возможность ознакомиться с теми порядками, которые существовали в целом ряде лагерей?

Кивелиша: Да, я был во всех лагерях лично сам и со всеми порядками знаком в совершенстве.

Покровский: Вы по специальности врач?

Кивелиша: Я по специальности врач.

Покровский: Скажите Суду, как обстояло дело с оказанием медицинской помощи и с питанием военнопленнх, которые находились в лагерях, перечисленных Вами?

Кивелиша: Когда я по этапу был доставлен в населенный пункт Тарновка, здесь я впервые из общей колонны военнопленнх в числе других врачей русской армии был отделен и направлен для работы в так называемый лазарет. Этот лазарет располагался в сарае с цементным полом, без всякого оборудования для размещения раненых. Здесь на цементном полу лежала большая группа раненых советских военнопленнх, преимущественно командиров. Многие из них попали в плен за 10—12 дней до моего прихода в Тарновку. Все это время никакой медицинской помощи им не оказывалось, хотя многие из них нуждались в оперативном вмешательстве, своевременных и частых перевязках и в назначении медикаментозного лечения. Они не снабжались водой, кормили их не систематически, по крайней мере в тот момент, когда я пришел в лагерь. Там не было никаких сооружений, позволяющих думать, что немцы варили или изготавливали для этих пленнх пищу. В Уманском лагере, в который я попал на второй день после прихода в Тарновку, раненых было около 15—20 тысяч. Все они, а из них большое количество было неспособных к самостоятельному передвижению, лежали под открытым небом, в летнем обмундировании. Снабжались они пищей и водой так же плохо, как и

прочие пленные, находившиеся в этом лагере. Медицинской помощи им оказано не было, лежали они все в запыленных, пропитанных кровью и нередко гноем повязках. Перевязочных средств, инструментария, оборудованных операционных в Уманском лагере не было.

В Гайсине пленные, раненые и больные располагались в одной из конюшен. Конюшня эта была с деревянным полом, никаких приспособлений для содержания людей там не было; пленные лежали на полу, как и в предыдущем лагере, они не были совершенно обеспечены минимальной медицинской помощью. По-прежнему не было ни перевязочных средств, ни медикаментов, ни инструментов.

Покровский: Вы упомянули Уманский лагерь. Посмотрите на эту фотографию и скажите, не является ли эта фотография снимком одного из тех лагерей, в которых Вы находились?

Кивелиша: На этой фотографии я вижу лагерь, расположенный на территории кирпичного завода города Умани. Картина эта мне знакома.

Покровский: Я должен доложить Трибуналу, что предъявленная свидетелю фотография Уманского лагеря была представлена мной Суду под номером СССР-345; она изображает лагерь, о котором мы имеем показания свидетеля Бингеля. *(Обращается к свидетелю).* Значит, вы опознаете изображение Уманского лагеря на территории кирпичного завода?

Кивелиша: Да, это часть лагеря на территории кирпичного завода.

Покровский: Какие порядки существовали в Уманском лагере? Расскажите об этом самое главное, вкратце.

Кивелиша: Почти все пленные в Уманском лагере содержались под открытым небом. Питанием были обеспечены исключительно плохо. На территории Уманского лагеря, где я находился в течение восьми суток, два раза в день разжигали несколько костров, на которых в металлических бочках варился жидкий гороховый суп. Никакого порядка при раздаче его военнопленным не было установлено, сваренный суп просто выставляли, раздача его не была организована и не контролировалась. Изголодавшиеся люди спешили получить хотя бы мизерную порцию хлеба и этого жидкого варева без соли и жиров. Создавалась толчея, беспорядок. Немцы же — конвоиры, вооруженные, кроме винтовок или автоматов, еще дубинками, избивали всех военнопленных, попадавших им под удары. Нередко немцы с целью глумления выставляли небольшой бачок с супом в массу людей и снова «для наведения порядка» со смехом, ругательствами, оскорблениями и угрозами избивали ни в чем не повинных людей.

Покровский: Скажите, пожалуйста, свидетель, в лагере, находившемся в селе Раково, качество питания было таким же, как и в других лагерях, и как это отражалось на состоянии военнопленных?

Кивелиша: В лагере Раково питание в качественном отношении совершенно не отличалось от питания в тех лагерях, в которых я был ранее. Питание в Раковском лагере состояло из бураков, капусты и картошки. Все это выдавалось нередко в недоваренном виде. От этой недоброкачественной пищи у пленных развивалось тяжелейшее расстройство желудка, сопровождавшееся кровавыми поносами, которые очень быстро истощали людей и приводили к массовой смерти от голода.

Покровский: Вы говорили о том, что охрана часто практиковала избиение военнопленных по любому поводу, а сплошь и рядом — без всякого повода.

Кивелиша: Да.

Покровский: Какого характера травмы получали в результате избиений военнопленные? Бывали ли случаи причинения тяжелых повреждений?

Кивелиша: В Раковском лагере я находился в так называемом лазарете и работал там в хирургическом отделении. Очень часто после обедов и ужинов в лазарет доставляли людей с тяжелейшими повреждениями. Мне неоднократно приходилось оказывать посильную помощь людям, пострадавшим от этих избиений настолько сильно, что, не приходя в сознание, они вскоре погибали. Я помню случай, когда двое из военнопленных были избиты ударами какого-то твердого предмета по голове, был проломлен череп и из зияющей раны выпирало вещество мозга. Я хорошо помню случай, когда одному спортсмену из Москвы плетью был выбит глаз, после чего этот спортсмен заболел воспалением мозговой оболочки и вскоре умер.

Покровский: Какая смертность была в Раковском лагере среди военнопленных?

Кивелиша: История Раковского лагеря разбивается на два периода: один — примерно до ноября 1941 года, когда в лагере было небольшое количество военнопленных и смертность не была высокой, и второй — с ноября 1941 года по март 1942 года, когда смертность была исключительно высокой. Бывали дни, когда в лагере было 700, 900 и даже 950 случаев смерти.

Покровский: Какие меры дисциплинарного порядка применялись в Раковском лагере в отношении военнопленных и за что они наказывались?

Кивелиша: Мне известно, что на территории лагеря был карцер. За попытки к бегству, чтобы избавиться от ужасных условий, которые были созданы в плену, и за проступки, связанные с тем, что военнопленные похищали где-либо на кухне

продукты питания, провинившихся сажали в этот карцер. Карцер представлял собой подвальное помещение с цементным полом, с окнами без стекол и рам, заделанными железными решетками. Военнопленных раздевали догола, лишали пищи и воды и держали в карцере по 14 суток. Я не знаю ни одного случая, чтобы военнопленные выдерживали это заключение: все погибали в карцере.

Покровский: Видимо, такие условия содержания военнопленных, о которых Вы рассказали Суду, приводили к истощению людей?

Кивелиша: Да.

Покровский: Не вызывало ли это, в свою очередь, увеличения числа военнопленных, которые не могли выходить на работу, и как поступали с ними?

Кивелиша: Основная масса военнопленных Раковского лагеря содержалась в конюшнях, совершенно не приспособленных для жилья людей в зимний период. Первое время люди были использованы на работах, я бы сказал, совершенно бесцельных, потому что работа их заключалась в разрушении домов и в застилке территории лагеря кирпичом, добытым из разрушенных зданий. Спустя некоторое время после того, как развились тяжелейшие желудочные заболевания, о которых я уже упоминал, на работу стало выходить все меньше и меньше военнопленных. Многие из них, теряя способность двигаться, не только не выходили на работу, но не могли выйти даже из конюшен в определенные часы для получения пищи, и если в конюшнях таких обесиленных людей оказывалось большое количество, то им устраивался так называемый карантин. В такой конюшне входы и выходы обычно заколачивали наглухо, и люди совершенно изолировались даже от лагерного мира. Таким образом людей держали четверо-пятеро суток, после чего конюшню открывали и оттуда вывозили сотни трупов.

Покровский: Не скажете ли Вы, свидетель, на какой медицинской — врачебной или санитарной — работе Вас и других врачей-военнопленных использовали немцы в лагерях?

Кивелиша: Ни на какой медицинской работе в лагерях немцы нас не использовали. Они просто-напросто заставляли нас отделять людей, неспособных к труду, от людей, которые могли выполнять те или иные работы. Оказывать медицинскую помощь военнопленным мы не могли в силу тех условий, в которых мы находились сами.

Покровский: Вменялись ли Вам в обязанность в каком-либо из лагерей функции санитарного надзора, и если да, то в чем эти функции выражались?

Кивелиша: Функции «санитарного надзора» были возложены на нас в лагере города Гайсина. Заключались они в том,

что все мы, военнопленные врачи, обязаны были дежурить около обшелагерной уборной, которая представляла собой не что иное, как выкопанный для этой цели ров. По мере заполнения этого рва нечистотами, мы должны были очищать его.

Покровский: Кого обязывали это делать, врачей?

Кивелиша: Да, врачей.

Покровский: Не рассматривали ли Вы подобного рода функции «санитарного надзора» как проявление прямого издевательства над советскими военнопленными врачами?

Кивелиша: Да, мы считали, что это было прямым издевательством над советскими врачами.

*Латернзер*¹: Сколько военнопленных насчитывалось в колонне, в которой Вы следовали?

Кивелиша: Четыре-пять тысяч человек.

Латернзер: Когда Вы впервые получили пищу как военнопленный от немецких военных властей?

Кивелиша: От немецких военных властей лично я получил питание впервые в городе Умани.

Латернзер: Через сколько времени это было после того, как Вы попали в плен?

Кивелиша: Примерно через 4—5 дней после того, как я попал в плен.

Латернзер: Вы были военным врачом Красной Армии и могли создать себе правильное представление о том, что питание войск не является таким простым делом.

Кивелиша: Я не мог создать себе такого представления, тем более, что в распоряжении немцев был довольно большой срок и большие возможности, чтобы обеспечить военнопленных питанием. В дополнение к тому, что я уже говорил, я еще раз скажу, что если немецкие власти не могли обеспечить питанием военнопленных, то мирное население прикладывало все усилия к тому, чтобы обеспечить русских военнопленных питанием. Однако ни немецкие власти, ни немецкое командование, по-видимому, не отдавало на этот счет никаких распоряжений. Я уже докладывал, что ни военнопленным, ни гражданскому населению не давали возможности приближаться друг к другу: расстреливали тех из мирного населения, кто делал попытки передать пищу пленным, и тех военнопленных, которые принимали пищу от гражданского населения...

Латернзер: Вы должны все же признать, что существовали определенные трудности в снабжении продовольствием, когда колонна численностью в 5 тысяч человек, как ваша,

¹ Латернзер защищал генеральный штаб и верховное командование германских вооруженных сил. — Составители.

должна была обеспечиваться питанием продвигающимися вперед частями.

Кивелиша: Если и создавалась эта трудность у немецкого командования, то она могла быть устранена тем, что можно было разрешить военнопленным получать те продукты питания, которые предоставляло им мирное население, советские граждане.

Латернзер: Об этом мы сейчас еще поговорим. Вы показываете, что Ваша колонна насчитывала 5 тысяч военнопленных. Можете ли Вы сказать, какова была численность немецкой охраны этой колонны?

Кивелиша: Численность охраны точно не могу назвать. Но было очень много немецких автоматчиков. Колонна была слишком растянута и назвать численность я не в состоянии.

Латернзер: Я понимаю, что Вы не можете ответить на этот вопрос, назвав точное количество. Но опишите Трибуналу, каково было расстояние между отдельными постами охраны, которая следовала с вашей колонной.

Кивелиша: Это расстояние было примерно такое: два-три солдата охраны шли рядом с колонной вслед за второй группой охраны из такого же числа на расстоянии 5—6 шагов.

Латернзер: Таким образом, через каждые 50—60 метров по обе или по одной стороне шли немецкие солдаты группами по 2—3 человека?

Кивелиша: Не через 50—60, а через 5—6 метров.

Латернзер: Это были охранники старших возрастов или молодые солдаты?

Кивелиша: Это были солдаты немецкой армии. Там были все возрасты.

Латернзер: Перед выходом колонны русским военнопленным было сообщено, что по ним будут открывать огонь, если они выйдут из колонны?

Кивелиша: Я уже говорил и еще раз повторяю, что никаких предупреждений не было.

Латернзер: Даже перед выходом колонны?

Кивелиша: Да.

Латернзер: Свидетель, Вы сказали сегодня утром, что четыре-пять тысяч советских военнопленных во время их марша к лагерю были размещены в конюшне. Эта конюшня была с крышей?

Кивелиша: Это был обычный деревенский скотный двор, а так как хозяйство было заранее эвакуировано, скотный двор долгое время не убирался и находился в совершенно запущенном состоянии. Если добавить, что в течение этого дня шел дождь, то будет понятно, что этот двор наполовину был затоплен грязью. Помещаться в конюшнях и сараях не было никакой

возможности, так как там был неубранный навоз, поэтому все люди находились под открытым небом.

Латернзер: Была ли возможность лучше разместить военнопленных?

Кивелиша: На этот вопрос я весьма затрудняюсь ответить, поскольку местность была мне совершенно незнакома. Кроме того, мы были доставлены в эту деревню поздно вечером. Я не знаю, были ли там удобные помещения для размещения военнопленных.

Латернзер: Значит, в этот вечер, когда Вы прибыли в эту деревню, Вы не видели лучшей возможности для размещения военнопленных?

Кивелиша: Я не говорил, что я не видел лучшей возможности для размещения. Я говорил, что был вечер и я не мог видеть эту деревню, хотя она была довольно большая, и мне кажется, там было довольно много больших домов, где 5—6 тысяч человек можно было разместить для удобного ночлега.

Латернзер: Вы сказали, что Вы не использовались в лагере военнопленных как врач. Вам когда-либо немецкие власти давали какие-нибудь санитарные материалы для того, чтобы Вы могли обслуживать с их помощью больных пленных?

Кивелиша: В первое время эвакуации по этапам из одного лагеря в другой мы не получали совершенно никаких материалов от немцев, а в последующее время, когда я прибыл в стационарный лагерь, в «Шталаг — 305», материалы выдавались, но в количестве, совершенно недостаточном для того, чтобы обеспечить потребности всех раненых.

(К микрофону подходит доктор Бабель, защитник СС.)

Бабель: Свидетель, Вы сказали, что скотный двор был эвакуирован. Что это означает?

Кивелиша: Это значит, что весь скот, который содержался в этом скотном дворе, был вывезен или угнан за пределы военной зоны.

Бабель: Кем это было сделано?

Кивелиша: Это было сделано гражданами того села, в которое мы вошли. Они отошли на восток вместе с частями Красной Армии, которые не попали в то окружение, в котором оказались мы.

Бабель: Значит, скот был угнан в не занятые немецкими войсками русские области?

Кивелиша: По крайней мере, из этого села — да.

Председатель: Еще кто-либо из защитников хочет задать вопросы свидетелю? (Обращаясь к свидетелю.) Свидетель, ис-

пользовались ли части СС для охраны военнопленных той колонны, в составе которой Вы находились?

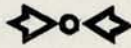
Кивелиша: В лагере Раково, в окрестностях города Проскурово, в котором я пробыл недолгое время, для конвоирования рабочих команд использовались молодые немецкие армейцы, которых в то время называли СС.

Председатель: Это был стационарный лагерь?

Кивелиша: Да, это был стационарный лагерь.

Председатель: А до тех пор, пока Вы не прибыли в этот стационарный лагерь, эсэсовцы использовались для вашей охраны?

Кивелиша: На этот счет я не могу сказать ничего определенного, так как я не знал знаков различия немецкой армии...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ШМАГЛЕВСКОЙ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 27 февраля 1946 г.]

Смирнов: Я прошу сейчас у Суда разрешения вызвать в качестве свидетеля польскую гражданку Шмаглевскую. Советское обвинение просит о вызове ее в качестве свидетеля для подтверждения одного лишь вопроса — об отношении фашистов к детям в концентрационных лагерях. Разрешит ли Суд вызвать этого свидетеля?

Председатель: Да, пожалуйста.

(В зал входит свидетель.)

Председатель: Пожалуйста, назовите Ваше имя.

Свидетель: Шмаглевская.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: Клянусь всемогущим богом...

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Если хотите, Вы можете сесть.

Смирнов: Я могу приступить к допросу свидетельницы, господин председатель?

Председатель: Да, конечно.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, Вы были узницей лагеря Освенцима?

Шмаглевская: Да.

Смирнов: В течение какого времени Вы находились в Освенциме?

Шмаглевская: С 7 октября 1942 г. до января 1945 года.

Смирнов: Чем подтверждается, что Вы были узницей этого лагеря?

Шмаглевская: У меня есть номер, вытатуированный на моей руке, здесь (показывает).

Смирнов: Это то, что узники Освенцима называли «визитной карточкой»?

Шмаглевская: Да.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетельница, Вы были очевидцем отношения эсэсовцев к детям в Освенциме?

Шмаглевская: Да.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать об этом.

Шмаглевская: Я могу рассказать о детях, которые родились в концентрационном лагере, о детях, которые были привезены в лагерь с еврейскими транспортом и которых вели прямо в крематорий, а также о детях, которые были привезены в лагерь как интернированные.

Уже в декабре 1942 года, когда я шла на работу за 10 км от Биркенау...

Смирнов: Простите, я Вас перебыю. Вы были в отделении Биркенау?

Шмаглевская: Да, я была в лагере Биркенау. Это часть лагеря Освенцима, которая называлась Освенцим № 2. Тогда я заметила женщину, которая была беременной (на последнем месяце). Это было видно по ней. Эта женщина вместе с другими шла 10 км к месту своей работы и там работала весь день с лопатой в руках по раскопке траншей. Она уже была больна. Она попросила мастера-немца, штатского немца, чтобы он разрешил ей отдохнуть. Он на это не согласился, смеялся и вместе с другими эсэсовцами начал бить ее и очень сурово надзирать за ней при работе. Таково было положение всех женщин, которые были беременны. Только в последнюю минуту им разрешалось не идти на работу. Дети, которые были рождены, если это были еврейские дети, немедленно посылались на смерть.

Смирнов: Я прошу извинить меня, свидетель, что значит немедленно посылались на смерть? Когда это было?

Шмаглевская: Немедленно отбирались у своих матерей.

Смирнов: Когда? Когда прибывал эшелон?

Шмаглевская: Нет, я говорю о детях, которые родились в лагере. Через несколько минут после рождения ребенка его отбирали у матери, и мать больше никогда не видела своего ребенка. По истечении нескольких дней мать снова шла на работу. В 1942 году не было еще отдельных блоков для детей. В начале 1943 года, когда начали татуировать заключенных, дети, которые были рождены в концлагере, также татуировались. Номер вытатуировывали на ноге.

Смирнов: Почему на ноге?

Шмаглевская: Потому что ребенок очень мал, и номер, состоящий из пяти цифр, не поместился бы на маленькой ручонке. Дети не имели отдельных номеров, у них были те же номера, которые имели взрослые. Дети помещались в отдельном блоке, и через несколько недель, а иногда через месяц они уходили из лагеря.

Смирнов: Куда?

Шмаглевская: Нам никогда не удавалось узнать, куда увозили детей. Их увозили в течение всего времени существо-

вания этого лагеря, то есть в 1943 и 1944 гг. Последний транспорт детей был вывезен в январе 1945 года. Это не были исключительно польские дети, так как известно, что в Биркенау были женщины со всей Европы. И до сегодняшнего дня неизвестно, живы эти дети или нет.

Я бы хотела от имени женщин всей Европы, которые становились матерями в концлагерях, спросить сегодня немцев: где находятся эти дети?

Смирнов: Скажите, свидетель, были ли Вы очевидцем фактов, когда детей отправляли в газовые камеры?

Шмаглевская: Я работала очень близко от железнодорожной ветки, которая вела в крематорий. Иногда по утрам я проходила возле помещения немецкого клозета, откуда я тайно могла присматриваться к транспортам. Тогда я видела, что вместе с евреями, которых привозили в концлагерь, приезжало много детей. Иногда в семье имелось несколько детей. Трибунал, вероятно, знает, что перед крематорием имел место отбор — селекция...

Смирнов: Селекция производилась врачами?

Шмаглевская: Не всегда врачами, но и эсэсовцами.

Смирнов: Но и врачами в том числе?

Шмаглевская: И врачами. Во время этой селекции самые молодые и самые здоровые еврейки в очень малом количестве входили в лагерь. Те женщины, которые несли детей на руках или везли в колясках или которые имели более взрослых детей, вместе с этими детьми посылались в крематорий. Детей отделяли от родителей перед крематорием и вели их отдельно в газовую камеру.

В то время, когда больше всего евреев уничтожалось в газовых камерах, вышло распоряжение, что детей будут бросать в печи крематория или в ямы крематория без того, чтобы их раньше задушить газом.

Смирнов: Как следует Вас понимать: их бросали в огонь живыми или перед сожжением их убивали другими способами?

Шмаглевская: Детей бросали живыми. Крик этих детей был слышен во всем лагере. Трудно сказать, сколько было этих детей.

Смирнов: Почему же все-таки это делалось?

Шмаглевская: На это трудно ответить. Не знаю, потому ли, что они желали сэкономить газ, или потому, что не было места в газовых камерах.

Я хотела бы еще сказать, что нельзя определить число этих детей, например, число евреев, так как их везли прямо в крематорий. Они не были зарегистрированы, не были татуированы, очень часто их даже не считали. Мы, заключенные, которые хотели себе отдать отчет о количестве людей, которые погибали

в газовых камерах, могли ориентироваться только по тому, что мы узнавали о количестве детских смертей по числу колясок, которые были препровождены в магазины. Иногда были сотни колясок, иногда тысячи.

Смирнов: В день?

Шмаглевская: Не всегда одинаково. Были дни, когда газовые камеры работали с ранних часов утра до позднего вечера.

Я хотела бы еще сказать о тех детях, которые были в немалом количестве привезены в концентрационный лагерь в качестве заключенных. В начале 1943 года приехали в концлагерь вместе с родителями польские дети из Замойщины. Одновременно начали прибывать русские дети из областей, оккупированных немцами. Потом к этим детям прибыло еще небольшое количество еврейских детей. В меньшем количестве можно было встретить в концлагере итальянских детей. Положение детей было столь же тяжелым, как и положение всех остальных заключенных, может быть, даже более тяжелым. Эти дети не получали никаких посылок, так как их никто не мог посылать. Посылки Красного Креста никогда не доходили до заключенных. В 1944 году в лагерь стали прибывать в большем количестве итальянские и французские дети. Все эти дети были больны экземой, лимфатическими нарывами, страдали от голода, были плохо одеты, часто были без обуви и не имели возможности мыться. Во время варшавского восстания в лагерь привезли заключенных детей из Варшавы. Самым маленьким из этих детей был мальчик шести лет. Дети были помещены в отдельный барак. Когда начался систематический вывоз заключенных из Биркенау вглубь Германии, этих детей использовали для тяжелых работ.

В то же время в лагерь прибыли дети венгерских евреев, которые работали вместе с детьми, привезенными после варшавского восстания. Эти дети работали на двух возах, которые они собственной силой должны были везти. Перевозили они из одного лагеря в другой уголь, железные машины и другие тяжелые предметы. Они работали также при разборке бараков во время ликвидации лагеря. Эти дети оставались в лагере до самого конца. В январе 1945 года они были эвакуированы и должны были идти пешком в Германию в таких же тяжелых условиях, как двигался фронт, под обстрелом эсэсовцев, без пищи, проходя около 30 км в день.

Смирнов: Во время этого марша дети умирали от истощения?

Шмаглевская: Я не была в той группе, в которой были дети, я бежала на второй день после того, как начался этот марш. Я хотела бы еще сказать о методах деморализации чело-

века в лагере. Все то, что переживали заключенные, было результатом системы унижения человека. Вагоны, в которых заключенные прибывали в лагерь, были вагонами для скота, и на время, когда транспорт двигался, эти вагоны забивались гвоздями. В каждом из вагонов было много людей. Конвой, состоявший из эсэсовцев, не думал о том, что люди имеют физиологические потребности...

Смирнов: Что вы можете еще сказать об отношении к детям в лагере? Вы осветили в своих показаниях все факты, известные вам по этому поводу?

Шмаглевская: Я хотела бы сказать, что дети подвергались той же системе деморализации и унижения, как и взрослые, путем голода, причем голод доходил до того, что дети искали среди помоев и грязи картофельную шелуху для того, чтобы ее есть.

Смирнов: Скажите, Вы подтверждаете свои показания тем, что иногда количество колясок, оставшихся в лагере после умерщвления детей, доходило до тысячи в день?

Шмаглевская: Да, были такие дни.

Смирнов: Господин председатель, я больше не имею вопросов к свидетелю.

Председатель: Хочет ли кто-нибудь из других Главных обвинителей задать вопросы свидетелю? Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю? (*Пауза.*) В таком случае свидетель может считать себя свободным.

**КАЗНИ ЗАЛОЖНИКОВ
И ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ
ЗАКОНОВ
И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ
НА ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ
ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ,
ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ,
ДАНИИ
И ЛЮКСЕМБУРГА**

•

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ОТ ФРАНЦИИ ДЮБОСТОМ О КАЗНЯХ ЗАЛОЖНИКОВ
И ДРУГИХ НАРУШЕНИЯХ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ
ВОЙНЫ

*[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 24, 25, 29 и 30 января 1946 г.]*

Мои британские и американские коллеги предъявили доказательства того, что подсудимые замыслили и осуществили план заговора с целью господства над Европой. Они показали Вам, какие преступления против мира они совершили, развязывая несправедливые войны. Они показали Вам, что все подсудимые, будучи руководителями нацистской Германии, задолго выработали план ведения несправедливых войн и участвовали в заговоре...

Мы намереваемся предъявить доказательства того, что подсудимые, будучи руководителями гитлеровской Германии, систематически проводили политику уничтожения, жестокость которой усиливалась день ото дня, вплоть до поражения немцев; что эти жестокости подсудимые задумали и осуществляли, что это входило в систему, которая должна была способствовать выполнению политического замысла...

Преступления против отдельных лиц и собственности, изложенные здесь французскими коллегами, тесно связываются с войной. Таким образом, они сохранили определенный характер военных преступлений. Те преступления, о которых я буду говорить далее, превосходят все известные по силе и глубине. Они являются частью политики экспансии и стремления к господству. Наилучшее определение этой политики было дано самим Гитлером в его речи 16 мая 1927 г. в Мюнхене. Он говорил своим слушателям об опасности, которой якобы подверглась уже высокоиндустриальная и богатая Германия с населением в 70 миллионов человек со стороны Франции, страны сельскохозяйственной, с 40 миллионами жителей. В этот день Гитлер

сказал: «Есть только одна возможность у Германии избежать окружения, эта возможность — уничтожение государства, которое по своей природе всегда будет смертельным врагом Германии. Этот враг — Франция».

Когда народ видит, что его существованию угрожает враг, тогда он должен иметь одну цель, а именно: уничтожение своего врага».

В течение первых месяцев после победы немцы, казалось, оставили свое намерение уничтожить население, но это была лишь тактика. Они надеялись вовлечь в войну против Англии, против Советского Союза поработанные ими западные нации. Попеременно прибегая то к хитрости, то к насилию, они пытались заставить население этих стран сотрудничать с ними. Народ сопротивлялся. Тогда подсудимые отказались от этой тактики и снова стали замышлять осуществление своего большого плана истребления побежденных народов, стремясь захватить в Европе необходимые пространства для 250 миллионов немцев будущих поколений. «Истребление», «уничтожение», «ликвидация» — это термины, взятые мной из речи Гитлера, они употреблялись под различными предлогами: истребление низшей расы, или негроидов, уничтожение большевизма, ликвидация еврейского и масонского влияния...

В действительности уничтожение, истребление и ликвидация являлись просто убийствами всех тех, кто противился нацизму. Все эти действия были направлены на то, чтобы понизить жизненный потенциал поработанных народов.

Я Вам сейчас предъявляю доказательства того, что все это проводилось в осуществление продуманного плана, существование которого доказано наличием аналогичных фактов, повторяющихся во всех оккупированных странах.

При наличии такого повторения и постоянства невозможно более говорить о том, что только тот, кто совершал эти зверства, повинен в них. Это повторение и это постоянство доказывают, что одна преступная воля объединяла всех членов немецкого правительства, все руководство Германии.

Эта общая воля породила официальную политику террора и истребления, которая направляла удары палачей. Именно участием в формировании этой общей воли каждый подсудимый поставил себя в ряд главных военных преступников...

Все совершенные зверства полностью объясняются германской террористической политикой. С этой точки зрения у нее имеется прецедент в немецкой практике ведения войны. Мы все сохранили в своей памяти казни заложников в Динане во время войны 1914 года, казни заложников в цитадели Лаон или в Сен-Ло. Но нацизм усовершенствовал эту политику террора. Для него террор есть способ порабощения. Для нацизма тер-

рор есть средство подчинить все поработанные народы целям своей политики.

Все французы еще хорошо помнят первые признаки этой политики террора во время оккупации. Они увидели на стенах Парижа, так же как и всюду, вплоть до самых малых селений, во Франции, всего несколько месяцев спустя после подписания перемирия, красные плакаты, окаймленные черным, возвещавшие о первых казнях заложников. Мы знаем матерей, которые таким образом узнали о казни своих сыновей. Эти казни проводились оккупантами в связи с антигерманскими инцидентами, которые были ответом французского народа на официальную политику коллаборационизма. Было оказано сопротивление этой политике, и вместе с ним возрастали репрессивные меры вплоть до 1944 года — кульминационного пункта германского террора во Франции и в оккупированных странах Запада. К этому времени армия, полиция, СС перестали говорить об истреблении заложников, они организовали настоящие карательные экспедиции, во время которых сжигали целые деревни, тысячи людей из гражданского населения были убиты, арестованы или угнаны. Правители Германии пытались оправдать такие преступные действия в глазах народов. Они разработали и издали настоящий кодекс о заложниках и делали вид, что хотят лишь заставить уважать право всякий раз, когда проводили казни и репрессии.

Гагская Конвенция в статье 50 запрещает взятие заложников:

«Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния отдельных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Однако германский генеральный штаб, германское правительство старались заставить забыть об этом законе.

Я опишу Вам, как генеральный штаб присвоил себе мнимое право брать заложников, что нашло окончательное выражение во Франции в кодексе Штюльпнагеля о заложниках.

Я покажу Вам в краткой выдержке из документа, кто из подсудимых является главным виновником этого преступления.

15 февраля 1940 г. в секретном указании, предназначенном для подсудимого Геринга, ОКВ оправдывает взятие заложников. Этот документ датирован: «15 февраля 1940 г., Берлин» и озаглавлен: «Верховное командование вооруженных сил. Секретно. Имперскому министерству авиации. Главное командование военно-воздушных сил. Тема: Взятие заложников».

В документе говорится: «По мнению ОКВ, взятие заложников оправдывается во всех случаях, когда этого требует безопасность войск, действующих во исполнение приказов. К этому

нужно будет прибегать в случаях сопротивления или враждебных действий населения в оккупированных районах при условии, однако, что войска находятся в бою или в таком положении, когда нет никакого другого способа обеспечить безопасность.

При отборе заложников они будут арестовываться лишь в том случае, если враждебные группы населения заинтересованы в том, чтобы они не были казнены. Заложники будут отбираться из тех кругов населения, от которых можно ожидать враждебных выпадов. Арест заложников должен производиться из числа лиц, участь которых может повлиять на руководителей» (документ РФ-267).

Против этого, насколько мне известно, Геринг никогда не возражал.

Вот еще один документ — РФ-508. Это — инструкция главнокомандующего сухопутными силами во Франции; она подписана 12 сентября 1940 г., спустя три месяца после оккупации. О заложниках в ней говорится следующее:

«Заложниками являются граждане страны, которые гарантируют своей жизнью безупречное поведение населения. Ответственность за их судьбу несут их соотечественники. Поэтому население должно знать, что заложники отвечают за враждебный поступок каждого в отдельности. Только французские граждане могут быть взяты в качестве заложников. Заложники могут отвечать за действия, совершенные только после их ареста и после публикации правил».

Это аннулирует пять предшествующих распоряжений, изданных до 12 сентября 1940 г. По этому вопросу было издано несколько приказов. У нас имеется два распоряжения генерального штаба. Даты их указаны в начале документа Ф-510: 2 ноября и 13 февраля.

«Если акты насилия совершены населением в отношении лиц, принадлежащих к оккупационным силам, или военным помещениям и оборудованию причинены повреждения, или они подверглись разрушению, или если другие действия угрожают безопасности немецких управлений и отдельных частей, то в зависимости от обстоятельств население, проживающее в месте совершения преступления, считается ответственным за эти акты саботажа или соучастником их; могут быть приняты превентивные меры репрессий с тем, чтобы гражданское население впредь побоялось бы совершать, провоцировать или терпеть подобные поступки.

Все население считается ответственным за действия саботажа со стороны отдельных личностей, если своим общим поведением в отношении немецких вооруженных сил оно способствовало недружелюбным поступкам, или если своим пассив-

ным отношением в раскрытии предшествующих актов саботажа оно воодушевляло злонамеренных лиц на подобные действия, или если оно создавало благоприятную почву для оппозиции немецкой оккупации.

Должны предписываться такие меры, которые могут быть приведены в исполнение. Угрозы же, не приведенные в исполнение, есть признак слабости».

До сих пор мы не находим в этих немецких текстах утверждения, что взятие и казни заложников составляют право оккупационных властей. Но вот немецкий документ, который очень ясно формулирует эту мысль.

По нашим описям он числится за номером Ф-307, датирован 18 апреля 1944 г., Брюссель. Он исходит от главного судьи при главнокомандующем в Бельгии и в Северной Франции и адресован германской комиссии по перемирию в Висбадене. На полях документа — заголовок: «Секретные дела командования». Тема: «Убийство 8 террористов в Лилле 22 декабря 1943 г.»

В середине второго абзаца Вы прочтете: «К тому же я подтверждаю свою точку зрения, а именно, что меры, принятые полевой комендатурой в городе Лилле в ответ на письмо моей полицейской группы от 2 марта 1944 г., вопреки мнению комиссии по перемирию основываются на твердых правовых нормах и являются действительными. Как раз комиссия по перемирию должна объявить французам, если есть необходимость входить в такого рода детали, что казни были произведены в соответствии с основными принципами правил, действующих для заложников».

Таким образом, здесь речь идет о государственной доктрине. Невиновные становятся заложниками. Они своей жизнью отвечают за поведение своих сограждан по отношению к немецкой армии. Если совершено нарушение, к которому они даже не причастны, все равно они подвергаются коллективному наказанию вплоть до смертной казни. Это положение официально установлено германским верховным командованием. Кейтель 16 сентября 1941 г. подписал общий приказ, который здесь уже зачитывался (документ ПС-389).

Действие этого приказа распространялось на все области, как на Востоке, так и на Западе. В приказе имеется перечень тех, кому он должен быть направлен; в числе других упоминаются имена всех главнокомандующих в странах, оккупированных Германией: во Франции, Бельгии, Норвегии, Голландии, Дании, на Украине, в Сербии, Салониках, Греции, Крите. Этот приказ действовал в течение всей войны; он носил яркий характер антикоммунистических репрессий и, кроме того, имел целью проведение репрессий в отношении гражданского населения.

Приказ должен был касаться также командования воинских частей, находившихся на Востоке. Согласно этому приказу во всех случаях, когда совершено нападение на германскую армию, необходимо считать, «что речь идет о массовом движении, руководимом Москвой в соответствии с общим планом, в связи с которым проводятся и отдельные действия, не имеющие большой важности, отмеченные в районах, которые до сих пор оставались спокойными».

В связи с этим Кейтель приказал, наряду с прочим, казнить от 50 до 100 коммунистов за одного убитого германского солдата. Таков политический смысл, который мы непрестанно обнаруживали во всех террористических действиях немцев. Для гитлеровской пропаганды всякое сопротивление, оказываемое Германии, являлось инспирированным из коммунистических источников. Таким путем немцы рассчитывали отделить от движения Сопротивления националистов, которые, по их предположениям, были враждебны коммунистам; но нацисты преследовали еще и другую цель: они надеялись также — и это основное — разделить Францию и другие побежденные страны Запада на два враждебных лагеря и использовать один из них для борьбы против другого под предлогом борьбы с коммунистами.

Мы остановились на подписанном подсудимым Кейтелем приказе от 16 сентября, который является, как я уже изложил, основной директивой по вопросу о заложниках. Этот приказ, подтвержденный подсудимым Кейтелем 24 сентября 1941 г., мы представляем под номером РФ-271. Вы найдете его в книге документов за номером Ф-554. Я оглашаю параграф 1:

«Следуя директивам, изданным фюрером, верховное командование вооруженных сил опубликовало приказ от 16 сентября 1941 г. о борьбе с революционным коммунистическим движением в оккупированных странах. Этот приказ был направлен министерству иностранных дел для передачи его послу Риттеру. В этом приказе, между прочим, говорится о праве военных трибуналов выносить смертные приговоры.

Отсюда следует, что отныне самые суровые меры должны проводиться на оккупированных территориях».

Об отборе заложников говорится также в ранее оглашавшемся, изданном до начала немецкой агрессии против России документе ПС-877, о котором следует напомнить потому, что он показывает решимость военного командования Германии и нацистского правительства разделить оккупированные территории, лишить движение Сопротивления его патриотического характера... На странице 2, в параграфе 4 документа ПС-877, который был представлен под номером РФ-273, Вы найдете следующие фразы:

«Можно считать установленным, что, помимо противников, с которыми обычно сражались наши войска, на этот раз мы столкнулись с чрезвычайно опасными элементами из гражданского населения, разрушающими всякий установленный порядок и проводящими еврейско-большевистскую пропаганду. Нет никакого сомнения в том, что повсюду, где возможно, они используют против немецкой армии как в бою, так и в мирное время свое коварное и тайное оружие и прибегают к различным ловушкам».

Этот документ является официальным документом, исходящим из ставки главного командования сухопутных сил. Он выражает основной принцип всего германского генерального штаба. Кейтель руководил разработкой этого принципа... Это является прямым и тяжким обвинением против Кейтеля, но Кейтель — это германский генеральный штаб; таким образом, обвинение направлено против этой организации. Вы видите из приводимого документа, что такое обвинение обосновано потому, что генеральный штаб Германии замешан в преступной политике немецкого правительства.

В отношении Франции общие приказы Кейтеля были применены генералом Штюльпнагелем в его приказе от 30 сентября 1941 г., который известен во Франции под названием «Кодекс о заложниках».

Приказ от 30 сентября 1941 г. является существенным потому, что освещает обстоятельства, при которых расстреливались французские заложники. Я оглашаю этот документ, представляемый под номером РФ-274.

«22 августа 1941 г. я опубликовал следующее сообщение:

Утром 21 августа 1941 г. в Париже немецкий военный служащий пал жертвой покушения. Поэтому я приказываю:

1. Чтобы французы, задержанные в настоящее время по любой причине немецкими властями или по их распоряжению, с 23 августа считались заложниками.

2. Некоторое число из этих заложников будет расстреляно в зависимости от серьезности совершенных действий».

19 сентября 1941 г. я приказал послать ноту уполномоченному Французского правительства при немецком главнокомандующем во Франции, чтобы с 19 сентября 1941 г. все французы мужского пола, которые находятся под арестом за коммунистическую или анархистскую деятельность или которые в дальнейшем будут арестованы, были задержаны и подвергнуты аресту французской администрацией; одновременно аресты будут производиться и по приказу немецкого главнокомандующего во Франции.

На основании моей ноты от 22 августа 1941 г. и моего приказа от 19 сентября 1941 г. следующие группы или лица будут считаться заложниками:

а) французы, которые в настоящее время задержаны немецкими властями по любым причинам, например, лица, арестованные полицией; лица, находящиеся в превентивном заключении; лица, отбывающие наказание;

б) французы, которые задерживаются во Франции французскими властями по требованию немецких властей; сюда относятся:

аа) французы, которые арестованы французскими властями за анархистскую или коммунистическую деятельность;

bb) французы, которые будут отбывать наказание — лишение свободы — под контролем французских властей по требованию немецких военных трибуналов;

сс) французы, которые по требованию немецких властей были арестованы французскими властями, или будут находиться под арестом, или будут передаваться французским властям немецкими властями для содержания их под арестом;

с) лица, не имеющие гражданства, которые достаточно долго живут во Франции, будут считаться французами в смысле моего объявления от 22 августа 1941 г.

3. Освобождение из-под стражи.

Лица, которые не находились под арестом к 22 августа и к 19 сентября 1941 г., но которые были арестованы позднее и к которым ранее указанные определения не относятся, не включаются в число заложников.

Освобождение лиц, отбывающих наказание, по истечении срока или по всяким другим причинам не будет приостанавливаться моим объявлением от 22 августа 1941 г. Освобожденные лица не могут быть взяты в качестве заложников. Те, кто находится под арестом у французских властей за коммунистическую или анархистскую деятельность, могут освободиться, как я уже сообщил Французскому правительству, только с моего согласия».

В конце этого параграфа Вы прочитаете следующее:

«Из тех групп французов, которых немецкое командование найдет для этого подходящим, можно будет в случае какого-либо инцидента составлять списки заложников, подлежащих немедленной казни.

Если произойдет такое событие, которое в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. вызовет необходимость расстрела заложников, то казнь должна быть произведена немедленно вслед за изданием соответствующего приказа.

Таким образом, начальники округов должны будут из общего количества заключенных выбрать тех, которые могут быть

казнены в первую очередь, и внести их в список заложников. Эти списки заложников являются основой для предложений, которые должны быть сделаны мне в каждом случае.

1. На основании наблюдений, сделанных до сих пор, надо сказать, что те, кто совершает покушения, большей частью принадлежат к террористическим или анархистским кругам. Таким образом, начальники округов должны отобрать из задержанных лиц тех, которые в прошлом принадлежали к коммунистам или анархистам или участвовали в подобных организациях: они подлежат казни в первую очередь.

При отборе необходимо учитывать, что воздействие казней заложников на тех, кто совершает террористические акты, и на тех лиц, которые во Франции или за границей несут моральную ответственность как издающие приказы или как пропагандирующие акты саботажа и террора, тем больше, чем большей известностью пользуются расстрелянные. Опыт показывает, что лица, издающие приказы, и политические круги, заинтересованные в совершении покушений, пренебрегают жизнью своих мелких сообщников и, напротив, стремятся максимально охранять жизнь своих старых и известных сотрудников.

Поэтому в списки надо вносить в первую очередь:

а) известных депутатов и деятелей коммунистических или анархистских организаций;

б) лиц умственного труда, которые содействовали распространению коммунистических идей устно или письменно;

с) лиц, которые своим поведением доказали свою опасную деятельность;

д) лиц, которые участвовали в распространении листовок».

При отборе руководствовались лишь одним стремлением парализовать деятельность или уничтожить наиболее выдающихся личностей. Мы увидим, что в соответствии с параграфом «b» немцы расстреляли в 1941 и 1942 гг. в Париже и в провинциальных городах большое число лиц из интеллигенции, среди которых были такие, как Соломон и Политвер.

Я еще возвращусь к этим казням, когда буду приводить Вам примеры немецких зверств, совершенных по отношению к заложникам во Франции.

«... 2. Список заложников, взятых среди французских заключенных — сторонников де Голля, должен быть составлен в соответствии с этими же директивами.

3. Чистокровные немцы, состоящие во французском подданстве, которые арестованы за коммунистическую или анархистскую деятельность, также могут включаться в эти списки. Их немецкое происхождение должно указываться в прилагаемой к списку анкете. Лица, которые были осуждены к смерти и позднее помилованы, тоже могут заноситься в эти списки...

5. В списки по округам должно заноситься по 150 человек, а в районе большого Парижа — от 300 до 400 человек. По возможности надо казнить лиц, проживающих в районе, где совершено преступление. Поэтому начальники округов должны каждый раз заносить в списки тех лиц, последнее местожительство которых находилось в этом округе.

Списки должны быть всегда наготове. В них должны вноситься изменения в соответствии с новыми арестами и освобождениями...

7. Предложения, касающиеся казней.

Если происходит какое-либо событие, вызывающее необходимость казни заложников, в соответствии с моим объявлением от 22 августа 1941 г. начальник округа, в котором это событие имело место, должен выбрать из списка заложников лиц, которых он хочет предложить для казни. По мере возможности он должен выбирать заложников, принадлежащих к той среде, из которой предположительно вышло лицо, совершившее данное преступление...

Не могут быть казнены те, кто в момент покушения уже находился под арестом. В этом предложении должно указываться число людей, которых предполагают казнить, и порядок очередности их отбора.

Следует избегать того, чтобы после погребения трупов общие рвы и могилы стали местом паломничества для значительного числа лиц, так как позднее эти места погребения будут использованы в интересах антинемецкой пропаганды. Вот почему, поскольку возможно, погребение должно всегда производиться в различных местах».

Параллельно с этим документом, касающимся Франции, существует приказ Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г. относительно Бельгии; Вы найдете его на странице 6 официального доклада о Бельгии (документ Ф-683), представляемого мною под номером РФ-275.

Относительно Норвегии и Дании существует телеграфное распоряжение Кейтеля на имя главнокомандующего флота, датированное 30 декабря 1944 г., которое Вы найдете в книге документов за номером С-48.

«Каждый рабочий верфи должен знать, что всякий акт саботажа, происходящий в районе его деятельности, повлечет самые серьезные последствия для него лично или для его близких, если он скроется».

Страница 2 документа ПС-870: «4. Я только что получил по телеграфу распоряжение фельдмаршала Кейтеля, требующее издания приказа, согласно которому все причастные лица, а в случае необходимости также их ближайшие родственники будут подвергаться коллективной ответственности за акты сабо-

тажа, происходящие на предприятиях, где эти лица работают».

Автор этого документа Тербовен прибавляет следующую фразу, уличающую фельдмаршала Кейтеля:

«Это требование может быть выполнено успешно лишь в том случае, если я смогу действительно приступить к расстрелам».

Все эти документы будут представлены Суду.

Председатель: Господин Дюбост, правильно ли я понимаю, что в Бельгии, Голландии, Норвегии и Дании были изданы аналогичные распоряжения и приказы в отношении заложников?

Дюбост: Я именно собирался, господин председатель, зачитать те из них, которые касаются Бельгии, Голландии и Норвегии.

Относительно Бельгии, например, на странице 6 документа Ф-683, который является официальным документом бельгийского министерства юстиции, в параграфе 5 Вы найдете следующее: «В будущем население должно знать, что нападение на немецких военнослужащих или членов немецкой полиции в тех случаях, когда виновные не могут быть арестованы, вызовет расстрел заложников, число которых будет определяться в соответствии с тяжестью совершенного и во всяком случае не менее пяти заложников, если нападение привело к смертельному исходу».

Все политические заключенные в Бельгии будут отныне рассматриваться как заложники».

Председатель: Можете ли Вы указать нам, какие документы относятся к Голландии, Норвегии, Бельгии и Дании?

Дюбост: Могу. Что касается Бельгии, то это документ Ф-683, страница 6, декрет Фалькенхаузена от 19 сентября 1941 г., представленный под номером РФ-275. Документ является официальным докладом о злодеяниях главных немецких военных преступников в Бельгии.

Второй документ — С-46 от 24 ноября 1942 г., представленный под номером РФ-276, касается Голландии. Это предписание Зейсс-Инкварта.

Относительно Норвегии и Дании мы имеем несколько документов, которые устанавливают, что та же самая политика казней заложников проводилась и там. Эти документы представлены под номером С-48.

Все эти специальные приказы, касающиеся каждой из оккупированных стран Запада, явились следствием основного приказа Кейтеля.

Кейтель несет полную ответственность за развитие этой политики казней заложников. К нему поступали сведения, да и сами немецкие генералы признавали, что эта политика вышла за пределы той цели, которую она должна была преследовать,

и могла стать опасной. 16 сентября 1942 г. генерал Фалькенхаузен написал письмо, из которого я процитирую один абзац (это документ ПС-1594, который я представляю под номером РФ-281):

«При сем прилагаются данные о казнях заложников, проведенных до сего дня в моем секторе, и о событиях, послуживших причинами этих казней. Во многих случаях, в особенности в наиболее важных, лица, производившие покушения, арестовывались и немедленно осуждались. Эти результаты отнюдь не способствуют умиротворению. Такие меры являются не столь запугивающими, сколь разрушающими право и безопасность в глазах населения. Исчезает та пропасть, которая существовала между частью населения, находящейся под влиянием коммунистов, и остальным населением; все слои населения будут полны ненависти к оккупационным силам, что поможет вражеской пропаганде. Это опасно в военном отношении и неблагоприятно отразится на проведении общей политики». Подписано: «Фалькенхаузен».

В документе ПС-1587, страница 4, параграф 3 (тот же немецкий генерал) высказывается такая мысль:

«Во многих случаях лица, виновные в актах агрессии и саботажа, обнаруживались уже после того, как заложники в соответствии с полученными инструкциями были расстреляны непосредственно после того, как происходили эти акты саботажа. Настоящие же виновники зачастую принадлежали совершенно к другой среде, чем заложники. Без сомнения, в таких случаях казни заложников вызывают не страх, а, скорее, безразличное отношение населения к этим репрессиям и даже отрицательное отношение со стороны многих, кто раньше был пассивен. В этом случае казнь оказывает отрицательное действие с точки зрения интересов оккупационной власти и содействует стремлениям английских агентов, которые часто являются подстрекателями. Таким образом, необходимо осуществлять отсрочку казни в тех случаях, когда можно надеяться на арест настоящих виновников.

Я прошу также дать мне право отсрочивать исполнение казни для того, чтобы достигнуть наибольшего успеха в борьбе против террористов».

На второй странице документа ПС-1587 Вы также найдете выдержку из ежемесячного отчета командующего немецкими вооруженными силами в Нидерландах за август 1942 года; в выдержке приводится новое представление Кейтелю: «...b) Особые происшествия и политическая ситуация. При покушении на поезд с отпусниками, следовавший в Роттердам, был серьезно ранен голландский путевой сторож, который прикоснулся к металлическому проводу, присоединенному к взрыв-

чатому веществу, и вызвал этим взрыв. Во всей голландской прессе было опубликовано о следующих мерах репрессии:

Арест лиц, совершивших при содействии населения это покушение, отсрочен до полуночи 14 августа. Было назначено вознаграждение в сумме 100 тысяч флоринов за выдачу этих лиц, которая останется в тайне. В случае если лица, совершившие покушение, не будут за это время арестованы, будут казнены заложники. Железные дороги должны охраняться голландцами.

Несмотря на это предупреждение, виновник не появился и его нигде не могли найти, а нижеследующие лица, которые в течение нескольких недель находились под стражей в качестве заложников, были расстреляны по приказу начальника СС».

Председатель: Не можете ли Вы назвать их фамилии и занимаемые ими должности?

Дюбост: Рио-Виллен — генеральный директор из Роттердама, граф ван Лимбург-Штирум из Архейма, Вельде Роберт — доктор юридических наук из Роттердама, Беннкерс Кристофель — бывший генеральный инспектор полиции, Роттердам; барон Александр Шиммельпенник ван дер Ойе, Зеландия...

Продолжаю оглашать выдержку из отчета:

«Общественное мнение было исключительно взволновано казнями заложников. Прилагаемые отчеты выражают то мнение, что с начала оккупации ни одно действие немцев не произвело большего впечатления. Многочисленные анонимные письма, так же как и письма, подписанные, адресованные командующему вооруженными силами, которого все считали ответственным за эти неслыханные события, отражают различные чувства, овладевшие населением. В этих письмах, содержащих просьбы и убеждения не прибегать к чрезвычайным мерам, а также угрозы и осуждение, отражалось полное непонимание этих мер.

В заключение надо сказать, что такое возмущение, проникшее даже в ряды немногих голландцев-германофилов, раньше никогда не наблюдалось, такой ненависти раньше никогда не было». Подписано: «Шнейдер, капитан».

Несмотря на эти предостережения подчиненных, ни Кейтель, ни генеральный штаб никогда не давали других приказов. Приказ от 16 сентября 1941 г. продолжал действовать.

Когда я приведу примеры казней заложников во Франции, Вы увидите, что многие из этих фактов относятся к 1942, 1943 и 1944 гг.

Я предъявил Вам доказательства, последовательно огласив ряд германских официальных документов, которые издавались высшими властями армии, партии и нацистского правительства, преднамеренно использовавшими эти документы в целях

проведения террористической политики, заключающейся во взятии заложников.

Руководствуясь обстановкой, лиц, принадлежавших по крови к побежденной нации или бывших ее сторонниками, хватали и содержали под стражей для обеспечения порядка в определенных районах или же после инцидентов, жертвами которых явились представители оккупационной армии. Этим лицам хватали и содержали под стражей для того, чтобы заставить население оккупированных территорий совершить ряд актов, предусмотренных оккупационными властями, как-то: доносы, выплату коллективных штрафов, выдачу виновников покушений, совершенных против представителей германской армии, выдачу политических противников. Эти лица, арестованные на подобных основаниях, часто являлись в дальнейшем жертвами массовых убийств, совершавшихся в качестве репрессии.

Такие методы приводят к заключению, что заложник — человеческое существо, являясь особым залогом, служившим гарантией верности врагу.

Все члены германского правительства несут общую ответственность за дачу подобного рода указаний и за то, что эти указания были проведены в жизнь в оккупированных странах. Ни один из членов германского правительства не может переложить эту ответственность на плечи своих подчиненных, сославшись на то, что последние проявили чрезмерное рвение, выполняя совершенно определенные приказы.

Мною было показано, что, напротив, неоднократно сами исполнители сообщали своим руководителям о последствиях морального порядка, которые возникали в результате проведения в жизнь террористической политики в отношении заложников, и мы знаем, что ни в одном из этих случаев не было дано приказов, противоположных первоначальному. Нам известно, что при любых обстоятельствах первоначальный приказ всегда оставался в силе.

Я не буду перечислять всех казней заложников, за исключением нашей страны — Франции. В одной лишь Франции было казнено 29 660 человек. Это явствует из документа Ф-240, составленного в Париже 21 декабря 1945 г. Подлинник этого документа передается Вам под номером РФ-266.

Этот документ находится в начале книги документов. Вы увидите точные данные в отношении каждого района, указывающие на число заложников, которые были там казнены:

в районе	Лилля	1143 чел.
»	Лаона	222 »
»	Руана	658 »
»	Анжера	863 »
»	Орлеана	501 »

в районе	Реймса	353 чел.
»	Дижона	1691 »
»	Пуатье	82 »
»	Страсбурга	211 »
»	Ренна	974 »
»	Лиможа	2863 »
»	Клермон-Феррана	441 »
»	Лиона	3674 »
»	Марселя	1513 »
»	Монпелье	785 »
»	Тулузы	765 »
»	Бордо	806 »
»	Нанси	571 »
»	Меца	220 »
»	Парижа	11 000 »
»	Ниццы	324 »

Всего: . . . 29 660 чел.

Я ограничусь в своей обвинительной речи несколькими типичными примерами казней, которые разоблачают политический план генерального штаба, предписывавшего их совершение, террористический план, заключавшийся в создании розни между французами и в усилении этой розни, если рассматривать вопрос в общих чертах. Это же относится к населению всех оккупированных стран.

Я предъявляю документ, который называется «Объявление для жителей Парижа».

В этом документе воспроизведены некоторые из многочисленных объявлений, которые помещались в газетах с 1940 года по 1945 год и в которых сообщалось об арестах заложников в Париже, в районе Парижа и во Франции. Я оглашу лишь один из этих документов. На этом документе имеется заголовок «№ 6, за 19 сентября 1941 г.» В этом документе Вы обнаружите призыв к доносу, призыв к предательству. Вы увидите, как в нем используются средства коррупции, средства, систематически применявшиеся во всех странах Запада в течение оккупации, средства, с помощью которых стремились деморализовать население этих стран.

А вот еще объявление:

«21 августа. Обращение к населению оккупированных территорий.

21 августа трусливые убийцы напали сзади на немецкого солдата и убили его. В связи с этим я приказал взять заложников. Я пригрозил расстрелять часть этих заложников в том случае, если подобные покушения повторятся.

Новые преступления заставили меня привести эту угрозу в исполнение. Несмотря на это, многочисленные покушения имели место и в дальнейшем.

Я признаю, что население в своем большинстве сознает свой долг, который заключается в оказании помощи оккупационным властям, в их усилиях, направленных на поддержание спокойствия и порядка в стране, что делается также и в интересах местного населения.

Но среди вас имеются агенты, оплачиваемые державами — противниками Германии, преступные коммунистические элементы, которые имеют перед собой единственную цель — посеять раздор между оккупирующей державой и французским населением. Эти лица проявляют безразличие к тем последствиям, которые могут быть вызваны их деятельностью в отношении всего населения.

Я не хочу далее подвергать угрозе жизнь германских солдат. Для того чтобы выполнить свой долг, я не отступлю ни перед какими мерами, какими бы суровыми они ни были, но моим долгом также является признание ответственности всего населения, поскольку до настоящего времени оно не схватило этих преступников и не подвергло их наказанию, которого они достойны.

Я считаю себя вынужденным принять меры, и прежде всего в Париже, меры, которые, к сожалению, создадут затруднения в обычной жизни населения.

Французы! От вас самих зависит, усугублю ли я эти меры или же вновь откажусь от того, чтобы их использовать. Я призываю вас всех, вашу администрацию и вашу полицию содействовать путем проявления вами предельной бдительности и вашей личной активной помощи в аресте виновных. Необходимо предупреждать о преступных действиях и доносить на их участников в целях избежания критической ситуации, которая повергла бы всю страну в несчастье». Подпись: «Штюльпнагель».

Далее следуют многочисленные уведомления, в каждом из которых сообщается о казнях. Под номером 8 на следующей странице Вы обнаружите список, содержащий 12 имен, в числе которых фамилии трех наиболее видных парижских адвокатов, которые были расстреляны как якобы активные коммунисты: господин Питар, господин Аж, господин Рольникас.

Я подробно опишу Вам два случая, которые наполнили печалью сердца французов. Они имели место в октябре 1941 года, оба эти случая остались навсегда в памяти моих соотечественников.

Они известны под названием «Казнь в Шатобриане и Бордо».

После нападений на двух германских офицеров, нападений, имевших место в Нанте 20 октября 1941 г. и в Бордо спустя несколько дней, командование германской армии приняло ре-

шение использовать эти случаи для дачи поучительного урока.

21 октября 1941 г. было опубликовано в газете «Ле Фар» следующее уведомление:

«Трусливые преступники, оплачиваемые Англией и Москвой, утром 20 октября 1941 г. убили выстрелом в спину военного коменданта города Нанта. До настоящего времени убийцы еще не арестованы.

В качестве возмездия за это преступление я предварительно приказал расстрелять 50 заложников. В связи с тяжестью преступления еще 50 заложников будут расстреляны в том случае, если преступники не будут арестованы к 24 часам 23 октября 1941 г.».

Штюльпнагель, который командовал германскими войсками во Франции, приказал министру внутренних дел сообщить имена заключенных. Их следовало отобрать из числа «наиболее опасных коммунистов». Министр внутренних дел подготовил список, в который были включены имена 60 французов.

Германский приказ:

«В связи с убийством 20 октября 1941 г. военного коменданта города Нанта подполковника Хотца и в соответствии с моим объявлением, опубликованным 22 августа 1941 г., а также в соответствии с приказом от 19 сентября 1941 г., отданным мной генеральному уполномоченному Французского правительства, французы, имена которых далее следуют и которые находятся в настоящее время под стражей в качестве заложников, должны быть расстреляны». 16 человек было расстреляно в Нанте, 27 — в Шатобриане. Пятерых расстреляли в другом департаменте. Нам известны последние минуты жизни тех, кто был расстрелян в Шатобриане. Аббат Муайон, присутствовавший при этой казни, составил 22 октября отчет, в котором описал, как она происходила.

«Население знало из газет и по пришедшим из Нанта сведениям, что на одной из улиц Нанта был убит немецкий офицер. Но оно не могло думать о том, что будет применена столь жестокая и столь массовая репрессивная мера. За несколько дней до этого в лагере Шуазель германские власти поместили в специальный барак группу заключенных, которых они намеревались использовать в качестве заложников в случае возникновения особых затруднений. Из их числа были взяты те, кого должны были расстрелять в этот вечер 22 октября 1941 г.

К господину кюре де Бере пришел господин Моро, начальник лагеря в Шуазеле. Последний в нескольких словах объяснил ему причину своего прихода. Он явился по поручению супрефекта Шатобриана, господина Лекорню, чтобы сообщить, что 27 человек, взятые из числа политических заключенных

лагеря в Шуазеле, будут казнены во второй половине дня и господин юре просит поэтому немедленно прийти в лагерь, чтобы исповедать осужденных. Господин юре заявил, что готов выполнить эту свою тяжелую миссию, и отправился к заключенным, не задерживаясь ни минуты.

Всем французам было строжайшим образом запрещено подходить к каменоломне — месту, где происходила казнь. Мне известно лишь то, что заключенных для совершения казни разбили на три группы по 9 человек, что все заключенные отказались завязать глаза, что юный Мокэ был расстрелян уже после того, как потерял рассудок, а также то, что последний пламенный возглас, который срывался с уст каждого, был: «Да здравствует Франция!»

На странице 21 того же документа — показание жандарма Русселя:

«22 октября 1941 г. около 15 ч. 30 м. я находился на улице 11 Ноября в Шатобриане и увидел четыре или пять германских грузовиков (точное число я не могу указать), двигавшихся в направлении лагеря Шуазель. Впереди ехала легковая автомашина, в которой находился германский офицер. Многочисленные гражданские лица в ручных кандалах находились в грузовиках, они пели патриотические песни («Марсельезу», «Прощальную» и т. д.). В одном из грузовиков ехали германские вооруженные солдаты.

Позже я узнал, что везли заложников, только что взятых в лагере Шуазель, и их везли в каменоломню ла Саблиер, находившуюся на пути в Суден, чтобы расстрелять в качестве репрессии за убийство в Нанте германского полковника Хотца.

Примерно двумя часами позже те же грузовики возвратились из указанной каменоломни и въехали во двор замка в Шатобриане, где тела расстрелянных были перенесены в подземелье, и там они находились до тех пор, пока не были погребены.

Во время возвращения из каменоломни грузовики были покрыты брезентом, с них не раздавалось никаких звуков, но из-под брезента струилась кровь, и на дороге от каменоломни до замка остался заметный узкий след крови.

Я не присутствовал ни при отправке заложников из лагеря, ни при расстреле их в каменоломне ла Саблиер, так как подходы к этим местам охранялись германскими солдатами, вооруженными ручными пулеметами.

Почти в то же самое время, когда расстреляли 48 заложников, были расстреляны заложники в Бордо (документ Ф-400/с/).

«...В ходе происшедшего вчера вечером в военной комендатуре Бордо совещания германские власти потребовали, чтобы

я немедленно арестовал 100 человек, известных своими симпатиями к коммунистической партии или сторонников де Голля, которые будут рассматриваться в качестве заложников, а также чтобы я произвел весьма значительное число обысков.

Эти мероприятия осуществляются, начиная с сегодняшнего утра; до настоящего времени мне не было сообщено никаких представляющих интерес сведений об их результатах.

Кроме того, сегодня в 11 часов утра германские власти поставили меня в известность о репрессивных мерах, которые они решили предпринять в отношении местного населения».

Вот письмо, написанное генералом фон Фабером дю Фор, начальником районной администрации Бордо, префекту департамента Жиронды:

«Бордо, 23 октября 1941 г.

ГОСПОДИНУ ПРЕФЕКТУ ДЕПАРТАМЕНТА ЖИРОНДЫ

В результате трусливого убийства военного советника Реймера высшее военное командование во Франции отдало приказ о расстреле 50 заложников. Казнь состоится завтра утром. В том случае, если убийца не будет арестован в наикратчайший срок, будут приняты дополнительно, как и во время событий в Нанте, самые суровые меры.

Имею честь сообщить вам об этом решении.

Начальник местной военной администрации района Бордо
фон Фабер дю Фор.

И все упомянутые в письме лица были казнены.

В предместье Парижа имеется пользующееся известностью место, ставшее для французов после освобождения местом паломничества. Это место — форт Роменвилль. В период оккупации немцы превратили этот форт в место заключения для заложников, откуда они брали свои жертвы в тех случаях, когда хотели осуществить репрессивные меры в связи с каким-либо патриотическим выступлением. Это отсюда были увезены профессора Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, доктор Боэр и шестеро других французов, которые были арестованы в марте 1942 года, подвергнуты пыткам в гестапо, а затем казнены без суда в мае 1942 года.

19 августа из этого форта было взято 27 заложников, среди них господин ле Галль, муниципальный советник в Париже. Все они были перевезены из форта Роменвилль на Мон-Валерьен и казнены...

В сентябре 1942 года было совершено покушение на германских солдат в кинотеатре «Рекс» в Париже. 20 сентября по указанию генерала Штюльпнагеля в газетах было опубликовано сообщение, в котором говорилось о том, что в наказание за это покушение он приказал расстрелять 116 заложников;

в сообщении также указывалось о том, что будут приняты суровые меры по угону населения.

В этом сообщении говорится: «В результате покушений, совершенных коммунистическими агентами и террористами, оплачиваемыми Англией, было убито и ранено несколько германских солдат. В качестве репрессивной меры за эти покушения я приказал расстрелять 116 коммунистов, чье участие в террористических актах в качестве исполнителей или сообщников было установлено в результате признания.

Помимо этого был принят ряд других репрессивных мер в целях предупреждения инцидентов в связи с подготовляемыми коммунистами выступлениями днем 20 сентября 1942 г.

Я приказываю следующее:

1. С субботы 19 сентября 1942 г. с 15 часов и до воскресенья 20 сентября 1942 г. до 24 часов все театры, кинематографы, кабаре и другие увеселительные заведения, предназначенные для французского населения Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, закрыть. Все публичные выступления, в том числе и спортивные, воспрещаются.

2. В воскресенье 20 сентября 1942 г. с 15 до 24 часов гражданам негерманского происхождения департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, исключая лиц, которые представляют официальные органы, а также исключая врачей, запрещается появляться на улицах и в публичных местах».

В действительности 46 заложников из числа упомянутых 116 отобрали лишь днем 20 сентября. Немцы приказали передать заключенным форта Роменвилль газеты от 20 сентября, в которых сообщалось о решении верховного военного командования. Таким образом, заключенные форта Роменвилль узнали из газет, что во второй половине этого же дня часть из них будет отобрана и расстреляна. Каждый из них находился весь день в ожидании того, что вечером он будет вызван, и те, кто были вызваны, знали заранее, какая участь их ожидает; все они умерли, будучи неповинными в тех преступлениях, за совершение которых они были казнены, так как ответственные за покушение в кинематографе «Рекс» были задержаны спустя несколько дней.

В Бордо было казнено 70 других из общего числа 116 заложников, о которых сообщил генерал Штюльпнагель. В качестве репрессии за убийство германского чиновника «Трудового фронта» Риттера в Париже было расстреляно в конце сентября 1943 года еще 50 заложников. В воспроизведенной в том же документе газетной статье Вы обнаружите уведомление, сделанное французскому населению об этой казни:

«Репрессии за совершение террористических актов. За последнее время во Франции возросло число покушений и актов

саботажа. В связи с этим по приказу германских властей 2 октября 1943 г. было расстреляно 50 террористов, так как было неопровержимо установлено их участие в террористических действиях и актах саботажа».

Все эти действия в отношении заложников, находившихся в форту Роменвилль, были сообщены нам одним из сотен французов, заключенных в этом форту, которому удалось спастись, — господином Рабатэ, механиком, проживающим в Париже на улице Томб-Исуар, 69; он был допрошен в качестве свидетеля и дал следующие показания:

«Нас было 70 человек, среди которых находились профессора Жак Соломон, Декуртманш, Жорж Политцер, доктор Боэр, господа Энгро, Дюдаш, Кадра, Далидэ, Голю и Пикан. Все они, а также примерно такое же число женщин были расстреляны в мае 1942 года.

Некоторые из них были переведены немцами из парижской тюрьмы Сантэ, а большинство — из парижской тюрьмы Шерш-Миди в немецкий квартал, в дом в районе улицы де Соссэ, где нас поочередно допрашивал офицер гестапо. Некоторых из нас, в частности Политцера и Соломона, пытали вплоть до переломов рук и ног. Офицер сделал мне следующее предупреждение во время допроса. Я повторяю его слова: «Зять профессора Ланжевена Жак Соломон пришел сюда с вызывающим видом, а вышел ползком».

После пятимесячного пребывания в тюрьме Шерш-Миди, во время которого мы узнали о казни в качестве заложников десяти заключенных, чьи имена уже были мною указаны, нас перевели 24 августа 1942 г. в форт Роменвилль.

Следует отметить, что, начиная с момента ареста, нам было запрещено вести переписку и получать письма, а также давать знать нашим семьям, где мы находимся. На дверях наших камер была надпись: «Все запрещается».

В форту Роменвилль мы были отнесены к категории заключенных, «подвергнутых изоляции». Это слово соответствует сокращению «НН», о котором мы узнали в Германии».

В районах на Севере Франции, которые в административном отношении были присоединены к Бельгии и находились под властью генерала Фалькенхорста, осуществлялась та же политика истребления.

В других странах Запада, помимо Франции, число подобных казней исключительно велико.

Документ Ф-680-а — это секретный отчет начальника германской полиции в Бельгии, датированный 13 декабря 1944 г. Он был составлен после полного освобождения Бельгии, и его автор — германский чиновник хотел сообщить своему начальству

общие итоги деятельности в Бельгии подведомственного ему учреждения.

«Возрастающая подстрекательская деятельность радио и прессы противника, толкающая население на совершение террористических актов и саботажа, пассивная позиция, занимаемая местным населением, в частности бельгийской администрацией, и полный провал попыток прокуратуры, следственных органов и уголовной полиции воспрепятствовать совершению террористических актов и обнаружить виновников привели в конечном итоге к принятию превентивных и наиболее суровых репрессивных мер, то есть к казням лиц, наиболее близко соприкасающихся с кругами, представители которых совершили преступные акты».

Уже 19 октября 1941 г. после убийства в Турне двух полицейских главнокомандующий сделал заявление, опубликованное в печати, относительно того, что все политические заключенные в Бельгии будут рассматриваться в качестве заложников с вытекающими отсюда последствиями.

В северных департаментах Франции, которые подпадали под юрисдикцию того же военного коменданта, предусмотренные этим приказом меры стали применяться еще раньше — с 26 августа 1941 г.

После убийства мэра Шарлеруа члена партии рексистов господина Тзугеля и после покушений на высших государственных чиновников главнокомандующий 27 ноября 1942 г. приказал казнить 8 «террористов» в Бельгии.

В отчете о расследовании, проведенном в связи с массовыми казнями, которые производили немцы в Голландии, указывается, что 7 марта 1945 г. был отдан приказ расстрелять 80 заключенных. Власти, которые отдали этот приказ, заявили: «Все равно, откуда вы возьмете этих заключенных. Казнить без различия возраста, профессии, происхождения». Всего 4 тысячи голландцев было расстреляно при тех же обстоятельствах, как это явствует из документа, составленного комиссией по расследованию военных преступлений и подписанного полковником бароном Ван-Туилл ван Серосскеркеном.

Трибунал уже, вероятно, отметил, что большинство этих заложников являются интеллигентами или очень крупными деятелями Голландии. В списке встречаются имена депутатов, сенаторов, адвокатов, священников, крупных чиновников; в список также включен бывший министр юстиции. Арестам систематически подвергалась избранная часть интеллигенции этой страны.

Что касается Норвегии, то в кратком отчете о казнях, которые совершали немцы в этой стране, говорится:

26 апреля 1942 г. два германских полицейских, которые пытались арестовать двух норвежских патриотов, были убиты на одном острове у западного побережья Норвегии. В отместку за

это четыре дня спустя 18 молодых людей были расстреляны без всякого суда. Эти 18 норвежцев находились в тюрьме с 22 февраля того же года и не принимали никакого участия в убийстве полицейских.

Тысячи и десятки тысяч граждан во всех западных странах были казнены без суда в виде репрессий за действия, в совершении которых они не участвовали.

Каждое покушение вызывало казнь заложников; каждый расстрел заложников вызывал в отместку новые покушения. Как общее правило, объявление о новых казнях заложников погружало страны в оцепенение и заставляло каждого гражданина осознавать судьбу своей Родины, несмотря на усилия германской пропаганды. Можно было бы думать, что ввиду провала этой политики террора подсудимые изменят свое поведение. Однако они, наоборот, усугубляли свои зверства...

Из имеющихся документов мы узнаем, что в этих зверствах повинны подсудимый Риббентроп, подсудимый Геринг, подсудимый Кейтель, так как именно их управления вносили предложения, и мы знаем, что эти предложения были приняты.

Наконец, следует указать на участие в арестах министерства иностранных дел через ОКВ. То, что эти аресты были произведены, является фактом.

Таким образом, приказы были выполнены; они получили одобрение еще до их выполнения, а одобрение было дано подсудимыми, имена которых я упомянул. Аресты коснулись не только высших офицерских чинов. Они распространились гораздо шире. Было арестовано большое число французов.

...У нас нет статистических данных об арестах, но мы представляем себе значительные масштабы их по числу французов, умерших лишь в одних французских тюрьмах, которые были переданы во время оккупации в ведение и под наблюдение немецкого персонала.

Мы знаем, что только в одних французских тюрьмах во Франции умерло 40 тысяч французов. Это — официальная цифра, представленная министерством.

Превентивное заключение является чисто произвольным заключением в тюрьму. Лица, которые подверглись превентивному заключению, не имели никаких прав и не могли оправдаться. Для них не существовало судов, перед которыми они могли бы объясниться. Однако мы знаем по официальным документам, которые нам были переданы, в частности Люксембургом, что случаи превентивного заключения были очень многочисленны.

О практике применения превентивного заключения во Франции свидетельствует документ, представленный в качестве доказательства под номером РФ-300.

«Секретно. Министерство иностранных дел. Берлин. 18 сентября 1941 г.

Об отчете от 30 августа 1941 г.

Объяснения военного командования во Франции от 1 августа в общем рассматриваются как удовлетворительные, и отвечать на французское письмо не следует.

Мы считаем также, что следует избегать какого-либо нового обсуждения с французами вопроса о превентивном заключении, так как это обсуждение может привести лишь к ограничению применения этой меры оккупирующей державой. А это нежелательно с точки зрения интересов свободы действия военных властей».

Из представляемого нами документа за номером ПС-7236 видно, что министерство иностранных дел принимало участие в применении превентивного заключения. Это заключение, по признанию сотрудников министерства иностранных дел, как это явствует из этого документа, было очень плохо обосновано. Однако министерство иностранных дел аресты не запретило.

Аресты производились под многочисленными предложениями, но все эти предлоги в общем шли по двум линиям: арестовывали по причинам или политического или расового порядка. Аресты были в том и другом случае как индивидуальными, так и групповыми.

...Аресты производились представителями всех видов репрессивной системы Германии: гестаповцами в форме и без формы, СД и жандармерией (особенно на демаркационной линии), вермахтом, СС и т. д.

...Я не могу перечислить города и деревни, где под предлогом заговоров или покушений целые семьи подвергались каре. Немцы стали действовать облавами, когда система трудовой повинности не представляла больше достаточной рабочей силы.

...Большинство французов, которые таким образом были захвачены, не были в действительности использованы на работе в Германии, а сосланы для того, чтобы быть заключенными в концлагеря.

Эти облавы никогда не имели юридических оснований. Они даже не были представлены в качестве действий, основывавшихся на мнимом праве прибегать к системе захвата заложников, о которой мы говорили. Они всегда были произвольными, всегда производились без видимой причины и во всяком случае никогда не обуславливались какой-либо репрессией за действия французов. Другие массовые аресты производились по причинам расового порядка. Они носили тот же подлый характер, как и аресты политического порядка.

Некоторым германским полицейским было специально поручено обнаруживать евреев по внешнему облику. Эта группа полицейских называлась «бригадой физиономистов».

Проверка мужчин иногда происходила публично: например, на вокзале города Ниццы их заставляли раздеваться под угрозой револьвера.

Парижане помнят об облавах, производимых по кварталам города, о громадных полицейских автобусах, которые возили вперемешку стариков, женщин и детей. Арестованных собирали на зимнем велодроме в ужасных условиях с точки зрения гигиены, а летом везли в Дранси, откуда их пересылали дальше.

Облава, произведенная в августе 1941 года, приобрела плачевную славу: все выходы из станции метро 11-го округа города были закрыты, и все евреи этого округа были арестованы и заключены в тюрьму. Облавы в декабре 1941 года коснулись особенно интеллигенции. Затем были произведены облавы в июле 1942 года.

После того как вся Франция была оккупирована, все города южной зоны, особенно Лион, Гренобль, Канны и Ницца, куда переехало большое количество евреев, подверглись облавам.

Немцы искали всех еврейских детей, нашедших приют у частных лиц или в различных организациях.

В мае 1944 года были арестованы дети колонии в Эйзье, а также дети, нашедшие себе приют в других колониях.

Я не думаю, чтобы эти дети были врагами германского народа и чтобы они могли представлять какую-либо угрозу германской армии во Франции.

...Я должен представить доказательства того, что преступления отдельных начальников немецкой полиции в каждом городе и каждом районе оккупированных западных стран были совершены во исполнение указаний из центра, указаний, исходивших от германского правительства. Это дает нам возможность коснуться одного за другим каждого из подсудимых.

Представляю письменные свидетельские показания. Эти показания были собраны американской армией, французской армией и французской службой по выявлению военных преступников.

Интернированные и задержанные во Франции лица содержались в гражданских тюрьмах, которыми завладели немцы, или в некоторых отделениях французских тюрем, занятых немцами, доступ в которые был запрещен всем французским официальным чиновникам.

Во всех этих местах лишения свободы заключенные подвергались одинаковому режиму. Этот режим был совершенно бесчеловечным и едва давал возможность заключенным выжить в этих тягчайших условиях.

В Лионе и крепости Монлюк женщины в качестве пищи получали только чашку настоя из трав в семь часов утра и маленькую миску супа с крошечным куском хлеба в пять часов вечера. Это установлено документом Ф-555.

В этом документе дан анализ собранных свидетельских показаний. Свидетельница показывает, что по прибытии в крепость Монлюк «...заклученные, захваченные гестапо во время облавы 20 сентября, были лишены всего своего имущества. Они подвергались свирепому обращению. Питание было минимальным. Совершенно не принималась во внимание женская стыдливость».

Это свидетельское показание было дано в Сен-Женгольфе 9 октября 1943 г. Оно относится к арестам в Сен-Женгольфе, произведенным немцами в сентябре 1943 года.

«У возвращавшихся с допроса молодых людей пальцы ног были обожжены кислотой, у других на икрах ног были ожоги от паяльника. Наконец, некоторые были искусаны полицейскими собаками...»

Я говорил о том, что намереваюсь показать, как в единообразии жестокого обращения, которому подвергались допрашиваемые заключенные во всех немецких полицейских органах, обнаруживается проявление единой воли, о которой мы не можем представить Вам прямых доказательств. Но мы докажем это убедительным образом потому, что идентичность методов предполагает единство той воли, которая, как мы утверждаем, могла исходить только от верхушки немецкой полиции, то есть от германского правительства, членами которого были подсудимые.

Документ Ф-555, который я оглашал, касается жестокого обращения с заключенными в крепости Монлюк в Лионе.

Я перехожу к документу Ф-556, который касается тюремного режима в Марселе. Это — протокол, составленный органами военной безопасности в Воклюзе и касающийся зверств, совершенных немцами в отношении политических заключенных. Протокол включает письменное показание господина Муссона, являвшегося начальником службы информации, арестованного 16 августа 1943 г. и 30 августа 1943 г. заключенного в тюрьму Сен-Пьер в Марселе.

«30 августа, будучи переведены в Марсель, в тюрьму Сен-Пьер, и заключены в камеру «П», имеющую 25 метров длины и 5 метров ширины, мы содержались там по 75, а зачастую и по 80 человек. У нас было по два матраца на троих; невероятная грязь; вши, блохи, клопы; отвратительная пища; товарищей били за малейший проступок и на 2 или 3 дня сажали в одиночные камеры без пищи.

15 мая я был схвачен самым грубым образом и переброшен в тюрьму Сент-Анн... Условия жизни в тюрьме Сент-Анн: тяже-

лые гигиенические условия, недостаточная пища, доставляемая организацией национальной помощи.

Условия жизни в Петит-Вомет: пищи давали ровно столько, чтобы не умереть с голода; посылки не передавались; Красный Крест посылал много, но до нас доходило очень мало.

Как происходили пытки? Жертву сгибали, руки привязывались к правой ноге, потом бросали на землю и в течение 30 минут били палкой. Если жертва теряла сознание, ей на лицо выливали ведро воды. Это все делалось для того, чтобы заставить говорить.

Господин Франшета подвергался таким избиениям в течение четырех дней из шести. Иногда заключенного не привязывали; если он падал, его поднимали за волосы и продолжали бить.

В других случаях жертву помещали в специальную исправительную камеру. Руки привязывали к железной решетке над головой. В таком положении пытали до тех пор, пока пытаемый не начинал говорить.

Пытки электричеством: один конец электрического провода прикрепляли к ногам жертвы, а другой — к другим частям тела. Пытки были тем более ужасны, что немцы зачастую сами точно не знали, какие сведения они хотели получить, и пытали людей наугад.

Один из способов пытки заключался в том, что жертву вешали за руки, связанные за спиной, и держали в таком положении до тех пор, пока плечи совершенно не выворачивались. После этого бритвами резали кожу на ступнях ног и заставляли ходить по разбросанной соли».

Документ Ф-560 представляет собой отчет профессора Поко о зверствах, совершенных немцами на Севере Франции и в Бельгии. Этот отчет касается деятельности немецкой полиции во Франции — в Аррасе, Бетюне, Лилле, Валансьенне и других пунктах; в Бельгии — в Фор де Юи, Кам де Бельверко.

К этому отчету приложено 73 письменных показания жертв. Из этих показаний явствует, что жестокости и варварские методы, которые применялись во время допросов, были одинаково бесчеловечны в различных местах.

«На заключенного, который пытался совершить побег и был снова пойман, были в его камере напущены полицейские собаки, разорвавшие его на части».

Господин Эррера присутствовал при пытках, которым подвергались многие лица, и видел поляка по фамилии Рипц, которому жгли подошвы ног. Затем этому поляку разбили голову, а после выздоровления он был расстрелян.

Мы стремимся показать, что истязатели повсюду применяли при пытках одинаковые методы и что они могли это делать только во исполнение тех приказов, которые давались им начальством.

Из показаний господина Альфреда Дьедоне видно, насколько жестоким было обращение, которому он подвергался:

«18 августа наносились удары молотком по чувствительным частям тела.

19 августа я был погружен в воду.

20 августа моя голова была зажата в тиски.

21 и 24 августа я был закован в цепи день и ночь.

26 августа я все еще оставался закованным в цепи день и ночь и подвешен за руки».

Женщины подвергались такому же обращению, как и мужчины.

«К физическим мучениям пытавшие их садисты добавляли моральные страдания, особенно мучительные для женщин или для молодых девушек, которых палачи раздевали догола. Беременность не избавляла от побоев и когда в результате истязаний происходили преждевременные роды, женщины оставались без всякого ухода и подвергались тем опасностям и осложнениям, к которым могли привести эти преступления».

Представляю документы Ф-563 и 564:

«Я, нижеподписавшаяся госпожа Бонду, надзирательница тюрьмы в городе Бурж, удостоверяю, что 9 мужчин, большей частью молодых людей, подвергались ужасающему обращению и от 15 до 20 дней оставались со связанными за спиной руками и с кандалами на ногах. Находясь в совершенно ненормальных условиях, они кричали от голода. Многие из уголовных заключенных хотели им помочь и делали маленькие свертки из своего пайка, которые я по вечерам передавала. Один из немецких надсмотрщиков, которого я знала, по имени Михель, бросал им хлеб в угол камеры, а по ночам приходил их бить».

Все эти молодые люди были расстреляны 20 ноября 1943 г. ...»

Вот заявление господина Лабюсьера, капитана в отставке и преподавателя в городе Марсель-дез-Обиньи; в заявлении сказано:

«...Одиннадцатого я дважды был избит плетью из воловьих жил. Перед тем, как бить, меня заставили согнуться над скамьей, так что мускулы бедер и икр были натянуты. Сначала мне нанесли 30 ударов довольно толстой плетью, потом избивание продолжалось, но уже при помощи другого предмета, имевшего на конце какую-то пряжку. Меня били по затылку, по бедрам, по икрам».

И ниже: «Палач... нанес мне еще двадцать ударов очень тонким хлыстом. Когда я выпрямился, голова у меня закружилась и я упал на землю. Меня заставили подниматься ударами сапога. Наручники все время оставались на моих руках».

Я не решаюсь прочитать остающуюся часть этого показания, но это необходимо, хотя подробности пыток ужасны.

«12-го числа в 10 часов, после того как он избил какую-то женщину, Паоли пришел ко мне и сказал: «Собака, у тебя нет

сердца: это она, твоя жена, которую я только что избивал, и я это буду делать, пока ты не сознаешься». Он хотел, чтобы я назвал места встреч и имена товарищей.

От 14 до 18 часов меня вновь истязали в камере пыток. Я больше не мог двигаться. Перед тем, как меня ввести, Паоли сказал мне: «Я тебе даю пять минут для того, чтобы ты сказал мне все, что ты знаешь. Если через пять минут ты ничего не скажешь, то в три часа тебя расстреляют. Твою жену расстреляют в шесть часов, а твой сын будет угнан в Германию».

После подписания протокола допроса немец сказал ему: «Посмотри на свое лицо, видишь, до чего можно довести человека за пять дней. С тобой мы еще не покончили». И добавил: «Теперь уходи отсюда. Ты вызываешь отвращение». Свидетель заканчивает показание словами: «Я, действительно, был покрыт грязью с головы до ног. Меня посадили в автомобиль и отвезли обратно в камеру. В течение этих 5 дней я, несомненно, получил больше, чем 700 ударов хлыстом». На ягодицах у него появился большой кровоподтек. Врач должен был его оперировать, а товарищи по заключению сторонились его, так как от него неприятно пахло. В результате дурного обращения все его тело было покрыто нарывами. 20 ноября, когда его допрашивали, он еще не оправился от полученных ран.

Свидетельские показания заканчиваются общим изложением методов, которые применялись при пытках:

«1. Избиение хлыстом из воловьих жил.

2. Ванна. Жертву опускали вниз головой в ванну, наполненную холодной водой, и она находилась там до тех пор, пока не начиналось удушье. Потом несчастному делали искусственное дыхание. Если истязуемый не говорил, то это повторялось по нескольку раз подряд. В намокшей одежде он проводил ночь в холодной камере.

3. Пытки электрическим током. Провода прикреплялись сначала к рукам, потом к ногам, к ушам, а затем один провод прикреплялся к заднему проходу, а другой к концу мужского члена.

4. Половые органы зажимались в специальные тиски или скручивались.

5. Подвешивание. Руки сковывались за спиной. Крюком зацепляли за наручники и при помощи блока жертву поднимали. Сначала человека поднимали и опускали рывками. Потом его держали подвешенным довольно долгое время. Очень часто руки бывали вывихнуты. Я видел в лагере лейтенанта Лефевра, который не мог пользоваться обеими руками, потому что был подвешен таким образом в течение четырех часов.

6. Ожоги при помощи паяльной лампы или просто спичками.

2 июля в лагерь прибыл мой товарищ Лалу, учитель из департамента Шер, который перенес большую часть этих пыток

в городе Бурж. У него была вывихнута рука, и в результате подвешивания он не мог двигать ни одним пальцем правой руки. Он перенес избиение хлыстом и пытки электричеством. Его жгли спичками. Ему загоняли обрезанные спички под все ногти на руках и ногах. Ему надевали кольца из ваты на руки и на ноги. Вата и спички поджигались. В то время как все горело, один немец неоднократно вонзал ему острие ножа в подошвы ног, а другой в это же самое время бил его плетью. Фосфором у него были сожжены некоторые пальцы вплоть до второго сустава. Образовавшиеся нарывы прорвались. Это спало его от заражения крови».

За подписью господина Маньона, начальника штаба одной из частей французских сил внутреннего Сопротивления, освободивших департамент Шер, имеется следующий протокол допроса. Его подпись удостоверена официальными французскими властями.

«После освобождения города Бурж 6 сентября 1944 г. было произведено обследование застенков гестапо. При этом было найдено орудие пыток: браслет, составленный из многочисленных твердых деревянных шариков со стальными наконечниками. К нему было приделано приспособление, позволяющее завинчивать его на кистях рук. Этот браслет видели многие солдаты и командиры партизанских отрядов района Шапеты-Салон».

Мы представляем теперь под номером РФ-309 документ Ф-565, полученный из управления военной безопасности департамента Воклюз. В этом документе говорится об описанных уже методах пыток. Поэтому мы считаем, что на нем нет надобности останавливаться. Переходим к документу Ф-567, который мы представляем под номером РФ-310. Он касается тех жестокостей, которые совершались органами немецкой полиции в Безансоне. Это — показание господина Доммерга, профессора в Безансоне. Протокол составлен американской службой по расследованию военных преступлений. Я оглашаю резюме из показаний господина Доммерга:

«Арестован 11 февраля 1944 г. и во время допроса жестоко избит плетью из воловьих жил. Женщина, которую пытали, испускала вопли. Одному из заключенных сказали, что это его жена. Он видел, как его товарищ был повешен с грузом в 50 килограммов на каждой ноге. Другому выкалывали иглами глаза. Один ребенок совершенно потерял слух».

Этот документ имеет вторую часть под тем же номером Ф-567. Я оглашаю несколько выдержек из нее:

«Господин главный врач и уважаемый коллега!

Имею честь при сем препроводить вам письмо, которое я составил по вашему требованию и 1 сентября в виде цирку-

ляра направил нашим коллегам в департаменте. Совесть побуждает меня обратиться к вам по другому вопросу. Недавно я должен был оказать помощь французцу, лицо и тело которого были покрыты многочисленными ранениями и кровоподтеками в результате пыток орудиями, которыми пользуется германская служба безопасности. Речь идет об исключительно честном человеке, высокопоставленном французском государственном служащем, арестованном из расчета на то, что он может дать некоторую информацию, при этом ему лично ничто не было поставлено в вину. Это доказывается тем фактом, что он был освобожден через несколько дней, когда закончился допрос, которому он был подвергнут.

Он был подвергнут пыткам не в качестве «законной» санкции или законной защиты, а только для того, чтобы заставить под влиянием насилия и страданий заговорить.

Для меня, представляющего здесь французскую медицину, является долгом совести и прямой обязанностью сообщить вам о том, что я установил при выполнении своих обязанностей. Я обращаюсь к вашей совести, как врача, и спрашиваю вас, имели ли мы право вмешиваться, будучи призванными охранять здоровье наших ближних».

...Сегодня утром мы остановились на перечислении пыток, которые применялись обычно в гестапо в различных городах Франции, где производилось расследование. Зачитывая многочисленные документальные доказательства, мы показали Вам, что везде на допросах обвиняемые и даже свидетели подвергались грубому и жестокому обращению, и почти всегда такое обращение было одинаковым. Систематическое повторение одних и тех же способов доказывает, как мы полагаем, существование общей воли, которая исходит из самого руководства полиции и германского правительства.

У нас имеется еще большое количество показаний; все они взяты из отчета американского управления и касаются тюрем в Дрё, Морле, Меце. Эти показания содержатся в документах Ф-689, 690, 691, которые мы представляем в качестве доказательства под номерами РФ-311, 312, 313.

Одинаковые факты применения пыток повторялись систематически в Меце, Каоре, Марселе, Кемперле. О них идет речь в документах Ф-692, 693, 565, 694, которые мы представляем в качестве доказательств под номерами РФ-314, 309, 315.

Мы подходим сейчас к описанию одного из самых мерзких преступлений гестапо, о котором невозможно умолчать, несмотря на наше желание сократить слушание этого дела. Речь идет об убийстве одного французского офицера в управлении гестапо в городе Клермон-Ферране, в южной зоне, рассматривавшейся согласно условиям перемирия в качестве свободной.

Убийство было совершено самым подлым образом и в нарушение всех положений международного права, так как оно произошло в районе, где по условиям перемирия гестапо не только не могло проявлять никакой деятельности, но даже наводиться.

Этого французского офицера — майора звали Анри Мадлин. Его дело описывается в документе Ф-575, который мы представляем под номером РФ-316. Он был арестован 1 октября 1943 г. в городе Виши; его допрос начался в январе 1944 года, его избивали так жестоко на этом первом допросе, что, когда он возвратился в свою камеру, у него была рассечена рука.

27 января он снова дважды был подвергнут допросам, во время которых его били так сильно, что по возвращении в камеру его руки так распухли, что даже не было видно наручников.

На следующий день германские полицейские снова пришли за ним в камеру, где он провел всю ночь в агонии, и схватили его, когда он был еще жив. Его бросили на дороге в одном километре от небольшой деревни Периган-ле-Сарлив для того, чтобы создать впечатление несчастного случая. Позже его тело было подобрано. Вскрытие обнаружило, что грудная клетка была совершенно раздавлена, во многих местах сломаны ребра, было обнаружено прободение легких и перелом позвоночного столба; нижняя челюсть была разбита, и ткани головы отстали.

Мы все знаем, что некоторые французы-предатели участвовали в арестах и помогали гестапо вымогать показания, действуя по приказанию германских офицеров. Один из этих предателей, арестованный по освобождении нашей страны, описал, как жестоко обращались с майором Мадлин. Этому предателя зовут Верньер. Мы зачитаем Вам выдержку из его показаний:

«Его били резиновыми палками, плетью из бычьих жил, били по ногтям, давили пальцы, заставляли ходить голыми ногами по кнопкам, обжигали папиросами. В конце концов, избитого его повели в камеру. Он был при смерти».

Майор Мадлин не был единственной жертвой этого жестокого обращения, в котором участвовали многочисленные офицеры гестапо. Следствие обнаружило, что «12 известных лиц умерли от пыток в гестапо Клермон-Феррана, что женщины раздевали, били, а затем насиловали».

Это систематическое обращение к одним и тем же преступным приемам для того, чтобы добиться единственной цели — терроризировать население, не является поступком какого-нибудь одного второстепенного начальника, распорядившегося только в нашей стране, о чем не знает его правительство или генеральный штаб армии. Обнаруживается, что те же самые ужасные пытки и зверства систематически повторялись во всех

западных странах. Если ознакомиться со способами действия германской полиции в этих странах — идет ли речь о Дании, Бельгии, Голландии или Норвегии, — везде и всегда допросы в гестапо проводились такими же зверскими приемами, с тем же нарушением прав защиты, с тем же презрением к человеческой личности.

О Дании мы приведем документ, уже представлявшийся под номером РФ-317, который является официальным докладом Датского правительства, составленным в октябре 1945 года. Мы зачитаем из него несколько строчек, которые Вы найдете в небольшой книге документов, приложенной к большой книге, переданной Вам сегодня утром. Нам кажется, что эти строчки полностью освещают интересующий нас вопрос. Это документ Ф-666 — выдержка из датского меморандума от октября 1945 года в отношении главных военных немецких преступников, дело которых разбирается Международным Военным Трибуналом.

На странице 5 под заголовком «Пытки» имеется краткое резюме, в котором изложено все, что относится к этому вопросу по Дании:

«В многочисленных случаях германская полиция и ее подручные прибегали к пыткам для того, чтобы заставить захваченных ими людей признаваться или давать сведения. В большинстве случаев пытки состояли в ударах кнутом, дубинками или резиновыми палками. Использовались также гораздо более жестокие формы пыток. Некоторые из них калечили людей на всю жизнь».

Бовензипен заявил, что приказ об обращении к пыткам исходил в некоторых случаях от высших властей, даже, может быть, от Геринга, но во всяком случае от Гейдриха. В инструкциях указывалось, что к пыткам можно прибегать в тех случаях, когда нужно заставить подвергаемых пыткам лиц дать сведения, которые помогут обнаружить диверсионные организации, действующие против Германской империи, но не для того, чтобы заставить правонарушителя признаться в своих личных проступках».

Немного дальше:

«Предписываемые средства включали определенное количество ударов хлыста. Бовензипен не помнит, какое было максимальное число ударов: десять или двадцать. При этих избиениях присутствовал офицер уголовной полиции, а также, когда этого требовали обстоятельства, офицер-врач. Упомянутые выше инструкции несколько раз изменялись, и на них обращалось внимание всего состава уголовной полиции».

Датское правительство сообщает о двух особо отвратительных случаях пыток, примененных по отношению к датским

патриотам — профессору Могенсу и лейтенанту Эжнару Тимроту.

Трибунал прочтет в тексте петиции заявление доктора Беста, что его официальные полномочия не разрешали ему мешать применению пыток.

В отношении Бельгии надо прежде всего напомнить о пытках, к которым прибегали в приобретенном дурную славу лагере в Бриндонке, куда были заключены сотни и тысячи бельгийских патриотов. Мы вернемся к вопросу о лагере в Бриндонке, когда будем представлять материал о концлагерях. Сегодня я зачитаю только выдержки из доклада Бельгийской комиссии по расследованию военных преступлений. Это будут точные факты, подтверждающие наши утверждения о том, что все факты жестокого обращения, в которых обвиняется гестапо во Франции, имели место также во всех оккупированных западных странах.

Документ, который мы предъявляем под номером РФ-942, состоит из протоколов допросов и заявлений. Я воздержусь от их оглашения, так как все они содержат показания, аналогичные тем, которые я уже огласил и которые были собраны во Франции. На первой и второй страницах Вы прочтете заявление господина Огюста Рамеля и заявление господина Поля Дезомара, из которых явствует, что они подверглись исключительно ужасному обращению и что, когда они вышли из гестапо, были изуродованы и не могли держаться на ногах.

В отношении Бельгии я предъявляю документы Ф-641-а и Ф-641-б, которые будут иметь в качестве доказательства номера РФ-320 и 321. Их я также не буду оглашать. Они содержат протоколы, описывающие пытки, аналогичные тем, о которых я Вам уже говорил.

Если Трибунал примет без доказательств документы о жестокости пыток, к которым прибегало гестапо, я не займу Вашего времени чтением всех представленных доказательств.

В отношении Норвегии источником сведений, которыми мы располагаем, являются выдержки из заявления Норвежского правительства по вопросу о наказании главных военных преступников. Французский перевод этого документа мы представляем за номером РФ-323. В нем Вы найдете сведения о большом числе погибших норвежских граждан.

На второй странице документа Трибунал прочтет заявление Норвежского правительства о том, что большое число норвежских граждан умерло в результате жестокого обращения с ними на допросах. Только в Осло число известных случаев достигает 52, а в различных частях Норвегии их, без сомнения, гораздо больше.

Общее число норвежцев, умерших во время оккупации в результате пыток, жестокого обращения, казней или самоубийств в политических тюрьмах и концлагерях, достигает приблизительно 2100.

В параграфе В, на странице 2 этого же документа имеется описание способов, к которым прибегало гестапо в Норвегии. Это способы, подобные тем, которые я уже описал.

В отношении Голландии мы представляем документ Ф-224, который получает номер РФ-324 и является выдержкой из заявления Голландского правительства по вопросу о суде над главными немецкими военными преступниками. Документ датирован 11 января 1946 г.

Трибунал найдет в этом документе большое количество заявлений, собранных департаментом уголовного следствия; во всех этих заявлениях речь идет о жестоком обращении, аналогичном тому, с которым Вы уже ознакомились и которое вменяется в вину управлению гестапо в Голландии.

В Голландии, как и в других странах, заключенных били хлыстами и палками до тех пор, пока у них не сходила кожа со спины, затем их возвращали в камеру. Иногда их обливали ледяной водой, иногда подвергали действию электрического тока. Один свидетель видел собственными глазами в Амерсфурте, как одного пленного священника забили до смерти резиновой палкой.

Я полагаю, что систематический характер этих пыток, без сомнения, установлен.

Заявление Датского правительства является первым из доказательств моего утверждения о том, что систематический характер пыток и истязаний был преднамеренным со стороны высших германских властей и что члены германского правительства за него ответственны. Во всяком случае эти систематические пытки были, конечно, им известны, так как из всех европейских стран поступали протесты против этих способов допросов, возвращавших нас к мраку средневековья. И ни одного приказа, который бы запрещал эти пытки, не было издано. Германское правительство никогда не порицало казни.

Эти способы ведения следствия сами по себе являлись элементом усиления террористического характера политики, проводимой Германией в западных оккупированных странах. Об этом террористическом характере я уже говорил при изложении материала по вопросу о заложниках.

Я укажу Вам, кто из подсудимых рассматривается Францией и другими западными странами как главные виновники создания этого преступного порядка деятельности гестапо. Это — Борман и Кальтенбруннер, так как согласно своим

функциям они не могли не знать о преступных действиях исполнителей.

Хотя у нас нет документов, подписанных ими в отношении западных стран, однако сходство фактов, которые мы Вам описали, более того, их идентичность, несмотря на то, что имели они место в разных странах, позволяют нам утверждать, что все приказы были преднамеренными. Все они явились результатом единой воли, и среди подсудимых Борман и Кальтенбруннер как раз и являлись выразителями этой единой воли.

То, что я Вам изложил, относится к предварительной процедуре подготовки нацистами расправы со своими жертвами. Мы знаем, с какой жестокостью она проводилась. После этого иногда следовал суд. По нашему мнению, он был пародией на суд. Судебное преследование основывалось на праве, которое мы отвергаем как совершенно бесчеловечное. Об этом будет говорить мой коллега господин Эдгар Фор во второй части изложения о германских зверствах в западных странах.

Нам достаточно знать, что германское право, которое действовало в отношении граждан западных оккупированных стран, не смирившись с разгромом своих стран, признавало только одну кару — смертную казнь. Все это делалось по безжалостным приказам одного из этих людей — Кейтеля. Один из приказов содержится в оглашенном уже документе Л-90, который представлялся под номером США-224. Строчка 5: «...За поступки такого рода кара, лишаящая свободы, и даже пожизненное заключение считаются признаком слабости. Добиться эффективности можно только смертной казнью или такими мерами, которые обуславливают незнание населения о судьбе виновных. Угон в Германию как раз достигает этой цели».

Нужно ли это комментировать? Следует ли удивляться тому, что этот военачальник отдает приказы юстиции? То, что мы знаем о нем со вчерашнего дня, позволяет нам сомневаться в том, что он представляет собой только военачальника. Мы процитировали Вам его собственные слова: «Добиться эффективности можно только смертной казнью».

«Если суд не может приговаривать к смертной казни, — продолжает Кейтель, — тогда пусть ссылают!» Я думаю, господа судьи, Вы разделяете мое мнение, что когда такие приказания отдаются суду, то о правосудии не может быть речи. Во исполнение этого приказа те из наших соотечественников, которые не были приговорены к смертной казни и немедленно казнены, были угнаны в Германию.

С согласия Трибунала мы перейдем сейчас к допросу свидетеля Мориса Лампа¹.

...С Вашего разрешения, мы будем продолжать представленные доказательства о немецких зверствах в западных странах Европы с 1939 года по 1945 год, которые, за исключением отдельных фактов, составляют преступления против общего права. Все эти преступления шли одинаково от нацистского террора, задуманного и исполненного, как средства управления всеми поработанными народами.

Люди, арестованные в странах Запада, отсылались в Германию, где их заключали в лагеря или в тюрьмы.

На странице 35 документа РФ-274 Трибунал прочтет, что тюрьма в Кельне, где было заключено очень много французов, расположена между товарной станцией и главным вокзалом... Во время бомбардировок заключенные тюрьмы не имели права выходить в бомбоубежище. Они оставались запертыми в своих камерах даже в случаях пожара.

Жертвы от бомбардировок в тюрьмах были весьма многочисленны. Помещения были грязные, сырые. В Экс-ла-Шатле арестованных было в 3—4 раза больше, чем позволяло помещение.

В тюрьме в Мюнстере женщины в ноябре 1943 года находились в полуподвале без воздуха. Во Франкфурте арестованные вместо камер имели нечто вроде железных клеток размером два на полтора метра. Все было лишено какой-либо гигиены. В Экс-ла-Шатле, как и во многих тюрьмах, арестованные имели только одно ведро посреди комнаты, и было запрещено освобождать его в течение дня.

Питание было очень скудное. Заключенные привлекались к невероятно трудным работам в военной промышленности, в промышленности по производству продуктов питания, на текстильных фабриках. Каковы бы ни были исполняемые работы, они длились по крайней мере 12 часов. В Кельне, например, работали с 7 часов утра до 21 или 22 часов вечера, то есть 14—15 часов подряд.

Политические заключенные должны были нередко собирать неразорвавшиеся бомбы. (Это — официальный немецкий текст главного прокурора Кельна.)

Санитарного контроля не существовало. Никаких профилактических мер в тюрьмах против эпидемий не принималось. Врач-эссовец применял противопоказанное лечение.

В Диецсторлане начальник тюрьмы Гаммрад, бывший майор германской армии, одобрительно смотрел на то, как стража из отрядов СА или СС била заключенных.

Дизентерия, дифтерит, легочные заболевания, плевриты не освобождали больных от работы, и больные работали до изнеможения; только в исключительных случаях они направлялись в госпиталь.

¹ См. том III, стр. 131. — Составители.

Бесконечные издевательства... В Магдебурге тех, кто не подчинялся, заставляли сто раз становиться на колени перед стражей. Допросы проводились так же, как и во Франции, грубо, и допрашиваемых почти всегда морили голодом.

В Асперге врач заставлял делать уколы в сердце арестованным, эти уколы были смертельны. В Кельне осужденные на смерть всегда заковывались в цепи. В Зонненбурге умирающим давали выпить какую-то зеленоватую жидкость. В Гамбурге евреи должны были сами себе рыть могилы, пока не падали туда изнуренными. Так было и с бельгийцами, и с французами, и с голландцами, гражданами Люксембурга, датчанами, норвежцами, заключенными в немецких тюрьмах...

В Берлине, в тюрьме Бере, еврейских детей убивали на глазах их матерей.

Стерилизация мужчин подтверждается немецкими документами, в частности, досье прокурора Кельна. Это досье содержит документы, которые указывают также, какую роль играли заключенные дети. Они должны были работать внутри тюрьмы.

Немецкий официальный текст уточняет вопрос о казнях. Осужденных гильотинировали. Почти все обвиняемые, как гласят немецкие документы, протестовали против гильотинирования, а не расстрела за свои патриотические действия, вменяемые им в вину как преступные.

Среди убитых в Кельне находились дети и женщины.

Кейтель всегда отклонял ходатайства о помиловании, которые ему представлялись.

Как бы тяжелы, а иногда ужасны ни были условия для людей, находившихся в тюрьмах, они все-таки были намного менее жестокими, чем условия для тех французов, которые имели несчастье находиться в концентрационных лагерях, о которых Трибунал уже знает. Мои коллеги из союзных наций дали подробное изложение по этому поводу, и Трибунал помнит карту, указывающую места расположения этих лагерей, существовавших в Германии и оккупированных странах.

Мы не будем возвращаться к географическому положению этих лагерей. С разрешения Трибунала на сегодняшнем вечернем заседании я изложу условия, в которых французы и люди других национальностей оккупированных стран доставлялись в эти лагеря.

При отправлении заключенные — жертвы произвольных арестов — были собраны во Франции в тюрьмах или других сборных пунктах.

Главный лагерь сборных пунктов во Франции — это Компьен, откуда увозили почти всех высылаемых в Германию. Были еще

два других лагеря сборных пунктов — это Бон-ля-Роланд и Питивьер, предназначавшиеся для евреев, и Дранси.

Условия для людей, заключенных в эти лагеря, приближаются к тем, которые были в германских тюрьмах.

Чтобы избежать возможности загромождения судебного заседания цитатами, которые походят друг на друга, мы ограничимся чтением Трибуналу отрывка из показания господина Жакоба относительно немецкого Красного Креста.

«Нас посетили несколько немецких видных лиц, таких как Штюльпнагель, дю Пати де Клам — комиссар по еврейским делам, подполковник барон фон Берг — вице-президент немецкого Красного Креста. Этот фон Берг очень любил зрелища и церемонии. Он всегда носил значок Красного Креста, что не мешало ему быть бесчеловечным и вором.

Несмотря на свой титул вице-президента Красного Креста Берг наугад выбирал моих товарищей, чтобы угнать их в Германию».

В документе Ф-174 Трибунал найдет данные о судьбе заключенных, содержащихся в Компьенском лагере. Я думаю, что мне не нужно это зачитывать.

В Норвегии, Голландии, Бельгии так же, как и во Франции, были свои лагеря сбора. Самый характерный и более всего известный — это, конечно, бельгийский лагерь Бриндонк, о котором необходимо дать более точные сведения Трибуналу, так как очень многие бельгийцы, которые были там заключены, умерли от лишений, всякого рода пыток, многие были там казнены: расстреляны или повешены.

Этот лагерь был расположен в крепости Бриндонк с 1940 года. Мы видим это из документа, который уже был представлен под номером РФ-231.

Уточним некоторые подробности о режиме этого лагеря. Это документ 4, который имеется в Вашем новом досье. Он обозначен номером ПС-231 и озаглавлен «Доклад о концентрационном лагере в Бриндонке».

Председатель: Как называется этот лагерь?

Дюбост: Бриндонк. Я прошу Трибунал предоставить мне несколько минут... Наш долг доложить Трибуналу возможно больше подробностей об этом лагере по той причине, что в заключении там было очень много бельгийцев.

«Немцы заняли эту крепость в августе 1940 года. Начали собирать заключенных в сентябре. Это были евреи. Бельгийскому правительству не было известно, сколько было заключено с сентября 1940 года по август 1944 года (дата эвакуации лагеря и освобождения Бельгии). Тем не менее можно думать, что через лагерь Бриндонк прошло от 3000 до 3600 заключенных, из них приблизительно 250 умерли от лишений, 450 были

расстреляны, многие были повешены. Часть заключенных Бриндонка была отослана в лагеря Германии в различное время, откуда большинство из них не вернулось. Следует добавить к этому тех, которые умерли или которые не могли выжить во время своего заключения в Германии.

В лагере находились различные категории арестованных. Находились также евреи, для которых режим был строже, чем для других заключенных. О числе коммунистов, которые были заключены в довольно большом количестве, невозможно дать точные сведения».

Я резюмирую этот документ, господин председатель.

В лагере содержались лица, сопротивляющиеся немецкому режиму, а также заложники. Среди последних были господин Фужери — бывший министр и господин ван Кесбек — депутат-либерал, содержавшиеся в течение десяти недель; оба умерли после своего освобождения вследствие того обращения, которому они подвергались в лагере. Были еще в этом лагере дельцы «черного рынка», но об этих последних Бельгийское правительство сообщает: «Обращение с ними было другое. Они пользовались благосклонностью».

В докладе далее сообщается, что «заключенные должны были работать. Они подвергались самым разнообразным коллективным наказаниям по любому поводу. Одно из этих наказаний состояло в том, что надо было подползать под кровать и выпрямляться перед начальством, что сопровождалось ударом хлыста. Другим надевали на голову капюшон каждый раз, когда они должны были выходить из камеры или если они должны были общаться с другими заключенными...»

Мы знаем, что работа заключенных состояла в том, чтобы очистить форт от земли и вынести эту землю наружу. Эта работа делалась вручную, была тяжелой, опасной, и много людей умерло на этой работе.

Иногда использовались вагонетки, пускавшие эсэсовцами с такой быстротой, что нередко ломали ноги заключенным, которые не были предупреждены об их приближении. Эсэсовцы из этого делали забаву и за малейшую задержку в работе избивали заключенных.

Из доклада Бельгийского правительства мы знаем, что десятки заключенных утонули. Некоторые заключенные были убиты после того, как их закопали живыми по горло: эсэсовцы приканчивали их ударом каблука или ударами палок.

Трибуналу должно быть известно, что из одной Франции, без районов Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, с 1 января 1944 г. по 25 августа того же года было отправлено 326 эшелонов, что составляет в среднем 10 эшелонов в неделю. Каждый эшелон увозил от тысячи до двух тысяч человек. Нам известно

теперь, что в каждый вагон сажали от 60 до 120 человек, в зависимости от обстоятельств.

Эти эшелоны почти всегда отбывали из лагеря Компьен, где находилось больше 50 тысяч заключенных. Целью этих отправок было терроризовать население. Трибунал помнит о зачитанном уже документе, который представлялся. Семьи, оставаясь в неведении о судьбе заключенных, еще больше чувствовали террор. Это служило также тому, чтобы собирать рабочую силу, которой недоставало в Германии со времени ее войны с Россией.

Условия, в которых собирались эти эшелоны, указывают на отбор рабочей силы. Мы видим первую стадию новой немецкой политики: истребление расовое и истребление интеллектуальных сил, политическая деятельность которых казалась опасной нацистским руководителям.

Высылаемых помещали по 70—120 человек в вагоне во всякое время года. В течение всего времени пути они не получали никакого питания и питья. В вагонах нельзя было ни есть, ни прилечь. Мы можем предъявить в качестве доказательства показания доктора Штрейнберга, записанные полковником Баденом из комиссии расследования военных преступлений в Париже. Зачитаем только несколько абзацев.

«Мы были погружены в вагоны для скота, по 70 человек в каждый, в ужасных антисанитарных условиях. Наше путешествие длилось два дня. Мы прибыли в Освенцим 24 июня 1942 г. Нужно заметить, что при отъезде мы не получили никакого продовольствия и жили в течение двух дней теми продуктами, которые мы увезли из Дранси».

Члены немецкого Красного Креста им не давали пить. Об этом мы имеем свидетельства ведомства заключенных и высланных, которые содержатся на странице 12 документа РФ-274. Здесь идет речь об эшелоне еврейских женщин, который был отправлен с вокзала Бобиньи 10 июня 1942 г. «Они были в дороге три дня и три ночи. В Бреслау они просили членов Красного Креста дать им немного воды, но напрасно».

Кроме того, лейтенант Женест и доктор Блаха дали нам показания о том же и о других случаях, о которых сказано в документе Ф-321.

«На вокзале в Бреме нам было отказано немецким Красным Крестом в воде, нам заявили, что нет воды». Это показание лейтенанта Женеста.

Чтобы дать представление, чем занимался немецкий Красный Крест, а также чтобы закончить этот вопрос, нужно добавить, что на странице 162 документа Ф-321 имеется доказательство того, что под маркой Красного Креста в лагеря Освенцима (Аушвица) для газовых камер в железных банках со

знаком немецкого Красного Креста перевозился отравляющий газ.

Мы остановились на рассмотрении того, как производилась переброска угоняемых в Германию. Для установления, кто именно из подсудимых несет личную ответственность за этот угон, я предъявляю документ, подписанный Иодлем, в котором он приказывает депортировать евреев из Дании. Среди наших документов этот документ фигурирует под номером Ф-335. Это телеграмма, переданная обычным путем с грифом «секретно». Второй абзац этого документа гласит:

«Угон евреев должен быть произведен рейхсфюрером СС, который для этого отправит в Данию два батальона.

Разрешено.

Иодль.

В этом случае незаконный акт был совершен лицом, представлявшим военное командование и германский генеральный штаб. Следовательно, ответственность за эти преступления ложится на них и Иодля.

Мы предъявляли на заседании в субботу выдержку из доклада Голландского правительства под номером РФ-324, в которой говорится о голландских евреях, помещенных в лагерь в Вестерборхе. В докладе говорится:

«Все голландские евреи, которых захватили немцы, были собраны в лагере в Вестерборхе...»

Постепенно все заключенные лагеря в Вестерборхе были вывезены в Польшу».

Следует ли Вам напоминать, каковы были последствия транспортировки, производившейся в условиях, которые были Вам описаны свидетелями, если уже трое свидетелей показали, что каждый раз, когда открывали вагоны, из них прежде всего вытаскивали многочисленные трупы, для того чтобы обнаружить за ними нескольких человек, оставшихся еще в живых.

Французский документ Ф-115 является отчетом профессора Шарля Рише, который пишет, что заключенные находились от 75 до 120 человек в вагоне и что в каждой перегоняемой партии умирали находившиеся в ней люди. В Бухенвальде, как правило, обнаруживали, что по меньшей мере 25 процентов людей погибли в пути между Компьеном и лагерем, то есть во время переезда, длившегося около 60 часов. Это свидетельское показание находится в соответствии с показаниями о положении заключенных в других лагерях (показания госпожи Вайян-Кутюрье и профессора Дюпона).

Показания Блаха также фигурируют в предъявленной Вам книге документов под номером ПС-3249.

Получила печальную известность переброска заключенных в Дахау и другие лагеря, производившаяся в августе — сентябре

1944 года, главным образом из лагерей в Бретани, когда из каждой партии в 2 тысячи человек умирали в пути от 400 до 500 человек. Эти сведения почерпнуты нами из документа Ф-140. На первой странице этого документа об Освенциме говорится следующее: «Около 4 миллионов человек умерли в этом лагере».

В документе Ф-174 на странице 15 указывается, что в эшелоне, который отбыл из Компьена 2 июня 1944 г., некоторые заключенные сошли с ума и между ними началась драка; здесь указано также, что более 600 человек умерли во время переезда из Компьена в Дахау. Об этой партии заключенных говорится и в следующем документе, который мы предъявляем под номером РФ-337. Это — отчет доктора Луви Райме от 12 февраля 1944 г.

На странице 7 этого документа сказано:

«Два человека, находившихся при смерти, один из которых был церковнослужителем, уже в Реймсе были вынесены из вагона...»

Этот состав направлялся в Дахау. К моменту, когда состав находился в нескольких километрах от Компьена, в каждом вагоне уже умерло много людей...

...На вокзале в Бремене представители германского Красного Креста отказались выдать нам воду...

Мы умирали от жажды. В Бреслау заключенные вновь умоляли сестер из германского Красного Креста выдать немного воды. Они не вняли нашим мольбам...»

Для того чтобы воспрепятствовать попыткам к бегству, принимали самые постыдные меры: заключенных очень многих партий заставляли снимать с себя всю одежду, они совершенно раздетыми совершали длительный переезд из Франции в Германию. Свидетельством этого является уже предъявленный Трибуналу документ под номером РФ-274. Это — брошюра, на странице 17 которой говорится:

«Одно из средств, которое использовали для того, чтобы воспрепятствовать бегству, или к которому прибегали в качестве карательной меры по отношению к заключенным, состояло в том, что заключенных заставляли полностью раздеваться».

И далее автор брошюры добавляет:

«Эта карательная мера вызвана также стремлением нацистов добиться моральной деградации личности заключенных».

В наиболее сдержанных свидетельских показаниях говорится о том, что зрелище, которое представляли собой голые люди, находившиеся в обстановке такой скученности, что они едва могли дышать, было ужасным.

Когда же, несмотря на предпринятые меры предосторожности, совершались побеги, из вагонов брали заложников, которых

расстреливали. Это явствует из документа, находящегося на странице 18.

«Таким образом, пять депортируемых из поезда, который следовал 15 августа 1944 г., было казнено. В Докреми германские жандармы и офицеры из вермахта застрелили пятерых других депортируемых из той же партии».

В дополнение к оглашенной цитате следует привести уже предъявленный Вам другой официальный документ под номером РФ-320.

«Было спешно отобрано несколько молодых людей. Когда они подходили ко рву, каждый германский жандарм схватывал одного заключенного, ставил его лицом к стенке рва и стрелял в затылок из пистолета».

Такие же условия были созданы для лиц, которых угоняли из Дании. Датских евреев подвергали особенно жестоким избиениям. Часть из них была вовремя предупреждена и смогла бежать в Швецию, причем им была оказана помощь датскими патриотами, но, к несчастью, от 8 до 9 тысяч человек было захвачено немцами и вывезено. 476 человек из их числа было вывезено в бесчеловечных условиях на судах и грузовиках в Богемию, Моравию и в Терезиенштадт. Это явствует из датского документа, предъявленного под номером РФ-666. Цитата, на которую я ссылаюсь, находится на первой странице этого документа...

В связи с угоном населения все жители поработанных стран Западной Европы оказались вместе со своими товарищами по несчастью с Востока в концентрационных лагерях Германии. Эти лагеря были средством реализации политики уничтожения, которую проводила Германия после того, как власть в ней захватили национал-социалисты. Употребляя слова Гитлера, эта политика истребления проводилась в целях предоставления для немцев места в Европе на соседних с Германией территориях, которые составляют «жизненное пространство» Германии.

В последующее время полиция и германская армия не расстреливали более заложников, как в первый период оккупации, но тем не менее ни армия, ни полиция не щадили их. С 1943 года их угоняли все в большем и большем количестве в концлагеря Германии, где предпринималось все возможное, чтобы истребить их, используя на непосильных работах и уничтожая в газовых камерах.

Перепись, которая была нами произведена, позволяет утверждать, что из Франции было вывезено более 250 тысяч человек и только 30 тысяч человек возвратилось. В документе Ф-497, предъявленном под номером РФ-339, указывается, что на 600 тысяч арестов, которые были произведены немцами во Франции, 350 тысяч имели целью заключение под стражу во Франции и в Германии.

На первой странице документа Ф-497 указывается:

«Общее число угнанных — 250 тысяч.

Число депортированных, которые возвратились, — 30 тысяч».

На следующей странице указаны имена ряда видных французских деятелей, которые были угнаны:

«Префекты: господин Бюсьер, Воншуа пропали без вести.

Генералы: де Лестраль казнен в Дахау, Жоб казнен в Освенциме, Фрэр умер в Штрутгофе, Варди де Фурту умер в Нейенгаме, полковник Рожэ Масс умер в Освенциме.

Высшие должностные лица: маркиз де Мустьер умер в Нейенгаме, генеральный инспектор мостов и дорог Булош умер в Бухенвальде, его жена умерла в Равенсбрюке, один из его сыновей умер, будучи угнанным, лишь один сын возвратился из Флоссенбурга; инженер-мостовик и дорожник Жан Девиз пропал без вести в Нордхаузене; инженер-мостовик и дорожник Пьер Блок умер в Освенциме; основательница социального управления госпожа Геттинг пропала без вести в Освенциме.

Среди погибших университетских профессоров упоминаются наиболее знаменитые французские фамилии: профессор Коллеж де Франс Анри Масперо умер в Бухенвальде, директор Высшей нормальной школы Жорж Брюа умер в Ораниенбурге, профессор Вьей умер в Бухенвальде...»

Невозможно перечислить имена всех деятелей французской науки, которые явились жертвами нацистской ярости. Тем не менее мы должны указать среди деятелей медицины на пропавших без вести директора госпиталя Ротшильда и профессора Флоренса, один из которых был убит в Освенциме, а другой — в Нейенгаме.

В Голландии было арестовано 110 тысяч граждан из числа евреев, из них только 5 тысяч человек возвратились. Из 16 тысяч арестованных голландцев возвратились лишь 6 тысяч человек. Таким образом, из общего числа угнанных 126 тысяч человек возвратились на родину после освобождения страны 11 тысяч человек.

Из Бельгии было угнано 197 150 человек, а включая военнопленных — 250 тысяч.

Из Люксембурга было угнано 7 тысяч человек, в том числе более 700 евреев и 4 тысячи люксембуржцев, из них 500 человек умерли.

Это явствует из документов Ф-681, Ф-231 и Ф-659, которые мы предъявляем под номерами РФ-343, 341 и 342.

В Дании было арестовано 6104 человека, из которых умерли 583 человека.

Лагеря находились как в Германии, так и за ее пределами. Большинство лагерей вне Германии служило, как уже это было мною указано, для отбора заключенных. Тем не менее ряд таких

лагерей действовал подобно лагерям в Германии. Среди них следует указать на лагерь в Вестерборхе, в Голландии, о котором говорится в документе Ф-222, предъявленном под номером РФ-324. Этот документ является докладом Голландского правительства. О находившемся также в Голландии лагере в Амерсфурте говорится в документе Ф-677, который будет предъявлен под номером РФ-344. Это документ 11 в книге документов.

Нам уже известно на основании свидетельских показаний очевидцев, каков был режим в нацистских концентрационных лагерях, и это освобождает нас от необходимости оглашать полностью этот доклад, который к тому же довольно объемист и не дает каких-либо новых примечательных данных по вопросу о режиме, установленном в лагерях.

В Голландии имелся также лагерь в Вугте, в Норвегии — лагерь в Грини и Фальштате, описание которых дается Норвежским правительством в представленной Вам первой книге документов.

Лагеря как внутри, так и вне Германии, если они не являлись пересыльными, были разделены на три категории.

«Рейхсфюрер СС и начальник германской имперской полиции дал согласие подразделить концлагеря на категории в зависимости от того, кем являются лица, находящиеся в заключении, и опасности, которую они представляют для государства...» Организация и деятельность этих лагерей были определены в соответствии с двумя задачами, которые преследовались. Первая заключалась в восполнении недостающей рабочей силы путем получения максимальной производительности труда с минимальными затратами.

Это видно из документа, который будет предъявлен под номером РФ-346. Этот документ датирован 7 декабря 1942 г. и хронологически совпадает с трудностями, возникшими в ходе кампании в России. В нем говорится, что «...в силу военных соображений, которые не могут быть приведены, рейхсфюрер СС и начальник германской полиции безопасности 4 декабря 1942 г. приказал, чтобы не позднее конца января 1943 года не менее 35 тысяч трудоспособных заключенных было отправлено в концлагеря». Второй абзац:

«Для получения требуемого числа заключенных предписываются следующие меры:

1. Начиная со дня издания настоящего приказа и до 11 ноября 1943 г., все рабочие, выходцы из стран Востока, и все рабочие иностранного происхождения, которые бежали или нарушали трудовые договоры, а также все другие рабочие, не являющиеся подданными дружественных или нейтральных государств, должны быть как можно скорее заключены в концлагеря».

Это произвольное заключение в концлагеря производилось в целях получения с минимальными затратами максимального количества рабочей силы, которая хотя и была угнана ранее в Германию, но должна была оплачиваться в соответствии с положениями трудовых договоров.

Организация концлагерей также имела целью уничтожение всех тех, кто был нетрудоспособным, тех, кого нельзя было использовать в интересах германской промышленности, а также вообще всех лиц, которые могли препятствовать нацистской экспансии. Бесспорным доказательством этого является документ Р-91, предъявленный под номером РФ-347. Это телеграмма штаба рейхсфюрера СС, которая получена в 2 ч. 10 м. 16 декабря 1941 г. из Берлина.

Оглашаю предпоследний абзац. Этот текст начинается со слов:

«Увеличение числа рабочих, помещаемых в концлагеря, должно быть закончено к 30 января 1943 г.

В отношении евреев это мероприятие можно осуществить следующим образом:

1. Общее число — 45 тысяч евреев.
2. Начало транспортировки — январь 1942 года, окончание транспортировки — 31 января 1943 г.
3. (Это наиболее важная часть документа.) Из 45 тысяч евреев 30 тысяч из района Белостока, 10 тысяч из гетто в Терезиенштадте, из них 5 тысяч трудоспособных, которых вплоть до настоящего времени использовали на легких работах в гетто, а остальные 5 тысяч — нетрудоспособных, и в это число должны быть включены евреи старше 60 лет.

В целях использования возможности уменьшить число заключенных, достигающее в настоящее время 48 тысяч человек, что исключительно велико для создания гетто, я требую предоставления специальных полномочий с тем, чтобы я мог заняться этим вопросом».

В самом конце этого абзаца:

«В 45 тысяч включены и инвалиды (в том числе пожилые евреи и дети). Использование рациональной системы отбора прибывающих в Освенцим должно предоставить по меньшей мере 10—15 тысяч трудоспособных лиц».

Этот официальный документ подкрепляется показаниями госпожи Вайян-Кутюрье, а также многочисленными другими показаниями по тому же вопросу, в соответствии с которыми из каждой партии, прибывавшей в Освенцим, производился тщательный отбор, и это не только было связано с желанием начальника лагеря в Освенциме, но и предписывалось приказами сверху, исходившими от самого имперского правительства.

...С разрешения Трибунала мы продолжим представление материалов обвинения относительно организации и деятельности лагерей, о чем нами было сообщено на вечернем заседании, когда был представлен Трибуналу документ Р-91, частично оглашавшийся. При этом преследовалась двойная цель: показать, каким образом восполнялась недостающая рабочая сила и как уничтожались те, кто не был пригоден для использования на работах...

Представляю документ, датированный 17 декабря 1942 г. и имеющий связь с тем документом, который был оглашен вчера. Первый абзац:

«Равенсбрюк поставлял рабочую силу заводам Сименса, заводам в Чехословакии и мастерским в Ганновере».

Этот специальный предпринятый маневр, как указал свидетель, позволял сохранять в тайне производство некоторых видов вооружения, например, «Фау-2», о которых господин Балаховский показал нам следующее: «Заключенные не имели никакой связи с внешним миром. Использование насильственно угнанных в качестве рабочей силы позволило достигать такой производительности труда, которой не могли бы достигнуть, даже используя иностранных рабочих».

Французское обвинение представит теперь документ Р-129 под номером РФ-348:

«Управление в концентрационном лагере всеми производственными работами осуществляется комендантом лагеря».

Пятый абзац:

«Комендант лагеря является единственным ответственным лицом за работы, выполняемые рабочими». Эта «работа» — мы особо подчеркиваем слово «работа» — «должна быть в буквальном смысле слова изнурительной, для того чтобы можно было достигнуть максимальной производительности труда».

Двумя абзацами ниже: «Рабочее время не должно ограничиваться. Продолжительность рабочего дня зависит от того, на какой работе используется данный лагерь, от количества подлежащей выполнению работы и устанавливается исключительно комендантом лагеря».

Наконец, последний абзац на странице 23:

«Комендант должен сочетать технические познания в военной и хозяйственной областях с умением руководить человеческой массой, которую он должен держать в руках, чтобы добиться высокой производительности труда».

Этот документ подписан Полем и датирован 30 апреля 1942 г., Берлин.

Переходим к оглашению документа ПС-1584. Этот документ подписан Герингом и адресован Гиммлеру. Из второго абзаца этого документа неоспоримо вытекает ответственность Геринга

за преступное использование в качестве рабочей силы насильственно угнанных. Оглашаю второй абзац на второй странице:

«Дорогой Гиммлер, прошу вас также предоставить в мое распоряжение для производства авиационного вооружения необходимое количество заключенных, поскольку вплоть до настоящего времени опыт показывает, что эта рабочая сила может быть использована весьма успешно. Обстановка, вызванная воздушной войной, делает необходимым создание подземных промышленных предприятий. Именно в этой области вопрос об использовании труда заключенных и их размещении особенно тщательно разработан».

Итак, мы знаем теперь, кто несет ответственность за те ужасающие условия, в которых находились заключенные в лагерях, — виновник этого сидит на скамье подсудимых.

Что касается стремления уничтожить заключенных, о чем мы говорили в начале сегодняшнего заседания, то мы считаем, что это устанавливается прежде всего документом за номером Р-91. Мы считаем, что это доказывается также и показаниями свидетелей, подтвердивших, что во всех лагерях, где они находились в заключении, проводилась одна и та же политика уничтожения заключенных посредством непосильного труда.

Что касается зверского уничтожения при помощи газа, то это доказывается, кроме всего прочего, также счетами за поставки удушливых газов в лагеря Ораниенбург и Освенцим. Эти документы мы представляем Трибуналу за номером РФ-350 (ПС-1553).

Свидетель госпожа Вайян-Кутюрье сообщила нам, что газы, которые должны были использоваться для уничтожения вшей и других паразитов, использовались также для уничтожения людей.

В Освенциме и в Ораниенбурге направлялось значительное количество ядовитых веществ в кристаллах. По одному из счетов от 30 апреля 1944 г. Трибунал установит, что было отправлено 832 кг кристаллического ядовитого вещества.

В документе РФ-321 говорится: «Единственное объяснение, которое эсэсовцы давали заключенным, это то, что ни один узник никогда не должен выйти из этого места живым».

Страница 179: «Эсэсовцы нам говорили: «Единственным выходом из лагеря является труба крематория».

Страница 174: «Умерщвление газом и кремация. Главной задачей этого лагеря являлось уничтожение возможно большего числа людей; он назывался «лагерем смерти», «лагерем уничтожения».

Уничтожение, истребление заключенных производилось двумя различными способами. Один способ — постепенное умерщвление, другой — быстрое и более зверское. Во второй книге

документов мы находим отчет британской парламентской делегации от апреля 1945 года, из которого огласим следующую выдержку на странице 30:

«Мы, тем не менее, в заключение намереваемся заявить, что, по нашему единодушному и глубокому убеждению, основанному на веских доказательствах, в лагере Бухенвальде в течение длительного времени проводилась политика, направленная на создание обстановки систематического голода и бесчеловечной жестокости, а также что подобные лагеря свидетельствуют о том, что в данном случае был достигнут наивысший предел человеческой деградации».

В докладе комитета, созданного генералом Эйзенхауэром под руководством начальника генерального штаба Джорджа Маршалла, Конгрессу Соединенных Штатов по вопросу о зверствах и условиях существования в концентрационных лагерях в Германии на странице 31 говорится:

«Целью, которая преследовалась в этом лагере, было уничтожение. Средства уничтожения: голод, побои, пытки, скученность, болезни. Все это усугублялось тем, что заключенных принуждали работать на военном заводе, который был расположен поблизости от лагеря и на котором производили легкое оружие, винтовки...»

Для достижения систематического уничтожения применялись разнообразнейшие средства. Мы представляем документы, которые являются печатными инструкциями, изданными в Освенциме. Они устанавливают, какое количество ударов можно было наносить заключенным.

Вся лагерная система вела к тому, чтобы осуществлять непрерывное уничтожение находившихся там в заключении людей. Все лагеря были расположены в местностях с суровым климатом. Во многих из них люди работали под землей. В свидетельских показаниях, которые были заслушаны Вами, освещены условия жизни в этих лагерях, начиная с момента прибытия заключенных, когда их целыми часами оставляли совершенно раздетыми в ожидании составления списков или вытатуирования номеров. Все это содействовало быстрой смерти людей, попадавших в лагерь. Значительное число заключенных подвергалось еще более тяжелому режиму, описание которого уже было дано Трибуналу американским обвинением при представлении документов США-243 и последующих, относящихся к бесчеловечному режиму.

Мы не считаем необходимым снова возвращаться к описанию этого режима. Мы лишь представляем новый документ, который показывает, насколько суров был так называемый режим «НН», применяемый по отношению к нашим соотечественникам. Это второй документ первой книги документов под номером Ф-278.

Он исходит от немецкой комиссии по перемирию в Висбадене и показывает, что, несмотря на повторные протесты со стороны французского населения и даже со стороны вишйских властей против той тайны, которая окружала заключенных «НН», никаких мер принято не было.

В этом документе объясняется, почему не следует давать ответа на запросы со стороны встревоженных семей заключенных. Оказывается, этого хотел фюрер. По его мнению, усмирение населения и прекращение «преступных» действий против оккупационных властей могло быть достигнуто казнями или такими мерами, при которых родственники заключенного и все население будут оставаться в полном неведении относительно участи заключенных.

Мы не будем дальше задерживаться на описании лагерных барачков и санитарных условий в бараках. Четыре свидетеля, которые содержались в различных лагерях, сообщили Вам, что в различных лагерях были одинаковые антисанитарные условия и что повсюду в бараках была чрезвычайная скученность. Мы знаем, что повсюду не хватало воды, что повсюду заключенные спали по два-три человека на нарах шириной в 75—80 см. Нам известно, что никогда не сменялось белье и что оно находилось в очень плохом состоянии. Нам известно также, какова была медицинская помощь в лагерях. Несколько свидетелей-врачей давали показания Трибуналу. Подтверждение их показаниям Трибунал найдет в документе Ф-121, на странице 98 второй книги документов.

Огласим последнюю строку страницы 100 Вашей книги документов:

«Из-за отсутствия воды заключенным, чтобы утолить жажду, приходилось пить гнилую воду из уборных».

О «медицинской» помощи свидетельствует документ РФ-321: «Хирургическая помощь оказывалась немцем, который выдавал себя за берлинского врача. Он отбывал наказание за уголовное преступление. При каждой операции он убивал пациентов».

И далее, через два абзаца: «Бараком заведовали два немца, которые выполняли функции санитаров; эти лишенные совести люди тут же производили хирургические операции с помощью некоего Хаша, по профессии каменщика».

После показаний, данных нашими свидетелями, которые, будучи медицинскими работниками, могли оказывать медицинскую помощь в лазаретах лагеря, представляется излишним продолжать цитирование этих документов.

Когда люди доходили до полного изнеможения от работы и не могли уже восстановить свои силы, производился отбор, и тех, кого нельзя было дальше использовать, уничтожали

в газовых камерах, о чем говорила здесь первая свидетельница госпожа Вайян-Кутюрье, или же путем уколов в сердце, как показывали два французских свидетеля — врачи Дюпон и Балаховский.

Эта система отбора практиковалась во всех лагерях и проводилась на основании общих инструкций, что доказано нами с помощью документа Р-91.

В первой книге документов Трибунал обнаружит письменное свидетельское показание доктора Блах, который, как вероятно помнит Трибунал, был допрошен здесь 9 января. Его показание является шестым документом за номером ПС-3249.

Ко всем этим жалким условиям существования прибавлялась еще изнурительная работа заключенных, используемых на самых тяжелых работах. Мы знаем, что они работали в рабочих партиях и на заводах. Мы знаем также из показаний свидетелей, что продолжительность рабочего дня достигала 12 часов и более.

Свидетели говорили нам о том, что люди работали в воде, в грязи, на подземных заводах, например, в Дора или в каменноломнях в Маутхаузене.

Помимо этой изнурительной работы, заключенные подвергались зверскому обращению со стороны эсэсовцев и капо, которые их избивали, травили собаками.

Документ РФ-274 дает нам официальное подтверждение этим фактам.

На страницах 77 и 87 этого документа говорится о том, что все заключенные, будучи в самых антисанитарных условиях и независимо от состояния здоровья, принуждались к выполнению работ. Для заключенных не существовало карантина даже во время больших эпидемий.

Французский документ РФ-392 является свидетельским показанием доктора Штейнберга, которое подтверждает показание Вайян-Кутюрье.

«Утром мы получали пол-литра жидкой похлебки. Во время умывания надзиратель, стоявший у дверей, подгонял нас дубинкой. Отсутствие элементарных санитарных условий вызвало эпидемию тифа».

Пятый параграф: «Нас снабдили деревянными башмаками, и через несколько дней ноги покрылись ранами, которые вызвали флегмону. Во многих случаях это кончалось смертью».

Председатель: Господин Дюбост!

Трибунал рассмотрел вопрос о доказательствах, которые Вы представили о концентрационных лагерях, и придерживается такого мнения, что на данной стадии Вы представили достаточно доказательств вины подсудимых. Если подсудимые будут пытаться опровергать эти доказательства, то Вы согласно п. «е»

статьи 24 Устава имеете право представить дополнительные подтверждающие обвинение доказательства, если Трибунал найдет возможным принять их.

Поэтому Трибунал считает, что не в интересах процесса, который по Уставу должен вестись так быстро, как это возможно, представлять дальнейшие доказательства по вопросу о концентрационных лагерях на данной стадии процесса, если подобные доказательства не являются какими-либо особо новыми материалами, на которые Вы еще не обращали нашего внимания. Если такие материалы имеются, то мы хотели бы, чтобы Вы их подробно охарактеризовали, прежде чем представить их Суду.

Дюбост: Я благодарю Трибунал за вынесенное им решение. Я не скрою, что прежде чем я уточню, на каких именно вопросах следует особо остановиться, мне потребуется несколько минут...

Председатель: Господин Дюбост, возможно Вы могли бы в течение перерыва решить, имеются ли какие-либо особые новые пункты по вопросу о концентрационных лагерях.

Дюбост (после перерыва): Дальше представлять материалы о концлагерях нет надобности. Мы считаем доказанным тот факт, что Германия в своих лагерях для превентивно заключенных и концлагерях проводила политику, преследующую цель уничтожения своих противников и в то же самое время создания режима террора, который она использовала для того, чтобы содействовать достижению своих политических целей.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ЖЕРТОФФЕРОМ О РАЗГРАБЛЕНИИ ЭКОНОМИКИ ФРАНЦИИ

*[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 22 января 1946 г.]*

Я начинаю представление доказательств о разграблении экономики Франции.

Когда немцы захватили Францию, они нашли там громадные богатства. Они тотчас же ухитрились захватить и поработить национальное производство.

Так как средства простой реквизиции были недостаточны для того, чтобы добиться своих целей, они использовали скрытые средства, действуя одновременно хитростью и силой, стараясь замаскировать свои преступные действия видимостью законности. Для этого они мошеннически извратили соглашение о перемирии. Это соглашение не содержало никаких экономических или секретных статей. Оно состояло только из опубликованного текста. Однако для обеспечения своих мероприятий немцы использовали две статьи. Я представляю Трибуналу под номером РФ-203 экземпляр соглашения о перемирии и цитирую статью 18:

«Иждержки по содержанию германских оккупационных войск на французской территории будут возложены на Французское правительство».

Эта статья не противоречила Гаагской Конвенции. Но Германия навязала уплату громадных сумм, на много превышающих те суммы, которые были необходимы на нужды армии, оккупирующей территорию. Это позволяло им распоряжаться без какой-либо компенсации почти всеми деньгами, что они фактически ловко использовали в качестве средства грабежа.

В статье 17 соглашения о перемирии говорится:

«Французское правительство обязуется помешать какой-либо передаче на неоккупированную территорию или за границу ценных бумаг экономического характера или запасов из районов, которые подлежат оккупации германскими войсками. Цен-

ными бумагами и запасами, которые находятся на оккупированной территории, можно распоряжаться лишь по согласованию с правительством рейха, принимая во внимание, что германское правительство учтет, что является жизненно необходимым для населения оккупированной территории».

По-видимому, целью этой статьи было помешать отправке в Англию или в колонии всего, что можно было использовать против Германии. Но оккупанты воспользовались этой статьёй для того, чтобы захватить контроль над производством и распределением сырья во всей Франции, так как население неоккупированной зоны не могло жить без продуктов и изделий оккупированной зоны, и взаимно эта последняя нуждалась в продуктах так называемой «свободной зоны».

Это намерение немцев подтверждается документом РС-1741-1, который я представляю под номером РФ-204.

Я не хочу обременять Трибунал выслушиванием этого документа, скажу лишь кратко, что в нем речь идет о жалобе Французского правительства на то, что Германия не учитывает нужды Франции.

Статья 17 соглашения о перемирии, говорится в документе, предоставляет Германии право изымать экономические ценности и запасы на оккупированных территориях и устанавливает, что распоряжения Французского правительства должны быть представлены Германии на одобрение.

Исходя из пожелания Франции Германия согласна принимать во внимание также жизненные нужды населения неоккупированной зоны каждый раз, когда она будет решать вопросы об использовании Французским правительством ценностей и запасов, находящихся на оккупированной территории.

Я сейчас перехожу к другому документу, который содержит в некотором роде ответ на приведенный выше документ. Я представляю его за номером РФ-205. Читаю выдержку:

«Отношение фюрера основывается на той точке зрения, что все переговоры с Францией должны рассматриваться не с политической точки зрения, а с точки зрения экономической...»

Вопрос о демаркационной линии, в частности, не может рассматриваться снова; нам должно быть совершенно безразлично, что восстановление экономической жизни во Франции сорвано. Французы проиграли войну, и, таким образом, они должны оплачивать убытки. На возражение, что в результате этого Франция в скором времени превратится в очаг беспорядков, следует ответить, что в таком случае будет просто-напросто применено оружие или что будет оккупирована еще не оккупированная зона.

Все уступки, которые мы делаем французам, они должны очень дорого оплатить поставками с неоккупированной

территории или из колоний. Всякое сотрудничество с Францией в экономической области должно быть отклонено».

Наконец, господа судьи, вот еще один документ, который я передаю под номером РФ-206. Он подписан доктором Грамшем и содержит следующие сведения:

«В связи с переговорами о более гибкой демаркационной линии Французскому правительству было предложено овладеть во всей Франции ценностями, выраженными в золоте и иностранной валюте».

Дальше составитель этого документа пишет:

«Иностранные ценности оккупированной Франции должны были бы увеличить наш военный потенциал. Эта мера могла бы также быть использована как средство давления на Французское правительство, чтобы заставить его занять более сговорчивую позицию в других областях».

Ознакомление с этими документами показывает, что немцы намеревались в нарушение всяких правовых принципов захватить все экономические богатства Франции и распоряжаться ими.

Путем принуждения немцам удалось после года оккупации захватить контроль над всей почти французской экономикой. Это явствует, в частности, из статьи, опубликованной доктором Мишелем, директором экономического управления при военной администрации во Франции. Эта статья была опубликована в «Берлинер берзен цейтунг» от 10 апреля 1942 г. Я ее представляю в качестве документа за номером РФ-207, из которого я оглашу следующую выдержку:

«Следовало, таким образом, считать, что задача компетентных управлений германской военной администрации состояла в руководстве подконтрольной экономикой. Другими словами, они должны были давать инструкции и следить за тем, чтобы эти инструкции действительно выполнялись».

Далее этот доктор Мишель пишет:

«Теперь, когда распределение и использование товаров во Франции находится под контролем и происходит организованно, следует достичь того, чтобы уменьшить в этой стране потребление, не вызываемое потребностями военной экономики. Ограничения, наложенные на французское население в области питания, одежды, обуви и отопления, уже давно по своей строгости превысили ограничения, существующие в Германии».

Показав Вам, господин председатель и господа судьи, в этом кратком введении к докладу об экономическом разграблении Франции, во что превратилась эта страна при господстве немцев, я хочу дать Вам некоторые разъяснения по поводу способов, применявшихся немцами для достижения вышеупомянутых

целей. Это явится темой последующих разделов моего выступления.

Господство немцев над платежными средствами. Это господство явилось результатом: во-первых, взносов для возмещения расходов на содержание оккупационных войск; во-вторых, установления одностороннего клиринга в определенном направлении; в-третьих, просто-напросто захвата золота и изъятия бумажных денег и иностранной валюты, а также использования системы коллективных штрафов.

Возмещение расходов на содержание оккупационных войск.

Я не буду говорить, господа судьи, о правовой стороне этого вопроса, ограничусь тем, что дам Вам некоторые разъяснения, чтобы Вы смогли представить себе силу давления, которое было оказано на руководителей того времени, чтобы добиться взноса огромных денежных сумм.

Как я уже имел честь сказать Вам, в соглашении о перемирии принцип содержания оккупационных войск просто упомянут без определения суммы и формы взносов. Немцы использовали это положение для того, чтобы извратить и расширить это обязательство Франции и использовать его в качестве предлога для обложения громадной контрибуцией.

На первых заседаниях комиссии по перемирию французы настаивали по этому вопросу на том, что на Францию можно возлагать только обязанность возмещения расходов на содержание армии, необходимой для оккупации территории; генерал Миит вынужден был признать справедливость этого положения; в связи с этим он заявил, что расходы на содержание войск, предназначенных для борьбы против Англии, не будут оплачиваться Францией.

Этот факт подтверждается выдержкой из протокола совещания комиссии по перемирию. Выдержку я представляю за номером РФ-208.

В дальнейшем эта точка зрения генерала Миита была, вероятно, раскритикована его начальством, так как на следующем заседании, 16 июля 1940 г., не отказываясь от своих слов, он, однако, заявив, что не может ответить на этот вопрос и что этот вопрос больше не будет обсуждаться, что, наконец, будет сделано все необходимое, чтобы облегчить Французскому правительству установление его бюджета. Это явствует из протокола заседания комиссии по перемирию, который я представляю под номером РФ-209.

8 августа 1940 г. Хаммен, возглавлявший германскую делегацию по экономическим вопросам в Висбадене, передал письмо генералу Унцигеру, возглавляющему французскую делегацию. В письме говорилось, что «ввиду невозможности определить точную сумму издержек по оккупации Французское правительство

должно будет вносить до следующего распоряжения авансом в счет этих издержек по крайней мере 20 миллионов марок в день, основываясь на курсе: одна марка равняется 20 французским франкам, то есть по 400 миллионов франков». В этот аванс не входили издержки по расквартированию войск, которые должны были уплачиваться сверх этой суммы. Этот факт явствует из документа РФ-210, который я представляю Трибуналу и на котором имеется подпись Хаммена.

Эти требования вызвали ответ, датированный 12 августа 1940 г., в котором было подчеркнuto, что огромная сумма этих ежедневных взносов позволяет сомневаться в том, что эти взносы были установлены из расчета нормальной численности оккупационной армии и из расчета нормальной стоимости содержания этой армии; что, кроме того, численность армии, соответствующая указанной цифре, несоразмерна со всем тем, что можно было предвидеть, учитывая военную практику прошлого и нужды настоящего времени. Это явствует из письма от 12 августа, которое представляется за номером РФ-211.

15 августа 1940 г. германская делегация приняла к сведению готовность Французского правительства уплатить аванс, но категорически отказалась обсуждать как сумму аванса, так и различие между оккупационными войсками и действующими войсками, что и явствует из документа РФ-212, который я прошу приобщить к делу.

«18 августа французская делегация ознакомилась с германской нотой от 15 августа, на которую она ответила» — я буквально цитирую текст, — «что желание заставить Францию оплатить издержки по содержанию действующих войск является требованием, явно противоречащим положениям соглашения по перемирию, ...что требуемые издержки выражены во франках по курсу, который намного превышает соответствующую покупательную способность марки и франка, в то время как закупки германской армии во Франции прямо пропорциональны условиям жизни в этой стране, и что они будут с согласия германского правительства частично заменены поставками в натуре».

Письмо заканчивается следующим:

«В этих условиях непосильная контрибуция, требуемая от Французского правительства, по-видимому, является произвольной и намного превышает те контрибуции, которые можно было бы справедливо ожидать.

Французскому правительству, которое всегда стремится честно соблюдать условия конвенции по перемирию, остается только обратиться к германскому правительству в надежде, что последнее примет во внимание вышеупомянутые аргументы».

...Сегодня утром я имел честь представить Трибуналу документ, в котором говорится, что немцы требовали от Франции

возмещения расходов в размере 400 миллионов франков в день для содержания их оккупационной армии.

Я также указал, что тогдашнее французское правительство пыталось возражать против требуемой суммы. Как только немцы вошли во Францию, они выпустили там, как, впрочем, и в других оккупированных странах, банкноты рейхскредиткассы и оккупационные боны, над которыми эмиссионные органы не имели никакого контроля, и эти банкноты имели хождение только во Франции. Этот выпуск представлял опасность, так как количество денежных знаков в обращении увеличивалось произвольно по одному лишь желанию оккупационных властей.

В то же время по приказу от 17 мая 1940 г. за номером 7 (документ РФ-214) был зафиксирован принудительный курс рейхсмарки из расчета 20 французских франков за одну марку, в то время как реальный паритет составлял приблизительно 10 франков за одну марку.

Французская делегация забеспокоилась по поводу все возрастающего значения обращения банкнот рейхскредиткассы и роста немецких покупок и курса марки. Но германская делегация ответила 14 августа 1940 г., что она не изменит положения с банкнотами и не изменит курса марки во Франции. Это видно из письма от 14 августа, которое я представляю под номером РФ-115.

Оккупанты, таким образом, создали возможность нажима на тогдашнее Французское правительство, чтобы привести его к уступкам их требованиям как с точки зрения сумм по возмещению оккупационных издержек, так и с точки зрения принудительного курса марки, а также соглашения о клиринге.

Генерал Унцигер, глава французской делегации, несколько раз драматически взывал к немецкой делегации, которую он просил не толкать Францию в пропасть, как это явствует из телеграфного доклада, посланного Хамменом 18 августа 1940 г. своему министру иностранных дел. Этот доклад (документ ПС-1741) я представляю Трибуналу за номером РФ-216. Вот одна интересная выдержка из этого доклада:

«Эти большие платежи дали бы Германии возможность купить Францию целиком, включая ее вклады и прибыли за границей, это означало бы гибель Франции».

Письмом и нотой от 20 августа Германия предъявила требование Франции внести авансы с учетом, что не будет никакого различия между немецкими войсками во Франции, что численность германских оккупационных войск будет определяться необходимостью продолжения войны и что, кроме того, курс марки не будет фиксироваться при этих платежах, поскольку они являются только авансами.

Я представляю ноту германского правительства от 20 августа за номером РФ-217.

Но следующий день, 21 августа 1940 г., генерал Унцигер во время своего разговора с Хамменом напрасно старался в последний раз добиться снижения немецких требований. Как видно из протокола этого собеседования, Германия уже предусматривала тесное экономическое сотрудничество с Францией: создание института комиссаров по контролю за обменом товаров и внешней торговлей. В противовес Хаммен давал понять о возможности отмены правительством демаркационной линии между двумя зонами. Хаммен отказался вести дальнейшие переговоры о сумме возмещения оккупационных расходов.

В ноте от 26 августа 1940 г. Французское правительство указывало, что оно должно уступить давлению, хотя и протестует против требований немцев. Нота заканчивается следующими словами:

«Французская нация не боится ни труда, ни страданий, нужно только, чтобы она жила. Вот почему Французское правительство не сможет в будущем настаивать на том пути, по которому оно пошло, если размах требований правительства рейха станет невозможным для ее прав на существование» (документ РФ-219).

Немцы, несомненно, имели намерение использовать требуемые суммы не только для возмещения оккупационных расходов, расходов на экипировку и вооружение их оккупационной армии, но и для других целей, что явствует, в частности, из телеграммы ОКВ от 2 сентября 1940 г., представляемой мною за номером РФ-220. Вот выдержки из этой телеграммы:

«В той мере, в которой не будут использованы банкноты войсками во Франции, верховный главнокомандующий армии оставляет за собой право располагать в дальнейшем этими банкнотами, в частности, давать эти банкноты на другие, не относящиеся к армии цели, чтобы все нужды армии были покрыты французскими деньгами и затем чтобы возможный излишек оставался в распоряжении верховного главнокомандующего армии для важных целей четырехлетнего плана».

Представляю под номером РФ-221 другую телеграмму:

«Ясно, что не было никакого согласия во взглядах с французами о том, что нужно понимать под «издержками оккупационной армии во Франции». Если внутренне мы согласны с фактом, что в настоящее время мы должны по практическим причинам избегать всяких дискуссий с французами, то, с другой стороны, нужно, чтобы не было никакого сомнения в том, что мы вправе определять понятие «содержание» в смысле как только можно более широком».

И дальше:

«Во всяком случае отсюда следует, что требуемые французами уступки относительно уточнения суммы оккупационных издержек и использования франков, полученных таким образом, должны быть отклонены».

...Использование денежных сумм, полученных во Франции на оплату издержек по оккупации, не соответствует подлинной сумме издержек, требуемых на содержание войск во Франции. Это тот вопрос, который не надо рассматривать с французскими представителями».

Впоследствии французы безуспешно пытались добиться сокращения возмещения оккупационных издержек и изменения курса марки, но немцы не шли ни на какие разговоры.

В начале 1941 года снова возобновились переговоры. В силу непреклонности немцев Французское правительство вынуждено было прекратить в мае 1941 года выплату издержек, однако по приказу оккупантов снова возобновило ее, внося аванс в 300 миллионов франков в день. Это явствует из документа РФ-222.

15 декабря 1942 г., после того как оккупанты заняли всю Францию, Германия потребовала, чтобы сумма взносов была повышена с 300 до 500 миллионов франков в день.

Сумма выплаты дошла до 631 866 миллионов франков, что составляло по курсу того дня 31 593,3 миллиона марок.

Эта сумма фигурирует не только в данных французской администрации, но и в немецких документах, в частности, в докладе Хаммена.

Хаммен, работник министерства иностранных дел в Берлине, был назначен главой германской экономической делегации в комиссии по перемирию, и он фактически действовал под непосредственным руководством Риббентропа, как настоящий диктатор в экономических вопросах и имел своим непосредственным помощником в Париже доктора Мишеля, о котором речь шла выше.

Сохраняя свои функции главы экономической делегации комиссии по перемирию в Висбадене, этот самый Хаммен должен был быть назначен, по решению Гитлера, 19 декабря 1942 г. уполномоченным правительством рейха по экономическим вопросам при Французском правительстве. Это видно из документа РФ-223.

Хаммен периодически посылал секретные донесения своему министру. Эти документы оказались у нас. Они имеют первостепенное значение для этой части процесса, как Вы это увидите, так как в них есть признание Германией того, что касается экономического разграбления.

Эти довольно объемистые доклады представлены за номером РФ-224—229. Но не имея возможности зачитать их Трибу-

налу полностью, я ограничусь чтением только нескольких коротких выдержек. Чтобы показать Вам их значение, возьмем перевод последнего доклада Хаммена. В этом докладе, написанном в Зальцбурге 15 декабря 1944 г., на странице 26 Хаммен признает, что Франция под видом возмещения расходов на содержание войск оккупации выплатила 31 593 300 тысяч марок, что в переводе на франки составляет 631 866 миллионов франков.

...Эта колоссальная сумма, уплаченная по требованию оккупантов, была гораздо больше той, которая нужна была Германии на содержание оккупационных войск. Несмотря на большие закупки, которые немцы делали во Франции в течение двух первых лет, они смогли использовать сумму, почти на половину меньшую той, которую они получили.

Это видно из доклада Хаммена, в котором он дает таблицу французских взносов, произведенных под видом возмещения оккупационных расходов. Эта таблица очень короткая, и я ее зачитаю. Она послужит доказательством к моему изложению:

Год	Французская оплата в млн. марок	Немецкие расходы в млн. марок
1940	4000	1569
1941	6075	5205
1942	5475	8271
1943	9698	9524
1944	6345	6748

Это составляет с 1940 года по 1944 год сумму в 31 593 миллионов марок французских платежей и в 31 317 миллионов марок немецких расходов.

Эти цифры, несомненно, выражают преувеличенную сумму издержек на содержание войск. Это признавали и сами немцы. Большая часть этих взносов служила для финансирования расходов, относящихся к снабжению и обмундированию германской армии и снабжению Германии. Это мы видим из документа КС-232, который я представляю под номером РФ-230.

По исчислениям института конъюнктуры максимальная сумма издержек, которая могла потребоваться за это время, составляет 74 миллиарда 531 миллион 800 тысяч франков.

В своем последнем докладе Хаммен пишет: «...В течение четырех последних лет после заключения перемирия было выплачено (оккупационные расходы и издержки на расквартирование войск) 34 миллиарда в рейхсмарках, что составляет 680 мил-

лиардов франков. Франция, таким образом, принимает участие во всех издержках по оккупации и в уплате военной контрибуции в размере 40 процентов изъятий во всех оккупированных союзных странах. На каждого жителя это составляет налог в размере 830 рейхсмарок, или 16 тысяч франков».

Дальше я остановлюсь на вопросе о клиринге. Трибунал уже знает механизм действия клиринга, и я не буду к этому возвращаться. Я просто укажу Трибуналу, в каких условиях тогдашнему правительству пришлось подписать договор, который был представлен.

Одновременно с обсуждением вопроса об оплате издержек на содержание оккупационных войск происходили переговоры относительно соглашения о клиринге.

Начиная с 24 июля 1940 г. немецкая делегация заявляла, что она разработает план краткосрочных расчетов. 8 августа 1940 г. Хаммен, действительно, передал французской делегации план взаимных безналичных расчетов и выдачи платежных обязательств. Я представляю его под номером РФ-230. План содержал драконовские условия, которые нельзя было принять добровольно.

План предусматривал перекачивание из Франции в Германию средств без взаимной компенсации. Он устанавливал курс франка из расчета 20 франков за одну марку, в то время как курс даже на берлинской бирже был 17,65, а реальный паритет этих двух валют, если исходить из расчета их покупательной способности на обоих рынках, был приблизительно 10 франков за одну марку.

В письме от 31 августа генерал Унцигер напрасно пытался аргументировать свою просьбу об изменении курса франка и рейхсмарки. Я представляю это письмо под номером РФ-234. 6 октября 1940 г. французская делегация вновь пыталась добиться изменения условий, самых неблагоприятных для проекта соглашения о клиринге, но натолкнулась на полный отказ; немецкая делегация предлагала принять под видом двухстороннего соглашения подготовленный ею проект.

Я цитирую абзац из протокола комиссии по перемирию: «Господин Шон, немецкий делегат, уточняет:

Я не могу вновь обсуждать этот вопрос. Я не могу сделать никакой уступки; что касается паритета франка — рейхсмарки, то 4 октября 1940 г. Хаммен сообщил французской делегации, что курс 20 франков должен рассматриваться как окончательный и что об этом нечего больше говорить. Он добавил, что если со стороны Франции будет отказано в оплате, то есть в выполнении условия, предложенного Германией, он об этом до-

жит фюреру, и все возможности изменения демаркационной линии отпадут».

10 октября 1940 г. французская делегация пыталась последний раз добиться смягчения предложенных ей драконовских условий. Но немцы оказались неумолимыми... Хаммен на этом заседании сказал:

«Вы стараетесь сделать иллюзорным курс марки. Я прошу предупредить ваше правительство, что мы прервем переговоры. Я предвидел, что вы не сможете воспрепятствовать тому, чтобы цены не поднимались. Но вот теперь вы сами систематически заставляете их подниматься. Мы найдем другое средство, чтобы прийти к нашей цели. Бокситы мы возьмем».

Это была угроза захватить военным путем бокситы, находившиеся на неоккупированной территории.

Так называемое соглашение о клиринге действовало только в пользу Германии и привело к таким результатам: ко времени освобождения обязательства Франции в пользу Германии достигли 221 114 миллионов франков, в то время как обязательства Германии в пользу Франции составляли 50 500 миллионов франков. Таким образом, 170 614 миллионов франков Германия захватила противозаконно путем навязанного ею клиринга.

Перехожу к вопросу об арестах имущества и коллективных штрафах.

Помимо операций, которым придавалась видимость законности, немцы производили явно незаконные аресты имущества и налагали коллективные штрафы, что противоречит принципам международного права.

Во-первых, 17 сентября 1941 г. без всякого предлога на французских евреев была наложена контрибуция в размере одного миллиарда франков. Это видно из документа РФ-239, который является бесспорным доказательством.

Во-вторых, коллективные штрафы налагались в суммах, которые, по данным министерства финансов, достигают 412 636 550 франков.

В-третьих, немцы захватили большое количество золота. Хаммен в своем последнем секретном докладе говорит, что 24 сентября 1940 г. они захватили в порту Байоны 257 килограммов золота, что представляет по курсу 1939 года 12 886 тысяч франков.

В июле 1942 года они завладели большим количеством серебряных денег, сумма которых достигает 35 миллионов франков.

В том же секретном докладе Хаммена указывается, что с 1 января до 30 июня 1942 г. Германия завладела во Франции

221 730 килограммами золота, принадлежавшего национальному банку Бельгии и представлявшего по курсу 1939 года сумму в 9500 миллионов франков. Хаммен потребовал, чтобы это золото было доставлено. В мае 1940 года бельгийский национальный банк передал его французскому национальному банку. Эти факты составляют часть тех обвинений, которые правительство Виши предъявило к бывшим министрам перед трибуналом в Париже.

Долгие и частые обсуждения имели место в комиссии по перемирию. Соглашение было подписано 29 октября 1940 г., но оно не имело последствий ввиду возникших возражений со стороны Бельгии и Франции.

Чтобы закончить изложение по вопросу о золоте, я укажу Трибуналу, что Германия не могла завладеть золотом Франции, так как оно было вовремя переведено в безопасное место. Согласно секретному докладу Хаммена немцы во время отступления завладели без всякого права в отделениях французского банка в Нанси, Белльфе и Эпинале суммой в 6899 миллионов франков. Кроме того, во время оккупации немцы завладели большим количеством золота, которое скупали у частных лиц.

Если говорить о платежных средствах, незаконным образом изъятых во Франции, можно сказать, что они составляют сумму около 750 миллиардов франков.

...Я, господа, не хочу злоупотреблять Вашим благосклонным вниманием и не отниму у Вас много времени, я имел честь представить Вам действие механизма «черного рынка» во всех оккупированных странах. Я имел честь сообщить Вам, каким образом создавался «черный рынок», как немцы его использовали, как по приказам подсудимого Геринга он был организован и использован, и больше к этому я не буду возвращаться. Я пропускаю всю часть, где говорится о «черном рынке» во Франции.

Перехожу к вопросу о «приобретениях», обставленных видимой законностью. Под давлением немцев правительство Виши должно было принять условия о предоставлении большого количества продуктов и товаров всякого рода в обмен на то, что немцы должны были снабжать предприятия сырьем в количестве, которое ими же определялось. Однако сырье, если оно доставлялось, хотя это тоже было не всегда, в большинстве случаев шло на промышленные предприятия, которые должны были сдавать немцам готовую продукцию. В действительности никакой компенсации не было, поскольку оккупационные власти получили это сырье обратно, но уже в готовых изделиях.

Из доклада представителя экономического контроля, представленного под номером РФ-107, заслуживает внимания такой пример.

В соответствии с соглашением в неоккупированной зоне решилось закупить пять тысяч грузовиков, которые предназначались для германских вооруженных сил, взамен доставки рейхом пяти тонн стали за каждую машину, что составляло 25 тысяч тонн стали, предназначенной для французской промышленности.

По сведениям экономической комиссии, обязательства компенсировать закупку автомашин поставкой стали не были выполнены, так как она была частично использована на оборону побережья Средиземного моря.

Здесь уместно заметить, что большая часть изъятий натурой производилась с нарушением установленных условий соглашения. Либо немцы совершали их «заимообразно», либо они объявляли незаконный захват имущества военной добычей. У нас имеется секретный доклад представителя де ля Рокк — организации, которой поручено было группировать приобретения «черного рынка» и военную добычу. Из этого доклада явствует, что в сентябре 1944 года Рогес продал в Германии вещи на 10 858 499 марок, что составляет 217 169 980 франков, приобретенных в южной зоне под видом военной добычи. Я представляю этот документ под номером РФ-244.

При помощи платежных средств, которые захватила Германия, реквизиций Франция была буквально ограблена. Оккупационные власти изъяти большое количество вещей всякого рода. По сведениям статистических управлений Франции, был организован временный штат служащих для изъятия вещей. Когда мы говорим о разграблении, мы не включаем ущерб, причиненный военными действиями.

Изъятие сельскохозяйственных продуктов. Я представляю под номером 245 доклад министра земледелия и статистическую таблицу, установленную институтом конъюнктуры, которая показывает размер официальных изъятий немцев, не охватывающих ни частных закупок, ни закупок на «черном рынке», которые, как те, так и другие, были значительными. Я не имею возможности прочитать Трибуналу эту столь обширную таблицу. Я ограничусь только кратким резюме.

Вот список некоторых сельскохозяйственных продуктов и количества скота, официально изъятых, и их оценка (я округляю цифры): злаков — 8900 тысяч тонн стоимостью в 22 миллиона франков; мяса — 9 миллионов тонн стоимостью в 80 миллионов франков; рыбы — 51 тысяча тонн стоимостью в 1 миллион франков; вина и других напитков — 13 413 тысяч гекталитров стоимостью в 18 500 тысяч франков; колониальных товаров —

47 тысяч тонн стоимостью в 805 790 тысяч франков; сахара — 11 600 тысяч тонн; лошадей и мулов — 690 тысяч голов; леса — 36 миллионов кубометров.

Я пропускаю подробности.

При помощи клиринга и изъятия средств на возмещение оккупационных расходов немцы получили 13 миллиардов франков неизвестно по какому праву. Разумеется, сюда не входит сумма значительного ущерба, нанесенного лесам ввиду неправильного их выруба, а также ущерба ввиду уменьшения площади обрабатываемой земли. Не учитывается и гибель скота.

Изъятиями продуктами, такими, как мясо, птица, масло, яйца, вина, ликеры, шампанское, могли пользоваться исключительно немцы, а французское население, за исключением некоторых привилегированных лиц, было лишено всего этого.

Далее я коснусь вопроса об изъятии сырья.

Статистические данные об изъятии немцами сырья содержатся в таблицах, которые я не буду оглашать полностью. Я представлю их за номером РФ-246 и ограничусь указанием, что сумма изъятых сырья достигает 83 804 145 тысяч франков. По сведениям французской администрации, немцы из этой суммы погасили за счет расходов по оккупации и путем клиринга 59 254 639 тысяч франков, а разницу отнесли за счет французской казны.

Приблизительно три четверти сырьевых ресурсов было захвачено оккупантами. Нефть, железная руда, медь, олово, никель, алюминий, магний и другое подобное сырье изымалось полностью или почти полностью. К этому следует сделать два замечания.

Значительная часть сырья, которая теоретически должна была оставаться в распоряжении французской экономики, в действительности бронировалась за той частью промышленности, продукция которой целиком поступала в распоряжение оккупантов.

Приведенные данные содержат только сведения об официальных поставках, между тем немцы приобрели большое количество сырья на «черном рынке», в частности драгоценные металлы: золото, платину, серебро, а также цветные и редкие металлы: ртуть, никель, олово, медь и т. д.

Можно сказать, что количество сырья, оставляемого для нужд населения, было совершенно незначительным.

Перехожу к представлению доказательств об изъятии предметов фабричного производства в продукции горнорудной промышленности.

...Как я уже отмечал, немцы, используя различные методы давления, достигли того, что прямо или косвенно использовали большую часть французского промышленного производства.

Я не буду более возвращаться к этим фактам и перейду сейчас к обзору данных о поставках промышленной продукции. Я представляю под номером РФ-248 таблицу, содержащую статистические данные по отраслям промышленности, относительно предметов промышленного производства, изъятых немцами во время оккупации.

Не желая затруднять Трибунал оглашением всей таблицы, я приведу лишь ее итоги. Поставки готовой продукции, начиная с 25 июня 1940 г. до момента освобождения, в денежном выражении оцениваются в миллионах франков: по машиностроительной промышленности и электропромышленности — 59 455; по химической — 11 744; по текстильной и кожевенной — 15 802; поставки различных сооружений и строительных материалов — 56 256; угля, алюминия, фосфатов — 4160; железа — 4474, горючего — 568; морских сооружений — 6104; авиационных сооружений — 23 620; поставки продукции различных отраслей промышленности — 2457.

К этому нужно добавить, что:

1. Те цифры, которые приводились, не включают продукцию сильно развитых в промышленном отношении районов Севера и Па-де-Кале, находившихся в ведении немецкой администрации в Брюсселе. Цифры не включают также промышленной продукции департаментов Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля, которые были включены в империю.

2. При общем итоге поставок на сумму в 184 640 миллионов франков сведения, которые мы сейчас имеем, не позволяют еще установить, какую часть этой суммы оккупанты оплатили в счет расходов по оккупации и путем клиринга, а также размеров сальдо.

3. Если считать, что стоимость изъятой немцами по департаментам Севера и Па-де-Кале промышленной продукции может выражаться в сумме 18 500 миллионов франков, то общий итог превысит 200 миллиардов франков.

Количество изъятой немцами промышленной продукции в процентном отношении ко всему промышленному производству приводится в таблице, которую я представляю Трибуналу.

Некоторые виды продукции изымались полностью или почти полностью.

Наконец, своими закупками на «черном рынке» немцы обеспечили себя огромным количеством текстиля, станков, кожи, парфюмерии и т. д. В частности, текстиль французскому населению во время оккупации совершенно не доставался, то же самое можно сказать и о коже.

Перехожу к разделу об изъятии промышленного оборудования. Я не стану злоупотреблять Вашим вниманием, поскольку этот вопрос уже рассматривался применительно к другим оку-

пированным странам. Имеются статистические данные по вывозу из Франции промышленного оборудования, которые я представляю под номером РФ-251. Эти статистические данные показывают, что стоимость вывезенных материалов с различных французских заводов, принадлежащих частным лицам и государству, превышает сумму в 9 миллиардов франков.

Надо отметить, что во многих случаях статистические данные содержат указание стоимости амортизированных машин, тогда как в действительности вывозилось новое оборудование.

Я перехожу к финансовым операциям и захвату прибылей иностранных предприятий.

Представляя в начале моего выступления документ ЕС-57 под номером РФ-105, я указал, что подсудимый Геринг сам изложил цели экономической политики нацистской Германии. Он считал, что расширение немецкого влияния на иностранные предприятия является одной из целей немецкой политики. Эти директивы привели к изданию более подробных инструкций, сохранившихся в ноте от 12 августа 1940 г., которую я представляю под номером РФ-252; оглашу выдержки из нее:

«Поскольку основные экономические предприятия, — сказано в документе, — являются акционерными обществами, необходимо прежде всего обеспечить сохранность акций, находящихся во Франции».

Далее читаем:

«Осуществление влияния должно начаться с издания приказов...»

Затем в этом документе перечисляются средства, которые следует применять для достижения этих целей, и далее идет раздел, затрагивающий вопросы международного права:

«Согласно статье 46 Гаагской Конвенции, касающейся войны на суше, частная собственность не может быть конфискована. Отсюда следует, что конфискация ценностей не должна производиться в тех случаях, когда речь идет не о ценностях, являющихся собственностью государства. Согласно статье 42 и следующим статьям Гаагской Конвенции, относящимся к войне на суше, власти, осуществляющие управление оккупированной территорией, должны в принципе ограничиваться принятием мер, необходимых для установления или поддержания порядка в общественной жизни. Международное право запрещает, как правило, упразднять руководящий аппарат различных компаний и обществ, оставшихся в оккупированной стране, и заменять его комиссарами. Подобные меры не могут считаться действительными с точки зрения международного права».

В связи с этим надо стремиться к тому, чтобы обязать существующий руководящий состав компании работать на немецкую экономику, но не смещать лиц, составляющих его».

Далее говорится: «Если эти органы не будут подчиняться нашему руководству, следует заменять их другими, более для нас подходящими».

Мы покажем вкратце три способа участия в прибылях, которые были использованы немцами во время оккупации для финансового разграбления. Прежде всего участие во французских прибылях тех компаний, которые осуществляют свою деятельность за границей.

14 августа 1940 г. был опубликован приказ, который запрещал всякие кредитные и финансовые операции за границей.

Однако простое хранение ценных бумаг не удовлетворяло оккупантов. Они желали стать собственниками всех акций для того, чтобы иметь возможность реализовать их в нейтральных странах. У них имелись посредники, которые скупали за границей ценные бумаги у лиц, нуждавшихся в деньгах. Но в особенности они оказывали давление на правительство Виши, чтобы добиться передачи права на капиталовложения Франции за границей. Вот почему после долгих дискуссий в результате серьезного нажима немцы добились значительных уступок по вопросу участия в капиталовложениях.

Я не могу представить Трибуналу многочисленные документы, относящиеся к этой передаче прав на капиталовложения, как-то: протоколы, корреспонденцию, данные экспертизы и т. д., так как объем их без преувеличения составляет целые кубические метры. Я ограничусь только тем, что процитирую в качестве примера несколько отрывков.

Основная часть акций общества «Мин де Бор», владевших медными рудниками в Югославии, находилась у французских владельцев. Немцы с 26 июля 1940 г. учредили должность комиссара-администратора в отделениях этого общества в Югославии. Это видно из представляемого мною документа РФ-260. Комиссаром-администратором был немецкий генеральный консул в Югославии и Болгарии.

В ходе обсуждения условий перемирия Хаммен заявил (это занесено в протокол заседания от 27 сентября 1940 г., который я представляю Трибуналу под номером РФ-255):

«Германия стремится получить акции компании, не ограничивая себя никакими юридическими соображениями, которые были представлены с французской стороны. Германия руководствуется при этом важными экономическими соображениями. Она подозревает, что эти рудники продолжают поставлять медь Англии, и она твердо решила стать хозяином рудников».

Столкнувшись с отказом французских делегатов, Хаммен заявил на заседании 4 октября 1940 г. (я представляю Трибуналу выдержку из протокола этого заседания под номером РФ-256):

«Хаммен: Я очень сожалею, если вынужден буду передать такой ответ моему правительству. Не сможет ли французское правительство пересмотреть свою точку зрения, иначе наши взаимоотношения будут очень затруднены. Мое правительство настаивает на скорейшем решении этого вопроса. Если вы ответите отказом, последствия будут чрезвычайно серьезными».

Французский делегат господин Буазанже ответил ему: «Я еще раз поставлю этот вопрос».

Ответ Хаммена: «Я ожидаю вашего ответа не позже, чем завтра. Если этот ответ не поступит, я передам отрицательный ответ, который вы мне только что сообщили».

Затем на заседании 9 января 1941 г. Хаммен заявил (представляю выдержку из этого протокола под номером РФ-257):

«В самом начале в Висбадене это дело было поручено мне. Потом этот вопрос был поднят генеральным консулом Нейхаузенем от имени одного очень высокопоставленного лица (маршала Геринга) и обсуждался непосредственно в Париже с господином Лавалем и господином Абецем».

Так немцы добились захвата акций указанного общества.

Что касается французских акций в нефтяных компаниях в Румынии, то по этому поводу оказывалось не менее сильное давление. На заседании комиссии по перемирию 10 октября 1940 г. тот же Хаммен заявил следующее (представляю выдержку из протокола под номером РФ-258):

«Мы удовлетворяемся получением большей части акций. Мы оставим в ваших руках все, что нам окажется не нужным. Можете ли вы дать мне ваше принципиальное согласие по этому пункту? Дело так же, как и о копиях Бора, очень срочное. Мы хотим получить все».

29 ноября 1940 г. Хаммен снова заявил следующее (выдержку из протокола заседания комиссии по перемирию я представляю под номером РФ-259):

«Мы еще ведем войну, и нам необходимо немедленно обеспечить себе влияние на производство нефти в Румынии. Таким образом, мы не можем ожидать заключения мирного договора».

В ответ на просьбу французских делегатов о том, чтобы взамен этой уступки была предоставлена реальная компенсация, Хаммен заявил на этом же заседании:

«Невозможно. Суммы, которые вы должны получить от нас, будут взяты из расходов по оккупации. Это избавит вас от необходимости выпускать большое количество денег. Этот вид участия в прибылях будет окончательно принят немецкой стороной после того, как будет точно определена политика сотрудничества».

Можно было бы до бесконечности продолжать цитаты такого рода и даже еще более показательные по вопросу нарушения положений Гагской Конвенции. Передача прав, на которую

французы якобы соглашались, была вызвана давлением с немецкой стороны. Изучение заключающихся при этих условиях договоров показывает, что уступающая сторона терпела большой ущерб и ничего не получала взамен, другая же сторона извлекла огромные прибыли.

Таким образом немцы добились участия в прибылях румынских нефтяных компаний, предприятий Центральной Европы, Норвегии и на Балканах и, в частности, медных рудников Бора, о которых я говорил. За это немцы расплатились франками в счет расходов по оккупации, причем эта сумма достигает 2 миллиардов. В других случаях они расплачивались облигациями французских займов, выпущенных за границей, в частности в Голландии, а также путем клиринга.

Показав вкратце, каким путем немцы добились участия в прибылях французских предприятий за границей, я перейду к краткому изложению того, как нацисты захватили капиталы коммерческих предприятий внутри страны.

Вскоре после заключения перемирия в соответствии с директивами подсудимого Геринга большое количество французских промышленных предприятий стало получать предложения со стороны различных немецких групп, которые хотели приобрести полностью или хотя бы частично наличный капитал французских предприятий. Это облегчалось тем фактом, что немцы, как я уже показал, практически контролировали промышленность и управляли производством при помощи системы «Патенфирма». Происходили длинные дискуссии между оккупантами и французским министерством финансов, безуспешно пытавшимся ограничить максимальный размер немецкого участия в прибылях 30 процентами.

Я не имею возможности входить в детали того, как это было осуществлено. Я укажу только, что министр финансов составил список основных фирм, в прибылях которых участвовали немцы, список, воспроизведенный в таблице, приложенной к книге документов под номером РФ-260.

Из этой таблицы видно, что участие в прибылях, осуществленное фиктивно за счет клиринга, доходит до 307 436 тысяч франков, в счет расходов по оккупации — 90 160 миллионов франков. Сумма, относимая за счет участия в прибылях заграничных обществ, не может быть точно определена; и, наконец, за счет различных неустановленных источников — 28 718 тысяч франков.

Рассмотрение этих данных можно закончить оглашением выдержки из доклада Хаммена в январе 1944 года, в котором он пишет:

«В продолжение четырех лет оккупации Франции делегация в комиссии по перемирию перевела в целом в распоряжение

немцев ценности приблизительно на 121 миллион марок. В эту сумму входят акции в важнейших предприятиях, работающих на войну в нейтральных государствах, во Франции и в Германии. Подробности по этому вопросу содержатся в предыдущих отчетах о деятельности делегации. Примерно половина суммы компенсации была погашена Германией за счет передачи иностранных ценностей, изъятых в Голландии и Бельгии, а остаток суммы был оплачен посредством клиринга или за счет расходов по оккупации. В результате разницы между заграничным и французским курсом образовалась прибыль примерно в семь миллионов марок, которая была передана империи».

Надо подчеркнуть, что прибыль, извлеченная Германией, с чисто финансовой точки зрения, составляет не 7 миллионов марок, или 140 миллионов франков, как об этом говорит Хаммен, а несравненно больше. В действительности Германия оплачивала эти приобретения исключительно за счет расходов по оккупации, с помощью клиринга и за счет захвата французских займов, выпущенных в Голландии и Бельгии, что для этих стран являлось настоящим ограблением, а для Франции не могло явиться реальной компенсацией.

Эти уступки, совершенные в свое время Францией, внешне кажущиеся добровольными, побудили Объединенные Нации объявить в Лондонской декларации от 5 января 1943 г., что такие уступки должны быть объявлены недействительными, даже если они были заключены формально с согласия стороны, потерпевшей ущерб от этих уступок.

Я прибавлю, что все эти уступки являются сейчас предметом рассмотрения французских судов по вопросу о преследовании лиц, виновных в предательстве, независимо от того, что они, может быть, действовали под нажимом немцев.

Я заканчиваю этот раздел последним замечанием о захвате немцами недвижимого имущества во Франции. Пока по этому вопросу трудно еще привести точные данные, потому что большей частью эти операции производились при помощи подставных лиц. Наиболее разительным примером является некий Скольников, который вложил во время оккупации около двух миллиардов франков в покупку недвижимого имущества. Этот тип неопределенного подданства жил до войны бедно, скандально разбогател вследствие своих связей с гестапо и своих операций с оккупантами на «черном рынке». Но каковы бы ни были барыши, которые он получил от своих бесчестных махинаций, он лично не смог бы купить почти на два миллиарда недвижимости во Франции.

Я представляю за номером РФ-262 копию полицейского рапорта, касающегося этой личности. Я не смогу полностью огласить его Трибуналу, но он содержит перечень того

недвижимого имущества и целых фирм по продаже недвижимости, которые были приобретены на имя этого человека. Несомненно, что эта недвижимость представляет большую ценность. Совершенно очевидно, что Скольников, являвшийся агентом гестапо, служил подставным лицом для немцев, имена которых не удалось раскрыть и до настоящего времени.

Перехожу к вопросу об изъятии средств транспорта и сообщения. Французская администрация представляет нам статистические данные, систематизированные в очень подробных таблицах, которые я не буду оглашать. Я лишь отмечу, что большая часть паровозов и исправного подвижного состава была изъята и что общая стоимость изъятых транспортных средств достигает 188 450 миллионов франков.

Я перехожу к изъятиям, совершенным по департаментам Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля. Сейчас же после начала вторжения немцы присоединили эти департаменты к империи. Этот вопрос будет изложен более подробно французским обвинителем, который будет рассматривать вопрос о германизации. Что касается экономического разграбления, нужно указать, что немцы стремились извлечь максимальную пользу из этих трех департаментов. Если они и оплачивали некоторое количество продукции в марках, то они не провели регулирования цен на такие основные виды продукции, как уголь, железо, нефть, калийные соли, промышленные материалы, мебель, сельскохозяйственные машины.

Сведения по этому вопросу даны нам французской администрацией в таблице, которую я представлю под номером РФ-264; резюмирую очень кратко.

По трем восточным департаментам стоимость изъятых товаров, не оплаченных немцами, достигает 27 315 миллионов франков.

Заканчивая вопрос об этих трех департаментах, я должен сказать Трибуналу, что мой коллега, который осветит вопрос о германизации, укажет, каким путем фирма «Герман Геринг Верке», в которой подсудимый Геринг имел значительные капиталовложения, завладела оборудованием больших рудников французской компании «Внуки Ф. Венделя и К^о».

Я также пропускаю вопрос о принудительном труде. Скажу лишь, что французская экономика потерпела огромный ущерб от угона рабочих, о чем уже говорил Вам мой коллега. Был произведен подсчет потерянного рабочего времени и установлено, что французская экономика потеряла 12 550 миллионов рабочих часов из-за принудительного угона рабочей силы. Сюда не включено то количество рабочих, которые были вынуждены тем или иным способом работать на немцев на промышленных предприятиях внутри Франции,

Если Вы пожелаете, господа судьи, я закончу свое изложение в отношении Франции тем, что дам общий обзор положения и в последний раз обращусь к свидетельству Хаммена — этого экономического диктатора, который по приказу своих хозяев-подсудимых разорял мою страну.

Если в своих первых пяти отчетах, несмотря на их технический характер, автор высказывает уверенность победителя, который может все себе позволить, то в последнем отчете, составленном 15 декабря 1944 г. в Зальцбурге, Хаммен, сохраняя этот стиль своего отчета, в то же время явно пытается оправдать Германию, своих нацистских хозяев, самого себя. Но вместо этого, сам того не желая, произносит обвинительную речь против того рокового дела, в котором он участвовал.

Вот, господа судьи, очень краткие выдержки из последнего отчета Хаммена:

«Согласно руководящим указаниям, данным 5 июля 1940 г. рейхсмаршалом, уполномоченным по четырехлетнему плану, относительно действующего права, соглашение о перемирии не дает нам экономических прав в неоккупированной части Франции, даже если толковать его более широко».

Но дальше он признает шантаж, касающийся демаркационной линии, и говорит об этом в следующих выражениях:

«Правительство Петэна с самого начала выразило... желание достигнуть с помощью Германии... определенных целей и видеть снова объединенными две зоны Франции, которые были разделены демаркационной линией, чтобы достигнуть, таким образом, экономического и административного единства; в то же время правительство заявило, что оно готово руководить страной в соответствии с немецкой экономической системой и полностью реорганизовать ее по немецкому образцу».

Затем Хаммен прибавляет: «Возражая против важных уступок в отношении демаркационной линии, делегация в комиссии по перемирию пришла к соглашению с Французским правительством относительно введения немецких правил валютного обмена во французское законодательство...»

Рост цен, которые автоматически повышались вместе с развитием «черного рынка», давал себя знать сильнее, потому что заработная плата искусственно удерживалась на одном и том же уровне».

Я пропускаю, не желая задерживать Трибунал, параграф, где Хаммен говорит о французском движении Сопротивления, однако, я должен отметить, что Хаммен пытается доказать с помощью различных финансовых расчетов и весьма сомнительных рассуждений, что бремя войны для немцев было тяжелее, чем для французов. Но он сам опровергает всю созданную им систему защиты, когда в конце своих расчетов он пишет, что

«с осени 1940 года до февраля 1944 года стоимость жизни во Франции повысилась на 166 процентов, в то время как в Германии она повысилась только на 7 процентов».

Я думаю, что повышение цен на предметы первой необходимости является показателем обнищания страны.

Наконец, Хаммен в следующих выражениях признает совершенные немцами преступления:

«Из-за того, что в течение ряда лет большое количество материальных ценностей всякого рода выкачивалось без всякой компенсации, произошло колоссальное сокращение количества продуктов в стране, чему соответствовала, в свою очередь, циркуляция большого количества бумажных денег, что вызвало все более заметные признаки инфляции, выражающиеся прежде всего в обесценивании денег и в понижении покупательной способности».

Эти материальные потери, скажут мне, можно восполнить. С помощью трудолюбия и экономии можно будет в более или менее отдаленном будущем восстановить экономику страны. Это верно, но есть одна вещь, которую никогда нельзя будет исправить. Это — последствия лишений, которые сказались на физическом состоянии населения.

Если другие немецкие преступления, такие, как угон населения, убийства, зверства, заставляли нас содрогаться от ужаса, то преступление, которое заключалось в том, что население целых стран умышленно заставляли систематически голодать, является не менее ужасным.

В оккупированных странах, особенно во Франции, много людей умерли исключительно потому, что они недостаточно питались и были лишены топлива. Считается, что в среднем человеку нужно от 3 до 3,5 тысяч калорий в день и от 4 до 5 тысяч — для лиц, занимающихся физическим трудом. С самого начала нормирования продуктов, с сентября 1940 года, выдавалось только по 1800 калорий в день на человека. Этот паек непрерывно уменьшался: в 1942 году — до 1700 калорий, затем до 1500 и, наконец, упал до 1220 и 900 калорий в день для взрослых и до 1380 и 1300 — для рабочих. Старики получали только 850 калорий в день. Но реально получаемый паек был еще меньше, чем тот, что значился на продуктовых карточках; зачастую по многим талонам совсем ничего не выдавалось.

Немцы не могли не знать об этом катастрофическом состоянии здоровья населения, потому что они сами признавали во время войны 1914—1917 гг., что 1700 калорий являются «режимом непрерывного голода, который приводит к смерти».

Что еще усугубляло положение, — это качество выдаваемого пайка. Хлеб был самого плохого качества. Молоко, если оно выдавалось, было обезжирено до того, что содержало только

три процента жира. То малое количество мяса, которое выдавалось населению, было очень плохого качества. Рыба совершенно исчезла с рынка.

Если к этому прибавить почти полное отсутствие топлива, одежды и обуви, причем большей частью ни школы, ни госпитали не отапливались, то легко будет представить себе, каково было физическое состояние населения.

Развивались неизлечимые болезни, например туберкулез, и они еще долго будут оказывать свое опустошительное действие. Рост детей и подростков был значительно замедлен. Будущее нации внушает самое серьезное беспокойство. Результаты экономического разграбления будут ощущаться в течение долгого времени.

Истощение настолько велико, что, несмотря на щедрую помощь, оказываемую Объединенными Нациями, положение в ранее оккупированных странах еще до сих пор внушает тревогу. Почти полное отсутствие продукции на складах, недостаточное количество средств производства и транспорта и экономическая дезорганизация еще и сейчас не дают возможности обеспечить население достаточным пайком. Эта нищета, постигшая все страны, которые были оккупированы, сможет исчезнуть только постепенно и через длительное время, продолжительность которого сейчас еще никто не может определить.

Профессор Ги Ларош, уполномоченный деканом медицинского факультета в Париже изучить последствия недоедания во Франции, явившегося результатом немецкого вывоза, составил доклад по этому вопросу.

Я не хотел бы затгивать мои объяснения, оглашая весь доклад. Я только прошу Трибунал разрешить мне процитировать выводы. Они представлены под номером РФ-264-б.

«Вот насколько велики результаты недостаточного снабжения, которое немцы во время оккупации с 1940 года по 1944 год оставили французам. Трудно дать точную цифру погибших вследствие этого жесткого нормирования. Надо было бы иметь общую статистику, которую мы еще не сумели составить».

Однако без преувеличения можно считать, что количество умерших с 1940 года по 1944 год достигло по меньшей мере 160 тысяч человек, включая лиц, находившихся в богадельнях и приютах. К этому надо прибавить большое число болезней, физического истощения и душевных заболеваний, часто неизлечимых, детских болезней, тормозящих развитие, и т. д...».

Пусть мои противники не говорят мне, что немецкое население находилось в таком же положении. Я отвечу им, что это неверно. В течение четырех лет немцы не страдали от холода и голода, напротив, каждый немец питался очень хорошо, был

тепло одет, жилище его хорошо отапливалось — и все это за счет продуктов и предметов, награбленных в оккупированных странах у населения, которое было лишено самого необходимого.

Прошу Вас, господа судьи, помнить слова Геринга, который восклицал: «Если голод где-нибудь и наступит, то это ни в коем случае не будет в Германии».

Немцы и их нацистские руководители сами хотели войны, которую они развязали. Они не имели права обрекать на голод другие народы для того, чтобы осуществить свою попытку добиться мирового господства. Если сегодня они находятся в затруднительном положении, то это только следствие их собственного поведения.

После прихода Гитлера к власти политика нацистской Германии получила определенное направление. Внутренняя экономика и все ресурсы были использованы для подготовки к войне, которая, как надеялись, позволила бы Германии захватить силой богатства своих западных соседей, а потом обрушиться на Союз Советских Социалистических Республик в надежде использовать колоссальные богатства этой великой страны.

Таково применение теорий, изложенных в книге «Майн кампф», которому сопутствовало порабощение, а затем и уничтожение населения завоеванных стран...

Такие действия, сознательно совершенные немецкими руководителями в нарушении международного права и в частности Гаагской Конвенции, так же как и в нарушение общих принципов уголовного права всех цивилизованных наций, составляют военные преступления, за которые они должны ответить перед Вашим Высоким Судом.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ФРАНЦУЗСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ФОРМ О ГЕРМАНИЗАЦИИ ФРАНЦИИ, ДАНИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ И ЛЮКСЕМБУРГА

*[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 1, 2, 4 и 5 февраля 1946 г.]*

Господин председатель, господа судьи! Я имею честь представить Трибуналу заключительную часть доказательств французского обвинения по разделу III Обвинительного заключения — «Германизация» и разделу IV — «Преследование по политическим, расовым и религиозным мотивам».

Я хотел бы прежде всего изложить в кратком вступлении основные идеи, которые определяют план представления мною доказательств обвинения.

Понятие «германизация» рассматривалось в изложении господина де Ментона. В основном оно заключалось в том, что жителям оккупированных территорий старались навязать такие условия социальной и политической жизни, которые соответствовали бы доктрине фашистов и их интересам. Совокупность всех действий, направленных к осуществлению целей германизации и являющихся незаконными, расценивается нами как преступление против человеческих условий существования. Процесс германизации осуществлялся на территориях, которые нацисты собирались присоединить к Германии. Немцы намеревались еще до окончания войны включить эти территории в состав своей империи. На западе территориями, подлежащими аннексированию и германизации, были Люксембург, бельгийские районы: Эйпен, Мальмеди и Морене и три французских департамента: департаменты Верхнего Рейна, Нижнего Рейна и Мозеля. Эти территории по сравнению с теми землями, которые были оккупированы Германией, относительно невелики, но это никоим образом не умаляет преступного характера захвата их. Кроме того, я хочу отметить еще два положения:

1. Немцы составили план и подготовили проведение аннексий в более широких размерах, чем те, которые были осу-

ществлены официально. Все намечаемые аннексии не были осуществлены, так как в тот период это считалось несвоевременным.

2. Но аннексии не были единственным и обязательным приемом германизации. Нацисты поняли, что они могут использовать различные средства для того, чтобы достичь своей цели — мирового господства. Такое варьирование средств в зависимости от обстоятельств для достижения определенных целей характеризует коварство нацистов и именуется «макиавеллизмом». Их концепция — более гибкая, более хитрая и опасная по сравнению с классической доктриной территориальных захватов. В этом смысле самый жестокий завоеватель имеет перед ними то преимущество, что он по крайней мере откровенен.

Фашисты вначале рассчитывали произвести аннексии более обширных территорий. В этой связи я хочу огласить лишь два документа. Первый из них еще не был представлен Трибуналу. Это документ ПС-1155 за номером РФ-601, датированный 28 июня 1940 г., Берлин. На нем имеется надпись: «Секретный документ штаба». Он озаглавлен: «Запись беседы, состоявшейся 19 июня 1940 г. в ставке генерал-фельдмаршала Геринга». Цитирую:

«Основной проект политического развития.

Люксембург должен быть присоединен к рейху. Норвегия должна стать немецкой, Эльзас и Лотарингия снова возвращены империи, должно быть создано автономное британское государство; составляются некоторые проекты в отношении Бельгии и положения фламандцев, проживающих в этой стране, а также создания бургонского государства».

Вторая цитата, которую я хотел бы привести по этому поводу Трибуналу, взята из документа, который я представляю под номером РФ-602. Это — протокол допроса доктора Глобке. Оглашаю выдержку из этого документа:

«Вопрос: Знали ли вы о планах, которые предусматривали присоединение других французских территорий после заключения мира... (Бельфор, Нанси, Бассен де Брие, Шарбоннаж дю Нор, Зон Руж), а также территорий, которые принадлежали Бельгии?»

Ответ: Да, такие планы существовали, они были разработаны доктором Штуккартом по личному приказу фюрера, и я их видел. О них было сообщено министерству иностранных дел, ОКВ и комиссии по перемирию в Висбадене. Все эти документы были уничтожены. Статс-секретарь Штуккарт составил первый проект для ставки фюрера в 1940 году до начала кампании в России.

После рассмотрения фюрер нашел этот проект очень умеренным и дал указания распространить его на другие территории, в частности на побережье Ла-Манша. Доктор Штуккарт подготовил вторую редакцию. Была изготовлена даже карта, на которой была проведена приблизительная граница. Я ее видел и могу вам показать ее в общих чертах на карте Франции в крупном масштабе. Я не знаю, был ли одобрен этот второй проект Гитлером».

Теперь я прочту выдержку из меморандума, который приложен к протоколу.

Председатель: Не скажете ли Вы, кем был этот доктор?

Фор: Доктор Глобке был сотрудником доктора Штуккарта, статс-секретаря министерства внутренних дел.

Из допроса следует, что он был в министерстве внутренних дел с 1940 года экспертом по делам Эльзаса, Лотарингии и Люксембурга. Я оглашу выдержку из приложения к этому документу, уже представленному мной за номером РФ-602:

«Проект передвинуть франко-германскую границу был разработан в министерстве внутренних дел статс-секретарем фон Штуккартом согласно личному приказу Гитлера. В этом проекте утверждалось, что северные и восточные области Франции в силу исторических и других причин якобы относятся не к Западной, а к Центральной Европе, поэтому должны быть возвращены Германии».

Первая редакция проекта была вручена Гитлеру в его ставке. В целом она была им одобрена. Однако Гитлер выразил желание, чтобы к Германии были присоединены более обширные территории и, в частности, территории на побережье Ла-Манша. Окончательный проект должен был послужить предметом последующего обсуждения заинтересованных департаментов, однако это обсуждение так и не состоялось.

Граница приблизительно должна была проходить от устья Соммы по северной границе Парижского бассейна и Шампани до Аргонн, затем отклонялась на юг, пересекала Бургонь, шла вокруг Франс-Комте и кончалась у Женевского озера. В отношении некоторых провинций принимались различные решения.

...С помощью ли аннексий или без них нацисты предполагали добиться господства во всех оккупированных странах. Они выражали твердое намерение германизировать и нацифицировать всю Западную Европу и даже африканский материк. Это подтверждается тройственным пактом от 27 сентября 1940 г., заключенным между Германией, Италией и Японией.

Согласно этому пакту Германия, Италия и Япония договорились между собой содействовать друг другу в установлении так называемого «нового порядка» в Европе и в Восточной Азии...

По мнению одного из официальных комментаторов пакта, действие его должно было распространяться не только на Европу и Восточную Азию, но и на Африку, так как эта последняя «в экономическом и политическом отношении является лишь придатком Европы»...

Я буду представлять доказательства в таком порядке: сначала я дам характеристику режима, установленного на аннексированных территориях, на которых был уничтожен национальный суверенитет. Потом я покажу, каким именно образом в интересах оккупантов лишались суверенитета те районы, которые не были аннексированы.

В третьем разделе моего выступления будет освещена духовная германизация, то есть пропаганда, которой немцы придавали весьма большое значение.

В четвертом и последнем разделе будут представлены доказательства организации преступных действий для осуществления намеченных целей...

Теперь я попрошу Трибунал обратиться к досье, которое озаглавлено: «Аннексия Эйпена, Мальмеди и Морене».

Аннексия Эйпена, Мальмеди и Морене была декларирована германским законом от 18 мая 1940 г., который послужил основой для последующего декрета от 23 мая 1940 г. о практическом осуществлении аннексии. Официальный текст этого закона был опубликован в «Рейхсгезетцблатт» на странице 804. Я прошу Трибунал принять его в качестве доказательства.

В соответствии с указанным декретом, подписанным Гитлером, Герингом, Фриком и Ламмерсом, три бельгийских округа были присоединены к району Аахена, и на их территории были введены германские законы.

Декретом от 24 сентября 1940 г. в названных округах были назначены местные германские власти и введены германские муниципальные законы, а еще раньше — учреждены германские участковые и окружные суды.

Немецкий высший суд в Кельне заменил бельгийский кассационный суд и взял на себя компетенцию последнего...

Я не намереваюсь долгое время останавливаться на положении, которое создалось в результате аннексии упомянутых бельгийских территорий, так как последовательное развитие событий аналогично тому, которое имело место в других странах, и мы еще будем на нем останавливаться...

Я прошу Трибунал обратиться к досье, озаглавленному «Эльзас и Лотарингия».

В отличие от того, что было предпринято в отношении бельгийских округов, нацисты не декретировали аннексию трех французских департаментов, составляющих Эльзас и Лотарин-

гию. Но распоряжались они в этих департаментах, как в присоединенных к Германии. Это видно из документа РФ-701, находившегося в архивах Верховного суда Франции; подлинность предъявляемого экземпляра подтверждается подписью секретаря суда. Я оглашу документ:

«1. Префекты, супрефекты и мэры, а также ряд чиновников из местных жителей, убеждения которых вызывали сомнения, были устранены с должностей.

2. Монсеньёр Гейнц, епископ Меца, был изгнан из своей епархии. Многие представители духовенства были также изгнаны под тем предлогом, что они владеют французским языком и что у них французский образ мыслей.

3. Монсеньёр Руш, епископ Страсбурга, был лишен права выполнять свои функции в епархии и освобожден от своих обязанностей...

5. Эльзас и Лотарингия были включены в сферу гражданского управления Германии. Государственная и таможенная границы были перемещены на западные пределы этих территорий.

6. Железные дороги были включены в железнодорожную сеть Германии.

7. Управление почт, телеграфа и телефона было передано в ведение германских органов, которые постепенно заменяли персонал этих учреждений своим персоналом.

8. Французский язык был запрещен как в учреждениях, так и в общественной жизни.

9. Названия местностей были онемечены.

10. В указанных районах было введено расовое законодательство Германии. В связи с этой мерой лица еврейского происхождения были изгнаны. Также были изгнаны представители всех национальностей, которых германские власти рассматривали как поселившихся незаконным образом.

11. Только эльзасцы и лотарингцы, которые выразили согласие признать себя лицами германского происхождения, получали разрешение оставаться у своих очагов.

12. Собственность политических организаций и собственность евреев была конфискована, так же как и собственность, полученная Францией после 11 ноября 1918 г.».

Германская политика развивалась в трех направлениях.

Во-первых, проводилась совокупность мер, которые имели целью устранить все, что мы называем французским по духу, то есть все то, что связывало население этой страны со своими определенными условиями существования и национальными традициями.

Во-вторых, — совокупность мер, предназначенных для того, чтобы навязать местному населению германские нормы во всех сферах жизни.

И, наконец, производились перемещение и колонизация (здесь мы употребляем германскую терминологию).

Я хотел бы особо отметить здесь, что немцы стремились прежде всего устранить такие элементы французского духа, которые смогли бы существовать даже при устранении условий национального существования с помощью юридических средств. Прежде всего они запретили в предельно грубой форме употребление французского языка. Об этом говорится в многочисленных приказах и распоряжениях. Распоряжение от 16 августа 1940 г. озаглавлено: «К вопросу о восстановлении родного языка». Этот документ был опубликован в бюллетене германских приказов и распоряжений за 1940 год (документ РФ-703).

«В качестве дальнейшего проведения уже принятых мер в целях восстановления родного языка эльзасского населения, приказываю следующее:

1. Официальный язык. Все официальные учреждения в Эльзасе, в том числе администрация в общинах, общественные учреждения, а также церкви и судебные органы должны употреблять лишь немецкий язык как в устной, так и в письменной форме.

Население Эльзаса должно говорить исключительно на немецком языке в том случае, когда оно обращается к указанным учреждениям как в устной, так и в письменной форме.

2. Имена и фамилии. Впредь следует употреблять имена как в устной, так и в письменной форме лишь в их немецком виде даже в том случае, если они записаны в метрике о рождении по-французски. С момента вступления в силу настоящего приказа в метрики могут вписываться только немецкие имена.

Эльзасцам, имеющим французские имена, которых не бывает у немцев, рекомендуется изменить их с тем, чтобы выразить свою приверженность ко всему германскому. Это в такой же мере касается лиц, носящих французские фамилии.

3. Названия фирм. Находящиеся в Эльзасе предприятия, учреждения и фирмы, чьи названия целиком или частично являются французскими, должны изменить существующие названия на соответствующие германские названия не позднее 15 сентября 1940 г.

4. Настоящим запрещается составление контрактов, а также каких бы то ни было документов, которые должны быть заверены у нотариуса на французском языке. Деловая переписка на специальных типографских бланках и на обычных бланках должна вестись на немецком языке.

Бухгалтерские книги, финансовые расчеты предпринимателей и арендаторов предприятий также должны вестись на немецком языке.

5. Надписи на могилах. Впредь надписи на крестах и надгробных плитах могут составляться лишь на немецком языке. Это распоряжение касается составления новых надписей в такой же мере, как и восстановление ранее существовавших».

Так как население оказывало сопротивление проводившимся мероприятиям, эта кампания продолжалась в течение всего периода оккупации. В связи со сказанным я хотел бы процитировать выдержку из весьма примечательной статьи, которая была опубликована в «Дерньер Нувель де Страсбург» 30 марта 1943 г. Эта выдержка не предъявляется в качестве документа, так как она взята из статьи, которая была опубликована. При чтении ее создается впечатление, что это шутка. Однако она касается серьезных вещей, так как в ней восхваляются меры, применяемые в отношении лиц, которые отказывались употреблять немецкий язык.

После запрещения французского языка национал-социалисты занялись музыкой. Таково содержание декрета от 1 марта 1941 г., подписанного начальником управления по пропаганде и просвещению Дресслером (документ РФ-704; он был опубликован в германском офицозе «Журналь офисиель альман» за 1941 год, страница 170).

«О нежелательной и вредной музыке. Музыкальные произведения, находящиеся в противоречии с культурными устремлениями национал-социализма, внесены отделом по пропаганде и просвещению в список нежелательных и вредных».

После музыки нацисты принялись за головные уборы.

Представляю в качестве доказательства документ за номером РФ-705 — декрет от 13 декабря 1941 г., опубликованный в официальном бюллетене за 1941 год, страница 744, в котором сказано:

«Носить французские береты (баскские береты) в Эльзасе запрещается. Этот запрет касается всех головных уборов, которые по своей форме или своим видом напоминают французские береты».

Нарушение этого запрещения каралось штрафом или тюрьмой.

Нацистские руководители вели также упорную борьбу с жителями, хранящими французские флаги. В качестве примера я приведу выдержку из документа РФ-706, который по своему характеру является распоряжением германских административных властей; он был обнаружен в Страсбурге, в архиве управления гаулейтера. Этот документ датирован 19 февраля 1941 г. Я оглашу три абзаца из первой части этого документа, которые следуют за выдержкой общего порядка:

«Гаулейтер считает желательным, чтобы управления блоклейтеров и целенлейтеров рекомендовали эльзасскому

населению распорядиться имеющимися у него французские флаги и использовать их для домашних нужд...

К 1 мая с. г. ни одно частное лицо не должно иметь французских флагов. Это должно быть достигнуто следующим образом: блоклейтеры должны поочередно обойти все дома и рекомендовать семьям использовать флаги для домашних нужд.

Следует также довести до сведения, что после первого мая этого года будут сделаны соответствующие выводы о взглядах тех лиц, в чьем владении будут обнаружены французские флаги».

Следующий документ идет под номером 707; он также является распоряжением на ту же тему, изданным 20 апреля 1941 г. в Страсбурге. Я хотел бы огласить лишь последнюю фразу из этого документа.

«В том случае, если к 1 июня 1941 г. у кого-либо из эльзасцев будут обнаружены французские флаги, эти лица должны быть направлены в концентрационные лагеря».

Нацисты боялись французского влияния в такой степени, что даже приняли особые меры, чтобы помешать въехать в Эльзас рабочим из числа угнанных на принудительные работы жителей оккупированных территорий, французам по национальности. Об этом говорится в распоряжении представителя гражданской администрации в Эльзасе от 7 сентября 1942 г.; распоряжение представляется под номером РФ-708. Этот документ также был изъят из архива управления гаулейтра в Страсбурге. Я оглашаю первые строки этого документа:

«В связи со сложившейся обстановкой при наборе рабочей силы начальник гражданской администрации принял решение о том, что иностранные рабочие из всех европейских стран впредь могут быть использованы в Эльзасе. Это не относится к французам и бельгийцам, которые не могут быть использованы в Эльзасе».

Я прошу Трибунал принять книгу документов, являющихся доказательствами ликвидации нацистами суверенитета Франции.

Франция, так же как и Бельгия, находилась под властью военной оккупационной администрации. Помимо этого, во Франции существовало дипломатическое представительство. Наконец, следует указать на полицейскую администрацию, которая всегда играла важную и непрестанно возрастающую роль в период, следующий после назначения генерала Обрега в 1942 году.

В последней части своего доклада об узурпации суверенитета я хотел бы ограничиться упоминанием о ряде особенностей, присущих захватническим актам во Франции, и о ряде специфических для этой страны средств, использованных немцами, так как об остальном уже подробно говорилось ранее и

я сам буду еще говорить в дальнейшем о последствиях германских действий во Франции.

Я хотел бы привлечь внимание Трибунала к четырем моментам.

Германские власти во Франции с самого начала с помощью особых мер добились лишения Франции суверенитета. Я имею в виду разделение страны на пять различных зон. Это разграничение, осуществленное по приказанию немцев, создало для немцев в определенной мере особую ситуацию. Население только ценой преодоления значительных трудностей могло переезжать из одной части французской территории в другую. Немцы, выдававшие пропуски на переезд, получили, таким образом, средство давления на французские власти. Это средство давления было тем более выгодным, что оно могло быть постоянно использовано и было весьма разнообразным.

Я хочу напомнить, что немцы прежде всего отделили от остальной части Франции департаменты Верхнего и Нижнего Рейна и Мозеля, присоединив их к германской империи. Потом присоединили департаменты Нор и Па-де-Кале к зоне германской военной администрации в Бельгии.

Затем немцы создали внутри неоккупированной зоны так называемую запретную зону... Для въезда и выезда из нее требовалось специальное разрешение. Возвращение в эту зону лиц, которые оставили ее ранее с тем, чтобы укрыться в других районах, могло осуществляться лишь постепенно и было связано со значительными трудностями.

Осуществление административных и экономических связей между указанными зонами было постоянно затруднено.

Для того чтобы закончить с вопросом о разделе французской территории на зоны, я хотел напомнить Трибуналу, что 11 ноября 1942 г. германские вооруженные силы вторглись в так называемую неоккупированную зону.

Германские власти заявили тогда, что они не имеют намерения устанавливать в этой зоне военный оккупационный режим и что эта зона является какой-то «зоной операции». Но германские власти вообще не соблюдали никаких правил, установленных для разных зон и для оккупированной территории.

...Вторая форма лишения Франции суверенитета заключалась в установлении контроля со стороны немцев над законодательными актами правительства де-факто во Франции.

Первый документ, который я представляю под номером РФ-1055, — письмо главнокомандующего вооруженными силами во Франции уполномоченному Французского правительства при командовании германских вооруженных сил во Франции. Это письмо датировано 29 декабря 1941 г. и подписано

доктором Бестом, который выполнял и дипломатические, и полицейские функции. Я думаю, что нет необходимости оглашать текст этого письма, я оглашу лишь заголовок: «Тема: Проект закона о французском бюджете на 1942 год, а также нового французского финансового закона».

Германские власти считали, что они обладают достаточными правами для того, чтобы устанавливать бюджет Французского правительства. Они не только вносили изменения в текст подготовленных правительством де-факто законов, но и давали указания в безоговорочной форме...

Третья форма лишения Франции суверенитета, использованная немцами, заключалась во вмешательстве при назначении на должности и при повышении чиновников в ранге. В качестве доказательства я предъявляю под номером РФ-1056 письмо командующего фон Штюльпнагеля де Бринону от 23 сентября 1941 г. Это письмо содержит различные замечания по вопросу о саботаже при сборе урожая и затруднениях в снабжении продовольствием замечания, которые нет надобности оглашать полностью. Я оглашу лишь последний абзац этого документа.

«В связи с этим я решительно заявляю, что единое руководство обеспечит снабжение населения продовольствием, а это мне представляется осуществимым лишь при условии, если энергичный и компетентный человек возьмет на себя руководство двумя министерствами».

В данном случае имеет место вмешательство по вопросу о составе кабинета министров, который имел видимость правительственной власти.

Я предъявляю далее документ РФ-1058, который также является письмом военного командования. Это краткое письмо, и я оглашу его:

«Прошу вас принять необходимые меры для того, чтобы супрефект Сен-Кентэна господин Планакасань был освобожден от своих обязанностей и заменен так скоро, как это представится возможным, чиновником, осведомленным в вопросах, связанных с выполнением этой должности.

Господин Планакасань не находится на высоте положения в выполнении своих функций».

Теперь я оглашу документ более общего характера. Я предъявляю документ РФ-1059, который является секретным циркуляром от 10 мая 1942 г., адресованным военным командованием (административное управление штаба) всем главным комендатурам. Мы обнаружили на этом документе подпись доктора Беста.

«Контроль над французской политикой в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях.

Изменения в составе Французского правительства создают определенную возможность оказывать положительное влияние на французскую политику в вопросе о назначении чиновников на оккупированных территориях.

Поэтому я прошу вас указать тех высших французских чиновников, которых, с германской точки зрения, представляется возможным в первую очередь использовать и чьи фамилии могут быть сообщены Французскому правительству, когда будет производиться назначение должностных лиц на ответственные посты».

Здесь мы видим, как далеко простирались щупальцы германского контроля и германской узурпации.

...Различные органы, осуществлявшие захватнические действия во Франции, то есть военное командование, посольство и полиция, тесно сотрудничали между собой. К вопросу о последней я возвращусь в дальнейшем, а сейчас я предъявляю Трибуналу документ под номером РФ-1061 о назначении Отто Абеца послом.

«Министерство иностранных дел, 3 августа 1940 г.

В ответ на запрос генерал-квартирмейстера, адресованный верховному командованию вооруженных сил и переданный последним в министерство иностранных дел.

Фюрер назначил Абеца, имеющего ранг министра, послом и в соответствии с моим докладом приказал нижеследующее:

1. Посол Абец должен выполнять во Франции следующие функции:

а) быть политическим советником военных органов;

б) поддерживать постоянный контакт с правительством Виши и представителем этого правительства в оккупированной зоне;

в) оказывать влияние в благоприятном для нас направлении на важнейших политических деятелей в оккупированной и неоккупированной зонах;

д) осуществлять политическое руководство прессой, радио и пропагандой в оккупированной зоне и оказывать влияние на лиц, которые отвечают за создание общественного мнения в неоккупированной зоне;

е) заниматься вопросом о германских, французских и бельгийских гражданах, возвращающихся из концентрационных лагерей;

ф) являться советником тайной военной полиции и государственной тайной полиции в вопросе о получении документов, имеющих политическое значение;

г) обеспечить сохранность всех принадлежавших государству и частным лицам произведений искусства, имеющих значительную ценность, и, в частности, произведений искусства,

принадлежавших евреям, в соответствии со специальными инструкциями, которые были даны по этому вопросу.

2. Фюрер приказал в совершенно определенной форме, чтобы только Абец был ответственным во всех политических вопросах в оккупированной и неоккупированной Франции. В тех случаях, когда функции посла Абеца будут затрагивать военные интересы, он будет действовать лишь в согласии с военным командованием во Франции.

3. Посол Абец уполномочивается быть моим представителем при военном командовании во Франции. Он будет проживать в Париже, как и до настоящего времени. Он получит от меня инструкции для выполнения своей миссии и будет нести ответственность только и непосредственно передо мной.

Я весьма ценю тот факт, что верховное командование вооруженных сил (ОКВ) отдаст необходимые приказы соответствующим военным органам в максимально короткий срок.

Риббентрон.

Этот документ свидетельствует о тесном сотрудничестве, существовавшем между военным командованием и министерством иностранных дел, и об ответственности их руководителей за совершенные преступления.

С давних пор в рейхе существовали официальные управления пропаганды, которые входили в министерство, созданное в 1933 году под названием министерства информации и пропаганды, которое возглавлял Геббельс и в котором подсудимый Фриче выполнял важные функции. Но не только министр и само министерство несут ответственность за пропаганду нацизма с его зверствами и преступлениями.

В такой же мере за это ответственны министр и министерство иностранных дел. Партия также активно участвовала в пропаганде. Пропагандистские органы были созданы и военным командованием, они весьма активно действовали на оккупированных территориях.

...Немецкие власти 30 августа 1940 г. издали приказ, опубликованный в официальном сборнике «Правительственный вестник» от 16 сентября, запрещающий выпуск некоторых школьных учебников во Франции. Таким же образом они действовали и в Бельгии. Следующим мероприятием немцев было запрещение книг, которые им не подходили. В документе РФ-1103 содержится список «Отто», опубликованный в сентябре 1940 года, который содержит 1074 наименования книг, запрещенных немцами.

Второй список «Отто», еще более длинный, был опубликован 8 июля 1942 г.; он приведен в документе РФ-1104. Запрещены были даже такие книги, как биографии композиторов Оффенбаха, Мейербергера и др.

За слушание иностранных радиопередач военное командование настойчиво требует от французских властей ввести самые суровые меры наказания вплоть до смертной казни.

Я полагаю, что будет интересно представить документ, исходящий от военного командования и подписанный Штюльпнагелем. Я хотел бы огласить этот документ, представляемый нами под номером РФ-1146:

«...Французский закон от 28 октября 1941 г. не предусматривает специального наказания за слушание и распространение иностранных радиопередач, которые могут способствовать нарушению порядка и угрожают общественной безопасности, несмотря на то, что такое нарушение представляет серьезную опасность.

Необходимо, чтобы распространение таких передач наказывалось суровыми мерами: каторжными работами и в исключительно серьезных случаях даже смертной казнью, независимо от того, слушали ли лица, которые распространяют эти сообщения, сами радио или нет.

Существующие возможности подвергать наказаниям за такие нарушения на законном основании, прибегая к государственному судам, являются недостаточными для того, чтобы население перестало слушать английское радио и распространять услышанные новости.

Так как государственный закон, определяющий функции государственных судов, не предусматривает наказания за нарушение, заключающееся в слушании иностранного радио, и нет указания о том, что за слушание и распространение этих радиопередач виновные в этом лица будут присуждаться к каторжным работам и к смертной казни, то население до сих пор не отдает себе отчета о том, что такое нарушение может повлечь за собой каторжные работы и смерть.

Следовательно, я требую, чтобы до 3 января 1942 г. мне был представлен проект закона, изменяющий закон от 28 октября 1941 г.

В приложении я препровождаю текст проекта закона на немецком языке, в котором намечается проведение исключительных мероприятий, касающихся радиопередач; он поможет вам детально ознакомиться с предлагаемым порядком».

Предъявляю документ за номером РФ-1147. Это — письмо из Берлина от 27 октября 1941 г. о соглашении относительно сотрудничества министерства информации и пропаганды с министерством иностранных дел. Я читаю сопроводительное письмо, которое устанавливает подлинность документа:

«С разрешения министерства мы посылаем для сведения как секретный документ государственной важности копию соглашения, которое касается сотрудничества с министерством иностранных дел...»

Документ, который прилагается, включает весь текст соглашения; я его не оглашаю. Я просто замечу, что он доказывает одновременно объем и характер того насилия, с помощью которого немцы хотели обеспечить свое влияние на население оккупированных и даже иностранных государств.

Раздел I документа озаглавлен: «Сотрудничество в различных отраслях». В подразделе «А» документа речь идет о кино, театре, музыке и выставках, в подразделе «В» — о печатных изданиях.

Я считаю, что интересно зачитать несколько строк из пункта «В». Цитата очень невелика:

«Министерство иностранных дел и имперское министерство информации и пропаганды совместно и на равных началах оказывают поддержку подставному обществу «Мундус А. Г.», которое объединяет все издательства в Германии и за границей, находящиеся под контролем этих двух министерств. Эти издательства будут опубликовывать литературные произведения, предназначенные для заграницы и для распространения за границей. Все учреждения, которые будут совместно созданы двумя этими министерствами и которые будут действовать в той же сфере, войдут в указанное общество».

На странице 3 из четвертого абзаца я также хотел бы процитировать одно предложение:

«Оба министерства взаимно принимают участие в разработке плана пропагандистских изданий, которые будут опубликовываться ими или по их инициативе внутри страны для распространения за границей».

Наконец, на странице 4 я оглашаю одну фразу из предпоследнего абзаца:

«В целях объединения в единый организм всех находящихся за границей и открыто принадлежащих немцам пунктов радиовещания министерство иностранных дел и министерство информации и пропаганды будут совместно эксплуатировать на равных началах подставную организацию международного радиовещания «А. Г.», находящуюся в Берлине».

Трибунал, я полагаю, заметил выражение: «открыто принадлежащих немцам». Это указание будет дополнено последней цитатой на странице 5:

«Из политических соображений тайное влияние, оказываемое на пункты радиовещания, находящиеся за границей, должно проводиться отдельно от общества, являющегося для нас подставным...»

В циркуляре (документ РФ-1148), направленном во все отделы пропаганды, даются указания, как искоренять национальную культуру. В данном случае речь идет о чешской культуре.

«Совершенно определенным образом необходимо подчеркивать принадлежность чехов к европейско-германской культуре. Необходимо настаивать во всех случаях на сильном влиянии, которое оказывала германская культура на чешскую культуру, даже на зависимости, в какой чешская культура находилась от культуры германской, и, в частности, на существовании германских культурных традиций в Богемии и Моравии.

Необходимо всегда принимать во внимание тот факт, что чехи, хотя и говорят на славянском языке, но, находясь на протяжении столетий вместе с германскими народами, народами более высокой культуры, в государствах немецкого преобладания, действительно принадлежат к германской культуре и не имеют почти ничего общего с другими славянскими народами...»

...Перехожу к представлению доказательств об истреблении евреев во Франции и в западных странах.

Я хотел бы обратить внимание прежде всего на то, что нацистское преследование евреев шло по двум направлениям: по линии законодательной и по линии административного самоуправления.

Что касается законодательных актов, изданных германскими властями — военными или административными, то эти акты совершенно явно представляли собой вопиющее нарушение суверенитета оккупированных стран.

Я думаю, что нет необходимости рассматривать эти законодательные акты подробно, так как их основные положения общеизвестны.

В качестве документальных доказательств я представляю несколько указов, которые были изданы во Франции в отношении евреев. Так как эти указы опубликованы, я прошу Трибунал принять их без доказательств. Следует заметить, что издание подобных законов продолжалось вплоть до 1942 года, а затем началось проведение административных мероприятий по угону евреев, что обрекло их на уничтожение.

Нацисты сначала занялись учетом еврейского населения, чтобы затем всю эту обреченную часть общества изъять одним ударом.

В качестве доказательства представляю отчет Даннекера от 22 февраля 1942 г. (документ РФ-1210) о мероприятиях, проведенных в отношении евреев.

Первый подзаголовок: «Задачи полиции и безопасности и СД во Франции». Второй подзаголовок: «Еврейская картотека». Третий подзаголовок: «Французский комиссариат по еврейским делам». Четвертый подзаголовок: «Французская антиеврейская полиция». Пятый подзаголовок: «Мероприятия».

«До сих пор против парижских евреев были проведены три операции крупных масштабов. Каждый раз наши управления

были ответственны за отбор евреев, подлежащих аресту, а также за всю подготовительную работу и за техническую организацию мероприятий. Еврейская картотека, которую мы только что составили, значительно помогла в организации всех этих мероприятий...»

Следующая рубрика: «Антиеврейский институт». Затем: «Обязательное группирование евреев». И наконец: «Заседания по вторникам».

«С середины 1941 года каждую неделю по вторникам имели место совещания, на которых присутствовали представители следующих ведомств: 1) военного командования; 2) полицейской группы; 3) экономического отдела; 4) германского посольства в Париже; 5) особого оперативного штаба рейхслейтера Розенберга.

За редкими исключениями, совещания приводили к осуществлению единства политики по еврейскому вопросу на оккупированных территориях.

В документе РФ-1217, озаглавленном «Другие случаи отправки евреев из Франции», говорится:

«...Было согласовано, что 15 тысяч евреев будет депортировано из Нидерландов, 10 тысяч — из Бельгии и значительное число — из Франции, в том числе и с неоккупированной территории; в общей сложности должно быть депортировано 100 тысяч евреев».

В отчете о совещании, на которое были приглашены представители французских властей (документ РФ-1228), записано: «В связи с совещанием, которое происходило 28 августа 1942 г. в Берлине, было установлено, что большинство европейских стран более близки к окончательному решению еврейского вопроса, чем Франция, хотя справедливо и то, что в других странах им начали заниматься раньше. Необходимо, следовательно, наверстать упущенное, начиная с сегодняшнего числа, 31 октября 1942 г.»

В сообщении Даннекера от 21 июля 1942 г. (документ РФ-1233) говорится:

«Вопрос о депортации детей был подвергнут рассмотрению с оберштурмбаннфюрером СС Эйхманом. Он принял решение, согласно которому партии детей будут отправлены сразу же после того, как станет вновь возможна депортация в генерал-губернаторство. Оберштурмбаннфюрер СС Новак обещал сделать возможной отправку в генерал-губернаторство в конце августа — начале сентября примерно шести партий евреев, в том числе нетрудоспособных и стариков».

Оглашаю далее документ под номером РФ-1234:

«Евреи из неоккупированной зоны будут присоединены в Дранси к еврейским детям, находящимся в настоящее время

в Питивье и Бон-ля-Роланде, причем на 700 взрослых евреев будет приходиться не менее 500 евреев-подростков и от 300 до 500 еврейских детей. В соответствии с инструкциями главного имперского управления безопасности составы, в которых находятся лишь еврейские дети (без взрослых), не должны отправляться...

Было сообщено в Леге, что в сентябре из Дранси будет отправлено 13 поездов с евреями и для этих партий можно будет предоставить еврейских детей из неоккупированной зоны».

Перехожу к представлению доказательств по Дании.

Представляю дополнительный меморандум Датского правительства под номером РФ-901:

«Начиная с нового 1944 года были совершены убийства значительного числа лиц, причем убитые были в большинстве случаев известными людьми и убийства совершались через сокращающиеся промежутки времени обычно так: у дверей лиц, на которых покушались, раздавался звонок, и один или двое неизвестных заявляли, что хотят переговорить с ними. В момент появления того, на кого готовилось покушение, неизвестные убивали его выстрелом из револьвера. Другой способ: какое-то лицо под предлогом болезни обращалось к врачу в часы приема, и когда врач выходил, неизвестный убивал его выстрелом из револьвера. Иногда неизвестные силой вламывались ночью в дом и убивали того, кто в нем жил, на глазах у жены и детей. Одного человека подстерегли на улице и убили выстрелом из револьвера неизвестные гражданские лица...»

По мере того как число жертв возрастало, датчане стали понимать, что все эти убийства были вызваны определенными политическими мотивами и что в той или иной форме немцы являлись подстрекателями этих убийств. После капитуляции немцев в Дании и расследования, произведенного датской полицией, было установлено, что все эти убийства, которые исчисляются сотнями, действительно, были совершены в соответствии с указаниями высших властей и при активном сотрудничестве германских высших должностных лиц в Дании».

В докладе Датского правительства содержится подробное описание первого из этих убийств, жертвой которого явился известный датский поэт Кай Мунк, являвшийся в то же время пастором одного из приходов. Совершившие убийство признались, что пастора они застали у себя дома, насильно увезли его на автомобиле и убили на дороге. Тело его было обнаружено на следующий день с запиской, которая была приколоты к трупу. В ней было написано: «Свинья, ты все же работал для Германии»¹.

¹ Фашистские головорезы делали это для того, чтобы убийцами считали участников Сопротивления. — Составители.

Было установлено, что все участники нацистских банд, совершившие различные преступления, получили поздравительные письма от Гимmlера. Текст такого письма был обнаружен у одного из убийц и приложен к датскому докладу.

Датской полиции удалось арестовать Гюнтера Панке, являвшегося генералом полиции в Дании с 1 ноября 1943 г. Протокол его допроса от 25 августа 1945 г. включен в доклад Датского правительства (документ РФ-901).

«30 декабря 1943 г. допрашиваемый и Бест присутствовали на совещании в ставке Гитлера, на котором в числе участников совещания были Гитлер, Гимmlер, Кальтенбруннер, генерал фон Ханнекен, Кейтель, Иодль и Шмундт. Это соответствует также записи в дневнике Беста от 30 декабря 1943 г., копия которой имеется. Там также должен был присутствовать представитель германского министерства иностранных дел, но допрашиваемый не помнит ни фамилии этого представителя, ни того, выступал он или нет.

Уже в ходе первой части совещания Гитлер находился в весьма дурном настроении, и были все основания предполагать, что полученные им сведения относительно положения в Дании несколько преувеличены.

Свидетель Панке показал, что он и доктор Бест посоветовали бороться с саботирующими легальным путем. Далее он указал, что Гитлер был решительно против предложений допрашиваемого и Беста, заявив, что вопрос о том, чтобы саботирующие представляли перед судом, полностью исключается.

Далее Гитлер разъяснил, что эта процедура приведет к тому, что лиц, которые будут осуждены, будут считать героями.

«С саботирующими, — указал он, — следует обращаться единственным способом, а именно: их следует убивать и желательно делать это в момент выполнения ими своих действий или же в момент их ареста». Оба они¹ получили лично от Гитлера строгий приказ начать проводить «искупительные» убийства. На это допрашиваемый, тем не менее, ответил, что исключительно трудно и опасно расстреливать людей в тот момент, когда их задерживают, учитывая, что в момент ареста нельзя установить вполне определенно, что данное лицо действительно является саботажником. Гитлер потребовал, чтобы «искупительные» убийства совершались в пропорции по крайней мере 5 к 1, то есть чтобы за каждого убитого немца убивали пятерых датчан.

Помимо этого генерал Кейтель также принял участие в беседе, правда, ограничившись предложением уменьшить продовольственное снабжение Дании, доведя его до того уровня, на

¹ Панке и Бест. — Составители.

котором находится снабжение в Германии. Это предложение также было отклонено всеми тремя представителями в Дании. В итоге заседание закончилось совершенно определенным приказом Гитлера начать проводить «искупительные» убийства и действия по борьбе с саботажем.

После этого совещания допрашиваемый вел переговоры один на один с Гимmlером, который сказал ему, что теперь допрашиваемый узнал от самого Гитлера, как следует действовать, и что он, Гимmlер, думает, что допрашиваемый выполнит полученный приказ. Он полагал, что до сих пор он выполнял только приказы Гимmlера. Допрашиваемому известно, что сразу же после совещания Бест имел беседу с Риббентропом, но он не знает содержания и результатов этой беседы».

Далее в этом документе говорится о том, что свидетель проводил ответные убийства, но не в пропорции 5 к 1, а в пропорции 1 к 1. Он показал, что направлял в Берлин отчеты об ответных убийствах.

«Допрашиваемый объяснил, что, по его мнению, эти меры были указаны высшей законодательной властью в Берлине в форме приказа, причем это было сделано совершенно преднамеренно; эти законодательные органы считали указанные меры необходимыми для обеспечения безопасности немцев, находившихся в Дании, и датчан, работавших на Германию. Допрашиваемый был вынужден подчиниться приказу. Бофензипен представлял отчеты о событиях и, когда дело касалось серьезных вопросов, давал свои предложения. Допрашиваемому неизвестно, избирал ли Бофензипен в отдельных случаях объекты лично или же это делали его подчиненные, но он добавил к этому, что на Бофензипена оказывалось сильное давление со стороны военных кругов, в частности, со стороны генерала Ханнекена, хотя последний и был вначале против карательных действий в форме террора, а позднее со стороны генерал-полковника Линдемана. Когда убивали солдат или причиняли ущерб военным объектам, у допрашиваемого немедленно запрашивали о том, какие меры он принял, и что могут сообщить военные власти по этому поводу в главную ставку, то есть Гитлеру. Допрашиваемый должен был давать удовлетворительный ответ и действовать соответствующим образом».

Далее свидетель Панке показал, какова была организация террористических групп.

Я должен сообщить, что датской полиции удалось арестовать бывшего германского представителя в Дании доктора Беста и произвести опись его бумаг. Среди этих бумаг находится личный дневник доктора Беста. В дневнике имеется заметка от 30 декабря 1943 г., которая соответствует сведениям, данным в ранее приведенных свидетельских показаниях относительно

совещания, состоявшегося 30 декабря 1943 г. за чашкой чая у Гитлера.

«Завтрак с Адольфом Гитлером, рейхсфюрером Гиммлером, обергруппенфюрером СС доктором Кальтенбруннером, группенфюрером СС Панке, фельдмаршалом Кейтелем, генералом Иодлем, генералом фон Ханнекенем, генерал-лейтенантом Шмундтом, бригадным генералом Шерфом. Завтрак и обсуждение вопросов, касающихся Дании, продолжались с 14 часов до 16.30».

После этого совещания допрашиваемый имел беседу с Риббентропом, которому он рассказал о происходившем.

Перехожу к представлению доказательств о переселении из Эльзаса и Лотарингии.

Германские власти широко практиковали выселение жителей из аннексированных районов и осуществляли колонизацию путем поселения в оккупированных странах немецких подданных, которые захватывали землю и имущество выселенных жителей.

В самом начале оккупации немцы выселяли отдельных лиц или небольшие группы. Это касалось прежде всего евреев и представителей интеллигенции. Нацисты позволяли эльзасцам и лотарингцам возвращаться на родину только в том случае, если они признавали свое немецкое происхождение.

Массовое выселение началось в сентябре 1940 г.

В документе РФ-750 говорится:

«С тех пор Французскому правительству стало известно, что ...немецкие власти производят массовую высылку семейств, живущих в трех восточных департаментах. Французских граждан, вынужденных оставлять на месте все имущество, ежедневно направляют в неоккупированную зону Франции группами в количестве от 800 до 1000 человек каждая».

Таково было положение к 19 сентября. А 3 ноября немцы предприняли систематическую высылку населения Мозеля. 18 ноября четыре поезда с лотарингцами были направлены в Лион. Условия выселения видны из документа РФ-751.

«...Неожиданное решение германских властей является бесчеловечным действием: совершенно неожиданно среди зимы целые семейства должны были покинуть свои дома, увозя с собой только минимальное количество необходимых вещей и сумму денег, совершенно недостаточную для того, чтобы прожить хотя бы несколько недель. Тысячи французов таким образом внезапно ввергнуты в нищету, причем их отечество, само переживающее тяжелые испытания и захваченное врасплох этими неожиданными мерами, проведенными без его ведома, не могло немедленно обеспечить этим изгнанникам сносное существование».

Это переселение и условия, в которых оно проходило, произвели самое ужасное и самое тягостное впечатление на весь французский народ.

Высылка достигла общей цифры приблизительно в 70 тысяч человек. Эту цифру надо удвоить, учитывая, что эльзасцы и лотарингцы высылались также в восточную Германию и в Польшу. Этой высылкой стремились терроризировать население. В первую очередь она затрагивала семьи тех лиц, которые решили по праву уклониться от требований немецких властей привлечь их к принудительной работе и к военной службе».

Следствием высылки или переселения являлось разграбление имущества населения, что рассматривалось немцами как их право. Имеется распоряжение от 28 января 1943 г., опубликованное в официальном бюллетене за 1943 год под заголовком: «Указ об охране имущества в Лотарингии в связи с мерами по переселению» (документ РФ-754).

«Первая статья. Охрана имущества лиц, переселенных из Лотарингии в великую германскую империю или на территорию, находящуюся под суверенной властью Германии, возлагается на лотарингские органы по переселению, действующие под руководством начальника администрации».

Вторая статья. Эти органы уполномочены должным образом охранять имущество переселенных лотарингцев, управлять этим имуществом и, если будет дан соответствующий приказ, реализовать это имущество».

Этот приказ показывает, что внешне соблюдалась некоторая щепетильность, в нем говорится об охране, но мы-то знаем, что означает слово «охранять» в национал-социалистской терминологии. Мы уже установили, как охранялись произведения искусства и имущество, принадлежавшее евреям. А в данном случае имеется даже специальное предупреждение о том, что «охранять» означает и «реализовать».

Другие приказы еще менее двусмысленны. Вот, например, документ РФ-755 — указ от 6 ноября 1940 г., касающийся имущества врагов империи в Лотарингии. Документ РФ-756 — инструкция от 13 июля 1940 г. об имуществе врагов империи в Эльзасе. Эти два документа, из которых один относится к Эльзасу, а другой к Лотарингии, разрешают захват и конфискацию того имущества, которое расценивается как имущество врага.

Для того чтобы стало ясным, что подразумевалось под имуществом врага, я прочту вторую статью документа РФ-756: «Рассматриваются как имущество врагов империи все материальные ценности и права независимо от их природы, которые используются или предназначены для целей, враждебных империи. Эти правила распространяются».

- a) на имущество всех политических партий, а также всех примыкающих к ним организаций;
- b) на имущество масонских лож и подобных им ассоциаций;
- c) на имущество евреев;
- d) на имущество французов, которые приобрели его в Эльзасе после 11 ноября 1918 г.

Начальник департамента администрации и полиции будет решать, в каких случаях, не предусмотренных этим перечнем, имущество должно также рассматриваться как принадлежащее врагам империи.

Он будет принимать решение также в спорных случаях».

Из этого мы видим, что, несмотря на заголовок, в документе говорится не о секвестре имущества врага, что во всех странах предусматривается правилами ведения войны. Здесь речь идет о таких мерах, как конфискация, причем это распространяется на имущество многих лиц, которые не могут быть отнесены к категории представителей враждебной страны. Из этого также явствует, что администрации была предоставлена неограниченная власть творить произвол.

Эти приказы были дополнены многочисленными инструкциями. Несмотря на то, что в Эльзасе и в Лотарингии разграбление приняло исключительно большие размеры, я не буду сейчас останавливаться на этом подробнее, потому что обвинение уже рассматривало в целом вопрос об ограблении. Я ограничусь тем, что укажу на два мероприятия, которые являются характерными для Эльзаса и Лотарингии. Это, во-первых, сельскохозяйственная колонизация и, с другой стороны, промышленная колонизация.

Самое выражение «сельскохозяйственная колонизация» не выдуманно обвинением, это выражение самих немцев. Представляю указ от 7 декабря 1940 г., касающийся нового распорядка колонизации в Лотарингии (документ РФ-757).

«Земельная собственность, которая вследствие депортации осталась выморочной в Лотарингии, должна быть использована главным образом для поселения германского крестьянства, а также для внутренней колонизации. С этой целью и особенно для проведения желательной нам программы я приказываю на основании предоставленных мне фюрером полномочий следующее:

Статья первая. Земельную собственность лиц, высланных из Лотарингии, конфисковать в пользу начальника гражданской администрации...

Статья вторая. Сельскохозяйственную собственность или леса, которые подпадают под действие указа об имуществе врагов государства в Лотарингии, конфисковать и по мере необходимости использовать в соответствии с программой организации данного района.

Статья третья. В случаях, не предусмотренных статьями 1 и 2, и по мере необходимости другая земельная собственность также может быть включена в программу систематической реорганизации за соответствующую компенсацию.

Начальник гражданской администрации и назначенные им органы будут решать вопрос о размере и форме компенсации. Заинтересованные лица не имеют права обращаться по этому вопросу в какие-либо судебные органы».

Я полагаю, что эти приказы достаточно ярко показывают Трибуналу методы действия немецких властей.

В Эльзасе было принято больше всего мер по промышленной колонизации. Эти меры заключались в ограблении французских предприятий в пользу германских фирм.

Господа судьи! Я хотел бы просить Трибунал обратиться сейчас к досье, которое называется «Люксембург».

Трибуналу уже известно, каково было положение в Люксембурге, так как только вчера мы заслушали показания свидетеля господина Рейтера.

Полная аннексия Люксембурга доказывает со всей очевидностью преступную преднамеренность действий, предпринятых представителями империи против государства, с которым Германия была связана дипломатическими договорами, в частности Лондонским договором от 11 мая 1867 г., договором об арбитраже от 2 сентября 1929 г. Трибунал знает, что все эти обязательства были подтверждены посредством дипломатического демарша от 26 августа 1939 г., а затем уже за несколько дней до вторжения — декларацией успокоительного характера. Чтобы осуществить аннексию, немцы должны были издать и действительно издали специальные постановления, которыми уничтожались все общественные учреждения. 29 октября 1940 г. было объявлено о роспуске Палаты депутатов и Государственного совета, а также о запрещении всех политических партий в Люксембурге.

Наряду с тем, что немцы уничтожали все национальные учреждения, они по своему обычаю устанавливали свою собственную администрацию. Гаулейтером был назначен Густав Симон, который до этого был гаулейтером Кобленца-Трира. С точки зрения административной, Великое Герцогство Люксембургское стало управляться, как округ, начальником гражданской администрации, но администрации германской. С точки зрения национал-социалистской партии, эта страна была официально присоединена к империи в качестве территории, зависимой от гау Мозель.

Как и в Эльзас-Лотарингии, в Люксембурге принудительным работам подвергались не только мужчины, но и женщины. Они использовались в военных целях. По этому поводу было

издано три приказа—приказ от 23 мая 1941 г., приказ от 10 февраля 1943 г. и приказ от 12 февраля 1943 г. Два последних приказа представлены как документы РФ-807 и РФ-808.

Циркуляром от 13 января 1942 г., который я представляю как документ за номером РФ-809, служащим запрещалось пользоваться люксембургским диалектом при всяком общении с гражданским населением как лично, так и по телефону, что явилось большим затруднением для многих лиц.

Я хотел бы представить Трибуналу документ РФ-810, который является циркуляром от 22 мая 1941 г., направленным директорам высших школ. Документ очень короткий, и я позволю себе огласить его:

«По приказу гаулейтера все лица педагогического персонала обязаны приобрести до 1 июня 1941 г. книгу фюрера «Майн кампф» и до 1 сентября 1941 г. представить мне письменное заявление с заверением в том, что они прочитали эту книгу».

Я должен упомянуть здесь об интересном документе — приказе от 2 июня 1941 г. (документ РФ-812), который называется: «Приказ о вступлении в силу в Люксембурге закона от 10 февраля 1936 г. о гестапо». Достаточно ознакомиться с этим заголовком для того, чтобы понять содержание всего приказа.

Гестапо учредило в Люксембурге чрезвычайные суды: «штандгерихт» и трибуналы СС. Эти судебные инстанции, если можно здесь употребить термин «судебные инстанции», вынесли очень много приговоров по политическим мотивам. В официальном докладе сказано — свидетель подтвердил это — что всего вынесено около 500 смертных приговоров в стране. Если учесть немногочисленность населения Люксембурга, это количество приговоров надо признать значительным.

Необходимо, по-моему, также указать, что в целях германизации проводилась депортация населения, о чем Трибуналу должно быть известно из свидетельских показаний господина Рейтера. Систематически ссылались представители интеллигенции страны, духовенства и лица, служившие в армии. Это обстоятельство подчеркивает стремление нацистов лишить эту страну ее моральной, социальной и интеллектуальной опоры.

...Из всего сказанного мной следует, что ответственность за эти злодеяния ложится не только на ту или иную администрацию, о которых мы говорили, а на всех одновременно. Если, например, в Бельгии не было дипломатического представительства, то такое представительство существовало во Франции или в Дании, значит, департамент иностранных дел и его руководитель не могли не знать условий оккупации, которые в основных чертах были аналогичны во всех странах.

Более того, все эти администрации, функционирующие бок о бок, как я только сейчас сказал, не имели точно определен-

ных компетенций. И даже если бы существовало разделение функций между ними, то необходимо заметить, что ответственность и участие каждой в мероприятиях, проводимых остальными, все равно надо считать доказанными, так как они обязательно должны были знать об этих действиях и, следовательно, одобряли их, по крайней мере, косвенно. Но разделения функций не существовало, и мы докажем, что все они были соучастниками и сообщниками в совершении общего преступления.

Итак, сам факт влечет за собой еще более глубокие последствия. Соучастие и сообщничество различных органов указывают на ответственность общего порядка, которая ложится на всех руководителей и на все организации, которые здесь обвиняются. Я хочу подтвердить свою мысль одним примером.

Если, например, все злодеяния и все преступления были бы только делом армии и совершались без содействия других, то отдельным деятелям или организациям, которые не имели военных функций, можно было бы претендовать на то, что им было неизвестно о совершении этих злодеяний и преступлений.

Я считаю, что даже в таком случае невозможно себе представить подобное положение, так как известно, насколько большой размах получили эти мероприятия, которые мы здесь разоблачаем, и поэтому об их существовании не могло не знать должностное лицо высших инстанций.

В действительности же, поскольку совместно несколько администраций повинны в этих преступлениях, вытекает со всей необходимостью, что все другие инстанции также должны нести ответственность за них, так как эти преступления не лежат на ответственности одной только администрации или даже на ответственности трех администраций, а лежат на ответственности всех организаций, и мы должны в данном случае говорить о виновности всех государственных властей.

Сейчас я остановлюсь на приказе о депортации евреев и покажу, что этот приказ был результатом общих усилий военной, дипломатической администраций, а также полиции безопасности. Речь идет о Франции. Отсюда следует, что, во-первых, верховный главнокомандующий, во-вторых, министр иностранных дел, в-третьих, начальник имперской полиции безопасности и СД — все эти три лица были очень хорошо осведомлены обо всех действиях, а значит, одобряли эти мероприятия, так как совершенно очевидно, что о подобной инициативе, когда разбирались важные дела, не могли не доводить до сведения начальства; кроме того, все решения как раз принимались этими тремя различными администрациями. Значит, все эти три лица виновны, и они должны нести ответственность.

Но можем ли мы думать, что в силу особой случайности среди всех других лиц, которые в качестве министров или

подобных им деятелей руководили империей, только эти три лица были преступниками, единственными тремя преступниками, которые и договорились между собой скрыть от других свои преступные деяния?

Конечно, такое предположение совершенно абсурдно. Учитывая ту взаимную связь, которая существует между всеми исполнительными органами в современном государстве, надо сказать, что все руководители империи хорошо знали и одобряли действия, лишающие суверенитета оккупированные страны, и все преступные деяния, явившиеся следствием этого.

Я прошу Трибунал обратиться к досье с надписью «Дания».

Трибуналу известно, что вторжение в Данию произошло 9 апреля 1940 г. в нарушение, как и в других случаях, договоров, и в частности договора, который был незадолго перед тем заключен; это был договор о ненападении, подписанный 31 мая 1939 г. Ввиду того, что Дания не в состоянии была оказать этому вторжению вооруженное сопротивление, немцы решили сохранить видимость, будто бы эта страна не является оккупированной страной. Поэтому они не учредили здесь гражданской администрации, обладающей регламентирующими правами, как они сделали это позже в Бельгии и Голландии. Несмотря на эту видимость, немцы не преминули совершить в отношении этой страны, которую они якобы не оккупировали, узурпацию суверенитета. В первый период, который распространяется до середины 1943 года, германская узурпация носила скрытый и замаскированный характер. Этому есть две причины. Первая причина вызвана тем, что необходимо было принимать во внимание мировое общественное мнение, так как официально Дания не была оккупирована. Второй причиной было то, что немцы намеревались германизировать эту страну изнутри, путем пропаганды нацистской политики.

Когда эта политика вследствие сопротивления населения потерпела провал, они объявили военное положение, захватили заложников, напали на датскую армию и флот, личный состав их обезоружили и взяли в плен, начали применять смертные казни, угоняли людей, которых они объявляли коммунистами и заключения которых они требовали ранее от Датского правительства.

С 29 августа 1943 г. король, правительство и парламент прекратили исполнение своих обязанностей.

В Дании в это время действовали три германские инстанции: 1) уполномоченный, которым продолжал оставаться доктор Бест; 2) военные власти под руководством генерала Хеннекена, который был впоследствии заменен генералом Линдеманоном, и, наконец, 3) германская полиция.

Введение германской полиции в Дании последовало через несколько дней после перелома, о котором я только что говорил. Штандартенфюрер СС полковник доктор Мильднер прибыл в сентябре в качестве начальника германской тайной полиции, а 1 ноября прибыл в качестве главного начальника полиции безопасности в Дании обергруппенфюрер СС генерал-лейтенант полиции Гюнтер Панке.

В течение всего периода, о котором я говорю, из всех трех немецких инстанций, о которых я упоминал, полиция играла самую значительную роль и являлась главным органом узурпации. Можно, таким образом, считать, что в то время как Норвегия и Голландия представляли собой пример гражданской администрации, Бельгия и Франция — пример военной администрации, Дания представляла собой типичный пример полицейской администрации. Кстати, не следует забывать, что эти различные типы администрации были всегда связаны между собой во всех этих оккупированных странах. Захват власти германской полицией в Дании повлек за собой в период, продолжавшийся с сентября 1943 года до освобождения, чудовищный разгул злодеяний.

Я прошу Трибунал взять папку, озаглавленную «Норвегия и Нидерланды».

Назначение уполномоченных рейха (рейхскомиссаров) имело место в Норвегии и в Голландии, и только в этих двух странах; оно соответствует определенной концепции в общем плане германизации, в котором эти две страны стояли рядом. В обоих случаях создание гражданской администрации последовало в очень скором времени за военной оккупацией страны.

Таким образом, военные распоряжались в стране только несколько дней, до назначения рейхскомиссара. За это время они занимались лишь мероприятиями, имеющими отношение к порядку.

Декретом от 24 апреля 1940 г. уполномоченным рейха в Норвегии был назначен Тербовен. Этот декрет подписан Гитлером, Ламмерсом и подсудимыми Кейтелем и Фриком.

Подсудимый Зейсс-Инкварт был назначен уполномоченным рейха в Голландии декретом от 18 мая 1940 г. Этот декрет подписан теми же лицами, что и предыдущий. Кроме того, на нем имеются подписи подсудимых Геринга и Риббентропа. Декреты о назначении имперских уполномоченных определяют одновременно их функции и устанавливают распределение функций между гражданским уполномоченным и военными властями.

О Норвегии говорится в первой статье декрета:

«Рейхскомиссару поручено охранять интересы рейха и осуществлять верховную гражданскую власть».

И далее добавляется:

«Уполномоченный рейха находится непосредственно в моем ведении и получает от меня директивы и инструкции».

Распределение функций видно из текста четвертой статьи:

«Командующий германскими войсками в Норвегии осуществляет военную верховную власть. Его приказы выполняются в области гражданских вопросов уполномоченным рейха».

Этот декрет опубликован в официальном сборнике германских приказов № 1 за 1940 год; те же указания имеются в аналогичном декрете от 18 мая 1940 г. в отношении Голландии.

Это назначение уполномоченных рейха сопровождалось в начале некоторыми разъяснениями с целью успокоения населения. Тербовен объявил, что он «решился максимально ограничить трудности и тяготы оккупации».

После своего назначения подсудимый Зейсс-Инкварт также обратился к голландскому народу с призывом, в котором говорилось:

«Я хочу, чтобы действующие до настоящего времени законы оставались в силе, чтобы голландские власти участвовали в выполнении правительственных функций и чтобы независимость правосудия была сохранена».

Эти обещания никогда не выполнялись.

Уполномоченные рейха являлись в Норвегии и Нидерландах главными узурпаторами суверенитета этих стран.

Преступный характер проводимых уполномоченными рейха мероприятий заключался прежде всего в принудительной мобилизации граждан в германскую армию.

Другие мероприятия были направлены на уничтожение общественных свобод и установление принципа фюрерства.

В Норвегии были запрещены все политические партии (германский приказ от 25 сентября 1941 г.), запрещена всякая деятельность в пользу законной династии (приказ от 7 октября 1940 г. — официальный журнал за 1940 год, страница 10). Все гарантии устава чиновников были ликвидированы. Чиновники могли быть смещены или переведены на другую должность по политическим мотивам (германский приказ от 4 октября 1940 г. на странице 24 официального журнала за 1940 год).

Законом от 18 сентября 1943 г. учреждались должности начальников департаментов, которые осуществляли высший политический контроль над всеми общественными властями департамента.

В Голландии мы также можем наблюдать уничтожение выборных организаций (декрет от 11 августа 1941 г.); роспуск политических партий (приказ от 4 июля 1941 г.); создание так называемого трудового фронта (декрет от 30 апреля 1940 г.).

Я привел лишь несколько примеров узурпации нацистами власти в захваченных ими странах. В заключение хочу обра-

тить внимание на постановление от 12 августа 1941 г., которым определялась подсудность специальных судов по преступлениям и нарушениям, угрожающим, по мнению нацистов, политической безопасности либо совершенным по политическим мотивам. Судьями, на которых возлагалось осуществление такой власти, обычно назначались члены нацистской партии.

Наконец, одним из примеров узурпации является систематическое проведение нацистами мероприятий, направленных против интеллигенции страны, против ее духовной жизни. Именно здесь нацисты чувствовали наибольшую силу сопротивления, противостоящего их намерениям. Они обрушиваются на университеты и другие учебные заведения.

В Голландии согласно декрету от 25 июля 1941 г. администрации предоставлялось право произвольно закрывать учебные заведения.

11 ноября 1941 г. в Голландии был закрыт Лейденский университет.

Декрет рейхскомиссара от 10 мая 1943 г. обязывал студентов подписывать декларацию о лояльности, которая была составлена следующим образом:

«Нижеподписавшийся... настоящим торжественно заявляет, что он будет честно подчиняться всем законам, декретам и другим распоряжениям, которые действуют на оккупированной голландской территории, и не будет совершать никаких актов, направленных против германской империи или нидерландских властей¹, а также действий и мероприятий, которые могли бы угрожать общественному порядку в высших учебных заведениях, принимая во внимание серьезность создавшегося положения».

В Норвегии против университета в Осло были предприняты суровые меры. Я представляю как доказательство документ за номером РФ-933. Это статья из «Дейче Цейтунг» от 1 декабря 1943 г., напечатанная и в норвежской газете; она озаглавлена следующим образом:

«Мероприятия, которые необходимо провести в Осло: чистка среди студенчества».

«По приказу рейхскомиссара Тербовена обергруппенфюрер СС и генерал полиции Редиес сообщил во вторник, после обеда, студентам университета в Осло следующее:

Студенты университета в Осло, начиная с момента оккупации Норвегии, то есть с 1940 года, пытались оказывать сопротивление германской оккупационной армии и Норвежскому правительству², которое было признано рейхом.

¹ Имеются в виду власти, назначенные оккупантами. — Составители.

² Имеется в виду квислинговское правительство. — Составители.

Для того чтобы защитить интересы оккупационной державы и обеспечить порядок и спокойствие внутри страны, необходимо принять суровые меры. Поэтому от имени рейхскомиссара я должен вам сообщить следующее:

1. Студенты университета в Осло будут посылаться в специальный лагерь в Германии.

2. Студентки будут отчислены из университета и должны будут тотчас же разъехаться по местам жительства, где им необходимо встать на учет в полиции. Запретить им впредь до нового приказа покидать место жительства без разрешения полиции.

Вы должны быть благодарны господину рейхскомиссару за то, что не принимаются более драконовские меры...»

Что касается религии, немцы в этом отношении увеличили число издевательств. В качестве примера я представляю документ РФ-929. Оглашаю его:

«Осло. 22 мая 1941 г.

Комендантам ЗИПО и СД в Бергене, Ставангере, Тронхейме и Тромсе.

Содержание: Наблюдение за религиозной службой во время празднования Троицына дня.

Прошу вас установить наблюдение за проведением религиозной службы и представить отчет о результатах».

Вот отчет о выполнении приказа установить наблюдение за службой в церкви. Этот документ я представляю за номером 930. Он очень короткий, и я его оглашаю:

«Тронхейм, 5 июня 1941 г.

Наблюдение за проведением религиозной службы во время Троицына дня не дало ничего нового. Домпробст Фиелбу, этот тенденциозный проповедник, продолжает свою деятельность. Но он делает это достаточно ловко, чтобы иметь возможность доказать затем, что каждая фраза носит религиозный характер, а не политический...» Остальная часть отчета наполовину сгорела.

Я не хотел бы задерживаться долго на этом разделе.

Приведу лишь пример, как министерство полиции в Норвегии приняло закон от 13 декабря 1940 г., которым оно присваивало право освобождать духовенство от обязанностей хранить профессиональную тайну. Закон предусматривал в качестве наказания тюремное заключение для тех священников, которые откажутся нарушить тайну исповеди.

Далее я буду говорить о нацификации Бельгии и Франции. Доклад Бельгийского правительства дает очень подробный анализ всех нарушений, которые были совершены немцами в отношении бельгийского общественного порядка, подразделяя их на две категории. Первая озаглавлена: «Изменения, которые были внесены в конституционную систему, существовавшую до сего

времени». Сюда относятся: приказ от 18 июля 1940 г., который запрещал всякую общественную деятельность, а также целая серия указов, которыми немцы отменяли выборность должностных лиц, в частности мэров городов, и устанавливали порядок назначения их центральной властью.

Это явилось нарушением всей традиционной демократической системы местного самоуправления. Из доклада также видно, что немцы проводили преступную практику принудительного набора граждан оккупированной страны в армию.

Вторая категория в данном докладе озаглавлена: «Внедрение в общественную жизнь Бельгии новых государственных учреждений и других учреждений в национал-социалистском духе». Такие учреждения в действительности были созданы немецкими властями. Наиболее известными организациями являются национальная корпорация сельского хозяйства и снабжения, а также центральное товарное бюро. В докладе анализируется характер этих организаций и доказывается, что они посягают на традиционные свободы. Эти органы созданы в тоталитарном духе, где принцип фюрерства находит свое яркое применение, как это мы видели при анализе аналогичных учреждений в Нидерландах.

В заключительной части бельгийского доклада по вопросу о германизации говорится: «Мы полагаем, что теперь на основании вышеизложенного вполне установлено, что конституция и законы бельгийского народа произвольно нарушались оккупационными германскими властями и это делалось не с целью обеспечения собственной безопасности в стране, что было бы понятно, а с ловко задуманным, заранее предусмотренным намерением превратить Бельгию в национал-социалистское, а значит, вассальное государство».

Режим в Бельгии постоянно был связан с режимом во Франции, поэтому замечания, сделанные в отношении Бельгии, в одинаковой степени относятся и к Франции. Однако я хотел бы сейчас отметить те злоупотребления, которые немцы совершали в отношении бельгийских университетов.

Здесь мы сталкиваемся с тем же явлением — ярко выраженной враждебностью нацистов к культурным центрам. Эта враждебность особенно наглядно проявилась в отношении к бельгийским университетам.

Они установили подлинную систему шпионажа, используя для этого так называемых «приглашенных» профессоров, германских профессоров, якобы приглашенных, которые выступали в роли нацистских агентов и шпионов.

Во всех университетах немцы арестовывали и угоняли профессоров и студентов, особенно часто в тех случаях, когда студенты совершенно справедливо отказывались выполнять

незаконные приказы немцев, принуждавшие их нести трудовую повинность.

Что касается Брюссельского университета, то необходимо отметить, что с самого начала сюда был назначен германский уполномоченный; 14 профессоров незаконно отстранены от преподавания. От ректора немцы потребовали списки студентов и профессоров, которые отказывались выполнять требуемую оккупантами работу. 5 июня 1943 г. ректор университета был арестован.

Эти факты насилия являются характерными для немцев при проведении ими германизации оккупированных стран.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЭМИЛЯ РЕЙТЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 1 февраля 1946 г.]

Фор: Господин председатель. Я хочу спросить, согласен ли Трибунал, чтобы сейчас был допрошен свидетель Рейтер.

Председатель: Хорошо. Повторите, свидетель, ваше имя.

Свидетель: Рейтер Эмиль.

Председатель: Эмиль Рейтер, клянитесь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду и только правду. Поднимите правую руку и повторите слова присяги.

Рейтер: Я клянусь говорить без ненависти и страха, говорить правду, всю правду и только правду. Клянусь в этом...

Председатель: Вы можете сесть.

Фор: Господин Рейтер, Вы адвокат в Люксембурге?

Рейтер: Да.

Фор: Можете ли Вы дать сведения о том, что германское правительство за несколько дней до вторжения в Люксембург дало Люксембургскому правительству заверения в своих мирных намерениях?

Рейтер: Уже в августе 1939 года германский посол в Люксембурге дал министру иностранных дел Люксембурга заверение, согласно которому германское государство в случае европейской войны не будет нарушать независимость и нейтралитет Люксембурга при том условии, что Люксембург не нарушит своего состояния нейтральной страны.

За несколько дней до вторжения, происшедшего в мае 1940 года, немцы построили понтонные мосты, доходившие до половины Мозеля, который образует границу между двумя государствами. В своих объяснениях германский посол в Люксембурге старался выдать эти сооружения за пристани, построенные в интересах речной навигации. По общему мнению в Люксембурге, эти сооружения носили военный характер.

Фор: Можете ли Вы сказать, каков был порядок управления в Люксембурге после выезда из герцогства великой герцогини и ее правительства?

Рейтер: Управление страной было обеспечено правительственной комиссией, которая была на это уполномочена надлежащим образом конституционными властями. Поэтому управление осуществлялось должным образом.

Фор: Однако после своего вступления в Люксембург немцы утверждали, что правительство не выполнило своего долга и что после его отъезда в Люксембурге не существовало никакой нормальной власти. Верно это?

Рейтер: Это заявление было сделано германским послом в Люксембурге в присутствии парламентской комиссии.

Фор: Правильно ли я Вас понял, что эти утверждения немецких властей не соответствовали действительности и что в Люксембурге существовал высший административный орган?

Рейтер: Это заявление не соответствовало действительности. Оно явно преследовало цели узурпации власти.

Фор: Господин Рейтер, немцы никогда не издавали закона об аннексии Люксембурга. Считаете ли Вы, что совокупность мер, которые они приняли в отношении этой страны, означали фактическую аннексию?

Рейтер: Меры, которые проводились немцами в Великом Герцогстве Люксембурга, были равнозначны фактической аннексии. Спустя немного времени после вторжения представители имперских властей в Люксембурге в своих публичных официальных выступлениях заявили, что аннексия будет оформлена законодательным путем тогда, когда фюрер этого пожелает. Ясным доказательством фактической аннексии является целый ряд указов и распоряжений, изданных немцами в Люксембургском герцогстве.

Фор: Немцы провели в Люксембурге мероприятие, названное «перепись населения». В анкете, которую они предложили люксембургскому населению для этой переписи, имелся вопрос о языке, родном или обычно употребляемом, а также вопрос о национальности. Считаете ли Вы, что эта перепись населения ввиду наличия этих двух вопросов преследовала политические цели?

Рейтер: Ввиду того, что по поводу этой переписи немецкие власти издали указания, носящие характер угроз, становилось ясным, что она преследует политические цели. Общественное мнение Люксембурга расценивало эту перепись как замаскированный плебисцит, то есть как политическое мероприятие, предназначенное для того, чтобы придать внешнюю форму законности аннексии, которую Германия намеревалась осуществить.

Фор: Доклад Люксембургского правительства не указывает статистических результатов этой переписи населения, в частности по поводу ответов на те вопросы, которые носят политиче-

ский характер и о которых я уже говорил. Скажите нам, пожалуйста, почему эти статистические данные нельзя найти ни в одном документе?

Рейтер: Статистические данные никогда не были полностью собраны, потому что после частичного подсчета и первых результатов германские власти констатировали, что совершенно ничтожное количество населения ответило на оба щекотливых вопроса в анкете в благоприятном для немцев смысле. Германские власти тогда предпочли приостановить это мероприятие, и бюллетени-анкеты, розданные населению страны, так и не были собраны.

Фор: Помните ли Вы, когда происходила перепись?

Рейтер: Я думаю, что перепись происходила в 1942 году.

Фор: Значит, в это время в результате переписи немцы констатировали, что не только большинство, но и сколько-нибудь значительная часть населения не желала присоединиться к германской империи. И, однако, они все же продолжали проводить свои мероприятия по аннексии?

Рейтер: Меры, направленные на осуществление германизации, а затем аннексии страны, продолжались непрерывно и даже впоследствии были усилены новыми, все более и более решительными мероприятиями.

Фор: Таким образом, правильно ли я Вас понял, что в течение периода проведения этих мероприятий немцы не могли не знать о совершенно противоположной воле населения Люксембурга?

Рейтер: В этом не может быть никакого сомнения.

Фор: Можете ли Вы нам сказать, правильно ли то, что немецкие власти приказали жандармерии и полиции принимать присягу в верности имперскому канцлеру.

Рейтер: Да. Это принуждение было осуществлено в отношении жандармерии и полиции Люксембурга с применением очень серьезных угроз и даже насилия. Те, которые сопротивлялись, были сосланы, если память мне не изменяет, в Саксенхаузен, а когда русские войска окружили это место, 150 человек были расстреляны нацистами.

Фор: Можете ли Вы рассказать нам о переселении известного числа жителей Вашей страны?

Рейтер: По приказу немецких властей было приказано переселить ту часть населения, которая казалась немцам плохо ассимилирующейся либо опасной и нежелательной для проживания в пограничном районе империи.

Фор: Можете ли Вы приблизительно сказать, какое количество людей подверглось этому переселению?

Рейтер: Должно быть, по меньшей мере 7 тысяч человек были переселены таким путем, потому что в Люксембурге был

найден список, включающий приблизительно 2800—2900 семейств.

Фор: Вы знакомы с этими данными благодаря Вашим функциям председателя палаты депутатов?

Рейтер: Не совсем так. Этот список был найден в Люксембурге. Он все еще находится там, и с ним ознакомились как комиссия по расследованию военных преступлений, так и люксембургские судебные органы.

Фор: Можете ли Вы сказать, господин Рейтер, каким образом переселяемые лица ставились в известность об этой мере и какой срок им предоставлялся?

Рейтер: Как общее правило, семьи, которые были предназначены к переселению, никогда не предупреждались заранее, во всяком случае не предупреждались об этом официально. Примерно в 6 часов утра агенты гестапо звонили у дверей тех, кто был обречен на вызов, и говорили им, чтобы они через час или два были готовы к отъезду, взяв с собой минимальный багаж. После этого их везли на вокзал и сажали в поезд, чтобы отправить в предназначенный для них лагерь.

Фор: Скажите, коснулись ли эти меры лиц, которых Вы знали лично?

Рейтер: Я лично знаю очень многих лиц, которые были переселены. Среди них были даже члены моей семьи, много моих коллег по палате депутатов, по адвокатуре, много членов магистратуры и т. д.

Фор: Помимо этих переселений, происходил еще вывоз в концлагеря, не правда ли?

Рейтер: Да. Помимо этого, люди вывозились в концлагеря, о чем все знают. По Великому Герцогству количество вывезенных в концлагеря достигает примерно 4 тысяч человек.

Фор: Господин Рейтер, из приказов установлено, что немецкие власти ввели воинскую повинность. Поэтому я не буду Вам задавать вопросов об этом факте. Но я хотел бы спросить Вас, можете ли Вы назвать приблизительно число люксембургских подданных, призванных в германскую армию?

Рейтер: Люди, которых насильственно включили в германскую армию, относятся к пяти контингентам, начиная с 20-го года рождения. Все эти группы составляют примерно от 11 до 12 тысяч, не меньше. Некоторое число из них — по моим расчетам приблизительно одна треть — уклонилось от этого призыва, другие впоследствии дезертировали из германской армии и бежали за границу.

Фор: Можете ли Вы назвать приблизительно цифру люксембуржцев, которые погибли на войне, будучи насильственно мобилизованы в армию?

Рейтер: К концу сентября 1944 года мы установили, что число убитых равняется 2500. Поиски сведений продолжались, и сейчас, мне кажется, уже установлены имена, по крайней мере, 3 тысяч убитых.

Фор: Наказания, которые предусматривались в связи с отказом от призыва люксембуржцев в армию, были очень суровыми?

Рейтер: Они были исключительно суровыми. Прежде всего молодые люди, уклоняющиеся от воинской повинности, преследовались полицией и гестапо. Вслед за тем они предавались суду различных трибуналов в Люксембурге, во Франции, в Бельгии или Германии. Их семьи выслались, а имущество семейств, как правило, конфисковывалось.

Наказания по решению трибуналов в отношении этих молодых людей были чрезвычайно суровыми. Обычно это была смертная казнь или же тюремное заключение, или каторжные работы, или отправка в концентрационный лагерь. Некоторые из молодых людей впоследствии были помилованы, но некоторые расстреляны в качестве заложников уже после того, как было вынесено решение о помиловании.

Фор: Я хотел бы задать Вам последний вопрос. Думаете ли Вы, что совокупность мероприятий, которые были приняты в осуществление фактической аннексии Люксембурга, могла остаться неизвестной для кого-либо из лиц, принадлежащих к германскому правительству или к верховному военному командованию?

Рейтер: По-моему, трудно представить себе, чтобы это положение вещей было неизвестно германскому правительству или высшему военному командованию. Я прихожу к этому выводу на основании следующих фактов. Во-первых, наши молодые люди, которых принудительно мобилизовали в армию, часто протестовали в момент их прибытия в немецкую армию в Германии, указывая, что они по национальности люксембуржцы и стали жертвами насилия. Таким образом, немецкие власти должны были быть в курсе такого положения в Люксембурге.

Во-вторых, несколько имперских министров, в частности Тирак, Руст и Лей, приезжали в Люксембург и могли на месте убедиться в том, каково было положение в стране и как реагировало население. Другие крупные политические деятели империи, например Борман и Заукель, также посетили Люксембург.

Наконец, существовали немецкие приказы относительно лишения гражданских прав некоторых категорий люксембургских граждан. Эти приказы подписаны имперским министром. Инструкции, изданные во исполнение этих приказов, были опуб-

ликованы в ведомостях имперского министерства внутренних дел за подписью министра внутренних дел Фрика с указанием, что эти распоряжения должны быть доведены до сведения всех высших властей германской империи.

Фор: Благодарю Вас. Это все вопросы, которые я хотел Вам задать.

Представители обвинения трех делегаций — английской, американской и русской — согласовали вопросы между собой.

Председатель: Желают ли защитники задать свидетелю какие-либо вопросы?

(Молчание.)

В таком случае свидетель может быть свободным.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯКУБУСА ФОРРИНКА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 2 февраля 1946 г.]

Председатель (обращаясь к свидетелю): Назовите Ваше имя и фамилию.

Свидетель: Якубус Форринк.

Председатель: Клянитесь без ненависти и страха говорить правду, всю правду и только правду, поднимите Вашу правую руку и скажите: я клянусь... *(свидетель поднимает правую руку).*

Форринк: Я клянусь...

Фор (обращаясь к свидетелю): Господин Форринк, Вы являетесь сенатором Голландии?

Форринк: Да.

Фор: Вы председатель социалистической партии Голландии?

Форринк: Да.

Фор: Вы выполняли эти функции в 1940 году, в момент вторжения в Голландию немцев?

Форринк: Да.

Фор: Я хотел бы попросить Вас дать некоторые разъяснения о существовавшем положении. Еще до вторжения немцев в Голландии существовала национал-социалистская партия, я хотел бы, чтобы Вы сказали, каково было положение различных политических партий Голландии после вторжения немцев, в частности положение национал-социалистской партии, и какое участие она принимала в немецкой оккупации?

Форринк: Политическая ситуация, создавшаяся в Голландии после захвата ее немецкими войсками, была такова, что в первую очередь потребовалось поддержать спокойствие и порядок внутри страны. Сразу же после оккупации в Голландию прибыли настоящие нацисты, которые стали пытаться организовать и направить общественную жизнь страны по тому руслу, по какому это было нужно с их точки зрения. По нашему мнению, у немцев существовало три основных направления. Первое направление представляли верующие в единство «крови и территории». Они хотели привлечь на сторону своих национал-социалистских идей весь голландский народ. Я должен ска-

зять, что в некотором отношении это было для нас несчастьем, так как эти люди «любили» нас слишком горячо на основании их теории единства «крови и территории». Когда же они не обнаружили у нас никаких взаимных чувств, то их любовь превратилась в ненависть.

Второе направление представляли политически информированные. Эти люди знали совершенно точно, что нидерландские нацисты составляли в Голландии маленькую ненавистную группу. Правда во время выборов в 1935 году они получили 8 процентов голосов, но уже два года спустя это количество уменьшилось вдвое. Эти люди представляли собой воплощенную бестактность. Они умудрились, например, организовать митинг нацистов в то время, когда еще дымились развалины Роттердама; на митинге фюрер голландских нацистов Муссерт выступил с предложением послать Герингу в дар колокол за его «заслуги» перед голландским народом, но, к счастью, это не спасло их от поражения.

Третье направление представляли так называемые интриганы. Это были люди, которые страшно хотели разрушить национальное единство Голландии. Эти люди в первую очередь пытались через Зейсс-Инкварт лестью привлечь на свою сторону голландский народ. Они, как и Зейсс-Инкварт, говорили, что голландский народ того же происхождения, что и немецкий. Они должны были пытаться сотрудничать с голландцами. За кулисами же они в своих интересах натравливали различные группы населения друг на друга.

В Голландии в то время существовала нидерландская национал-социалистская партия. Существовало также голландское национал-социалистское движение и существовал так называемый национальный фронт.

Эти три организации имели связи с известными германскими инстанциями. Немцы сначала пытались узнать возможности использования этих групп в своих целях. Но постепенно они должны были признать, что с этими группами ничего сделать не удастся. В конце концов они решили сотрудничать лишь с национал-социалистским движением. Входившие в него нацисты заняли затем посты в голландском государственном аппарате. Они получили высокие должности во внутренних управленческих аппаратах страны, стали комиссарами провинций и бургомистрами. В качестве иллюстрации я хотел бы рассказать следующее. Так как людей у них все-таки было очень мало, нацисты в конце концов учредили курсы для подготовки бургомистров. Они сумели при этом добиться рекордных успехов, так как за три недели им удалось подготовить бургомистров для Голландии. Вы сами можете себе представить, что это были за бургомистры. В дальнейшем они иногда становились управи-

телями в нацифицированных учреждениях или торговых домах. Таким образом, им удалось занять известные командные должности в Голландии. Велл они себя в это время как истинные трусливые нацистские холопы. Господин Рост ван Тонниген бросал миллионы гульденов на финансирование войны с Россией, заявляя при этом, что он делает это во имя борьбы с большевизмом. В декабре 1942 года Зейсс-Инкварт объявил нацистов носителями политических идей в Голландии. И если бы это не было так печально, то следовало бы просто смеяться над этим. Муссерт был объявлен фюрером голландского народа.

Я должен добавить, что в политическом отношении национал-социалистское движение оставалось в тени, хотя, правда, у представителей этого движения была возможность заниматься личными делами. Я также хотел бы добавить, что, к сожалению, им удавалось иногда вскружить голову голландской молодежи. Несколько тысяч юношей вступили в СС. В последние годы дело стало еще хуже. Они сумели без согласия на то родителей сагитировать несовершеннолетних вступить в СС. Они довели дело до того, что воспитанники различных воспитательных домов были принуждены служить в войсках СС.

Я случайно лично знаю юношей, которые жили в конфликте с родителями и вступили затем в СС, так как это обстоятельство было нужным образом использовано.

Нужно было поговорить, как это часто я делал, с этими детьми, чтобы понять, какое преступление было совершено нацистским режимом по отношению к этим молодым людям.

Фор: Господин Форринк, насколько я понял, все приемы, к которым прибегали немцы, преследовали одну цель — осуществление нацификации Голландии, и если существовало, как Вы сказали, несколько различных тенденций у немцев, они различались только с точки зрения применяемых средств, а не в отношении целей германизации.

Форринк: Истинная нацификация Голландии проводилась в практическом отношении во всех областях жизни нашей страны. Немцы пытались во всем ввести принцип фюрерства. Например, я хотел бы указать на следующий факт. Вопреки всем нашим первоначальным ожиданиям, не были запрещены профсоюзы. Но это была просто попытка захватить эти профсоюзы. Они послали туда нацистского комиссара и сказали людям: «Время демократии прошло. Вам нужно лишь спокойно работать дальше под руководством комиссара, и вы сможете продолжать свою чудесную работу в интересах рабочих. В этом отношении не должно ничего перемениться». То же самое они пытались сделать с голландскими политическими партиями. Будучи председателем нидерландской социалистической партии, я имел однажды длительную беседу с Рост ван Тоннигеном,

который лично выразил мне сожаление, что большая культурная работа по воспитанию рабочих приостановлена. Мы должны, говорил он, предоставить себя в их распоряжение, так как, собственно говоря, мы оба боремся за социализм, и поэтому наше сотрудничество — вполне реальная вещь. Я отказался от этого предложения, заявив, что для нас демократия не является чем-то таким, от чего можно сразу отказаться. Это составляет часть нашего мировоззрения, и мы не привыкли совершать предательство в отношении нашего убеждения и идеалов. После этого мы пытались удержать рабочих в своих организациях, но рабочие тысячами и десятками тысяч постепенно выходили из них, и после создания национального рабочего фронта из католических и христианских профсоюзов существовала, правда, организация, но членов организации не было.

Фор: Можете ли Вы уточнить, проводилось ли в Вашей стране преследование евреев?

Форринк: Самое ужасное, что мы должны были претерпеть в Голландии, это было преследование евреев. Вы, может быть, знаете, что в Голландии, и особенно в Амстердаме, было значительное количество евреев. Евреи принимали деятельное участие в общественной и культурной жизни Голландии, и можно спокойно сказать, что в Голландии не было антисемитизма. Когда пришли немцы, то они обещали нам, что с евреями ничего не случится. Но, несмотря на это, уже в первые недели прокатилась волна самоубийств евреев. В последующие месяцы последовали антисемитские мероприятия. Профессора в университетах вынуждены были отказаться от выполнения своих обязанностей. Председатель Верховного суда в Голландии был снят с работы. Затем евреев обязали пройти регистрацию. А в конце концов вышел приказ Муссерта о том, что все евреи должны быть высланы. Голландские студенты устроили забастовку, когда были сняты их профессора-евреи, а рабочие Амстердама объявили многодневную забастовку, когда начались преследования евреев. Но, может быть, нужно было видеть собственными глазами то, что удалось видеть мне, чтобы знать, какую политическую систему представляет собой нацизм. Полиция огородила целые кварталы города, врывалась в квартиры, занимала крыши домов, выгоняла старых и молодых из домов и сажала в свои машины. Со старыми и молодыми они обходились совершенно одинаково. Мы видели, как на носилках из квартир выносили семидесятилетних старух, лежавших дома больными и ничего больше не желавших, как спокойно умереть у себя дома; их отправляли в Вестербург, а оттуда в Германию, где они умирали ужасной смертью.

Я лично помню, как была вытащена из дома мать со своим грудным ребенком. Она передала своего ребенка какой-то жен-

щине нееврейского происхождения с просьбой позаботиться о нем. И сейчас в Голландии имеются тысячи семей, в которых живут и воспитываются как собственные эти еврейские дети.

Фор: Можете ли Вы сказать, как немцы относились к представителям других вероисповеданий?

Форринк: С самого начала немцы были заинтересованы в том, чтобы включить церкви в сферу своей власти... Там, где это им не удавалось, они преследовали служителей церкви. Сотни священников были заключены в концентрационные лагеря, причем из 20 священников, находившихся в Саксенхаузене, которых я знал лично, в Голландию вернулся только один.

Фор: Можете ли Вы сказать нам, какие мероприятия проводились в области культуры, пропаганды, искусства, образования?

Форринк: Что нас больше всего оскорбляло, это не наше военное поражение. Мы — немногочисленная нация, мы боролись, как только могли. Но я считаю, что было бы вполне возможно поддерживать корректные отношения с оккупационными властями, если бы они не старались подавить нас не только в военном, но и в духовном, моральном отношении. Они не прекращали своих попыток задушить культурную жизнь страны и нацифицировать нас. Так, в области прессы они позволили себе даже принуждать нас опубликовывать статьи, написанные немцами, и выдавать их за статьи, написанные главными редакторами соответствующих газет.

Можно даже сказать, что эти мероприятия послужили исходным пунктом для возникновения широкой нелегальной печати, так как мы не хотели дать возможность процветать этому обману. У нас была также потребность иметь печать, которая говорила бы правду. То же самое было и с радио. Было строго запрещено слушать иностранные передачи. Они не стыдились карать строжайшим образом тех, кто нарушал это положение. А в Голландии таких нарушителей, слушавших английское радио, было немало...

Эти ограничения мы особенно глубоко сознавали, вследствие чего у нас возникло движение Сопротивления, поддерживаемое нашими союзными друзьями.

То же самое было и в области искусства. Немцы создали целую серию гильдий: художников, литераторов, музыкантов, после чего они стали принуждать вступать в них работников искусства. В Голландии писатель, например, не мог опубликовать своей книги, не предъявив ее сначала какому-нибудь безграмотному нацисту для проверки.

Школы они тоже хотели подчинить своему влиянию. Для этого они прибегали к различным средствам.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ГАНСА КАППЕЛЕНА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 29 января 1946 г.]

Дюбост: С разрешения Трибунала, мы хотели бы сейчас допросить в качестве свидетеля господина Каппелена, который ограничится показаниями об условиях обращения с норвежскими гражданами в лагерях и тюрьмах Норвегии.

Председатель: Хорошо, пожалуйста.

(Вводят свидетеля.)

Председатель: Как Ваше имя?

Каппелен: Меня зовут Ганс Каппелен...

Дюбост: Господин Каппелен, Вы родились 18 декабря 1903 г.?

Каппелен: Да.

Дюбост: В каком городе?

Каппелен: Я родился в городе Эвитзейд, Телемарк, Норвегия.

Дюбост: Ваша профессия?

Каппелен: Я был юристом, а теперь я коммерсант.

Дюбост: Скажите, пожалуйста, что Вы знаете о жестоко-стях гестаповцев в Норвегии?

Каппелен: Я был арестован 29 ноября 1941 г. и заключен в тюрьму гестапо в Осло. Через десять дней я был допрошен двумя агентами норвежской СС, или нацистской полиции. Они почти сразу начали избивать меня дубинками. Я не помню точно, сколько времени продолжался этот допрос, но он ни к чему не привел.

После нескольких дней меня перевели на Виктория-Террас, № 32. Это был главный штаб гестапо в Норвегии. Это было примерно в 8 часов вечера. Меня привели в большую комнату и потребовали, чтобы я разделся. Я должен был разделеться до гола. Я несколько распух после первой «обработки» норвежскими полицейскими агентами, но еще не так сильно. Там были шесть или восемь агентов гестапо и их руководитель Фемер в чине «советника уголовной полиции». Он был очень зол. Они начали бомбардировать меня вопросами, на которые я не мог

ответить. Тогда ко мне подбежал Фемер и стал вырывать волосы на моей голове. Он вырвал их все, и они валялись в крови на полу вокруг меня.

После этого они начали бросаться на меня, избивать резиновыми дубинками и железными прутьями. Мне было очень больно, и я потерял сознание. Но меня привели в себя: они вылили на меня ведро холодной воды. Меня начало рвать, потому что я чувствовал себя очень плохо, но это только разозлило их. И они сказали мне: «Убери за собой, грязная собака». И я должен был попытаться убрать за собой все голыми руками. Таким образом они продолжали допрашивать меня очень долго. Но этот допрос ни к чему не привел, потому что они засыпали меня вопросами о людях, которых я не знал или с которыми был едва знаком.

Утром меня снова перевели в тюрьму и поместили в камеру. Я чувствовал себя очень плохо. В течение всего дня я просил охрану позвать ко мне врача, если это возможно. Мне отказали в этом. Это было 19-го числа. Через несколько дней, я полагаю, что это было за день до рождества 1941 года, меня снова ночью привезли на Виктория-Террас. Случилось то же, что и в прошлый раз, только на этот раз мне было очень просто разделеться, потому что на мне было только пальто. Вся моя одежда была разорвана во время последнего избивания. Опять, как и в первый раз, было шесть, семь или восемь гестаповских агентов.

Председатель: Это были немецкие гестаповцы?

Каппелен: Да, это были немецкие гестаповцы.

Председатель: Продолжайте, пожалуйста.

Каппелен: Фемер тоже присутствовал, как и в тот раз. Он был эсэсовцем. Они вновь начали избивать меня. Но было совершенно бесполезно избивать человека, который находился в таком состоянии, как я. Я уже весь распух от прежних побоев. Они начали выкручивать и ломать мне руки и ноги. Правая рука была вывернута из суставов. От страшной боли я потерял сознание. Тогда случилось то же самое, что и в прошлый раз: они вылили на меня ледяную воду, и я пришел в себя. Немцы просто озверели, они рычали, как звери, и снова бомбардировали меня вопросами, но я был так слаб, что не мог отвечать на них.

Тогда они надели на мою левую ногу самодельный, как мне показалось, деревянный аппарат с винтом и начали заворачивать этот винт таким образом, чтобы мясо отделить от костей. Я почувствовал невероятную боль и опять потерял сознание. Но я снова пришел в себя, и у меня до сих пор остались большие следы от этого аппарата, хотя с того времени прошло уже четыре года.

Но это тоже ни к чему не привело. Тогда они что-то надели мне на шею. От этого тоже остались следы (показывает).

И снова начали сдирать кожу и мясо. Со мной случился удар, и я внезапно почувствовал, что правая сторона моего тела парализована. Потом было установлено, что у меня произошло кровоизлияние в мозг. У меня стало двоиться в глазах, мне казалось, что каждый гестаповец — это два человека. Все кружилось передо мной. Это двойное зрение продолжалось у меня в течение четырех лет. И теперь, когда я устаю, у меня снова начинает двоиться в глазах.

Теперь я чувствую себя все-таки лучше, паралич прошел, но до сих пор некоторые аномальные явления с правой стороны тела у меня продолжают. Больше я ничего не помню о событиях этой ночи. Но другие заключенные, которые должны были убирать коридоры тюрьмы, видели, как меня утром принесли в мою камеру. Это было примерно в 6 часов утра. Они думали, что я мертв, потому что у меня не было кандалов на руках.

Сколько времени это продолжалось — день или два, не могу сказать. Но однажды я пришел в себя и начал чуточку двигаться. Немедленно ко мне в камеру, где я лежал в собственной рвотной массе и крови, вошел стражник. После этого пришел врач. По-моему, это был очень высокопоставленный врач. Он был в высоком звании, но я не могу сказать точно, в каком именно. Он сказал мне, что, по всей вероятности, я умру. Я спросил его: «Можете ли вы перевести меня в больницу?» Он сказал: «Нет, дураков не переводят ни в какие больницы до тех пор, пока, — сказал он, — вы не сделаете то, что мы требуем от вас. Как и все норвежцы, вы — дурак».

Они вправили мне руку. Это было очень больно, но меня держали два солдата, и это было сделано. Я снова потерял сознание.

Так проходило время, и я немного оправился. Я не мог ходить, потому что все кружилось передо мной. И я лежал на нарах. Однажды — я думаю, что это было в конце февраля, а может быть, в середине 1942 года — ночью они снова пришли ко мне. По-моему, это было в 10 часов вечера, потому что свет в моей камере уже давно был потушен. Они потребовали, чтобы я встал, и я попытался встать, но, конечно, упал опять, потому что был парализован. Тогда они ударили меня, но я сказал: «Не лучше ли убить меня, потому что я не могу двигаться». Тогда они меня вытащили из камеры и снова привезли на Викториа-Террас, в штаб-квартиру, где проводили свои допросы. На этот раз допрос проводил эсэсовец Штеер. Я не мог стоять и поэтому нагой лежал на полу. У Штеера было несколько, четыре или пять, помощников из гестапо. Они начали топтать и бить меня, внезапно они снова поставили меня на ноги и подтащили к столу, за которым сидел Штеер. Он взял мою левую руку и вот так (показывает) вогнал несколько булавок мне под ногти.

Мне было очень больно, и все завертелось передо мной, и опять началось двойное зрение. Но боль была так сильна, что я выдернул у него свою руку. Я не должен был делать этого, потому что это привело их в ярость. Я снова потерял сознание. Не знаю, в течение какого времени я был без сознания, но пришел в себя от запаха горящего мяса. И тогда я увидел, что один из гестаповцев держит какую-то лампу и поджигает мне ноги. Мне было не особенно больно, потому что я был так слаб, что не чувствовал боли. Я был так парализован, что язык мой не двигался и я не мог говорить, а просто стонал и вскрикивал.

Я не помню больше подробностей этого вечера. Но это был один из самых ужасных допросов, которые мне пришлось пережить. Меня снова привезли обратно в тюрьму. Время шло. Я пытался немного есть, но у меня сразу же поднималась рвота. Постепенно я поправился, но был все еще парализован и поэтому не мог стоять. Меня все же часто брали на допросы, и я встречался там с другими норвежцами, с людьми, которых я знал и которых не знал. Большинство из них подвергалось ужасному обращению. Они распухли. Особенно хорошо я помню двух моих друзей, очень хороших людей. Мне устроили с ними очную ставку. Они после пыток выглядели ужасно. Когда я вышел из тюрьмы, то узнал, что оба они умерли от истязаний и пыток.

Другой пример, который я собираюсь привести здесь, если милорд мне разрешит, касается человека, которого звали Свери Эмиль Хальвушен. Его взяли осеью, в августе или в октябре 1943 года. Он очень плохо себя чувствовал и несколько распух. Он рассказал, что с ним обращались ужасно, что он и некоторые из его друзей были приведены на своего рода суд, где им сказали, что на следующий день их расстреляют. Им огласили какой-то приговор и сказали, что этот приговор будет приведен в исполнение для того, чтобы их дело послужило примером для других.

Хальвушен, конечно, чувствовал себя очень плохо, у него сильно болела голова, и он попросил охранника привести главного охранника, некоего Гутца. Тот пришел и спросил меня, что, черт возьми, мне нужно. Я сказал: «Моему товарищу очень плохо, не можете ли Вы дать ему аспирин или другое лекарство?» «Нет, конечно, — сказал он, — зачем тратить на него аспирин. Его утром расстреляют».

На следующее утро его забрали из камеры и после конца войны его нашли вместе с другими норвежцами в Тронхейме, в могиле, с пуль в затылке.

Тюрьма в Осло, где я находился в течение 25 месяцев, была домом ужасов. Почти каждую ночь я слышал крики и стоны. Однажды, это было, наверное, в декабре 1942 года, думаю, что,

примерно, 8 декабря, они вошли в мою камеру и приказали одеться. Это было ночью. Я надел на себя изорванную в лохмотья одежду. Я хромотал, не мог хорошо ходить, но все-таки уже поправился и мог двигаться. Я пошел по коридору. Они меня прислонили к стене, и я ожидал, что меня выведут и расстреляют. Но они не расстреляли меня. Они увезли меня в Германию вместе с массой других норвежцев. После я узнал, что некоторые из моих друзей — я имею в виду норвежцев, когда говорю о моих друзьях, — были заключенными, арестованными при проведении операции под названием «Мрак и туман». Нас привезли в лагерь в Эльзасе, который назывался «Натцвейлер».

Осмелюсь сказать, что это был очень плохой лагерь. Мы должны были работать в каменоломне. Одним словом, мы должны были выбирать камни с гор. Я не буду приводить деталей, не буду задерживать этим Суд. Я хочу только сказать, что здесь были французы, русские, голландцы, бельгийцы. Норвежцев было, примерно, 500. Из этих 500 норвежцев 60 или 70 процентов умерли там или в других лагерях, куда их потом перевезли. Было также там два датчанина. Мы испытали там много ужасов. О них не стоит говорить, они хорошо известны. Этот лагерь должен был быть эвакуирован в сентябре 1943 года. Нас перевели в Дахау, около Мюнхена. Но мы недолго оставались там, по крайней мере, я недолго оставался там. Меня отправили в распоряжение команды, которая называлась «Ошрих». Это была какая-то подкоманда в Нейенгаме, около Гамбурга. Нас было там, примерно, 1500 заключенных. Мы должны были рыть могилы.

Каждый день нам приходилось ходить пешком по 3—4 часа, а потом час ехать поездом до того места, где мы работали. Работа была так тяжела, и они обращались с нами так ужасно, что большинство из нас умерло там. Я думаю, что половина заключенных умерла от дизентерии или от дурного обращения в течение тех пяти-шести недель, которые мы там пробыли. Даже сами эсэсовцы, которым был вверен лагерь, понимали, что это уже слишком, и поэтому они оставили эту практику. Меня отправили из Нейенгама и послали через Гамбург в лагерь Гросс-Розен, в Силезии, около Бреслау. Это тоже очень плохой лагерь. В нем было, примерно, 40 норвежцев, кроме меня. Из этих 40 норвежцев через 4—5 месяцев в живых осталось всего 10.

Дюбост: Господин Каппелен, прошу рассказать нам о том, что Вы знаете о лагере Натцвейлер и о деятельности в лагере доктора Хирта с немецкого медицинского факультета в Страсбурге.

Каппелен: В Натцвейлере производились эксперименты. Недалеко от лагеря была ферма, которая называлась Штрутгоф. Она была фактически частью лагеря, и некоторые из заключен-

ных должны были там работать — чистить комнаты. Иногда их уводили туда во время поверки. Например, я помню, что однажды все цыгане были сняты с поверки и увезены в Штрутгоф. Они очень боялись этого.

Один мой знакомый-норвежец по фамилии Видинг работал в так называемой лагерной больнице. Он потом сказал мне, через день после того, как цыгане были увезены в Штрутгоф: «Я тебе кое-что расскажу. Насколько я понимаю, они испытывали на них какой-то газ». «Откуда ты знаешь?» — спросил я его. «Пойдем со мной», — ответил он.

Через окно больницы я увидел четырех цыган, которые лежали на кроватях. Они плохо выглядели. Через окно было плохо видно, но у них была какая-то слизь вокруг рта. И он, Видинг, сказал мне, что цыгане мало что могли рассказать, так как они были очень больны. Но, насколько он понял, этот газ был испытан на двенадцати из них, и восемь из двенадцати цыган умерли в Штрутгофе.

Кроме того, Видинг спросил меня: «Ты видел того высокого человека, который иногда гуляет по лагерю с другими?».

Я ответил: «Да, я его видел».

— «Это профессор Хирт из немецкого университета в Страсбурге».

Я вполне уверен, что Видинг назвал этого человека Хирт или Хирц. Он чуть ли не каждый день приезжал к нам с так называемой комиссией для того, чтобы осмотреть тех, которые возвращались из Штрутгофа, и наблюдать за результатами. Это все, что я помню об этом.

Дюбост: Сколько норвежцев умерли в Гросс-Розене?

Каппелен: В Гросс-Розене? Я не могу назвать точной цифры, но я знаю, что из 40 норвежцев, которые там были, вернулись, приблизительно, 10. Гросс-Розен был плохим лагерем. Но самой ужасной была эвакуация Гросс-Розена. По-видимому, это произошло в середине февраля этого года. Русские приближались все ближе и ближе к Бреслау.

Председатель: Вы хотите сказать 1945 года?

Каппелен: Да, простите, 1945 года. Однажды нас построили на так называемом «Оппельплац». Все мы были очень слабы. Мы выполняли тяжелую работу, получали мало пищи, и с нами очень плохо обращались. Мы пошли маршем, группами в две-три тысячи. В той группе, где я находился, было от двух с половиной до 2800 человек. Мы слышали, как стража называла цифры.

Мы начали двигаться, эсэсовцы находились с обеих сторон. Они очень нервничали и вели себя, как сумасшедшие. Мы видели, что некоторые из них пьяны. Мы были истощены и не могли идти достаточно быстро. Тогда они взяли первых пять

человек, разбили им головы прикладами и сказали: «Вот что с вами будет, если вы не будете идти правильно».

Мы шли как можно быстрее. Некоторые пытались помочь тем, кто был более слаб. Но все мы были настолько истощены, что мало чем могли помочь друг другу.

Наконец, через шесть или восемь часов мы дошли до железнодорожной станции. Было очень холодно, а мы были одеты только в полосатую тюремную одежду и плохую обувь. Но мы говорили: «Мы рады, что дошли до железнодорожной станции. Лучше быть в товарных вагонах, чем идти по морозу». Было очень холодно, наверное, от 10 до 12 градусов, очень холодно.

Там, на железнодорожной станции, стоял длинный состав открытых платформ. В Норвегии их называли вагонами для перевозки песка. Нас ударами заставили сесть на эти платформы по 80 человек на каждую. Мы должны были сидеть рядом. Мы пробыли на этой платформе пять дней, не получая пищи, воды, замерзая. Когда шел снег, мы открывали рот, чтобы утолить жажду. Через много времени, мне казалось, что через год, мы достигли места, которое, как я после узнал, называлось Дора. Это недалеко от Бухенвальда.

Когда мы доехали до этого места, нас пинками и ударами заставили сойти с платформ. Многие были мертвы. Человек, который сидел рядом со мной, умер, но я не мог отойти. Я должен был в течение последнего дня оставаться рядом с ним. Сам я, конечно, не слышал цифр, но около половины из наших были мертвы. Позже в Дора, я узнал, что умерших в нашем поезде было 1347 человек.

О Дора я мало что помню, потому что был в полумертвом состоянии. Я всегда был жизнерадостным человеком и пытался помочь себе и своим друзьям, но теперь я потерял почти всякую надежду. Я мало что помню. Потом представился удобный случай. Приехал Бернадот: мы были спасены и через Гамбург отправлены в Нейенгам. Там я встретил своих старых друзей: норвежского студента, который был угнан в Германию, заключенных из Саксенхаузена и других лагерей. Небольшое, сравнительно небольшое, количество оставшихся в живых норвежских заключенных «НН» («Нахт унд Небель») было в очень тяжелом состоянии. Многие из моих друзей все еще находятся в госпитале в Норвегии. Некоторые умерли уже после освобождения.

Вот что произошло со мной и моими товарищами в те три и три четверти года, которые я провёл в тюрьме.

Я вполне понимаю, что невозможно рассказать о всех деталях, но я надеюсь, что то, что я рассказал, дает представление о том, как немецкая служба СС действовала в Норвегии и в других странах.

Дюбост: По какой причине Вы были арестованы?

Каппелен: Я был арестован 29 ноября 1941 г. в местечке Хестбиор. Это вроде курорта, где занимаются лыжным спортом.

Дюбост: Какое Вам предъявлялось обвинение?

Каппелен: Я, как и большинство норвежцев, считал, что воюем с Германией тем или иным путем, и, естественно, большинство из нас было настроено против них. Я помню, когда в гестапо спросили меня: «Что вы думаете о господине Квислинге», я ответил: «Что бы вы сделали, если бы немецкий офицер, даже майор, когда ваша страна воевала и правительство дало приказ о мобилизации, пришел бы и сказал: «Забудьте о мобилизации». Такого человека нельзя было бы уважать...»

Дюбост: У меня нет больше вопросов.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ
ЛАГЕРЯ—
ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

•

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО ОБВИНИТЕЛЯ ОТ США
ДОДДОМ ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ»

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 13 декабря 1945 г.]

Концентрационный лагерь в гитлеровской Германии был одним из основных институтов и орудий нацистского режима. Это было основное орудие в борьбе против евреев, против рабочих, против всех тех, кто хотел мира, против всякой оппозиции, против любых отклонений от нацистских норм. Мы утверждаем, что требовалось систематическое использование террора для того, чтобы достичь тех условий внутри Германии, которые были необходимы для выполнения агрессивных планов заговорщиков.

Мы намереваемся показать, что концентрационный лагерь был одним из основных орудий, которым пользовались нацистские заговорщики для совершения в огромных масштабах преступлений против человечности и военных преступлений. Это было последнее звено в цепи террора и репрессий, которые проводились силами СС и гестапо путем арестов и заключения жертв в тюрьмы без суда и обычно без всякого указания сроков заключения.

Мои коллеги представят более полные доказательства относительно преступной роли СС и гестапо в этой области нацистского террора; в настоящий момент я хочу лишь указать, что СС посредством своей системы шпионажа находила жертвы, полиция и гестапо схватывали людей и направляли их в концентрационные лагеря, которые управлялись организацией СС.

Трибунал уже знает из показанных здесь кинофильмов об ужасных зверствах в концентрационных лагерях. Кроме того, в настоящее время в других судах при рассмотрении судебных дел устанавливаются существовавшие в концентрационных лагерях условия. Поэтому мы не собираемся говорить об отдельных зверствах. Мы хотели бы представить доказательства

преступности целей заключения в эти лагеря, незаконности использовавшихся в них методов террора, доказательств огромного количества погибших жертв...

Нацисты сразу поняли, что без решительных мер против действительной и потенциальной оппозиции они не могли бы укрепить свою власть над германским народом. Немедленно после того, как Гитлер стал канцлером, заговорщики уничтожили гражданскую свободу изданием чрезвычайного президентского декрета от 28 февраля 1933 г.

На основании этого декрета издается приказ о превентивном заключении (документ ПС-2499, США-232).

«Приказ о превентивном заключении. На основании статьи 1 декрета имперского президента об охране народа и государства от 28 февраля 1933 г. («Рейхсгезетцблатт» 1, страница 133) вы подвергаетесь превентивному заключению в интересах общественной безопасности и порядка.

Причина: подозрение в деятельности, направленной против государства».

Вот второй документ ПС-2324, США-233.

«...Мы должны были безжалостно расправиться с этими врагами государства. Не следует забывать, что в тот момент, когда мы захватили власть, свыше 6 миллионов официально голосовали за коммунизм и около 8 миллионов — за марксизм во время выборов в рейхстаг в марте.

Таким образом, были созданы концлагеря, в которые мы посылали в первую очередь тысячи активистов коммунистической и социал-демократической партий».

На практике власть заключать людей в эти лагеря не имела предела. Подсудимый Фрик в приказе, изданном 28 января 1933 г., как министр внутренних дел дал это ясно понять. Выдержка из этого приказа имеется в документе ПС-1723, на который мы ссылаемся. Этот документ представляется под номером США-206.

«...Превентивное заключение можно рассматривать как принудительную меру государственной тайной полиции против лиц, которые своими действиями угрожают безопасности народа и государства, чтобы противодействовать всем стремлениям врагов народа и государства.

...В подтверждение всех ранее изданных указаний относительно сотрудничества партий и гестапо приказываю:

1. Фюрером дано задание гестапо выявлять и устранять всех врагов партии и национал-социалистского государства, все направленные против них разлагающие силы. Успешное решение этой задачи является одной из самых важных предпосылок для обеспечения свободной и эффективной работы партии. Гестапо, выполняя чрезвычайно важную задачу, должно полу-

чать всяческую поддержку и содействие со стороны партии».

Таким образом, заговорщики направили свой аппарат террора против так называемых «врагов государства», против «разлагающих сил», против лиц, которые могли угрожать государству «своей оппозицией».

Кого они причисляли к этим категориям? Во-первых, тех людей в Германии, которые хотели мира. Мы ссылаемся на документ Л-83, представляемый за номером США-231.

Этот документ является протоколом свидетельского показания, данного под присягой Герхартом Сегаром. Я хотел бы зачитать выдержку из этого показания:

«...2. В период после первой мировой войны и до моего заключения в Лейпцигскую тюрьму, а затем в концлагерь Ораниенбург весной 1933 года, после прихода нацистов к власти в январе того же года, мои деловые и политические связи поставили меня под удар нацистских теорий и террористической тактики. Мое столкновение с нацистами из-за моего участия в движении за мир и из-за того, что я был членом рейхстага, представителем социал-демократов, которые были враждебно настроены по отношению к национал-социализму, ясно показало, что даже до 1933 года нацисты считали преступления и террор необходимым и желанным орудием в разгроме демократической оппозиции.

...Тот факт, что нацисты рассматривали концлагеря как средство разгрома оппозиционных элементов, привлек мое внимание во время беседы, которую я имел с доктором Вильгельмом Фриком еще в декабре 1932 года. В то время Фрик был председателем комиссии по иностранным делам рейхстага, депутатом которого я являлся. Когда я решительно возразил Фрику во время одного обсуждения, он ответил: «Не волнуйтесь. Когда мы будем у власти, мы всех вас посадим в концлагеря». Когда нацисты захватили власть, Фрик был назначен министром внутренних дел и быстро выполнил свою угрозу в сотрудничестве с Герингом, начальником прусской государственной тайной полиции, и Гиммлером».

Этот абзац показывает, что даже до того как нацисты захватили власть в Германии, они составили план устранения потенциальной оппозиции. Такое заявление Фрика Сегару является показательным и совпадает с более ранним заявлением Фрика от 18 октября 1929 г.

Теперь я ссылаюсь на документ ПС-2513, представленный в качестве доказательства под номером США-235.

«...Эта роковая борьба начнется с выборов. Но это не может продолжаться неопределенное время, потому что история учит нас, что в битве должна проливаться кровь и железо должно

быть сломлено. Выборы явятся началом этой роковой борьбы. Мы полны решимости осуществить силой то, что проповедуем. Как Муссолини уничтожил марксистов в Италии, так и мы должны достичь этой цели путем диктатуры и террора».

Имеется много дополнительных примеров использования концлагерей против людей, которые хотели мира. Была, например, группа... пацифистов, и заговорщики предусмотрели, чтобы они не только подвергались судебному преследованию, но и были заключены после отбытия наказания в концлагерь.

Ссылаюсь на документ Д-34, США-236. Это приказ государственной тайной полиции Берлина, датированный 5 августа 1937 г.

«...Имперский министр юстиции сообщил мне, что он не разделяет мнения, неоднократно высказывавшегося подведомственными инстанциями, согласно которому арест этих пацифистов после того, как они отбыли наказание, якобы угрожает авторитету судов. Он вполне понимает необходимость принятия мер государственной полицией после отбытия наказания, однако он просит не подвергать их превентивному заключению при обстоятельствах, которые могут нанести ущерб авторитету судов.

...Если от соответствующих властей получают сведения относительно предполагающегося освобождения того или иного члена группы пацифистов, то будет потребовано мое решение относительно мер государственной полиции в соответствии с декретом от 22 апреля 1937 г. с тем, чтобы перевод в концлагерь происходил немедленно после отбытия наказания. Если нет возможности перевести в концлагерь немедленно после отбытия наказания, эти люди должны содержаться в полицейских тюрьмах».

Профсоюзы... также почувствовали всю силу нацистского террора. Один из наших сотрудников — майор Уоллис уже представил доказательства кампании заговорщиков против профсоюзов. Конечно, концлагерь был важным орудием и в этой кампании. Как помнит Трибунал, в документе, на который я ссылаюсь сегодня утром (ПС-2324), подсудимый Геринг ясно дал понять, что члены социал-демократической партии должны заключаться в концлагерь. Очень многие профсоюзные руководители были членами этой партии, и они скоро узнали ужасы превентивного заключения. В этой связи я хотел бы сослаться на документ ПС-2330, идущий под номером США-231, уже представленный ранее, который является приказом о том, что некий Саймон должен быть подвергнут превентивному заключению.

«Заключенный не имеет права обжаловать распоряжение о превентивном заключении».

Дальше идут причины: «Саймон в течение многих лет был членом социалистической партии и временно членом социалисти-

ческого народного союза. С 1907 года по 1918 год он был депутатом ландтага от социалистической партии. С 1918 года по 1930 год он был социал-демократическим городским советником города Нюрнберга. Учитывая огромную роль, которую Саймон играл в международном профсоюзном движении, и то, что он имел связь с международными марксистскими руководителями и центральными органами, он был подвергнут превентивному заключению 3 мая 1933 г. и содержался до 25 января 1934 г. в концентрационном лагере в Дахау. Саймон подозревается в том, что даже после этой даты он продолжал играть активную роль в незаконной деятельности социалистической партии. Он участвовал в митингах, ставящих своей целью незаконное продолжение деятельности социалистической партии. В связи с его радикальной позицией, направленной против государства, Саймон непосредственно угрожает общественной безопасности и порядку».

Я не хочу повторять эти доказательства и укажу лишь на те документы, которые были представлены в качестве доказательств уничтожения профсоюзов. В частности, я хочу сослаться на документы ПС-2334 и ПС-2928, представляемые за номерами США-238 и 239.

Всему миру хорошо известно, что тысячи евреев были заключены в концлагерь. Доказательства по этому вопросу будут представлены другим сотрудником американского обвинения. Но из огромного количества бесспорных доказательств по этому вопросу я хотел бы представить документ ПС-3051 под номером США-240. Это копия телеграммы группенфюрера СС Гейдриха от 16 ноября 1938 г., разосланной всем участкам государственной полиции, всем районам и подрайонам службы безопасности.

Я сошлюсь на пятый абзац третьей страницы английского перевода этой телеграммы:

«В ходе событий этой ночи предполагается использование соответствующих чиновников во всех районах ввиду того, что максимальное количество евреев, особенно богатых, которых следует заключить в тюрьмы, должно быть арестовано. В настоящее время только здоровые и не слишком старые люди должны быть арестованы. После ареста следует немедленно установить связь с соответствующим концлагерем для того, чтобы заключить их в эти лагеря как можно быстрее...»

В 1943 году Гиммлер указал, что использование концлагерей против евреев было обусловлено не только расовой политикой нацистов, но и боязнью, что евреи будут служить препятствием к агрессии. Нет нужды рассматривать, правильно было это опасение или нет. Доказательством этому может служить речь

Гиммлера на совещании в Познани 4 октября 1943 г. (документ ПС-1919, США-170).

«...Под очищением от евреев я подразумеваю уничтожение еврейской расы... Уничтожение евреев — это наша программа, и мы ее выполняем и уничтожаем их. Но вот приходят 80 миллионов достойных немцев, и каждый из них говорит о своем, приличном еврее. Остальные, конечно, сплошная грязь, — говорит он, — а этот — первоклассный еврей. Ни один из тех, кто говорит таким образом, не видел, как это делается, не знает, что это означает. Большинство из вас видели 100, 500 или 1000 трупов, лежащих подряд. Выдержавшие все это и за некоторыми исключениями оставшиеся приличными ребятами становятся крепкими. Это славная страница нашей истории, потому что мы знаем, как трудно нам было бы во время воздушных налетов, во время военных испытаний, если бы среди нас остались евреи в качестве тайных саботажников, агитаторов и распространителей паники».

Из этого ясно, что до развязывания нацистской агрессии концлагерь был одним из основных орудий, при помощи которого заговорщики достигли таких общественных условий внутри страны, которые были необходимы для осуществления их агрессивных планов. После развязывания агрессии, после того как их армии прошли по Европе, они перенесли концлагерь и всю систему нацистского террора в оккупированные страны. Кроме того, они вывозили граждан оккупированных стран в Германию или другие места и подвергали их всем ужасам нацистского зверства. В этой связи рассмотрим документ Р-91 — письмо Мюллера начальнику полиции безопасности и службы безопасности Гиммлеру от 16 декабря 1942 г.; оно касается отправки польских евреев в концлагерь Германии.

«...В связи с необходимостью увеличения набора рабочей силы для концлагерей, который должен быть завершен к 30 января 1943 г., можно принять следующий порядок в отношении евреев:

1. Общее количество — 45 тысяч евреев.
2. Начало отправки — 11 января 1943 г. Конец отправки — 31 января 1943 г. Немецкие железные дороги не могут предоставить специальных составов для эвакуации евреев с 15 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г. ввиду увеличения количества эшелонов с отпускниками из армии.
3. В общее число 45 тысяч евреев должны быть включены 30 тысяч евреев из района Белостока, 10 тысяч из гетто Терезиенштадт, из них 5 тысяч евреев трудоспособных, то есть тех, которые использовались на мелких работах в гетто, и 5 тысяч нетрудоспособных евреев, а также евреев свыше 60 лет...

Как и до сих пор, должны быть вывезены только те евреи, которые не имеют особых связей и высоких наград. 3 тысячи евреев необходимо вывезти с оккупированных голландских территорий, 2 тысячи — из Берлина. Всего 45 тысяч (в число 45 тысяч включаются инвалиды, старики и дети).

После использования практических методов отбора из числа прибывающих в Освенцим трудоспособных евреев должно остаться от 10 до 15 тысяч человек».

Судьба венгерских евреев была столь же трагична. В период с 19 марта 1944 г. по 1 августа 1944 г. было захвачено свыше 400 тысяч венгерских евреев. Многие из них были отправлены в лагерь уничтожения. Об этом свидетельствует документ ПС-2605, США-242.

«...В марте 1944 года, в начале германской военной оккупации, в Будапешт прибыли специальные отряды германской тайной полиции, единственной целью которых было ликвидировать венгерских евреев. Во главе этих отрядов был оберштурмбаннфюрер СС, начальник отдела IV-Б главного имперского управления безопасности Эйхман. Среди его непосредственных помощников были: Герман Крумси, гауптштурмфюрер Вислицени, Гунше, Новак, доктор Зайдл, а позднее Данеггер Врток. Они арестовали, а затем отправили в Маутхаузен всех руководителей еврейской политической и деловой жизни и журналистов, а также венгерских демократических антифашистских политических деятелей. Используя «междоусобицу» в течение четырех дней после немецкой оккупации, они назначили своих квислинговцев на посты в министерстве внутренних дел...

Коменданты лагерей смерти отравляли газом только по прямому или косвенному указанию Эйхмана. Офицер отдела IV-Б, который руководил отправкой людей из той или иной страны, имел право указывать, какой железнодорожный состав должен быть отправлен в лагерь смерти и что должно было произойти с отправляемыми. Указания обычно выполнялись сопровождающими поезд унтер-офицерами. Буквы «О» и «М» на документах означали Освенцим или Майданек. Это означало, что высылаемые будут отравлены газом...

В отношении венгерских евреев в Освенциме применялись следующие правила: дети до 12 или 14 лет, старики свыше 50 лет, а также больные или люди с судимостью немедленно после прибытия отправлялись в газовые камеры. Другие проходили осмотр врача СС, который по внешнему виду определял, кто трудоспособен и кто нетрудоспособен. Признанные нетрудоспособными отправлялись в газовые камеры, а остальные направлялись в различные трудовые лагеря.

«...На 27 июня 1944 г. было увезено 475 тысяч евреев».

На так называемых «восточных территориях» жертвы, предназначенные для уничтожения в лагерях, захватывались без каких-либо обвинений против них. На западных оккупированных территориях некоторым из жертв предъявлялись обвинения.

Рассмотрим некоторые из этих обвинений, считавшихся достаточным основанием для заключения в концлагерь. В качестве доказательства представляю выдержки из досье на 25 лиц, арестованных в Люксембурге для заключения в различные концлагеря. В выдержках излагается обвинение против каждого из этих лиц (документ Л-215, США-243).

«...Обвинение: связь с членами подпольного движения Сопротивления, нарушение валютных правил, нанесение ущерба интересам Германии; предполагается, что он в будущем будет нарушать официальные административные правила и действовать в качестве врага Германии. Место заключения: Натцвейлер».

Следующая фамилия: «Криер. Обвиняется в том, что он несет ответственность за саботаж на работе и вызывает опасения ввиду своего политического и уголовного прошлого. Оставление на свободе увеличит его желание совершить антиобщественные поступки. Место заключения Бухенвальд». Далее: «Монти. Обвинение: сильные подозрения в том, что он способствовал дезертирству. Место заключения Саксенхаузен».

Юнкер. Обвинение: будучи родственником дезертира, он, как ожидается, будет использовать каждый случай, чтобы нанести ущерб интересам Германии, если останется на свободе. Место заключения Саксенхаузен.

Джегер. Обвиняется в том, что, будучи родственником дезертира, он, как ожидается, будет использовать любой случай, чтобы нанести ущерб Германской империи. Место заключения Саксенхаузен.

Людвиг. Подозревается, что он способствовал дезертирству. Место заключения Дахау».

Не только гражданские лица с оккупированных территорий, но и военнопленные подвергались ужасам и жестокостям концлагерей. Я сошлюсь на документ ПС-1165, представляемый под номером США-244. Это меморандум всем чиновникам государственной полиции, подписанный начальником гестапо Мюллером 9 ноября 1941 г. Меморандум озаглавлен: «Перевод русских военнопленных, подлежащих казни, в концлагеря».

Я цитирую выдержку из этого меморандума:

«...Коменданты концлагерей жалуются на то, что от 5 до 10 процентов советских людей, подлежащих казни, прибывают в лагерь умершими или в полумертвом состоянии. Поэтому создается впечатление, что таким путем лагеря для военнопленных избавляются от этих заключенных».

Было замечено, например, что на пути от железнодорожной станции в лагерь довольно большое количество военнопленных падали от изнеможения, и их должны были подбирать грузовики, следовавшие за колонной.

Нельзя помешать тому, чтобы германский народ замечал это.

Даже если перевод в лагеря будет производиться вооруженными силами, то население будет все равно приписывать это СС. Для того чтобы предупредить, насколько возможно, повторение этого в будущем, я приказываю, чтобы с сегодняшнего дня советские люди, находящиеся под подозрением, которые безнадежно больны (например заражены тифом), а потому не смогут выдержать даже короткого марша пешком, не пересылались в концлагеря для казни».

Другие доказательства о заключении русских военнопленных в концлагеря мы находим в официальном докладе от 21 июня 1945 г. о концлагере Флоссенбург. Доклад составлен правовым отделом штаба американской 3-й армии, секцией военных преступлений. Этот документ ПС-2309 представляется под номером США-245. В конце второй страницы английского текста последний абзац гласит:

«В 1941 году был построен новый корпус в лагере Флоссенбург, рассчитанный на 2 тысячи русских военнопленных. Из этих 2 тысяч пленных выжили только 102 человека».

Советские военнопленные нашли в этих концлагерях и своих союзников. На четвертой странице того же документа ПС-2309 говорится:

«Среди жертв Флоссенбурга были русские гражданские лица и военнопленные, а также немцы, итальянцы, бельгийцы, поляки, чехи, венгры, английские и американские военнопленные. Не было практических возможностей составить список жертв этого лагеря, так как предполагается, что с момента основания лагеря в 1938 году до дня освобождения погибли свыше 29 тысяч заключенных».

В этом же документе содержится копия приказа генерала СС Мюллера от имени начальника полиции безопасности и службы безопасности с указанием гестапо направлять бежавших военнопленных непосредственно в Маутхаузен. Цитирую два абзаца приказа Мюллера с конца первой страницы:

«Руководители государственной полиции получают бежавших и пойманных офицеров-военнопленных от комендантов лагерей для военнопленных и направят их в концлагерь Маутхаузен в соответствии с уже установленным порядком, за исключением тех случаев, когда обстоятельства потребуют специальной транспортировки. Военнопленные должны заковываться в кандалы после того, как они попадут в эшелон, но не на вокзале».

так как это происходило бы на виду у публики. Комендант лагеря Маутхаузен должен быть оповещен о том, что эти военнопленные должны подвергаться действию «Кугель». Руководители государственной полиции представят полугодовые отчеты о передаче военнопленных, давая лишь цифровые данные. Первый отчет должен быть представлен 5 июля 1944 г.»

Пропускаем следующие три фразы и цитируем далее:

«Для сохранения секретности верховному командованию вооруженных сил предложено дать указания лагерям военнопленных направлять пойманных военнопленных в местные отделы государственной полиции, а не непосредственно в Маутхаузен».

Не случайно описанная операция обозначена немецким словом «кугель» (пуля), так как Маутхаузен, куда посылались бежавшие военнопленные, был центром для уничтожения людей.

Нацистские победы отмечались созданием концлагерей по всей Европе... Из документа Р-129, США-217 — доклада о положении в концентрационных лагерях, подписанного Полем — генералом СС, который занимался вопросами использования заключенных в концлагерях, видно, где размещались эти лагеря. Документ адресован рейхсфюреру СС.

«...Рейхсфюрер, сегодня я докладываю о положении в концлагерях и о мерах, которые я принял для того, чтобы выполнить ваш приказ от 3 марта 1942 г.

1) В начале войны существовали следующие концентрационные лагеря:

- а) Дахау: 1939 год — 4 тысячи заключенных, сегодня — 8 тысяч;
- б) Саксенхаузен: 1939 год — 6500 заключенных, сегодня — 10 тысяч;
- в) Бухенвальд: 1939 год — 5300 заключенных, сегодня — 9 тысяч;
- г) Маутхаузен: 1939 год — 1500 заключенных, сегодня — 4700;
- д) Флоссенбург: 1939 год — 1600 заключенных, сегодня — 4700;
- е) Равенсбрюк: 1939 год — 2500 заключенных, сегодня — 7500».

Далее сказано, в § 2: «В период с 1940 года по 1942 год было создано еще девять лагерей, а именно: 1) Освенцим, 2) Нейенгамм, 3) Гузон, 4) Натцвейлер, 5) Гросс-Розен, 6) Люблин, 7) Нидерхаген, 8) Штрутгоф и 9) Арбейтсдорф».

В дополнение к лагерям на оккупированной территории, упомянутым в документе Р-129, было очень много других. В официальном докладе штаба третьей американской армии (документ ПС-2309) сказано:

Узники концлагеря Освенцим

Группа французов, узников Освенцима, освобожденных Советской Армией

Зверски замученные гитлеровскими палачами заключенные концлагеря Освенцим

«Концлагерь в Флоссенбурге был создан в 1938 году как лагерь для политических заключенных. Строительство началось в 1938 году, и лишь в апреле 1939 года прибыли первые заключенные. С этого момента лагерь постоянно пополнялся заключенными. Флоссенбург был центральным лагерем, и под его контролем было 47 филиалов для мужчин и 27 лагерей для женщин. В эти филиалы посылалось необходимое количество заключенных для различных работ.

Из этих филиалов Хорсбрук и Лейтмериц — в Чехословакии, Оберштаублинг, Мульзен и Заале — на Дунае считались самыми плохими».

Я не собираюсь занимать время Трибунала и говорить о каждом из нацистских концентрационных лагерей, которые покрыли Европу. Нам хорошо известно об огромных масштабах этих лагерей. Однако мы хотим обратить внимание Трибунала на составленную нами карту. Черная линия является границей Германии после аншлюсса. Мы обращаем внимание Трибунала на то, что большинство лагерей, помеченных на карте, находится в пределах границ самой Германии. Это — красные точки. В центре Германии находится лагерь Бухенвальд — вблизи города Веймара. Внизу мы видим Дахау — в нескольких милях от Мюнхена. Сверху имеются лагеря Нейенгам и Берген-Бельзен — близ Гамбурга. Слева — лагерь Нидерхаген — в Руре. Правее — ряд лагерей в районе Берлина, один из которых назывался Саксенхаузен (ранее назывался Ораниенбург). Это один из первых лагерей, созданных после прихода нацистов к власти. Недалеко от него — лагерь Равенсбрюк, исключительно для женщин. Далее — лагеря вне Германии: Маутхаузен в Австрии, в Польше — небезызвестный Освенцим, слева — Хертогенбош, в Голландии, а южнее — лагерь Натцвейлер во Франции.

Эти лагеря представляют собою широкую сеть, и можно заметить, что каждый из больших лагерей был окружен группой филиалов. Названия основных, во всяком случае самых известных лагерей, показаны на карте сверху. Для большинства людей эти названия символизируют нацистскую систему зверств. В мае 1945 года или несколько позже они стали известны всему миру.

Я хотел бы вкратце указать на обращение, которому подвергались заключенные в этих лагерях. Кинофильм, который был показан составу этого Высокого Суда, уже раскрыл дикое, зверское обращение с союзными гражданами и военнопленными, а также с другими жертвами нацистского террора. Ввиду того, что кинофильмы достаточно ясно и убедительно показали положение в лагерях, во всяком случае в то время, когда они были сняты, я ограничусь лишь кратким изложением этого вопроса.

Условия, существовавшие в этих концлагерях, конечно, имели прямое отношение к целям, которых нацистские заговорщики хотели достичь вне лагерей с применением террора.

Удивительно, как легко слово «концлагерь» сходило с уст этих людей. Как легко становилось решать все проблемы, когда они могли использовать это ужасное орудие террора. Обращаюсь к документу Р-124, который был представлен под номером США-179. Это запись заседания центрального управления по планированию, членом которого был подсудимый Шпеер и которое определяло стратегию нацистского производства вооружения. Я не буду снова зачитывать этот документ, но, как Трибунал помнит, на этом заседании подсудимый Шпеер и другие обсуждали вопрос о так называемых «ленивых» рабочих и о необходимости принятия решительных мер против таких рабочих, труд которых не удовлетворял хозяев. Шпеер сказал, что «нет ничего плохого в том, чтобы полиция безопасности и СС приняли меры и заключили этих ленивых рабочих в концлагерь». Он произнес слово «концлагерь» и сказал: «Пусть это практикуется чаще и об этом станет известно».

Мы утверждаем, что подобные слова привели к гибели многих жертв. Что касается распространения слухов, то, как предложил подсудимый Шпеер и как мы докажем, это не являлось делом случая.

Было тщательно предусмотрено, чтобы слухи о концлагерях имели соответствующее воздействие на население. Для того чтобы запугать обстановкой террора, эти лагеря были окутаны таинственностью. То, что происходило за колючей проволокой, вызывало ужасные предположения в Германии и странах, находящихся под нацистским контролем.

Такова была политика с самого начала, когда нацисты впервые пришли к власти и создали эту систему концлагерей. В частности, я сошлюсь на документ ПС-778, США-247. Документ представляет собой приказ от 1 октября 1933 г. коменданту лагеря Дахау. В документе излагается целая программа избиений, казней и одиночного заключения за нарушение правил.

Некоторые правила предусматривали строгую цензуру в отношении условий внутри лагеря. Сошлюсь на первую страницу английского текста, статья 11:

«В силу закона о революционерах следующие нарушители порядка, рассматриваемые как агитаторы, будут повешены: любое лицо, которое с целью агитации в лагере, на работе, в жилом помещении, на кухне и в мастерских, уборных и местах отдыха ведет разговоры на политические темы, организует собрания, произносит речи с целью подстрекательства, создает группировки, слоняется с другими без дела, которое в целях про-

паганды передает оппозиции рассказы о зверствах, собирает правильную и неправильную информацию о концлагерях, получает такую информацию, прячет ее, передает ее другим, тайным путем предоставляет ее иностранным или другим гостям в письменном виде или устно, передает ее освобожденным заключенным, прячет ее в одежде или других предметах, бросает камни или другие предметы, содержащие такие сведения, через стены лагеря, лицо, которое с целью агитации залезает на крыши барачков или на деревья, пытается установить контакт с внешним миром соответствующими сигналами или выступает в качестве подстрекателя побегов или преступлений, дает соответствующие советы или оказывает какое-либо содействие».

Помимо цензуры, в концлагерях существовали официально инспирированные кампании по распространению слухов о них. О концлагерях говорилось шепотом, а слухи распространялись агентами тайной полиции.

Когда подсудимый Шпеер говорил, что, если мы будем угрожать концлагерями, об этом станет скоро широко известно, это были не пустые слова.

Представляю в качестве доказательства документ ПС-1531 под номером США-248. Этот документ является совершенно секретным. Он адресован всем участкам полиции и гестапо и для сведения — инспекторам полиции и службы безопасности. Это — приказ начальника гестапо о концлагерях.

«Для того чтобы произвести большее воздействие, в будущем следует придерживаться следующего порядка в каждом отдельном случае:

...3. Продолжительность срока заключения не должна ни в коем случае стать известной, даже если рейхсфюрер СС и начальник германской полиции уже установили этот срок. Срок заключения в концлагерь должен публично объявляться как «неограниченный».

В самых серьезных случаях не возражаю против усиления впечатления путем распространения слухов о том, что ввиду серьезности дела арестованный не будет освобожден в течение двух или трех лет.

4. В некоторых случаях рейхсфюрер СС и начальник германской полиции будет отдавать приказ о телесном наказании в дополнение к заключению в концлагерь. Такие приказы в будущем также будут передаваться соответствующему участку государственной полиции. В данном случае также нет возражения против распространения слухов о дополнительном наказании, как указано в разделе 3, § 3, если это окажется желательным для усиления впечатления.

5. Для распространения этих слухов, конечно, должны быть избраны особо подходящие и надежные люди».

Устрашающее действие концентрационных лагерей основывалось на угрозах жестокого обращения. Когда жертва поступала во власть охранников СС, она подвергалась избиениям, пыткам, голодовке, и часто заключенного убивали путем использования метода — «истребление посредством работы» или путем массовых убийств в газовых камерах и печах лагерей, которые были показаны несколько дней назад при демонстрации документальных фильмов в этом зале Суда.

Отчеты официальных комиссий по расследованию представляют дополнительные доказательства условий, существовавших в концентрационных лагерях. Я ссылаюсь сейчас на документ ПС-2309:

«Работа в этих лагерях состояла, главным образом, из подземных работ, целью которых было строительство больших подземных заводов, складов и т. д. Эта работа выполнялась целиком под землей, и в результате жестокого обращения, невыносимых условий работы и жизни в день умирали в среднем до 100 заключенных. В один лагерь «Оберштаублинг» в феврале 1945 года было доставлено 700 заключенных и 15 апреля 1945 г. из них в живых остались только 105 человек. В течение 12 месяцев, предшествовавших освобождению, в Флоссенбурге и в других лагерях, которые находились поблизости, под его контролем, погибли 14 739 мужчин и 1300 женщин. Эти цифры взяты из достоверных документов, захваченных в лагере. Однако они отнюдь не являются полными, так как многие массовые казни проводились в секретном порядке. В 1941 году лагерь Флоссенбург был расширен, и в него было дополнительно помещено 2 тысячи русских заключенных. Из этих 2 тысяч заключенных остались в живых только 102 человека. Флоссенбургский концентрационный лагерь точнее всего можно назвать фабрикой смерти. Первостепенной задачей этого лагеря считалось предоставление массовой рабочей силы для рабского труда, другой задачей его было уничтожение людей методами, которые использовались при обращении с заключенными. Ничтожные пайки, обрекающие заключенных на голодную смерть, садизм со стороны служебного персонала, ужасные жилищные условия, плохая одежда, отсутствие медицинской помощи, болезни, избиения, замораживание, подвешивание за руки, принуждение к самоубийству, расстрелы и повешение — все это играло определенную роль для достижения поставленной цели. Заключенных убивали без всякого повода. Убийство евреев носило повсеместный характер. Впрыскивание яда и выстрелы в затылок были повседневными явлениями. Свиристывала эпидемия брюшного и сыпного тифа, и это также рассматривалось как средство для уничтожения заключенных. Человеческая жизнь в этом лагере ничего не стоила. Убийство было общим явле-

нием, настолько общим, что быстрая смерть приветствовалась несчастными».

Перехожу к последнему предложению того же абзаца:

«В ночь под рождество 1944 года было произведено массовое повешение заключенных. Остальных заключенных заставили присутствовать при повешении. С одной стороны виселиц была помещена украшенная елка, и, как об этом рассказывал один из заключенных, «это была ужасная картина — повешенные и блистающие елки».

В марте и апреле были повешены 13 американских или английских парашютистов. Они были захвачены в то время, когда пытались взорвать мосты. Их доставили в лагерь накануне казни...»

Не буду зачитывать все эти отчеты. Однако я хотел бы сказать о концлагере Маутхаузен, одном из самых известных центров истребления. Я ссылаюсь на документ ПС-2170, который был уже представлен мною в качестве доказательства под номером США-249. Это также официальный отчет управления главного судьи 3-й американской армии от 17 июня 1946 г.

Я зачитаю заключительную часть этого документа на третьей странице английского текста:

«V. Заключение. Нет никакого сомнения в том, что лагерь Маутхаузен был создан в результате длительного планирования. Он был построен в виде гигантской каменной крепости на вершине горы и окружен бараками меньших размеров. В Маутхаузене в дополнение к основному его постройкам предусматривалось все необходимое для размещения многочисленного гарнизона, офицеров и солдат, имелись обширные столовые и туалетные комнаты для обслуживающего персонала. Этот лагерь существовал для одной-единственной цели — истреблять всех заключенных, которые поступали в него. Так называемые отделения Маутхаузена находились под непосредственным руководством официальных лиц СС, которые жили там же. Все распоряжения, приказы, административные указания в эти отделения передавались через Маутхаузен. Другие лагеря, включая два крупнейших и наиболее известных отделения — Гузен и Эбензее, служили не только для истребления. Заключенных использовали там в качестве рабочей силы в строительстве и на производстве до тех пор, пока они в результате избиений и голода становились нетрудоспособными. Затем их обычно посылали в Маутхаузен, где уничтожали».

Как из документальных кинофильмов, так и из этих подробных отчетов представителей 3-й американской армии и других представителей, посетивших эти лагеря, явствует, что условия, существовавшие в концлагерях в Германии, а иногда и за ее

пределами, создавались по единой системе. Повсеместное распространение этих условий видно из того, что они были не результатом каких-либо случайных перегибов со стороны отдельных руководителей, а являлись следствием политики, преднамеренно проводившейся свыше.

Преступления, которые совершались в этих лагерях, носили настолько массовый характер, что индивидуальные зверства теряют свою значимость. Имеются два вещественных доказательства, которые я хотел бы представить Трибуналу, потому что они иллюстрируют всю глубину падения администрации этих лагерей, которые были, наконец, освобождены союзными армиями. Трибунал помнит, что при демонстрации кинофильмов в одном из лагерей были показаны куски человеческой кожи, срезанной с человеческих тел в Бухенвальдском концлагере и использовавшейся в виде украшений. Несчастные жертвы, у которых срезали кожу, были обречены на такие мучения только потому, что у них была татуировка. Это вещественное доказательство имеет номер США-252, ПС-3420, и к нему прилагается выдержка из официального отчета американской армии с описанием обстоятельств, при которых было получено это вещественное доказательство. Я сейчас зачитаю часть этого документа. Он озаглавлен: «Оперативная полевая следственная группа № 2». Содержание:

«Разведбюллетень по вопросам военнопленных.

13-й концлагерь в Бухенвальде. Вступление. Эти показания даны военнопленным Андерсеном Пфаффенбергом (возраст 43 года, Ландесшутцен, 9, малограмотный, мясник по профессии).

В 1939 году всем заключенным, у которых имелась татуировка, приказали явиться в больницу.

...Никто не знал, зачем.

Но после того, как осмотрели заключенных, тех из них, у которых татуировка была наиболее интересной и художественно выполненной, поместили в больницу, а затем они были убиты посредством впрыскивания, которое производил Карл Байгс, уголовный заключенный. Вслед за этим трупы были переданы в больничный морг, где желаемые куски кожи с татуировкой были вырезаны и обработаны. Затем в обработанном виде эта кожа была передана жене штандартенфюрера СС Коха, которая использовала эту кожу для абажуров и других украшений в доме. Я сам видел различные куски татуированной кожи с рисунками и надписями, например надпись «Ганс и Гретель», которая была на колене одного заключенного, и рисунки кораблей, которые были вытатуированы на груди заключенных. Эта работа выполнялась заключенным Вернербахом».

Вот другой документ ПС-3421, США-253:

«Я, Джордж С. Демас, лейтенант резерва военно-морского флота США, сотрудник аппарата главного обвинителя США против главных военных преступников стран оси, настоящим свидетельствую, что прилагаемое вещественное доказательство, представляющее собой пергамент, доставлено мне секцией военных преступлений управления главного судьи армии США в соответствующем официальном порядке в качестве вещественного доказательства, обнаруженного и захваченного в Бухенвальдском лагере вооруженными силами под командованием верховного главнокомандующего союзных экспедиционных сил».

В документе ПС-3420, США-252 излагается заключение о том, что «...все три предмета представляют собой татуированную человеческую кожу».

Вещественное доказательство под номером США-254 представляет собой человеческую голову без черепных костей, съжившуюся, начиненную чем-то, законсервированную и высушенную. Нацисты обезглавили одну из многих своих жертв после того, как несчастного повесили по некоторым данным за то, что он был в близких отношениях с немецкой женщиной, и изготовили это ужасное украшение из его головы.

В последнем абзаце официального отчета говорится относительно обстоятельств, при которых было получено это вещественное доказательство. «Там я также видел высушенные головы двух молодых поляков, повешенных за то, что они имели близкую связь с немецкими девушками. Эти головы были величиной в кулак, на них еще имелись волосы и на шее сохранились следы веревки».

...Другое свидетельство лейтенанта Демаса изложено в документе ПС-3422, США-254. Это показание аналогично тому, которое я зачитал несколько минут назад относительно человеческой кожи, с той лишь разницей, что здесь говорится о втором вещественном доказательстве.

Мы не располагаем точными данными о количестве людей, погибших в концентрационных лагерях, и, по-видимому, никогда не получим этих данных, хотя документальные доказательства, уже представленные Трибуналу, свидетельствуют о том, что нацистские заговорщики вообще со скрупулезной тщательностью вели регистрацию фактов и событий. Но та регистрация, которая велась ими по концлагерям, была далеко не полной. По-видимому, это явилось результатом того пренебрежения, с которым нацисты относились к жизни своих жертв. Иногда мы обнаруживаем книгу свидетельств о смерти или алфавитный указатель. Однако в большинстве случаев смерть никем не регистрировалась. Я хочу сослаться на серию книг с регистрацией смертей, что сразу даст представление относительно масштабов операций, проводившихся в концлагерях. Я представляю в виде

документального доказательства под номером США-251, ПС-498 семь книг с регистрацией актов смерти в концлагере Маутхаузен. Каждая книга имеет на переплете надпись «Тотенбух» (книга смерти), «Маутхаузен». В этих книгах регистрировались фамилии некоторых заключенных, умерших или убитых в этом лагере. Записи в этих книгах относятся к периоду с января 1939 года по апрель 1945 года. Там указываются имя, место рождения, причина и время смерти для каждого случая отдельно, в дополнение каждому покойнику присваивался серийный номер. Согласно всем сериям номеров за период в пять лет общая цифра составляет 35 318. Исследование этих книг разоблачает обычные причины смерти в лагере. Я обращаю внимание Трибунала на книгу пятую, страницы 568—582, фотокопии которых переданы Трибуналу.

Здесь говорится о случаях смерти, происшедших 19 марта 1945 г. в период между 1 ч. 15 м. утра и 2 часами дня. В течение двенадцати часов сорока пяти минут, согласно записи, погибли 203 человека. Записи проходят под номерами с 8390 до 8593. Указаны фамилии погибших. Интересно, что у всех погибших указана одна причина смерти — сердечное заболевание. Они умирали через короткие интервалы и в алфавитном порядке. Первый умерший Аккерман погиб в четверть второго, последний — Зингер скончался в два часа дня.

В тот же день, 19 марта 1945 г. с двенадцати минут третьего снова началась серия смертей, которая продолжалась до половины пятого. В течение двух часов погибли еще 75 человек. Снова они умирали от «заболевания сердца», и снова их смерть наступала в алфавитном порядке. Записи об этом имеются на страницах 582—586 той же книги.

Военнопленные, пойманные после попытки к бегству, также посылались заговорщиками в концлагеря, которые были созданы специально для истребления людей. Представляю в качестве доказательства под номером США-246 документ ПС-1650. Это — сообщение гестапо города Кельна от 4 марта 1944 г. Вверху сказано: «Рассматривается как секретный правительственный материал». Цитирую третий абзац: «Меры, принимаемые в отношении пойманных офицеров и унтер-офицеров, за исключением английских и американских военнопленных».

Верховное командование армии приказывает:

1. Каждый захваченный при попытке совершить побег военнопленный, который является офицером или неработающим унтер-офицером, за исключением английских и американских военнопленных, должен передаваться начальнику полиции безопасности и службы безопасности по классификации «Шаг-3» независимо от того, произошел ли побег во время транспор-

тировки, является ли он массовым побегом или индивидуальным.

2. Ввиду того что передача военнопленных полиции и службе безопасности не должна стать известной ни при каких обстоятельствах другим военнопленным, ни в коем случае не следует сообщать об этом. В информационный отдел армии следует сообщать о пойманных военнопленных: «Сбежал, но не пойман». С обнаруженной у них перепиской следует поступать соответствующим образом. Такой же ответ должен даваться представителям державы, представляющей интересы воюющей стороны, Международному Красному Кресту и другим обществам по оказанию помощи военнопленным».

Имеется также другая книга с записями о смерти, которая была обнаружена в лагере Маутхаузен. Это документ ПС-495, которому в серии документальных доказательств присвоен номер США-250. Это один том, и на его переплете снова имеется надпись: «Книга актов смерти военнопленных».

Я обращаю особое внимание Трибунала на записи на страницах 234—246. Здесь имеются имена 208 военнопленных, по-видимому, русских, которые в пятнадцать минут первого ночи 10 мая 1942 г. были убиты в одно и то же время. В книге указывается, что казнь произведена по приказанию начальника СД и полиции безопасности, которым тогда был Гейдрих. Сегодня утром мне передали еще один документ. Это — нью-йоркская газета, издававшаяся в Соединенных Штатах, в которой более трех страниц заполнено объявлениями семей и родственников лиц, проживавших в Германии или в Европе, с просьбой сообщить, что известно относительно их судьбы. В большинстве этих объявлений делаются ссылки на тот или иной концентрационный лагерь. Газета называется «Дер Ауфбау». Она издается на немецком языке в Нью-Йорке. Я хочу обратить Ваше внимание на номер этой газеты от 25 ноября 1945 г. Я не хочу зачитывать перед Трибуналом список всех этих несчастных. Однако мы ссылаемся на эту газету для иллюстрации ужасающих размеров трагедии, которая постигла столь многих людей в результате создания концентрационных лагерей.

Дополнительные доказательства относительно концентрационных лагерей будут представляться по мере необходимости в части, которая относится к преследованию евреев. Настоящим мы заканчиваем представление доказательств по концентрационным лагерям.

Документ Р-129

П Р И К А З
НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО
АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ СС ПОЛЯ О РУКОВОДСТВЕ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫМИ ЛАГЕРЯМИ

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО
АДМИНИСТРАТИВНО-
ХОЗЯЙСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ СС

ЛИЧНЫЙ ШТАБ ФЮРЕРА
УПРАВЛЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ДЕЛО № 1/24
Берлин, 30 апреля 1942 г.

Направлено: Начальнику управления Д
Всем начальникам лагерей
Всем начальникам мастерских
Всем военным управлениям

П Р И К А З

Указания и наставления, данные начальникам лагерей и мастерских на совещаниях 24 и 25 апреля 1942 г. подтверждаются настоящим приказом, вступающим в силу с 1 мая 1942 г.

1. Руководство концентрационным лагерем и всеми хозяйственными предприятиями СС, входящими в сферу организации концлагеря, относится к ведению коменданта лагеря. Поэтому он один ответствен за наибольшую доходность хозяйственных предприятий.

2. Для надзора за хозяйственными предприятиями комендант лагеря имеет начальника мастерских. Начальник мастерских обязан докладывать коменданту лагеря о всех фактах или недостатках производственного или экономического порядка, которые могут препятствовать выполнению распоряжений коменданта.

3. Эта служебная обязанность делает начальника мастерских ответственным за производственные и экономические неполадки и недочеты.

4. Комендант лагеря лично ответствен за использование рабочей силы. Это использование должно происхо-

дить в полном смысле слова до истощения всех сил с тем, чтобы была достигнута наивысшая производительность.

Распределение работы происходит в централизованном порядке через начальника управления Д. Сами коменданты лагерей не имеют права принимать работы от третьего лица, а также не могут вести переговоры по этому вопросу.

5. Рабочий день не ограничен. Длительность рабочего дня зависит от производственной структуры лагеря и от характера выполняемой работы и определяется лично комендантом лагеря.

6. Вследствие этого комендантам лагерей вменяется в обязанность сокращать до предела все мероприятия, влекущие за собой уменьшение рабочего дня (обеденное время, сборы и т. д.). Запрещаются отнимающие время переходы и обеденные перерывы, предназначенные только для принятия пищи.

7. Приказываю отказаться от традиционных застывших форм охраны и постепенно переходить к более гибким формам, учитывая будущие задачи мирного времени.

Необходимо распространять конные посты, использование сторожевых собак, передвижные сторожевые вышки и подвижные препятствия.

8. Проведение в жизнь этого приказа налагает на комендантов лагерей значительно более серьезные обязанности, чем до сих пор.

*Поль, группенфюрер СС и
генерал войск СС.*

Документ Р-129

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СС, ГРУППЕНФЮРЕРА СС И ГЕНЕРАЛА ВОЙСК СС ПОЛЯ РЕЙХСФЮРЕРУ СС ГИММЛЕРУ ОТ 30 АПРЕЛЯ 1942 Г.

По вопросу: О ВКЛЮЧЕНИИ ИНСПЕКЦИИ
КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ ЛАГЕРЕЙ В ГЛАВНОЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ СС

...1. Война повлекла за собой заметное изменение структуры концентрационных лагерей и принципиально изменила их задачи в вопросе использования заключенных.

Теперь содержание заключенных по соображениям безопасности, перевоспитания и предотвращения возможности

совершения преступлений не стоит уже на первом плане. Центр тяжести переместился в экономическую сторону. На первый план все больше и больше выступает мобилизация всех заключенных сначала для решения военных задач (увеличение производства вооружения), а затем для решения задач мирного времени.

2. По этим соображениям необходимо проводить мероприятия, которые обеспечили бы постепенное превращение концентрационных лагерей из бывших односторонних политических организаций в организации, соответствующие задачам экономического характера.

Документ СССР-4

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ПО
УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
И ИХ СООБЩНИКОВ

ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских
захватчиков в Белоруссии

I

ПУТЬ В «ЛАГЕРЯ СМЕРТИ» БЫЛ УСТЛАН ТРУПАМИ
РАССТРЕЛЯННЫХ ГИТЛЕРОВЦАМИ СОВЕТСКИХ
ЛЮДЕЙ

1. НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДА ЖЛОБИНА БЫЛО ЗАГНАНО НЕМЦАМИ
В «ЛАГЕРЯ СМЕРТИ»

Из протокола опроса Романенко Ивана Остаповича

11 марта 1944 г., в субботу, к нам, в город Жлобин, на автомашинах прибыло очень много немецких войск; они прибыли со стороны Бобруйска. Среди них были жандармские части и части СС. Они разгружались в центре города на главной улице. Войск было много. Моя жена лично видела, как прибыла партия около 15 автомашин.

В ночь с 11 на 12 марта я с семьей находился в здании комендатуры. Примерно в три часа ночи в комнату, где были собраны жители, зашли жандарм и переводчик. Они приказали нам приготовиться, так как все население города эвакуируется в город Бобруйск.

Одновременно с этим мы услышали передачу по радио. Диктор говорил, что все жители города якобы для спасения от артиллерийского и минометного обстрела Красной Армии будут направлены в глубокий тыл. Жителям предлагалось захватить с собой все свои вещи и слушаться немецких солдат. Все, кто попытается избежать эвакуации, будут расстреляны.

После радиопередачи всех жителей города жандармы погнались вдоль Первомайской улицы, через полотно железной дороги, в район железнодорожной школы. Здание школы и большая площадь вокруг нее были оцеплены колючей проволокой, то есть создано подобие лагеря. Этот лагерь охранялся усиленным конвоем солдат войск СС и жандармов. Часам к 8 утра этот лагерь уже был битком набит жителями города...

Вскоре нас стали выводить из лагеря на площадь, где стояли эшелоны. У выхода из лагеря солдаты войск СС проверяли всех и отгоняли в сторону все трудоспособное население: мужчин, женщин и детей с 14-летнего возраста.

При этом солдаты безжалостно разлучали семьи. Я сам видел, как солдат отозвал в сторону одну молодую женщину, которая несла на руках двухлетнего ребенка. Он отделил эту женщину в группу трудоспособных, а ребенка, вырвав из ее рук, бросил в грязь.

Таких случаев было много. Над лагерем стоял сплошной стон и плач.

Жителей, которых пропускали на погрузочные площадки, сейчас же грузили в товарные вагоны по 50—80 человек в каждый. Перед погрузкой солдаты отбирали у жителей лошадей, другой скот и повозки. Остальное разрешали грузить в вагоны. После погрузки немцы закрывали двери вагонов и закручивали их проволокой. Эшелоны были примерно по 60 вагонов каждый. Первый нагруженный эшелон отправился часов в 10 утра.

Меня отправили первым эшелоном. Мы прибыли на станцию Рудобелка в тот же день вечером. Там нас всех выгрузили из вагонов. При выгрузке жандармы приказывали все лишние вещи оставить в вагонах и взять с собой только то, что можно донести. Кто пытался взять все вещи, того солдаты избивали палками. Большая часть солдат и жандармов была пьяна. Отсюда нас пешком погнали в лагерь, расположенный примерно в 3 км от станции. По дороге конвой вел беспорядочную стрельбу, отстающих пристреливали, а в большинстве случаев избивали дубинками. В лагерь нас пригнали ночью.

Подпись.
Д. 3, л. 1—5¹.

Из заявления Людмилы Пекорской

12 марта 1944 г. под вечер нас, жителей города Жлобина, заставили собраться в течение получаса на станции Жлобин-Южная. Здесь немцы отобрали молодых и увели их. Загнав нас

¹ Здесь и далее «Д» означает дело архива Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, «л» — листы. — Составитель.

в теплушки, немцы наглухо закрыли двери. Куда нас везут, мы не знали, но все предчувствовали недоброе. Как потом оказалось, нас везли по Рудобелковской ветке и разгрузили под вечер 15 марта. Ночью по колесо в липкой грязи нас погнали в лагерь. Из этого лагеря нас перегнали во второй. В дороге немцы били нас, отстававших расстреливали. Вот идет женщина с тремя детьми. Один малыш упал, немцы стреляют в него. Когда же мать и двое детей в ужасе оборачиваются, солдаты-звери поочередно стреляют и в них. Мать поднимает истошный крик, и этот крик обрывается выстрелом в упор. Идут мать и сын Бондаревы. Ребенок не выдержал утомительного пути и упал. Мать наклоняется над ним, она хочет утешить его словом, но ни сын, ни мать больше не встали, не увидели голубого неба: немцы застрелили их.

Из второго лагеря немцы погнали нас дальше, в деревню Белосевичи. Люди измучились, изголодались. Издеваясь над нашим страданием, фашистские звери стали бросать в голодную толпу хлеб, норовя попасть в лицо.

Мы находились под открытым небом. Слякоть сменилась морозом. Дров не давали. Разводить костры не разрешали. Воды не было. Воду пили из грязного болота. Люди замерзали, умирали от болезней. Трупы валялись повсюду. Немецкие солдаты и полицейские врывались в лагерь, сдирали сапоги и оставляли людей босыми. Снимали пальто, свитеры. Тут же в лагерь бандиты насильничали над женщинами. Когда к ночи окоченевшие от холода люди стали разводить костры, немцы без предупреждения открыли стрельбу. Многих убили и ранили. Рядом со мной были ранены 9-летний Толя Чикилев и Виктор Мельников. Оба они из Жлобина. Вблизи меня в одну могилу были зарыты сорок женщин и детей, умерших и замерзших в одну ночь. Тут же некоторые женщины рожали и умирали вместе с новорожденными.

Подпись.
Д. 1, л. 298.

Из заявления агронома Мерло Анны Станиславовны из деревни Проскурки, Стрешинского района, Гомельской области

После четырехмесячных скитаний в связи с эвакуацией из одной деревни в другую 24 февраля 1944 г. мы решили перебраться в район Жлобина, за реку Днепр, на советскую территорию, но сделать этого не успели. В деревню Роги Жлобинского района явилась фашистская жандармерия, и всю деревню эвакуировали в город Жлобин. Подготавливалась полная эвакуация всего Жлобинского района. И вот 12 марта

1944 г. рано утром диктор по радио объявил, чтобы жители не жалели расставаться со своим имуществом и квартирами, так как им будут предоставлены для жилья светлые, чистые помещения и продукты питания.

Первым из «светлых, чистых» помещений оказался Жлобинский лагерь для русских. Это был большой участок с грязными лужами, где под открытым небом, под дождем нам пришлось с детьми провести ночь. На утро тысячи людей погнали на вокзал. Выбываясь из сил, по колена в грязи народ тянулся к поезду. Ждали товарный поезд. Нас погрузили навалом, и поезд тронулся. Ехали без воды и уборной 20 часов. На рассвете поезд остановился. Все облегченно вздохнули, не подозревая о том, какие ждут их пытки...

На площадке, куда нас выгрузили, все было засыпано разбросанными вещами. Что здесь происходило, оставалось для нас пока тайной. Долго рассматривать вещи не дали.

«Быстрее!» — слышалось со всех сторон...

Шли по грязной, вязкой дороге. Ослабевший народ вскоре начал падать.

«Давай, давай, рус!»

Кто не успевал подыматься и снова идти, подымали ударами палок. Вдруг упала женщина с ребенком на руках. Когда ни слова, ни палка не помогли, фашист напустил на них собаку. Несчастливая женщина от ужаса с большим трудом поднялась. Если эти средства не помогали, применяли огнестрельное оружие. Я видела, как другая измученная женщина сидела в грязи с тремя детьми, подошел фашист и застрелил мать, а трое сирот кричали над трупом матери. Дальнейшую судьбу их не знаю. Проходя по узкой дорожке, народ двигался медленно. Впереди сидела девочка с вещами и громко кричала. Это еще больше задержало движение. Рассвирепевший немец подбежал к девочке, схватил ее и бросил в яму с водой. Вслед за ней полетели и вещи. Толпа двинулась немного быстрее. Я долго слышала крики девочки...

Вскоре добрались до нашей «квартиры». Этот лагерь был расположен в таком болоте, что думать о возможности сесть не приходилось. На участке, огороженном колючей проволокой, нигде не было источника питьевой воды. Чтобы не умереть от жажды, надо было доставать воду из торфянистой почвы. Когда всех загнали в загороженный участок, немцы при помощи палок стали всех отгонять от изгороди на несколько метров. Кругом были установлены пулеметы. У меня закололо сердце, волосы встали дыбом, казалось, что будет произведена кровавая расправа. Но немецкие изверги пока подарили нам жизнь. Люди, прибывшие предыдущим эшелонам, успели уже устлать землю трупами. Кругом валялись разбросанные и затоптанные

в грязь вещи. В такой обстановке пришлось пробыть до конца дня. Затем каким-то чудом удалось сесть на машину. Вещи с собой брать не разрешалось, если и была на плечах котомка, то немцы отрезали ее ножом при посадке. Вот почему весь лагерь был устлан разными вещами. Часть людей отправляли пешком под конвоем. Я прибыла в следующей, третий по счету лагерь. Этот лагерь находился в разрушенной деревне, где в избах были расположены немцы. Нас оставили ночевать под открытым небом. Так с детьми просидели до утра. Затем заставили собираться. Без горячей пищи многие заболели и совсем не вставали. За ночь появились трупы. Перед отправкой у ворот произвели отбор мужчин и молодых женщин. Если дети, не имея матери, были с отцом, их все равно под ударами палки заставляли отходить в одну сторону, а отца в другую. Крики и стоны слышались до последней отправки. Вечером нас привели в последний лагерь, в лес, находящийся в 4 километрах от м. Озаричи Полесской области...

Подпись.

Д. 1, л. 221—225.

2. ФАШИСТСКИЕ ИЗВЕРГИ ПО ДОРОГЕ В «ЛАГЕРЯ СМЕРТИ» БЕСПОЩАДНО РАССТРЕЛИВАЛИ ОБЕССИЛЕВШИХ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Из протокола опроса Шевченко Александры Михайловны, жительницы деревни Виричев, Рогачевского района, Гомельской области

15 марта 1944 г. нас перегоняли из Рудобелковского лагеря в лагерь, расположенный возле п. Дерт. Нас гнали пешком под конвоем немецких солдат. Впереди меня шла женщина с тремя детьми. Откуда она и фамилии ее я не знаю. На вид ей было лет 30. Она устала и, не будучи в силах идти, села на краю дороги вместе с детьми. К ней подошли два немецких солдата. Я слышала, что она просила солдат оставить ее в покое, так как она не может идти. Солдат из винтовки пристрелил эту женщину, а детей посадил на машину, которая шла в лагерь. Это я видела сама.

Кроме этого, я видела, как двое стариков, фамилии их я не знаю, устав, сели на краю дороги отдохнуть. Подошедший к ним немецкий солдат выстрелами из винтовки пристрелил их и ногами сбросил трупы в обочину дороги.

Расстрелы жителей на пути в лагерь были не единичными. Вдоль колонны слышалась стрельба конвоя. Я лично видела у дороги лежавшие трупы трех мужчин, застреленных немцами впереди нашей колонны.

По дороге в лагерь немецкие солдаты избивали нас палками. Желая достать ребенку из сумки сухарей, я остановилась. Немецкий солдат, нагнав меня, ударил березовой палкой по голове и по рукам. Так он и не дал мне достать из сумки сухари для ребенка.

Подпись.
Д. 3, л. 80—82.

*Из заявления граждан деревни Стопы, Паричского района,
Полесской области*

12 марта 1944 г. в 6 часов утра в нашу деревню явились жандармы и предложили в течение 20 минут собраться и выйти на улицу. На улице нас погрузили на подводы и отправили на железнодорожную станцию Красный Берег.

На станции нас сутки продержали под открытым небом на морозе, отчего умерло много народа. Ночью, 13 марта, нас погрузили в вагоны, которые наглухо закрыли, и отправили по направлению на Бобруйск.

Воды в пути нам не давали. На вторые сутки нас привезли на какую-то станцию, и, когда мы вышли из вагонов, нас поразило кошмарное зрелище: недалеко от поезда — большое пожарище, груды вещей, оставленных гражданами, слышались крики и вопли. Люди кричали, что убивают больных и детей и жгут их. Везде стреляли. Нас палками и прикладами погнали в лагерь, который находился в болоте. На утро, чуть свет, нас снова погнали, не давая ни есть, ни пить. Так шли до вечера. По дороге валялись трупы убитых фашистскими палачами людей.

Все пережитое нет слов и сил передать.

М. Живалковский, С. Пекур и другие
(всего 24 подписи).

Д. 1, л. 78—79.

*Из протокола опроса 76-летнего Ждановича Дмитрия Григорьевича, жителя деревни Яскине, Рогачевского района,
Гомельской области*

В начале марта 1944 года, в воскресенье, всех жителей деревни Яскине собрали немецкие власти и погнали пешком в деревню Поповки, где было много немецких автомашин. Нас погрузили в автомашины и повезли на станцию Красный Берег, затем поместили в военный городок, который был обнесен колючей проволокой. В этот же день нас выгнали на станцию,

где отобрали всех трудоспособных, а детей и стариков стали грузить в поданный эшелон... В нашем вагоне с детьми было 95 человек. Вагон был так набит, что нельзя было ни сесть, ни лечь. Эшелон был очень большой — вагонов в 60—70.

Куда нас привезли и на какой станции высадили, я не знаю. Ехали мы только одну ночь. Утром нас выгрузили. По прибытии на станцию мы еще два дня стояли, и нас не выпускали даже за водой. Оправляться приходилось через окно. Затем нас выпустили, построили и повели. Из вагона вышли две женщины, но идти они не могли. Немецкий жандарм застрелил их. Вечером, когда стемнело, нас остановили на отдых. По дороге я видел, как один старик споткнулся и упал. Немецкий жандарм, не дав старику подняться, застрелил его из винтовки. На этом же пути меня избili.

Когда мы остановились на отдых и стали разжигать костры, один из конвойных закричал: «Ложись, стрелять буду». Все, кто слышал, легли. Метрах в трех от меня был знакомый из соседней деревни Поповцы — Марченко Платон Малафеевич, лет 60—65. Марченко был глухой, этого крика не слышал и продолжал стоять. Тогда немец выстрелом из винтовки убил Марченко. На другое утро мы вновь пошли и вечером пришли в лагерь, где прожили трое суток, а затем мы были освобождены Красной Армией. Где находился этот лагерь, я не знаю. Знаю, что было два лагеря, разделенных между собой дорогой. Они были обнесены колючей проволокой. В лагере была большая смертность от холода, голода и сырой почвы, так как он находился в болотистой местности. Среди заключенных было много тифозных. Тифозные были даже в вагоне, когда мы ехали.

Подпись.
Д. 3, л. 101—103.

*Из протокола опроса Ивановой, жительницы деревни Капустино,
Кировского района, Могилевской области*

Когда немцы сгоняли нас, мирных жителей, в лагерь, то многие женщины были с малыми детьми, и идти они были не в силах. Немецкие конвоиры подгоняли их палками, били, а некоторых убивали. Я видела, как одна женщина с четырьмя детьми, уставши, начала отставать. Она вынуждена была положить детей на землю, чтобы несколько передохнуть. В это время подошел немец и выстрелами из винтовки убил троих детей, а четвертого мать взяла на руки и, подгоняемая немцем, пошла по дороге в лагерь.

Подпись.
Д. 1, л. 136—137.

Из протокола опроса Певетруевой Марии Яковлевны из города Брянска, Орловской области

Из Брянска нас выгнали 3 сентября 1942 г., и 25 сентября мы прибыли в Жлобин, где жили до марта 1944 года.

Из Жлобина нас погнали в лагерь 11—12 марта 1944 г. Когда я и многие другие двигались по дороге, то отстающих немцы били прикладами, шашками. Мой муж, Михаил Васильевич Певетруев, инвалид, шел вместе со мною и детьми. По дороге мы сильно устали и решили отдохнуть. Во время отдыха к нам подошел немецкий офицер и сказал: «Вставайте!». Мы от изнеможения подняться не могли, тогда немец поднял меня под руки, дал мне четырехлетнего моего сына Вячеслава и дочь Ларису шести лет, а мужу, который не мог подняться, передал нашу двухлетнюю Лидию. И мужа и дочь Лидию — обоих на моих глазах он застрелил из нагана, а меня ударил два раза по голове прикладом и толкнул вперед. В лагерь под Озаричи мы пришли числа 17—18 марта, где находились три дня.

Подпись.
Д. 1, л. 80—81.

3. 200 ЧЕЛОВЕК БОЛЬНЫХ СЫПНЫМ ТИФОМ ВЕЗЛИ В «ЛАГЕРЯ СМЕРТИ» ВМЕСТЕ СО ЗДОРОВЫМИ

Из протокола опроса Гайчуковой Александры Петровны, жительницы деревни Ходосовичи, Рогачевского района, Гомельской области

Осенью 1943 года я, спасаясь от карательного отряда, бежала по лесу, но по дороге была подстрелена немецким карателем из винтовки в правую ногу. Немцы меня забрали и положили в лазарет, находившийся в деревне Пристой, Рогачевского района.

Примерно 12 марта 1944 г. в деревню прибыли пять больших автомашин и забрали всех больных и раненых. В четырех домах находились тифозные и в одном доме раненые. Раненых было всего четыре человека, а тифозных — около 200. За время нахождения в лазарете мне никто из медперсонала не оказывал помощи. Даже кормило нас местное население.

Погрузив в машины, нас повезли на станцию Красный Берег. На станции было очень много собранных немцами жителей. Располагались в бараках и вокруг барачков. Место лагеря было обнесено колючей проволокой.

Не успели мы разместиться, как нас стали делить на две группы: группу детей, женщин и стариков и группу мужчин.

Мужчин забирали и тут же увозили на автомашинах. Я сама видела, как увезли пять автомашин с мужчинами.

Ночью детей и женщин стали грузить в эшелон. Эшелон был очень большой, но много людей осталось непогруженными. В вагон грузили от 50 до 80 человек. После погрузки нас заперли и везли двое суток, не давая ни хлеба, ни воды. В вагонах были случаи смертности. Тифозные ехали вместе с нами.

Привезли нас на станцию Рудобелка. Выгрузив из вагонов, нас построили и повели. Я на костылях еле-еле прошла 3 км, но в это время объявили ночевку. На другое утро мы тронулись дальше. Я прошла немного и села. Меня подобрала автомашина и привезла в лагерь у поселка Дерт...

Подпись.
Д. 3, л. 88—90.

II

В «ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ» СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ УМИРАЛИ ОТ ГОЛОДА, ХОЛОДА, БОЛЕЗНЕЙ, ПЫТОК И РАССТРЕЛОВ

1. ЗВЕРСТВА И ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НЕМЕЦКИХ ФАШИСТОВ НАД СОВЕТСКИМИ ЛЮДЬМИ В «ЛАГЕРЕ СМЕРТИ» У МЕСТЕЧКА ОЗАРИЧИ

А к т

Мы, нижеподписавшиеся, Комиссия в составе представителя воинской части капитана Муратова Хикматулла Ильясовича, врача капитана медицинской службы Сидоренко Павла Матвеевича, председателя Крюковского сельсовета Озаричского района Евшука Федора Васильевича, председателя колхоза Крюковского сельсовета Озаричского района Чвей Ивана Прокопьевича составили настоящий акт о нижеследующем:

19 марта 1944 г. нами был обследован лагерь в 3 км северо-восточнее м. Озаричи по правой стороне шоссеиной дороги, идущей из Озаричей в Волосовичи. Нами установлено:

Лагерь по территории занимает площадь около двух га. Расположен в редком сосновом лесу под открытым небом. Площадь лагеря огорожена проволокой в один ряд и в пять линий по вертикали. По углам лагеря построены четыре наблюдательные вышки для охраны. Охрана лагеря была вооружена автоматами и станковыми пулеметами. По показаниям самих заключенных, в начале марта их насильно согнали и этапным порядком отправили на станцию Жлобин, откуда, погрузив

в три товарных неотапливаемых эшелона, повезли в неизвестном направлении. Эшелоны прибыли на станцию Старушка, где их всех выгрузили и распределили по лагерям. В вышеупомянутый лагерь прибыло более 8800 человек. Среди них подавляющее большинство жителей Белоруссии — Полесской, Гомельской и Могилевской областей, а также люди, угнанные немцами из других областей еще летом и осенью 1943 года. Большинство заключенных лагеря были дети всех возрастов, остальная часть — нетрудоспособные женщины (из них много кормящих матерей), старики, старухи и больные инфекционными болезнями.

Несмотря на то, что перед эвакуацией из родных сел и городов немецкие власти объявили жителям, что им разрешается брать с собой неограниченное количество вещей и продуктов питания, немецкие офицеры и солдаты отобрали все взятые жителями ценности, а по прибытии на место ограбили их вторично. Людей раздели и разули, отобрали имевшиеся у них продукты питания, не оставив хлеба даже для маленьких детей.

Режим лагеря был невыносим. Раздетые и голодные люди не имели права разводить костры, ходить в ближайшее болото, чтобы достать из-под мха несколько капель болотной воды. Категорически запрещалось приближаться к проволоке. За попытку приблизиться к заграждению расстреливали. Так, охрана лагеря расстреляла Жарикову Софию, жительницу деревни Сталка, Чауского района, Могилевской области, Родман Феодосию, жительницу деревни Печь, Октябрьского района, Полесской области и многих других. На проволоке висели противопехотные мины. При малейшем прикосновении к проволоке мины рвались, убивая и раня находящихся вблизи людей. Так, ранения от взорвавшихся мин получили Базелова Каролина, жительница деревни Белица, Жлобинского района, Старовойтова Варвара, жительница деревни Замощаны, Хомичского сельсовета, Домановичского района и другие.

Охрана лагеря расхаживала по территории и избивала заключенных дубинками. Так была избита молодая беременная женщина, фамилию которой не удалось установить. Не выдержав пытки, она скончалась от преждевременных родов. У многих на теле были синяки и ссадины от побоев.

В лагере был установлен режим, рассчитанный на истребление людей и голодную смерть. Раз в неделю немцы подвозили к проволоке хлеб и кусками, как собакам, бросали его в толпу изможденных людей. Маленький кусочек хлеба после систематического голодания еще больше усиливал муки заключенных. Ежедневно в лагере умирало много людей от истощения вследствие систематического недоедания и от острых инфекционных

заболеваний. Умерших в большинстве случаев не хоронили, и они лежали тут же, среди живых, распространяя трупный запах и эпидемии.

В ночь на 15 марта наступило резкое похолодание и выпал глубокий снег. Многие, не имея сил согреться путем движений, остались неподвижными и замерзли. В особенности замерзли дети, оставшиеся без родителей, и больные. Замерзли Валя Грабарь, полутора лет, Старовойтова Анна, жительница Хомичского сельсовета, Домановичского района, Грабарь Анна с трехлетним мальчиком Брониславом, жительница деревни Нестановичи, Новосельского сельсовета, Домановичского района и другие.

По всей вероятности, немецко-фашистские захватчики собирались расстрелять всех заключенных лагеря и для этой цели заставили самих заключенных вырыть огромный ров 6×3×2 м, куда уже было брошено 15 расстрелянных. Все подступы к лагерю были густо минированы противотанковыми и противопехотными минами. Однако немцы не успели выполнить свой злодейский замысел и оставили лагерь на произвол судьбы. Оставшиеся без охраны узники бросились бежать во все стороны и попали на минные поля. Многие из них получили серьезные ранения, а часть погибла. Вокруг территории лагеря обнаружено пять трупов людей, взорвавшихся на минах.

В чем и составлен настоящий акт.

Члены комиссии: *Муратов, Сидоренко, Евшук, Чвей.*

Подписали от граждан: *Галкина, Иванова, Семенова, Михайловская, Асташова, Мамонова, Лавецкая и др.*

2. В «ЛАГЕРЕ СМЕРТИ» У ПОСЕЛКА ДЕРТ ГИТЛЕРОВЦЫ ЗАМУЧИЛИ СВЫШЕ 8 ТЫСЯЧ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Акт

1944 год, 18 марта. Мы, нижеподписавшиеся, представители воинской части 30637—майор Рузовишников Николай Николаевич, капитан Маркаров Хачатур Меликович, старший лейтенант Горбань Алексей Яковлевич, старший лейтенант Корин Иван Васильевич составили настоящий акт в нижеследующем:

Отступая под ударами частей Красной Армии, немецкие войска на пути отступления совершали невиданные в истории чудовищные зверства над гражданским населением. В районе поселка Дерт, Домановичского района, Полесской области, обнаружено семь концентрационных лагерей, обнесенных колючей

провоолокой, куда немецко-фашистские власти согнали из соседних районов Гомельской и Полесской областей мирных жителей — стариков, женщин и детей — более 25 тысяч человек. Со слов находившихся в лагерях, немцы при своем отступлении отобрали более 7 тысяч здоровых мужчин и женщин и угнали с собой. Более 8 тысяч человек были замучены, расстреляны и умерли от голода в этих лагерях. При осмотре территории лагерей обнаружено много трупов замученных немцами мирных жителей, среди которых большое количество детей, начиная от грудного возраста. Там же в районе лагерей имеется вырытый ров, длиной более 100 м и шириной 2 м, куда немцы сваливали живых граждан, а также расстрелянных, замученных детей, женщин и стариков, о чем и составили настоящий акт.

Подписи.

Д. 1, л. 68—69.

3. САНИТАРНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛАГЕРЕЙ У МЕСТЕЧКА ОЗАРИЧИ И В ПОСЕЛКЕ ДЕРТ

А к т

Лагерь № 1 находится в 3 км западнее населенного пункта Озаричи. Лагерь расположен в лесу, вдоль проезжей дороги, на расстоянии 2—2,5 м от дороги, имеет форму прямоугольника со сторонами 600 × 350 м. Территория лагеря обнесена колючей проволокой в один ряд. Растительность на территории лагеря — редкие сосны (большинство из сосен вырублено); кустарник или какая-либо другая растительность отсутствует. Грунт по своему характеру супесчаный; с северо-западной стороны к лагерю примыкает болото, часть которого входит в территорию лагеря; данный участок болота служит местом набора воды для питья. Вода бралась непосредственно из болота, каких-либо колодцев, родников или примитивных колонок в лагере не было. Ввиду относительно малой территории и большого количества пленных вся территория лагеря, а также и место, откуда бралась вода, загрязнены фекальными массами: ровиков или специально отведенных мест в расположении лагеря не было; со слов находившихся в лагере, все отправления естественных надобностей производились тут же, в месте нахождения. Также не производилось захоронения трупов; обычно трупы находились на территории лагеря незарытыми и только в редких случаях закапывались (весьма поверхностно) родственниками умерших. Каких-либо сооружений самого примитивного характера или землянок для жилья в лагере не было. Имелись лишь небольшие шалаши из ветвей хвой; шалаши были

настолько скверно сложены, что не могли защитить находившихся в них даже от ветра.

Лагерь № 2 расположен в полукилометре юго-восточнее п. Дерт, между двумя проселочными дорогами, примыкающими к лагерю. Размеры лагеря 900 × 400 м, весь лагерь обнесен колючей проволокой в один ряд. Территория всего лагеря по характеру грунта представляет собой болото среди срубленного леса, имеются отдельные участки насаждений хвой и редкого кустарника. Источником водопользования для находящегося в лагере служило болото; ни колодцев, ни колонок в расположении лагеря не было, также отсутствовали полевые ровики или определенные места — уборные. Каких-либо сооружений для жилья в лагере не было, имелось небольшое количество шалашей из ветвей хвой, а большинство заключенных лагеря оставалось под открытым небом. Ввиду наступившей оттепели люди погружались в оттаявшее болото. Вся территория носит следы загрязнения фекальными массами. По показаниям, в этом лагере была особенно большая смертность; трупы не закапывались в течение многих дней, распространяя заразу среди населения лагеря.

Обследование производил капитан медицинской службы
Бубновский.

Д. 4, л. 539.

4. В «ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ» У ДЕРЕВЕНЬ ХОЛМ И МЕДВЕДЬ ФАШИСТЫ ИСТРЕБИЛИ 9 ТЫСЯЧ СТАРИКОВ, ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ

А к т

18 марта 1944 г. мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе председателя майора Балакова П. Ф., капитана Тапеенкова М. Ф., капитана медицинской службы Терехина А. Н., прокурора капитана юстиции Комиссарова, старшего лейтенанта Краснова, представителей от гражданского населения: Остапенко Петра Саввича 60 лет, уроженца города Жлобина, Костко Марии 37 лет, уроженки Кировской области, Сидоренко Анны 60 лет, колхозницы, уроженки деревни Дубрава, Озаричского района, Полесской области, обследовала немецкие концлагеря, в которых было заключено советское мирное население из районов Полесской, частично Орловской, Гомельской и Смоленской областей, освобожденных войсками Красной Армии 18 марта 1944 г., и установила:

Лагерь № 1 расположен в 4 км северо-западнее деревни Холм, лагерь № 2 — в 2 км северо-западнее деревни Медведь.

Оба лагеря расположены в редком лесу на болоте под открытым небом. Площадь вокруг лагеря обнесена колючей проволокой в 4—5 рядов и заминирована. Обнаружено много мин замедленного действия.

Заселение лагерей началось гитлеровцами в первой половине марта 1944 года. Сюда под конвоем пригоняли женщин с грудными детьми, стариков и старух, подростков и детей. Это — советские люди, угнанные немцами из наших городов и сел при отступлении гитлеровской армии. В лагере № 1 содержалось до 9 тысяч человек, в лагере № 2 — до 40 тысяч, среди них не менее 70 процентов стариков и детей. Как видно, все трудоспособное советское население — мужчины, женщины — отбиралось немцами и угонялось в Германию, а не способные работать направлялись в лагерь. Среди освобожденных из лагерей имеется немало таких, которые переводились из одних лагерей в другие по нескольку раз. В числе заключенных были жители Бобруйска, Жлобина, районов Полесской области: Октябрьского, Кировского, Паричского и других.

В лагерях существовал самый дикий произвол и были созданы нечеловеческие условия существования. Люди не смели вырыть даже землянки; лишённые всякого продовольствия они были обречены на вымирание. Лагерь находился под усиленной немецкой охраной. В пургу и в дождь женщины, старики и дети находились под открытым небом. Гитлеровцы запретили даже разводиться костры. В лагерях имелось много случаев эпидемических заболеваний, обмороживаний. Больным никакой помощи не оказывалось. Истощенные голодом, продрогшие от холода, промокшие в болотах люди ежедневно умирали массами.

По заявлениям заключенных этих лагерей: 72-летнего старика Зайцева Луки Лаврентьевича из деревни Белица, Жлобинского района, и многих других, в лагере № 1 ежедневно умирало до 60 человек, в лагере № 2 — до 100 человек. Обесилевшие люди были не в состоянии рыть могилы; трупы умерших по нескольку дней лежали на поверхности в расположении лагерей или сбрасывались фашистами в ров возле колючей проволоки. За три дня пребывания в лагерях только из одной деревни Капустино, Кировского района, было расстреляно немцами 6 человек. Убиты: Алешин Фаддей Пименович 70 лет, Гончаров Родион Константинович 86 лет, Гудкова Прасковья Кузьминична 70 лет, Иванова Марфа Григорьевна 66 лет, Иванова Анастасия Степановна 42 лет.

Немцы убивали советских людей без всякого повода. Они расстреляли 12-летнего мальчика Мишу Гусанова из деревни Козловичи, Домановичского района, только за то, что он вышел за пределы лагерей за водой для семьи. 82-летнего старика Глуцкого Ивана из города Жлобина фашисты расстре-

ляли за то, что он хотел развести костер, чтобы обогреть малолетних внучат. У Погодиной Апполинии Максимовны заболели дети. Она стала требовать помощи, фашисты расстреляли ее вместе с двумя детьми.

На территории лагеря обнаружен труп 15—17-летней девушки, изнасилованной гитлеровцами. Груды девушки изрезаны, отрезан нос, изорваны щеки, изуродовано все тело. По дороге в лагерь также имеется масса трупов женщин, стариков и детей, уничтоженных немцами.

Раз в неделю фашисты привозили в лагерь одну машину хлеба. Изголодавшиеся заключенные громадной толпой окружали машину, из которой гитлеровцы разбрасывали куски хлеба. Один раз во время раздачи хлеба машина подошла близко к заминированной площади, и на mine подорвалась Семенова с двумя детьми из города Бобруйска. 23-летнюю девушку из деревни Дубрава, Озаричского района, фашисты избили до полусмерти за то, что она хотела получить кусок хлеба.

На территории лагеря, а также за колючей проволокой имеется масса одиночных и групповых могил умерших от голода и убитых советских людей. Фашистские жертвы исчисляются тысячами. Во рву лагеря № 2 длиной в 100 м и шириной 1,5—2 м имеется масса трупов, сваленных гитлеровцами. По рассказам заключенных, по раскопкам могил и собранным на территории лагеря трупам видно, что за семь дней существования лагеря и на пути следования немцы истребили не менее 9 тысяч советских людей.

Председатель комиссии майор Балаков.

Члены комиссии: Тапеевков, Комиссаров, Терехин, Краснов, Остапенко, Сидоренко.

Бывшие заключенные лагерей: Асташова, Мамонова, Серегин, Батулин, Столяров и другие.

Д. 1, л. 204—205.

5. РАССКАЗЫ БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В «ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ» СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ О ПЕРЕНЕСЕННЫХ ИМИ ПЫТКАХ И МУЧЕНИЯХ

Из протокола опроса инвалида-колхозника Мурашкина Василия Трофимовича, жителя деревни Черная Вирна, Жлобинского района, Полесской области

Большой лагерь у поселка Дерт был раскинут на болоте. Ограда из густо сплетенной колючей проволоки изолировала его от внешнего мира. Охрана была усиленная. Часовые, вооруженные винтовками и автоматами, стояли друг от друга на

расстоянии 50 м. По углам ограды были расположены охранные вышки с установленными на них пулеметами. В этом лагере находилось не менее 10 тысяч детей, стариков и женщин. Построек или навесов на территории лагеря не было никаких. Лежали все на снегу, на голой земле, под открытым небом. Колотцев не было. За четверо суток нашего пребывания в этом лагере нам совершенно не давали дров. Отбирали у всех топоры, пилы и ножи. Поэтому разведение костров для обогрева промерзших и обмороженных людей было невозможно. За четверо суток на трех машинах привезли хлеб для десяти-тысячного лагеря. Причем характерно, что немцы ни одного раза хлеб не давали на руки. Обычно к ограде подъезжала автомашина, из нее немцы бросали хлеб через ограду в грязь. Заливаясь смехом, они старались попасть хлебом в лицо изголовавшимся людям. У всех содержавшихся в лагере немцы отбирали документы. Отбирая документы, они производили тщательный личный обыск.

В лагере немцы чинили произвол и всячески издевались над беззащитными детьми, женщинами и стариками. Немцы забирали последние личные вещи обитателей лагеря. У меня стянули сапоги, оставив меня без обуви зимой. Я наблюдал 2 случая, когда немцы убили мальчиков 10 и 12 лет за то, что последние намеревались поднять лежавшие у забора поленья дров. В этом лагере запретили и днем разжигать костры. За попытки нарушить это правило немецкие солдаты били деревянными палками. Как-то раз и я за это был избит немцем, который все удары наносил по голове до тех пор, пока я не свалился с ног без сознания.

Холод и голод, царившие в лагерях, привели к болезни моей дочери Валентины, которая скончалась.

Режим, установленный в лагерях, режим голода и болезни, страшные издевательства над нашими советскими людьми — все это привело меня к твердому убеждению, что немцы задалась целью истребить нас — детей, стариков, женщин, инвалидов, заключенных в лагеря.

Подпись.
Д. 3, л. 38—42.

Из протокола опроса колхозницы Савиной Анны Александровны из села Кнышевичи, Паричского района, Полесской области

15 марта 1944 г. немцы выгнали нас из деревни Кнышевичи в лес. В лесу находилось несколько тысяч гражданского населения. В лагере было много больных. Ежедневно умирало по 50—70 человек, их даже не успевали хоронить. Из леса всех согнанных начали переправлять в новый лагерь, ближе к пере-

довой линии. Во время погрузки на подводы избивали палками. Стариков, которые не могли двигаться, пристреливали в дороге. Также пристреливали и тех, которые не могли подняться с места для перехода в другой лагерь. Лагерь у передовой линии был оцеплен колючей проволокой, подходы к лагерю минированы. Воды в лагере не было. Того, кто пытался ее достать, расстреливали. Так, колхознице Митрохович Прасковье из села Высокий Полк, Паричского района, Полесской области, за то, что она пошла взять воды, прострелили ногу.

Хлеб подвозили к проволоке и кидали, как в клетку животным. Многие от попадания хлебом в голову, в лицо получали сильные ушибы. Тот, кто пытался подползти к проволоке, взять хлеб, подрывался на минах...

Подпись.
Д. 1, л. 279.

Из протокола опроса Котова А. П., жителя города Жлобина, Гомельской области

...Страшно вспомнить, что было пережито. И голод, и холод, и избиения. После многих издевательств немцы за проволоку бросали хлеб и мерзлый картофель. За все время мы два раза получили пищу. Многие не выдерживали этого режима и умирали десятками, сотнями; среди умерших были и дети, и женщины, и старики. Трупы оставались под снегом и просто в болоте. Погиб мой знакомый Скоробогатый, лет около 30, Горбунов, лет 40, Кожемякин и другие жители города Жлобина. Мой знакомый Аникеев Емельян пошел искать для подстилки соломы и подорвался на mine, потому что немцы расставили очень много всевозможных мин.

Подпись.
Д. 1, л. 5—6.

Из протокола опроса Друзика Архипа Аникеевича, жителя деревни Иваншевичи, Паричского района, Полесской области

До января 1944 года я проживал в деревне Иваншевичи, которая была временно оккупирована немецко-фашистскими войсками, и занимался крестьянством. В первой половине 1944 года, я не помню какого числа, немецкая жандармерия выгнала из нашей деревни в лес все население, состоявшее из шести стариков, около ста женщин и около ста малолетних детей. Лес находился километрах в 10 северо-западнее Любани, Паричского района, Полесской области.

Числа 10 марта 1944 г. к месту нашего расположения в лесу прибыли четыре немецких солдата и один унтер-офицер, собрали всех и погнали через деревню Любань по дороге в м. Озаричи. Следуя в колонне в числе женщин, стариков и детей, я лично видел, как конвойные немецкие солдаты, вооруженные автоматами, зверски убили на дороге старуху и старика, потому что они были сильно истощены и не могли следовать дальше. Кто они такие и откуда, сказать не могу.

В марте 1944 года нас пригнали к одному из лагерей, расположенному в лесу, что примерно километрах в 20 северо-западнее м. Озаричи, с правой стороны дороги, идущей из Озаричи на деревню Волосовичи. В лагере уже находилось примерно тысяч 8 женщин, стариков и детей, в большинстве своем там были дети. Мы также были немедленно брошены в лагерь, который был похож на летний загон для скота, обтянутый колючей проволокой. По углам находились вышки, а на вышках были немецкие солдаты с ручными пулеметами. Кроме того, по краям лагеря находились немецкие часовые, вооруженные автоматами. Вокруг лагеря, неподалеку от изгороди, было расположено минное поле, которое было сделано для предотвращения побегов.

Внутри лагеря рос очень редкий лес, землянок и шалашей совершенно не было. Костры разводить не разрешалось. Воды не давали. заключенные в лагере брали воду из грязной лужи тайком, так как часовые за это грозили расстрелом, да и этой воды было недостаточно.

Однажды я был свидетелем такого факта: одна женщина, находившаяся в лагере, кто она такая и откуда — сказать не могу, подошла к луже взять воды, немецкий часовой выстрелом из автомата убил ее.

Пищи находившимся в лагере не выдавалось. За все время было выдано не более чем по 200 г ржаного хлеба на человека и меньше столовой ложки необработанной, в сыром виде гречи.

Вследствие всего этого в лагере началось массовое заболевание и большая смертность. За два дня умерло больше 100 человек; трупы умерших не убирались.

В лагере находились лица разных районов и областей, как, например, из Белорусской ССР — Жлобинского, Рогачевского, Паричского, Домановичского районов, из Орловской и Смоленской областей.

Будучи в лагере, я был свидетелем систематического избияния немецкими солдатами всех находившихся в лагере.

Подпись.
Д. 3, л. 125—127.

Из рассказа Манько Василия Семеновича, 1880 года рождения, жителя деревни Ковальки, Домановичского района, Полесской области

...Подъезжая к лагерю, я заметил, что за проволокой находилось большое количество мирных людей. Проволока была очень густо переплетена, среди колеи вокруг проволоки была вырыта канава, примерно 1 м глубины и ширины метра 2, заполненная водой. Подойдя поближе, я увидел в канаве много трупов. Вокруг лагеря были построены доты и стояли пулеметы, а также ходило много патрулей. Перед входом в лагерь нас обыскали, забрали деньги, паспорта и хорошие вещи, затем загнали за проволоку. Войдя в лагерь, я увидел много лежавших трупов. Вследствие оттепели в лагере была всюду вода, которая доходила до колен. Я лежал в воде, просохнуть было негде, разводить костры не разрешали; за разведение костров карали смертью.

К месту, где я разместился, подошла машина, с которой немцы бросали в грязь сухую капусту в пачках. Пачки бросали с большой силой, стараясь попасть в голову, они разрывались, и капуста высыпалась в грязь. Воды для питья не давали, и мы пили из канав, в которых лежали трупы. От голода и болезней люди умирали, трупы умерших хоронить не разрешали. У меня умер двухлетний ребенок; я решил скрытно похоронить его; увидев это, немцы подбежали ко мне и палкой ударили меня по голове, затем по руке, и я потерял сознание. Придя в себя, я трупа ребенка уже не нашел. Позже я обнаружил его в канаве, в которой находилось большое число трупов. Я был уверен, что фашисты меня и остальных людей согнали в болото для казни страшной голодной смертью.

Подпись.
Д. 1, л. 174—175.

Из заявления Шибалтас Ганны Григорьевны из деревни Редков, Домановичского района, Полесской области

Я вместе со своим ребенком в возрасте одного года была силой выгнана из дому и отправлена в лагерь. Ни вещей, ни хлеба мне не дали взять. Так была очищена вся наша деревня, из которой выгнали в лагерь все население...

В лагере немцы загнали нас за колючую проволоку, а вокруг расставили мины. На второй день нашего пребывания в лагере привезли машину с хлебом и стали бросать с силой в толпу, в результате многим разбили лица, выбили зубы. Так, Зинаиде Игнатович из деревни Редков буханкой хлеба разбили все лицо.

Степану Пархомовичу Гошко из села Слабодка, Паричского района, буханкой хлеба разбили лицо и выбили четыре зуба.

В лагере немцы безжалостно издевались над жителями. У Селиван Матрены из деревни Редков тифом заболела взрослая дочь. Лежала она недалеко от проволоки. Немец предложил немедленно отойти от проволоки на 20 м. Все отошли, а Селиван не в силах была одна отнести свою дочь, тогда часовой до полусмерти избил ее. От побоев Селиван вскоре умерла, умерла и ее дочь...

Подпись
Д. 1, л. 25—27.

*Из протокола опроса Быковой Лидии Лаврентьевны
из города Жлобина*

Мне 15 лет, и я хочу всем рассказать о том, как немцы превратили меня из здоровой девушки в больную и изувеченную.

Жила я с матерью и сестрой на Церковной улице в городе Жлобине. С Церковной улицы немцы переселили нас на улицу Поплавскую, затем всю Поплавскую улицу выселили, а дома сожгли... С улицы на улицу, из дома в дом нас перегоняли более шести раз. 12 марта 1944 г., в 3 часа ночи, мы услышали сильный стук в окно; на вопрос матери: «кто стучит и что нужно?» — послышался ответ на немецком языке, и разобрать можно было только отдельные русские слова «поехал и эвакуирувайт»... Всех согнали к немецкой комендатуре на станцию Жлобин. Больных, которые не могли самостоятельно передвигаться, грузили в машины и везли к вагонам, остальных гнали пешком. Потом всех людей, без разбора больных и здоровых, заталкивали до отказа в вагоны... Люди в вагонах лежали друг на друге, невозможно было пошевелиться, стоял сплошной стон и крик. Немцы закрыли дверь вагона и закрутили проволокой. В вагоне стояла невероятная вонь, трудно было дышать... Так мы ехали более 12 часов. Выгрузили нас на станции Рудобелка и ночью по колена в грязи нас повели. На вопросы «куда нас ведут?» немцы-конвоиры отвечали, что ведут в деревню для размещения в теплых квартирах и что деревня находится всего в 1 км. Но мы прошли несколько километров, и нас завели в огороженное колючей проволокой место, которое находилось за селом Рудобелка. Это место представляет собой болото, по которому невозможно передвигаться. По дороге от станции в лагерь я видела много валявшихся трупов. Я слышала выстрелы и поняла, что людей по дороге расстреливали. Больная моя сестра совсем не могла двигаться, и немцы уже в лагере добились ее.

Костры с жертвами, подготовленными к сжиганию в лагере Клога.
(Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

Дети — узники.

(Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

В этом болоте мы простояли двое суток. Меня одолевала жажда, и я, так же как и другие, пила болотную воду, в которой стояла ногами.

Немцы привозили хлеб, но не раздавали его, а, как собакам, бросали через проволоку, и кто был в состоянии, набрасывался не хлеб.

Потом нас повезли во второй лагерь. Побыли мы там одну ночь и затем нас пешком погнали в лагерь около Озаричей. Лагерь этот находился в лесу и был огорожен проволокой. Двое суток мы находились под открытым небом. Шел снег и был сильный ветер. Я своими глазами видела, как взрослые и дети умирали от холода и голода. Весь лагерь был усеян трупами людей. Я обессилела и легла на снег. Мать накрыла меня простыней, предохраняя меня от ветра. Мимо прошел немец; я слышала, как он засмеялся и сказал: «Собачья хата».

Ноги и руки мои опухли, я настолько ослабла, что не могла двигаться и чувствовала, что меня оставляют силы, и хотела только одного: скорее умереть. У меня уже не было больше сил выносить эти муки.

На третий день пришли бойцы Красной Армии. Я плакала от радости, я знала, что теперь я спасена. Нас освободили из лагерей и оказали нам всем и мне, в частности, помощь. Нас приютили и накормили, и сейчас я чувствую себя гораздо лучше. Меня осматривал врач и сказал, что меня отправят в госпиталь и будут лечить. Немцы меня искалечили, но я знаю, что теперь меня не оставят, окажут помощь, и я снова буду здоровой...

Подпись.

Д. 1, л. 128—133.

*Из протокола опроса Манько Ульяны Михайловны,
жительницы деревни Хомичи, Домановичского района,
Полесской области*

Меня, беременную, и моих двух детей: Татьяну — 5 лет и Марию — 2 лет в один из февральских дней 1944 года со многими другими односельчанами немцы погнали в концлагерь, находившийся близ поселка Дерт. В пути нас не кормили, мои дети плакали от голода, и я хотела в поле собрать несколько картофелин. Увидев, что я собираю мерзлую картошку, немецкий солдат подбежал ко мне и стал ногами бить в поясницу. Я потеряла сознание, и вскоре у меня начались роды. Новорожденный на вторые сутки умер, а меня, больную, истерзанную, погнали дальше в лагерь.

В лагере мы жили под открытым небом, спали прямо на снегу. Мои дети страдали от холода и еще больше от голода.

Горячей пищи нам не давали, а изредка через проволоку бросали хлеб. Но желающих получить кусок хлеба было слишком много, и мне, больной и немощной, всего лишь два раза удалось таким образом получить небольшие ломтики хлеба. Однажды я хотела собрать веток, чтобы развести костер и обогреть своих детей. Но немец не дал мне этого сделать и избил меня палкой.

Так я мучилась со своими детьми в концлагере. Вскоре у моих детей опухли ноги и руки. Они кричали и плакали: «Мама, холодно! Мама, кушать!» Но я ничего не могла сделать для моих девочек. На пятый день жизни в лагере от голода умерла моя дочь Мария, а на следующий день умерла и Татьяна.

Меня, полуживую и немощную, освободили от верной смерти дорогие бойцы Красной Армии.

Подпись.

Д. 1, л. 246—247.

III

ФАШИСТСКИЕ ПАЛАЧИ ПРЕДНАМЕРЕННО ЗАРАЖАЛИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В «ЛАГЕРЯХ СМЕРТИ» СЫПНЫМ ТИФОМ

1. АКТ СУДЕБНОМЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебно-медицинская экспертная комиссия в составе: армейского эпидемиолога подполковника Юлаева С. М., армейского судебно-медицинского эксперта майора Алексева Н. Н. и начальника армейской патологоанатомической лаборатории майора Бутянина В. М. в период с 18 по 31 марта 1944 г. произвела обследование концлагерей и анализ клинического, эпидемиологического и патологоанатомического материалов, причем установила нижеследующее.

1. Санитарно-эпидемиологическое состояние концлагерей и заключенных в них советских граждан

Советские граждане концентрировались в трех лагерях: 1) в районе поселка Дерт, 2) в 3 км северо-западнее местечка Озаричи, 3) в 3 км западнее деревни Подосинник, где было сосредоточено свыше 33 тысяч человек.

Санитарная характеристика лагерей

1. В районе поселка Дерт лагерь размером 200 × 400 м расположен на болоте среди редкого мелкого леса, обнесен колючей проволокой, под открытым небом. Для питьевых целей в ла-

гере использовалась болотная вода. Других источников водоснабжения не было. Территория загрязнена фекальными массами.

2. Лагерь в районе Озаричи размером 600 × 350 м расположен в редком сосновом лесу, обнесен колючей проволокой в один ряд, грунт супесчаный; с северо-западной стороны к лагерю примыкает болото, из которого пользовались водой для питья. Территория загрязнена фекальными массами. Никаких построек нет, люди размещались под открытым небом.

3. Лагерь в районе Подосинник размером 350 × 650 м по санитарным условиям и природному состоянию аналогичен лагерю в районе Озаричи.

Во всех трех лагерях захоронение трупов производилось на этой же территории, большая часть трупов осталась незахороненной.

Санитарно-эпидемиологическое состояние заключенных советских граждан

В период с 17 по 31 марта 1944 г. среди освобожденных из всех трех лагерей было выявлено 1599 случаев инфекционных заболеваний, из которых 1526 случаев сыпного тифа и 73 случая дизентерии.

Количество больных сыпным тифом в указанный период систематически увеличивалось.

Наличие множественных заболеваний и именно сыпным тифом, а не другими инфекциями подтверждается эпиданамнезами, клиническими, серологическими и патологоанатомическими данными.

Факт заражения сыпным тифом 1526 человек из лагерей на территории, оккупированной немцами, полностью подтверждается тем, что заболевания произошли в период с 2 по 26 марта 1944 г. Граждане освобождены из лагерей 17 марта 1944 г.

Заражение населения временно оккупированных областей сыпным тифом производилось по приказу немецкого командования в районах Жлобина, Бобруйска, Рогачева и в районах Полесской области, расположенных в тылу немецкой армии.

Для осуществления этого:

а) германские власти поместили в концентрационных лагерях здоровых и сыпнотифозных больных советских граждан (эпиданамнезы № 158, 160, 161, 164, 178, 183 и др.);

б) для более быстрого распространения сыпного тифа в лагерях немцы практиковали перевод сыпнотифозных больных из одних лагерей в другие (данные эпиданамнеза, клиники и серологических исследований за № 2, 8, 10, 15, 16, 17 и другие);

в) в случаях, когда сыпнотифозные больные отказывались идти в лагеря, немецкие власти применяли насилие (протоколы опроса за № 269, 270, 271, 272);

г) немецкие захватчики перебрасывали сыпнотифозных больных из больницы и смешивали их со здоровым населением в лагерях. Это подтверждается эпиданамнезами за № 138, 139, 149, 166, 175, 180, 40, 49, 50 и протоколом опроса № 273;

д) заражение советского населения сыпным тифом было произведено в период второй половины февраля и первой половины марта;

е) распространению сыпного тифа в лагерях способствовало плохое санитарно-гигиеническое состояние населения, отсутствие санобработки, благодаря чему вшивость была массовой;

ж) немецкое командование, собрав население из сыпнотифозных больниц в лагерь из тыла, расположило их на переднем крае обороны, а при отходе оставило их, очевидно, с целью распространения инфекции в освобожденных районах и в наступающих частях Красной Армии (см. эпиданамнезы № 156, 158, 162, 165, 168 и другие).

II. Общая характеристика заболеваемости по данным армейской госпитальной базы

В период с 19 по 31 марта 1944 г. в госпитальную базу армии поступило 4052 человека.

Среди госпитализированных обращает внимание возрастной состав больных, а именно: преимущественное преобладание детей в возрасте от одного месяца до 13 лет — 2370 человек, или 58,5 процента, и стариков (старше 60 лет) — 604 человека, или 14,9 процента.

Из общего количества госпитализированных больных (4052 человека) на 31 марта умерло 190 человек, или 4,6 процента. Наибольшее количество умерших приходится на первые три дня после поступления больных в госпитали армии (62 процента).

По смертности на первом месте стоит алиментарная дистрофия (52,3 процента); на втором — сыпной тиф (28 процентов); третье место занимает смерть от воспаления легких.

(Подробные данные смерти в приложениях к акту).

III. Данные судебно-медицинских исследований трупов

1. Судебно-медицинскому исследованию подверглось 134 трупа, из которых во всех трех лагерях эксгумировано 99 трупов, подобрано на территории лагерей — 15 и умерших в госпиталях армии — 20.

(Подробные данные приведены в акте судебно-медицинских вскрытий).

2. Из объективных данных особый интерес представляет наличие резкой завшивленности одежды и тела трупов.

В подавляющем большинстве одежда на трупах летняя или осенняя.

(Подробные объективные данные приведены в протоколах судебно-медицинского исследования трупов).

3. Заключение судебно-медицинской экспертизы по исследованию трупов.

Судебно-медицинская комиссия, основываясь на данных судебно-медицинских исследований трупов, установила, что:

1. Подавляющее большинство среди вскрытых относится к детям до 12 лет (50 трупов), в том числе до 3 лет (23 трупа), затем старики от 60 лет и старше (39 трупов), лица от 50—60 лет (24 трупа) и остальные — от 12 до 50 лет (21 труп).

2. Ввиду отсутствия документов на трупах, удостоверяющих их личность, и отсутствия лиц, могущих опознать трупы (родственники и знакомые эвакуированы в тыл), подавляющее большинство их осталось неизвестными, за исключением немногих (см. акты № 1, 2, 4, 9, 10, 32, 60, 64, 82, 100, 111, 113, 115, 116, 117, 118, 119, 120).

3. Состояние тканей трупов, одежды, могил и т. п. дает основание заключать, что смерть наступила в пределах от 1 до 3 недель.

4. Судебно-медицинская комиссия в результате наружного и внутреннего осмотра установила, что из 134 случаев вскрытия умерло от:

а) общего истощения — голодания	— 48 человек, или 35,8%
б) воспаления легких	— 29 » » 21,7%
в) общего переохлаждения	— 25 » » 18,7%
г) сыпного тифа	— 12 » » 8,8%
д) туберкулеза	— 11 » » 8,3%
е) осколочных и пулевых ранений	— 4 » » 3,0%
ж) прочих	— 5 » » 3,7%

Необходимо отметить, что среди умерших от замерзания, пневмонии и других причин в 48 случаях наблюдалось резкое истощение.

IV. Выводы

На основании анализа собранных эпиданамнезов, протоколов опросов, характеристики госпитализированных больных и данных патологоанатомических вскрытий судебно-медицинская экспертиза считает установленным, что:

1. В перечисленных выше лагерях имела место эпидемия сыпного тифа.

2. Эта эпидемия явилась следствием:

а) преднамеренного заражения граждан, находившихся в тыловых районах, оккупированных немцами;

б) заражения лагерей, выдвинутых на передний край немецкой обороны.

3. Расположением у переднего края обороны этих лагерей немецкое командование ставило себе целью распространение тифа среди гражданского населения освобожденных районов и наступающих частей Красной Армии, используя для этой цели нетрудоспособную часть населения — детей и стариков.

4. Анализ клинического и патологоанатомического материалов с несомненностью доказывает большую заболеваемость и смертность от алиментарной дистрофии — истощения на почве систематического недоедания.

Подписи.

2. ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ АНАМНЕЗЫ БОЛЬНЫХ СЫПНЫМ ТИФОМ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ НЕМЕЦКИХ «ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ»

Эпидемиологический анамнез № 7

Манько Николай Адамович, 11 лет. Постоянное местожительство — деревня Хомяки, Домановичского района, Полесской области. В ноябре 1943 года вместе с матерью был эвакуирован немцами в Октябрьский район, где скитались в различных селах, так как немцы не давали жить в одном месте; заболел в начале марта 1944 года.

Симптомы: головная боль, жар, высыпание на теле сыпи, общая слабость. Мать заболела одновременно. На 14—15-й день болезни отправлены оба в лагерь, расположенный в болоте около м. Озаричи. В лагере пробыл 5 суток. Питанием, питьевой водой и лечением немцы не обеспечивали. Вместе находились и здоровые и больные. Наблюдалась большая смертность. Освобождены из лагеря Красной Армией в середине марта 1944 года.

Исследование крови показало: реакция Видаля — отрицательная, реакция Феликса — положительная в разведении 1:800.

Врач-обследователь *Е. Ермолович.*

Лаборант лейтенант медицинской службы *З. Грачева.*

Д. 4, л. 13—14.

29 марта 1944 г.

Эпидемиологический анамнез № 8

Кондратович Станислав, 9 лет. Постоянное местожительство — деревня Смыковичи, Октябрьского района, Полесской области. Во время оккупации с матерью скрывался в лесу с партизанами. Заболел в конце февраля в лагере партизан. Через

несколько дней был захвачен немцами. На 15—16-й день болезни был заключен в лагерь на хуторе Дубово, Октябрьского района, Полесской области, где пробыл одни сутки. Лагерь был в поле, огорожен проволокой. Пищи никакой не давали. После этого перевезен в лагерь, который находился возле поселка Дерт, Домановичского района, Полесской области, где пробыл около недели. Лагерь был расположен на болоте, огорожен колючей проволокой. Жили под открытым небом. Пищу давали очень редко. Воду для питья брали в болоте. В лагере была большая скученность. Вместе находились и здоровые и больные люди. Смертность была очень большая. Лечения и санитарной обработки не проводилось. Из лагеря был освобожден в середине марта Красной Армией. Реакция крови Видаля отрицательная. Вейль-Феликса — положительная в разведении 1:800.

Эпидемиологический анамнез снимала старший лейтенант медицинской службы *Е. Ермолович.*

29 марта 1944 г.

Д. 4, л. 16.

Эпидемиологический анамнез № 12

Гарбер Ева Ивановна, 4 года. Постоянное местожительство — деревня Грабье, Домановичского района, Полесской области, эвакуирована не была. По словам матери, заболела в начале марта 1944 года. Лежала дома. Симптомы болезни: головная боль, сыпь на теле и жар. Медицинской помощи не получала. На 16-й день болезни отправлена в лагерь около деревни Озаричи, где пробыла 5 дней. Лагерь был в болоте. Жили под открытым небом. Питанием, питьевой водой немцы не обеспечивали. Лечения и санобработки не было. Больные и здоровые находились вместе. Наблюдалась большая смертность. Освобождена из лагеря в середине марта Красной Армией.

Исследование крови показало, что реакция Видаля отрицательная, реакция Вейль-Феликса — положительная в разведении 1:400.

Врач-обследователь *Е. Ермолович.*

31 марта 1944 г.

Д. 4, л. 24

Эпидемиологический анамнез № 13

Крек Нина Акимовна, 14 лет. Постоянное местожительство — деревня Крюковичи, Домановичского района, Полесской области, эвакуирована не была. Заболела в начале марта 1944 года.

Симптомы: головная боль, жар, сыпь на теле (на какой день — не помнит). Дома лежала 7 дней. Помощи никакой не

получала со стороны немцев. На 8-й день болезни была отправлена в лагерь, расположенный около поселка Дерг в болоте. Жили под открытым небом. Питанием, водой и лечением немцы не обеспечивали. Санобработки не было. Здоровые помещались вместе с больными. В лагере пробыла 7 дней, после чего была освобождена Красной Армией. Лабораторный анализ крови показал: реакция Видаля — отрицательная, реакция Вейль-Феликса — положительная в разведении 1 : 800.

Врач-обследователь *Е. Ермолович.*

Лаборант лейтенант медицинской службы *З. Грачева.*

30 марта 1944 г.

Д. 4, л. 25—26.

Из истории болезни Чайковской Федоры Кузьминичны, 45 лет, гражданки Полесской области, Домановичского района, села Козловичи

Поступила 24 марта 1944 г., диагноз: 1) реконвалесцент после сыпного тифа, 2) дистрофия II.

Эпиданамнез. Заболела 1 марта. До заболевания находилась в течение 3 недель в деревне Б. Литвиновичи, Азаргонского района, куда была выселена немецкими властями из села Козловичи (постоянного местожительства). Находилась в общих блиндажах вместе с больными. Из деревни Б. Литвиновичи население было перебросено в деревню М. Литвиновичи. Чайковская пробыла здесь 7 дней и заболела сыпным тифом (лихорадочное заболевание с временной потерей сознания и понижением слуха).

На третий день болезни больная была свезена в село Дорбен вместе со всеми другими гражданами. Больные и здоровые помещались вместе. Из деревни Дорбен, будучи больной, была увезена в «лагерь смерти», где пробыла 5 дней.

Военврач *Субботин.*

Д. 4, л. 403.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА БЫВШИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ «ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ»
О ПРЕДНАМЕРЕННОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ ГИТЛЕРОВЦАМИ
ЭПИДЕМИИ СЫПНОГО ТИФА

Из заявления Пикуль Марии Иосифовны, 1918 года рождения, жительницы города Жлобина

12 и 13 марта 1944 г. немцы привезли в лагерь около села Рудобелки в 4 машинах больных сыпным тифом, находившихся в тяжелом состоянии. Все они были выгружены и сброшены

в грязь, в самую гущу находившихся здесь людей. На мой вопрос: «Зачем вы больных бросаете к здоровым?» — немецкий конвоир цинично ответил: «Это мы готовим подкрепление вашей Красной Армии». Выброшенные больные умирали, но их не убирали и не разрешали нам их убирать. Через два дня, то есть 14 марта, нас, здоровых и больных, снова погрузили на машины и отвезли в другой лагерь, находившийся в сожженной деревне Пороснице, Паричского района, Полесской области. Я со всей ответственностью могу заявить, что немцы умышленно завозили в лагерь заразных больных для распространения эпидемии и заражения как можно большего количества гражданского населения, насильно согнанного в лагерь, с целью массового истребления мирных советских жителей.

Подпись.

Д. 4, л. 542.

Из протокола допроса Миранович Марии Дмитриевны, жительницы деревни Колки, Полесской области

В середине февраля 1944 года немцы эвакуировали нас к себе в тыл. Не все жители деревни Колки были эвакуированы в одно место. Лично я с 4 детьми от 4 до 9 лет попала в село Хоромцы. В середине марта 1944 года я заболела тифом. В селе Хоромцы немцами был организован лазарет для гражданского населения: больных, особенно тифом, было очень много. Всех больных свозили в отдельные дома. Больные и здоровые общались между собой. При немецком лазарете имелся врач, но никакой помощи он не оказывал.

Вскоре после того как я заболела, в село Хоромцы прибыли автомашины, и в них стали погружать как беженцев, так и коренных жителей. Когда машина подошла к моему дому, где я находилась, то меня вместе с моими детьми погрузили в автомашину. Кроме меня, тифом болели все четверо детей. В машине, в которой я ехала, были еще несколько человек тифозных больных. Всего в машине было человек 20—25 и почти все больные тифом.

Куда нас повезли, я не знаю, а также не знаю, куда привезли, так как потеряла сознание и очнулась лишь тогда, когда в лагерь, где я находилась, пришла Красная Армия.

Подпись.

Д. 3, л. 174—175.

Из протокола опроса Акулич Ганны Моисеевны, жительницы села Ковтючи, Паричского района, Полесской области

Кроме расстрелов, голода, холода, немцы заведомо распространяли заболевание сыпным тифом. Они стремились к тому,

чтобы эпидемия сыпного тифа распространилась на всех заключенных в лагере. Это был метод истребления наших людей. Я была приведена больной сыпным тифом в концлагерь, находившийся близ Микуль-Городка. Без всякой помощи со стороны командования лагеря я на снегу, под открытым небом пролежала много дней. Однажды немец раздавал хлеб. Ему показали на меня и сказали: «Пан, дайте ей хлеба, она больна». Тогда немец со всего размаха ударил буханкой хлеба меня по плечу. Другой раз меня, как больную, хотели застрелить, но каким-то чудом я спаслась. От болезней и нечеловеческих условий концлагеря я осталась на всю жизнь калекой.

Мне также известно, что в лагере сыпным тифом заболели мои односельчане: 1) Запека Иван Макарович 38 лет от роду и его четверо детей: Настя 12 лет, Николай 8 лет, Маня 5 лет и Надя 2 лет; Коршан Владимир Алексеевич 82 лет, его жена Маланья 70 лет и дочь Софья; Булава Аксиныя Яковлевна 25 лет, ее дочь Валя 3 лет. Кроме того, от голода и холода умерли моя односельчанка Коршан Ганна 30 лет, ее сын Миша 2 лет, дочь Маня 3 лет и сын Володя 3 месяцев.

Тифознобольным немцы не оказывали никакой помощи, наоборот, условия лагеря являлись благоприятными для распространения тифа и вымирания советских граждан. К этому и стремились немецкие палачи.

Подпись.

Д. 1, л. 245.

Из протокола опроса Барабановой Юлии Петровны из города Жлобина

В лагерь у м. Озаричи немцы очень много привозили больных тифом. Подъезжали на автомашинах к проволоке и сбрасывали их на снег на территорию лагеря. Я сама видела, как немцы привезли 6 машин с сыпнотифозными, в которых было более 100 человек больных. Многие из них, находясь в бессознательном состоянии, оставались лежать на снегу, и утром следующего дня я видела, что человек 50—55 уже были мертвыми, а остальные расплзлись по лагерю и умирали в последующие дни.

Многие из этих привезенных больных сыпным тифом были раздеты и разуты (женщины в платьях, старики в легких пиджаках). Особенно мне запечатлелась женщина в возрасте примерно 40 лет. На ней было лишь черное платье, ноги босые, голова не покрыта. По тому, что волосы у нее были острижены под машинку, я полагаю, что она была взята из больницы. Эта женщина двигалась, пытаясь согреться, но утром я видела ее уже мертвой.

С этими сыпнотифозными были привезены 3 девочки в возрасте 3—5 лет и тоже раздетыми были брошены на снег, где они часа через 4—5 умерли, вернее замерзли. Родителей около них не было. Я пыталась с ними говорить, но они ничего не отвечали, а лишь плакали. Дети, как я определила, были здоровые, но спасти их не было возможности, так как ни одежды, ни жилья мы в лагере не имели.

Кроме этих, в лагерь привозили больных сыпным тифом и из ближайших сел Полесской области. Сыпнотифозными наводнили весь лагерь, они лежали всюду, и многие умирали.

Подпись.

Д. 3, л. 24—25.

Из протокола опроса Журавлевой Надежды Константиновны, жительницы деревни Слоныце, Розачевского района, Гомельской области

...Ввиду того, что лагерь у м. Озаричи, куда нас привезли, был полон народа, мне пришлось поместиться рядом с воротами. Прожила я в этом лагере три дня, после чего мы были освобождены Красной Армией.

Среди содержавшихся в лагере было очень много больных. Много больных привозилось, но некоторые заболели и в лагере. Среди больных большинство были тифознобольные. С тифознобольными немцы обращались исключительно варварски. Находясь около ворот, я наблюдала, как приходили машины с тифознобольными, которых выгружали, складывали в кучу друг на друга. Всего я видела две полные автомашины и одну, заполненную больными наполовину. Часть больных вышла из машины самостоятельно. Каждая машина вмещала до 40 человек, возможно, и больше. Всего тогда скинули свыше 100 больных. Их складывали прямо на большак, а нас заставляли перетаскивать их в лагерь. Женщины, увидя такую машину, сами бежали к ней и разгружали, так как из 100 человек не менее 60 человек было детей в возрасте от 1 до 5 лет. Взрослых молодых почти не было. Были старики и дети. В результате издевательского отношения из 100 человек больных, скинутых из автомашины, не менее 40 человек тут же умерли, а некоторые умерли позднее. Большинство из умерших были старики. Дети выживали. На одной из машин привезли больную девушку, на вид лет 17—18. Она была совершенно голая и очень больная, так что даже не отвечала на наши вопросы. Девушка двое суток лежала на снегу голой, если не считать жалких лохмотьев, которые ей дали женщины. Через двое суток она умерла. Смертность в лагере была большая. Я видела много трупов детей и

стариков. Родные хоронили умерших здесь же на болоте. Одна из женщин считала могилы и насчитала 61 могилу.

Подпись.

Д. 3, л. 97—100.

*Из протокола опроса Русинович Христины Титовны,
жительницы деревни Петровици, Паричского района,
Полесской области*

В конце 1943 года по приближении линии фронта к деревне Петровици немецкие власти эвакуировали жителей к себе глубже в тыл. Я со своей семьей попала в деревню Шкава, Октябрьского района, где проживала в лесу. В марте 1944 года я заболела тифом. Очнулась я в лагере. Как я попала в лагерь, я не помню, и мне об этом никто не рассказывал. Я, мой племянник Долгий Павел Дмитриевич и две родственницы — сноха и ее дочь — все мы вчетвером болели тифом и лежали без сознания. В это время немцы подали подводу. Конвойный стал кричать, чтобы мы грузились. Никто не встал. Тогда конвойный подскочил к племяннику и из винтовки выстрелом в голову убил его. Затем меня погрузили на подводу и повезли в другой лагерь. Тут я опять потеряла сознание и очнулась, когда меня везли красноармейцы в госпиталь. Больше я ничего не помню. Записано с моих слов верно.

Подпись.

Д. 3, л. 144.

*Из протокола опроса Митрахович Прасковьи Езменовны,
жительницы села Н. Белицы, Паричского района,
Полесской области*

С января 1944 года в нашем селе стояла какая-то немецкая воинская часть, номера ее не знаю. Эта часть заняла почти все дома в нашей деревне. Жителей всех выселили в несколько полуразвалившихся домов на краю села. В том доме, где поселили меня, было 30 человек жителей.

В январе у нас в доме один человек заболел тифом. Постепенно стали заболеть и другие. Примерно через месяц после этого заболела и я. Таким образом, у нас в доме все жильцы лежали больные тифом. Никакой медицинской помощи нам никто не оказывал, и только соседи изредка приносили нам продукты.

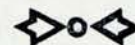
12 марта 1944 г. к нашему дому подъехала автомашина. Немецкие солдаты погрузили всех нас — 28 человек больных тифом — в автомашину и, подвезя к деревне Микуль-Городок, выгрузили нас в лагерь, огороженный колючей проволокой.

В этом лагере мы пролежали на голой земле три дня. Никто нам никакой помощи не оказывал. Затем нас, больных, на подводах перевезли в другой лагерь, который жители называли Семеновским лесом. В этом лагере мы пролежали еще 3 дня, и нас освободили части Красной Армии.

В то время как немцы вывозили нас, больных, из нашего села, солдаты, которые грузили нас в машины, говорили, что нас якобы повезут в город Минск, где положат в госпиталь и будут лечить. А вместо этого нас отвезли в лагерь и бросили там совершенно без присмотра.

Подпись.

Д. 3, л. 141—143.

Документ СССР-8

О ЧУДОВИЩНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ГЕРМАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОСВЕНЦИМЕ

СООБЩЕНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ

Еще до освобождения Красной Армией польской территории в Верхней Силезии в Чрезвычайную Государственную Комиссию поступали многочисленные сведения о существовании вокруг гор. Освенцима огромного лагеря, созданного германским правительством для уничтожения плененных советских людей. После освобождения советскими войсками польской Силезии частями Красной Армии был обнаружен этот лагерь.

По поручению Чрезвычайной Государственной Комиссии прокуратурой 1-го Украинского фронта, совместно с представителями Чрезвычайной Государственной Комиссии., в течение февраля — марта 1945 года было произведено тщательное расследование злодеяний немцев в Освенцимском лагере.

В расследовании принимали участие специальные экспертные комиссии: судебно-медицинская¹., бывших заключенных лагеря: профессора-педиатра, директора клиники Пражского университета Эпштейна Б. В., профессора патологической анатомии и экспериментальной медицины из гор. Клермон-Феррана (Франция) Лимузена Г. Г., доцента медицинского факультета в Загребе (Югославия) Гроссмана М. Я., и техническая в составе профессоров из Кракова — Давидовского Романа и Долинского Ярослава, кандидата химических наук инженера Лаврушина В. Ф. и инженера Шуера А. М.

На основании опроса и медицинского освидетельствования 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцимского лагеря и изучения обнаруженных в нем немецких документов, остатков взорванных немцами при отступлении крематориев и газовых камер, найденных на территории лагеря трупов, вещей и документов истребленных немцами людей различных стран Европы, сохранившихся в складах и бараках лагеря, установлено:

¹ Приводится не весь состав комиссии. — Составители.

1. Путем расстрелов, голода, отравлений и чудовищных истязаний немцы истребили в Освенцимском лагере свыше 4 миллионов граждан Советского Союза, Польши, Франции, Бельгии, Голландии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии и других стран.

2. Немецкие профессора и врачи производили в лагере так называемые «медицинские» эксперименты над живыми людьми — мужчинами, женщинами и детьми.

3. По степени продуманности, технической организованности, по массовости и жестокости истребления людей Освенцимский лагерь оставляет за собой далеко позади все известные до сих пор немецкие «лагеря смерти».

В Освенцимском лагере были и газовые камеры, и крематории, и хирургические отделения, и лаборатории — все это было предназначено для чудовищного уничтожения людей. Газовые камеры немцы называли «банями особого назначения». На входной двери этой «бани» было написано «Для дезинфекции», а на выходной «Вход в баню». Таким образом, люди, предназначенные для уничтожения, ничего не подозревая, заходили в помещение «Для дезинфекции», раздевались и оттуда загонялись в «баню особого назначения», то есть в газовую камеру, где они истреблялись ядовитым веществом «циклоном».

В лагере были организованы специальные больницы, хирургические блоки, гистологические лаборатории и другие учреждения, но существовали они не для лечения, а для истребления людей. Немецкие профессора и врачи производили в них массовые эксперименты над совершенно здоровыми мужчинами, женщинами и детьми. Они производили опыты по стерилизации женщин, кастрации мужчин, над детьми, по искусственному заражению массы людей раком, тифом, малярией и вели над ними наблюдение; производили на живых людях испытания действия отравляющих веществ.

РЕЙХСФЮРЕР СС ГИММЛЕР — ОРГАНИЗАТОР ОСВЕНЦИМСКОГО ЛАГЕРЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Освенцимский лагерь был построен в 1939 году по приказу рейхсфюрера СС Гиммлера специально для уничтожения пораженных граждан оккупированных стран Европы. Лагерь расположен на огромной территории вокруг города Освенцима и представлял собой целую систему лагерей: Аушвиц, Биркенау, Моновице, Голешау, Явишовице, Нейдахс, Блехамер и другие. Основные из них — Аушвиц и Биркенау — были расположены на территории в 467,5 гектара и имели свыше 620 жилых бараков и служебных помещений. В лагерях Освенцима содержалось постоянно от 180 до 250 тысяч заключенных. Все лагеря

были обведены глубокими рвами и оцеплены густой сетью колючей проволоки, через которую пропускался ток высокого напряжения.

В 1941 году в лагере Аушвиц был выстроен для сжигания трупов умерщвленных людей первый крематорий с тремя печами. При крематории была так называемая «баня особого назначения», то есть газовая камера для удушения людей. Первый крематорий просуществовал до середины 1943 года. Летом 1942 года рейхсфюрер СС Гиммлер произвел инспекторский осмотр Освенцимского лагеря и распорядился расширить его до гигантских размеров и технически усовершенствовать. Строительство новых мощных крематориев было поручено немецкой фирме «Топф и сыновья» в Эрфурте, которая немедленно начала строить в Биркенау четыре мощных крематория и газовые камеры. Из Берлина нетерпеливо требовали ускорения строительства и окончания всех работ к началу 1943 года. В делах канцелярии лагеря Аушвиц найдена обширная переписка администрации лагеря с фирмой «Топф и сыновья», в том числе следующие письма:

I

«И. А. Топф и сыновья
Эрфурт, 12 февраля 1943 г.
Центральному строительству СС и полиции
Аушвиц (Освенцим)

Касается: крематории 2 и 3 лагеря военнопленных.

Подтверждаем получение вашей телеграммы от 10 февраля следующего содержания: «Еще раз подтверждаем получение вашего заказа на пять штук тройных муфельных печей, включая два электрических лифта для подъема трупов и один временный лифт для трупов. Также заказано практическое приспособление для подачи угля и приспособление для транспорта пепла. Вам надлежит доставить полную установку для крематория № 3. Ожидаем, что примете все меры для немедленной отправки всех машин с частями. Установка обязательно должна вступить в строй 10 апреля 1943 г.

И. А. Топф и сыновья»

II

«№ 12115(42) Ер/На

Пункт 2.

В отношении установки двух трехмуфельных печей у каждой из «бань особого назначения» инженером Прюфером было предложено изъять их из заготовленных для отправки в Моги-

лев печей. Руководитель служебной части, находившейся в СС — хозяйственном управлении главного отдела в Берлине, был медленно об этом осведомлен, и его попросили распорядиться о дальнейшем.

СС унтерштурмфюрер (С)

Освенцим, 21 августа 1942 г.»

В четырех новых крематориях находилось 12 печей с 46-ю ретортами; в каждую реторту можно было поместить от 3 до 5 трупов, процесс сжигания которых продолжался около 20—30 минут.

При крематориях были построены «бани особого назначения» — газовые камеры для умерщвления людей, помещавшиеся или в подвалах, или в особых пристройках к крематориям. Кроме того, в лагере имелись еще две отдельные «бани», трупы из которых сжигались на особых кострах. Предназначенных для умерщвления людей загоняли в «бани» ударами палок, ружейных прикладов, собаками. Двери камер герметически закрывались, и люди, находившиеся в них, отравлялись «циклоном». Смерть наступала через 3—5 минут; спустя 20—30 минут трупы выгружались и направлялись к печам крематориев. Перед сжиганием дантисты вырывали у трупов золотые зубы и коронки.

«Производительность» «бань» — газовых камер значительно превышала пропускную способность печей крематориев, и потому для сжигания трупов немцы применяли еще огромные костры. Для этих костров были вырыты специальные рвы длиной от 25 до 30 метров, шириной от 4 до 6 метров и глубиной в 2 метра. На дне рвов проходили особые канавы в качестве поддувал. Трупы подвозились к кострам по узкоколейкам, укладывались в рвы послойно с дровами, обливались нефтью и таким образом сжигались. Пепел зарывался в больших ямах или сбрасывался в реки Сола и Висла.

С 1943 года немцы с целью промышленного использования негоревших костей стали дробить кости и продавать фирме «Штрём» для переработки в суперфосфат. В лагере найдены документы на отpravку в адрес фирмы «Штрём» 112 тонн 600 килограммов костной крошки от человеческих трупов. Для промышленных целей немцы также использовали волосы, срезанные с женщин, предназначенных для уничтожения.

В Освенцимском лагере немцы ежедневно умерщвляли и сжигали от 10 до 12 тысяч людей, из них 8—10 тысяч из прибывавших эшелонов и 2—3 тысячи из числа узников лагеря.

Допрошенные в качестве свидетелей, ранее работавшие в специальной команде по обслуживанию газовых камер и крематориев, бывшие заключенные Драгон Шлема, житель местечка Жировнин, Варшавского воеводства, и Таубер Генрих

из города Кжанув (Польша), показали следующее: «...В начале работы лагеря немцы имели две газовые камеры, находившиеся друг от друга в трех километрах. При них имелось и по два деревянных барака. Прибывающих из эшелонов людей приводили в бараки, раздевали, а затем вели в газовую камеру... В газовые камеры загоняли по 1500—1700 человек, а затем через люки эсэсовцы в противогазах забрасывали «циклон». Газирование продолжалось от 15 до 20 минут, после чего трупы выгружались и на вагонетках вывозились в рвы, где сжигались... Позже на территории лагеря в Биркенау работали четыре крематория, при каждом из них имелась газовая камера. Крематории № 2 и 3 были одинаковой конструкции и имели по 15 печей, а крематории № 4 и 5 были другой конструкции, по размерам и техническому усовершенствованию менее удобные, и имели по восемь печей каждый. Все эти крематории в течение суток сжигали по 10—12 тысяч трупов».

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИЕ ПРОФЕССОРА И ВРАЧИ — УБИЙЦЫ ПЛЕННИКОВ ОСВЕНЦИМА

В Освенцимском лагере немецко-фашистские профессора и врачи широко проводили «медицинские» опыты над живыми людьми, проявляя при этом чудовищную изобретательность.

Бывшие заключенные, спасенные Красной Армией, врачи: Штейнберг из Парижа, Гордон из Вильнюса, профессор Гроссман из Югославии, доктор медицины Валентин Эрвин из Берлина, Кеппих Анна из Венгрии, Де-Винд Эдуард из Голландии, Флехнер Альберт из Парижа, сообщили, что они были очевидцами огромного количества «медицинских» экспериментов немецко-фашистских профессоров и врачей над заключенными лагеря.

Хирургические операции производились по произволу немецких врачей, практиковавшихся в освоении оперативной техники. Молодой немецкий врач Кениг отбирал заключенных с воспалительными процессами конечностей и практиковался в ампутации последних. Немецкие врачи Тилло и Фишер собирали большие массы заключенных и без всяких показаний производили грыжесечения. Главный врач больницы Эндерс при малейшей жалобе на боли в животе производил чревосечения, практикуясь на операциях по поводу язвы желудка.

В больничных отделениях лагеря Аушвица проводились эксперименты над женщинами. В 10-м блоке лагеря содержалось одновременно до 400 заключенных женщин, над которыми производились опыты по стерилизации путем облучения рентгеном и последующего удаления яичников, опыты по привитию рака шейки матки, опыты по насильственному родоразрешению и по испытанию контрастных веществ для рентгенографии

матки. В блоке № 28 производились опыты над заключенными по искусственным поражениям кожи керосином, различными солями, пастами, пудрами. Здесь же применяли акрихин с целью изучения искусственно вызванной желтухи. Этими опытами занимался немецкий врач Эмиль Кошуб. В блоке № 21 производились массовые опыты по кастрации мужчин с целью изучения возможности стерилизации рентгеновскими лучами. Кастрация производилась через известное время после облучения. Такими опытами облучения и кастрации занимались профессор Шуман и врач Деринг. Нередко операции заключались в том, что после облучения рентгеном у подопытных удаляли одно или оба яичка для исследования.

Все эти факты подтверждены также показаниями бывших узников лагеря: Кляйн Юдитой, Аусен Кларой, Гарбман Минной, Зондерс Нонной, Скурником Яковом, Суресом Давидом и многими другими, над которыми немецкие врачи производили те или иные эксперименты.

По приказу главного немецкого врача Эндерса с 1941 года по 1944 год в больницах лагеря производилось умерщвление заключенных путем вливания фенола в сердце. Первые вливания делал врач Деринг, а затем они производились санитарями. Особенно отличался в этом бывший сапожник, немец Клер, умертвивший таким способом тысячи жертв. Заключенный из поляков, некий Панщик, впрыскиванием фенола умертвил 12 тысяч человек (впоследствии он был убит самими поляками-заключенными). Немец Штесс уничтожил такими уколами 10 тысяч человек.

Факты нечеловеческих опытов над заключенными подтверждаются также рядом документов, найденных в канцеляриях лагеря. В отчете хирургического отделения лагерного госпиталя значится, что за три месяца: октябрь — декабрь 1943 года хирургами отделения среди прочих операций произведено: 89 ампутаций яичек (кастрация), 5 стерилизаций, 5 удалений яичников. В телеграмме № 2678 от 28.IV 1943 г. оберштурмфюрер СС полковник Зоммер дает предписание комендатуре лагеря отнести по отчету 128 женщин в графу «Заключенных для опытов». В обнаруженном «Статистическом обозрении коменданта лагеря числа и распределения заключенных женщин по различным категориям», за подписью заместителя коменданта лагеря Селла, имеется постоянная графа: «Заключенные, предназначенные для различных опытов». В этой графе значится «подопытных женщин»: за 15.V 1944 г. — 400 чел., за 5.VI 1944 г. — 413 чел., за 19.VI 1944 г. — 348 чел., за 30.VII 1944 г. — 349 чел. и т. д.

Немецкие врачи играли руководящую роль и в так называемых «селекциях», то есть в отборе заключенных на

газирование и кремацию. «Селекцию» они производили всюду: около крематориев, в больницах, в бараках. Людей, истощенных, больных, непригодных для работы, немецкие врачи отправляли в газовые камеры. Отбором заключенных для умерщвления занимались следующие немецкие врачи: Виртс, Менгеле, Родэ, Фишер, Тилло, Китт, Кениг, Клейн и многие другие.

По приказу главного немецкого врача Освенцимского лагерного объединения Виртса при эпидемиях сыпного тифа производилось умерщвление людей целыми бараками путем отравления газами.

Судебномедицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцимском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми:

1. Массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ампутацию последней.

2. Испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб. Указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что зачастую было сопряжено с мучительными болями для экспериментируемых жертв.

3. Стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области с последующим чревосечением и изъятием яичников. Эти опыты производились преимущественно над молодыми женщинами.

4. Изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм. По показаниям немецкого врача, доктора медицины Валентина Эрвина, был случай, когда для подобных опытов представители химической промышленности Германии врач-гинеколог Глаубер из Кенигсхютте и химик Гебель специально купили у администрации лагеря 150 женщин.

5. Стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения.

6. Опыты над мужчинами с применением раздражающих химических веществ на коже голени для искусственного вызывания язв, флегмон.

7. Ряд других опытов — искусственное заражение малярией, искусственное оплодотворение и т. д.

Очень многие опыты кончались быстрой и мучительной смертью подопытных заключенных. После окончательного использования заключенных для экспериментов их убивали и сжигали. Этим путем немцы стремились уничтожить свидетелей своих бесчеловечных опытов.

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заключенный Штерн Самуил Абрамович, житель гор. Бухареста, показал:

«...В лагере Аушвиц я работал в качестве исполняющего обязанности фельдшера. По приказанию обер-фельдфебеля Кошуба я делал уколы и другие манипуляции заключенным. Хо-

рошо знаю, что многим заключенным впрыскивался керосин под кожу в голень... Второй метод экспериментов: химическое раздражение кожи. Для этой цели применялся 80% раствор уксуснокислого алюминия (алюминь-ацетикум). После этого снимали весь слой кожи и отправляли на исследование. У тех же, у которых было глубокое раздражение кожи, вырезали кусок мяса с кожей и также отправляли на исследование... Кошуб прививал также искусственную желтуху и вливал кровь маляриков».

Подвергавшийся экспериментам Валигура М. сообщил: «...спустя несколько дней после того, как меня привезли в Биркенау, кажется, в первых числах декабря 1942 года, всю молодежь в возрасте от 18 до 30 лет (мужчин) подвергли стерилизации путем просвечивания мошонки рентгеновским аппаратом. В числе стерилизованных был также и я. Спустя 11 месяцев после того, как меня подвергли стерилизации, то есть 1 ноября 1943 г., я был подвергнут кастрации... Со мной были подвергнуты стерилизации в один день 200 человек...»

Свидетель Сурес Давид из гор. Салоники (Греция) дал следующее показание: «Примерно в июле 1943 года меня и со мной еще 10 человек греков записали в какой-то список и направили в Биркенау. Там всех нас разделили и подвергли стерилизации рентгеновыми лучами. Через один месяц после стерилизации нас вызвали в центральное отделение лагеря, всем стерилизованным была произведена операция — кастрация...»

Бывшая заключенная Хаузер М. (Париж, Ситэ Мильтон, 9) сообщила: «...В Аушвице нас поместили в 10-й блок. Для чего нас забрали в 10-й блок, мы не знали. В этом блоке было больничное отделение, хотя все мы были совершенно здоровые женщины... В 10-м блоке у меня сначала взяли один шприц крови; для чего брали кровь — мне не известно. В конце августа 1943 года меня взяли в операционную комнату, дали наркоз и под наркозом сделали операцию в половых органах. Операцию делал заключенный врач Самуэль под руководством и по указанию немецкого врача Вирца. После этой операции я пролежала в 10-м блоке больной 11 месяцев. Из числа подвергавшихся стерилизации была одна еврейка из Греции по имени Бела, фамилии ее не знаю. После рентгеновых лучей ей была сделана операция: разрез вдоль живота. После операции она поправилась и рана на животе зажила. Приехал в 10-й блок немецкий врач Шуман и в порядке контрольной проверки взял Белу в 28-й блок и там сделал вторичный разрез живота поперек. Поперечный разрез живота у нее я сама видела. Через несколько дней после вторичной «операции» Бела умерла».

НЕМЕЦКИЕ ПАЛАЧИ УБИВАЛИ В ОСВЕНЦИМСКОМ ЛАГЕРЕ ГРАЖДАН ВСЕХ СТРАН ЕВРОПЫ

Как установлено следствием, в Освенцим ежедневно прибывало от 3 до 5 железнодорожных эшелонов, предназначенных для умерщвления людей, по 1500—3000 человек в каждом эшелоне. Обреченные привозились из всех стран Европы. Среди освидетельствованных судебно-медицинской комиссией 2819 освобожденных узников Освенцимского лагеря имелись подданные: Польши — 745 человек, Венгрии — 542 человека, Франции — 346 человек, Чехословакии — 315 человек, СССР — 180 человек, Голландии — 159 человек, Югославии — 143 человека, Италии — 91 человек, Греции — 76 человек, Румынии — 52 человека, Бельгии — 41 человек и других стран.

Из каждого прибывавшего эшелона немцы отбирали от 200 до 500 человек наиболее трудоспособных для работы в лагерях, остальных направляли прямо к газовым камерам и к крематориям в лагерь Аушвиц и Биркенау.

Диспетчер службы движения станции Освенцим Станек Францишек показал: «...Эшелоны прибывали с заключенными в 1942, 1943, 1944 годах из Чехословакии, Бельгии, Франции, Голландии, Норвегии, Греции, Польши и других стран».

Свидетель Де-Винд Эдуард показал: «...После оккупации немцами Голландии в ноябре 1940 года была произведена чистка государственного аппарата, учреждений и учебных заведений Голландии. Нас, троих ассистентов университета, выгнали. Я переехал в Амстердам. В одном из кварталов Амстердама был найден убитым фашист-голландец. В ответ на это немцы арестовали 400 заложников, в число которых попал и я. Схватили меня на улице и отвезли сюда в лагерь».

Свидетель Гордон Яков, уроженец города Вильнюса, показал: «...В лагерь Освенцим меня привезли 22 января 1943 г. Всего в нашем эшелоне было 3650 человек, из них вошли в лагерь 265 мужчин и около 80 женщин, всех остальных сейчас же отправили в крематорий — газировали и сожгли, в том числе сожгли мою жену Матильду, по специальности врача, сына четырех с половиной лет, отца 73 лет и мать 64 лет».

Свидетельница Дессанти Эмили, по национальности итальянка, показала: «...12 сентября 1944 г. гитлеровцы вывезли нас из Италии и привезли в лагерь Освенцим. Всего в лагерь нас, итальянцев, привезли 500 человек, из них осталось в живых только 36 человек, остальные зверски замучены и уничтожены в лагере».

Свидетель Сурес Давид показал: «...В лагерь Освенцим я прибыл с эшелонам из Греции 3 апреля 1943 г. В эшелоне было больше 2500 человек, в числе которых были моя мать

53 лет, сестра с ребенком и я. Из 2500 человек приблизительно 300 человек отправили в лагерь, остальных, в том числе мою мать и сестру с пятилетним ребенком, прямо из эшелона повели в крематорий на сожжение».

Свидетель Китман Георг, из Румынии, показал: «...В июне 1944 года я и мои родители, вместе с другими в числе 3000 человек мужчин, стариков, женщин и детей эшелонам были привезены в лагерь Освенцим. При выгрузке всех стариков, матерей с маленькими детьми отделили от здоровых, отправили в крематорий и сожгли. Среди сожженных был мой отец 52 лет и мать 48 лет. Из 3000 человек в лагерь направили не больше 350 человек».

Свидетельница Шпетер Зиска показала: «...В феврале 1943 года я прибыла из Франции в числе 1100 человек. Из них в этот же день было отобрано 205 трудоспособных, которые были направлены в бараки, а остальных 895 человек — стариков, женщин и детей — отвели в газовую камеру, где они были удушены газами».

Бывшая заключенная Кеппих Анна, венгерка из города Клужа, показала: «...Я прибыла в Освенцимский лагерь в июне 1944 года в числе 3000 венгерских заключенных, из них по прибытии в лагерь 500 человек трудоспособных были оставлены в лагере для работы, а остальные 2500 человек направлены в газовую камеру для уничтожения».

Доктор медицины Пражского университета профессор Бертольд Эпштейн рассказал комиссии: «...Отобранных заключенных направляли в газовые камеры для умерщвления. В течение нескольких месяцев мы видели длинные вереницы идущих на смерть в крематорий людей, особенно большие группы уничтожались в мае — июне — июле 1944 года. В это время в крематориях сжигали днем и ночью, что было видно по выступающему из труб крематориев пламени. Нередко мы чувствовали запах горелого мяса, волос или ногтей. В это время мы, кроме огня из труб крематориев, видели два больших костра, которые ночью горели огромным пламенем. Всю ночь в лагере были слышны вопли и крики, а также лай караульных собак эсэсовцев. Несчастные жертвы, которых вследствие переполнения крематориев по очереди вели к кострам на смерть, при виде костров догадывались, какая участь их ожидала... Я знал, что и моих близких родственников постигла та же участь и что мне ее также не избежать. Примерно каждые две недели врачом лагеря доктором Менгеле производился отбор, после чего отобранные жертвы направлялись в крематорий на уничтожение. Так в один из дней уничтожили 500 детей. При отправке этих детей разыгрались потрясающие сцены, так как уже все знали, куда их ведут. Эсэсовцы и их помощники при этом отличались

особенной жестокостью... Когда мы прибыли в Освенцим, нас с женой разлучили, я ее уже больше не видел. Впоследствии я узнал, что ее в лагерь не приняли. Нет сомнения, что мою жену убили обычным способом. В марте 1944 года эсэсовцы уничтожили также мою свояченицу с двумя детьми и мою племянницу 38 лет. В июле 1944 года погибла также моя сестра».

ЛАГЕРЯ ОСВЕНЦИМА — КОНВЕЙЕРЫ СМЕРТИ

Как установлено расследованием, в Освенцимских лагерях, кроме людей, предназначенных для опытов, постоянно содержалось около 200 тысяч узников для эксплуатации на самых изнурительных каторжных работах. На этих работах люди доводились до крайнего истощения, после чего, как негодные, истреблялись. Каждую неделю немецкие врачи производили среди заключенных отбор («селекцию»), в результате которого всех больных и потерявших трудоспособность умерщвляли в газовых камерах. Вместо них общий состав заключенных постоянно пополнялся отобранными из приходящих эшелонов. Это была организованная система страшного конвейера смерти: одни умерщвлялись, другие ставились на их место, беспощадной эксплуатацией доводились до истощения и болезней и в свою очередь направлялись в газовые камеры.

В 1941 году немцы близ Освенцима развернули строительство крупного военного химического завода И. Г. Фарбениндурии, а также военного завода взрывателей и запалов для бомб и снарядов. Строительство проводили фирмы Крупп, затем Унион и другие. Десятки тысяч освенцимских узников разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, поляки, французы, чехи, югославы, греки, бельгийцы, голландцы, итальянцы, изнемогая от свирепой эксплуатации, работали на этих строительствах, а также на осушке болот, в шахтах, на строительстве дорог.

От барачных концлагерей к местам работы было более 7—8 километров. Эсэсовцы выстраивали людей в тысячные колонны и под вооруженной охраной, окруженных надсмотрщиками с палками и собаками гнали на работы. В процессе работ эсэсовцы, надсмотрщики и мастера зверски избивали каждого: одного за то, что разогнул спину, другого за то, что мало земли забрал лопатой, третьего за медленную работу, четвертого побоями заставляли возить тачку с породой бегом. Мастера приговаривали: «Фирма платит за тебя четыре марки, ты должен работать, как лошадь».

Тех, кто падал от изнеможения, здесь же на месте расстреливали. Места работ были одновременно местами массовых убийств заключенных. Убийства всячески поощрялись начальством. Оберштурмбаннфюрер Либегеншель издал приказ о вы-

плате эсэсовцам 60 марок за каждого убитого заключенного «при покушении последнего на побег». В погоне за этой премией охранники безнаказанно убивали людей.

Об истреблении заключенных на строительных участках Освенцима рассказал бывший заключенный бельгиец Штазмай Морис: «...В августе 1943 года я работал на площадке строительства завода И. Г. Фарбениндурии. В один из дней эсэсовцы привели на эту площадку 400 заключенных, среди которых были югославы, греки, французы и бельгийцы, завели их в выкопанный ров и начали живыми закапывать. Погибающие на разных языках просили о помощи, а рядом эсэсовцы обращались к нам: «Смотрите да лучше работайте, а то и с вами будет то же». Спустя две недели нас перебросили подготовить площадку для одного из строений лагеря Аушвиц. Эсэсовец Лосман с группой других эсэсовцев отобрали из нас 30 человек, завели их в выкопанную яму и закопали по плечи. Затем сели на лошадей и начали скакать по площадке, задавив всех 30 человек».

Огромная площадь Освенцимских болот стала могилой многих тысяч людей разных национальностей. Здесь работало свыше 300 команд — от 50 до 1200 человек в каждой. Бесчеловечные условия труда в болотах во все времена года, избиения, убийства и насилия приводили к тому, что никто из работавших не выживал больше 2—3 месяцев. Люди умерщвлялись на самих болотах, или после потери трудоспособности их убивали вливаниями фенола в сердце либо в газовых камерах.

69-летний инженер-мелиоратор из Венгрии Кениг Яков, работавший на болотах в качестве простого землекопа, показал: «...Я был в команде по осушке болот, в которой насчитывалось 400 человек... Надсмотрщики из числа немецких уголовников избивали людей палками и лопатами до потери сознания. В нашей команде работали мужчины и женщины всех возрастов. Много было людей интеллигентного труда: врачей, педагогов, профессоров. Из одной только Югославии простыми землекопами работали 14 инженеров».

Бывший заключенный, бельгиец Майзелье Симон, сообщил: «Из нашей команды в 1200 человек в течение трех месяцев 1944 года ежедневно приносили по 100 и 200 трупов замученных на работе людей, вместо которых команды пополнялись новыми жертвами».

Особенно свирепствовали немецкие палачи над советскими пленниками, которые, как правило, по прибытии в лагерь сразу же уничтожались, и только в виде исключения из них оставляли наиболее трудоспособных.

В канцелярии лагеря найден следующий приказ о советских гражданах:

«РЕЙХСФЮРЕР СС
ИНСПЕКТОР КОНЦЕНТРАЦИОННЫХ
ЛАГЕРЕЙ
ПОЛИЦИЯ/ОСВЕНЦИМ:
14 Ф 14 Л/ОТ

Ораниенбург, 15 ноября 1941 г.
СЕКРЕТНО

Касается: казни русских военнопленных.
Лагерным комендантам концентрационных лагерей.

Копии: лагерным врачам, лагерфюреру заключенных под надзором, управлениям.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции дал свое принципиальное согласие откладывать казнь для тех из общего количества русских военнопленных, направленных для казни в концлагеря (особенно комиссаров), если они по своему физическому состоянию способны работать на каменоломне. Для этого мероприятия необходимо получить согласие начальника полиции безопасности и полиции СД. Поэтому приказываю:

По прибытии эшелонов для казни в лагеря физически здоровые русские, годные для работы на каменоломнях, отбираются начальником лагеря (Е) и главным лагерным врачом. Именной список отобранных русских в двух экземплярах должен быть нам направлен. На этом списке лагерный врач должен отметить, что не возражает против привлечения этих лиц на работы с медицинской точки зрения.

После получения согласия со стороны начальника полиции безопасности и полиции СД пересылка соответствующих русских в каменоломни будет отсюда оформлена приказом.

Подпись Глюкс, бригаденфюрер СС».

На основании этого приказа часть советских пленников оставляли для самых тяжелых изнурительных работ, при этом отношение к ним со стороны эсэсовцев и надсмотрщиков было наиболее жестоким и бесчеловечным.

Житель города Освенцима Гандзлик Мариан показал: «...Зимой 1941 года, в 35-градусные морозы, по дороге из лагеря Освенцим в село Бабице ежедневно в течение двух недель, как скот, гнали плетью и палками русских военнопленных. Многие из них были без шапок, в одних гимнастерках, в одних кальсонах, с изорванной обувью. Вечером из села Бабице направлялось несколько подвод, полные трупами этих русских военнопленных. На каждой подводе наверху сидели по два-три их товарища, с обмороженными лицами, руками и ногами, до крайности измученные».

Гитлеровцы беспрестанно требовали от своих подчиненных новых и новых убийств. 14 февраля 1944 г. начальник гарни-

зона Освенцим оберштурмбаннфюрер Либегеншель издал приказ, в котором говорится следующее:

«...Продолжительными личными наблюдениями я установил, что на всех рабочих местах, кроме военных заводов, работает слишком много заключенных, рабочая сила которых не использована. Они лентяйничают... Мы знаем, что для повышения производительности труда заключенных необходимо усилить надзор со стороны младшего командного состава СС, но мы также знаем, что такого добавочного состава в нашем распоряжении нет, так как он или находится на фронте, или несет службу на других важных участках. Мы сами себе поможем... Ясно, что тут следует действовать быстро, и я надеюсь, что каждый от себя сделает то, что необходимо...»

В результате этого приказа каждый вечер со всех концов Освенцимских лагерей: с заводов, из болот, из шахт — тянулись к баракам страшные процессии: окровавленные, измученные узники, окруженные эсэсовцами и надсмотрщиками с огромными сворами собак, несли на деревянных носилках трупы своих товарищей. Во время вечернего смотра заключенные становились в строй, перед ними в ряду складывались трупы замученных за день, и надсмотрщики докладывали начальникам о выполнении приказа Либегеншеля. Начальство благодарило тех из них, команды которых приносили наибольшее количество трупов. Здесь же перед строем били палками провинившихся заключенных.

К страшным условиям каторжной работы прибавлялись кошмарные условия жизни в бараках. В бараках, рассчитанных на 400—500 человек, немцы помещали по 1000—1500 заключенных. Голод, болезни, истязания, антисанитарные условия — все создавалось с определенной, продуманной целью быстреего истребления заключенных.

Судебно-медицинская комиссия, освидетельствовав 2819 спасенных Красной Армией узников Освенцима, установила, что 2189 человек... больны от крайнего истощения и 223 человека больны туберкулезом легких. Экспертизой также установлено, что немцы подвергали заключенных истязаниям, в результате которых у обследованных комиссией людей обнаружены переломы ребер, конечностей, позвонков, костей лица, различные ранения, язвы, обморожения кистей и стоп. Очень многие из освобожденных страдают тяжелыми нервнопсихическими заболеваниями.

Судебно-медицинской комиссией произведено вскрытие 536 трупов заключенных, найденных в разных местах на территории лагерей. Установлено, что в 474 случаях (88,3 процента) смерть последовала от истощения.

УБИЙЦЫ ДЕТЕЙ

Сотни тысяч детей в возрасте от грудного ребенка до 16 лет истребили гитлеровские изверги в Освенцимском лагере. Как правило, прибывавших в эшелонах детей немцы сразу же направляли в газовые камеры и там истребляли. Только небольшую часть здоровых подростков оставляли для лагерных работ.

Следствием установлено, что детей в возрасте от 8 до 16 лет немцы наравне со взрослыми изнуляли на тяжелых физических работах. Непосильный труд, истязания и побои быстро доводили каждого ребенка до полного истощения, и тогда его убивали.

Бывший заключенный Гордон Яков, врач из города Вильнюса, показал: «...В начале 1943 года в лагере Биркенау были отобраны 164 мальчика и отвезены в больницу, где при помощи уколов в сердце карболовой кислоты все они были умерщвлены».

Бывшая заключенная Бакаш Вельдтраут из города Дюссельдорфа (Германия) показала: «В 1943 году, в то время когда мы огораживали крематорий № 5, я лично видела, как эсэсовцы бросали в горящие костры живых детей».

Вот что рассказывают сами дети, спасенные Красной Армией, о мучениях, которым подвергали их фашистские звери.

Мальчик Мудианов Самий, 1930 года рождения, житель города Род (Италия): «...Нас, детей, заставляли работать по 15—20 человек — на лямках возить груженные повозки с разным грузом, но больше отвозили трупы умерших к специальному блоку, где они складывались и оттуда увозились в крематорий. Работали мы с четырех часов утра до вечера. В конце октября 1944 года производивший проверку немец дал нам «кару» за то, что не было чисто в блоке. Нас 150 человек построили на улице около блока и отвели в купальню, где раздели донага, облили холодной водой, голых повели по улице в свой блок, после чего многие из детей заболели».

Девятилетний мальчик Леринциакош Андраш, уроженец города Клез (Венгрия), показал: «...Когда нас пригнали в лагерь в 22-й блок, там нас били, особенно приставленные к нам женщины-немки. Били палками. За время пребывания в лагере у меня доктор Менгеле брал много раз кровь... В ноябре 1944 года всех детей переводили в лагерь «А», в «Цыганский» лагерь; при проверке одного из нас не оказалось. Тогда начальница женского лагеря Брандем и ее помощник Мендель выгнали нас всех на улицу в час ночи, и мы простояли на морозе до 12 часов дня...»

Детей, родившихся в лагере, эсэсовцы отбирали от матерей и умерщвляли. При выявлении у прибывших женщин беремен-

ности их немедленно выделяли в особый барак, где вызывали у них преждевременные роды. В случае сопротивления беременных женщин направляли в газовую камеру.

Бывшая заключенная Флякс София Исааковна, из города Кракова, показала: «...У многих женщин, прибывших в августе 1944 года в лагерь, имелись дети в возрасте от 5 до 12 лет. Все они по прибытии в лагерь вместе с матерями были отправлены в крематорий. Я прибыла с семимесячной беременностью. При осмотре врач СС Кениг обнаружил у меня беременность и направил в барак В-3 (Биркенау). Там было 65 таких женщин. Через три дня мне сделали укол в область бедра с целью вызвать преждевременные роды. Такие уколы проделывали четыре дня. На пятый день я родила ребенка, которого у меня забрали. В бараке за мое пребывание таких случаев я видела 14. Новорожденные или преждевременно рожденные увозились неизвестно куда».

Среди освидетельствованных врачами освобожденных узников Освенцима имеется 180 детей, из них в возрасте до 8 лет — 52, от 8 до 15 — 128 человек. Все они в лагерь прибыли в течение второго полугодия 1944 года, то есть находились в лагере от 3 до 6 месяцев. Все 180 детей были подвергнуты медицинскому освидетельствованию, которым установлено, что 72 ребенка больны легочно-железистым туберкулезом, 49 детей — алиментарной дистрофией (крайнее истощение), 31 ребенок имеет обморожения и т. д.

УНИЧТОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В Освенцимском лагере немцы уничтожили десятки тысяч видных ученых и представителей интеллигенции разных стран.

Фудри Андрэ, уроженец города Самот Дипуэн, рассказал комиссии следующее: «...Из 600 французов, прибывших в лагерь вместе со мной, через несколько месяцев большинство погибло. Среди них: экономист Бюро Эмиль, профессор лицея гор. Компьен Жаан, депутат департамента Лоди Гарон Филиппо, бургомистр гор. Вильвивифе Лебигу, педагоги — Годо и Бру, инженер-архитектор Молине и др.»

Профессор Клермон-Ферранского университета Лимузен Анри сообщил: «...В ноябре 1944 года меня из лагеря в Дахау отправили в Освенцим, как специалиста по патологии. Здесь я пробыл приблизительно месяц в карантинном блоке, где должен был чистить уборные, полы и носить обеды тем заключенным, которые находились в тюрьме».

В Освенцимском лагере были убиты: известный голландский профессор-экономист Фрейда, доктор Лавослав, инженер Кимар, доктор-инженер Эндоклян — из Югославии, польский

инженер Висневский, магистр фармации гор. Варшавы Тайхерт, польские профессора: Гешчикевич и Рюбарский, чехословацкие профессора: невропатолог Отто Ситик, психиатр Лео Таусик, хирург Ян Левит, знаменитый адвокат из Вены Краус, генерал-врач французской армии доктор Жоб и многие, многие другие. Все они были замучены на непосильных работах или задушены в газовых камерах.

В Чрезвычайную Государственную Комиссию поступило «Обращение к международной общественности» на трех языках: немецком, венгерском и французском — за подписями 27 бывших заключенных Освенцимского лагеря — профессоров, докторов, инженеров, адвокатов, студентов и других представителей интеллигенции разных стран. Обращение начинается следующими словами: «Мы, нижеподписавшиеся, освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем перед международной общественностью германское правительство под руководством Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийств, зверств и увода в немецкое рабство...»

Кончается это Обращение следующими словами: «Мы обращаемся к международной общественности с просьбой выяснить судьбу миллионов исчезнувших людей всех национальностей и принять все меры для спасения миллионов заключенных всех народов, еще томящихся в гитлеровской Германии. Чудом спаслись мы во время отступления нацистов из лагеря Освенцима. Хотя гитлеровцы отступали в панике, они увели с собой около 58 тысяч заключенных из лагеря Освенцима и филиалов. Люди эти, истощенные от голода, должны были идти пешком, но вряд ли большинство из них могло пройти больше, чем несколько километров. Мы полагаем, что при дальнейшем продвижении фронта в глубь Германии та же судьба ожидает всех людей, еще находящихся во власти кровавых нацистов. Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать все возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим, и вместе с нами просят около 10 тысяч спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными.

Спасенные бывшие заключенные обязаны своей жизнью доблестью Красной Армии и просят международную общественность и все правительства принять это к сведению и выразить благодарность от нашего имени...»

ГИТЛЕРОВЦЫ — ГРАБИТЕЛИ

В Освенцимском лагере гитлеровцы разоблачили себя перед всем миром не только как кровавые убийцы беззащитных людей, но и как жадные грабители своих жертв. Миллионы людей, привозимых из разных стран в концлагерь Освенцима, в первый же час их пребывания подвергались организованному ограблению. Все вещи: чемоданы, одежда, постельные принадлежности, вплоть до нательного белья и обуви, забирались эсэсовцами в специально построенные и оборудованные склады и направлялись в Германию. Часть трудоспособных людей, которая оставалась на каторжных работах, вместо своих вещей получала арестантскую полосатую одежду.

На территории Освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для сортировки и упаковки вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступлением под напором Красной Армии сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся 6 складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды . . .	348 820 комплектов
2. Женской » » » » . . .	836 255 »
3. Женской обуви	5 525 пар
4. Мужской »	38 000 »
5. Ковров	13 964 шт.

В складах также обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков, огромное количество зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки. Кровавые руки гитлеровских детоубийц тщательно пересчитывали эти вещи убитых ими детей и отправляли в Германию.

Осмотром вещей, обнаруженных в складах, Комиссия установила, что все они принадлежали замученным и убитым людям различных национальностей. На одежде, обуви и других вещах обнаружены фабричные марки Франции, Бельгии, Венгрии, Голландии, Югославии, Чехословакии и других государств. На чемоданах сохранились ярлыки различных гостиниц европейских городов.

Комиссия обнаружила на территории лагеря 7 вагонов с одеждой и постельными принадлежностями, уже подготовленных немцами для отправки в Германию. Из найденной в бумагах лагеря справки за подписью обершарфюрера СС Рейхенбаха видно, что только в течение 47 дней, с 1.XII 1944 года по 15.I 1945 года, в лагере было обработано для отправки в Германию:

1) Детского платья и белья	99 922 комплекта
2) Женского » » »	192 652 »
3) Мужского » » »	222 269 »

Всего . . . 514 843 комплекта

На кожевенном заводе Освенцимского лагеря 7 марта 1945 г. Комиссией были обнаружены 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7 тысяч килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

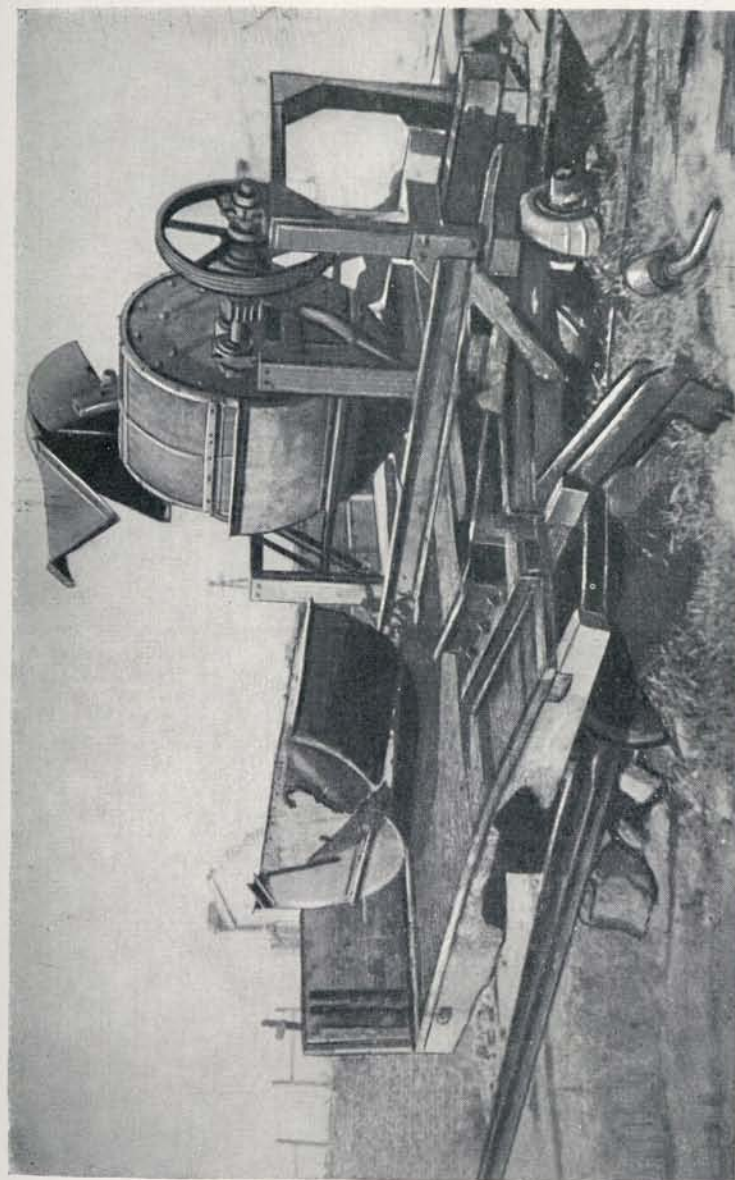
ГИТЛЕРОВСКИЕ БАНДИТЫ УБИЛИ В ОСВЕНЦИМЕ БОЛЕЕ 4 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК

Тщательно заметая следы своих чудовищных преступлений в Освенциме, немцы перед своим отступлением старательно уничтожали все документы, могущие показать всему миру точное количество людей, уничтоженных ими в Освенцимском лагере. Но сооруженная немцами в лагере мощная техника человекоубийства, показания освобожденных Красной Армией узников Освенцима, показания 200 опрошенных свидетелей, отдельные найденные документы и другие вещественные доказательства достаточно изобличают немецких палачей в том, что в Освенциме ими уничтожены, отравлены и сожжены миллионы людей. Только по пяти крематориям (52 реторты) за время их существования немцы могли уничтожить:

Номера крематориев	Продолжительность существования крематория (в месяцах)	Пропускная способность крематория по сожжению трупов (в один месяц)	Пропускная способность за весь период существования
№ 1	24	9 000	216 000
№ 2	19	90 000	1 710 000
№ 3	18	90 000	1 620 000
№ 4	17	45 000	765 000
№ 5	18	45 000	810 000
Всего . . .		279 000	5 121 000

Учитывая применение немцами в широких масштабах костров для сожжения трупов, общая пропускная способность сооружений для убийства людей в Освенциме должна быть значительно повышена.

Однако, применяя поправочные коэффициенты на недогрузку крематориев, на отдельные простои их, техническая экспертная комиссия установила, что за время существования

Машина «костедробилка» для перемалывания сожженных гитлеровцами трупов. Делалась это для сокрытия массовых казней. Машина осталась на территории Яновского лагеря и хранится во Львове. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

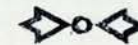
Освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Голландии, Бельгии и других стран...

К СУРОВОМУ ОТВЕТУ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ МЕРЗАВЦЕВ

Чудовищные преступления, совершенные немцами в концлагерях Освенцима, проводились по директивам гитлеровского правительства и под руководством палача рейхсфюрера СС и полиции Гимmlера. Непосредственными исполнителями злодеяний являлись: начальник лагерей Германии генерал-лейтенант СС и полиции Глюкс, начальник главного санитарного управления концлагерей генерал СС и полиции Поль, начальник строительства концлагерей генерал-майор СС Каммлер, представитель фирмы «Топф и сыновья» старший инженер Прюфер, начальники лагерей: оберштурмфюрер Поллячек, штурмбаннфюреры Гесс, Бер и Шварц; коменданты лагерей: оберштурмбаннфюрер Либегеншель (он же начальник гарнизона), штурмбаннфюрер Краус, гауптштурмфюрер Аумеер, оберштурмфюрер Гофман, оберштурмфюрер Гесслер, оберштурмфюрер Йостен, оберштурмфюрер Шварцубер; начальники крематориев Освенцима: обершарфюрер Молль, обершарфюрер Богер, унтершарфюрер Шетер, ротенфюрер Шульц; начальник рабочих команд оберштурмфюрер Селл; начальник строительного бюро штурмбаннфюрер Бишоф; унтершарфюрер Шумахер, обершарфюрер Клерман, унтершарфюрер Лахман, обершарфюрер Эмерих, унтершарфюрер Штибиц, обершарфюрер Клаузен, обершарфюрер Хартвик, унтершарфюрер Кадук, обершарфюрер Палич, оберштурмфюрер СС Зоммер; врачи лагеря: руководитель отдела испытаний, майор — доктор Шмитз, оберштурмфюрер — доктор Менгеле, унтерштурмфюрер Кениг, ротенфюрер Роде, оберштурмфюрер — доктор Фишер, оберштурмфюрер — доктор Клейн, доктор Деринг, гауптштурмфюрер — доктор Вирц, оберштурмфюрер — доктор Тилло, штурмбаннфюрер — доктор Клауберг, профессор Шуман, доктор Вабер, оберфельдфебель Эмиль Кошуб, оберштурмфюрер Эндрес, гауптштурмфюрер — доктор Геотмерман, гауптштурмфюрер — доктор Китт, гауптштурмфюрер — доктор Горстман, гауптштурмфюрер — доктор Краус.

Все они так же, как и все те немцы, которые принимали личное участие в убийстве и истязаниях узников Освенцима, должны предстать перед судом народов и понести заслуженную суровую кару.

«Правда» 7 мая 1945 г.

ИЗ ПИСЬМА АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗАВОДЫ ДИДЬЕ» ОТ 25 ИЮЛЯ 1943 г.
С ПРЕДЛОЖЕНИЕМ ОБ УСТАНОВКЕ
КРЕМАЦИОННЫХ ПЕЧЕЙ ДЛЯ СС В БЕЛГРАДЕ

По вопросу: Кремационная установка для СС в Белграде. Мы ссылаемся на визит вашего сына и на переговоры с ним нашего сотрудника господина Шторля.

Мы приняли к сведению намерения белградских частей СС построить кремационную установку, рассчитанную на крупный лагерь, мы учли также и то, что им поручено вместе с местными архитекторами проектировать и построить эту установку.

Не имея опыта постройки печей, они намереваются приобрести чертежные данные для этих печей.

Мы заявляем о своей готовности составить чертежи печей надлежащим образом, с указанием арматур и системы сцепления с землей, а именно, чертежи печей для вышеозначенной цели.

Смета составляет 600 рм. Половину этой суммы следовало бы заплатить, остальную сумму — после изготовления чертежей.

При постройке печей следует обратить особое внимание на то, чтобы для достижения быстрого сооружения установки внутреннюю часть построить не на особом материале, а на обычном шамотовом кирпиче.

Это же соображение надо иметь в виду при изготовлении металлических конструкций для печей.

Для поставки трупов в печь мы предлагаем двухколесные конвейерные трубчатые валы.

В каждой печи имеется отделение для пепла; так как не предполагается применение гробов, то ширина отделения составляет 600 мм, высота — 450 мм.

Для транспортировки трупов из места их хранения в печи мы советуем применять легкие тележки на колесах, и мы доставим вам чертежи этих тележек...

ПЕРЕПИСКА ФИРМЫ «КОРИ» — ОБЩЕСТВА
С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В дополнение к состоявшимся между нами переговорам о доставке установок по сжиганию простой конструкции, мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

В связи с предполагаемым строительством мы предлагаем две печи по сжиганию, но рекомендуем еще раз запросить, достаточно ли будет двух печей. Необходимо также выяснить вопрос о расположении печей, так как от этого зависит выработка частей арматуры, а также и установка остова укрепления. Установку печи следует произвести по возможности в закрытом помещении и соединить ее с имеющейся дымовой трубой.

В том случае, если уже имеется в виду специальное помещение для этой установки, просим прислать план помещения для того, чтобы мы могли вам представить на рассмотрение расположение их.

О том, какая площадь необходима для печей с местом для обслуживания их и для раздувания огня, видно из прилагаемых чертежей. Чертеж Ю/8998 наглядно иллюстрирует устройство двух печей, по чертежу № 9122 изготовлено для строительства в Дахау четыре печи.

Следующий чертеж за № 9080 иллюстрирует установку в Люблине с пятью печами для кремации и двумя монтированными отопительными камерами¹.

Для доставки трупов в камеры кремационных печей мы предлагаем вам еще дополнительно...

Мы гарантируем эффективность поставляемых кремационных печей, а также их устойчивость, поставку лучшего материала и безупречное выполнение работ...

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам. Хайль Гитлер!

Кори (Общество с ограниченной ответственностью)².

¹ К подлинному письму были приложены чертежи — Составители.
² Только конструированием и постройкой кремационных печей для концлагерей в Германии занималось несколько специальных фирм.

Кроме стационарных, существовали крематории передвижные. — Составители.

Документ СССР-29

КОММЮНИКЕ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЦЕВ, СОВЕРШЕННЫХ В ЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МАЙДАНЕКЕ В ГОРОДЕ ЛЮБЛИНЕ

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия по расследованию злодеяний немцев, совершенных в городе Люблине... расследовала злодеяния, совершенные в Люблине.

Гитлеровцы создали на территории Польши разветвленную сеть концентрационных лагерей: в Люблине, Демблине, Освенциме, Холме, Сабибуре, Бялой Подляске, Трешлинке и в других местах.

В эти лагеря они свозили для уничтожения из оккупированных стран Европы: Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Чехословакии, Югославии, Греции, Дании, Норвегии и других — сотни тысяч людей.

Гитлеровское преступное правительство организовало в этих лагерях систему массового истребления неугодных ему групп населения и в первую очередь интеллигенции оккупированных стран Европы, советских и польских военнопленных и евреев.

Все то, с чем встретилась Комиссия по расследованию немецких злодеяний в городе Люблине, по своему зверству и варварству оставляет далеко позади уже известные международному общественному мнению факты чудовищных злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

I. ЛАГЕРЬ УНИЧТОЖЕНИЯ НА МАЙДАНЕКЕ В ЛЮБЛИНЕ

В Люблине на Майданеке гитлеровские палачи создали огромный комбинат смерти. Немцы его называли «Фернихтунгслагер», то есть лагерь уничтожения.

Захваченные в плен служившие в этом лагере немцы показали:

Ротенфюрер СС Шолен Тео: «Этот лагерь носил название «Лагерь уничтожения» — «Фернихтунгслагер» именно потому, что здесь истреблялось колоссальное количество людей».

Кампфполицией Штальбе Гейнц: «Основной целью этого лагеря было истребление как можно большего количества людей, поэтому он носил название «Фернихтунгслагер», то есть «лагерь уничтожения».

Лагерь «Майданек» расположен в двух километрах от города Люблина и занимает площадь в 270 гектаров. Строительство его началось в конце 1940 года.

К началу 1943 года было закончено строительство 6 полей лагеря. На каждом поле было 24 барака, а всего 144 барака (не считая всяких построек под склады, мастерские и пр.), вмещавшие каждый до 300 человек и более. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки. Сверх этого все 6 полей были отделены внутри лагеря целой системой проволочных заграждений, с отдельным караульным помещением при входе на каждое поле. Через эти проволочные заграждения проходил ток высокого напряжения. По всему лагерю были расположены большие вышки, на которых постоянно находились часовые с пулеметами. Лагерь сильно охранялся войсками СС. Сверх этого было 200 немецких овчарок, составлявших очень важный элемент в охране лагеря, и вспомогательная полиция, кампфполиция, формируемая из уголовных элементов.

II. КОНТИНГЕНТ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЛАГЕРЯ

Лагерь одновременно мог вместить от 25 до 40 тысяч заключенных. В отдельные периоды в лагере содержалось до 45 тысяч заключенных.

Контингент заключенных лагеря не был стабильным. Содержавшиеся в этом лагере систематически уничтожались, на их место прибывали новые транспорты с заключенными, и, таким образом, лагерь для подавляющего большинства лиц, направленных туда, был только временным этапом на пути к смерти.

В лагере содержались военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году, советские военнопленные, граждане Польши, Франции, Бельгии, Италии, Голландии, Чехословакии, Греции, Югославии, Дании, Норвегии и других стран.

Это установлено:

а) обнаруженным на территории лагеря большим количеством паспортов и иных документов граждан различных стран Европы, погибших в лагере.

Так, например: паспорта граждан СССР — Горюновой Марии Тимофеевны, Мазуркевича Николая Францевича и др.; документы граждан Польши — Седлецкого Чеслава, Соничного Владислава, Янкевича Станислава и др.; документы граждан Франции — Лябруж Габриэля, Молтань Эмиля, Руа Люсьена,

Широль Эгюста, Пренсон Андре и др.; документы граждан Чехословакии — Глюче Иозефа, Фельдингера Рудольфа и др.; документы граждан Италии — Муоле Густава, Мусих Джузеппе, Тинози Пио и др.; документы граждан Голландии — Ван-дер-Пальм Бертуса, Ван-дер-Ирими Андертинуса, Янсен Петруса и др.; документы граждан Югославии — Степанович Степана, Жунит Рано и др.; документы граждан Бельгии — Базео Леона, Ван-Гаузран Теофиля и др.; документы граждан Греции — Зурене Еан и др., а также документы лиц других национальностей;

б) книгой записи умерших в так называемом «лазарете лагеря», а фактически истребленных, в которой есть указание на значительное количество умерших лиц различных национальностей. Только в течение одного марта 1944 года из умерших 1654 заключенных: 615 человек русских, 247 — поляков, 108 — французов, 74 — югославов, а остальное количество падает на другие национальности, живущие в странах Западной Европы;

в) показаниями целого ряда свидетелей — бывших заключенных лагеря и военнопленных немцев, служивших ранее в лагере, а также показаниями бывших заключенных лагеря: француза Ле-Дю-Корантена, чеха Томашека, голландца Бенена и других.

Список уничтоженных людей, заключенных в лагере, постоянно пополнялся за счет советских военнопленных, за счет различных групп населения, привезенного из оккупированных стран Европы, за счет лиц различных групп населения, захваченного гестапо на улицах, вокзалах, в домах при систематических облавах и обысках, постоянно проводившихся гитлеровцами в Польше и в других странах Европы, а также за счет евреев, привозимых из созданных гестапо в Польше и различных городах Западной Европы гетто.

Среди заключенных было много женщин, детей и стариков. В заключении находились иногда целые семьи. Дети были разных возрастов, в том числе и малолетние.

Таким образом, лагерь был местом массового уничтожения различных народностей Европы.

III. ПЫТКИ И КРОВАВЫЕ РАСПРАВЫ В «ЛАГЕРЕ УНИЧТОЖЕНИЯ»

Режим в «лагере уничтожения» был подчинен задаче массового истребления заключенных.

Заключенные влачили голодное существование. Один раз в день кофе из жженой брюквы, два раза суп из травы и от 180 до 270 граммов хлеба наполовину с древесными опилками или каштановой мукой — обычный рацион заключенного, который приводил к полному истощению, широкому распространению туберкулеза и иных болезней и к массовому вымиранию заклю-

ченных. За малейшую «провинность» заключенных лишали и этой скудной пищи на несколько дней, что по существу означало голодную смерть.

Бывший заключенный лагеря чех Томашек на заседании Комиссии заявил:

«Люди все время голодали, наблюдалось массовое истощение заключенных и смертность от истощения. Заключенные ели падаль, кошек, собак. Большинство заключенных представляло собой или ходячие скелеты, обтянутые кожей, или были неестественно толстыми от отеков и опухания на почве голода».

Бывший заключенный лагеря — капрал польской армии Резник показал:

«Я видел, что русских военнопленных почти не кормили, они дошли до крайней степени истощения, опухли и не в состоянии были даже говорить. Они умирали массами».

Режим голода в лагере был одним из существенных факторов в общей системе уничтожения людей.

Рабочий день начинался в 4 часа утра. В бараки врвались немцы и кнутами поднимали людей с нар. Начиналась поверка, на которой должны были быть все здоровые и больные; те, которые ночью умерли, выносились соседями по койке на плац для поверки. Поверка продолжалась два часа и больше и сопровождалась избиениями и издевательствами над заключенными. Если заключенный впадал в бессознательное состояние и на поверке не отзывался, он заносился в список умерших, и его потом добивали палками.

В 6 часов утра заключенных выводили на работу. Работа была исключительно тяжелой и изнурительной. Она сопровождалась тяжкими избиениями, издевательствами и убийствами. Команды заключенных, возвращавшихся в 11 часов на так называемый обед, приносили с собой избитых, изувеченных людей и трупы убитых.

На вечерней поверке дежурным эсэсовцем зачитывался список заключенных, которые «плохо» работали, и их на специальной скамье били плетью, палками, розгами. Число ударов колебалось от 25 и выше. Людей часто запарывали на смерть».

Доцент Варшавского университета Зелент, содержащийся в лагере, сообщил:

«Я знал адвоката Носека из Радома, которому дали 100 ударов, от чего он через три дня умер».

В отношении интеллигенции и видных лиц из числа заключенных лагеря применялись особенно утонченные издевательства. Крупнейшего профессора по детским болезням Михаловича — 72 лет, профессора Варшавского Политехникума Помировского — 60 лет, члена Верховного суда Польши Вонсовича —

75 лет и многих других немцы заставляли работать на самых тяжелых работах, всячески над ними издеваясь.

Бывший заключенный лагеря магистр химии поляк Тадеуш Будзынь показал:

«Большую группу профессоров, врачей, инженеров и других специалистов в 1200 человек, привезенных из Греции, немцы поставили на непосильную работу по переноске тяжелых камней. Обессиленных и падавших от этой тяжелой работы ученых эсэсовцы избивали до смерти. Системой голода, изнурительного труда, избиений и убийств вся эта группа греческих ученых была в течение пяти недель истреблена».

Арсенал истязаний и мучений был необычайно разнообразен. Многие из них носили характер так называемых «шуток», которые очень часто кончались умерщвлением заключенных. К числу их можно отнести мнимый расстрел с оглушением жертвы ударом по голове доской или каким-нибудь тупым предметом, мнимое утопление в бассейне лагеря, которое часто завершалось настоящим утоплением.

Среди немецких палачей в лагере были специалисты по тем или иным методам истязаний и убийств. Убивали ударом палки по затылку, ударом сапога в живот или в пах и т. д.

Эсэсовские истязатели топили свои жертвы в грязной воде, вытекавшей по небольшой канаве из бани: голова жертвы погружалась в эту грязную воду и прижималась сапогом эсэсовца до тех пор, пока жертва не лишалась жизни.

Излюбленным методом гитлеровских эсэсовцев являлось подвешивание заключенных за связанные назад руки. Француз Ле-Дю-Корантен, испытавший на себе эту меру наказания, рассказал, что при подвешивании заключенный быстро теряет сознание, после чего подвешивание прекращается, а когда сознание возвращается, подвешивание начинается снова, и так происходит много раз.

Немецкие изверги за малейшую провинность, особенно за подозрение в попытке к побегу, вешали заключенных лагеря. В центре каждого поля был столб с вбитым в него на высоте двух метров кронштейном, на котором вешали людей.

«Видел я из своего барака, — говорит свидетель — бывший заключенный лагеря советский военнопленный Домашев, — как на столбе, находившемся среди поля, вешали людей».

Возле прачечной, на межполье между первым и вторым полем, был специальный барак с перекладинами у потолка, на которых вешали людей целыми группами.

Не меньшим издевательствам и истязаниям подвергались женщины, заключенные в лагере: те же формы проверок, непосильный труд, избиения и издевательства. Особой жестокостью отличались эсэсовки: главная надзирательница Эрих и надзи-

рательницы Браунштайн, Девид Ани, Вебер, Кноблик, Эллерт и Редли.

Комиссия установила много фактов совершенно неслыханных жестокостей со стороны немецких палачей в лагере.

Немец кампфполицией Штальбе Гейнц на пленарном заседании Комиссии заявил, что он был очевидцем, как шеф крематория обершарфюрер Мусфельд связал по рукам и ногам женщину-польку и живую бросил в печь.

Свидетели Елинский и Олех, работавшие в лагере, также рассказывают о сожжении в печах крематория живых людей. «Ребенка отняли у матери от груди и на глазах ее убили о стенку барака», — говорит свидетель Атрохов. «Я видел лично, — говорит свидетель Баран Эдвард, — как у матерей брали маленьких детей и на их глазах убивали: за одну ножку брали рукой, на другую — становились ногой и таким образом разрывали ребенка».

Исключительным садизмом отличался заместитель начальника лагеря оберштурмфюрер СС Туманн. Он ставил в ряд на колени группы заключенных и ударами палки по голове убивал их; он травил заключенных овчарками; он принимал самое деятельное и активное участие во всех казнях и умерщвлениях заключенных.

Таким образом, голод, непосильный труд, пытки, истязания, издевательства и убийства, сопровождавшиеся неслыханным садизмом, были поставлены на службу массовому истреблению узников лагеря.

IV. МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЛАГЕРЕ

Массовое истребление гражданского населения стран Европы, в том числе Польши и оккупированных областей СССР, ставило политику гитлеровской Германии, вытекавшую из планов порабощения и уничтожения передовой и активной части славянских народов.

Создание в порабощенной Польше лагерей массового уничтожения европейских народов и военнопленных обуславливалось стремлением гитлеровской правящей клики всячески замаскировать и скрыть эти злодеяния. Эти лагеря, в том числе и «лагерь уничтожения» на Майданеке, явились также местом поголовного уничтожения еврейского населения. Одним из методов истребления огромных масс неугодных гитлеровской Германии людей были массовые расстрелы, которые широко применялись в Люблинском «лагере уничтожения».

Кровавая история этого лагеря начинается с массового расстрела советских военнопленных, организованного эсэсовцами

в ноябре — декабре 1941 года. Из партии больше чем в 2000 человек советских военнопленных осталось всего лишь 80 человек: все остальные были расстреляны и небольшая часть замучена пытками и истязаниями.

В период с января по апрель 1942 года в лагерь привозили новые партии советских военнопленных, которые расстреливались.

Работавший в лагере по найму грузовым возчиком свидетель поляк Недзялек Ян показал:

«Около 5000 русских военнопленных немцы зимой 1942 года уничтожили таким образом: грузовыми автомобилями вывозили из барakov к ямам на бывшей каменоломне и в этих ямах их расстреливали».

Военнопленные бывшей польской армии, плененные еще в 1939 году и содержавшиеся в различных лагерях Германии, были уже в 1940 году собраны в Люблинском лагере на Липовой улице, а затем вскоре по частям привозились в «лагерь уничтожения» на Майданеке и подвергались той же участи: систематическим истязаниям, убийствам, массовым расстрелам, повешению и т. п.

Свидетель Резник показал следующее:

«В январе 1941 года нас — около 4000 человек евреев военнопленных — погрузили в вагоны и отправили на Восток... Нас привезли в Люблин, здесь выгрузили из эшелонов и сдали эсэсовцам. Примерно в сентябре или октябре 1942 года в лагере на Липовой улице № 7 было решено оставить только людей, имевших фабрично-заводскую квалификацию и нужных в городе, а все остальные, и я в том числе, были отправлены в лагерь «Майданек». О том, что направление в лагерь «Майданек» означает смерть, мы все уже хорошо знали».

Из этой партии в 4000 человек военнопленных сохранились лишь отдельные лица, бежавшие с внелагерных работ.

Летом 1943 года в лагерь на Майданеке было привезено 300 советских офицеров, из них 2 полковника, 4 майора, все остальные — в чине капитанов, старших лейтенантов. Все указанные офицеры были расстреляны в лагере.

В течение всего 1942 года производились массовые расстрелы как заключенных лагеря, так и населения, привозимого извне.

Житель деревни Кремпец (8 километров от Люблина), поляк Дабрик Тадеуш был очевидцем, как в один из дней эсэсовцы на 88 грузовых машинах привезли людей различных национальностей и возрастов — мужчин, женщин и детей. Привозимые в Кремпецкий лес высаживались из машин, у них отбирались все вещи и ценности и затем их над заранее выкопанными ямами расстреливали. Массовые расстрелы в Кремпецком лесу в течение 1942 года немцы проводили систематически.

Весной 1942 года в лагерь были привезены одновременно 6000 человек и расстреляны в течение двух дней.

3 ноября 1943 г. в лагере было расстреляно 18 400 человек. Из самого лагеря было взято 8400 человек, а 10 000 человек было пригнано из города и из других лагерей. За три дня до этого массового расстрела были вырыты на территории лагеря за крематорием большие рвы. Расстрел начался с утра и закончился поздно вечером. Людей, раздетых догола, эсэсовцы выводили группами по 50 и 100 человек к рвам, укладывали на дно рва лицом вниз и расстреливали из автомата. На трупы укладывалась новая партия живых людей, которые также расстреливались. И так до тех пор, пока рвы не заполнились. Трупы затем были присыпаны небольшим слоем земли, а через 2—3 дня были извлечены и сожжены в крематории и на кострах.

Для того чтобы заглушить при расстрелах крики жертв и стрельбу, немцы установили возле крематория и на территории лагеря мощные репродукторы, через которые передавали целый день браурную музыку.

Этот массовый расстрел стал широко известен населению г. Люблина. Работавший в лагере эсэовец Фогель Герман показал:

«Помимо тех людей, которых привели из города, было в этот день взято из Люблинского лагеря и расстреляно 8400 человек. Я точно знаю эту цифру потому, что на следующий день в вещевой склад, где я работал, были поданы официальные сведения об уничтожении 8400 человек, так как мы должны были списать их одежду».

Работавший в канцелярии лагеря заключенный поляк Станиславский о расстреле 3 ноября 1943 г. показал:

«Этот расстрел немцы называли «зондербехандлунг» (специальное мероприятие), и под этим же названием был отправлен доклад в Берлин. В этом докладе говорилось так: «Разница между количеством содержащихся в лагере заключенных утром и вечером возникла в результате специального уничтожения 18 000 человек».

Жители деревни Десента были часто очевидцами массовых расстрелов, в том числе в 1944 году. Начиная с марта до 22 июля включительно, гестаповцы привозили на машинах и на повозках значительное количество польского населения: здесь были мужчины, женщины и дети. Их подводили к крематорию, возле которого раздевали догола, и во рвах расстреливали.

«Были дни, — заявляет свидетель Недзялек, очевидец этих массовых расстрелов польского населения, — когда расстреливалось от 200 до 300 и больше человек».

Советский военнопленный Канунников был очевидцем расстрела в июле 1943 года 40 женщин с маленькими детьми на

первом поле. Рано утром трупы расстрелянных были свезены в крематорий для сжигания.

Во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес две платформы трактором и один грузовик с трупами детей поляков.

Свидетель Гангол показал:

«Помню еще один яркий факт, который видел лично и сегодня его подтверждаю полностью: во второй половине мая 1943 года эсэсовцы привезли в Кремпецкий лес две платформы трактором и один грузовой автомобиль только одних детей поляков. Они были совсем голые. Все трупы этих детей были в лесу сложены в штабели и сожжены».

Свидетель Красовская сообщила Комиссии о факте расстрела в апреле 1943 года 300 женщин, привезенных из Греции.

Приведенные выше эпизоды массовых расстрелов отражают лишь незначительную часть фактов, собранных Комиссией.

Судебно-медицинская экспертиза под председательством профессора судебной медицины Люблинского католического университета Шиллинг-Сингалевича в составе: старшего врача городской управы города Люблина доктора медицины Рупневского, главного судебно-медицинского эксперта фронта подполковника медицинской службы Шкарабского, главного патолого-анатома фронта доктора медицинских наук, подполковника медицинской службы Краевского, главного токсиколога фронта подполковника медицинской службы Блохина, судебно-медицинского эксперта 1-й Польской Армии капитана Графинской — установила:

«При исследовании 467 трупов и 266 черепов были обнаружены следы пулевых ранений в количестве 342, что указывает на то, что в лагере широко практиковался расстрел заключенных путем выстрела по преимуществу в затылок на близком расстоянии из оружия калибром в 0,9 см».

Таким образом, многочисленными свидетельскими показаниями очевидцев, а также рядом других доказательств (последующие раскопки, проведенные судебно-медицинской экспертизой) установлено, что немцы в Люблинском лагере на протяжении всего периода его существования проводили массовые расстрелы заключенных мужчин, женщин и детей, лиц различных национальностей, часть из которых была расстреляна также в Кремпецком лесу, расположенном в 8 километрах от Майданека.

V. УДУШЕНИЕ ГАЗОМ

Одним из самых распространенных методов массового истребления людей в лагере на Майданеке было удушение газом.

Судебно-техническая и химическая экспертиза в составе: председателя — инженера-архитектора г. Люблина Келлес-Краузе, инженера-майора доцента Телянера, кандидата технических наук Григорьева, кандидата технических наук Пелькиса — установила, что камеры, построенные на территории лагеря, использовались в основном для массового уничтожения людей. Всего таких камер было шесть. Одни из них были приспособлены для умерщвления газом СО, другие для умерщвления посредством химически ядовитого вещества «Циклон».

На территории лагеря обнаружено 535 банок с препаратом «Циклон-Б» и несколько баллонов, содержащих окись углерода. При химическом анализе установлено:

«Содержимое банок было проверено на наличие синильной кислоты реакцией образования берлинской лазури бензидинатной индикаторной бумажкой и пикратом натрия. При этом взяты пробы из 18 банок и проведено отдельных 48 реакций. Все пробы дали положительный результат на содержание синильной кислоты с вышеуказанными реактивами... Таким образом, исследованное содержимое банок представляет собой препарат «Циклон-Б», состоящий из специально приготовленного кизельгура в виде гранул размером до 1 см, пропитанных жидкой стабилизированной синильной кислотой. Содержимое банок, обнаруженных в большом количестве в лагере с этикеткой «Циклон», идентично с «Циклоном-Б»... Пробы газа, взятые из 5 баллонов, были проверены на содержание окиси углерода при помощи реакции с пятиокисью йода и хлорпалладиевой индикаторной бумажкой. Всего реакций с пятиокисью йода проведено 16, а с хлорпалладиевой индикаторной бумажкой 10. Все пробы с указанными реактивами дали положительные реакции на окись углерода».

На основании точных расчетов технического исследования газокамер, химического анализа угарного газа и вещества «Циклон» экспертиза установила:

«Технический и санитарно-химический анализ газовых камер концлагеря на Майданеке целиком подтверждает, что все эти камеры, особенно I, II, III и IV, были предназначены и использованы для массового и систематического уничтожения людей путем отравления общеядовитыми газами, как-то: синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода».

При одновременном использовании всех камер, приспособленных для отравления, можно было в один прием умертвить 1914 человек. Установлено, что в этих газовых камерах отравлялись все истощенные от голода, ослабевшие от изнурительного труда, жестокого режима заключенные, беспособные к физическому труду, все заболевшие сыпным тифом и все прочие, которых немцы считали необходимым умертвить.

В процессе расследования собрано значительное количество фактов массового отравления заключенных в газокамерах на Майданеке.

Свидетель Станиславский сообщил Комиссии:

«В марте 1943 года в газовой камере было умерщвлено 300 поляков, 20 июня 1943 г. на первом поле раздели донага 350 человек и всех голыми повели в баню, а оттуда в газокамеру, где и задушили; 14 октября 1943 г. тем же путем умерщвлено 270 человек».

Свидетель Зелент приводит факт удушения газом 87 поляков 15 марта 1944 г.

Свидетель поляк Вольский Ян, бывший заключенный лагеря, по поводу массового отравления газами показал:

«В октябре 1942 года в лагерь было привезено большое количество женщин и детей. Здоровых отобрали для использования на работе, а всех слабых, больных и детей удушили в газовой камере. В марте 1943 года в той же камере снова были уничтожены газом 250 женщин и детей, а через несколько дней еще 300 человек различных национальностей. 16 или 17 мая 1943 г. на автомашинах было доставлено в лагерь 158 детей в возрасте от 2 до 10 лет. Эгих детей умертвили в газовой камере. В июне 1943 года администрация лагеря собрала всех больных военнопленных и заключенных — около 600 человек и всех их умертвила в газокамере».

О массовом удушении людей газами рассказали на заседании Комиссии немцы-эсэсовцы, служившие в лагере:

Ротенфюрер СС Генше показал, что 15 сентября 1942 г. в газовой камере было умерщвлено 350 человек, в том числе женщины и дети.

Обершарфюрер СС Тернес сообщил Комиссии о факте удушения в газокамерах 16 октября 1943 г. 500 человек, среди которых было много женщин и детей.

Отбор людей для удушения производили систематически немцы-врачи лагеря Блянке и Риндфляйш.

Тот же Тернес показывает:

«Мне рассказывал врач лагеря унтерштурмфюрер СС Риндфляйш вечером 21 октября 1943 г., что в этот день в газовой камере было удушено препаратом «Циклон» 300 детей в возрасте от 3 до 10 лет».

Трупы из газокамер систематически вывозились для сжигания в крематорий и на кострах. Перевозили трупы на машинах, на специальных платформах, буксируемых трактором. Об этом рассказывают много свидетелей-очевидцев.

Немецкий военнопленный ротенфюрер СС Шолен Тео, работавший в лагере, показал:

«Я часто видел эту машину с прицепом, курсирующую от газокамеры к крематорию и обратно, причем от газокамеры она шла с трупами, обратно — пустая».

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что, помимо газовых камер, немцы в Люблине умерщвляли людей также в специально приспособленной автомашине, так называемой «душегубке».

Свидетели — бывший солдат польской армии Стетдинер и советский военнопленный Атрохов подробно описывают эту машину, в которой немецкие изверги удушали свои жертвы выхлопными газами от мотора машины.

Обнаружение на территории лагеря некоторого количества трупов с характерными признаками отравления окисью углерода подтверждает, что немцы использовали окись углерода для умерщвления заключенных.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в вышеназванном составе считает, что:

«Истребление заключенных в концентрационном лагере производилось различными методами. В начале существования лагеря гитлеровцами в основном практиковались массовые расстрелы. Позже наряду с этим они применяли также массовое отравление людей в специально выстроенных и оборудованных газокамерах сильнодействующими отравляющими веществами — синильной кислотой (препарат «Циклон») и окисью углерода (угарный газ)».

Таким образом, многочисленными показаниями свидетелей-очевидцев, данными судебно-медицинской, технической и химической экспертиз установлено, что гитлеровские палачи систематически на протяжении почти трех лет производили в лагере на Майданеке массовое удушение газами сотен тысяч ни в чем не повинных людей, в том числе стариков, женщин и детей.

VI. НЕМЕЦКИЕ ПАЛАЧИ ЗАМЕТАЛИ СЛЕДЫ СВОИХ ТЯГЧАЙШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В первый период существования лагеря на Майданеке немцы трупы всех расстрелянных и замученных ими закапывали. Позже, и особенно в 1943—1944 гг., немцы стали сжигать трупы, эксгумируя их из ям, где трупы расстрелянных были прежде закопаны.

На территории лагеря уже в начале 1942 года были построены две печи для сжигания трупов. Вследствие того что трупов было очень много, немцы в 1942 году начали строить и к осени 1943 года построили новый мощный крематорий на пять сжигательных печей. Эти печи горели непрерывно. Температура в этих печах могла подниматься до 1500°. Для того, чтобы

в печь вмещалось возможно больше трупов, они расчленились, в частности, обрубались конечности трупов.

Техническая экспертиза, тщательно исследовавшая конструкцию печей, дала следующее заключение:

«Печи предназначались для сжигания трупов и были рассчитаны на непрерывную работу. В одну печь можно было вложить четыре трупа одновременно с обрубленными конечностями. Время, потребное для сжигания четырех трупов, составляло 15 минут, что при круглосуточной работе всех печей давало возможность сжечь 1920 трупов в сутки. Учитывая большое количество костей, обнаруженных на всей территории лагеря (в ямах, на огородах, в буртах с навозом), экспертная комиссия считает, что недогоревшие кости выгружались из печей раньше срока, необходимого для полного сгорания, вследствие чего в действительности в печах сжигалось значительно больше, чем 1920 трупов в сутки».

Комиссия установила, что немцы на протяжении длительного времени, особенно за последние два года, наряду с сжиганием трупов в специальных печах широко практиковали сжигание трупов на кострах как на территории лагеря, так и в Кремпецком лесу.

На рельсы или на рамы автомобиля, которые выполняли роль колосников, накладывались доски, на доски трупы, затем снова доски и снова трупы. Так укладывалось на костер от 500 до 1000 трупов. Все это обливалось горючей жидкостью и поджигалось. Каждый такой костер горел двое суток.

Свидетели — жители деревни Десента (возле лагеря Майданека) и деревни Кремпец — Господарек и Матыясек подтвердили, что они видели на территории лагеря и в Кремпецком лесу гигантские костры, на которых сжигались трупы расстрелянных и замученных немцами людей.

На территории «лагеря уничтожения» и в Кремпецком лесу обнаружено большое количество площадок, на которых производилось сжигание трупов. В одном из рвов на территории лагеря обнаружена после раскопки рама автомашины, на которой сжигались трупы.

После разоблачения зверств немцев в Катынском лесу гитлеровцы особенно усиленно принялись за извлечение трупов из ям и рвов и сожжение их. Судебно-медицинская экспертиза вскрыла 20 таких ям, из них 18 ям на территории Майданека и 2 ямы на территории Кремпецкого леса. В некоторых ямах обнаружено значительное количество трупов, которые немцы не успели сжечь.

Так, в результате раскопок в яме № 1 возле крематория обнаружено 42 трупа, в яме № 19 в Кремпецком лесу обнаружено 368 трупов мужчин, женщин и детей; в других ямах

обнаружено значительное количество трупов, уже окончательно разложившихся, и скелетов. В ряде ям обнаружено огромное количество костей.

Для того чтобы скрыть гигантские размеры массового уничтожения людей, гитлеровские изверги зарывали пепел в ямы и рвы, рассыпали его по большой территории лагерных огородов, смешивали пепел с навозом и употребляли для удобрения полей.

На территории «лагеря уничтожения» Комиссия обнаружила свыше 1350 кубометров компоста, состоящего из навоза, пепла от сожженных трупов и мелких человеческих костей.

Гитлеровцы прибегали к перемалыванию мелких костей на специальной «мельнице». Об этой «мельнице» и ее устройстве дал подробные показания свидетель Стетдинер, по специальности дизель-механик, которого немцы заставили работать на этой «мельнице».

Бывший военный комендант г. Люблина генерал-лейтенант германской армии Гильмар Мозер сообщил:

«У меня нет причин умалчивать о тяжких преступлениях Гитлера или их покрывать, поэтому я считаю себя обязанным рассказать всю правду о так называемом «лагере уничтожения», сооруженном гитлеровцами близ города Люблина на Холмском шоссе.

Зимой 1943/44 г. там было уничтожено большое количество заключенных, в том числе, к моему большому возмущению, женщины и дети. Число убитых достигало сотен тысяч человек. Несчастные частично были расстреляны, частично умерщвлены газами.

Мне неоднократно рассказывали, что обреченных людей в «лагере уничтожения» заставляли выполнять чрезвычайно тяжелые работы, превосходящие их силы, и подгоняли их при этом побоями. С возмущением я узнал, что заключенных в лагере перед тем, как уничтожить, пытали и мучили.

Весной этого года было вновь выкопано бесчисленное количество трупов и сожжено в специально сооруженных печах, видимо, чтобы замести следы преступлений, совершенных по приказу Гитлера.

Массивные печи были построены из кирпича и железа и представляли собой крематорий с большой пропускной способностью. Запах трупов проникал часто в город, по крайней мере в восточную часть его, поэтому даже менее информированным лицам было ясно, что творится на этом страшном месте...

Подтверждением того, что деятельность «лагеря уничтожения» направлялась гитлеровским правительством, может служить факт посещения лагеря самим Гиммлером, который приезжал в Люблин летом 1943 года».

Комиссия установила, что только в печах крематория было сожжено свыше 600 000 трупов; на гигантских кострах в Кремпецком лесу было сожжено более 300 000 трупов; в двух старых печах было сожжено свыше 80 000 трупов; на кострах в самом лагере возле крематория было сожжено не менее 400 000 трупов.

В целях скрытия следов своих преступлений немцы уничтожали обслуживающий персонал газокамер и крематория, состоявший из заключенных.

Судебно-медицинская экспертная комиссия в вышеназванном составе, под руководством профессора судебной медицины Люблинского католического университета Шиллинг-Сингалевича, в результате анализа многочисленных судебно-медицинских актов и вещественных доказательств установила:

«В Люблинском концентрационном лагере «Майданек» в течение всего периода его существования на протяжении четырех лет преднамеренно, в порядке продуманной системы и последовательности, проводилось массовое истребление людей, как содержащихся в лагере, так и специально привозимых в этот лагерь для истребления».

VII. ГИТЛЕРОВЦЫ ГРАБИЛИ ИМУЩЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЛАГЕРЯ

Ограбление заключенных и замученных в лагере гитлеровцы возвели в систему.

Вещественные доказательства, обнаруженные Комиссией в лагере: склад обуви расстрелянных и погибших, склад с различными вещами заключенных, а также склад, принадлежавший гестапо и находившийся по ул. Шопена в городе Люблине, свидетельствуют о том, что все награбленные вещи и имущество заключенных тщательно сортировались и направлялись в Германию.

На огромном складе обуви, обнаруженном в лагере на шестом поле, имеется обувь с фирменными марками Парижа, Вены, Брюсселя, Варшавы, Триеста, Праги, Антверпена, Амстердама, Киева, Кракова, Люблина, Львова и других городов, различных фасонов и размеров, мужская, женская, подростков, детей дошкольного возраста, солдатские сапоги, ботинки и крестьянские сапоги. Наряду с обувью в складе обнаружено большое количество разделанной обуви (отдельно подошвы, стельки, каблуки), расфасованной, уложенной в штабеля и подготовленной к отправке в Германию.

Комиссия установила, что только в «лагере уничтожения» разной детской, мужской и женской обуви замученных и погибших заключенных имеется свыше 820 000 пар.

В огромном складе гестапо на ул. Шопена в Люблине Комиссия обнаружила большие запасы различного мужского,

дамского и детского белья, а также всевозможных предметов личного обихода. Например: несколько полок с клубками шерстяных ниток для вязки, тысячи очков, десятки тысяч пар различной мужской, дамской и детской обуви, десятки тысяч мужских галстуков с марками различных городов: Парижа, Праги, Вены, Берлина, Амстердама, Брюсселя, десятки тысяч дамских поясов, часть из которых расфасована и подготовлена к отправке, купальные халаты, пижамы, ночные туфли, множество детских игрушек, соски, кисточки для бритья, ножницы, ножи и огромное количество других предметов домашнего обихода. Здесь же обнаружено множество различных чемоданов, принадлежавших советским гражданам, полякам, французам, чехам, бельгийцам, голландцам, грекам, хорватам, итальянцам, норвежцам, датчанам, а также евреям различных стран.

В этом складе Комиссия обнаружила часть делопроизводства склада, из которого видно, что склад по ул. Шопена являлся базой, где вещи сортировались и готовились к отправке в Германию.

В отношении пересылки вещей расстрелянных в лагерях имелось специальное указание следующего содержания:

«СС — главное хозяйственное
управление
начальник управления
д-конц. лаг.»

Д/1 Ац: 14Д3/От/И
Ораниенбург, 11 июля 1942 г.

Всем комендантам концентрационных лагерей

Согласно заявлению главного имперского управления безопасности из концентрационных лагерей были высланы пакеты с одеждой, главным образом в управление гестапо г. Брюнн, причем оказалось в некоторых случаях, что вещи эти были прострелены и покрыты кровью. Часть этих пакетов была повреждена, и таким образом, посторонние люди имели возможность узнать о содержании пакетов.

Ввиду того, что главное имперское управление безопасности в ближайшем времени издаст инструкцию, регулиующую вопрос об оставшихся после смерти заключенных вещах, немедленно прекратить высылку вещей до окончательного выяснения вопроса, как быть с вещами, оставшимися после казненных заключенных.

Г л ю к с,

СС бригаденфюрер и генерал-майор войск СС».

Свидетельскими показаниями военнопленных эсэсовцев, ранее работавших в «лагере уничтожения», устанавливается,

что в нем существовали организованная система грабежа личных вещей и имущества заключенных и использование имущества замученных и расстрелянных людей различными должностными лицами.

Военнопленный немец ротенфюрер Фогель, эсэсовец, на пленарном заседании Комиссии заявил:

«Я был заместителем начальника вещевого склада лагеря на Майданеке. Одежда и обувь с истребляемых заключенных здесь сортировалась, и все, что было лучшего, отправлялось в Германию. Я лично только в этом 1944 году отправил в Германию свыше 18 вагонов одежды и обуви. Я не могу точно сказать, сколько было отправлено обуви и одежды, однако я утверждаю, что одежды и обуви было очень много. То, что я отправлял, это только часть отправленного в Германию. Все это отправлялось в адрес: «Плетцензее — Берлин. Штраф-ант Штальт».

Военнопленный офицер немецкой армии оберштурмфюрер СС Тернес, как бывший финансовый ревизор лагеря, показал:

«Мне лично известно, что деньги и ценности, которые отбирались у заключенных, отправлялись в Берлин. Золото, изъятые у заключенных, отправлялось в Берлин по весу. Все это, по существу, награбленное добро составляло статью дохода немецкого государства. Золота и ценностей было отправлено в Берлин очень много. Мне все это известно потому, что я работал в этом лагере по линии финансово-ревизионной. Должен подчеркнуть, что много денег и ценностей, которые были отобраны у заключенных, совсем не приходовались, так как они разворовывались теми немцами, которые все это отбирали».

Таким образом, ограбление замученных в лагере на Майданеке, так же как и в других лагерях, составляло определенную статью дохода гитлеровских грабителей разного ранга.

* * *

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия на основе документальных материалов, опроса свидетелей и очевидцев злодеяний немцев в г. Люблине, в концентрационном лагере на Майданеке, в Люблинской тюрьме и в Кремпецком лесу, а также на основе многочисленных вещественных доказательств, обнаруженных Комиссией, и на основе материалов судебно-медицинской, технической и химической экспертиз — установила:

1. Концентрационный лагерь «Майданек», именуемый немцами «Фернихтунгслагер», то есть лагерь уничтожения, являлся местом массового уничтожения советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии и мирного гражданского населения различных стран Европы, оккупированных гитлеровской

Германией, а также временно оккупированных областей Польши и СССР.

2. В лагере «Майданек» существовал зверский режим в отношении заключенных. Методами массового уничтожения заключенных были: одиночные и массовые расстрелы и убийства, массовое и одиночное умерщвление в газокамерах, повешение, пытки, истязания и организованный голод.

В этом лагере палачи СС и гестапо проводили массовое истребление поляков, французов, голландцев, итальянцев, сербов, хорватов и лиц других национальностей, а также советских военнопленных и военнопленных бывшей польской армии, как содержащихся в заключении в этом лагере, так и специально привозимых в этот лагерь из других лагерей и мест для уничтожения.

3. Для заметания следов своей преступной деятельности гитлеровские палачи осуществляли целую систему мер, как-то: сжигание трупов заключенных на гигантских кострах в Кремпецком лесу и в лагере, сожжение в специально построенном крематории, перемальвание мелких костей, рассеивание пепла по полям и огородам, принадлежавшим гитлеровским руководителям этого лагеря, изготовление больших буртов удобрения из человеческого пепла с навозом.

Гитлеровские разбойники осуществляли целую систему ограбления замученных ими людей, обогащая как рядовых эсэсовцев и гестаповцев, так и крупных руководящих деятелей этой разбойничьей банды. Система ограбления узников этого лагеря составляла значительную доходную статью гитлеровского государства.

Польско-Советская Чрезвычайная Комиссия установила, что за четырехлетнее существование «лагеря уничтожения» Майданека гитлеровские палачи по прямому приказу своего преступного правительства истребили путем массовых расстрелов, массового умерщвления в газокамерах около полутора миллиона человек: советских военнопленных, военнопленных бывшей польской армии, граждан различных национальностей: поляков, французов, итальянцев, бельгийцев, голландцев, чехов, сербов, греков, хорватов и большую массу евреев...

Документ СССР-61

ИЗ АКТА ОСМОТРА В ГОРОДЕ ЛЬВОВЕ КОСТЕДРОБИЛКИ

29 сентября 1944 г. комиссия в составе председателя — председателя Железнодорожного райисполкома города Львова т. Крижевича и членов — главного инженера электромеханического завода № 7 капитана т. Чекалкина и главного механика завода № 7 старшего техника-лейтенанта т. Слесарева, действующая на основании постановления помоблпрокурора от 19 сентября 1944 г., произвела осмотр машины для перемола костей расстрелянных и сожженных немецко-фашистскими разбойниками мирных советских граждан. Комиссия после тщательного осмотра машины и опроса персонала, работавшего при машине, установила:

1. Машина для перемола жженой кости смонтирована по специальному заданию на площадке автотракторного прицепа. Машина легко передвигается на любое расстояние, без демонтажа ее, посредством автомобиля или какого-либо другого транспорта. Приводится в движение от мотора, смонтированного на этой же площадке, канатной передачей. Машина состоит из барабана, привода, элеватора, архимедова винта и двигателя. Барабан заводского массового производства предназначается для измельчения материалов. Он состоит из трех частей: цилиндрической и двух боковых. Цилиндрическая часть литая, чугунная, болтами прикреплена к боковинам, также литым, массивным. Боковины мертво закреплены на валу. В одном лиске имеется отверстие, в котором находится винтовая лопасть для захвата костей в полость барабана. Внутренняя часть барабана облицована стальной броней, а наружная окована мелкой сеткой. Барабан заключен в кожух, нижняя часть которого является приемным бункером помола костей. Размер барабана: диаметр внутренний 900 мм, ширина 600 мм.

Привод. На валу барабана диаметром 70 мм со стороны двигателя сидит шестерня диаметром 375 мм, которая входит в зацепление с шестерней диаметром 160 мм, сидящей на промежуточном валу вместе с четырехжелобчатым шкивом диаметром 730 мм, приводимым во вращение от двигателя.

Элеватор состоит из замкнутой цепи Галля с укрепленными на ней ковшами на расстоянии 300 мм между ними. Цепь дви-

жется между двух звездочек, укрепленных на раме элеватора. В движение цепь приводится от верхней звездочки диаметром 370 мм, сидящей на валу одновременно с другой звездочкой, соединяемой цепью Галля с звездочкой, сидящей на торцовой части вала барабана со стороны подачи костей.

Архимедов винт предназначен для подачи костной муки из бункера под барабаном к торцовой части площадки, к разгрузочному отверстию. Приводится винт в движение системой передач от вала нижней звездочки элеватора.

Двигателем является дизельный мотор мощностью приблизительно 5 лошадиных сил.

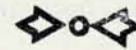
Процесс работы. Кость жженная, мелкая подается в приемную часть элеватора, откуда ковшами, укрепленными на цепи, подается в загрузочный бункер барабана. Из загрузочного бункера барабана винтовой лопастью кость захватывается в барабан. При вращении барабана кость размалывается парами (принцип паровой мельницы). Костная мука через отверстия в цилиндрической части барабана просыпается на сетку, через которую просыпается в приемный бункер. Из бункера мука архимедовым винтом подается к разгрузочному отверстию.

Кинематика машины. На валу двигателя сидит четырехжелобчатый шкив диаметром 220 мм, который трапецевидными ремнями приводит в движение шкив привода барабана диаметром 730 мм. На валу этого шкива находится малая шестерня диаметром 160 мм, которая, находясь в зацеплении с большой шестерней диаметром 375 мм, вращает барабан. На противоположном конце вала барабана закреплена звездочка, которая посредством цепи Галля вращает звездочку, сидящую на верхнем валу элеватора. На этом же валу сидит звездочка, приводящая в движение цепь элеватора. От вращения нижней звездочки элеватора системой передач вращается архимедов винт.

Машина может работать в любом выбранном месте и не требует специально подготовленного места. Перевозится установка автомобилем или каким-либо другим транспортом...

3. Машина при данных размерах имеет производительность приблизительно 3 куб. метра жженой мелкой кости в час.

4. Машина изготовлена по специальному заданию и сконструирована для перемола жженой кости в любом месте. Барабан использован общего назначения паровых мельниц. Задача конструктора заключалась в выборе типа барабана, механизации загрузки кости в барабан, а также разгрузки муки. Предусматривался компактный монтаж установки с возможностью помещения ее в любое выбранное место...

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СРЕЗАННЫХ ВОЛОС

СЕКРЕТНО
ГЛАВНОЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ СС

г. Ораниенбург, 6 августа 1942 г.

КАСАЕТСЯ: ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕЗАННЫХ ВОЛОС

Комендантам концлагерей

Арб., Ау. Бу., Да, Фло., Гр. РО.,
Маут/Гу., На., Ни., Ной.,
Рав., Сакс, Штутг., Мор.,
СС — спецлагерь Хинценрт

Начальник главного административно-хозяйственного управления СС на основании представленного ему доклада приказал, чтобы все срезанные человеческие волосы, добытые в концлагерях, были соответствующим образом использованы.

Человеческие волосы перерабатываются в промышленный войлок и пряжу. Из расчесанных и срезанных женских волос вырабатываются для команд подводных лодок ступни чулок из волосяной пряжи и для имперских железных дорог чулки из волосяного войлока.

Поэтому приказываю, чтобы волосы заключенных женщин после произведенной дезинфекции были сохранены. Стриженные волосы заключенных мужчин должны использоваться начиная с 20 мм длины.

Обергруппенфюрер СС Поль поэтому изъявил согласие, чтобы в виде опыта волосы заключенных мужчин стриглись лишь тогда, когда они по стрижке достигают 20 мм длины.

Чтобы предотвратить возможность побегов в связи с удалением волос в случаях, когда комендант найдет нужным, надо производить пометку заключенных таким образом, чтобы посредством узкой машинки посредине головы выстригалась волосяная дорожка.

Предусматривается использование волос, добытых во всех лагерях, путем учреждения особой производственной установки в одном из концлагерей.

Более точное указание по сдаче собранных волос будет дано особо.

О количестве ежемесячно собранных волос (женские волосы отдельно от мужских) должны сообщаться сюда сведения 5-го числа каждого месяца, начиная с 5 сентября 1942 г.

*Глюкс, бригаденфюрер СС
и генерал-майор войск СС*

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МАРИ КЛОД ВАЙЯН-КУТЮРЬЕ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 28 января 1946 г.]

Дюбост: С разрешения Трибунала мы перейдем к той части французского обвинения, которая является допросом свидетеля, находившегося в продолжение более трех лет в концентрационных лагерях в Германии.

Председатель (обращаясь к свидетелю): Встаньте, пожалуйста. Вы будете давать французскую присягу. Скажите Ваше имя?

Свидетель: Мари Клод Вайян-Кутюрье.

Председатель: Повторяйте за мной присягу: «Я клянусь говорить без ненависти и без страха...»

Вайян-Кутюрье: Я клянусь говорить без ненависти и без страха...

Председатель: «Клянусь говорить правду, всю правду, только правду...»

Вайян-Кутюрье: Клянусь говорить правду, всю правду, только правду...

Председатель: Поднимите правую руку и скажите: «Я клянусь в этом».

Вайян-Кутюрье: Я клянусь в этом.

Председатель: Вы можете сесть. Говорите медленно, как Вас зовут?

Вайян-Кутюрье: Вайян-Кутюрье, Мари Клод Вожель.

Дюбост: В настоящее время Вас зовут мадам Вайян-Кутюрье?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы вдова Вайян-Кутюрье?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы родились в Париже 3 ноября 1912 г.?

Вайян-Кутюрье: Да, я родилась в Париже 3 ноября 1912 г.

Дюбост: Вы француженка?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы француженка по происхождению?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: И Ваши родители тоже французы по происхождению?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы депутат Учредительного собрания?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы награждены орденом Почетного легиона?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Орден был вам вручен в «Доме инвалидов» генералом Лежантийомом?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы были арестованы и депортированы? Вы можете дать свидетельские показания?

Вайян-Кутюрье: Я была арестована 9 февраля 1942 г. французской полицией Петэна, которая шесть недель спустя передала меня в руки германских властей.

Я была привезена 20 марта в тюрьму Сантэ, находившуюся в немецком квартале. 9 июня 1942 г. я была подвергнута допросу. В конце допроса меня хотели заставить подписать заявление, которое не соответствовало тому, что я показала. Я отказалась подписать это заявление потому, что оно не соответствовало тому, что я говорила. Когда я отказалась подписать, офицер, который меня допрашивал, начал угрожать мне, и после того как я сказала, что не боюсь смерти, не боюсь расстрела, он ответил: «Но в нашем распоряжении есть еще значительно худшие средства, чем расстрел, средства, с помощью которых можно убить человека». Переводчик же добавил: «Вы не знаете, что с вами произойдет. Вас отправят в германский концентрационный лагерь, оттуда же никогда не возвращаются».

Дюбост: После этого Вас отправили в тюрьму?

Вайян-Кутюрье: Да, я была возвращена в тюрьму Сантэ, и мое пребывание в ней держали в секрете. Но тем не менее я смогла переговариваться со своими соседями по камерам через окно и перестукиваться по канализационной трубе. Я находилась в камере по соседству с камерой философа Жоржа Политцера и физика Жака Соломона, зятя профессора Ланжевена, ученика Кюри, одного из первых исследователей вопроса о расщеплении атома.

Жорж Политцер мне сообщил путем перестукивания через канализационную трубу, что во время допроса, после того как его подвергли пыткам, от него потребовали, чтобы он писал теоретические брошюры в защиту национал-социализма. Он отказался, и тогда ему заявили, что его включают в первую группу заложников, которые будут расстреляны.

Что касается Жака Соломона, то и его жестоко пытали. Потом он был брошен в карцер; он вышел из него лишь в день казни, чтобы попрощаться со своей женой, которая тоже была арестована и брошена в тюрьму Сантэ. Элен Соломон, дочь Ланжевена, рассказала мне в форту Роменвилль, куда я была переведена из тюрьмы Сантэ и где я с ней встретилась, что когда она приблизилась к своему мужу, чтобы обнять его, он застонал и проговорил: «Я не могу тебя обнять потому, что не в состоянии двинуть рукой».

Каждый раз, когда заключенные возвращались с допроса, через окна были слышны их стоны, и они говорили, что не в состоянии передвигаться.

В продолжение пяти месяцев, которые я провела в тюрьме Сантэ, оттуда неоднократно увозили на расстрел заложников.

После того как я была увезена из Сантэ, 20 августа 1942 г. меня перевели в форт Роменвилль, который был местом заключения для заложников. Дважды за время своего пребывания там, 21 августа и 22 сентября, я присутствовала при взятии заложников. Среди заложников, которые были увезены, находились мужья женщин, которые были направлены вместе со мной в Освенцим, там погибла большая часть из них. Эти женщины в большинстве случаев были арестованы лишь за деятельность их мужей, сами же они ничего не совершали.

Дюбост: Когда Вы были увезены в Освенцим?

Вайян-Кутюрье: В Освенцим меня отправили 23 января 1943 г., а прибыла я туда 27 января.

Дюбост: Вы были отправлены туда с партией заключенных?

Вайян-Кутюрье: Я входила в партию из 230 французенок. Среди нас находились Даниэль Казанова, которая погибла в Освенциме, Майя Политцер, умершая в Освенциме, и Элен Соломон. Среди нас были женщины преклонного возраста...

Дюбост: Каково было их социальное положение?

Вайян-Кутюрье: Деятели науки, преподавательницы, люди самые различные по своему социальному положению.

Дюбост: Кем была Майя Политцер?

Вайян-Кутюрье: Майя Политцер была врачом, она — жена Жоржа Политцера. Элен Соломон была женой физика Соломона, это дочь профессора Ланжевена.

Дюбост: Вы знаете профессора Ланжевена?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Кем была Даниэль Казанова?

Вайян-Кутюрье: Она была по специальности хирургом-дантистом. Это она возглавила движение Сопротивления среди женщин, находившихся в заключении.

Дюбост: Сколько из вас — из двухсот тридцати человек возвратились?

Вайян-Кутюрье: 49. Среди заключенных, входивших в эту партию, были пожилые женщины; я вспоминаю одну из них, 67 лет, арестованную за то, что она хранила на кухне охотничье ружье в память о муже; она не сообщила о ружье, так как его у нее отобрали бы. Спустя две недели после прибытия в Освенцим она умерла.

Председатель: Когда Вы сказали, что возвратились только 49 человек, Вы имели в виду, что только 49 человек прибыли в Освенцим?

Вайян-Кутюрье: Только 49 человек вернулись обратно во Францию.

Среди нас были калеки. Например, у одной певицы по профессии не было ноги. В Освенциме ее отделили от других женщин и отравили газом. Среди нас была шестнадцатилетняя девушка — лицеистка Клодин Герен, которая также умерла в Освенциме. В нашу партию входили две женщины, которых впоследствии оправдал германский военный трибунал. Их звали Мари Алонзо и Мари-Терез Флери. Они умерли в Освенциме.

Переезд происходил в исключительно тяжелых условиях. В каждом вагоне находились по 60 человек. В пути нам не давали ни еды, ни питья. Солдаты-лотарингцы, которые были мобилизованы в германскую армию и охраняли нас, когда мы начинали разговаривать с ними во время остановок, говорили: «Если бы вы знали, куда вас везут, вы бы не торопились приехать туда».

Мы прибыли в Освенцим рано утром. Наши вагоны были распломбированы, и нас выгоняли наружу ударами прикладов, для того чтобы направить в лагерь Биркенау, который входил в систему лагеря Освенцима. Лагерь Биркенау находился на большой равнине; в январе там свирепствовал мороз. Мы совершили этот переход в лагерь, неся свой багаж. После того как мы миновали ворота лагеря, мы остро почувствовали, что мало надежды выйти отсюда живыми. Мы это поняли, так как на пути нам встретилась колонна живых скелетов, колонна людей, направляющихся на работу. Мы ощутили это столь остро, что, пройдя ворота, запели «Марсельезу», чтобы придать себе мужество.

Нас направили в большой барак, затем — дезинфекционную камеру. Там нам вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев — мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную, грязную одежду: платья из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты. Поскольку это заняло много времени, мы успели

увидеть лагерь для мужчин через окно помещения, в котором мы находились. Под вечер мы увидели, что снаружи расположился оркестр. В это время шел снег, и мы спрашивали себя, почему оркестр играет. В это время появились «командо» — партии заключенных, которые возвращались с работы. Следом за каждой рабочей партией шли люди, несшие трупы. Так как люди и без того еле передвигались, их поднимали ударом сапога или приклада каждый раз, когда они падали от изнеможения.

Затем нас перевели в помещение, где мы должны были жить. Там не было кроватей. Нары были размером 2 × 2 метра, и мы без подстилок спали по девяти человек на каждых нарах; первую ночь мы провели без одеял. В таком помещении мы оставались в течение многих месяцев. Всю ночь нельзя было спать, так как каждый раз, когда один из девяти человек на нарах начинал двигаться, он беспокоил остальных, и так было постоянно, потому что все были больны и один человек беспокоил всех других, спавших на тех же нарах.

В половине четвертого раздавался грубый окрик охраны, которая нас будила и поднимала с жалкого ложа ударами дубинки на перекличку. Ничто на свете не могло освободить от переклички, даже умиравшие должны были ползком выходить на нее. По пять человек в ряду мы должны были оставаться на перекличке до того, как светало, то есть до 7 или 8 часов утра, а когда стоял туман, то мы оставались там до полудня. После этого команды приходили в движение и направлялись на работу.

Дюбост: Простите, Вы могли бы описать, как производилась перекличка?

Вайян-Кутюрье: Для переклички нас ставили по пять человек в ряд, и так мы стояли до тех пор, пока совершенно не рассветало и надсмотрщицы, то есть наша военная немецкая охрана, начинали нас считать. У них были дубинки, и направо и налево щедро наносились удары.

В числе наших подруг находилась Жермен Рено — преподавательница из Азей-ле-Ридо во Франции. На моих глазах ей во время переклички проломили череп ударом дубинки.

Работа в лагере Освенцим состояла в разборке разрушенных зданий, строительстве дорог и прежде всего в осушении болот. Осушение болот было наиболее тяжелой работой, потому что в течение всего дня приходилось работать стоя в воде и под постоянной угрозой того, что увязнешь в болоте. Постоянно приходилось вытаскивать товарищей, которые иногда по пояс погружались в болото. Во время работы нас охраняли эсэсовцы, мужчины и женщины, которые наносили удары дубинкой и натравливали на нас собак. У многих моих товарищей на ногах были следы от укусов собак. Мне пришлось видеть, как одна женщина была разорвана собаками. Она умерла на моих глазах,

в то время как эсэсовец Таубер продолжал натравливать на нее свою собаку и глумился при виде этого зрелища.

Причины смерти были весьма различны. Прежде всего она была вызвана полным отсутствием элементарных гигиенических условий. Когда мы приехали в Освенцим, на 12 тысяч заключенных был лишь один кран с водой, непригодной для питья, и эта вода не всегда бывала. Так как этот кран находился в немецкой умывальне, немцы разрешали подходить к нему лишь мимо охраны из немецких заключенных-уголовников, которые при этом нас жестоко избивали. Таким образом, было почти невозможно вымыться или выстирать свое белье. В течение более трех месяцев мы не меняли белья. Когда шел снег, мы растапливали его для того, чтобы умыться. Позже, весной, идя на работу, мы поочередно мыли руки в лужах, которые образовывались по обочинам дороги от растаявшего снега. Мы умирали от жажды, потому что только два раза в день нам выдавали четверть литра похлебки.

Дюбост: Уточните, пожалуйста, в чем состояла перекличка в начале февраля?

Вайян-Кутюрье: 5 февраля было то, что называли общей перекличкой.

Дюбост: 5 февраля какого года?

Вайян-Кутюрье: В 1943 году. В половине четвертого весь лагерь...

Дюбост: Утром?

Вайян-Кутюрье: В половине четвертого утра весь лагерь был разбужен и выведен на перекличку на равнину, тогда как обычно перекличка производилась в половине четвертого внутри лагеря. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь, поочередно один за другим, и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были слишком стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравления газом. Десять французов из нашей партии, прибывших в лагерь, были схвачены и помещены в тот же день в 25-й блок. После этого все заключенные были приведены обратно в лагерь, была сформирована колонна заключенных, в которую входила и я. Эта колонна направилась на равнину, которая напоминала поле сражения, так как ее покрывали горы трупов. Мы перенесли во двор 25-го блока как мертвых, так и умирающих, которые находились там в обстановке большой скученности.

Блок № 25, если можно так выразиться, был преддверием к смерти, он был мне хорошо известен, так как мы к тому вре-

мени были переведены в блок № 26 и наши окна выходили во двор 25-го блока. Во дворе можно было видеть горы трупов, и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел приходила в движение: это была умирающая, которая старалась выбраться из горы трупов, чтобы спастись.

Смертность в этом блоке была еще более высокой, чем в других, так как обреченным на смерть давали пить и есть лишь в тех случаях, когда оставались остатки пищи в кухонных котлах, то есть часто в течение многих дней они оставались без капли воды.

Однажды одна из моих подруг — Аннет Эпо, красивая, молодая женщина 32 лет, проходила мимо блока. Ей стало жаль этих женщин, которые кричали с утра до вечера на всех языках: «Пить, пить, пить, воды». Она возвратилась в наш блок, чтобы принести им немного похлебки, но в тот момент, когда она протягивала ее через решетку окна, надсмотрщица заметила это и, схватив Аннет Эпо за ворот, швырнула ее в 25-й блок.

Никогда в жизни я не забуду Аннет Эпо. Двумя днями спустя ее посадили в грузовик, чтобы отправить в газовую камеру. Она поддерживала старуху-француженку Лин Поршэ и, когда грузовик тронулся, закричала нам: «Если вы возвратитесь во Францию, не забудьте о моем маленьком мальчике». Потом они начали петь «Марсельезу».

Можно было видеть, как по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умирающих, у которых не было сил с ними справиться.

Другой причиной смертности или эпидемий было то, что нам давали есть в больших красных котелках, которые каждый раз прополаскивали только холодной водой. Так как все женщины были больны и не могли выйти ночью к месту, которое не подается описанию, — к канаве, где они могли отправить свои естественные потребности, — они использовали эти котелки не по назначению. На следующий день котелки собирали, выливали их содержимое в помойную яму, и днем их пускала в употребление следующая группа людей.

Другая причина смертности — положение с обувью. Кожаная обувь приходила в полную негодность через одну, две недели, так как ее носили здесь по грязи и снегу. В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны. Из страха, что обувь украдут, приходилось спать в грязных башмаках. Почти каждую ночь, в тот момент, когда нужно было выходить на перекличку, раздавался жалобный крик: «У меня украли туфли». Тогда приходилось ждать, пока все выйдут из помещения, чтобы найти что-нибудь под нарами. Иногда это были два ботинка на одну ногу или же башмак и сабо. Это могло позволить выйти на перекличку, но для работы это была дополнительная пытка, так как от этой обуви на ногах образовывались раны, ко-

Экстремированные трупы мирных граждан, казненных гитлеровцами в Яновском лагере. (Расстрел произведен в июле 1944 года, за несколько дней до освобождения Львова частями Советской Армии.)

(Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)

торые быстро растревались из-за отсутствия ухода. Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

Дюбост: Что делали с заключенными, которые выходили на переключку без обуви?

Вайян-Кутюрье: Евреек, вышедших на переключку без обуви, немедленно отправляли в 25-й блок.

Дюбост: Следовательно, их уничтожали с помощью газа?

Вайян-Кутюрье: Их уничтожали с помощью газа за то бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасно. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1500 человек, то есть значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь.

Дюбост: Не могли бы Вы дать показания относительно лазарета?

Вайян-Кутюрье: Чтобы попасть в лазарет, нужно было сперва просить об этом, каково бы ни было состояние...

Дюбост: Могли бы Вы уточнить, что за лазарет был в лагере?

Вайян-Кутюрье: Лазаретом был блок, в который помещали больных. В действительности это место не может быть названо лечебным заведением потому, что оно не соответствует тому, что принято подразумевать под этим словом. Чтобы туда попасть, надо было получить разрешение начальника блока, а это было чрезвычайно трудно. Наконец, надо было выстоять в очереди перед лазаретом, какая бы погода ни была, шел ли снег или дождь. Для того чтобы быть допущенным, приходилось выстаивать в очереди в течение многих часов даже с температурой 40°. Часто больные умирали у входа в лазарет еще до того, как они могли туда попасть. К тому же даже собираться перед лазаретом было опасно: когда там было слишком много народу, эсэсовцы хватили всех женщин, стоявших в очереди, и направляли их прямо в 25-й блок.

Дюбост: То есть они попадали в газовую камеру?

Вайян-Кутюрье: Да, в газовую камеру. Вот почему зачастую многие женщины предпочитали не ходить в лазарет и умирали на работе или во время переключки. После вечерней переключки зимой ежедневно поднимали трупы упавших в канавы.

Единственное преимущество, которое получали те, кто попал в лазарет, заключалось в том, что пребывание в нем освобождало от выхода на переключку, но там приходилось лежать в ужасных условиях, не менее четырех человек на одной кровати в метр шириной, людям, страдавшим различными заболеваниями, и это приводило к тому, что тот, кто попадал в лазарет из-за ран на ногах, заражался от соседа тифом или дизентерией. Подстилки были страшно грязны, и их меняли лишь тогда,

когда они окончательно сгнивали. На одеялах было множество вшей, которые кишели, как муравьи.

Одна из моих подруг, Маргарит Корренже, рассказывала мне, что в то время, когда она была больна тифом, она не могла спать всю ночь из-за вшей, которых она, отвернув одеяло, сбрасывала на бумагу и затем в стоявший около кровати ночной сосуд, и так ей приходилось делать целыми часами.

В лазарете не было медикаментов, больных оставляли лежать без присмотра, не создавали им гигиенических условий, не давали мыться. В продолжение многих часов живые лежали вместе с мертвыми. Когда же трупы обнаруживали, их просто вытаскивали из кроватей и сваливали перед помещением. Те, кто переносил трупы, приходили туда и перетаскивали их на небольших носилках, с которых свешивались голова и ноги трупа. С утра до вечера заключенные, перетаскивавшие трупы, курсировали между лазаретом и мертвецкой.

Во время сильных эпидемий зимой 1943/44 года, когда мертвецов было слишком много, носилки заменили повозками. Во время этих эпидемий ежедневно умирали от 200 до 350 человек.

Дюбост: Сколько людей умирали в это время?

Вайян-Кутюрье: Во время больших эпидемий тифа зимой 1943/44 года от 200 до 350 человек в день.

Дюбост: В лазарет допускали всех заключенных?

Вайян-Кутюрье: Нет. Когда мы были привезены в лагерь, еврей не разрешалось ложиться в лазарет, их прямо направляли в газовую камеру.

В Освенциме был блок, в котором производили медицинские эксперименты...

Дюбост: Не расскажете ли Вы сначала, как производилась в блоках дезинфекция?

Вайян-Кутюрье: Время от времени в связи с тем, что в помещении было невероятно грязно, а это приводило к распространению вшей, которые вызывали частые эпидемии, блоки дезинфицировали с помощью газа. Но и дезинфекция была причиной значительного числа смертных случаев, потому что в то время как блоки окуривали газом, заключенных отправляли в душевую, затем у них отбирали одежду, которую помещали в паровую дезинфекционную камеру. Заключенных заставляли дожидаться под открытым небом совершенно раздетыми, пока одежду дезинфицировали, после чего ее возвращали насквозь промокшей. Даже больных, которые не могли держаться на ногах, подвергали этой процедуре, и, конечно, очень многие из них при этом умирали. Во время дезинфекции больных, которые не могли передвигаться, мыли в тех же ваннах, что и остальных заключенных.

Дюбост: Как вас кормили?

Вайян-Кутюрье: Мы получали ежедневно 200 граммов хлеба, $\frac{3}{4}$ или $\frac{1}{2}$ литра, в зависимости от случая, жидкой похлебки, а вечером несколько граммов маргарина или кусочек колбасы. Это было питанием на день.

Дюбост: И оно было таким вне зависимости от того, какую работу приказывали заключенному выполнять?

Вайян-Кутюрье: Вне зависимости от того, какую работу было приказано выполнять заключенному. Некоторые из заключенных работали на заводах, на которых производили снаряды и гранаты. Эти заключенные получали так называемый «цулаге» — дополнительный паек в том случае, если они выполняли норму. Как и нас, этих заключенных вызывали утром и вечером на переключку, и, кроме того, они работали по 12 часов на заводе. После работы они возвращались в лагерь и путь от лагеря на завод и обратно проделывали пешком.

Дюбост: Какой это был завод, «Унион»?

Вайян-Кутюрье: Это был завод, на котором производили боеприпасы. Я не знаю, какой компании он принадлежал.

Дюбост: Там был лишь один завод?

Вайян-Кутюрье: Нет, был еще большой завод в Буне, но, поскольку я там не работала, я не знаю, что там производили. Заключенные, которых брали на завод в Буне, более не возвращались в лагерь.

Дюбост: Не могли бы Вы дать показания о медицинских экспериментах, если Вы были свидетелем их?

Вайян-Кутюрье: Говоря об опытах, я могу сказать, что видела в лазарете, в котором я работала, молодых евреек из Салоник, которые находились перед рентгеновским кабинетом, где их ожидала стерилизация. Кроме того, мне было известно, что в лагере для мужчин производили операции по кастрации. Я была в курсе медицинских экспериментов над женщинами, потому что моя подруга доктор Адэ Оваль из Монбельяра, которая возвратилась во Францию, работала в течение многих месяцев в этом блоке, ухаживала за больными, хотя всегда и отказывалась участвовать в проведении экспериментов.

Женщин подвергали стерилизации, делая впрыскивания, а также путем облучения. Я видела и знала многих женщин, которые были стерилизованы. Среди подвергавшихся операции по стерилизации была высокая смертность. Четырнадцать евреек из Франции, отказавшиеся подвергнуться стерилизации, были направлены в штрафную рабочую команду «штрафарбейт», то есть на них наложили наказание, назначив на работу.

Дюбост: Возвращались ли на родину те, кто работал в этих командах?

Вайян-Кутюрье: Редко, в виде совершенно исключительных случаев.

Дюбост: Какую цель преследовали эсэсовцы при совершении стерилизации?

Вайян-Кутюрье: Они не скрывали цели, которую преследовали, производя стерилизацию. Они говорили, что стремятся найти лучший метод стерилизации, чтобы заменить коренное население оккупированных стран немцами после того, как используют одно поколение местных жителей в качестве рабов, работающих на немцев.

Дюбост: Видели ли Вы в лазарете беременных женщин?

Вайян-Кутюрье: Да. Если еврейские женщины, попавшие в лагерь, находились на первых месяцах беременности, им делали аборт. Когда же они находились на одном из последних месяцев, то после того как они производили на свет ребенка, его топили в ведре с водой. Мне известно это, так как я работала в лазарете и знала, что этим руководила немка-акушерка, сидевшая по обвинению в уголовном преступлении — совершении аборт. Спустя некоторое время приехал новый врач, и в продолжение двух месяцев новорожденных еврейских детей перестали убивать. Но однажды из Берлина пришел приказ, в котором говорилось, что их снова следует уничтожать. Тогда матерей с детьми вызвали в лазарет, посадили на грузовики и увезли в газовую камеру.

Дюбост: Откуда Вы знаете о приказе, пришедшем из Берлина?

Вайян-Кутюрье: Потому что я была знакома с заключенными, работавшими в секретариате СС. В частности, я знаю словацкую женщину, которую звали Херта Рот и которая в настоящее время работает в отделении ЮНРРА в Братиславе.

Дюбост: Это она сообщила Вам о приказе?

Вайян-Кутюрье: Да. И, кроме того, я знала людей, которые входили в команды, работавшие в газовых камерах.

Дюбост: Вы только что говорили о еврейских матерях. Были ли в лагере матери других национальностей?

Вайян-Кутюрье: Обычно, когда женщины нееврейской национальности производили на свет детей, их не отбирали у матерей, но в связи с тем, что условия в лагере были ужасны, новорожденные редко выживали более 4—5 недель.

В лагере был блок, в котором находились польские и русские матери. Однажды русских обвинили в том, что они производят слишком большой шум. Их вызвали на перекличку и заставили целый день стоять перед своим блоком с детьми, совершенно раздетыми, в продолжение всего дня.

Дюбост: Какой дисциплинарный режим был установлен в лагере? Кто обеспечивал надзор и дисциплину? Каковы были меры наказания?

Вайян-Кутюрье: В целях ограничения своего персонала эсэсовцы использовали обычно заключенных для надзора в лагере. Сами же эсэсовцы осуществляли лишь верховный надзор. Эти заключенные были взяты из числа преступников или проституток-немок или иногда иной национальности. В большинстве случаев это были немки. С помощью коррупции и терроризирования их превратили в животных существа. Заключенные страдали от их действий не в меньшей степени, чем от действий самих эсэсовцев. Они били так же, как били эсэсовцы, мужчины вели себя так же, как женщины, а женщины были столь же жестоки, как и мужчины. Между ними не было различия.

Используя изощренную систему для того, чтобы максимально принизить человеческие существа, эсэсовцы терроризировали их и с помощью террора принуждали совершать поступки, которые должны были заставить их краснеть за самих себя; эта система привела к тому, что они не являлись более человеческими существами. Вот к чему стремились эсэсовцы. И требовалось невероятное мужество, чтобы противостоять этой атмосфере коррупции и террора.

Дюбост: Кто налагал наказания?

Вайян-Кутюрье: Командиры СС — мужчины и женщины.

Дюбост: В чем состояло наказание?

Вайян-Кутюрье: В зверских телесных наказаниях. В частности, одним из наиболее употребительных наказаний было 50 ударов палкой по поясице, которые производились специальной машиной. Эту машину я видела. Она состояла из системы балансов, приводимых в движение эсэсовцами. Кроме этого, были бесконечные вызовы днем и ночью на перекличку или гимнастические упражнения: ложиться плашмя — вставать, ложиться плашмя — вставать, и так в течение нескольких часов. Тех, кто падал, осыпали ударами и направляли в 25-й блок.

Дюбост: Как обращались эсэсовцы с женщинами? Я имею в виду также и женщин СС.

Вайян-Кутюрье: В лагере Освенцим был дом терпимости для эсэсовцев и также для заключенных, занимавших определенные должности. Таких заключенных называли «капо».

Кроме того, когда эсэсовцам была нужна прислуга, они приходили в сопровождении «оберауфзеерин», то есть начальницы лагеря, и в то время, когда производилась дезинфекция, указывали на молоденькую девушку, которую начальница вызывала из рядов. Они осматривали ее, и если она была красивой и нравилась им, хвалили ее физические достоинства и с согласия «оберауфзеерин», которая говорила, что отобранная должна

выражать полное послушание и делать все, что от нее требуют, брали ее в качестве служанки.

Дюбост: Почему они приходили в то время, когда производилась дезинфекция?

Вайян-Кутюрье: Потому, что во время дезинфекции женщины были раздеты.

Дюбост: Эта система коррупции и морального разложения была исключением?

Вайян-Кутюрье: Нет, эта система была во всех лагерях, где я находилась. Та же система существовала и в тех лагерях, в которые меня не помещали. Об этом я узнала из разговора с прибывшими из этих лагерей. Система была совершенно одинакова во всех лагерях. Я думала, что Освенцим был одним из лагерей с наиболее суровым режимом, но затем меня направили в Равенсбрюк, и там также был дом терпимости, в который также набирали женщин из числа заключенных.

Дюбост: Из того, что Вы сказали, следует, что были использованы все возможные средства для того, чтобы принизить заключенных в их собственных глазах?

Вайян-Кутюрье: Да.

Дюбост: Вы знаете, что было с партией евреев, которая почти одновременно с Вами прибыла из форта Роменвилль?

Вайян-Кутюрье: Когда мы выехали из форта Роменвилль, находившиеся там еврейки продолжали там оставаться. Затем их отправили в направлении Дранси, и мы вновь встретились с ними в Освенциме спустя три недели после нашего приезда туда. Из общего их числа в 1200 человек в лагерь попали 125 человек, остальных немедленно по прибытии отравили газом. Месяц спустя из этих 125 евреев в живых осталась только одна.

Прием прибывающих в лагерь производился следующим образом. Вначале, когда мы только попали в лагерь, когда прибывала партия евреев, прежде всего производился отбор стариков и старух, матерей и детей, а также больных и слабых на вид. Их погружали на грузовики. Оставляли только молодых женщин, девушек и молодых людей. Последних отправляли в лагерь для мужчин.

Обычно из прибывавших партий от 1000 до 1500 человек в лагерь попадало не более 250 человек, самое большее 250. Остальных тут же отправляли в газовую камеру.

Так же производился отбор здоровых женщин 20—30 лет, которых отправляли в блок, где производились медицинские эксперименты, а женщин более старшего возраста, а также тех девушек, которых не использовали в указанных целях, все же направляли в лагерь, предварительно обрив и вытатуировав клеймо.

Весной 1944 года был организован блок для близнецов. Это было в то время, когда прибыла колоссальная партия венгерских евреев; их было приблизительно 700 тысяч. Доктор Менгеле, который производил эксперименты, отбирал во всех прибывших партиях близнецов. Он руководствовался желанием получить обоих близнецов, вне зависимости от того, какого они были возраста. Поэтому в этом блоке находились и маленькие дети и подростки. Я не знаю, что с ними делали, помимо того, что у них брали кровь и производили их измерение.

Дюбост: Были ли Вы очевидцем отбора, который производился по прибытии партии заключенных?

Вайян-Кутюрье: Да, так как в то время, когда мы работали в блоке, который был пошивочной мастерской, блоке № 44, а блок, в котором мы тогда жили, был перед тем местом, куда прибывали составы, в систему приема прибывающих партий было внесено усовершенствование: вместо того чтобы производить отбор на платформе, состав подвели по запасному пути почти к самой газовой камере. Он останавливался в 100 метрах от газовой камеры, как раз перед нашим блоком, который, конечно, отделяло два ряда колючей проволоки. Таким образом, мы видели, как распломбировывали вагоны, как солдаты выводили из них женщин, детей и мужчин. Мы присутствовали при душераздирающих сценах, видя, как разъединяли пожилые супружеские пары, как матерей понуждали оставлять своих юных дочерей, так как те попадали в лагерь, в то время как матерей и маленьких детей направляли в газовую камеру. Все эти люди не знали, какая участь им была уготована. Они находились в состоянии растерянности, потому что их отделяли друг от друга, но они не знали, что их ведут на смерть.

Чтобы разрядить атмосферу приема, в ту пору, то есть в июне — июле 1944 года, во время отбора после прибытия состава оркестр из молодых красивых заключенных, одетых в белые блузки и синие матросские юбки, играл веселые арии из оперетты «Веселая вдова», баркаролу из «Сказок Гофмана» и т. д. Прибывшим говорили, поскольку они не попадали внутрь лагеря и видели лишь небольшую, окруженную зеленью платформу, на которой играл оркестр, что это — трудовой лагерь. Конечно, они не могли представить себе, что их ожидает. Тех, кто был отобран для отравления газом, то есть стариков, детей и матерей, направляли в здание из красного кирпича.

Дюбост: Производили ли перепись этих людей?

Вайян-Кутюрье: Нет.

Дюбост: На них не ставили клейма?

Вайян-Кутюрье: Нет, их даже не считали.

Дюбост: На Вас было сделано клеймо?

Вайян-Кутюрье: Да. (Свидетель показывает Суду клеймо на руке.) Отобранных направляли в здание из красного кирпича, на котором имелась надпись «бад», то есть «баня». Там их вначале заставляли раздеться и прежде, чем направить в так называемую душевую, им выдавали полотенца. Но в дальнейшем, когда стали прибывать большие партии из Венгрии, более не было времени для того, чтобы разыгрывать представление и мистифицировать заключенных. С них безжалостно срывали одежду. Мне известны эти подробности потому, что я была знакома с молоденькой французской еврейкой, которая жила со своей семьей во Французской Республике...

Маленькая Мари была единственным членом семьи в девять человек, который выжил. По прибытии в лагерь ее мать и семь братьев и сестер были отравлены газом. Когда я с ней познакомилась, ей было приказано раздевать детей перед тем, как они попадали в газовую камеру. После того как люди раздевались, их заставляли пройти в помещение, которое внешне напоминало душевую. Через пробой в потолке в это помещение кидали капсулы с газом. Один из эсэсовцев наблюдал через глазок за тем действием, которое оказывал газ. Спустя пять-шесть минут после того как газ сделал свое дело, этот эсэсовец подавал знак для того, чтобы открыли двери, и люди в газовых масках (это были заключенные) проникали в помещение и вытаскивали тела. Они нам рассказывали, что заключенные испытывали перед смертью сильные мучения, о чем свидетельствует то, что несколько тел были сцеплены друг с другом, и стояло большого труда их разъединить.

После этого приходила команда, которая занималась тем, что вырывала золотые коронки и снимала искусственные челюсти, и уже после того, как тела были превращены в пепел, его просеивали снова в поисках золота.

В Освенциме было восемь кремационных печей. Но с 1944 года этого количества стало недостаточно. Эсэсовцы заставили заключенных вырыть колоссальные рвы, в которых устанавливали перекрестные перекрытия. Их обливали бензином и поджигали. Трупы сбрасывали в эти рвы.

Мы видели из нашего блока, как спустя примерно $\frac{3}{4}$ часа или час после прибытия партии заключенных из печей крематория начинали вырываться большие языки пламени и на небе возникало зарево от огня, поднимавшегося над рвами.

Однажды ночью мы были разбужены страшным криком, и на следующее утро мы узнали от людей, которые работали в «зондеркомандо» (команде, работавшей при газовой камере), что накануне не было достаточно газа и еще живых детей бросали в топки кремационных печей.

Дюбост: Не могли бы Вы сообщить об отборе, который производился перед наступлением зимы?

Вайян-Кутюрье: Ежегодно, в конце осени в лазарете производили большой отбор. Видимо, это протекало в соответствии с определенной системой. Я говорю это потому, что могу делать выводы за тот период, который я находилась в Освенциме, и такие же выводы были сделаны теми, кто находился в лагере более длительный срок, чем я.

Весной во всей Европе производили облавы на мужчин и женщин, которых отправляли в Освенцим. В живых оставляли лишь тех, у которых было достаточно сил для того, чтобы работать в течение лета. Конечно, в течение этого периода люди умирали ежедневно, но наиболее сильные, которым удавалось продержаться шесть месяцев, как, например я, настолько ослабевали, что в конце концов попадали в лазарет. Тогда-то осенью и производили большой отбор, чтобы не кормить зимой лишние рты. Всех женщин, которые были наиболее истощены, отправляли в газовую камеру, как и тех, кто болел довольно продолжительный срок. Евреек травили газом почти без всякого повода. Так, отравили евреек, находившихся в блоке для чесоточных, хотя каждому известно, что от чесотки можно вылечить при достаточном уходе за три дня. Я вспоминаю, что из 500 больных тифом, находившихся в блоке для выздоравливающих, 450 было отправлено в газовую камеру.

В рождество 1944, нет 1943 года, в рождество 1943 года, когда мы находились в карантине, помещавшемся перед блоком № 25; мы видели, как совершенно раздетых женщин привозили в этот блок. Затем прибывали грузовики, которые не были покрыты брезентом, и на них погружали этих совершенно раздетых женщин в таком количестве, в каком грузовики могли их вместить. Затем каждый раз, когда грузовик трогался с места, заслуживший известность Гесслер, осужденный впоследствии на Люнебургском процессе, бежал за грузовиком и наносил этим раздетым, идущим на смерть женщинам двойной удар своей дубинкой. Женщины знали, что их везут в газовую камеру, и пытались вырваться. Их избивали жесточайшим образом. Они пытались выпрыгнуть из грузовика, и из нашего блока мы видели, как проезжали грузовики, и слышали страшные крики этих раздетых женщин, которые ехали, зная, что они будут отравлены газом. Многие из них могли бы свободно выжить, так как у них была лишь чесотка или небольшое истощение.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, Вы сообщили нам, что стояло угоняемым сойти с поезда, как их, даже не пересчитав, отправляли в газовую камеру. Что делали с их одеждой и их багажом?

Вайян-Кутюрье: Что касается евреев, то вопрос о них должен быть рассмотрен отдельно, потому что лица нееврейского происхождения сами должны были нести свой багаж в блоки, где его сортировали. Евреи должны были по прибытии оставлять все свои вещи на перроне. До того как их пропускали, им приказывали раздеться, и их одежда и прочие вещи, которые они с собой привозили, — все это оставалось на перроне, а затем направлялось в большие бараки, где производила разборку вещей команда, которую называли «Канада». В бараках вещи сортировали и отправляли в Германию. Там были всевозможные предметы: драгоценности, меховые манто и т. д.

Так как в Освенциме евреев отправляли целыми семьями, говоря им, что это нечто вроде гетто и поэтому они должны брать с собой все, что у них имеется, они привозили с собой значительные драгоценности. Я вспоминаю, что когда прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя — Вальдзее, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились: у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда». Я лично видела такие почтовые открытки, и писари в каждом блоке получали приказ раздавать их заключенным, чтобы те отправляли их своим семьям; мне известно, что такие случаи имели место в Греции, и я не знаю, применяли ли этот метод в других местах, но в Греции (как и в Словакии) целые семьи приходили в бюро по вербовке в Салониках, изъявляя желание присоединиться к своим родным. Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца.

Дюбост: Могли бы Вы дать показания с лагеря для цыган?

Вайян-Кутюрье: Рядом с нашим лагерем находились на расстоянии трех метров два лагеря, отделенные колючей проволокой. В одном из этих лагерей находились цыгане, которые в 1944 году, примерно в августе, были все отравлены газом. Там были цыгане из всех европейских государств, в том числе и из Германии. По другую сторону от нашего лагеря находился так называемый лагерь для семей. В него были помещены евреи из Терезиенштадта (из гетто в Терезиенштадте), которые в отличие от нас не были выбриты, не носили вытатуированные клейма. У них оставили их одежду, они не работали. Так они прожили шесть месяцев, а спустя шесть месяцев все обитатели этого лагеря были отравлены газом. В лагере было около 6—7 тысяч евреев. Через несколько дней из Терезиенштадта прибыли новые значительные партии евреев, они

также были привезены целыми семьями, и шесть месяцев спустя их всех, как и первую партию, отравили газом.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, не могли бы Вы дополнительно показать о том, что Вы увидели перед самой отправкой из этого лагеря и при каких обстоятельствах Вас из него увезли?

Вайян-Кутюрье: В 1943 году перед тем, как мы были увезены из Освенцима, нас поместили в карантин.

Дюбост: Когда это было?

Вайян-Кутюрье: Мы пробыли в карантине в течение 10 месяцев: с 15 июля 1943 г. по май 1944 года. Затем мы были возвращены на два месяца в лагерь, после чего нас отправили в Равенсбрюк.

Дюбост: Среди вас были только француженки из вашей партии, которые остались в живых?

Вайян-Кутюрье: Да, это были только француженки, оставшиеся в живых из нашей партии. От прибывших из Франции примерно в июле 1944 года евреек мы узнали, что лондонское радио сообщило о нашей партии заключенных, причем были упомянуты Майя Политцер, Даниэль Казанова, Элен Солломон и я. Мы узнали, что после этого из Берлина был отдан приказ поместить француженок, входивших в эту партию заключенных, в лучшие условия, нежели остальных заключенных. Так мы попали в карантин. Это был блок, находившийся перед лагерем по другую сторону колючей проволоки. Я должна сказать, что мы — 49 человек, которые остались в живых, обязаны жизнью этому карантину, так как через четыре месяца после нашего прибытия в лагерь нас осталось лишь 52 человека. Поэтому, несомненно, мы не смогли бы перенести 18 месяцев лагерной жизни, если бы десять месяцев не провели в карантине. Карантин этот был создан в связи с тем, что в Освенциме свирепствовал сыпной тиф. Поэтому для того чтобы выйти на свободу или быть переведенным в другой лагерь или же для того чтобы предстать перед судом, надо было предварительно пробыть в течение двух недель в карантине, так как две недели длится инкубационный период при заболевании сыпным тифом.

Также в тех случаях, когда приходили бумаги, в которых говорилось о возможном освобождении какого-либо заключенного, его отправляли в карантин, где он находился до тех пор, пока приказ о его освобождении не был подписан. Иногда это длилось в течение многих месяцев. Минимальный срок пребывания там был две недели.

В течение этого периода проводилась политика освобождения уголовников и антиобщественных германских элементов в целях направления их в качестве рабочей силы на германские

заводы. Поэтому невозможно себе представить, чтобы во всей Германии могло быть неизвестно, что существуют концлагеря, могло быть неизвестно, что в этих лагерях происходит, потому что трудно предположить, что все женщины, возвращавшиеся из этих лагерей, никогда о них не рассказывали. Кроме того, на заводах, на которых работали заключенные, были «форарбейтериннен», то есть немки-мастера — гражданские лица, которые общались с заключенными и могли с ними разговаривать. «Ауфзеериннен», работавшие в Освенциме, приехали на заводы Сименса в Равенсбрюке, чтобы работать на той же должности. Они работали прежде в качестве работниц по вольному найму на заводах Сименса в Берлине, и в Равенсбрюке они встретились с мастерами-немками, которых знали по Берлину. При нас они рассказывали последним о том, что увидели в Освенциме. Поэтому нельзя предположить, что в Германии не знали о том, что происходит в концентрационных лагерях.

Когда мы оставляли лагерь Освенцим, мы не верили самим себе, и у нас сжимались сердца при виде того, что из всех нас, то есть из общего числа 230, когда мы прибыли туда 18 месяцами ранее, осталась маленькая группа в 49 человек. Мы испытывали такое чувство, как будто мы оставляем ад, и впервые у нас зародилась надежда на то, что мы выживем и вновь увидим мир.

Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, куда Вас затем отправили?

Вайян-Кутюрье: Из Освенцима нас отправили в лагерь в Равенсбрюке. Там нас поместили в блок «НН», то есть «Нахт унд Небель», что означает «секретный блок». В этом блоке вместе с нами находились польские женщины; некоторых называли «кроликами», потому что их использовали в качестве подопытных существ. Из партий польских женщин отбирали здоровых девушек со стройными ногами и производили над ними операции: у одних удаляли из ноги часть кости, другим делали впрыскивания, для чего именно, я не знаю. Среди подвергавшихся операциям была большая смертность.

Тех, кто отказывался идти в лазарет, где им должны были производить операцию, силой отправляли в карцер, где их оперировал приехавший из Берлина профессор. Он производил операции в военной форме, не принимая никаких антисептических предосторожностей, не надевая халата, и не вымыв рук. Среди этих «кроликов» были такие, которым удалось выжить, и они испытывают страшные страдания до настоящего времени.

Дюбост: Ставили ли на заключенных по их прибытии в лагерь клеймо?

Вайян-Кутюрье: Нет. В лагере в Равенсбрюке клейма не вытатуировывали, но подвергали гинекологическому осмотру,

и так как при этом не принимали никаких предосторожностей, пользовались одними и теми же инструментами, это приводило к распространению заболеваний; причем следует учесть, что уголовные и политические заключенные находились вместе.

В блоке № 32, в котором мы находились, были также русские военнопленные, которые отказались работать добровольно на заводах по производству боеприпасов. В связи с этим они были помещены в лагерь в Равенсбрюке. Поскольку они продолжали отказываться работать, их подвергали всяческим преследованиям: заставляли стоять целый день перед бараком, не давая пищи. Часть из них потом была отправлена в Барт, другая была использована при переноске ведер. В «штрафблоке» и «бункере» также были помещены заключенные, которые отказались работать на военных предприятиях.

Дюбост: Вы имеете в виду тюрьмы лагеря?

Вайян-Кутюрье: Да, тюрьмы лагеря. Впрочем, тюрьма лагеря, я ее посетила, была гражданской тюрьмой, настоящей тюрьмой.

Дюбост: Сколько французов было в лагере?

Вайян-Кутюрье: От 8 до 10 тысяч.

Дюбост: Каково общее число женщин, которые там находились?

Вайян-Кутюрье: К моменту освобождения, в соответствии со списками, общее число равнялось 105 тысячам с лишним.

В лагере производили и казни. Утром на переключке вызывали по номерам, после этого женщин направляли в комендатуру, и их больше не видели. Спустя несколько дней их одежду помещали в вещевой склад — «эффектенкаммер», где хранили вещи заключенных.

Дюбост: Вся система содержания в лагере была такой же, как в Освенциме?

Вайян-Кутюрье: В Освенциме преследовалась совершенно определенная цель — уничтожение. Производительность труда заключенных не представляла интереса. Их убивали без всякой причины. Было достаточно заставить их стоять на ногах с утра до вечера, что же касается того, носят заключенные один или десять кирпичей, этому не придавали значения. Там полностью отдавали себе отчет в том, что людей — человеческий материал — использовали как рабов, чтобы заставить их умереть. Это и было целью, тогда как в Равенсбрюке вопрос о производительности труда играл большую роль. Это был распределительный лагерь. Когда в лагерь прибывали партии заключенных, их спешно направляли либо на предприятия по производству боеприпасов, либо на пороховые заводы, либо на

строительство аэродромов, а в последнее время на рытье окопов. Отправка на заводы производилась следующим образом: промышленники, или мастера, или же уполномоченные ими лица сами приходили в лагерь в сопровождении эсэсовцев, чтобы произвести отбор. Создавалось впечатление невольничьего рынка: шупали мускулы, изучали выражение лица, после чего останавливались в своем выборе на ком-либо. Затем отобранные проходили в раздетом виде перед врачом, и тот принимал решение, могут или не могут они работать на заводе. В последнее время врачебный осмотр был только проформой, так как брали кого бы то ни было.

Работа была непосильная, особенно потому, что не хватало пищи и было мало времени для сна, то есть приходилось напряженно работать по 12 часов и утром и вечером выходить на переключку. В самом Равенсбрюке был завод Сименса, где производилось телефонное оборудование и радиоаппаратура для самолетов.

Кроме того, внутри самого лагеря находились мастерские по производству камуфляжа, военного обмундирования и всевозможных предметов, используемых солдатами...

Дюбост: Сможете ли Вы сообщить Суду, в каком состоянии находился в момент освобождения лагерь, в котором содержались мужчины, и сколько осталось в живых?

Вайян-Кутюрье: Когда немцы покинули лагерь, они оставили в нем 2 тысячи больных и некоторое число добровольцев, в том числе и меня, для того, чтобы ухаживать за больными. Нас оставили без воды и без света. К счастью, на другой день прибыли русские. Таким образом, мы смогли отправиться в лагерь, где помещались мужчины, и там мы увидели неопишное зрелище. В течение пяти дней у заключенных не было воды. В лагере находились 800 человек тяжелобольных, три врача и семь медсестер, которые не успевали выносить мертвых из помещений, в которых лежали больные. Благодаря содействию Красной Армии мы смогли перевезти этих больных в чистые блоки, оказать им необходимую помощь и накормить их. К сожалению, я могу назвать лишь число французов. Когда мы прибыли в лагерь, в нем находились 400 французов, но только 150 вернулись во Францию. Что касается остальных, то было слишком поздно, несмотря на оказанную им помощь...

Дюбост: Присутствовали ли Вы при казнях, и при каких обстоятельствах они совершались в лагере?

Вайян-Кутюрье: Я не присутствовала при казнях. Я знаю лишь, что последняя казнь имела место 22 апреля, за неделю до прихода Красной Армии. Как я уже говорила, заключенных отправляли в комендатуру, затем возвращалась только их одежда, а их карточки вынимали из картотеки.

Дюбост: Являлось ли положение в этом лагере исключением, или Вы полагаете, что такова была система?

Вайян-Кутюрье: Трудно дать точное представление о концентрационных лагерях, когда лично сам в них не бываешь, так как можно только привести примеры зверского обращения, но невозможно дать почувствовать это медленное, монотонное существование. Когда спрашивают, что являлось самым ужасным, невозможно на это ответить, так как все было ужасным: ужасно умирать от голода, от жажды, быть больным, видеть, как умирают вокруг товарищи по заключению и не иметь возможности что-либо сделать. Ужасно думать о своих детях, о своей стране, которых никогда больше не увидишь. Иногда наступали такие моменты, когда мы сомневались, не кошмар ли это, так эта жизнь нам казалась по своему ужасу нереальной.

В течение месяцев и годов у нас было одно желание: чтобы несколько из нас остались в живых и мы рассказали всему миру о том, что такое нацистская каторга. Так было всюду: в Освенциме и в Равенсбрюке. А те, которые были в других лагерях, рассказывают то же самое: всюду систематически проявлялась беспощадная воля к тому, чтобы использовать людей в качестве рабов и, когда они больше не в состоянии работать, убивать их.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РУДОЛЬФА ГЕССА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 15 апреля 1946 г.]

*Кауфман*¹: С разрешения Трибунала я вызываю свидетеля Рудольфа Гесса. (Свидетель занимает свое место.)

Председатель: Встаньте. Назовите свое имя.

Свидетель: Рудольф Франц Фердинанд Гесс.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги:

«Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю».

(Свидетель повторяет присягу.)

Садитесь.

Кауфман: Свидетель, ваши показания будут иметь большое значение. Вы, вероятно, единственный человек, который может пролить свет на еще неизвестные факты и показать, кто давал приказы об уничтожении евреев, проживающих в Европе, какие эти приказы и в какой степени их выполнение было секретным.

Председатель: Доктор Кауфман, задавайте, пожалуйста, свидетелю вопросы.

Кауфман: Вы с 1940 года по 1943 год были начальником лагеря Освенцим?

Гесс: Так точно.

Кауфман: За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены? Это правда?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правда ли, что вы сами не имеете точных записей о количестве этих жертв, так как вам запрещали делать подобные записи?

Гесс: Да, это правда.

Кауфман: Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому была поручена организация этого дела и сбор людей?

¹ Кауфман — защитник подсудимого Кальтенбруннера, — Составитель.

Гесс: Так точно.

Кауфман: Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Мужчин, женщин и детей?

Гесс: Да.

Кауфман: Вы участвовали в мировой войне?

Гесс: Так точно.

Кауфман: В 1922 году вы вступили в нацистскую партию?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Вы были членом СС?

Гесс: С 1934 года.

Кауфман: Правильно ли, что в 1924 году вы были осуждены к довольно продолжительному заключению за участие в убийстве?

Гесс: Так точно.

Кауфман: В конце 1934 года вы попали в концентрационный лагерь в Дахау?

Гесс: Так точно.

Кауфман: Какие задачи у вас были там?

Гесс: Сначала я был руководителем блока заключенных, затем вел учет заключенных и, наконец, был хранителем их имущества.

Кауфман: Как долго вы были там?

Гесс: До 1938 года.

Кауфман: Где вы были с 1938 года? Какие должности вы занимали?

Гесс: В 1938 году я попал в лагерь Саксенхаузен, где сперва я был адъютантом начальника лагеря, а затем начальником лагеря, в котором сидели лица, находившиеся в превентивном заключении.

Кауфман: Когда вы были начальником лагеря в Освенциме?

Гесс: Я был начальником лагеря в Освенциме с мая 1940 года по 1 декабря 1943 г.

Кауфман: Сколько заключенных было в Освенциме при предельной наполненности лагеря?

Гесс: Максимально в Освенциме было приблизительно 140 тысяч заключенных мужчин и женщин.

Кауфман: Правильно ли, что в 1941 году вы были приглашены в Берлин к Гиммлеру? Расскажите краткое содержание вашей беседы?

Гесс: Хорошо. Летом 1941 года я был приглашен лично рейхсфюрером СС Гиммлером в Берлин. Я не могу дословно повторить, что он мне говорил, но смысл его слов был таков:

фюрер приказал окончательно разрешить еврейский вопрос. Мы, то есть СС, должны провести этот приказ в жизнь. Если теперь, в данное время, мы не сделаем этого, то позднее еврейский народ уничтожит немецкий народ. Он сказал, что он выбрал Освенцим потому, что он расположен наиболее удобно в смысле подвоза людей по железной дороге, и потому, что на этой местности легко установить заграждения.

Кауфман: На этом совещании Гиммлер сказал вам, что вся кампания является «тайным государственным делом»?

Гесс: Да, на это он обратил мое внимание особо. Он сказал, что даже своему непосредственному начальнику Глюксу я не должен ничего говорить об этом. Настоящее совещание касается лишь нас обоих, и я должен хранить полное молчание по отношению ко всем остальным людям.

Кауфман: Какую должность занимал Глюкс, которого вы только что назвали?

Гесс: Группенфюрер Глюкс был инспектором концентрационных лагерей и подчинялся непосредственно рейхсфюреру.

Кауфман: Название «тайное государственное дело» означает, что знающий что-либо о нем ни одним намеком не может о нем рассказывать, не подвергая свою жизнь опасности?

Гесс: Да. Это означает, что человек, знающий что-либо о нем, не должен говорить об этом ни с кем другим и что он отвечает своей головой за то, чтобы никто не знал о нем.

Кауфман: Скажите, вы нарушили когда-нибудь это возложенное на вас обязательство, рассказав об этом кому-нибудь?

Гесс: Нет, до конца 1942 года я никому ничего об этом не говорил.

Кауфман: Почему вы называете именно эту дату? После вы говорили что-нибудь какому-либо третьему лицу?

Гесс: В конце 1942 года тогдашний гаулейтер Верхней Силезии своими замечаниями обратил внимание моей жены на то, что делается в моем лагере. Позже моя жена спросила меня, соответствует ли это действительности, и я ответил ей утвердительно.

Это единственное нарушение обещания, которое я дал рейхсфюреру. Больше я никому ничего не говорил.

Кауфман: Когда вы познакомились с Эйхманом?

Гесс: С Эйхманом я познакомился примерно через четыре недели после того, как я получил приказ рейхсфюрера. Эйхман приехал в Освенцим, чтобы обсудить со мной порядок выполнения этого приказа. Как рейхсфюрер сказал мне во время нашей беседы, он поручил Эйхману обсудить его со мной. Все остальные указания я получал от него, от Эйхмана.

Кауфман: Опишите кратко, правильно ли, что лагеря в Освенциме были совершенно изолированы? Какие меры были

приняты для того, чтобы держать в строжайшем секрете проведение возложенной на вас задачи?

Гесс: Лагерь Освенцим как таковой находился в трех километрах от города. В округе на 20 тысяч моргенов все население должно было покинуть свое местожительство. На всю эту территорию разрешалось вступать лишь эсэсовцам, гражданские служащие имели специальные пропуска. Лагерь Биркенау, превращенный после в лагерь уничтожения, находился от Освенцима на расстоянии двух километров. Самые сооружения лагеря, использовавшиеся вначале, находились в лесу, были хорошо замаскированы и издали совершенно незаметны. Кроме того, зона была объявлена запретной, и даже члены СС, которые не имели специальных пропусков, не могли проходить на нее. Таким образом, никто, кроме уже указанных лиц, не имел возможности вступать на эту территорию.

Кауфман: Иногда прибывали железнодорожные эшелоны. Через какие промежутки времени они прибывали и сколько примерно людей находилось каждый раз в таком эшелоне?

Гесс: До 1944 года соответствующие кампании проводились в разных странах в разное время, так что нельзя говорить о систематическом поступлении людей в лагерь. В течение примерно 4—6 недель ежедневно прибывало 2—3 эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый. Сперва эшелоны переводились на запасный путь у Биркенау. Паровоз, доставлявший эти эшелоны, отправлялся обратно. Охрана, сопровождавшая эшелоны, должна была сейчас же покинуть эту область, а заключенные, приехавшие с эшелоном, принимались охраной лагеря. Затем два эсэсовских врача определяли их трудоспособность. Трудоспособные заключенные шли в Освенцим или в Биркенау; нетрудоспособные доставлялись сначала во временные помещения, о которых выше шла речь, а затем — в новоотстроенный крематорий.

Кауфман: На недавно проведенном мной допросе вы заявили, что приблизительно 60 человек были назначены для приемки этих эшелонов и что эти 60 человек были обязаны соблюдать тайну так, как это было описано ранее. Вы подтверждаете это?

Гесс: Так точно. Эти 60 человек должны были быть всегда готовыми направлять нетрудоспособных заключенных в построенные сооружения. Они, а также и еще около десяти младших командиров и командиров, врачей и санитаров несколько раз письменно и устно подтверждали свое обязательство держать в строжайшем секрете все, что происходило в лагере.

Кауфман: Мог посторонний человек, наблюдавший прибывавшие эшелоны, подумать, что люди, находящиеся в них, предназначены для уничтожения, или такая возможность была

невелика уже потому, что в Освенциме было очень большое движение эшелонов, подвозились материалы и т. д.?

Гесс: Так точно. Наблюдатель, который не ставил себе специальной цели наблюдения за эшелонами, не мог составить себе общей картины, так как прибывали не только эшелоны с новыми заключенными, которые использовались в лагере. Довольно большое количество эшелонов уезжало из лагеря с трудоспособными или предназначенными для обмена заключенными. Двери товарных вагонов были плотно закрыты, так что наблюдатель не мог видеть находившихся там людей. Кроме того, каждый день в лагерь прибывало до 100 вагонов с материалами, продуктами питания и пр., и, с другой стороны, они увозили военную продукцию, изготовленную в мастерских лагеря.

Кауфман: Правильно ли то, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снимать с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

Гесс: Да.

Кауфман: И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

Гесс: Да.

Кауфман: Скажите мне, руководствуясь вашим опытом, знали эти люди о том, что их ожидало?

Гесс: В большинстве случаев они ничего не знали, то есть принимались меры в том направлении, чтобы не посеять в них сомнения и не вызвать подозрения, что им предстоит смерть. Например, на дверях и стенах были развешены объявления, которые указывали на то, что заключенным предстоит пройти процедуру дезинсекции или санитарной обработки в бане. Это объявляли заключенным на нескольких языках через других заключенных, которые прибыли с прежними эшелонами и при выполнении всей акции работали в качестве подручных.

Кауфман: Смерть наступала через 3—15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?

Гесс: Да, так точно.

Кауфман: Затем вы мне говорили, что до наступления смерти жертвы теряли сознание?

Гесс: Да. Как мне удалось установить благодаря своим собственным наблюдениям или через врачей, в зависимости от температуры и количества людей, находящихся в камерах, срок наступления потери сознания или смерти был очень различен. Люди теряли сознание через несколько секунд или минут.

Кауфман: Вы сами имеете семью и детей, у вас когда-нибудь была жалость к этим жертвам?

Гесс: Да.

Кауфман: Но почему вы все-таки проводили это?

Гесс: При всех тех сомнениях, которые у меня возникали, единственным руководящим началом оставался обязательный приказ рейхсфюрера Гимmlера и данное им обоснование этого приказа.

Кауфман: Я спрашиваю вас: осматривал Гимmlер лагерь и убеждался ли он сам в том, как происходил процесс уничтожения?

Гесс: Да, конечно. В 1942 году Гимmlер посетил лагерь и проследил за одним процессом целиком, с начала до конца.

Кауфман: То же самое можно сказать и об Эйхмане?

Гесс: Эйхман несколько раз был в Освенциме и знал все хорошо...

...Кауфман: Что вам известно о так называемых медицинских опытах с живыми заключенными?

Гесс: Медицинские опыты проводились в различных лагерях. В Освенциме производились опыты по стерилизации профессором Клаубертом и доктором Шуманом и опыты над близнецами эсэсовским врачом доктором Менгеле.

Кауфман: Знаете вы доктора Рашера?

Гесс: В Дахау был врач военно-воздушных сил Рашер, который делал опыты над заключенными, приговоренными к смерти, с целью определить сопротивление человеческого организма в камерах со сжатым воздухом и при низкой температуре.

Кауфман: Вы сами знаете, насколько подобного рода опыты были известны другим людям, находящимся в лагере?

Гесс: Конечно, эти опыты, как и все остальное, проводились как «тайное государственное дело». Но нельзя было избежать того, чтобы эти опыты, которые проводились в таком большом лагере и которые заключенные сами должны были как-то наблюдать, стали известны.

Насколько эти опыты стали известны вне пределов лагеря, я не знаю...

(Допрос продолжает представитель обвинения от США полковник Эймен.)

...Эймен: Я прошу, чтобы свидетелю показали документ ПС-3868, который я представляю Трибуналу в качестве доказательства за номером США-819.

(Свидетелю передается документ.)

Вы подписали это письменное показание добровольно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: И это письменное показание, данное под присягой, верно во всех отношениях?

Гесс: Да.

Эймен: Господа судьи, мы имеем это письменное показание на четырех языках.

Вы уже частично осветили нам некоторые вопросы, которые содержатся в этом письменном показании. Поэтому я опущу некоторые части показания. Следите, пожалуйста, за текстом, когда я буду читать. Экземпляр письменного показания перед вами?

Гесс: Да.

Эймен: Я опускаю первый абзац и начинаю со второго:

«Я постоянно имел дело с администрацией концентрационных лагерей, начиная с 1934 года, и служил в Дахау до 1938 года. Затем я был адъютантом начальника лагеря в Саксенхаузене с 1938 года до 1 мая 1940 г., когда меня назначили начальником лагеря в Освенциме. Я был начальником этого лагеря до 1 декабря 1943 г. Я думаю, что по крайней мере 2 миллиона 500 тысяч жертв было там истреблено путем отравления в газовых камерах и сожжения и по крайней мере еще 500 тысяч человек погибли от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов, то есть 70 или 80 процентов всех лиц, посланных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах в промышленных предприятиях, которые имелись при концентрационных лагерях. Среди казненных и сожженных лиц имелись русские военнопленные, которые были изъяты гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии. Среди остальных погибших было примерно 100 тысяч немецких евреев и множество лиц, принадлежавших в большинстве случаев к еврейской национальности, из Голландии, Франции, Бельгии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Греции и других стран. В течение лета 1944 года только в Освенциме мы казнили примерно 400 тысяч венгерских евреев».

Это все правильно, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Теперь я опущу несколько первых строк третьего абзаца и начну с середины его...

Скажите, свидетель, правильна ли дата в конце третьего абзаца, в том месте, где говорится о том, что только в Освенциме в течение лета 1944 года было казнено 400 тысяч венгерских евреев. Это было в 1944 или в 1943 году?

Гесс: 1944 год. Частично число это относится и к 1943 году, но только частично. Я не могу сейчас точно указать количество, во всяком случае конец относится к осени 1944 года.

Эймен: Хорошо.

«4. Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 года и продолжалось до осени 1944 года. Я лично осуществлял наблюдение за казнями в Освенциме до 1 декабря 1943 г. Благодаря своей инспекторской должности, занимаемой мною в лагерях в течение долгого времени, мне известно, что эти массовые казни продолжались так же, как и раньше. Все массовые казни путем удушения в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и под ответственностью главного имперского управления безопасности. Все распоряжения о выполнении этих массовых казней я получал непосредственно от него».

Свидетель, эти показания верны и соответствуют действительности?

Гесс: Да.

Эймен: «5. 1 декабря 1943 г. я был назначен начальником 1-го отдела группы «Д» главного административно-хозяйственного управления. На этом посту я занимался координированием всех вопросов, возникавших между РСХА и концентрационными лагерями, находившимися в ведении главного административно-хозяйственного управления. Я оставался на этом посту до самого конца войны. Поль, бывший начальником главного административно-хозяйственного управления, часто вел письменные и устные переговоры по вопросам, касавшимся лагерей».

Вы уже сообщили нам об объемистом отчете, который вы привезли Кальтенбруннеру в Берлин. Поэтому я опускаю остальную часть 5-го абзаца.

«6. Окончательное разрешение еврейского вопроса означало полное уничтожение всех евреев в Европе. В июне 1941 года мне было приказано позаботиться об оборудовании для истребления их в Освенциме. В то время в генерал-губернаторстве существовали три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Вольцек. Эти лагеря подчинялись эйнзатцкомандам полиции безопасности и СД. Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводилось истребление. Начальник лагеря в Треблинке сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугода. Он занимался главным образом истреблением евреев из Варшавского гетто. Он применял газ «моноксид», но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применял «циклон Б» — кристаллизованную синильную кислоту, которую мы бросали в камеру смерти через небольшое отверстие. В зависимости от климатических условий в этой камере люди умирали в течение 3—15 минут. О наступившей смерти мы узнавали по тому, что находившиеся в камере люди переставали кричать. Перед тем как открывать двери, чтобы убрать трупы, мы выжидали обычно с полчаса».

После того как трупы были вынесены, наши особые команды занимались тем, что снимали с жертв кольца и извлекали золотые зубы».

Все это правда и соответствует действительности, свидетель?

Гесс: Да.

Эймен: Кстати, что делали с золотом, которое вынимали изо рта трупов, вы знаете?

Гесс: Да.

Эймен: Скажите же это Трибуналу.

Гесс: Золото расплавлялось и передавалось главному санитарному управлению СС в Берлине.

Эймен: «7. Другое усовершенствование, которое мы провели по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2 тысячи человек одновременно, а в Треблинке десять газовых камер вмещали по 200 человек каждая. Жертвы мы выбирали таким образом: в Освенциме два дежурных врача осматривали заключенных, прибывавших эшелонами. Заключенных направляли к одному из врачей, который тут же на месте принимал решение. Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать.

Еще одно усовершенствование, которое мы ввели по сравнению с Треблинкой. В Треблинке жертвы всегда знали, что они умрут; у нас жертвы думали, что их подвергнут санитарной обработке. Конечно, часто они догадывались о наших действительных намерениях, и иногда начинались бунты и возникали затруднения. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей».

Скажите, свидетель, все это правильно и соответствует действительности?

Гесс: Да.

Эймен: Теперь я пропущу параграфы 8 и 9, где говорится о медицинских экспериментах, о которых вы уже дали показания. Перехожу к параграфу 10.

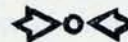
«10. Рудольф Мильднер был начальником гестапо в Катовицах примерно с марта 1941 года до сентября 1943 года. В качестве такового он часто посылал в Освенцим пленных для заключения или казни. Несколько раз он сам приезжал в Освенцим. Трибунал гестапо и штандгерихт СС, которые судили лиц, обвиняемых в различных преступлениях (например побег вое-

нопленных и т. д.), часто заседали в Освенциме, и Мильднер нередко присутствовал на разбирательстве дел таких лиц, которых обычно казнили в Освенциме вслед за вынесением приговора. Я показал Мильднеру весь комбинат истребления в Освенциме; он был в этом непосредственно заинтересован, так как он должен был посылать евреев со своей территории для истребления в Освенцим.

Я понимаю английский язык, как об этом сказано выше. Вышеприведенные показания правильны; это показание было дано мной добровольно, без принуждения; я подписал его по прочтении 5 апреля 1946 г. Нюрнберг».

Теперь я спрашиваю вас, свидетель, правильно ли все то, что я зачитал вам?

Гесс: Да.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ АЛЬФРЕДА БАЛАХОВСКОГО

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 29 января 1946 г.]

Председатель: Ваши имя и фамилия?

Свидетель: Альфред Балаховский.

Председатель: Вы француз?

Балаховский: Француз.

(Свидетель приводится к присяге.)

Дюбост: Вы начальник одной из лабораторий института Пастера в Париже?

Балаховский: Да.

Дюбост: Вы были угнаны 16 января 1944 г., после того как Вас арестовали в 1943 году 2 июля, и Вы были шесть месяцев в тюрьме, в Фресне, затем в Компьене, затем Вы были переправлены в лагерь Дора?

Балаховский: Да.

Дюбост: Вы можете нам коротко рассказать, что Вы знаете о лагере Дора?

Балаховский: Лагерь Дора расположен в пяти километрах на север от города Нордхаузена (на юге Германии). Этот лагерь рассматривался немцами как секретный, куда заключались пленные и откуда они уже не могли больше выйти. Заключенные этого секретного лагеря занимались изготовлением «Фау-1» и «Фау-2», которые немцы использовали против Англии, поэтому Дора и был секретным лагерем. Этот лагерь подразделялся на две части: внешняя часть, которая включала одну треть всего состава заключенных, находившихся в лагере, и другая часть, включавшая две трети персонала, работавшего на подземном заводе. Следовательно, Дора был подземным заводом, где изготавливались «Фау-1» и «Фау-2». В Дора я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г.

Дюбост: Когда Вы прибыли в Дора из Бухенвальда?

Балаховский: Я прибыл из Бухенвальда 10 февраля 1944 г., то есть в период, когда жизнь в лагере Дора была особенно тяжелой...

...После того как мы прибыли в лагерь Дора, мы почти целый день и ночь провели без пищи, на холоде, в снегу, пока происходили все формальности регистрации в лагере... Общее управление в лагере Дора было поручено особой категории заключенных, являвшихся уголовниками. Эти уголовники были у нас начальниками блоков. Они имели как отличительный знак зеленые треугольники в отличие от политических, которые носили треугольники красного цвета. На зеленом треугольнике у них была буква «С» черного цвета... Они нас избивали с утра до вечера. Поднимали нас с четырех часов утра и требовали, чтобы в пять минут мы были готовы. Спали мы в подземных помещениях, скудно, без свежего воздуха, в ужасной атмосфере, в блоках приблизительно такого размера, как этот зал, в котором мы находимся сейчас. В блоке нас было от 3 до 3,5 тысяч заключенных, на нарах в пять этажей с гнилыми матрацами, которые никогда не менялись. Мы вставали и были готовы в пять минут, так как спали не раздеваясь. С другой стороны, мы не могли спать потому, что ночью беспрестанно продолжались хождения взад и вперед. Ночью совершались различного рода кражи у заключенных. Мы не могли спать и потому, что нас осаждали насекомые. Вообще в лагере Дора насекомых было страшно много. Совершенно невозможно было избавиться от вшей. В пять минут мы выстраивались в туннеле и шли по тому направлению, которое нам было указано...

...1 мая 1944 г. я был отозван в Бухенвальд, где меня поместили в блок № 50, который в действительности был заводом по изготовлению вакцин против сыпного тифа. Этот перевод из Дора в Бухенвальд объяснялся тем, что управление лагеря узнало о том, что я был специалистом по этим исследованиям, и хотело использовать мои знания в блоке № 50 для изготовления вакцин. Впрочем, я ничего не знал об этом и не знаю до настоящего момента.

Итак, начиная с 1 мая 1944 г. я познакомился с блоком № 50 и оставался там до освобождения из лагеря — до 11 апреля 1945 г. Блок № 50, который был блоком, где изготавливались эти вакцины, находился под управлением врача, штурмбаннфюрера Шуле.

Он осуществлял руководство этим блоком и нес ответственность за работы по изготовлению вакцин. Этот же штурмбаннфюрер СС Шуле руководил и другим блоком в лагере Бухенвальд. Другой блок, № 46 — знаменитый блок экспериментов, блок, куда заключали людей для того, чтобы использовать их в качестве подопытных. Секретариат был общим для блока № 46 и блока № 50. Это был так называемый «гешефтциммер». Поэтому все архивы, все карточки для регистрации опытов, вся корреспонденция и все решения, которые относятся к блоку

№ 46, блоку опытов, а также к блоку № 50, находились в одном секретариате блока № 50. Секретарем блока № 50 был политический заключенный, австриец Эжен Когол — мой друг. Он и другие товарищи имели возможность рыться в этих архивах, за которые они несли ответственность, и могли, таким образом, знать изо дня в день, что происходило в блоке № 50, то есть в моем блоке, а также в блоке № 46. Я лично мог видеть большинство архивов блока № 46, и журнал этого блока даже удалось сохранить. В этом журнале указано общее количество опытов, которое было произведено в блоке № 46. Блок № 46 был создан в октябре 1941 года высшей комиссией, которая подчинялась отделу медицинской службы войск СС; блок № 46 подчинялся отделу «Ферзухенсекцион № 5» главного управления войск СС в Лейпциге. Ответственным за эту службу был обергруппенфюрер войск СС доктор Бугровский. В административный совет, который создавал этот блок, входили доктор Генцхен, обергруппенфюрер войск СС; доктор Поппендик, группенфюрер войск СС. К ним нужно добавить представителя армии — доктора Хандлозе из военной академии в Берлине, который также принимал участие в производстве опытов над людьми.

Следовательно, в этом совете были чиновники СС, а также доктор Хандлозе. Сами опыты проводились штурмбаннфюрером Шуле, но все приказы и типы опытов, о которых я буду говорить, предписывались из Лейпцига, то есть отделом «Ферзухенсекцион» управления войск СС. Поэтому здесь не было личной инициативы Шуле в качестве представителя руководства лагеря.

В отношении производства опытов все приказы приходили прямо от высшего управления из Берлина. Среди опытов, о которых я подробно знаю из карточек и других документов, содержавших регистрацию входящих и исходящих блока № 46, были, во-первых, многочисленные опыты с сыпным тифом. Во-вторых, проводилось множество опытов с ожогами от фосфора. В-третьих, опыты с сексуальными гормонами. В-четвертых, опыты с авитаминозом. Наконец, в-пятых, надо отметить опыты судебно-медицинского характера. Итак, там было пять определенных типов опытов.

Люди, над которыми производились опыты, набирались не только в лагере Бухенвальд, но и за его пределами. Они не были добровольцами. До тех пор пока они не входили в блок № 46, они в большинстве случаев не подозревали, что над ними будут производиться опыты. Использовали для этого политических заключенных.

Производили также отбор и среди русских военнопленных. Я должен сказать, что среди заключенных в блоке № 46 русские военнопленные, над которыми производились опыты, со-

ставляли большинство. Это объясняется тем, что организм русских по сравнению с другими заключенными, которые могли существовать в лагере, оказывал самое большое физическое сопротивление. Физическое сопротивление их организма превосходило сопротивление, которое оказывали французы или представители других народов Западной Европы. Русские лучше, чем другие, переносили всякие лишения. Значит, в силу этого физического сопротивления организма для опытов набирали русских политических заключенных больше, чем других заключенных. Однако среди подопытных было много людей и других национальностей, в частности французов. Возвращаюсь теперь, если Вы позволите, к вопросу о проведении самих опытов.

Люди служили в большинстве случаев только объектами, на которых можно было испробовать силу медикаментов, ядов и т. д. Например, я хочу рассказать о вакцинах против сыпного тифа. Для их изготовления нужны были так называемые «очаги». В блоке № 46 мы смогли обнаружить с помощью карточек и других документов, которые были у нас, 12 различных типов «очагов», отмеченных знаком «В», что значит Бухенвальд, причем эти знаки шли от одного до двенадцати. Эти 12 «очагов» тифа постоянно поддерживались в блоке № 46 посредством передачи крови от больного к здоровому, то есть искусственной прививкой: уколом в вену вводилось от половины до одного кубического сантиметра зараженной крови, взятой у больного в разгар кризиса. Хорошо известно, что такая форма искусственной прививки тифа посредством укола в вену неизбежно вызывает смерть. Следовательно, все лица, которые служили «очагами» для выработки вакцин на протяжении всего периода после октября 1942 года до освобождения лагеря, умерли, и мы смогли насчитать всего около 600 жертв, погибших только от того, что их использовали как «очаги».

Дюбост: Значит, их буквально умертвили, решив использовать в качестве очагов болезни?

Балаховский: Их буквально умертвили, превратив в «очаги».

Кроме того, в 1944 году в лагере проводились эксперименты по определению силы вакцин. При этих экспериментах погибли 150 человек. Для германской армии не только использовались те вакцины, которые изготавливались в нашем блоке № 46, но и применялись итальянские, датские и польские вакцины. Немцы хотели сравнить силу различных вакцин. Они произвели в августе 1944 года опыты над 150 заключенными в блоке № 46, разделив их на две группы. С одной стороны, контрольные, с другой — те, над кем непосредственно проводились опыты. Последним сделали уколы с различными типами вакцин, которые нужно было испытать. 15 дней спустя после того, как была

произведена вакцинация, подопытные умерли, так как приблизительно за такой период времени обычно те, которым делают такие прививки тифа, неизбежно умирают. Что касается других лиц, которым ввели различные вакцины, они умирали по истечении определенного срока, в зависимости от смертоносной силы вакцин. Некоторые вакцины дали прекрасные результаты и вызвали малую смертность. Это были польские вакцины. Наоборот, другие вакцины вызвали более высокую смертность. Короче говоря, когда опыт считали законченным, то согласно установившемуся обычаю в блоке № 46 тех, кто остался в живых после операции, должны были уничтожить. Их убивали в блоке № 46 привычными методами, которые были уже описаны моими товарищами, то есть уколами с введением фенола в сердце. Десять кубических сантиметров чистого фенола в область сердца — это обычный способ уничтожения в Бухенвальде.

Проводились также опыты психотерапевтического характера. Испытывались химические средства для излечения тифа, и все это в условиях блока № 46. К этим опытам привлекалась германская промышленность, а именно в этих опытах принимал участие концерн «И. Г. Фарбениндустри», который предоставлял для опытов в блоке № 46 определенное количество медикаментов.

Теперь я перехожу к опытам с фосфором, которые проделывались преимущественно над русскими заключенными. Опыты с фосфором в блоке № 46 делались по следующим причинам: бомбы, которые сбрасывала союзная авиация в Германии, вызывали много ожогов среди гражданского населения и военных, ожоги заживали плохо. Поэтому немцы хотели найти ряд медикаментов, которые могли бы облегчить и ускорить лечение ран от ожогов. Таким образом, стали производить опыты этого рода в блоке № 46 обычно над русскими заключенными, которых специально обжигали веществами, содержащими фосфор, а затем лечили, применяя различные медикаменты, поставляемые германской промышленностью.

Опыты с сексуальными гормонами...

Дюбост: Каковы были последствия этих опытов?

Балаховский: В таких случаях обычно все опыты кончались смертью.

Дюбост: Знаете ли Вы что-нибудь о татуированных?

Балаховский: Конечно.

Дюбост: Можете ли Вы нам рассказать об этом?

Балаховский: Татуированные человеческие кожи складывались в блоке № 2, который назывался в Бухенвальде патологическим.

Дюбост: Много ли было татуированных человеческих кож в блоке № 2?

Балаховский: В блоке № 2 всегда были человеческие татуированные кожи. Я не могу сказать точно, сколько их там было, так как они все время то поступали, то вывозились. Здесь были не только татуированные человеческие кожи, а также и дубленые кожи без татуировки.

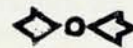
Дюбост: Значит, кожу сдирали с людей?

Балаховский: Кожу снимали, затем дубили. Я видел эсэсовцев, которые выходили из блока № 2 (патологического блока) с дублеными кожами в руках. Я знаю по рассказам моих товарищей, которые работали в патологическом блоке № 2, что туда поступали заказы на кожи и эти дубленые кожи выдавались в качестве подарков некоторым охранникам и посетителям, которые использовали их для переплетов. Татуированные и дубленые кожи находились в блоке № 2 постоянно, и когда американцы 11 апреля 1945 г. освободили лагерь, они обнаружили их там.

Дюбост: Известно ли Вам, как вели себя заключенные незадолго до освобождения лагеря американскими войсками?

Балаховский: Заключенные в Бухенвальде предчувствовали, что они должны быть очень скоро освобождены. 11 апреля с утра в лагере был образцовый порядок. Несмотря на крайние трудности, удалось тайно спрятать оружие — ящики с гранатами и приблизительно 250 винтовок. Все это было разделено на две партии: в госпитале приблизительно 100 винтовок и в моем блоке № 50 около 150 винтовок и ящики с гранатами. Как только американцы стали приближаться к Бухенвальду, 11 апреля в 3 часа дня, политические заключенные, разбившись на отряды, взяли оружие и схватили, а частью расстреляли сопротивлявшихся охранников лагеря. Этим охранникам очень трудно было бежать, так как они уносили тяжелые рюкзаки с трофеями, то есть украденными у заключенных вещами.

Дюбост: Благодарю Вас. У меня нет больше вопросов к свидетелю.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ФРАНСУА БУА

[Стенограмма заседания Международного Военного
Трибунала от 28 января 1946 г.]

Дюбост: Свидетель, показания которого я попрошу Трибунал выслушать, должен уточнить один важный момент, который оставался не выясненным в течение нескольких недель. Трибунал помнит, что во время представления доказательств моими американскими коллегами возник вопрос, приезжал ли Кальтенбруннер в лагерь Маутхаузен. В качестве доказательства я представляю свидетельские показания господина Буа, который должен показать Трибуналу, что Кальтенбруннер был в Маутхаузене. У него есть фотографии. Если Трибунал захочет его выслушать, мы покажем фотографии, которые представил свидетель.

Председатель: Очень хорошо. Ваше имя?

Свидетель: Франсуа Буа.

Председатель: Вы француз?

Буа: Я испанский беженец.

Председатель: Повторяйте за мною слова присяги...

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Дюбост: Вы родились 14 августа 1920 г. в городе Барселоне?

Буа: Да.

Дюбост: Вы фоторепортер. И Вы были заключены в лагере Маутхаузен с...?

Буа: С 27 января 1941 г.

Дюбост: Вы представили следователю некоторое количество фотографий?

Буа: Да.

Дюбост: Они будут демонстрироваться, и Вы покажете под клятвенной присягой, в каких условиях и где Вы сделали эти фотографии?

Буа: Да.

Дюбост: Как Вы достали эти фотографии?

Буа: В связи со своей профессией я попал в Маутхаузен, в отдел по установлению личности заключенных в лагере. Там имелся фотоотдел. Разрешалось фотографировать все, что происходило в лагере, для отправки этих фото верховному командованию в Берлин.

(Выключается свет, демонстрируются фотографии.)

Вот общий вид каменоломни.

Дюбост: Здесь работали заключенные?

Буа: Большинство заключенных.

Дюбост: Где находится лестница?

Буа: Внизу.

Дюбост: Сколько там ступенек?

Буа: Сначала было 160, а затем 186 ступенек.

Дюбост: Можем перейти к следующей фотографии.

Буа: Это — двор каменоломни во время приезда рейхсфюрера Гимmlера, Кальтенбруннера, губернатора города Линца и других, имена которых мне неизвестны. Вы видите труп человека, упавшего сверху в каменоломню. Такие случаи бывали каждый день.

Дюбост: Можно переходить к следующей фотографии.

Буа: Этот снимок сделан в апреле 1941 года. Мои товарищи испанцы, укryвшиеся во Франции, тянут вагонетку, наполненную землей. Это — работа, которую нас заставляли делать.

Дюбост: Кто сделал этот снимок?

Буа: На этот раз Пауль Риккер, профессор из Эссена.

Дюбост: Можно переходить к следующей.

Буа: Это «маскарад», устроенный «в честь» одного сбежавшего австрийца. Он был столяром в гараже. Он сделал такой ящик, в который можно было спрятаться и таким образом выйти из лагеря. Но через некоторое время его поймали. Его поместили в тележку, на которой перевозили трупы в крематорий, и сделали там надписи на немецком языке: «Все пташки возвратились». Его приговорили к смерти. Провели перед строем из 10 тысяч заключенных под музыку оркестра цыган. Когда его повесили, тело его качалось на ветру, а оркестр играл известную польку «Беер-Барель».

Дюбост: Следующая фотография.

Буа: Это «маскарад». Налево — испанцы, они поменьше. Тот в берете, на переднем плане, уголовник из Берлина по фамилии Шульц. Его использовали на этих «маскарадах». В глубине виден человек, которого должны повесить.

Дюбост: Следующая. Кто делал эти снимки?

Буа: Фриц Корнак, обершарфюрер СС. Он был расстрелян в Голландии американскими войсками в 1944 году.

...На фотографии человек, который получил пулю в голову. Его поставили так, чтобы показать, будто это самоубийство и как будто он хотел броситься через колючую проволоку.

На второй фотографии видны голландские евреи. Это в карантинном бараке. В день своего прибытия евреи бросались на проволоку, потому что они хорошо отдавали себе отчет в том, что им все равно не оставалось никакой надежды выйти отсюда.

Дюбост: Кто делал эти снимки?

Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккер, профессор из Эссена.

Дюбост: Следующая.

Буа: Это — два голландских еврея. Можно рассмотреть красную звезду, которую они носили. Это так называемая попытка к бегству...

Дюбост: А что это на самом деле?

Буа: Эсэсовцы послали их за камнями за колючей проволокой. Эсэсовцы, находившиеся в охране за второй оградой колючей проволоки, стали стрелять в них, так как им выдавали премию за каждого, которого они задерживали.

На другой фотографии снят еврей в момент постройки в 1941 году так называемого «русского лагеря», который стал затем санитарным лагерем. Он висит на веревке, которой он подвешивал брюки.

Дюбост: Это самоубийство?

Буа: Будто бы. Это человек, который не мог найти выхода, его довели до предела, заставляя выполнять непосильные работы и подвергая пыткам.

Дюбост: Что это за фотография?

Буа: Это еврей, я не знаю, из какой страны. Его посадили в бочку с водой и держали там до изнеможения. Его избili до полусмерти, а затем дали ему 10 минут с тем, чтобы он повесился. Он это сделал, употребив собственный пояс. Он знал, что его ждет в противном случае.

Дюбост: Кто делал этот снимок?

Буа: Обершарфюрер СС Пауль Риккер.

Дюбост: Что это за снимок?

Буа: Это посещение каменоломни венской полицией. Это было между июнем и июлем 1941 года. Эти двое заключенных, которые видны на снимке, — испанцы.

Дюбост: Что они делают?

Буа: Они показывают господам из полиции, каким способом они поднимают камни, так как не было приспособлений, при помощи которых это надо делать.

Дюбост: Знали ли Вы кого-либо из представителей полиции, которые пришли сюда?

Буа: Нет, потому что они приходили всего один раз. Мы едва успели взглянуть на них.

Этот снимок сделан в 1943 году по случаю дня рождения оберштурмбаннфюрера СС Франца Цирайса. Его окружают работники штаба лагеря Маутхаузен. Я могу назвать их всех.

Дюбост: Давайте следующую фотографию.

Буа: Этот снимок сделан в тот же день, в день рождения оберштурмбаннфюрера Франца Цирайса. Второй — это его адъютант, я не помню его фамилии. Следует отметить, что этот адъютант был из вермахта, но по прибытии в лагерь он стал носить форму СС.

Дюбост: А это что?

Буа: Это то же самое — посещение полицией в июне — июле 1941 года Маутхаузена. Это дверь в кухню. Здесь стоит получивший дисциплинарное наказание. Это небольшое приспособление на спине служило для переноски камней весом до 80 кг. И так до изнеможения. Очень немногим удавалось вернуться из дисциплинарных рот.

На этом снимке запечатлено посещение Гиммлером в апреле 1941 года лагеря Маутхаузен. Видны Гиммлер, позади губернатор города Линца, а сбоку налево Франц Цирайс, комендант лагеря Маутхаузен.

Эта фотография сделана в каменоломне. В глубине налево видна группа работающих заключенных. На переднем плане — Франц Цирайс, Гиммлер, затем обергруппенфюрер Кальтенбруннер, у него золотой партийный значок.

Дюбост: Этот снимок сделан в каменоломне? Кем?

Буа: Обершарфюрером СС Паулем Риккером. Это было в апреле — мае 1941 года. В это время этот господин посещал лагерь достаточно часто для того, чтобы решить, как лучше организовать лагерь во всей Германии и в оккупированных странах.

Дюбост: Итак, Вы утверждаете, что это Кальтенбруннер? (Указывает на фото, которое показывается на экране.)

Буа: Да, я это утверждаю.

Дюбост: И утверждаете, что фотография сделана в лагере?

Буа: Да, я утверждаю это.

Дюбост: Вы были военнопленным или политическим заключенным?

Буа: Военнопленным.

Дюбост: Вы сражались во французской армии в качестве добровольца?

Буа: Я сражался в 5-й армии в Вогезах, в маршевом батальоне, затем в иностранном легионе, в рабочей армейской

роте. Мы попали в плен, когда отступали от Бельфора, где я был взят в плен в ночь с 20 на 21 июня 1940 г. Я вместе с другими испанскими товарищами был направлен в Мюлуз. Узнав, что мы испанские республиканцы-антифашисты, нас поместили вместе с евреями, которых причисляли к низшим людям. В течение шести месяцев мы были военнопленными и в это время мы узнали, что министр иностранных дел был у Гитлера, чтобы обсудить вопрос об иностранцах и другие вопросы. Мы узнали, что наряду с другими вопросами речь шла о нашем положении. Рассказывали, что немцы спросили, как поступать с испанцами-военнопленными, сражавшимися во французской армии. В ответ...

Дюбост (прерывая): Нас интересует другое: несмотря на то, что Вы военнопленный, Вы были направлены в лагерь, который не находился под контролем армии?

Буа: Да, сначала мы были как военнопленные. Нам сказали, что нас переведут в рабочую команду, как всех других французов, затем мы были направлены в Маутхаузен, где впервые увидели, что там нас ждали не солдаты вермахта, и мы, наконец, поняли, что попали в лагерь уничтожения.

Дюбост: Сколько вас всего было?

Буа: Нас было 1500. А всего было 8 тысяч испанцев.

Дюбост: Сколько вас осталось после освобождения?

Буа: Около 1600 из 8 тысяч человек.

Дюбост: У меня больше нет вопросов...

...Трибунал вспомнит, что мы показали здесь шесть фотографий лагеря Маутхаузен, которые были принесены нам и прокомментированы свидетелем, еще находящимся сейчас у свидетельского пульта. Свидетель, в частности, указал, в каких условиях была снята фотография, изображавшая Кальтенбруннера в каменоломне. Мы представляем эту фотографию в качестве французского документа под номером РФ-332.

Разрешите мне задать еще один вопрос свидетелю. (*Обращается к свидетелю.*)

Узнаете ли Вы среди подсудимых некоторых из тех, кто посетил лагерь Маутхаузен и которых Вы видели во время Вашего заключения в лагере?

Буа: Шпеера.

Дюбост: Когда Вы видели его?

Буа: Он посетил Маутхаузен в 1943 году по вопросу о строительных работах. Он был также в каменоломне Маутхаузена. Я сам его не видел, так как находился в отделе документации лагеря и не мог выходить. Но во время этих посещений руководитель отдела Пауль Риккер заснял аппаратом «Лейка» целую ленту фотографий, которую я сам проявлял.

На этой ленте я узнал Шпеера и других приехавших с ним начальников СС. Он был одет в костюм светлого цвета.

Дюбост: На фотографиях, которые Вы проявили?

Буа: Я узнал Шпеера на 36 фотографиях, которые были сняты обершарфюрером СС Паулем Риккером в 1943 году во время его посещения лагеря и каменоломни Маутхаузена. На фотографиях у него был всегда очень самодовольный вид. Даже были фотографии, на которых он, поздравляя оберштурмбаннфюрера Франца Цирайса, пожимал ему руку. Франц Цирайс был тогда начальником лагеря Маутхаузен.

Дюбост: Последний вопрос: существовали ли священники для обслуживания вашего лагеря. Как умирали заключенные, которые перед смертью хотели выполнить обряд своей религии?

Буа: Да, было несколько священников; насколько я мог заметить, это была немецкая католическая организация под названием «Толкователи библии».

Дюбост: Как обращались с монахами, со священниками, с пасторами?

Буа: В обращении между ними и нами не делалось никакой разницы. Они умирали так же, как и мы; их также иногда посылали в газовую камеру, иногда расстреливали, иногда сажали в ледяную воду; все средства были хороши. Эсэсовцы особо жестоко обращались с ними, так как немцы знали, что эти люди не могли работать так, как обычные рабочие. Они обращались так со всеми интеллигентами всех стран.

Дюбост: Им не давали возможности служить?

Буа: Нет, никакой.

Дюбост: Приходили ли священники к людям, которых должны были казнить?

Буа: Совсем нет, наоборот, иногда вместо того чтобы, как Вы говорите, принести им облегчение при помощи их религии, приговоренным давали по 25—75 ударов плетью из бычьих жил перед карательным отрядом. Иногда их бил сам оберштурмбаннфюрер. Я отметил, что так было по отношению к нескольким русским офицерам-военнопленным, политкомиссарам.

Дюбост: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Генерал Руденко.

Руденко: Свидетель, будьте любезны, сообщите, что Вам известно об истреблении советских военнопленных?

Буа: Я не могу рассказать все, что знаю, потому что я знаю так много, что мне не хватило бы месяца, чтобы все рассказать.

Руденко: Я просил бы Вас, свидетель, кратко изложить основное, известное Вам об истреблении советских военнопленных в том лагере, где Вы находились.

Буа: Первые военнопленные прибыли в 1941 году. Было объявлено о прибытии двух тысяч русских военнопленных. Речь

шла о русских военнопленных. По отношению к ним были приняты такие же меры предосторожности, как и по прибытии военнопленных испанцев-республиканцев. Везде вокруг барачных бараков были поставлены пулеметы, так как от вновь прибывших ожидали самого худшего. Как только русские военнопленные вошли в лагерь, можно было видеть, что они находились в ужасном состоянии. Они даже ничего не могли слышать. Они были так обессилены, что не держались на ногах. Тогда их поместили в бараки по 1600 человек в каждом. Следует отметить, что эти бараки имели 7 метров в ширину и 50 метров в длину. У них была отобрана почти вся одежда, которой у них и без того было очень мало. Им было разрешено сохранить только брюки и рубаху, а дело было в ноябре. В Маутхаузене было более десяти градусов мороза. По прибытии оказалось, что 24 человека из них умерли в то время, как они шли четыре километра, отделявшие лагерь Маутхаузен от станции. Сначала к ним была применена та же система обращения, как и к нам, испанцам-республиканцам. Их оставили в покое, но почти ничего не давали есть. Через несколько недель они были совершенно без сил, и тогда к ним стали применять систему уничтожения. Их заставляли работать в ужасных условиях, избивали, били палками, над ними насмехались. Через три месяца из 7 тысяч русских военнопленных остались в живых только 30. Эти 30 выживших были сфотографированы отделом Пауля Риккера для одного документа. У меня есть эти фотографии, я их покажу, если господа судьи пожелают этого.

Руденко: У Вас есть эти фотографии?

Буа: Да, я передал их господину Дюбосту.

Руденко: Что Вам известно о казнях югославов и поляков?

Буа: Поляки прибыли в лагерь в 1939 году, после разгрома Польши. С ними обращались так же, как и со всеми другими. Немецкие бандиты тогда начали их истреблять. Десятки тысяч поляков погибли в ужасных условиях. Но надо особо отметить положение югославов. Югославы стали прибывать эшелонами, в гражданском платье, и их расстреливали якобы согласно закону. Их расстреливали по двое. Эсэсовцы даже надевали для этих казней стальные шлемы. С первым эшелонам прибыло 165 человек, со вторым — 180 человек, а затем они прибывали небольшими группами — по 15, 30, 50, 60 человек. Среди них были даже женщины.

Среди расстрелянных были четыре женщины, это было единственным случаем в лагере сосланных. Некоторые, прежде чем их успевали расстрелять, плевали в лицо своим палачам.

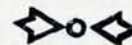
Югославы так пострадали, как мало кто пострадал. Их положение могло сравниться только с положением русских... Их

убивали различными способами до самого последнего времени. Я хотел бы еще рассказать о русских, так как они многое испытали.

Руденко: Правильно ли я заключил из Ваших показаний, что этот концентрационный лагерь по существу являлся комбинатом смерти?

Буа: Лагерь был в последнем, третьем эшелоне; это был лагерь, из которого никто не должен был выйти живым.

Руденко: У меня больше нет вопросов.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ АЛОИСА ХЕЛЬРИГЕЛЯ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 4 января 1946 г.]

Эймен: Я хочу вызвать в качестве свидетеля Алоиса Хельригеля.

(Вводят свидетеля.)

Председатель: Как Вас зовут?

Свидетель: Хельригель.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги...

Эймен: Какой пост Вы занимали в конце войны?

Хельригель: Я был унтершарфюрером в Маутхаузене.

Эймен: Вы служили в частях «Мертвая голова» войск СС?

Хельригель: Да, в 1939 году меня призвали в войска СС.

Эймен: Каковы были Ваши обязанности в концлагере в Маутхаузене?

Хельригель: До зимы 1942 года я находился в сторожевой роте и должен был стоять на посту. С 1942 года до конца войны я находился в распоряжении внутренней службы лагеря.

Эймен: И поэтому Вы имели случаи быть свидетелем истребления заключенных в этом лагере путем расстрелов, отравления газом и т. д.?

Хельригель: Да, я все это видел.

Эймен: Не давали ли Вы письменных показаний о том, что Вы видели Кальтенбруннера в этом лагере?

Хельригель: Да.

Эймен: И что он сам видел и ознакомился с действиями газовой камеры там?

Хельригель: Да.

Эймен: Не имели ли Вы также случая видеть каких-либо других важных лиц, которые посещали этот концлагерь?

Хельригель: Я помню, что там были Поль, Глюкс, Кальтенбруннер, фон Ширах, а также гаулейтер Штирии.

Эймен: Вы лично видели Шираха в этом концлагере в Маутхаузене?

Хельригель: Да, видел.

Эймен: Помните ли Вы его внешность настолько, чтобы опознать его?

Хельригель: Я полагаю, что он в последнее время, вероятно, изменился, но думаю, что я его все-таки узнаю.

Эймен: Когда Вы его там видели?

Хельригель: Это было осенью 1942 года. С тех пор я его больше не видел.

Эймен: Взгляните на скамью подсудимых и скажите, можете ли Вы узнать Шираха в зале Суда?

Хельригель: Да.

Эймен: Где он находится?

Хельригель: Он сидит во втором ряду, третий с левой стороны.

Эймен (обращаясь к свидетелю): Я передаю Вам копию документа ПС-2641. В состоянии ли Вы установить место, где стоят эти лица?

(Свидетелю вручают фотографии.)

Хельригель: Как я вижу, это каменоломня, но является ли это каменоломней в Маутхаузене, я не могу с уверенностью утверждать, так как слишком невелико поле видимости.

Эймен: Не повторите ли Вы вновь Ваш ответ?

Хельригель: Хорошо. Взглянув на эту фотографию, я не могу с уверенностью сказать, что это именно каменоломня Винер-грабен, примыкающая к Маутхаузену. Это может быть с таким же успехом и другая каменоломня. Нужно просто иметь большее поле видимости. Но мне кажется, что гости приезжали довольно часто. Я все-таки предполагаю, что это каменоломня в Винер-грабене.

Эймен: Отложите на время эту фотографию. Были ли Вы свидетелем умерщвления заключенных концлагеря путем сбрасывания их с обрыва?

Хельригель: Да.

Эймен: Не расскажете ли Вы Трибуналу о тех фактах, которые Вы видели?

Хельригель: Припоминаю, что это было в 1941 году. Я был тогда в охране на сторожевой башне, охранял территорию, которая примыкала к каменоломне, и видел, как в первой половине дня мимо прошли 6—8 заключенных, их сопровождали два эсэсовца — Шпатценеккер и унтершарфюрер Эйхенховер. Они двигались по направлению к каменоломне Винер-грабен, к скалистому обрыву. Поведение этой группы было очень странным. Я видел с высоты моей наблюдательной башни, как эти два эсэсовца избивали заключенных, и я тотчас же заметил их намерение заставить заключенных сброситься вниз или просто

столкнуть их. Я заметил далее, как одного заключенного, лежавшего на земле, топтали ногами и давали ему понять, что он должен сброситься вниз с обрыва, и заключенный в отчаянии после жестоких избиений сделал это.

Эймен: Не помните ли Вы, какова была глубина обрыва?

Хельригель: Я думаю, что глубина этого обрыва была примерно 30—40 метров.

Эймен: Как называлось среди охраны это сбрасывание заключенных с обрыва?

Хельригель: Подобные жертвы назывались в лагере Маутхаузен «парашютистами».

*Заутер*¹: Господин свидетель, Вы рассказывали, что Вас в 1939 году приняли в ряды СС?

Хельригель: Да, это было 6 сентября 1939 г. в Эберсберге.

Заутер: Вы до этого не имели никакого отношения к партии?

Хельригель: В апреле 1938 года я поступил в гражданские части СС, так как все то время (во времена правительства Шушнига) я был безработным и не имел никакой поддержки. Я думал, что если я поступлю в гражданские части СС, то получу работу.

Заутер: Если я Вас правильно понял, то Вас только потому приняли в СС в 1939 году, что Вы в 1938 году добровольно стали членом гражданских частей СС?

Хельригель: Я не могу этого подтвердить. Многие были призваны в армию, другие в авиацию, а некоторые в ряды СС.

Заутер: Вы австриец?

Хельригель: Да.

Заутер: Значит, Вы тогда жили в Австрии?

Хельригель: Да, в Граце.

Заутер: В таком случае меня интересуют некоторые моменты, касающиеся Шираха.

Вы видели обвиняемого Шираха в Маутхаузене? Если да, то сколько раз Вы его видели там?

Хельригель: Я точно помню, что это было один раз.

Заутер: Один раз?

Хельригель: Да.

Заутер: Был ли тогда Ширах в Маутхаузене один или он был еще с кем-нибудь?

Хельригель: Ширах был в сопровождении других лиц. Было примерно 10 человек, и среди них я узнал фон Шираха и гаулейтера Ниберрейтера.

Заутер: Там было как будто не десять, а двадцать человек?

¹ Адвокат Заутер защищал подсудимого Шираха. — Составители.

Хельригель: Видите ли, я тогда их не считал, потому что не знал, что мне это понадобится.

(Шум и смех в зале.)

Заутер: Я этому придаю значение потому, что подсудимый Ширах говорил мне, что это было официальное посещение лагеря в Маутхаузене, причем оно состоялось в связи с совещанием специалистов по экономике из шести областей Австрии.

Хельригель: Но, видите ли, я, конечно, не знаю, почему он туда приехал, но я помню, что эта группа прибыла в лагерь с фон Ширахом и начальником лагеря Бахмейером.

Заутер: Известно ли Вам что-либо о том, что об этом посещении в лагере узнали за несколько дней и что в связи с этим посещением в лагере были сделаны соответствующие приготовления?

Хельригель: О приготовлениях я ничего не помню. Это было вечером, как раз состоялась вечерняя поверка, и мы, бывшие на дежурстве, должны были тоже выстроиться, и тогда вошла эта группа.

Заутер: Вы сами ничего не знали о том, что на следующий день состоится посещение лагеря, или, может быть, Ваши товарищи знали об этом, то есть о том, что на следующий день будет это посещение?

Хельригель: Нет, я сейчас ничего не помню об этом.

Заутер: И Вы не обратили внимание на то, что действительно были сделаны соответствующие приготовления в лагере?

Хельригель: Нет, я не помню, чтобы я заметил или видел такие приготовления.

Заутер: Я не имею больше вопросов к свидетелю.

*Штейнбауэр*¹: Господин свидетель, Вы описали нам происшествие, которое с точки зрения каждого цивилизованного человека может быть определено только как убийство, то есть Вы говорили о том, как сбрасывали людей с обрыва в каменоломне. Доложили ли Вы об этих случаях своему начальству?

Хельригель: Видите ли, эти случаи имели место очень часто, и поэтому можно со стопроцентной уверенностью сказать, что все начальство об этом знало.

Штейнбауэр: Значит, Вы не делали никаких сообщений об этом? Правильно ли, что не только заключенным, но и страже было запрещено сообщать об этом третьим лицам под угрозой смертной казни?

Хельригель: Да, именно так и было.

Штейнбауэр: У меня больше вопросов нет.

¹ Адвокат Штейнбауэр защищал подсудимого Зейсс-Инкварта. — Составители.

Эймен: Не взгляните ли Вы на эту фотографию? Посмотрите на нее внимательно и скажите, что это — каменоломня под обрывом, о которой Вы сейчас только что говорили?

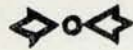
Хельригель: Да, да, глядя на эту фотографию, я могу со стопроцентной уверенностью сказать, что это — каменоломня Винер-грабен. Было бы лучше, если бы было больше фото, но я думаю, что я могу с уверенностью сказать, что это та самая каменоломня.

Эймен: Не можете ли Вы опознать тех людей, которых Вы видите на фотографии?

Хельригель: Могу.

Эймен: Не назовете ли Вы Трибуналу, кого Вы узнаете?

Хельригель: Я узнаю на фотографии прежде всего рейхсфюрера СС Гимmlера, рядом с ним коменданта лагеря Маутхаузен Цирайса и правее — Кальтенбруннера.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ФРАНЦА БЛАХА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала от 11 и 14 января 1946 г.]

Додд: Ваша фамилия — Франц Блаха? Вы уроженец и гражданин Чехословакии?

Блаха (по-чешки): Да.

Додд: Вы знаете немецкий язык, поэтому по техническим причинам я предлагаю вести допрос на немецком языке, хотя Вашим родным языком является чешский. Верно это?

Блаха: Чтобы ускорить процесс, я согласен давать показания на немецком языке по следующим причинам: 1) в течение последних семи лет, о которых я буду давать показания, я жил в немецком окружении, 2) большое количество специальных выражений, относящихся к быту концентрационных лагерей, является чисто немецким изобретением, и для них не существует эквивалентов на других языках.

Додд: Скажите, не являетесь ли Вы доктором медицины по вашей профессии и по Вашему образованию?

Блаха: Да.

Додд: В 1939 году Вы были директором госпиталя в Чехословакии?

Блаха: Да.

Додд: Вы были арестованы, не так ли, немцами в 1939 году после оккупации ими Чехословакии?

Блаха: Да.

Додд: А были ли Вы подвергнуты заключению в различных тюрьмах между 1939 и 1944 годами?

Блаха: Да.

Додд: С 1941 года по апрель 1945 года Вы были в заключении в концентрационном лагере в Дахау?

Блаха: Да, до конца.

Додд: До того момента, когда этот лагерь был освобожден союзными войсками?

Блаха: Да.

Додд: Вы дали письменное показание в Нюрнберге 9 января 1946 г. Не так ли?

Блаха: Да.

Додд: Это письменное показание, господина судьи, является документом ПС-3249. Я хочу представить его в качестве доказательства под номером США-663. Ваша честь, я думаю, что допрос этого свидетеля можно сократить в несколько раз представлением данного им письменного показания. Я хотел бы огласить это письменное показание, так как оно относится к тем показаниям, которые может дать этот свидетель.

Председатель: Очень хорошо.

Додд: Ваша честь, я не стал бы зачитывать этого показания, если бы мы имели французский и русский переводы. Но, к сожалению, мы не успели обеспечить перевод за такой короткий срок, поэтому я читаю:

«Я, Франц Блаха, будучи должным образом приведенным к присяге, заявляю следующее.

Я изучал медицину в Праге, в Вене, в Страсбурге и Париже и получил диплом в 1920 году. С 1920 года по 1926 год я был ассистентом в клинике. В 1926 году я стал главным врачом госпиталя в Моравии, в Чехословакии. Я занимал этот пост до 1939 года, до вступления немцев на территорию Чехословакии, когда я был захвачен в качестве заложника. Я был направлен в качестве заключенного по обвинению в сотрудничестве с Чехословацким правительством в концентрационный лагерь Дахау в апреле 1941 года и оставался там до освобождения этого лагеря в апреле 1945 года. До июля 1941 года я находился в штрафной роте. После этого я был направлен в госпиталь, и меня сделали объектом различных экспериментов по заболеванию брюшным тифом, которые проводились доктором Мюрмельштадтом. После того меня хотели подвергнуть различным экспериментальным операциям, но я сумел избежать этого, признавшись, что я был врачом. Если бы они узнали об этом раньше, то я жестоко пострадал бы, потому что с лицами умственного труда в штрафных ротах всегда очень жестоко обращались. В октябре 1941 года я был направлен на работу на плантацию лечебных трав, и позднее работал в лаборатории лекарственных трав. В июне 1942 года я был направлен в госпиталь в качестве хирурга. Вскоре после этого мне приказали провести операцию желудка у двадцати вполне здоровых заключенных. Так как я отказался это сделать, меня поместили в отдел по вскрытию трупов, где я и оставался до апреля 1945 года. Там я произвел более семи тысяч вскрытий. Всего под моим руководством было произведено двенадцать тысяч вскрытий. С середины 1941 года до конца 1942 года было произведено около 500 операций над здоровыми заключенными. Они производились для обучения студентов-медиков СС, врачей СС и включали в себя операцию желудка, горла, селезенки и желчного пузыря. Они производились

студентами и врачами, которые занимались до этого лишь два года, хотя операции были весьма опасными и трудными. Обычно эти операции может делать только хирург, который имеет по крайней мере четыре года хирургической практики. Многие заключенные умирали на операционном столе или после этого от всякого рода осложнений. Я вскрывал тела всех умерших. Среди врачей, которые руководили этими операциями, были доктора: Ланг, Мюрмельштадт, Волтер, Рамзауэр и Кар; штандартенфюрер доктор Лоллинг часто присутствовал на этих операциях.

Во время моего пребывания в Дахау я был свидетелем многочисленных медицинских экспериментов над людьми. Эти лица никогда не соглашались на это добровольно, но их принуждали. Более 1200 человек заключенных были подвергнуты опытам с малярией доктором Клаусом Шиллингом с 1941 года по 1945 год. Доктор Шиллинг получил персональный приказ Гимmlера проводить эти эксперименты. Жертвы подвергались укусам комаров, или им делали вливания споровиков малярии, взятых у москитов.

Применялись различные методы лечения: хинином, пирифером, неосальварсаном, антипирином, пирамидоном, а также особым медикаментом, который назывался «2516-Беринг». Я вскрывал тела людей, погибших от этих экспериментов. От 30 до 40 человек погибли непосредственно от малярии, 300—400 человек умерли от смертельных болезней, которые были вызваны физическим состоянием после припадков малярии. Люди умирали также от принятия сильных доз неосальварсана и пирамидона.

В 1942—1943 гг. эксперименты над людьми производились доктором Рашером С., который устанавливал действие, оказываемое изменением воздушного давления. Около 25 человек одновременно помещались в специально построенную камеру, в которой можно было повышать давление или уменьшать его в зависимости от надобности. Цель заключалась в том, чтобы установить действие высоты и быстрого спуска на парашюте на состояние людей.

Я видел через окно людей, которые лежали без сознания на полу этого сооружения. Большинство из заключенных погибали от этих экспериментов в результате внутреннего кровоизлияния в мозг, в легкие; многие харкали кровью, когда их вынимали из камеры. Я должен был извлекать тела из камеры и посылать внутренние органы погибших для исследования в Мюнхен. От 400 до 500 заключенных были подвергнуты этим экспериментам. Те, которые не погибали, были переведены в отделение для инвалидов и впоследствии уничтожены.

Рашер проводил также эксперименты, заключающиеся в действии холодной воды на людей. Это делалось для того, чтобы установить способ оживления летчиков, потерпевших аварию и

упавших в море. Подвергавшийся эксперименту человек помещался в ледяную воду и оставался там до тех пор, пока не терял сознание. Затем у него брали кровь из шеи и проверяли всякий раз, когда температура его тела падала на один градус. Это устанавливали при помощи специального термометра. Периодически подвергалась исследованию и моча. Некоторые люди подвергались испытанию в течение 24—36 часов. Самая низкая температура тела достигала 19° по Цельсию. Большинство людей погибали при 25—26° по Цельсию. Людей затем брали из этой ледяной воды, и делалась попытка оживить их путем искусственного отогревания посредством искусственных солнечных лучей, горячей воды, электротерапией или человеческим теплом. В последнем случае использовали проститутку. Тело потерявшего сознание мужчины клали между телами двух женщин. Гиммлер сам присутствовал при этих экспериментах. Я видел его из окна. Я лично присутствовал на этих экспериментах с холодной водой, когда отсутствовал Рашер. Я видел заметки, диаграммы, касавшиеся этих опытов, в лаборатории Рашера.

Примерно 300 заключенных были использованы для этих экспериментов. Большинство из них погибло. Те, которые остались в живых, в большинстве случаев сходили с ума. Оставшиеся в живых направлялись в отделение для инвалидов, где их позднее убивали, так же как и жертв опытов повышенного воздушного давления. Я знаю только двух человек — югослава и поляка, которые выжили, но оба сошли с ума.

Проводились также опыты с печенью. Их проводил доктор Брахтль даже над здоровыми людьми, а также над теми, которые страдали болезнью желудка и желчного пузыря. С этой целью в печень вводилась игла и вырывался небольшой кусок печени, причем при этом не применялись никакие наркотические средства. Это был очень болезненный опыт, который приводил часто к серьезным осложнениям, так как имели место повреждение желудка и артерий, терялось большое количество крови, и люди погибали от кровоизлияния. Много людей погибли от этих опытов. Среди них были поляки, чехи и немецкие заключенные. В общей сложности от этого погибли около 175 человек.

Проводились также опыты по заражению флегмоной докторами Шютцем, Бабором, Кизельветтером и профессором Лауэром. Для этого около сорока здоровых людей использовались одновременно, двадцати из них производилось впрыскивание в мускулы, другим двадцати — вливание в вену гноя, который был взят от больного флегмоной. В течение трех дней больным не оказывалась никакая медицинская помощь, что приводило к серьезным воспалительным процессам, и нередко наступало заражение крови. Затем каждая группа делилась на группы

в десять человек: половина подвергалась химическому лечению при помощи различных жидкостей и пилюль через каждые десять минут в течение 24 часов, остальных лечили сульфамидами и производили операции. В некоторых случаях ампутировали все конечности.

Произведенное мною вскрытие показало, что химическое лечение было весьма вредным и часто вызывало прободение желудка. Для этих опытов брали обычно голландских, польских и чешских священнослужителей. Боль была весьма велика. Большинство из 800 человек погибли, а остальные были изуродованы и впоследствии умерщвлены.

Осенью 1944 года 60—80 человек были подвергнуты опытам с соленой водой. Их заперли в комнату и в течение пяти дней им не давали ничего, кроме соленой воды. В течение этого времени исследовали их кровь и мочу. Никто из заключенных не погиб, возможно, потому, что они тайком получали пищу от других заключенных. Для этих экспериментов использовались венгры и цыгане.

Широко практиковалось снятие кожи с трупов заключенных. Доктор Рашер и доктор Волтер особенно требовали снимать человеческую кожу с шеи и спины. Ее подвергали химической обработке и затем высушивали на солнце. Эту кожу использовали для изготовления седел, перчаток, домашних туфель и дамских сумок. В особенности ценили эсэсовцы татуированную кожу. Однако было запрещено использовать и кроить кожу немцев. Кожу брали только со здоровых заключенных, и она не должна была иметь какие-либо дефекты. Иногда, когда не хватало такой кожи, Рашер говорил: «Мы достанем вам эти тела». На следующий день мы получали тела 20—30 молодых людей. Их расстреливали обычно в шею или в голову таким образом, чтобы не повредить кожу.

Часто мы получали запросы о скелетах и черепах заключенных. В этих случаях мы вываривали тела или черепа, а затем мягкие части устранялись, кости высушивались и сортировались. Нам нужны были черепа с хорошими зубами. Когда нас спрашивали об этом, эсэсовцы говорили: «Хорошо, мы достанем вам».

Таким образом, было опасно иметь хорошую кожу или зубы. Из Штрутгофа, Бельзена, Освенцима и Маутхаузена в Дахау часто приходили транспорты. Многие заключенные находились в пути от 14 до 20 дней без воды и без пищи. Так, в транспорте, прибывшем в ноябре 1942 года, я обнаружил следы людоедства. Заключенные, оставшиеся в живых, ели тела мертвецов. Другой транспорт прибыл из Компьена (Франция).

Профессор Лимузен (Клермон-Ферран), который позднее был моим помощником, рассказывал, что в этом транспорте

было около двух тысяч заключенных, когда он отправился в путь. Пищу можно было достать, но совершенно не было воды. 800 человек погибли по дороге, и их выбрасывали на ходу. Через двенадцать дней по прибытии поезда было обнаружено еще 500 человек мертвых. Остальные погибли вскоре после прибытия. Я обследовал этот транспорт, так как со стороны Международного Красного Креста был заявлен протест. Эсэсовцы хотели составить отчет, согласно которому люди якобы были убиты при попытке организовать мятеж. Я вскрыл целый ряд тел и установил, что люди погибли от удушья и от недостатка воды. По 130 человек помещалось в одном товарном вагоне.

В 1941—1942 гг. мы имели транспорты инвалидов. В этих транспортах находились люди, которые были больны или не способны работать. Мы называли их командами «вознесения на небо». 100—120 человек каждую неделю направлялись в так называемые душевые. Там четыре человека делали им впрыскивание фенола, эвипана или бензина, что вызывало быструю смерть. После 1943 года этих инвалидов направляли для истребления в другие лагеря. Я знаю, что их там убивали, так как я видел протоколы и статистику. На отчетах имелась пометка в виде креста и дата, когда они уехали. Так обычно регистрировали смертников. Об этом также указывалось в картотеке и в записях в лагере Дахау. Каждые три месяца таким путем отправлялось от тысячи до двух тысяч человек. Таким образом, примерно 500 тысяч человек были посланы в 1943 и 1944 гг. на смерть.

В апреле 1945 года в Дахау был составлен транспорт из евреев. Его оставили стоять на путях, так как железная дорога была разрушена после бомбардировки. Их оставили так просто погибать от голода. Им не разрешали выходить. К тому времени, когда лагерь был освобожден, все они были мертвы.

В самом лагере происходили многочисленные казни путем применения газов, расстрелов или впрыскиваний. Строительство газокамер было закончено в 1944 году, и я был вызван доктором Рашером для обследования первых жертв. Из восьми или девяти лиц, которые помещались в камерах, трое были еще в живых, остальные были, по-видимому, мертвы. Их глаза были красны и лица опухли. Многие заключенные позднее погибли таким же образом. Затем их перевозили в крематорий, где я должен был осматривать зубы. Золотые зубы извлекались.

Многие больные заключенные умирали от впрыскиваний в госпитале. Многие заключенные, умершие в госпитале, поступали для вскрытия без фамилии или номера на особом ярлыке, который обычно привязывался к их ноге. При этом говорилось: «Не подвергать вскрытию».

Я вскрыл несколько таких трупов и установил, что они были абсолютно здоровы и погибли исключительно от впрыскиваний.

Некоторых заключенных убивали только потому, что они имели дизентерию, их тошнило, в результате чего они причиняли сестрам много забот. Душевнобольных уничтожали. Им делали в камерах впрыскивания или расстреливали. Расстрел происходил обычно перед крематорием. Затем их вносили в крематорий. Я видел, как люди вталкивались в печь тогда, когда они были еще живыми, кричали, дышали и сопротивлялись. Если они слишком шумели, их оглушали ударом в голову.

Обычно казни, о которых я знал из произведенных мною обследований жертв, были следующими. Было казнено следующее количество лиц.

В 1942 году от пяти до шести тысяч русских было заключено в отдельный лагерь внутри Дахау, их затем выставили на край окопа близ лагеря группами по 500—600 человек и расстреляли. Эти группы приводились из лагеря три раза в неделю. Затем их привозили вечером обратно, и мы обследовали их тела.

В феврале 1944 года примерно 40 русских студентов прибыли из Мосбурга. Я видел многих в госпитале. Я вскрыл их тела после того, как они были расстреляны у стен крематория. В сентябре 1944 года группа из 94 русских, занимавших высокие военные посты, была расстреляна, включая двух военных врачей, которые работали со мной. Я вскрыл эти тела. В апреле 1945 года целый ряд лиц, занимавших видные посты, был расстрелян, в том числе были расстреляны два французских генерала, имена которых не могу вспомнить. Но я их узнал по мундирам. Я их осматривал после того, как они были расстреляны.

В 1944—1945 гг. много женщин было повешено, расстреляно и погибло от впрыскиваний. Я изучал их тела и нашел в некоторых случаях, что они были беременны. В 1945 году, накануне освобождения из лагеря, были казнены все заключенные, арестованные по операции под названием «Мрак и туман». Этим заключенным запрещалось поддерживать всякий контакт с внешним миром. Их держали в строгой изоляции, и им не разрешалась никакая переписка. Их было 30 или 40 человек. Некоторые из них были больные. Для казни их приносили в крематорий на носилках. Я обследовал их тела и нашел, что они были расстреляны выстрелом в затылок.

Начиная с 1941 года лагерь все более и более переполнялся. В 1943 году госпиталь для заключенных был забит до отказа. Таким образом, в 1944—1945 гг. было невозможно предъявлять какие-либо требования в смысле гигиены. Помещения,

которые в 1942 году вмещали 300—400 человек, в 1943 году вмещали 1000 человек, в первом квартале 1945 года — уже 2000 человек и более.

Невозможно было производить какую-либо чистку помещений, так как они были забиты людьми и нечем было производить уборку. Люди месяцами не мылись. Не хватало уборных. Медикаментов почти не существовало. После освобождения лагеря я обнаружил, что для эсэсовцев имелось в госпитале большое количество медикаментов, которые привозились в лагерь, но ни разу они не давались для оказания помощи заключенным.

Вновь прибывшие в лагерь должны были часами ждать на открытом воздухе. Иногда стояли с утра до ночи независимо от того, было это зимой или летом. Так было в 1943—1944 гг., в первой четверти 1945 года. Я видел этих вновь прибывших заключенных из окна комнаты, где производилось вскрытие. Многие из этих людей, которые стояли на холоде, заболели воспалением легких и погибали. У меня было много знакомых среди людей, которые погибли таким образом в 1944—1945 гг.

В октябре 1944 года прибыл транспорт с венграми, который занес сыпной тиф в лагерь, и разразилась эпидемия. Я обследовал многие тела из этого транспорта и доложил об этом доктору Хинтермейеру. Он мне под угрозой смертной казни запретил говорить о том, что такая эпидемия была занесена в лагерь. Он сказал, что это будет рассматриваться как саботаж, ибо заключенные не смогут работать в промышленности по производству оружия.

Никаких предупредительных мер не принималось. Новые лица, которые были здоровыми, помещались в эти же бараки и таким образом подвергались заболеваниям. Лица, которые были подвержены заболеванию, также помещались в эти бараки, 30-й барак трижды вымирал от эпидемии. Только на рождество, когда эпидемия перекинулась в лагерь СС, был наложен карантин. Тем не менее транспорты продолжали прибывать. В день мы имели от 200 до 300 заболеваний тифом и примерно 100 человек погибали от тифа. Всего было около 28 тысяч заболеваний тифом и из них 15 тысяч смертных случаев.

В дополнение к этому количеству многие погибли, как показали мои вскрытия, исключительно от недостатка питания. Такие смертные случаи имели место с 1941 года по 1945 год. В большинстве случаев это были итальянцы, русские и французы. Эти лица были буквально умерщвлены голодной смертью. Когда они погибали, они весили 50 или 60 фунтов. Вскрытие показало, что их внутренние органы сократились до одной трети нормального размера.

Указанные выше факты являются истинными, я написал о них добровольно. Перечитав это заявление, я подписал его и то же самое подтверждаю в Нюрнберге, Германия, 9 января 1946 г.

Доктор Франц Блаха

Подписано в моем присутствии и под присягой подтверждено.

Лейтенант Даниэль Марголис.

Доктор Блаха, скажите, лагерь Дахау во время Вашего пребывания посещался кем-нибудь?

Блаха: В нашем лагере бывало очень много посетителей, заключенным иногда казалось, что мы вообще находимся не в лагере, а на какой-нибудь выставке или в зоопарке. Иногда имели место посещения или экскурсии военных представителей, были экскурсии из школ, из различных медицинских и других учреждений. Кроме того, лагерь посещали представители полиции, СС, Бормана и, кроме того, лагерь посещали некоторые государственные деятели. Обычно инспекция проходила из месяца в месяц. Такие инспекции проводили генерал-инспектор концентрационных лагерей обергруппенфюрер Поль, затем инспектор экспериментальных станций рейхсфюрера СС профессор Гравиц, штандартенфюрер доктор Лоллинг и другие лица.

Додд: Можете ли Вы сказать, какова в среднем была продолжительность таких визитов?

Блаха: Различная. Это зависело от того, какие посещения имели место. Некоторые посещения длились полчаса, а иногда 3—4 часа.

Додд: Посещали ли лагерь важные правительственные чиновники, и видели ли Вы тогда кого-нибудь из них?

Блаха: Когда я находился там, в лагерь приезжали многие лица. Например, неоднократно лагерь в Дахау посещал рейхсфюрер Гиммлер, он также присутствовал во время различных опытов. При этом присутствовал я лично. Лагерь посещали также и другие лица. Я сам видел трех министров и слышал от многих других политических заключенных-немцев, которые видели их, что они были в лагере. Кроме того, я дважды видел там высших итальянских офицеров и однажды видел одного японского офицера.

Додд: Не помните ли Вы имена кого-либо из этих важных правительственных чиновников?

Блаха: Кроме Гиммлера, в лагере бывали Борман, затем гаулейтеры Вагнер и Гислер, затем министры Франк, Розенберг, Функ, Заукель, затем генерал полиции Далюге и другие.

Додд: Что, эти лица, которых Вы перечислили, осматривали лагерь?

Блаха: Обычно экскурсии по лагерю организовывались таким образом, что экскурсантов сначала вели на кухню, затем в прачечную, затем в госпиталь и обычно на те станции, где производились хирургические операции, затем на малярную станцию профессора Шиллинга и на экспериментальную станцию доктора Рашера, затем в бараки, особенно немецких заключенных.

Иногда они посещали также церковь, которая была построена там только для немецких священников. Во время этих посещений экскурсантам иногда показывали различных заключенных. Это организовывалось таким образом: сначала показывали «зеленого», то есть уголовного преступника, которого представляли в качестве убийцы, затем обычно показывали бургомистра Вены доктора Шмидта. Далее показывали высшего чешского офицера, затем гомосексуалиста цыгана, католического епископа или высшего польского священника, профессора университета. В таком порядке проходило занимательное представление заключенных.

Додд: Насколько я помню, Вы в числе других, посещавших лагерь, упоминали Кальтенбруннера?

Блаха: Да, там был и Кальтенбруннер. Он был с генералом Далюге. Это было, насколько я помню, в 1943 году, так как я был заинтересован в том, чтобы увидеть генерала Далюге, который после смерти Гейдриха был протектором в Богемии и Моравии, и я хотел его узнать.

Додд: Видели ли Вы сами Кальтенбруннера в этом лагере?

Блаха: Да, мне его показали. Ранее я его не видал.

Додд: Насколько я помню, вы также называли имя Фрика как одного из тех, кто посещал лагерь?

Блаха: Да. Насколько я помню, это было в первой половине 1944 года.

Додд: Где Вы его видели в лагере?

Блаха: Я видел его из окна госпиталя, когда он шел со своим штабом к госпиталю. Кроме того, с ним было несколько других лиц.

Додд: Не можете ли Вы опознать человека, которого Вы называете Фриком, в зале Суда?

Блаха: Да. Это — четвертый в первом ряду с правой стороны.

Додд: Насколько я помню, Вы также называли Розенберга в числе тех лиц, которые посещали лагерь?

Блаха: Я вспоминаю, что это было вскоре после моего прибытия в концентрационный лагерь Дахау. Тогда лагерь посещали какие-то лица, и мои немецкие товарищи показали мне Розенберга.

Додд: Не опознаете ли Вы этого человека сейчас в этом зале Суда?

Блаха: Да. Он — второй, дальше налево, второй после Фрика на первой скамье.

Додд: Насколько я помню, Вы также говорили о Заукеле?

Блаха: Но я лично его не видел. Я только слышал, что он посетил тогда военные немецкие заводы. Это было, кажется, в 1943 году.

Додд: Что, тогда все знали, что Заукель посетил лагерь?

Блаха: Да, это было всем известно.

Додд: Насколько я понял, Вы также назвали в числе лиц, которые посещали лагерь, Функа?

Блаха: Он также присутствовал в лагере во время одного из посещений, и я вспоминаю, что это было в связи с каким-то государственным совещанием держав оси в Зальцбурге или Рейхенхалле. Было обычаем, что при таких случаях (партийный съезд или праздник в Мюнхене, Берхтесгадене или Зальцбурге) различные лица предпринимали экскурсии в лагерь Дахау. Такой случай имел место и с Функом.

Додд: Вы лично видели Функа в лагере?

Блаха: Нет, Функа я тогда лично не видел, я лишь узнал, что он посетил лагерь.

Додд: Что, это было общеизвестно, это все знали?

Блаха: Да, об этом мы знали заранее, что он должен посетить лагерь.

Додд: После 1944 года, в начале 1945 года, эти визиты также продолжались?

Блаха: Да, имелось также несколько посещений, но очень немного, потому что тогда в лагере свирепствовала эпидемия сыпного тифа и на лагерь был наложен карантин.

Додд: Сейчас вы являетесь начальником госпиталя в Праге, не так ли?

Блаха: Да.

Додд: У меня нет больше вопросов, ваша честь.

Председатель: Кто-нибудь из представителей обвинения хочет задать вопросы? Полковник Покровский?

Покровский: Скажите, свидетель, известно ли Вам, какое назначение имел лагерь Дахау? Был это концентрационный, так сказать рабочий лагерь, или же это был лагерь уничтожения?

Блаха: До 1943 года это действительно был лагерь уничтожения. С 1943 года в этом лагере было создано много оружейных мастерских и заводов боеприпасов, особенно когда начались бомбардировки; впоследствии этот лагерь становился все более и более трудовым лагерем. Но что касается результатов, то различия не существовало, так как люди должны были

работать так же тяжело и были столь же голодны, и если они раньше умирали от побоев, то теперь от голода и истощения.

Покровский: Должен ли я Вас понимать так, что фактически и до 1943 года и после 1943 года Дахау был лагерем уничтожения, только уничтожали разными способами?

Блаха: Да.

Покровский: Сколько, по Вашим наблюдениям, через этот лагерь уничтожения Дахау прошло заключенных, прибывших туда из СССР?

Блаха: Этого я не могу сказать совершенно точно. Сначала, с ноября 1941 года, это были исключительно русские военнопленные, в военной форме. Они имели отдельный лагерь и были через несколько месяцев ликвидированы. Летом 1942 года оставшиеся в лагере военнопленные были переведены в Маутхаузен, и, как я это впоследствии узнал от людей, которые приехали из Маутхаузена в Дахау, эти русские военнопленные в Маутхаузене были ликвидированы в газовых камерах. После этих пленных в Дахау были привезены русские дети. Я думаю, их было примерно 2 тысячи. 16—17-летние юноши. Их держали в двух особых бараках, им были приданы особо жестокие люди — «зеленые», которые били их на каждом шагу. И эти молодые...

Покровский: Что Вы называете «зелеными»?

Блаха: Это были так называемые преступники-профессионалы. Они били этих юношей и заставляли их делать самую трудную работу. Их особенно использовали на плантациях, где они должны были пахать, сеять и производить всю работу, которую должны были бы производить лошади или моторы. Во всех транспортных командах также использовались исключительно русские дети. Примерно 70 процентов из них умерли от туберкулеза, и оставшиеся были затем в конце 1943 года и в начале 1944 года перевезены в Тироль, в особый лагерь.

Затем после этих детей в лагерь Дахау было доставлено и уничтожено несколько тысяч так называемых «восточных рабочих». Это были гражданские чиновники, которые были высланы из восточных районов в Германию и которых по обвинению в так называемом «саботаже» послали в концентрационные лагеря. Кроме того, в этом лагере содержались многие русские офицеры и люди умственного труда.

Покровский: Я просил бы Вас уточнить Ваш ответ относительно тех, кого Вы называли «зелеными». Правильно ли я Вас понял таким образом, что эти уголовные преступники выполняли обязанности надсмотрщиков над теми заключенными, которые прибывали в лагерь?

Блаха: Да. Вы правильно поняли.

Покровский: И что в полную власть этих уголовных преступников отдавались дети советских граждан, прибывавшие в этот лагерь для того, чтобы их истязали, били и надрывали на непосильной работе, кончавшейся появлением туберкулеза?

Блаха: Да, правильно.

Покровский: Что Вам известно относительно происшедших в этом лагере казней граждан СССР?

Блаха: Я думаю, что я правильно скажу, что из всех казненных лиц в этом лагере примерно 75 процентов составляли русские граждане, и это касалось равным образом мужчин и женщин, которых присылали для казни.

Покровский: Не можете ли Вы сказать более подробно о казни 94 старших и высших офицеров Красной Армии, относительно которых Вы ответили на вопросы моего коллеги? Кто это был, какие это были офицеры, по каким мотивам их казнили? Знаете ли Вы что-нибудь по этому поводу?

Блаха: Летом или поздней весной 1944 года старшие русские офицеры: генералы, полковники и майоры — были доставлены в Дахау. Их допросили в ближайшую неделю в политическом отделе, то есть их доставляли после каждого такого допроса в совершенно истерзанном состоянии в госпиталь, так что я мог видеть некоторых из них и хорошо знал их. Это были люди, которые неделями могли лежать только на животе, и мы должны были удалять отмиравшие части тела и мускулов оперативным путем. Некоторые не выдерживали подобных методов допроса, остальные затем по распоряжению из Берлина, из главного имперского управления безопасности, в начале сентября 1944 года были доставлены в крематорий и там на колених были расстреляны выстрелом в затылок. Кроме того, зимой и весной 1945 года в лагерь были доставлены многие русские офицеры, которые поодиночке были либо повешены в крематории, либо расстреляны.

Покровский: Такой же вопрос я хотел бы задать Вам относительно казни 40 русских студентов. Не сможете ли Вы сообщить подробности этой казни?

Блаха: Да, могу. Эти русские студенты, как и вообще все люди умственного труда, — насколько я помню, среди них находился также врач, — были доставлены в Дахау из лагеря в Мосбурге. Спустя месяц все эти люди были казнены. Это было в марте 1944 года.

Покровский: Вам не известно, что послужило поводом для их казни?

Блаха: Это было сделано согласно распоряжению из Берлина. Обоснований мы, конечно, не узнали, так как мы всегда лишь после казни получали доступ к трупам, а обоснование зачитывалось до казни.

Покровский: Таким образом, эта казнь производила впечатление одного из этапов общего плана уничтожения людей, поступавших в Дахау?

Блаха: Да. Это вообще имело место по отношению ко всем казням и всем транспортам инвалидов и т. д. План, его можно было видеть даже в том, как относились к эпидемическим заболеваниям; все это было частью плана уничтожения. Особенно я должен подчеркнуть, что русские пленные подвергались всегда самому дурному и жестокому обращению.

Покровский: Не будете ли Вы добры сказать, что Вам известно относительно тех заключенных, которые входили в категорию «Нахт унд Небель» («Мрак и туман»)? Много ли было таких заключенных? Не известно ли Вам, за что они попали в концентрационный лагерь?

Блаха: В концентрационный лагерь прибывали многие заключенные, относившиеся к категории «Нахт унд Небель». Под этим определением подразумевались главным образом представители западных держав, особенно французы, бельгийцы, голландцы. В отношении русских, а также и в отношении чехов обычно стояла пометка «возвращение нежелательно». Собственно, это было то же самое. Многие из этих людей незадолго до освобождения лагеря по приказанию коменданта были казнены, то есть расстреляны около крематория. Между ними в основном находились французы и русские, а также многие, которые страдали тяжелой формой сыпного тифа и зачастую имели температуру свыше 40 градусов. Их нужно было доставлять к месту казни на носилках.

Покровский: Мне кажется, что Вы упоминали относительно значительного числа заключенных, умерших от недоедания. Не сумеете ли Вы сказать, как велико общее число этих людей, погибших в лагере от недоедания?

Блаха: Я думаю, что примерно две трети общего состава лагеря страдали сильной формой истощения и по меньшей мере 25 процентов всех умерших в лагере были люди, которые умерли просто от голода. По-немецки это называли «голодным тифом». Кроме того, наиболее распространенной болезнью в лагере являлся туберкулез, который также в основном возникал на этой почве, то есть на почве недоедания; от этой формы туберкулеза особенно умирали русские заключенные.

Покровский: Мне кажется, что Вы сказали, отвечая на вопрос моего коллеги, что большинство умерших от истощения составляли русские, французы и итальянцы? Чем Вы объясняете, что именно эта категория заключенных в большом количестве умерла от голода?

Блаха: Это обстояло таким образом, что остальные — немцы, поляки, чехи, которые уже находились долгое время

в лагере, имели время, если можно так сказать, в физическом отношении несколько приспособиться к тем условиям, которые существовали в лагере, а русские очень быстро сменялись в лагере. Это же имело место в отношении французов и итальянцев. Кроме того, все эти три нации преимущественно поступали в этот лагерь уже из других лагерей и в очень истощенном состоянии, так что они не могли сопротивляться эпидемии и заболеваниям. Кроме того, немецкие заключенные, польские и некоторые другие, которые работали на заводах вооружения, имели возможность с 1943 года получать посылки из дому. Это, естественно, не имело места в отношении пленных из Советского Союза, Франции и Италии.

Покровский: Не можете ли Вы ответить на вопрос о том, что видели Розенберг, Кальтенбруннер, Заукель и Функ, когда они бывали в лагере Дахау? Не известно ли Вам, что им показывали в этом лагере?

Блаха: Я не имел возможности следить за этими посещениями; очень редко удавалось видеть из окон, как эти посетители ходили по лагерю, а также видеть, куда они направлялись. Я имел редкую возможность присутствовать при посещениях Гимmlера, обергруппенфюрера Поля и один раз присутствовал при посещении гаулейтера Гислера, когда мы показывали опыты или отдельных пациентов в госпитале. Об остальных посещениях я не имею представления, то есть я не могу сказать, что они там видели и что делали.

Покровский: Может быть, были у Вас случаи наблюдать, как долго находились в лагере эти люди? Носили ли их посещения характер краткого визита на несколько минут или они задерживались там больше — я имею в виду Розенберга, Кальтенбруннера, Заукеля и Функа?

Блаха: Это происходило самым различным образом. Некоторые посещения длились только полчаса, а некоторые посещения — по три часа. Это мы всегда могли хорошо наблюдать, так как в это время не разрешалось работать, в это время не раздавали также пищу, и мы не могли даже производить работу в госпитале и должны были всегда ждать, пока нам не будет дан сигнал о том, что визит окончен и посетители покинули лагерь. По другим признакам я не мог бы судить о длительности этих посещений в отдельных случаях.

Покровский: Не припоминаете ли Вы, посещения Кальтенбруннера, Розенберга, Функа и Заукеля, если определить по тому признаку, который Вы сейчас назвали, носили только кратковременный характер или эти лица задерживались там на несколько часов? Вы поняли этот вопрос?

Блаха: К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос. Я уже сказал, что посещения лагеря происходили так часто,

что сейчас нельзя восстановить хронологически, были ли эти визиты короткими или продолжительными. Некоторые посещения, например, посещения школ, военных и полицейских школ, длились иногда в течение целого дня.

Покровский: Благодарю Вас. У меня больше нет вопросов к этому свидетелю на данной стадии процесса.

Дюбост: Вы сказали о транспорте французских заключенных из Компьена, из которых приехали только 1200 человек живых? Были ли еще другие?

Блаха: Да. Были транспорты из Бордо, Лиона и Компьена. Все они имели место в первой половине 1944 года.

Дюбост: Все ли транспорты находились в одинаковых условиях?

Блаха: Все условия этих транспортов, если не были такими же самыми, то во всяком случае были похожими.

Дюбост: Каждый раз по прибытии Вы констатировали, что было много жертв?

Блаха: Да.

Дюбост: Какие были причины их гибели?

Блаха: Причины их гибели состояли в том, что людей запикивали в огромных количествах в вагон, затем закрывали, и они находились там в течение многих дней без пищи и воды. Обычно они либо умирали от голода, либо задохнулись. Оставшиеся в живых поступали в большом количестве в госпиталь лагеря, где большая часть из них также умирала от различных осложнений или заболеваний.

Дюбост: Вскрывали Вы тех, кто умирал во время переезда?

Блаха: Да. Я должен был обследовать все трупы убитых, однако не мог выявить следов каких-либо насилий. Кроме того, я обследовал десять трупов и подверг их полному вскрытию, составив специальный протокол, который я затем послал в Берлин. Все эти люди умерли от удушья. Я мог установить также во время этого обследования, что это были выдающиеся люди Франции. Это я мог узнать по документам, а также по мундирам; это были старшие французские офицеры, депутаты, священники, а также состоятельные люди, которые были помещены в вагоны и посланы в Дахау.

Дюбост: После доклада, который Вы передали в Берлин, условия, в которых происходила транспортировка, остались прежними или нет?

Блаха: Как и всегда, ничего не последовало. Всегда писались большие донесения, но условия отнюдь не улучшались.

Дюбост: Вы указали, что многочисленные военные посетители, студенты, политические деятели Германии много раз

посещали лагерь. Можете ли Вы сказать, что простые рабочие, крестьяне знали о том, что происходило в Дахау.

Блаха: По-моему, люди из местности вокруг Мюнхена должны были все это знать, так как заключенные ежедневно посылались в различные предприятия в район Мюнхена и на работе очень часто соприкасались с гражданскими рабочими этой местности.

Кроме того, на плантации и на заводы германского вооружения приходили многие поставщики и прочие чиновники, которые видели все, что делали с заключенными и как они выглядели.

Дюбост: Можете ли Вы сказать, каким образом обращались с французами?

Блаха: Если я говорил, что хуже всего обращались с русскими, то после русских заключенных самому дурному обращению подвергались французы. Существовало различие в обращении с отдельными людьми. Люди, принадлежавшие к категории «Мрак и туман», а также выдающиеся политические деятели и деятели умственного труда подвергались особому обращению. Это имело место в обращении с представителями всех наций, иным было также обращение с рабочими и крестьянами.

Дюбост: Если я правильно Вас понимаю, обращение с французскими работниками умственного труда было особенно ужасным? Знаете ли Вы имена этих отдельных французских интеллигентов?

Блаха: Насколько я помню, я имел много товарищей среди врачей и университетских профессоров, которые работали в качестве врачей в госпитале. К сожалению, большинство из этих людей умерли от эпидемии сыпного тифа. Вообще нужно сказать, что большинство французов умерли от эпидемии сыпного тифа. Я лучше всего помню профессора Лимузена, который прибыл в очень тяжелом состоянии из Компьена. Я взял его к себе в госпиталь и пользовался его услугами в качестве патолога и ассистента. Затем я помню епископа города Клермон-Феррана, кроме того, ряд других врачей и профессоров университетов, которых я знал. Я помню профессора доктора Роша, доктора Лемаргена и многих других. Я сейчас уже забыл их имена.

Дюбост: Во время разговоров с доктором Рашером говорил ли он Вам о сущности тех экспериментов, которые он производил?

Блаха: Доктор Рашер производил эксперименты, связанные с деятельностью военно-воздушных сил Германии. Он был майором военно-воздушных сил и был уполномочен произвести опыты по выявлению условий, которые возникали при прыжке с парашютом, а также в отношении тех явлений, которые возникали у летчиков, которые делали вынужденную посадку или

падали в море. С точки зрения науки и ее правил, о которых я могу судить, это вообще не имело никакого смысла, и это было, как и в отношении многих других экспериментов, лишь бесполезным убийством и истязанием людей. И нужно только удивляться, как ученые, университетские профессора и врачи вообще могли планомерно проводить подобные эксперименты, так как это по существу было значительно хуже, чем какие-либо казни или ликвидации, так как при всех этих опытах страдания людей только усиливались и им давались различные медикаменты, анестезирующие и тонизирующие вещества, которые обычным пациентам не давались, но только для той цели, чтобы эти опыты продолжались более длительное время и люди могли бы наблюдать свои жертвы более продолжительное время.

Дюбост: Я сейчас говорю об экспериментах доктора Рашера. Получал он приказ производить эти опыты или он это делал по собственной инициативе?

Блах: Это делалось по непосредственному приказу Гимmlера. Доктор Рашер находился в тесных, даже родственных связях с Гимmlером. Он часто посещал Гимmlера, и Гимmlер часто навещал Рашера.

Дюбост: У вас нет никаких сведений о квалификации врачей, которые производили опыты? Были ли это настоящие врачи, члены различных академий?

Блах: Это было по-разному. Например, станция, производившая опыты по малярии, возглавлялась профессором Клаусом Шиллингом из института Коха в Берлине. Станцией, занимавшейся опытами в области флегмоны, также руководили различные университетские профессора. На хирургической станции были только врачи СС. На станции, связанной с вопросами военно-воздушных сил, были только эсэсовские и военные врачи. Это не всегда было одно и то же. Опыты с морской водой проводились профессором Блейбеком из Вены.

Дюбост: Те опыты, которые делались, проводились всегда по приказу Гимmlера?

Блах: Да, Гимmlера.

Дюбост: Знаете ли Вы, сколько французов прошло через этот лагерь?

Блах: Я думаю, по меньшей мере, 8 или 10 тысяч французских пленных были доставлены в лагерь. Кроме того, я знаю очень хорошо, что особенно в последнее время несколько тысяч французских заключенных перемещались из западных лагерей пешком по направлению в лагерь Дахау, а лагерь достигли лишь очень немногие.

Дюбост: Благодарю Вас.

Председатель: Сможете ли Вы сказать, к какой части германской службы принадлежал состав, работавший в лагере?

Блах: Если я правильно понял, то руководство в отношении всех вопросов, связанных с жизнью лагеря, находилось в руках главного имперского управления безопасности. Все запросы и приказы поступали из Берлина. Также обстоит дело в отношении экспериментальных станций и контингента объектов для экспериментов; работа проводилась здесь тоже по указаниям из Берлина, и если экспериментирующие врачи использовали большое количество людей, то они должны были согласовать этот вопрос с Берлином.

Председатель: Да, но я хотел узнать, к какому ответвлению германской службы принадлежали люди, входившие в состав работников лагеря?

Блах: Это были сплошь эсэсовцы и преимущественно представители СД. В последнее время в лагере были охранники из армии. Но руководили всегда только эсэсовцы.

Председатель: Были ли там члены гестапо?

Блах: Да, это был так называемый политический отдел, которым руководил начальник мюнхенского гестапо. Этот отдел проводил все допросы и имел полномочия по всем вопросам, включая казни... Он также определял тех людей, которые назначались для медицинских экспериментов.

Председатель: Не хотят ли защитники провести перекрестный допрос свидетеля?

Заутер¹: Господин свидетель, Вы рассказали нам, что однажды лагерь посетил также подсудимый Функ, и Вы сказали, если я Вас правильно понял, что это происходило в связи с каким-то праздником или в связи с каким-то государственным сощещением представителей стран оси. Я прошу напрячь Вашу память, может быть, Вы можете сказать, когда это приблизительно было? Может быть, Вы можете нам сказать год, а также о каком политическом празднестве шла речь?

Блах: Что касается Функа, насколько я припоминаю, это происходило по поводу какой-то конференции по финансовым вопросам; об этом писалось в газетах, что она состоится, и мы заранее получили извещение о том, что некоторые из этих министров приедут посетить лагерь Дахау. И затем, действительно, в ближайшие дни такое посещение состоялось. Говорили, что среди этих министров находился министр Функ. Насколько я помню, это было в первой половине 1944 года. Точную дату я не смог бы указать.

Заутер: В первой половине 1944 года и в связи с конференцией по финансовым вопросам?

Блах: Да.

¹ Адвокат Заутер защищал подсудимого Функа. — Составители.

Заутер: Где же состоялась эта конференция по финансовым вопросам?

Блаха: Насколько я помню, я же этого тогда не записывал, это, вероятно, было или в Зальцбурге, или в Рейхенхалле, или в Берхтесгадене, или же где-то вблизи Мюнхена.

Заутер: От кого же Вы узнали, что в ближайшие дни состоится такое высокое посещение?

Блаха: Мы всегда получали соответствующее распоряжение для того, чтобы все было подготовлено для такого посещения. Всегда велись большие приготовления: все чистилось, все должно было быть приведено в порядок. Люди, которые были: нежелательны при этом посещении или которые были в каком-то отношении опасны, должны были быть удалены. О таких больших посещениях мы узнавали за день или два и получали соответствующий приказ от коменданта лагеря. Такие посещения всегда проходили в сопровождении коменданта лагеря.

Заутер: Если Вы знаете и если говорилось, что в этом посещении участвовал обвиняемый Функ, то, я думаю, в лагере говорилось еще и о том, кто еще присутствовал при этом единственном посещении Функом лагеря?

Блаха: Я этого не помню. В таких посещениях участвовали всегда многие лица.

Заутер: Меня интересует только одно, не стало ли Вам известно о составе именно этого посещения, в котором участвовал Функ, и не говорилось ли об этом в лагере?

Блаха: Я не помню этого.

Заутер: Не можете ли Вы вспомнить, говорилось ли об этом посещении что-либо впоследствии, может быть, на следующий день или через день, может быть, людьми, которые видели это посещение?

Блаха: Да, мы всегда говорили об этом, но я сейчас не помню, какие лица участвовали именно в этом посещении и чьи имена упоминались.

Заутер: Господин свидетель, меня интересует именно это посещение, и меня интересует, не говорилось ли что-либо впоследствии о том, кто еще участвовал в этом посещении, кроме Функа?

Блаха: Я ничего не знаю об этом, потому что вообще посещений было очень много, так что, например, после каждого посещения на следующий день назначалось уже следующее посещение.

Заутер: Да, но Вы вспоминаете, например, о посещении Функа? Если бы в этом посещении участвовали и другие министры финансов, то, может быть, Вы могли бы вспомнить и их имена?

Блаха: Нет, я не помню этого. Может быть, люди с которыми я говорил, не знали этих других лиц.

Заутер: Знаете ли Вы, какие отделы лагеря были осмотрены людьми, участвовавшими в визите, в котором принял участие также Функ? Ваш отдел он, во всяком случае, не посетил?

Блаха: Нет, в патологическом отделе он не был.

Заутер: Но Вы также были подготовлены к тому, что эти люди Вас посетят?

Блаха: Да. Все отделы должны были быть готовы к посещению, даже если оно и не состоялось бы. Иногда бывало так: говорилось, что посещение должно было иметь место, но оно не состоялось затем по какой-нибудь причине...

Тома¹: Господин свидетель, скажите, существовал ли запрет в отношении ведения разговоров, который налагался на заключенных лагеря?

Блаха: Нет, конечно, только в случае, если кого-либо отпускали из лагеря, что происходило очень редко, особенно в отношении немцев, нужно было давать подписку о том, что будет храниться молчание.

Тома: Могли ли заключенные, работавшие в других районах, за пределами лагеря, беседовать с людьми о положении в лагере?

Блаха: Да, это имело место, так как люди находились в тех же мастерских, что и другие рабочие из гражданского населения. Это имело место на военных заводах, на всех заводах в Мюнхене и в окрестностях.

Тома: Если я Вас правильно понял, Вы говорили о том, что для посетителей, поставщиков и агентов имелась возможность наблюдать за теми условиями, в которых находились заключенные в лагере?

Блаха: Да, эти люди имели возможность видеть, что происходило на заводах, и могли видеть, как протекала жизнь в этих местах.

Тома: Наблюдала ли они дурное обращение с заключенными?

Блаха: Нет, они видели, как люди работают, как они выглядят и что там происходит. Например, я хорошо помню следующий случай. В то время я работал на плантации. Мы, 16 человек, должны были тянуть большой каток для утрамбовки; мимо нас проходила небольшая экскурсия девушек. Когда они проходили мимо нас, гид этой экскурсии громко сказал, чтобы все слышали: «Вот посмотрите, это такие лентяи, что вместо того чтобы запрячь пару лошадей, они тянут его сами». Это должно было быть остротой.

Тома: Господин свидетель, когда Вы имели возможность впервые сообщить о тех зверствах, о которых Вы рассказали

¹ Адвокат Тома защищал подсудимого Розенберга. — Составители.

сегодня, после того как были освобождены из концентрационного лагеря?

Блаха: Я не понял Вашего вопроса, прошу повторить.

Тома: Когда Вы впервые имели возможность сообщить об этих зверствах кому-либо постороннему после своего освобождения из лагеря?

Блаха: Сразу же после освобождения из лагеря. Я был тогда главным врачом концлагеря. Меня допросили американские следователи, и я сообщил им впервые о том, что видел в лагере, и предъявил им также различные доказательства: диаграммы, истории болезней и оборудование этих экспериментальных станций, которые я сумел спасти от сожжения.

Тома: Значит, Вашим сообщениям, которые Вы тогда дали, сразу же поверили?

Блаха: Да.

Тома: Вы сказали, что подсудимый Розенберг был показан Вам в концлагере в Дахау вскоре после того, как Вы попали туда?

Блаха: Да.

Тома: Когда это было?

Блаха: Насколько я помню, это было в первой половине 1941 года.

Тома: Можете ли Вы вспомнить месяц?

Блаха: Нет, я не помню этого. Я попал туда в апреле. Думаю, что это могло иметь место в промежутке времени с апреля до июля.

Тома: Значит, с апреля до июля 1941 года?

Блаха: Да, я так думаю.

Тома: Розенберг был тогда в форме?

Блаха: Да, в форме.

Тома: В какой?

Блаха: Я думаю, это был мундир СС, но я не могу точно сказать, какая форма. Я точно помню только, что на нем был какой-то мундир.

Тома: Значит, Вы хорошо вспоминаете, что это была черная форма СС?

Блаха: Нет, тогда СС уже не носила черной формы, так как с начала войны она носила уже полевые мундиры.

Тома: Вы думаете, что это была серая форма?

Блаха: Нет, я не помню точно, была ли это желтая, серая или коричневая форма.

Тома: Да, но ведь от этого многое зависит. Была ли это полевая форма?

Блаха: Я этого не помню, так как с 1939 года я находился в концлагере и не имел никакого представления о всех имею-

щихся разновидностях формы германской армии, чинов, войск и т. д.

Тома: Да, но Вы только что сказали, что форма была изменена во время войны?

Блаха: Даже люди из гестапо изменили свою форму. Когда я в 1939 году был арестован, все представители гестапо носили черные мундиры, но после начала войны большинство стали носить либо зеленые мундиры, либо серые.

Тома: Могу я Вас еще раз спросить, какой мундир имел тогда Розенберг: военного или мирного времени?

Блаха: Мне кажется, что это был мундир военного времени.

Тома: Подсудимый Розенберг был Вам показан Вашим товарищем?

Блаха: Да.

Тома: С какого расстояния?

Блаха: Он шел по дороге на расстоянии 30—40 шагов.

Тома: Вы хотите сказать, что это было на расстоянии 30—40 метров?

Блаха: Нет, я хотел сказать, на расстоянии 30—40 шагов.

Тома: Скажите, Вы до этого видели фотографии Розенберга? Вы его уже знали?

Блаха: Да.

Тома: Когда Ваш товарищ показал Вам Розенберга, должен ли он был подчеркнуть, что это был Розенберг, или Вы сами смогли узнать его на фотографии?

Блаха: Нет, когда он мне показал его, я вспомнил, что я его знаю по различным фотографиям в газетах...

Тома: Господин свидетель, подсудимый Розенберг заверяет со всей определенностью, что он никогда не посещал концлагеря Дахау. Тут, очевидно, какое-то недоразумение?

Блаха: Я думаю, что я не ошибаюсь, и тот немец, который мне сообщил о нем, хорошо знал Розенберга.

Тома: Откуда Вы это знаете?

Блаха: Потому что он мне сказал вполне определенно. Иначе я не мог бы этого никак установить.

Председатель (обращаясь к защитнику): Вы меня простите, если я замечу, что, поскольку условились, что этот процесс должен будет протекать возможно быстро, не следует занимать так много времени подобными незначительными вопросами...

Панненбекер¹: Подсудимый Фрик заявляет, что он никогда не посещал концентрационного лагеря Дахау. Я хочу поэтому задать несколько вопросов, которые могли бы выяснить

¹ Адвокат Панненбекер защищал подсудимого Фрика. — Составители.

это дело. На каком расстоянии Вы видели Фрика, господин свидетель?

Блаха: Я видел его из окна, когда он проходил мимо в окружении многих лиц.

Панненбекер: Знали ли Вы Фрика до того?

Блаха: Да, знал по фотографии.

Панненбекер: Вы сами узнали его или Вам кто-нибудь указал на него и сказал, что это Фрик?

Блаха: Нас стояло несколько человек, которые видели его, и я особенно внимательно смотрел на него, потому что он уже тогда был протектором Моравии и Богемии. Поэтому я был лично заинтересован в том, чтобы опознать его.

Панненбекер: Был ли Фрик в форме?

Блаха: Мне кажется, нет.

Панненбекер: Вы опознали кого-нибудь, кто находился в его свите, людей из штаба или из руководства лагерем?

Блаха: Из числа руководителей лагеря я узнал коменданта лагеря Вайтера. Штаба его я не знал...

Панненбекер: Могли бы Вы назвать кого-либо из своих товарищей, которые также опознали Фрика?

Блаха: Их было много, они стояли вместе со мной у окна, но я не помню сейчас, к сожалению, кто там был. Если Вы это правильно понимаете, в лагере было столько различных происшествий, что на такие вещи не обращали особого внимания и не запоминали их. Запоминались, конечно, лишь более серьезные происшествия.

Панненбекер: Разрешите, господа судьи, допросить самого Фрика в качестве свидетеля того, что он никогда не был в лагере? Я хочу ходатайствовать о проведении очной ставки этих двух свидетелей.

Председатель: Защита должна понять, что во время своего выступления она будет иметь возможность допросить всех подсудимых, но она не имеет этой возможности в настоящее время. Защита должна ждать до конца представления доказательств обвинением, и тогда каждый из защитников будет иметь возможность допросить того подсудимого, от имени которого он выступает.

*Кубушок*¹: Господин свидетель, Вы сказали, что в случаях, когда имели место важные посещения, например посещение министров, в лагере предварительно осуществлялись все необходимые приготовления. Вы говорили также, что нежелательные лица удалялись на время посещения. Может быть, Вы

¹ Адвокат Кубушок защищал на процессе имперский кабинет. — Составители.

могли бы более детально остановиться на этом? Меня это интересует, чтобы уяснить себе смысл подобных приготовлений.

Блаха: Это значило, что все должно быть в порядке. Например, в моем госпитале все пациенты должны были лежать в кровати, все должно было быть вымыто начисто, подготовлено, инструменты начищены так, как это вообще имело место при всяких высоких посещениях. И, кроме того, в это время ничего нельзя было делать: никаких операций, никаких перевязок. В это время не выдавалась также пища до того, пока визит не окончится.

Кубушок: Может быть, Вы скажете, какие нежелательные лица удалялись?

Блаха: Обычно удалялись русские, так как опасались, что могут возникнуть какие-либо покушения или демонстрации.

Кубушок: Скажите, не удаляли ли тех заключенных, которые своим внешним видом указывали на зверское обращение?

Блаха: Да, естественно, перед этими посещениями не вешали, не били и не казнили.

Кубушок: Итак, суммируя, можно сказать, что смысл этих приготовлений заключался в том, чтобы гости не могли быть в курсе настоящего положения вещей в лагере?

Блаха: Не во всей жестокости.

Кубушок: Благодарю вас.

*Бабель*¹: Я хотел бы задать свидетелю только несколько вопросов по существу дела, так как я хочу уяснить себе детально то, что было сказано до сих пор свидетелем, а также для информации по другим вопросам.

Свидетель находился с 1941 года по 1945 год в лагере, и я считаю, что он должен быть хорошо информирован относительно условий, так как, очевидно, как это вытекает из его показаний, он хорошо сохранил в памяти эти события.

Известно ли Вам, как изменялось количественное соотношение заключенных в отдельные отрезки времени, в частности, меня интересует соотношение между политическими и уголовными заключенными. Каково было, примерно, число политических и уголовных заключенных в Дахау?

Блаха: В Дахау это соотношение было не всегда одинаковым. Там были как политические, так и уголовные преступники и, кроме того, так называемые «черные», то есть деклассированные элементы. Это касалось, конечно, только немецких заключенных. Все заключенные других национальностей рассматривались как политические преступники. Только немцы делились на «красных», «зеленых» и «черных». Большинство немцев представляли собой политических заключенных.

¹ Адвокат Бабель защищал организации СС и СД. — Составители.

Бабель: Опишите, пожалуйста примерно количественное соотношение. Их была одна четверть, половина или три четверти?

Блах: Можно сказать, что в лагере было примерно 5 тысяч немецких заключенных; из них 3 тысячи было политических заключенных, 2 тысячи составляли категорию «зеленых» и «черных».

Бабель: Скажите, пожалуйста, за последние 4—5 лет соотношение все время было таким?

Блах: Нет, соотношение менялось: очень многие умирали, некоторые заключенные из немцев были переведены из лагеря. Многие приходили и уходили. В последние годы все более и более стали преобладать политические заключенные, так как большинство «зеленых» было послано на фронт.

Бабель: Каково было общее число этих заключенных в 1941, 1943 и 1945 гг.?

Блах: Вы хотите знать о всех заключенных вообще?

Бабель: Да, всех вообще.

Блах: В 1941 году имелось от 8 до 9 тысяч заключенных, в 1943 году это число колебалось между 15 и 20 тысячами, а в конце 1944 года и в начале 1945 года — это число составляло 70—80 тысяч заключенных.

Бабель: Тогда еще один вопрос. Вы говорили, что работали вначале на плантациях. Что Вы понимаете под плантациями?

Блах: Плантация была большим поместьем СС. На ней выращивались коренья, лекарственные травы и тому подобное.

Бабель: Скажите, эта плантация находилась в пределах лагеря?

Блах: Нет, она находилась вблизи лагеря на открытой местности.

Бабель: Вы говорили также о работе на военных заводах. Из Ваших показаний я понял, что эти военные заводы частично находились за пределами, частично — в пределах лагеря. Это правильно?

Блах: Да, вначале эти военные заводы вообще находились только за пределами лагеря. Только после бомбежки некоторые части этих заводов были переведены непосредственно в пределы лагеря.

Бабель: Затем вопрос относительно охраны лагеря. Каково было количество охраны в 1941 году?

Блах: В 1941 году для непосредственной охраны внутри лагеря имелось обычно три роты СС. В Дахау, однако, кроме того, находились еще большой гарнизон из войск СС и комендатура, так что время от времени, когда это было необходимо, охрана привлекалась из других подразделений СС. Это было

по-разному, впоследствии это зависело от того, сколько требовалось постов. Как правило, однако, лагерь охраняли три роты.

Бабель: Скажите, во время производства работ заключенные на этих военных заводах также охранялись на самом заводе?

Блах: Да, каждая рабочая команда имела начальника из числа этой охраны, и, кроме того, существовали еще так называемые посты охраны, которые сопровождали рабочие команды до места работы и затем приводили рабочие команды обратно в лагерь.

Бабель: Скажите, в то время, когда Вы были в лагере, Вы наблюдали, чтобы эти люди из охраны во время несения службы дурно обращались с заключенными?

Блах: Да, таких случаев было очень много.

Бабель: По какой причине?

Блах: Это было по-разному и зависело от характера соответствующего коменданта и охранника.

Бабель: Вы же говорили, что Вы были заняты и, согласно Вашим показаниям, сильно загружены работой в лагере. Разве Вы имели при таких условиях возможность делать наблюдения?

Блах: Да, конечно, я очень часто вскрывал трупы людей, которые были расстреляны либо во время работы, либо убиты холодным оружием. Я их также вскрывал и составлял специальные судебные протоколы этих вскрытий.

Бабель: Вы говорите теперь, что они были расстреляны при тех или иных обстоятельствах. Вы сами это видели?

Блах: Нет.

Бабель: Откуда Вы это тогда знаете?

Блах: Я только получал трупы с мест, где производилась работа, и должен был устанавливать причину смерти: был ли человек убит, например, вследствие того, что у него был разбит череп, или поломаны ребра, или произошло внутреннее кровоизлияние, или он был расстрелян, и я должен был затем составлять судебный протокол на основании этого. Когда (но это, правда, случалось редко) проводилось следствие, я привлекался также в качестве свидетеля.

Бабель: Благодарю Вас.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЗИВЕРСА

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 8 и 9 августа 1946 г.]

*Джонс*¹: Вы — Вольфрам Зиверс, и с 1935 года вы были имперским директором «Аненэрбе» (Общество по изучению наследственности), не так ли?

Зиверс: Я был управляющим делами общества «Аненэрбе».

Джонс: Помните ли вы, что 27 июня вы давали показания перед Комитетом², назначенным этим Трибуналом?

Зиверс: Да.

Джонс: Помните ли вы, что доктор Пелькман, защитник СС, объявил, что он вызвал вас для того, чтобы показать, что это общество по изучению наследственности не знало ничего относительно биологических опытов, проводившихся группой доктора Рашера над заключенными концентрационных лагерей?

Зиверс: Да.

Джонс: Помните ли вы, что, когда доктор Пелькман спросил вас, имели ли вы какую-нибудь возможность находиться в курсе планирования методов и проведения научно-исследовательских опытов военными исследовательскими организациями, вы ответили «нет»?

Зиверс: Я вспоминаю, что это было так.

Джонс: Когда я подверг вас перекрестному допросу, помните, вы сказали уполномоченному Комитета, что Гиммлер и Рашер были близкими друзьями, но что вы не знаете точно, что происходило. Вы помните это?

Зиверс: Я сказал, что я только в общих чертах, но не в деталях знаю об этих событиях.

¹ Элвин Джонс — представитель английского обвинения на Нюрнбергском процессе. — Составители.

² Имеется в виду Комитет, состоявший из назначенных Международным Военным Трибуналом уполномоченных для допроса свидетелей по делу СС, СА, гестапо и других организаций гитлеровского режима, преступный характер которых предлагали признать обвинители. В Комитет входили сотрудники Трибунала из делегации Советского Союза, Великобритании и США, в допросах принимали участие обвинители и защитники. — Составители.

Джонс: Заканчивая перекрестный допрос, я спросил вас, сколько, по-вашему, было убито людей в ходе опытов Рашера и других опытов, которым покровительствовала нацистская наука. На этот вопрос вы дали следующий ответ: «Я не могу сказать, потому что я не был в курсе этих вопросов». Вы помните, что вы так ответили?

Зиверс: Да.

Джонс: Хорошо. Сейчас я хочу выяснить, были ли вы в курсе этих вопросов или нет. Вы когда-нибудь слышали о коллекции скелетов, имевшейся у профессора Хирта?

Зиверс: Да, слышал об этом.

Джонс: Вы принимали весьма активное участие в создании этой коллекции скелетов?

Зиверс: Нет.

Джонс: Я хочу, чтобы вы прежде всего взглянули на документ ВВ-573. Сейчас мы проверим, насколько правильно то, что вы не имели ничего общего с этой коллекцией. Это письмо Брандта в главное имперское управление безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. Брандт был адъютантом Гиммлера, не так ли?

Зиверс: Он был личным референтом.

Джонс: Итак, в этом письме сказано:

«Содержание: Создание коллекции скелетов в анатомическом институте в Страсбурге.

Рейхсфюрер СС приказал, чтобы все, что необходимо для исследовательской работы капитана СС (гауптштурмфюрера) профессора доктора Хирта, который в то же время является директором одного из отделов военно-исследовательского института специального назначения в управлении по вопросам наследственности, было предоставлено в его распоряжение. По приказу рейхсфюрера СС я прошу вас организовать запланированную коллекцию скелетов. Подполковник СС (оберштурмбаннфюрер) Зиверс свяжется с вами для выяснения подробностей».

Этот Зиверс — это вы, не так ли?

Зиверс: Да.

Джонс: С вами связались для выяснения подробностей?

Зиверс: Здесь речь идет об увеличении анатомической коллекции страсбургского университета, который тогда перешел в наше ведение, именно о реорганизации так называемого анатомического музея, как это принято во всех анатомических отделах университетов.

Джонс: То есть это был вопрос анатомического исследования, не так ли?

Зиверс: Да.

Джонс: Откуда вы собирались получить эти скелеты?

Зиверс: О подробностях должен был договориться профессор Хирт.

Джонс: Вы просто ответьте на мой вопрос, потому что ответ вам прекрасно известен. Откуда вы собирались получить эти скелеты?

Зиверс: Мы должны были получить их из Освенцима.

Джонс: Теперь взгляните на письмо, направленное вами Брандту в ответ на его запрос, в котором вы советуете ему, где именно можно достать эти скелеты. Это документ 085, мы представляем его под номером ВВ-574.

Это письмо от 9 февраля 1942 г. озаглавлено: «Общество по изучению наследственности», помечено: «Секретно». Письмо адресовано Брандту, адъютанту Гимmlера. Это ваше письмо, свидетель, не так ли? Эта ваша подпись в конце письма?

Зиверс: Да.

Джонс: Я прочту его. «Дорогой Брандт! Отчет профессора доктора Хирта, который вы затребовали в вашем письме от 29 декабря 1941 г., приложен к настоящему письму. Я не имел возможности направить вам его ранее, так как профессор Хирт был тяжело болен». Затем следуют подробности его болезни. «Поэтому профессор Хирт смог написать только предварительный отчет, который я, однако, хотел бы вам представить.

Этот отчет касается: 1) его исследований в области микроскопии живых органов; открытия новых методов исследования и конструкции нового микроскопа; 2) его предложения по поводу получения черепов еврейско-большевистских комиссаров».

Затем следует ваша подпись. Вы послали это письмо и отчет профессора Хирта и его предложения. Вот отчет Хирта:

«Содержание: Коллекционирование черепов еврейско-большевистских комиссаров с целью научного исследования в имперском университете в Страсбурге.

Мы имеем почти полную коллекцию черепов всех рас и народов. Что касается еврейской расы, то мы имеем лишь очень немного экспонатов черепов, вследствие чего невозможно прийти к каким-либо определенным выводам в результате их исследования. Война на Востоке теперь дает нам возможность восполнить этот пробел.

Лучшим практическим методом для получения и отбора этой коллекции черепов явится распоряжение вооруженным силам немедленно передавать живыми полевой полиции всех захваченных еврейско-большевистских комиссаров. В свою очередь полевая полиция должна получить соответствующие директивы регулярно сообщать определенному учреждению относительно количества и места заключения захваченных евреев и тщательно за ними следить до прибытия специального уполномоченного, которому будет поручен сбор материала. Он должен

предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем.

Вслед за тем, как эти евреи будут умерщвлены, — причем надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и пошлет ее в герметически закрытом жестяном ящике, специально сделанном для этой цели и наполненном консервирующей жидкостью, в назначенный для этого пункт. По прибытии в лабораторию можно приступить к фотографированию, сравнениям и анатомическим исследованиям черепа, а также к исследованиям по установлению принадлежности к расе, относительно патологических явлений, формы черепа, формы и объема мозга и т. д. Основой для этого изучения послужат фотографии, измерения и другие данные о голове и, наконец, исследование самого черепа. Самым подходящим местом для хранения и исследования полученных таким образом коллекций черепов является новый имперский университет в Страсбурге в силу своего призвания и стоящих перед ним задач».

Это ведь был отчет, который вы переслали Брандту?

Зиверс: Да, это отчет профессора Хирта.

Джонс: Каким образом проходило такое коллекционирование черепов живых людей?

Зиверс: Я не могу об этом сказать в деталях. Во время предварительных допросов я указал на то, что в связи с этим делом необходимо допросить самого профессора Хирта.

Джонс: Теперь, свидетель, я хочу еще раз дать вам возможность сказать правду. Вы заявляете Трибуналу, что вы не знаете о том, как собиралась коллекция черепов и скелетов?

Зиверс: Это вытекает из отчета. По распоряжению Гимmlера выполнение этой задачи было поручено соответствующим лицам.

Джонс: Кто практически проводил это коллекционирование? Вы имели какое-нибудь отношение к этому, к сбору трупов?

Зиверс: Нет, я вообще не имел никакого отношения к этому. Я также не знаю, каким образом возник этот вопрос, поскольку я не знаю ни личной переписки Гимmlера с Хиртом, ни переговоров, которые имели место между ними еще до этого времени.

Джонс: Хорошо, свидетель, я дал вам возможность избежать нарушения присяги. Вы не воспользовались этой возможностью. Я прошу вас взглянуть на документ 086. Это еще одно из ваших писем, написанное вами снова адъютанту Гимmlера; оно помечено «секретно» и датировано 2 ноября 1942 г.

«Дорогой Брандт! Как вам известно, рейхсфюрер СС приказал, чтобы гауптштурмбаннфюреру СС профессору доктору Хирту было предоставлено все необходимое для производства его опытов. Для некоторых антропологических опытов — я уже докладывал о них рейхсфюреру СС — необходимы 150 скелетов военнопленных или евреев, которые должны быть поставлены концентрационным лагерем Освенцим. Единственное, что остается сделать, это чтобы главное имперское управление безопасности получило официальную директиву от рейхсфюрера СС. Это, однако, может быть сделано также вами от имени рейхсфюрера СС».

Вы уже обсуждали этот вопрос с Гиммлером, не так ли, свидетель? Вы были его агентом по сбору этих живых людей и превращению их в скелеты? Это правильно, свидетель?

Зиверс: В этой форме это неправильно. Все эти события занимают такой большой период времени, что, поскольку я занимался лишь отдельными деталями, я не могу восстановить сейчас здесь так поспешно общей связи.

Джонс: Я совершенно уверен, что вы вовсе не спешите восстановить их, хотя, как я уверен, вам нетрудно это сделать. Вы вторично нарушаете присягу, и я хочу указать вам на то, что вы хорошо знаете, что означает присяга. Вы — образованный человек. Посмотрите на следующий документ 089, представляемый для того, чтобы освежить вашу память и показать вам степень вашей причастности к этому делу.

Это — письмо Брандта, адресованное в главное имперское управление безопасности, датированное 6 ноября 1942 г. и помеченное «Секретно. К сведению оберштурмбаннфюрера СС Эйхмана из главного имперского управления безопасности. Содержание: Создание коллекции скелетов для анатомического института в Страсбурге».

Зиверс: Да.

Джонс: «...Рейхсфюрер СС издал директиву для того, чтобы гауптштурмбаннфюрер СС профессор доктор Хирт, который является директором анатомического института в Страсбурге и главой одного отделения института военно-научных исследований общества по вопросам наследственности, получил все, что ему необходимо для исследовательской работы. Поэтому в соответствии с приказом рейхсфюрера СС я прошу вас сделать все возможное для создания коллекции. Оберштурмбаннфюрер СС Зиверс установит с вами связь с тем, чтобы договориться о подробностях и деталях».

Вы все еще говорите, что не знаете подробностей этого дела?

Зиверс: Этого я ведь не говорил. Однако здесь речь идет о целом историческом развитии всего этого дела. Поэтому я не могу сказать, с какого момента это дело было начато, поскольку

это обсуждалось на совещаниях между Гиммлером и Хиртом, которые имели место еще до того, как Хирт стал директором анатомического отдела в Страсбурге и тем самым получил возможность выполнить поручение — создать современный анатомический музей со всем необходимым современным научным оборудованием и коллекциями. После этого Хирт, учитывая переговоры, которые он вел раньше с Гиммлером, подал ходатайство, как это следует из его отчета. Затем я получил указание помогать Хирту при выполнении этого поручения, которое ему дал Гиммлер. Я не знаю, действительно ли оно исходило от самого Гиммлера...

Джонс: Одну минуту, свидетель. Сколько человеческих существ было убито для того, чтобы создать эту коллекцию скелетов?

Зиверс: В этом отчете речь шла о 150 лицах.

Джонс: И вы оказывали содействие в убийстве всех этих лиц?

Зиверс: Я не имел никакого отношения к убийству этих людей. Я выполнял лишь задачи почтальона.

Джонс: Вы опять были только почтовой конторой — одной из этих прославленных нацистских почтовых контор, не так ли?

Зиверс: Если вы ссылаетесь, как я заключаю из вашего вопроса, на мой допрос в Комитете, то я должен указать на то, что во время допроса в Комитете рассматривался только вопрос о деятельности группы Рашера.

Джонс: Я совершенно ясно ставил вам вопросы во время перекрестного допроса в Комитете. Мой последний вопрос занесен на страницу 1939 стенограммы. Вопрос такой: «Как вы считаете, сколько людей было убито в связи с опытами, проводившимися Рашером, и другими опытами, которым покровительствовала нацистская наука?» Вы ответили мне: «Я не могу этого сказать, потому что я не был в курсе этих вопросов».

Давайте обратимся к следующему документу за номером...

Зиверс: Но сегодня я не могу указать точные даты, и я не знаю также точно числа лиц, предназначенных для экспериментов Рашера. Вследствие этого я не могу сказать: их было столько-то или столько-то, если я не знаю этого.

Джонс: Вы под присягой заявили уполномоченному Комитету, что вы не были в курсе этих вопросов. Обратитесь, пожалуйста, к документу 087, чтобы освежить вашу память. Это — еще одно из ваших писем. Оно озаглавлено: «Общество по изучению наследственности, институт военно-научных исследований».

Вы были директором этого института, не так ли?

Зиверс: Да, я был имперским управляющим делами этого общества.

Джонс: Письмо датировано 21 июня 1943 г. Здесь обозначено: «Совершенно секретно. Главному имперскому управлению безопасности. Отдел IV Б-4. Лично оберштурмбаннфюреру СС Эйхману. Содержание: Создание коллекции скелетов».

«Ссылаясь на письмо от 25 сентября 1942 г. отдела IV Б-4 и личные разговоры, которые с того времени имели место на эту тему, я хочу информировать вас, что сотрудник местной инстанции гауптштурмфюрер СС доктор Бруно Хаген, который выполнял вышеупомянутое специальное задание, 15 июня 1943 г. прервал свои опыты в концентрационном лагере Освенцим в связи с возникшей опасностью эпидемии. Всего 115 лиц были подвергнуты опытам, в том числе 79 евреев, 2 поляка...»

Разрешите мне здесь остановиться. Какого рода эксперименты производились на этих человеческих существах с целью создания коллекции скелетов? Какого рода опыты это были?

Зиверс: Антропологические измерения.

Джонс: До того как они были убиты, были произведены антропологические измерения, не так ли? Это все, что было сделано?

Зиверс: У этих людей брались также оттиски.

Джонс: Не так много времени нужно, чтобы сделать антропологическое измерение или снять оттиски, свидетель. Производились еще какие-то опыты, еще какие-то измерения на этих несчастных жертвах вашей науки, так или нет?

Зиверс: Я не знаю, как осуществлялись эти мероприятия в Освенциме. Я знаю только, что производились антропологические измерения. Я не знаю, как долго продолжались эти опыты.

Джонс: Теперь я продолжаю зачитывать ваше письмо, которое совершенно ясно показывает, что там должны были иметь место другие опыты, носившие гораздо более злобный характер, чем антропологические измерения.

«Всего 115 человек были подвергнуты опытам: 79 из них были евреи, 30 — еврейки, 2 — поляки и 4 — лица азиатской национальности. В настоящее время эти заключенные разделены согласно их полу и находятся в карантине в двух госпитальных зданиях концентрационного лагеря в Освенциме.

Дальнейшие опыты над этими отобранными заключенными требуют перевода их в лагерь Натцвейлер. Этот перевод должен быть проведен как можно скорее, так как в Освенциме существует опасность эпидемии. Список отобранных лиц прилагается.

Просим издать соответствующие директивы, поскольку этот перевод заключенных сопряжен с некоторой опасностью перенесения эпидемии в Натцвейлер; просим также, чтобы из Натцвейлера в Освенцим немедленно была выслана дезинфициро-

ванная чистая одежда для 80 мужчин и 30 женщин. В то же время для 30 женщин надо приготовить в концентрационном лагере Натцвейлер временное жилище».

Таково ваше письмо. Если ваш интерес к этим несчастным сводился только к их антропологическим измерениям и к получению их бранных костей для скелетов, почему вы не убили их сразу? Вы, наверное, проводили на них опыты и исследования, результаты которых вас интересовали, не правда ли?

Зиверс: Нет, о каких-либо экспериментах мне ничего не известно, и они не проводились.

Джонс: Какова дальнейшая судьба этой коллекции скелетов? Где ее собирали?

Зиверс: Эти заключенные были переведены в Натцвейлер и предоставлены в распоряжение профессора Хирта.

Джонс: После того как профессор Хирт и другие члены СС убили этих людей, что случилось с их трупами? Куда они были посланы?

Зиверс: Я предполагаю, что они были привезены в Страсбург.

Джонс: Вы что, сомневаетесь в этом, свидетель? Мне кажется, что вы колеблетесь, отвечая таким образом. У вас есть сомнения?

Зиверс: Я не видел никаких отчетов об этом и не получал их.

Джонс: Имели ли вы какое-либо отношение к дальнейшей судьбе этих трупов и скелетов? Я понимаю, что вам трудно ответить на этот вопрос.

(Пауза.)

Зиверс: Нет, этим ведал профессор Хирт, и я вовсе не был в Страсбурге или Натцвейлере в связи с этим.

Джонс: Вы предлагали что-либо по поводу того, как следует поступить с этой коллекцией?

Зиверс: Это имело место значительно позже, когда возник вопрос об эвакуации Страсбурга и о дальнейшем местопребывании коллекции.

Джонс: Что вы тогда сделали?

Зиверс: Я полагаю, что имело место совещание, я уже не помню точно с кем, для того, чтобы добиться решения Гимmlера относительно дальнейшего местопребывания коллекции.

Джонс: Вы присутствовали на этом совещании?

Зиверс: С Гимmlером я не обсуждал этого вопроса.

Джонс: Вы сделали какие-либо предложения по поводу того, как следовало поступить с теми человеческими телами, которые вы собрали в Страсбурге?

Зиверс: Я не могу сейчас этого сказать. Я не помню этого.

Джонс: Попытайтесь вспомнить. Это было в 1944 году. Это не так давно, и я уверен, что вы должны об этом ясно помнить.

Зиверс: Я сожалею, что не могу дать вам точного ответа, так как я не помню об этом.

Джонс: Свидетель, когда союзные армии приближались к Страсбургу и для вас наступал день расплаты, какие предложения вы сделали по поводу этих трупов в Страсбурге? Скажите Суду.

Зиверс: Я уже сказал, что я запросил Гиммлера относительно его решения о дальнейшем местопребывании этой коллекции. Здесь идет речь о вопросе, который возник в результате совещаний между Гиммлером и Хиртом на основе их идей и к разрешению которого я был привлечен для осуществления технического и административного руководства; поэтому только Гиммлер мог принять решение о дальнейшей судьбе этой коллекции.

Джонс: Я снова дал вам возможность избежать клятвопреступления. Посмотрите на документ 088. Это — еще одно ваше письмо Брандту, адъютанту Гиммлера; оно направлено в личную ставку рейхсфюрера СС, отдел по вопросу наследственности?

Зиверс: Да.

Джонс: Письмо датировано 5 сентября 1944 г., помечено: «Совершенно секретно». К тому времени союзные армии уже приближались к Страсбургу, не так ли?

Зиверс: Это правильно.

Джонс: Тема письма: «Коллекция скелетов евреев».

«Согласно предложению от 9 февраля 1942 г. и с вашего одобрения 23 февраля 1942 г. штурмбаннфюрер СС профессор Хирт собрал коллекцию, которой прежде не существовало. Из-за большой работы научно-исследовательского характера, связанной с этой коллекцией, превращение тел в скелеты еще не закончено. Поскольку потребовалось бы еще некоторое время для 80 скелетов, Хирт запросил директивы относительно обращения с коллекцией, собранной в морге анатомического института, в том случае, если Страсбург подвергнется опасности.

От тел можно отделить мясо, и, таким образом, нельзя будет определить, кто были эти люди. Однако это означало бы, что часть всей работы была бы сделана напрасно и что эта необыкновенная коллекция будет потеряна для науки, так как после этого будет невозможно сделать гипсовые слепки. Коллекция скелетов может остаться незаметной. Можно было бы заявить, что мясо с костей было оставлено французами в то время, когда мы взяли у них анатомический институт для того, чтобы предать его кремации. Пожалуйста, сообщите, какое из следующих

трех предложений должно быть проведено в жизнь: 1) коллекция в целом должна быть сохранена; 2) коллекция должна быть уничтожена частично; 3) коллекция должна быть целиком уничтожена».

Почему вы хотели отделить мясо от костей трупов, свидетель?

Зиверс: Я должен сказать по этому поводу, что это письмо было получено мною в качестве запроса от профессора Хирта. Я передал его дальше в виде телеграммы. Поэтому, как я уже сказал, я не мог вспомнить об этом, поскольку мне, как непосвященному лицу, было совершенно неизвестно, как поступили с этой коллекцией.

Джонс: Почему вы предлагали свалить вину на французов? Вы ведь знали, что для того чтобы создать эту коллекцию, были произведены убийства, не так ли?

Зиверс: Я только что заявил, что в этом письме передал ходатайство профессора Хирта, и я сказал, что не мог спрашивать об этом от своего имени, так как я не был специалистом в этом вопросе и потому не мог судить об этом. Таким образом, я заявил, что это было отношение профессора Хирта, которое я передал дальше по инстанции.

Джонс: Имели ли вы возможность провести в жизнь это предложение об отделении мяса от костей?

Зиверс: По этому поводу я ничего не могу сказать, потому что я не помню всего этого.

Джонс: К счастью, мы и на этот раз располагаем документом, в котором описывается все это дело. Посмотрите на этот документ; совершенно ясно, что вы не имеете намерения говорить правду. Это две записки из архивов Гиммлера. Первая записка подписана гауптштурмфюрером Бергом: «12 октября 1944 г. я разговаривал по телефону с штандартенфюрером СС Зиверсом и спросил его, была ли полностью уничтожена страсбургская коллекция скелетов, как это было указано штандартенфюрером СС Баумертом. Штандартенфюрер СС Зиверс ничего не мог сообщить мне по этому поводу, так как он пока не узнал ничего нового от профессора Хирта. Я сказал ему, что если это уничтожение еще не произведено, то часть коллекции должна быть сохранена. Однако должна быть дана гарантия, что можно будет своевременно уничтожить коллекцию полностью, если вследствие изменившейся военной обстановки Страсбург подвергнется опасности. Штандартенфюрер СС Зиверс обещал мне, что он узнает обо всем и сообщит мне».

Следующий документ от 26 октября 1944 г. Это тоже записка Берга доктору Брандту.

«Во время моего посещения оперативного штаба 21 октября 1944 г. штандартенфюрер СС Зиверс сообщил мне, что за это

время коллекция в Страсбурге полностью уничтожена в соответствии с той директивой, которая была получена в свое время. Он придерживается того мнения, что лучше всего поступить именно так, принимая во внимание создавшееся положение».

Зиверс: Из записки гауптштурмфюрера Берга вытекает, что я дал правильные показания: я всегда действовал согласно указаниям, отчетам и предложениям профессора Хирта.

Джонс: Вы были практическим руководителем этого опыта по умерщвлению людей, не так ли? Вы являлись жизненно важной частью в машине этого «Аненэрбе»?

Зиверс: Я не был ни в коей мере важной частью этого механизма, и это вытекает из моих показаний в Комитете. Общество по изучению наследственности — «Аненэрбе» — имело более 50 филиалов и проводило большое количество экспериментов, которые в соответствии с его первоначальной структурой основывались на научной базе, и оно было так сильно занято исключительно этими экспериментами, что эти вопросы, как я полагаю, к сожалению, разрешались исключительно по указанию Гиммлера.

Джонс: Какое вы имели отношение к проводимым на живых людях опытам с отравляющими газами или химическим веществом «Лост», к опытам по изысканию методов лечения ран, вызванных вашим препаратом «Лост»?

Зиверс: Профессор Хирт развернул деятельность терапевтического отделения для лечения ран, нанесенных в результате действия этого отравляющего вещества «Лост».

Джонс: В качестве подопытных вы использовали живых людей, не так ли?

Зиверс: Вы имеете в виду опыты профессора Хирта?

Джонс: Конечно.

Зиверс: Да.

Джонс: Писали ли вы Брандту об опытах над химическим веществом «Лост» и тех трудностях, с которыми вы столкнулись в концентрационном лагере в Натцвейлере?

Зиверс: У меня нет этого документа.

Джонс: Не беспокойтесь об этом документе. Попробуйте ответить на мой вопрос. Я понимаю, что вам будет довольно неудобно, когда его найдут. Просто ответьте на мой вопрос. Вы писали Брандту относительно трудностей, которые у вас возникли в концентрационных лагерях в связи с опытами «Лост»?

Зиверс: Я не помню в деталях, о каких трудностях там шла речь. Возможно, что я писал это.

Джонс: Постарайтесь вспомнить, что вы писали по поводу этих опытов с «Лост»?

Зиверс: Нет, я могу лишь указать, что я уже говорил, что обо всех этих вопросах мне сообщал в своих письмах и от-

четах доктор Хирт и что я передавал их дальше, не вдаваясь в детали.

Джонс: Взгляните на документ 092. Это письмо Брандта. Оно адресовано вам — штандартенфюреру СС Зиверсу, «Общество по изучению наследственности», дата — 3 декабря 1942 г. Содержание его таково: «Дорогой Зиверс! Ваше письмо от 3 ноября снова лежит передо мной сегодня. Тогда я смог очень кратко переговорить с обергруппенфюрером СС Полем. Если я правильно помню, он даже написал мне, что он, конечно, устранит те недостатки, о которых вы писали и о которых я не докладывал ему во всех деталях: я получил тогда ваше письмо именно в то утро, когда я направился к обергруппенфюреру СС Полю. Поэтому я не смог прочитать весь текст письма заранее. Я лишь помнил о том, что вы мне говорили во время наших предыдущих бесед. Если мне необходимо еще раз заняться этим вопросом, то сообщите мне об этом».

Каковы были те трудности, о которых вы писали Полю?

Зиверс: Я не могу вспомнить, о чем тогда говорилось, я прошу предъявить мне эту запись.

Джонс: Вы совсем не можете вспомнить, в чем заключались эти трудности? Быть может, они были связаны с платой за заключенных, над которыми надо было производить опыты?

Зиверс: Нет, я не могу этого вспомнить.

Джонс: Во всяком случае, эти опыты с «Лост» продолжались до апреля 1944 года, не так ли?

Зиверс: Я этого также не могу вспомнить.

Джонс: Постарайтесь вспомнить. Взгляните на документ 015. Это еще одно из ваших писем к рейхсфюреру СС.

«Рейхсфюреру СС. Личная ставка, отдел «А». Дата — 11 апреля 1944 г. «Совершенно секретно». Вы обращаетесь к Брандту.

Содержание: «Приказ фюрера от 1 марта 1944 г.».

«Дорогой Брандт! В соответствии с приказаниями я установил связь с бригаденфюрером СС профессором доктором Брандтом и доложил ему в Белице 31 марта относительно исследовательской работы, которая проводилась гауптштурмфюрером СС, профессором доктором Хиртом. В связи с этим я передал ему выработанную схему устранения повреждения, нанесенного в результате воздействия «Л», один экземпляр которой я прилагаю для вас с тем, чтобы вы доложили о ней рейхсфюреру СС».

Это повреждение, посредством «Лост», не так ли, свидетель?

Зиверс: Да.

Джонс: «Профессор Брандт сообщил мне, что он будет в Страсбурге в первую неделю апреля и что он тогда намерен обсудить подробности с профессором Хиртом».

Видите, свидетель, вы говорите, что эти опыты с «Лост» продолжались еще до 1944 года, не правда ли?

Зиверс: Нет, дело обстояло не так. Профессор Брандт был назначен генеральным комиссаром по боевым отравляющим веществам. Я получил копию приказа о назначении Брандта с указанием на то, чтобы после этого побудить Хирта переговорить с Брандтом. Хирт заявил, что он не может поехать к господину Брандту в Белиц. Поэтому я по просьбе Хирта поехал к Брандту.

Джонс: Хорошо, свидетель, я хочу сейчас перейти к другому виду вашей работы, к опытам Рашера. Вы помните, что вы мне сообщили, что не имели никакого отношения к опытам Рашера?

Зиверс: Я заявил, что я только в общих чертах, а не в деталях знал об этих опытах.

Джонс: Я попрошу вас взглянуть на ваш дневник за 1944 год, то есть дневник «Общества по вопросам наследственности».

Первая запись относится к 6 января, 18 ч. 30 м. Гауптштурмфюрер СС доктор Рашер: параграф «с) Письмо рейхсфюрера СС обергруппенфюреру СС Полю относительно помощи в проведении научно-исследовательской работы. d) Предоставление помещений для проведения опытов по замораживанию». Они производились в Дахау, не так ли?

Зиверс: Да, они должны были производиться. Здесь речь идет о записи относительно совещания с Рашером, на котором он докладывал об этом.

Джонс: Что же, свидетель, вы заявляете, что в Дахау не проводились опыты по замораживанию?

Зиверс: Рашер сказал мне, что он еще не может провести этих опытов и что их следует проводить в такой местности, в которой бы царил постоянная низкая температура воздуха.

Джонс: Но ведь вы сами лично видели, как проводились некоторые из этих опытов в Дахау, разве не так? Вы ведь время от времени бывали в Дахау?

Зиверс: Я опасаясь, что здесь вкралась ошибка. Здесь путают опыты по сверхнизким температурам для ВВС и опыты по замораживанию, которые должны были быть проведены позже ввиду случаев замерзания людей на Востоке. Здесь, в 1944 году, речь идет об опытах по замораживанию...

Джонс: Какие опыты по замораживанию вы обычно наблюдали?

Зиверс: Я знаю только об опытах по сверхнизким температурам, которые проводились для ВВС.

Джонс: Вы видели, как проводились какие-нибудь из этих опытов?

Зиверс: Я имел поручение сопровождать профессора Хирта, который вместе с Рашером должен был работать над этой проблемой для того, чтобы найти ее решение. В связи с этим я один раз присутствовал при этих опытах.

Джонс: Теперь перейдем к документу РС-3546. Я выбрал некоторые из этих записей наудачу для того, чтобы показать, что вы имели близкое отношение к этому вопросу.

«23 января, 11.30. Доклад рейхсфюреру СС вместе с оберштурмфюрером доктором Брандтом. 1. Мы получили отчеты профессора Шиллинга». Профессор Шиллинг был тем самым человеком, которого приговорили к смерти за его опыты по малярии в Дахау, не так ли?

Зиверс: Да.

Джонс: Он также относился к числу вашей группы ученых, не так ли?

Зиверс: Мы не имели никакого отношения к Шиллингу.

Джонс: Вы только получали его отчеты и больше ничего, не правда ли?

Зиверс: Это было один раз, когда мне вообще говорили о деятельности Шиллинга. В частности, Гиммлер заявил на этом совещании, что Шиллинг достиг весьма выдающихся результатов в области выработки иммунитета, и этот отчет должен был быть направлен нам для того, чтобы энтомологический институт узнал о том, каких результатов добился доктор Мей в своих исследованиях относительно малярии, и, в частности, анофелеса...

Джонс: Перейдем к следующей записи в дневнике от 28 января. В вашем собственном дневнике содержатся ежедневные записи со всеми подробностями. Вот еще одна выдержка: «Сотрудничество с институтом Р., Дахау». Это институт Рашера в Дахау, не правда ли?

Зиверс: Да.

Джонс: Затем запись от 29 января: «С Рашером и доктором Пахолеггом я направился в Далем». Кто был доктор Пахолегг?

Зиверс: Доктор Пахолегг был заключенным, которого Рашер привлек к сотрудничеству.

Джонс: Вы ведь, я полагаю, лично хорошо знали его?

Зиверс: Я видел его всего два-три раза.

Джонс: Он присутствовал на некоторых из опытов, которые вы наблюдали, не правда ли?

Зиверс: Тогда речь шла об экспериментах по изысканию кровоостанавливающего средства...

Джонс: Только ответьте на мой вопрос: доктор Пахолегг присутствовал на некоторых из тех опытов, которые вы наблюдали, не правда ли?

Зиверс: Он ведь был сотрудником Рашера и работал вместе с ним. Присутствовал ли он всегда на этих опытах, я не знаю.

Джонс: Имеются также многие другие записи в дневнике, относящиеся к другим видам деятельности «Анеңэрбе». Теперь посмотрим на запись от 22 февраля, вы увидите, что вы имели беседы с доктором Мейем, и имеется также запись о совместной работе с доктором Плетнером и профессором Шиллингом. Какую работу проводил доктор Плетнер в то время?

Зиверс: Доктор Плетнер работал у профессора Шиллинга. Все это связано с директивой Гиммлера от 23 января, согласно которой доклады Шиллинга должны были направляться доктору Мейю, но эти доклады не отсылались, так как Шиллинг отказался от сотрудничества.

Джонс: Теперь обратите внимание на запись от 25 февраля. 25 февраля у вас сделана запись о приказе рейхсфюрера СС о работе в Дахау совместно с доктором Рашером.

«22 марта с 18.30 до 21 часа гауптштурмфюрер СС доктор Рашер проводил подготовку к экспериментам по замораживанию на зимнее полугодие 1944/45 года».

Вы были в Дахау с Рашером в тот день, не так ли?

Зиверс: Здесь речь идет о тех опытах, которыми Гиммлер приказал заниматься ввиду отмораживания конечностей на Востоке... Эти опыты, однако, не удалось провести в Дахау, об этом сообщили Гиммлеру, и тогда он распорядился, чтобы эти опыты были поставлены в зимние месяцы через полгода, но эти опыты не состоялись, так как доктор Рашер был арестован уже в апреле.

Джонс: Для кого вы производили эти опыты? Для армии?

Зиверс: Эти опыты должны были проводиться в контакте с имперским врачом СС Гравицем.

Джонс: Гравец был главным хирургом СС, не так ли?

Зиверс: Так точно.

Джонс: Значит, эти эксперименты проводились для войск СС, да?

Зиверс: Гравец сам отказался заниматься этими опытами, и вследствие переговоров, которые непрерывно велись, опыты эти не были поставлены зимой 1943/44 года, как этого хотел Гиммлер. Гравец считал, что если нужно заниматься такими изысканиями, то доктор Рашер может поехать на фронт и там работать в лазаретах.

Джонс: Вы не ответили на мой вопрос, свидетель. Для кого проводились эти опыты? Для войск СС?

Зиверс: Официального заказа на опыты вообще не существовало. В проведении этих опытов сотрудничал имперский

врач СС (рейхсарцт) и военные инстанции. О подробностях я не осведомлен.

Джонс: Гауптштурмфюрер Плетнер занял место Рашера? Да?

Зиверс: Так точно.

Джонс: И опыты продолжались в Дахау и в других местах. Так что снятие Рашера не изменило положения?

Зиверс: Это были совершенно другие опыты, чем те, которые были начаты Рашером и которые проводились им самим.

Джонс: Вы присутствовали на некоторых экспериментах Рашера? Не так ли?

Зиверс: Да, я неоднократно бывал в Дахау.

Джонс: И вы там были несколько раз с Гиммлером, когда Рашер производил свои опыты, да?

Зиверс: Нет, с Гиммлером вместе я никогда не был в Дахау у Рашера.

Джонс: Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ ПС-2428 — это показания доктора Пахолегга, о котором вы говорили вчера.

«Вопрос: Кто присутствовал на этих экспериментах?»

Ответ: Генрих Гиммлер и его свита обычно присутствовали на этих важных экспериментах здесь в Дахау или на каких-либо новых экспериментах. Штандартенфюрер Зиверс всегда присутствовал вместе с Гиммлером».

Зиверс: Это неправда.

Джонс: Присутствовали ли вы когда-нибудь на этих экспериментах, когда там не было Гиммлера?

Зиверс: Я видел два эксперимента. Один... Как я уже вчера говорил, в данном случае речь шла об опыте, который я видел не полностью, в то время, когда там был профессор Хирт, другой же опыт я видел в камере низкого давления.

Джонс: Я хочу, чтобы вы посмотрели на страницу 30 немецкой книги документов. Пахолегг говорит:

«Я лично видел через глазок камеры, как один заключенный находился в разреженном пространстве до тех пор, пока у него не лопнули легкие. Некоторые эксперименты вызывали у людей такое давление в голове, что они сходили с ума и рвали на себе волосы, стараясь освободиться от этого давления. В своем безумии они разрывали себе лицо и голову ногтями в попытке покалечить себя. Обычно эти эксперименты с крайне низким давлением кончались смертью экспериментируемого. Эксперименты с крайне низким давлением настолько часто кончались смертью, что они использовались скорее как обычное средство казни, чем как эксперимент. Я знаю случаи, когда при экспериментах Рашера заключенные находились в условиях низкого давления либо высокого давления или комбинации того

и другого в течение 30 минут. Эксперименты в целом делились на две группы: одни из них известны под названием «живых экспериментов», а другие — просто как «Х»-эксперименты, что, иначе говоря, означало казнь».

Этот вид экспериментов производился Рашером для военно-воздушных сил. Не так ли?

Зиверс: Так точно.

...*Джонс:* Вы были директором этого института по научным изысканиям для военных целей, у вас должна была быть какая-то связь с отдельными частями вооруженных сил. Не так ли?

Зиверс: Эта связь с военно-воздушными силами осуществлялась через обергруппенфюрера Вольфа и далее генерал-фельдмаршала Мильха.

Джонс: Имя доктора Хольцленера вам что-нибудь говорит? Он подписал доклад об эксперименте Шиллинга?

Зиверс: Да.

Джонс: Он был профессором физиологии медицинского факультета Кильского университета. Не так ли?

Зиверс: Да, я в Комитете упоминал о том, что профессор Хольцленер сотрудничал с доктором Рашером во время проведения опытов.

Джонс: Помните ли вы об экспериментах, которые производились для того, чтобы превратить морскую воду в питьевую?

Зиверс: Да, я слышал об этом.

Джонс: Помните ли вы о какой-либо конференции, на которой говорилось об экспериментах над превращением морской воды в питьевую воду?

Зиверс: Да. Имеется в виду, вероятно, совещание у имперского врача Гравица. Я должен в этой связи заявить, что после ареста Рашера его преемник доктор Плетнер отказался проводить опыты над людьми. Лишь только после ареста доктора Рашера выяснилось, с помощью каких жестоких методов работал доктор Рашер, выходя далеко за рамки данного ему поручения.

Джонс: У вас в Дахау был штат, состоявший из надзирателя, трех медиков-химиков, одной помощницы-женщины и трех унтер-офицеров для экспериментов над морской водой для Гравица, не так ли?

Зиверс: Да, это все вполне возможно, ибо этот штат подчинялся Гравицу и его распоряжениям, о выполнении которых я ничего не знал. Мы просто освободили это помещение, а об остальном распорядился Гравиц.

...*Джонс:* Теперь я хочу, чтобы вы вернулись к своему дневнику, запись от 14 апреля: «Политический отдел о побеге Пахолегга». Этот заключенный Пахолегг бежал. Не так ли?

Зиверс: Да, он, во всяком случае, исчез.

Джонс: Зачем вы обратились в политический отдел по этому поводу?

Зиверс: Потому, что под конец я был вместе с Рашером и Пахолеггом в Форалберге, и меня упрекнули в том, что я якобы способствовал побегу.

Джонс: Теперь посмотрите опять на ваш дневник, 27 июня у вас было совещание с штабсфюрером СС доктором Брандтом и гауптштурмфюрером СС Бергом по поводу «создания научно-исследовательской лаборатории в концентрационном лагере. Отчет о совещании с обергруппенфюрером СС Полем». Это было 27 июня 1944 г. Вы знаете об этом. 25 июля у вас было совещание со штабсфюрером СС доктором Маурэром из Ораниенбурга об «использовании заключенных для научных целей». 26 июля: «Совещание с гауптштурмфюрером СС доктором Фишером по телефону. Распоряжение, отданное на основе совещания с штабсфюрером СС Маурэром от 25 июля 1944 г., — совершить быструю поездку по всем концентрационным лагерям для того, чтобы окончательно отобрать людей».

21 октября у вас было еще одно совещание: «Продолжение исследований доктором Хиргом, штурмбаннфюрером СС. В связи с этим пересмотрено освобождение от должности штабного хирурга доктора Виммера и подготовлено назначение химика оберштурмфюрера СС Мартинекка».

23 октября у вас было совещание с Попендиком. В этот день вы записали в своем дневнике: «Биологические исследования будет производить теперь гауптштурмфюрер СС доктор Плетнер в Дахау». Свидетель, помните ли вы ваши эксперименты по ускорению свертываемости крови?

Зиверс: Я не принимал участия в таких экспериментах потому, что я не являюсь исследователем. Но я очень хорошо припоминаю эти опыты.

...*Джонс:* Кроме этих экспериментов, которые я особо упомянул, «Аненэрбе» также использовалась для политических целей, не правда ли?

Зиверс: Что вы понимаете в этой связи под политическими целями?

Джонс: Ну, например, деятельность пятой колонны за границей. Влияние на научную мысль за границей как мера политического воздействия.

Зиверс: Нет.

Джонс: Посмотрите на документ ПС-1698. В нем сказано: «Наследие предков, германская научная миссия, аванпост Фландрия, оберштурмфюрер СС доктор Августин. Годовой отчет. Цель работы — оказать влияние на широкие слои интеллигенции во Фландрии и Валлонии. Следуя германской линии,

которая представлена только в лице СС, необходимо: 1. Прорвать фронт либерально-гуманистического просвещения путем привлечения на свою сторону лиц, занимающих основные посты в интеллектуальной жизни страны. 2. Выступить против великогерманского мифа с идеей создания великогерманского имперского содружества. 3. Содействовать возрождению германского культурного и национального самосознания с помощью весьма эффективных, замаскированных под нейтральные, средств политической пропаганды в науке, перед лицом французских призываний на культуру...»

Затем в следующем параграфе говорится: «На тот слой интеллигенции, на который не распространялась официальная пропаганда, следует оказывать влияние. Речь идет об университетах, высших учебных заведениях, о политике в науке, о помощи студентам, о назначении стипендий, то есть об академическом отборе в институты и выдвижении одаренных студентов, которых следует вовлечь в нашу работу. Нашей задачей является завоевание на свою сторону тех лиц, которые занимают основные интеллектуальные посты (профессора институтов, коллегии юристов, работники органов просвещения, студенты, художники)».

Скажите, свидетель, «Аненэрбе» являлась составной частью СС, не так ли?

Зиверс: Отвечая на этот вопрос, следует заявить, что немецкая научная деятельность входила в ведение главного управления СС, что доктор Августин был направлен на работу как научный деятель, что это было продолжением ранее проводившейся работы.

Джонс: Я вас спрашиваю вообще относительно «Аненэрбе». Являлась ли она частью СС? Посмотрите на документ ПС-488. Это приказ Гимmlера в отношении «Аненэрбе». В нем написано: «Я, нижеподписавшийся рейхсфюрер СС Генрих Гимmlер, подтверждаю здесь, что научно-исследовательское общество «Аненэрбе» и «Аненэрбештифтунг» (институт по вопросам наследственности) являются составными частями моего личного штаба и, следовательно, делами СС».

Фонды института по научным исследованиям получались из фондов войск СС, да?

Зиверс: Я уже указывал на эти два момента в Комитете. Во-первых, «Аненэрбе» в 1942 году было включено в личный состав рейхсфюрера СС.

Я заявил, что структура этого общества после его включения в личный штаб рейхсфюрера подверглась изменению. Средства от войск СС и от вооруженных сил предоставлялись в распоряжение института только по военным научно-исследовательским вопросам.

Джонс: Члены «Аненэрбе», которые производили эти эксперименты, все были членами СС, не так ли? Я хочу, чтобы вы посмотрели на документ Д-962. Вы видите имена доктора Вальтера Вуста и доктора Ганса Брандта. Из всего этого списка видно, что все члены «Аненэрбе» являются офицерами СС, за одним исключением.

В этом списке имеется примерно сто имен профессоров и немецких докторов, которые участвовали в вашей работе. Не правда ли?

Зиверс: Вовсе не все перечисленные лица являются научными работниками; в этом списке упомянут весь персонал, включая и шоферов. Я могу высказаться по этому поводу только в том случае, если я подробно ознакомлюсь с этим списком.

Джонс: Я не хочу, чтобы вы говорили обо всем списке, но во всяком случае видно, что они все члены СС, не правда ли? И их всех использовали на работе в «Аненэрбе»?

Зиверс: Нет, именно не все были сотрудниками, среди них имеются и внештатные сотрудники этого общества, которые занимались выполнением отдельных научных заданий.

Джонс: У меня нет больше вопросов, милорд.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ САМУИЛА РОЙЗМАНА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 27 февраля 1946 г.]

Смирнов: Я хотел бы перейти к следующему разделу моего доклада, посвященному тайным пунктам, созданным германским фашизмом для уничтожения людей. Это — не концлагеря, потому что пребывание людей в этих пунктах, как правило, исчислялось периодом от нескольких десятков минут до двух часов. Из числа этих зловещих пунктов, созданных германским фашизмом, я хотел бы привести Суду доказательства по двум: в деревне Хелмно (Польша) и в Треблинском лагере.

В связи с этим я прошу Суд о вызове одного из свидетелей. Этот свидетель представляет интерес уже потому, что это, собственно, человек «с того света», ибо дорога в Треблинку называлась немецкими палачами «дорогой на небо». Я говорю о свидетеле Ройзмане — польском гражданине, и прошу разрешения вызвать его в качестве свидетеля и допросить на Суде...

(Вводят свидетеля.)

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Ройзман Самуил.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги. Я клянусь богом всемогущим...

Ройзман: Я клянусь богом всемогущим...

Председатель: Что я буду говорить перед этим Судом только чистую правду...

Ройзман: Что я буду говорить перед этим Судом только чистую правду...

Председатель: И ничего не скрою из того, что известно мне...

Ройзман: И ничего не скрою из того, что известно мне...

Председатель: Да поможет мне бог. Аминь.

Ройзман: Да поможет мне бог. Аминь.

Председатель: Вы можете сесть.

Смирнов: Разрешите приступить, господин председатель, к допросу?

Председатель: Пожалуйста.

Смирнов: Скажите, свидетель Ройзман, чем Вы занимались до войны?

Ройзман: До войны я работал бухгалтером в экспортной фирме.

Смирнов: Когда и при каких обстоятельствах Вы оказались узником Треблинки-2?

Ройзман: В августе 1942 года меня увели из Варшавского гетто.

Смирнов: Сколько времени Вы пробыли в Треблинке?

Ройзман: Я был в Треблинке один год, до августа 1943 года.

Смирнов: Таким образом, Вам хорошо известны правила обращения с людьми, установленные в этом лагере?

Ройзман: Да. Я хорошо знаю их.

Смирнов: Я прошу Вас описать Трибуналу, что представляет собой этот лагерь.

Ройзман: Ежедневно туда приходили транспорты, по 3, 4, 5 поездов, наполненных исключительно евреями из Чехословакии, Германии, Греции и Польши. Немедленно после прибытия все люди в течение пяти минут выводились из поездов и должны были стоя ждать. Все те, кто покидал поезда, немедленно разделялись на группы: мужчины отдельно, женщины и дети тоже отдельно. Все должны были немедленно раздеваться донага, причем эта процедура проходила под нагайками немцев, которые этими нагайками устрашали. Рабочие, которые там прислуживали, немедленно брали всю одежду и несли ее в бараки. Таким образом, люди голыми должны были проходить через улицу до газовых камер.

Смирнов: Я прошу Вас сообщить Суду, как называлась немцами эта дорога до газовых камер.

Ройзман: Эта улица называлась по-немецки «Химмельфартштрассе».

Смирнов: То есть «дорога на небо»?

Скажите мне, пожалуйста, сколько времени жил человек, попадающий в Треблинский лагерь?

Ройзман: Вся процедура — раздевание и путь в газовую камеру — продолжалась для мужчин 8—10 минут, для женщин — 15 минут. Для женщин 15 минут потому, что до того как они шли в газовую камеру, им стригли волосы.

Смирнов: Зачем им стригли волосы?

Ройзман: По идее «господ», эти волосы должны были служить для изготовления матрацев для немецких женщин.

Председатель: Вы хотите сказать, что протекало только 10 минут с того времени, когда их сгружали с поездов, до того времени, как их отвозили в газовые камеры?

Ройзман: Я уверен, что у мужчин это занимало не более десяти минут.

Смирнов: Включая сюда и раздевание?

Ройзман: Да.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, люди в Треблинку привозились поездами или грузовиками?

Ройзман: Главным образом, привозились поездами. Только евреи из окрестных местечек и деревушек привозились на грузовиках. На грузовиках было написано «Экспозицион Шпер», приезжали они из Вайнгрова, Соколова.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, впоследствии какой вид имела станция Треблинка?

Ройзман: Вначале не было никаких надписей на станции. Но через несколько месяцев заместитель начальника лагеря Франц Курт устроил первоклассную железнодорожную станцию с надписями, а на бараках, где находилась одежда, были надписи: «буфет», «касса», «телеграф», «телефон» и др. Было даже печатное расписание прихода и ухода поездов на Гродно, Сувалки, Вену, Берлин.

Смирнов: Правильно ли я Вас понял, что на станции Треблинка был устроен бутафорский вокзал с объявлениями о расписании поездов, с указаниями отправления поездов с платформы якобы на станцию Сувалки и др.?

Ройзман: Когда люди выходили из поездов, у них действительно создавалось впечатление, что они находятся на хорошей станции, от которой путь идет в Сувалки, Гродно, Вену и т. д.

Смирнов: А что дальше происходило с людьми?

Ройзман: Этих людей прямо вели через улицу «Химмельфартштрассе» в газовые камеры.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, как вели себя немцы при умерщвлении людей в Треблинке?

Ройзман: Если дело идет об убийстве, то всякий из немецких надсмотрщиков имел свою специальность. Я вспоминаю только один пример. У нас был один шарфюрер Менц. Его обязанность заключалась в надзоре над так называемым «лазаретом». В этом «лазарете» были убиты все слабые женщины и маленькие дети, у которых не хватало сил, чтобы собственными силами подойти к газовой камере.

Смирнов: Может быть, свидетель, Вы опишите Трибуналу, как выглядел этот «лазарет»?

Ройзман: Это была часть площади, загороженная деревянной изгородью. Туда вводили всех женщин, стариков и детей. При входе в этот «лазарет» висел большой флаг красного креста. Менц, чьей специальностью было умерщвление всех людей, которых привозили в этот «лазарет», никому не уступал

этой работы. Могли быть сотни людей, которые хотели знать и видеть, что с ними будет, но он никому не поручал этой работы, он хотел это делать только собственноручно.

Вот пример того, что случалось там с детьми. Привели из вагона десятилетнюю девочку с двухлетней сестрой. Когда старшая, десятилетняя девочка увидела, что Менц взял револьвер, чтобы убить ее двухлетнюю сестру, она бросилась к немцу с плачем, спрашивая, почему он хочет убить ее сестру, и он не убил ее, а живую бросил в огонь, а потом немедленно убил старшую сестру.

Был еще один пример. Привели одну пожилую женщину с дочерью. Она была в последней стадии беременности. Их привели в «лазарет», положили на траву и привели нескольких немцев, чтобы они были при рождении этого ребенка в лагере. Спектакль продолжался два часа. Когда ребенок родился, Менц спросил бабушку, то есть мать той женщины, которая родила, кого она предпочитает, чтобы убили раньше. Она сказала, что просит, чтобы ее убили. Но ясно, что сделали как раз наоборот: сначала убили только что рожденного дитя, потом мать ребенка, а потом бабушку.

Смирнов: Скажите, свидетель, знакомо ли Вам имя Курта Франца?

Ройзман: Это был заместитель начальника лагеря Штенгеля, самый большой убийца в лагере. Курт Франц за то, что он опубликовал в январе 1943 года, что в Треблинке был убит миллион евреев, стал из оберштурмфюрера оберштурмбаннфюрером, то есть получил более высокий чин.

Смирнов: Я прошу Вас, свидетель, если Вы помните это, рассказать о том, как Франц Курт убил женщину, которая называла себя сестрой Зигмунда Фрейда?

Ройзман: Прибыл поезд из Вены. Я стоял на платформе, когда люди выходили из вагонов. Одна пожилая дама подошла к Курту, вынула какой-то документ и сказала, что она является родственницей или сестрой Зигмунда Фрейда. Она попросила, чтобы ей дали легкую работу в бюро. Франц очень серьезно просмотрел ее документы, сказал, что здесь, вероятно, была какая-то ошибка, подвел ее к расписанию поездов и сказал, что через два часа будет поезд на Вену. Она может все свои драгоценности и документы оставить и должна пойти в баню, а после бани для нее будут приготовлены бумаги и билет в Вену. Ясно, что женщина в баню пошла, но оттуда уже не вернулась.

Смирнов: Скажите, свидетель, почему Вы сами остались в живых в Треблинке?

Ройзман: Я стоял уже совершенно раздетый и должен был пройти через эту «Химмельфартштрассе». В моем

транспорте прибыли 8 тысяч евреев из Варшавы. Но в последнюю минуту перед тем, как я очутился на этой улице, меня заметил инженер Галевский, то есть мой друг из Варшавы, которого я знал в течение нескольких лет. Он был надзирателем над рабочими среди евреев. Он сказал мне, чтобы я ушел назад с этой улицы. Так как там нужен был переводчик с древнееврейского, французского, русского и польского на немецкий язык, то он воспользовался этим, чтобы получить разрешение оставить меня в живых.

Смирнов: Значит, Вы были в составе рабочей команды лагеря?

Ройзман: Вначале моя работа состояла в том, что я должен был носить одежду убитых людей в вагоны.

После того как я пробыл в лагере два дня, из города Венгерово привезли мою мать, сестру и двух братьев. Я должен был смотреть на то, как их вели в газовую камеру.

Несколько дней спустя, когда я носил одежду в вагоны, мои товарищи нашли документы моей жены и фотографию жены и ребенка. Это все, что мне осталось от всей моей семьи — только фотография.

Смирнов: Скажите, свидетель, сколько человек ежедневно привозилось в Треблинский лагерь?

Ройзман: От июля до декабря 1942 года в среднем ежедневно прибывали три транспорта по 60 вагонов каждый. В 1943 году транспорты приходили реже.

Смирнов: Скажите, сколько в среднем человек в день уничтожалось в Треблинском лагере?

Ройзман: В среднем, я думаю, в Треблинке уничтожалось от 10 до 12 тысяч человек ежедневно.

Смирнов: В скольких газовых камерах происходило умерщвление?

Ройзман: Вначале были только три камеры, а потом построили еще десять камер. План был таков, чтобы повысить число камер до 25.

Смирнов: Откуда Вам, свидетель, известно, что план был повышен до 25 камер?

Ройзман: Потому что все строительные материалы были привезены и лежали на площади. Я спросил, зачем, ведь уже нет евреев. Мне отвечали, что «после вас еще придут другие и будет еще много работы».

Смирнов: Как еще называлась Треблинка?

Ройзман: Когда Треблинка стала очень популярной, они сделали вывеску с надписью «Обермайданек».

Смирнов: Я прошу разъяснить, что значит «очень популярной»?

Ройзман: Это значит, что люди, которые прибывали в транспортах, очень скоро узнавали, что это не фешенебельная станция, а место смерти.

Смирнов: Для чего был устроен фальшивый вокзал?

Ройзман: Исключительно с той целью, чтобы люди, которые выходили из поезда, не волновались, чтобы они спокойно раздевались и чтобы не было никаких инцидентов.

Смирнов: Значит, я Вас правильно понял, что эти методы преступников преследовали определенные психологические цели: успокоить на первых порах обреченных на смерть?

Ройзман: Исключительно психологический момент...

Смирнов: У меня нет больше вопросов к свидетелю.

Председатель: Хочет ли кто-либо из других обвинителей допросить свидетеля? Хочет ли кто-либо из защитников задать вопросы свидетелю?

В таком случае свидетель может быть свободен.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ВИКТОРА ДЮПОНА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 28 января 1946 г.]

Председатель: Ваша фамилия Дюпон?

Свидетель: Виктор Дюпон.

Дюбост: По национальности Вы француз, родители у Вас тоже французы?

Дюпон: Да.

Дюбост: Вы имеет почетные награды?

Дюпон: Я награжден орденом почетного легиона, имею две военные награды и награжден медалью движения Сопротивления.

Дюбост: Вы были заключены в лагерь Бухенвальд?

Дюпон: Я был заключен в Бухенвальд 24 января 1944 г.

Дюбост: Сколько времени Вы пробыли там?

Дюпон: Я пробыл там 15 месяцев.

Дюбост: До 20 мая 1945 г.?

Дюпон: До 20 апреля 1945 г.

Дюбост: Дайте, пожалуйста, показания относительно режима в концентрационном лагере, в котором Вы были заключены, а также скажите о тех целях, которые преследовались лицами, установившими этот режим.

Дюпон: Когда я приехал в Бухенвальд, я скоро убедился в том, как тяжелы были условия жизни в нем. Основой режима, которому подвергались заключенные, не являлась справедливость. Все подчинялось принципу чистки. Я сейчас поясню свою мысль. Мы, находившиеся в Бухенвальде, — почти все французы — никаким судом не были осуждены.

В 1942, 1943, 1944 и 1945 гг. случаи осуждения судебными органами были очень редки. Большинство из нас было допрошено и после этого выслано в лагерь. Некоторые были реабилитированы на самих допросах и все же сосланы в лагерь. Другие совсем не были допрошены.

Я приведу три примера: 11 ноября 1943 г. были арестованы сотни людей в Гренобле во время демонстрации в честь дня перемирия. Их привезли в Бухенвальд, где многие из них

умерли. То же самое произошло в местечке Вершени и в Дроме в октябре 1943 года. Этим людям я также видел в Бухенвальде. Наконец, это же произошло в Сен-Клоде в апреле 1944 года. Этим товарищей привезли в августе 1944 года.

Таким образом, в Бухенвальде были собраны люди, подпавшие под действие законов военного времени, но одновременно и множество других, из которых часть, бесспорно, была совершенно невиновна, причем невиновность их зачастую была уже установлена при допросах, другие же не были допрошены вовсе. Наконец, там были политические заключенные. Они были сосланы за принадлежность к тем партиям, которые были разгромлены во Франции. Допросы здесь не были шуткой. Я вызывался на такие допросы и видел, как допрашивали других. Как Вам известно, они велись особенно бесчеловечными методами.

Назову Вам некоторые из этих методов: все виды побоев, опускание в ванну с холодной водой, зажимание в различные тиски, подвешивание и различные другие истязания — всему этому подвергались заключенные. Я сам видел, как истязали женщину на глазах у ее мужа. Я видел детей, которых мучили в присутствии матерей. Я могу назвать даже одно из имен — Франсис Горэ, живший раньше в Париже, рю де Бургонь. Его истязали в присутствии матери.

Для всех, кто попадал в лагерь, условия были одинаковы.

Дюбост: Вы говорили о чистке расовой, политической, социальной. Что служило критерием?

Дюпон: В Бухенвальде в одних и тех же условиях были собраны различные элементы: так называемые политические, те, кто был заключен по расовым признакам, главным образом евреи и цыгане, а также антисоциальные элементы — уголовные преступники всех национальностей: немцы, чехи, французы и т. д. Жили все вместе, и режим для всех был одинаков.

Хотя слово «чистка» не выражает собой это понятие, в действительности такая чистка осуществлялась посредством истребления, о чем я сейчас хочу рассказать.

Зачастую это было предпринято заранее. Я Вам сейчас приведу примеры. В 1944 году в Бухенвальд прибыл транспорт с цыганскими детьми. Их было там несколько сотен. Какой администрацией он туда был прислан, мы так и не узнали. Зимой 1944 года все дети были собраны для отправки в Освенцим для умерщвления в газовых камерах. Одним из самых трагических впечатлений, пережитых мною за время моего заключения, являлось зрелище этих детей, отлично понимавших, что их ожидало, кричавших и плакавших, когда их толкали в вагоны. В тот же день они были отправлены в Освенцим.

В других случаях уничтожение производилось постепенно и начиналось с момента прибытия заключенных. Например,

24 января из Компьена выехал эшелон французов и 26-го прибыл в Бухенвальд. В вагоне, где находилось 100 человек, было 12 мертвецов и 8 сошедших с ума, которых я лично видел.

За время моего заключения я много раз видел прибытие новых транспортов. В основном каждый раз картина была одна и та же, только количество умерших бывало различным. По прибытии заключенных в Бухенвальд начиналось их постепенное уничтожение. Этому способствовало прежде всего пребывание в карантине, часами приходилось бывать также на холоде во время переключек. Наиболее слабые умирали. После этого начиналось уничтожение заключенных путем непосильной работы. Многие отбирались и направлялись в такие команды, как Дора, С-3 и Лора.

Я наблюдал, что каждый месяц новые контингенты заключенных направлялись для пополнения в эти команды, а в Бухенвальд возвращались грузовики с мертвецами. Мне пришлось присутствовать при вскрытии этих трупов. Вскрытия показывали всегда признаки крайнего истощения, а у тех, кто продержался два-три месяца, часто обнаруживались симптомы последней стадии туберкулеза.

В самом Бухенвальде нужно было работать, и, как и повсюду, это было единственным шансом остаться в живых. Отбор заключенных для уничтожения осуществлялся в лагере Бухенвальд главным врачом Шидловским. Этот отбор...

Дюбост: Простите, я должен Вас перебить. Скажите, какой национальности был этот главный врач?

Дюпон: Это был немецкий врач СС.

Дюбост: Вы в этом вполне уверены?

Дюпон: Вполне уверен.

Дюбост: Продолжайте, пожалуйста.

Дюпон: Отбор инвалидов и больных производился Шидловским. До января 1945 года они пересылались в Освенцим, а затем в Берген-Бельзен, откуда ни один человек больше не возвратился.

Я знаю один случай с рабочей командой евреев, которые были отосланы в Освенцим, где они пробыли несколько месяцев. По возвращении они были совершенно нетрудоспособными, их еще раз отобрали и отправили в Освенцим. Я был очевидцем этих фактов. Я присутствовал при их отборе и отправке.

Позже в Бухенвальде казни проводились в самом лагере. Они начались, насколько я знаю, с сентября 1944 года. В маленьком седьмом зале люди умерщвлялись путем уколов в область сердца. Пропускаемость была небольшая, не больше нескольких десятков человек в день.

Приходили новые транспорты, увеличивалось количество обессиливших людей; нужно было ускорить уничтожение. Сна-

чала стали производить отбор непосредственно в момент прибытия транспорта. Затем с января 1945 года отбор стали производить в специальном 61-м бараке. В этом бараке всегда было собрано много людей, которых мы за их внешний вид называли мусульманами, так как они всегда были закутаны в одеяла. Они не могли выполнять никакой работы и неизбежно должны были попасть в барак 61. Количество погибших в 61-м бараке колебалось минимум от 10 до 200 человек в день. Для умерщвления производилось впрыскивание фенола в область сердца, причем это делалось самым жестоким образом. Трупы перевозились на ручных тележках в крематорий, обычно в часы поверки или ночью.

Наконец, за последнее время заключенные уничтожались целыми транспортами, которые вывозились из Бухенвальда, особенно по мере приближения союзных армий.

Приведу пример. В конце марта 1945 года в Бухенвальд прибыли заключенные, работавшие в команде С-3. Они были совершенно обессилены и неработоспособны. Они первые и были предназначены к дальнейшей отправке через два дня после их прибытия. В конце Бухенвальдского лагеря находилась площадка, откуда они должны были отправляться. Площадка находилась на расстоянии 500 метров от места поверки, где они должны были собраться перед отъездом. Чтобы дать представление о том, насколько эти люди были слабы, я скажу только, что на протяжении тех 500 метров, которые им надо было пройти, я видел примерно 60 человек мертвых, упавших по дороге и больше не поднявшихся. Кроме того, многие из этой партии умерли в ближайшие часы или дни.

Вот какие методы систематического уничтожения заключенных я видел своими глазами в лагере в Бухенвальде.

Дюбост: А в отношении тех, кто оставался?

Дюпон: О тех, кто оставался до отправки последних эшелонов? Это довольно сложная история.

Мы пережили страшную тревогу. Вот факт: 1 апреля, хотя я не могу гарантировать, что называю точную дату, начальник лагеря Цистер собрал большое количество заключенных и сказал им следующее: «Союзные силы приближаются к самому лагерю Бухенвальд. Я намерен передать союзникам ключи от лагеря. Я не хочу жестокостей. Я хочу, чтобы весь лагерь целиком был им передан».

А в действительности через три дня, когда приближение союзных армий немного замедлилось, — по крайней мере, нам так казалось — началась эвакуация лагеря. Делегация от нас, заключенных, отправилась к коменданту, чтобы напомнить данное им слово, «слово солдата», как он тогда сказал. Он казался

очень смущенным и дал такое объяснение: губернатор Тюрингии Заукель дал приказ, чтобы ни один заключенный не оставался в Бухенвальде, потому что это будет представлять большую опасность для данной провинции.

С другой стороны, мы знали, что все, кто стал свидетелем секретов администрации лагеря, должны исчезнуть. За несколько дней до освобождения нас союзниками 43 наших товарища различных национальностей были вызваны, чтобы, как мы знали, больше не возвратиться. Тогда произошло удивительное явление: лагерь взбунтовался, эти 43 человека были спрятаны и так и не были выданы администрации. Мы знали, что все те, кто работал в бараке, где производились эксперименты, или в больнице, ни в коем случае не выйдут из лагеря. Вот то, что я могу сказать о последних днях.

Дюбост: Офицер, командовавший лагерем и давший Вам, как Вы сказали, честное слово солдата, был действительно военным?

Дюпон: По отношению к заключенным он был неумолимым; правда, в свою очередь он получал приказы. О нем можно сказать, что он был солдатом особого рода. Но тот режим, которому подвергались заключенные, не был установлен им самим.

Дюбост: К какому роду войск он принадлежал?

Дюпон: Он принадлежал к дивизии СС «Мертвая голова».

Дюбост: Он был эсэсовцем?

Дюпон: Да, он был эсэсовцем.

Дюбост: Вы сказали, что он выполнял приказы, которые получал?

Дюпон: Да, он, конечно, выполнял приказы, которые получал.

Дюбост: Для чего использовались заключенные?

Дюпон: Заключенные использовались таким образом, чтобы никто не считался с их человеческим достоинством.

Прежде всего они использовались для различных экспериментов. В Бухенвальде эксперименты производились в бараке 46. Для этих экспериментов люди отбирались путем медицинского осмотра, который производился, во всяком случае я это видел несколько раз, врачом Шидловским, о котором я раньше говорил.

Дюбост: Это был врач?

Дюпон: Да, врач.

Заключенные использовались на самых тяжелых работах: на бурении минных галерей в Лора, на соляных копях, команда в Ванслебене ам Зее производила расчистку после бомбежек. Надо отметить, что для команд, использовавшихся на самых тяжелых работах, администрацией создавались самые худшие

условия. Заключенные в Бухенвальде использовались на самых разнообразных работах: на земляных, в каменоломнях и на заводах.

Вот особый случай: Бухенвальду были приданы два завода (Густлоф и Мюльбах), производивших оружие, ими руководил гражданский, а не военный технический персонал. В этом частном случае существовало как бы некое соперничество между эсэсовцами и техническим руководством завода. Техническая дирекция в интересах повышения производительности труда защищала заключенных в том смысле, что иногда она получала для них дополнительное питание. Применение труда заключенных было выгодным, так как он ничего не стоил, и, с другой стороны, имелась максимальная гарантия того, что секрет предприятия будет сохранен, так как заключенные не общались с внешним миром, что не допускало просачивания...

Дюбост: Просачивания сведений военного характера?

Дюпон: Да, я говорю о просачивании сведений военного характера.

Дюбост: Можно ли было судить по внешнему виду, что заключенные подвергались плохому обращению и были в очень плохом состоянии?

Дюпон: Это, конечно, уже другой вопрос.

Дюбост: Вы ответите на него сейчас?

Дюпон: Я сейчас отвечу Вам на этот вопрос.

Я упустил одну подробность. Заключенные в некоторой степени использовались даже после их смерти. Пепел из крематория вместе с содержимым выгребных ям служил для удобрения полей по соседству с Бухенвальдом. Я привожу эту деталь потому, что она поразила меня в свое время.

Наконец, работа, какова бы она ни была, являлась для заключенных единственным шансом остаться в живых, потому что с того момента, как они утрачивали способность что-либо делать, они считались погибшими.

Дюбост: Скажите, использовали ли заключенных, как «доноров крови», разумеется, не по их собственному желанию?

Дюпон: Я забыл об этом сказать. Заключенные, использовавшиеся на легких работах, производительность труда которых была очень низкой, использовались как «доноры». Представители из армии неоднократно приезжали в лагерь, и я видел два раза, как они брали кровь у заключенных. Это делалось в помещении, которое называлось СП-2, то есть зал для операции № 2.

Дюбост: Это, конечно, делалось по приказу свыше?

Дюпон: Я думаю, что иначе это не могло быть.

Дюбост: Может быть, по инициативе администрации лагеря?

Дюпон: Это происходило не по инициативе лагерной администрации. Приезжавшие военные не имели никакого отношения к лагерю. Я повторяю, те, кого я видел, были представителями вооруженных сил, а нас охраняли эсэсовцы, принадлежавшие к дивизии «Мертвая голова».

Наконец в самое последнее время заключенных использовали самым необычным способом.

В январе 1945 года гестаповцы приехали в Бухенвальд, забрали все документы умерших для того, чтобы установить их личности и изготовить подложные документы. Один еврей специально занимался ретушированием фотографий и переделкой документов мертвецов для кого-то, кто для нас остался, конечно, неизвестным. Потом этот еврей исчез, и я не знаю, что с ним случилось; мы его больше не видели.

Но использование документов не ограничивалось бумагами умерших. Несколько сот заключенных французов были вызваны в учреждение, называемое «авиационное управление», и их подвергли подробному допросу для установления их личности, связей и сфер, в которой они вращались до ареста.

Затем им было сказано, что они ни в коем случае не должны получать никакой корреспонденции и посылок. Они были вычеркнуты из списков, и всякий контакт с внешним миром для этих заключенных был исключен еще в большей степени, чем для всех остальных. Дальнейшая судьба их нас очень беспокоила. Вскоре после этого мы были освобождены, и поэтому теперь я могу просто сказать, что делали с заключенным, у которого отбирали удостоверение для подделки.

Дюбост: Каковы были последствия такой жизни в лагере?

Дюпон: Последствия такой жизни для человеческой личности?

Дюбост: Для человеческой личности.

Дюпон: Результатом такой жизни являлась человеческая деградация, вызванная ужасными условиями, о которых я говорил. Эта деградация происходила систематически. Казалось, что действует какая-то неумолимая воля, преследующая цели низведения всех этих людей до самого низкого уровня...

Люди жили скученно, в антисанитарных условиях, работа была чрезвычайно тяжелой.

Я видел, как в марте 1944 года умер французский генерал Дюваль. Весь день он был вместе со мною на земляных работах. К вечеру он совершенно обессилел, весь был покрыт грязью и умер через несколько часов после возвращения с работы.

Французский генерал Верно умер в бараке 6, куда помещали умирающих. Он умер на соломенном тюфяке, покрытом экскрементами, окруженный другими умирающими.

Я видел, как умер господин де Тессан...

Дюбост: Можете ли Вы пояснить Трибуналу, кто был господин Тессан?

Дюпон: Это бывший французский министр, женатый на американке. Он умер точно так же на соломенной подстилке, покрытой гноем.

Я был также свидетелем смерти графа Липковского, показавшего себя в течение войны блестящим военным. Ему были оказаны воинские почести немецкой армией. Характерная деталь — в Париже его пригласил к себе генерал Роммель, чтобы показать, как он ценил его с военной точки зрения. Зимой 1944 года Липковский нищенски умер в лагере.

Еще одно имя — бельгийский министр Жансон, находившийся в лагере в уже обрисованных мною Вам условиях, о которых Вы, несомненно, уже много слышали. Он умер самым жалким образом, он был совершенно угнетен физически и морально и даже частично утратил разум. Я привожу Вам наиболее разительные примеры, в частности, говорю о генералах, для которых, как утверждали, были якобы созданы особые условия, чего я отметить не могу.

Наконец, укажу последний способ, каким людей доводили до потери человеческого облика. Заключенных восстанавливали друг против друга.

Дюбост: Пожалуйста, скажите нам прежде о тех условиях, в которых Вы встретили Вашего преподавателя, профессора медицины Леона Киндберга.

Дюпон: Я был учеником профессора медицины Леона Киндберга, работавшего в госпитале Божон.

Дюбост: В Париже?

Дюпон: В Париже. Это был человек очень высокой культуры и блестящего интеллекта.

В январе 1945 года я узнал, что он прибыл из Моновитца, и нашел его в бараке 58. В этом бараке, где нормально могло поместиться 300 человек, жило 1200 человек: венгры, поляки, русские, чехи и значительное количество евреев. Они находились в ужасающем состоянии. Я не узнал профессора Леона Киндберга, настолько он стал похож на обитателей этих барачков. Уже не видно было его интеллекта и просто трудно было узнать в нем человека, которого я знал раньше. Нам удалось добиться его перевода из этого барака, но, к несчастью, его здоровье так пострадало, что он умер вскоре после своего освобождения.

Дюбост: Скажите, если Вам известно, какие преступления совершили эти люди?

Дюпон: Профессор Леон Киндберг после перемирия поселился в Тулузе, где он занимался легочными заболеваниями.

Я знаю точно от него самого, что он абсолютно не участвовал в какой бы то ни было деятельности, направленной против немецких оккупационных властей. И вдруг однажды узнали, что он еврей, и по этой причине его арестовали и заключили в лагерь. Сначала он был в Освенциме, потом в Моновитце и, наконец, попал в Бухенвальд.

Дюбост: Какое преступление совершил генерал Дюваль, который содержался в одном бараке с уголовными преступниками, сутенерами, педерастами и убийцами; или что совершил генерал Верно?

Дюпон: Я ничего не знаю о деятельности генерала Дюваля и генерала Верно во время оккупации, но единственное, что я могу утверждать, это то, что их деятельность ничего общего не имела с деятельностью общественно опасной.

Дюбост: А граф Липковский и господин Тессан?

Дюпон: Граф Липковский и господин Тессан также не совершили никаких антиобщественных или уголовных поступков.

Дюбост: Продолжайте, пожалуйста.

Дюпон: Как я уже сказал, для того чтобы достичь наибольшего унижения человеческой личности, заключенных заставляли издеваться над заключенными. Приведу наиболее показательный пример.

В Ванслебене ам Зее, в 70 километрах от Бухенвальда, работала команда АС-6. В ней были заключенные всех национальностей, с преобладанием французов. Там находились два монаха: Антуан д'Эмери, сын генерала д'Эмери, и Тибо, католический миссионер. В Ванслебене ам Зее казни через повешение производились публично в помещении завода, примыкавшего к соляным копам.

Эсэсовцы присутствовали на этих казнях в полной парадной форме, украшенные всеми своими отличиями.

Заключенные под угрозами и с применением насилия также вынуждались присутствовать при повешениях. В тот момент, когда несчастного вешали, заключенные должны были приветствовать его нацистским приветствием. Еще хуже было то, что одного из заключенных заставляли вытаскивать табурет из-под ног казнимого. Отказаться он не мог, так как это было сопряжено с большой опасностью для него самого. Наконец, когда повешение уже произошло, заключенные должны были дефилировать, проходя между эсэсовцами, мимо повешенного, прикасаться к нему (важная деталь) и смотреть ему в глаза.

Таким образом, я думаю, что люди, которых заставляли участвовать в этом церемониале, не могли сохранить своего человеческого достоинства.

В самом Бухенвальде казни также производились при участии заключенных. Обязанность палача при повешении испол-

нял немецкий заключенный при помощи других заключенных. Лагерная полиция также составлялась из заключенных. Это они при казнях должны были конвоировать приговоренного до места казни.

Отбор заключенных в команды для работы в Дора, Лора, С-3, о которых Вы уже слышали, то есть в команды по истреблению, где люди неизбежно погибали, производился также заключенными.

Вот какими путями человека доводили до предела падения, превращая его в палача своих братьев. Я говорил Вам о бараке 61, где происходило истребление заключенных, неспособных к труду. Это истребление также осуществлялось заключенными под надзором эсэсовцев. Пожалуй, с человеческой точки зрения, это самое большое преступление, потому что люди, которых заставляли таким образом мучить своих ближних, возвращены сейчас к жизни, но они уже не те люди, какими были раньше.

Дюбост: Кто именно является ответственным за эти преступления в той мере, в какой Вы лично можете свидетельствовать о такой ответственности кого-либо?

Дюпон: Вот что поразительно. Те методы, которые я наблюдал в Бухенвальде, может быть, с небольшой разницей применялись во всех лагерях. В обращении с заключенными в различных лагерях существовала определенная однотипность, которая показывает, что действовали по приказам свыше. В данном случае, в Бухенвальде персонал был очень жестоким, однако проводил подобные акты не по своей инициативе, и, кроме того, сам начальник лагеря и эсэсовец-врач всегда ссылались, хотя зачастую в туманной форме, на приказы, исходившие свыше. Большей частью упоминалось имя Гиммлера. Другое имя, которое часто упоминалось в связи с баракком 61, баракком для уничтожения, было именем главного врача всех лагерей Доллинга. Оно произносилось много раз, в частности, эсэсовским врачом лагеря Бендером. В связи с отбором инвалидов и евреев, которые отсылались в Освенцим или в Берген-Бельзен для уничтожения в газовых камерах, я слышал, произносилось имя Поля.

Дюбост: Каковы были функции Поля?

Дюпон: Он был начальником эсэсовской администрации в Берлине, отдел Д-2.

Дюбост: Мог ли немецкий народ в целом не знать об этих жестокостях, или они неизбежно должны были стать известными?

Дюпон: Немецкий народ не мог оставаться в неведении относительно лагерей, которые существовали ряд лет.

Во время перевозки нас в лагерь мы остановились в Треве. В вагонах многие из заключенных были совершенно голыми,

некоторые же были одеты. На вокзале было довольно много народа, который видел эти вагоны. Некоторые лица даже подзадоривали против нас эсэсовских солдат, охранявших платформу.

Кроме того, существовали другие средства, чтобы население могло узнать правду. Это прежде всего те команды, которые работали вне лагеря. В Бухенвальде были команды, которые направлялись в Веймар, Эрфурт, Иену. Они отправлялись утром и возвращались вечером.

Целый день они общались с гражданским населением. Наконец, на заводах мастера были не военными и не эсэсовцами. Они возвращались к себе по вечерам, целый день они руководили работой заключенных. Кроме того, на некоторых заводах в качестве рабочих работали обыкновенные гражданские лица; это было, например, на заводе Густлофа в Веймаре.

Наконец, снабжение лагеря производилось гражданскими учреждениями. Я видел сам, как на территорию лагеря приезжали грузовики с гражданскими лицами.

Далее, администрация железных дорог неизбежно была в курсе дела, потому что многочисленные поезда каждый день перевозили заключенных из одного лагеря в другой или из Франции в Германию; эти поезда обслуживались железнодорожниками. Наконец, в Бухенвальде на вокзал каждый день приходил поезд, курсировавший постоянно. Поэтому персонал железнодорожной администрации, конечно, тоже был осведомлен.

Наконец, заводы выполняли определенные заказы, и в промышленных кругах не могли не знать, из кого состояла рабочая сила, которая использовалась для выполнения заказов.

Надо сказать, что немецких заключенных иногда навещали посетители. Я был знаком с некоторыми заключенными немцами и знал, что их навещают члены их семей, которые, несомненно, рассказывали кое-что окружающим. Таким образом, нельзя считать, что немецкое население ничего не знало о лагерях.

Дюбост: А армия?

Дюпон: Армия знала о лагерях. По крайней мере я видел, что каждую неделю в Бухенвальде появлялась так называемая комиссия, то есть группа офицеров, которые приезжали в лагерь; среди этих офицеров были эсэсовцы. Но я видел много раз офицеров, принадлежавших к вооруженным силам и к военно-воздушному флоту.

Иногда мы узнавали лиц, приезжавших в лагерь, хотя со мною это бывало редко. 22 марта 1945 г. обергруппенфюрер СС доктор Бугровский посетил лагерь и особенно долго оставался в 61-м бараке. Его сопровождал генерал СС и главный врач лагеря Шидловский.

Наконец, еще одно обстоятельство. В последнее время охрана лагеря, в большинстве эсэсовцы...

Дюбост: Простите, что я Вас прерываю. Можете ли Вы нам напомнить, что это был за барак 61?

Дюпон: Это был барак уничтожения для тех, кто доходил до состояния полного изнеможения и совершенно не мог работать.

Дюбост: Вы были очевидцем этого посещения барака 61?

Дюпон: Да, я был очевидцем.

Дюбост: Кого Вы при этом видели?

Дюпон: Доктора Бугровского.

Дюбост: Он из армии?

Дюпон: Нет, кроме того я видел также генерала СС, имени которого я не знаю.

Дюбост: Знали ли университетские круги о работах, которые проводились в лагере?

Дюпон: В Бухенвальде, в институте патологии, изготавлились препараты, которые отправлялись в университеты, в частности в университет Иены.

Дюбост: У меня вопросов больше нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЭМИЛЯ ПУЛЯ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 15 мая 1946 г.]

Додд: Господин председатель, мы приготовились допросить свидетеля Пуля. Может быть, я не совсем понял. Допрос должна начать защита?

Председатель: Да, правильно.

(Свидетель занимает свое место у микрофона.)

Председатель: Назовите, свидетель, ваше имя полностью.

Свидетель: Эмиль Иоганн Рудольф Пуль.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Председатель: Вы можете сесть.

Заутер: Господин свидетель, вы ранее были вице-президентом имперского банка?

Пуль: Да.

Заутер: Вы, если я правильно информирован, находились в директорате имперского банка в то время, когда там был доктор Шахт?

Пуль: Да.

Заутер: Когда затем доктор Шахт ушел в отставку, вы были одним из немногих оставшихся в имперском банке?

Пуль: Да.

Заутер: Затем вы, по предложению подсудимого Функа, были назначены Гитлером управляющим делами и вице-президентом имперского банка?

Пуль: Да.

Заутер: Когда это было?

Пуль: Это было в 1939 году.

Заутер: Вы заявили, что вы в 1939 году были назначены на должность управляющего делами и вице-президента. Я полагаю, что это связано с тем, что подсудимый Функ не был спе-

циалистом по банковским делам, в то время как вы были в этой области специалистом, и подсудимый Функ, кроме того, руководил имперским министерством экономики. Это верно?

Пуль: Да. Но здесь была также и другая решающая причина, а именно, что в руководстве существовало разделение обязанностей: существовало руководство кадрами и управление делами.

Заутер: Делами банка как будто бы руководили вы?

Пуль: Да, я.

Заутер: Поэтому ваша должность и называлась «управляющий делами и вице-президент»?

Пуль: Да, делами директората имперского банка руководил целый ряд членов директората. Каждый член нес полную ответственность за свою отрасль. Вице-президент в основном руководил лишь заседаниями, представлял президента в его отсутствие и должен был решать вопросы общей экономической и банковской политики.

Заутер: Господин свидетель, подсудимый Функ еще в декабре ходатайствовал о вызове вас в качестве свидетеля, вам это известно? И по этому поводу затем вы были допрошены в лагере, где вы сейчас находитесь, кажется, в Баден-Бадене?..

Пуль: Да, около Баден-Бадена.

Заутер: 1 мая вы были там допрошены?

Пуль: Да.

Заутер: Через два дня после первого допроса вас допросили вторично?

Пуль: Да.

Заутер: 3 мая?

Пуль: Да.

Заутер: Знаете ли вы, почему эти дела, по поводу которых вы опрашивали 3 мая, не упоминались при допросе 1 мая?

Пуль: У меня здесь имеется протокол допроса от 3 мая.

Заутер: От 3 мая, он относится к делам СС?

Пуль: Да, но по этим вопросам меня допрашивали 1 мая, правда, очень кратко, а 3 мая еще раз пришли, чтобы более подробно поговорить со мной на эту тему.

Заутер: Во время вашего допроса 1 мая вы упоминали что-либо об операциях имперского банка по вкладам СС?

Пуль: Да, упоминал.

Заутер: У меня есть протокол вашего допроса от 1 мая. Я еще раз сегодня прочел его; в нем о делах с СС, насколько мне известно, вообще ничего не сказано. То, о чем вы сейчас говорите, очевидно, какой-то другой допрос?

Пуль: Да.

Додд: Господин председатель, мне кажется, я смогу помочь разобраться в этой путанице. Опросный лист, представле-

ние которого было санкционировано Трибуналом, был заполнен свидетелем 1 мая, но в тот же день, независимо от этого опросного листа, один из наших сотрудников также проинтервьюировал этого свидетеля. Но это было совершенно особое интервью, не имевшее никакой связи с опросным листом. Мне кажется, это и явилось источником возникшего недоразумения.

Председатель: Очень хорошо.

Заутер: Вас дважды допрашивали относительно этих операций с СС?

Пуль: Да, два раза.

Заутер: Есть ли у вас протокол допроса, который вы подписали 3 мая? Вы помните его?

Пуль: От 3 мая? Да.

Заутер: Это протокол допроса, который относится к расчетам с СС? Подтверждаете ли вы то, что тогда показали?

Пуль: Да, подтверждаю.

Заутер: Господин свидетель, после 3 мая вы были допрошены еще раз по этому делу?

Пуль: Да, здесь в Нюрнберге.

Заутер: Когда это было?

Пуль: Это было пару дней тому назад.

Заутер: Сегодня у нас среда, когда это было?

Пуль: Во вторник.

Заутер: Значит это было вчера?

Пуль: Да.

Заутер: Вас допрашивали по этому вопросу?

Пуль: Да.

Заутер: Вам также показали здесь фильм?

Пуль: Да.

Заутер: Вам его демонстрировали один или два раза?

Пуль: Один раз.

Заутер: Вы раньше когда-нибудь видели этот фильм?

Пуль: Нет.

Заутер: То, что было вам показано в фильме, вы ясно видели?

Пуль: Да.

Заутер: Я спрашиваю это вас, господин Пуль, потому, что фильм, как вам известно, крутится очень быстро. Это очень короткий фильм, и поэтому обвинение демонстрировало его здесь, в зале Суда, дважды для того, чтобы можно было ясно увидеть, что показано в фильме. Вы, просмотрев этот фильм один раз, поняли, что в нем показано?

Пуль: Да.

Заутер: Тогда я прошу вас сказать, что вы там видели, только то, что вы там видели или что вам кажется, что вы видели?

Пуль: Да. В фильме были засняты сейфы нашего банка во Франкфурте-на-Майне. В этих сейфах были стеклянные двери, так что можно было видеть их содержимое. Там стояли закрытые чемоданы и ящики, которые, очевидно, были туда положены. Это была обычная картина, обычные сейфы. Перед шкафами стояли открытые ящики, так что было видно их содержимое: это были монеты, украшения, жемчуг, банкноты и часы.

Заутер: Что за часы?

Пуль: Большие часы.

Заутер: Вы больше ничего не видели в этом фильме, кроме этих предметов?

Пуль: Кроме этих предметов?

Заутер: Кроме этих, ну, скажем, ценностей, вы больше ничего не видели, что там якобы хранилось?

Пуль: Нет, нет.

Заутер: Только эти ценные вещи? Продолжайте, пожалуйста.

Пуль: Но мне при этом бросилось в глаза, что, кроме этих ценностей, там были и монеты, очевидно, монеты, а также и банкноты, очевидно, американские банкноты.

Заутер: Правильно.

Пуль: Удивительно, что эти вещи были переданы нам на хранение, ибо, если бы это стало известно нашим чиновникам, то, без сомнения, банкноты были бы тотчас же сданы в отдел девизов, так как существовало общее правило сдавать иностранную валюту, и, кроме того, нашим чиновникам было известно, что в иностранных банкнотах особенно нуждаются. То же самое относится и к монетам, которые обычно должны передаваться государству, то есть включены в государственный фонд.

Заутер: Это вас удивило?

Пуль: Да.

Заутер: А больше вам ничего не бросилось в глаза в этом фильме?

Пуль: Нет.

Заутер: Господин свидетель, следовательно, так сохранились в имперском банке ценности, которые были переданы туда. Теперь я спрашиваю: действительно ли ваш имперский банк так хранил переданные ему ценности, как это было показано в фильме, и поэтому меня интересует вопрос: знаете ли вы как управляющий делами, вице-президент, в Берлине или во Франкфурте — где был заснят этот фильм, хранились ценные вещи, сданные в банк?

Пуль: Да. Внешний вид сейфов был приблизительно таким, как и вид сейфовых установок во Франкфурте и как вообще во всех крупных банках. Эти вещи сохранялись, говоря техническим языком, в «закрытых депозитах». Как показывает само

это название, вещи эти хранились в закрытых ящиках, для которых мы предоставляли особое помещение. Это помещение оплачивалось вкладчиками.

Заутер: В Берлине или во Франкфурте вещи сохранялись именно так, как это показано в фильме?

Пуль: У меня создалось такое впечатление, что эти вещи были положены там специально для съемки.

Заутер: Может быть, вы вспомните, был ли там показан мешок, на котором написано: «Рейхсбанк — Франкфурт».

Пуль: Да, я могу подтвердить, что я на экране видел мешок с надписью «Рейхсбанк», но было ли там написано «Рейхсбанк — Франкфурт», я не могу подтвердить.

Заутер: Насколько мне известно, там было написано «Рейхсбанк — Франкфурт», именно поэтому мы и пришли к заключению, что фильм этот заснят во Франкфурте, что позднее и было подтверждено обвинением.

Додд: Мне очень не хочется прерывать адвоката, но такие заявления, как сделал он, надо бы делать более осторожно. С его стороны имели место уже две ошибки, имеющие немаловажное значение. Мы не показывали Трибуналу этот фильм два раза. Далее, на мешке не было написано: «Франкфурт», там была только надпись «Рейхсбанк». Два раза мы показывали только фильм, имеющий отношение к Шахту, так как он был совсем короткометражным.

Заутер: Господин свидетель, может быть вы продолжите свой ответ. Я вас спрашивал: хранил ли имперский банк золотые вещи в таких мешках?

Пуль: Господин адвокат, насколько я понимаю, вы хотите спросить меня о следующем: если третье лицо делало в банк вклад ценностями, хранились ли эти ценности в открытых мешках?

Заутер: Да, так как я не знаю, каков был обычный порядок хранения.

Пуль: Обычный порядок — это хранение в «закрытых депозитах». Само название показывает, что это мог быть и мешок, но только закрытый. Это возможно.

Заутер: Насколько я сам мог убедиться, в Мюнхене во время войны, когда поступало в банк на хранение особенно много ценностей, эти ценности все без исключения хранились в закрытых ящиках или чемоданах. Так что банк в общем не знал, что в этих ящиках и чемоданах хранится. Что, у вас в имперском банке дело обстояло по-другому?

Пуль: Нет, все было точно так же, поэтому было удивительно, что на мешке было написано «Рейхсбанк». Это, очевидно, наши собственные фонды, а не вклады какого-либо другого учреждения.

Заутер: Итак, для того чтобы было совершенно точно, я еще раз спрашиваю: вещи, которые передавались вам, всегда хранились под замком в так называемых «депо»?

Пуль: Да.

Заутер: А может быть, эти вещи направлялись в отделения «стальных шкафов»?

Пуль: Слово «депо» может ввести в заблуждение. Закрытые ящики попадали в сейф. Я здесь пользуюсь нашей терминологией. Этот сейф состоял из нескольких стальных отделений, куда и помещались чемоданы или специальные ящики. Независимо от этого мы имели еще открытое «депо» (хранилище), то есть такое хранилище, в отношении которого было заранее предусмотрено, что оно будет находиться в другой части здания, чем так называемые основные хранилища.

Заутер: Но эти открытые хранилища, мне кажется, в разбираемом нами случае не могут быть приняты во внимание?

Пуль: Нет.

Заутер: Теперь, господин свидетель, я перехожу к хранилищам СС. Эти хранилища находились не во Франкфурте, а, как предполагают, в Берлине при центральном банке?

Пуль: Да.

Заутер: Теперь я вас попрошу сообщить мне о переговорах между подсудимым Функом и вами относительно этих хранилищ СС, причем, господин свидетель, я прошу вас сначала хорошо обдумать каждый ваш ответ и перед тем, как отвечать, восстановить все это в своей памяти. Вам, конечно, будет предоставлено время на обдумывание. Сначала скажите, что вы с подсудимым Функом обсуждали, когда вы впервые столкнулись с вопросом о хранилищах СС?

Пуль: Я здесь ссылаюсь на протокол моего допроса от 3 мая. Разговор, который я имел с господином Функом, был очень прост. Речь шла о том, что организация СС попросила разрешение на хранение ценностей в наших банках; было сказано, что эти ценности в собственных подвалах не обеспечены достаточной охраной. Я хотел бы здесь пояснить, что СС в данном случае представлял хозяйственный отдел СС.

Заутер: О чем тогда говорил подсудимый Функ? Пожалуйста, скажите мне, указал ли он, что должно было быть взято на хранение?

Пуль: Это были ценности, которые этот отдел СС получал из восточных областей и которые лежали в подвалах хозяйственного отдела СС. Именно о сохранении этих ценностей и просили.

Заутер: Подсудимый Функ точно указал, какие именно это были ценности?

Пуль: Нет. Он точно этого не указал, но в общем и целом он заявил, что это такие ценности, как девизы, золото, серебро, украшения. Причем, разрешите мне еще добавить, что золото и девизы, само собой разумеется, так или иначе должны были быть сданы в имперский банк.

Заутер: Золото, девизы, серебро и украшения?

Пуль: Да.

Заутер: Скажите, Функ говорил вам тогда, у кого и почему были конфискованы эти ценности?

Пуль: Нет, об этом он тогда ничего не говорил. Разговор, как я уже отметил, был очень коротким, и мы скоро вообще прекратили его.

Заутер: Что же вы ответили ему на это?

Пуль: Я сказал, что дела подобного рода ввиду того, что они связаны с организацией СС, для нас, по крайней мере, являются неудобными. Я выразил свои опасения по этому поводу и добавил, что мы, как имперский банк, всегда в подобных делах были очень сдержанными, например, в тех случаях, когда нам предлагали принять ценности из учреждений, ведающих девизами, и из пунктов сбора пошлин.

Заутер: Почему вы стали выражать опасения относительно ведения подобных операций с организацией СС?

Пуль: Потому что мы не знали, к каким последствиям могут привести такие операции.

Заутер: Господин свидетель, ваш ответ меня не удовлетворяет. Связано ли это было с тем, что вы или подсудимый Функ вообще не хотели иметь никакого дела с СС или же была какая-либо другая причина, побудившая вас выразить свои опасения?

Пуль: На первую часть вашего вопроса следует ответить отрицательно, потому что принципиального отказа не последовало, да и не могло последовать, так как любая организация Германии или любое немецкое учреждение имело все легальные права пользоваться услугами имперского банка. Принятие этих вещей, которые были конфискованы, как и вещей, конфискованных учреждениями, ведавшими девизами, было для нас неудобно, так как мы не знали, какие последствия это может повлечь за собой.

Заутер: То есть, если я вас правильно понимаю, вы выразили некоторые опасения (если это неверно, я прошу вас внести поправки) потому, что эти дела были неудобны для имперского банка, что они выходили за рамки ваших обычных дел и также мало приветствовались вами, как и создание, например, хранилищ для вещей, получаемых в таможне и из учреждений, ведающих девизами. Только по этой причине?

Пуль: Да. Этот разговор мы потом продолжали, и было сказано, что в этих делах следует помочь СС, так как с самого начала было ясно сказано, что в этих хранилищах имеются девизы, ценные бумаги, всевозможные золотые монеты и т. п. и что органы СС в этих делах не очень разбираются.

Заутер: Эти вещи были получены?

Пуль: Да, но здесь была еще, так сказать, промежуточная инстанция. Когда переговоры были окончены, руководитель хозяйственного отдела СС по фамилии Польш, обергруппенфюрер Польш, явился ко мне и я принял его в своем бюро; он мне там повторил то, что я уже знал, а именно, что он был бы очень доволен, если бы мы поскорее взяли к себе все эти вещи.

Заутер: И что вы на это ответили?

Пуль: Тогда я подтвердил то, что нами уже обсуждалось, и сказал, чтобы он выделил нескольких чиновников из своего отдела, а я тем временем сообщу в наш отдел, и тогда наши представители смогут обсудить между собой детали этого дела.

Заутер: Теперь я хотел бы заполнить один пробел и спросить вас, что же тогда сказал подсудимый Функ, когда вы ему в первом разговоре заявили, что вы неохотно возьмете на себя эти дела, так как из-за них могут быть впоследствии какие-нибудь неприятности?

Пуль: Было сказано, что надо проявлять большую заботу об СС и помочь СС, так как все эти дела, и это надо особенно подчеркнуть, включались в государственные расчеты.

Заутер: Обсуждалось ли также то, что эти вещи, особенно золото, могут быть использованы имперским банком, например переплавлены?

Пуль: Нет, в подробностях нет. Было лишь сказано, что чиновники имперского банка должны оказать помощь и услугу организации СС.

Заутер: Я не совсем это понимаю. Эти услуги сводились к тому, что чиновники имперского банка берут на хранение эти ценности и прячут их под замок?

Пуль: Да.

Заутер: Но должны ли были чиновники делать что-либо кроме этого?

Пуль: Да, постольку, поскольку руководители СС могли изымать определенные вещи (ценности), которые подлежали выдаче.

Заутер: Золотые монеты, девизы и т. д.?

Пуль: Да.

Заутер: Я возвращаюсь к поставленному вам вопросу. Видели ли вы то, что к вам прибыло, что, собственно говоря, было сдано вам организацией СС?

Пуль: Я лично не видел. Это происходило в другом здании, далеко от моей конторы, внизу, где помещались сейфы, куда я, будучи вице-президентом, не имел доступа, то есть мне нужен был пропуск для того, чтобы попасть туда.

Заутер: Вы как вице-президент часто бывали в этом помещении, где находились сейфы?

Пуль: Я имел обыкновение приблизительно раз в три месяца или даже реже осматривать эти помещения в том случае, если имелся какой-либо повод, ну, если, например, нужно было показать эти помещения посетителям или нужно было обсудить какое-либо нововведение или что-либо такое, что имело значение для практической работы и для работы касс.

Заутер: Но как вице-президент вы никогда не имели дела с клиентами?

Пуль: Нет, не имел.

Заутер: Я хотел бы задать вам еще один вопрос относительно подсудимого Функа. Подсудимый Функ, который, кроме работы в банке, выполнял и другую работу, часто бывал в этих помещениях с сейфами. Если да, то как часто и по какому поводу, и видел ли он, что было передано в имперский банк организацией СС?

Пуль: На это следует ответить, что Функ иногда также приходил в эти хранилища в особых случаях, если, например, приезжали иностранцы или случалось что-либо подобное. Как часто он там бывал, я не могу сказать, и видел ли он ценности, переданные организацией СС, я также не могу сказать. Это зависит от того, обращали ли на это внимание сотрудники банка.

Заутер: Свидетель, видели ли вы сами эти ценности, которые были сданы в имперский банк организацией СС?

Пуль: Нет, никогда.

Заутер: Считаете ли вы, что подсудимый Функ видел их?

Пуль: Знать этого я, конечно, не могу. Это зависит от того, говорили ли ему сотрудники банка о том, что здесь находятся ценности, сданные организацией СС.

Заутер: Так что вы не можете дать нам никаких сведений о том, как, собственно, сохранялись эти вещи СС и как они были упакованы?

Пуль: Нет, этого я не знаю.

Заутер: Были ли они в ящиках или...?

Пуль: Этого я не знаю.

Заутер: Вы обо всех этих делах, о ценностях СС, часто говорили с подсудимым Функом?

Пуль: Насколько я помню, едва ли я говорил с ним об этом часто. Но, без сомнения, один или два раза я с ним говорил на эту тему уже после того, как господин Поль был у меня,

так как, само собой разумеется, это было моей задачей, моим долгом — докладывать обо всем происходящем Функу и, таким образом, все время держать его в курсе дела.

Заутер: Скажите, директорат имперского банка и президиум придавали особое значение всем этим делам с организацией СС? И, может быть, именно поэтому считали необходимым часто подвергать этот вопрос обсуждению? Или это было всего лишь неприятное дело, которое выполнялось между прочим?

Пуль: Нет, на заседаниях директората вначале об этом говорилось, но затем такие обсуждения прекратились.

Заутер: Так что вы не можете вспомнить, говорили ли вы еще раз с Функом об этих делах? Но, если я верно вас понял, можно предположить, что вы после разговора с обергруппенфюрером СС Полем еще раз коротко доложили ему (Функу) об этом. Я вас правильно понял?

Пуль: Да.

Заутер: В протоколе вашего допроса записано: «Среди этих ценностей, которые были сданы в банк организацией СС, были украшения, оправы для часов с бриллиантами, коронки (очевидно, имеются в виду коронки для зубов) и другие предметы в большом количестве, которые были отобраны организацией СС у евреев и заключенных в концлагерях». Откуда вы это знаете?

Пуль: Я это знаю из франкфуртских допросов.

Заутер: То есть вам это, очевидно, известно потому, что во время допросов во Франкфурте, после того как вы были арестованы, вам об этом рассказывали?

Пуль: Да, это мне также и показывали.

Заутер: А раньше, то есть тогда, когда вы были на свободе и были вице-президентом имперского банка, вы об этом ничего не знали?

Пуль: Нет, так как я уже сказал, что мы никогда не говорили об этом на директорате, так как это не имело никакого значения для финансовой политики и вообще не имело никакого значения.

Заутер: Свидетель, если бы вы тогда, в 1942 году, знали, что речь идет о вещах, которые были отобраны членами СС у многочисленных жертв концлагерей, приняли бы вы эти вещи на хранение?

Пуль: Нет.

Заутер: А что бы вы сделали?

Пуль: Тогда бы мы приняли какое-либо определенное решение относительно того, какую позицию должен занять имперский банк в этом отношении.

Заутер: Кто должен был принять такое решение?

Пуль: Это решение было бы принято директоратом имперского банка и было бы представлено на утверждение президенту имперского банка.

Заутер: Раньше вы показывали, возможно при вашем допросе, несколько неясно: «Об этом мы узнали потому, что члены СС пытались превратить этот фонд, это золото, в наличные деньги», а теперь вы говорите, что вы лишь после вашего ареста узнали об этом. Тут, очевидно, если я вас верно понимаю, — недоразумение.

Председатель: Доктор Заутер, почему вы говорите «раньше»? Ведь это предложение следует за тем, которое вы ему зачитали?

Заутер: Да.

Председатель: Почему же вы тогда говорите «раньше»?

Заутер: В протоколе допроса, если текст его верен...

Председатель: Я хочу указать вам, что первое предложение звучит в нем так: «Эти вещи, сданные членами СС, все являлись предметами, взятыми эсэсовцами у евреев, жертв концлагерей, и других лиц». И затем далее: «Это стало нам известно от членов СС, которые пытались превратить эти вещи в наличные деньги».

Заутер: При допросе свидетеля в мае он показывал, что он узнал о том, что ценности отобраны у жертв концлагерей, еще до своего ареста от эсэсовцев, а сейчас показывает другое.

Господин свидетель, разрешите мне повторить вопрос. Верно ли, что вы узнали о том, что эти вещи отобраны у заключенных в концлагерях, только во время допроса?

Пуль: Так точно.

Заутер: Когда вы узнали, например, о том, что там были золотые зубы?

Пуль: Я вообще ничего не знал об этом, так как из кассы и из отделения сейфов мы не получили об этом подробных сведений в директорат.

Заутер: Таким образом, и об этом вы узнали только после ареста?

Пуль: О подробностях — да.

Заутер: Хорошо. Вы говорили о соглашении, которое, как заявил Функ, Гиммлер, то есть рейхсфюрер СС, заключил с имперским министром финансов. Что вы лично знаете об этом соглашении?

Пуль: Я могу повторить то, что я уже говорил, а именно, что с самого начала было ясно, что о переданных нам ценностях надо будет представить сведения в имперское министерство финансов.

Заутер: Но не в организацию СС?

Пуль: Нет, не в организацию СС.

Заутер: Но почему же не в организацию СС, если именно она передала эти вещи на хранение?

Пуль: Эта организация считала, что это ее мероприятие должно найти свое отражение в финансовых расчетах государства, так как в основу этого было положено государственное задание.

Заутер: Господин свидетель, известно ли вам что-либо о том, что эти ценности, каким-то образом похищенные или конфискованные на Востоке членами СС, вообще должны были быть переданы в распоряжение имперского министерства финансов?

Пуль: Я не совсем понял вопрос — относится ли это только к этим вещам или вообще ко всем конфискованным вещам и ценностям?

Заутер: Это относится ко всем ценным вещам. Я имею здесь в виду деньги, девизы и т. п.; все вещи, которые были присвоены организацией СС на Востоке, якобы были переданы в распоряжение имперского банка.

Пуль: Вы имеете в виду стоимость этих вещей?

Заутер: Да, стоимость.

Пуль: Стоимость этих вещей уплачивалась имперскому банку.

Заутер: В этой связи, господин свидетель, разрешите вам представить два счета. Я не знаю, видели ли вы их? Это — два счета главной кассы вашего банка.

Пуль: Да.

Заутер: Я попрошу вас посмотреть на них и сказать мне, знали ли вы об этих счетах и какие цели в данном случае преследовались?

Пуль: Обе эти фотокопии я также видел во время допросов.

Заутер: Но раньше вы их не видели?

Пуль: Раньше — нет. Эти фотокопии показывают то, о чем мы сейчас говорили, а именно стоимость вещей должна была вноситься в главную имперскую кассу, а эта касса, как известно, входила в министерство финансов.

Заутер: Таким образом, это, по-видимому, связано с тем соглашением, о котором вы в свое время узнали и по которому все эти вещи должны были принадлежать и, в конце концов, принадлежали имперскому министерству финансов, или государству?

Пуль: Да, так точно.

Заутер: К этому комплексу относится и еще один вопрос, который я хотел бы, господин свидетель, задать вам. Меня интересует, нет ли и здесь какого-либо недоразумения. В протоколе допроса имеется одно предложение, в котором говорится,

что Функ якобы сказал вам, что это дело должно держаться в полном секрете. Сегодня вы нам ничего не сказали об этой секретности. Это также недоразумение?

Пуль: Нет, это не недоразумение. Эти дела, действительно, должны были держаться в секрете. Но, в конце концов, секретность необходима во всех делах имперского банка.

Заутер: Господин свидетель, это заявление нас явно не удовлетворяет. Вы во время вашего допроса 3 мая сказали так, как это здесь написано, а именно, что это дело следует держать в строгом секрете, или вы, может быть, выразились по-иному?

Пуль: Нет, в протоколе записано правильно, это дело должно было быть строго засекречено.

Заутер: Почему?

Пуль: Да потому, что подобные дела вообще принято держать в секрете и не разглашать во всеуслышание, тем более, что все это приходило с Востока. И я повторяю то, что я уж говорил ранее, что мы всегда старались не иметь никакого дела с этими конфискованными вещами.

Заутер: Разве вас не удивило то обстоятельство, что подсудимый Функ говорил о строгой секретности?

Пуль: Нет.

Заутер: Это вас не удивило?

Пуль: В этом не было ничего особенно удивительного.

Из самого разговора было ясно, что если уж мы не хотим принимать конфискованные на таможах вещи (то есть из учреждений, ведающих сбором пошлин) и вещи, конфискованные учреждениями, ведающими девизами, то мы должны в данном случае хранить эти дела в строгом секрете.

Заутер: Но вы, однако, господин свидетель, излагаете дело так, как будто вы, с одной стороны, считали это дело вполне законным, но и наряду с этим утверждаете, что секретность для вас, как для старого специалиста по финансовым вопросам, была само собой разумеющейся вещью. Возникает вопрос, почему же тогда вообще говорилось о том, что это дело надо держать в строгом секрете?

Пуль: Потому что организация СС просила господина Функа держать это дело по возможности в секрете, и господин Функ хотел выполнить эту просьбу.

Заутер: Когда вам господин Функ говорил о том, что к нему обратились с такой просьбой?

Пуль: Я не помню, когда он мне это говорил.

Заутер: Вы у него не спрашивали, почему это должно держаться в секрете, в строгом секрете, как это здесь сказано? Разве вы не спрашивали, почему надо было соблюдать такую строгую секретность?

Пуль: Спрашивал, он сказал, что в данном случае надо обязать служащих держать это в строгом секрете.

Заутер: Что вы, как вице-президент, на это ответили?

Пуль: Я вообще на это ничего не ответил, так как, если существовала такая договоренность, нам оставалось только выполнять это решение.

Заутер: Но вы же не знали, о чем была договоренность?

Пуль: Я предполагал, что такая договоренность существует.

Заутер: Вы только лишь предполагали?

Пуль: Да.

Заутер: Вы также, я повторяю, не видели тех вещей, которые затем прибыли?

Пуль: Нет.

Заутер: Вы, может быть, также не знаете, сколько их там было?

Пуль: Нет, я этого также не знаю. Я, как уже говорил, никогда не видел никаких расчетов. Вообще у нас не существовало такого порядка, и, наконец, отдельные операции не представлялись каждому члену директората.

Заутер: Я спрашиваю об этом потому, что при рассмотрении этого случая здесь недавно утверждалось, что вами были получены целые вагоны этих грузов. Мне кажется, что этот случай должен быть известен.

Пуль: Вы говорите — целые вагоны?

Заутер: Здесь говорилось о 47 вагонах, нагруженных золотом, которые якобы прибыли к вам и о существовании которых вы якобы не знали?

Пуль: Об этом я никогда ничего не слышал.

Заутер: Об этом вы ничего не слышали?! Теперь мы оставим этот пункт ваших показаний и перейдем к следующему пункту протокола вашего допроса, который был составлен в мае. Этого господина Поля, обергруппенфюрера СС, мне кажется, вы знали еще в 1942 году, не так ли?

Пуль: Да, но все же это дело послужило поводом к тому, что он впервые явился в мою контору.

Заутер: Я не хочу ставить вам это в упрек. Это просто констатация факта. Вы были с ним знакомы, и это необходимо упомянуть в связи с первой кредитной операцией, которая по времени имела место раньше, чем только что упомянутое дело.

Пуль: Да, это возможно.

Заутер: Подсудимый Функ говорит, что, насколько он помнит, эта кредитная операция, которой он не придавал особого значения, имела место примерно в 1940 году, то есть задолго до второй операции. Это верно в общих чертах?

Пуль: Я этого не оспариваю, но не могу и подтвердить, так как я не помню, когда был дан этот кредит.

Заутер: В протоколе допроса говорится, что имперский банк предоставил организации СС кредит от 10 до 12 миллионов. Мне кажется, это было сделано для погашения кредита, который организация СС получила в другом банке. Вы же далее утверждаете, что этот кредит был взят для финансирования фабрик, которыми руководила организация СС и которые выпускали различные материалы, используя при этом в качестве рабочей силы заключенных из концлагерей.

Господин свидетель, меня мало интересует в данном случае факт предоставления кредита, так как все это относится к вашим банковским делам, и сумма, как мне кажется, в 10—12 миллионов сама по себе не является чем-то необычным. Меня интересует, откуда вам было известно, что эти деньги были предназначены для фабрик СС, на которых работали рабочие из концентрационных лагерей? Откуда вы об этом знаете?

Пуль: Ходатайство о предоставлении кредита, как уже упоминалось ранее, было подано хозяйственным отделом организации СС. Этот отдел руководил целым рядом фабрик в Германии, и для этого ему нужны были деньги. Учетный банк (по учету золотого фонда) был готов предоставить эти кредиты, но лишь в том случае, если они будут оформлены как обычные, торговые кредиты, то есть другими словами, это значит, что дебитор должен был нам представить баланс и периодически должен был докладывать о производительности своих предприятий, о своем бюджете и о том, каков план на последующий период, короче говоря, он должен был докладывать обо всем том, о чем должник обязан докладывать своему кредитору. Президенту учетного банка вел эти переговоры, и уполномоченные хозяйственного отдела организации СС, представляя свой баланс, безусловно, говорили тогда и о плане выпуска продукции, и необычным в этом плане было, с точки зрения баланса, то, что общая сумма заработной платы была чрезвычайно мала в этом расчете. Таким образом, сам по себе возник вопрос: почему у них такие незначительные расходы по заработной плате. Президенту учетного банка доложил об этом на заседании инспекционного совета учетного банка.

Заутер: Вы здесь все время говорите об учетном банке, то есть о банке, ведающем учетом золотого фонда. Трибуналу очевидно, хотелось бы знать, что этот банк, ведающий учетом золотого фонда, учетный банк, идентичен имперскому банку, что он также подчинялся подсудимому Функу и вам.

Пуль: Да, да, в 20-х годах был создан этот учетный банк как вспомогательное учреждение имперского банка для выполнения различных задач, одной из которых было развитие

экспорта, а также и увеличение выпуска продукции. Капиталистическая конструкция заключается в том...

Заутер: Это нас не интересует.

Пуль:... что почти все акции находятся в руках имперского банка... Учетный банк имел свой инспекционный совет, во главе которого стоял президент имперского банка, затем был еще заместитель председателя инспекционного совета — второй вице-президент имперского банка, и сам инспекционный совет, куда входили некоторые члены директората имперского банка, а также и статс-секретари министерства экономики и министерства финансов.

Председатель: Нас не интересуют точные данные о том, кто именно входил в директорат учетного банка.

Заутер: Я хотел уже ранее прервать вас, господин свидетель. Я хочу вам сказать, что то, что вы нам сейчас разъяснили, для данного процесса не имеет никакого значения. Меня и Суд интересует лишь следующее. Знал ли подсудимый Функ, насколько вам известно, на покрытие каких расходов был предназначен этот кредит, и знал ли он, что на этих предприятиях работали заключенные концентрационных лагерей? Знаете вы это или нет?

Пуль: Я могу лишь предполагать, но точно знать я не могу.

Заутер: Господин свидетель, ваш ответ не может меня удовлетворить потому, что организация СС, как вы наверное уже слышали, имела различные хозяйственные предприятия, на которых не работали заключенные концлагерей. Я могу вам назвать в качестве примера фарфоровую фабрику «Аллах». Там не работали заключенные концлагерей. Затем, например, на оборудовании целебных источников также не были заняты заключенные концлагерей.

(К микрофону подходит представитель американского обвинения Додд.)

Додд: Я возражаю против того, чтобы защитник давал показания. Он фактически дает ответ за свидетеля перед тем, как задать ему вопрос.

Заутер: Знаете ли вы что-нибудь о том, что организация СС имела свои собственные предприятия, на которых не работали заключенные концентрационных лагерей?

Пуль: Я, конечно, не знал всех предприятий организации СС, а также не знал, были ли на том или ином предприятии заняты заключенные концлагерей.

Заутер: Скажите, на заседании, на котором говорилось об этих кредитах, присутствовал вообще подсудимый Функ?

Пуль: Нет, он не присутствовал. Таков был наш обычный порядок: мы ему представляли протоколы заседаний.

Заутер: Подсудимый Функ говорил с теми людьми, которые докладывали о такой низкой заработной плате?

Пуль: Нет, ведь это сделал президиум учетного банка.

Заутер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов к этому свидетелю.

Додд: Ваша честь, у меня всего несколько вопросов (*обращаясь к свидетелю*). С кем вы говорили, кроме представителей обвинения, с того времени, как вы прибыли сюда, в Нюрнберг? Вы читали какие-либо газеты? Я спрашиваю вас, с кем вы говорили, кроме представителей обвинения, после того, как вы прибыли сюда, в Нюрнберг?

Пуль: Всех фамилий назвать я не могу, я говорил, кажется, с господином Кемпнером, мистером Марголисом...

Додд: Я не спрашиваю вас о представителях обвинения. С кем вы еще говорили, если вообще говорили с кем-нибудь с тех пор, как вы приехали в Нюрнберг? Это не требует большого размышления. Говорили ли вы с кем-нибудь после приезда сюда или нет?

Пуль: Только с заключенными в коридорах нашей тюрьмы.

Додд: И больше ни с кем?

Пуль: Больше ни с кем.

Додд: Вы совершенно уверены в этом?

Пуль: Да, я совершенно уверен.

Додд: Вы говорили с доктором Штуккартом в помещении для свидетелей относительно тех показаний, которые вы должны были дать сегодня утром? Ответьте на этот вопрос.

Пуль: Доктор Штуккарт также заключенный, я встречался с ним в коридоре.

Додд: Я не об этом спрашиваю вас. Я спросил вас, говорили ли вы с ним день или два тому назад о тех показаниях, которые вы должны дать по этому делу?

Пуль: Нет.

Додд: Я думаю, что не лишне напомнить вам, что вы дали присягу. Я вновь спрашиваю вас: говорили ли вы с доктором Штуккартом в помещении для свидетелей относительно тех показаний, которые вы должны были дать сегодня, или о тех фактах, которые касаются дела Функа?

Пуль: Нет, я говорил с ним на всевозможные другие темы.

Додд: И вы не говорили с этими четырьмя или пятью людьми относительно тех фактов, о которых вы здесь собирались говорить?

Пуль: Нет, я ни с кем не говорил об этом.

Додд: Хорошо, вы знаете человека по имени Томс?

Пуль: Томс — это чиновник имперского банка, который работал в здании имперского банка в Берлине.

Додд: Вы знаете этого человека?

Пуль: Да, конечно.

Додд: Вы говорили с ним о тех вкладах, которые были сделаны организацией СС? Не так ли, господин Пуль?

Пуль: С господином Томсом я об этом не говорил.

Додд: Вы не говорили с ним?

Пуль: Нет. Господина Томса я видел только издали, а в Нюрнберге я вообще его не видел; во Франкфурте я видел его также только издали.

Додд: Я сейчас говорю не о Нюрнберге. Мы на время отвлекаемся от этого. Я имею в виду время, когда делались эти вклады в рейхсбанк. Говорили ли вы с господином Томсом об этих вкладах?

Пуль: Да, об этом говорится в моем письменном показании.

Додд: Оставим пока в стороне письменное показание на некоторое время. У меня к вам несколько вопросов. Я, собственно, интересуюсь вопросом о секретности дела. Что вы сказали Томсу относительно требований секретности в отношении вкладов СС? Вы говорили Томсу о том, что все дела о вкладах СС требуется хранить в тайне?

Пуль: Я должен здесь добавить, что сначала я говорил только с лицом, ответственным за обеспечение секретности, а позднее к этому делу был привлечен и господин Томс. Я им обоим сказал, что желательно, чтобы это дело держалось в секрете.

Додд: Сказали ли вы, что это следует хранить в тайне и не следует обсуждать эти дела с кем-либо другим, что это является чрезвычайно секретным делом и носит совершенно особый характер, что, если бы кто-нибудь спросил об этом деле, ему нужно было бы ответить, что об этом запрещено говорить? Вы говорили это господину Томсу в рейхсбанке?

Пуль: Да, общий смысл был таков.

Додд: Это именно то, о чем я сейчас вас спрашиваю. Почему вы сказали Томсу, что он не должен был говорить об этом, что это строжайше запрещается, что это — чрезвычайно секретно, если это были вопросы самого обычного порядка, доверявшиеся всем банковским служащим, имевшим по службе отношение к вкладам?

Пуль: Это было мне передано самим господином президентом Функом.

Додд: Я полагаю, что тут какое-то недопонимание. Видите ли, я ясно понял, как, я думаю, поняли Трибунал и все присутствующие в зале Суда, вы на вопрос защитника Функа ответили, что секретность, связанная с этими операциями, не была чрезвычайной, а была обычной формой секретности или доверия, которой вообще связаны все чиновники банка в своих

отношениях с клиентами. Несомненно, это не было так? Не правда ли?

Пуль: Дело, как я уже сказал ранее, заключалось в следующем: конфискованные ценности, которые были направлены в банк, мы принимали неохотно, мы отказывались от них. И если в данном случае делалось какое-либо исключение, то это должно было держаться в строгом секрете или в особо строгом секрете. Это само собой разумеется.

Додд: Я хочу, чтобы вы весьма определенно ответили на мой вопрос: не было ли особых причин для соблюдения особой секретности в отношении вкладов, которые делались организацией СС? Вы можете ответить: да или нет?

Пуль: Мне такие причины неизвестны.

Додд: Почему в таком случае вы сказали Томсу, что это чрезвычайно секретно и что ему запрещается говорить с кем бы то ни было об этом, что ему вообще запрещено говорить об этом? Вы ведь обычно не давали таких указаний своим чиновникам, не так ли?

Пуль: Так как я сам получил такие инструкции.

Додд: Это возможно. Но в данном случае речь шла об особой секретности, не так ли? В обычное время вы не обставляли свои операции такой секретностью.

Пуль: Конфискованные вещи в большинстве случаев мы отказывались принимать. И если бы мы здесь сделали исключение и это стало бы известно, то это послужило бы примером для других, а этого мы не хотели ни при каких условиях.

Додд: Вы не хотели обсуждать этот вопрос по телефону с Полем из СС, не так ли? Вы попросили его зайти в вашу контору для того, чтобы не говорить с ним об этом по телефону?

Пуль: Да.

Додд: Почему же, если это была обычная деловая операция?

Пуль: Так как, разговаривая по телефону, никогда не знаешь, кто тебя подслушивает и не узнают ли об этом другие учреждения.

Додд: Вы ни с кем особенно много не разговаривали по телефону, не так ли? Вы ведь, кажется, вообще никогда не пользовались телефоном для разговоров из рейхсбанка? Мне кажется, вы хорошо понимаете сами, что в данном случае была особая причина, чтобы не обсуждать эти вопросы по телефону. Мне кажется, что вам следует сообщить Трибуналу об этой причине.

Пуль: Да, причина, как я неоднократно говорил, заключалась в том, что с самого начала желательнее было, чтобы все это было в секрете, и мы учитывали это и действовали в соответствии с этим всюду и везде, а также и при телефонных разговорах.

Додд: Вы все еще настаиваете на том, что это дело не было особо секретным, хотя вы сказали доктору Кемпнеру, что это было «швейнерей» (свинство). Вы знаете, что означает это слово?

Пуль: Да.

Додд: Что это означает? Это значит, что это дурно пахло, не так ли?

Пуль: Это означало, что нам не следовало бы этого делать.

Додд: Итак, вы звонили Томсу несколько раз для того, чтобы спросить его, как поступали вклады от СС, не так ли?

Пуль: Нет, я Томса видел сравнительно редко и месяцами вообще не видел, так как он не имел возможности приходиться ко мне в бюро.

Додд: Я не спрашиваю вас о том, часто ли вы его видели, я спрашиваю вас, вызывали ли вы его по телефону и спрашивали ли вы его о том, как поступают вклады?

Пуль: Нет, я больше не интересовался ходом этих дел. Но в данном случае необходимо было получить отчет кассы.

Додд: Вы велели ему связаться с бригаденфюрером Франком или группенфюрером или обергруппенфюрером Вольфом из СС? Говорили ли вы это Томсу?

Пуль: Я повторяю то, что я сказал ранее: когда Поль был у меня, он сказал мне, что он двум сотрудникам поручил уладить эти дела с имперским банком, и это были как раз эти только что названные лица. Я передал их фамилии в кассовое отделение.

Додд: Под каким названием были эти вклады известны в рейхсбанке?

Пуль: Эти названия, которые были даны этим вкладом в имперском банке, я узнал только лишь во Франкфурте из документов.

Додд: Известно ли вам имя Мельмера, Мельмер?

Пуль: Да, во Франкфурте мне говорили.

Додд: Вызывали вы однажды мистера Томса по телефону, чтобы узнать, как поступают вклады от Мельмера?

Пуль: Я не совсем понял вас, повторите, пожалуйста.

Додд: Я сказал, не звонили ли вы, по крайней мере один раз, господину Томсу по телефону и не спрашивали ли вы его, как поступают вклады от Мельмера?

Пуль: Нет. Я не мог задать такой вопрос, так как я вообще не знал, что это за слово — Мельмер.

Додд: Вы не знали, что Мельмер — фамилия одного эсэсовца? Вы не знали этого?

Пуль: Нет, этого я не знал.

Додд: Я хочу, чтобы вы взглянули на письменное показание Томса от 8 мая 1946 г. Вы его уже видели ранее, если я не

ошибаюсь. Вы видели его вчера. Ответьте на мой вопрос, пожалуйста, господин свидетель. Вы видели вчера это письменное показание, которое я сейчас переслал вам? Вы видели его вчера, не так ли?

Пуль: Да.

Додд: Вы видите в пятом абзаце, что Томс, который дал это письменное показание под присягой, говорит, что он пришел к вам и вы сказали ему, что рейхсбанк будет служить хранителем вкладов СС, а также распоряжаться этими вкладами и всеми связанными с ними квитанциями, что СС и в дальнейшем будет доставлять вклады, а именно: золото, серебро и иностранную валюту. Вы разъяснили также, что СС собирается доставить целый ряд других вкладов, например драгоценности, и сказали: «Нам нужно найти средство использовать все это». Томс предложил вам, господин Пуль, передать эти предметы в главную имперскую кассу, как это было сделано с добром, награбленным вооруженными силами, или же передать их рейхсфюреру СС для использования через ломбард с тем, чтобы рейхсбанк не имел к этому больше никакого отношения, так же как и при конфискации еврейской собственности. Вы как будто бы ответили ему, что об этом не может быть и речи, что необходимо применить особые меры по отношению к этим не совсем обычным вещам и что необходимо хранить эту операцию в большой тайне.

Томс далее показывает: «Этот разговор с Пулем имел место за некоторое время, примерно за две недели, до первого вклада, который был произведен 26 августа 1942 г. Разговор происходил в конторе господина Пуля; никто больше не присутствовал при этом; я не помню, находился ли там в течение всего времени господин Фроммкнехт. Пуль сказал, что чрезвычайно важно не обсуждать этот вопрос ни с кем другим, что это должно храниться в совершенной тайне, что это была особая операция и, если кто-либо спросит об этом, мне следует ответить, что об этом запрещено говорить».

И на следующей странице в восьмом абзаце Томс продолжает: «Пуль сказал мне, что если у меня возникнут в связи с этим делом какие-либо вопросы, то я должен связаться с бригаденфюрером Франком или с группенфюрером или обергруппенфюрером Вольфом из СС. Я помню, что мне сообщили номер телефона этого учреждения, который, насколько я помню, был мне дан господином Пулем. Я позвонил об этом бригаденфюреру Франку, и он сказал, что вклады будут доставляться на грузовиках и что эсэсовец Мельмер будет заниматься этим вопросом. Обсуждался вопрос о том, как лучше появиться Мельмеру — в военной форме или в штатском, и Франк сказал, что лучше, если бы Мельмер был не в военной форме».

Еще ниже, в десятом абзаце, он говорит: «Когда был доставлен первый вклад, то, хотя Мельмер появился в штатском, в качестве охраны его сопровождали один или два эсэсовца в военной форме, и после одной или двух доставок вкладов большинство людей из главной кассы и почти все в моем отделе знали все о вкладах СС».

Затем дальше, в двенадцатом абзаце, говорится: «В первом обращении, адресованном рейхсбанком и подписанном мною, Мельмеру был задан вопрос, на чье имя должны быть записаны эти вклады. В ответ на это Мельмер сообщил мне устно, что вклады должны быть записаны на имя Макса Хейлигера. Я согласовал это с министерством финансов по телефону, а в своем втором заявлении Мельмеру от 16 ноября 1942 г. подтвердил эту устную договоренность».

В следующем абзаце говорится: «Через несколько месяцев Пуль позвонил мне и спросил, как идет дело с вкладами Мельмера, сказав, что, по его мнению, они скоро прекратятся. Я ответил Пулю, что, судя по тому, как вклады поступают, я думаю, что они будут все время увеличиваться».

Я обращаю теперь ваше внимание на следующий абзац:

«Первое предположение по поводу источников этих вещей возникло, когда однажды было замечено, что на целой связке ярлыков стоял штамп «Люблин». Это было примерно в начале 1943 года. Затем возникли предположения, когда на некоторых вещах был замечен штамп «Освенцим». Мы все знали, что это были места расположения концентрационных лагерей. В ноябре 1942 года, когда поставки производились в десятый раз, появились золотые зубы. Количество их все увеличивалось».

Затем идет следующий абзац, но я хочу обратить ваше внимание на тот факт, что по заявлению Томса, вы позвонили ему и спросили его, как поступают вещи от Мельмера, а также на тот, что, судя по его словам, вы настаивали на необходимости сохранения строжайшей тайны. А теперь я попрошу вас после того, как вы снова посмотрите на это письменное показание под присягой, припомнить, не заявляли ли вы вчера нашим сотрудникам, что, насколько вы можете судить, это письменное показание под присягой полностью отвечает действительности? Сейчас я спрашиваю вас, не имелось ли особых причин для того, чтобы сохранять эти операции в тайне.

Пуль: При оглашении этого заявления стало совершенно ясно, что пожелание относительно того, чтобы все это было засекречено, исходило от СС. Это как раз и подтверждает то, что я уже сказал, а именно, что организация СС хотела сама быть инициатором этой секретности. Она даже, как мы здесь слышали, открыла счет на имя вымышленного лица — Макса Хейлигера. Этот счет, как это явствует из этого заявления,

очевидно, был предназначен для имперского министерства финансов. Таким образом, это полностью подтверждает то, что говорил я, а именно, что обязательство держать дело в секрете было принято по желанию СС и действительно проводилось в жизнь. Засекречена даже была уплата стоимости. Что касается второго замечания, а именно о том, что я якобы говорил с Томсом, то я должен сказать то, что я уже говорил вчера. Я не помню такого разговора, так как я вел очень много разговоров и переговоров ежедневно в банке. Я также не могу себе представить, что я его посетил. Это было бы очень необычно. Я также не помню, говорилось ли тогда о «вкладах Мельмера», я думаю, что здесь, в этом письменном заявлении, это слово было употреблено для того, чтобы упростить текст, то есть для того, чтобы коротко сказать, о чем здесь идет речь.

Додд: Это не так важно, но он показывал, что вы позвонили ему по телефону, а не являлись к нему. Я представляю этот документ под номером США-850.

Председатель: Кажется, показание, протокол которого находится перед нами, дано не под присягой.

Додд: Но свидетель находится здесь, в Нюрнберге. Я сейчас не буду представлять его письменного показания, а передам его свидетелю для оформления присягой и представлю несколько позже. (*Обращаясь к Пулю.*)

Скажите, пожалуйста, свидетель, подсудимый Геринг также знал об этих вкладах? Что вы можете сказать по этому поводу?

Пуль: Знал ли господин Геринг об этом, мне неизвестно.

Додд: Я сейчас покажу вам документ, который был найден в архивах имперского казначейства, вернее, в архивах имперского банка, он имеет наш номер ПС-3947. Это новый документ. Между прочим, вы его еще не видели. Это — меморандум, датированный 31 марта 1944 г. Тема его: «Использование драгоценностей и подобных вещей, добытых официальными учреждениями в пользу империи».

«Согласно устному тайному соглашению между вице-президентом господином Пулем и начальником одного из берлинских общественных учреждений рейхсбанк взял на себя операции по национальной и иностранной валюте, золотым и серебряным монетам, драгоценным металлам, жемчугу, драгоценным камням, часам, бриллиантам и другим ценным вещам. Все эти вклады будут производиться на условную фамилию «Мельмер»...

Большое количество драгоценностей и других вещей, полученных таким образом, после проверки поштучного количества в том случае, когда не давался общий приблизительный вес ранее, передавалось в муниципальный ломбард, в третий отдел

главного управления, Берлин 4, Эльзасерштрассе, д. № 74, «для наилучшего использования этих вещей».

Я не собираюсь цитировать всего документа, дальше в нем идет речь о ломбарде, но я хочу обратить ваше внимание на абзац, начинающийся словами:

«Рейхсмаршал великой германской империи, уполномоченный по четырехлетнему плану, сообщил рейхсбанку в письме от 19 марта 1944 г., копия которого прилагается, что значительное количество золота, серебряных предметов, драгоценностей и т. д., находящихся в главном управлении по опеке над Востоком, должно быть доставлено в рейхсбанк согласно приказу, данному имперским министром Функом и графом Шверин фон Крозигом. Использование этих предметов должно производиться таким же образом, как и вклады Мельмера.

Одновременно рейхсмаршал информировал нас об использовании подобных предметов, которые были приобретены на оккупированных западных территориях. Мы не знаем, в какое ведомство были переданы эти вещи и как они используются».

Далее здесь приводятся детали относительно всего этого дела, ломбарда и т. д. Но прежде я хочу спросить вас следующее. В первом абзаце говорится: «Согласно устному тайному соглашению между вице-президентом Пулем и начальником одного из берлинских общественных учреждений...». Кто этот начальник берлинского общественного учреждения, который заключил с вами по этому поводу тайное соглашение?

Пуль: Это был господин Польш, и это было то соглашение, о котором мы сегодня утром говорили.

Додд: Это был господин Польш из СС, не правда ли?

Пуль: Да.

Додд: И вся эта операция с вкладами СС, о которой говорится в меморандуме, является именно той, о которой мы так много говорим?

Пуль: Это — документ нашей кассы, и в нем, учитывая, что все это должно было оставаться в секрете, наша касса избегала употребления такого названия, как «хозяйственное управление СС»; поэтому здесь говорится: «начальником одного из берлинских общественных учреждений».

Додд: Далее в этом абзаце говорится о поступающих предметах, которые следует регистрировать на условную фамилию Мельмер. М е л ь м е р. Это та самая фамилия, о которой я спрашивал вас несколько минут тому назад, узнаете ли вы ее?

Пуль: Я не понял вопроса.

Додд: Повторяю, в последнем предложении этого абзаца говорится: «Все эти вклады будут производиться на условную фамилию «Мельмер». Это та самая фамилия, о которой я вас

спрашивал несколько минут тому назад, и вы заявили, что она вам незнакома?

Пуль: Да. Из этого тоже следует, что я лично не был с этим знаком, так как нам только касса в меморандуме сообщала, что операции будут идти под именем или под названием «Мельмер».

Додд: Мне кажется, что если вы прочитаете этот документ, то увидите, что явствуется как раз противоположное. В нем сказано, что согласно устному тайному соглашению между вами и Полем из СС рейхсбанк берет на себя продажу золотых, серебряных монет и т. д. Все поступающие вклады будут производиться на условную фамилию «Мельмер». Что же вы хотите сказать Трибуналу, что в вашем банке, вице-президентом которого вы являлись, производились подобные операции на условную фамилию и вы этого не знали, хотя вы были именно тем человеком, который был непосредственно связан с представителем СС и с ним договорился. Вы это хотите сказать Трибуналу?

Пуль: Слово «Мельмер» никогда не произносилось в моем присутствии. Правда, наши директора касс могли давать какое-либо кодированное название счетам клиентов, если кто-либо не хотел назвать своего настоящего имени или названия своего учреждения. Это в данном случае и могло иметь место.

Додд: Обратите внимание на то, что сегодня утром мы уже второй раз встречаемся с фамилией Мельмер. Господин Томс показал, что вы в разговоре с ним упоминали это слово, а сейчас мы находим его в одном из меморандумов вашего банка, в документе, который был захвачен. Вы все еще продолжаете утверждать, что это имя вам незнакомо?

Пуль: Нет. Этот меморандум был составлен не для меня, а для ответственного референта кассы и как раз для того, чтобы уведомить его о том, какое соглашение принято. В этом меморандуме и объясняется, под каким шифром будет проводиться операция.

Додд: Господин Пуль, взгляните сейчас, пожалуйста, на меня и скажите, не говорили ли вы лейтенанту Мельтцеру, лейтенанту Марголису и доктору Кемпнеру, когда они все находились вместе с вами, что обо всем этом деле с СС уже шли сплетни в рейхсбанке? Эти люди сидят здесь: двое за столом обвинения США, и один вот здесь. Вы их знаете? Итак, подумайте минутку, прежде чем ответить на этот вопрос.

Пуль: Мы говорили о том, что это дело не осталось в секрете, так как, в конце концов, в банке нельзя длительное время держать в секрете такую операцию. Но то, о чем мы говорили в тот момент, были лишь всевозможные технические детали проведения этой операции, а такие вещи не могут стать достоянием всех. Факт остается фактом.

Додд: Я думаю, что вы меня не поняли. Мы не об этом сейчас говорим. Мне кажется, что вы должны хорошо это помнить, потому что все это происходило лишь день-два тому назад. Вы беседовали об этом с указанными мной господами в этом здании, не так ли? Я сейчас спрашиваю вас, не является ли фактом то, что вы сказали им, что обо всей этой операции с хранением ценностей СС ходили сплетни в банке?

Пуль: Да, об этой операции в имперском банке сплетничали, но подробности, конечно, не были известны.

Додд: Вас беспокоит установление факта вашего личного участия в этом деле? Мне кажется, что эти опасения имеют под собой основания, принимая во внимание ваши письменные показания. Вы беспокоитесь по поводу вашего участия во всем этом деле. Не так ли?

Пуль: Нет, после того как это дело было начато, я не имел к нему никакого отношения. И как признает в своем письменном заявлении господин Томс, он меня на протяжении многих месяцев вообще не видел. На заседаниях директората об этом деле также никогда не докладывалось, и никогда не принималось никаких решений.

Додд: Видите ли, когда подсудимый Функ давал показания, он сказал, что вы были первым человеком, который ему сказал обо всех этих делах с СС. Правильно это?

Пуль: Нет. Я помню, что разговор с президентом Функом по этому вопросу действительно имел место, и он мне сообщил о том, что мы хотим принять вклады организации СС.

Додд: В беседе с лейтенантом Мельтцером и лейтенантом Марголисом вы заявили, что Гиммлер не стал бы говорить с вами как с вице-президентом банка, а стал бы говорить с Функом, вы сильно взволновались, когда мы сообщили вам, что Функ утверждает, что именно вы первым узнали об этом деле. Верно ли это?

Пуль: Да.

Додд: Вы тогда страшно разволновались. Вы помните это?

Пуль: Да.

Додд: И, наконец, последний вопрос. Вы серьезно утверждаете, что ничего не знали об этих вкладах до вашего допроса во Франкфурте или вы знали о вкладах, но ничего не знали о характере этих вкладов? После письменного показания под присягой Томса, документа, который я только что показывал, и в свете допроса, произведенного сегодня утром, вы все-таки хотите закончить ваши показания заявлением, что вы никогда ничего не знали об этих вкладах?

Пуль: Представленное мне сегодня письменное заявление, а также сообщение кассы я впервые видел во Франкфурте. До этого я их никогда не видел и больше не заботился об этих

делах, да и не мог этого делать, так как я был вице-президентом банка и был ответствен за экономическую и финансовую политику, за кредиты и т. п., тем более, что у нас был целый штат высококвалифицированных сотрудников, которые, если это было необходимо, должны были бы представить в директорат имперского банка соответствующий доклад.

Додд: Но вы не отрицаете того, что вы знали о наличии драгоценностей, серебра и прочих вещей среди вкладов, не так ли?

Пуль: С самого начала говорилось об украшениях.

Додд: Хорошо. Посмотрим, что же вы знали об этих вкладах. Вы знали, что там были драгоценности, некоторое количество драгоценностей. Вы знали, что там была валюта. Вы знали, что там были монеты. Вы знали, что там были и другие ценные предметы. Итак, единственно о чем вы, по вашему утверждению, не знали, — это о золотых зубах. Правильно?

Пуль: Да, это верно. Дело обстояло так: мне было известно, и меня с самого начала уведомили через обергруппенфюрера СС Поля, что в основном в эти хранилища будет помещено золото, девизы, серебряные монеты, а также, как он добавил, «украшения». Я знал, что там были драгоценности...

Додд: О чем вы еще не знали из вещей, упоминавшихся здесь?

Пуль: Тут еще упоминали об оправе для очков.

Додд: Вы не знали также об этом? Хорошо, я включаю также и это: оправа для очков и золотые зубы. Вот два рода предметов, о которых вы якобы ничего не знали. У меня больше нет вопросов, господин председатель...

Председатель: Одну минуту, пожалуйста, не уводите еще этого свидетеля. Имеется ли перед вами копия вашего письменного показания под присягой?

Пуль: От 3 мая, да.

Председатель: У вас только одна копия?

Пуль: Я сейчас посмотрю. *(Пауза.)* Да, у меня имеется еще один экземпляр.

Председатель: Передайте его мне сюда, пожалуйста.

(Документ передается председателю.)

Этот документ будет засвидетельствован и войдет в протокол. Ему следует дать соответствующий номер.

Додд: Господин председатель, мне кажется, что он уже представлен в качестве доказательства.

Председатель: Не именно этот документ; он еще не представлен. Именно этот документ находился у свидетеля; на нем имеется ряд пометок на английском языке, сделанных от руки.

Господин Додд, посмотрите, пожалуйста, на этот документ.

Додд: Хорошо, сэр. Мне кажется, что это будет доказательство Соединенных Штатов 851. Кажется, это следующий порядковый номер.

Председатель: США-851. Очень хорошо.

Додд: Я должен сказать, что один момент, по-моему, может быть полезен Трибуналу в отношении этого письменного показания под присягой.

Господин Пуль, вы лично напечатали большую часть этого письменного показания под присягой; вы сами писали или диктовали его?

Пуль: Да, мне был представлен готовый проект, я его соответствующим образом изменил.

Председатель: Одну минуту. И вы подписали его после того, как внесли изменения?

(Свидетель кивает головой.)

Председатель: Не кивайте головой, а ответьте, пожалуйста. Вы сказали: «Мне был представлен готовый проект, я его соответствующим образом изменил». Я спрашиваю вас, после этого вы его подписали?

Пуль: Да.

Додд: Поставили вы свою визу в тех местах, которые вы изменили в оригинале документа? Поставили вы свои инициалы на всех тех местах, в которых вы хотели внести изменения? Так вы сделали?

Пуль: Нет. Мы его заново переписали, заново его составили.

Додд: Я знаю, что вы его заново переписали. Отметим ли вы те места, которые вы хотели изменить, и сказали вы, как именно вы хотели их изменить? Это так?

Пуль: Да, но это имело второстепенное значение. Например, слово «имперский банк» было заменено «учетный банк» (по учету золота).

Додд: Так. Я полагаю, что Трибуналу целесообразно знать, что этот документ был переработан и удостоверен инициалами.

Председатель: Очень хорошо.

Биддл: Господин свидетель, я хочу задать вам несколько вопросов. Впервые вы услышали об этих вкладах от подсудимого Функа, не так ли?

Пуль: Да.

Биддл: Сказал ли вам Функ, кто из СС сообщил ему об этом?

Пуль: Гиммлер.

Биддл: Гиммлер сказал Функу об этом?

¹ Ф. Биддл — член Трибунала от США. — Составители.

Пуль: Так точно.

Биддл: Сказал ли вам Функ о том, что ему говорил Гимлер?

Пуль: Он попросил, чтобы учреждения имперского банка оказали организации СС помощь.

Биддл: Затем вскоре после этого вы подняли этот вопрос на совещании дирекции рейхсбанка?

Пуль: Да.

Биддл: Присутствовал ли Функ на этом совещании?

Пуль: Нет, его там не было.

Биддл: Что вы сказали директорам?

Пуль: Я коротко доложил на директорате об этом деле.

Биддл: Что вы сказали им?

Пуль: Я коротко передал мой разговор с господином Функом, разговор с господином Полем и заявил, что имперский банк должен принять в свои хранилища эти вещи от организации СС.

Биддл: И затем директора одобрили эти действия?

Пуль: Да, возражений не было.

Биддл: Подсудимый Функ сказал вам, что эти предметы поступили с Востока, не так ли?

Пуль: Да.

Биддл: Как вы поняли, что он имел в виду, когда сказал «с Востока»?

Пуль: В основном из оккупированной Польши, а также из некоторых русских областей.

Биддл: Я полагаю, что вы знали, что это была конфискованная собственность?

Пуль: Да.

Биддл: Вы сказали Полю, что банк собирает что-то предпринимать в отношении этих вещей, не так ли?

Пуль: Поль попросил меня, чтобы банк помог его людям, и на это я ответил согласен...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ АЛЬБЕРТА ТОМСА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 15 мая 1946 г.]

(К микрофону подходит свидетель Томс.)

Председатель: Назовите ваши имя и фамилию.

Свидетель: Альберт Томс.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги: «Клянусь богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Председатель: Вы можете сесть.

Додд: Господин председатель, насколько мне известно, этот свидетель был вызван для перекрестного допроса. Однако есть один или два вопроса, имеющих сейчас важное значение, которые не были включены в его письменные показания, данные под присягой, и в целях экономии времени я хотел бы поставить эти вопросы свидетелю до начала перекрестного допроса.

Председатель: Пожалуйста.

Господин Томс, 8 мая 1946 г. вы дали письменные показания под присягой. Это правильно?

Томс: Да.

Додд: И вы подписали ваши письменные показания?

Томс: Да.

Додд: И все, что изложено в этих показаниях, правда?

Томс: Да.

Додд: Я попрошу вас взглянуть на эти письменные показания, данные вами под присягой, для того чтобы убедиться в их подлинности и вновь их удостоверить. Господин Томс, это то самое показание, которое вы подписали?

Томс: Да.

Додд: Хорошо. Я хочу вам задать пару вопросов в связи с этими письменными показаниями. Господин председатель, я представляю эти письменные показания, данные под присягой,

в качестве доказательства за номером США-852. Господин Томс, вы знаете господина, который сидит сейчас слева от вас?

Томс: Да.

Додд: Это господин Пуль, не так ли?

Томс: Да.

Додд: Он был вице-президентом имперского банка, чиновником которого вы являлись в то время?

Томс: Да.

Додд: Беседовали ли вы когда-либо с господином Пулем относительно особых вкладов, которые поступали в рейхсбанк и в отношении которых вы должны были соблюдать абсолютную тайну?

Томс: Да.

Додд: Скажите, когда произошла эта беседа, что именно говорилось, и присутствовал ли кто-либо еще при этой беседе?

Томс: Эта беседа имела место летом 1942 года. Меня вызвали через одного чиновника кассы, господина Фроммкнехта, к господину вице-президенту Пулю. Господин Фроммкнехт привел меня к господину Пулю, и господин Пуль сказал мне, что начата особая оборотная операция с имперским руководством СС. Должен ли я привести все детали?

Додд: Передайте нам все, что он тогда сказал вам?

Томс: Господин Пуль сказал мне, что эта операция должна держаться в секрете. Поступят, мол, не только вещи, которые в обычных операциях должны были приниматься рейхсбанком, но речь будет идти также о реализации драгоценностей и других вещей. В ответ на мое возражение, что для таких дел у нас нет специалистов, он сказал, что мы должны найти возможность реализовать эти вещи. Я вначале сделал предложение передать эти драгоценности в главную имперскую кассу, то есть в главную кассу имперского правительства, которая получала также все трофеи из армии. Господин Пуль, однако, сказал, что это дело не должно быть разрешено через главную имперскую кассу, а должно быть проведено через имперский банк в другой форме. Тогда я предложил сдать эти вещи, как раньше сдавалось конфискованное еврейское имущество, в городской ломбард в Берлине. На это предложение господин президент Пуль согласился.

Додд: Когда была получена первая партия подобных предметов?

Томс: Первая партия поступила в имперский банк в августе, насколько я помню.

Додд: 1942 года?

Томс: Да, 1942 года.

Додд: Скажите, фамилия Мельмер что-нибудь говорит вам?

Томс: Фамилия Мельмер — это фамилия одного эсэсовца, который в последующее время доставлял эти драгоценности в имперский банк, и под этим кодовым названием мы затем занесли в книги рейхсбанка все поступления от СС.

Додд: Вы когда-нибудь называли Пулю фамилию или слово «Мельмер» и называл ли он вам когда-нибудь эту фамилию?

Томс: Фамилия Мельмер была упомянута не господином Пулем в разговоре со мной, а мною в разговоре с господином Пулем, так как я должен был сообщить ему о ходе всего этого дела, и в особенности о проведении дел в отношении сумм, полученных от реализации. Эти суммы по предложению имперского руководства СС были переведены министерству финансов и притом на счет, который назывался «Макс Хейлигер». Об этом факте я в свое время коротко сообщил президенту Пулю.

Додд: Говорили ли вы когда-нибудь Пулю, какого рода предметы поступали к вам от СС?

Томс: Через несколько месяцев господин президент Пуль спросил меня, как обстоят дела с операцией Мельмер. Отвечая, я сказал ему, что, вопреки предположению о том, что вклады будут незначительны, эти вклады растут и что наряду с золотыми и серебряными монетами поступает большое количество драгоценностей, золотых колец, обручальных колец, золотого и серебряного лома, золота с зубов, а также всевозможные золотые и серебряные вещи.

Додд: Что вам сказал Пуль, когда вы сообщили ему о том, что среди этих предметов имелись золото с зубов, драгоценности, серебро и другие вещи?

Томс: Разрешите мне сначала добавить кое-что. Я особо обратил внимание на то, что в одном случае скопилось около 12 килограммов жемчуга и что я раньше никогда в жизни еще не видел такого необычайного количества жемчуга.

Додд: Подождите одну минуту. Что это было?

Томс: Это был жемчуг и жемчужные ожерелья.

Додд: Сообщили ли вы ему также, что вы получали оправы от очков?

Томс: В настоящий момент я не могу утвердительно ответить на этот вопрос под присягой. Однако я описал ему общий характер поступавших вещей. Так что, наверное, как я думаю, я употребил и выражение «очки» или что-либо подобное. Но я не хочу этого, однако, говорить под присягой.

Додд: Скажите, бывал ли Пуль когда-нибудь в кладовых во время сортировки этих предметов?

Томс: Господин Пуль часто по различным поводам посещал кладовые банка, чтобы проинспектировать золотохранилища

и прежде всего чтобы ознакомиться с характером хранимого. Все вклады по делу Мельмера находились в особом отделе одной из главных кладовых, так что в этих случаях и господин Пуль должен был видеть ящики и мешки с этими вкладами. Рядом, то есть в примыкающем к этому отделу коридоре, обрабатывались вещи из поступлений от Мельмера.

Таким образом, я глубоко убежден в том, что господин Пуль, проходя по кладовым, должен был видеть эти вещи, так как они открыто лежали на столах и их мог видеть каждый, кто осматривал кладовые.

Додд: Примерно 25—30 человек занимались сортировкой этих предметов, прежде чем они направлялись для переплавки и в ломбард на продажу, не так ли?

Томс: Я хотел бы сказать, что не 25—30 человек занимались... В течение дня в кладовую спускались от 25 до 30 человек по каким-нибудь служебным делам, сортировкой и подготовкой вещей занимались 4—5 человек.

Додд: И все лица, которые вам подчинялись, давали клятву хранить все это в строжайшей тайне? Им запрещено было говорить об этом. Не правда ли?

Томс: Да, в банке имелось строгое распоряжение о том, чтобы о тайных вкладах никто ничего не говорил даже со своими коллегами по собственному отделу, если этот коллега сам не был занят тем же делом.

Додд: Таким образом, это было сверхсекретное дело, не правда ли? В отношении этих вкладов соблюдалась не просто тайна, а принимались специальные меры по сохранению секретности?

Томс: Совершенно верно, это было весьма необычным делом, и оно должно было сохраняться в строжайшей тайне. Я бы сказал, что оно было секретнее обычных секретных дел, ибо даже мне было строго запрещено говорить об этом с кем-либо, и я в свое время еще сказал, когда прощался с господином президентом Пулем после первой беседы, что я, однако, должен сообщить об этом начальнику кассы, так как мое начальство должно быть информировано об этом деле.

Додд: Скажите, относительно вкладов Мельмера представлялись особые отчеты правлению банка?

Томс: Нет, все это дело рассматривалось устно. Это было исключительным случаем, а на реализованные вклады составлялся лишь счет, который назывался счетом Мельмера; этот счет передавался главной кассой отделу девизов, который, со своей стороны, должен был урегулировать дальнейшее с директором рейхсбанка.

Додд: Хорошо, но ведь вы могли распоряжаться всеми этими предметами лишь с ведома и одобрения правления? Без

соответствующей визы правления банка вы ведь не могли распоряжаться этими вещами?

Томс: В обычных операциях с золотом все распоряжения должны были даваться директором рейхсбанка, нужно было разрешение от него. Поэтому я самостоятельно никогда ничего не мог предпринять. Как правило, эти распоряжения давались кассе в письменной форме за подписью по меньшей мере двух чиновников и одного члена директората рейхсбанка. В данном случае вопросы об операциях с вкладами СС рассматривались устно.

Додд: Между прочим, господин Томс, вы видели сегодня днем фильм? Не так ли?

Томс: Да.

Додд: После того, как вы посмотрели этот фильм, можете ли вы сказать, правильно ли он изображает внешний вид некоторых партий предметов, поступавших в рейхсбанк от СС?

Томс: Я могу сказать на это, что этот фильм и те кадры, которые я там видел, типичны для вкладов «Мельмер». Следует, пожалуй, сделать одну оговорку, что в таких количествах, которые были изображены в фильме, первые вклады не содержали золотых зубов и драгоценных украшений. Эти вклады увеличились лишь позднее, и те огромные количества, которые мы видели в фильме, находились еще в закрытых ящиках, чемоданах и т. д. Но сам по себе тот материал, который я видел в фильме, типичен для вкладов «Мельмер».

Додд: Хорошо. Скажите, пожалуйста, сколько приблизительно, я не жду от вас точного ответа, а лишь приблизительно, было получено вами партий с подобными предметами от СС?

Томс: Насколько я могу в настоящий момент вспомнить, их было свыше 70. Примерно 76—77. В настоящую минуту я не могу сказать точно, но приблизительно так.

Додд: Очень хорошо. (Обращается к председателю.) Милорд, у меня больше нет вопросов...

Документ СССР-197

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ З. Ю. МАЗУРА,
ДОПРОШЕННОГО В ГОРОДЕ ДАНЦИГЕ

Протокол допроса свидетеля от 28 мая 1945 г.

1945 год, мая 28 дня, город Данциг, военный прокурор тыла 2-го Белорусского фронта подполковник юстиции Гейтман и военный следователь военной прокуратуры 2-го Белорусского фронта майор юстиции Каденский допросили нижепоименованного в качестве свидетеля, который показал:

Мазур Зигмунд Юзефович, 1920 года рождения, уроженец города Данцига, поляк, принявший немецкое подданство в январе 1944 года, образование: окончил 6 классов польской гимназии в Данциге в 1939 году, служил добровольно в 1939 году в польском войске солдатом, из чиновников, холостой, со слов не судимый, проживал в городе Данциге, Бечергассе, д. № 2, должность до апреля 1945 года — препаратор анатомического института Данцига, имеет мать в Данциге, улица Нейшотланд, д. № 10, владеет польским и немецким языками.

Свидетель об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний предупрежден.

Переводчик об ответственности за отказ от перевода и за дачу ложного перевода по ст. ст. 92, 95 УК РСФСР предупрежден.

«В октябре 1940 года, будучи в Данциге, я искал себе работу.

Немецкий чиновник Густав Ланге из рабочего бюро Данцига, которому я отдал одну комнату из своей квартиры, обещал мне подобрать более лучшую, подходящую работу в каком-нибудь учебном заведении Данцига, после чего я был направлен в анатомический институт Данцига, где и начал работать с января 1941 года. Сначала я работал курьером три месяца. Работая курьером, я заинтересовался медициной и с помощью Ланге и профессора Шпаннера получил назначение на должность препаратора анатомического института с января 1941 года. В мои обязанности как препаратора входило вычерчивание таблиц и помощь при вскрытии трупов.

Директором анатомического института был немец из города Киля, профессор Шпаннер Рудольф, который в январе 1945 года выехал в район города Галле.

Заместителем профессора Шпаннера был доктор доцент Вольман — офицер СС, ходил он в штатском костюме и иногда в черном мундире СС. Вольман — из Чехословакии, его чехословацкая фамилия — Козлик.

В январе 1945 года он добровольно вступил в войска СС.

Ассистентом работала с октября 1944 года женщина Фосбек из Цоппота, которая уехала в Галле вместе с профессором Шпаннером. Она ассистировала профессору Шпаннеру.

Старшим препаратором был фон Барген, который приехал в Данциг из города Киля вместе с профессором Шпаннером.

Служителем для подноски трупов был немец Рейхерт из города Данцига, ушедший в ноябре 1944 года в немецкую армию. Таким же служителем был и немец Боркман из Данцига, но где он сейчас находится, я не знаю.

Вопрос: Расскажите, как производилось мыловарение из человеческого жира при анатомическом институте города Данцига.

Ответ: Рядом с анатомическим институтом в глубине двора летом 1943 года было построено каменное одноэтажное здание из трех комнат. Здание это было построено для обработки трупов, вываривания костей. Так было объявлено официально профессором Шпаннером. Именовалась эта лаборатория лабораторией для изготовления скелетов человеческих и сжигания мяса и ненужных костей. Но уже зимой 1943—1944 года профессор Шпаннер приказал собирать человеческий жир и не выбрасывать его. Это приказание было отдано Рейхерту и Боркману.

В феврале 1944 года профессор Шпаннер дал мне рецепт приготовления мыла из человеческого жира. В этом рецепте предписывалось брать человеческий жир в количестве 5 килограммов и варить 2—3 часа в 10 литрах воды с 500 или 1000 г каустической соды, затем дать стечь. Мыло всплывает наверх, а остатки и вода остаются на дне в ведрах. К смеси прибавлялась еще поваренная соль (пригоршня) и сода. Затем добавлялась свежая вода, и смесь снова варилась 2—3 часа. После остывания готовое мыло выливалось в формы.

Мыло получалось неприятного запаха. Для того чтобы уничтожить этот неприятный запах, прибавлялся бензальдегид.

Работа по изготовлению мыла из человеческого жира началась в январе 1944 года. Непосредственным начальником фабрики мыла был старший препаратор фон Барген. Все оборудование было взято из анатомического института.

Первая партия трупов была доставлена из Конрадштейна из психиатрической больницы, количество не помню.

Кроме того, был большой запас трупов в анатомическом институте в количестве около 400 трупов. Значительная часть трупов была обезглавлена. Обезглавленные трупы были доставлены после гильотинирования в тюрьме города Кенигсберга, а в 1944 году гильотина была установлена в тюрьме города Данцига. Эту гильотину я видел в одной из комнат тюрьмы и видел я ее, когда ездил в тюрьму Данцига за трупами. Схему гильотины прилагаю.

Когда я приезжал в тюрьму за трупами, то трупы были свежие, только что после казни, и брали мы их в комнате, соседней с той, где находилась гильотина. Трупы были еще теплые.

К каждому трупу прилагалась карточка с указанием фамилии и года рождения, и эти фамилии в анатомическом институте вписывались в особую книжку; где находится сейчас эта книжка, я не знаю. В тюрьму за трупами в Данциг я ездил 4—5 раз.

Из лагеря Штрутхоф Боркман привез 4 трупа русских людей, мужчин.

Жир собирали с человеческих трупов Боркман и Рейхерт.

Мыло варил я из трупов мужчин и женщин. Одна производственная варка занимала несколько дней — от 3 до 7. Из двух известных мне варок, в которых я принимал непосредственное участие, вышло готовой продукции мыла более 25 килограммов, причем для этих варок было собрано 70—80 килограммов человеческого жира, примерно с 40 трупов. Готовое мыло поступало к профессору Шпаннеру, который его хранил у себя лично.

Работами по производству мыла из человеческих трупов, как мне известно, интересовалось гитлеровское правительство. В анатомический институт приезжали министр просвещения Руст, министр здравоохранения Конти, гаулейтер Данцига Альберт Форстер, а также много профессоров из других медицинских институтов.

Сам я лично для своих потребностей, для туалета и стирки, употреблял это мыло из человеческого жира. Лично для себя я взял этого мыла четыре килограмма.

Так как эта работа по производству мыла производилась по приказанию профессора Шпаннера, то я считал это нормальным явлением.

Лично для себя также брали мыло Рейхерт, Боркман, фон Барген и наш шеф профессор Шпаннер, а также все остальные сотрудники.

Некоторым студентам, помогавшим в работе, также давали это мыло.

Профессор Шпаннер говорил, что производство мыла из человеческого жира надо держать в секрете.

У нас в институте приготовление мыла носило экспериментальный характер, но когда предполагалось использование трупов для производства мыла в широких масштабах, мне неизвестно.

Профессор Шпаннер старался достать как можно больше трупов и вел переписку с тюрьмами и лагерями, с которыми договаривался о том, что трупы в этих местах бронируются Данцигским анатомическим институтом.

Поступающие трупы в препараторной нами обрабатывались, причем волосы сжигались, во всяком случае факты использования волос мне неизвестны.

Точно так же, как человеческий жир, профессор Шпаннер приказал собирать человеческую кожу, которая после обезжиривания подвергалась обработке определенными химическими веществами. Производством человеческой кожи занимались старший препаратор фон Барген и сам профессор Шпаннер. Выработанная кожа складывалась в ящики и шла для специальных целей, но каких, я не знаю.

В анатомическом институте происходили конференции научного состава, и я знаю таких конференций три, но что на них обсуждалось, сказать не могу, так как я на них не присутствовал.

Записано с моих слов правильно, мне переведено на польский язык, подтверждаю.

Мазур Зигмунд».

Протокол дополнительного допроса от
11 июня 1945 г.

Мазур объявил, что он будет давать показания на польском языке.

Вопрос: На прошлых допросах вы показывали, что варка мыла из человеческого жира вами производилась по рецепту, данному профессором Шпаннером.

Скажите, рецепт был получен вами в устной или в письменной форме?

Ответ: После того как я получил указание профессора Шпаннера приступить к варке мыла из человеческого жира, сразу же, в тот же день профессор Шпаннер мне лично вручил рецепт приготовления этого мыла в письменном виде. Точнее, данный рецепт был отпечатан на пишущей машинке на бланке анатомического института. Как только я прочел рецепт, Шпаннер у меня его забрал и тут же велел старшему препаратору

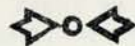
фон Баргену приклеить его к фанерной доске и прибить доску вместе с рецептом в здании, в котором приготавливалось такое мыло, точнее, во второй комнате этого здания — средней комнате, что фон Барген немедленно выполнил. Это происходило 15 февраля 1944 г. в присутствии секретаря Хорна и четырех студентов. В тот же самый день из человеческого жира мы приготовили мыло.

Вопрос: Вам предъявлен рецепт, напечатанный на бланке анатомического института. Что вы имеете заявить в отношении этого рецепта?

Ответ: Предъявленный мне рецепт, датированный 15 февраля 1944 г., является тем самым рецептом, о котором я только что показал. Этот рецепт был приклеен на фанерную доску, которая висела в здании, в котором происходила варка мыла.

Записано с моих слов верно, мне прочитано и переведено на мой родной польский язык.

Мазур.

Документ СССР-196

РЕЦЕПТУРА МЫЛА, ОБНАРУЖЕННОГО СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ В ДАНЦИГСКОМ АНАТОМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ

АНАТОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ.
ДИРЕКТОР ПРОФЕССОР ДОКТОР ШПАННЕР.

Данциг, 15 февраля 1944 г.
Делбрюкаллея, 76.

ПРОИЗВОДСТВО МЫЛА ИЗ ОСТАТКОВ ЖИРОВ

10—12 фунтов жира
10 литров воды
1000 граммов раствора натрона (Natrolethen) для твердого мыла или
1000 граммов калиумоксида для жидкого мыла и 1 пригоршня соды.

Варить в котле три часа. Прибавить полную пригоршню поваренной соли, немного поварить и оставить застыть. Застывшую поверхность снять, разрезать и снова переварить от полутора до двух часов с одним-двумя литрами воды.

Вылить в плоские миски и оставить застыть.

Разрезать на куски для употребления.

Раствор, который остается после первого остуживания, может употребляться в разбавленном виде для чистки.

Чтобы устранить неприятный запах, можно добавлять в мыло перед застыванием вещество для запаха, например бензальдегид.

Документ СССР-264

О ГЕРМАНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В АНАТОМИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В ДАНЦИГЕ

ИЗ СООБЩЕНИЯ БРИТАНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛА
КОМИССИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ
ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Письменное показание

Я, Джон Генри Виттон, рядовой № 3965290 королевского суссекского полка, в настоящее время находящийся на службе в 3-й войсковой части, расположенной в Нортгемптоне с постоянным адресом в Лондоне Е 15, Стратфорд, Эмитт род, 4, приношу присягу и сообщаю следующее:

1. Я был взят в плен под Амьеном 21 мая 1940 г. В Данциг меня привезли 4 апреля 1943 г. Мне пришлось быть членом рабочей бригады № 203, приданной «Шталагу XX-B» в Мариенбурге. С 5 апреля 1943 г. примерно до середины мая мы выполняли строительные работы в окрестностях института. 7 августа 1944 г. я попал в госпиталь в Данциге, а когда выписался из госпиталя в сентябре 1944 года, то опять вернулся в шталаг в Мариенбурге.

2. Внутри института мне приходилось заниматься самой разнообразной работой, включая починку пола, постройку загона для кроликов и исправление электрического освещения.

3. Трупы прибывали в количестве от 7 до 8 в день. Все они были обезглавлены и раздеты догола. Иногда их доставляли в автомашинах Красного Креста в деревянных ящиках, вмещающих 5—6 трупов, иногда по 3—4 трупа их доставляли в небольших грузовиках. Обычно мне не приходилось замечать на трупах следы увечья или насилия, за исключением одного русского, у которого сохранились следы ранения в области живота. Трупы обычно выгружали с предельной быстротой и сносили в погреб, в который вела боковая дверь из фойе при главном входе в институт. В этом погребе при помощи трубок через отверстие в шее в трупы вводили какую-то жидкость, содержащуюся в цилиндрических баллонах. Затем трупы помещали

в большие металлические сосуды, где их оставляли примерно на 4 месяца. Впоследствии их относили наверх, клали на столы в главном зале и вскрывали. Мне самому приходилось заниматься перетаскиванием трупов в погреб и в зал, где производилось вскрытие, и в конце дня выносить их оттуда. После вскрытия сносили в крематорий, построенный той рабочей бригадой, членом которой я был. У тех трупов, которые более или менее сохранились, с рук, живота и ног снимали всю ткань. Вследствие того, что трупы предварительно пропитывались какой-то жидкостью, ткань очень легко отделялась от костей. Затем всю ткань складывали в бак для кипячения размером с небольшой кухонный стол. Этот бак был весьма сложного устройства. Он был установлен, насколько я помню, около рождества 1943 года. После кипячения полученную жидкость разливали по белым сосудам размером примерно в двойной лист обычной писчей бумаги и глубиной в 3 см. Эти сосуды затем выставляли на солнце для высушивания. Обычно в день машина давала 3—4 таких сосуда. К обслуживанию этой машины допускались лишь немногие студенты. После всех упомянутых процедур полученное вещество куда-то уносили, и я не знаю, что с ним делали дальше. Студенты рассказывали мне, что это вещество употребляется в качестве мыла; однако до употребления это вещество обрабатывали каким-то химическим препаратом для того, чтобы избавиться от дурного запаха.

4. Я могу сообщить о следующих людях, работавших в институте:

1) профессор Шпаннер стоял во главе института. Я познакомился с описанием этого человека, данным в показаниях артиллера Шеррифа, и ничего не имею прибавить;

2) профессор Вольман казался карикатурой, сделанной на Гитлера. Его жена также жила в Данциге и нередко посещала институт. У него было два сына. Зигмунд Мазур сообщил мне, что Вольман был прислан в институт гестапо для того, чтобы держать всю работу под наблюдением. Сам Вольман был членом СС;

3) профессор Тауэр;

4) господин фон Барген;

5) Зигмунд Мазур сообщил мне, что его отец был заключен в германский концентрационный лагерь и что сам он принимал участие в подпольном движении в Польше. Он заявил, что работает в институте по принуждению, однако считал, что он принесет больше пользы движению Сопротивления, если останется свободным человеком, чем в случае, если он откажется работать и попадет в концентрационный лагерь. Мне пришлось неоднократно слышать, как профессор Шпаннер угрожал послать за гестапо и арестовать Мазура. Мазур всегда оказывал

помощь британским военнопленным, доставая для них сигареты, бритвенные ножи и кожу для починки краг;

6) секретарь профессора Шпаннера. Я не помню фамилии этой женщины. Она была немка, лет 30—33, с темно-коричневыми волосами, подстриженными, как у мужчины. Рост ее составлял примерно, 56,4", у нее были темные глаза и бледный цвет лица, маленький нос и неяркие губы. Она была замужем, и ее муж, очевидно, служил в германской армии. У нее также был сын. Говорила она очень быстро и громко и была очень худа;

7) поляк, имени которого я не могу припомнить. Он занимался изготовлением чертежей и макетов для института. Очевидно, до войны он был художником. Приехал он из района Данцига, кажется из Гдыни или Цоппота. Ему было лет 35, темные вьющиеся волосы, темные глаза, роговые очки. Ростом он был примерно в 57,4", имел яркий цвет лица. В начале 1944 года перенес операцию, и по обе стороны шеи у него остались шрамы. Он хорошо говорил по-английски. Крепкого телосложения. Женат. Хорошо относился к британским военнопленным, высказывал свои симпатии к союзникам. Он нам рассказывал, что в Польше до войны он был членом команды конькобежцев. Насколько я помню, его звали Цезарь.

Показано под присягой вышеупомянутым Генри Виттоном в городе Вестминстере, Спринг Гарден, 6, 3 января 1946 г.

Джон Генри Виттон

В моем присутствии: Р. Д. Л. Келли — капитан юстиции
Военный отдел ведомства генерального прокурора. Лондон.

Документ СССР-272

Письменное показание

Я, Вильям Андерсен Нили, капрал № 2573842 королевских войск связи, постоянно проживающий в Шотландии, Файфшайр, Киркгальди, Хай Стрит, 26, приношу присягу и сообщаю о следующем:

1. Я был взят в плен при Сен-Валери 12 июня 1940 г. С мая 1942 года примерно до июня или июля 1944 года я был членом рабочей бригады в Данциге, приданной «Шталагу XX-B», находившемуся в Мариенбурге.

2. Почти все это время мы работали на строительную фирму Хейлштадт в Данциге. Мы не занимались непосредственно этой фирмой и фактически работали по передоверенному контракту

на другую фирму, которая называлась «Мильке» и была расположена в районе Данцига Лангфюр, близ лангфюрской маслодельни.

3. Некоторое время мы работали водопроводчиками, столярами, исполняли случайные строительные работы, я же большую часть времени был занят перебиранием трупов для анатомического института.

4. Трупы доставлялись в количестве 2—3 в день. Все они были совершенно нагие, причем большинство было обезглавлено. Обычно на телах не было заметно следов насилия, за исключением трупа одного русского с Украины, который убил немецкого фермера и его жену и был за это повешен. Труп оставался висеть в течение нескольких дней, начал разлагаться, однако на нем можно было ясно различить следы насилия.

5. По прибытии трупы складывались в погреб, расположенный под институтом, и пропитывались какой-то жидкостью, чтобы предотвратить разложение. От фон Баргена мы узнали, что это был формалин. В течение трех-четырех недель трупы сохраняли в больших баках, после чего их переносили наверх и вскрывали. В погребе постоянно находилось от 100 до 120 трупов. После вскрытия с костей трупов снимали всю ткань с целью использования ее для опытов, в то время как кости сжигали в печах крематория.

6. Конструирование машины для изготовления мыла было завершено в марте — апреле 1944 года. Постройка здания, в котором ее предполагалось поместить, была закончена в июне 1942 года. Машина эта была смонтирована на данцигской фирме Айрд, связанной с военным производством. Насколько я помню, эта машина состояла из бака, обогреваемого электричеством, в котором при помощи добавления каких-то кислот растворялись кости трупов.

Процесс растворения занимал около 24 часов. Жировые части трупов, в особенности женских, складывались в большие эмалированные чаны, подогреваемые огнем двух бензиновых горелок. Для этой процедуры также применялись какие-то кислоты. Я предполагаю, что в качестве кислоты брали едкий натр. Когда кипячение заканчивалось, полученной смеси давали остыть, а затем выкладывали в специальные формы, для изучения под микроскопом.

Я не могу точно определить количество получаемого вещества, но я видел, как его употребляли в Данциге для чистки столов, на которых производили вскрытие трупов. Люди, пользовавшиеся им, уверяли меня, что это — лучшее мыло для этой цели. Насколько я знаю, за стенами института этим мылом никто не пользовался. Даже в самом институте им начали широко пользоваться только во время последних недель моего

пребывания там. Готовое мыло представляло собой куски толщиной в 2 дюйма, длиной в 6 дюймов и шириной в 2 дюйма. Оно имело желтоватый оттенок и нормальный запах.

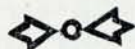
Из своих личных наблюдений я заключаю, что производство мыла к тому времени, когда я оставил работу в институте, то есть в июне или июле 1944 года, находилось еще в стадии изучения.

7. Прибывающие в институт трупы главным образом принадлежали немцам и полякам. Обычно фон Барген доставлял их в грузовиках, принадлежавших германскому Красному Кресту. Грузовики были отмечены знаком красного креста с подписью «Дейчес роте крэйц». Фон Барген говорил нам, что трупы он доставляет главным образом с места казни в Кенигсберге...

Показание дано под присягой вышеупомянутым Вильямом Андерсеном Нили в Спинг Гардене, 6, город Вестминстер, 7 января 1946 г. в моем присутствии.

С. М. Мансон, капитан юстиции.

Военный отдел ведомства генерального прокурора. Лондон.

УНИЧТОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ НАРОДОВ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ ГАРРИСОМ
ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ГЕРМАНИЗАЦИЯ И ГРАБЕЖ
В ОККУПИРОВАННЫХ СТРАНАХ»

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 14 декабря 1945 г.]

Когда мы говорим о планах германизации, мы имеем в виду планы ассимилирования захваченных территорий экономически, политически и в культурном отношении, втягивание их в орбиту германской империи. Германизация, или онемечение, как мы покажем, означает уничтожение национального характера захваченных территорий и искоренение всех элементов, которые не примут нацистской идеологии.

Под грабежом мы понимаем разграбление общественной и частной собственности и вообще эксплуатацию народа и естественных богатств оккупированных территорий.

Польша была в известной мере опытным полем для проверки захватнических теорий гитлеровцев относительно «жизненного пространства». Четыре западные провинции Польши были фактически включены в состав Германии приказом от 8 октября 1939 г. Этот приказ был подписан Гитлером, Ламмерсом, Герингом, Фриком и Гессом и напечатан в «Рейхсгезетцблат» в 1939 году (часть 1, страница 2042). Остальная часть захваченной гитлеровцами Польши по приказу Гитлера от 12 октября 1939 г. была названа генерал-губернаторством Польши.

Планы в отношении Польши были довольно сложны.

1. Гитлеровцы специально ставили перед собой цель эксплуатировать людские и материальные ресурсы генерал-губернаторства Польши для того, чтобы усилить нацистскую военную машину, чтобы разорить генерал-губернаторство и превратить его в вассальное государство. На более поздней стадии были сформулированы планы создания островков немецких поселений

в более плодородных районах генерал-губернаторства для того, чтобы поглотить польское население и ускорить процесс онемечивания.

2. Районы Польши, которые должны были стать частью германской империи, подлежали безжалостному онемечиванию. Для этого нацисты планировали:

а) Сохранить производственные возможности в захваченных районах с тем, чтобы все, что будет производиться, использовалось военной машиной Германии.

б) Ввозить в генерал-губернаторство сотни тысяч евреев, представителей интеллигенции и других несогласных с нацистами элементов. Евреи, которые ввозились в генерал-губернаторство, были обречены на быстрое уничтожение. Более того, поскольку гитлеровцы видели, что польская интеллигенция не поддается германизации и может служить источником сопротивления, они также решили уничтожить и эту интеллигенцию.

в) Вывозить всех физически годных польских граждан в Германию для работы на немецкую военную машину. Эта мера преследовала двоякую цель: во-первых, выполнить требования немецкой военной промышленности на рабочую силу; во-вторых, предотвратить рождение нового поколения поляков.

г) Превратить всех жителей областей, включенных в состав германской империи, у которых была хоть капля немецкой крови, в германских подданных, которые фанатически верили бы в принципы фашизма. Для этого нацисты провели четкую систему расовой регистрации. Те, кто отказывался регистрироваться, заключались в концлагеря.

е) Вывозить тысячи немецких подданных в эти включенные в империю районы для расселения их.

И, наконец,

ф) Конфисковать, особенно в сельских местностях, всю собственность поляков, евреев и недовольных нацистами. Конфискация собственности евреев была частью большой программы заговорщиков по уничтожению евреев. Кроме того, конфискация преследовала три дополнительные цели:

1. Получение земли для новых германских поселенцев, чтобы вознаградить их за «верность и преданность».

2. Вывоз польской собственности в Германию для военного производства.

3. Вывоз польских мужчин отдельно от их жен, чтобы предотвратить рост населения за счет поляков.

Эти положения в известной мере подтверждаются документом ЕС-344-16 (США-297), являющимся отчетом о беседе с подсудимым Франком от 3 октября 1939 г. Он был обнаружен в архивах германского верховного военного командования, ко-

торые находились в центральном складе документов. Этот документ является частью большого доклада, подготовленного неким капитаном Варейном по указанию генерала Томаса, который был тогда главой экономического штаба верховного командования.

«В первой беседе с руководителем центрального отдела, офицером связи и представителем управления вооружения и главным административным офицером 3 октября 1939 г. в Познани Франк сообщил, какая экономическая и политическая ответственность была возложена на него фюрером и как в соответствии с этим он собирался управлять Польшей.

В соответствии с директивами Польша может управляться только таким образом, чтобы использовать ее для безжалостной эксплуатации — вывоза всех возможных материалов, сырья, машин фабричного оборудования и т. д., необходимых для германской военной экономики. Она может быть использована для вывоза всех рабочих в Германию, для уничтожения или снижения до минимума уровня польской экономики, минимума, обеспечивающего существование населения впроголодь, для уничтожения всех образовательных учреждений, в особенности технических школ и колледжей, чтобы предотвратить рост новой польской интеллигенции.

Польша будет рассматриваться как колония, — говорил Франк. — Поляки будут рабами великой всемирной германской империи. Уничтожая польскую промышленность, мы делаем очень трудным восстановление ее после войны, если оно вообще будет возможно. Таким образом, Польша будет возвращена на уготованное для нее место аграрной страны и должна будет полностью зависеть от Германии в области импорта промышленной продукции».

Документ ЕС-410 (США-298) показывает, какие различные меры нацисты собирались провести соответственно во включенных в империю районах Польши и в генерал-губернаторстве. Это — копия изданной подсудимым Герингом 19 октября 1939 г. директивы, обнаруженной в захваченных архивах немецкого верховного командования. Директива гласит: «На заседании 13 октября я дал детальную инструкцию относительно экономического управления оккупированными территориями. Я здесь коротко повторю ее.

Задачи экономической политики в разных административных районах различаются в зависимости от того, какого района это касается, будет ли он включен политически в германскую империю, или мы имеем дело с генерал-губернаторством, которое, по всей вероятности, не будет являться частью Германии.

В первом случае следует иметь в виду реконструкцию и расширение экономики, сохранение всех производственных

возможностей и источников сырья и полное включение экономики этой страны в германскую экономическую систему в самое ближайшее время.

Во втором случае с территории генерал-губернаторства следует вывозить все сырье, все материалы, весь лом, все машины, которые могут быть употреблены для германской военной экономики. Предприятия, которые не абсолютно необходимы для удовлетворения самых минимальных потребностей населения, должны быть вывезены в Германию, если только их вывоз не потребует слишком долгого времени; в противном случае они должны быть практически использованы на старом месте для работы по германским заданиям».

Документ ЕС-411 (США-299) является копией приказа, датированного 20 ноября 1939 г. и изданного подсудимым Гессом как заместителем фюрера. Этот документ также найден в захваченных архивах верховного командования. Подсудимый Гесс в этом приказе пишет:

«Я слышал от членов партии, которые прибыли из генерал-губернаторства, что различные учреждения, например военно-экономический штаб, министерство труда и другие, собираются реконструировать и восстанавливать некоторые промышленные предприятия в Варшаве. Однако согласно решению министра доктора Франка, одобренному фюрером, Варшава не должна быть восстановлена. Целью фюрера не является также восстановление или реконструкция какой-либо промышленности в генерал-губернаторстве».

Документ ПС-661 (США-300) представляет собой секретный доклад, подготовленный академией германского права в январе 1940 года, о планах массовой эмиграции поляков и евреев из включенных в империю районов Польши в генерал-губернаторство и о насильственном вывозе всех трудоспособных поляков в Германию. Этот документ был захвачен в управлении по переселению в Германию.

«Для проведения в жизнь дорогостоящих и длительных мер по увеличению продукции сельского хозяйства генерал-губернаторство может поглотить примерно 1—1,5 миллиона поселенцев, поскольку оно уже перенаселено. Дальнейшее поглощение примерно 1,6 миллиона переселенцев приведет к тому, что в самой Германии число жителей на квадратный километр будет составлять, как это было в 1925 году, 133 человека, а это приведет к двойному перенаселению. Поэтому цифра в 1,6 миллиона будет едва достаточной для вывоза из империи. Евреи с освобожденного Востока (около 600 тысяч) и часть оставшихся в других местах, главным образом молодых возрастов, должны быть вывезены из Германии в Австрию, Судеты и протекторат, что составит примерно около миллиона...»

4. Для того чтобы освободить жизненное пространство от поляков в генерал-губернаторстве, а также для того чтобы сделать это на освобожденном Востоке, нужно временно вывезти дешевые рабочие руки, сотни тысяч их, и держать на работе в течение нескольких лет в старой империи, препятствуя таким образом их естественному биологическому развитию. Следует также препятствовать их ассимиляции в империи...

Нужно принять жесточайшие меры предосторожности для того, чтобы секретные документы, меморандумы и официальные корреспонденции, которые содержат инструкции, направленные против поляков, находились постоянно под замком, чтобы они не попали однажды в «Белые книги», издаваемые в Париже и США».

Документ ПС-2233 (США-302) представляет собой дневник Франка за 1939 год, с 25 октября до 15 декабря.

Подсудимый Франк писал: «Рейхсфюрер СС (Гиммлер) хочет, чтобы все евреи были эвакуированы с только что захваченных территорий. Примерно до февраля около миллиона человек должно быть таким образом вывезено в генерал-губернаторство. Семьи хорошего расового происхождения, находящиеся на оккупированной польской территории (около 4 миллионов), должны быть вывезены в рейх и расселены там и таким образом уничтожены как представители нации».

Документ ЕС-305 (США-303) — совершенно секретный протокол совещания от 12 февраля 1940 г. под председательством подсудимого Геринга «по вопросам, касающимся Востока». Этот документ был обнаружен в захваченных архивах верховного командования. Гиммлер и Франк присутствовали на этом совещании.

«Во вступлении генерал-фельдмаршал Геринг объявил, что усиление военного потенциала империи должно явиться главной целью всех мер, которые будут проводиться на Востоке.

...Сельское хозяйство. Задача состоит в том, чтобы получить как можно больше сельскохозяйственной продукции из новых восточных районов независимо от того, чьей собственностью являются земли...

Специальные вопросы, касающиеся генерал-губернаторства. Генерал-губернаторство должно будет принять евреев, которых приказано переселить из Германии и новых восточных гау...

Следующие сообщения получены о положении на восточных территориях. Гаулейтер Форстер сообщает: «Население Данцига, присоединенного к западной Пруссии, равнялось 1,5 миллиона, из них: 240 тысяч немцев, 850 тысяч хорошо устроенных поляков и 3 тысячи поляков-эмигрантов; евреи и другие в числе 87 тысяч человек были эвакуированы, 40 тысяч из них из

Готенхафена; оттуда многочисленные беглецы, которые теперь находятся в руках государства, должны были быть вывезены в генерал-губернаторство. Поэтому эвакуация 20 тысяч человек должна быть проведена еще в течение текущего года».

Подобные же отчеты были получены от других гаулейтеров на том же заседании.

Насильственный вывоз населения, о котором сообщалось в этих документах, заключался не только в том, что несчастные жертвы принуждались оставлять свои дома и жить в другом месте. Эти вывозы проводились согласно плану, они проводились самыми жестокими, бесчеловечными способами.

Документ ПС-1918 (США-304) является записью речи, произнесенной Гиммлером перед офицерами СС в день годовщины введения нацистского режима. В документе нет даты, но содержание его показывает, что речь была произнесена через некоторое время после захвата Польши.

«Очень часто член «Ваффен СС» думает о вывозе этих людей. Эти мысли пришли также в голову и мне, когда я наблюдал за очень трудной работой, которую проводит здесь полиция безопасности при содействии наших людей, оказывающих ей очень большую помощь. То же самое случилось в Польше при 40 градусах ниже нуля, когда мы должны были вывозить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч и когда нам пришлось найти в себе жестокость — вы должны услышать это, но затем забыть это навсегда — расстреливать тысячи руководящих деятелей из числа поляков».

Те поляки из включенных в империю районов, которые сумели выжить в результате этого путешествия в генерал-губернаторство, могли ждать в будущем только невероятных трудностей, унижения и жестокостей.

В документе под номером ЕС-3416 (США-297) содержится заявление Франка о том, что польская экономика должна быть доведена до такого уровня, когда она будет производить лишь самое необходимое для того, чтобы население могло перебиваться с хлеба на воду.

В документе ЕС-410 (США-298) говорится, что вся промышленность Польши, которая не является абсолютно необходимой для поддержания минимального уровня существования польского населения, должна быть вывезена в Германию. Для евреев, которые насильно вывозились в генерал-губернаторство, не оставалось никакой надежды. Их фактически вывозили в могилу. Подсудимый Франк заявил (дневник Франка за октябрь—декабрь 1941 года, документ ПС-Д-2233 США-281):

«Мы должны уничтожить всех евреев, где бы мы их ни находили и где это только возможно».

Я обращаюсь теперь к той части программы заговорщиков, которая включала насильственную германизацию — онемечивание населения.

Документ ПС-686 (США-305) является копией секретного декрета, подписанного 7 октября 1939 г. Гитлером и подписанными Герингом и Кейтелем. Этим декретом на Гиммлера возлагалась задача проведения программы германизации.

«На рейхсфюрера СС (Гиммлера) в соответствии с моими директивами возлагаются следующие обязанности:

1. Осуществить возвращение обратно в империю всех лиц германской национальности и полноценных в расовом отношении немцев из иностранных государств.

2. Уничтожить вредное влияние тех чуждых элементов населения, которые представляют опасность для империи, для германского народа.

3. Создать новые германские поселения путем переселения и, в особенности, путем расселения возвращающихся из-за границы в Германию граждан и полноценных в расовом отношении немцев. Рейхсфюреру предоставлено право принимать все необходимые общие и административные меры для проведения в жизнь его обязанностей».

Представления самого Гиммлера о характере его задач, вставших перед ним вследствие этого декрета, очень ясно выражены в предисловии, которое он написал к «Дейче Арбейт» (выпуск за июнь — июль 1942 года). Это предисловие содержится в документе ПС-2915 (США-306).

«Нашей задачей является германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть учить народ немецкому языку и немецкому закону. Наша задача проследить за тем, чтобы только люди германской крови жили на Востоке».

Документ за номером ПС-2916 (США-307) содержит разнообразные материалы, взятые из «Дер Меншенайнзатц» за 1940 год. Это довольно ограниченное по своему распространению издание, которое выпускалось управлением по консолидации немецкой национальности, возглавляемым Гиммлером.

«Устранение иностранного населения из включенных в империю восточных территорий является одной из важнейших задач, которая должна быть нами проведена в жизнь на германском Востоке. Это главная политическая задача, которая должна быть проведена на восточных территориях рейхсфюрером СС и рейхскомиссаром по консолидации германской национальности».

В другом документе (ПС-1420) говорится: «Первоначальные причины, которые сделают абсолютно необходимым возвращение в империю потерянной немецкой крови, таковы:

1. Предотвращение дальнейшего роста польской интеллигенции путем включения в нее германских семей, даже если они ополячиваются.

2. Увеличение населения расовыми элементами, желательными для германской нации, и приобретение безупречных с биологической точки зрения источников для воссоздания германского сельского хозяйства и промышленности).

Особый свет на эту программу германизации захваченных восточных территорий, проводившуюся заговорщиками, бросает речь, произнесенная Гиммлером 14 октября 1943 г. (документ США-308).

Гиммлер сказал: «Я считаю, что в вопросе, касающемся населения иностранных государств, в особенности славян, мы должны исходить из немецкой точки зрения, внушать этим людям правильные немецкие идеи и логические умозаключения, которые они вообще неспособны воспринять, но мы должны принять их такими, как они есть. Конечно, при таком смещении людей могут найтись хорошие расовые типы. Поэтому я полагаю, что нашим долгом будет взять себе их детей для того, чтобы убрать их из нежелательного окружения и, если будет необходимо, даже просто выкрадывать или отнимать детей насильно. Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Гиммлер далее заявил: «Для нас конец этой войны будет означать открытую дорогу на Восток, создание немецкой империи тем или другим путем и возвращение домой 30 миллионов человек нашей крови. Таким образом, еще при жизни нашего поколения мы станем народом в 120 миллионов человек. Это означает, что мы будем единственной решающей силой в Европе. Это означает, что мы сможем тогда получить мир и в течение ближайших 20 лет перестроить и расширить наши деревни и города, расширить границы нашего германского государства еще на 500 километров на Восток».

Для проведения этого сумасбродного плана гитлеровцы ввели расовую регистрацию во включенных в империю районах Польши. Эта система регистрации является разработанной методикой классификации людей, которые должны были, по мнению немцев, обладать немецкой кровью. В каждой графе этой классификации содержались указания на некоторые права и привилегии, а также обязанности каждой из групп.

Система расовой регистрации была одобрена декретом от 12 сентября 1940 г., изданным и подписанным Гиммлером как рейхсуполномоченным по консолидации германской нации. Декрет содержится в документе ПС-2916 (США-307).

«(Только для служебного пользования): Список этнических немцев подразделяется на четыре категории.

1. Этнические немцы, активно участвовавшие в этнической борьбе. Кроме принадлежности к немецким организациям, всякая другая деятельность в пользу немцев против иностранного государства также должна рассматриваться как факт такой активности.

2. Этнические немцы, которые не действовали активно в пользу германской национальности, но которые сохранили вполне очевидные черты германского происхождения.

3. Лица германского происхождения, которые были тесно связаны с польской нацией в течение многих лет, но которые хотят стать полноправными членами германской расы. К этой группе принадлежат также люди негерманского происхождения, которые находятся в смешанном браке с этническими германцами и на которых благотворно сказалось влияние немецкого супруга. К этой группе принадлежат также лица, происходящие от Мазурской, Слонзакской и Верхнесилезской ветвей, которые признаются этническими немцами.

4. Лица германского происхождения, политически поглощенные польской нацией (ренегаты).

Лица, которых не следует включать в список этнических немцев: поляки и лица иностранного происхождения. Обращение с ними устанавливается в другом декрете.

Члены третьей и четвертой групп этнических немцев могут быть использованы для реконструкции Востока. Различие между первой и второй группами очень важно для национализма. Только лица первой группы могут быть приняты в партию согласно указаниям заместителя фюрера. Лица третьей и четвертой групп должны быть воспитаны как полноценные немцы, то есть они должны быть снова онемечены с течением времени путем специальной воспитательной системы внутри старой Германии. Ни одна капля германской крови не должна быть употреблена в пользу иностранцев.

Отношение к членам четвертой группы должно определяться тем, что против тех, кто противится германизации, полиция безопасности должна принять жесточайшие политические меры».

Основной принцип расовой регистрации был изложен в декрете от 3 марта 1941 г., подписанном Гиммлером и подсудимыми Фриком и Гессом. Этот декрет напечатан в «Рейхсгезетц-блатт» за 1941 год, часть 1, страница 118.

Весь аппарат СС был брошен на активное проведение этих декретов. Вот еще документ Р-112 (США-309) — декрет, изданный Гиммлером 16 февраля 1942 г. как рейхскомиссаром по консолидации германской нации.

«I. Там, где расовые немцы еще не явились для включения в «германский этнический список», вы должны инструктировать подчиненные вам организации, передавать их имена государственной полиции безопасности (главному управлению), а затем сообщать об этом мне.

II. Местные управления полиции позаботятся о том, чтобы лица, чьи фамилии были переданы в полицию, в течение 8 дней явились для того, чтобы включиться в список германских этнических немцев. Если они не явятся, они должны быть подвергнуты предварительному заключению для последующей отправки их в концентрационные лагеря».

Меры, которые были предприняты против лиц четвертой категории, называемых гитлеровцами «колонизированными немцами», были жестокими. Эти люди сопротивлялись онемечиванию и должны были подвергаться, согласно предписанию, самым жестоким мерам воздействия. Там, где предыстория или биография человека показывала, что его будет трудно германизировать, его просто бросали в концентрационный лагерь. Некоторые из этих мер изложены в подразделе «А» второго раздела на странице 5 документа P-112 — второго декрета, датированного 16 февраля 1942 г.

«Регерманизация колониальных немцев предполагает их полнейшее отделение от польского окружения. Для этой цели лица, входящие в четвертую группу этнического списка, должны быть подвергнуты следующим мерам:

1. Их нужно переселить на территорию германской империи.
2. Руководители СС и главного управления полиции безопасности должны провести эвакуацию и переселение их согласно инструкциям, которые будут даны позже;
3. Социально опасные лица и другие, которые с точки зрения наследственности находятся на низком уровне, не должны входить в списки для переселения. Их имена должны быть немедленно переданы высшему руководству СС и полиции (инспектору службы безопасности), а от них — в главное имперское управление полиции безопасности, которое займется тем, что отправит их в концентрационные лагеря.

4. Лица, имеющие очень плохую политическую характеристику, не должны быть включены в списки для переселения. Их имена также должны быть переданы управлению СС и соответствующим органам имперского управления безопасности для отправки их в концентрационные лагеря. Жены и дети таких людей должны быть переселены на территорию империи и включены в список мероприятий по германизации. Там, где жены также имеют очень плохую политическую характеристику и не могут быть включены в список для переселения, они должны быть переданы имперскому управлению безопасности для за-

ключения об отправке в концлагерь. В таких случаях дети должны быть отняты у родителей и с ними должны обращаться согласно параграфу 3, абзацу 2 настоящего декрета.

Лица, которые обладают особенно плохой политической характеристикой, например, оскорбляли немецкую нацию, участвовали в преследованиях немцев, в бойкотах и т. д. и т. п., должны быть также отправлены в лагеря».

В соответствии с программой германизации гитлеровцы, как прежде было указано, предприняли шаги к тому, чтобы переселить большое количество немцев, оказавшихся проверенными с точки зрения нацистских убеждений, во вновь захваченные районы. Эта часть их программы будет совершенно ясна из статьи обергруппенфюрера СС и генерала полиции безопасности Вильгельма Копэ, одного из доверенных агентов Гимmlера (документ ПС-2915, США-306).

«Победа германского оружия на Востоке, — говорится в статье, — должна вызвать победу германской расы над польской расой, если захваченные восточные территории согласно воле фюрера с этого времени навсегда останутся существенной составной частью великой германской империи. Поэтому чрезвычайно важно проникнуть в захваченные немцами районы и заселить их германскими фермерами, рабочими, служащими, торговцами и ремесленниками для того, чтобы мы могли создать там крепкий и жизнеспособный бастион германского народа, чтобы он явился для нас стеной против проникновения иностранного влияния и, возможно, трамплином для расового проникновения далее, в глубь восточных территорий».

В генерал-губернаторстве было сравнительно мало людей, которые подходили под категории, установленные гитлеровцами. Таким образом, мало было проку от расовой регистрации, которая распределяла на группы граждан германского происхождения во включенных в империю районах.

Немцы старались: а) превратить генерал-губернаторство в колонию Германии, б) создать так называемые «германские поселенческие островки». Эти островки должны были создаваться путем переселения лиц германского происхождения.

Документ ПС-910 (США-310) — это секретные заметки, помеченные: «Министерство внутренних дел. Краков, 30 марта 1942 г.». Они касаются заявления Гимmlера относительно «плановой германизации» генерал-губернаторства.

«Рейхсфюрер Гимmlер высказал свои соображения по поводу проведения пятилетнего плана переселения после войны, с тем чтобы заполнить новые германские восточные территории. Предполагается впоследствии создать такие условия, при которых в Крыму и в прибалтийских районах будет проживать высший немецкий класс. Что касается генерал-губернаторства,

может быть, следует прежде всего организовать там островные немецкие поселения. Однако еще нет окончательного решения по этому вопросу. Во всяком случае желательно, чтобы сначала была проведена значительная колонизация по берегам Сана и Буга таким образом, чтобы польские поселения были окружены другим иностранным населением.

До сих пор факты доказывали, что такого рода поселения быстрее всего ведут к желанной нацификации».

Документ ПС-2233 (США-311) — дневник подсудимого Франка, 1941 год, том 2, страница 317.

Франк писал в своем дневнике: «Благодаря героическому мужеству наших солдат эта территория стала немецкой. И придет время, когда долины Вислы от ее истоков до ее устья станут немецкими, такими же немецкими, как и долина Рейна».

Документ ПС-1352 представляет собой отчет Кунше от 22 мая 1940 г., озаглавленный «Подробности конфискации в районе Белице». Кунше писал в нем:

«Несколько дней тому назад комендант концентрационного лагеря, который строится сейчас в Освенциме, говорил с руководителем группы кадров Мюллером и требовал поддержки для проведения в жизнь своих функций. Он сказал, что совершенно необходимо конфисковать сельскохозяйственную собственность вокруг строящегося лагеря на протяжении нескольких миль, поскольку не только поля, но и жилые дома непосредственно примыкают к лагерю. Проведенная 21-го числа этого месяца проверка показала, что нет ни малейшего сомнения в том, что все эти сельскохозяйственные владения или дворы должны быть конфискованы. Комендант лагеря требует также передачи ему некоторого количества земли для того, чтобы заключенные в лагере имели достаточно работы. Все это также нужно сделать без всякой задержки, поскольку земли совершенно недостаточно...

...У меня произошел следующий разговор с главой управления труда в Белице. Недостаток сельскохозяйственных рабочих все еще существует в империи. Перевозка и транспортировка бывших собственников конфискованных хозяйств, а также их семей в империю вполне возможна без всяких дальнейших задержек. Необходимо только, чтобы управление труда получило список этих людей для того, чтобы предпринять необходимые шаги по организации транспорта и распределению людей по районам, которым необходимы рабочие руки...

Конфискация польских хозяйств в Альбене также должна быть проведена в течение ближайших нескольких дней.

Комендант концлагеря предоставит отряд СС и грузовик для проведения этой акции. Если будет невозможно вывезти всех

поляков из лагеря в Освенцим, они должны быть тогда переведены в пустой сейчас замок Затор. Освободившаяся польская собственность должна быть передана расовым немцам».

Документ Р-92 (США-312), датированный 15 апреля 1941 г., помечен инициалами рейхсфюрера СС, комиссара по консолидации германской нации, и назван: «Инструкция относительно применения закона о собственности поляков от 17 октября 1940 г. Для служебного пользования».

«Условия, которые разрешают захват собственности согласно подразделу 2, всегда имеются в наличии, если собственность принадлежит поляку. Тот факт, что вся польская собственность будет нужна для консолидации германской расы, не подлежит сомнению».

Прошу обратить внимание на данные о выполнении указанной инструкции. Эти данные показывают, что к 31 мая 1943 г. было уже захвачено поразительно большое число хозяйств (693 252 хозяйства, владевших 6 097 525 га). Кроме того, 9 508 хозяйств, владевших 270 446 га, были уже конфискованы в районе Данцига, в Познани, Силезии и Зихенау. Эти данные дают представление о размерах конфискации только в четырех областях. Этим заключаются наши данные о конфискации собственности в Польше.

Документ ПС-862 (США-313) — это совершенно секретный отчет, датированный 15 ноября 1940 г. и написанный генералом Фредериче — заместителем командующего вооруженными силами в Богемии и Моравии. «9 октября этого года, — говорится в документе, — канцелярия рейхспротектора провела официальное совещание, на котором выступил государственный советник генерал-лейтенант Франк.

Со времени создания протектората Богемии и Моравии партийные организации и промышленные круги, так же как и организации центральных властей в Берлине, встречались с трудностями в разрешении чешской проблемы. После длительных размышлений рейхспротектор высказал точку зрения по поводу различных планов в меморандуме. Таким образом, было предложено три пути для разрешения этого вопроса:

а) инфильтрация немцев в Моравию и снижение количества представителей чешской национальности в Богемии. Этот путь рассматривался как неудовлетворительный, потому что чешская проблема, хотя и в менее острой форме, все-таки продолжала бы существовать;

б) можно было бы привести много аргументов против более радикального разрешения вопроса, а именно против вывоза всех чехов. Поэтому меморандум приходит к заключению, что это решение должно быть отвергнуто, потому что оно не может быть выполнено в течение короткого времени;

с) ассимиляция чехов, то есть поглощение примерно половины чехов немцами, поскольку это важно с расовой точки зрения. Это можно провести также путем увеличения количества чехов на территории империи (за исключением пограничных судетских районов). Другими словами, нужно будет разбросать по всей империи чешскую национальность. Другая половина чешской национальности должна быть уничтожена и вывезена из страны любыми методами. Это относится в особенности к смешанным с расовой точки зрения частям населения и к большей части интеллигенции. Вряд ли можно будет идеологически обратить эту часть в другую веру; она по существу явится только бременем, потому что будет претендовать на руководство чехами и тем самым будет мешать быстрой ассимиляции их. Элементы, которые будут противодействовать планам германизации, должны быть устранены и уничтожены.

...Проведение такого мероприятия, естественно, предполагает увеличение количества немцев, переселенных с территории империи на территорию протектората. После обсуждения фюрер избрал последнее решение — ассимиляцию как мероприятие для разрешения чешского вопроса, однако внешне решил сохранять видимость автономии протектората, а по существу проводить германизацию централизованно, через канцелярию рейхспротектора, и делать это в течение ближайших лет. Из сказанного вооруженные силы не должны делать никакого вывода. В этой связи я ссылаюсь на свой меморандум, который был послан руководству вооруженными силами 12 июля 1939 г. (папка № 6/39, совершенно секретно).

Указанный меморандум, озаглавленный «Чешская проблема», является приложением к цитированному документу и адресован уполномоченному командующего вооруженными силами при рейхспротекторе Богемии и Моравии генералу от инфантерии Фредериче. С разрешения Суда я хотел бы дать некоторые комментарии к этому меморандуму.

Во-первых, я обращаю внимание на первое решение. Это решение требовало ввоза немцев в Моравию и насильственного вывоза чехов из Богемии. Как вы знаете, Моравия находится между Богемией и Словакией. Таким образом, решение «а» вызвало бы создание германского государства между Богемией и Словакией и тем самым мешало бы активному общению между чехами и словаками. Тем самым на пути исторического стремления к единению, существующего между этими двумя группами миролюбивых народов, создавалась преграда, а само существование Чехословакии ставилось под угрозу.

Решение «а», надо заметить, было отвергнуто потому, что выжившие чехи, хотя бы и «ограниченные» чертой оседлости в Богемии, все-таки представляли бы опасность для нацистов.

Решение «b», которое предполагало насильственное лишение всех чехов отечества, было отвергнуто не потому, что оно было признано слишком жестоким, а скорее потому, что оно не было достаточно быстрым и радикальным. Надо было найти более быстрый способ более радикального решения этой проблемы.

Решение «с» рассматривалось как самое желательное и было принято. Это решение предполагало прежде всего ассимиляцию половины чешского населения немцами, что означало:

aa) насильственную германизацию тех, кого считали расово полноценными.

bb) вывоз на рабский труд в Германию всех остальных.

Решение «с» далее фактически предусматривало уничтожение и вывоз «любого рода методами» второй половины чешского населения, особенно интеллигенции и тех, кто не отвечал расовым требованиям заговорщиков. Интеллигенция везде являлась пугалом для гитлеровцев. И чешская интеллигенция не составляла исключения, являясь примером противодействия и самопожертвования в борьбе с нацистской идеологией. Поэтому она, с точки зрения немцев, должна была быть уничтожена. «Все элементы, которые противодействуют плану германизации, должны подвергнуться жестокому обращению и уничтожению».

Это означало, что такая интеллигенция и другие недовольные элементы должны быть брошены немедленно в концентрационные лагеря или немедленно же уничтожены. Короче говоря, решение «с» попросту является практическим применением нацистской философии, которую выразил Гиммлер в своей речи: «Или мы приобретем хорошую кровь, которую мы сумеем использовать и дадим ей место среди нашего народа, или мы уничтожим эту кровь».

Грабеж в оккупированных странах Запада дополнялся: а) громадными оккупационными налогами, б) насильственными мошенническими операциями и с) конфискацией золота и иностранной валюты.

В качестве иллюстрации и для того, чтобы показать, что планы заговорщиков включали оккупированные страны Запада, как и восточные, мы представим документ за номером Р-114 (США-314) — меморандумы, датированные 7 и 29 августа 1942 г. Они найдены в личных архивах Гиммлера. Первый меморандум освещает совещание офицеров СС у Гиммлера. Он озаглавлен: «Основное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами». Второй меморандум, помеченный грифом «секретно», назван: «Перевод эльзасцев в собственно Германию». Меморандум показывает, что намечались планы, которые частично уже были проведены в жизнь, по вывозу эльзасцев, враждебно относившихся к немцам, и по германизации этой провинции.

В меморандуме, озаглавленном «Основное руководство по обращению с вывезенными эльзасцами», говорится: «Первая операция была проведена в Эльзасе в период с июля по декабрь 1940 года. В течение этой операции 105 тысяч человек были или высланы из Эльзаса или получили запрещение возвратиться на родину. Это были главным образом евреи, цыгане и другие лица чуждой расы, а также преступники, антиобщественные элементы или неизлечимые психически больные люди и, кроме того, французы и франкофилы.

Население, говорившее на местном диалекте, было прочесано и вывезено в результате целой серии облав, точно так же, как и другие эльзасцы. Гаулейтер Вагнер проводил все эти меры, ссылаясь на разрешение фюрера провести чистку Эльзаса от больных и ненадлежащих элементов. Он отмечал политическую необходимость такого вывоза и подчеркивал, что он должен быть проведен как можно скорее».

Вот вкратце те соображения, которые мы хотели представить Суду по данному вопросу.

Документ ПС-1708, США-255

ИЗ ПРОГРАММЫ НСДАП, ПРИНЯТОЙ В ФЕВРАЛЕ 1920 ГОДА

...§ 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания...

§ 6. Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, земле¹ или муниципалитете, назначались только граждане...

¹ Административно-территориальная единица (Land).— Составители.

УКАЗ

ФЮРЕРА И ИМПЕРСКОГО КАНЦЛЕРА
ОТ 30 ЯНВАРЯ 1940 г. О ПРАВЕ ПОМИЛОВАНИЯ
В ОККУПИРОВАННЫХ ПОЛЬСКИХ ОБЛАСТЯХ

В оккупированных польских областях я передаю генерал-губернатору оккупированных польских областей право утверждения смертных приговоров, а также право помилования и отклонения ходатайств о помиловании с правом дальнейшего передоверия. Я оставляю за собой право в отдельных случаях самому выносить решение...

§ 114. Постановление об уголовном судопроизводстве во время войны и в особых условиях от 17 августа 1938 г. (Собрание имперских законов 1939, 1, страница 1457) не затрагивается настоящим указом. Не затрагивается также положение о праве помилования по делам, подсудным СС и полиции.

Фюрер и имперский канцлер
Адольф Гитлер

Имперский министр юстиции
Доктор Гюртнер

(Имперский вестник законов 1940 года, часть 1, страница 399).

ДИРЕКТИВЫ ОТ 4 ДЕКАБРЯ 1941 Г.
ОБ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ РЕЙХА ИЛИ ПРОТИВ
ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ НА ОККУПИРОВАННЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ

ФЮРЕР И ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ

Копия с копии
СЕКРЕТНО

С началом русской кампании коммунистические элементы и другие антигерманские круги усилили свои атаки против рейха и оккупационных сил. Размеры и опасный характер этой деятельности создают необходимость применения в целях устрашения наиболее строгих мер против тех, кто несет ответственность за эти действия. Борьба с ними должна прежде всего вестись по следующим линиям:

I. На оккупированных территориях за уголовные преступления, совершенные негерманскими штатскими лицами и направленные против рейха или оккупационных сил и ставящие, таким образом, под угрозу безопасность и готовность их к действию, как правило, должна применяться смертная казнь.

II. Дела об уголовных преступлениях по статье первой настоящей директивы должны рассматриваться на оккупированных территориях только в тех случаях, если предполагается вынесение смертного приговора преступникам или по крайней мере является вероятным в отношении главных преступников и если представляется возможность организации очень быстрых судебных процессов и скорого приведения в исполнение смертных приговоров. В противном случае преступники или по крайней мере главные из них должны быть отправлены в Германию.

III. Дела о преступниках, которые отправляются в Германию, подлежат там рассмотрению по правилам военной процедуры лишь в том случае, когда такие меры обуславливаются особыми военными интересами. В случае запросов со стороны германской или иностранной администрации им следует отвечать, что данные лица арестованы и что на настоящей стадии процесса передача сведений о них не допускается.

IV. Командующие на оккупированных территориях и судебные власти несут личную ответственность за выполнение этих указаний.

V. Верховное командование вооруженными силами решает, на каких оккупированных территориях применимы эти директивы. Оно имеет право давать разъяснения, издавать правила для выполнения настоящих указаний, а также издавать дополнения к ним.

Министр юстиции рейха в области своей компетенции даст свои указания о мерах по приведению в исполнение директив в относящейся к нему области.

По поручению верховного главнокомандующего
вооруженными силами *Кейтель*

Точность копии удостоверена
(подпись)

Копия с копии
СЕКРЕТНО

ПЕРВЫЙ ПРИКАЗ О ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ
ДИРЕКТИВ ФЮРЕРА И ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ ПО УГОЛОВНОМУ
ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ РЕЙХА
ИЛИ ПРОТИВ ОККУПАЦИОННЫХ СИЛ НА
ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

На основании статьи V директив фюрера и главнокомандующего вооруженными силами об уголовном преследовании за преступления против рейха или оккупационных сил на оккупированных территориях от 4 декабря 1941 г. я объявляю приказ:

I. Для применения части I директив основанием может служить обычно следующее:

- 1) покушение на жизнь и здоровье,
- 2) шпионаж,
- 3) саботаж,
- 4) коммунистическая деятельность,
- 5) действия, могущие вызвать беспорядки,
- 6) изменнические действия путем:
  - (а) незаконного перехода через границу,
  - (б) попытки вступить в вооруженные силы враждебной державы,
  - (с) помощи членам враждебных военных сил (парашютисты и т. д.),

7) незаконное обладание оружием.

II. (1) Дела об уголовных преступлениях по I части директив должны рассматриваться на оккупированных территориях только при следующих условиях:

1. Должна существовать вероятность вынесения смертного приговора преступникам или по крайней мере главным преступникам.

2. Судебный процесс должен быть по возможности более кратким, и смертный приговор должен быть приведен в исполнение в наикратчайший срок (не позднее, чем через неделю после ареста виновного).

3. Особые политические соображения не должны служить препятствием к немедленному приведению в исполнение смертных приговоров.

4. Кроме как за убийство или за участие в партизанской войне в отношении женщин не следует предусматривать применения смертной казни.

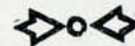
5. В случае отмены приговора, вынесенного в соответствии с частью I, дело может быть рассмотрено вторично на оккупированной территории, если в действиях имеются признаки ст. ст. 1, 3 и 4 части I директив.

...V. Ради обеспечения безопасности государства судопроизводство в Германии должно вестись только в закрытом судебном заседании. Иностранцы свидетели могут быть допрошены во время суда лишь с согласия верховного командования вооруженными силами.

...VII. (1) Директивы вступают в силу по истечении трех недель после подписания их. Они должны применяться впредь до отмены или изменения их на всех оккупированных территориях, за исключением Дании.

(2) Директивы не затрагивают правил, изданных в отношении недавно оккупированных восточных территорий...

Начальник верховного командования
вооруженных сил *Кейтель*

ОБЪЯВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА
ВАРШАВСКОГО РАЙОНА ФИШЕРА О СМЕРТНОЙ
КАЗНИ ЗА ПОВРЕЖДЕНИЕ
ВОЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Частые случаи повреждений военных сооружений и установок, необходимых для защиты страны, дают мне повод указать на то, что изъятие даже самых незначительных предметов из этих сооружений и установок (например, деревянных столбов и небольших железных частей) выводит их из строя.

Преднамеренные и сознательные повреждения немецких сооружений и установок приказом о борьбе с актами насилия в генерал-губернаторстве от 31 октября 1939 г. караются смертной казнью.

Я сохраняю за собой право в тех случаях, когда виновник преступления не будет обнаружен, подвергать аресту заложников из числа жителей тех областей, на территории которых было совершено преступление.

Варшава, май 1941 года

Губернатор Варшавского района *Фишер*

УДОСТОВЕРЕНИЕ

На основании данных, добытых следствием, произведенным прокуратурой Польской Республики, удостоверяю, что приложенная фотокопия представляет собой фотографический снимок плаката на столбе для публикации в Варшаве. Этот плакат содержит распоряжение варшавского губернатора доктора Фишера с его же подписью от мая 1941 года.

Нюрнберг, 7 июня 1946 г.

Доктор *Станислав Пиотровский*, член Главной комиссии по расследованию немецких злодеяний в Польше и член польской делегации при Международном Военном Трибунале в Нюрнберге.

О СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ПОЛЯКОВ И
ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

ГЛАВНОЕ ИМПЕРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
БЕЗОПАСНОСТИ
ПА2 № 567/42 — 176

СЕКРЕТНО
Берлин, 5 ноября 1942 г.
СРОЧНО

- a) Начальникам и фюрерам полиции безопасности
  - b) Командующим и инспекторам полиции безопасности и СД
  - c) Руководителям госуд. полиции
  - d) Командирам полиции безопасности и СД
  - e) Руководителям уголовной полиции
  - f) Руководителям СД
- Для сведения I, III, IV и V отделам по 5 экземпляров.

ПО ВОПРОСУ: СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ
ПОЛЯКОВ И ДРУГИХ ВОСТОЧНЫХ НАРОДОВ

I. Рейхсфюрер СС и имперский министр юстиции Тирак пришли к соглашению относительно того, чтобы положения юстиции не распространялись на судопроизводство по делам польских и других восточных народов.

В будущем лиц негерманского происхождения необходимо передавать полиции.

Соответственно обращаться также с евреями и цыганами.

Данное соглашение одобрено фюрером.

Во исполнение соглашения главное имперское управление безопасности совместно с имперским министерством юстиции разработали положение, которое к 1 января 1943 г. вступит в силу.

II. В основе упомянутого соглашения лежат следующие соображения:

Поляки и восточные народы — люди низшей расы, живущие на территории немецких имперских областей. Отсюда для немецкого народного порядка возникает значительная опасность, приводящая к мысли о том, что для негерманцев необходимо установить иной порядок судопроизводства, чем для немцев.

Это положение до сих пор недостаточно учитывалось.

Лишь в Польше специальным распоряжением от 4 декабря 1941 г. («Рейхсгезетцбух», РГВІ, 1, страница 759) в области судопроизводства по делам поляков и евреев присоединенных к рейху восточных областей принято особое положение.

Но и это не содержит окончательного разрешения всех тех вопросов, которые вытекают из совместного существования немцев и немцев.

Упомянутое положение устанавливает лишь более строгие меры наказания и вводит в Польше упрощенное судопроизводство. Однако это положение проходит мимо вопроса о том, что из государственных политических соображений немцы подлежат иному, чем немцы, обращению. По сути дела, это положение, несмотря на всю жестокость и суровость, распространяет основные черты немецкого судопроизводства на поляков. Следовательно, при рассмотрении дел о поляках применяются в основном те же критерии, что и при рассмотрении дел о немцах, то есть судья принимает во внимание личность преступника и стремится путем всесторонней оценки личных мотивов преступника найти решение, соответствующее интересам всего народа.

Эти соображения, могущие быть правильными при рассмотрении дел о немцах, неправильны при рассмотрении дел о негерманцах.

При осуждении негерманца личные мотивы преступника должны полностью отбрасываться.

Мерилом при этом может служить то, насколько его преступление угрожает немецкому порядку, и отсюда, какие меры должны быть предприняты, чтобы устранить эту угрозу.

Иными словами, преступление негерманца нужно рассматривать под углом зрения полицейской охраны безопасности, а не с точки зрения юридического искупления.

Следовательно, необходимо передать судопроизводство по делам негерманцев из рук юстиции в руки полиции.

III. Вышеизложенное служит для личного сведения, но в случае необходимости в соответствующей форме можно ставить гаулейтеров в известность.

С подлинным верно: *Штрекенбах.*

Документ ПС-1113

ОТЧЕТ ОБ ОПЕРАЦИИ «БОЛОТНАЯ ЛИХОРАДКА»

НАЧАЛЬНИК СС И ПОЛИЦИИ
БЕЗОПАСНОСТИ В ОСТЛАНДЕ
2000/42 г.

СЕКРЕТНО

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ — «БОЛОТНАЯ ЛИХОРАДКА»

По приказу рейхсфюрера СС и начальника германской полиции было завершено мероприятие «Болотная лихорадка» 21/9 — 42 г. в 12 часов.

В общем о действиях в период с 21/8 по 21/9 — 42 г., проведенных с целью уничтожения банд¹, выступающих в генеральном округе Белоруссия, можно сказать следующее:

1. Положение неприятеля

При вступлении штаба вторжения (Эйнзатцштаб) в Минск выяснилось следующее положение.

По поступившим сведениям, исходящим как от органов гражданского управления, так и от полицейских учреждений, от командира полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии, от транспортных комендатур, от различных военных учреждений, деятельность банд приняла в Белоруссии невиданный размах.

Террористические акты, разграбление, уничтожение запасов урожая, особенно поджоги государственного имущества и уничтожение сельскохозяйственных машин, нападение на гражданских и военных лиц, особенно на транспорт, повреждение дорог и железнодорожного транспорта с применением взрывов дорог, мостов, а также минирование — имели место непрерывно. Говорят, что в отличие от прежнего бандиты выступили большими военными соединениями, численностью до 2 тысяч человек. Эти враждебные мероприятия приняли, по имеющимся данным, такие размеры, которые серьезнейшим образом угрожают безопасности и порядку в стране и дают основания считать, что нет больше предпосылок для нормальной жизни.

¹ Так гитлеровцы именовали партизан. — Составители.

Однако в ходе предпринятых крупных мероприятий, а также благодаря поездкам, предпринятым с целью разведывания, и частично благодаря полетам над территориями, которые считаются особо опасными, выявилась картина, существенно отличающаяся от того, что изображалось. Следует отметить тот факт, что из-за распространения банд Белоруссия стала очагом беспокойства, а это настойчиво требует немедленных контрмер.

Приведенные данные о численности сил следует, однако, как показывает опыт, принимать с оговоркой. Они в общем оказались слишком велики, что находит свое объяснение и в том, что они опираются на поддержку местных жителей.

Нельзя представить, чтобы бандиты действовали сообща в количестве нескольких сот человек, напротив, на основе опыта, полученного в результате борьбы, можно определенно считать, что большинство террористических актов проводилось небольшими и даже мелкими группами, распространившимися по всей стране.

Далее выявилось несомненно, что бандиты уклоняются от боя там, где им противостоят численно превосходящие вооруженные силы. Они переходят в наступление только тогда, когда заранее обеспечен успех вследствие благоприятного соотношения сил при любых обстоятельствах. Тот факт, что они выступают в значительной части как простые крестьяне и возчики и, таким образом, внешне не выделяются как бандиты, чрезвычайно затрудняет ловлю их и уничтожение.

По изложенным причинам правильно мнение о том, что действенной борьбы с бандитизмом можно добиться лишь посредством децентрализации имевшихся сил и распределения на возможно большее число опорных пунктов.

Соединения не должны ограничиваться пребыванием в определенном месте, они должны активно наступать повсюду, где им сообщается о насильственных мероприятиях на выделенной им для наведения порядка территории.

В результате моторизованного налета жандармерии и роты шуцманов 15-го батальона в бою расстреляно 70 бандитов¹.

Во время проведения мероприятий убито 389 бандитов, осуждено и расстреляно 1274 подозреваемых, приведены в исполнение смертные приговоры в отношении 8350 евреев, эвакуировано 1217 человек.

Обергруппенфюрер СС (подпись)

¹ Приводятся результаты мероприятий «Болотная лихорадка» по одному району Мациевичи за 2—3 сентября 1942 г. — Составители.

ПРИКАЗ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1942 Г. В ДОПОЛНЕНИЕ К УГОЛОВНЫМ ПРЕДПИСАНИЯМ В ЗАНЯТЫХ ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ

На основании § 8 приказа фюрера об управлении занятыми восточными областями от 17 июля 1941 г. приказываю:

Местным жителям вести себя согласно германским законам и изданным для них распоряжениям германских властей. Если они не являются германскими подданными и лицами немецкой национальности, на них распространяются нижеследующие предписания о наказаниях:

§ 1. Смертной казнью, а в менее тяжких случаях каторгой наказывается тот: кто применит насилие против германской империи или против установленной в занятых восточных областях верховной власти; кто применит насилие против германского подданного или лица немецкой национальности за его принадлежность к немецкой национальности; кто применит насилие против служащего германской армии или вневойсковой организации германской полиции, включая ее вспомогательные силы, учреждений трудовой повинности германских властей или учреждений и организаций НСДАП; кто призывает или побуждает к неподчинению изданному немецкими властями приказу или распоряжению; кто преднамеренно наносит вред мероприятиям германских властей, учреждений или вещам, используемым в деятельности последних, и общественному благу; кто содействует антинемецким стремлениям или организационно поддерживает объединения, запрещенные германскими властями; кто участием во враждебной или подстрекательской деятельности обнаруживает антинемецкие взгляды или своим прочим поведением умаляет или наносит ущерб авторитету или благу германского государства или немецкого народа; кто преднамеренно совершает поджог и тем самым наносит ущерб общегерманским интересам или состоянию германского подданного или лица немецкой национальности.

§ 2. К смертной казни, а в менее тяжких случаях к каторге приговаривается тот, кто договаривается о совершении подлежащего наказанию поступка, предусмотренного § 1, вступает

в серьезные переговоры по данному вопросу, предлагает свои услуги или принимает такое предложение или же кто имеет достоверные сведения о таком поступке или его замысле в момент, когда опасность еще может быть предотвращена, и умышленно не сообщает об этом заблаговременно германским властям на месте или угрожаемому лицу.

§ 3. К смертной казни присуждается также для искупления не предусмотренного § 1 и 2 наказуемого преступления, если оно, согласно общим германским уголовным законам и распоряжениям германских властей, не карается смертной казнью, но свидетельствует об особенно низменных побуждениях или является особенно тяжким по другим причинам; в таких случаях смертная казнь допустима по отношению к несовершеннолетним, совершившим тяжкие преступления.

§ 4. 1. Если недостаточно оснований для предания военному суду, приговор выносит особый суд.

2. Это не касается изданных для вооруженных сил специальных положений.

§ 5. 1. Поскольку в пункте 3 раздела 1 и в разделе 2 приказа об уголовном судопроизводстве по делам о поляках и евреях присоединенных восточных областей от 4 декабря 1941 г. предусмотрены более суровые мероприятия, они соответственно распространяются на поляков и евреев в занятых восточных областях...

2. Рейхскомиссар может распорядиться о применении этих предписаний и к другим группам населения.

Рейхсминистр оккупированных восточных областей
Розенберг

Берлин, 17 февраля 1942 г.

Документ ЮК-49

УПРОЩЕНИЕ ПОРЯДКА ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕВЕНТИВНОГО АРЕСТА ПОЛЯКОВ

ШЕФ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ
И СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ
IVC2 общий № 42 156

Берлин, 4 мая 1943 г.

ДОВЕРИТЕЛЬНО

а) Начальникам отделов государственной полиции

Содержание: УПРОЩЕНИЕ ПОРЯДКА ПРИМЕНЕНИЯ
ПРЕВЕНТИВНОГО АРЕСТА

Основание: Указы имперского министра внутренних дел
от 25 января 1938 г. I № 70/37-179
и от 4 октября 1939 г. № 100/39-179.

Рейхсфюрер СС и начальник немецкой полиции, в соответствии с моими предложениями, решил изменить существующие правила применения превентивного ареста и заключения в концентрационные лагеря всех задержанных поляков. Эта упрощенная процедура вводится на все время войны.

В соответствии с этими указаниями настоящим дается право следующим должностным лицам самостоятельно производить превентивные аресты и отправку задержанных поляков в концентрационные лагеря начиная с 15 мая 1943 г.:

руководителям отделов государственной полиции и комендантам полиции безопасности и службы безопасности и старшим офицерам постольку, поскольку данное дело находится в их непосредственном ведении.

Не допускается самостоятельно превентивный арест следующих категорий лиц: признанных происходящими из немцев, принадлежащих к аристократии, видных руководителей экономической жизни, политических и духовных руководителей, старших офицеров в отставке, лиц духовного звания (епископов и выше), а также в других случаях, имеющих особый характер.

В случае необходимости производства превентивного ареста лиц вышеупомянутых категорий разрешение на это, как и прежде, должно быть получено от РСХА.

Польские граждане, вступившие в связь с немецкими женщинами, должны быть подвергнуты расовому исследованию и в случае отсутствия данных для включения их в немецкую нацию они должны быть заключены в концентрационные лагеря и использованы там в качестве рабочих... В сомнительных случаях должно быть немедленно затребовано указание РСХА...

В принципе концентрационные лагеря будут использоваться для превентивного ареста. Никакие освобождения польских заключенных не будут иметь места во время войны. Если все же в особых случаях освобождение поляка от превентивного ареста в концентрационном лагере окажется необходимым, прошение должно быть подано в РСХА в каждом отдельном случае с указанием всех особых оснований...

Кальтенбруннер

Документ ПС-389, Р-98

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ

ВЕРХОВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ВФСТ
(ОТД. Л./IV КВ.)
№ 002060/41. ТАЙН. КАНЦ.

ГЛАВНАЯ КВАРТИРА ФЮРЕРА
16. IX/41.
Изготовлено в 40 экз.
Экз. № 25.

Содержание: КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОККУПИРОВАННЫХ ОБЛАСТЯХ

...2. Применявшиеся до сих пор средства для подавления коммунистического движения оказались недостаточными. Фюрер приказал, чтобы везде применялись более острые меры, чтобы в кратчайший срок сломить это движение...

3. Таким образом, необходимо действовать согласно следующим инструкциям:

а) В каждом случае возмущения против немецких оккупационных властей, независимо от того как складываются обстоятельства, следует усматривать коммунистические источники возмущения.

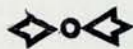
б) Чтобы в корне подавить недовольство, необходимо по первому же поводу незамедлительно предпринимать наиболее жестокие меры, чтобы утвердить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необычной жестокости. В качестве репрессии за жизнь одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна применяться смертная казнь 50—100 коммунистов. Способ казни должен усугублять степень устрашающего воздействия.

Иная линия поведения, в первую очередь связанная с относительно мягкими наказаниями и ограничивающаяся лишь угрозой применения более суровых мер, не соответствовала бы этим основным правилам и поэтому не должна иметь места.

с) В тех случаях, когда в виде исключения дела, связанные с коммунистическими восстаниями и прочими преступлениями против немецких оккупационных властей, будут передаваться на рассмотрение военных судов, предлагается применять самые суровые наказания.

Действенным средством устрашения может при этом быть только смертная казнь. Особенно должны караться преимущественно смертью шпионаж, акты саботажа и попытки вступить в чужестранные армии. Смертью, как правило, должно также караться незаконное хранение оружия.

Кейтель

Документ ПС-2233

ИЗ ДНЕВНИКА ГАНСА ФРАНКА

Протокол совещания начальников отделов
от 2 декабря 1939 г.

Страница 1.

Генерал-губернатор рейхсминистр доктор Франк открывает конференцию подробным изложением задач правительства генерал-губернаторства. Совершенно необходимо, чтобы учитывалась важность политических задач при выполнении чисто формальных требований управления. Потребуется мужчины, которые найдут в себе мужество разрешать новые задачи по-новому и освободятся от шаблонов и навыков, которые они, возможно, принесли с собой. То, что правильно в рейхе, далеко не всегда будет правильным для генерал-губернаторства. В генерал-губернаторстве недействительно то, что написано в законодательстве рейха... Для правильной деятельности в генерал-губернаторстве важна лишь воля фюрера рассматривать эту область как первую колониальную область немецкой нации. Для генерал-губернаторства основной является точка зрения германизма.

Страница 2.

Для нового управления генерал-губернаторства еще важно следующее: вся эта область в целом является трофеем (добычей) немецкого государства. Поэтому не следует, чтобы эта область разграблялась по частям, она как целое должна быть предоставлена в распоряжение нашего хозяйства и должна послужить для блага немецкого народа.

Протокол второго совещания начальников
отделов от 8 декабря 1939 г.

Франк сообщил о своей беседе с Герингом.

Назначение генерал-губернатора полномочным представителем уполномоченного по проведению четырехлетнего плана будет иметь своим последствием то, что в генерал-губернаторстве

в отношении хозяйственной политики ни одно мероприятие не может быть проведено без одобрения генерал-губернатора. Задачей генерал-губернатора является выжать из генерал-губернаторства все самое ценное и полезное для рейха.

Обергруппенфюрер СС Крюгер сообщил, что начиная с 1 декабря в Германию, по заданию Франка, ежедневно отправляется несколько поездов с поляками и евреями. Такие транспорты будут отправляться примерно до середины декабря.

Генерал-губернатор объявил об издании исчерпывающей инструкции о том, что трудовая повинность распространяется также на 14—18-летних.

Страницы 4, 11.

На совещании начальников отделов 19 января 1940 г. Франк заявил:

«15 сентября 1939 г. мне было дано приказание принять на себя управление завоеванными восточными областями. При этом я получил особое задание рассматривать это приобретение как военную зону, как военную добычу, безоговорочно выкачать оттуда все, превратить ее в хозяйственном, социальном, культурном и политическом отношении в груды развалин. Сегодня же генерал-губернаторство рассматривается как ценная составная часть немецкого жизненного пространства...

...Мое отношение к полякам можно сравнить с отношением муравья к древесной тле. Если я дружелюбно отношусь к поляку, его по-приятельски щекочу, то делаю я это исходя из того, что его работоспособность принесет мне пользу. Это является чисто тактически-технической, но не политической проблемой...

Там же, где вопреки мероприятиям производительность труда не увеличится, или там, где я найду малейший повод для вмешательства, я не отступлю и от проведения драконовских мер».

Протокол совещания начальников отделов
от 8 марта 1940 г.

Страница 7.

В генерал-губернаторстве не существует более высокого авторитета, чем авторитет генерал-губернатора. Даже вооруженные силы не имеют здесь никаких правительственных или чиновничьих функций, они имеют здесь только задачу обеспечить безопасность и выполнение общих солдатских обязанностей, но не имеют никакой политической власти. То же самое относится к полиции и СС. Здесь нет никакого государства в государстве, мы же являемся представителями фюрера и рейха.

Страница 12.

...На основании исчерпывающего приказа фюрера я поставил в зависимость от моего предварительного одобрения и непосредственного проведения карательных мероприятий. Ни один смертный приговор суда не может быть приведен в исполнение без моего предварительного одобрения. Проведение массовых карательных мероприятий должно практиковаться и впредь. Мы опять восстановим профессиональное образование польского народа, но в таком объеме, чтобы оно соответствовало низшей ступени немецкой средней технической школы. Ясно также, что эти мероприятия не должны означать, что мы предоставили польским элементам возможность принять хотя бы малейшее участие в управлении генерал-губернаторством.

Страница 14.

В общем можно сказать, что нам придется считаться с ростом противоречий, возникающих по отношению к нам в кругах польской интеллигенции, церкви и высших офицеров. В наличии имеются уже организационные формы, направленные против нашего господства в этой стране. Однако малейшая попытка полячества предпринять что-либо против нас приведет к невероятно жестокой кампании по уничтожению поляков. Тогда я не испугался бы применения карательного полка и тех мероприятий, которые он проведет. Я отдал приказ о том, чтобы несколько сот членов таких тайных организаций были арестованы на три месяца с тем, чтобы в ближайшее время ничего не случилось. Последними словами, которыми фюрер напутствовал меня, были: «Позаботьтесь о том, чтобы там было абсолютное спокойствие, я не могу допустить, чтобы на Востоке отсутствовало спокойствие». Об этом я позабочусь.

Совещание начальников отделов
12 апреля 1940 г.

Страница 8.

Только тогда можно будет без трений начать политику онемечивания генерал-губернаторства, когда область Варты, Восточная Пруссия, Данциг, юго-восточные районы и Верхняя Силезия станут немецкими в том смысле, в каком это указано в приказе фюрера.

Страница 10.

Франк вчера говорил с некоторыми генералами и установил, что многие генералы, командующие дивизиями, вынуждены вследствие жилищного кризиса жить в домах, в которых, кроме

генерала, все квартиронаниматели являются евреями. Такое же положение у всех категорий чиновников. Если поддерживать на должном уровне авторитет национал-социалистического государства, тогда недопустимо, чтобы представители этого государства при входе или выходе из дома встречались с евреями, подвергаясь тем самым опасности заразиться эпидемическими болезнями. Вследствие этого он (Франк) намерен, если это будет возможно, к 1 ноября 1940 г. очистить Краков от евреев.

Страница 23.

Затем Франк остановился на вопросе об обязательной трудовой повинности поляков. Так как польская рабочая сила не желает выполнять требования правительства и не желает в достаточном количестве ехать на работу в Германию, то целесообразно применение насилия. Применение насилия означает арест поляков как мужского, так и женского пола. Это привело к известному беспокойству, которое, по отдельным сообщениям, получило довольно широкое распространение и которое может привести к возникновению трудностей во всех областях.

В свое время фельдмаршал Геринг в своей речи указал на необходимость отправки в Германию одного миллиона рабочих. Однако до настоящего времени отправлено лишь 160 тысяч. Арест молодых поляков при выходе их из церквей или кино-театров повлечет за собой увеличение нервозности поляков. Он (Франк) лично не имеет ничего против того, чтобы изымали трудоспособных бездельников. Однако лучшим путем, по его мнению, была бы организация облав. Справедливо также останавливать на улице любого поляка и узнавать, чем он занимается. После этого Франк дал указание, чтобы поляков из области Варты по возможности немедленно отправляли в Германию.

Совещание начальников отделов 12 июля 1940 г.

Фюрер сказал мне, что он не отдаст ни одного квадратного метра этой области. Также необходимо подчеркнуть, что вся полнота власти в этой области принадлежит исключительно генерал-губернатору и что ни одно из германских центральных правительственных учреждений не может непосредственно вмешиваться в функции управления.

Страница 6.

В этой связи мы усилим источник авторитетной мощи, направленной своим острием против Словакии. Мы должны оказывать сильнейшее влияние на Чехословакию. Необходимо,

чтобы там, где мы встретимся с опасными стремлениями к самостоятельности, мы ни в коем случае не отказывались от проведения нашего влияния. Это было принято к сведению специальным заявлением венгров, удовлетворительно развивается и соответствующее положение в Румынии.

Фюрер никогда больше не выпустит из своих рук эти объединенные восточную и юго-восточную сферы нашего влияния (Словакия, Румыния, Венгрия). Ясно, что в соответствии с этим поляки, словаки, чехи, венгры и румыны в самом широком смысле находятся на пути установления немецкого господства, которое выражено лишь более или менее явно, но тем не менее уже сейчас носит тотальный и решающий характер...

Фюрер предоставил мне полную свободу действий.

Совещание начальников отделов 14 августа 1940 г.

Страница 3.

Задачи, которые стоят перед нами на Востоке, ясны... Мы не можем принять на территорию генерал-губернаторства миллионы поляков, проживающих в Германии. Не можем мы также обращаться с поляками, как обращались до сего времени.

Совещание начальников отделов 12 сентября 1940 г.

Страница 6.

Я сам пока еще не установил с поляками никакого контакта и вас прошу не брать другого курса... В этом отношении может стоять вопрос лишь или-или. Судьба решила, чтобы мы здесь были господами, а поляки отданы под нашу власть. Я прошу вас, господа, сократить прием поляков, петиций и т. д. до размеров, минимально необходимых в служебном отношении. Невозможно также, чтобы мы предоставили полякам одинаковые с немцами условия существования. Должна существовать разница в жизненном уровне народа господ и народа, ему подвластного...

...Поляки должны видеть границу, дальше которой не может идти их развитие. На мои исчерпывающие вопросы фюрер повторно ответил, что установленные нами ограничения должны оставаться в силе. Ни один поляк не должен иметь возможности подняться выше мастера. Ни один поляк не будет иметь возможность получить в государственных учебных заведениях высшее образование. Я прошу вас придерживаться этой ясной линии поведения. Исходя из многих причин, я вынужден со всей настойчивостью сделать вам это серьезное предупреждение.

Страница 7.

Что касается отношения к евреям, то я повелел, чтобы варшавское гетто было ликвидировано прежде всего потому, что, как установлено, опасность со стороны этих 500 тысяч евреев настолько велика, что необходимо пресечь всякую возможность для их бродяжничества.

Страница 10.

Фюрер третьего дня подробно разъяснил, что этот придаток германского рейха должен выполнять определенные задачи, что вопрос о поляках должен быть разрешен любой ценой, причем нет необходимости проводить политику онемечивания. Фюрер далее подробно говорил, что он отнюдь не обязывает генерал-губернатора организовывать жизнь по-немецки, что не должно быть места никаким германизаторским тенденциям. Эта область призвана быть резервуаром рабочей силы в широком смысле этого слова. Мы имеем здесь только гигантский рабочий лагерь; все, что означает власть и самостоятельность, должно быть в немецких руках.

Страница 12.

Доктор Франк: «Господа, я хотел предостеречь вас, чтобы вы не убаюкивали себя покоем в областях, где вы работаете. Эта страна не умиротворена. В ней должно проводиться твердое решительное руководство. Поляк должен чувствовать, что мы не намерены организовать ему правовое государство; что у него имеется лишь одна обязанность, а именно: работать и быть послушным. Конечно, это иногда создает трудности, но вы должны в ваших собственных интересах беспощадно применять все необходимые меры, чтобы стать господами положения. Вы при этом, безусловно, можете положиться на меня».

Страница 14.

Я все чаще и чаще замечаю, что церковь начинает становиться неприятной. В то время как до сих пор этот могущественный идеологический центр полячества держал себя, так сказать, особенно лояльно, сейчас церковь начинает под влиянием особенностей политического положения на этой территории становиться там и тут неприятной. Я хотел бы уже теперь подчеркнуть, что я всеми средствами буду воевать с попами, что я ничего не испугаюсь и по малейшему поводу прикажу немедленно арестовать самого епископа. В этой связи я прошу вас строжайше следить за тем, чтобы посещение польских церквей во время богослужения чиновниками в форме было безусловно запрещено.

Заседание правительства 25 марта 1941 г.

Доктор Франк: «В соответствии с полномочиями, предоставленными мне 17 марта, все учреждения, за исключением военных, подчиняются только приказам генерал-губернатора. Имеются только два органа власти: военное командование и генерал-губернатор. Третьего нет. Я запрещаю поэтому под угрозой немедленного воздействия выполнение каких-либо иных распоряжений, откуда бы они ни исходили».

Страница 27.

Доктор Франк: «Все служебные отношения с фогтами должны строиться так, чтобы фогты не стали какой-то общественно более высокой категорией. Фогт — это поляк и как таковой должен только выполнять приказы. Он не должен чувствовать себя включенным в абсолютно для него запретную зону руководящих кадров генерал-губернаторства».

Страница 74.

Доктор Франк: «Не удивляйтесь, господа, если я в ближайшее время несколько крепче подтяну поляков. Должен признаться, что мне иногда приходит в голову, не следует ли применить особый уголовный закон против поляков, которые не уступят дорогу немецким офицерам или намеренно толкнут их».

Страницы 65—66.

Начальник департамента в Варшаве доктор *Хуммель:* «Опасность эпидемии сыпного тифа увеличилась вследствие ослабления выносливости населения, в особенности евреев. Питание обитателей гетто недостаточно. К тому же имеется недостаточное количество очистительных средств и скученность населения. По имеющимся сведениям насчитывается 2405 случаев заболевания сыпным тифом в гетто, но в действительности эта цифра значительно выше. В Варшаве было констатировано 503, в районах 589 случаев заболевания поляков сыпным тифом. Само по себе заключение евреев в гетто является благословением свыше. Сейчас важно провести полную изоляцию гетто. С благодарностью мы приветствовали приказ, на основании которого разрешается стрелять в евреев прямо на дорогах».

Доктор Хуммель доложил затем о практическом действии приказа о наказании смертной казнью за противозаконный уход из гетто. В Варшаве, несмотря на привлечение третьего состава суда, возможно было вынести только 45 смертных приговоров, из которых в исполнение было приведено только 8, так как в каждом отдельном случае приговор утверждается касса-

ционной инстанцией в Кракове. Сейчас имеется еще 600 заявлений об осуждении. Процесс судопроизводства до момента казни носит слишком затяжной характер. Он перегружен слишком большим количеством формальностей и должен быть упрощен.

Страница 35.

Доктор Франк: «Необходимо строжайшим образом бороться с уходом евреев из гетто, и мы будем с этим бороться со всей строгостью. Предписанная за это смертная казнь евреев должна впредь применяться самым быстрейшим образом. Приказ, на основании которого каждый еврей, встреченный вне гетто, должен быть немедленно казнен, должен выполняться безусловно. В случае необходимости допускается упрощение процесса до передачи дела в чрезвычайный суд».

Страница 21.

Доктор Франк (в присутствии доктора Геббельса): «Полякам должны быть предоставлены только такие возможности образования, которые ясно показывали бы им безнадежность судьбы их народа. Поэтому речь может идти лишь о самых плохих фильмах или о таких фильмах, которые демонстрировали бы силу и мощь немцев».

Страница 38.

4 декабря, Берлин, беседа с фюрером.

Фюрер обсудил с господином генерал-губернатором общее положение, одобрил работу генерал-губернатора в Польше, в особенности разрушение дворца в Варшаве, отказ от восстановления этого города, вывоз ценностей искусства.

Страница 52.

10 ноября. Господин генерал-губернатор принял начальника дистрикта доктора Вехтера, который сообщил о расклейке огромных плакатов к 11 ноября (польский день свободы). Господин генерал-губернатор приказал, чтобы из каждого дома, на котором был наклеен плакат, было расстреляно по одному жителю мужского пола. Это распоряжение проводится в жизнь начальником полиции.

Доктор Вехтер захватил в Кракове 120 заложников.

Страница 105.

15 декабря. Генерал-губернатор особенно предостерегает против опасности того, что поляки могут получить какую-либо возможность организовываться. Для предотвращения этой опас-

ности господин генерал-губернатор приказывает, чтобы организационный план польского общества взаимопомощи был составлен по согласованию с высшими руководителями СС и полиции и представлен на утверждение ему, генерал-губернатору. Нельзя забывать, что необходима железная строгость и что нужно всеми средствами следить за тем, чтобы поляки ни в какой форме не могли сделать попытки создания своего общественного строя.

13 марта 1942 г. Доктор Франк рейхсфюреру СС Гиммлеру: «...На основании опыта, который ваши люди получили на периферии, а мы — в центральном управлении, можно с удовлетворением констатировать, что достигнута полнейшая согласованность в совместной работе полиции и администрации. Как генерал-губернатор, я при случае с особенно сердечной благодарностью вспоминаю выдающуюся работу, проведенную в соответствии с установками, данными СС и полицией в духе ваших указаний».

17 марта 1942 г. Господин генерал-губернатор сообщает, что на основании соглашения, заключенного между ним и рейхсфюрером СС Гиммлером, организован под руководством обергруппенфюрера СС Кригера статс-секретариат по делам безопасности. В соответствии с достигнутым соглашением обергруппенфюрер СС подчиняется генерал-губернатору, а в его отсутствие — статс-секретарю доктору Бюлеру. В результате этой реорганизации СС и полицейфюреры в областях подчиняются губернаторам, так же как руководители районов имеют право давать указания жандармам.

Страницы 185 и сл.

13 марта 1942 г.

Рабочее совещание областных штандартенфюреров НСДАП в Кракове

Доктор Франк: «Как вы знаете, я являюсь фанатическим сторонником единства управления... Поэтому понятно, что мне подчинены высшие чины СС и полиции, что руководители СС и полиции в областях подчинены губернатору и что крейсхауптман также имеет право распоряжаться жандармерией в своем районе... Это признал рейхсфюрер СС; в письменном соглашении все эти пункты перечислены и подписаны... само собой разумеется, что мы не можем действовать вразброд и в каждом малом государстве проводить особую политику; было бы смешно, если бы мы здесь стали проводить собственную политику безопасности в отношении наших поляков в то время как мы знаем, что движение Сопротивления поляков в Восточной Пруссии, в Познани, в районе Варты и в Силезии одинаково».

Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции должны иметь возможность проводить через свои инстанции полицейские мероприятия, касающиеся интересов рейха в целом.

Это делается так, чтобы я был в курсе всех проводимых мероприятий и они были согласованы со мной. В генерал-губернаторстве полиция — вооруженная сила. Вследствие этого руководитель полиции может быть вызван мною в управление генерал-губернаторства, так как он подчинен мне и моему заместителю как статс-секретарю по делам безопасности».

Страница 246.

24 марта 1942 г.

Господин генерал-губернатор подписал распоряжение относительно нового положения особой службы, существо которого заключается в том, что только господин генерал-губернатор осуществляет руководство особой службой.

Страница 256.

26 марта 1942 г. Президент доктор Фрауэндорфер сообщил, что общее количество поляков, направленных в рейх, равно 1,1 миллиона человек, из которых только главным трудовым управлением переслано 630 тысяч... В настоящее время направляется в рейх еженедельно 7—8 тысяч поляков.

Страница 270.

27 марта 1942 г. Генерал-директор Будин, руководитель крупных предприятий в империи, предложил отослать в Германию с завода в Каменной несколько тысяч рабочих для его заводов. Рабочих Каменной пришлось обязать к выезду в порядке трудовой повинности. Но все же готовы к пересылке лишь 800 человек, остальные 1200 могут быть взяты лишь с помощью полиции.

Страница 284.

10 апреля 1942 г. Министеральрат доктор Зиберт: «В пункте 7 указа фюрера об организации гражданского управления на оккупированных польских территориях говорится, что начальник управления, то есть генерал-губернатор осуществляет задачи, входящие в компетенцию рейхсфюрера СС».

Господин генерал-губернатор вполне согласен с этим основным пунктом: обергруппенфюрер СС имеет право как статс-секретарь по делам безопасности действовать только по поручению генерал-губернатора, а не рейхсфюрера СС.

Страница 307.

Пресс-конференция 14 апреля 1942 г.

Доктор Франк: «В отношении польской газетной политики основное сказано: у поляков надо создавать впечатление, что с ними, судя по печати, обходятся не как со свиньями, а как с европейцами и как с людьми; мы уже столько возмемся с поляками, что необходимо сказать: поляк живет в генерал-губернаторстве хотя и по-собачьи плохо, но все же лучше, чем итальянцы в Италии, греки в Греции, сербы в Сербии и т. д.»

Страница 390.

В целях окончательного выяснения проблемы взаимоотношений имперского управления СС и полиции с генерал-губернатором достигнута договоренность о следующем:

I

Высший начальник СС и начальник полиции в генерал-губернаторстве назначается статс-секретарем по делам безопасности в управлении генерал-губернаторства. Передача служебных дел происходит по согласованному обеими сторонами плану.

II

Высший фюрер СС и начальник полиции (статс-секретарь) по делам безопасности подчиняется прямо и непосредственно генерал-губернатору, а в том же случае, когда он занят, — его заместителю.

III

В соответствии с очередными распоряжениями фюрера рейхсфюрер СС может давать указания непосредственно статс-секретарю. Статс-секретарь согласует исполнение их с генерал-губернатором в духе распоряжений рейхсфюрера. И, наоборот, обеспечивается согласие рейхсфюрера в случае, когда дает указание генерал-губернатор.

IV

Начальник СС и полиции в округе (дистрикте) соответствующим образом также подчинен лично и непосредственно, как статс-секретарь по делам безопасности подчинен генерал-губернатору.

Начальник тайной жандармерии подчиняется начальнику районной администрации (крейсхауптманн).

Франк, Гиммлер.

Краков, 14 апреля 1942 г.

Страница 473.

Министерияльдириктор Леманн докладывает о состоянии военной юстиции и сообщает об общих принципах ее развития. Господин генерал-губернатор выражает желание, чтобы в дальнейшем до его сведения доводилось содержание приговоров военных судов над поляками и украинцами. Министерияльдириктор обещает это делать.

Страницы 493—494.

7 июня 1942 г. Доктор Франк к имперскому руководителю молодежи Аксманну: «Эта страна является и останется навеки германской».

Документ СССР-128

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ НА ИМЯ ФРАНКА ЗА № 13256,
ПОДПИСАННОЙ ГУБЕРНАТОРОМ ВАРШАВЫ
ДОКТОРОМ ФИШЕРОМ

Генерал-губернатору, имперскому министру доктору Франку

В результате заявления, сделанного обергруппенфюрером СС фон дем Бах рейхсфюреру СС, я сообщаю вам следующее: ...Обергруппенфюрер фон дем Бах получил новый приказ утихомирить Варшаву, то есть еще во время войны сравнять ее с землей, если на это не будет возражения с военной точки зрения (использование города в качестве крепости). Перед уничтожением необходимо вывезти все сырьевые материалы, текстильные изделия и мебель. Главную роль в выполнении этой задачи должна играть гражданская администрация. Я сообщаю вам это потому, что этот новый приказ фюрера о разрушении Варшавы имеет колоссальное значение для выяснения политики по отношению к Польше в будущем.

Губернатор района Варшавы, временно находящийся
в Сохачеве, доктор *Фишер*.

Документ СССР-223

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ФРАНКА ЛАММЕРСУ

5 августа 1944 г. ...генерал-губернатор направляет следующую телеграмму имперскому министру доктору Ламмерсу: «Город Варшава в большей части объят пламенем. Сожжение домов является самым верным средством, чтобы отнять у повстанцев убежище... После этого восстания и его подавления Варшава будет с правом предана заслуженной судьбе своего полного уничтожения...»

Документ СССР-93

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

...Ясные указания относительно программы в этом отношении найдены в публикации, распространяемой среди членов национал-социалистской партии Германии в 1940 году. Она содержала принципы немецкой политики на Востоке. Вот несколько цитат из нее...

«В военном смысле польский вопрос решен, но с точки зрения национальной политики он теперь только начинается для Германии. Национальный политический конфликт между немцами и поляками должен быть доведен до степени, невиданной до сих пор в истории».

«Цель, перед которой стоит немецкая политика на территории бывшего польского государства, двоякая: 1) стремиться, чтобы известная часть этого пространства была очищена от чуждого населения и заселена немцами, и 2) навязать немецкое руководство с целью обеспечить, чтобы на этой территории не вспыхнул новый пожар против Германии. Ясно, что такой цели нельзя никогда достичь с поляками, но только против них...»

Политика в этом отношении ясно выражена официальными немецкими властями. В «Остдейчер беобахтер» от 7 мая 1941 г. напечатано нижеследующее воззвание: «Впервые в истории Германии мы используем наши военные победы в политическом отношении. Никогда больше даже сантиметр земли, которую мы покорили, не будет принадлежать поляку...»

Местность за местностью, деревня за деревней, местечки и города на присоединенных территориях были очищены от польских жителей. Это началось в октябре 1939 года, когда местность Орлово была очищена от всех поляков, живших и работавших в ней. Потом пришла очередь порта Гдыни. В феврале 1940 года около 40 тысяч человек были изгнаны из города Познани. Их места были заняты 36 тысячами балтийских немцев — членами семейств военных и немецких чиновников.

Польское население было изгнано из следующих городов: Гнезно, Хелмно, Постян, Ношива, Иновроцлав и многих других.

Немецкая газета «Гренццейтунг» уведомляла, что в феврале 1940 года весь центр города Лодзи был очищен от поляков и

предназначен для будущих немецких поселенцев. В сентябре 1940 года общее число поляков, вывезенных из Лодзи, определилось в 150 тысяч.

Но не только был дан приказ, чтобы люди, живущие в этих местностях, ушли: им было запрещено взять с собой свою собственность — все следовало оставить. Место этих поляков, депортированных из своих жилищ, предприятий и хозяйств, было занято немецкими пришельцами. В январе 1941 года более 450 тысяч немцев было таким образом поселено...

Тысячи польских детей (от 7 до 14 лет) были безжалостно уведены от родителей и семейств и увезены в Германию. Сами немцы объяснили цель этой жесточайшей меры в номере 1584 газеты «Кельнише цейтунг» за 1940 год: «Их будут учить немецкому языку, им будут прививать немецкий дух затем, чтобы воспитать их как образцовых юношей и девушек».

Документ СССР-55

МАТЕРИАЛЫ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛУ О ЗВЕРСТВАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДА КРАСНОДАРА И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

А. Отчет о судебном процессе

Заседание 14 июля

14 июля 1943 г. в городе Н. на Северном Кавказе в Военном трибунале под председательством полковника юстиции т. Майорова Н. Я. и при государственном обвинителе генерал-майоре юстиции т. Яченине Л. И. началось слушание дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации.

По настоящему делу преданы суду по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58^{1а} и 58^{1б} Уголовного кодекса РСФСР (измена родине): Кладов И., Котомцев И., Ластовина М., Мисан Г., Напцок Ю., Павлов В., Парамонов И., Пушкарев Н., Речкалов И., Тищенко В. и Тучков Г.

Обвиняемых защищают по назначению от суда адвокаты Назаревский А. И., Якуненко В. И., Казначеев С. К.

В вечернем заседании военного трибунала было оглашено обвинительное заключение.

Обвинительное заключение подробно воспроизводит жуткую картину массовых убийств ни в чем не повинных советских людей, которые были тысячами уничтожены немецко-фашистскими захватчиками, временно оккупировавшими Краснодарский край.

Данными предварительного следствия установлено, что все эти убийства, зверства, насилия и грабежи проводились частями и карательными органами 17-й немецкой армии под командованием генерал-полковника Руофа.

Непосредственное руководство и осуществление всех этих зверств было возложено на краснодарское гестапо во главе с шефом гестапо немецким полковником Кристманом.

В состав гестапо входила особая карательная команда тайной полиции под наименованием «зондеркоманда СС-10-А», которая непосредственно и осуществляла все эти злодеяния.

Следствием установлены факты издевательства над арестованными и сожжения заключенных, содержащихся в подвалах краснодарского гестапо; массовых убийств больных Краснодарской городской больницы, Березанской лечебной колонии, а также детской краевой больницы, расположенной на хуторе «3-я речка Кочеты» Усть-Лабинского района.

Наконец, следствием установлены факты удушения окисью углерода в специально оборудованных автомашинах — «душегубках» многих тысяч советских людей.

«Зондеркоманда СС-10-А» представляла собой карательную команду гестапо, насчитывавшую около 200 человек. Начальником указанной «зондеркоманды» являлся шеф гестапо немецкий полковник Кристман, а его непосредственными помощниками в истреблении советских людей были немецкие офицеры: Раббе, Босс, Сарго, Сальге, Ган, Эрих Мейер, Пашен, Винц, Ганс Мюнстер, немецкие военные врачи тюрьмы и гестапо Герц и Шустер, а также сотрудники гестапо — переводчики Якоб Эйкс и Шертерлан.

Кроме того, гестапо были завербованы и принимали участие во всех зверствах привлеченные в качестве обвиняемых по настоящему делу предатели: Тищенко В., Тучков Г., Речкалов И., Ластовина М., Пушкарев Н., Мисан Г., Напцок Ю., Парамонов И., Котомцев И., Павлов В., Кладов И.

Произведенным расследованием установлены следующие конкретные факты злодеяний, совершенных в Краснодарском крае немецко-фашистскими захватчиками.

Вскоре после занятия Краснодара в результате систематических облав и массовых арестов мирных жителей подвалы краснодарского гестапо были до отказа переполнены заключенными. Никакого «следствия» по делам этих сотен и тысяч ни в чем не повинных людей не производилось. Арестованные подвергались самым изощренным пыткам и избиениям, причем судьбу их лично решал своей властью шеф гестапо полковник Кристман, который и давал приказы о физическом уничтожении арестованных.

Начиная с осени 1942 года немцы начали применять для уничтожения советских людей специально оборудованные автомашины, которые получили известность среди населения под наименованием «душегубки».

«Душегубки» представляли собой крытые 5—7-тонные грузовики серого цвета с дизель-мотором. Эти машины были обиты внутри оцинкованным железом и снабжены в задней части кузова двухстворчатой, герметически закрывающейся дверью.

В полу кузова находилась решетка, под которой проходила труба с отверстиями, соединявшаяся с выхлопной трубой мотора. Отработанные газы дизель-мотора, содержавшие окис углерода высокой концентрации, поступали в кузов машины, вызывая быстрое отравление и смерть от удушья помещенных внутри людей.

По несколько раз в неделю, а в январе, перед отступлением немцев из Краснодара, по 2—3 раза в день «душегубки» загружались арестованными из подвалов здания гестапо, помещавшегося на улице Орджоникидзе, 61. Погрузкой обычно руководил заместитель шефа гестапо, он же начальник гестаповской тюрьмы, капитан Раббе. Перед этим арестованные раздевались, а затем по 60—80 человек загружались в «душегубку», дверь которой герметически закрывалась, и машина, простояв несколько минут со включенным мотором, направлялась к противотанковому рву, расположенному за заводом измерительных приборов. «Душегубку» обычно сопровождал конвой полицейских из «зондеркоманды СС-10-А». В противотанковом рву производились выгрузка и беспорядочное закапывание людей, которые были уже умерщвлены газами в пути следования машины. В машину обычно загружались мужчины, женщины и дети совместно.

Несмотря на то, что немцы пытались законспирировать этот чудовищный метод истребления советских людей, с течением времени жители, проживающие по соседству с гестапо, а через них и местное население узнали о назначении этих машин.

Узнали также о «душегубках» и арестованные, которые при посадке в машину начали оказывать сопротивление, оглашая двор гестапо криками и воплями, в связи с чем их вталкивали в машину посредством насилия. Крики несчастных вскоре после того, как включался мотор, постепенно стихали, и находившиеся там люди погибали.

Свидетельница Гажик Евдокия Федоровна, наблюдавшая однажды картину насильственной посадки в машину «душегубку» одной арестованной женщины с пятилетней девочкой, показала:

«В этот «автобус» гестаповцы силой вталкивали женщину в возрасте примерно около 30 лет. Женщина в машину не шла, сопротивлялась и все время рвалась к стоявшей сзади девочке 4—5 лет, которая кричала: «Мамочка, мамочка, я поеду с тобой». Не сумев осилить арестованную, гестаповец схватил девочку и смазал ей каким-то черным полужидким веществом губы и нос. Ребенок моментально упал в бессознательном состоянии и был брошен гестаповцами в кузов машины. Увидев все происшедшее, мать подняла истерический крик и бросилась

на гестаповца. После нескольких секунд борьбы гестаповцу удалось обессилевшую женщину втащить в машину».

В «душегубках» истреблялись не только арестованные, но и лица, случайно схваченные на улицах при массовых облавах.

При раскопке противотанкового рва среди жертв фашистских мерзавцев были обнаружены трупы с корзинками и другими предметами, с которыми погибшие направлялись в город, на базар и т. п. При раскопках противотанкового рва в районе совхоза № 1 было обнаружено множество трупов, впоследствии опознанных родными.

Так, житель города Краснодара Коломийцев Николай Кузьмич опознал труп своей жены Коломийцевой Раисы Ивановны, арестованной гестапо 2 февраля 1943 г. Рабочий завода «Краснолит» Петренко Василий Николаевич опознал трупы своей жены Веры Зиновьевны, сына Юрия 7 лет и дочери Инны 3 лет. Жена Петренко была арестована вместе с детьми также 2 февраля 1943 г. Священник Георгиевской церкви города Краснодара Ильяшев лично опознал известных ему жителей города Краснодара: Луганского Кирилла, Головатого Владимира и др.

В августе 1942 года в Краснодарскую городскую больницу приехал врач гестапо немец Герц, который собрал сведения о численности и составе больных. Вскоре после этого Герц приехал в эту больницу с несколькими немецкими офицерами, которые осмотрели больницу и уехали.

22 августа Герц явился к главному врачу больницы доктору Башлаеву и объявил ему и другим врачам, что согласно уставке, полученной от немецкого командования, больные должны быть «убраны» из больницы. Вскоре во двор больницы прибыла «душегубка», куда начали насильно загонять больных.

В первый рейс было погружено около 80 человек, машина ушла и вскоре вернулась. В течение последующих двух часов машина сделала 4 рейса, забрав свыше 300 больных, которые все были умерщвлены указанным выше способом, а трупы их были выброшены в противотанковый ров у завода измерительных приборов.

Эти факты установлены показаниями очевидцев: Макарова, Кантонистова, Мохно и др.

Так, свидетель Мохно показывает:

«Сделав несколько рейсов, эта же машина подошла и к корпусу, где были больные мужчины. От немецкого офицера поступило распоряжение: всех мужчин, могущих как-либо передвигаться, раздеть и выводить к машине. Здесь опять поднялся шум, стоны и крики больных, но немцы зверствовали: они хватали их и вталкивали в машину, а тяжело больных на носилках выносили, и немцы тоже бросали их в машину».

Однажды в момент погрузки больных в машину на территорию больницы явился за справкой задолго до того выписавшийся из больницы житель города Краснодара Иван Иванович Котов. Один из немецких офицеров, наблюдавший за погрузкой, увидев Котова, схватил его и втолкнул в «душегубку». В дальнейшем, когда дверь машины захлопнулась и машина двинулась, то Котов, почувствовав удушье, порвал сорочку и, смочив ее собственной мочой, закрыл себе рот и нос. Через некоторое время он впал в бессознательное состояние и очнулся уже в противотанковом рву, где он лежал среди беспорядочно сваленных трупов. Выбравшись из рва, Котов возвратился домой.

На следствии Котов показал:

«...Немец, стоявший у машины, с непонятными мне выкриками бросился на меня, схватил сзади за воротник пиджака и втолкнул меня в машину. Когда я был брошен в машину, там уже находилось много людей. Сколько их было, не могу сказать. Здесь были мужчины и женщины. В машине было очень тесно. Люди стояли, прижавшись друг к другу. В машине стояли стоны, крик, плач, люди совершенно обезумели, видимо, предчувствуя, что немецкие варвары готовят нам кошмарные пытки и смерть. За мной в машину были брошены еще человек пять, после чего дверь машины захлопнулась, и через несколько минут машина двинулась с места. Во время движения я почувствовал, что начинаю задыхаться. Я сорвал с себя рубашку, смочил ее мочой и закрыл ею рот и нос, после этого я сразу почувствовал облегчение».

После истребления больных Краснодарской больницы в ней было оставлено лишь 20 коек, на которые принимались новые больные. Однако фактически это отделение больницы явилось ловушкой, так как врач гестапо Герц дважды приезжал за новыми больными, поступавшими в это отделение, и также увозил их в «душегубку».

5 сентября 1942 г. этот же гестаповец Герц явился в Березанскую лечебную колонию и объявил главврачу этой колонии Кирееву в присутствии врача Шаповаловой, что 7 сентября прибудет машина за больными, которых также нужно истребить. Киреев попросил Герца не забирать хотя бы выздоравливающих, занятых на сельскохозяйственных работах. Герц на это согласился и дал распоряжение выздоравливающих вывести в отдельное помещение. Утром 7 сентября «душегубка» прибыла в колонию, и в нее начали грузить больных женщин, предварительно раздевая их донага. Многие из больных пытались сопротивляться, но их силой заталкивали в «душегубку».

В общей сложности из Березанской колонии было таким образом вывезено и истреблено 320 больных, трупы которых

были засыпаны в противотанковом рву, расположенном в 5 километрах от колонии.

Через несколько дней после этого в колонию прибыла группа немцев во главе с офицером из гестапо Гансом Мюнстером. Эта группа разграбила все материальные ценности и продукты, принадлежащие колонии.

В октябре 1942 года в колонию было доставлено из Краснодара 17 больных, которые впоследствии также были истреблены в «душегубке». Что же касается выздоравливающих больных, которые были оставлены по разрешению Герца, то 20 октября 1942 г. их по приказу Ганса Мюнстера погрузили в количестве 60 человек в грузовики и вывезли к противотанковому рву, где они и были расстреляны. Перед этим одна из больных, по имени Маруся, в исступлении закричала: «Придут наши и отомстят за нас!» Мюнстер избил эту больную прикладом винтовки, до крови искалечив ей лицо и голову. Больной Добунцов пытался бежать, но был убит выстрелом из винтовки.

В сентябре 1942 года немцы таким же образом организовали истребление больных детей, находившихся в детской краевой больнице, помещающейся на хуторе «3-я речка Кочеты», Усть-Лабинского района, Краснодарского края. В указанной больнице поселились офицер гестапо Эрих Мейер и переводчик Якоб Эйкс.

21 сентября 1942 г. к больнице подъехали одна «душегубка» и одна легковая машина, в которой прибыл врач Герц и с ним еще несколько немцев. В «душегубку» были в одних трусиках и майках помещены 42 больных ребенка, которые были истреблены указанным выше способом. Трупы детей были сброшены в специальную большую яму, вырытую еще за несколько дней до этого в районе хутора Чернышевак местными жителями по приказанию Мейера и Эйкса якобы для установки зенитного орудия.

В процессе предварительного следствия по настоящему делу в 13 пунктах были разрыты ямы с закопанными в них трупами жертв немецко-фашистских палачей и была произведена судебно-медицинская экспертиза. Из огромного количества обнаруженных в этих местах трупов были подвергнуты судебно-медицинскому исследованию 623 трупа, из них 85 трупов детей, 256 трупов женщин и 282 трупа мужчин, в том числе 198 трупов стариков.

На основании всесторонних судебно-медицинских, судебно-химических спектроскопических исследований экспертная комиссия в составе главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР доктора Прозоровского В. И., главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава РСФСР доцента Смольянинова В. М., главного судебно-медицинского эксперта

Красной Армии доктора медицинских наук профессора Авдеева М. И., консультанта московской городской судебно-медицинской экспертизы доктора Семеновского П. С. и судебного химика Соколова С. М. пришла к заключению, что причиной смерти в 523 исследованных случаях было отравление окисью углерода, а в 100 случаях смерть наступила в результате огнестрельных пулевых ранений, нанесенных в подавляющем большинстве случаев в голову.

В своем заключении комиссия экспертов указывает, что смертельное действие окиси углерода, безусловно, могло иметь место при поступлении отработанных газов от дизель-мотора в закрытое помещение.

Комиссия констатировала:

«Если источник поступления окиси углерода (в том числе и выхлопные газы) находится в закрытом помещении, то концентрация окиси углерода в этом помещении нарастает чрезвычайно быстро, что может привести к наступлению смерти даже в течение нескольких минут (до 5—10)».

Таким образом, материалы судебно-медицинской экспертизы полностью подтвердили полученные предварительным следствием данные о массовом зверском уничтожении органами гестапо советских граждан, содержащихся под стражей в краснодарском гестапо, а также и других мирных жителей, больных, как взрослых, так и детей, находившихся на лечении в Краснодарской больнице, Березанской лечебной колонии и краевой детской больнице.

Общее количество советских граждан, удушенных путем применения машин-«душегубок», достигает 7 тысяч человек.

Обвинительное заключение также излагает установленные обстоятельства массовых арестов и истязаний советских граждан в краснодарском гестапо.

В подвалах гестапо ежедневно производились избиения заключенных. Гестаповцы зверски избивали их шомполами, палками и ногами, загоняли им под ногти булавки и т. п. После этих пыток арестованные сбрасывались в подвалы в бессознательном состоянии и обезображенные до неузнаваемости.

Особенно изощрялись в отношении истязаний арестованных шеф краснодарского гестапо полковник Кристман и врач гестапо Герц. Свидетельница Мирошникова, содержащаяся некоторое время в гестапо, показала:

«За время моего пребывания в камере 1—1 краснодарского гестапо я была очевидцем, когда с допроса в камеру сильно избитыми возвращались Бронник Вера, Яценко Ирина, Григорьева Груня и целый ряд других советских девушек и женщин. По их рассказам, офицеры гестапо избивали их плетью, но-

гами, предварительно раздев догола. Некоторые из них при допросе были изнасилованы. Возвращаясь в камеру, девушки были покрыты сплошными кровоподтеками и струпьями запекшейся крови, некоторых из них в таком состоянии бросали в одиночки, где лишали воды или выдавали сильно соленую воду».

По показаниям свидетельницы Гажик, из подвалов, где содержались заключенные, систематически доносились вопли о помощи. Нередко приходилось слышать, как заключенные кричали: «Дайте глоток воды или хотя бы кусочек хлеба! Умирают дети».

Перед своим бегством из города Краснодара, вызванным наступлением Красной Армии, гестаповцы осуществили новое чудовищное злодеяние.

10 февраля 1943 г. здание гестапо было подожжено отрядом «зондеркоманды СС-10-А» под руководством офицера Гана. Быстро распространившееся пламя и взрывы предварительно заложенных мин сделали невозможным спасение заживо горящих заключенных. Из пламени удалось выскочить только одному заключенному, фамилия которого осталась неизвестной, так как он вскоре скончался в результате перенесенных пыток и полученных при пожаре ожогов, что подтверждается показаниями свидетелей Рожковой, Добровой, Гажик и обвиняемого Пушкарева.

В общей сложности количество арестованных советских граждан, погибших мучительной смертью при поджоге здания гестапо, достигает 300 человек. Некоторые из числа обгоревших трупов, обнаруженных потом в подвалах гестапо, носили на себе следы чудовищных пыток и издевательств. Так, например, среди этих трупов был обнаружен труп неизвестного мужчины средних лет с отрубленными руками.

В своем зверском стремлении истребить как можно больше советских граждан немецко-фашистские бандиты не останавливались перед самыми гнусными провокациями. Так, однажды населению города было объявлено, что на Новом базаре будут продаваться мясные отходы (требуха). Поверив в это объявление, голодные жители собрались в указанном месте. Вместо мясных отходов туда прибыла крытая машина с полицейскими и немецкими солдатами, доставившая неизвестного краснофлотца, которого тут же в присутствии собравшихся повесили на столбе. В последний момент краснофлотец, обратившись к плачущей толпе, закричал:

«Не плачьте! Палачи народа ответят тысячами своих жизней. Скоро наши придут и за все отомстят».

В другом случае населению города было объявлено немецким командованием, что несколько тысяч пленных бойцов

Красной Армии якобы будут проведены через город и что населению разрешено оказать им помощь продовольствием. В связи с этим большое количество жителей города Краснодара вышло навстречу, захватив с собой подарки и продукты, но вместо советских военнопленных им навстречу были пущены автомашины с немецкими ранеными солдатами, причем тут же была произведена фото- и киносъемка, которая по замыслу немецких провокаторов должна была иллюстрировать «встречу», устроенную якобы советскими гражданами немецким солдатам...

Б. Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик

14—17 июля 1943 г. военный трибунал Северо-Кавказского фронта в составе председательствующего — председателя Военного трибунала Северо-Кавказского фронта полковника юстиции Майорова Н. Я., членов: заместителя председателя военного трибунала того же фронта полковника юстиции Захарьянца Г. К. и члена военного трибунала фронта майора юстиции Кострова Н. И., при секретаре майоре юстиции Гореве Л. А., с участием государственного обвинителя в лице военного прокурора, генерал-майора юстиции Яченина Л. И. и защиты по назначению суда в лице членов адвокатуры: Казначеева С. К., Якуненко В. И. и Назаревского А. М., в открытом судебном заседании в городе Краснодаре рассмотрел дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края, по которому обвиняются:

1. Тищенко Василий Петрович — 1914 года рождения, уроженец хутора Бичевая Балка, Павловского района, Краснодарского края.

2. Речкалов Иван Анисимович — 1911 года рождения, уроженец деревни Пичевка, Юргамышского района, Челябинской области, дважды судим за хищение и осужден каждый раз к пяти годам лишения свободы. Наказания отбыл.

3. Ластовина Михаил Павлович — 1883 года рождения, уроженец станицы Ново-Титаровской, Краснодарского района, Краснодарского края, кулак.

4. Тучков Григорий Петрович — 1909 года рождения, уроженец станицы Ново-Дмитриевской, Советского района, Краснодарского края.

Все четверо — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58^{1а} УК РСФСР.

5. Пушкарев Николай Семенович — 1915 года рождения, уроженец города Днепрпетровска.

6. Мисан Григорий Никитович — 1916 года рождения, уроженец станицы Суздальской, Горяче-Ключевского района, Краснодарского края.

7. Напцок Юнус Мицухович — 1914 года рождения, уроженец аула Лекшукай, Тахтамукайского района, Краснодарского края.

8. Котомцев Иван Федорович — 1918 года рождения, уроженец деревни Полонец, Зуевского района, Кировской области. Судим в 1937 году за хулиганство и осужден на два года лишения свободы. Наказание отбыл.

9. Павлов Василий Степанович — 1914 года рождения, уроженец города Ташкента.

10. Парамонов Иван Иванович — 1923 года рождения, уроженец города Ростова-на-Дону.

11. Кладов Игнатий Федорович — 1911 года рождения, уроженец деревни Сизикова, Невьянского района, Свердловской области.

Все — в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58^{1б} УК РСФСР.

Материалами предварительного и судебного следствия военный трибунал фронта установил:

9 августа 1942 г. немецко-фашистские войска, временно захватив город Краснодар и территорию Краснодарского края, по прямому указанию гитлеровского правительства и приказанию командующего 17-й германской армией генерал-полковника Руофа при самом активном участии гестапо — немецкой тайной полиции, действовавшей под руководством шефа гестапо полковника Кристмана, его заместителя капитана Раббе, офицеров-гестаповцев — Пашена, Босса, Сарго, Сальше, Гана, Винца, Эриха, Мейера, Ганса Мюнстера, немецких военных врачей тюрьмы и гестапо Герца и Шустера, сотрудников гестапо — переводчиков Якоба Эйкса и Шертерлана, совместно со своими пособниками-изменниками и предателями нашей социалистической родины — Тищенко В., Речкаловым М., Мисаном Г., Ластовиной М., Пушкаревым Н., Тучковым Г., Парамоновым И., Напцок Ю., Котомцевым И., Павловым В. и Кладовым И. в течение более полугода различными зверскими методами истребляли мирное население города Краснодара и Краснодарского края. Гитлеровскими извергами и поименованными выше их пособниками расстреляно, повешено, удушено посредством отравляющего газа — окиси углерода и замучено много тысяч ни в чем не повинных советских людей, в том числе женщин, стариков и детей.

Немецкие захватчики и их сообщники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей города Краснодара, разграбили и уничтожили имущество

государственных, хозяйственных, культурных и общественных организаций города Краснодара и Краснодарского края, забрали у населения все продовольствие и другие материальные ценности и угнали в немецкое рабство большое количество советских граждан. В феврале 1943 года после изгнания Красной Армией германских оккупантов с территории Краснодарского края все вышепоименованные чудовищные злодеяния были советскими органами вскрыты во всей их полноте.

Судебным следствием также установлены факты систематического истязания и сожжения гитлеровскими разбойниками многих арестованных советских граждан, находившихся в подвалах гестапо, и истребления путем отравления газом — окисью углерода в специально оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7 тысяч невинных советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях города Краснодара и Краснодарского края, из них 42 ребенка в возрасте от 5 до 16 лет.

Выслушав объяснения обвиняемых, показания свидетелей, заключение судебно-медицинской экспертизы, а также речи государственного обвинения и защиты, военный трибунал установил виновность каждого из подсудимых, заключающуюся в том, что:

1. Тищенко в августе 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, в сентябре 1942 года был переведен в порядке поощрения сначала на должность старшины карательного органа гестапо «зондеркоманды СС-10-А», а затем — следователя гестапо, одновременно являясь тайным агентом последнего.

Занимая у немецких захватчиков названные выше должности, Тищенко вместе с офицерами гестапо Боссом и другими часто выезжал на облавы и аресты партизан, коммунистов и других советских активистов. Под руководством офицеров-гестаповцев Сарго и Сальге вел на них следственные дела, избивал их плетью; по его инициативе было задушено несколько человек числившихся за ним заключенных советских граждан путем отравления окисью углерода в специально оборудованных для этой цели автомашинах-«душегубках».

2. Пушкарев в августе 1942 года добровольно поступил на службу к гитлеровцам в полицию, затем вскоре был переведен на должность группенфюрера, командира отделения в вышеуказанной «зондеркоманде».

Пушкарев совместно с гитлеровцами-офицерами Штейном, Грецем, Ганом и др. под руководством шефа гестапо полковника Кристмана неоднократно выезжал с провокаторскими и карательными целями в станицу Гладковскую, город Анапу и

другие пункты, где участвовал в розысках, арестах и расстрелах партизан и других советских активистов.

Будучи начальником караула гестапо, Пушкарев охранял арестованных советских граждан, участвовал в их истязаниях и избиваниях, присутствовал при погрузке их в автомашины-«душегубки», в которых немецко-фашистские палачи умерщвляли людей путем отравления окисью углерода.

В начале февраля 1943 года, перед изгнанием немцев из города Краснодара, принимал участие в поджоге и взрыве гестаповцами здания, где помещалось гестапо, с находившимися в нем арестованными советскими гражданами, в результате чего последние погибли.

3. Речкалов, будучи досрочно освобожден из места заключения, где он отбывал наказание за кражу, и, уклонившись от мобилизации в Красную Армию, перебежал на сторону немецко-фашистских захватчиков в августе 1942 года, добровольно поступил на службу в немецкую полицию, откуда через несколько дней за ревностное отношение к службе был переведен в «зондеркоманду СС-10-А».

Выполняя обязанности полицейского и тайного агента гестапо, Речкалов нес охрану арестованных, неоднократно выезжал в составе карательного отряда гестапо в станицы Гладковскую, Ново-Покровскую, Гастогаевскую и город Анапу для выявления, арестов и убийств советских граждан.

В декабре 1942 года сопровождал автомашину с отравленными окисью углерода людьми к противотанковому рву и участвовал в их разгрузке и закапывании.

4. Мисан в августе 1942 года добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а через 12 дней был переведен в «зондеркоманду СС-10-А», где он систематически нес охрану арестованных советских граждан, которые на его глазах подвергались истязаниям.

Мисан неоднократно принимал участие в погрузке арестованных советских людей в автомашины-«душегубки», в которых гестаповцы умерщвляли их окисью углерода.

Мисан изъявил желание участвовать в расстреле гражданина Губского, проводившего антифашистскую деятельность. Мисан расстрелял Губского, чем заслужил доверие немецких оккупантов, и был после этого назначен тайным агентом гестапо.

5. Котомцев в сентябре 1942 года добровольно поступил на службу в полицию при лагере для военнопленных, а в ноябре 1942 года перешел добровольно на службу в «зондеркоманду СС-10-А», в составе которой активно помогал гестапо в истреблении советских граждан, участвуя в карательных экспедициях по борьбе с партизанами.

В январе 1943 года Котомцев с карательным отрядом участвовал в вылавливании и арестах партизан в хуторе Курундупе и станице Крымской. При активном участии Котомцева в Курундупе была повешена девушка за связь с партизанами и в станице Крымской было повешено 16 человек.

6. Напцок добровольно поступил на службу в «зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где систематически нес охрану находившихся в ее застенках советских граждан. Много раз выезжал с карательной экспедицией по выявлению и истреблению партизан и других советских граждан. В январе с. г. при активном участии Напцока в станице Гастогаевской и на хуторе Курундупе было повешено несколько советских людей.

7. Кладов в период временной оккупации немцами города Краснодара в сентябре 1942 года добровольно поступил на службу в «зондеркоманду СС-10-А» гестапо, где охранял арестованных, и одновременно был назначен тайным агентом по вылавливанию партизан и других лиц, помогавших Красной Армии.

8. Ластовина, скрывшись от репрессии в 1932 году как кулак, прибыл в город Краснодар, где и устроился в больнице на службу в качестве санитаря. В декабре 1942 года, в период временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками города Краснодара, участвовал с гестаповцами в расстреле 60 человек больных советских граждан.

9. Тучков в период временной оккупации немецкими захватчиками города Краснодара добровольно поступил на службу в немецкую полицию, а затем перешел в «зондеркоманду СС-10-А», в составе которой три раза участвовал в облавах и арестах сочувствующих Советской власти людей.

10 и 11. Парамонов и Павлов добровольно поступили на службу в «зондеркоманду СС-10-А» гестапо и находились в ней до изгнания фашистов из города Краснодара, неся в этой команде охрану арестованных и здания гестапо, участвуя в облавах и арестах партизан.

Таким образом, виновность всех перечисленных выше подсудимых в измене родине доказана их собственными признаниями и показаниями свидетелей.

На основании ст.ст. 319—320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР военный трибунал приговорил:

Тищенко Василия Петровича, Речкалова Ивана Анисимовича, Ластовину Михаила Павловича, Пушкарева Николая Семеновича, Мисана Григория Никитовича, Напцока Юнуса Мидуховича, Котомцева Ивана Федоровича, Кладова Игнатия Федоровича — к смертной казни через повешение.

Тучкова Григория Петровича, Павлова Василия Степановича и Парамонова Ивана Ивановича как менее активных пособников, уличенных в оказании содействия немецко-фашистским злодеям, совершавшим зверские расправы с советским гражданским населением и пленными красноармейцами, — к ссылке в каторжные работы сроком на двадцать лет каждого.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий — полковник юстиции
Н. Майоров.

Члены — полковник юстиции *Захарьянц,*
майор юстиции — *Н. Костров.*

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯКОВА ГРИГОРЬЕВИЧА ГРИГОРЬЕВА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 26 февраля 1946 г.]

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Григорьев Яков Григорьевич.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги:

«Я, гражданин Советского Союза Яков Григорьев, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, перед лицом Высокого Суда обещаю и клянусь говорить Суду только правду обо всем, что мне известно по делу».

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Вы можете сесть.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, в какой деревне Вы проживали до войны?

Григорьев: В деревне Кузнецово, Порховского района, Псковской области.

Смирнов: В какой деревне Вас застала война?

Григорьев: В деревне Кузнецово.

Смирнов: Существует ли сейчас эта деревня?

Григорьев: Не существует.

Смирнов: Я прошу Вас рассказать Суду, при каких обстоятельствах произошло уничтожение деревни.

Григорьев: В памятный день 28 октября 1943 г. немецкие солдаты неожиданно напали на нашу деревню и стали творить расправу с мирными жителями, расстреливать, загоняя в дома. В этот день я работал на току со своими двумя сыновьями, Алексеем и Николаем. Неожиданно к нам на ток зашел немецкий солдат и велел следовать за ним. Нас повели через деревню в крайний дом. Я сидел около самого окна и смотрел в окно. Вижу, немецкие солдаты гонят еще большую толпу народа. Я заметил свою жену и маленького сына девяти лет. Их сначала подогнали к дому, а потом повели обратно, куда — мне тогда было неизвестно.

Немного погодя входят три немецких автоматчика, и четвертый держит наган в руках. Нам приказали выйти в другую комнату. Поставили к стенке всю толпу (19 человек), в том числе меня и моих двух сыновей, и начали из автоматов стрелять по нам. Я стоял около самой стенки, немного опустившись. После первого выстрела я упал на пол и лежал не шевелясь. Когда расстреляли всех, они ушли из дома. Я пришел в сознание, гляжу — невдалеке от меня лежит мой сын Николай, он лежал ничком и был мертв, а второго сына я сперва не заметил и не знал, убит он или жив. Потом я стал подниматься, освободив ноги от навалившегося на них труп. В этот момент меня окрикнул мой сын, который остался в живых.

Смирнов: Окрикнул второй Ваш сын?

Григорьев: Второй, а первый лежал убитый невдалеке от меня. Сынишка крикнул: «Папа, вы живой?»

Смирнов: Он был ранен?

Григорьев: Он был ранен в ногу. Я его успокоил: «Не бойся, сыночек, я тебя не оставляю, как-нибудь уйдем. Я тебя вынесу отсюда». Немного погодя загорелся дом, в котором мы лежали. Тогда я, открыв окно, выбросился из него вместе со своим раненым мальчиком, и мы стали ползти от дома, притаясь, чтобы не заметили немецкие солдаты. Но на пути нашего отхода от дома стояла высокая изгородь, мы не сумели раздвинуть изгородь, а начали ломать ее. В этот момент нас заметили немецкие солдаты и начали по нам стрелять. Я тогда шепнул своему сынишке, чтобы он притаился, а я побегу. Мне его было не снести, и он побежал немного и, благодаря зарослям, притаился, а я побежал дальше, отвлекая внимание солдат. Немного пробежав, я вскочил в постройку, стоящую около горящего дома. Посидел там немножко и решил идти дальше. Я убежал в ближайший лес, находящийся неподалеку от нашей деревни, и там переночевал. Наутро я встретил из соседней деревни Алексея Н., который мне сообщил, что мой сын Леша жив, так как он уполз. Потом на второй день после этого я встретил из деревни Кузнецово мальчика Витю — это был беженец из-под Ленинграда и проживал во время оккупации в нашей деревне... Он тоже чудом спасся, выскочив из огня. Он мне сказал, как происходило дело во второй избе, где были моя жена и малый сынишка. Там дело происходило так: немецкие солдаты, загнав людей в избу, отворили в коридор дверь и через порог стали поливать из автомата. Со слов Вити, там горели живые люди, в том числе, по его словам, сгорел заживо мой мальчик Петя девяти лет. Когда Витя выбегал из избы, то видел, что мой Петя еще был жив и сидел под лавкой, зажавши ручонками уши,

Смирнов: Сколько лет было самому старшему жителю деревни, уничтоженному немцами?

Григорьев: Сто восемь лет — старуха Артемьева Устинья.

Смирнов: Сколько лет было самому младшему, уничтоженному в деревне?

Григорьев: Четыре месяца.

Смирнов: Сколько всего было уничтожено жителей деревни?

Григорьев: 47 человек.

Смирнов: За что немцы уничтожили население Вашей деревни?

Григорьев: Неизвестно.

Смирнов: А что говорили сами немцы?

Григорьев: Когда немецкий солдат пришел к нам на гумно, мы его спросили: «За что вы нас убиваете?» Он спросил, знаем ли мы деревню Максимова (эта деревня по соседству с нашим сельсоветом). Я ответил: «Да». Он сказал мне, что эта деревня Максимова «капут и жители — капут, и вам — капут».

Смирнов: А за что «капут»?

Григорьев: За то, что, мол у вас спасались партизаны. Но это слово не соответствовало делу, потому что у нас партизан в деревне не бывало, и у нас партизанской деятельностью никто не занимался, потому что было некому. В деревне остались старые и малые, и деревня партизан даже не видела.

Смирнов: Много ли взрослых мужчин оставалось в вашей деревне?

Григорьев: Был один 27-летний мужчина, но он был больной, полоумный и параличный, а то были старики и малые, а остальные мужчины были в армии.

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, только ли население Вашей деревни постигла такая участь?

Григорьев: Нет, не только. Немецкие солдаты расстреляли в Курышеве 43 человека, во Вшивове — 47, в той деревне, в которой я проживаю сейчас, в деревне Павлове сожгли 23 человека и в других деревнях, где насчитывалось, по нашему сельсовету около 400 человек, уничтожили мирных жителей старых и малых.

Смирнов: Я прошу Вас повторить цифру, сколько было уничтожено в Вашем сельсовете?

Григорьев: Около четырехсот человек только в одном нашем сельсовете.

Смирнов: Скажите, кто остался в живых из Вашей семьи?

Григорьев: Из моей семьи остались в живых только я и мой мальчик. Застрелены в моей семье: жена на шестом

месяце беременности, сын Николай 16 лет, сын Петя 9 лет и невестка, жена брата, с двумя ребятами — Сашей и Тоней.

Смирнов: Я не имею больше вопросов, господин председатель.

Председатель: Кто-нибудь из других обвинителей хочет задать вопросы свидетелю? (*Молчание.*) Кто-нибудь из защитников хочет задать вопросы свидетелю? (*Молчание.*) Свидетель может идти.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ОТТО ОЛЕНДОРФА

[Стенограмма заседания Международного Военного трибунала
от 3 января 1946 г.]

Эймен: Где вы родились?

Олендорф: В Хохен-Эгельзее.

Эймен: Сколько вам лет?

Олендорф: Мне 38 лет.

Эймен: Если вы когда-нибудь были членом национал-социалистской партии, то когда вы им стали?

Олендорф: В 1925 году.

Эймен: Если вы были членом СА, когда вы им стали?

Олендорф: Впервые в 1926 году.

Эймен: Если вы когда-нибудь были членом СС, то когда вы им стали?

Олендорф: Я должен поправиться. Я понял это как вопрос о членстве в СС.

Эймен: Когда вы стали членом СА?

Олендорф: В 1925 году.

Эймен: Если вы когда-нибудь поступили в СД, то когда вы это сделали?

Олендорф: В 1936 году.

Эймен: Какой последний пост вы занимали в СД?

Олендорф: Я занимал пост начальника III управления в главном имперском управлении безопасности.

Эймен: Обратимся к схеме на стене, которая находится позади вас. Скажите Трибуналу, узнаете ли вы эту схему?

Олендорф: Эту схему я видел, прорабатывал и могу подтвердить сейчас ее правильность.

Эймен: Имеете ли вы какое-нибудь отношение к составлению этой схемы? Если да, то какое?

Олендорф: Эта схема была составлена мной во время допроса.

Эймен: К сведению Трибунала, эта схема, о которой говорит свидетель, представляется под номером США-493.

Скажите Трибуналу, правильно ли эта схема отражает принципы организации главного управления имперской безо-

пасности, а также положение, которое занимал Кальтенбруннер, и место гестапо и СД в германской полицейской системе?

Олендорф: Организационная схема на этой карте отражает действительную структуру главного имперского управления безопасности, а также управлений СД, государственной полиции и тайной полиции.

Эймен (вновь обращаясь к схеме): Пожалуйста, покажите ваше собственное положение в главном управлении имперской безопасности и укажите период, в который вы работали там?

(Свидетель подходит к схеме и указывает пальцем клетку III управления на схеме.)

Какие посты занимали в главном управлении имперской безопасности Кальтенбруннер, Мюллер и Эйхман? Укажите также, какой период времени каждый из них занимал свой соответствующий пост.

Олендорф: Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД. В качестве такового он являлся также начальником главного имперского управления безопасности, РСХА — наименование, включавшее в себя СД и полицию безопасности. Кальтенбруннер занимал этот пост с 30 января 1943 г. до конца войны. Мюллер был начальником IV управления тайной государственной полиции. Он во время создания тайной государственной полиции получил пост заместителя начальника государственной полиции, и в качестве такового он возглавлял IV управление главного имперского управления безопасности. Он занимал этот пост до конца войны. Эйхман работал под руководством Мюллера в IV управлении и занимался еврейским вопросом. Он работал там примерно с 1940 года; насколько я знаю, он занимал этот пост до конца войны.

Эймен: Скажите, пожалуйста, сколько времени вы находились на посту начальника III управления?

Олендорф: Я работал начальником III управления с 1939 года до 1945 года.

Эймен: Обратимся теперь к определению «Подвижные части», которое находится внизу, с правой стороны схемы. Объясните, пожалуйста, что означают названия: «Оперативные группы» и «Оперативные команды»?

Олендорф: Понятие «Оперативная группа» было установлено совместно начальниками РСХА, ОКВ и ОКХ. Они согласились по вопросу использования подразделений ЗИПО в зонах боевых операций. Понятие оперативной группы впервые было установлено во время польской кампании.

Договоренность между ОКХ и ОКВ была достигнута только накануне похода в Россию. В этом соглашении указывалось,

что группы армий или, вернее, сами армии должны иметь уполномоченного, представителя начальника полиции безопасности и СД, и этот уполномоченный, который был им придан, должен был иметь в своем распоряжении подразделения, то есть так называемую оперативную группу, которая подразделялась на команды. Эти эйнзатцкоманды должны были по распоряжению фронта или армии в случае необходимости придаваться отдельным войсковым частям.

Эймен: Скажите, если знаете, до начала кампании против СССР было ли заключено какое-либо соглашение между ОКВ, ОКХ и главным имперским управлением безопасности?

Олендорф: Да, использование описанных мною подразделений и команд происходило в соответствии с письменным соглашением между ОКВ, ОКХ и главным имперским управлением безопасности.

Эймен: Откуда вам известно, что было такое письменное соглашение?

Олендорф: Я неоднократно присутствовал во время переговоров, которые велись Альбрехтом и Шелленбергом с представителями ОКВ и ОКХ. Кроме того, я видел письменный экземпляр, я держал в руках это письменное соглашение, когда принимал оперативную группу.

Эймен: Объясните Суду, кто такой Шелленберг, какой он пост занимал, если он занимал какой-либо пост?

Олендорф: Шелленберг был в последнее время начальником VI управления в главном имперском управлении безопасности, то есть тогда, когда по поручению Гейдриха он вел эти переговоры.

Эймен: Когда примерно велись эти переговоры? Какова их дата?

Олендорф: Переговоры велись несколько недель. Соглашение было заключено примерно за неделю или за две до начала похода в Россию.

Эймен: Вы сами видели когда-либо экземпляр этого письменного соглашения?

Олендорф: Да.

Эймен: Приходилось ли вам работать с этим письменным экземпляром соглашения?

Олендорф: Да, приходилось.

Эймен: Один раз или больше?

Олендорф: Да, неоднократно, и в частности при разборе всех вопросов, которые касались полномочий армии по отношению к этим оперативным группам.

Эймен: Вы знаете, где сейчас находится подлинник или какая-нибудь из копий этого соглашения?

Олендорф: Нет.

Эймен: Постарайтесь вспомнить и наилучшим образом объяснить Трибуналу сущность этого письменного соглашения.

Олендорф: В этом соглашении прежде всего устанавливалось, что эти оперативные группы и команды создавались для того, чтобы действовать в районах военных действий. Это было нововведением, так как до сих пор армия брала на свою ответственность проведение тех мероприятий, которые отныне должны были проводиться полицией безопасности. Кроме того, это разграничивало деловые полномочия.

Председатель: Что делали эти оперативные команды в соответствии с соглашением?

Олендорф: Я сказал, что соглашение касалось полномочий армии по отношению к этим оперативным группам. В этом соглашении устанавливалось, что фронты или армии несут ответственность за снабжение и передвижение этих оперативных групп. Деловые распоряжения исходили от начальника полиции безопасности и СД.

Председатель: Правильно ли, что каждая оперативная группа должна была быть придана армейской группировке или армии?

Олендорф: Каждая группа армии (фронта) должна была иметь оперативную группу. Эйнзатцкоманды, оперативные команды, в свою очередь, распределялись между армиями, причем распределялись фронтом.

Председатель: Скажите, командование армии должно было определить область, в которой должна была действовать оперативная группа, ведь так?

Олендорф: Территориально действия оперативной группы уже определялись тем, что эта оперативная группа придавалась фронту и вместе с ним перемещалась. Эйнзатцкоманды (оперативные команды) определяли свою сферу деятельности в зависимости от армии, которой они придавались.

Председатель: Скажите, это соглашение также устанавливало, что армейское командование должно было определять и устанавливать время действия оперативных команд?

Олендорф: Это подразумевалось в понятии «поход» (на марше).

Председатель: А также оно должно было определить дополнительные задачи, которые могли быть поставлены перед оперативными группами?

Олендорф: Да, именно так. Что же касается права давать инструкции и директивы, то это право оставалось за начальником полиции безопасности и СД. Но начальник полиции безопасности и СД всегда должен был помнить основную формулировку, в которой говорилось, что в случае, если оперативное положение этого требует, армия может давать распоряжения.

Председатель: Что предусматривало это соглашение в отношении сотрудничества между командованием армии и командованием этих оперативных групп?

Олендорф: Я не могу вспомнить, было ли сказано что-нибудь особое по этому вопросу. Во всяком случае между командованием и СД был еще связной.

Председатель: Скажите, помните ли вы какие-либо другие пункты этого письменного соглашения?

Олендорф: Я думаю, что я передал в основном содержание этого документа.

Председатель: Какой пост занимали вы лично в соответствии с этим соглашением?

Олендорф: С июня 1941 года до смерти Гейдриха, то есть до июня 1942 года, я руководил оперативной группой «D» и был уполномоченным начальника полиции безопасности и СД при 11-й армии.

Председатель: Когда Гейдрих был убит?

Олендорф: Гейдрих был ранен в конце мая 1942 года и скончался 4 июня 1942 г.

Эймен: Скажите, пожалуйста, если вы вообще получили какое-нибудь предупреждение о кампании против СССР, за сколько времени до ее начала вы получили это предупреждение?

Олендорф: Примерно, за четыре недели до начала выступления.

Эймен: Скажите, сколько было всех оперативных групп и кто руководил ими?

Олендорф: Существовало четыре оперативные группы: оперативные группы «А», «В», «С» и «D». Оперативную группу «А» возглавлял Шталекер, оперативную группу «В» возглавлял Небе, начальником оперативной группы «С» были доктор Раше и впоследствии доктор Томас, оперативную группу «D» возглавлял сначала Олендорф, а затем Биркамп.

Эймен: Какой армии была придана группа «D»?

Олендорф: Группа «D» не была придана группе армий, она была придана непосредственно 1-й армии.

Эймен: В какой области действовала группа «D»?

Олендорф: Группа «D» действовала в Южной Украине.

Эймен: Дайте, пожалуйста, более подробную характеристику территории, на которой первоначально действовала группа «D»? Назовите города и районы.

Олендорф: Самый северным городом был город Черновцы. Оттуда — по направлению к югу: Могилев-Подольский, Ямполь и на восток: Цувалы, Червина, Мелитополь, Мариуполь, Таганрог и Ростов и затем — Крым.

Эймен: Какова была конечная цель, поставленная перед группой «D»?

Олендорф: Группа «D» сама по себе находилась в резерве и предусматривалась для операций в районе Кавказа для группы армий, которую намеревались создать для проведения этой операции.

Эймен: Когда группа «D» вышла на территорию Советского Союза?

Олендорф: Оперативная группа «D» выступила из Дюина 21 июня и через три дня она достигла Пьятра-Нямца в Румынии. Там армии уже затребовали первые оперативные команды, и те сейчас же направлялись к месту назначения, указанному армией. Вся оперативная группа была введена в бой в начале июля.

Эймен: Вы сейчас имеете в виду 11-ю армию?

Олендорф: Да.

Эймен: Если официальные задачи этой группы были связаны с деятельностью против евреев и коммунистических комиссаров, то в какой степени эта группа занималась ими?

Олендорф: Что касается вопроса о евреях и коммунистах, оперативная группа и руководители отдельных оперативных команд имели устные распоряжения, которые были им даны до выступления.

Эймен: Каковы были эти инструкции по отношению к евреям и коммунистическим деятелям?

Олендорф: Им было поручено ликвидировать евреев и политических комиссаров в районе операций оперативных групп на русской территории.

Эймен: Когда вы говорите «ликвидировать», вы имеете в виду убивать?

Олендорф: Да. Это значит убивать.

Эймен: Скажите, до начала советской кампании вы присутствовали на совещании в Преце?

Олендорф: Да. Это было рабочее совещание, касавшееся деятельности оперативных групп и команд, на котором перед оперативными группами и командами были поставлены задачи и даны соответствующие приказы.

Эймен: Кто присутствовал на этом совещании?

Олендорф: Начальники оперативных групп и команд и от главного имперского управления безопасности Штрекенбах, который передал приказы Гейдриха и Гиммлера.

Эймен: Каковы были эти приказы?

Олендорф: Это были приказы общего порядка, касавшиеся работы полиции безопасности и СД и, кроме того, приказ о ликвидации, о котором я только что говорил.

Эймен: Когда примерно происходило это совещание? Назовите дату.

Олендорф: Примерно за три или четыре дня до выступления.

Эймен: Таким образом, до того как вы начали нападение на Советский Союз, вы на этом совещании получили приказы уничтожать евреев и коммунистических работников в дополнение к обычной, повседневной работе СД и полиции безопасности? Правильно это?

Олендорф: Да.

Эймен: Скажите, пожалуйста, вы лично говорили когда-нибудь с Гиммлером по поводу сообщений, сделанных Гиммлером командующим армейскими группами и армиями в связи с этими задачами?

Олендорф: Да, Гиммлер сообщил мне, что до начала похода против России Гитлер на совещании с командующими фронтами и армиями сообщил эту задачу командующим и указал им на то, что они должны оказывать соответствующую поддержку.

Эймен: Таким образом, вы можете удостоверить, что командующие армейских групп и армий были также информированы относительно этих приказов о ликвидации евреев и советских служащих?

Олендорф: Я думаю, что в такой форме это не будет правильным. Они не имели приказа об уничтожении. Приказ об уничтожении исходил от Гиммлера, но так как ликвидация должна была происходить в зоне, которая находилась в ведении высшего командования группы армий или армии, армии был дан приказ поддерживать эти мероприятия. Без подобных указаний, которые были даны армии, деятельность этих оперативных групп была бы вообще немыслима.

Эймен: У вас были какие-нибудь другие разговоры с Гиммлером относительно этого приказа?

Олендорф: Да. В конце лета 1941 года Гиммлер был в Николаеве. Он собрал руководителей и участников этих оперативных команд. Он повторил им приказ о ликвидации и сказал, что руководители и люди, которые будут проводить в жизнь это истребление, не несут личной ответственности за выполнение этого приказа. Ответственность несет только он сам и Фюрер.

Эймен: А вы сами слышали, как это было сказано?

Олендорф: Да.

Эймен: Знаете ли вы о том, что командующим армейскими группами было известно относительно этой миссии оперативных групп?

Олендорф: Об этом приказе и о проведении его в жизнь было известно командующим армиями.

Эймен: Откуда вы это знаете?

Олендорф: Из совещаний, которые имели место в армии, и из тех указаний, которые давались командованию армии для проведения в жизнь этого приказа.

Эймен: Скажите, пожалуйста, миссия оперативных групп и соглашение между ОКВ, ОКХ и РСХА были известны руководителям имперского управления безопасности?

Олендорф: По крайней мере, части руководителей было это известно, так как часть этих людей непосредственно участвовала в действиях оперативных групп; это было известно также тем, которые имели отношение к вопросам организации.

Эймен: Значит, большинство руководителей пришло из главного имперского управления безопасности, не правда ли?

Олендорф: Каких руководителей?

Эймен: Я имею в виду руководителей оперативных групп.

Олендорф: Этого нельзя сказать. Руководители оперативных групп и оперативных команд поступали из всей империи.

Эймен: Знаете ли вы, была ли эта миссия и соглашение также известны Кальтенбруннеру?

Олендорф: После вступления в должность Кальтенбруннер должен был сам заниматься этими вопросами и поэтому должен был быть знаком со всеми документами, которые касались деятельности оперативных групп.

Эймен: Кто был командующим 11-й армией?

Олендорф: Сначала командующим был фон Шоберт, потом — фон Манштейн.

Эймен: Скажите Трибуналу, каким образом командующий 11-й армией направлял или наблюдал за деятельностью оперативной группы «D» в то время, как она проводила свои операции по ликвидации?

Олендорф: В Николаеве был получен приказ 11-й армии, касавшийся того, что ликвидация должна проводиться только на расстоянии не менее 200 километров от штаб-квартиры главнокомандующего.

Эймен: Скажите, вы помните какие-нибудь другие случаи?

Олендорф: В Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим оперативным командам, касающееся ускорения ликвидации, причем обосновывалось это тем, что в этой области свирепствовал голод и не хватало жилищ.

Эймен: Скажите, знаете ли вы, сколько всего человек было уничтожено и ликвидировано оперативной группой «D» за период вашего руководства?

Олендорф: С июня 1941 года по июнь 1942 года оперативные команды сообщили, что уничтожено примерно 90 тысяч человек.

Эймен: Сюда входят мужчины, женщины и дети?

Олендорф: Да.

Эймен: На чем вы основываетесь, приводя именно эту цифру?

Олендорф: Я основываюсь на донесениях, которые поступали от оперативных команд в оперативную группу.

Эймен: Скажите, эти донесения поступали к вам?

Олендорф: Да.

Эймен: Вы видели и читали их лично?

Олендорф: Да.

Эймен: И именно на этих отчетах вы основываетесь, когда приводите Трибуналу эти цифры?

Олендорф: Да.

Эймен: Скажите, вы можете дать сравнительную цифру количества людей, ликвидированных другими оперативными группами?

Олендорф: Цифры, которые мне известны в отношении деятельности других оперативных групп, являются еще большими по сравнению с той цифрой, которую я указал.

Эймен: Почему? Чем это определялось?

Олендорф: Я думаю, что эти цифры в других оперативных группах сильно преувеличивались.

Эймен: Вы видели время от времени отчеты о ликвидации, которые поступали из других оперативных групп?

Олендорф: Да.

Эймен: И эти отчеты показывали, что другие оперативные группы проводили ликвидацию в больших масштабах, чем группа «Д». Правильно?

Олендорф: Да.

Эймен: Скажите, вы лично руководили и наблюдали за массовыми казнями этих людей?

Олендорф: Я присутствовал на двух массовых казнях в качестве инспектора.

Эймен: Скажите Трибуналу подробно, как проводились эти массовые казни?

Олендорф: Местная оперативная команда пыталась учесть всех евреев и объявила регистрацию. Регистрацию проводили сами евреи.

Эймен: Под каким предлогом, если вообще был какой-нибудь предлог, их собирали?

Олендорф: Их созывали под предлогом переселения.

Эймен: Продолжайте, пожалуйста.

Олендорф: Евреев после регистрации собирали в одно определенное место. Оттуда их позднее перевозили к месту казни. Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма. Казни осуществлялись по-военному, по команде.

Эймен: Каким образом они транспортировались к месту казни?

Олендорф: Их привозили на грузовиках к месту казни, причем столько, сколько можно было казнить немедленно. Таким образом, все это проводилось по возможности быстро, то есть промежуток между действительной казнью и осознанием, что это совершится, был очень незначительным.

Эймен: Это была ваша идея?

Олендорф: Да.

Эймен: После того, как они были расстреляны, что делали с их телами?

Олендорф: Их хоронили в этой яме или в противотанковом рву.

Эймен: Каким образом определялось, если вообще производилось такое определение, что человек действительно умер?

Олендорф: Руководитель соединения или подразделения, производящего расстрел, получал приказ следить за этим и отдавать соответствующие распоряжения.

Эймен: Кто же делал это?

Олендорф: Это делал или сам командир подразделения, или человек, которого он назначал.

Эймен: В каком положении расстреливались жертвы?

Олендорф: На коленях или стоя.

Эймен: Что вы делали с личной собственностью и одеждой казненных?

Олендорф: Ценные вещи изымались при регистрации, то есть в тот момент, когда людей собирали. Они конфисковывались и передавались через главное управление имперской безопасности в министерство финансов или непосредственно в это министерство. Одежда вначале раздавалась населению, но позднее она собиралась НСФ (национал-социалистское благотворительное общество) и распределялась этой организацией.

Эймен: Вся эта личная собственность в то время регистрировалась?

Олендорф: Регистрировались только ценности. Остальные вещи не регистрировались.

Эймен: А что вы делали с одеждой, в которой были жертвы, когда они отправлялись к месту казни?

Олендорф: Они должны были перед казнью снять верхнюю одежду.

Эймен: Всё?

Олендорф: Да, всю верхнюю одежду.

Эймен: А остальная одежда?

Олендорф: Она оставалась на трупах.

Эймен: Это касалось только вашей группы или и других оперативных групп? Порядок был тот же?

Олендорф: В моей оперативной группе это был приказ. О других оперативных группах я сказать не могу.

Эймен: Каким образом проводили это другие группы?

Олендорф: Некоторые командиры подразделений не придерживались военных методов уничтожения и проводили индивидуальные расстрелы выстрелом в затылок.

Эймен: Вы возражали против этого порядка?

Олендорф: Да, я был против этого.

Эймен: Почему?

Олендорф: Так как это вызывало нежелательную психологическую реакцию как у жертв, так и у тех, кому было приказано провести этот расстрел.

Эймен: Что делали с вещами, которые члены оперативных команд снимали с жертв?

Олендорф: Поскольку речь шла о ценных вещах, их посылали в Берлин, в главное управление имперской безопасности или в министерство финансов. Предметы, которые можно было использовать на месте, немедленно использовались.

Эймен: Что потом происходило с золотом и серебром, которые снимали с жертв?

Олендорф: Как я уже говорил, это передавалось в Берлин, в министерство финансов.

Эймен: Откуда вы это знаете?

Олендорф: Я помню, что в Симферополе это делалось таким образом.

Эймен: Что происходило с часами, которые снимались с жертв?

Олендорф: Часы по требованию армии поступали в распоряжение фронта.

Эймен: Скажите, пожалуйста, все жертвы: женщины, мужчины и дети — казнились одинаково?

Олендорф: До весны 1942 года одинаково. Затем последовал приказ от Гимmlера, что в будущем женщины и дети должны уничтожаться только в душегубках.

Эймен: А как женщины и дети подвергались казни раньше?

Олендорф: Так же, как мужчины: их расстреливали.

Эймен: Если вообще убитых хоронили после казни, то каким образом это делалось?

Олендорф: Рвы сначала засыпали члены команд, и, когда не оставалось никаких следов казни, рабочие команды из местного населения должны были заровнять эти места.

Эймен: Вы говорили, что душегубки были получены вами весной 1942 года. Какие инструкции вы получали относительно применения этих душегубок?

Олендорф: Эти душегубки должны были в будущем применяться только для уничтожения женщин и детей.

Эймен: Опишите Трибуналу конструкцию душегубок и их внешний вид.

Олендорф: С внешнего вида нельзя было сделать заключение о назначении душегубок. Это были закрытые грузовики. Они были устроены таким образом, что при пуске мотора газ из выхлопной трубы проходил в кузов, и примерно через 10—15 минут наступала смерть.

Эймен: Объясните подробно, когда и как эти душегубки применялись для казни?

Олендорф: В душегубки погружались жертвы, которые должны были быть казнены, и затем везли их к тому месту, где обычно происходили казни. Обычно их там и хоронили. Эта перевозка длилась достаточно для того, чтобы умертвить людей.

Эймен: Каким образом вы принуждали жертвы войти в душегубку?

Олендорф: Им говорили, что их перевозят в другое место.

Эймен: Как включался газ?

Олендорф: Я не знаю технических деталей.

Эймен: Сколько времени нужно было для того, чтобы убить жертву после включения газа?

Олендорф: Примерно 10—15 минут, причем жертвы ничего не замечали.

Эймен: Сколько можно было убить одновременно в одной такой душегубке?

Олендорф: Эти душегубки были различного размера, они были рассчитаны примерно на 15—25 человек.

Эймен: Вы время от времени получали отчеты от тех, кто работал на таких душегубках?

Олендорф: Я не понял вопроса.

Эймен: Я спросил, получали ли вы отчеты от тех, кто практически работал на этих душегубках?

Олендорф: Я получал донесения о том, что оперативные команды неохотно используют эти душегубки.

Эймен: Почему же?

Олендорф: Так как погребение этих жертв утруждало членов оперативных команд.

Эймен: Теперь сообщите Трибуналу, кто присылал эти душегубки оперативным группам?

Олендорф: Душегубки не принадлежали к автопарку оперативных групп и представляли собой особую команду. Руководил этой командой инструктор. Эти машины придавались оперативным группам через главное управление имперской безопасности.

Эймен: Скажите, пожалуйста, каждая оперативная группа получала душегубку?

Олендорф: Этого я не могу сказать, я знаю только о группе «D», а также о группе «С», и обе эти группы имели такие душегубки...

Эймен: Теперь коснемся ваших предшествовавших утверждений и показаний. Объясните, пожалуйста, почему вы считали, что предложенная вами военная процедура расстрела была лучше, чем расстрел в затылок, как это было принято в других группах?

Олендорф: С одной стороны, этим должно было быть достигнуто то, чтобы отдельные руководители и люди по военному приказу могли бы производить расстрелы и чтобы им не нужно было принимать решений в каждом отдельном случае. Эти расстрелы проводились только на основании приказа. Кроме того, мне было известно, что во время самих расстрелов нельзя было избежать издевательств, так как люди были возбуждены и так как жертвы слишком рано узнавали о своей участи и не могли длительное время выдержать такого нервного напряжения. И мне также казалось нетерпимым, чтобы руководители и отдельные лица могли и даже были вынуждены принимать самостоятельно решение расстрелять большое количество людей.

Эймен: Каким образом вы определяли, какие именно евреи должны быть казнены?

Олендорф: Это не входило в область моей компетенции, это делалось самими евреями, так как регистрация проводилась еврейским советом старейшин.

Эймен: Количество еврейской крови имело к этому какое-нибудь отношение?

Олендорф: Я не могу сейчас вспомнить детали, но думаю, что сюда включались и евреи по матери или отцу (полуевреи).

Эймен: Какие организации поставляли основной офицерский состав для оперативных групп и команд?

Олендорф: Руководящий персонал комплектовался из состава государственной полиции, уголовной полиции и в значительно меньшей степени за счет кадров СД.

Эймен: КРИПО¹?

Олендорф: Да, КРИПО, государственной уголовной полиции, и значительно в меньшей степени СД.

Эймен: Какие другие источники существовали для пополнения состава оперативных групп?

Олендорф: Рядовые члены команд набирались из состава СС и полиции порядка. Государственная полиция и уголовная полиция поставляли инструкторов, а войска СС и полиция порядка поставляли членов оперативных групп.

¹ Сокращенное наименование государственной уголовной полиции. — Составители.

Эймен: А что вы скажете о войсковых частях СС?

Олендорф: Войска СС, как и полиция порядка, должны были дать одну роту.

Эймен: А полиция порядка?

Олендорф: Полиция порядка также должна была предоставить одну роту.

Эймен: Скажите, пожалуйста, как велика была численность оперативной группы «D» и сфера ее действия по сравнению с другими оперативными группами?

Олендорф: Она имела примерно две трети состава других оперативных групп. С течением времени произошли изменения в численном составе. Отдельные оперативные группы с течением времени значительно усилились.

Эймен: Можете ли вы сказать, проводились ли ликвидации, которые вы здесь описывали, после 1942 года, и если они проводились, то в течение какого времени после этой даты?

Олендорф: Мне неизвестно, что основной приказ был отменен, и я не могу сейчас детально вспомнить факты, которые могли бы позволить мне дать точные показания по этому вопросу, во всяком случае, в отношении России, так как очень скоро началось отступление и район действия этих оперативных команд все время изменялся. Но мне известно, что для других районов предусматривалось создание других оперативных групп, предусмотренных соответствующим указанием для действий в других районах.

Эймен: Я спрашиваю: лично вы до какого периода имеете сведения касательно этих мероприятий?

Олендорф: По вопросу, касающемуся ликвидации евреев, мне известно, что соответствующие запреты были получены за шесть месяцев до конца войны. Впрочем, я видел еще документ, в котором говорилось, что следует прекратить ликвидацию советских комиссаров, но точной даты я не помню.

Эймен: Знаете ли вы о том, были ли фактически прекращены эти ликвидации?

Олендорф: Я думаю, что да.

Председатель: Трибунал хочет знать, какое количество людей входило в вашу оперативную группу?

Олендорф: В моей оперативной группе было примерно 500 человек, не считая тех, кто привлекался как вспомогательная сила из жителей.

Председатель: Вы говорите, включая тех?

Олендорф: Нет, исключая тех, кто проживал в самой стране.

Председатель: Вы знаете о численности других групп?

Олендорф: Я думаю, что вначале они насчитывали 700 или 800 человек, но я сделал оговорку, что это число с течением

времени изменилось, потому что отдельные оперативные группы получали новых людей или получали дополнительных сотрудников из имперского управления безопасности.

Эймен: Вы говорите, что количество людей увеличивалось. Не правда ли?

Олендорф: Да, увеличивалось.

Эймен: Здесь еще у меня есть примерно шесть вопросов, которые я хотел бы задать, потому что, как я думаю, они могут объяснить Трибуналу некоторые из доказательств, которые были уже представлены раньше. Я буду очень краток, если Трибунал примет мое предложение.

Председатель: Пожалуйста.

Эймен: Объясните, что означает различная толщина синих линий, которые имеются на этой схеме?

Олендорф: Широкая синяя линия, соединяющая пост Гимmlера в качестве рейхсфюрера СС и начальника германской полиции с главным имперским управлением безопасности, показывает идентичность организаций полиции безопасности и СД с точки зрения их задач. Здесь речь идет об управлении, в котором совмещаются вопросы министерального руководства с отдельными вопросами исполнительного порядка, то есть берется весь комплекс вопросов, разрешаемых полицией безопасности и СД. Структурная схема организации передает, однако, с точки зрения юридической и с точки зрения подчинения, так сказать, нелегально существовавшую структуру. Дело в том, что такое понятие, как главное управление государственной безопасности, вообще официально нигде не фигурировало. Формально и по закону дело выглядело иначе, чем это представлено на схеме. Здесь были государственные и партийные учреждения, которые объединялись, то есть данное учреждение не издавало никаких распоряжений или законов, или каких-либо указов на законном основании. И это потому, что государственная полиция в министеральном подчинении все время зависела от министерства внутренних дел, в то время как СД, несмотря на эту структуру, все же была партийным органом.

Итак, если бы я захотел воспроизвести эту схему, но на правовой основе, учитывая административное подчинение, то я должен был бы на месте отдела IV поставить политическую полицию, которая входила в главное управление полиции безопасности. Этот отдел «Политическая полиция» существовал формально до последнего времени, он был создан из полицейского отдела имперского министерства внутренних дел. Одновременно формально продолжало существовать и управление тайной государственной полиции, центральный орган прусской тайной государственной полиции, орган, руководящий деятельностью политической полиции во всех провинциях. Таким образом, во-

просы министерального порядка все еще решались под маркой министерства внутренних дел постольку, поскольку всему этому надо было придать особое значение.

Таким образом, главное имперское управление безопасности было только маскировкой и отнюдь не передавало действительного положения вещей, но зато давало возможность начальнику полиции безопасности и СД, в соответствии с объединяющим наименованием, пользоваться то грифом начальника главного управления полиции безопасности, то грифом начальника управления СД, формально существовавшего до 1939 года. Одновременно это давало ему возможность в случае необходимости объединять силы внутри этого учреждения или же расчленять его задачи так, как этого требовало положение и как это было целесообразно. Однако в основном продолжала существовать следующая зависимость. Государственные организации находились в известной зависимости от министерства внутренних дел, а управление СД оставалось партийным органом. Например, главное управление СД, то есть главное имперское управление безопасности, только формально числилось главным управлением СС, то есть таким главным управлением, которое распределяло членов СС в полицию безопасности и в СД. Однако государственные учреждения не получали от СС, то есть от Гимmlера, рейхсфюрера СС, каких-либо указаний.

Председатель: Я не совсем понял, что вы сказали. По вашим словам, ваше имя имеется на схеме в связи с вашей работой в III управлении, но это относится только к работе внутри Германии; однако, судя по вашим показаниям, вы возглавляли оперативную группу «D», которая действовала за пределами Германии.

Олендорф: Тот факт, что я руководил оперативной группой, не имел ничего общего с моей деятельностью в качестве начальника III управления. Руководство этой группой было поручено мне в силу моих чисто субъективных данных, а не потому, что я был руководителем III управления. Итак, руководство этой оперативной группой налагало на меня совершенно новые функции. Это была должность, не зависящая от предыдущей.

Председатель: Теперь я понимаю. Скажите, пожалуйста, вы должны были для этого уехать из Германии и поехать на оккупированные территории СССР?

Олендорф: Да.

Эймен: Скажите, пожалуйста, термин СД когда-нибудь употреблялся для того, чтобы обозначать одновременно СД и ЗИПО?

Олендорф: Обозначение СД все время в течение ряда лет употреблялось все больше и больше неправильно. Это название

стало употребляться как сокращенное название полиции безопасности и СД, однако отнюдь не являясь этим в действительности. Вначале СД означало только тот факт, что кто-то входил в состав СС через главное управление СД. После того как это главное управление СД было распущено и растворилось в главном имперском управлении безопасности, возник вопрос о том, что обозначение СД, эмблема, которая была изображена на рукаве эсэсовца, должна быть заменена новой эмблемой и новым сокращением РСХА. Но этого не произошло, так как в противном случае возникла бы угроза для сохранения в тайне деятельности РСХА, и если я, например, читал в приказе фюрера о том, что во Франции люди были переданы СД, то это как раз является примером того, как неправильно употреблялось это понятие, так как во Франции таких учреждений вообще не было. С другой стороны, СД, поскольку это касается ее организаций, например III управления, являлась просто органом разведки.

Эймен: Осветите коротко отношения между СС и гестапо.

Олендорф: Отношения между СС и гестапо состояли в том, что рейхсфюрер СС как таковой взял на себя задачу руководства полицией и пытался привлечь к участию в государственной полиции только людей, способных нести службу в СС, с другой стороны, использовать для обучения и воспитания кадров войска СС, чтобы и для государственной полиции таким образом получить кадры.

Подобное объединение осуществлялось и в дальнейшем, когда он, например, пытался также связать СС и министерство внутренних дел, то есть всю внутреннюю администрацию.

Эймен: Скажите, пожалуйста, сколько было постоянных работников и сколько добровольных осведомителей в СД?

Олендорф: В этой связи нельзя пользоваться термином СД. Здесь нужно различать III управление и IV управление. III управление — управление информации внутри страны — имело в общем около 3 тысяч штатных сотрудников, включая женщин и мужчин. Нужно подчеркнуть, что управление, ведавшее информацией внутри страны, опиралось еще на работу так называемых внештатных сотрудников, или осведомителей, то есть лиц, которые работали в разведке по совместительству. Я считаю, что количество этих сотрудников, может быть, достигало 30 тысяч человек.

Эймен: Дайте Трибуналу краткий пример того, как в общих чертах проводилась работа по каналам, указанным на этой схеме?

Олендорф: Сначала приведу общий пример, и для того чтобы он был понятнее, я придумаю его сам. Гиммлер узнал, что над территорией Германии все чаще и чаще самолеты сбра-

сывали диверсантов, которые угрожали своими действиями транспорту и заводам. Он сообщает это Кальтенбруннеру, который является начальником полиции безопасности, и говорит ему, что он должен дать соответствующие указания относительно этих фактов своим органам и принять меры к тому, чтобы сброшенные на территорию Германии диверсанты возможно скорее были бы схвачены. Кальтенбруннер уполномочивает начальника IV управления, то есть государственную полицию, разработать в нижестоящих органах и представить указ. Этот указ разрабатывается соответствующим отделом I управления и затем либо непосредственно через Мюллера передается органам государственной полиции, либо, что более вероятно, исходя из важности задачи и необходимости одновременно оповестить другие учреждения полиции безопасности, проект приказа передается Кальтенбруннеру, который подписывает его и уже после этого передает прочим учреждениям империи.

На основании этого указа, например, нужно, чтобы государственные полицейские управления докладывали о своих мероприятиях, а также о результатах, которые достигнуты. Причем эти донесения идут тем же путем, но в обратном порядке: нижестоящие органы (филиалы) передают донесения в соответствующий отдел IV управления, откуда они идут к начальнику IV управления и затем уже к начальнику полиции безопасности Кальтенбруннеру и от него к начальнику германской полиции Гиммлеру, то есть в обратном порядке через инстанции, которые передали им распоряжение сверху.

Эймен: И, наконец, дайте нам, пожалуйста, пример одного типичного мероприятия, которое проводилось по каналам, изображенным на данной схеме.

Олендорф: Например, арест руководителей левых партий после событий 20 июля. Соответствующее указание было передано Гиммлером Кальтенбруннеру, а Кальтенбруннер передал его IV управлению, где был составлен и разработан проект приказа. Этот проект был передан на подпись Кальтенбруннеру и затем издан. Донесения шли тем же путем, снизу вверх.

Эймен: Господа судьи, я передаю свидетеля другим обвинителям. Как я знаю, полковник Покровский хочет задать свидетелю несколько вопросов от имени советского обвинения.

Покровский: Показания свидетеля имеют значение для выяснения тех вопросов, которые интересуют советскую делегацию. Поэтому с разрешения Суда я хотел бы задать несколько вопросов свидетелю Олендорфу.

Вы сказали, свидетель, что два раза присутствовали в качестве инспектора при массовых казнях. По чьему приказанию вы были инспектором при казнях?

Олендорф: При совершении этих казней я присутствовал по собственной инициативе.

Покровский: Но вы сказали, что вы присутствовали как инспектор.

Олендорф: Я сказал, что я присутствовал для того, чтобы инспектировать.

Покровский: Это была ваша инициатива?

Олендорф: Да.

Покровский: При казнях всегда присутствовал кто-нибудь из высших руководителей в целях инспектирования?

Олендорф: Если представлялась возможность, я всегда посылал на казни представителя от штаба оперативных команд. Но это не всегда было возможно из-за большого расстояния от места нахождения оперативных команд до места казни.

Покровский: С какой целью посылалось лицо для инспектирования?

Олендорф: Для того, чтобы установить, выполняются ли мои указания относительно проведения казней.

Покровский: Следует ли вас понять таким образом, что инспектор должен был убедиться в том, что казнь действительно произведена?

Олендорф: Нет, это было бы неправильным толкованием. Этот инспектор должен был удостовериться в том, насколько соблюдаются мои указания в отношении проведения казней.

Покровский: Какие условия вы имеете в виду?

Олендорф: Во-первых, негласность, отсутствие посторонних зрителей, во-вторых, военный метод осуществления казней (залп). В-третьих, беспрепятственная доставка осужденных и проведение казни без каких-либо волнений. В-четвертых, наблюдение за изъятием собственности для того, чтобы нельзя было обогатиться. Вероятно, были еще какие-либо другие подробности, которых я сейчас не припомню. Во всяком случае, всякое дурное обращение, как моральное, так и физическое, должно было быть исключено из метода проведения казни.

Покровский: Когда вы сказали относительно наблюдения за судьбой имущества, вы имели в виду необходимость изъятия всех ценностей?

Олендорф: Нет. Ценные предметы были сданы еще до казни. Причем они собирались старостой еврейской общины и передавались руководству оперативной команды.

Покровский: Так о каком имуществе идет речь?

Олендорф: Например, о золоте и серебре или о ценных бумагах.

Покровский: Вы хотели обеспечить правильное, по вашему мнению, направление этого имущества или наиболее полное его изъятие?

Олендорф: Да.

Покровский: Вы сказали относительно дурного обращения. Что вы понимали под дурным обращением при казнях?

Олендорф: Если, например, метод, при помощи которого проводились казни, вызывал всевозможные нервные волнения и неподчинение среди жертв, то руководство оперативных команд вынуждено было насильственным образом подавлять эти беспокойства.

Покровский: Что вы понимаете под подавлением с помощью насильственных мер? Что вы понимаете под насильственным подавлением волнения, возникающего среди жертв?

Олендорф: Когда, как я уже говорил, при проведении в исполнение казни необходимо было избивать жертвы.

Покровский: Необходимо было бить жертвы?

Олендорф: Я, правда, не видел этого, но я слышал об этом.

Покровский: От кого?

Олендорф: В разговорах с членами других команд.

Покровский: Вы сказали, что для казни применялись машины, автомобили? Вы имели в виду «системы» Беккера?

Олендорф: Да.

Покровский: Не знаете ли вы, где и с помощью кого «изобретатель» Беккер реализовал свои «изобретения»?

Олендорф: Я помню только, что все это происходило во втором управлении главного имперского управления безопасности, но я не могу сказать этого точно.

Покровский: Сколько было казнено с помощью этих автомобилей?

Олендорф: Я не могу назвать точную цифру, но сравнительно это было очень немного, примерно несколько сотен.

Покровский: Вы сказали, что в этих машинах казнили главным образом женщин и детей. По каким соображениям?

Олендорф: Существовал категорический приказ Гимmlера по этому поводу. Женщины и дети согласно этому приказу должны были умерщвляться именно таким образом для того, чтобы избежать лишних душевных волнений, которые возникали в связи с другими видами казни. Это также давало возможность мужчинам, которые сами были женаты, не стрелять в женщин и детей.

Покровский: Наблюдал ли кто-либо за поведением казнимых в этих машинах?

Олендорф: Да, врачи.

Покровский: Известно ли вам, что Беккер докладывал о том, что смерть в этих машинах была особенно мучительной?

Олендорф: Нет. О донесениях Беккера я впервые узнал из письма Рауфу, которое мне здесь показывали. Напротив, я знаю, согласно донесениям врачей, что жертвы ничего не ощущали до наступления смерти.

Покровский: Участвовали ли в массовых казнях военные подразделения, армейские подразделения, я хочу сказать?

Олендорф: Как правило, нет.

Покровский: А как исключение?

Олендорф: Насколько я помню, как в Николаеве, так и в Симферополе время от времени присутствовал представитель от командования армии, присутствовал как зритель.

Покровский: С какой целью?

Олендорф: Этого я не знаю. Вероятно, для личной информации.

Покровский: А воинские части выделялись в этих местах для исполнения казни?

Олендорф: Официально армия не выделяла никаких подразделений для этой цели, так как армия вообще была против этого мероприятия.

Покровский: А фактически?

Олендорф: Отдельные подразделения добровольно ставили себя в распоряжение этих команд. Однако я не знаю такого случая в армии, исключая вспомогательный состав армии (обоз).

Покровский: Вы давали показания относительно того, кто подлежал уничтожению. Только ли одних евреев предавала казни эйнзатцгруппа или точно так же, как и евреи, предавались казни коммунисты, «коммунистические чиновники», как вы называли их в своих инструкциях?

Олендорф: Да, имелись в виду активисты, то есть употреблялось выражение «политические комиссары». В данном случае сама по себе принадлежность к коммунистической партии была недостаточной для того, чтобы быть казненным или подвергаться преследованиям.

Покровский: Специального выяснения, какую роль выполнял этот человек в коммунистической партии, никто не производил? Я понял перевод вашего ответа так, что факт принадлежности к коммунистической партии служил достаточным основанием для того, чтобы человек был казнен?

Олендорф: Нет, я сказал как раз наоборот, что сам факт принадлежности к коммунистической партии не являлся решающим. Не только человека могли не казнить, но это также не являлось поводом к его преследованию. Тут необходимо было учитывать его активную политическую деятельность.

Покровский: Приходилось ли вам беседовать с кем-либо из ваших сослуживцев или начальников по вопросу о прислан-

ных в вашу группу автомобилях для казни и о работе этих автомобилей? Припоминаете такой разговор?

Олендорф: Нет, я не помню какого-либо конкретного разговора по этому поводу.

Покровский: Были ли у вас сведения о том, что члены эйнзатцкоманды, которые приводили в исполнение казни, неохотно пользовались автомобилями-душегубками?

Олендорф: Я знал о том, что оперативные команды пользовались подобными машинами.

Покровский: Нет, я имею в виду другое. Я хочу выяснить, получали ли вы сведения о том, что члены оперативных команд неохотно избирают такой вид казни, а предпочитают другие способы казни?

Олендорф: То есть вы хотите сказать, что они охотнее пользовались газовыми машинами, чем расстрелами?

Покровский: Наоборот, что они охотнее пользовались расстрелами, чем газовыми машинами?

Олендорф: Да, я об этом уже говорил ранее, что душегубки...

Покровский: По каким соображениям они охотнее пользовались расстрелами, чем газовыми машинами?

Олендорф: Я уже говорил, потому, что разгрузка тел, по мнению руководителей оперативных команд, представляла нехорошее зрелище с психологической точки зрения и вела к неприятным душевным потрясениям.

Покровский: Что вы имеете в виду под «нехорошим зрелищем с психологической точки зрения»?

Олендорф: Насколько я помню, очевидно, потому, что происходили определенные отправления организма, которые впоследствии были видны, а также из-за положения самих тел и испражнений; тела лежали в грязи.

Покровский: Вы хотели сказать, что на жертвах было явно заметно то страдание, которое они испытывали перед смертью? Я правильно вас понял?

Олендорф: Вы имеете в виду момент умерщвления их газом в машине?

Покровский: Да.

Олендорф: Я могу только повторить то, что мне говорил врач: жертвы ничего не ощущали до наступления смерти.

Покровский: Тогда совершенно непонятен ваш ответ на мой предыдущий вопрос, что разгрузка этих машин производила очень тяжелое впечатление на членов команды.

Олендорф: Да, как я уже говорил, из-за положения этих тел и, очевидно, потому, что машина была загрязнена испражнениями.

*Никитченко*¹: Вы можете ответить, до какого времени существовала оперативная группа, которую вы возглавляли?

Олендорф: Штаб оперативной группы был еще на Кавказе, затем возвратился. Насколько я помню, потом была образована боевая группа Биркампа, которая с этого времени вела борьбу с партизанами. Оперативная группа, насколько я помню, была совсем распущена, и Биркамп был переведен в генерал-губернаторство. Он взял с собой большую часть своих бывших сотрудников.

Никитченко: Чем вы занимались после того, как оперативная группа была переформирована в боевую?

Олендорф: Я думаю, можно сказать, что оперативная группа перестала существовать в то время, когда началось отступление на Кавказе. Затем она выполняла задачи военного характера и находилась под непосредственным командованием на Украине, и в частности под командованием СС и полиции.

Никитченко: Она просто перешла в другое подчинение, но функции, которыми она занималась, продолжала выполнять?

Олендорф: Нет, она стала тогда боевой единицей.

Никитченко: Против кого она вела боевые действия?

Олендорф: Она действовала в рамках той борьбы, которая осуществлялась против партизанского движения.

Никитченко: Можете ли сказать конкретнее, что именно делала эта группа?

Олендорф: После отступления?

Никитченко: Да, после того, когда, как вы говорите, изменились ее функции, она вела борьбу только против партизан или и еще против кого-либо?

Олендорф: Я сам точно не знаю. Она имела своей задачей вести разведку о партизанских отрядах и, очевидно, должна была все время находиться в боевой готовности.

Никитченко: Но казнями она занималась?

Олендорф: Я не могу сказать, как обстояло дело в тот момент, так как эта группа уже находилась в тех районах, для которых подобные задачи уже не были действительны.

Никитченко: Вы в своих показаниях говорили, что оперативная группа имела целью уничтожение евреев и комиссаров. Правильно?

Олендорф: Да.

Никитченко: По каким мотивам истребляли детей?

Олендорф: Был приказ о том, что еврейское население должно быть полностью уничтожено.

¹ Генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко являлся членом Международного Военного Трибунала от СССР. — Составители.

Никитченко: В том числе и дети?

Олендорф: Да.

Никитченко: Только ли детей евреев уничтожали?

Олендорф: Да.

Никитченко: А детей тех, кого вы относили к категории комиссаров, тоже уничтожали?

Олендорф: Мне неизвестно, чтобы когда-либо разыскивали семью комиссара.

Никитченко: Отчеты о тех казнях, которые проводились группой, вы представляли куда-нибудь?

Олендорф: Донесения относительно казней регулярно поступали в главное имперское управление безопасности.

Никитченко: Вы лично представляли отчеты о совершенных убийствах, которые были произведены группой?

Олендорф: Оперативные команды, которые проводили это мероприятие, докладывали оперативной группе, а оперативная группа доносила в главное имперское управление безопасности.

Никитченко: Куда именно?

Олендорф: Лично начальнику полиции безопасности.

Никитченко: Персонально кому? Фамилию можете назвать?

Олендорф: Тогда это был Гейдрих.

Никитченко: А после Гейдриха?

Олендорф: Но ведь я затем прекратил работу; в общем — таков был приказ.

Никитченко: После Гейдриха вы продолжали представлять донесения?

Олендорф: Я больше не работал после смерти Гейдриха. Но, очевидно, донесения продолжали поступать.

Никитченко: Вам известно, что донесения продолжали поступать или их прекратили представлять?

Олендорф: Нет, не знаю.

Никитченко: Такая деятельность по истреблению советских людей, которую вы осуществляли, соответствовала политике правительства Германии и нацистской партии?

Олендорф: Да. Однако здесь надо различать две вещи: приказ, касавшийся ликвидации, исходил от фюрера рейха, а рейхсфюрер СС Гиммлер должен был выполнять этот приказ.

Никитченко: Находилось ли это в соответствии с политикой, проводившейся нацистской партией и правительством?

Олендорф: Это и есть политика, которая была определена Гитлером. Если вы спрашиваете, имеет ли это отношение к идее национал-социализма, я ответил бы отрицательно.

Никитченко: А на практике?

Олендорф: Да.

Председатель: Как я понял, вы сказали, что ценные вещи отбирались у евреев еврейскими старостами?

Олендорф: Да.

Председатель: Решали ли старосты, кого должны были убивать?

Олендорф: Нет.

Председатель: Откуда им было известно, кого должны были убивать?

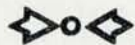
Олендорф: Старосты определяли, кто был евреем, и производили их регистрацию, каждого в отдельности.

Председатель: Когда они их регистрировали, отбирали ли они у них ценности?

Олендорф: Это делалось не всегда одинаково. Насколько я помню, старостам был дан приказ собирать ценности при регистрации...

Председатель: Следовательно, еврейские старосты не знали, будут ли они убиты или нет?

Олендорф: Это правильно.

Документ СССР-346

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ СВИДЕТЕЛЯ ВАСИЛЕВИЧА ИОСИФА АФАНАСЬЕВИЧА

1944 год, ноября 28 дня. Я, прокурор города Станислава — Цыбко, допросил в качестве свидетеля гражданина Василевича Иосифа Афанасьевича, 1891 года рождения, образование — 4 класса, по национальности — поляк, женат, работает в военное время в должности десятником.

«Во время немецкой оккупации города Станислава я работал каменщиком. В городе Станиславе я работал по ремонту сооружений. На огороде, недалеко от еврейского кладбища, это было в 1942—1943 гг., мне приходилось видеть, как немцы свозили на машинах, а также гнали пешком людей партиями по 300 и по 1000 и даже больше человек. Гнали на кладбище большими партиями людей почти каждый день. Я видел, как гнали детей, стариков и женщин целыми семьями. Всех этих граждан загоняли в отгороженный проволокой лагерь, который был организован на кладбище. Там, на кладбище, около 80 человек было использовано для рытья ям. После этого немцы раздевали людей наголо, приказывали им бегать кругом ямы, скакать в яму и там их расстреливали из автоматов и винтовок. В последнее время расстреливали людей не раздетыми, а одетыми.

В начале 1943 года немцы жгли людей там, на кладбище, для чего туда были завезены дрова.

Были случаи, что в ямы бросали детей и женщин и живыми зарывали их в землю. Одна женщина, фамилии не знаю, просила офицера не расстреливать ее, и он ей дал слово, что расстреливать не будет, он даже сказал: «даю офицерское слово, что расстреливать не буду», а по окончании расстрела той партии, в которой была эта женщина, ее, не расстреливая, взял сам этот офицер за руки и живой бросил в яму, и ее живую закопали.

Там уничтожено очень большое количество детей, сгоняли со всей Станиславской и других областей. Сколько там унич-

тожено людей, не знаю. Немцы убивали на кладбище евреев, поляков и украинцев. Всех людей убивали без всякой вины. Фамилии немецких офицеров и других лиц не знаю. Были ли переводчики и кто именно, не знаю.

В чем расписываюсь: *Василевич».*

Допросил прокурор города Станислава *Цыбко.*

Документ СССР-75

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЯ ИОСИФА МАЛИНОВСКОГО, ДОПРОШЕННОГО В ВАРШАВЕ 3 НОЯБРЯ 1945 Г.

Судебный следователь Варшавского суда 2-го округа Николай Халфтер по приказанию прокурора окружного суда снял показание нижепоименованного свидетеля сообразно статьям 107, 115 и 109 Уголовно-процессуального кодекса.

Свидетель после того, как он был осведомлен об ответственности за дачу ложных показаний, заявил под присягой:

«Мое имя Иосиф Малиновский, рожден 23 января 1917 г., сын Франца и Анны, проживающий в Волка Черностоцка, вблизи Радечница, округа Замостье, прежде не судившийся, землевладелец.

В ноябре 1943 года, когда я проживал дома, в деревне Волка Черностоцка, появились слухи, распространяемые жителями, посещавшими Замостье, или выселенными людьми, проходящими через наши деревни, что немцы начали выселять население всех деревень в округе Замостье.

Эти люди сказали мне, что общее выселение населения производилось сперва в деревне Навоз, близ Сулова, округа Замостье. По рассказам выселенных людей (я должен упомянуть, что некоторые из них остались жить с нами и скрывались от немцев), само выселение происходило следующим образом.

В деревне Навоз было около 100 домов, и население состояло примерно из 1000 человек: мужчин, женщин и детей. Ночью на нескольких грузовиках приехали солдаты, гестаповцы и жандармы. Вооруженные пулеметами, они окружили деревню и ждали рассвета. Никому не было разрешено выйти или войти в деревню.

Когда рассвело, немцы начали обходить все дома по очереди, приказывая жителям собрать кое-что из личного имущества, связать это в узлы и отправляться на сборный пункт, находившийся на улице деревни.

Сколько времени было оставлено жителям для того, чтобы собрать вещи, зависело всецело от воли жандармов, и оно определялось от пяти минут до получаса. Взять повозки, лошадей

или рогатый скот, разумеется, не было разрешено, брали только то, что каждый мог нести сам. Если кто-либо был болен, тому, в виде исключения, было разрешено остаться, особенно, если он был прикован к постели, но в некоторых случаях жителям таких домов было приказано приготовить носилки и нести больного человека на сборный пункт.

Таким образом, целая деревня была очищена от жителей.

Когда людей согнали на сборный пункт, появились грузовики и перевезли мужчин, женщин и детей в Замостье, где их поместили за колючей проволокой.

Таким же путем много других деревень округа Замостье было очищено от населения, например, Липско, Завада, Виселовжа, Плоские и другие.

Я должен упомянуть, что, если кто-либо старался избежать транспорта со сборного пункта или пытался убежать, в того стреляли, и случалось, что так убивали людей. Трупы были оставлены немцами на местах.

Насколько мне известно, немцы выселили всех, за исключением Volksdeutsche и украинцев. После выселения поляков в очищенные деревни были вселены немцы из Бессарабии или других областей.

Для того чтобы остановить акцию выселения польского населения, польская подпольная организация подготовила и совершила нападение на деревню Навоз после того, как немцы уже были вселены туда. Целью было обескуражить немецких пришельцев и, предав огню деревню, сделать колонизацию невозможной.

В отместку за это немцы расстреляли 123 человека — мужчин, женщин и детей в деревне Китов, близ Сулова. Немцы окружили деревню и произвели обыск во всех домах, убивая всех, кого там находили. После этого они сожгли деревню дотла, и при этом около 60 человек жителей были сожжены живыми. Несколько человек успели ускользнуть, и они рассказывали мне о случившемся. Деревня Китов расположена приблизительно в 15 километрах от деревни, где я в то время жил.

В июне 1943 года несколько человек появились в деревне Сохи, близ Тереспоя, округа Замостье, выдавая себя за членов подпольной организации. Они интересовались отношением жителей к акции подпольной организации, и некоторые из поселян выразили симпатии по отношению к ней.

Через несколько дней деревня была «умиротворена». Это значит, что однажды утром, до рассвета, там появились гестаповцы, солдаты и жандармы и окружили деревню. Когда рассвело, показали самолеты (мне говорили потом, что случилось, и я лично видел самолеты, потому что находился в пяти километрах от деревни) и бомбардировали деревню.

Самолеты сбросили тяжелые разрывные и зажигательные бомбы, а затем спустились низко и из пулеметов расстреливали жителей. Кто пытался убежать, был убит гестаповцами, солдатами и жандармами, окружившими деревню.

Люди прятались, где могли: на полях, в кустах и т. д. Я разговаривал со старостой этой деревни и одним из жителей, оставшимся в живых, — их имен я уже не помню — и от них я узнал подробно о происшествии.

Около десяти процентов населения осталось в живых, потому что многие в то время не были в деревне. Когда самолеты улетели, немцы прочесали местность, убивая всех, кого находили в живых.

30 июня 1943 г., когда я был в деревне Горайец-Стара Весь, вблизи Радечницы, округа Замостье, эта деревня была также «умиротворена» (одновременно с этим, как я узнал позже, два целых округа — Билгорай и Замостье были также «умиротворены»).

Я работал в то время в деревне Горайец, где был занят в течение дня, оставляя эту деревню еще до наступления сумерек, и отправляясь в Волка Черностоцка, где я тогда жил. 30 июня 1943 г. я пришел в деревню Горайец около 7 часов утра и принялся за работу.

Приблизительно в час дня появился грузовик с жандармами, и в то же самое время я заметил два немецких бомбардировщика, круживших низко над деревней. Грузовик проехал деревню и продолжал путь. Но через час явилась немецкая пехота, солдаты окружили деревню, и никому не было дозволено выйти из нее.

Деревня Горайец-Стара Весь имела около 400 домов и 1500 человек населения.

После пехоты появилось около 100 грузовиков с солдатами, которые вошли во все дома.

Начальник отряда, имени которого я не знаю, приказал старосте собрать всех мужчин деревни для удостоверения личности. Когда они собрались, солдаты их окружили и погнали в деревню Фрамполь, округа Билгорай, расположенную примерно в десяти километрах от деревни Горайец. Шел дождь, и людей гнали по грязи и дождю. Я лично не пошел на сборный пункт, а спрятался и наблюдал, что происходило.

Солдаты остались в деревне до 5 часов пополудни следующего дня и затем отправились по направлению к Шебжешину. Тогда я вышел из моего укрытия и из разговоров с женщинами узнал, что мужчины были приведены во Фрамполь, согнаны там в церковь и закрыты на ключ. Им не дали ни пищи, ни воды и не позволили выходить наружу для отправления естественных надобностей. Позже я узнал, что эти люди были

отправлены в концентрационный лагерь Звержинец в округе Замостье.

В то время, когда я скрывался в Горайец-Стара Весь, деревня Волка Черностоцка, где я жил, была также «умиротворена». Там произошло точно то же самое, что и в Горайеце. Я должен упомянуть, что, производя вышеупомянутые операции, немцы обыскивали все хутора, отыскивая прячущихся людей.

10 июля 1943 г. остатки населения деревни Горайец-Стара Весь были также выселены. Немцы (солдаты и жандармы) приехали на телегах, окружили деревню, взяли все телеги, которые там находились, впрягли лошадей и посадили на них женщин и детей, а также нескольких мужчин, которые там еще оставались. Все эти люди были отправлены в концентрационный лагерь Звержинец. В этот день я пошел на работу в Горайец-Стара Весь, но немцы не позволили мне войти в деревню, и я, оставаясь на известном расстоянии, наблюдал, как происходило выселение.

Более или менее таким же самым образом были произведены все выселения в округе Замостье, который был предназначен для вселения немцев, приезжающих из-за границы, и поэтому все население округа Замостье, или по крайней мере 95 процентов его, было выселено. Я должен напомнить, что людям удавалось избежать окружения для того, чтобы не быть отправленными в концентрационные лагеря. Они убегали и скрывались главным образом в округе Красныстав...

В течение нескольких недель люди содержались в концентрационных лагерях в ужасных условиях в смысле питания и санитарных мер. Затем их там делили на группы, и они отправлялись в другой лагерь, например, в Майданек или другие, некоторые были отправлены в Германию на принудительные работы или их заставляли работать на постройке аэродромов в округе Замостье.

Я должен упомянуть, что, если немцы находили людей, которые скрывались, они клеймили их, ставя им на лоб клеймо в виде креста, сделанное черным лаком, и после допроса отсылали их в лагерь Майданек.

Когда население пыталось перебрасывать заключенным в лагере Звержинец, находящимся за колючей проволокой, пакеты с пищей, лагерные часовые стреляли без предупреждения, и многие из этих людей были убиты, пытаясь передать кусок хлеба своим мужьям или братьям.

В дополнение я еще хочу сказать, что мой отец тоже был заключен в лагере Звержинец, и он мне рассказывал, что пьяные гестаповцы имели обычай по ночам стрелять в бараки, и случалось иногда, что одним выстрелом несколько человек в бараке были убиты.

Случалось также, что часовые били заключенных палками без всякой причины или из-за ничтожных причин и часто забивали их до смерти.

Заключенных били также при допросах, и некоторые умирали тут же на месте, а некоторые через несколько дней в бараках и вблизи бараков, на местах, где они были оставлены лежать, и никому не было позволено приблизиться и оказывать им помощь.

Условия жизни в лагере были настолько ужасны, что многие заключенные сходили с ума.

Когда заключенные из Звержинца отправлялись в лагерь Майданек, никому не было позволено приблизиться к ним или перебросить хлеб. Если кто-либо пытался сделать это, часовые стреляли в того.

Кто был не в состоянии идти пешком, был убит, и я должен напомнить, что их заставляли идти пешком от лагеря до лагеря.

Это показание мне прочитано и подписано

Иосиф Малиновский.

Н. Халфтер, судебный следователь.

Показание

Судебный следователь прочитал показание Иосифа Малиновского от 3 ноября 1945 г. в присутствии следующих свидетелей:

- 1) Иосифа Круковского 26 лет,
- 2) Болеслава Шафранского 27 лет,
- 3) Михаила Лавека 31 года,
- 4) Яна Войталя 41 года,

являющихся жителями округа Замостье, и все поименованные свидетели заявили, что и они или испытали на себе лично все вышеуказанное, как это показал Малиновский, или же слышали о том, что происходило, от людей, заслуживающих доверия.

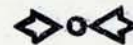
Они готовы принести присягу о том, что то, что показал Малиновский, — точно.

Показание прочитано и подписано вышепоименованными свидетелями.

Я, доктор Станислав Пиотровский, член польской делегации, сим удостоверяю, что я вполне знаком с польским и русским языками и что этот документ является верным переводом польского оригинала.

Доктор Станислав Пиотровский.

Нюрнберг, 21 декабря 1945 г.

ИЗ ПОКАЗАНИЯ ПОЛЬСКОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ—
СУДЬИ ОКРУЖНОГО СУДА В ЛОДЗИ ЭДИСЛАВА
ЛУКАШЕВИЧА, ДАННОГО ПЕРЕД ГЛАВНОЙ
КОМИССИЕЙ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ НЕМЕЦКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПОЛЬШЕ ¹

...Нагих мужчин, женщин и детей отправляли дорогой, ведущей к камерам, причем объявляли, что все они идут купаться. В первое время даже было приказано держать в руке один золотый, как плату за вход в купальню, чтобы возбудить у людей доверие...

Для того чтобы в камерах поместилось большее число жертв, людей загоняли с поднятыми руками, а на головы им бросали маленьких детей.

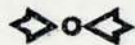
Эсесовец Зепп Гейтрейдер был специалистом по убийству младенцев, которых сам хватал за ножки и убивал, ударяя головой о забор. По показанию свидетелей, умерщвление в камерах продолжалось 15 минут...

Характерно, что в лагере находились учреждения, имеющие целью обмануть жертвы относительно предназначения лагеря. Для этого, например, был построен фиктивный вокзал... там были надписи: «буфет», «станционный зал», «кассы», «путевые столбы, знаки, указывающие узловую станцию и путь на «Восток» ².

¹ Лукашевич вел следствие по делу о преступлениях немцев в Трелинском лагере. — Составители.

² Число жертв, умерщвленных в Трелинке за период ее существования, польский следователь определяет в 781 600 человек. Однако материалы расследования, произведенного советской военной прокуратурой, свидетельствуют о том, что это количество является весьма преуменьшенным, и нужно считать, что фактически в Трелинке было умерщвлено примерно в три раза большее количество. В Трелинку свозились жертвы из всех стран Европы. Допрошенные польским следователем свидетели показали, что они видели при сортировке одежды даже английские паспорта и дипломы Кембриджского университета. Среди вещественных доказательств по делу имеется некоторое количество металлических монет, выкопанных во время земляных работ в Трелинке, встречается мелкая монета: польская, советская, немецкая, австрийская, чешская, греческая, бельгийская, французская и американская. — Составители.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
АМЕРИКАНСКИМ ОБВИНИТЕЛЕМ УОЛШЕМ
ПО РАЗДЕЛУ ОБВИНЕНИЯ
«ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ»

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 13 и 14 декабря 1945 г.]

От имени Главного обвинителя Соединенных Штатов Америки и в соответствии с соглашением, достигнутым между обвинителями, я сейчас представлю высокому Трибуналу документальные доказательства, подтверждающие определенные разделы обвинительного заключения, в частности, раздел «Военные преступления и преступления против человечности». Представляемые мною документы относятся к обвинению в преследовании евреев. Слово «преследовать» означает причинять страдания, беспокоить, досаждать. Однако этот термин не выражает действительного существа преступлений нацистов, так как конечной целью они провозгласили уничтожение еврейской расы. Я не собираюсь полностью перечислять здесь все преступления, совершенные ими в отношении евреев. Меня будут дополнять те из моих коллег, которые выступят вслед за мною по другим разделам обвинения. Доказательства, относящиеся к партийным и государственным организациям, преступность которых обвинение будет стремиться установить, покажут их роль и участие в подготовке и планировании уничтожения евреев.

Французский и советский обвинители также располагают документальными доказательствами по этому вопросу, они в свое время представят их в ходе процесса.

Прежде чем я начну перечислять действия, ведущие к уничтожению евреев, я хотел бы показать, что эти действия, а также политика, которая проводилась внутри Германии, начиная с 1933 года до конца войны, относятся к планированию, подготовке, развязыванию и ведению агрессивных войн и, таким образом, подпадают под определение преступлений против человечности, как это указано в п. «с» статьи 6 Устава.

С давних пор в Германии существовало убеждение, что первая мировая война окончилась для нее поражением потому, что Германия потерпела крах на внутреннем фронте. Вследствие этого при планировании новых войн было решено, что необходимо предотвратить возможность повторения на внутреннем фронте катастрофы 1918 года. Для успешного планирования и ведения войны надо было добиться консолидации германского народа по принципу нацистов: «Одна раса, одно государство, один фюрер».

Поэтому были ликвидированы свободные профсоюзы, запрещены политические партии (кроме национал-социалистской), отменены гражданские свободы и уничтожена всякая оппозиция... расовая антиеврейская политика была частью этого плана...

Поэтому обращение с евреями в Германии рассматривалось как составная часть планирования и подготовки агрессивной войны, так же, как производство вооружения и воинская повинность. На этом основании обвинение в преследовании евреев подлежит рассмотрению Трибуналом. Преследования и убийства евреев начиная с 1939 года на захваченных территориях Европы являются и военными преступлениями, как это определено статьей 6 (п. «b») Устава. Эти преступления являются нарушением статьи 46 Гаагской Конвенции 1907 года, которая была подписана также Германией.

Я сейчас зачитаю статью 46 и прошу Трибунал принять ее без доказательства: «Должны уважаться права и честь семьи, человеческая жизнь и частная собственность, так же как религиозные убеждения и исполнение религиозных обрядов».

Я не знаю других преступлений в истории человечества, которые были бы более ужасными, чем обращение с евреями. Я намереваюсь доказать, что нацистская партия поставила перед собой цель, позднее нашедшую отражение в политике германского государства, о которой часто открыто заявляли подсудимые, — уничтожить еврейский народ.

Я постараюсь избежать соблазна (как бы велик он ни был) истолковывать документы или делать какие-либо выводы. Я предпочитаю, чтобы документы говорили сами за себя в своем неприкрашенном реализме.

Возможно, кровожадность могла играть некоторую роль во всех жесточайших преступлениях, но главной целью уничтожения еврейской расы было осуществление одного из основных пунктов нацистского плана — подготовки и ведения агрессивной войны.

С этого момента я ограничу представление доказательств лишь теми, которые относятся к действиям, доказательства по которым еще не представлены, но я прошу Трибунал быть сни-

сходительным, если окажется необходимым при рассмотрении их сослаться на уже ранее представленные документы.

Окончательной целью было уничтожить евреев. Однако этого нельзя было выполнить без предварительных мероприятий. Сначала нацистской партии надо было захватить власть в германском государстве, показать свою силу перед лицом мирового общественного мнения и привить приведенному в повиновение германскому народу чувство ненависти к евреям.

Первое доказательство политики фашистской партии в отношении евреев содержится в программе партии, принятой в феврале 1920 года (документ ПС-1708, США-225):

«... § 4. Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания... Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе».

И далее в § 6: «Право решать вопросы, касающиеся администрации и закона, принадлежит только гражданину. Поэтому мы требуем, чтобы на все должности во всех государственных учреждениях любого рода, будь то в империи, земле или муниципалитете, назначались только граждане».

В распоряжении Суда хранится документ ПС-2662 под номером США-256 — книга «Майн кампф». На страницах 724—725 этой книги Гитлер говорил, что для выполнения своей задачи национал-социалистское движение должно относиться к евреям как к своим смертельным врагам...

Целый поток гнусной литературы всех видов и для людей всех возрастов издавался и распространялся по всей Германии, чтобы вызвать ненависть к евреям...

Документ ПС-2697 — экземпляр «Дер Штюрмер», представленный под номером США-259. Он издавался подсудимым Штрейхером, который специализировался на разжигании ненависти к евреям.

Когда нацисты захватили в Германии власть, они получили новое и ужасное орудие против евреев, а именно возможность использовать против них государственную власть. Это делалось путем издания декретов. Так, еврейские иммигранты были лишены прав гражданства («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 480). Соответствующий декрет был подписан подсудимыми Фриком и Нейратом. Евреям не разрешалось вступать в гражданство («Рейхсгезетцблатт», 1935 год, часть 1, страница 1146). Декрет подписан подсудимыми Фриком и Гессом. Евреям запрещалось состоять в браке или вступать во внебрачные отношения с лицами германской крови. Евреи лишались права голоса («Рейхсгезетцблатт», 1936 год, часть 1, страница 133). Декрет подписан подсудимым Фриком. Евреям

запрещалось занимать официальные должности или состоять на государственной службе («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 277). Декрет подписан подсудимым Фриком.

Было решено низвести евреев на низшую ступень общественной лестницы путем лишения их общих привилегий и свобод. Так, им был запрещен доступ в определенные районы города, им запрещалось пользоваться тротуарами, транспортом, увеселительными заведениями и ресторанами («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 1676).

Постепенно применялись все более строгие меры. Частная практика, в том числе зубоврачебная, была запрещена («Рейхсгезетцблатт», 1939 год, часть 1, страница 47). Декрет подписан подсудимым Гессом.

Запрещалось заниматься юриспруденцией («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1408). Декрет подписан подсудимыми Фриком и Гессом.

Запрещалась врачебная практика («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 969). Декрет подписан подсудимым Фриком и Гессом.

Запрещалось заниматься делами печати и радио («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 661).

Запрещалось участвовать в биржевых операциях и быть биржевыми маклерами («Рейхсгезетцблатт», 1934 год, часть 1, страница 169).

Запрещалось заниматься даже сельским хозяйством («Рейхсгезетцблатт», 1933 год, часть 1, страница 685).

В 1938 году их исключили из деловой и экономической жизни Германии («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1580). Декрет подписан подсудимым Герингом.

Евреев заставляли платить большие налоги и огромные штрафы. Их дома, банковские счета, недвижимая собственность и ценности — все было экспроприровано.

Документ ПС-1816 (США-261) представляет собой стенограмму совещания под председательством подсудимого Геринга, на котором среди прочих присутствовал подсудимый Функ. Совещание состоялось 12 ноября 1938 г. в 11.00 в имперском министерстве авиации.

Приводятся слова подсудимого Геринга:

«Еще один вопрос, господа. Что бы вы сказали, если бы я сегодня заявил, что еврейство в качестве наказания должно уплатить один миллиард...»

Вслед за этим совещанием был издан декрет о том, что на германских евреев был наложен штраф в размере одного миллиарда имперских марок («Рейхсгезетцблатт», 1938 год, часть 1, страница 1579). Декрет подписан подсудимым Герингом.

Аналогичные декреты содержатся в «Рейхсгезетцблатт», 1939 года (часть 1, страница 282) и в «Рейхсгезетцблатт» 1941 года (часть 1, страница 722). Декреты подписаны подсудимыми Герингом, Фриком и Борманом. И, наконец, в 1943 году евреев на основании декрета, подписанного подсудимыми Борманом, Фриком и другими, лишили права обращаться в суд. При всяком разборе дел, касающихся их, единственным арбитром была полиция, решавшая вопросы о наказании и даже смерти («Рейхсгезетцблатт», 1943 год, часть 1, страница 372).

Акты насилия против евреев начались в 1933 году. Одетые в форму нацисты совершали налеты на синагоги, когда там шла служба, избивали лиц, которые присутствовали в синагоге и оскверняли религиозные эмблемы и предметы. Отчет о таких событиях содержался в официальном донесении американского генерального консула в Лейпциге от 5 апреля 1933 г. (документ ПС-2709, США-265).

«Несколько недель назад в Дрездене одетые в форму нацисты произвели налет на синагогу, прервали вечернюю церковную службу, арестовали 25 присутствующих и сорвали священную эмблему с их головных покрывал, которые надевают во время молитвы».

На конференции представителей германской печати в Нюрнберге подсудимый Штрейхер и Либель, мэр города Нюрнберга, сообщили собравшимся представителям печати, что нюрнбергская синагога должна быть разрушена. Протокол этой конференции от 4 августа 1938 г. представляется за номером ПС-1724 (США-266).

11 августа 1938 г. в газетах уже сообщалось (документ ПС-2711, США-267): «В Нюрнберге производится разрушение синагоги; сам Юлий Штрейхер лично перед началом работы произнес речь, которая длилась более чем полтора часа. Затем по его приказу в виде как бы прелюдии к разрушению была сорвана огромная звезда Давида с купола синагоги».

Эти акты насилия не были местными антисемитскими демонстрациями. Ими руководил и приказы об их проведении отдавал центральный штаб в Берлине. Это доказывается серией телеграфных сообщений, посланных берлинским штабом государственной тайной полиции начальникам полиции по всей Германии 10 ноября 1938 г. В этих телеграммах содержались инструкции относительно подготовляющихся демонстраций (документ ПС-2051, США-240).

«В связи с покушением на жизнь секретаря миссии фон Рата в Париже в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей империи ожидаются демонстрации против евреев. При проведении этих мероприятий следует руководствоваться нижеследующим:

1) Руководителям полицейских органов или их заместителям по получении этой телеграммы надлежит немедленно установить телефонную связь с политическими (районными, областными или окружными) руководителями и договориться с ними о проведении демонстрации. К обсуждению необходимо привлечь инспектора или начальника полиции порядка. На этих совещаниях политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции следующие указания, в соответствии с которыми должны организовывать свои мероприятия и политические руководители:

а) должны проводиться только такие мероприятия, которые не будут угрожать германской жизни или собственности (например, синагоги следует поджигать только в том случае, если нет опасности распространения пожара на прилегающие здания);

б) магазины, учреждения и частные квартиры евреев надо разрушать, но не следует их грабить. Полиции поручается наблюдать за выполнением этого указания и задерживать грабителей».

До этого момента мы сталкивались с постепенно усиливавшейся и расширявшейся кампанией против евреев, что было одним из основных принципов нацистской партии и государства. А с этого времени пламя предрассудков было так раздуто, что оно возбуждало весь германский народ. Германское государство было уже вооружено и готово для захватов, а мировое общественное мнение без опасений можно было игнорировать. К этому времени из Германии уже было изгнано 200 тысяч из общего количества 500 тысяч евреев. Поэтому контролируемое нацистами германское государство осмелело, и Гитлер, в ожидании агрессивной войны, уже решил вопрос о том, кого сделать козлом отпущения за подготовлявшую мировую катастрофу.

В нашем документе ПС-2663, который я представляю в качестве доказательства под номером США-268, содержится речь Гитлера в рейхстаге 30 января 1939 г. «В случае, если международные еврейские банкиры внутри и вне Европы сумеют еще раз ввергнуть нации в мировую войну, то результатом такой войны будет не большевизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе».

Подсудимый Розенберг написал для журнала «Мировая борьба» следующее (документ ПС-2665, США-270): «Еврейский вопрос будет разрешен только тогда, когда на европейском континенте не останется ни одного еврея».

Ганс Франк в своем дневнике, как бы извиняясь, писал (документ ПС-2233, США-271): «Я, конечно, не могу истребить всех вшей и всех евреев в течение одного только года, но с те-

чением времени, а главным образом если вы поможете мне, эта цель будет достигнута».

В своих высказываниях, писаниях и декретах нацисты совершенно ясно выразили свое намерение истребить евреев. Как же они проводили в жизнь эту программу?

Первым требованием их была поголовная регистрация всех евреев, и, поскольку политика, проводимая в отношении евреев, шла по пятам за германской агрессией, такая регистрация требовалась не только в пределах Германии, но также и на последовательно захватываемых территориях.

Следующий шаг заключался в том, чтобы собрать и сконцентрировать евреев на ограниченной территории, которая называлась гетто. Эта политика тщательно разрабатывалась. Об этом свидетельствуют секретные заметки, взятые из архива подсудимого Розенберга (документ ПС-212, США-272).

«Первой основной целью немецких мер, проводимых в этом вопросе, должно быть строжайшее отделение евреев от остального населения. При проведении этой меры прежде всего нужно проводить захват еврейского населения путем введения приказа о регистрации и подобных ей мер...

Все права на свободу должны быть отняты у евреев, они должны помещаться в гетто и в то же самое время они должны быть разделены согласно полу. Наличие целых еврейских общин и поселений в Белоруссии и Украине делает это особенно простым. Более того, следует избрать места, где будет удобнее применять еврейскую рабочую силу в том случае, если в ней будет потребность. Эти гетто могут быть созданы под руководством еврейского самоуправления, с еврейскими чиновниками. Однако охрана этих гетто и отделение их от остальной местности должны быть поручены полиции. В тех случаях, где еще нельзя устроить гетто, следует проследить, чтобы были введены суровые меры, которые запрещали бы продолжение смешения крови между евреями и остальным населением».

В мае 1941 года Розенберг как имперский министр по делам восточных территорий издал директиву об организации гетто на Украине (документ ПС-1023, США-273).

«После того как евреи будут отстранены от работы во всех гражданских учреждениях, еврейский вопрос будет разрешен путем организации гетто».

Одно из самых больших гетто находилось в городе Варшаве. Подлинный рапорт генерал-майора СС Штропа озаглавлен: «Варшавское гетто больше не существует» (документ ПС-1061, США-275).

«В этом гетто, организованном в Варшаве, жили 400 тысяч евреев. В нем было 27 тысяч квартир, примерно по две с половиной комнаты в каждой. Гетто было отделено от остального

города стенами и заборами. Все открытые места, окна и двери были заколочены.

Некоторой иллюстрацией существовавших в гетто порядков служит полученный Гиммлером от бригаденфюрера СС группы «А» 15 октября 1941 г. рапорт (документ Л-180, США-276).

«Кроме организации и проведения мер по уничтожению, о которых говорилось с первых дней наших операций, во многих больших городах стали создавать гетто. Это было особенно необходимо в Ковно, потому что там было 30 тысяч евреев при населении в 152 400 человек... В Риге для гетто был назначен так называемый Московский пригород. Это самый плохой с точки зрения жилищных условий район Риги. В нем уже теперь в большинстве своем живут евреи. Перевод евреев в этот район был затруднительным, потому что латыши, живущие в этом районе, должны были быть эвакуированы, а квартирные условия в Риге очень тяжелые. Из 28 тысяч евреев Риги 24 тысячи были переведены в гетто».

При устройстве гетто полиция безопасности ограничивалась тем, что выполняла полицейские функции, в то время как устройство и управление гетто, так же как регулирование поставок продуктов питания для тех, кто жил в гетто, было предоставлено гражданской администрации, а управлению труда было поручено заниматься вопросом распределения еврейской рабочей силы. В других городах, где было много еврейского населения, также были созданы гетто.

Нельзя себе представить более катастрофических условий, чем те, которые были обнаружены в гетто в Раве-Русской и Рогатине.

«Евреи Равы-Русской, боясь эвакуации, спрятали тех, кто страдал сыпным тифом, в ямах. Когда должна была начаться эвакуация, полиция обнаружила, что три тысячи евреев страдавших сыпным тифом, спрятаны в этом гетто. Для того чтобы уничтожить центр инфекции, все полицейские офицеры, которым была сделана прививка против сыпного тифа, были призваны для этого дела. Таким образом, нам удалось уничтожить этот источник чумы, потеряв при этом только одного офицера».

Такие же примерно условия были обнаружены в Рогатине.

«Поскольку мы получаем все более и более тревожные сообщения о том, что евреи вооружаются и что это продолжается все время, мы начали две недели тому назад, в июне 1943 года, по всему району Галиции осуществлять мероприятия с применением самых решительных мер для того, чтобы уничтожить еврейские банды. Было обнаружено, что необходимы специальные меры для того, чтобы распустить гетто во Львове, где были устроены землянки, о которых я уже говорил. Для того чтобы избежать потерь с нашей стороны, здесь с самого начала надо

было действовать жестоко. Нам пришлось взорвать и сжечь несколько домов... Мы сумели поймать примерно 20 тысяч евреев вместо 12 тысяч, которых мы зарегистрировали. Мы должны были вытащить по крайней мере 3 тысячи еврейских трупов из всякого рода укромных мест. Там они совершили самоубийства, приняв яд.

...В период проведения эвакуации мы провели также конфискацию еврейской собственности. Очень большое количество этой собственности было конфисковано и передано специальному управлению «Рейнхард».

Кроме мебели и текстильных товаров, следующие предметы были конфискованы и переданы управлению «Рейнхард». Вот часть списка этих конфискованных предметов: около 21 килограмма золотых обручальных колец, 7 полных коллекций печатей, полный чемодан перочинных ножей, ящик вечных ручек и автоматических карандашей, полные три мешка колец не настоящего золота, 35 вагонов мехов; 11,73 килограмма золотых зубов и т. д.

К концу 1942 года евреи в польском генерал-губернаторстве были согнаны в 55 общин, в то время как до немецкого вторжения существовала тысяча еврейских поселений на той же площади. Это сообщено в официальной газете генерал-губернаторства за 1943 год, № 94.

Евреи, поскольку их регистрировали и поселяли в гетто, стали фактически источником рабского труда. Полагаю, что следует подчеркнуть, какая разница существует между рабским трудом и трудовой повинностью. В последнем случае должна была существовать какая-то компенсация, какое-то медицинское обслуживание и другие элементарные меры социального обеспечения, но существовала вторая группа, которая фактически ничего не получала и находилась на положении рабов. Подсудимый Розенберг, бывший рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий, учредил специальный отдел, который должен был разрешать еврейскую проблему путем организации рабского труда. Его планы содержались в документе, который мы представляем под номером ПС-1024 (США-278).

Этот документ озаглавлен: «Общая организация и задачи управления по разрешению вопросов, связанных с восточными территориями». Он датирован 29 апреля 1941 г.

«Разрешение еврейской проблемы должно сейчас проводиться мерами временного характера. Рабский труд для евреев, создание гетто и т. д. должны служить разрешению этой проблемы».

После этого Розенберг издал инструкцию о том, что еврейский труд должен применяться и использоваться главным образом в форме ручного труда (документ ПС-212, США-272).

«...Еврейский труд, независимо от возраста, должен полностью и неограниченно использоваться для перестройки оккупированных восточных территорий...

Нарушение указаний германских властей, в особенности нарушение распоряжений по использованию принудительного труда со стороны евреев, должно караться смертью».

Из гетто еврейские рабочие отбирались и отправлялись на специальные пункты, где они концентрировались. Здесь отделялись евреи, которых можно было использовать для работы, причем их отделяли от тех, которые казались ненужными. Например из 46 тысяч евреев отбирались 10—15 тысяч таких, которые должны были работать.

Рапорт генерал-лейтенанта полиции Кацмана генералу полиции Востока Крюгеру (документ Л-18, США-277) ясно показывает характер этого насильственного принуждения к труду и дает представление об условиях труда евреев в это время.

«Лучшим лекарством здесь будет организация трудовых лагерей с помощью СС и полицейских руководителей. Наиболее подходящий вид труда может заключаться в том, чтобы построить дорогу Дч. 4, которая так необходима и важна для всей южной части фронта и которая сейчас находится в катастрофическом состоянии.

15 октября 1941 г. организация лагерей вдоль этой дороги была уже начата, и, несмотря на значительные трудности, которые существовали, через две недели уже было организовано семь лагерей, в которых содержались тысячи евреев...

Вскоре за этими лагерями было организовано еще несколько лагерей. Таким образом, через некоторое время мы имели уже 15 лагерей и сообщили об этом руководящим работникам СС и полиции. За это время примерно 20 тысяч евреев прошли через эти лагеря, и, несмотря на невероятные трудности, я сегодня могу доложить, что 160 километров дороги уже построено...»

Начиная представление доказательств осуществления гитлеровцами программы уничтожения евреев, я хочу обратиться к тому богатому источнику документальных доказательств, которым является дневник Ганса Франка, генерал-губернатора оккупированной Польши. На заседании кабинета во вторник 16 декабря 1941 г. в здании правительства в Кракове подсудимый Франк обратился с заключительной речью к собравшимся (документ ПС-2233, США-281):

«...Поскольку дело касается евреев, я хочу сказать вам совершенно откровенно, что с ними надо покончить тем или иным способом.

...Что нужно делать с евреями?.. Мы ничего не можем сделать с ними ни в Остланде, ни в рейхскомиссариате. Поэтому

ликвидируйте их сами. Господа, я должен просить вас отказаться от всякого чувства жалости. Мы должны истребить евреев, где бы мы их ни находили и всякий раз, когда это только возможно...

Устарелые взгляды не могут применяться для выполнения такой исключительно важной и единственной в своем роде задачи. Мы должны найти путь, который ведет к цели, и мои мысли работают в этом направлении. Евреи являются для нас сейчас вредными микробами. Мы имеем сейчас примерно два с половиной миллиона евреев в генерал-губернаторстве. И если считать полуевреев и всех тех, которые к ним относятся, мы имеем три с половиной миллиона. Мы не можем расстрелять или отравить эти три с половиной миллиона, но мы, тем не менее, сумеем принять меры, которые приведут тем или иным путем к их уничтожению...»

Я время от времени ссылаюсь на некоторые высказывания и действия подсудимого Розенберга как одного из руководителей политики нацистской партии в германской империи. Может быть, подсудимый Розенберг будет утверждать, что многие из его действий были вызваны полученными свыше указаниями. Однако передо мной находится захваченный документ (ПС-001, США-282), помеченный грифом «секретно», датированный 18 декабря 1941 г. и озаглавленный: «Меморандум для фюрера, касающийся еврейской собственности во Франции». Я осмелюсь здесь заявить, что никакой другой документ, представленный Трибуналу, не является столь убедительным и столь ярким доказательством позиции, занимаемой подсудимым Розенбергом, его личных убеждений и его отношения к евреям, чем этот меморандум, в котором он по собственной инициативе требует смерти и грабежа.

«В связи с приказом фюрера о захвате еврейских культурных ценностей докладываю, что большое количество еврейских домов никем не контролируется. В результате большое количество мебели исчезло потому, что не были выставлены часовые. На всем Востоке администрация обнаружила жуткие условия в жилых квартирах, а возможность улучшения их столь ограничена, что не стоит об этом говорить. Поэтому я прошу фюрера разрешить захватить все еврейские дома и всю мебель евреев в Париже, всех тех евреев, которые убежали или которые собираются уехать, а также во всех домах евреев, которые живут в оккупированных районах Запада, для того, чтобы восполнить недостаток мебели в восточных районах.

Большое количество евреев после короткого допроса в Париже были выпущены. Покушения на жизнь наших солдат не прекратились. Напротив, они продолжаются. Это показывает, что существует определенный план нарушить германо-фран-

цузское сотрудничество, вынудить Германию отомстить и, таким образом, вызвать новую волну сопротивления во Франции против Германии. Я предлагаю фюреру вместо того, чтобы казнить сто французов, заменить их сотней еврейских банкиров, адвокатов и т. д. Именно евреи в Лондоне и Нью-Йорке подстрекают французских коммунистов совершать акты насилия и было бы чрезвычайно справедливо, чтобы члены этой расы расплатились за это. Не рядовые евреи, а ведущие евреи во Франции должны за это ответить. Это приведет к тому, что начнутся антисемитские настроения. *А. Розенберг*».

С разрешения Трибунала я хотел бы остановиться на доказательствах умерщвления евреев голодной смертью.

Подсудимый Ганс Франк записал в своем дневнике, что в польском гетто были установлены голодные нормы, и, ссылаясь на новые правила продовольственного снабжения, введенные в августе 1942 года, он бессердечно и, по-видимому, мимоходом указал, что, используя эти правила, он приговорил к голодной смерти более чем один миллион евреев.

Я представляю в качестве доказательства дневник Ганса Франка, запись от 24 августа 1943 г.

«Тот факт, что мы приговариваем 1 миллион 200 тысяч евреев к голодной смерти, следует отметить только мимоходом. Само собою разумеется, что если евреи не умрут с голоду, то мы надеемся, это произойдет в результате активизации антиеврейских мероприятий».

Евреям запрещалось заниматься сельским хозяйством с целью закрыть им доступ к источникам продовольствия, о чем свидетельствует документ, озаглавленный «Временные директивы относительно обращения с евреями» (документ ПС-1138, США-284). Директивы изданы рейхскомиссаром Остланда.

«Евреев надо изгонять из сельской местности. Евреев надо изгонять из всех областей торговли, особенно из торговли сельскохозяйственными продуктами и другими продуктами питания».

Евреям запрещалось покупать основные продукты питания, такие как мучные изделия, мясо, яйца и молоко.

Государственной полиции было поручено изымать продовольственные посылки евреям, присылаемые из-за границы. Еврейские продовольственные карточки имели на лицевой стороне цветную надпись «еврей», чтобы владельцы магазинов могли сразу определить национальность владельца и ограничить закупки евреев.

По специальному приказу № 44 от 4 ноября 1941 г. в восточных оккупированных областях для евреев устанавливались нормы, которые составляли лишь половину самых низших норм для остальной части населения.

Министерству сельского хозяйства предписывалось целиком или частично лишать евреев возможности приобретать продовольствие. Таким образом еврейское население обрекалось на голодную смерть.

Представляю документ ПС-1061 (США-275), озаглавленный «Варшавское гетто больше не существует».

Это — целый том, переплетенный в кожу, со многими иллюстрациями и отпечатанный на бумаге высшего качества; он представляет собой образец германского ремесленнического мастерства. Это отчет о деятельности генерал-майора полиции Штропа. Генерал Штроп вначале превозносит «мужество» и «героизм» германских вооруженных сил, участвовавших в жестоких и беспощадных действиях против беззащитных евреев, которых насчитывалось 56 065 человек, в том числе, конечно, женщин и детей. Затем в этом документе он описывает день за днем, как производилось выполнение его задания — разрушить, смести с лица земли Варшавское гетто. Согласно этому отчету, в гетто, созданном в Варшаве в ноябре 1940 года, находилось около 400 тысяч евреев. До начала операции по разрушению этого гетто около 316 тысяч евреев было уже вывезено оттуда¹.

В донесении от 24 мая 1943 г. генерал-майор Штроп подвел последние итоги.

«Из общего числа 560 065 человек пойманных евреев примерно 7 тысяч человек были убиты на территории бывшего гетто во время операции широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II²».

Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек. Помимо названных 56 065 человек, примерно 5 или 6 тысяч евреев были уничтожены во время взрывов или же погибли в пламени».

В Прибалтике проводились аналогичные операции. Об этом свидетельствует отчет бригаденфюрера СС Шталокера от 15 октября 1941 г., адресованный Гиммлеру и обнаруженный нами в личном архиве Гиммлера (документ Л-180, США-276). Он озаглавлен: «Группа действия А». В отчете докладывалось, что 135 567 человек, почти все евреи, были убиты в соответствии с приказами о полном уничтожении евреев. Этот документ дает нам возможность ознакомиться с следующими заявлениями того же бригаденфюрера СС.

«К нашему изумлению, вначале было нелегко провести большой еврейский погром. Климатис — начальник отряда вооруженных добровольцев, который вначале был использован для этой цели, смог организовать погром лишь в соответствии

¹ Текст этого документа см. на стр. 702 и сл. — Составители.

² Т-II — условное обозначение лагеря уничтожения № 2 в Трелинке. — Составители.

с советами, которые давались ему небольшой воинской частью, действовавшей в Каунасе. Это было сделано таким образом, что постороннему наблюдателю невозможно было заметить никакого нажима или подстрекательства со стороны немцев...»

В качестве средства массового уничтожения евреев были использованы газовые автомашины. Описание этих машин ужаса и смерти и их действия подробно изложено в совершенно секретном отчете от 16 мая 1942 г., который был адресован оберштурмбаннфюреру СС Рауфу в Берлин, Принцальбрехтштрассе, 8, доктором Беккером, унтерштурмфюрером СС (документ ПС-501, США-288).

«Осмотр газовых автомобилей группы «D» и «C» окончен. В то время как газовые автомобили первой серии могут использоваться и в плохую погоду, автомобили второй серии («Заулер») совершенно выходят из строя в дождливую погоду. Например, если они пробыли под дождем в течение получаса, то их нельзя использовать потому, что они буксуют. Эти автомобили можно использовать только при абсолютно сухой погоде. Вопрос заключается теперь в том, можно ли использовать газовый автомобиль тогда, когда он стоит на месте казни. Во-первых, его следует доставить к этому месту, что возможно только при хорошей погоде. Во-вторых, место казни обычно находится в 10—15 километрах от шоссе и к нему трудно добираться. В грязь или в сырую погоду к нему вообще нельзя проехать. Если лиц, подлежащих уничтожению, перевозят или ведут к этому месту, то они быстро начинают соображать, что происходит, и начинают беспокоиться, чего следует избегать, насколько это возможно. Остается один только способ — грузить их на автомашины в одном пункте, а затем перевозить к месту казни.

Я приказал замаскировать автомашины «D» под прицепы, приспособленные под жилье, приделав по одной паре оконных ставен с каждой стороны малого газового автомобиля и по две пары ставен на каждой стороне больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Эти машины стали настолько хорошо известными, что не только власти, но и гражданское население называют эти автомобили «душегубками», как только появится хотя бы одна такая автомашина.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но и замаскировать его...

Ввиду пересеченной местности, ужасных дорог и шоссе заклепки со временем отходят и появляются щели. Меня просили, чтобы в таких случаях можно было не направлять автомобили на ремонт в Берлин. Перевозка в Берлин была бы слишком

дорога и требовала бы слишком много горючего. С целью избежать этих затрат я приказал запаивать небольшие щели, а если это, в конце концов, окажется невозможным, то немедленно информировать Берлин по радио. Затем я приказал, чтобы во время выпуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашин с тем, чтобы их здоровье не страдало от газа, который может иногда выходить наружу. Я хотел бы воспользоваться этим случаем, чтобы обратить ваше внимание на тот факт, что некоторые команды должны были производить разгрузку после применения газа своими силами. Я обратил внимание командира С. К. на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые эта работа может иметь для этих людей, если не сразу, то по крайней мере, позднее. Люди жалуются мне на головные боли, которые появляются после каждой разгрузки. Тем не менее они не хотят уклоняться от выполнения приказа потому, что заключенные, привлеченные к этой работе, могут использовать удобный момент для того, чтобы совершить побег. Я прошу вас отдать соответствующие приказы для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба его здоровью...

Газ не всегда применяется правильным образом. С целью кончить как можно скорее шофер нажимает акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. Больше не приходится наблюдать искаженные лица и испращения, как это было прежде.

Сегодня я продолжу мою инспекционную поездку и посетю группу «B», где я смогу получить дальнейшие сведения. Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС».

На странице 3 документа ПС-501 имеется письмо хауптштурмфюрера Трюге по вопросу газовых автомобилей, адресованное в главное имперское управление безопасности в Берлине, в комнату № 2-D-3-A. Это совершенно секретное письмо подтверждает использование газовых автомобилей для уничтожения евреев.

«Тема: «Газовые автомобили». Транспорт с евреями, которые должны быть подвергнуты особому обращению, прибывает еженедельно в управление начальника полиции безопасности и службы безопасности Белоруссии. Три газовых автомобиля, которые имеются там, недостаточны для этой цели. Я прошу, чтобы прислали еще один газовый автомобиль (пятитонку). В то же время я прошу, чтобы переправили 20 газовых труб для трех автомашин, которыми мы располагаем (две «Диамонд», одна «Заулер»), так как имеющиеся трубы уже

пропускают газ. Начальник полиции безопасности и службы безопасности Остланда. (подпись)».

Насколько бесчеловечны были методы истребления, видно из письма, адресованного имперскому министру по оккупированным восточным территориям.

«Тот факт, что к евреям применяется особая мера, не нуждается в дальнейшей дискуссии. Однако с трудом можно поверить, чтобы это совершалось таким образом, как об этом говорится в отчете генерального уполномоченного от 1 июня 1943 г. Что представляет собой Катынь по сравнению с этим? Подумать только, что события станут известны противнику, который может это использовать. Хотя, вероятнее всего, такая пропаганда не будет иметь никакого успеха потому, что люди, которые будут слушать или читать об этом, просто не поверят, что это правда...

Запирать мужчин, детей и женщин в сараях и поджигать эти сараи не является подходящим методом для борьбы с бандами, даже если это преследует цели истребления населения...» (документ Р-135, США-289).

Начальник тюрьмы города Минска Гюнтер в письме от 31 мая 1943 г., адресованном генеральному комиссару Белоруссии, сообщал:

«13 апреля 1943 г. бывший германский зубной врач Эрнест Израель Тишауер и его жена Эльза Сарра Тишауер, урожденная Розенталь, службой безопасности были помещены в судебную тюрьму. С этого времени все немецкие и русские евреи, которые привозились к нам, подвергались операции по выдергиванию или выламыванию золотых зубов, мостов и коронок. Это производилось за один-два часа до соответствующих действий...

Начиная с 13 апреля 1943 г. было убито 516 немецких и русских евреев. Точно установлено, что золотые предметы изо рта были извлечены в течение только двух операций: в первый раз 14 апреля 1943 г. у 172 евреев и во второй раз 27 апреля 1943 г. у 164 евреев. Примерно 50 процентов евреев имеют золотые зубы, мосты и пломбы. При этом всегда лично присутствовали гауптшарфюрер СД Рюбер, который и забирал золото. До 13 апреля 1943 г. этого не делалось. Гюнтер, начальник тюрьмы».

Это письмо было направлено подсудимому Розенбергу как имперскому министру по оккупированным восточным территориям в июне 1943 года.

Я представляю в качестве доказательства захваченное письмо инспектора по вооружению на Украине от 2 декабря 1941 г., адресованное начальнику вооружений генералу Томасу (документ ПС-3257, США-290).

«...Я направляю полный отчет о нынешнем положении в украинский рейхскомиссариат для личного сведения начальнику управления вооружения и экономики. В этом отчете с бесспорной ясностью описываются трудности и напряженная обстановка, которые имелись до сих пор, а также проблемы, которые могут вызвать серьезное беспокойство.

Я умышленно решил отказаться от передачи этого отчета через официальные каналы или же сделать известным его содержание другим ведомствам, так как не жду от этого никаких результатов. Наоборот, я сознаю, что ввиду сложности ситуации могут только увеличиться трудности и напряженность обстановки и усилиться расхождения во взглядах.

«Еврейская проблема». Разрешение еврейского вопроса на Украине было трудной проблемой, так как евреи составляли значительную часть городского населения... Во многих городах еврейское население превышало 50 процентов. Только богатые евреи сумели ускользнуть от германских войск. Большинство евреев осталось под властью немцев. Германская администрация оказалась перед трудной проблемой, так как эти евреи представляют собой почти все ремесленное сословие, и они используются также на небольших промышленных предприятиях. Кроме того, евреи использовались в учреждениях, которые частично стали излишними в результате прямого или косвенного влияния войны. Поэтому истребление должно было вызвать далеко идущие экономические последствия и даже прямые последствия для производства вооружения.

То, что евреи внутренне ненавидели германскую администрацию, само собой понятно и неудивительно. Однако нет доказательства того, что все еврейское население или даже большое число его занималось актами саботажа. Безусловно, среди них были террористы и саботажники, так же как и среди украинцев. Но нельзя сказать, что евреи представляли собой угрозу для германских вооруженных сил. Производство, в котором были заняты евреи, ускорялось не чем иным, как их страхом, и удовлетворяло как войска, так и германскую администрацию.

Некоторое время после окончания военных действий еврейское население не трогали. Только лишь спустя несколько недель, иногда месяцев, специально выделенные части полиции начали производить планомерные расстрелы евреев. Эти действия происходили, как правило, в направлении с востока на запад. Это производилось открыто с использованием украинской милиции, и, к несчастью, в некоторых случаях военнотружущие германской армии также принимали в этом добровольное участие. Эти действия распространялись на мужчин, стариков, женщин и детей всех возрастов и проводились ужасным образом.

Примерно от 150 до 200 тысяч евреев было уничтожено в той части Украины, которая входила в рейхскомиссариат. Никакого внимания не обращалось на интересы экономики...

Суммируя все это, можно сказать, что тот способ разрешения еврейской проблемы, который применялся на Украине и который в принципиальном отношении основывался на идеологических теориях, имел следующие результаты:

а) уничтожение отчасти излишней категории едоков среди городского населения;

б) уничтожение части населения, которая, вне всякого сомнения, нас ненавидела;

с) уничтожение ремесленников, в которых имелась острая нужда и которые необходимы даже в интересах вооруженных сил;

д) результаты, сказавшиеся на внешней политике, — пропаганда, которая проводится вне всякого сомнения;

е) отрицательное воздействие на войска, которые во всяком случае имели косвенное отношение к экзекуциям;

г) дурное влияние на части регулярной полиции, которые производят казни...»

Все это имело место не только на Востоке. То же самое об обращении с евреями на Западе можно видеть из официального отчета Голландского правительства, составленного комиссаром по репатриации. Этот документ повествует о германских мероприятиях в Нидерландах против голландских евреев: декреты, антисемитские демонстрации, сжигание синагог, изгнание евреев из экономической жизни страны, ограничения в снабжении продовольствием, рабский труд, заключение в концентрационные лагеря, насильственный вывоз и смерть — все это следовало той же программе, которая проводилась в жизнь на территории всей оккупированной фашистами Европы.

В распоряжении Трибунала имеется документ ПС-1726 (США-195). Я не намереваюсь оглашать его полностью, но следует обратить внимание Трибунала на ту часть отчета, где говорится о насильственном вывозе голландских евреев. Это на пятой странице перевода. Здесь говорится о том, что общее число евреев, подлежащих вывозу, составляло 140 тысяч. Общее число насильственно вывезенных лиц достигало 117 тысяч, что составляет более чем 83 процента всех евреев в Нидерландах. Из этих насильственно вывезенных лиц, согласно голландскому отчету, 115 тысяч было направлено в Польшу для принудительного труда, и после этого все следы о них теряются.

Далее я представляю сообщение начальника ЗИПО и СД Радомской области, адресованное гауптштурмфюреру СС Тиллю, на тему: «Чистка в тюрьмах» (документ Л-53, США-291).

«Я вновь обращаю внимание на тот факт, что количество заключенных в тюрьмах ЗИПО и СД должно быть минимальным. При нынешней обстановке заподозренные лица, особенно арестованные гражданской полицией, нуждаются только в коротком формальном допросе, если нет серьезных улик против них. Затем их как можно быстрее надо посылать в концлагеря, если нет необходимости в военно-полевом суде или если они не подлежат освобождению. Пожалуйста, освобождайте как можно меньше арестованных. В случае, если обстановка на фронте делает это необходимым, надо подготовиться к полной очистке тюрем. Если обстановка неожиданно изменится таким образом, что будет невозможно эвакуировать заключенных, их надо ликвидировать, а их тела уничтожить (сжигать, взрывать здания и т. д.). В случае необходимости с евреями, которые еще заняты в промышленности по вооружению или же на других работах, надо поступать таким же образом. Освобождения заключенных или евреев врагом — будь то Красная Армия или «ВБ»¹ — следует избегать при всех обстоятельствах. Они ни в коем случае не должны попадать им в руки живыми».

В лагере Освенцим в течение июля 1944 года ежедневно убивали 12 тысяч евреев. Сведения об этом содержатся в документе Л-161 (США-292). Этот документ представляет собой официальный отчет о концлагере Освенцим, датированный 31 мая 1945 г.

«В течение июля 1944 года убивали в день по 12 тысяч венгерских евреев, а так как крематорий не мог пропустить такое количество трупов, то они сбрасывались в глубокие ямы и засыпались негашеной известью».

Представляю в качестве доказательства официальный отчет Польской правительственной комиссии по расследованию немецких преступлений в Польше. Этот документ (ПС-3311, США-293) описывает концлагерь в Треблинке.

«В марте 1942 года немцы приступили к сооружению другого лагеря Треблинка-Б», близ Треблинки-А, который должен был стать местом для истребления евреев. Создание этого лагеря находилось в тесной связи с германским планом, который имел целью полное уничтожение еврейского населения в Польше. Это, в свою очередь, вызвало необходимость создания аппарата, при помощи которого польских евреев можно было убивать в массовом порядке. В апреле 1942 года было закончено строительство первых трех камер, в которых жертвы должны были умерщвляться газом. Затем было закончено создание основного здания, где производились убийства, в которых

¹ «ВБ» сокращенное обозначение «Вестбунд» — западные союзники, — Составители.

имелось 10 камер смерти. Открытие его относится к осени 1942 года и ознаменовалось производством массовых убийств».

Затем Польская комиссия описывает последовательность порядка экзекуции в лагере.

«Среднее число евреев, которые доставлялись в лагерь летом 1942 года, достигало двух железнодорожных эшелонов в день. Но были дни, когда это количество намного превышалось. Начиная с осени 1942 года это количество начало понижаться.

После разгрузки поезда всех жертв собирали в одном месте, где мужчин отделяли от женщин и детей. В первые дни существования лагеря жертвы убеждались в том, что они должны совершить краткую остановку в лагере для того, чтобы выкупаться и пройти дезинфекцию, а затем их пошлют дальше на Восток на работу. Такие объяснения давались эсэсовцами, которые помогали при разгрузке эшелона. Кроме того, об этом говорилось в объявлениях, развешенных на стенах бараков. Затем, когда прибывало все большее количество эшелонов, немцы отбрасывали все стеснения и только старались ускорить процедуру.

Все жертвы должны были снять одежду и обувь, которые потом собирались. Затем все жертвы, в первую очередь женщины и дети, доставлялись в камеры смерти. Те, которые были слишком слабы или двигались медленно, подгонялись оружейными прикладами, хлыстами и кулаками. Зачастую в этом принимал участие сам Зауер. Некоторые поскользнувшиеся падали, остальные жертвы принуждались двигаться вперед и шли по их телам. Маленьких детей просто бросали вовнутрь. Затем набитые до отказа камеры герметически закрывались, и в них пускали газ, и через несколько минут все было кончено. Затем мужчины-евреи должны были выносить трупы с платформы и хоронить их в массовых могилах. Прибывали все новые эшелоны, и кладбище все возрастало. Согласно полученным отчетам можно подсчитать, что в Трешлинке было истреблено несколько сот тысяч евреев».

Документ Л-22 (США-294) представляет собой официальный отчет правительства США, составленный управлением по вопросам беженцев при президенте США о положении в немецких лагерях в Освенциме и Биркенау в 1944 году. В этом отчете указано, что общее количество евреев, которые были умерщвлены при помощи газа в немецком лагере Биркенау в период между апрелем 1942 года и апрелем 1944 года, составляет 1765 тысяч человек.

Документ ПС-2738 (США-296) содержит изложение устного заявления Адольфа Эйхмана, начальника еврейской секции гестапо, который сообщил цифры, воспроизведенные в письмен-

ном показании доктора Вильгельма Хетля, заместителя группенфюрера иностранной секции управления безопасности (АМТ-6, РСХА). Доктор Вильгельм Хетль показал следующее:

«Примерно 4 миллиона евреев было истреблено в различных концлагерях. В то же время еще дополнительно 2 миллиона евреев умерщвлено другими путями. Большая часть их была расстреляна оперативными отделами полиции безопасности в период кампании против России».

Эйхман был одним из источников информации для доктора Вильгельма Хетля, являвшегося помощником Эйхмана.

«Мне известно, что Эйхман был в то время начальником секции по еврейским вопросам гестапо и плюс к этому ему было лично поручено Гиммлером руководить арестом всех евреев в европейских странах и отправкой их в Германию. Эйхман тогда был весьма удручен тем фактом, что Румыния в те дни вышла из войны. Более того, он пришел ко мне, чтобы получить информацию относительно обстановки на фронте, которую я ежедневно получал от венгерского военного министра и от командующего войсками СС в Венгрии.

Он выразил свою убежденность в том, что Германия проиграла войну и что для него все потеряно. Он знал, что Объединенные Нации будут рассматривать его как одного из главных военных преступников, так как он имел на своей совести миллионы загубленных еврейских жизней. Я спросил, сколько их было всего. Он ответил, что, хотя это было величайшим государственным секретом, он мне ответит на этот вопрос, так как для меня как для историка это составит интерес и так как он был убежден, что уже не вернется из Румынии. Он незадолго до этого составил отчет для Гиммлера, который хотел знать точно, какое число евреев он убил».

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ГИТЛЕРОВСКИМИ ВЛАСТЯМИ ПЛАНА ИСТРЕБЛЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ

[Сообщение Информбюро Народного комиссариата иностранных дел от 19 декабря 1942 г.]

В распоряжении Народного комиссариата иностранных дел имеется достоверная информация, свидетельствующая о том, что за последнее время на территориях, оккупированных немецко-фашистскими захватчиками, стран Европы повсеместно наблюдается новое усиление гитлеровского режима кровавых массовых расправ над мирным населением. Не подлежит сомнению, что преступные гитлеровские правители, желая потопить в крови невинных людей свой животный страх перед близящейся гибелью и расплатой и видя, что им не сломить воли народов Европы к восстановлению своей независимости и свободы, проводят в жизнь зверский план физического истребления значительной части гражданского населения оккупированных немцами территорий, — ни в чем не повинных людей разной национальности, разного социального положения, разных убеждений и веры, любого возраста.

При этом гитлеровцы и их сообщники ускоренными темпами проводят свой особый план поголовного уничтожения еврейского населения на оккупированной территории Европы. Наличие этого плана и его быстрое осуществление явствуют из сведений, поступивших из авторитетных источников и легших в основу опубликованной 18 декабря сего года совместной Декларации правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, Советского Союза, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета о проводимом гитлеровскими властями истреблении еврейского населения Европы.

Людоедский план, разработанный Гитлером в начале текущего года, предусматривает концентрацию до конца 1942 года на Востоке Европы, главным образом на территории Польши, около 4 миллионов евреев с целью их умерщвления. Речь идет

о подавляющем большинстве евреев, населявших оккупированные немцами страны Европы, а также и самое Германию. Переброска этих обреченных на смерть мирных граждан в Польшу, превращенную в главную фашистскую бойню, заканчивается. По данным Всемирного еврейского конгресса и ряда других еврейских общественных организаций Европы и Америки, равно как по данным Польского правительства, число евреев, истребленных гитлеровцами до настоящего момента в осуществление этого поистине дьявольского плана, составляет уже многие сотни тысяч мужчин, женщин и детей, из которых примерно половина была привезена гитлеровцами на польскую территорию из Германии, подвассальных ей Венгрии и Румынии, а также из оккупированных гитлеровцами европейских стран: Чехословакии, Австрии, Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии. За последнее время начался насильственный массовый увоз германскими оккупантами французских граждан еврейской национальности из ранее не оккупированной зоны Франции. В Финляндии, как и в других странах гитлеровского «нового порядка», евреи загнаны в концентрационные лагеря. В конце ноября и начале декабря сего года германские оккупационные власти усилили насильственную переброску еврейских женщин, детей и стариков из Норвегии в Польшу все с той же целью массового умерщвления. По данным, полученным из авторитетных норвежских кругов, только за два дня — 26 ноября и 7 декабря — из Норвегии были погружены на пароходы для отправки в Германию, а оттуда в Польшу свыше 2000 евреев. По сигналу сирены агенты гестапо произвели облаву в гор. Осло. Загоняли всех задержанных на пароходы, не щадили и людей, находившихся в больницах и домах престарелых, разлучали жен с мужьями, отрывали детей от родителей. В тех же условиях нечеловеческой жестокости происходит массовая отправка в Польшу лиц еврейской национальности из других оккупированных гитлеровцами стран, причем значительная часть высылаемых погибает уже в пути от голода и болезней.

Как видно из поступившей информации, нет зверства, которое не применили бы гитлеровские выродки для того, чтобы ускорить чудовищный процесс массового уничтожения сотен тысяч мирных граждан. Помимо расстрела из пулеметов мужчин, женщин и детей, происходит их умерщвление в специально оборудованных газовых камерах, убийство электрическим током, массовое сожжение, отравление пленников концентрационных лагерей синильной кислотой. Поощряется путем уплат специальных премий индивидуальное убийство сосланных. В лагерях предписывается обязательное убийство любого заключенного, проболевшего более двух дней. Особо организуется

массовое убийство детей в возрасте до 12 лет. При этой кровавой оргии истребления гитлеровцы временно щадят лишь немногих, наиболее физически выносливых и имеющих специальную квалификацию людей, могущих пригодиться на военных предприятиях Германии, пока и эти люди не становятся жертвой непосильного каторжного труда.

Евреи, привозимые в Польшу из других оккупированных немцами стран, загоняются либо в концентрационные лагеря, либо в устроенные оккупантами во всех городах еврейские гетто, из которых затем тысячи увозятся на расстрел в окрестностях городов или увозятся в неизвестном направлении с той же целью уничтожения.

Некоторое представление о масштабах этих массовых расправ дают следующие цифры по отдельным польским городам: к началу германской оккупации Польши в Варшавском гетто было сосредоточено свыше 400 тысяч евреев; за истекшие три года в это гетто направлялись десятки тысяч евреев, привезенных из Германии и из оккупированных гитлеровцами стран; однако процесс истребления обитателей этого гетто происходит такими темпами, что в настоящее время в нем осталось едва 40 тысяч человек; из 32 тысяч евреев, живших в городе Радоме, убито 28 500; из 20 тысяч евреев, населявших гор. Петроково, в живых осталось только 2600; в гор. Кельцы казнена половина обитателей гетто, насчитывавшего 30 тысяч человек, почти все остальные увезены и судьбы их неизвестны; в гор. Ченстохово из 40 тысяч евреев осталось в живых около 2 тысяч. Из крупных европейских городов в Польшу высланы сотни тысяч евреев, число которых в таких, например, городах, как Вена и Гамбург, исчисляется теперь всего несколькими сотнями человек. Со страшной силой гитлеровский террор обрушился и на польское население, насчитывающее громадное число жертв гитлеровского террора, ненавидящее оккупантов и сопротивляющееся их гнету.

По имеющимся данным, погромные мероприятия германского правительства направлены и против евреев, мобилизованных в армию гитлеровских вассалов. Так, например, из допроса спасшейся и попавшей к советским партизанам Орловской области группы венгров-евреев установлено следующее: все венгерские евреи изъяты по приказу германского командования из строевых частей венгерской армии и собраны в специально созданные рабочие батальоны, в которых они работают под охраной немецких солдат, носят на левом рукаве отличительные знаки; они подвергаются со стороны немцев неслыханным издевательствам, многие из них погибают от голода, болезней, непосильного труда и побоев; во время боевых действий немцы заставляют этих недавних солдат «союзной» им армии идти

вперед немецких обозов, и, если дороги минированы, венгерские евреи взрываются на минах, расчищая тем самым дорогу гитлеровцам.

Сведения, поступающие из временно захваченных противником советских районов, а также показания пленных и перебежчиков подтверждают и дополняют эту информацию о кровавых расправах гитлеровцев над еврейским населением оккупированных стран Европы. О зверских расправах с привезенными из Центральной и Западной Европы евреями сообщают также из Минска, Белостока, Бреста, Барановичей и других городов Белорусской ССР, причем все сведения сходятся на том, что белорусское и русское население, которое подвергается наиболее жестоким зверствам со стороны оккупантов, предающих разграблению и огню белорусские города и села и истребляющих тысячами их жителей, проявляет замечательную солидарность по отношению к преследуемым и истязаемым евреям, включая и пригоняемых с Запада, и оказывает им всю посильную помощь, содействуя во всех случаях, когда это возможно, их бегству, скрывая их в деревнях, делясь с ними своей скудной пищей.

Установлено, что на территории прибалтийских советских республик гитлеровские палачи истребляют десятки тысяч лучших людей Литвы, Латвии и Эстонии, в том числе и граждан еврейской национальности, расстреливают евреев, привезенных на эти территории из Германии и из оккупированных немцами стран. Уже вскоре после своего вторжения гитлеровцы расстреляли в Риге свыше 60 тысяч евреев, в том числе многих привезенных из Германии, причем расстрелы производились почти непрерывно, партиями по 300—400 человек, которые вывозились на остров, расположенный на реке Западная Двина (Даугава) в 12 км от Риги, а также на шоссе, ведущем из Риги на Даугавпилс. Расстреливались целые семьи. Детей вырывали из рук матерей и тут же на их глазах убивали или живыми бросали в приготовленные ямы и рвы. В настоящее время в Риге осталось не более 400 евреев, живущих в окруженном колючей проволокой гетто, доступ в которое запрещен. Эта группа евреев, обреченная на голод, медленно вымирает. В Вильнюсе, Свенцянах и других городах Литовской ССР как постоянно жившие там, так и привезенные из Германии евреи истреблены почти полностью. Спасшиеся от расправ скрываются в лесах, где ведут жизнь затравленных зверей, одеты в лохмотья, вымирают от голода и болезней. Известно, что многие литовские крестьяне, которые сами изнывают под тяжелым гнетом захватчиков, находят пути к тому, чтобы поддержать своих еврейских собратьев, и в меру собственных скудных возможностей снабжают их пищей, хотя и знают, что подобная помощь, как об этом объявлено оккупантами, карается смертной казнью.

Из Франции, Норвегии, Чехословакии, Голландии поступают сообщения, из которых видно, что страдающее от гитлеровского гнета и расправ население, без различия национальности, проявляет живейшее сочувствие к лишенным всех человеческих прав, отданным на поругание и угодным на убой в Польшу еврейским семьям. Негодование по поводу новой волны террора гитлеровских извергов и уничтожения ими еврейского населения Европы охватило и ряд нейтральных стран. Так, в Швеции поднялось движение протеста против происходящего в Норвегии увоза и истребления евреев. Шведские епископы выпустили воззвание, в котором протестуют против гитлеровского варварства и призывают встать на защиту обречаемых на муки и истребление евреев. Сведения, проникающие из сопредельных с советской территорией зарубежных областей, свидетельствуют о том, что даже там, где еще до вторжения гитлеровских орд местному населению разными способами прививались расовые предрассудки, антиеврейские зверства немцев не только не усиливают, а, напротив, устраняют эти предрассудки и укрепляют солидарность и взаимную помощь между всеми жертвами гитлеровского гнета и расовой ненависти.

Чудовищные преступления гитлеровских грабителей, насильников и палачей над мирными советскими гражданами уже избличены перед всем цивилизованным миром. Подавляющее большинство жертв этой оргии разбоя и убийства состоит из русских, украинских и белорусских крестьян, рабочих, служащих, интеллигентов. Тяжелы жертвы в рядах литовского, латвийского и эстонского народов, среди молдаван, среди жителей Карело-Финской республики. Относительно к своей небольшой численности еврейское меньшинство советского населения, объединенное со всеми национальностями Советского Союза горячей любовью к родине, особенно тяжело пострадало от звериной кровожадности гитлеровских вырожденков.

За последнее время гитлеровские оккупанты еще более усилили на всем протяжении захваченной советской территории кровавый режим массовых убийств, карательных экспедиций, сожжения деревень, угона сотен тысяч мирных жителей в рабство в Германию, не говоря уже о никогда не прекращающихся грабежах и насилиях над населением временно оккупированных районов. Имеются сведения, свидетельствующие о том, что в этой обстановке бешеного разгула террора гитлеровцы проводят и в отношении советских граждан еврейской национальности свой план поголовного истребления. Так, усиление террора против украинского населения летом и осенью текущего года ознаменовалось рядом кровавых антиеврейских погромов в ряде населенных пунктов Украинской ССР. Только за два дня — 26 и 27 августа — немецко-фашистские погромщики устроили

кровавую бойню в следующих украинских городах: в гор. Луцке было расстреляно 20 тысяч евреев, согнанных под предлогом перерегистрации; в гор. Сарны, где весной сего года одновременно с тысячами украинцев и русских было казнено 18 тысяч евреев, вновь было сконцентрировано из окрестных местечек и деревень свыше 14 тысяч евреев, которые были казнены 26 августа; в эти же два дня в Рокитно было расстреляно 850 украинцев и 1600 евреев, в Березно — 1250 человек, в Костополе — 1400 человек, в Здолбуново — 1500 человек. Немногие спасшиеся от этих массовых расправ старики, женщины и дети бродят по лесам, оборванные, босые и голодные, в надежде на встречу с партизанскими отрядами. Никогда не будут забыты муки и смерть еврейских стариков, женщин и детей, расстрелянных гитлеровскими извергами в Киеве и Днепропетровске: только в этих двух городах и только за первые месяцы их оккупации немцами было истреблено более 60 тысяч человек.

Все эти факты свидетельствуют о том, что гитлеровские изверги не останавливаются ни перед какими кровавыми преступлениями, осуществляя неоднократно высказанное Гитлером намерение истребить еврейский народ в оккупированных немецко-фашистскими войсками странах Европы.

Подобными зверствами против евреев и всей своей изуверской пропагандой антисемитизма гитлеровцы пытаются отвлечь внимание германского народа от надвигающейся на фашистскую Германию катастрофы, приближение которой становится все более очевидным. Только обреченные на гибель зарвавшиеся авантюристы из клики Гитлера могли возомнить, что можно потопить в крови многих сотен тысяч ни в чем не повинных евреев свои бесчисленные преступления против народов Европы, ввергнутых в войну ненасытным германским империализмом. Тем более усиливается решимость всех свободолюбивых народов ускорить разгром и уничтожение гитлеровского государства, гитлеровской армии, гитлеровской правящей клики и тем самым положить конец кровавому разгулу гитлеровских погромщиков и убийц, навсегда освободить народы Европы от угрозы рабства и истребления.

Тяжела будет карающая рука народов, которые сбросят с себя гнет немецко-фашистских захватчиков. От возмездия освобожденных народов не уйдут ни правящая гитлеровская клика, ни подлые исполнители ее преступных кровавых приказов.

«Правда» 19 декабря 1942 г.

ИМПЕРСКИЙ ЗАКОН О ГРАЖДАНСТВЕ
ОТ 15 СЕНТЯБРЯ 1935 Г.

Рейхстаг единогласно принял следующий закон, который ниже публикуется:

...§ 4.

«(1) Еврей не может быть гражданином империи. Он не имеет права голоса в политических делах; он не может занимать публичную должность...

Берлин, 14 ноября 1935.

Фюрер и рейхсканцлер *Адольф Гитлер*.
Рейхсминистр внутренних дел *Фрик*.
Заместитель фюрера *Ф. Гесс*,
рейхсминистр без портфеля.

Копия телеграммы-молнии из Мюнхена
от 10 ноября 1938 г. 1 ч. 20 м.

ВСЕМ ПОЛИЦЕЙСКИМ ОТДЕЛАМ
И УЧАСТКАМ

ВСЕМ УЧАСТКАМ СЛУЖБЫ
БЕЗОПАСНОСТИ (СД)

Срочно! Немедленно доставить начальнику или его заместителю!

СОДЕРЖАНИЕ: МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ
В СЕГОДНЯШНЮЮ НОЧЬ

В связи с покушением на жизнь секретаря посольства в Париже фон Рата в ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. по всей империи ожидаются демонстрации против евреев. При проведении этих мероприятий следует руководствоваться нижеследующим:

1. Руководителям полицейских отделов и участков или их заместителям по получении этой телеграммы надлежит немедленно установить связь с соответствующими (районными, областными или окружными) политическими руководителями и договориться о проведении демонстраций. К обсуждению необходимо привлечь инспекторов и командиров полиции порядка. На этом совещании политические руководители должны быть информированы о том, что германская полиция получила от рейхсфюрера СС и начальника германской полиции следующие указания, в соответствии с которыми должны организовывать свои мероприятия и политические руководители:

а) Должны проводиться только такие мероприятия, которые не будут угрожать жизни или собственности немцев (например, синагоги следует поджигать только в том случае, если нет опасности распространения пожара на прилегающие здания).

б) Магазины, учреждения и частные квартиры евреев надо разрушать, но не следует их грабить. Полиции поручается наблюдать за выполнением этого указания и задерживать грабителей.

в) На улицах, где имеются деловые учреждения, следует особенно следить за тем, чтобы обязательно оградить от ущерба нееврейские магазины.

д) Иностранцы поданные, даже если они евреи, не должны быть затронуты.

2. При выполнении данных в разделе 1 указаний полиции не следует препятствовать происходящим демонстрациям, а только следить за соблюдением директив.

3. Немедленно после получения настоящей телеграммы полиции надлежит конфисковать имеющийся во всех синагогах и помещениях еврейских религиозных общин архивный материал с тем, чтобы он не был уничтожен во время демонстраций. Архивы представляют собой ценный исторический материал, поэтому должны быть переданы соответствующим органам службы безопасности (СД).

4. Руководство мероприятиями полиции безопасности в ходе демонстраций против евреев возлагается на органы государственной полиции, поскольку инспекции полиции безопасности указаний не дано.

К проведению охранных мероприятий полиции могут быть привлечены служащие уголовной полиции, а также службы безопасности (СД), оперативной группы и другие работники СС.

5. Поскольку ход событий этой ночи допускает использование привлеченных к этому служащих во всех районах, надлежит арестовать столько евреев, особенно состоятельных, сколько может быть размещено в имеющихся помещениях для арестованных.

В первую очередь надо задерживать здоровых мужчин-евреев не престарелого возраста. После задержания следует немедленно установить связь с соответствующими концентрационными лагерями на предмет немедленной доставки евреев в лагерь...

6. Содержание настоящего приказа должно быть передано дальше соответствующим инспекторам, начальникам полиции порядка и начальникам участков службы безопасности с дополнением, что об этом распорядился рейхсфюрер СС и начальник германской полиции.

Начальник полиции порядка должен дать соответствующие указания полиции порядка, включая пожарную полицию. При проведении указанных мероприятий следует поддерживать теснейшую связь между полицией безопасности и полицией порядка.

Получение настоящей телеграммы должно быть подтверждено руководителями государственной полиции или их заместителями по телеграфу в управление гестапо, лично штандартенфюреру СС Мюллеру.

Гейдрих, группенфюрер СС

К о п и я телеграммы-молнии из Берлина
от 10 ноября 1938 г.

ВСЕМ ПОЛИЦЕЙСКИМ ОТДЕЛАМ
И УЧАСТКАМ, ВСЕМ УЧАСТКАМ СЛУЖБЫ
БЕЗОПАСНОСТИ (СД)

Доставить немедленно!

СОДЕРЖАНИЕ: МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

В дополнение к моему приказу о сегодняшней ночи сообщаю, что...

Имперское министерство юстиции приказало всем генеральным прокурорам предоставить арестные камеры при полицейских участках для размещения в них арестованных евреев.

Имперское министерство юстиции далее просит задержание в ходе этих событий ни в коем случае не оформлять приказом об аресте.

Наконец министерство юстиции приказывает не производить никаких расследований действий, совершенных против евреев.

Учтите эту информацию.

Шеф полиции безопасности *Гейдрих*.

Было задержано около 20 тысяч евреев, кроме того 7 арийцев и 3 иностранца. Последние для их безопасности были взяты под стражу.

Получены сведения о 36 смертельных случаях и 36 случаях тяжелых ранений. Убитые и раненые являются евреями. Один еврей пропал без вести. Среди убитых находится один и среди раненых два польских гражданина.

Гейдрих

МАСШТАБЫ РАЗРУШЕНИЯ НЕЛЬЗЯ ПОДТВЕРДИТЬ ЦИФРАМИ

НАЧАЛЬНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ПОЛИЦИИ
ПБ4 — 5716/38 г.

Берлин, 11 ноября 1938 г.
Принц-Альтрехштрассе,
Телефон А 2 Флора 0040

СЕКРЕТНО

Срочное письмо
господину премьер-министру
генерал-фельдмаршалу Герингу
через министеральдиректора доктора Грицбаха

Берлин В 8, Лейпцигерштрассе, 3

КАСАТЕЛЬНО: АКЦИИ ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

Поступившие до сих пор донесения органов государственной полиции рисуют следующую картину на 11 ноября 1938 г.

В многочисленных городах произошло разграбление еврейских магазинов и торговых домов. Чтобы избежать дальнейших случаев разграбления, во всех случаях принимались решительные меры. При этом было арестовано за грабежи 174 человека.

Масштабы разрушений еврейских магазинов и квартир пока нельзя подтвердить цифрами. В донесениях приводятся следующие данные: 815 разрушенных магазинов, 29 подожженных или иным образом разрушенных торговых домов, 171 подожженный или разрушенный жилой дом отражают только часть действительно имеющих разрушений. Вследствие срочного характера отчетности поступившие до сих пор донесения содержат лишь общие данные, например, «многочисленные» или «большинство магазинов разрушено». Поэтому указанные цифры значительно преуменьшены.

Из синагог 191 была подожжена, 76 полностью разрушены, 11 общинных домов и часовен на кладбищах было подожжено и еще 3 полностью разрушено.

Документ ПС-2233

ИЗ ДНЕВНИКА ГАНСА ФРАНКА

[Совещание чиновников в городе Люблине
25 июля 1940 г.]

Страницы 702—703.

Франк: «...Фюрер указал, чтобы евреев больше не ввозили в генерал-губернаторство. Он потребовал, напротив, чтобы генерал-губернаторство путем определенного, одинакового обращения со всеми евреями, как это предусмотрено особой программой, в скором времени полностью освободилось от них. Как только установление морского сообщения позволит начать отправку евреев, они — до последнего мужчины, последней женщины и девушки — будут отправлены отсюда. Я полагаю, что в этом отношении мне не придется особенно жаловаться на вас. Мы уже преодолели основные трудности, и теперь недалеко то время, когда мы создадим здесь приличный и благоустроенный во всех отношениях город для наших соотечественников и соотечественниц. Когда мы покончим с этим, то сможем приняться за другие дела. Это пространство в течение последующих десятилетий все больше будет насыщаться представителями нашего народа».

Сообщение городского головы Заурмана по поводу заседания правительства в присутствии генерал-губернатора Франка. Город Люблин, 17 октября 1941 г.

«Еврейский вопрос»

В Люблине к концу 1939 года насчитывалось около 40 тысяч евреев. Из этого количества за истекшее время выехало около 12 тысяч, однако почти то же количество прибыло вновь. Правда, все евреи размещены в одной части старого города и не имеют права выходить оттуда без специального разрешения, но изолированного гетто до сего дня еще не существует. Одна из важнейших дорог ведет с востока, как раз через эту

часть города, таким образом, выявилась необходимость постройки объезда, который на этих днях будет готов. Тогда гетто будет обтянуто колючей проволокой и совершенно изолировано.

С проведением в жизнь этого мероприятия можно было бы и не торопиться, так как уже свыше года во всех других частях города не живет больше ни один еврей и вне гетто не осталось ни одного еврейского предприятия, если бы прибывавшие из других мест евреи не занесли с собой эпидемии сыпного тифа и других болезней...»

Краков, 1944 год.

Речь Франка на совещании агитаторов отдела труда НСДАП от 4 марта 1944 г.

...За этим, конечно, кроется еврей¹. Это его работа, его интересы и его силы. Представьте себе теперь положение генерал-губернаторства, если бы мы сейчас имели в стране до двух миллионов евреев, как это имело место в 1939 году. Вспомните, какие невероятно тяжелые вопросы приходилось решать, чтобы решить еврейскую проблему в генерал-губернаторстве.

Если еще сегодня там и здесь попадаются сердобольные люди, которые со слезами на глазах говорят: ведь это ужасно, что сделали с евреями, то такого надо спросить, не придерживается ли он еще и сейчас такого мнения? Если бы мы еще сегодня имели эти два миллиона евреев, полных активности, а на другой стороне небольшое количество немцев, то мы не были бы господами положения. Мы имели бы такой саботаж в стране, от которого не могли бы уберечься. Это тоже достижение национал-социализма, так как с этой проблемой никто другой не смог бы справиться. Только потому, что мы в 1919 году начали с антисемитизма, мы смогли найти в себе силы провести его в жизнь спустя 20 лет. То, что это не понравится евреям других стран, было нам ясно с самого начала, но на это нам наплевать.

Евреи — раса, которую надо уничтожить; там, где мы схватим какого-нибудь еврея, там ему и конец.

¹ Речь идет о положении в Финляндии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Греции. — Составители.

ПРОТОКОЛ «ВАНЗЕЕ» О ПЛАНАХ УНИЧТОЖЕНИЯ 11 МИЛЛИОНОВ ЕВРЕЕВ

СЕКРЕТНОЕ ДЕЛО ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВАЖНОСТИ

ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ

В состоявшемся 20 января 1942 г. в Берлине, на Тросс-Ванзее, № 56—58, совещании об окончательном решении еврейского вопроса приняли участие:

Гаулейтер доктор Мейер и имперский амтслейтер доктор Лейббранд	Имперское министерство для оккупированных восточных областей
Статс-секретарь доктор Штуркарт	Имперское министерство внутренних дел
Статс-секретарь Нойманн	Уполномоченный по четырехлетнему плану
Статс-секретарь доктор Драйзлер	Имперское министерство юстиции
Статс-секретарь доктор Бюлер	Ведомство генерал-губернатора
Помощник статс-секретаря Лютер	Министерство иностранных дел
Оберфюрер СС Клопфер	Канцелярия партии
Министериальдиректор Крицингер	Имперская канцелярия
Группенфюрер СС Гофманн	Главное управление по вопросам расы и переселения
Группенфюрер СС Мюллер	Главное имперское управление безопасности
Оберштурмбаннфюрер СС Эйхман	Полиция безопасности и служба безопасности
Оберфюрер СС доктор Шенгард, руководитель полиции безопасности и службы безопасности в генерал-губернаторстве	Полиция безопасности и служба безопасности

Штурмбаннфюрер СС доктор Ланге, руководитель полиции безопасности и службы безопасности в районе Латвии и представитель руководства полиции безопасности и службы безопасности в рейхскомиссариате восточных земель

Полиция безопасности и служба безопасности

Начальник полиции безопасности и службы безопасности обергруппенфюрер СС Гейдрих вначале информировал о том, что рейхсмаршал назначил его уполномоченным по подготовке окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и указал на то, что он созвал это совещание с тем, чтобы внести ясность в принципиальные вопросы. Желание рейхсмаршала, чтобы ему прислали проект организационных мероприятий, касающихся окончательного решения еврейского вопроса в Европе, и материального обеспечения выполнения их, требует предварительного совместного обсуждения всеми центральными инстанциями, непосредственно участвующими в решении этих вопросов, во избежание параллелизма в проведении общей линии.

Руководство окончательным решением еврейского вопроса независимо от географических границ в центре должно быть возложено на рейхсфюрера СС и начальника германской полиции (начальника полиции безопасности и службы безопасности).

Начальник полиции безопасности и службы безопасности сделал затем краткий обзор проведенных уже мер борьбы с этим противником. Наиболее существенными из них являются:

- а) вытеснение евреев из отдельных сфер жизни немецкого народа;
- б) вытеснение евреев с жизненного пространства немецкого народа.

Во исполнение этих целей начато в качестве предварительной меры для решения вопроса и усилилось ускоренное переселение евреев с территории империи.

По распоряжению рейхсмаршала в январе 1939 года был создан имперский центр по переселению евреев, руководство которым поручено начальнику полиции и службы безопасности. Он имеет своей задачей:

- а) провести все мероприятия по подготовке усиленного переселения евреев;
- б) направлять поток переселяемых;
- с) в отдельных случаях ускорить переселение.

Задача состояла в том, чтобы очистить от евреев легальным образом жизненное пространство немцев.

Всем инстанциям были известны убытки, которые повлекло за собой форсирование переселения. Однако ввиду отсутствия других возможностей пришлось с этим мириться. Несмотря на трудности, с момента захвата власти до 31 октября 1941 г. всего было переселено 537 тысяч евреев. Из них: с 30 января 1933 г. из Старой Германии — в среднем 360 тысяч, с 15 марта 1938 г. из восточных областей — 147 тысяч, с 15 марта 1939 г. из протектората Богемия и Моравия — 30 тысяч.

Финансирование переселения производилось самими евреями или еврейскими политическими организациями.

В связи с опасностями, вызванными войной, и учитывая возможности Востока, рейсфюрер СС запретил переселение евреев.

Вместо переселения с предварительного согласия фюрера с этого времени была использована другая возможность решения этого вопроса: началась эвакуация евреев на Восток.

Эти акции следует, однако, рассматривать только как маневр, но уже тогда начало практиковаться то, что имело решающее значение для окончательного решения еврейского вопроса в будущем.

Для окончательного решения еврейского вопроса в Европе надо было иметь в виду 11 миллионов евреев, которые разделялись по отдельным странам следующим образом:

Страна	Число
A. Собственно Германия	131 800
Восточные области	420 000
Остмарк	43 700
Генерал-губернаторство	2 284 000
Белосток	400 000
Протекторат Богемия и Моравия	74 200
Эстония	—
Латвия	3500
Литва	34 000
Бельгия	43 000
Дания	5600
Франция (оккупированная территория)	165 000
Франция (неоккупированная территория)	700 000
Греция	69 600
Нидерланды	160 800
Норвегия	1 300
B. Болгария	48 000
Англия	330 000
Финляндия	2 300
Ирландия	4 000

Италия (включая Сардинию)	58 000
Албания	200
Хорватия	40 000
Португалия	3 000
Румыния (включая Бессарабию)	342 000
Швеция	8000
Швейцария	18 000
Сербия	10 000
Словакия	88 000
Испания	6 000
Турция (европейская часть)	55 500
Венгрия	742 800
СССР	5 000 000
Украина	2 994 684
Белоруссия (исключая Белосток)	446 484

Всего: . . . свыше 11 000 000

При соответствующем руководстве в ходе окончательного решения еврейского вопроса евреи должны быть надлежащим образом использованы на работах. Большими рабочими колоннами, разделенными в зависимости от пола, работоспособных евреев доставят на строительство дорог в эти области, причем несомненно, что значительная часть их естественно отсеется.

Сохранившийся на всякий случай остаток (здесь имеется в виду, несомненно, наиболее способная устоять часть) должен будет быть соответственно обработан, так как, представляя естественно отобранную часть, после освобождения должен рассматриваться как зародыш новых евреев (смотри опыт истории).

В процессе окончательного практического разрешения вопроса Европу следует прочесывать с Запада на Восток.

Эвакуированных евреев постепенно доставляют в так называемые транзитные лагеря с тем, чтобы оттуда направить их на Восток.

Начало отдельных более крупных операций по эвакуации будет в значительной мере зависеть от развития военных операций...

Группенфюрер СС Гофманн придерживается точки зрения, что надо широко пользоваться стерилизацией...

Статс-секретарь доктор Штукарт предложил перейти к принудительной стерилизации...

Статс-секретарь доктор Бюлер доложил, что генерал-губернаторство приветствовало бы, если бы начали окончательное решение этого вопроса в генерал-губернаторстве, так как проблема транспорта там не играет важной роли, а использование

на работах не помешало бы проведению этой акции. Евреи должны быть удалены с территории генерал-губернаторства возможно скорее...

Статс-секретарь доктор Бюлер заявил далее, что документ о решении еврейского вопроса в генерал-губернаторстве находится на подписи у начальника полиции и службы безопасности, а его работу поддерживают власти генерал-губернаторства. Он просит только как можно быстрее решить еврейский вопрос в этой области.

В заключение обсуждались разного рода возможности решения этого вопроса, причем как гаулейтер доктор Мейер, так и статс-секретарь Бюлер придерживались той точки зрения, что некоторые предварительные работы надо провести в самих областях, причем надо стараться избегать волнений среди населения.

Совещание закончилось просьбой начальника полиции и службы безопасности к участникам совещания оказывать ему соответствующую поддержку при выполнении работ по решению вопроса.

Документ Р-96

О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ ЕВРЕЕВ НА ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

РЕЙХСМИНИСТР ЮСТИЦИИ

Берлин, 17 апреля 1941 г.

ГОСПОДИНУ РЕЙХСМИНИСТРУ И НАЧАЛЬНИКУ ИМПЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Относительно: ЗАКОНА О МЕРАХ НАКАЗАНИЯ ЕВРЕЕВ НА ПРИСОЕДИНЕННЫХ К ГЕРМАНИИ ВОСТОЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

В ответ на отношение имперской канцелярии № 17 4288 от 28 августа 1940 г.

Приложение I

Я всегда считал, что особо специфические условия в присоединенных восточных областях требуют также и особых мер наказания для поляков и евреев. Сразу после того, как по указу верховного главнокомандующего от 5 сентября 1939 г. на восточных территориях были введены чрезвычайные суды, я стремился сделать эти суды с их быстрым и суровым судопроизводством центром борьбы с польской и еврейской преступностью. О том, что это мне удалось, свидетельствует число дел в чрезвычайных судах за первые 10 месяцев их деятельности в восточных областях.

Так, чрезвычайным судом в Бромберге 201 обвиняемый приговорен к смертной казни, 11 — к пожизненному тюремному заключению и 93 человека — к тюремному заключению на различные сроки, всего на 912 лет, то есть в среднем на 10 лет тюремного заключения каждый. Лишь незначительные преступления рассматривались административными судами.

Уголовные суды мы по возможности исключали, так как их приговоры подлежат обжалованию в имперский суд. И я хотел избежать того, чтобы эти дела решал суд, не вполне знакомый со специфическими условиями в восточных областях, будь то даже высший судебный орган Германии.

Распоряжение от 6 июня 1940 г. преследовало цель — издание чрезвычайных законов, направленных против поляков и евреев на территории восточных областей. Это распоряжение формально ввело в силу германские законы о мерах наказания, действовавшие с начала присоединения данных областей...

После того, как мне стало известно волеизъявление фюрера о том, что в вопросах карательной политики, применяемой в отношении поляков и, конечно, евреев, следует вести себя совсем по-иному, чем в отношении немцев, я составил после предварительных переговоров с председателями главных областных судов и главными прокурорами присоединенных к Германии восточных областей прилагаемый проект карательной политики в отношении евреев и поляков на территории присоединенных восточных областей, а также и на территории бывшего вольного города Данцига. Этот проект касается совершенно особого закона как в области материального уголовного права, так и в области процессуального права. При этом следует учитывать указания заместителя фюрера.

Параграф 1 статьи 3 содержит положение, на основании которого в дальнейшем всякое наказуемое деяние поляков и евреев из восточных областей, направленное против немецкой нации, рассматривается как опасное и подлежит суровому наказанию. Это предписание дополняется правилом, содержащимся уже в вводной части распоряжения и угрожающим исключительно смертной казнью в тех случаях, когда совершено насильственное деяние против немца как такового.

Вместо наказания тюрьмой или каторгой, предусмотренных имперскими законами, вводятся другие, новые виды лишения свободы, а именно: штрафной лагерь и строгий штрафной лагерь.

Согласно этим новым видам наказания заключенных помещают вне карательных учреждений — в лагерях, где им поручают самую тяжелую работу.

Кроме того, административными мерами предусмотрены особые дисциплинарные взыскания (заключение в темную камеру, перевод из штрафного лагеря в строгий штрафной лагерь и т. д.)...

Все приговоры в отношении этих лиц должны быть немедленно приведены в исполнение. Далее, евреи и поляки не имеют права давать отвод немецким судьям, их следует также рассматривать как неспособных приносить присягу. По отношению к ним свободно допускаются меры принуждения.

Важным является то обстоятельство, что на основании § 10 статьи 2 вопрос об отмене права на обжалование решает соответствующий местный главный областной суд, чем гаранти-

руется то, что никакие дела евреев и поляков не рассматривает суд, находящийся вне восточных территорий.

Параграф 12 предоставляет суду и прокурору свободу действий, удовлетворяющую всем требованиям процессуального и уголовно-процессуального права.

Целью § 13 является применение чрезвычайного материального права против евреев и поляков, а также применение ранее отмененного обязательного уголовного преследования, если еврей, совершивший преступление, хотя и происходит из восточных областей, совершил уголовное преступление на территории великой германской империи.

Подобными чрезвычайными уголовными законами против поляков и евреев, с моей точки зрения, не будет ограничена ни свобода действий германских учреждений, ни свобода действий германских чиновников, а поляки и евреи не смогут извлечь пользу из введения в действие этих законов, если бы они пожелали обратиться с необоснованными жалобами на германских чиновников.

Материальное уголовное право предвидит такое усиление карательных мер тем, что гарантирует запугивание в самом широком масштабе...

Я намереваюсь предложить министру обороны принять этот проект. Однако я желаю предварительно поговорить по этому поводу лично с вами, глубокоуважаемый господин министр, и просить вас, если возможно, выяснить мнение фюрера по вопросу о том, согласен ли он с основными положениями предложенного проекта.

Доктор Шлейгельбергер

Документ ПС-1138

ВРЕМЕННЫЕ ДИРЕКТИВЫ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ЕВРЕЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ ОСТЛАНДА

РЕЙХСКОМИССАР ПО ДЕЛАМ
ОСТЛАНДА

Рига, 13 августа 1941 г.

СЕКРЕТНО

ИМПЕРСКОМУ МИНИСТРУ ПО ОККУПИРОВАННЫМ ВОСТОЧНЫМ
ОБЛАСТЯМ

Берлин (В) Запад, 35

В приложении сообщаю о намеченных временных директивах об обращении с евреями в имперском комиссариате Остланда.

...IV. Генеральные комиссары, как только и поскольку в их областях введена гражданская администрация, приказывают провести следующие мероприятия:

а) Евреев путем установления обязательной явки следует учесть, зарегистрировав фамилию, пол, возраст и место жительства. Основой для их учета служат списки еврейских общин и показания заслуживающих доверия местных жителей.

б) Следует приказать, чтобы еврей на левой стороне груди и посредине спины носил всегда видимую желтую шестиконечную звезду не менее 10 см в диаметре.

с) Евреям надо запретить:

1) перемену места жительства и квартиры без разрешения областного (городского) комиссара;

2) пользоваться тротуарами и общественными средствами сообщения (например, трамваем, железной дорогой, автобусом, пассажирскими пароходами, извозчиками) и автомобилями;

3) пользоваться общественными заведениями и учреждениями, служащими для отдыха населения (например, курортами, пляжами, парками, садами, спортивными площадками);

4) посещение театров, кино, библиотек, музеев;

5) посещение школ всех родов;

6) владеть автомобилями и радиоаппаратурой;

7) закалывать скот.

д) Еврей-врачи и зубные врачи могут лечить или давать советы только евреям. Если будут созданы гетто или лагеря, то этих евреев следует разместить по ним для обслуживания содержащихся в них.

Евреям-аптекарям разрешить заниматься своей профессией, смотря по надобности, только в гетто или в лагерях.

Аптеки, руководимые до того евреями, должны быть переданы для непосредственного руководства аптекарям-арийцам. Евреям-ветеринарам запретить заниматься своей профессией.

е) Евреям следует запретить заниматься следующими профессиями:

1) работать адвокатом, нотариусом или юрисконсультантом;

2) заниматься банковской деятельностью, обменом валюты или ссудными операциями;

3) быть представителем, агентом или посредником;

4) заниматься торговлей, владеть землей;

5) заниматься бродяжничеством.

ф) По отношению к имуществу евреев необходимо распорядиться о следующем:

1. Общее

Имущество еврейского населения следует конфисковать и обеспечить его охрану.

Бывший владелец-еврей с момента конфискации уже не вправе распоряжаться своим имуществом. Сделки, нарушающие этот запрет, недействительны.

2. Обязательная регистрация

Все имущество еврейского населения должно быть учтено. Сроки учета устанавливаются генеральным или областным комиссарами.

3. Обязательные поставки

Еврейское имущество по специальному требованию должно быть сдано. Требование может быть или в виде обращения, или в виде распоряжения определенному лицу.

Генеральные комиссары в обращении приказывают немедленно сдать следующие предметы:

а) местную и иностранную валюту,

б) ценные бумаги и денежные документы всех видов (акции, долговые обязательства, векселя, банковские книги и т. п.),

с) ценные вещи и драгоценности (золото и серебро в монетах в чистом виде), иные благородные металлы, предметы украшений, драгоценные камни и т. п. ...

Сданные предметы должны быть пересланы в кассу областного комиссара и там охраняться.

Об их реализации последует особое распоряжение...

Документ ПС-1061, США-275

ИЗ ОТЧЕТА ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД «ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО БОЛЬШЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ»¹

...Сопrotивление, которое оказывали евреи и бандиты, могло быть сломлено только при безжалостном использовании всей нашей силы и энергии как днем, так и ночью. 23 апреля 1943 г. рейхсфюрер СС издал через фюрера СС и начальника полиции восточных областей в Кракове приказ произвести уничтожение Варшавского гетто с крайней жестокостью и безжалостностью. Поэтому я решил разрушить все места жительства евреев путем поджога каждого квартала, включая также здания, которые находились близ военных заводов. Производилась систематическая эвакуация обитателей, а затем здания сжигались. Тогда евреи почти в каждом случае покидали свои убежища. Зачастую евреи оставались в зданиях, охваченных пламенем, до тех пор, пока из-за жары и страха быть заживо сожженными они не предпочитали выпрыгивать из верхних этажей, после того, как предварительно выбрасывали матрацы и другую мебель из горящих зданий. Затем они с переломанными костями еще пытались переползти в те здания, которые еще не горели или частично горели. Зачастую евреи в ночное время меняли место, где они скрывались, и прятались в развалинах сожженных зданий до тех пор, пока их не находили наши патрули.

Пребывание в трубах канализационной системы также требовало для них свою прелесть после первой же недели. Нередко с мостовой мы слышали громкие голоса, которые доносились из канализационных люков. Тогда члены СС, полиция, а также саперы мужественно спускались в люки с целью извлечь оттуда евреев и часто находили там трупы евреев. Для того чтобы заставить бандитов выйти наружу, приходилось всегда применять дымовые шашки. В течение одного только дня мы вскрыли 183 канализационных люка и бросили туда дымовые шашки. В результате бандиты выскакивали из труб канализационной си-

¹ Документ составлен в конце мая 1943 года и является отчетом генерал-майора полиции Штропа о его деятельности по уничтожению Варшавского гетто. Из отчета Штропа видно, что к моменту уничтожения Варшавского гетто в нем насчитывалось не менее 60 тысяч евреев, в том числе женщин и детей. Варшавское гетто было создано в ноябре 1940 года и вначале в нем находилось около 400 тысяч евреев. До начала операции по разрушению гетто около 316 тысяч евреев было вывезено оттуда в лагерь уничтожения. — Составители.

стемы. Большое количество евреев, которое не поддается учету, было истреблено путем подрывания канализационных труб и люков.

Чем дольше длилось сопротивление, тем более жестокими становились солдаты войск СС, полиция, солдаты и офицеры германской армии. Они выполняли свой долг неуклонно в духе тесного товарищества и являли собою образцы солдат. Они работали с раннего утра и до поздней ночи, ночью патрули следовали по пятам за евреями и не давали им никакой пощады. Иногда они захватывали и убивали евреев, которые использовали ночные часы для того, чтобы пополнить свои запасы из покинутых убежищ, а также для того, чтобы поддерживать контакт с соседними группами и обмениваться с ними новостями.

Принимая во внимание, что большая часть солдат СС проходила тренировку только в течение 3—4 недель до того, как их послали на выполнение этого задания, надо отдать должное мужеству, храбрости и преданности делу, которые продемонстрировали эти люди. Следует указать, что саперные части армии также неустанно и самоотверженно производили взрывы землянок, канализационных люков и бетонных сооружений. Офицеры и солдаты полиции, большая часть которых уже побывала на фронте, также продемонстрировали свой боевой дух. Только лишь путем непрерывной и неустанной работы всех вышеуказанных лиц мы смогли захватить 56 055 евреев, истребление которых учтено. К этому надо добавить евреев, которые были убиты во время взрывов или пожаров, но их число не поддается учету.

Краткие выдержки из ежедневных телеграфных донесений

...Результатом ночного поджога нами квартала было то, что те евреи, которых мы не могли найти, несмотря на все наши поиски, покидали свои убежища через крыши, выходили из подвалов и появлялись снаружи зданий, пытались избежать пламени. Многие — целые семьи — были уже охвачены пламенем и прыгали из окон или пытались спуститься на землю на простынях, но были приняты меры к тому, чтобы сразу ликвидировать этих евреев так же, как и остальных...

...Когда вышеупомянутые кварталы были разрушены, было захвачено 120 евреев, и большое количество евреев было убито в то время, когда они прыгали с крыш во внутренние дворы, пытались избежать пламени. Но еще большее число евреев погибло в пламени или было убито во время подрывания убежищ и канализационных люков...

Только лишь тогда, когда кварталы уже были охвачены пламенем и были готовы рухнуть, большое количество евреев

пыталось прорваться сквозь пламя и дым. Многие евреи пытались убежать даже через горящие здания. Большое число евреев, которых мы видели во время пожара на крышах, погибло в пламени. Другие прыгали с верхних этажей в самый последний момент, для того чтобы избежать смерти от пламени. Сегодня мы захватили 2283 еврея, из которых 204 были расстреляны. Бесчисленное количество евреев было уничтожено в убежищах и в пламени...

...Евреи рассказывают о том, что они выходят наружу ночью для того, чтобы подышать свежим воздухом, так как невыносимо постоянно находиться под землей в течение операции, которая длится долгое время. В среднем патрули расстреливают от 30 до 50 евреев каждую ночь. Это свидетельствует о том, что еще значительное число евреев находится в подземных убежищах в гетто. Сегодня мы взорвали бетонное здание, которое мы были не в состоянии уничтожить огнем. В результате этой операции мы выяснили, что взрыв здания является очень продолжительным процессом и требует очень большого количества взрывчатых веществ. Поэтому наилучшим и единственным методом истребления евреев продолжает оставаться поджог.

...Некоторые данные указывают на то, что от 3 до 4 тысяч евреев еще находится в подземных пещерах, убежищах и канализационных трубах. Поэтому нижеподписавшийся решил не прекращать операции широких масштабов до тех пор, пока не будет убит последний еврей...

Из телеграфного донесения от 15 мая 1943 г.

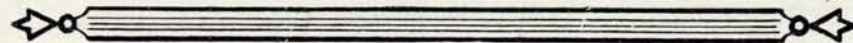
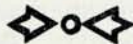
...Особая часть вновь исследовала последний неразрушенный квартал в гетто и разрушила его. Вечером часовня, покойницкая и другие здания на еврейском кладбище были взорваны или сожжены.

Из донесения от 24 мая 1943 г.

...Из общего числа 50 065 человек пойманных евреев примерно 7 тысяч были убиты на территории бывшего гетто во время операции широких масштабов, 6929 евреев были уничтожены после доставки их в Т-II¹.

Общее число уничтоженных евреев составляет 13 929 человек, помимо названных 50 065 человек. Примерно 5 или 6 тысяч евреев были уничтожены во время взрывов или же погибли в пламени.

¹ Т-II — условное обозначение лагеря уничтожения в Трелинке. — Составители.

Документ Л-180, США-1276

ИЗ ОТЧЕТА ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ «А» ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СД ЗА ПЕРИОД С 16 ОКТЯБРЯ 1941 Г. ПО 31 ЯНВАРЯ 1942 Г.

...Систематическая работа по очищению Востока согласно основным приказам имела своей целью возможно полную ликвидацию евреев. Эта цель в основном достигнута. Исключая Белоруссию, экзекуции подвергнуто 229 052 еврея. Оставшиеся в прибалтийских провинциях евреи мобилизуются в срочном порядке на работы и размещаются в гетто...

Эстония

Экзекуция над евреями, поскольку последние не были необходимы на работах, стала постепенно производиться силами полиции безопасности и СД. На сегодняшний день евреев в Эстонии больше нет...

Латвия

При вступлении германских войск в Латвию там находилось еще 70 тысяч евреев...

До октября 1941 года особые команды подвергли экзекуции ровно 30 тысяч евреев...

В последующее время были произведены дальнейшие экзекуции. Так, 9 ноября 1941 г. в Двинске были подвергнуты экзекуции 11 034 еврея. В начале декабря 1941 года в результате проведенной по распоряжению бывшего руководителя СС и полиции операции в Риге была произведена экзекуция над 27 800 и в середине декабря 1941 года в Либаве над 2850 евреями. В настоящее время в гетто находятся, кроме евреев из Германии, округленно: в Риге — 2500 человек, в Двинске — 950 человек, в Либаве — 300 человек.

Эти евреи, будучи хорошими специалистами, являются в настоящее время еще необходимыми для поддержания хозяйства...

Литва

...В результате многих отдельных операций было ликвидировано в общем 136 421 человек...

Белоруссия

Вопрос решительной и полной ликвидации евреев на территории Белоруссии после прихода немцев наталкивается на известные трудности. Как раз здесь евреи составляют чрезвычайно высокий процент специалистов, которые в этой области вследствие отсутствия других резервов являются необходимыми. Кроме того, оперативная группа «А» приняла эту территорию лишь с наступлением сильных морозов, которые очень затруднили проведение массовых экзекуций.

Дальнейшая трудность заключается в том, что евреи живут разбросанно по всей территории; учитывая большие расстояния, плохое состояние дорог, недостаток автотранспорта, бензина и незначительные силы полиции безопасности и СД, проведение расстрелов возможно только при максимальном напряжении всех сил. Несмотря на это, расстреляна уже 41 тысяча евреев. В это число не вошли расстрелянные прежними оперативными командами...

Командиру полиции по Белоруссии, несмотря на тяжелое положение, даны указания, как можно быстрее ликвидировать еврейский вопрос. Но все же для этого потребуется около двух месяцев в зависимости от погоды.

Размещение оставшихся евреев в существующих гетто и в лагерях Белоруссии подходит к концу...

Документ СССР-119а

ИЗ ИТОГОВОГО ОТЧЕТА КОМАНДИРА РОТЫ 12-ГО ПОЛИЦЕЙСКОГО ПОЛКА ¹ ОТ 1 НОЯБРЯ 1942 Г.

...Оцепление было назначено на 4.30², и оказалось, что благодаря предшествующей личной разведке руководителей и соблюдению тайны оцепление было совершено в кратчайший срок и уклонение евреев оказалось невозможным.

Прочесывание гетто следовало по приказу начальника в 6.00. Но благодаря темноте начало было отодвинуто на полчаса. Евреи, обратившие внимание на происходящее, стали большей частью добровольно собираться на проверку на всех улицах; с помощью двух вахмистров удалось в первый же час привести несколько тысяч к месту сбора; когда остальные евреи увидели, в чем дело, то они примкнули к колонне, так что предусмотренную охранной полицией на месте сбора проверку из-за громадного, неожиданного скопления народа провести не удалось.

В первый день прочесывания рассчитывали только на 1—2 тысячи человек. Первое прочесывание закончилось в 17 часов и прошло без происшествий. В первый день было казнено около 10 тысяч человек. Ночью рота находилась в боевой готовности в солдатском клубе.

30 октября 1942 г. гетто было прочесано второй раз, 31 октября — третий и 1 ноября — четвертый раз.

В общем к месту сбора было пригнано около 15 тысяч евреев. Больные евреи и оставленные в домах дети подвергались казни тут же, в гетто, во дворе. В гетто было казнено около 1200 евреев.

Выводы

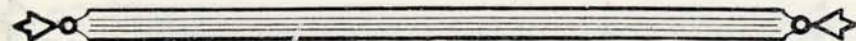
...Даже когда нет подвалов, значительное количество лиц находится в малом пространстве подполья. Такие места следует взламывать снаружи, или направлять туда служебных собак

¹ Полицейская рота в конце октября — начале ноября 1942 года истребила евреев в Пинском гетто. — Составители.

² 29 октября 1942 г. — Составители.

(в Пинске замечательно оправдала себя при этом служебная собака «Аста»), или забросить туда ручную гранату, после чего во всех случаях евреи немедленно выходят оттуда...

Рекомендуем привлекать малолетних к указанию этих укрытий, обещая им за это жизнь. Этот метод хорошо оправдал себя...

Документ СССР-414

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА 1-ГО УЧАСТКА ОХРАННОЙ ПОЛИЦИИ ГОРОДА ДВИНСКА

...Сего года 19 февраля в еврейском лагере была задержана еврейка Майерова Хая, которая обменяла у какого-то ремонтного рабочего из концентрационного лагеря кусок материала на 2 кг муки.

Еврейка Майерова в связи с постановлением охранной полиции сегодня в 10 часов была расстреляна во дворе лагеря в присутствии остальных евреев лагеря. Рабочий, обменявший муку на материал, не был найден...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

...Официальный статистический ежегодник Польши в 1931 году определял количество евреев в 3 115 тысяч.

По неофициальным данным, собранным в 1939 году, в Польше было 3 300 тысяч евреев. После освобождения Польши в ней насчитывается менее 100 тысяч евреев, и 200 тысяч польских евреев пребывают до сих пор в СССР.

Таким образом, 3 миллиона евреев погибли в Польше...

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ НАЧАЛЬНИКА ГЕСТАПО МЮЛЛЕРА НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ И СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГИММЛЕРУ ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1942 Г. ОБ ОТПРАВКЕ ПОЛЬСКИХ ЕВРЕЕВ В КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ ГЕРМАНИИ

...В связи с увеличением передачи рабочей силы концентрационным лагерям, которая должна быть завершена к 30 января 1943 г., можно принять следующий порядок в отношении евреев:

1. Общее количество — 45 тысяч евреев.
2. Начало отправки — 11 января 1943 г. Конец отправки — 31 января 1943 г. Немецкие железные дороги не могут предоставить специальных составов для эвакуации с 15 декабря 1942 г. по 10 января 1943 г. ввиду увеличения количества эшелонов с отпускниками из армии.

3. Состав: 45 тысяч евреев должны включать 30 тысяч евреев из районов Белостока, 10 тысяч — из гетто Терезиенштадт, из них 5000 евреев должны быть трудоспособными (те, которые использовались на мелких работах в гетто) и 5 тысяч нетрудоспособных евреев, а также евреев свыше 60 лет...

Как и до сих пор, должны быть вывезены только те евреи, которые не имеют особых связей и высоких наград; 3 тысячи евреев — из оккупированных голландских территорий, 2 тысячи — из Берлина. Всего 45 тысяч (цифра 45 тысяч включает инвалидов, стариков и детей).

С использованием практических методов отбора среди евреев, прибывающих в Освенцим, должно иметься от 10 до 15 тысяч трудоспособных людей...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ДИТЕРА ВИСЛИЦЕНИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 3 января 1946 г.]

*Брокхарт*¹: Сколько вам лет?

Вислицени: Мне 34 года.

Брокхарт: Где вы родились?

Вислицени: Я родился в Регуловкене, в Восточной Пруссии.

Брокхарт: Вы были членом германской национал-социалистской рабочей партии?

Вислицени: Да, я был членом НСДАП.

Брокхарт: С какого года?

Вислицени: Я сперва поступил в партию в 1931 году, затем был вычеркнут из списка партии и с 1933 года окончательно вступил в НСДАП.

Брокхарт: Вы были членом СС?

Вислицени: Да, в 1934 году я вступил в СС.

Брокхарт: Вы были сотрудником гестапо?

Вислицени: В 1934 году я вступил в СД.

Брокхарт: До какого чина вы дослужились?

Вислицени: В 1940 году был гауптштурмфюрером СС.

Брокхарт: Знаете ли вы Адольфа Эйхмана?

Вислицени: Да, я знаю Эйхмана с 1934 года.

Брокхарт: При каких обстоятельствах вы познакомились с ним?

Вислицени: Мы приблизительно в одно время, в 1934 году, вступили в СД. До 1937 года были в одном отделе.

Брокхарт: Насколько хорошо вы лично знали Эйхмана?

Вислицени: Мы знали друг друга отлично. Мы были с ним на «ты», и я также очень хорошо знал его семью.

Брокхарт: Какое положение он занимал?

Вислицени: Эйхман был начальником отдела в управлении IV, то есть гестапо, в главном имперском управлении безопасности (РСХА).

¹ Брокхарт — сотрудник следственной части при Главном обвинителе от США на Нюрнбергском процессе. — Составители.

Брокхарт: IV управление или отдел? Если отделение, то какое это было отделение?

Вислицени: Он руководил отделом IV-A-4. Этот отдел охватывал два реферата. Первый реферат был рефератом по делам церкви, второй — по еврейскому вопросу.

Брокхарт: Каковы были особые задачи отделения IV-A-4-в главного имперского управления безопасности?

Вислицени: Отделение IV-A-4-в занималось еврейским вопросом в рамках РСХА; Эйхман имел особые полномочия от группенфюрера Мюллера, начальника IV управления, и от начальника полиции безопасности. Он был ответствен за так называемое решение еврейского вопроса в Германии и во всех занятых Германией областях.

Брокхарт: Можно ли деятельность в отношении евреев подразделить на определенные периоды?

Вислицени: Да.

Брокхарт: Дайте Трибуналу приблизительное разграничение этих периодов.

Вислицени: До 1940 года общая директива реферату была — решить еврейский вопрос в Германии и занятых ею областях с помощью планового выселения. Вторая фаза началась с этого времени: концентрация всех евреев в Польше и других занятых Германией восточных областях, и причем в форме гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 года. Третьим периодом было так называемое окончательное решение еврейского вопроса, то есть планомерное уничтожение еврейского народа. Этот период длился до октября 1944 года, пока Гиммлер не отдал приказ прекратить это уничтожение.

Брокхарт: Когда вы впервые стали иметь дело с отделом IV-A-4 РСХА?

Вислицени: Это произошло в 1940 году. Я случайно встретил Эйхмана.

Брокхарт: Какую должность вы занимали?

Вислицени: Эйхман сделал мне предложение отправиться в Братиславу и занять там пост консультанта по еврейскому вопросу при Словацком правительстве.

Брокхарт: В течение какого времени вы находились на этом посту?

Вислицени: В Братиславе я был до начала 1943 года, затем почти один год — в Греции, потом с марта 1944 года до декабря 1944 года я был при Эйхмане в Венгрии. В январе 1945 года я покинул отдел Эйхмана.

Брокхарт: В то время, когда вы официально были связаны с отделом IV-A-4, не знали ли вы о существовании какого-либо приказа об уничтожении всех евреев?

Вислицени: Да. Я узнал о таком приказе от Эйхмана летом 1942 года.

Брокхарт: Расскажите Трибуналу, при каких обстоятельствах был издан этот приказ, в чем состояла его суть?

Вислицени: В начале 1942 года около 17 тысяч евреев из Словакии были перевезены в Польшу в качестве рабочих. Речь шла о соглашении со Словацким правительством. В дальнейшем Словацкое правительство делало запросы по поводу того, нельзя ли также отправить и членов семей этих рабочих в Польшу. Вначале Эйхман отклонил это предложение. В апреле или в начале мая 1942 года он сообщил мне, что целые семьи могут теперь быть посланы в Польшу. Эйхман был сам в мае 1942 года в Братиславе и беседовал с ответственными членами Словацкого правительства. Он посетил министра Маха и затем премьер-министра профессора Тука.

Он тогда заверил Словацкое правительство в том, что с этими евреями в польских гетто будут обращаться гуманно и порядочно. Словацкое правительство особо высказало это пожелание. В результате этого заверения около 35 тысяч евреев было послано из Словакии в Польшу. Словацкое правительство, однако, пыталось добиться того, чтобы с этими евреями в действительности обращались гуманно, оно особенно старалось что-либо сделать для евреев, принявших христианское вероисповедание. Премьер-министр Тука несколько раз приглашал меня к себе и выражал пожелание, чтобы словацкая делегация могла осмотреть области, в которых по записям находились словацкие евреи. Я это желание Тука передал Эйхману. Это желание Словацкое правительство выразило также в ноте. Эйхман сначала дал уклончивый ответ. Я в конце июля или в начале августа поехал к нему в Берлин и настойчиво просил его выполнить пожелание Словацкого правительства.

Я указал ему на то, что за границей ходят слухи о том, что евреев в Польше истребляют. Я указал на то, что со стороны папы последовало заявление, адресованное Словацкому правительству. Я указал на то, что такие действия, если они действительно имели место, могут повредить нашему престижу, то есть престижу Германии. По всем этим причинам я просил его допустить осмотр. После продолжительной дискуссии Эйхман заявил мне, что он ни при каких обстоятельствах не может разрешить посещение польских гетто. На мой вопрос «почему» он ответил, что большей части евреев уже нет в живых. Когда я спросил его, кто отдал такой приказ, он сказал мне, что это приказ Гимmlера. После этого я просил его, чтобы он показал мне этот приказ, потому что я не мог представить себе, что действительно существует такой письменный приказ.

Брокхарт: Где вы находились в то время, когда произошла эта встреча с Эйхманом?

Вислицени: Эта встреча состоялась в Берлине на Курфюрстенштрассе, 116, в учреждении Эйхмана.

Брокхарт: Хорошо. Продолжайте отвечать на предыдущий вопрос. Расскажите об обстоятельствах издания и содержания приказа.

Вислицени: Эйхман сказал мне, что он может показать мне этот письменный приказ, если это беспокоит мою совесть. Он достал из своего сейфа маленькую папку, которую перелистал, и показал мне письмо Гимmlера начальнику полиции безопасности и СД. В этом письме было написано приблизительно следующее:

«Фюрер приказал разрешить окончательно еврейский вопрос. Разрешение этого вопроса поручается начальнику полиции безопасности и СД и инспектору по концентрационным лагерям. Это так называемое окончательное решение не распространяется пока на работоспособных евреев мужского и женского пола, которые должны использоваться для работы в концентрационных лагерях». Этот приказ был подписан самим Гимmlером. Тут не может быть ошибки, так как я точно знаю подпись Гимmlера.

Брокхарт: Кому был адресован этот приказ?

Вислицени: Начальнику полиции безопасности и СД, это, значит, в аппарат начальника полиции безопасности и СД.

Брокхарт: Был ли он адресован еще кому-либо?

Вислицени: Да, инспектору концентрационных лагерей. Этим двум учреждениям был адресован приказ.

Брокхарт: Был ли на этом приказе какой-либо гриф секретности?

Вислицени: Это был совершенно секретный приказ.

Брокхарт: Когда он был примерно издан?

Вислицени: Этот приказ был издан примерно в апреле 1942 года.

Брокхарт: Кем он был подписан?

Вислицени: Гимmlером лично.

Брокхарт: И вы лично ознакомились с этим приказом в отделе Эйхмана?

Вислицени: Да. Эйхман подал мне этот документ, и я сам видел этот приказ.

Брокхарт: Задавали ли вы какие-нибудь вопросы относительно значения слов «окончательное решение», которые имелись в приказе.

Вислицени: Эйхман пояснил мне смысл этого выражения. Он сказал, что за словами «окончательное решение» скрывается физическое уничтожение еврейской расы в восточных

областях. И в более поздних дискуссиях на эту тему это выражение — «окончательное решение» постоянно употреблялось.

Брокхарт: Сказали ли вы что-нибудь Эйхману в отношении полномочий, которые были предоставлены ему этим приказом?

Вислицени: Эйхман сказал мне, что ему лично поручили проведение этого приказа в главном имперском управлении безопасности. Для проведения этого приказа он получил все полномочия от начальника полиции безопасности, он был лично ответствен за исполнение этого приказа.

Брокхарт: Сделали ли вы какие-нибудь замечания Эйхману относительно его полномочий?

Вислицени: Да, для меня было очевидно, что этот приказ означал смертный приговор миллионам людей. Я сказал Эйхману: «Пусть не допустит господь бог, чтобы наши враги когда-нибудь получили возможность причинить то же самое немецкому народу». На это Эйхман сказал мне, что я не должен быть сентиментальным, что это приказ фюрера и что его нужно выполнить.

Брокхарт: Не известно ли вам, продолжал ли оставаться в силе этот приказ и выполнялся ли он отделом Эйхмана?

Вислицени: Да.

Брокхарт: В течение какого периода времени?

Вислицени: Этот приказ оставался в силе до октября 1944 года. В это время Гиммлер издал контрприказ, который запрещал уничтожение евреев.

Брокхарт: Кто был начальником главного имперского управления безопасности, когда впервые был издан этот приказ.

Вислицени: Гейдрих.

Брокхарт: Продолжала ли выполняться программа согласно этому приказу с такой же эффективностью при Кальтенбруннере?

Вислицени: Да, никаких послаблений или изменений не было.

Брокхарт: Скажите, если вы знаете, сколько времени Кальтенбруннер знал Эйхмана?

Вислицени: Из различных высказываний Эйхмана я заключил, что Кальтенбруннер и Эйхман знали друг друга очень давно. Они оба были из Линца, и когда Кальтенбруннер был назначен начальником полиции безопасности, Эйхман выразил свое удовлетворение. Тогда он сказал мне, что знает очень хорошо Кальтенбруннера и что Кальтенбруннер знал его семью еще в Линце.

Брокхарт: Ссылался ли когда-либо Эйхман на свои дружеские отношения или близкое знакомство с Кальтенбруннером и на то, что это может оказаться ему полезным?

Вислицени: Да, он много раз повторял, что, если у него будет какое-нибудь затруднение, он всегда сможет обратиться лично к Кальтенбруннеру. Но ему не приходилось часто обращаться к его помощи, так как у него были очень хорошие отношения со своим непосредственным начальником — группенфюрером Мюллером.

Брокхарт: Присутствовали ли вы, когда Эйхман встречался с Кальтенбруннером?

Вислицени: Да, однажды я видел, как Кальтенбруннер лично дружески приветствовал Эйхмана. Это было в феврале 1945 года в учреждении Эйхмана в Берлине. Кальтенбруннер каждый день приходил обедать на Курфюрстенштрассе, 116. Там собирались начальники управлений обедать вместе с Кальтенбруннером, и при таких обстоятельствах я лично видел, как Кальтенбруннер дружески приветствовал Эйхмана и спросил, как поживает его семья в Линце.

Брокхарт: Не знаете ли вы, в какой мере Эйхман представлял Гейдриху и позднее Кальтенбруннеру доклады на утверждение по вопросам, касающимся руководства его отделом?

Вислицени: Нормальный путь инстанций вел от Кальтенбруннера к Эйхману через Мюллера. Насколько мне известно, через определенные промежутки времени Эйхман подготавливал отчеты и представлял их Кальтенбруннеру. Я знаю, что летом 1944 года Эйхман был лично у Кальтенбруннера с докладом.

Брокхарт: Имели ли вы когда-либо случай ознакомиться с делопроизводством в отделе Эйхмана?

Вислицени: Да, я имел возможность часто просматривать бумаги бюро Эйхмана. Я знаю, что Эйхман очень предусмотрительно обращался со всеми документами, касавшимися его особых поручений. Он был во всех отношениях настоящим бюрократам. О каждом совещании со своим начальником он составлял памятную записку; он часто повторял мне, что самое главное состоит в том, чтобы все санкционировалось сверху. Он сам всегда уклонялся от всякой ответственности и всегда старался, чтобы ответственность за все мероприятия несли его начальники, в данном случае Мюллер и Кальтенбруннер.

Брокхарт: В случае обычного доклада отдела Эйхмана, направляемого через Мюллера и Кальтенбруннера Гиммлеру, видели вы когда-нибудь копии таких докладов в делах Эйхмана?

Вислицени: Да, такие копии, конечно, имелись в делах. Обычный путь был таковым: Эйхман поручал эксперту разработать проект или сам делал это. Проект направлялся его начальнику управления, группенфюреру Мюллеру, который либо сам подписывал его, либо предоставлял это Эйхману. В большинстве случаев, когда речь шла о докладах Кальтенбруннеру или Гимм-

леру, Мюллер подписывал их сам. Если доклад был подписан Мюллером без всяких изменений, то он поступал обратно в бюро Эйхмана и изготавливался с копией. Этот подлинник обратно направлялся к Мюллеру на подпись, и оттуда его пересылали дальше Кальтенбруннеру или Гиммлеру. В отдельных случаях, когда речь шла о докладах Гиммлеру, Кальтенбруннер подписывал их сам. Я лично видел такие копии, на которых были контуры подписи Кальтенбруннера.

Брокхарт: Возвращаясь к вопросу относительно тех стран, в которых проводились мероприятия против евреев, не скажете ли вы, относительно каких именно стран вам лично известно о проводившихся такого рода операциях?

Вислицени: Прежде всего, я лично знаю о всех мероприятиях, которые проводились в Словакии. Далее, мне известны также подробности эвакуации евреев из Греции и особенно эвакуации из Венгрии. Я так же знаю о некоторых мероприятиях, проведенных в Болгарии и Хорватии. О других мероприятиях в других странах я, конечно, слышал, но я не мог, однако, нарисовать себе ясной картины о ситуации в этих странах, не имея возможности лично наблюдать и не получая точных отчетов.

Брокхарт: Когда вы говорили о Словакии, вы уже упомянули относительно 17 тысяч евреев, которые были специально отобраны и высланы из Словакии. Не расскажете ли вы Трибуналу о других мероприятиях в отношении евреев в Словакии, которые последовали вслед за этим?

Вислицени: Я упоминал уже, что за первыми 17 тысячами высланных еврейских рабочих последовали еще 35 тысяч евреев и причем целыми семьями. В августе или в начале сентября 1942 года высылку из Словакии прекратили. Причиной было то, что большая часть евреев, еще проживавших в Словакии, получила от премьер-министра и различных министерств исключительные разрешения остаться в стране, а также, пожалуй, неудовлетворительный ответ, данный мною на просьбу Словацкого правительства относительно посещения еврейских лагерей в Польше. Положение вещей осталось таким до сентября 1944 года. С августа 1942 года до сентября 1944 года евреев больше не высылали из Словакии. От 25 до 30 тысяч евреев еще оставалось в Словакии.

Брокхарт: Что произошло с первой группой в 17 тысяч специально отобранных рабочих?

Вислицени: Эта группа не была уничтожена. Она была полностью использована на работах в концентрационных лагерях в Освенциме (Аушвице) и Люблине.

Брокхарт: Откуда вам это известно?

Вислицени: Эти подробности я знаю от коменданта Аушвица Гесса, приехавшего в 1944 году в Венгрию и упомянувшего

об этом. Он тогда сказал мне, что эти 17 тысяч евреев являются его лучшей рабочей силой в Освенциме.

Брокхарт: Как была фамилия этого коменданта?

Вислицени: Фамилия коменданта Аушвица была Гесс.

Брокхарт: Что случилось примерно с 35 тысячами членов семей этих еврейских рабочих, которые были посланы в Польшу?

Вислицени: С ними обращались в соответствии с приказом, который Эйхман показал мне в августе 1942 года. Часть их осталась в живых, именно та часть, которую можно было использовать на работах. Остальные были уничтожены.

Брокхарт: Откуда это вам известно?

Вислицени: Я знаю это от Эйхмана и, конечно, от Гесса из разговоров в Венгрии.

Брокхарт: Какой процент из этой группы составляют оставшиеся в живых?

Вислицени: Гесс ознакомил меня во время разговора с Эйхманом, при котором я присутствовал, с цифрами и сказал, что часть евреев, оставшихся в живых и находившихся на работах, составляет приблизительно 25—30 процентов.

Брокхарт: Возвращаясь теперь к 25 тысячам евреев, которые оставались в Словакии до сентября 1944 года, скажите, что вам известно об их судьбе?

Вислицени: После того как вспыхнуло восстание в Словакии осенью 1944 года, гауптштурмфюрер Бруннер, один из помощников Эйхмана, был послан туда. Эйхман отклонил мое предложение отправиться в Словакию. Бруннер с помощью германской полиции и словацкой жандармерии собрал всех евреев в нескольких лагерях и отправил их в Освенцим. По высказываниям Бруннера, это относилось приблизительно к 14 тысячам человек. Небольшая группа людей, оставшаяся в лагере Сегед, как мне известно, весной 1945 года была переведена в Терезиенштадт.

Брокхарт: Что произошло с этими 25 тысячами евреев после того, когда они были вывезены из Словакии?

Вислицени: Я считаю, что с ними поступили согласно приказу Гиммлера об «окончательном решении», так как приказ об отмене этого мероприятия был отдан Гиммлером лишь через несколько недель.

Брокхарт: Переходя теперь к мероприятиям в Греции, о которых вы лично знаете, не расскажете ли вы Трибуналу в хронологической последовательности относительно мероприятий, проводившихся в этой стране?

Вислицени: В январе 1943 года Эйхман вызвал меня в Берлин и сказал, что я должен отправиться в Салоники, установить там связь с военной администрацией в Македонии и разрешить еврейский вопрос в Салониках. До этого в Салониках

находился постоянный представитель Эйхмана, штурмбаннфюрер Рольф Гюнтер. Мой отъезд в Салоники был назначен на февраль 1942 года. В конце января 1942 года мне стало известно от Эйхмана, что для технического проведения всех мероприятий в Греции он назначил гауптштурмфюрера Бруннера и что Бруннер должен поехать вместе со мной в Салоники. Бруннер не подчинялся мне, он действовал самостоятельно. В феврале 1942 года мы отправились в Салоники и прежде всего установили там контакт с военной администрацией. В качестве...

Брокхарт: С кем из военной администрации вы имели дело?

Вислицени: Это был военный советник доктор Мертен, начальник военной администрации при главнокомандующем в Салониках.

Брокхарт: Вы один раз или более упоминали 1942 год. Не имеете ли вы в виду 1943 год, говоря о событиях в Греции?

Вислицени: Это ошибка. События в Греции произошли в 1943 году.

Брокхарт: Какие приготовления были произведены через посредство доктора Мертена и какие меры были приняты?

Вислицени: В Салониках евреев согнали сначала в определенные кварталы. В Салониках жило около 50 тысяч евреев испанского происхождения. В начале марта, после того как всех евреев собрали вместе, пришла телеграмма от Эйхмана, адресованная Бруннеру, предписывавшая тотчас же отправить всех евреев, находившихся в Салониках и в Македонии, в Освенцим. С этим приказом я и Бруннер отправились в военную администрацию. Не было сделано никаких возражений со стороны военной администрации, и мероприятия подготавливались и проводились. Бруннер сам руководил всей операцией в Салониках. Эшелоны, необходимые для отправки евреев, были затребованы у начальника транспорта вооруженных сил. Бруннеру нужно было только указать, сколько вагонов ему понадобятся и к какому времени их надо представить.

Брокхарт: Оставлялись ли какие-нибудь еврейские рабочие по требованию доктора Мертена или военной администрации?

Вислицени: Да, для строительства железных дорог военная администрация потребовала 3 тысячи евреев мужчин, которые и были ей предоставлены. После того как эти работы были закончены, евреи были обратно отданы в ведение Бруннера, и их так же, как и других, отправили в Освенцим. Эти работы проводились в рамках организации Тодта.

Брокхарт: Какое количество еврейских рабочих было выделено для организации Тодта?

Вислицени: 3—4 тысячи.

Брокхарт: Имели ли место какие-нибудь заболевания среди евреев, предназначенных для отправки.

Вислицени: Собственно в концентрационных лагерях не было особых случаев заболеваний. Однако в некоторых кварталах города, заселенных евреями, свирепствовали сыпной тиф и другие заразные болезни, особенно туберкулез легких.

Брокхарт: Если вы, действительно, вели переписку с Эйхманом по вопросу заболеваний тифом, то какую?

Вислицени: Я связался с Эйхманом по телефону после того, как поступила телеграмма с приказом об отправке евреев из Салоник, и сообщили ему о случаях заболевания тифом. Но он не обратил внимания на это и приказал тотчас же начать отpravку.

Брокхарт: Сколько всего евреев было собрано и отправлено из Греции?

Вислицени: Более 50 тысяч евреев, я думаю, до 54 тысяч евреев было вывезено из Македонии и Салоник.

Брокхарт: На чем основана эта ваша цифра?

Вислицени: Я сам читал отчет, составленный Бруннером для Эйхмана после завершения операции. Бруннер покинул Салоники в конце мая 1943 года. Я сам с начала апреля до конца мая не был в Салониках, так что Бруннер сам провел эту операцию.

Брокхарт: Сколько транспортов было использовано при отправке евреев из Салоник?

Вислицени: Больше 20, приблизительно от 20 до 25 эшелонов.

Брокхарт: Сколько человек отправлялось в каждом эшелоне?

Вислицени: Не менее 2 тысяч, в некоторых случаях до 2,5 тысяч в каждом.

Брокхарт: Какие вагоны использовались для отправления этих эшелонов?

Вислицени: Это были закрытые товарные вагоны. Высылавшимся давались продукты примерно на 10 дней, главным образом хлеб, маслины и другие сухие продукты, а также вода и медикаменты.

Брокхарт: Вы сказали, что в отношении евреев, вывезенных в Освенцим, было применено «окончательное решение». Что вы под этим подразумеваете?

Вислицени: Я имею в виду то, что сказал мне Эйхман об «окончательном решении», а именно физическое истребление. Насколько я мог понять из разговоров с Эйхманом, уничтожение евреев происходило в газовых камерах, а тела их затем сжигались в крематориях.

Брокхарт: Не сообщите ли вы кратко относительно мероприятий в Венгрии, которые там проводились, и относительно вашего в них участия?

Вислицени: После вступления немецких войск в Венгрию Эйхман отправился туда с большой командой. Приказом, подписанным начальником полиции безопасности, я был откомандирован в команду Эйхмана. Эйхман начал свою деятельность в Венгрии в конце марта 1944 года. Он установил также связь с членами Венгерского правительства, в частности со статс-секретарями Эндре и фон Бакке. Первое мероприятие, которое было предпринято Эйхманом в контакте с этими венгерскими правительственными чиновниками, была концентрация евреев в Венгрии в определенных местах. Проведение этих мер происходило по зонам и началось с так называемой Карпатской Руси и Трансильвании.

Начало этой операции приходится на середину апреля 1944 года.

Эта операция распространялась в Закарпатской Украине на более чем 200 тысяч евреев. Вследствие этого в маленьких городах и сельских общинах, в которых концентрировались евреи, возникли невыносимые условия в отношении размещения и питания. Поэтому Эйхман предложил венграм отправить этих евреев в Аушвиц и другие концентрационные лагеря. Он, однако, настоял на том, чтобы Венгерское правительство или какой-либо член его ходатайствовали об этом. Это ходатайство последовало от министра фон Бакке. Эвакуация была проведена венгерской жандармерией.

Эйхман сам назначил меня связным офицером при подполковнике Ференце, который был уполномоченным от министерства внутренних дел Венгрии для проведения этой операции. Вывоз евреев из Венгрии начался в мае 1944 года, причем эвакуация происходила по зонам: сначала из Карпатской Руси, потом Трансильвании, потом Северной Венгрии, Южной Венгрии и, наконец, Западной Венгрии. Будапешт должен был быть очищен от евреев в конце июня. Но эвакуация не состоялась, так как этого не допустил регент Хорти. Эта операция охватила около 450 тысяч евреев. Вторая операция...

Брокхарт: Сначала сообщите Трибуналу, что было предпринято в отношении организации оперативных групп («эйнзатцgruppen») для совершения действий против евреев в Венгрии, если это действительно имело место.

Вислицени: В начале марта 1944 года была организована оперативная группа полиции безопасности и СД в Маутхаузене под Линцем. Эйхман сам был во главе так называемой специальной оперативной команды, в которой он собрал всех людей, имевших какие-либо функции в его отделе. Эта специ-

альная оперативная команда собралась также и в Маутхаузене; она была подчинена начальнику оперативных групп, тогда штандартенфюреру доктору Гешке, но в деловом отношении Эйхман подчинялся только начальнику полиции безопасности и СД.

Брокхарт: Каковы были задачи «команды особого назначения Эйхмана» в Венгрии?

Вислицени: Деятельность Эйхмана в Венгрии охватывала все связанные с еврейской проблемой вопросы.

Брокхарт: Под чьим непосредственным руководством была организована «команда особого назначения Эйхмана»?

Вислицени: Я уже сказал, что во всех вопросах экономического порядка и в вопросах о персонале Эйхман подчинялся командиру оперативной группы штандартенфюреру доктору Гешке, но Гешке не мог давать Эйхману никаких деловых указаний. Эйхман докладывал о всех своих действиях прямо в Берлин.

Брокхарт: Кому?

Вислицени: Или группенфюреру Мюллеру, или в более важных случаях начальнику полиции безопасности и СД, то есть Кальтенбруннеру.

Брокхарт: В течение периода, когда производился отбор венгерских евреев, какой контакт поддерживался, если таковой действительно имел место, между объединенным распределительным комитетом по еврейским вопросам и представителем Эйхмана?

Вислицени: Распределительный комитет пытался установить связь с Эйхманом для того, чтобы попытаться изменить участь венгерских евреев. Я сам наладил эту связь с Эйхманом. Мне хотелось найти способ, с помощью которого это мероприятие не распространилось бы на полмиллиона находившихся в Венгрии евреев. Распределительный комитет делал Эйхману предложения, требуя взамен, чтобы евреи остались в Венгрии. Эти предложения были прежде всего финансового характера. Эйхман был вынужден крайне неохотно передать эти предложения Гиммлеру. Гиммлер для дальнейших переговоров выделил штандартенфюрера Бехера.

Бехер с доктором Кастнером имели затем совещание с уполномоченным комитета. Эйхман с самого начала пытался сорвать эти переговоры. Еще до достижения конкретных результатов он хотел поставить перед совершившимся фактом, то есть отправить возможно больше евреев в Освенцим.

Брокхарт: Вставал ли вопрос о каких-нибудь денежных суммах во время этих совещаний между доктором Кастнером и Эйхманом?

Вислицени: Да.

Брокхарт: О каких суммах?

Вислицени: Во время первого совещания Кастнер передал Эйхману около трех миллионов пенго. Как велики были суммы, о которых шла речь на дальнейших совещаниях, мне неизвестно.

Брокхарт: Кому доктор Кастнер передал эти деньги и что стало в дальнейшем с ними?

Вислицени: Эти деньги были переданы Эйхману. Он передал их моему казначею, а затем они были переданы начальнику полиции безопасности и СД в Венгрии.

Брокхарт: Теперь о действиях, о которых вы говорили и которые распространились примерно на 450 тысяч евреев, вывезенных из Венгрии. Скажите, говорилось ли об этих фактах угона в официальных сообщениях, посылаемых в Берлин?

Вислицени: Да, о каждом отходящем эшелоне посылалась телеграмма в Берлин. Эйхман время от времени посылал общие отчеты главному имперскому управлению безопасности и начальнику полиции безопасности.

Брокхарт: Теперь в отношении евреев, которые оставались в Будапеште. Какие меры принимались в отношении этих евреев, если они действительно принимались?

Вислицени: После того, как Салаши стал во главе правительства в Венгрии...

Брокхарт: Что произошло с евреями, на которых вы уже ссылались, примерно с 450 тысячами евреев?

Вислицени: Они были все без исключения доставлены в Освенцим, и там с ними поступили согласно понятию «окончательное решение».

Брокхарт: Вы хотите сказать, что они были убиты?

Вислицени: Да, за исключением тех 25—30 процентов, которые были использованы на работах. Я ссылаюсь при этом на мое упоминание о совещании, которое состоялось в этой связи между Гессом и Эйхманом в Будапеште.

Брокхарт: Теперь возвращаюсь к тем евреям, которые оставались в Будапеште. Что с ними произошло?

Вислицени: В октябре—ноябре 1944 года было отобрано и отправлено в Германию около 30 тысяч евреев или, может быть, несколькими тысячами больше. Их там должны были использовать в качестве рабочей силы на строительстве так называемого юго-восточного вала — укрепленных позиций вблизи Вены. Речь шла при этом главным образом о женщинах.

Они должны были пройти около 200 км пути из Будапешта до германской границы пешком. Они были разделены на маршевые группы и шли по специальным, заранее предписанным маршрутам. Их размещение и снабжение во время марша было

чрезвычайно плохим. Большинство из них заболело и обессилело. Я получил от Эйхмана приказ принять их на германской границе и передать их гаулейтеру Нижнего Дуная для использования на работах. Во многих случаях я отказывался от этой рабочей силы, так как люди были обессилены и больны. Эйхман заставлял меня брать и этих людей и в этом случае даже грозил мне, что он предложит Гиммлеру заключить меня в концентрационный лагерь, если я буду и дальше создавать ему политические трудности. Из-за этого случая я был потом удален из отдела Эйхмана.

Большая часть этих рабочих погибла в так называемых трудовых лагерях на Нижнем Дунае вследствие истощения и заболевания эпидемическими болезнями. Небольшой процент, около 12 тысяч человек, был отправлен в Вену или в ее окрестности, и около 3 тысяч было отправлено в Берген-Бельзен, а затем они попали в Швейцарию. Это были евреи, которые в ходе переговоров с комитетом были выпущены из Германии.

Брокхарт: Суммируя все, что касается действий в Греции, Венгрии и Словакии, какое количество евреев примерно было охвачено мероприятиями со стороны гестапо и СД в этих странах, о которых вам лично известно?

Вислицени: В Словакии — около 66 тысяч, в Греции — около 64 тысяч, в Венгрии — свыше 500 тысяч.

Брокхарт: Что касается Хорватии и Болгарии, относительно которых вы несколько осведомлены, скажите, какое количество евреев было охвачено там этими мероприятиями?

Вислицени: В Болгарии, насколько мне известно, — около 8 тысяч евреев, относительно Хорватии я знаю только о 3 тысячах евреев, доставленных летом 1942 года в Освенцим из Аграма.

Брокхарт: Происходили совещания специалистов по еврейскому вопросу из управления IV-A по вопросам, которые перечислены в этом документе, на который вы ссылались ранее?

Вислицени: Да, Эйхман имел обыкновение каждый год проводить большие совещания в Берлине со своими сотрудниками. Эти совещания в основном происходили в ноябре. Сотрудники, работавшие за границей, должны были на этих совещаниях делать отчеты о своей деятельности. Одно такое совещание, насколько я знаю, не состоялось в 1944 году потому, что Эйхман в ноябре 1944 года был еще в Венгрии.

Брокхарт: Что вам лично известно о том, в отношении скольких евреев было принято «окончательное решение», то есть сколько евреев было умерщвлено?

Вислицени: Точное число мне очень трудно установить. У меня лишь одна отправная точка — это разговор между Эйх-

маном и Гессом в Вене, во время которого он сказал, что среди евреев, доставленных из Греции в Освенцим, очень немногие оказались работоспособными; из евреев, прибывших из Чехословакии и Венгрии, 25—30 процентов были работоспособными. Поэтому мне очень трудно точно указать надежную цифру.

Брокхарт: Во время совещаний с другими специалистами по еврейскому вопросу и Эйхманом не стало ли вам известно или не получали ли вы каких-нибудь сведений относительно общего количества евреев, умерщвленных согласно этой программе?

Вислицени: Эйхман лично говорил всегда самое малое о 4 миллионах евреев, иногда он называл цифру в 5 миллионов. По моей личной оценке, по крайней мере, 4 миллиона евреев были охвачены так называемым «окончательным решением». Сколько из них действительно осталось в живых, я не могу, конечно, сказать.

Брокхарт: Когда вы последний раз видели Эйхмана?

Вислицени: В последний раз я видел Эйхмана в конце февраля 1945 года в Берлине. Он сказал тогда, что, если война будет проиграна, он покончит жизнь самоубийством.

Брокхарт: Назвал ли он тогда общее число евреев, которые были убиты?

Вислицени: Да, он высказался тогда очень цинично. Он сказал, что он с улыбкой прыгнет в могилу, так как он с особым удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов человек.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ СУЦКЕВЕРА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 27 февраля 1946 г.]

Смирнов: Я прошу Суд о вызове для подтверждения данных, приведенных в одном из разделов моего доклада, свидетеля Абрама Герцевича Суцкевера, еврейского писателя, семья которого и сам он стали жертвами немецко-фашистских преступников, временно оккупировавших территорию Литовской ССР. Я прошу разрешить допрос этого свидетеля.

Председатель: Да, пожалуйста.

(В зал вводят свидетеля.)

Председатель: Назовите Вашу фамилию.

Свидетель: Суцкевер Абрам Герцевич.

Председатель: Вы — гражданин Советского Союза?

Суцкевер: Да.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги...

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Смирнов: Скажите, пожалуйста, свидетель, где Вас застала немецкая оккупация?

Суцкевер: В городе Вильно.

Смирнов: Вы находились в этом городе в период немецкой оккупации длительное время?

Суцкевер: Я во время немецкой оккупации находился там с первого и почти до последнего дня.

Смирнов: Вы являлись очевидцем преследования евреев в этом городе?

Суцкевер: Да.

Смирнов: Я просил бы Вас рассказать об этом Суду.

Суцкевер: Когда немцы захватили город Вильно, в нем находилось приблизительно 80 тысяч евреев. Тотчас же на Виленской улице № 12 была создана так называемая «зондеркоманда» с начальниками Швейхенбергом и Мартином Вейсом. Ловцы этой зондеркоманды, или, как их называли евреи, «хапуны», врывались днем и ночью в еврейские помещения,

забирали оттуда мужчин, приказывали им взять с собой кусок мыла и полотенце и загоняли их в помещения, которые находились в направлении местечка Понары. Это местечко находится в 8 километрах от города Вильно. Оттуда почти никто не вернулся. Когда евреи стали узнавать, что их родные не возвращаются, большая часть населения спряталась, но немцы стали искать их с собаками. Многих находили, а тех, кто не хотел идти за ними, расстреливали на месте. Я должен сказать, что немцы заявляли, что они истребляли еврейский народ как бы законно. 8 июля был издан приказ, чтобы евреи носили на спине заплатки, потом было приказано, чтобы они эти заплатки стали носить на груди. Этот приказ был подписан комендантом города Вильно Ценфеннигом. Но на второй день какой-то комендант Нейман издал новое распоряжение, что эти заплатки нельзя носить, а что нужно носить желтый сионский знак.

Смирнов: Что значит желтый сионский знак?

Суцкевер: Это шестиугольная нашивка на груди и на спине, чтобы отличить евреев среди населения города. На третий день было велено носить синюю повязку с белым знаком. Евреи не знали, какой знак нужно носить, так как мало жили в городе. Если евреи не носили этого знака, их сейчас же арестовывали, и больше уже никогда никто их не видел.

17 июля 1941 г. я был свидетелем большого погрома в Вильно на улице Новгородской. Руководителями этого погрома были Швейхенберг, Мартин Вейс, Херринг и немецкий начальник гестапо Шенхабер. Они окружили этот район зондеркомандой. Они выгнали всех мужчин на улицу, приказали им расстегнуть брюки, а руки поднять на голову... Когда это было сделано, всех евреев направили в тюрьму. Когда евреи стали идти, брюки опускались, и люди не могли идти дальше. Кто хотел рукой поддержать брюки, того тут же на улице расстреливали. Когда мы шли колонной по улице, я сам видел, как лежали расстрелянными приблизительно 100—150 человек. Ручьи крови лились вниз по улице, как будто бы сверху шел красный дождь.

В первые дни августа в 1941 году один немец схватил меня на улице Документская. Я в это время шел к матери. Немец сказал мне: «Идем со мной, ты будешь играть в цирке».

Когда я пошел, я увидел, что второй какой-то немец ведет еврея, старого раввина этой улицы Касселя. Третий немец уже держал молодого парня. Когда мы дошли до старой синагоги на этой улице, я увидел, что там лежат дрова в форме пирамиды. Немец вытащил револьвер и сказал, что мы должны снять одежду. Когда мы разделись и остались голыми, немец взял спичку и поджег дрова. Второй немец вынес из синагоги три свитка торы, дал их нам и сказал, чтобы мы танцевали во-

круг костра и пели русские песни. За нами стояли три немца, они штыками подгоняли к огню и смеялись. Когда мы были почти без сознания, немцы ушли.

Должен сказать, что массовое истребление еврейского народа в Вильно началось в то время, когда приехал в Вильно гебитскомиссар Ганс Финкс и референт по еврейским делам Мурер. 31 августа под руководством гебитскомиссара и Мурера...

Председатель: В каком году?

Суцкевер: В 1941 году.

Председатель: Продолжайте.

Суцкевер: Под руководством Финкса и Мурера немцы окружили старые еврейские кварталы в Вильно на улицах Рудницкой, Еврейской, в переулке Галонском, на Шабельской улице, на улице Страшуне, где приблизительно жили от 8 до 10 тысяч евреев.

Я тогда был болен и спал. Вдруг я почувствовал на себе удар нагайки. Когда я встал с кровати, я увидел перед собой Швейхенберга. Около него стояла большая собака. Он всех бил и кричал, чтобы выходили быстро во двор. Во дворе я увидел много женщин, стариков, детей — всех евреев, которые там жили. Швейхенберг и зондеркоманда окружили всех и сказали, что нас везут в гетто. Конечно это, как и все что говорили немцы, тоже была ложь. Мы колоннами шли по городу, а нас вели в направлении Лутищевой тюрьмы. Все знали, что нас везут на смерть.

Когда мы были около Лутищевой тюрьмы, возле так называемого Лутищева рынка, я увидел целую шеренгу немцев с белыми палками, которые стояли для того, чтобы принимать нас. Когда мы проходили через строй немцев, нас били палками. Когда один падал, то приказывали следующему взять упавшего и нести в открытые ворота Лутищевой тюрьмы. Около тюрьмы я убежал. Я переплыл реку Вилию и спрятался у моей матери. Моя жена, которая попала в тюрьму и потом убежала оттуда, рассказала, что там она видела полумертвыми известного еврейского ученого Прилуцкого и председателя еврейской общины в Вильно доктора Якова Вигоцкого, а также молодого историка Пинхуса Кона. Мертвыми лежали там известные артисты Хаш и Кадиш. Немцы били заключенных, грабили и всех увозили в Понары.

Шестого сентября в 6 часов утра тысячи немцев под руководством гебитскомиссара Финкса, Мурера, Швейхенберга, Мартина Вейса и других оцепили город, ворвались в еврейские дома, приказали взять только то, что можно унести в руках, и выйти на улицу. Тогда нас увели в гетто. Когда шли по той улице, где я был (это была улица Вилкомировская), я увидел,

что немцы привезли больных евреев из госпиталей. Они были еще в синих халатах. Их всех поставили, а впереди ехал немецкий фильмооператор и снимал эту картину.

Но я должен сказать, что не все евреи были загнаны в гетто. Финкс это сделал умышленно. Одну улицу он загнал в гетто, а другую в Понары. В Вильно раньше немцы сделали два гетто. В первом гетто было 29 тысяч евреев, а во втором гетто 15 тысяч.

Приблизительно половина еврейского населения в Вильно не дошла до гетто, была расстреляна раньше. Я помню, когда мы зашли в гетто...

Смирнов: Правильно ли я Вас понял, что до организации гетто половина евреев в Вильно была уничтожена.

Суцкевер: Да, правильно.

Когда я пришел в гетто, я увидел такую картину. Мартин Вейс зашел с маленькой еврейской девочкой. Когда мы пошли дальше, он вытащил револьвер и застрелил ее. Имя этой девочки Гителе Тарло.

Смирнов: Скажите, сколько лет было девочке?

Суцкевер: Одиннадцать.

Я должен сказать, что гетто немцы сделали только потому, чтобы легче было уничтожить население. Начальником гетто был референт по еврейским делам Мурер. Он давал всякие дикие распоряжения. Например, евреям нельзя было носить часы. Евреям нельзя молиться в гетто. Когда заходит немец в гетто, нужно снять шапку, но нельзя смотреть на него.

Смирнов: Это было официальное распоряжение?

Суцкевер: Да, от Мурера.

Смирнов: Эти распоряжения были расклеены?

Суцкевер: Да, в гетто.

Тот же Мурер, когда заходил в гетто, туда, где работали для него, давал распоряжение, чтобы все работники падали на землю и лаяли, как собаки.

В судный день в 1941 году Швейхенберг и та же зондеркоманда ворвались во второе гетто и выхватили всех стариков, которые были в синагогах, и увезли в Понары.

Я помню один день, когда Швейхенберг пришел в это второе гетто и ловцы хватили евреев.

Смирнов: Что значит ловцы, свидетель?

Суцкевер: Это из зондеркоманды те, которые хватили евреев, их называли ловцами.

Смирнов: Значит, это солдаты зондеркоманды, которых население называло ловцами?

Суцкевер: Да, правильно. Эти ловцы вырывали евреев из подвалов и хотели их вести. Но евреи уже знали, что никто не придет обратно и не хотели идти. Тогда Швейхенберг начал

стрелять в население гетто. Около него, помню точно, стояла большая собака. И когда эта собака услышала эту стрельбу, она наскочила на Швейхенберга и начала грызть ему горло, как будто бы она сбесилась. Тогда Швейхенберг убил эту собаку и сказал, чтобы евреи похоронили эту собаку и плакали над гробом. Да, действительно, мы тогда плакали, что в земле лежит не Швейхенберг, а эта собака.

В конце декабря 1941 года в гетто стало известно распоряжение, что женщинам-еврейкам нельзя родить.

Смирнов: Я прошу Вас сообщить, свидетель, в какой форме было сделано немецко-фашистскими властями это распоряжение.

Суцкевер: В госпиталь на улице № 6 пришел Мурер и сказал, что пришло распоряжение из Берлина, что еврейским женщинам нельзя родить, и если они узнают, что еврейская женщина родила ребенка, то этот ребенок будет уничтожен.

В конце декабря моя жена родила мальчика. Я тогда в гетто не был, а убежал во время одной резни, или, как их называют, акции. Когда я пришел, я узнал, что в госпитале в гетто моя жена родила ребенка. Но я увидел, что этот госпиталь окружен немцами и стоит черная машина. Около машины стоит Швейхенберг, и эти самые ловцы несут из госпиталя стариков и больных и бросают их, как дрова, в автомобиль. Между ними я увидел еврейского писателя и редактора Гроднинского, которого бросили в автомобиль.

Когда вечером немцы ушли, я зашел в госпиталь и увидел мою жену заплаканной. Оказалось, что когда она родила ребенка, то еврейские врачи из этого госпиталя уже имели распоряжение, что еврейским женщинам нельзя родить. Врачи этого ребенка вместе с другими спрятали в одну комнату. Но когда зашла эта комиссия с Мурером, они услышали, что там плачут дети. Они вырвали дверь и зашли в эту комнату. Когда моя жена услышала, что вырвали дверь, то она сразу вскопчила, чтобы увидеть, что с ребенком. И она увидела, что один немец держит ребенка и кладет ему что-то под нос, а потом бросил его на кровать и смеется. Когда моя жена взяла ребенка, под носом у него было черное. И когда я зашел в госпиталь, то увидел моего ребенка мертвым. Он был немного еще теплым.

На второй день я пришел к матери в гетто и увидел, что комната пуста. На столе — открытый молитвенник и недопитый стакан чая. Я узнал, что ночью немцы окружили этот двор и всех взяли и направили в Понары.

В последние дни декабря в 1941 году Мурер сделал «пода-рок» для гетто. В гетто приехала подвода с обувью с мертвых евреев, расстрелянных в Понарах. Эту старую обувь он отослал

из Понар в подарок в гетто, и тогда среди этой обуви я узнал туфли моей матери.

Скоро было совсем уничтожено второе гетто, и в немецких газетах в Вильно было написано, что евреи из этого района вымерли от эпидемии.

23 декабря ночью приехал Мурер и раздал населению 3 тысячи желтых билетов, так называемых «генауасвайз». Владельцы этих 3 тысяч желтых билетов имели право прописать у себя родных, приблизительно 9 тысяч человек, а в гетто было тогда приблизительно от 18 до 20 тысяч. Те, которые имели эти желтые бумажки, утром вышли на работу, а в отношении остальных, которые были в гетто и не имели этих бумажек, началась резня в самом гетто; убивали тех, кто не хотел идти на смерть. Остальных увезли в Понары. У меня даже есть документ, который я нашел после освобождения города Вильно У Вингста о еврейских одеждах в Понарах. Если этот документ интересен, я могу его показать.

Председатель: У Вас имеется этот документ?

Суцкевер: Да, я прочту несколько строчек (*читает по немецки*):

«Телефон 19-36. Вильно, 3 ноября 1941 г. Господину гебитс-комиссару Вильно. По вашему приказу наше заведение в настоящее время дезинфицирует все старые еврейские платья из Понар и передает их управлению Вильно».

Смирнов: Свидетель, поскольку Вы огласили какой-то документ, Вы обязаны передать его Суду, ибо мы в противном случае будем лишены возможности судить об этом документе.

Суцкевер: Пожалуйста.

Председатель: Скажите нам прежде всего, где был найден этот документ.

Суцкевер: Я нашел этот документ в гебитскомиссариате города Вильно в июле 1944 года, когда наш город уже был очищен от немецких захватчиков..

Председатель: Вы хотите сказать, что это здание было занято немцами?

Суцкевер: Там был гебитскомиссариат, там жили Ганс Финск и Мурер.

Смирнов: Свидетель, Вы сказали о том, что в период начала немецкой оккупации в Вильно было 80 тысяч евреев. Сколько евреев осталось после оккупации Вильно?

Суцкевер: После оккупации Вильно осталось приблизительно 600 человек.

Смирнов: Значит, 79 400 человек были уничтожены?

Суцкевер: Да.

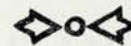
Смирнов: У меня нет больше вопросов к свидетелю, господин председатель.

Председатель: Хотят ли задать вопросы свидетелю другие Главные обвинители?

Максуэлл-Файф: Вопросов нет.

Додд: Вопросов нет.

Председатель: Желают ли защитники задать вопросы? Нет? В таком случае свидетель может считать себя свободным.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
И НАДВИГАЮЩЕЙСЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ
ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ
ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

•

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ
АЛЬБРЕХТА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ГЕРИНГА
ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 8 января 1946 г.]

...Теперь мы переходим к вопросу об ответственности Геринга за планирование и участие в захвате и угоне в рабство рабочей силы, порабощении и онемечивании жителей оккупированных территорий, использовании военнопленных в военной промышленности, разграблении произведений искусства и экономическом ограблении стран, захваченных нацистами.

Представляемые доказательства детализируют программу нацистских заговорщиков о рабском труде и показывают две цели ее, являющиеся преступными. Первой целью было — удовлетворить нужду нацистской военной машины в рабочей силе путем принуждения жителей оккупированных стран работать на Германию. Второй — уничтожить или ослабить народы оккупированных территорий.

Уже было доказано, что миллионы иностранных рабочих были увезены в Германию в большинстве случаев под нажимом и обычно с применением физической силы, что эти рабочие принуждались работать в условиях ужасной жестокости и унижения и что они часто использовались на предприятиях, которые производили вооружение.

Геринг все время принимал участие в проведении этой программы использования рабского труда. Набор и распределение рабочей силы, установление условий труда — все это входило в его компетенцию как уполномоченного по проведению четырехлетнего плана. С самого начала часть аппарата четырехлетнего плана занималась этой работой.

Вскоре после падения Польши Геринг начал осуществлять массовое порабощение поляков. 25 января 1940 г. генерал-губернатор Польши подсудимый Франк докладывал Герингу

о выполнении его директивы «о наборе и транспортировке в Германию не менее миллиона сельскохозяйственных и промышленных рабочих мужского и женского труда, включая не менее 750 тысяч сельскохозяйственных рабочих, из которых по крайней мере 50 процентов должны быть женщины для обеспечения сельскохозяйственного производства в Германии и для замены промышленных рабочих, которых не хватает в Германии».

Тот факт, что приказы о вербовке такого огромного количества рабочих исходили от подсудимого Геринга, становится ясным из записи в дневнике подсудимого Франка от 10 мая 1940 г., представленного уже в качестве доказательства.

Подсудимый Геринг несет также ответственность за жестокое обращение и тяжелые условия труда этих рабочих в Германии. 8 марта 1940 г. как уполномоченный по проведению четырехлетнего плана и как председатель правительственного совета по обороне империи он издал директиву, озаглавленную: «Обращение с гражданскими рабочими мужского и женского пола польской национальности в Германии».

В качестве доказательства этого факта я ссылаюсь на документ Р-148. С разрешения Трибунала я не буду его представлять в настоящее время, так как он будет представлен советским обвинением на более поздней стадии.

29 января 1942 г. отдел по использованию рабочей силы при управлении по проведению четырехлетнего плана издал циркуляр, подписанный доктором Мансфельдом — главным уполномоченным этого управления по использованию рабочей силы. Этот циркуляр адресован различным гражданским и военным властям на оккупированных территориях. В нем говорится: «Все методы должны быть использованы для того, чтобы заставить рабочих ехать в Германию».

Ранее указывалось, что 21 марта 1942 г. Гитлер издал декрет о назначении подсудимого Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Заукель должен был выполнять свои задачи в рамках управления по проведению четырехлетнего плана и был подчинен непосредственно Герингу.

В соответствии с декретом Гитлера от 21 марта 1942 г. подсудимый Геринг 27 марта 1942 г. в свою очередь дал важные указания. Трибунал уже принял этот документ в качестве доказательства ПС-1666.

Так как подсудимый Заукель работал в рамках четырехлетнего плана, на подсудимого Геринга ложится вся ответственность за военные преступления, совершенные Заукелем как генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы. Об этих преступлениях уже говорилось при представлении материалов по вопросу о рабском труде и незаконном использовании военнопленных. Было доказано, что нацистские заговор-

щики принуждали военнопленных работать в опасных для жизни условиях, работать по производству и перевозке вооружения и боеприпасов в нарушение законов ведения войны и статей 31 и 32 Женевской Конвенции о военнопленных от 27 июля 1929 г. Подсудимый Геринг участвовал в совершении всех этих преступлений.

На совещании 7 ноября 1941 г., посвященном вопросу об использовании граждан Советского Союза, включая военнопленных, на оккупированных территориях, Геринг, как становится ясным из меморандума, подписанного Кернером, статс-секретарем при подсудимом Геринге как уполномоченном по проведению четырехлетнего плана, дал безжалостные указания относительно использования советских граждан, как военнопленных, так и свободных советских рабочих, в качестве рабов. В качестве доказательства ссылаюсь на документ ПС-1193, который, с разрешения Трибунала, я не буду представлять в настоящее время, так как он будет позднее представлен советским обвинением.

Из серии секретных директив, которые были даны Герингом, по-видимому, на том же самом совещании 7 ноября 1941 г. и которые были уже представлены в качестве доказательств, становятся ясными следующие факты:

1) из общего количества в пять миллионов военнопленных два миллиона были заняты в военной промышленности;

2) нацисты считали более рациональным использование военнопленных, чем непригодных иностранных рабочих;

3) поляки, голландцы и другие должны были, если оказывалось необходимым, быть схвачены как военнопленные и использованы как таковые, если нельзя было добиться, чтобы они работали по добровольно заключенным контрактам.

В секретном письме имперского министра труда председателям областных бюро труда, которое уже было представлено Трибуналу, сказано, что по личному приказу рейхсмаршала, то есть подсудимого Геринга, необходимо взять сто тысяч мужчин из среды французских военнопленных, еще не используемых в военной промышленности, и передать в авиационную промышленность и что тот пробел в вербовке рабочей силы, который возникает в связи с этим, должен быть заполнен советскими военнопленными.

Были также представлены доказательства, показывающие организованное нацистскими заговорщиками систематическое ограбление культурных ценностей всех стран Европы. Постоянная связь подсудимого Геринга с этой деятельностью уже подтверждена.

В октябре 1939 года подсудимый Геринг просил доктора Мюльмана немедленно взять на себя обязанность «приобретения»

всех польских сокровищ искусства. В уже представленном письменном показании доктор Мюльман заявляет, что он был особо уполномочен генерал-губернатором Польши подсудимым Франком «охранять» сокровища искусства в генерал-губернаторстве в период с октября 1939 года по сентябрь 1943 года и что подсудимый Геринг как председатель имперского совета по обороне дал ему такое задание.

Мюльман также подтверждает, что официальной политикой подсудимого Франка был захват всех важных сокровищ искусства, принадлежащих польским государственным учреждениям, частным лицам и церкви и что такие произведения искусства фактически конфисковывались.

Из доклада доктора Мюльмана о своих мероприятиях, составленного 16 июня 1943 г., видно, что однажды 31 ценный рисунок художника Альбрехта Дюрера был изъят из польской коллекции и лично вручен подсудимому Герингу, который отвез их в ставку Гитлера.

Роль, которую играл Геринг в ограблении произведений искусства штабом Розенберга, также была показана. Ссылаюсь на документ ПС-141 (США-368), который представляет собой уже оглашенный приказ от 5 ноября 1940 г., в котором Геринг дает указание начальнику военной администрации в Париже и особому штабу Розенберга отправлять произведения искусства, собранные в Лувре, в следующем порядке:

«1) те предметы искусства, решение относительно которых фюрер взял на себя;

2) те предметы искусства, которые должны пополнить коллекцию рейхсмаршала;

3) те предметы искусства и библиотечные фонды, которые могут быть полезны для создания высших учебных заведений;

4) предметы искусства, пригодные для германских музеев».

В силу того, что согласно указанному приказу пополнение коллекции самого подсудимого имело первоочередное значение, не приходится удивляться, что Геринг продолжал помогать операциям особого штаба Розенберга. Установлено, что 1 мая 1941 г. Геринг издал подписанный им приказ всем партийным, государственным и военным органам о том, чтобы они оказывали максимальную поддержку и содействие рейхсleiterу Розенбергу.

К 1942 году подсудимый Геринг смог хвастаться помощью, которую он оказал работе особого штаба Розенберга. В документе ПС-1051, который был оглашен и имеется на 1678 странице стенограммы, приводятся его слова, обращенные к подсудимому Розенбергу, о том, что лично он повсеместно поддерживает работу особого штаба и что он объясняет захват такого

большого количества произведений искусства именно своей помощью особому штабу.

Таким образом, ответственность подсудимого Геринга за захват произведений искусства, который практически был осуществлен штабом Розенберга, совершенно ясна.

Подробности проведения политики онемечивания и ограбления в западных и восточных странах, оккупированных немецкими войсками, будут впоследствии представлены французским и советским обвинителями. Эти доказательства дополнительно укажут на ответственность подсудимого Геринга как уполномоченного по проведению четырехлетнего плана, председателя имперского совета обороны и как занимающего другие посты.

Планы нацистских заговорщиков в отношении Польши уже были раскрыты в представленных доказательствах. Нацисты намеревались включить четыре западные провинции Польши в германскую империю. В остальных оккупированных провинциях они создали генерал-губернаторство. Уже было показано, что нацисты намеревались безжалостно онемечить включенные в состав империи польские территории путем вывоза польской интеллигенции, евреев и оппозиционных элементов в генерал-губернаторство для последующего истребления; путем конфискации польской собственности и угона на работу в Германию тех лиц, которые были лишены таким образом собственности, и путем ввоза немецких переселенцев. Они специально планировали использование человеческих и материальных ресурсов территории генерал-губернаторства путем захвата всего того, что было необходимо для укрепления нацистской военной машины, добываясь, таким образом, истощения этой территории и превращая ее в вассальное государство.

Подсудимый Геринг совместно с Гитлером и Ламмерсом и подсудимыми Фриком и Гессом 8 октября 1939 г. подписали декрет, в силу которого некоторые части польской территории были включены в состав германского государства. Действуя на основании этого декрета, подсудимый Геринг как уполномоченный по проведению четырехлетнего плана 30 октября 1939 г. подписал приказ относительно проведения четырехлетнего плана на восточных территориях.

Еще в директиве от 19 октября 1939 г. Геринг писал, что задача экономической реконструкции различных административных единиц будет обуславливаться тем, будет ли данная область административным путем включена в состав германской империи или останется частью генерал-губернаторства, которое, вероятно, не будет присоединено к Германии.

Далее он говорил: «На территориях, упомянутых вначале, следует стремиться к реконструкции и расширению экономики, обеспечению всех производственных ресурсов и продовольствия».

а также к полному включению в экономическую систему великой Германии в кратчайший срок. С территории генерал-губернаторства, напротив, должно быть вывезено все сырье, лом, оборудование и т. д., которые могут быть использованы германской военной экономикой. Предприятия, которые не являются абсолютно необходимыми для поддержания полуголодного существования населения, должны быть переведены в Германию, если такой перевод не потребует слишком длительного времени и не сделает более практичным использование этих предприятий для выполнения немецких заказов там, где они в настоящее время находятся».

Из вышеизложенных документов ясно видно участие подсудимого Геринга в проведении плана безжалостной эксплуатации Польши. Его рука также видна в проведении других нацистских планов в отношении Польши. В качестве иллюстрации следует отметить, что подсудимый Геринг совместно с Гитлером и подсудимым Кейтелем подписали секретный декрет от 7 ноября 1939 г., которым Гимmlеру было поручено проведение программы онемечивания. Уже представленные доказательства показывают, к каким страданиям и унижениям привело это назначение Гимmlера.

Подсудимый Геринг в качестве уполномоченного по проведению четырехлетнего плана издал декрет от 17 сентября 1940 г. относительно проведения конфискации на присоединенных к Германии восточных территориях. Этот декрет касался «собственности граждан бывшего Польского государства, находящейся на территории великой германской империи, включая присоединенные восточные территории».

Прошу Трибунал принять в качестве доказательства документ ПС-1665. Это — «приказ относительно использования собственности граждан бывшего Польского государства». Он опубликован в «Рейхсгезетцблатт», 1940 год, часть 1, страница 1270. Я оглашу часть этого документа:

«Статья 1. Собственность граждан бывшего Польского государства, находящаяся на территории великой германской империи, включая присоединенные восточные территории, подлежит конфискации и секвестру в соответствии со следующими правилами».

Перехожу ко второй статье:

«1. Конфискация будет применяться в отношении собственности, принадлежащей:

- а) евреям,
- б) лицам, которые бежали или выезжали более чем на временный период¹.

¹ Имеется в виду отъезд на неопределенный срок, не временно. — Составители.

2. Конфискация может быть проведена в том случае, если:

- а) собственность необходима для общественной пользы, в особенности для целей национальной обороны и укрепления германской нации...»

Теперь я перехожу к девятой статье:

«Собственность, на которую наложен секвестр, может быть конфискована в пользу Германии компетентным ведомством в том случае, если этого требует общественная польза, в особенности оборона империи или консолидация германской нации».

Американское обвинение представило также доказательства, которые показывают, в какой мере ограбление советской территории и ресурсов и жестокое обращение с советскими гражданами были результатом тщательных планов, составленных нацистами задолго до того, как они начали агрессивную войну против Советского Союза. Нацисты намеревались уничтожить промышленный потенциал северных районов, оккупированных армиями, и так руководить производством и распределением продовольствия в южных и юго-восточных районах, которые обычно имели излишки его, чтобы население северных районов неминуемо было доведено до голода в силу отправки всех излишков продовольствия в Германию.

Было также показано, что нацисты намеревались присоединить Галицию и прибалтийские страны к Германии, превратить Крым, районы севернее Крыма, приволжские районы, район Баку в германские колонии.

29 апреля 1941 г., почти за два месяца до вторжения в Советский Союз, Гитлер уполномочил подсудимого Геринга осуществлять общее экономическое руководство в зоне военных действий и в областях, где будет установлена политическая администрация. Геринг, по-видимому, создал экономический штаб и вспомогательные ведомства для осуществления этих функций.

Форма этой организации, созданной Герингом, и обязанности ее различных отделов ясно показаны в серии директив «по проведению экономических мероприятий на вновь оккупированных территориях», которые были изданы Герингом как рейхсмаршалом великой германской империи в июне 1941 года. Эти директивы имеются в «зеленой папке», которая, кстати надо отметить, была напечатана военными властями. В этих документах сказано, что «приказы рейхсмаршала имеют силу во всех областях экономики, включая продовольствие и сельское хозяйство. Они должны выполняться вспомогательными экономическими ведомствами».

«Восточный экономический штаб» был обязан выполнять полученные сверху приказы. Одному отделу этого штаба —

сельскохозяйственному было поручено выполнять следующие функции: «Использование всех сельскохозяйственных продуктов, снабжение армии в сотрудничестве с соответствующими армейскими группами».

Выдержки из этой «Зеленой папки» уже были представлены под номером США-315. В настоящее время, не оглашая, я хотел бы представить некоторые дополнительные выдержки для подтверждения только что указанных фактов. Я хотел бы представить в качестве доказательства документ ПС-1743, США-587. Это еще один экземпляр «Зеленой папки». Я хочу представить этот экземпляр для того, чтобы показать Трибуналу, что эти директивы были первоначально изданы в июне 1941 года.

Документ ЕС-472, который уже был представлен под номером США-315, является измененным текстом этих директив, изданных в июле 1941 года. Другими словами, экономический план был готов еще до того, как германские вооруженные силы 22 июня 1941 г. вторглись на территорию Советского Союза.

Как показывают вышеупомянутые директивы, один из отделов созданного подсудимым Герингом «восточного экономического штаба» 23 мая 1941 г. представил совершенно секретный доклад, который содержал ряд политических директив относительно использования советского сельского хозяйства. Как Вы помните, эти директивы предполагали, за некоторыми исключениями, прекращение всякого промышленного производства в районах, где был недостаток продовольствия, и использование всех излишков продовольствия для нужд Германии, даже если в результате этого неминуемо умрут миллионы людей. Эти директивы уже были оглашены.

Протокол совещания в ставке Гитлера от 16 июля 1941 г., составленный подсудимым Борманом, также был частично оглашен. На этом совещании Гитлер заявил, что нацисты не намереваются когда-либо покинуть страны, которые их армии в то время оккупировали, и что, хотя мир должен быть введен в заблуждение по этому вопросу, «это не должно помешать нам принимать все необходимые меры: расстрелы, переселение и т. д. И мы примем эти меры».

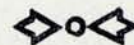
Эта цитата, господа судьи, взята из документа Л-221, США-317. Далее Гитлер обсуждал вопрос о том, чтобы Крым и другие части Советского Союза были превращены в немецкие колонии. Подсудимый Геринг присутствовал и участвовал на этом совещании.

В качестве последнего примера, который приводится в меморандуме от 16 сентября 1941 г., следует указать, что Геринг председательствовал на совещании германских военных чиновников, на котором обсуждался вопрос о более эффективном использовании ресурсов оккупированных территорий для целей

германской продовольственной политики. В ходе обсуждения подсудимый Геринг заявил:

«На оккупированных территориях в принципе следует снабжать достаточным количеством продовольствия только тех лиц, которые будут работать на нас. Даже если бы мы хотели кормить всех других жителей, мы не могли бы этого сделать на всех оккупированных восточных территориях. Поэтому неправильно было бы использовать продовольствие для этих целей, если это нанесет ущерб армии и потребует увеличения поставок из Германии».

На основании вышеизложенных документов мы утверждаем, что становится ясным участие подсудимого Геринга в проведении нацистских планов по совершению массовых военных преступлений на оккупированных территориях.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ГРИФФИТ-ДЖОНСА ПО ВОПРОСУ
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМОГО ГЕССА ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 7 февраля 1946 г.]

Сейчас я перехожу к участию подсудимого Гесса в преследовании евреев. Следует вспомнить, что в схеме организации ведомства Гесса (руководство нацистской партии) был показан один из его отделов, который назывался отделом по вопросам расовой политики. Выражение его взглядов по расовым вопросам можно найти в речи, произнесенной 16 января 1937 г., которая помещена в сборнике его речей, являющемся документальным доказательством ПС-3124. Выдержка, которую я намереваюсь огласить, имеется в книге документов.

«Организация национал-социалистской партии будет использована в целях просвещения народа по вопросам расы... Немцы должны быть воспитаны в таком духе, чтобы ставить себя выше подданных других иностранных государств независимо от их социального положения или происхождения».

Именно Гесс подписал закон «О защите крови и чести», один из Нюрнбергских законов от 15 сентября 1935 г. Следует также вспомнить, что согласно закону об имперском гражданстве, изданному в тот же день, он как заместитель фюрера, должен был издать и издал ряд декретов и постановления в дополнение к этим Нюрнбергским законам.

14 ноября 1935 г. Гесс издал указ, согласно которому евреи лишались права голосовать и занимать общественные посты.

В силу декрета, изданного позднее — 20 мая 1938 г., Нюрнбергские законы были распространены на Австрию. Этот декрет о расширении сферы действия законов был подписан подсудимым Гессом.

Это лишь несколько примеров деятельности Гесса, направленной на осуществление захвата и укрепление власти нацистской партии. У меня имеются документы, которые я сейчас вручу Трибуналу. Здесь есть такие: «Связь с СД и гестапо», «Преследование церквей», «Преследование евреев» и т. п.

Перехожу к изложению примеров участия Гесса в военных преступлениях и в преступлениях против человечности. Я сошлюсь только на два документа. Один из них находится на странице 18 представленной книги документов (ПС-3245, ВБ-267). Это — приказ, изданный Гессом через партийную канцелярию, в котором он предлагает возложить выполнение особых задач на войска СС. Я процитирую один абзац:

«Соединения войск СС, состоящие из национал-социалистов, более подходят, чем другие войсковые части, для выполнения особых задач, которые следует разрешить на оккупированных восточных территориях, благодаря их высокой подготовке в расовом и национал-социалистском отношении».

Но из того, что натворили и что еще намеревались натворить на оккупированных восточных территориях войска СС, нельзя забыть ту роль, которую они играли в разгроме Варшавского гетто. Я полагаю, что вывод, который можно сделать из этого письма, будет ужасающим.

Имеется еще один документ, который находится на странице 121 книги документов Трибунала (Р-96). Документ я представляю под номером ВБ-268. Это — письмо, написанное имперским министром юстиции начальнику имперской канцелярии 17 апреля 1941 г., в котором рассматриваются предполагаемые уголовные законы в отношении евреев и поляков на оккупированных восточных территориях. Оно совершенно ясно показывает, что Гесс участвовал в обсуждении этого вопроса, поскольку там имеются ссылки на целый ряд предложений, сделанных им.

Я хотел бы обратить внимание Трибунала на один или два отрывка.

«С самого начала мое мнение было таково, что особые условия, превалирующие на присоединенных восточных территориях, требуют особых мер по линии уголовного законодательства и уголовного судопроизводства в отношении поляков и евреев».

И далее:

«Судопроизводство, делавшее обязательным предъявление обвинения, было упразднено, поскольку казалось совершенно нетерпимым, чтобы поляки или евреи могли иметь возможность заставить германского обвинителя предъявлять им обвинение...»

Перехожу к следующей странице.

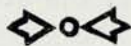
«Позже мне сообщили об особом желании фюрера. В принципе к полякам и, я полагаю, также к евреям в области уголовного законодательства следует подходить иным образом, чем

к немцам. После предварительного обсуждения и прочего я подготовил прилагаемый проект указаний о порядке рассмотрения дел и наказаний в отношении поляков и евреев».

И несколькими строками ниже:

«Согласно новым видам наказания заключенные должны содержаться вне тюрем в лагерях и должны быть принуждены к тяжелому и тяжелейшему труду».

Милорд, целью представления приведенных документов было доказать, что заместителю фюрера, то есть Гессу, было хорошо известно все то, что происходило на оккупированных восточных территориях и, более того, что он высказывался за еще более строгие меры, чем те, с которыми был готов согласиться имперский министр юстиции.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО
ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
МАКСУЭЛЛ-ФАЙФА ПО ВОПРОСУ
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМОГО РИББЕНТРОПА ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 9 января 1946 г.]

...Третье обвинение Риббентропа заключается в том, что он одобрял, руководил и участвовал в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Я коснусь только планирования преступлений, потому что совершение преступлений будет рассматриваться моими французскими и советскими коллегами. Однако важно показать, как подсудимый Риббентроп участвовал в планировании преступлений.

Во-первых, я коснусь вопроса об убийствах союзных летчиков, во-вторых, истребления народов Европы и в-третьих, преследования евреев.

Убийство союзных летчиков. В 1944 году, когда усилились союзные воздушные налеты на Германию, германское правительство решило провести меры по запугиванию англо-американских летчиков с тем, чтобы они более не предпринимали налетов на немецкие города. В протоколе совещания, на котором обсуждались эти меры, указывается точка зрения, высказанная подсудимым Риббентропом. Документ ПС-735, который я представляю под номером ВБ-151, является протоколом совещания в ставке фюрера 6 июня 1944 г.

«...Обергруппенфюрер Кальтенбруннер 6 июня сообщил заместителю руководителя западного района в Классегейме, что незадолго до этого имело место совещание по этому вопросу между рейхсмаршалом (то есть подсудимым Герингом), имперским министром иностранных дел (подсудимым Риббентропом) и рейхсфюрером СС (Гиммлером). В отличие от первоначального предложения имперского министра иностранных дел, который хотел включить в перечень признаваемых террористическими

все виды нападений на германское гражданское население, то есть воздушные налеты на города, на этой конференции было решено, что лишь те нападения, во время которых производится пулеметно-пушечный обстрел гражданского населения и его имущества, могут рассматриваться как преступления в этом смысле. В отношении захваченных, как правило, должен применяться самосуд. Не может быть и речи о военном трибунале или передаче полиции».

Таким образом, подсудимый Риббентроп тогда настаивал на том, чтобы даже в случае обычного налета на немецкий город летчики передавались на расправу толпе. Другие же утверждали, что нужно ограничить такие действия только теми случаями, когда летчики обстреливали гражданское население из пулеметов или пушек.

Пожалуй, нет надобности читать заявление заместителя руководителя западного района. Значение § 1 заключается в том, что Кальтенбруннер сказал, что такие случаи, которые были указаны, не имели места. В пункте же «в» сказано: «Заместитель руководителя западного района заявил, что помимо самосуда следует установить порядок отбора таких вражеских летчиков, которых подозревают в подобных преступных действиях, до того, как они будут направлены в лагерь для летчиков в Оберурселе. Если подозрения будут подтверждаться, то их будут передавать службе безопасности для специальных мер».

Как я понимаю, если толпа с самого начала не успевала расправиться с летчиками, то они отделялись от военнопленных, которые находились под защитой державы, охранявшей интересы воюющей стороны. Если подозрение в отношении их подтверждалось, то они должны были передаваться на расправу службе безопасности.

В § 3 указывается, как они намеревались обосновать самосуд. Здесь сказано:

«6 июня на совещании с полковником фон Браухичем, представителем главнокомандующего военно-воздушных сил, было решено, что следующие действия должны рассматриваться как террористические акты, оправдывающие применение самосуда:

- a) пулеметно-пушечный обстрел с небольших высот гражданского населения, отдельных лиц и толпы;
- b) обстрел в воздухе немецких летчиков, которые сбросились с парашютом;
- c) пулеметно-пушечный обстрел поездов;
- d) пулеметно-пушечный обстрел госпиталей, больниц и госпитальных поездов, которые ясно обозначены красным крестом».

Таким образом, только в этих случаях летчики должны были подвергаться самосуду, а не во всех случаях, как предлагал подсудимый Риббентроп.

Затем на следующей, последней странице документа имеются довольно любопытные комментарии подсудимого Кейтеля — «Замечания начальника ОКВ относительно повестки дня от 6 июня 1944 г.». Это — тот же самый документ, который Трибунал только что рассматривал.

«Совершенно секретно. Передавать только через штабных офицеров».

Если разрешить народу проводить самосуд, то трудно будет добиваться соблюдения правил. Министериальдиректор Брандт застрелил вражеского летчика на дороге. Я против судебной процедуры. Из этого ничего не выйдет. Кейтель».

Далее имеются комментарии подсудимого Йодля.

«Это совещание недостаточно. В сотрудничестве с министром иностранных дел следует точно определить следующие вопросы:

1. Что мы рассматриваем как убийство? Согласен ли Риббентроп с пунктом 3в?
2. Как осуществить эту процедуру: а) населением, б) властями?
3. Как мы можем гарантировать, что такие меры не будут приниматься в отношении других вражеских летчиков?
4. Следует ли установить какую-нибудь судебную процедуру или нет? Йодль».

Мне кажется важным отметить, что этот подсудимый и министерство иностранных дел были в курсе этих нарушений законов и обычаев ведения войны, и ясность, с которой министерство иностранных дел понимало, что они являлись нарушениями законов и обычаев ведения войны, явствует из документа ПС-728, который я теперь представляю под номером ВБ-152. Это документ министерства иностранных дел, утвержденный подсудимым Риббентропом и посланный неким Риттером, одним из его чиновников. Тот факт, что подсудимый Риббентроп утвердил этот документ, специально отмечается в следующем документе ПС-740, который я представляю в качестве доказательства под номером ВБ-153.

«...Несмотря на очевидные возражения, основанные на международном праве и внешней политике, министерство иностранных дел в основном согласно с предлагаемыми мерами».

При рассмотрении отдельных случаев следует проводить разграничение между самосудом и особыми мерами службы безопасности.

1. В случаях самосуда не имеет большого значения точное установление обстоятельств, при которых требуется наложение наказания в соответствии с пунктами 1—4 сообщения от 15 июня. Во-первых, германские власти не будут нести прямой ответственности, так как смерть наступит до того, как какое-либо германское официальное лицо вмешается в это дело. Кроме того,

обстоятельства будут таковы, что будет нетрудно представить это дело в надлежащем свете для публикации. Таким образом, в случаях самосуда главное внимание нужно обратить на соответствующее освещение обстоятельств при публикации.

2. Предлагаемый порядок применения особых мер СД, включая последующую публикацию, будет возможен только в том случае, если Германия одновременно отвергнет обязательства международного права, которые остаются в силе и еще признаются Германией. Когда вражеский летчик захватывается военными властями или полицией и передается в лагерь Оберурсель для военнопленных летчиков, он посредством этого действия получает статус военнопленного.

Соглашение о военнопленных от 27 июля 1929 г. устанавливает определенные правила относительно судебного преследования и наказания военнопленных, включая смертный приговор. Например, в статье 66 говорится, что смертный приговор может быть приведен в исполнение только через три месяца после того, как держава, защищающая интересы воюющей стороны, будет оповещена о вынесении приговора.

Из статьи 63 вытекает, что военнопленный может быть передан только тем же судам и в соответствии с той же процедурой, что и военнослужащие германских вооруженных сил. Эти правила являются столь определенными, что было бы бесполезно пытаться прикрыть их нарушение какой-либо хитрой фразеологией при публикации обстоятельств того или иного дела. С другой стороны, министерство иностранных дел в данном случае не может рекомендовать официального аннулирования договора о военнопленных.

Временное решение заключается в том, чтобы помешать летчикам, находящимся под подозрением, получить статус военнопленных, то есть немедленно после того, как они будут схвачены, сообщить им, что они рассматриваются не как военнопленные, а как преступники, что они будут переданы не ведомствам, занимающимся вопросами военнопленных, а властям, которые ведут расследование уголовных дел, и что вопрос о них будет решаться в ускоренном порядке. Если на суде выяснится, что специальная процедура в данном случае неприменима, то соответствующие летчики могут впоследствии получить статус военнопленных путем перевода в лагерь для летчиков в Оберурселе.

Даже такой порядок не исключает, конечно, возможности того, что Германия будет обвиняться в нарушении соответствующих договоров и что в отношении немецких военнопленных будут применены репрессии. Во всяком случае это решение даст нам возможность точно определить свою позицию и освободит нас от необходимости открыто денонсировать нынешние согла-

шения или делать оговорки, которым никто не будет верить при публикации обстоятельств каждого отдельного случая.

...Из вышеизложенного следует, что самосуд должен быть основной мерой. Если эта кампания будет проведена столь энергично, что цель («устрашение летчиков противника») будет достигнута (чего желает министерство иностранных дел), тогда обстрел гражданского населения летчиками противника должен будет представляться пропагандой в совершенно другом свете».

Я больше не буду говорить об этом документе, который ясно показывает точку зрения подсудимого. Я хочу обратить внимание Трибунала на следующий документ:

«...29 июня посол Риттер сообщил нам по телефону, что министр иностранных дел утвердил этот проект».

Таково положение по вопросу об обращении с военнопленными. Я утверждаю, что хладнокровно и преднамеренно был применен порядок, который полностью противоречил международному праву.

Второй вопрос — это истребление народов Европы. В отношении Польши я не буду вдаваться в детали, но хочу напомнить Трибуналу о показании свидетеля Лахузена.

Затем идет вопрос о Богемии и Моравии. 16 марта 1939 г. был принят декрет фюрера и рейхсканцлера, подписанный подсудимым фон Риббентропом, относительно протектората Богемии и Моравии. Этот документ ТС-51 уже был представлен под номером БВ-8. В силу этого закона имперский протектор занял чрезвычайно высокое положение при фюрере.

Я хотел бы обратить внимание Трибунала на статью 5 § 2. «Имперский протектор в качестве представителя фюрера и рейхсканцлера и уполномоченного имперского правительства обязан наблюдать за выполнением политических принципов, установленных фюрером и рейхсканцлером».

3. Назначение членов правительства протектората должно утверждаться имперским протектором. Он может взять свое утверждение обратно.

4. Имперский протектор должен знать о всех мерах, принятых правительством протектората, и давать советы. Он может не согласиться с мерами, которые могут причинить ущерб Германии, и в случае опасности издавать директивы, требуемые общими интересами.

5. Если имперский протектор имеет какие-либо возражения, то опубликование законов, проведение мероприятий административного порядка, а также исполнение вступивших в законную силу приговоров приостанавливается».

В силу этого закона были назначены два имперских протектора Богемии и Моравии, а также их заместители. Ими были

совершены различные преступления, о которых будут говорить подробно мои советские коллеги.

Что касается Нидерландов, то 18 мая 1940 г. подсудимый фон Риббентроп подписал декрет фюрера относительно осуществления административных функций в Нидерландах. Это документ Д-639, который я представляю под номером ВВ-154.

«...Оккупированные голландские территории будут управляться имперским уполномоченным по оккупированным голландским территориям... Имперский уполномоченный охраняет интересы империи и обладает верховной гражданской властью.

Доктор Зейсс-Инкварт настоящим назначается имперским уполномоченным по оккупированным голландским территориям».

На основании этого декрета имперский уполномоченный подсудимый Зейсс-Инкварт издавал такие распоряжения, как, например, распоряжение от 4 июля 1940 г. о конфискации собственности лиц, которые способствовали или могли способствовать деятельности, направленной против германской империи. Им также были приняты меры по переселению голландцев.

...Я хочу обратить внимание Трибунала на то, что подсудимый Риббентроп обвиняется в том, что он создал в Бельгии и Голландии основу административной структуры, в рамках которой были совершены военные преступления и преступления против человечности.

...Наконец, я перехожу к вопросу о преследовании евреев. В декабре 1938 года подсудимый Риббентроп в беседе с господином Бонне, который в то время был министром иностранных дел Франции, высказал свою точку зрения по вопросу о евреях. Посол Соединенных Штатов господин Кеннеди сообщил об этом Государственному департаменту. Доклад господина Кеннеди является документом за номером Л-205, который я представляю под номером ВВ-157.

«...В течение дня нам позвонили из конторы Беранже в Париже. Нам сказали, что Бонне во время переговоров с фон Риббентропом поднял вопрос о беженцах. Результат был очень плохой. Риббентроп в ответ на настояния Бонне сказал ему, что евреи в Германии, все без исключения, являются ворами, убийцами и бандитами. Собственность, которую они имеют, была приобретена противозаконным путем. Поэтому германское правительство решило причислить их к преступным элементам. Незаконно приобретенная собственность будет от них отнята. Они будут вынуждены жить в районах, где проживают преступные элементы. Как и другие преступники, они будут находиться под полицейским надзором и должны будут являться в полицию, как остальные преступники. Германское правительство ничего не может сделать, если некоторые из этих преступников совершат побег в другие страны, которые так хотят,

чтобы они у них жили. Однако это не дает им права брать с собою имущество, добытое преступным путем...».

Это краткое изложение точки зрения подсудимого о евреях более подробно развито в пространном документе, разосланном им через министерство иностранных дел, который значится под номером ПС-3358 и который я представляю под номером ВВ-158. Я не намереваюсь читать весь этот чрезмерно мрачный документ. В нем очень ясно изложены взгляды подсудимого по вопросу об обращении с евреями.

Как Трибунал увидит, этот документ широко распространялся министерством, которым руководил подсудимый, и был разослан подчиненным ему органам и большому числу лиц, как раз перед началом войны, 25 января 1939 г., то есть непосредственно после заявления, сделанного им господину Бонне. Таким образом, нет сомнения в том, что подсудимый Риббентроп поддерживал и проводил программу против евреев, в результате которой они помещались в концлагеря... И мы утверждаем, что как министр иностранных дел, будучи тесно связан с верхушкой правительства, он должен был знать, что происходило повсюду в Германии и в концлагерях. Человек, который проповедовал идею нацизма и занимал такой значительный пост, не мог не знать о том, как эта политика проводилась. Таковы доказательства по третьему обвинению, и мы утверждаем, что представленные Трибуналу доказательства подтверждают все три перечисленных обвинения.

Что касается второго обвинения, то Гитлер сам сказал следующее: «В исторический 1938 год министр иностранных дел фон Риббентроп оказал мне большую помощь посредством своих правильных и смелых решений и чрезвычайно умного подхода ко всем проблемам внешней политики».

В ходе этой агрессивной войны этот подсудимый поддерживал тесную связь с другими нацистскими заговорщиками. Он давал им советы, предоставлял в их распоряжении требовавшуюся информацию через немецкие посольства и миссии за границей и, как я уже сказал, участвовал в планировании военных преступлений и преступлений против человечности. Мы утверждаем, что все обвинения, содержащиеся в приложении «А» к Обвинительному заключению в отношении этого подсудимого, полностью доказаны.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ОБВИНИТЕЛЯ КАТРА ПО ВОПРОСУ
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ КЕЙТЕЛЯ И ИОДЛЯ
ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 7 февраля 1946 г.]

...Кейтель и Иодль ответственны за убийства, зверское обращение с гражданским населением, массовые наказания, убийства заложников и другие преступления.

С самого начала войны и в дальнейшем по мере того, как германская армия захватывала новые территории, можно видеть, какие мероприятия проводились в отношении гражданского населения в нарушение всех законов и обычаев ведения войны и всяких человеческих прав. Эти мероприятия, начиная от самых, казалось бы, безобидных на первый взгляд нарушений и вплоть до самых суровых наказаний, зверского обращения, бесчеловечных расправ, совершенно ничем не оправдывались. Посмотрим на оккупированные территории Востока, Норвегию, на западные страны — повсюду одно и то же: слепое, беспрекословное исполнение одних и тех же директив.

16 сентября 1941 г. Кейтель подписал директиву о проведении репрессивных мер в отношении участников коммунистического повстанческого движения на оккупированных территориях. Документ РФ-1432, ПС-389. Трибунал позволит мне огласить небольшую цитату из этой директивы Кейтеля (ПС-389, РФ-1432):

«В каждом случае возмущения против оккупационных властей независимо от того, как складываются обстоятельства, следует усматривать коммунистические источники возмущения.

Чтобы в корне подавить недовольство, необходимо по первому же поводу незамедлительно предпринимать самые жесткие меры с тем, чтобы утвердить авторитет оккупационных

властей и предотвратить распространение. Кроме того, при этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и что устрашающее воздействие возможно лишь путем применения необходимой жестокости. В качестве репрессии за смерть одного немецкого солдата в этих случаях, как правило, должна применяться смертная казнь 50—100 коммунистов».

5 мая 1942 г. для Бельгии и Франции Кейтель издал приказ о захвате и казни в этих двух странах заложников из числа коммунистов, демократов и националистов (документ РФ-1433, ПС-1590). Оригинал документа в настоящее время находится у обвинения от Советского Союза, и он будет в свое время представлен.

Этот приказ только подтверждает предшествующие директивы, так как еще в августе и сентябре 1941 года приказы главнокомандующего во Франции предписывали казни заложников. Эти приказы представлены нами 29 января 1946 г. за номером РФ-274.

Для того чтобы добиться спокойствия в оккупированных странах и оградить захватчиков из германской армии от всяких покушений, Кейтель, не колеблясь, нарушает положения статей 46—50 Гагской Конвенции, которая запрещает оккупационной армии всякое применение принудительных средств и насилия, а также применение групповых репрессий и, напротив, предписывает уважать условия жизни населения оккупированных стран. И это не были единичные нарушения; во всех оккупированных странах повторяются одни и те же факты.

Превентивные заключения были введены в систему, они отвечали целям, которые преследовало высшее командование германской армии: обеспечить таким образом определенное поведение населения, отвечающее интересам армии. В этом отношении в документе РФ-1435 очень недвусмысленно сказано:

«Рекомендуется каждому военному коменданту всегда иметь в своем распоряжении определенное количество заложников, которые должны отбираться из числа приверженцев различных политических течений... Важно, чтобы среди них были руководящие политические деятели... В зависимости от того, к какому кругу принадлежит виновный, заложники соответствующей группы должны в случае покушения расстреливаться».

Такой режим террора достиг кульминационного пункта при издании приказа «Нахт унд Небель» («Мрак и туман»), подписанного Кейтелем 2 декабря 1941 г. Этот документ ПС-669 представляется мной под номером РФ-1436. Трибунал разрешит мне огласить несколько строк, характеризующих намерения Кейтеля.

Председатель: Мне кажется, что этот документ уже оглашался неоднократно.

Катр: Прошу извинить меня, господин председатель, я не буду тогда оглашать его. Что касается вывоза населения и угона его в рабство, то наряду с другими странами Франция тоже жестоко пострадала от этого. Нет необходимости особо останавливаться на этом. Вам известно зверское обращение, которому подвергались все женщины и мужчины, в нарушение всех прав оторванные от собственных очагов, жестокости, которые совершались над ними.

Нужно отметить еще приказ от 26 мая 1943 г., представленный под номером ВБ-163 (РФ-1437). В нем Кейтель предписывает обязательное производство детального расследования в отношении родственников тех французов, которые сражаются на стороне русских, если эти родственники находятся в оккупированной зоне Франции. Если расследованием будет установлено, что родственники способствовали их бегству из Франции, необходимо принимать строгие меры.

22 сентября 1943 г. верховное командование германской армии направило главнокомандующему в Дании следующую телеграмму на этот раз за подписью Иодля; телеграмма интересна с двух сторон (документ ЮК-56, РФ-335).

Во-первых, в ней предлагается производить вербовку датских граждан в войска оккупационной армии типа частей СС, хотя это противоречит положениям Гагской Конвенции.

Во-вторых, в этой телеграмме предписывается насильственный угон евреев из Дании, что, в конце концов, должно было привести к их истреблению. Трибуналу достаточно хорошо известно все, что касается этого вопроса, и я не буду долго на нем останавливаться.

Я хочу остановиться на другом — на вопросе об уничтожении городов, сел и деревень, о ничем не оправданных опустошениях.

Политика террора, которую проводила германская армия против французских сил Сопротивления, против участников движения Сопротивления, перешла всякие границы, когда оккупанты стали выступать не только против самих участников Сопротивления, но и против жителей деревень и городов, подозреваемых в оказании помощи и в укрывательстве патриотов. Характерна в этом отношении брошюра верховного командования германской армии от 6 мая 1944 г., подписанная от имени начальника ОКВ подсудимым Иодлем (документ Ф-665, РФ-1439).

Пункт 161 этого документа гласит: «Чистка деревень, подозреваемых в том, что там скрываются банды¹, требует опыта. Необходимо с этой целью использовать службу безопасности

¹ «Бандами» гитлеровцы называли патриотов, оказывавших сопротивление захватчикам. — Составители.

и тайную полевую жандармерию. Следует особо энергично распознавать и захватывать пособников этих банд.

Коллективные меры против всего сельского населения, в том числе поджоги населенных пунктов, могут применяться исключительно по приказу командиров дивизий и начальников полиции и СС».

Но то, что подсудимый Иодль предписывал как исключительную меру, весной и летом 1944 года во Франции стало общим правилом. Если во время подписания данного приказа подобные действия носили единичный характер, то затем они приобретают большой размах и проводятся армейскими частями, которым помогают, в нарушение всех человеческих прав, служба безопасности и тайная полевая полиция.

...Отступление германской армии из Франции отмечалось опустошением и разрушением городов и деревень: Орадур-сюр-Глан, Майе, Серизе, Сен-Дье, Васье-ан-Веркор. Иодль должен нести ответственность за эти операции по «чистке», которые начались с произвольных арестов и переросли в пытки, массовые убийства жителей — мужчин, женщин, стариков и детей, вплоть до младенцев; в ограбления и пожары в населенных пунктах. Никакого различия не делалось: все, даже самые юные обитатели, рассматривались как «подлинные пособники».

Ни в одном из случаев эти мероприятия не могут быть оправданы военной необходимостью. Они являются нарушением статей 46 и 50 Гагской Конвенции.

Теперь я остановлюсь на мобилизации и угоне населения на принудительные работы.

Декрет от 21 марта 1942 г. о назначении Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы подписан Гитлером, Ламмерсом, начальником имперской канцелярии, и Кейтелем (документ ПС-1666, США-208).

В первом параграфе этого декрета говорится о вербовке рабочей силы среди гражданского населения для нужд военной промышленности Германии, в частности для использования на заводах вооружения. Для этого, говорится далее, будут использованы все незанятые рабочие Германии, протектората, генерал-губернаторства и всех оккупированных территорий.

Эти меры являются нарушением статьи 52 Гагской Конвенции.

7 ноября 1943 г. в речи, о которой мы уже говорили раньше, подсудимый Иодль, рассказывая о задачах, которые выпадали на долю населения оккупированных Германией территорий, объявил:

«По-моему, — говорил он, — наступило время без всяких колебаний принимать самые суровые и решительные меры в Дании, Голландии, Франции и Бельгии для того, чтобы заставить

тысячи бездельников выполнять фортификационные работы, являющиеся более важными, чем любая другая работа. Необходимые распоряжения по этому поводу уже даны».

Сам Заукель не мог бы выразиться яснее.

В данном случае Иодль не хотел считаться ни с какими международными конвенциями и обычаями ведения войны.

Теперь я перехожу к ответственности подсудимого Кейтеля за экономическое ограбление и разграбление произведений искусства. Я буду очень немногословен и ограничусь представлением Трибуналу трех документов. О двух из них мне придется только напомнить, так как они уже были представлены. Это — документы РФ-1441 (США-379) и РФ-1443 (ПС-138).

Третий документ (ПС-148, РФ-1444) — это письмо в пять строк, которое было направлено подсудимым Кейтелем в специальный штаб Розенберга.

«Уважаемый господин имперский министр! В ответ на ваше письмо от 22 февраля сообщаю вам, что я поручил командованию армии в согласии с вашим представителем принять необходимые решения в отношении использования рабочих команд специального назначения в районе операций».

Следовательно, можно сказать, что деятельности Розенберга с самого начала сопутствовали постоянная поддержка и содействие германской армии. Таким образом, Кейтель лично также внес свою лепту в дело разграбления произведений искусства Франции и стран Запада.

Вначале этим мероприятиям пытались дать какое-либо подобие юридического обоснования. По словам самого Кейтеля, все это отбиралось не в качестве трофеев, а для получения гарантий, которые можно будет использовать при будущих мирных переговорах, однако вскоре эти мероприятия переросли в общий грабеж сокровищ искусства, принадлежащих странам Запада, в нарушение положений статей 46, 47 и 56 Гагской Конвенции, которые запрещают конфискацию частной собственности, грабеж и захват произведений искусства и науки со стороны оккупационной армии.

Теперь, господа, я становлюсь на последней, наиболее важной части изложения о нарушениях конвенций и законов ведения войны — на вопросе об обращении с военнопленными. Кейтель и Иодль, в частности, виновны в том, что они принимали в отношении военнопленных ничем не оправданные меры, противоречащие законам ведения войны.

К этим нарушениям относится прежде всего нарушение статьи 6 приложения к Гагской Конвенции, устанавливающей что работы, которые могут выполняться военнопленными, не должны быть непомерными и не должны иметь ничего общего с военными операциями.

Между тем в нарушение этого правила Кейтель в своем распоряжении, подписанном 31 октября 1941 г. как начальником ОКВ, предписывает заставлять интернированных советских военнопленных производить работы, связанные с военными операциями. Это — документ ЕС-194, США-214 (наш номер РФ-1445).

Кейтель так формулировал свои указания: «Фюрер недавно приказал, чтобы труд русских военнопленных был широко использован путем массового принуждения их к работе на нужды военной промышленности». И тотчас же была разработана программа включения этих военнопленных для работы на нужды германской военной экономики. Правда, эти указания в 1941 году относились только к советским военнопленным, но с 21 марта 1942 г. они распространены и на всех других военнопленных, которых прикрепили к германской военной промышленности, и, в частности, к промышленности вооружения. Декрет о назначении Заукеля на пост генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, подписанный Гитлером, о котором мы уже говорили, также предусматривает применение всех военнопленных в германской промышленности вооружения.

Месяц спустя, 20 апреля 1942 г., Заукель высказался следующим образом о своей программе мобилизации рабочей силы (документ ПС-016, представленный под номером США-168, наш номер РФ-1446):

«Использование всех военнопленных и применение огромного количества иностранных гражданских рабочих, мужчин и женщин, стало, бесспорно, необходимым, с тем чтобы выполнить программу мобилизации рабочей силы для этой войны».

На 6 февраля 1943 г., как Заукель объявил в своей речи в Познани, он смог включить в военную промышленность рейха 1658 тысяч военнопленных, что видно из документа ПС-1739, РФ-1447, который ранее был представлен под номером РФ-10.

Таким образом, предоставление такого контингента военнопленных для германской военной промышленности доказывает согласованность и единство действий между отделами, которые были поручены Заукелю, и Кейтелем, начальником ОКВ, ответственным за это использование военнопленных как рабочей силы в военной промышленности.

Это вопиющее нарушение положений Гагской и Женевской Конвенций о военнопленных проводилось наряду с другими мероприятиями, инспирированными или разрешенными подсудимыми, которые носят еще более серьезный характер в том смысле, что они не только затрагивали права военнопленных, но и являлись посягательством на личность и жизнь военнопленных и часто приводили их к гибели.

Эти нарушения заключаются прежде всего в том, что военнопленных преднамеренно ставили в условия, опасные для жизни.

Я представляю отчет, составленный одним из отделов оперативного штаба и предназначенный для верховного командования вооруженных сил (документ ПС-823, РФ-1448). В нем речь идет о создании лагерей для военнопленных из английских и американских воздушных сил в тех германских городах, которые подвергаются бомбардировкам. Оперативный штаб германских воздушных сил предлагает делать это для того, чтобы присутствие союзных пленных летчиков могло явиться защитой для населения немецких городов против налетов англо-американской авиации. Оперативный штаб ОКВ в лице Иодля одобрил это предложение, не усматривая в нем никакого нарушения международных законов и обычаев ведения войны.

Если бы нам не были известны соображения, по которым проводились эти мероприятия, мы могли бы думать, как это пытался представить подсудимый Иодль, что здесь нет никакого противоречия международным законам. Но мы из первых строк документа узнаем, что речь идет о том, чтобы при помощи этого мероприятия косвенно обеспечить безопасность населения городов Германии. Союзные военнопленные являются лишь средством предотвращения возможных воздушных налетов союзной авиации, и ради этого военнопленные ставятся в условия, опасные для жизни.

Это является серьезным нарушением статьи 9 Женевской Конвенции, которая вменяет в обязанность державе заботу о безопасности находящихся у нее пленных.

Кейтель ограничился тем, что на первой странице этого документа написал: «Возражений не имею» и поставил свою подпись.

Я хотел бы остановиться на вопросе о мерах, принимавшихся против бежавших пленных. Эти меры должны были носить особо серьезный характер. Об этом свидетельствует документ ПС-1650, РФ-1449, который представлен ранее под номером США-246. Трибунал хорошо знает этот документ, и я думаю, что мне не следует его оглашать. Из него мы узнаем о «Кугель-акцион», которая была задумана как средство положить конец побегам пленных офицеров и унтер-офицеров. Здесь преследовалась единственная цель — передавать бежавших пленных органам полиции, где они подвергались «Зондербехандлунг» — особому обращению, представлявшему не что иное, как их истребление.

В то время, как согласно статье 47 и последующим статьям Женевской Конвенции в отношении совершивших побег военнопленных могут применяться лишь дисциплинарные меры, в част-

ности аресты, Кейтель в нарушение этих правил установил иные меры, более радикальные.

...Я перехожу к вопросу об обращении с пленными союзными летчиками. Я не буду долго останавливаться на этом вопросе, так как он был достаточно уже освещен.

Одно несомненно, что разработкой и изданием представленных Вам уже по этому поводу приказов руководила преступная воля.

...Эти двое подсудимых полностью сознавали преступный характер своих приказов, и они знали, что эти приказы должны были выполняться со скрупулезной точностью.

Систематическое пренебрежение законами и обычаями, которые призваны смягчать жестокий характер любой войны, возрождение в государстве самых варварских методов и принципов в сознании Кейтеля и Иодля являлись осуществлением принципов и норм национал-социализма и его фюрера, для которых все международные правила, конвенции, все моральные устои были не более как помехой на пути к достижению своей преступной цели.

В течение десяти лет Кейтель играл руководящую роль в немецкой армии, а с 1936 года его ближайшим и верным помощником стал Иодль. До войны они работали над подготовкой ее, а во время войны они сознательно пренебрегали правовыми нормами, ограждающими права сражающихся. Они подчеркнуто пренебрегали достоинством человеческой личности и таким образом запятнали свою солдатскую честь.

«Нахт унд Небель», «Кугель-акцион», «Зондербехандлунг»¹, разрушение наших городов всегда будет связываться с именами этих людей, в особенности с именем Кейтеля, который осмелился заявить, что человеческая жизнь для него стоит меньше, чем ничто.

Наша мысль сегодня обращается к тем многим и многим отсутствующим, которые стали жертвами всех этих действий.

¹ Термины «Нахт унд Небель» («Мрак и тьма»), «Кугель-акцион» (действие, акция, «пуля») и «Зондербехандлунг» («специальное», «особое обращение») так же, как и «экзекуция», означали уничтожение, то есть гайное убийство нацистами своих жертв. — Составители.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО
ОБВИНИТЕЛЯ МУНЬЕ ПО ВОПРОСУ
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ РОЗЕНБЕРГА, ЗАУКЕЛЯ,
ШПЕЕРА, ЗЕЙСС-ИНКВАРТА
И ДОПОЛНИТЕЛЬНО — ГЕРИНГА ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 7 февраля 1946 г.]

...Господа судьи! Принимая во внимание время, которым я располагаю, я ограничусь тем, что напомним, как посредством приказов свыше некоторые организации были привлечены к сотрудничеству в грабеже. Я напомним прежде всего о действиях гестапо, производившихся согласно приказу Кейтеля от 5 июля 1940 г. (документ ПС-137, США-379).

Я напомним также и второй приказ от 30 октября 1940 г., который уточнял, усугубляя их, распоряжения, изданные в связи с грабительской деятельностью специального штаба Розенберга. Речь идет о документе РФ-1303, который упоминался французским обвинением.

Розенберг и Кейтель, таким образом, выдвинули версию о трофеях, захватывавшихся германским народом, победителем евреев, у еврейского народа, с которым он не был связан условиями Компьенского перемирия. Этого вмешательства верховного командования армии, выражающегося в издании приказов, о которых я сейчас говорил, достаточно, на мой взгляд, для того, чтобы доказать значительное участие германской армии в этом разграблении, и пусть Трибунал, когда он будет выносить решение о виновности подсудимого Кейтеля и подсудимого Геринга, вспомнит об этом обстоятельстве. Я упомянул о подсудимом Геринге потому, что третий документ доказывает, что этот подсудимый помогал мероприятиям специального штаба, употребляя свое влияние, призывая все нацистские партийные организации, все государственные органы и армию оказывать

всякое покровительство и всевозможное содействие рейхсleiterу Розенбергу и его сотруднику Утикалю, который был назначен Розенбергом начальником специального штаба. Речь идет о приказе от 1 мая 1941 г., который был уже представлен нами под номером РФ-1406.

Если внимательно ознакомиться с текстом этого приказа, нельзя не остановиться на первом абзаце. Трибунал разрешит мне очень быстро зачитать его:

«Борьба против евреев, франкмасонов и их союзников, а также преследование иностранцев, придерживающихся мировоззрения, отличного от нашего или противоположного нашему, является неотложной задачей национал-социализма во время войны».

Таким образом, достаточно было иметь мировоззрение, отличное от нацистского, чтобы культурные ценности были захвачены и вывезены в Германию. Но Трибунал, наверное, помнит, что в документах, которые были ему представлены, речь шла об увозе не только культурных ценностей, но и всякого другого имущества, имеющего какую-либо ценность.

Подсудимый Розенберг во время предварительного следствия пытался без особой убедительности, как мне показалось, уверять, что культурные ценности, о которых идет речь, были предназначены исключительно для коллекции национал-социалистской высшей школы. Мы узнаем вскоре, по ознакомлении с текстом допроса, как следует относиться к такому заявлению.

На основании имеющихся в нашем распоряжении документов Герингу можно вменить в вину присвоение части захваченных в западных и восточных странах произведений искусства. Господа судьи, я не буду останавливаться на рассмотрении этих фактов, я перехожу к оглашению допроса подсудимого Розенберга (документ РФ-1403).

Полковник Хинкель, допрашивая подсудимого Розенберга, спросил его, каковы были законные основания, которыми можно объяснить изъятия ценностей. Подсудимый Розенберг ответил сначала, что эти изъятия оправдывались враждебностью некоторых группировок по отношению к национал-социалистской идеологии, а затем заявил буквально следующее:

«Я рассматривал их, — речь идет о мерах, которые он предпринимал, — как военную необходимость и в соответствии с причинами, вызвавшими войну».

Немного далее, в ответ на настоятельные вопросы полковника Хинкеля, подсудимый Розенберг сослался на необходимость (это определенно составит один из главных аргументов защиты подсудимого Розенберга) сохранить имущество, захваченное таким образом. Но полковник Хинкель задал подсудимому

Розенбергу такой вопрос: «Если вы имели намерение сохранить это имущество, то почему же вы поместили в сохранные места не все, а только то, что, как вам казалось, должно быть вами изъято, в то время как вы отбросили все остальное?»

Среди имущества имелись предметы не менее ценные, чем те, которые были изъяты, но ими никто не занимался.

Наконец, подсудимый Розенберг признал, что заинтересованным лицам в большинстве случаев не выдавали никаких квитанций, и поэтому законные владельцы не могли рассчитывать на возвращение этих предметов, хотя они представляли собой очень значительные ценности.

Мы рассматриваем изъятие этих ценностей как факт, который в частном праве называется просто-напросто мошенническим захватом. Этот мошеннический захват производился в больших масштабах, при использовании широких средств, которыми располагала третья империя; сюда надо еще прибавить содействие армии и воздушных сил. Также справедливо и то, что преступный характер этих действий очевиден, и мы просим Трибунал при вынесении приговора отметить, что подсудимый Розенберг и другие подсудимые мошенническим путем изъяли во Франции и в других западных странах все культурные ценности, все произведения искусства, которые были увезены ими.

Господин председатель, господа судьи, что касается перечня изъятых предметов, то Трибунал найдет его в представленном нами документе РФ-1323 — отчете доктора Шольца.

В этой связи я хотел бы, между прочим, ответить на вопрос, который господин председатель задал вчера моему коллеге в отношении коллекций Ротшильда. Ответ на этот вопрос мы найдем в стенограмме допроса Розенберга от 23 сентября 1945 г., о котором я только что говорил Трибуналу, из основных вопросов, поставленных Розенбергу в отношении законного обоснования этих захватов. Я прошу Трибунал обратиться к странице 5 этого протокола. Я зачитаю вопрос, поставленный американским офицером, производившим допрос, моим ученым другом, почтенным полковником Хинкелем:

«Вопрос: Как вы объясняете конфискацию ценностей, принадлежащих семье Ротшильда?»

Это — вопрос очень ясный. Речь идет о ценностях, которые были изъяты у семьи Ротшильда специальным штабом Розенберга:

«Ответ: На основании все той же общей точки зрения».

Это значит, что подсудимый Розенберг пытался дать законное обоснование изъятию ценностей у Ротшильдов, объясняя это мотивами, которые я имел честь подробно разобрать перед Трибуналом несколько минут тому назад.

Подсудимый Розенберг на допросе сам признал, что и семья Ротшильда фигурировала среди людей, которые были ограблены. Такое признание, господин председатель и господа судьи, должно рассматриваться как одно из наиболее достоверных доказательств.

Господин председатель, с разрешения Суда, я хотел бы сказать несколько слов в отношении индивидуальной ответственности подсудимого Фрица Заукеля.

Трибунал уже выслушал соображения по этому поводу моего коллеги Герцога. Поэтому с Вашего разрешения я перехожу к известным уже Вам фактам и объяснениям их, которые и приводятся подсудимым Фрицем Заукелем в свое оправдание.

Вначале нужно поставить такой вопрос: действовал ли Фриц Заукель по своей воле или по приказу, когда он производил набор рабочих, предназначавшихся для работы в империи, якобы «добровольно», а в действительности по принуждению.

Заукель утверждает, что, когда он был назначен уполномоченным по использованию рабочей силы 21 марта 1921 г., в его первоначальной программе не предусматривался набор иностранных рабочих, и что об этом будто бы затем издал распоряжение сам Гитлер.

Поражает то, как Вы сами услышите от них, что подсудимые в большинстве случаев будут скрываться за двумя тенью — тенью бывшего фюрера и за тенью беззаветно преданного ему Гимmlера. Здесь мы как раз видим тень Гитлера. Гитлер, действительно, мог заявить Заукелю, что использование иностранной рабочей силы в пределах оккупированных стран не нарушает Гаагской Конвенции по двум причинам: во-первых, потому, что страны, о которых идет речь, безоговорочно капитулировали, и, таким образом, им можно навязать любые условия труда; во-вторых, такие страны, как Союз Советских Социалистических Республик, якобы не подписали этой Конвенции. Таким образом, производя принудительный набор рабочей силы и эксплуатируя рабочих до их изнеможения, они, мол, не нарушают Гаагской Конвенции. Вот, господа судьи, рассуждения подсудимого Заукеля по этому вопросу. Мы ничего сюда не прибавили. Итак, якобы Гитлер дал ему приказ проводить набор рабочей силы, применяя сначала убеждение, а потом все средства принуждения, о которых Вы уже знаете, в частности лишение продовольственных карточек с тем, чтобы видя, как их жены и дети страдают от голода, люди вынуждены были выполнять работу, направленную против их собственных соотечественников и против солдат союзных армий.

Трибунал по справедливости оценит подобные аргументы, учитывая при этом, что Заукель согласно распоряжению, которым ему передавались эти функции, пользовался широкими

полномочиями в отношении всего, что касалось рабочей силы, необходимой для выполнения четырехлетнего плана.

С другой стороны, принимая на себя функции уполномоченного по использованию рабочей силы, Заукель знал, что он сможет выполнить свою задачу лишь путем использования средств принуждения.

Заукель, как кстати сказать и большинство сидящих на скамье подсудимых, имел самые неограниченные полномочия, поэтому он не может прятаться за приказами, которые он получал.

...Господин председатель, в соответствии с пожеланиями Трибунала я ограничусь в отношении подсудимого Заукеля тем, что сошлюсь на цифры, которые названы самим подсудимым Заукелем во время допроса его на следствии.

Эти цифры таковы: в 1942 году в Германии уже имелся один миллион иностранных рабочих. За год подсудимый Заукель включил в экономику империи приблизительно 1 600 тысяч военнопленных для того, чтобы удовлетворить нужды военной экономики. Я осмелюсь также обратить внимание Трибунала на протокол допроса подсудимого Заукеля от 18 октября 1945 г., который был уже представлен под номером США-220, наш номер РФ-1411.

На этом допросе подсудимый Заукель признал, что 40 процентов всех военнопленных были использованы на производстве оружия, боеприпасов и во вспомогательных отраслях военной промышленности.

Я также хочу сослаться на меморандум, подписанный начальником имперской канцелярии Ламмерсом, где содержится отчет о совещании, имевшем место 4 января 1944 г. (Документ РФ-1412, США-225).

На совещании 4 января 1944 г., на котором присутствовали, кроме подсудимого Заукеля, сам фюрер, Гиммлер, Шпеер, Кейтель, маршал Мильх и другие, было установлено, что подсудимый Заукель должен предоставить 4 миллиона новых рабочих. Я должен в этой связи заметить, что на этом совещании подсудимый Заукель усомнился в возможности обеспечить набор такого количества рабочих, если ему не будет предоставлено достаточное количество полицейских сил. Гиммлер на это заметил, что он постарается путем более сильного давления помочь Заукелю в достижении этой цели.

Следовательно, когда подсудимый Заукель, возможно, будет утверждать, что он не имел ничего общего с этим, сегодня всеми законным учреждением, которое называется гестапо, ему можно будет ответить, что официальные германские документы доказывают, что для того чтобы мобилизовать рабочую силу, он использовал полицию со всеми ее незаконными и преступными средствами, которые Вам уже были описаны.

Что касается Франции, то в начале 1944 года отсюда потребовали один миллион рабочих. Эти рабочие должны были присоединиться к тем, которые уже находились в Германии, составив таким образом, к июню 1944 года от 1 до 1,5 миллиона мужчин и женщин.

Подсудимый Заукель этими действиями совершал нарушения, уже известные Суду, за которые он должен нести ответственность.

Господин председатель, господа судьи, сейчас я хотел бы кратко осветить деятельность подсудимого Шпеера, ибо в отношении Франции и западных стран подсудимый Шпеер несет ответственность того же порядка, как и подсудимый Заукель. Так же как и подсудимый, о котором я только что говорил, Шпеер путем содействия составлению и осуществлению широкой программы принудительного угона и порабощения граждан оккупированных стран нарушал законы войны и ставил угнанных в нечеловеческие условия существования.

Подсудимый Шпеер прежде всего участвовал в выработке программы принудительного труда и содействовал ее принятию. На следствии он признал, что:

- 1) участвовал на совещаниях, на которых было принято решение использовать принудительный труд;
- 2) содействовал выполнению этой программы применения принудительного труда;
- 3) эта программа в основном предусматривала принудительный вывоз в Германию иностранных рабочих для того, чтобы предоставить их в распоряжение подсудимого Заукеля — уполномоченного по использованию рабочей силы в рамках четырехлетнего плана.

Я попрошу Трибунал обратиться к документу США-220, представляемому мной под номером РФ-1411.

Что касается Франции, то Гитлер и подсудимый Шпеер совещались 4 января 1943 г., и на этом совещании было решено, что будут приняты более строгие меры для того, чтобы ускорить набор французских рабочих, не делая различия между квалифицированными и чернорабочими.

Это явствует из письма, к которому я позволю себе привлечь внимание Трибунала. Это письмо подписано подсудимым Фрицем Заукелем и было уже представлено как документ ПС-556, французский номер РФ-1413.

Подсудимый Шпеер знал, что принудительный набор на оккупированных территориях осуществлялся с применением силы и террора, и он одобрял эти методы. В сентябре 1942 года он, например, знал, что рабочие с Украины угонялись по принуждению для работы в Германию. Он знал также, что большинство рабочих оккупированных стран Запада посылались в Германию

против своей воли. Он заявил даже допрашивавшему его американскому сотруднику, что он считает эти методы законными и правильными.

Наконец, подсудимый Шпеер, зная, что иностранные рабочие набирались и угонялись на принудительные работы в Германию, представил свои требования на получение иностранных рабочих и обеспечил их использование в различных областях производства, находившихся под его руководством.

Кроме того, я осмелюсь напомнить, что Шпеер являлся членом центрального комитета по планированию. Выше его и маршала Мильха стояли только Гитлер и Геринг в отношении права на затребование рабочей силы. Как таковой Шпеер также участвовал в совещаниях с Гитлером по установлению количества ввозившихся иностранных рабочих. Таким образом, он знал, что большая часть рабочих набиралась путем принуждения в оккупированных странах и порабощалась. Доказательством этому служат различные выдержки из протоколов центрального комитета по планированию и совещаний Шпеера с Гитлером, представленные под номером США-179, РФ-1414.

Наконец, Шпеер не остановился перед внедрением методов террора и жестокостей для достижения наилучшей производительности труда рабочих, оправдывая действия СС и полиции в отношении сопротивлявшихся, а также их заключение в концлагеря.

Подсудимый Шпеер также ответствен за использование военнопленных в военных операциях, направленных против их стран, так как в качестве руководителя организации Тодта он принуждал граждан союзных стран работать в этой организации на строительстве военных укреплений, в частности на строительстве знаменитого «Западного вала».

Он также принуждал французов, бельгийцев, люксембуржцев, голландцев, норвежцев и датчан производить оружие, которое использовалось против их стран и союзников.

Наконец, — а это тоже очень важно для определения степени ответственности Шпеера — он непосредственно участвовал в использовании труда заключенных концлагерей. Он предложил использовать труд заключенных концлагерей на военных заводах. Принимая во внимание ужасное физическое состояние заключенных, от этой меры нельзя было ожидать иного результата, кроме гибели заключенных.

Использование заключенных концлагерей на заводах вызвало увеличение требований на эту рабочую силу, и эти требования удовлетворялись, по крайней мере частично, путем отправки в концлагеря людей, которые в обычное время там не должны были находиться. Шпеер дошел до того, что стал устраивать концлагеря, которые являлись поставщиками ра-

бочих на заводы, в непосредственной близости от этих заводов.

Он знал лагерь в Маутхаузене. Свидетель — испанец Буа, которого Трибунал заслушал несколько дней тому назад, подтвердил под присягой, что он собственными глазами видел подсудимого Шпеера, когда тот посетил лагерь в Маутхаузене и принес свои поздравления руководителям лагеря. Он даже показал, что принимал участие в изготовлении фотографий этой сцены. Следовательно, этот факт нужно рассматривать как неоспоримый. Таким образом, Шпеер мог сам видеть варварские условия, в которых находились заключенные. Он, однако, продолжал использовать рабочую силу из лагеря Маутхаузена на заводах, которые находились в его ведении.

Я закончил, господин председатель и господа судьи, изложение своих соображений об ответственности Шпеера.

...Господин председатель, господа судьи! Перехожу к материалам о подсудимом Геринге.

Я хотел бы изложить перед Трибуналом соображения об ответственности подсудимого Геринга за те меры, которые были приняты против отрядов командос и союзных летчиков, попадавших в руки немцев в ходе проводимых ими операций.

Во время судебного разбирательства уже неоднократно говорилось о приказе, который был отдан Гитлером 18 октября 1942 г. Этот документ был предъявлен под номером США-501, наш номер РФ-1417. В приказе предписываются те меры, которые надлежало принимать в отношении командос в ходе операций в Европе и Африке. Они должны были быть уничтожены вплоть до последнего человека, даже если были одеты в военную форму, и вне зависимости от того, каким образом были доставлены: на судне, на самолете или сброшены с парашютом. Был отдан приказ никого в плен не брать. Отдельные командос, которые попадали в руки германских вооруженных сил на оккупированных территориях, должны были немедленно передаваться СД — организации, входившей в состав главного имперского управления безопасности...

Наряду с другими организациями этот приказ предназначался и для главного командования германских военно-воздушных сил. В связи с этим подсудимому Герингу как главнокомандующему ВВС было известно об этом приказе; кроме того, он, как командующий военными соединениями одного из трех родов вооруженных сил, разделяет в полной мере ответственность руководителей других родов вооруженных сил.

Известно также и то, что в тот же день, 18 октября 1942 г., Гитлер разослал инструкцию по применению этого приказа. В ней было дано следующее уточнение: в том случае, если для получения сведений будет временно сохранена жизнь кому-либо

из пленных, их следует предавать смерти немедленно после допроса.

Я лишь ссылаюсь на документ РФ-1418 от 9 января 1946 г., из которого, как и целого ряда аналогичных документов, видно, что в большинстве случаев этот приказ строго выполнялся.

Трибуналу уже известно, что многочисленные союзные летчики, которые оказывались на германской территории вследствие гибели своих самолетов, подвергались зверскому обращению, их с согласия и при поддержке властей линчевали.

В качестве доказательства сказанного мы хотим представить приказ от 10 августа 1943 г., которым Гиммлер запрещал полиции вмешиваться в случаи линчевания и запрещал препятствовать этому (документ США-333). В своей статье в «Фелькишер Beobachter» Геббельс высказывался аналогичным образом.

Циркулярным распоряжением от 30 мая 1944 г. Борман подтвердил эти инструкции и предписал делать сообщения по этому вопросу административным органам не в письменной, а лишь в устной форме. Я ссылаюсь на документ США-329, РФ-1620.

Но подсудимый Геринг не был удовлетворен лишь попустительством происходящему. Во время совещания, которое состоялось 15 и 16 мая 1944 г., он заявил, что предложит фюреру, чтобы убивали на месте немедленно как солдат, которые выбросились на парашютах, так и экипажи подбитых американских и английских самолетов, которые принимали участие в налетах на города или на пассажирские поезда во время их следования.

Имеется в виду документ Л-166, РФ-1421, уже представленный под номером США-1377.

Действительно, Геринг встретился с Гитлером, и между 20 и 22 мая 1944 г. генерал авиации Кортен направил подсудимому Кейтелю письмо, в котором указывалось, что Гитлер принял решение, в соответствии с которым летчики противника со сбитых самолетов должны быть преданы смерти без суда, если они принимали участие в действиях, которые были квалифицированы как террористические. Имеется в виду документ РС-731, РФ-1407, фотокопию которого мы предъявляем Трибуналу. Я прошу Трибунал разрешить мне не оглашать его, так как я думаю, что он предпочтет сам ознакомиться с ним.

В связи с этим было согласовано с ОКВ, что Гиммлер, Геринг и Риббентроп проконсультируются относительно мер по этому вопросу. Риббентроп предлагал, чтобы любой налет на германские города рассматривался как террористический акт. Со своей стороны, генерал Варлимонт, выступив от имени ОКВ, предложил следующие две меры: линчевание и то, что он называл «особым обращением» («Зондербехандлунг»), которое заключалось в передаче захваченных лиц органам службы безопасности — СД, где их подвергали бы особым формам обраще-

ния. Одна из этих форм пользуется особой известностью: это знаменитое в своем роде «действие Кугель» («Кугель-акцион»), о котором уже было сообщено Трибуналу. Оно заключалось в том, что захваченные лица бесследно исчезали.

Я ссылаюсь в связи с этим на документ ВВ-151, РФ-1452.

17 июня 1944 г. Кейтель написал Герингу, прося его одобрить квалификацию определенных действий как террористических актов в том виде, какой был дан Варлимонтом. 19 июня 1944 г. Геринг ответил через своего адъютанта, что следует запретить населению действовать так, как оно действовало до этого по отношению к летчикам противника, и что последних следует предавать суду, учитывая, что этим летчикам было запрещено совершение террористических актов союзными правительствами. Я ссылаюсь в данном случае на документ ПС-732, который я вручаю Трибуналу под номером РФ-1405.

В связи со сказанным я обращаю внимание Трибунала на этот документ, датированный 19 июня 1944 г. Рейхсмаршал Геринг представляется в нем сторонником судебного преследования летчиков, о которых здесь говорится. Сохраним в памяти, господа судьи, эту дату — 19 июня 1944 г., так как она важна. А вот 26 июня того же 1944 года тот же адъютант подсудимого Геринга позвонил по телефону в ОКВ в оперативный штаб, который настаивал на получении вполне определенного ответа, и сообщил о согласии своего начальника рейхсмаршала Геринга с квалификацией, которая была дана так называемым террористическим актам, а также с предложенной процедурой, которая, как я напоминаю, предусматривала две возможности: либо применение к данным лицам «специального обращения», либо немедленная их казнь. Я ссылаюсь на документы ПС-733 и ПС-740, которые были представлены французским обвинением под номерами РФ-374 и РФ-375.

Наконец, Гитлер в заявлении от 4 июля 1944 г. объявил, что, поскольку англичане и американцы решили совершить воздушные налеты на небольшие города в качестве ответной меры на обстрел их ракетами «ФАУ-1», налеты, не вызванные военной необходимостью, он предложил дать сообщение в печати и по радио, что любой неприятельский летчик, чей самолет будет сбит при такого рода налете, будет после того как его захватят в плен, немедленно предан смерти.

Таковы факты, которые явствуют из совершенно неоспоримых документов. Если я и привел ответ, данный подсудимым Герингом или, точнее, его адъютантом 19 июня 1944 г., то сделал это исходя из стремления представить Суду во всей полноте документы, имеющие значение для правильного выяснения данного вопроса. Однако, несмотря на наличие этого ответа, я считаю себя обязанным заключить, что подсудимый Герман Геринг

целиком и полностью несет ответственность за свои преступные действия.

Господа судьи, говоря об ограблении экономики, я не буду особо останавливаться на том, что подсудимый Геринг как начальник управления по четырехлетнему плану принимал значительное участие в проведении мероприятий, направленных на то, чтобы лишить все страны Запада буквально всех средств к существованию. Я укажу лишь на один факт, который, как я полагаю, не был Вам еще сообщен.

После подписания перемирия в 1940 году подсудимый Геринг произвел с помощью Рехлинга, распорядившегося секвестрованными заводами, принадлежащими семье де Нендель в Лотарингии, передачу всех этих заводов компании «Герман Геринг Верке»...

В связи с этим Трибунал должен будет признать, что подсудимый Геринг разделяет ответственность за это ограбление с подсудимыми Розенбергом, Риббентропом и Зейсс-Инквартом (в отношении Голландии).

Господа судьи, относительно разграбления произведений искусства в нашем распоряжении имеются документы, позволяющие нам сделать заключение, которое будет в высшей степени неприятно для такого человека, как Геринг, занимавшего столь высокое положение, а именно, что часть произведений искусства и ценностей, которые были награблены в странах Запада, была предназначена для него лично, причем без какой-бы то ни было компенсации с его стороны. Я не буду останавливаться на том, как такие действия квалифицируются внутренним законодательством любой страны, я предоставлю Трибуналу, когда он будет выносить приговор, употребить в связи с этим соответствующий юридический термин. Но сегодня я хотел бы сказать, что это присвоение подсудимым Германом Герингом произведений искусства явствует из совершенно неоспоримых документов, которые уже были предъявлены Трибуналу. В частности, я сошлюсь на документ США-368, предъявленный французским обвинением под номером РФ-1309. Я вкратце напомню, что этот документ предписывал распределить собранные в Лувре произведения искусства по их назначению: прежде всего выделить произведения искусства, относительно предназначения которых будут даны указания лично фюрером. Во-вторых, отобрать произведения искусства, предназначенные для пополнения коллекций рейхсмаршала... и т. д. Я не буду далее оглашать этот документ.

Платил ли что-либо за это подсудимый Геринг?

Становится ясным обратное, так как в протоколе допроса подсудимого Розенберга, в документе, который был нами предъявлен под номером РФ-1330 и к которому я уже обращался на

этом заседании, указывается, что подсудимый Геринг отбирал произведения искусства из числа тех, которые были уже собраны организацией Розенберга, и ничего не вносил за них в кассу имперской казны.

Розенберг при допросе показал: «Я почувствовал себя несколько в затруднительном положении, когда я узнал, что Геринг взял лично для себя некоторую часть художественных ценностей, отправленных в Германию эйнзатцштабом».

Даже сам начальник эйнзатцштаба Розенберг почувствовал себя в затруднительном положении, узнав об этом.

Я не буду долго останавливаться на вопросе об участии подсудимого Геринга в преступлениях против человечности и, в частности, на вопросе о концентрационных лагерях. Я лишь попрошу Трибунал обратиться к тем абзацам, где я вкратце напоминаю об этом. Но имеется один документ, который, по моему, не был еще представлен Трибуналу, и я хотел бы сегодня его предъявить. Это — документ, в котором говорится о так называемых медицинских экспериментах, о которых ранее не упоминалось.

Вам уже было многое сказано относительно экспериментов доктора Рашера, заключавшихся в том, что людей помещали в условия с низкой или высокой температурой.

В данном случае имеются в виду эксперименты, производившиеся в «Институте кайзера Вильгельма». Предъявляемый мною Трибуналу отчет (документ Л-170, РФ-1427) озаглавлен: «Невропатология в Германии во время войны». В «Институте кайзера Вильгельма» производились эксперименты над головным мозгом людей, для чего отбирали и убивали заключенных или больных из лечебных учреждений.

Я обращаю внимание Трибунала на поистине зверский характер мер, принимавшихся в отношении людей, которых убивали, чтобы подвергнуть исследованию их мозг.

Трибуналу известно, что эти эксперименты производили в целях получения так называемых научных, или вернее псевдонаучных, данных о процессах, происходящих в мозгу летчика во время несчастного случая, который мог с ним произойти.

Эти эксперименты были связаны с экспериментами доктора Рашера, о которых велась переписка, о чем не мог не знать Геринг, так как она затрагивала непосредственно интересы военно-воздушных сил, командующим которыми он являлся.

Я привожу в качестве примера письмо от 24 октября 1942 г., адресованное Гиммлером доктору Рашеру, и предъявляю его под номером РФ-1409. Для того чтобы сберечь время Трибунала, я не буду оглашать это письмо, а сошлюсь на другой документ ПС-343, предъявленный под номером США-463. Это письмо, из которого явствует, что фельдмаршалу Мильху было

поручено 20 мая 1942 г. подсудимым Герингом передать СС специальную благодарность за ту помощь, которую они оказали военно-воздушным силам в области медицинских экспериментов. В связи с этим мы считаем, что ответственность подсудимого Германа Геринга в этом пункте полностью установлена.

Я перехожу теперь к подсудимому Зейсс-Инкварту, в чем деле проявляют особую заинтересованность наши друзья из Голландии.

Роль Зейсс-Инкарта и его участие в аннексии Австрии были подробно рассмотрены в ходе настоящего судебного разбирательства. Но его деятельность в Голландии заслуживает того, чтобы сегодня она была освещена особо.

13 мая 1940 г. Голландское правительство оставило территорию Голландии для того, чтобы переехать в дружественное и союзное государство и своим присутствием там показать свою твердую волю оставить за собой все прерогативы своего суверенитета.

29 мая 1940 г. подсудимый Зейсс-Инкварт, который имел ранг имперского министра без портфеля, был назначен рейхскомиссаром нидерландских оккупированных территорий, и, следовательно, начиная с этого числа и до дня капитуляции германской армии, он в силу выполняемых им функций был ответственным за все действия так называемой гражданской администрации в Голландии.

Действительно, из речей, которые он произносил, явствует со всей очевидностью, что он не только должен был выполнять чисто административные функции, но и был облечен политическими полномочиями. Следовательно, он тщетно будет пытаться утверждать, что в Голландии он был лишь своего рода чиновником, которому было поручено ставить печать на приказах, так же, как до этого в Австрии он якобы фактически был только телеграфистом.

...С разрешения Суда я прежде всего остановлюсь на вопросе о террористической деятельности подсудимого Зейсс-Инкарта. Она выражалась в следующих мероприятиях.

Сначала он установил систему коллективных штрафов, которые налагались на голландские города, где были особенно сильны, по его мнению, элементы сопротивления. Так, на город Амстердам был наложен штраф в 2,5 миллиона гульденов.

Потом подсудимый Зейсс-Инкварт ввел систему заложничества. 18 мая 1942 г. он опубликовал объявление, в котором сообщал об аресте 450 человек, занимавших важнейшие посты, которых лишь подозревали в связи с движением Сопротивления.

Декретом от 7 июля 1942 г. подсудимый предписал немецким судам, причем судей назначил он сам, рассматривать

важнейшие дела не только немецких граждан в Голландии, но и голландских граждан, подозреваемых во враждебных действиях против империи, против партии или же против отдельных германских граждан.

Зейсс-Инкварт ввел смертную казнь для тех, кто не выполняет должным образом требований, предписанных германскими вооруженными силами и полицией безопасности, и для тех, кто будучи осведомленным относительно преступных планов, направленных против оккупационных сил, не сообщил об этом германским властям.

...Подсудимый Зейсс-Инкварт также назначил обергруппенфюрера Раутера генеральным комиссаром по вопросам безопасности. Последний несет ответственность за все исчисляемые тысячами убийства голландцев, которые были совершены с молчаливого согласия Зейсс-Инкарта.

Кроме того, правительство Голландии предъявляет Зейсс-Инкварту обвинение в том, что он создал целую сеть чрезвычайных судов. В мае 1943 года он учредил так называемое полицейское судебное разбирательство, в связи с чем вновь были взяты под стражу освобожденные после окончания военных действий голландские военнопленные. В тот период на голландских заводах возникла волна решительного сопротивления, и многие голландские граждане были казнены. Зейсс-Инкварт не упустил случая на совещании с коллаборационистами воздать себе похвалы за все эти террористические меры и ответственность за них он взял на себя.

Подсудимый Зейсс-Инкварт был в Голландии высшим представителем Гитлера. Поэтому его нужно рассматривать наравне с подсудимым Заукелем ответственным за массовый угон рабочих из Голландии в империю с 1940 года по 1945 год. Если германские военные власти и вмешивались со своей стороны в проведение мобилизации рабочей силы, то чиновники Заукеля в Голландии находились обычно под началом рейхскомиссара Зейсс-Инкарта, и поэтому его следует считать ответственным за их действия. Подсудимый Зейсс-Инкварт подписал декрет рейхскомиссара № 26 за 1942 год, приведенный в докладе Голландского правительства, о насильственном вывозе голландских рабочих в Германию. Тех, кто отказывался работать на Германию, лишали продовольственного снабжения. Оккупационные власти организовали чудовищные облавы на улицах Роттердама и Гааги в целях набора рабочей силы, предназначенной для строительства фортификационных сооружений для германских вооруженных сил.

Что касается экономического разграбления, то следует сказать, что в период, когда Зейсс-Инкварт был рейхскомиссаром, экономика Голландии, как и других оккупированных стран,

была подвергнута особому ограблению. Так, в зиму 1941/42 года по приказу Зейсс-Инкварт была конфискована шерсть для германской армии на Восточном фронте. В 1943 году были реквизированы текстильные товары и предметы широкого потребления для германского населения, которое пострадало от бомбардировок. В результате проведения операции, называемой оккупационными властями «акцион-Бэм», голландцев насильственно принуждали продавать вино и различные предметы, которые предназначались для подарков германскому населению по случаю рождества 1943 года.

Подсудимый Зейсс-Инкварт принимал также участие в организации «черного рынка». В целях проведения четырехлетнего плана Зейсс-Инкварт оказал подсудимому Герингу и подсудимому Шпееру эффективную поддержку в ограблении голландской экономики. Можно утверждать, что в Голландии существовал значительный «черный рынок» из-за того, что он поощрялся и ему оказывалась поддержка.

В целях осуществления четырехлетнего плана были использованы спекулянты, производившие так называемые закупки. Когда же голландские следственные органы захотели вмешаться, им воспрепятствовала в этом германская полиция.

В 1940 году подсудимый Зейсс-Инкварт издал приказ, который позволял германским властям в Голландии конфисковывать имущество всех лиц, которых можно было обвинить во враждебных действиях против германской империи. Имущество королевской фамилии по приказу подсудимого Зейсс-Инкварт было конфисковано генеральным комиссаром по вопросам безопасности. Оккупационные войска могли захватывать все, что им было необходимо. Все эти захваты осуществлялись исключительно жестоким образом, особенно незаконные захваты продовольственных товаров.

Вследствие этого ответственность за голод, который свирепствовал зимой 1944/45 года и стоил жизни примерно 25 тысячам голландцев, также ложится на подсудимого Зейсс-Инкварт.

Что касается произведений искусства, то здесь разграбление осуществлялось таким же образом, как и во Франции и в других странах. Подсудимого Зейсс-Инкварт нужно рассматривать ответственным за расхищение произведений искусства в Голландии, куда он вызвал даже своего друга доктора Мюльмана, являвшегося специалистом в этой области. Я сошлюсь в связи с этим на документы, предъявленные французским обвинением под номером РФ-1342, РФ-1343 и РФ-1344.

Наконец, подсудимый Зейсс-Инкварт принял ряд мер, которые противоречат международному праву и которые принесли Голландии значительный ущерб.

31 марта 1941 г. подсудимый Зейсс-Инкварт упразднил границу «девизов», существовавшую между империей и оккупированной голландской территорией. Таким образом, он предоставил возможность оккупационным властям совершать незаконные операции в сфере денежного обращения, что надо присовокупить к недопустимым германским требованиям о покрытии оккупационных расходов: 24 марта 1941 г. было потребовано 500 миллионов рейхсмарок.

По приказу Геринга в целях усиления ограбления голландской экономики был также ликвидирован контроль над границей между оккупированной голландской территорией и Германией.

После того как успехи стали изменять германским вооруженным силам, политика разрушения приняла еще более широкие размеры. Цели, которые наметили немцы в Голландии, были следующие:

1) разрушение или приведение в непригодное состояние заводов, верфей, бассейнов, портовых сооружений, рудников, мостов, железнодорожных сооружений;

2) затопление западной части Голландии;

3) овладение сырьем, полуфабрикатами, готовыми изделиями и машинами либо с помощью реквизиционных бон, либо путем «закупок»; в большинстве же случаев обычно имели место грабежи с применением оружия;

4) захват кладовых с драгоценностями, бриллиантами и т. д. и незаконное присвоение их.

В результате все эти меры, за которые несет ответственность или разделяет значительную ее часть подсудимый Зейсс-Инкварт, привели к тому, что Голландия была обречена на неопишемую и неизмеримую нищету.

На этом я заканчиваю, господин председатель, изложение своих соображений об индивидуальной ответственности подсудимого Зейсс-Инкварт.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ
ГАРРИСА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО
КАЛЬТЕНБРУННЕРА ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 2 и 3 января 1946 г.]

...Мы представляем отдельную книгу документов, относящихся к подсудимому Кальтенбруннеру. Эти документы будут цитироваться во время представления обвинительного материала, но мы будем ссылаться также и на доказательства, которые содержатся в книге документов о гестапо и СД.

В течение последних трех дней Трибунал заслушал доказательства о преступной деятельности СС, СД и гестапо. Слияние этих организаций в одну ударную группу гитлеровского полицейского государства объяснялось здесь с точки зрения организационной. Перед Трибуналом находится один подсудимый, который представляет эти организации в соответствии с тем официальным положением, которое он занимал в СС и в германской полиции, и чья личная деятельность в еще большей степени знаменует собой единство СС и нацистской полиции. Имя этого подсудимого — Эрнст Кальтенбруннер.

Я представляю теперь в качестве доказательства документ ПС-2938, США-511. Это — статья, появившаяся в «Ди дейче полицай», в журнале полиции безопасности и СД 15 мая 1943 г., и озаглавленная: «Доктор Эрнст Кальтенбруннер — новый начальник полиции безопасности и СД».

«Обергруппенфюрер СС, доктор Эрнст Кальтенбруннер, родился в семье адвоката Гуго Кальтенбруннера 4 октября 1903 г. в Риде-на-Инне, неподалеку от Браунау. Затем он переехал вместе с родителями в небольшой городок Райб, а затем в Линц на Дунае, где он в 1921 году окончил гимназию...»

В следующем абзаце описывается юридическое образование Кальтенбруннера.

«Уже в январе 1934 года, — говорится в статье, — доктор Кальтенбруннер в связи с его нацистскими взглядами был заключен в тюрьму правительством Дольфуса... С весны 1935 года Кальтенбруннер был руководителем австрийской организации СС. К его чести надо сказать, что путем энергичной деятельности ему удалось добиться единства австрийских частей СС, которые он создал, несмотря на все преследования, весьма успешно и в нужный момент.

После аншлюсса, в котором СС играли решающую роль, 11 марта 1938 г. он был назначен статс-секретарем по вопросам безопасности в новом национал-социалистском кабинете доктора Зейсс-Инкварта. Уже через несколько часов он мог сообщить Генриху Гиммлеру, который приземлился на Венском аэродроме в 3 часа утра 12 марта 1938 г., прибыв первым из национал-социалистских лидеров, что движение достигло полнейшего успеха и что «СС ждет его дальнейших указаний».

Трибунал, вероятно, помнит уже представлявшиеся доказательства телефонного разговора между Герингом и Зейсс-Инквартом, когда Геринг потребовал, чтобы Кальтенбруннеру было передано управление безопасностью.

Таким образом, Кальтенбруннер стал маленьким Гиммлером в Австрии.

Далее я представляю в качестве доказательства статью, появившуюся в «Ди дейче полицай» 12 февраля 1943 г. (документ ПС-3427, США-512). Я цитирую:

«Группенфюрер СС Кальтенбруннер назначен руководителем полиции безопасности и СД.

Берлин, 30 января 1943 г.

По предложению рейхсфюрера СС и начальника германской полиции фюрер назначил группенфюрера СС и генерал-майора полиции доктора Эрнста Кальтенбруннера начальником полиции безопасности и СД вместо обергруппенфюрера СС Гейдриха, скончавшегося 4 июня 1942 г.»

Трибунал часто слышал ссылки на речь Гиммлера, произнесенную им 4 октября 1943 г. в Познани (Польша) и обращенную к группенфюрерам СС. Это — наш документ ПС-1919, который уже представлялся под номером США-170. В этой речи с невероятной откровенностью Гиммлер говорил о варварской программе и преступной деятельности СС и полиции безопасности. В самом начале речи Гиммлер ссылался — я процитирую — на «нашего товарища группенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера, который стал преемником нашего павшего друга Гейдриха».

Кальтенбруннер проводил свою деятельность в качестве начальника полиции безопасности и СД к полнейшему удовлетворению Гитлера и Гиммлера. Поэтому 9 декабря 1944 г. он был

награжден «Рыцарским крестом за боевые заслуги» со скрещенными шпагами. Это одна из самых высоких военных наград. К этому времени Кальтенбруннер уже был обергруппенфюрером СС и генералом полиции.

Я обращаю внимание Трибунала на схему, названную «Положение Кальтенбруннера, гестапо и СД в германской полицейской системе» (документ США-493). В качестве начальника полиции безопасности и СД Кальтенбруннер являлся главкой гестапо, крипо¹, СД, а также главного имперского управления безопасности, которое являлось отделом СС и одновременно министерства внутренних дел империи. В его ведении находились областные организации гестапо, СД и крипо внутри Германии, а также специальные оперативные группы и специальные оперативные команды на оккупированных территориях.

Непосредственно Кальтенбруннеру подчинялись руководители главных отделов имперского управления безопасности, включая управление III (внутригерманское СД), управление IV (гестапо), управление V (крипо) и управление VI (иностранная разведка).

Я представляю документ ПС-2939, США-513. Это — письменное показание, данное под присягой Вальтером Шелленбергом, который был главой VI управления главного имперского управления безопасности начиная с осени 1941 года до конца войны. Я собираюсь зачитать очень небольшой отрывок из этого письменного показания:

«25 или примерно 25 января 1943 г. мы вместе с Кальтенбруннером отправились в штаб-квартиру Гиммлера в Лётцене, в Восточной Пруссии. Все руководители управлений главного имперского управления безопасности присутствовали на этом совещании. Гиммлер сообщил нам, что Кальтенбруннер будет назначен начальником полиции безопасности и СД (РСХА) в качестве преемника Гейдриха. Назначение вступит в силу с 30 января 1943 г. Я не знаю о каких-либо ограничениях полномочий Кальтенбруннера в качестве начальника полиции безопасности и СД. Он немедленно взялся за исполнение обязанностей и осуществлял непосредственное руководство управлением и весь контроль над работой всех отделов. Все важные вопросы, возникавшие во всех управлениях, должны были разрешаться через Кальтенбруннера».

Еще до того, как Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД, очень многие преступления были совершены в результате политики или приказов этого учреждения. Каждое из этих преступлений здесь рассматривалось подробно

¹ «Крипо» — сокращенное название «криминальполицай», то есть уголовной полиции. — Составители.

в связи с представлением материалов о гестапо и СД. Я буду ссылаться на эти материалы, а сейчас мы будем представлять только те доказательства, из которых явствует, что эта преступная деятельность продолжалась и после того, как Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД, после 30 января 1943 г.

Первое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это убийства и жестокое обращение с гражданским населением оккупированных стран, которые проводились оперативными группами. Было по крайней мере пять оперативных групп, которые действовали на Востоке в то время, когда Кальтенбруннер занимал этот пост.

Бюллетень полиции безопасности и СД содержит (документ ПС-2890) сведения об оперативных группах: А, В, С, D и в Хорватии за период с августа 1943 года по январь 1945 года.

Трибунал, вероятно, помнит документ ПС-1104, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-483. Я лишь мимоходом сошлюсь на этот документ, который содержал довольно подробный и критический отчет о поведении полиции безопасности при уничтожении еврейского населения Слуцка в Белоруссии. Этот отчет был представлен Гейдриху 21 ноября 1941 г. Тем не менее, подобные ужасы и жестокости продолжались и характеризовали оперативные команды на Востоке и в тот период времени, когда Кальтенбруннер занял пост начальника полиции безопасности и СД.

Я ссылаюсь на документ ПС-1475, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-289. Я не буду зачитывать этот документ, а просто хочу напомнить Трибуналу отчет Гюнтера, который был смотрителем тюрьмы в Минске. Отчет датирован 31 мая 1943 г. и адресован генеральному уполномоченному в Белоруссии. В этом отчете написано, что после 13 апреля 1943 г. члены СД продолжали вырывать золотые зубы, коронки и пломбы у евреев за час или за два до их убийства.

Трибунал также, вероятно, помнит отчет от 18 июня 1943 г., адресованный рейхсминистру по делам оккупированных восточных территорий, о действиях полицейских батальонов, которые забирали мужчин, женщин и детей в сараях, а затем поджигали их.

Второе преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это казни элементов, нежелательных с нацистской точки зрения в расовом и политическом отношении. Такие элементы отбирались гестапо из лагерей для военнопленных. Трибунал помнит документ ПС-2542, который уже представлялся под номером

США-489. Я думаю, что Вы найдете этот документ в книге документов о гестапо, которая была представлена сегодня утром.

В письменном показании Линдова говорится, что система отбора заключенных из лагерей для военнопленных продолжала существовать и в 1943 году.

Третье преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, заключалось в том, что военнопленных, совершивших побег из лагерей и пойманных, помещали в концлагеря, где их казнили. Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1650, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-246. Это — секретный приказ по гестапо, именованный «Кунгель-эрласс», согласно которому бежавшие военнопленные должны были посылаться полицией безопасности и СД в концлагеря для казни.

Этот приказ, датированный 4 марта 1944 г., был подписан Мюллером «за начальника полиции безопасности и СД».

Теперь я представляю в качестве доказательства документ Л-158, США-514. Я не собираюсь зачитывать его, поскольку он аналогичен предыдущему, только что представленному мною документу. Но я хочу просто сослаться на некоторые выдержки: «2 марта 1944 г. начальник полиции безопасности и СД (Берлин) передал следующий приказ верховного командования (ОКВ)». Затем следует указание, что «после того как некоторые бежавшие военнопленные будут снова пойманы, они должны передаваться начальнику полиции безопасности и СД».

...В этой связи начальник полиции безопасности и СД издал следующие инструкции». Следуют подробные инструкции, которые касаются вопроса о передаче этих военнопленных коменданту лагеря Маутхаузен согласно приказу «пуля».

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-2285, который уже был представлен в качестве доказательства сегодня утром под номером США-490. Это — письменное показание подполковника французской армии Гаста и лейтенанта французской армии Вэйта, которые заявили, что в 1943—1944 гг. в лагере Маутхаузен военнопленных убивали в соответствии с приказом «пуля». Я уверен, что Трибунал помнит этот документ.

Четвертое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это отправка нежелательных с точки зрения расовой и политической элементов в концлагеря и лагеря уничтожения на рабский труд и массовое истребление. До того, как Кальтенбруннер стал начальником полиции безопасности и СД (30 января 1943 г.), он был очень хорошо осведомлен относительно условий в концлагерях, а также о том, что эти лагеря служили для рабского труда и массовых убийств. Трибунал помнит из представлен-

ных уже доказательств, что концлагерь Маутхаузен был создан в Австрии и что Кальтенбруннер был руководителем полиции безопасности и СД в Австрии. Этот концлагерь, как показывает документ ПС-1063-А, который уже представлялся сегодня утром под номером США-492, считался, согласно классификации Гейдриха от января 1941 года, лагерем, принадлежавшим к третьей категории, то есть лагерем для заключенных с самым тяжким обвинением, а также для заключенных — антисоциальных элементов, которые рассматривались как неисправимые. Трибунал помнит, что военнопленные, которых должны были казнить согласно приказу «пуля», посылались в лагерь в Маутхаузене. Как известно, Кальтенбруннер лично часто посещал концлагерь в Маутхаузене. Во время одного из таких посещений в 1942 году он видел газовые камеры в процессе работы.

Я теперь представляю в качестве доказательства документ ПС-2753, США-515. Это — письменные показания, данные под присягой Алоисом Хельригелем, бывшим охранником в концлагере Маутхаузен. В этих показаниях говорится: «Я, Алоис Хельригель, под присягой заявляю, что был членом СС «Мертвая голова» и был прикомандирован к Маутхаузену с января 1940 года до конца войны. Однажды, мне кажется это было осенью 1942 года, Эрнст Кальтенбруннер посетил Маутхаузен. Я был в то время на посту и видел его дважды. Он вошел в помещение, где находилась газовая камера, вместе с Цирайсом, комендантом лагеря, в то время, когда в камере отравляли газом заключенных. Звук, который всегда сопровождал газовую операцию, был мне хорошо известен. Я слышал, что отравление газом происходило в присутствии Кальтенбруннера».

Я видел, как Кальтенбруннер вышел из погребя, в котором помещалась газовая камера, когда операция газования закончилась. *Хельригель*.

Однажды Кальтенбруннер инспектировал лагерь вместе с Гиммлером и был сфотографирован во время этого инспектирования. Я представляю документ ПС-2641 под номером США-516, состоящий из двух письменных показаний и ряда фотографий. Подлинные фотографии находятся у меня на руках. Я хочу сослаться на первое письменное показание, которое сопровождает их и находится в книге документов. Это — письменное показание Хельригеля.

Цитирую это показание: «Я был членом СС «Мертвая голова» и был прикомандирован к концентрационному лагерю Маутхаузен с января 1940 года до конца войны. Я великолепно знаком со всеми зданиями и территорией концлагеря Маутхаузен. Мне показывали документ за номером ПС-2641, который является серией из шести фотографий. Я опознаю все эти

шесть фотографий и утверждаю, что они были сняты в Маутхаузенском концлагере. Что касается первой фотографии, я утверждаю, что слева находится Генрих Гиммлер, в центре — комендант лагеря Маутхаузена Цирайс, а Эрнст Кальтенбруннер находится справа».

Зная условия и цель этих концентрационных лагерей, Кальтенбруннер отдавал распоряжения или разрешал другим отдавать распоряжения об отправке людей в концлагеря.

Я представляю в качестве доказательства документ за номером Л-38 под номером США-517. Это — письменное показание, данное под присягой Германом Пистером, бывшим комендантом Бухенвальдского концлагеря, 1 августа 1945 г. в Фрейзинге (Германия) во время допроса на предварительном следствии. Я цитирую этот документ:

«За исключением массовой передачи заключенных из концлагерей на оккупированных территориях, все заключенные отправлялись в лагерь Бухенвальд по приказу рейхсзихерхейтсхауптама (главного имперского управления безопасности) в Берлине. Эти приказы о превентивном заключении (красные бланки) в большинстве случаев были подписаны Кальтенбруннером и только немногие из них — Ферстером».

Я представляю документ ПС-2477 под номером США-518. Это — письменное показание, данное под присягой Вилли Лиценбергом, бывшим начальником отдела IV-A, 1-б главного имперского управления безопасности. Цитирую:

«Право срочно подвергать превентивному заключению принадлежало руководителю государственной полиции или главному имперскому управлению безопасности. Все приказы и ордера на превентивное заключение, которые я видел, имели подписи Гейдриха или Кальтенбруннера».

Насколько я помню, не было такого документа, который был бы подписан кем-либо другим...»

Кальтенбруннер не только ссылал людей в концлагеря, но и уполномочивал на проведение казней в этих лагерях. Представляю документ Л-51 под номером США-521. Это — письменные показания, данные под присягой Адольфом Путгером, бывшим надсмотрщиком концлагеря в Маутхаузене. Оглашаю третий абзац:

«Штандартенфюрер Цирайс, комендант лагеря, дал мне большое количество приказов произвести казнь после того, как была вскрыта секретная почта. Я был адъютантом и должен был передать эти приказы оберштурмфюреру Шульцу. Эти приказы были написаны примерно следующим образом и по такой форме».

Затем следует описание такого приказа о казни, который издавался главным имперским управлением безопасности для

коменданта концлагеря Маутхаузен. Пропуская описание этой формы, я продолжаю оглашать эти письменные показания со следующего абзаца:

«Приказы о казнях поступали без подписи суда. До убийства Гейдриха эти приказы подписывались им или его уполномоченным заместителем. Впоследствии эти приказы подписывались Кальтенбруннером, но в большинстве случаев они подписывались его заместителем — группенфюрером Мюллером».

Доктор Кальтенбруннер, который подписывал эти приказы, был генералом СС (обергруппенфюрер СС) и начальником главного имперского управления безопасности.

Доктору Кальтенбруннеру примерно 40 лет. Рост: от 1 м 76 см до 1 м 80 см. У него на лице несколько глубоких шрамов от рапиры.

Когда Кальтенбруннер был лишь высокопоставленным офицером СС и полиции, он несколько раз посещал лагерь. Впоследствии в качестве главы главного имперского управления безопасности он также посещал лагерь, хотя не так часто, как раньше. Во время этих посещений комендант обычно принимал его вне здания штаба лагеря и отдавал ему рапорт. Я помню, как в лагерь Маутхаузен были привезены приземлившиеся в германском тылу в Словакии и в Венгрии в январе 1945 года офицеры. Их было примерно 12—15 человек. На них была американская или канадская форма: коричнево-зеленого цвета рубашки и матерчатые кепки. Через 8—10 дней после их прибытия по телеграфу был получен приказ о казни. Штандартенфюрер Цирайс пришел ко мне в канцелярию и сказал: «Кальтенбруннер дал разрешение на казнь». Эта телеграмма была секретной, и на ней стояла подпись «Кальтенбруннер». Затем этих людей расстреляли согласно законам о полевом суде, а вещи, принадлежавшие им, были переданы мне обершарфюрером Нидермейсером».

Пятое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это насильственный вывоз и угон населения с оккупированных территорий на рабский труд и проведение мероприятий по организации принудительного труда. Я уверен, что Трибунал без специального напоминания восстановит в памяти документ ПС-3012, который представлен ранее под номером США-190. Это письмо, в котором говорится, что Украина должна предоставить миллион рабочих для промышленности вооружения и что, когда это будет необходимо, нужно будет провести угон силой (письмо датировано 19 марта 1943 г.).

Кальтенбруннер несет ответственность за насильственное использование труда иностранных рабочих, и это показано в документе ПС-1063, который представлен под номером

США-492. Ни одной части этого письма не зачитывалось еще для протокола. Письмо датировано 26 июля 1943 г. и адресовано местным руководителям СС и полиции, комендантам и инспекторам ЗИПО и СД, а также начальникам оперативных групп В и D.

Трибунал помнит, что оперативные группы А, В, С и D действовали на Востоке и проводили уничтожение евреев и коммунистических руководителей. Этот документ доказывает, что Кальтенбруннер отвечал за деятельность оперативных групп В и D. На документе есть подпись «Кальтенбруннер». Первый абзац его гласит:

«Рейхсфюрер СС дал свое согласие на то, чтобы, кроме концлагерей, которые находятся в ведении главного административно-хозяйственного управления, были также организованы исправительные трудовые лагеря, за которые будет отвечать полиция безопасности. Организация этих трудовых исправительных лагерей будет зависеть от санкции главного имперского управления безопасности, которая может быть получена только в случае острой необходимости (большое количество иностранных рабочих и т. д.)».

Я представляю теперь документ D-473 под номером США-522. Этот документ находится в самом начале книги документов. Это — письмо, подписанное Кальтенбруннером, было отправлено им 4 декабря 1944 г. районным организациям уголовной полиции.

Трибунал вспомнит, что Кальтенбруннер был также ответствен за деятельность уголовной полиции и гестапо. Я оглашаю часть этого документа:

«В соответствии с декретом от 30 июня 1943 г. преступления, совершенные поляками и советско-русскими гражданскими рабочими, преследуются главным управлением государственной полиции даже в тех случаях, когда уголовная полиция в пределах своей компетенции проводила следствие. Для того чтобы ускорить этот процесс, а также для того чтобы сэкономить рабочую силу, декрет от 30 июня 1943 г. изменяется, и главное управление уголовной полиции получает право с сегодняшнего дня преследовать за эти преступления и за те преступления, по которым она проводит предварительное следствие в пределах своей компетенции, когда речь идет о незначительных или среднего значения преступлениях.

Следующие средства преследования разрешаются уголовной полиции: заключение в полицейском участке, отправка в концлагеря для превентивного заключения антисоциальных или опасных для общества элементов».

И, наконец, последний абзац: «Они остаются в концлагерях в обычных случаях на все время войны. Кроме того, главное

управление уголовной полиции полномочно передавать польских и советско-русских гражданских рабочих в подходящих случаях и с согласия компетентных организаций государственной полиции в карательные лагеря гестапо для «воспитания трудом». В тех случаях, когда уголовная полиция в связи с особенным характером дела не может сама проводить преследование, это дело должно быть передано компетентным органам гестапо. *Кальтенбруннер*».

В дополнение к тому, что Кальтенбруннер посылал иностранных рабочих в трудовые лагеря гестапо, он еще карал их тем, что ссылал в концлагеря. Я представляю в качестве доказательства документ под номером ПС-2582, США-523. Это — серия из четырех телеграфных приказов об отправке в концлагеря. Я обращаю внимание Трибунала на второй приказ, датированный 18 июня 1943 г. Согласно этому приказу гестапо в Саарбрюкене получило приказ передать одного поляка в концлагерь Натцвейлер в качестве квалифицированного рабочего. Я ссылаюсь также на третью телеграмму, датированную 12 декабря 1944 г., в которой гестапо в Дармштадте получило приказ отправить одного грека в концлагерь Бухенвальд, потому что он слонялся без всякого дела. Я ссылаюсь на четвертую телеграмму, датированную 9 февраля 1945 г., в которой гестапо в Дармштадте получило приказ послать одного французского гражданина в Бухенвальд за то, что он не подчинялся и срывал работу. Все эти приказы подписаны Кальтенбруннером.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-2580, США-524. Это — документ, также содержащий еще два приказа на красных бланках о превентивном заключении. Все они подписаны Кальтенбруннером. Первый показывает, что один гражданин Нидерландов был подвергнут превентивному заключению за саботаж, второй — что один французский гражданин также был подвергнут такому же заключению за саботаж и неподчинение. Оба приказа датированы 2 декабря 1944 г.

Шестое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это казнь захваченных командос и парашютистов и защита гражданского населения, которое линчевало союзных летчиков. Трибунал припомнит приказ Гитлера от 18 октября 1942 г., который был представлен сегодня утром под номером ПС-498, США-501. Он гласит, что командос, даже в военной форме, должны быть уничтожены до последнего человека и что отдельные солдаты, захваченные полицией на оккупированной территории, должны быть переданы СД.

Я представляю документ ПС-1276, США-525. Это — совершенно секретное, весьма срочное письмо начальника полиции безопасности и СД, подписанное Мюллером (по поручению) и

адресованное верховному командованию вооруженных сил, в котором начальник полиции безопасности и СД заявляет: «Я дал инструкцию управлению полиции безопасности и СД в Париже обращаться с этими парашютистами в английской форме, как с бойцами командос, в соответствии с приказом фюрера от 18 октября 1942 г., а также информировать военные власти во Франции, что они должны быть подвергнуты соответствующему обращению, если попадут в руки вооруженных сил».

Это письмо было датировано 17 июня 1944 г.

То, что такие казни проводились частями СД в соответствии с упомянутым приказом Гитлера от 18 октября 1942 г. в то время, когда Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД, подтверждается документом ПС-526, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-502. Это — приказ, который представлялся сегодня утром. Я уверен, что Трибунал помнит этот документ.

Политика защиты гражданского населения, линчевавшего союзных летчиков, которая проводилась полицией, продолжалась в течение всего периода, когда Кальтенбруннер был начальником полиции безопасности и СД. Я представляю документ ПС-2990 под номером США-526. Это — письменное показание, данное под присягой Вальтером Шелленбергом, бывшим начальником VI управления главного имперского управления безопасности.

«В 1944 году по другому поводу, но также на совещании начальников управления я услышал отрывок разговора между Кальтенбруннером и Мюллером. Я совершенно ясно помню следующее замечание Кальтенбруннера. Цитирую: «Все управления СД и полиции безопасности должны быть информированы, что не должно допускаться никакое вмешательство в расправы с английскими и американскими летчиками. Напротив, эти враждебные настроения должны всячески поощряться».

Седьмое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это захват гражданского населения оккупированных территорий и вывоз его для тайного суда и кары, а также наказание граждан оккупированных территорий без суда и следствия. Тот факт, что эти преступления продолжались после 30 января 1943 г., подтверждается документом ПС-835, который представляется здесь в качестве доказательства под номером США-527. Это — письмо верховного командования вооруженных сил, адресованное германской военной комиссии и датированное 2 сентября 1944 г.

«В соответствии с декретами все негерманское гражданское население на оккупированных территориях, которое угрожает безопасности и боевой готовности оккупационных сил путем

актов террора и саботажа или любым другим путем, должно быть передано полиции безопасности и СД. Из этого числа исключаются только те заключенные, которые были приговорены к смерти или находились по приговору в заключении до издания этого распоряжения. Всякие акты политического характера также рассматриваются как действия, которые должны быть наказуемы согласно настоящему распоряжению как акты, угрожающие безопасности и боевой готовности».

Восьмое преступление, за которое ответствен Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это казни и заключение в концлагеря людей за преступления, которые якобы совершены их родственниками. Тот факт, что это преступление продолжалось после 30 января 1943 г., подтверждается документом Л-37, который уже представлялся в качестве доказательства сегодня утром под номером США-506. Это — письмо руководителя ЗИПО и СД в Радоме, датированное 19 июля 1944 г., в котором говорится, что все родственники-мужчины саботажников и убийц должны быть расстреляны, а родственники-женщины старше 16 лет должны быть сосланы в концлагеря.

Я снова ссылаюсь на документ Л-215, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-243. Я особо обращаю внимание на дело Юнкера, которого по приказу Кальтенбруннера органы гестапо должны были сослать в концлагерь Саксенгаузен, «потому что он является родственником дезертира и предполагается, что он может угрожать интересам германской империи, если останется на свободе».

Девятое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер как начальник полиции безопасности и СД, — это чистка, которая проводилась в тюрьмах ЗИПО, СД и в концлагерях. Обращаю внимание Трибунала на документ Л-53, который уже был представлен Трибуналу в качестве доказательства под номером США-291. Это — письмо руководителя ЗИПО и СД в Радоме, датированное 21 июля 1944 г., в котором говорится, что руководитель ЗИПО и СД генерал-губернаторства отдал приказ о чистке всех тюрем ЗИПО и СД и в случае необходимости о ликвидации заключенных.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3462 за номером США-528 — подписанный под присягой протокол допроса некоего Бертуса Гердеса, бывшего гауштабамтслейтера при гаулейтере Мюнхена. Гердесу было предложено сказать все, что ему известно о Кальтенбруннере. Я читаю только небольшую часть его ответа:

«Гислер сказал мне, что Кальтенбруннер находился в постоянной связи с ним, потому что он был очень озабочен

настроениями иностранных рабочих и особенно заключенных в концлагерях в Дахау, Мюльдорфе и Ландсберге, которые находились на пути наступающих союзных армий. Во вторник в середине апреля 1945 года мне позвонил по телефону гаулейтер и просил меня, чтобы я находился на месте для переговоров ночью. Во время нашего разговора той же ночью я услышал от гаулейтера Гислера, что он получил директиву от Кальтенбруннера по приказу фюрера немедленно разработать план для ликвидации концлагеря в Дахау и двух еврейских трудовых лагерей в Ландсберге и Мюльдорфе. Директива предлагала ликвидировать два еврейских трудовых лагеря в Ландсберге и Мюльдорфе с помощью германского воздушного флота, поскольку территория этих лагерей была в свое время объектом для многократных налетов вражеских самолетов. Эта операция называлась кодовым обозначением «Вольке А-1» («Облако А-1»).

И далее:

«Я был убежден, что никогда не позволю провести эту директиву в жизнь. Когда эта операция должна была фактически уже проводиться в жизнь, меня буквально осаждали курьеры от Кальтенбруннера, и, более того, предполагалось, что я буду обсуждать детали этой операции в Мюльдорфе и Ландсберге с двумя крейслейтерами, которых касалось это дело. Курьеры, которые были главным образом, офицерами СС, обычно лейтенантами СС, давали мне твердые и жесткие приказы, которые я должен был читать и визировать. Эти приказы угрожали мне самыми страшными карами, в том числе казнью, если я не буду их выполнять. Однако я всегда мог найти оправдание в том, что я не располагал достаточным количеством бензина и бомб для самолетов. Тогда Кальтенбруннер приказал, чтобы евреи из Ландсберга были пригнаны пешком в Дахау для включения их в операцию по ликвидации, которая должна была проводиться в Дахау. Операция в Мюльдорфе должна была быть теперь проведена гестапо. Кальтенбруннер издал также приказ о проведении операции «Волькенбрандт» в лагере Дахау, согласно которой заключенные лагеря Дахау, за исключением арийцев из западных стран, должны быть ликвидированы ядом.

Гаулейтер Гислер получил этот приказ непосредственно от Кальтенбруннера и обсуждал в моем присутствии с доктором Харрфельдом, начальником отдела здравоохранения гау, вопрос о поставке необходимого количества яда для проведения этого мероприятия. Доктор Харрфельд обещал поставить необходимое количество яда, когда это потребуется, и получил указание ждать моих дальнейших инструкций. Поскольку я не хотел допустить этих казней ни при каких обстоятельствах, я не давал никаких дальнейших инструкций доктору Харрфельду.

Едва лишь заключенные из Ландсберга прибыли в Дахау, как Кальтенбруннер объявил, что операция «Волькенбрандт» должна быть проведена немедленно.

Я воспрепятствовал проведению этих двух операций «Вольке А-1» и «Волькенбрандт», сказав Гислеру, что фронт слишком близко, и попросил его передать это Кальтенбруннеру.

Тогда Кальтенбруннер дал в письменном виде инструкцию в Дахау: перевезти всех западноевропейских заключенных на грузовиках в Швейцарию, а остальных отправить пешком в Тироль, где должна быть произведена окончательная ликвидация этих заключенных».

Как помнит Трибунал, в последнем заседании мы зачитали часть письменного показания, данного под присягой гауштаб-амтслейтером, подчинявшимся гаулейтеру Мюнхена. Мы коснулись вопроса о том, что, как он сказал, Кальтенбруннер издавал приказы, адресованные в Дахау, перевезти западноевропейских заключенных на грузовиках в Швейцарию, а остальных пригнать пешком в Тироль.

Я теперь представляю в качестве доказательства следующий документ — первые пять страниц допроса Готлиба Бергера, который был начальником главного управления СС. Это показание было дано под присягой 20 сентября 1943 г. Оно находится в конце книги документов под номером США-529.

«Вопрос: Предположим, что эти жестокости, о которых мы слышали, действительно имели место. Кто, по вашему мнению, отвечает прежде всего за их проведение?»

Ответ: Во-первых, начальник лагеря и, во-вторых, Глюкс, потому что он практически проводил в жизнь весь распорядок, принятый в лагерях. Если быть точным, нужно прежде всего установить, как работала связь между Глюксом и начальником лагеря. Я хочу привести вам следующий пример. Ночью 22—23 апреля меня послали в Мюнхен. Когда я въехал в город, я встретил группу примерно в 120 человек, одетых в форму концлагерей. Я спросил их конвойного: «Что это за люди?» Он сказал мне, что эти люди идут пешком в Альпы. Я прежде всего отправил их обратно в Дахау. Затем написал письмо коменданту, где приказывал не посылать больше людей пешком куда бы то ни было. Но в тех случаях, когда союзники будут продвигаться вперед — просто оставлять лагерь. Я сделал это под свою ответственность и сказал ему, что я прибыл непосредственно из Берлина и что меня можно найти в Мюнхене в моем управлении.

Комендант или его заместитель позвонил примерно в 12 часов по телефону и сказал мне, что он получил этот приказ от Кальтенбруннера...»

Десятое преступление, за которое Кальтенбруннер несет ответственность как шеф полиции безопасности и СД, — это преследование евреев. Совершение этих преступлений, несомненно, продолжалось после 30 января 1943 г., и до сих пор было представлено достаточное количество доказательств того, что они продолжались до самого конца войны и даже усилились к концу войны.

Как показывает документ ПС-2519, США-530, который мы представляем в качестве доказательства, Кальтенбруннер лично интересовался этим вопросом. Это — меморандум и письменное показание, данное под присягой. Я обращаю внимание Трибунала на это письменное показание.

«Я, Анри Моннерэ, под присягой заявляю, что начиная с 12 сентября 1945 г. я работал и работаю в аппарате представителя Французского правительства по преследованию военных преступников и выполняю свои служебные обязанности в этой связи с 12 октября 1945 г. в городе Нюрнберге. На протяжении моей деятельности на этом посту по указанию Главного обвинителя Французской Республики я рассматривал личные документы подсудимого.

Документ ПС-2519 был обнаружен мною в конверте, в котором содержалось несколько личных бумаг Кальтенбруннера».

Теперь я зачитаю тот самый меморандум, о котором говорится в письменном показании.

«Радиограмма группенфюреру и генерал-майору СС Фогелейну в ставку фюрера, полученная через штурмбаннфюрера майора СС Сан-Сони. Берлин. Информировать рейхсфюрера СС и доложите фюреру, что все мероприятия, направленные против евреев, а также заключенных в концентрационных и политических лагерях и в протекторате, проводятся под моим личным наблюдением. Там довольно спокойно, но опасаются успехов советских войск и надеются на то, что будет проведена оккупация западными державами. *Кальтенбруннер*».

Одиннадцатое преступление, за которое несет ответственность Кальтенбруннер, — это преследование церкви и религии. Нет необходимости представлять специальные доказательства того, что это преступление продолжалось и после 30 января 1943 г., поскольку это преследование являлось одной из важнейших задач полиции безопасности и СД, как это было показано ранее.

Таковы преступления, за которые должен ответить подсудимый Кальтенбруннер. Что касается его намерений, то, чтобы их обнаружить, нет необходимости выходить за пределы протоколов этого Трибунала. 1 декабря 1945 г. свидетель генерал Лахузен во время перекрестного допроса на вопрос: «Знаете ли вы Кальтенбруннера?» (после того как он описал свою встречу

с Кальтенбруннером однажды в Мюнхене, когда студент и его сестра были арестованы за то, что они распространяли листовки в аудитории) ответил: «Я очень легко могу восстановить события этого дня. Это было в первый и последний раз, когда я видел Кальтенбруннера, имя которого было известно мне. Конечно, Кальтенбруннер сказал об этом Канарису, были также и свидетели, и все были под ужасным впечатлением того, что случилось. Кальтенбруннер говорил об этом с Канарисом и таким тоном, что слово «цинизм» будет очень мягким определением его тона. Вот все, что я могу сказать по этому вопросу».

Кальтенбруннер был фанатическим нацистом в течение всей своей жизни. Он был руководителем СС в Австрии до аншлюсса и играл главную роль в предательстве своей родной страны нацистским заговорщикам. Как руководитель СС и полиции в Австрии после аншлюсса, он знал и руководил деятельностью гестапо и СД в Австрии. Концлагерь в Маутхаузене был учрежден по его указанию, и он его посетил несколько раз. По крайней мере один раз он видел газовую камеру в действии в этом лагере. Именно зная все это, он принял на себя в январе 1943 года обязанности шефа полиции безопасности и СД — тех самых организаций, которые посылали жертвы на смерть. Он оставался на этом посту до самого конца, занял очень высокое положение в СС и германской полиции и получал высокие награды от Гитлера. Как и другие руководители нацистов, Кальтенбруннер стремился к власти. Для того чтобы завоевать ее, он шел на преступления.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ БРУДНО ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО РОЗЕНБЕРГА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 9 и 10 января 1946 г.]

...Я обращаюсь теперь к последней части обвинения против подсудимого Розенберга. Мы видели, как он помог приходу нацистов к власти, участвовал в идеологической и психологической подготовке народов Германии к ведению агрессивной войны. Я теперь докажу, что он отвечает за участие в совершении военных преступлений и преступлений против человечности, которые осуществлялись на широкой территории оккупированного Востока, где он управлял в течение более трех лет. Эта территория включает прибалтийские государства, Белоруссию, Украину и восточную часть Польши.

Я не буду здесь пытаться давать хронологический перечень разграблений, жестокостей и массовых убийств. Мы считаем, что это уже было достаточно хорошо показано; дальнейшие доказательства будут представлены обвинением со стороны Советского Союза и Французской Республики...

Мы ожидаем, что Розенберг будет пытаться обвинить в этих преступлениях другие организации и других подсудимых. Однако представляемые нами доказательства покажут, что он лично формировал и определял политику, во исполнение которой были совершены преступления главным образом людьми и организациями, которые находились под его контролем и руководством, и что все другие организации, участвовавшие в совершении этих преступлений, привлекались им к сотрудничеству по управлению Востоком, хотя жестокие методы, которые обычно применялись ими, были также известны всем и в первую очередь ему. И, наконец, доказательства покажут, что его министерство полностью сотрудничало и помогало им в этой

деятельности... что там применялись бесчеловечные и преступные методы при выполнении его распоряжений.

Розенберг активно участвовал в делах на Востоке уже с 20 апреля 1941 г. — за два месяца до нападения Германии на Советский Союз; в этот день он был назначен Гитлером уполномоченным по центральному контролю над вопросами, связанными с восточноевропейским районом.

Первоначальная подготовка мероприятий Розенберга, связанных с выполнением этой новой задачи, показывает степень его сотрудничества в проведении военных планов агрессии. Она показывает также, что Розенберг должен был требовать помощи очень многих имперских организаций, и он, действительно, требовал их сотрудничества.

Через некоторое время после назначения Гитлером, Розенберг провел ряд совещаний с представителями различных имперских учреждений; результаты их суммированы в документе ПС-1039, уже представлявшемся под номером США-146.

Этот документ отражает поощрявшееся Розенбергом сотрудничество следующих организаций: ОКВ, ОКХ, ОКМ, министерства экономики, управления главного уполномоченного по четырехлетнему плану, министерства внутренних дел, руководства «гитлеровской молодежи», германского трудового фронта, министерства труда, СС, СА и еще некоторых других организаций.

Эта деятельность, как следует отметить, проводилась Розенбергом в качестве уполномоченного по восточным территориям до нападения на Советский Союз до того, как он был назначен имперским министром по оккупированным территориям Востока и даже до того, как Германия оккупировала эти территории и могла управлять ими.

Я хотел бы коротко сослаться теперь на основные взгляды Розенберга, касающиеся его новой задачи, и на те директивы, которые, как он знал, он должен был выполнять.

Господа судьи помнят, что 29 апреля 1941 г. (документ ПС-1024, США-278) Розенберг утверждал: «До полного разрешения еврейского вопроса должно быть принято временное его разрешение (в виде принудительного труда для евреев, создания гетто и т. д.)».

Восьмого мая 1941 г. были изданы специальные инструкции имперским комиссарам по оккупированным восточным территориям для проведения всех этих мероприятий. Эти инструкции содержатся в документе ПС-1030, уже представленном под номером США-144. Последний абзац, который здесь еще не зачитывался, гласит: «С точки зрения политики германская империя собирается поощрять и направлять национальную культуру и науку во многих областях. Будет необходимо, чтобы на неко-

торых территориях было произведено выкорчевывание и пересаживание различных расовых корней».

Розенберг указывал (документ ПС-1029, США-145), что Остланд должен превратиться в часть великой германской империи путем германизации расово приемлемых элементов и колонизации германской расы, а также путем уничтожения нежелательных элементов.

В своей речи 20 июня 1941 г. Розенберг утверждал, что деятельность по обеспечению немцев продовольствием является главной задачей на Востоке и что они не обязаны кормить русский народ... Будет необходима очень интенсивная эвакуация, и в будущем русским предстоит пережить много тяжелых лет. Эта речь содержится в документе ПС-1058, США-147.

4 июля 1941 г., еще до назначения Розенберга министром по делам восточных территорий, представитель Розенберга участвовал в совещании по вопросу об использовании труда и, в особенности, труда советских военнопленных. Документ ПС-1199 является протоколом этого совещания, и я его представляю в качестве доказательства под номером США-604. В этом документе говорится, что в совещании участвовали представители уполномоченного по четырехлетнему плану, имперского министерства труда, министерства питания и бюро Розенберга.

Оглашаю первую фразу: «После короткой вступительной речи подполковника доктора Крулля подполковник доктор Брейер из отдела по военнопленным объяснил, что существует запрещение фюрера ввозить русских военнопленных в империю в порядке мобилизации труда, но что, видимо, можно рассчитывать, что это запрещение будет несколько ослаблено.

...Председатель суммировал результаты обсуждения и подчеркнул, что все заинтересованные организации высказались за необходимость использования военнопленных в связи с потребностями в рабочей силе внутри империи».

16 июля 1941 г., за день до того, как Розенберг был назначен министром по делам оккупированных территорий Востока, он принял участие в совещании в штаб-квартире фюрера. Протокол этого совещания уже представлялся Трибуналу в качестве доказательства под номером Л-221, США-317.

В то время Гитлер заявлял, что «Крым должен быть очищен. Из него должны быть вывезены все иностранцы, и там должны быть расселены только немцы». Тогда же Гитлер заявил, что цель Германии на Востоке заключается в том, чтобы, во-первых, господствовать там, во-вторых, управлять Востоком и, в-третьих, эксплуатировать его.

Таким образом, характер административных действий, который предусматривался для оккупированного Востока, был ясен до того, как Розенберг занял пост министра по делам

оккупированных восточных территорий. Он знал эти планы и был согласен с ними. Преследование евреев, принудительный труд военнопленных, германизация, эксплуатация — вот основные линии политики, о которых знал Розенберг до того, как он принял на себя обязанности министра.

17 июля 1941 г. Розенберг был назначен имперским министром по делам оккупированных восточных территорий. Декрет, которым он был назначен, представляется в качестве доказательства под номером ПС-1997, США-319.

Я хотел бы теперь рассмотреть организационную структуру и цепь ответственности, которая существовала внутри министерства по делам оккупированных восточных территорий.

Организационная структура на Востоке была такова, как мы покажем, что Розенберг был не только главным администратором, он пользовался всей полнотой власти и осуществлял всесторонний контроль.

Документ ПС-1056 является копией документа, который называется «Организация и администрация оккупированных территорий Востока», он не датирован и не подписан. Но мы можем получить о нем информацию, рассмотрев документ ЕС-347 — «Зеленую папку» Геринга, которая представлена в качестве доказательства под номером США-320.

Во второй части в разделе «А» документа ЕС-347 есть такой заголовок: «Выдержка из директивы имперского министра по делам оккупированных восточных территорий и по вопросам гражданской администрации». Затем в кавычках: «Коричневая папка, часть 1, страницы 25—30».

Два абзаца, которые следуют дальше, идентичны двум абзацам, находящимся на странице 9 перевода документа ПС-1056. Таким образом, документ ПС-1056 является копией первой части «Коричневой папки», на которую делается ссылка в «Зеленой папке»; документ был издан имперским министром по делам оккупированных восточных территорий.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-1056 под номером США-605 для того, чтобы доказать на основании директивы, изданной министерством Розенберга, объем его полномочий и тот факт, что он был высшим гражданским администратором на восточных территориях. Этот документ покажет, что существовала длинная цепь подчинения Розенбергу районных должностных лиц, которая простиралась до местного тюремного смотрителя.

Документ раскрывает также отношения, которые существовали между министерством Розенберга и другими германскими организациями; речь шла о полном контроле со стороны Розенберга и о тесном сотрудничестве с этими организациями, которые непосредственно подчинялись только Гитлеру.

Наконец, этот документ покажет, что все подразделения министерства должны были периодически давать отчет о деятельности в пределах своих полномочий. Таким образом, многочисленные отчеты о нечеловеческих жестокостях, которые получал Розенберг и которые представляются в качестве доказательств, поступали к нему в соответствии с его собственным приказом.

Первый абзац этого очень важного документа гласит:

«Вновь оккупированные восточные территории подчиняются имперскому министру по делам оккупированных восточных территорий. Согласно директивам фюрера, он устанавливает гражданскую администрацию в этих районах. После того как кончаются функции военной администрации, он назначает всю администрацию в этой области, руководит ею и представляет суверенитет империи на всех оккупированных восточных территориях.

...Рейхскомиссар, ответственный за всю гражданскую администрацию, действует под общим руководством имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. В соответствии с инструкцией имперского министра по делам оккупированных восточных территорий имперский комиссар возглавляет гражданскую администрацию и руководит ею. В пределах этой инструкции он действует под свою собственную ответственность».

Дальше намечена схема подчинения: главные отделы, генеральный комиссар, главный комиссар, районные комиссары и т. д.

«Высший руководитель СС и полиции непосредственно подчинен имперскому комиссару...»

Этот декрет предусматривает создание специальных судов для рассмотрения дел о преступлениях, совершенных негерманцами на Востоке. Эти суды должны были возглавлять полицейские офицеры или руководители СС, которые имели полномочия выносить смертные приговоры и конфисковывать собственность. Решения суда обжалованию не подлежали. Генеральный комиссар имел право отменить решение суда.

Согласно этому указанию даже организации СС подчинялись представителю министерства Розенберга.

В документе ПС-1056 определено положение генерального комиссара. Там сказано:

«Под юрисдикцией генерального комиссара находятся руководители СС и полиции...»

Документ далее излагает функции различных отделов министерства и подведомственных должностных лиц, включая районных комиссаров, которые возглавляли местную администрацию в районах. Им также были приданы и непосредственно им подчинены полицейские организации.

Мы хотим сейчас подчеркнуть, что экономическая эксплуатация оккупированных территорий проводилась в полном со-

трудничестве с уполномоченным по четырехлетнему плану. В директиве указано, что экономический отдел уполномоченного по делам четырехлетнего плана работал в полном согласии с организациями гражданской администрации после того, как последняя была установлена.

«...Различные комиссариаты, не считая военных организаций, являются единственными имперскими представителями на оккупированных восточных территориях. Никаких других органов наряду с ними создавать не следует. Эти организации решают все административные вопросы на территориях, которые находятся под их юрисдикцией, и все вопросы, касающиеся деятельности администрации, в том числе деятельности полиции, и наблюдения за всеми другими национальными организациями и учреждениями, ведающими населением».

Я теперь коротко остановлюсь на второй части документа, озаглавленного: «Рабочая директива для гражданской администрации». Первые два абзаца на странице 9 уже зачитывались в качестве части документа ПС-347, США-320. Я привлекаю особое внимание Трибунала к следующему месту:

«...Положения Гаагской Конвенции, касающиеся гражданской администрации в странах, оккупированных иностранной державой, не должны приниматься во внимание.

Главные руководители СС и полиции должны заниматься всеми вопросами саботажа. При необходимости принимать коллективные меры против населения решения относительно их должны быть приняты компетентными комиссарами.

Денежные штрафы, а также штрафы натурой, так же как и приказы о захвате заложников и расстреле жителей той территории, на которой имели место акты саботажа, должны быть приняты только генеральным комиссаром, если имперский комиссар сам не найдет нужным вмешаться в это.

Районные комиссары ответственны за наблюдение над всеми тюрьмами в той степени, в какой имперские комиссары не считают необходимым вмешаться в это сами».

Я не буду отнимать у Трибунала время представлением детальных сведений о том, как использовал свое положение и власть Розенберг. Имеется достаточно доказательств и еще будут представлены советским обвинением доказательства размаха военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных им против народов оккупированных восточных областей. Розенберг принимал участие во всей этой преступной деятельности. Я хочу сослаться на некоторые примеры, чтобы проиллюстрировать это.

Я привлекаю внимание Трибунала к документу Р-135, который уже представлялся в качестве доказательства под номером США-289. Это — сообщение начальника тюрьмы в Минске,

в котором сказано, что 516 германских и русских евреев были убиты и выражается сожаление по поводу того, что было потеряно большое количество ценного золота, потому что не сумели вынуть золотые пломбы и коронки изо рта этих убитых. Это имело место в Минской тюрьме, которая, как Вы знаете из документа ПС-1056, находилась под прямой юрисдикцией министерства по делам оккупированных восточных территорий.

В качестве следующей иллюстрации я хочу представить документ ПС-018. Он уже представлялся в качестве доказательства под номером США-186...

Я хотел бы зачитать Трибуналу первый абзац этого документа. Он еще не зачитывался. Он показывает, что Розенберг 21 ноября 1942 г. писал Заукелю в следующих выражениях:

«Благодарю вас за ваш отчет о выполнении громадной задачи, которая была поставлена перед вами. Я счастлив слышать, что, проводя в жизнь нашу миссию, вы всегда находили необходимую поддержку даже со стороны гражданских властей на оккупированных восточных территориях. Что касается меня самого и чиновников, которыми я руковожу, это сотрудничество было и остается самоочевидным, в особенности, поскольку вы и я по вопросу о наборе рабочей силы на Востоке с самого начала придерживаемся одних и тех же взглядов».

Даже в июле 1944 года Розенберг продолжал активно проводить в жизнь программу принудительной вербовки рабочих, несмотря на отступление на Востоке.

Я сослался на это, чтобы показать, что Розенберг поощрял принудительную вербовку на Востоке и в этом ему помогали гражданские власти, хотя характер применявшихся при этом мер прекрасно был известен Розенбергу, так как он сам в своем письме описывал их.

Я хотел бы закончить мое представление доказательств по этому вопросу ссылкой на документ ПС-199, который я представляю как доказательство США-606. Это письмо Альфреда Мейера, заместителя Розенберга, Заукелю от 11 июля 1944 г. На этот раз, как Вы заметите, господа судьи, именно министерство Розенберга настаивало на ускорении действия. Я цитирую первый абзац этого письма:

«Управление по набору рабочей силы для империи, находящееся в Минске, должно продолжать при всех обстоятельствах набор молодых белорусов и русских для работы на военные нужды империи. Кроме того, на управление возлагается задача вывезти в империю мальчиков-подростков от 10 до 14 лет».

За все это Розенберг несет ответственность.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ БОЛДУИНА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ФРАНКА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 10 января 1946 г.]

...В речи по случаю дня профессоров имперского университета национал-социалистской лиги юристов 3 ноября 1934 г. подсудимый Франк объяснил собравшимся профессорам, что уничтожение евреев проводится в соответствии с нацистским планом. Частичный перевод этой речи имеется в документе ПС-2536, который я прошу Трибунал принять в качестве доказательства.

Как ведущий нацистский юрист подсудимый Франк принял, оправдал и способствовал развитию системы концентрационных лагерей и арестов без ордеров. Он, очевидно, без колебаний подчинил узаконенный строй германского государства нацистским целям, нарушая этим свою профессиональную этику, если она у него когда-либо была. Он объясняет жесткий отход от цивилизации (концентрационные лагеря) в статье «Законодательство и юрисдикция третьей империи», опубликованной в 1936 году в официальном журнале академии германского права, издателем которого был он сам. Поскольку это очень короткий отрывок, я прошу разрешения прочитать его. Франк говорил:

«Нас снова и снова порицают перед миром за концентрационные лагеря. Нас спрашивают: «Почему вы арестовываете без права на арест?» Я говорю: поставьте себя в положение нашего народа. Не забывайте, что великий и до сих пор еще не тронутый мир большевизма не может забыть, что в Европе, здесь на германской почве, мы сделали невозможной для него окончательную победу».

Можно видеть поэтому, что подобно тому, как другие подсудимые мобилизовывали военные, экономические и

дипломатические ресурсы для агрессивной войны, подсудимый Франк в области права направлял германскую юридическую машину к агрессивной войне, а эта агрессивная война, как он объяснял в 1942 году политическим лидерам нацистской партии на большом совещании в Львове (документ ПС-2233), имеет целью, как он выразился, «расширить жизненное пространство для нашего народа естественным путем».

Извращение и приспособление германского права, осуществлявшееся подсудимым Франком для партии, дало ему большое удовлетворение. Он сообщил об этом в академию германского права в ноябре 1939 года, месяц спустя после того, как он стал генерал-губернатором оккупированной Польши... С разрешения Суда я хочу прочесть этот отрывок.

Франк заявлял: «Сегодня мы гордимся тем, что сформулировали наши юридические принципы с самого начала таким образом, что нет необходимости их изменить в течение войны. Как правило, справедливо то, что полезно нации, и несправедливо то, что приносит ей вред...»

Если эта мысль уже знакома нам, то потому, что она является изложением заповеди партии, выраженной лощеным юристом партии, приспособившим ее к нацистской концепции права.

Я напоминаю заповедь нацистской партии, изложенную на странице 1603 официальной английской записи заседаний по делу руководящего состава нацистской партии, где говорится: «Право — это то, что служит движению и, таким образом, Германии».

Обвинение считает подсудимого Франка одинаково ответственным за все те жестокие и дискриминирующие постановления и декреты, посредством которых нацисты подавили сопротивляющиеся элементы в Германии, укрепили свой контроль над германским государством и подготовили его к началу агрессии. Не имеет значения с нашей точки зрения, что под некоторыми декретами нет его подписи.

Я ссылаюсь теперь на декреты, цитировавшиеся майором Уолшем при представлении доказательств преследования евреев, полковником Стори при представлении доказательств ответственности имперского правительства, для того чтобы продемонстрировать характер нацистского законодательства и его последствия, за что мы считаем ответственным подсудимого Франка. Следуя этой теории, господа судьи, мы приходим к тем же выводам, к которым пришел до нас сам подсудимый Франк.

Сейчас я перехожу ко второй и хорошо известной фазе официальной жизни подсудимого Франка, когда, будучи в течение пяти лет главным агентом партии и правительства в оккупированной стране, он намеревался уничтожить целый народ. Он

был назначен генерал-губернатором оккупированных польских территорий согласно декрету, подписанному Гитлером 12 октября 1939 г. Этот декрет определяет размах исполнительной власти Франка. Декрет содержится в нашем документе ПС-2537, который прошу Трибунал принять без доказательств, поскольку он был опубликован в «Рейхгезетцблатт» в 1938 году, часть 1, страницы 20—27.

Там просто говорится, что доктор Франк назначается генерал-губернатором оккупированных польских территорий; что доктор Зейсс-Ингварт назначается заместителем генерал-губернатора и что «генерал-губернатор подчиняется непосредственно мне», то есть Гитлеру, поскольку он подписал этот декрет...

Франк настоял на том, чтобы ему было предоставлено право верховной власти над территориями, входившими в состав генерал-губернаторства. Две ссылки на его записи в дневнике: одна, относящаяся к 1940 году, и другая — к 1942 году, покажут, что его руководство и власть были всеобъемлющими.

На совещании руководителей ведомств генерал-губернаторства 8 марта 1940 г. в горной академии подсудимый Франк разъяснил свое положение генерал-губернатора оккупированной Польши. Это высказывание записано в дневнике (документ ПС-2233, США-173).

Франк говорил: «Одна вещь совершенно бесспорна — власть генерал-губернатора как представителя фюрера и воли империи на этой территории является несомненно сильной, и я всегда подчеркивал, что я не потерплю неправильного использования этой власти. Я хочу, чтобы об этом снова узнало каждое управление в Берлине, особенно после того, как господин фельдмаршал Геринг 12 февраля 1940 г. из Каринхолла запретил всем административным управлениям империи, включая полицию и даже вермахт, вмешиваться в административные вопросы, касающиеся генерал-губернаторства».

Далее он продолжает: «В генерал-губернаторстве не имеется власти, которая по рангу, влиянию и полномочиям была бы выше, чем власть генерал-губернатора. Даже вермахт не располагает никакими официальными функциями власти в этой связи. Он имеет только функции охраны безопасности и общие военные обязанности, но не имеет никакой политической власти. То же самое относится здесь к полиции и к СС. Здесь больше нет «государства в государстве», мы являемся представителями фюрера и империи».

Позднее, в 1942 году, на совещании окружных политических руководителей нацистской партии в Кракове 18 марта подсудимый Франк разъяснил отношения между его управлением и рейхсфюрером СС Гиммлером. Эти высказывания записаны

в дневнике Франка, наш документ ПС-2223, представляемый мною под номером США-608.

«Как вам известно, — говорит Франк, я — фанатик в вопросе единства управления; поэтому ясно, что высший руководитель полиции и СС подчиняется мне, что полиция является неотъемлемой частью правительства, что руководитель СС и полиции округа подчиняется генерал-губернатору и что начальник округа имеет власть над жандармерией своего округа. Это было признано рейхсфюрером СС; в письменном соглашении все эти пункты записаны слово в слово и подписаны...

Было бы, например, нелепым, если бы мы создали здесь нашу собственную полицию безопасности против наших поляков в стране, в то время, как мы знаем, что поляки в Пруссии, в Познани, в Вартеланде и в Силезии входят в одно и то же движение Сопротивления. Рейхсфюрер СС и начальник германской полиции, таким образом, должны иметь возможность проводить с помощью своих агентств полицейские меры, касающиеся интересов империи в целом. Это, однако, будет сделано таким образом, что меры, которые следует принимать, прежде всего будут представлены мне и проведены только в том случае, если я дам на это согласие. В генерал-губернаторстве полиция представляет собой вооруженные силы. В связи с этим руководитель полицейской системы будет введен мною в правительство генерал-губернаторства; он будет подчиняться мне или моему заместителю как статс-секретарю по вопросам безопасности».

В этой связи сейчас уместно заметить, что человеком, который занимал пост статс-секретаря по вопросам безопасности в генерал-губернаторстве и высшего руководителя СС и полиции, был Крюгер.

Трибунал вспомнит, что отчет об уничтожении евреев в Варшавском гетто был представлен весной 1943 года руководителем СС Штроопом, который непосредственно руководил этой операцией, этому же самому Крюгеру, который в то время был одним из наиболее влиятельных членов кабинета Франка в качестве статс-секретаря по вопросам безопасности.

Было неизбежным, что большой заговор, или общий план, включал в себя как составные части ряд маленьких планов, связанных с отдельными сферами деятельности. Эти планы, отличающиеся от общего плана только размерами, представляют собой проекты особых действий, составленные на базе широкой политики. Оккупированная Польша не была исключением из этого правила. План управления Польшей содержался в совершенно секретном отчете о совещании между Гитлером и начальником ОКВ, подсудимым Кейтелем. Отчет озаглавлен: «Касающиеся будущих отношений Польши с Германией», он датирован

ван 20 октября 1939 г. и имеет инициалы генерала Варлимонта (документ ПС-964, США-609). Привожу выдержки из этого документа:

«...1. Вооруженные силы будут приветствовать свое устранение от вопросов управления в Польше. Принципиально не должно быть двух администраций...

3. Задачей администрации не является стремление сделать из Польши образцовую провинцию или образцовое государство, построенное на принципах германского порядка, или создать там прочную экономическую и финансовую базу.

Польская интеллигенция не должна быть допущена к тому, чтобы стать руководящей силой. Жизненный уровень в стране должен оставаться низким. Мы хотим только взять оттуда рабочую силу. Поляки могут быть использованы для управления страной. Однако не может быть разрешено создание национальных политических групп.

4. Администрация должна работать на свою полную ответственность и не быть зависимой от Берлина. Мы не хотим здесь делать то, что делаем в империи. Не должно существовать ответственности перед берлинскими министерствами, поскольку нет германского административного отдела, занимающегося этими вопросами.

Выполнение этой задачи включает в себя тяжелую расовую борьбу, не ограничиваемую никакими законами. Методы этой борьбы не будут похожи на принципы, которых мы придерживаемся в других случаях.

Генерал-губернатор создает для польского народа жизненные условия, едва достаточные для его существования, и поддерживает базис для военной безопасности...

6. Любые тенденции, направленные на улучшение жизненного уровня в Польше, должны подавляться. Польская бестолковщина должна развиваться. Правительство этой территории должно предоставить нам возможность очистить территорию империи от евреев, а также от поляков. Сотрудничество с новыми имперскими провинциями (в Познани и Пруссии) должно быть только для переселения.

Цель: жестокость и суровость должны быть главными принципами в этой расовой борьбе для того, чтобы предотвратить для нас необходимость снова воевать из-за этой страны».

Подсудимый Франк был подходящим кандидатом для того, чтобы проводить эту программу. Он знал ее цели, он одобрял ее и активно проводил в жизнь.

Внимание Трибунала уже было привлечено к словам подсудимого Франка (документ США-297), который говорит о задачах, возложенных на него фюрером, согласно которым он намеревался управлять Польшей. Эти задачи включают в себя,

говоря коротко, безжалостную эксплуатацию, вывоз всех запасов и рабочих, сведение всей экономики Польши к абсолютному минимуму, который необходим только для жалкого существования населения, и закрытие всех школ. Не было более бессердечного заявления, чем то, которое сделал Франк в своем отчете, когда он сказал: «С Польшей мы будем обращаться, как с колонией. Поляки будут рабами великой германской мировой империи».

В декабре 1940 года подсудимый Франк заявил начальникам своих управлений и отделов, что задача управления Польшей включает в себя тяжелую расовую борьбу, которая не должна иметь никаких ограничений законом.

Я обращаюсь к нашему документу за номером ПС-2233. Эта выдержка взята из дневника Франка, и я представляю ее как доказательство США-173. Оглашаю: «Совещания начальников управлений и отделов в 1939—1940 гг.

...Этой страной должна управлять сила решительного руководства. Поляк должен чувствовать, что мы не строим для него правового государства и что для него имеется только один долг, а именно — работать и вести себя соответствующим образом. Ясно, что это ведет иногда к трудностям, но мы должны в своих собственных интересах следить за тем, чтобы все меры безжалостно проводились для того, чтобы господствовать над положением. Вы можете абсолютно положиться на меня в этом вопросе».

Что касается поляков и украинцев, то отношение к ним подсудимого Франка было ясным: они должны были быть рабами германской экономики до тех пор, пока требовала этого война. После того как война была бы выиграна, даже этот ничтожный интерес должен был прекратиться. Я ссылаюсь на речь, обращенную к германским политическим лидерам в Кракове 12 января 1944 г. Она помещена в дневнике Франка и представляется как документ за номером ПС-2233-Б.

«Когда война будет выиграна, — говорил Франк этим руководителям (и это, господа судьи, является классическим примером безграничной жестокости), — тогда можно будет сделать фарш из поляков, украинцев и всех других, которые здесь оклачиваются и до которых мне нет никакого дела. Неважно, что с ними случится после этого».

В соответствии с расовой программой нацистских заговорщиков подсудимый Франк поясняет далее в своем дневнике, что уничтожение евреев было одной из его заветных целей. Франк в 1940 году в своем дневнике утверждает (доказательство США-271), что он не мог уничтожить всех вшей и евреев в течение года. В своем дневнике за 1942 год (доказательство США-281) он записывает, что программа голодных норм, которая имела своим результатом голодную смерть 1200 тысяч ев-

реев, должна считаться только побочным мероприятием. На закрытой пресс-конференции в 1944 году он сообщил по секрету (документ США-295), и это также имеется в дневнике, что в генерал-губернаторстве все-таки еще осталось, пожалуй, 100 тысяч евреев.

Эти факты, господа судьи, взяты из его собственного дневника. В докладе Польского правительства высказывается предположение, что за четырехлетний период до 3400 тысяч человек в Польше были уничтожены и не за какие-либо преступления, а только потому, что они были рождены евреями. Нет слов, которыми можно было бы вызвать представление о мучительной смерти и страданиях, скрывающихся за этими застывшими фактами.

Нацистская политика была такова, что население оккупированных стран должно было переносить террор, голод и нужду. Подсудимый Франк так преуспевал в этом, что он был вынужден сообщить Гитлеру в 1943 году, что поляки не выражали любви к режиму генерал-губернатора... Этот отчет Гитлеру подводит итоги первых трех с половиной лет управления Франка. Он лучше всего может показать те условия, которые существовали там в результате усилий подсудимых.

В своем отчете Гитлеру, датированном 19 июня 1943 г., относительно положения в Польше (документ ПС-437, США-610), Франк говорил: «С течением времени ряд мер или последствий германского управления привели к значительному ухудшению отношения всего польского народа к правительству в Польше. Эти меры затрагивали отдельные профессии или все население, часто также с сокрушающей жестокостью, и судьбы отдельных лиц». Далее он продолжает: «Среди них в особенности имеют место:

1. Исключительно недостаточное питание населения, главным образом рабочего населения городов, из которого большинство работает в интересах Германии.

До войны 1939 года запасы пищи, хотя и не отличались разнообразием, были достаточными и обеспеченными благодаря сельскохозяйственным избыткам бывшего Польского государства и несмотря на халатность со стороны бывшего политического руководства.

2. Конфискация большей части польских поместий, экспроприация без компенсации и переселение польских крестьян из районов маневров и из немецких районов.

3. Вмешательство и конфискации в области промышленности, коммерции, торговли и частной собственности.

4. Массовые аресты и массовые расстрелы, производившиеся германской полицией, которая применила систему коллективной ответственности.

5. Жестокие методы при наборе рабочих.
6. Усиление парализации культурной жизни.
7. Закрытие средних школ, колледжей и университетов.
8. Ограничение, даже, вернее, полное уничтожение польского влияния во всех сферах германского управления.
9. ...Закрытие и конфискация монастырей, школ и благотворительных учреждений».

Что касается недостаточного питания польского населения, то для подсудимого Франка не было необходимости ждать до июня 1943 года, чтобы доложить об этом факте Гитлеру. В сентябре 1941 года собственный старший офицер медицинской службы подсудимого Франка доложил ему об ужасном состоянии здоровья населения Польши. Об этом указывается в дневнике Франка (документ ПС-2233).

«...Обермедициналрат доктор Вальбау выразил свое мнение относительно состояния здоровья польского населения. Расследования, которые были проведены его ведомством, доказывают, что большая часть поляков употребляет ежедневно только 600 калорий, в то время, как нормальное количество калорий для человеческого существа составляет 2200. Польское население ослаблено до такой степени, что оно очень легко может быть подвержено эпидемическим заболеваниям.

Количество больных поляков достигло на сегодня примерно 40 процентов. В течение только последней недели было официально сообщено о тысяче новых случаев тифа. Это самое большое число до настоящего времени. Такое положение со здоровьем представляет серьезную опасность и для империи, и для солдат, которые вошли в генерал-губернаторство. Распространение эпидемий в империи вполне возможно. Повышение заболеваний туберкулезом тоже вызывает беспокойство. Если нормы питания снова будут уменьшены, это вызовет резкое повышение количества заболеваний».

В то время, как из этого отчета совершенно ясно видно, что в 1941 году болезни охватили 40 процентов польского населения, подсудимый Франк в августе 1942 года одобрил новый план, который предусматривал еще больший вывоз продуктов в Германию за счет негерманского населения генерал-губернаторства. Методы изъятия продуктов из весьма недостаточных запасов генерал-губернаторства и удар, который в связи с этим будет нанесен экономике страны, обсуждали на заседании правительства генерал-губернаторства 24 августа 1942 г. в таких выражениях, которые не составляли никакого сомнения в том, что предполагаемая реквизиция не только превосходила ресурсы страны, но и должна была производиться исключительно незаконными методами.

Это можно найти в дневнике Франка (документ ПС-2233),

в записи совещания 24 августа 1942 г. Цитирую: «Прежде чем германский народ, — говорил Франк, — испытает голод, оккупированные территории и их народы должны пережить его. В настоящий момент поэтому мы здесь в генерал-губернаторстве должны следовать железной решимости, чтобы помочь великому германскому народу и нашей стране.

Генерал-губернаторство поэтому должно сделать следующее: взять на себя обязательство послать 600 тысяч тонн зерна в нашу страну в дополнение к тем продуктам, которые уже были доставлены для облегчения положения Германии или были собраны здесь войсками вооруженных сил, полицией или СС. Если вы сравните это с теми взносами, которые были сделаны в прошлом году, то увидите, что взнос повышен в шесть раз по сравнению с прошлым годом.

Новые требования должны быть выполнены исключительно за счет немемецкого населения. Это должно быть сделано хладнокровно и безжалостно...»

Подсудимый Франк не только не чувствовал ответственности за проведение такой политики голода в генерал-губернаторстве, но и был горд теми взносами, которые он, таким образом, сделал для империи.

Сейчас я ссылаюсь на заявление, сделанное Франком политическим лидерам нацистской партии 14 декабря 1942 г. в Кракове. Это заявление содержится в дневнике Франка за 1942 год (документ ПС-2233-II).

Франк говорил: «Я попытаюсь взять из резервуара этой территории все, что до сих пор еще не было взято».

И продолжает: «Когда вы подумаете о том, что я смог доставить в империю 600 тысяч тонн зерна и дополнительно 180 тысяч тонн зерна вооруженным силам, которые находятся в данное время в Польше, а также колоссальное количество, достигающее до многих тысяч тонн других продуктов, таких, как семена, жиры, овощи, 300 миллионов яиц и т. д., вы сможете оценить значительность, которую представляет эта территория для империи. Для того чтобы понять значение поставки 600 тысяч тонн зерна из генерал-губернаторства, следует обратиться к тому факту, что генерал-губернаторство только этим обеспечивает подъем хлебных норм в великой германской империи на две трети по сравнению с существующими сейчас нормами. Мы с полным правом можем требовать такого колоссального улучшения».

Теперь мы обратимся к переселению польских крестьян, в чем подсудимый Франк отчитывался перед Гитлером во вторую очередь. Хотя вся полнота власти по переселению расовых немцев в различные районы восточных территорий находилась в руках Гиммлера, проекты, касающиеся районов переселения

в генерал-губернаторстве, были переданы подсудимому Франку и одобрены им.

План переселения в Замостье и Люблин, например, был представлен ему на совещании, где обсуждались особые проблемы, связанные с округом Люблином, его бесславным статс-секретарем по вопросам безопасности, высшим лидером СС и полиции Крюгером 4 августа 1942 г. Это содержится в дневнике Франка за 1942 год (документ ПС-2233-Т).

«Статс-секретарь Крюгер продолжает говорить, что следующий план рейхсфюрера СС заключается в том, что до конца следующего года следующие расовые группы немцев должны быть расселены в двух округах (Замостье и Люблин). На тысяче крестьянских усадеб (одна усадьба для семьи в шесть человек) должны быть расселены немцы из Боснии, на 200 — из Сербии, на 2 тысячах — немцы из Ленинграда, на 4 тысячах — немцы из Балтики, на 500 — из Волини, на 200 крестьянских усадьбах — фламандские, датские и голландские немцы, всего 10 тысяч крестьянских усадеб для 50 или 60 тысяч человек».

Подсудимый Франк дальше говорит: «...План переселения следует обсуждать совместно с компетентными властями», и он объявляет свою готовность одобрить этот окончательный план к концу сентября, после того как была достигнута договоренность по всем вопросам, связанным с этим.

«Таким образом, к середине ноября в наиболее подходящее время можно начинать переселение».

Господа судьи! Каким образом проводилось переселение в Замостье, было описано Крюгером подсудимому Франку на совещании в Варшаве 25 января 1943 г. Отчет об этом имеется в дневнике Франка за 1943 год (документ ПС-2233-АА). В записи говорится о том, что статс-секретарь Крюгер докладывал о переселении первых 4 тысяч человек в округ Замостье незадолго до рождества и о том, что программа переселения вызвала сильное недовольство среди поляков и что поляков насильственно выселяли. Затем он сказал Франку, и я оглашу эти его слова: «Мы сейчас выселяли тех, кто мешает нам на этой новой территории, подлежащей колонизации».

Это антисоциальные и низшие элементы. Их вывозят, направляют вначале в концлагеря, а затем посылают в качестве рабочей силы в империю. С точки зрения польской пропаганды все эти мероприятия имеют неблагоприятный эффект. Поляки говорят: «После того, как они истребят евреев, они начнут применять те же методы, чтобы изгнать поляков с этой территории и ликвидировать их так же, как евреев».

Несмотря на то, что незаконность этого переселения поляков, чтобы освободить место для немцев, была очевидной, и

несмотря на тот факт, что поляков не только лишали прав, но и посылали в концлагеря, программа переселения по-прежнему выполнялась в генерал-губернаторстве.

Третий пункт, который упоминался Франком, — захват и конфискация промышленности и частной собственности — также входил в раннюю политику Франка. Он пояснил это своим руководителям управлений и отделов в декабре 1939 года. Отчет имеется в его дневнике (документ ПС-2233-К).

Я оглашаю слова Франка: «...В основном можно сказать относительно управления генерал-губернаторством, что вся эта территория представляет собою военную добычу германской империи, и, таким образом, нельзя разрешить, чтобы эта территория эксплуатировалась по частям. Необходимо использовать эту территорию в экономическом отношении как единое целое с тем, чтобы весь ее экономический потенциал полностью использовался в интересах германского народа».

Я ссылаюсь на документальное доказательство США-297 на случай, если Трибуналу покажется необходимым получить дополнительные доказательства проводившейся с самого начала политики безжалостного ограбления.

В дополнение к этому имеется декрет, который разрешил секвестр в генерал-губернаторстве. Этот декрет, подписанный подсудимым Франком, разрешил нацистским чиновникам и уполномочивал их проводить повсеместный захват собственности. Это облегчалось также тем, что декрет этот не устанавливал никаких определенных рамок. Доказательства разграбления генерал-губернаторства, проводившегося согласно этому и другим декретам, уже представлялись Трибуналу 14 декабря 1945 г. под общим заглавием «Германизация и разграбление оккупированных территорий».

Подсудимый Франк назвал массовые расстрелы и массовые аресты в качестве четвертой причины явного ухудшения отношения всего польского народа к немцам. Однако и в этом был виноват он сам, так как в своей политике он отрицал принцип соответствия наказания совершенному преступлению, выступал за применение самых жестоких мер. На совещании областных политических руководителей в Кракове 18 марта 1942 г. Франк изложил эту свою политику. Это — выдержка из его дневника за 1942 год (документ ПС-2233).

Я оглашаю заявление Франка: «В основном борьбу за достижение наших целей мы будем продолжать со всем хладнокровием. Вы видите, как работают государственные учреждения. Вы видите, что мы не останавливаемся ни перед чем и ставим к стенке этот народ дюжинами. Это необходимо по самым элементарным соображениям, так как сейчас, когда проливается лучшая германская кровь, мы не можем щадить

кровь другой расы. Из этого может возникнуть одна из самых величайших опасностей. Сегодня уже говорят в Германии, что военнопленные, например в Баварии или Тюрингии, совершенно самостоятельно управляют большими земельными владениями, тогда как все пригодные к воинской службе мужчины из сельских местностей находятся на фронте. Если такое положение вещей будет продолжаться, мы будем иметь постоянный регресс германизма. Нельзя недооценивать этой опасности. Поэтому все, что проявляется в виде польской власти или руководства, должно беспощадно уничтожаться вновь и вновь. Нельзя, чтобы об этом кричали за границей, это будет сделано без шума!»

И 15 января 1944 г. подсудимый Франк заверил политических руководителей НСДАП, что за убийство немцев будут проводиться репрессивные меры. Записи об этом можно найти в дневнике Франка (документ ПС-2233-ББ). Подлинник этого документа я представляю в качестве доказательства под номером США-295.

Франк заявил без прикрас: «Я не поколебался перед тем, чтобы заявить, что, если убит один немец, будет расстреляно до ста поляков».

Вся ужасающая история рабского труда и принудительной вербовки рабочих уже излагалась Трибуналу в подробных деталях. Когда подсудимый Франк в своем отчете Гитлеру ссылался на эти методы как на пятую причину недовольства в Польше, он еще раз упомянул о той политике, которую он проводил. Сила, насилие и экономическое давление — все это использовалось им в качестве средств для вербовки рабочих и угона их в рабство в Германию. Это была официальная политика, и я уже ссылался на документальное доказательство США-295, которое подтверждает этот факт.

Если в самом начале в генерал-губернаторстве вербовка рабочей силы происходила на добровольных началах, то вскоре эти методы оказались непригодными. Весной 1940 года вопрос о применении мер принуждения был поставлен на первый план и обсуждался на служебном совещании, на котором присутствовал также подсудимый Зейсс-Инкварт. Я ссылаюсь на дневник Франка за 1940 год (документ ПС-2233-П).

Я оглашаю протокол совещания: «Генерал-губернатор заявил: тот факт, что такие методы, как воззвания и т. д., не имели успеха, приводит к заключению, что поляки из-за их недоброжелательного отношения и стремления причинить вред Германии уклонением от того, чтобы принести ей пользу, отказываются записываться в списки рабочих. Поэтому генерал-губернатор спрашивает доктора Фрацендорфера, существуют ли какие-нибудь другие меры, которые еще не были применены для побуждения поляков записываться на добровольных началах.

Рейхсхауптamtслейтер доктор Фрацендорфер ответил на этот вопрос отрицательно.

Генерал-губернатор подчеркнул тот факт, что от него теперь потребуют занять более определенную позицию по данному вопросу. Поэтому возникает вопрос, следует ли принимать какие-нибудь принудительные меры. На вопрос генерал-губернатора, обращенный к генерал-лейтенанту СС Крюгеру, считает ли он возможным вербовать поляков путем принуждения, генерал-лейтенант СС Крюгер ответил положительно».

В мае 1940 года на служебном совещании (протокол которого уже был представлен Трибуналу под номером США-73) подсудимый Франк заявил, что при вербовке рабочей силы следует применять принуждение, что поляков можно хватать на улицах и что лучшим методом будет организация облав.

Так же, как и в вопросе преследования евреев, программа принудительного труда в генерал-губернаторстве превосходит всякое воображение. Я ссылаюсь на дневник Франка (документ ПС-2233-В). Эта выдержка представляет собой запись беседы между подсудимыми Заукелем и Франком в Кракове 18 августа 1942 г. Запись об этом имеется в дневнике за 1942 год. Франк говорил: «Я доволен тем, что имею возможность официально сообщить вам, товарищ по партии Заукель, что до настоящего времени мы поставили 800 тысяч рабочих для империи».

И далее продолжает: «Недавно вы попросили нас предоставить еще 140 тысяч человек. Я с удовольствием информирую вас официально, что в соответствии с нашим соглашением 60 процентов этих затребованных рабочих будут доставлены в империю к концу октября, а остальная часть (40 процентов) к концу этого года».

Помимо этого количества в 140 тысяч человек, вы можете рассчитывать в будущем году на большее количество рабочей силы из генерал-губернаторства, так как мы будем использовать полицию для насильственной вербовки их».

Что вербовка эта проводилась жестокими, безжалостными методами, ясно видно из документального доказательства США-178, которое уже было представлено Трибуналу. Голод, насилие и смерть, которые характеризовали всю программу применения рабского труда, находили широкое использование в правлении подсудимого Франка.

Конечно, были также и другие причины для волнений в оккупированной Польше, о которых подсудимый Франк не упомянул в своем отчете фюреру. Он не упомянул о концентрационных лагерях, по-видимому, потому, что подсудимый Франк, представитель юриспруденции в национал-социализме, сам защищал эту систему в Германии. Как генерал-губернатор

подсудимый Франк должен нести ответственность за все концлагеря, которые находились на территории генерал-губернаторства. Они включают, помимо других, известные лагеря в Майданеке и в Люблине. Как это уже указывалось, подсудимый Франк знал и одобрял систему, согласно которой поляков направляли в концлагеря в связи с программой переселений. Ему также был подведомствен в известных вопросах лагерь истребления в Освенциме, куда поляки из генерал-губернаторства направлялись его администрацией. В феврале 1944 года советник доктор Шумберг предложил провести амнистию в отношении поляков, которые были привезены в Освенцим по незначительным обвинениям и содержались там в течение нескольких месяцев. Об этом совещании, господа судьи, говорится в дневнике Франка за 1944 год (документ ПС-2233-БВ, США-295).

Я оглашаю: «Генерал-губернатор рассмотрит вопрос об амнистии, по-видимому, к 1 мая этого года. Тем не менее, не следует упускать из виду тот факт, что германское руководство генерал-губернаторства не должно сейчас проявлять никаких признаков слабости».

Все это проводил Франк. Мы не исчерпали всех доказательств, но мы считаем, что Трибуналу были представлены достаточные доказательства для того, чтобы установить ответственность подсудимого согласно разделу V Обвинительного заключения.

Как советник по вопросам права при Гитлере и при руководящем составе НСДАП подсудимый Франк содействовал приходу заговорщиков к власти. Занимая различные посты в качестве юриста как в германском правительстве, так и в НСДАП, подсудимый Франк выступал за политическую монополию НСДАП, расовую программу заговорщиков, систему террора в виде концлагерей и арестов без всяких оснований. Его роль в общем плане с самого начала заключалась в том, чтобы облечь национал-социалистскую программу в «законную форму» и придать видимость законности этой программе террора, преследований и гонений, которая имела своей конечной целью мобилизацию для агрессивной войны.

Как приверженец Гитлера и НСДАП подсудимый Франк был назначен в 1939 году генерал-губернатором той части Польши, которая известна как генерал-губернаторство. Подсудимый Франк рассматривал как правосудие и справедливость только то, что шло на пользу германской нации. Его пятилетнее управление генерал-губернаторством свидетельствует о самом крайнем развитии этого принципа.

Доказано, что подсудимый Франк занял пост генерал-губернатора на основании программы, которая сама по себе состав-

ляла преступный план, о чем подсудимому Франку было хорошо известно. Эта программа заключалась в том, чтобы эксплуатировать безжалостно эту территорию в интересах нацистской Германии, насильственно угонять ее обитателей для принудительного труда в Германию, закрывать школы и высшие учебные заведения, предотвращать рост польской интеллигенции и управлять всей этой территорией как колониальным владением третьей империи, совершенно пренебрегая обязанностями державы, которая осуществляет оккупацию, по отношению к населению оккупированной территории.

При участии подсудимого Франка был составлен этот преступный план, но действительность превзошла границы даже этого плана. Поставки продовольствия в Германию возросли до такой степени, что те жалкие запасы, которые были оставлены для генерал-губернаторства согласно плану, были сокращены до такой степени, что это вызвало массовую голодную смерть. Жестокая программа истребления евреев безжалостно проводилась в жизнь. Программа переселения осуществлялась с полным невниманием и пренебрежением к правам местного населения. Ужасы концлагерей следовали по пятам за нацистскими захватчиками.

Эти доказательства большей частью были почерпнуты из заявлений самого подсудимого Франка, из признаний, которые были обнаружены в его дневнике, из официальных отчетов, протоколов совещаний с его коллегами и подчиненными и из его речей. Поэтому будет уместным в заключение огласить еще одну выдержку из его дневника. Это — запись от 25 января 1943 г. (документ ПС-2233-АА). В своей речи подсудимый Франк довольно резонно заявил своим коллегам в генерал-губернаторстве о том, что их задача становится все более и более трудной. Гитлер, — сказал он, — может помочь им лишь в чисто административном отношении. Они должны зависеть сами от себя. Я оглашаю слова Франка:

«Теперь наш долг связал нас всех вместе. Мы должны помнить, что все мы, собравшиеся здесь, фигурируем в списке военных преступников... Я имею честь проходить во втором списке под первым номером. Мы все, так сказать, стали соучастниками в международной исторической миссии».

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ
КЕМПНЕРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ФРИКА
ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 16 января 1946 г.]

...Я не буду здесь повторять все доказательства, которые касаются преступной деятельности германской полиции, подвластной подсудимому Фрику. Я хотел бы только обратить внимание Трибунала на документальные доказательства, которые уже были представлены, относительно концентрационных лагерей и гестапо, двух полицейских учреждений, которые находились в ведении Фрика. Но я хотел бы показать, что не только аппарат, подчиненный Гиммлеру, но и само министерство Фрика были тесно связаны с этими учреждениями. Это можно видеть из документа ПС-1643, США-713, представляющего собой краткое изложение переписки между имперским министерством внутренних дел и его местными органами начиная с ноября 1942 года по август 1943 года по вопросу о создании видимой законности конфискации собственности со стороны СС с целью расширить концентрационный лагерь в Освенциме. В конце страницы 1 и в начале страницы 2 английского перевода имеется также протокол совещания, созванного 17 и 18 декабря 1942 г. по вопросам о конфискации вышеупомянутой собственности. Этот протокол показывает, что дальнейшее обсуждение по этому вопросу должно было иметь место 21 декабря 1942 г. между представителями имперского министра внутренних дел и рейхсфюрера СС. На странице 2 имеется также краткое изложение телеграфного донесения от 22 января 1943 г., посланного доктором Гофманом, который представлял имперского министра внутренних дел при регирунгспрезиденте в Каттовцах. Я оглашаю начало:

«Территория Освенцимского концлагеря будет превращена в независимое земельное владение», что означало самостоятельную административную единицу.

Тот факт, что подсудимый Фрик проявлял личный интерес к концлагерям, стал известным из показания доктора Блаха, на которое я хочу обратить внимание Трибунала. Он показал, что Фрик посетил лагерь в Дахау в 1943 году.

Следующим свидетельством, изобличающим подсудимого Фрика в принадлежности к нацистскому заговору, является его участие в расовом преследовании, включая истребление евреев.

В дополнение ко многим другим обязанностям Фрика в области административного руководства империей надо отметить также издание и проведение в жизнь декретов относительно расовой принадлежности. Я вновь ссылаюсь на документ ПС-347 — «Устав германских административных чиновников», уже представленный в качестве доказательства. Там на страницах 2 и 4 говорится, что Фрик был в административном и законодательном отношении защитником и покровителем германской расы.

Во избежание повторения я не буду оглашать многочисленных актов, изданных министерством Фрика против евреев. Представление документальных доказательств относительно преследования евреев было сделано раньше майором Уолшем, который говорил о целом ряде декретов, подписанных Фриком, включая позорные Нюрнбергские законы, лишавшие евреев их собственности, прав на гражданство и предписывавшие им носить желтую звезду.

Но деятельность министерства Фрика не ограничивалась совершением таких преступлений, которые были облечены в законодательную форму. Органы полиции, подчиненной Фрику, принимали участие в организации таких террористических актов, как погром 9 ноября 1938 г.

Я ссылаюсь на целый ряд приказов и отчетов Гейдриха об организации этих погромов, или, как он называл их, «стихийных выступлений». Об этом говорится в документах ПС-3051 и ПС-3058, уже представленных в качестве доказательств под номерами США-240 и США-508.

Три дня спустя после погрома 9 ноября 1938 г. Фрик, его заместитель Штукарт и его подчиненные Гейдрих и Далюге присутствовали на совещании по еврейскому вопросу, которое состоялось под председательством подсудимого Геринга. На этом совещании обсуждались различные мероприятия, которые отдельные правительственные департаменты должны были проводить против евреев. Стенограмма этого совещания (документ ПС-1816) уже была представлена в качестве документального

доказательства под номером США-261. Теперь я хотел бы вкратце сослаться на выдержку в конце страницы 23 английского перевода, где мы находим следующие заключительные замечания Геринга: «Министерство внутренних дел и полиция также должны будут продумать мероприятия, которые должны проводиться».

Это замечание показывает, что Геринг считал обязанностью Фрика давать указания относительно погромов, которые организовывались подчиненными самого Фрика.

Я уже ранее говорил о том, что на посту министра внутренних дел Фрик нес ответственность за административную политику на оккупированных и присоединенных территориях. Именно его министерство вводило германский «новый порядок» на огромной территории Европы, оккупированной германскими вооруженными силами, и именно подсудимый Фрик осуществлял власть. Я прошу Трибунал приобщить к делу три декрета, подписанные Фриком, которые соответственно вводили германское законодательство в Австрии, в Судетской области и в генерал-губернаторстве Польши. Это — декреты от 13 марта 1938 г. (документ ПС-2307), от 1 октября 1938 г. (документ ПС-3073), от 12 октября 1939 г. (документ ПС-3079).

Министерство Фрика также отбирало и назначало сотни чиновников для оккупационных властей на советской территории даже еще до того, как произошло вторжение. Об этом факте говорится в отчете подсудимого Розенберга, составленном в апреле 1941 года, относительно подготовки к управлению оккупированными территориями на Востоке.

Я хотел бы сослаться на страницу 2 документа ПС-1039, который был уже представлен в качестве доказательства США-146.

Одна сторона деятельности Фрика, направленная на то, чтобы содействовать планированию и подготовке агрессивной войны, заслуживает особого внимания. Это — систематическое умерщвление лиц, которые рассматривались как бесполезные для германской военной машины. В их число входили умаленные, калеки, престарелые люди и иностранные рабочие, которые больше не могли работать. Эти убийства производились в частных лечебницах, госпиталях и психиатрических больницах. Трибунал вспомнит, что подсудимый Фрик как министр внутренних дел осуществлял руководство здравоохранением и всеми лечебными учреждениями. Я хотел бы сослаться на «Устав германских административных чиновников» (документ ПС-3175) и обратить Ваше внимание на страницы 3, 4 и 7 английского перевода. Там в числе подведомственных Фрику сфер указаны: «Администрация по вопросам здравоохранения», «Общественная гигиена», «Вопросы наследственности и расо-

вого благосостояния», «Имперский уполномоченный по вопросам санитарии и лечебниц».

В качестве доказательства того, что в ведение Фрика входило умерщвление, которое имело место в этих институтах, я представляю документ ПС-621 под номером США-715. Это — письмо от 2 октября 1940 г. начальника имперской канцелярии доктора Ламмерса, адресованное имперскому министру юстиции. В этом письме сообщалось, что материал относительно смерти пациентов лечебниц был направлен имперскому министру внутренних дел на его распоряжение. В действительности подсудимый Фрик не только пользовался правом контроля над всеми этими учреждениями, но и был одним из создателей тайного закона, согласно которому проводились эти убийства.

Я представляю в качестве доказательства под номером США-716 документ ПС-1556. Это — официальный отчет, составленный в декабре 1941 года Чехословацкой комиссией по расследованию военных преступлений, озаглавленный: «Подробный отчет об умерщвлении больных и престарелых в Германии». Я хотел бы огласить несколько кратких выдержек из этого отчета. Оглашаю:

«1) эти убийства, как это можно проследить, берут свое начало от секретного закона, который был издан, примерно, летом 1940 года;

2) помимо руководителя медицинской службы империи доктора Л. Конти, в издании этого закона принимали участие рейхсфюрер СС Гиммлер, имперский министр внутренних дел доктор Фрик и другие (перечисляются другие фамилии);

3) как я уже сказал, по тщательному подсчету имелось по меньшей мере 200 тысяч, главным образом душевнобольных, слабоумных, невратеников и больных (причем не всегда их болезни были неизлечимы) и по меньшей мере 75 тысяч престарелых лиц».

Наиболее потрясающим примером непрекращающихся убийств, которые имели место в этих учреждениях, подчиненных Фрику и действующих на основании приказа, в число создателей которого входил Фрик, является знаменитое Хадамарское дело.

Я ссылаюсь на Хадамарское дело. Я представляю в качестве доказательства документ ПС-615, США-717.

Это отчет Чехословацкой комиссии по расследованию военных преступлений. И после того, как я продемонстрировал в общих чертах, какова была роль Фрика, я хотел бы доказать, что в министерстве Фрику было хорошо известно, что происходило в подчиненных ему учреждениях, поэтому я оглашу сейчас письмо для того, чтобы доказать, что ему было известно об этих убийствах и что эти убийства даже стали общеизвестными.

С этой целью я представляю в качестве доказательства под номером США-717 документ ПС-615. Это — письмо епископа города Лимбурга, датированное 13 августа 1941 г., имперскому министру юстиции.

Копии этого письма были направлены имперскому министру внутренних дел (то есть Фрику) и имперскому министру по вопросам церквей. Я оглашаю выдержку из этого письма:

«Примерно в восьми километрах от Лимбурга, в маленьком городке Хадамар, на холме, который расположен выше города, имеется учреждение, которое прежде использовалось для различных целей, а в последнее время оно используется как лечебница. Это учреждение было отремонтировано и оборудовано как место, в котором по единому мнению месяцами примерно с февраля 1941 года систематически производится «лишение жизни с целью милосердия». Об этом стало известно даже за пределами Висбаденского административного округа, так как свидетельства о смерти из регистратуры Хадамар-Менхберг направляются также в другие районы».

И далее: «Несколько раз в неделю в Хадамар прибывают автобусы, на которых привозят эти жертвы в большом количестве. Школьники, которые живут поблизости, уже знают эти автомашины и говорят: «Снова едет этот автомобиль смерти».

После прибытия этих автомобилей граждане Хадамара видят дым, который поднимается из трубы, и их мучает постоянная мысль о несчастных жертвах, и это усугубляется тем, что в зависимости от направления ветра до них доносится ужасный смрад.

В результате этого дети, когда ругаются между собой, говорят: «Ты сумасшедший, тебя пошлют в «Хадамарскую пекарню». Те же лица, которые не хотят жениться или им не представляется для этого возможности, говорят: «Жениться? Никогда! Произвести на свет детей для того, чтобы их могли бросить в эту мясорубку!»

Можно услышать, как старики говорят: «Не посылайте меня в государственную больницу. Когда покончат со слабоумными, то затем придет очередь других бесполезных едоков-стариков».

...Население не может понять, каким образом могут проводиться такие систематические действия, которые в соответствии с статьей 211 германского уголовного кодекса караются смертной казнью!..

Говорят, что чиновники гестапо стараются запретить обсуждение событий в Хадамаре, угрожая суровым наказанием. Возможно, что здесь имеет место хорошее намерение и это диктуется интересами общественного спокойствия. Однако благодаря этому убеждение и негодование населения не могут быть изменены. Это убеждение будет возрастать по мере того, как

население будет отдавать себе отчет о том, что, хотя об этом под угрозой наказания запрещено говорить, тем не менее, за самые действия никто не привлекается к ответственности согласно уголовному праву».

Я оглашу последний абзац письма, где говорится в постскрипуме:

«Я направляю копии этого письма имперскому министру внутренних дел и имперскому министру по вопросам церквей».

Доктор Гольфрих».

...Тем не менее, умерщвление в этих учреждениях, производившееся согласно секретному закону, созданному подсудимыми Фриком, Гиммлером и другими, продолжалось из года в год.

Я представляю в качестве доказательства под номером США-718 документ ПС-3592, являющийся заверенной копией обвинительного акта, определения и приговора военного трибунала США в Висбадене, который судил лиц, сотрудничавших в Хадамарском санатории, где были умерщвлены многие русские и поляки. Во время этого процесса семи подсудимым были предъявлены обвинения в умерщвлении в 1944 году 400 человек польской и русской национальности. Трое подсудимых были приговорены к повешению, остальные четверо — к тюремному заключению и каторжным работам.

Я оглашаю выдержку из документа ПС-3592. «Определение: Альфонс Клейн, Адольф Вальман, Гейдрих Руофф, Карл Виллинг, Адольф Моркле, Ирмгард Хубер и Филипп Блюм, действуя совместно и во исполнение общего замысла и от имени и в интересах германской империи, в период примерно с 1 июля 1944 г. по 1 апреля 1945 г. в Хадамаре, в Германии, преднамеренным и преступным образом с готовностью сотрудничали и участвовали в убийстве лиц польской и русской национальности, имена и точное число которых неизвестны, но которое в среднем превышает 400 человек. Эти жертвы были подвергнуты заключению властями германской империи в качестве меры по контролю над подданными неприятельского государства».

Председатель: Это, однако, не доказывает, что все это вошло в юрисдикцию министра внутренних дел.

Кемпнер: Некоторое время назад я ссылался на устав германских административных чиновников. Этот устав совершенно ясно говорит, что больницы, санатории и аналогичные учреждения находятся под контролем министерства внутренних дел.

Я огласил документы об этом убийстве в Хадамаре по двум причинам: во-первых, потому, что министру внутренних дел было известно, как я об этом уже сказал ранее, письмо епископа города Лимбурга в 1941 году, когда Фрик был министром вну-

тренних дел, и ему было известно об этих фактах. Я огласил приговор военного трибунала также по той причине, что эти убийства еще продолжались в 1944 и 1945 гг. на основании того закона, в число авторов которого входил подсудимый Фрик.

Последнее доказательство, устанавливающее ответственность Фрика, относится к его деятельности на посту имперского протектора Богемии и Моравии в период с 20 августа 1943 г. и до конца войны. Я не считаю нужным говорить здесь что-либо относительно функций протектора Богемии и Моравии, так как его обширные полномочия уже известны Трибуналу, приведу один лишь пример.

Я представляю в качестве доказательства под номером США-721 документ ПС-3589, который представляет собой приложение к официальному отчету Чехословацкого правительства о преступлениях, совершенных нацистами против Чехословакии. Я хотел бы огласить только следующую краткую выдержку из этого отчета.

«В тот период, когда подсудимый Вильгельм Фрик был имперским протектором Богемии и Моравии, с августа 1943 года до освобождения Чехословакии в 1945 году, тысячи чехословацких евреев перевозились из Тереценского гетто в Чехословакии в концлагерь в Освенциме (Польша), и там их умерщвляли в газовых камерах».

Итак, с территорий, протектором которых был Фрик, евреи направлялись в газовые камеры. Таким образом, доказано, что Фрик был одним из главных заговорщиков с 1933 года до того момента, когда союзные армии сокрушили сопротивление нацистских вооруженных сил.

Доказательство виновности Фрика основывается на документах, подписанных лично им, и документах других подсудимых, вместе с которыми он согласно нашему Уставу несет ответственность.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ГРИФФИТ-ДЖОНСА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ШТРЕЙХЕРА ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 10 января 1946 г.]

...Господа судьи, моим долгом является предъявить Суду доказательство вины подсудимого Юлиуса Штрейхера в совершении преступлений против человечности.

В том параграфе приложения Обвинительного заключения, который относится к Штрейхеру, перечисляются официальные должности, которые он занимал. Затем там формулируется обвинение в том, что он использовал это свое служебное положение, свое личное влияние и тесную связь с фюрером таким образом, что содействовал приходу к власти нацистских заговорщиков и укреплению их власти над Германией, как это изложено в разделе первом Обвинительного заключения.

Далее он обвиняется в том, что санкционировал преступления против человечества, руководил ими и принимал участие в их совершении, как это изложено в разделе четвертом Обвинительного заключения, включая в особенности подстрекательства к преследованию евреев, как это изложено в первом и четвертом разделах Обвинительного заключения.

Господа судьи! Обвинение против этого подсудимого может быть изложено, по-видимому, в нескольких словах, если мы вспомним о его неофициальном титуле, который он сам принял, а именно: «палач евреев номер 1». Обвинение предъявляется этому человеку в том, что на протяжении 25 лет он стремился воспитывать весь германский народ в духе ненависти и подстрекал их к преследованию и истреблению евреев. Он был соучастником убийств, совершенных в невиданных прежде масштабах.

С разрешения Трибунала я намереваюсь вкратце показать должности и влияние этого подсудимого и затем обратить внимание Трибунала на несколько кратких выдержек из его газет,

из его речей. Я также укажу на ту роль, которую он играл в отдельных актах преследования евреев в период между 1933 и 1945 гг.

Господа судьи! Этот подсудимый родился в 1885 году. Он был школьным учителем в Нюрнберге и создал свою собственную партию, которую он назвал «Германская социалистская партия». Основная политика этой партии, кроме прочего, заключалась в антисемитизме. В 1922 году он передал свою партию Гитлеру; в ярких красках отчет об этом акте «благородства» имелся в книге Гитлера «Майн Кампф», который я не считаю нужным оглашать здесь, чтобы не занимать время у Трибунала. Книга «Майн Кампф» уже была представлена Трибуналу за номером ВВ-128.

Посты, которые занимал Штрейхер в партии и в правительстве, были немногочисленны. С 1921 до 1945 года он был членом нацистской партии. В 1925 году он был назначен гаулейтером Франконии и занимал этот пост до февраля 1940 года. С момента прихода к власти нацистов в 1933 году и по 1945 год он был членом рейхстага. В дополнение к этому ему был присвоен ранг обергруппенфюрера СА.

Пропаганда, которую он проводил на протяжении этих лет, распространялась главным образом посредством его газет. С 1922 года по 1933 год он был издателем и редактором газеты «Дер Штюрмер». Затем он стал владельцем этой газеты и издателем.

В 1933 году он основал и затем издавал ежедневную газету «Франкише Тагесцейтунг» и, несомненно, нес за нее ответственность.

В дополнение к этому, особенно в более поздний период, было еще несколько других, главным образом местных, газет, которые он издавал в Нюрнберге.

Таковы были официальные должности, которые он занимал. Теперь я хотел бы вкратце проследить за ходом его подстрекательства и пропаганды в более или менее хронологическом порядке, обращая внимание Трибунала на краткие выдержки. Они выбраны с целью показать Трибуналу различные методы, которые использовал подсудимый для того, чтобы натравить народ против евреев. Все его газеты изобиловали такими выпадами, и это имело место неделя за неделей, день за днем. Невозможно найти хотя бы один номер без того, чтобы там не повторялись одни и те же фразы и в заголовках, и в статьях.

Еще в апреле 1925 года в одном из своих выступлений Штрейхер призывал: «Давайте сегодня заложим основы для того, чтобы мы могли уничтожить евреев».

В апреле 1932 года он говорил: «В течение 13 лет я сражаюсь против еврейства».

И далее шли гнусные антисемитские бредни, имевшие целью разжечь ненависть к евреям.

Такими методами действовал подсудимый в ранние годы своей деятельности. Когда нацистская партия пришла к власти, она официально открыла кампанию против евреев бойкотом 1 апреля 1933 г. Об этом бойкоте Трибуналу уже были представлены доказательства. И я только напоминаю Трибуналу вкратце о том, что происходило.

Бойкот был принят и одобрен всем правительством, как об этом говорится в уже представленном Вам документе ПС-2409, США-262. Это — дневник Геббельса.

Штрейхер был назначен председателем комитета по руководству этим бойкотом. Об этом говорится в документе АС-2156, США-263. Там говорится, что в среду 29 марта он начал свою работу. В тот же день комитет издал прокламацию, в которой говорилось, что бойкот начнется в субботу ровно в 10.00 утра.

Штрейхер как глава комитета по проведению бойкота в деталях изложил организацию бойкота в приказах комитета, опубликованных 31 марта 1933 г., что подтверждается документом ПС-2154, ВВ-167.

Я думаю, что нет нужды в том, чтобы продолжать распространяться по этому вопросу.

Неоспоримо, что Штрейхер занимал руководящий пост и что на этот руководящий пост он был назначен правительством для проведения политики преследования евреев.

4 октября 1935 г., ровно через месяц после издания Нюрнбергских законов, Штрейхер произнес речь, которая была помещена в «Фелькишер бербахтер» под заголовком «Охрана германской крови и германской чести» и призывала к расправе с евреями.

Следующие два документа в Вашей книге документов представляют собой выдержки из статей, опубликованных в газете «Дер Штюрмер», которые вновь показывают методы, использовавшиеся Штрейхером в этой пропаганде. Я не буду оглашать их. Его газета в эти дни публиковала массу писем немцев, поддерживающих бойкот. Говоря иными словами, эта газета была еженедельным рупором клеветы против евреев по всей Германии.

Я перехожу к изложению другой особой формы пропаганды, которую подсудимый использовал и которую называл «ритуальное убийство». Трибунал помнит, что несколько лет назад — я думаю, это началось в 1934 году — газета «Дер Штюрмер» начала печатать относительно так называемых ритуальных убийств статьи, которые настолько возмутили весь мир, что настоятель Кентерберийского собора написал письмо в «Таймс», протестуя, как и многие другие люди во всех странах мира,

против того, что гитлеровское правительство разрешает публиковать такие вымыслы в своих национальных газетах.

Милорд, я считаю, что эта газета представляет собой прямое подстрекательство народа Германии, который читал ее, к убийствам. Газета полна картин, отражающих убийства, которые якобы совершались для того, чтобы известить германский народ, и должна была вызвать у всех, кто ее читал, желание мстить подобным же образом (документ 10, представленный под номером ВБ-173).

Следует заметить, что в 1938 году преследование евреев приобрело более острую форму. В январе 1938 года по какой-то причине вышел специальный выпуск газеты «Дер Штюрмер». В передовой статье этой газеты, написанной подсудимым, говорится, что главная цель и основная задача государства заключаются якобы в том, чтобы сохранить народ, кровь и расу. Но если это является основной задачей, то за всякое преступление против этого закона каждый должен подвергаться самой высокой мере наказания. «Дер Штюрмер» поэтому придерживается взгляда, что существует только два вида наказания за осквернение расы:

«1. Пожизненные каторжные работы за попытку осквернить расу.

2. Смерть за осквернение расы».

Если есть еще необходимость в том, чтобы показать, что представляет собой эта газета, то Трибунал может посмотреть следующую страницу книги документов, где приведены заголовки статей, которые содержатся в этом издании.

От газеты «Дер Штюрмер» я перехожу к описанию одного случая, в котором подсудимый Штрейхер играл важнейшую роль.

Все помнят, что 9—10 ноября 1938 г. происходили организованные демонстрации против евреев; как я уже говорил, вся эта пропаганда стала принимать все более свирепый и дикий характер. Осенью того же года подсудимый Штрейхер организовал разгром нюрнбергских синагог по случаю совещания представителей прессы в Нюрнберге. На это уже ссылались ранее в документе ПС-1724, представленном под номером США-266.

Об этой демонстрации сообщалось:

«...После полуночи возбуждение населения достигло предела, и громадная толпа направилась к синагогам в Нюрнберге и Фюрте и сожгла эти два еврейских здания... Пожарные бригады, которые были немедленно извещены об этом, следили за тем, чтобы пожар не распространился на другие здания. Окна еврейских лавок, хозяева которых все еще не оставили некую надежду продавать свое тряпье немецким крестьянам, были разбиты...»

Этот документ представляется за номером ВБ-174.

После ноябрьской демонстрации в гау Франконии происходили беспорядки в связи с организованной ариезацией еврейской собственности. Это присвоение еврейской собственности, конечно, регулировалось государством, и согласно декрету было установлено, что выручка или возможная выручка от передачи еврейской собственности арийцам должна была передаваться государству. Во Франконии, видимо, случилось так, что большая часть этой выручки не доходила до государственной казны, и в связи с этим Геринг создал комиссию для расследования того, что случилось. У нас есть отчет этой комиссии, и я хотел бы обратить внимание Трибунала на несколько кратких абзацев из него. На странице 45 этого отчета можно прочесть о том, что, собственно, происходило в гау, подведомственном подсудимому Штрейхеру.

...Заместитель гаулейтера Хольц так описывает эти события: «...В ночь с 9 на 10 ноября и 10 ноября 1938 г. по всей Германии имели место события, которые рассматривались как сигнал к совершенно иному решению еврейского вопроса в Германии. Синагоги и еврейские школы сжигались, еврейская собственность уничтожалась как в лавках, так и в частных домах. Кроме того, большое количество отдельных евреев было отправлено полицией в концлагеря. К середине дня мы обсудили эти события в доме гаулейтера. Все мы придерживались того мнения, что в настоящее время мы стоим перед лицом совершенно новых событий в еврейском вопросе...»

Я предложил, чтобы дома и земля были отняты у них. Я заявил, что готов провести сам в жизнь все эти мероприятия. Я сказал также, что путем передачи земли и домов евреям арийцам большая выручка может прийти и на долю самого гау и что это составит примерно несколько миллионов марок. Я заявил, что, по моему мнению, эта передача собственности арийцам может производиться так же легально, как передача лавок. Ответ гаулейтера звучал примерно так: «Если вы думаете, что вы можете провести это в жизнь,— проводите...»

Я теперь перейду к странице 48 книги документов. Это — вторая часть отчета, содержащая выводы комиссии.

«...Гаулейтер Штрейхер любит избивать людей хлыстом, но в том случае, если с ним находятся в качестве помощников несколько человек. Обычно эти избиения производятся с садистской жестокостью...»

...В результате проверки или по иной причине подсудимый был освобожден от обязанностей гаулейтера в феврале 1940 года, но он не перестал заниматься антисемитской пропагандой и руководить редакцией своей газеты.

Я оставляю газету «Дер Штюрмер» и обращаю теперь внимание Трибунала на проблему, которая столь же ужасна, как

и все другие стороны деятельности этого человека. Я обращаю внимание Трибунала на особое значение, которое Штрейхер придавал проблеме воспитания или, вернее сказать, развращения детей и молодежи Германии. Он не удовлетворялся тем, что подстрекал взрослое население Германии. Он следил за тем, чтобы дети в школах как можно раньше начинали впитывать яд его человеконенавистнических взглядов.

Каждое лето в Нюрнберге праздновали то, что называли юношеским праздником. Это было языческое торжество, для участия в котором подсудимый Штрейхер собирал и организовывал или, по меньшей мере, призывал молодежь.

Штрейхер не удовлетворялся тем, что выступал с речами и писал статьи, он издал в своем издательстве «Дер Штюмер» для учителей книгу, в которой написано: «...Расовые и еврейские вопросы являются основной проблемой в национал-социалистской идеологии. Разрешение этой проблемы обеспечит существование национал-социализма и вместе с тем существование нашей нации...»

В заключение я вновь хотел бы обратить внимание Трибунала на ту власть, которой пользовался Штрейхер в качестве гаулейтера. Это можно увидеть из устава национал-социалистской партии издания 1938 года, который уже был представлен под номером США-430. Описывая полномочия и обязанности гаулейтера, устав гласит: «Гаулейтер несет общую ответственность перед фюрером за район, который ему поручен. Права, обязанности и компетенция гаулейтера в основном устанавливаются мандатом, получаемом от фюрера, а также другими детальными инструкциями».

Его связь с фюрером и другими подсудимыми или с некоторыми из других подсудимых видна из газетных статей. По случаю 50-летия Штрейхера Гитлер посетил Нюрнберг для того, чтобы поздравить его. Это произошло 13 февраля 1935 г. Описание этой встречи было опубликовано в газете «Фелькишер беобахтер» от того же числа.

Господа судьи! Может быть, подсудимый и принимал меньшее участие в физическом совершении преступлений против евреев, о которых Трибунал слышал, чем некоторые из других заговорщиков. Но обвинение считает, что его преступление от этого не уменьшается. Никакое правительство в мире до того, как нацисты пришли к власти, не могло бы начать и провести политику массового истребления, не имея народа, который подерживал бы их, и не имея большого количества людей — мужчин и женщин, которые были бы готовы участвовать в этих кровавых убийствах. Даже прошлые поколения немецкого народа не согласились бы на совершение тех преступлений, о ко-

торых слышал Трибунал: на убийство многих миллионов мужчин и женщин.

Штрейхер взял на себя эту задачу «просвещения» народа, воспитание убийц, отравления их умов ненавистью. В течение 25 лет он с решимостью осуществлял это извращенное, так называемое «воспитание» народа и молодежи Германии, и он продолжал это, видя, какие плоды приносит его работа.

Сначала он проповедовал преследование, затем начал проповедовать истребление и убийство. И в то время, как в гетто Востока уничтожались и истреблялись миллионы евреев, он требовал все новых и новых жертв.

Таково преступление Штрейхера. Обвинение утверждает, что он сделал возможным совершение этих ужасных преступлений, которые никогда не были бы совершены без него. Он вел пропаганду среди немецкого народа в этом направлении. Без него кальтенбруннеры, гиммлеры, генералы штумпфы и прочие гитлеровцы не имели бы людей для выполнения своих приказов. Как мы видели, он сконцентрировал свое внимание на молодежи и детях Германии.

В этом отношении его преступление, вероятно, идет гораздо дальше, чем преступление кого-либо из других подсудимых. Их преступная деятельность пресечена после заключения их в тюрьму. Влияние же преступлений этого человека и яд, которым он отравил умы многих миллионов мальчиков и девочек Германии, которые теперь стали юношами и девушками, продолжает жить. Он оставляет за собой массу развращенных им людей, отравленных ненавистью, садизмом и жадной убийств. Эти люди останутся в течение поколений проблемой, а может быть, и угрозой для человечества.

Мы утверждаем, что обвинения в отношении этого человека, изложенные в Обвинительном заключении, доказаны.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ
МЕЛЬТЦЕРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ФУНКА
ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседаний Международного Военного Трибунала
от 10 и 11 января 1946 г.]

...Кроме поста имперского министра экономики Функ имел очень много важных обязанностей в министерстве пропаганды и в подчиненных ему организациях. Список этих обязанностей уже перечислен в документе ПС-3533. Я хочу сослаться на деятельность Функа в качестве вице-президента имперской палаты культуры. Эта деятельность была, конечно, связана с его работой в министерстве пропаганды. В этой двойной должности он непосредственно содействовал проведению двух жизненно важных, связанных между собой линий нацистской политики. Прежде всего это заключалось в регламентации всей творческой деятельности в интересах нацистского правительства и его военных целей, во-вторых, — в полном устранении евреев и недовольных элементов из так называемых культурных учреждений.

Я не буду здесь подробно рассматривать все методы, при помощи которых проводились эти меры. Принимая во внимание ведущую роль подсудимого Функа в министерстве пропаганды, вполне естественно, что нацистские писатели подчеркивали его ответственность за извращение культуры в духе нацизма.

После того когда подсудимый Функ оставил министерство пропаганды и стал министром экономики в 1938 году, он продолжал поощрять антисемитскую кампанию. Так, 14 июня 1938 г. он подписал декрет, который предусматривал регистрацию еврейских учреждений. Этот декрет, ставший основой для безжалостного экономического преследования евреев, которое последовало за его изданием, помещен в «Рейхсгезетцблатт»

за 1938 год, часть 1, страница 627. Я прошу Трибунал принять эту ссылку на «Рейхсгезетцблатт» и все дальнейшие ссылки без доказательств. Разрешите мне также добавить, что в судебных выдержках по делу подсудимого Функа приводятся номера переводов декретов и других немецких изданий, которые мы просили Трибунал принять без доказательства.

Как помнит Трибунал, смерть члена германской миссии в Париже фон Рата в ноябре 1938 года была использована в качестве повода для активизации преследования евреев. Целью этой новой политики было окончательное изгнание евреев из экономической жизни Германии. Мы увидим на основании документов, которые мы представим, что подсудимый Функ играл важную роль как в планировании, так и в проведении этой политики. В этой связи я хотел бы обратить внимание Трибунала на документ ПС-1816, который был уже представлен в качестве доказательства. Этот документ представляет собой протокол совещания по еврейскому вопросу. Это совещание происходило 12 ноября 1938 г. под председательством Геринга. Открывая его, подсудимый Геринг заявил: «Сегодняшнее совещание носит решающий характер. Я получил письмо, написанное по приказу фюрера Борманом, в котором излагалось требование, чтобы еврейский вопрос был сейчас урегулирован и разрешен тем или иным путем раз и навсегда».

Подсудимый Функ пришел на это совещание хорошо подготовленным. У него был уже составлен проект закона, который он представил со следующими пояснениями.

«Я подготовил закон, предусматривающий, что с 1 января 1939 г. евреям будет запрещено иметь магазины розничной и оптовой торговли, а также собственные мастерские. Затем им будет запрещено также держать служащих или же продавать на рынке любые готовые товары. Где бы ни вел торговлю еврейский магазин, полиция закроет его. С 1 января 1939 г. еврей больше не может являться предпринимателем, как это предусматривалось в законе об организации национального труда от 20 января 1934 г.»

Проект закона, составленный подсудимым Функом, в основном был принят. 12 ноября 1938 г. подсудимый Геринг подписал декрет, озаглавленный: «Об изгнании евреев из экономической жизни Германии», и в разделе четвертом этого декрета уполномочил подсудимого Функа обеспечить практическое выполнение этого декрета путем издания необходимых правил и постановлений.

Вскоре после издания декрета от 12 ноября подсудимый Функ произнес речь по еврейскому вопросу. Он ясно заявил, что программа экономического преследования являлась только частью обширной программы истребления. Он хвастливо заявил

о том, что новая программа обеспечивает полное изгнание евреев из германской экономики. Я представляю в качестве доказательства заверенную фотокопию второй страницы газеты «Франкфурт цейтунг» от 17 ноября 1938 г. (документ ПС-3545). Я оглашу только очень краткую выдержку из речи Функа:

«Государство и экономика представляют собой единое целое. Ими следует руководить на основании одних и тех же принципов. Лучшим доказательством этого является недавнее разрешение еврейской проблемы в Германии. Нельзя изгнать евреев из политической жизни и в то же время разрешить им жить и работать в экономической области».

Я хотел бы сослаться еще на один декрет, который был подписан самим подсудимым Функом. 3 декабря 1938 г. подсудимый подписал декрет, который предусматривал дополнительные и жестокие экономические репрессии против евреев, разрешая конфискацию и насильственную ликвидацию их собственности. Об этом говорится в «Рейхсгезетцблатт» за 1938 год, часть I, страница 1709. Сам подсудимый Функ признал свою ответственность за экономическое преследование евреев.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-3544. Этот документ является последним документом в связи с этой частью обвинения и представляет собой протокол допроса подсудимого Функа от 22 октября 1945 г. Сейчас я хотел бы огласить выдержку из него. Хотя я намереваюсь огласить достаточно обширную выдержку, я не намереваюсь, конечно, сколько-нибудь доверять Функу в его попытках оправдаться. Оглашаю:

В о п р о с: Все декреты в отношении исключения евреев из промышленности были изданы вами или нет?

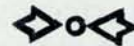
О т в е т: Поскольку это касается моего участия в этом мероприятии в отношении евреев, на мне лежала эта ответственность, и я позднее сожалел, что участвовал в этом. Партия всегда до этого оказывала на меня давление с тем, чтобы заставить меня согласиться на конфискацию еврейской собственности, я неоднократно отказывался. Однако позднее, когда антисемитские мероприятия и насилия против евреев стали осуществляться на практике, надо было, чтобы и в области законов было предпринято что-то, чтобы предотвратить разграбление и конфискацию всей еврейской собственности.

В о п р о с: Вы знаете, что разграбление и все остальное делалось по подстрекательству партии? Не так ли?».

Здесь подсудимый Функ расплакался и сказал:

«Да, конечно, именно тогда я должен был бы уйти, в 1938 году. Я виновен. Я виновен в этом. Я признаю, что я частично являюсь виновным в этом».

В министерстве пропаганды подсудимый Функ, как мы уже видели, помогал мобилизовать германский народ для войны. Когда он занял пост министра по вопросам экономики, а также позднее, когда он занимал другие официальные посты, он использовал все свои способности самым прямым образом для выполнения главной задачи заговорщиков: подготовки и ведения агрессивной войны.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ФИЛЛИМОРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ДЕНИЦА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 14 января 1946 г.]

Трибуналу вручена книга документов, расположенных в таком порядке, в котором я буду на них ссылаться. На первой странице имеется отрывок из Обвинительного заключения (приложение «А»), в котором излагаются обвинения против этого подсудимого. Там перечисляются те посты, которые он занимал, и излагается обвинение против него, во-первых, в том, что он содействовал подготовке к войне, во-вторых, в том, что он принимал участие в военном планировании и подготовке агрессивных войн и войн в нарушение международных договоров, соглашений и обязательств, и, в-третьих, в том, что он руководил, направлял и принимал участие в военных преступлениях, включая преступления против лиц и собственности в открытых морях.

На второй странице перечислены посты, которые занимал подсудимый Дениц. Из документа ПС-2887, который уже был представлен под номером США-12, Трибунал увидит, что после назначения Деница в 1932 году командующим флотилией подводных лодок он постепенно повышался в ранге по мере того, как увеличивался подводный флот до тех пор, пока он не стал адмиралом. 30 января 1943 г. он был назначен гроссадмиралом и занял место подсудимого Редера в качестве главнокомандующего германским военно-морским флотом, оставаясь в то же время командующим подводным флотом. Затем 1 мая 1945 г. он занял место Гитлера в качестве лидера разбитой Германии...

Подсудимый занимал эти высокие посты и получал щедрые награды не столько потому, что он был способным морским офицером, а потому, что был одним из главных советников Гитлера, и, наконец, после того как прежние кандидаты, такие как

Геринг, не оправдали доверие Гитлера или сами сочли этот пост менее привлекательным, чем предполагали, он получил сомнительную честь стать преемником Гитлера.

Все это он получил благодаря его фанатической приверженности Гитлеру и партии, его вере в нацистскую идеологию, которую он пытался внедрить в военно-морской флот и германский народ, на что он ссылается в дневнике, характеризующем его крайнюю безжалостность. Его отношение к нацистской партии и ее идеям проявляется в его публичных выступлениях.

Обратимся к следующему документу в книге документов Д-443, который я представляю под номером ВВ-185. Это — отрывок из речи подсудимого на совещании командующих флотом в Веймаре 17 декабря 1943 г. Позднее она распространялась подсудимым как совершенно секретный документ и предназначалась только для старшего офицерского состава путем личного вручения им...

Документ Д-444, который я предьявляю под номером ВВ-188, содержит отчет о речи Деница, произнесенной им 1 мая в 22 ч. 26 м. В своем выступлении Дениц объявил о смерти Гитлера 30 апреля в имперской канцелярии и о своем назначении его преемником.

Помимо деятельности Деница в нарушение международных обязательств по созданию подводного флота, имеются явные доказательства того, что подсудимый, будучи главнокомандующим подводным флотом, принимал участие в планировании, развязывании и ведении агрессивной войны против Польши, Норвегии и Дании.

Следующий документ из книги документов С-126/С уже был представлен как доказательство ВВ-45. Это — меморандум подсудимого Редера от 16 мая 1939 г. Я обращаю внимание Трибунала на то, кому был разослан этот меморандум. Шестая копия была послана командующему подводным флотом, то есть подсудимому Деницу. Этот документ представляет собой директиву о вторжении в Польшу («План Вейс»); я не буду ее читать, поскольку она уже зачитывалась.

Следующий документ С-126/Е также был представлен как доказательство ВВ-45. Это — меморандум штаба подсудимого Редера от 2 августа 1939 г., обращенный к флоту и, конечно, к флагману подводных лодок подсудимому Деницу. В сопроводительном письме даются указания об использовании подводных лодок, которые должны быть посланы в Атлантику в качестве предохранительной меры на тот случай, если не изменится намерение о проведении «Плана Вейс». Важно второе предложение:

«Флагман подводных лодок вручает оперативные приказы в «СКА» (оперативный штаб германского адмиралтейства)

к 12 августа. Решение об отправке подводных лодок в Атлантику будет, возможно, вынесено в середине августа.

Следующий документ С-172 я представляю как доказательство ВБ-189. Он состоит из инструкции самого подсудимого всем подводным лодкам о проведении операции «План Вейс». Документ подписан подсудимым. Он не имеет даты, но из самого содержания ясно, что документ составлен до 16 июля 1939 г. Я не думаю, чтобы содержание этого документа прибавило что-нибудь новое. Это — просто оперативная инструкция, которая последовала за документом, уже представленным как доказательство за номером С-126/С.

Господин председатель, следующий документ С-122 был представлен как доказательство ВБ-82. Это — отрывок из военного дневника военно-морского штаба германского адмиралтейства от 3 октября 1939 г. И здесь устанавливается тот факт, что начальник военно-морского штаба запрашивает о точке зрения на возможность захвата оперативных баз в Норвегии. Это уже зачитывалось, я только обращаю внимание Трибунала на абзац, обозначенный буквой «d»:

«Флагман подводных лодок уже рассматривает эти гавани как чрезвычайно полезные базы оборудования и припасов для подводных лодок Атлантики, которые могут время от времени туда заходить».

Следующий документ С-5 был представлен как доказательство ВБ-83. Этот документ от имени подсудимого как командующего подводными лодками адресован верховному командованию военно-морского флота. Он датирован 9 октября 1939 г. В нем выражаются взгляды подсудимого о преимуществах Тронхейма и Нарвика как военно-морских баз. В документе предлагается создать базу в Тронхейме и дополнительную базу в Нарвике.

Следующий документ С-151, ВБ-91 — оперативный приказ подсудимого подводным лодкам об оккупации Дании и Норвегии и совершенно секретный оперативный приказ от 30 марта. Этот приказ засекречен под словом «Хартмут». Члены Трибунала вспомнят, что в документе в последнем абзаце говорится:

«Военно-морские силы при входе в гавани и до тех пор, пока не высадутся войска, должны иметь британский флаг, предположительно, кроме Нарвика. Порт Нарвик сюда не включается».

Приготовления к войне против Англии, пожалуй, лучше всего видны в расположении подводных лодок, которые находились под командованием подсудимого на 3 сентября 1939 г., когда разразилась война между Германией и западными союзниками. Места, где произошли потопления в следующую неделю, включая потопление «Атени», о которой будет говорить майор

Элвин Джонс, подтверждают это. Я представляю в качестве доказательства две схемы как документ Д-652, ВБ-190.

Документы, на основании которых составлена первая схема, в настоящее время хранятся в британском адмиралтействе в Лондоне.

У меня есть два замечания по первой схеме. Первое замечание. Членам Трибунала будет видно, что подводные лодки, которые находились в таком положении 3 сентября 1939 г., вышли из Киля задолго перед этим. Второе замечание, которое я хотел бы сделать, важно в связи с делом подсудимого Редера, которое будет представлять Элвин Джонс, — это местонахождение подводной лодки У-30, потопившей «Атени».

Члены Трибунала могут иметь это в виду при знакомстве со схемой.

Вторая схема показывает потопления, произведенные в течение первой недели войны, и место потопления «Атени».

Господин председатель, я обращаюсь к материалам об участии подсудимого в военных преступлениях и преступлениях против человечности.

Война, которая велась против нейтральных и союзных торговых судов подводными лодками под руководством подсудимого, представляет собой войну, жестокость которой постепенно возрастала. Подсудимый проявил свое «высочайшее мастерство, действуя сообразно изменению хода военных событий».

С самых первых дней торговые суда как союзные, так и нейтральные топились без предупреждения и, когда германское адмиралтейство объявило опасные зоны операции, эти потопления продолжали иметь место внутри и вне этих зон. За некоторыми исключениями, в ранние дни войны не принималось во внимание безопасность команд или пассажиров потопленных торговых судов, и заявление, требовавшее полной блокады британских островов, служило просто для того, чтобы подтвердить создавшееся положение, при котором подводная война проводилась без какого-либо внимания к установленным международным правилам ведения войны или к требованиям человечности.

Ведение войны на море в течение первых 18 месяцев суммировано в двух официальных британских отчетах, сделанных в то время, когда те, кто их составлял, не знали о некоторых подлинных приказах, которые сейчас находятся в наших руках.

Я обращаюсь к документу Д-641 (а), который я представляю как доказательство ВБ-191. Это — отрывок из официального отчета британского министерства иностранных дел, касающегося германских атак на торговые суда в период с 3 сентября 1939 г. по сентябрь 1940 года, то есть в первый год войны. Отчет был составлен вскоре после сентября 1940 года.

Я хотел бы процитировать второй абзац на первой странице:

«В течение первых 12 месяцев войны 508 союзных судов водоизмещением в 2 081 062 тонны были потеряны из-за вражеских действий. В дополнение 253 нейтральных судна водоизмещением в 769 213 тонн также были потеряны. Почти все эти торговые суда были потоплены подводными лодками, минами, воздушным или надводным флотом; большинство из них было потоплено тогда, когда они совершали торговые рейсы. 2836 союзных торговых моряков погибли на этих торговых судах».

В предыдущую войну практика центральных держав так отдалась от принципов ведения войны, что сочли необходимым изложить снова правила ведения войны, в особенности по отношению к подводным лодкам. Это было сделано в договоре, принятом в Лондоне в 1930 году; в 1936 году Германия присоединилась к этим правилам. Правила гласили:

«I. В действиях по отношению к торговым судам подводные лодки должны подчиняться правилам международного права, которым подчиняются надводные суда.

II. В частности, за исключением случая настойчивого отказа остановиться после требования или активного сопротивления посещению и обыску, военное судно, будь то надводное судно или же подводная лодка, не может потопить или привести в негодность к плаванию торговое судно без того, чтобы прежде не были взяты пассажиры, команда и документы в безопасное место. Для такой цели спасательные лодки не могут рассматриваться как безопасное место в случае, если не может быть уверенности в безопасности пассажиров и команды в связи с состоянием моря, условиями погоды, близостью земли или наличием другого судна, которое может взять их на борт».

В начале настоящей войны Германия издала указания о захвате трофеев и о правилах ведения войны на море. Эти правила не соответствуют традиционной британской точке зрения, но важный пункт заключается в том, что даже в них статья о захвате трофеев имеет в виду захват команды до разрушения судна.

Другими словами, если бы немцы придерживались правил, изложенных в их собственном уставе о ведении подводной войны, мы бы не спорили с ними. В данном же случае, однако, совершенно ясно, что почти с самого начала войны немцы отказались от своих собственных принципов и вели войны с постепенно повышающимся пренебрежением к международному праву и к тому, что является главным принципом всякого права — защите человеческой жизни и собственности от произвольных и безжалостных атак.

Привожу далее два примера.

30 сентября 1939 г. было совершено первое потопление нейтрального судна подводной лодкой без предупреждения и с по-

терями человеческих жизней. Это было датское судно «Вендиа», которое шло в Клайд за балластом. Подводная лодка произвела два выстрела и вскоре после этого торпедировала судно. Торпеда была выпущена тогда, когда капитан судна уже сигнализировал, что он подчиняется приказам подводной лодки, и прежде чем он имел возможность оставить судно.

К ноябрю подводные лодки начали топить нейтральные суда, как правило, без предупреждения. 12 ноября норвежское судно «Арне Киоде» было торпедировано в Северном море без какого бы то ни было предупреждения. Это был танкер, который шел из одного нейтрального порта в другой. Капитан судна и четыре члена команды были убиты, а оставшиеся в течение многих часов находились в открытых лодках, пока их не подобрал...

В отчете даются некоторые цифры об атаках на союзные торговые судна: 241 потопленное судно, 221 зафиксированное нападение на суда, 112 незаконных нападений. По крайней мере, 79 из этих 112 судов были торпедированы без предупреждения.

Перехожу ко второму отчету 641 (b). Это — часть того же самого документа, и я представляю его как ВБ-191. Этот отчет охватывает шесть следующих месяцев с 1 сентября 1940 г.

Я прочту два первых абзаца на третьей странице:

«В середине октября подводные лодки топили торговые суда, не обращая никакого внимания на безопасность команд. Но через четыре месяца немцы все еще официально заявляли, что они действуют в соответствии с уставом о ведении подводной войны. Их собственные полуофициальные комментаторы, однако, пояснили это положение. Что же касается нейтральных судов, официальные лица в Берлине в феврале заявили, что любое нейтральное судно, которое добровольно или по принуждению идет в порт врага, включая суда, контролируемые контрабандой, тем самым теряет свою нейтральность и должно рассматриваться как враждебное...

Что касается союзных судов, то с середины ноября 1939 года Берлином было издано предупреждение против вооружения британских судов. К этой дате ряд британских торговых судов был незаконно атакован огнем из орудий или торпедами, выпущенными подводными лодками, а после этой даты еще пятнадцать невооруженных союзных судов было торпедировано без предупреждения. Поэтому ясно, что вооружение не только не оправдывалось полностью, как мера защиты, но также что ни до, ни после этой германской угрозы германские подводные лодки не делали различия между вооруженными и невооруженными судами».

Обращаясь к документу 641 (b), который представляет собой подобный же отчет, охватывающий следующие шесть месяцев, я прочту несколько строк:

«30 января 1941 г. Гитлер объявил, что «каждое судно с охраной или без, которое появляется перед нашими торпедоносцами, должно быть торпедировано...»

Далее описывается особый случай, иллюстрирующий выполнение этих указаний.

«Потопление судна «Сити оф Бенарес» 17 сентября 1940 г. является ярким примером нарушения правил ведения войны на море. «Сити оф Бенарес» был линейным кораблем водоизмещением в 11 тысяч тонн со 191 пассажиром на борту, включая около 100 детей. Это судно было торпедировано без предупреждения сейчас же за «военной зоной», с потерей 258 человек¹, включая 77 детей. В это время дул резкий ветер с градом и дождем и море было очень бурным, когда судно было торпедировано около 10 часов вечера. В темноте из-за условий погоды, по крайней мере, 4 из 12 спущенных спасательных лодок опрокинулись; остальные залила вода, и многие люди были волной сброшены в море. Только в одной лодке 16 человек, включая 11 детей, погибли от того, что были оставлены на произвол судьбы, в другой погибли 22 человека, включая 15 детей, в третьей погиб 21 человек».

Следует подчеркнуть не только необычную жестокость этого нападения, но и то, что подобные результаты неизбежны, когда нападающий пренебрегает правилами ведения войны на море, как это делали немцы.

Я обращаюсь к другому документу: «Потопление судна «Чиф Мид». Это документ Д-644, который я представляю как доказательство ВБ-192.

Я прочту первый абзац: «Британское судно «Чиф Мид» было торпедировано без предупреждения 27 мая 1940 г.».

Главный инженер судна следующим образом описывает действия экипажа подводной лодки после торпедирования судна: «Когда я всплыл на поверхность, то нашел, что я очень близок к подводной лодке, всего около пяти ярдов от нее. Капитан подводной лодки спросил стюарда о названии судна, и последний назвал ему его...»

Два человека стояли с баграми для того, чтобы не дать нам возможности приблизиться. Вокруг нас кружился катер в течение полчаса, и эти люди фотографировали нас в воде. Другими словами, они смотрели на нас, но ничего не говорили. Затем подводная лодка погрузилась и удалилась, не оказав нам никакой помощи».

Теперь, когда возможно изучить некоторые подлинные документы, согласно которым подсудимый и его сообщники отдавали приказы в нарушение международного права, следует признать,

¹ Включая состав команды. — Составители.

что те, кто составлял приводившиеся выше отчеты, преуменьшили значение описываемых фактов. Приказы относятся не только к периоду, на который имеются ссылки в отчетах, но и к последующим периодам ведения войны.

Я обращаюсь к документу С-194, который я представляю как доказательство ВБ-193. Это — меморандум германского военно-морского штаба от 22 сентября 1939 г. Здесь говорится: «Флагман подводных лодок намеревается дать разрешение подводным лодкам топить без предупреждения любое судно, идущее без огней...»

Разрешение предпринимать такой шаг не дается в письменном виде, но базируется на невысказанном одобрении военно-морского штаба. Командиры подводных лодок будут информированы устно, и потопление торгового судна должно быть оправдано в военном дневнике как происшедшее в связи с тем, что торговое судно было принято за военный корабль или вспомогательный крейсер. В настоящее время подводные лодки в английском канале получили инструкции нападать на все суда, идущие без огней».

Согласно Директиве верховного командования вооруженных сил от 30 декабря 1939 г. об усилении мер в воздушной и военно-морской войне в связи с «Желтым планом», командование военно-морского флота одновременно с общим усилением войны дало право подводным лодкам топить все суда без какого-либо предупреждения в тех водах вблизи берегов врага, в которых могут находиться мины. В этом случае для оправдания предлагалось ссылаться на мины. Поведение подводных лодок и употребление оружия должно было приспособливаться к обстановке и цели.

Этот приказ был затем передан флагману подводных лодок, проводившему его в жизнь.

Я обращаюсь к следующему документу Д-642, который я представляю как доказательство ВБ-196. Это — серия приказов. Первый из них — приказ, по которому командиры подводных лодок должны не только уклоняться от спасения команд и не оказывать им никакой помощи, но и преднамеренно уничтожать их.

Во время представления мною доказательств по этому вопросу я вызову двух свидетелей. Первый свидетель даст Суду показания о речи, произнесенной подсудимым во время издания этого приказа, в котором описывается политика подсудимого по отношению к спасению союзных команд, заключающаяся в том, что такое спасение должно быть остановлено любыми средствами.

Второй свидетель — офицер, который передал этот приказ командам.

Следующий документ представляет собой отрывок из приказа командования подводными лодками № 154, подписанного подсудимым.

«Параграф С. Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли. Заботьтесь только о своем собственном судне и боритесь только за то, чтобы достичь следующего успеха так скоро, как возможно. Мы должны быть жестокими в этой войне...»

Председатель: Каким числом датирован документ?

Филлимор: Этот приказ, копию которого мы имеем, не датирован, но следующий приказ № 173, который был издан вслед за оперативным приказом, датирован 2 мая 1940 г. Поэтому Трибунал может считать, что этот приказ был издан раньше 2 мая 1940 г., это — секретный приказ.

Следующий документ Д-423, который я представляю как доказательство ВБ-197, показывает развитие событий. Это — записи беседы между Гитлером и японским послом Осима в присутствии подсудимого Риббентропа. Беседа состоялась 3 января 1942 г.

«После того как фюрер дал объяснения по карте, он указал, что, сколько бы судов ни построили Соединенные Штаты, одной из самых больших проблем для них будет недостаток персонала. По этой причине даже торговые суда должны топиться без предупреждения с намерением убить так много членов команд, как только возможно.

Когда обнаружится, что большинство моряков погибли при потоплении судов, американцы столкнутся с трудностями в наборе новых команд. Подготовка членов команд требует очень большого времени. Мы боремся за наше существование, и наше отношение не должно руководствоваться какими-либо человеческими чувствами. По этой причине он должен отдать приказ, что в случае, когда иностранные моряки не могут быть взяты в плен, что не всегда возможно на море после того, как судно торпедировано, подводные лодки должны подняться на поверхность и расстрелять спасательные лодки.

Посол Осима искренне согласился с высказываниями фюрера и сказал, что японцы тоже вынуждены следовать этим методам».

Следующий документ Д-630 я представляю как доказательство ВБ-199. Это — выдержка из военного дневника Деница от 17 сентября 1942 г.

«Внимание всех командующих офицеров снова привлекается к тому факту, что все усилия, направленные на спасение членов команд потопленных судов, противоречат элементарным требованиям ведения войны, то есть уничтожению вражеских судов и их команд. Приказы, касающиеся захвата, еще остаются в силе».

Сейчас я представляю Трибуналу доказательство, когда приказ от 17 сентября 1942 г. был приведен в действие. Один из случаев изложен в документе Д-645, ВБ-203.

Это — отчет о потоплении рыболовного тральщика «Норин Мари», который был потоплен 5 июля 1944 г. германской подводной лодкой У-247. Первая страница этого документа содержит отрывок из судового журнала подводной лодки. Время, на которое делается ссылка в документе, — 19 ч. 43 м., затем идет подсчет выстрелов двух торпед, которые не попали в судно, и затем в 20 ч. 44 м. в судовом журнале записано:

«Подняться на поверхность. Рыболовные суда (показываются три рыболовных судна).

Вступаем в бой с ближайшим. Оно останавливается через три минуты». Затем идет подсчет выстрелов, произведенных до того, как тральщик стал погружаться, и, наконец, последняя запись: «Потоплен выстрелами в бок. Пошел под воду кормой».

Дальше имеется письменное показание Джемса Мак Алистера — палубного матроса на борту «Норин Мари»... Я читаю последний абзац на первой странице письменного показания. До этого речь шла о том, что он видел следы торпед, которые не попали в тральщик.

В последнем абзаце говорится:

«Пока мы еще тралили, подводная лодка поднялась на поверхность со стороны штирборта примерно в 50 ярдах на северо-восток и без какого-либо предупреждения открыла пулеметный огонь по судну. Мы были в 18 милях на запад от мыса Рэт и шли курсом норд-ост со скоростью 3 узла в час. Погода была ясная, солнечная, с прекрасной видимостью, море было спокойно, дул легкий ветерок...

Когда подводная лодка поднялась на поверхность, я увидел людей, вылезавших из боевой рубки. Капитан думал сначала, что подводная лодка была британской, но когда она открыла огонь, он немедленно ослабил тормоз для того, чтобы снять нагрузку с механизма (речь идет о тральщике), и пошел полной скоростью, примерно до 10 узлов. Подводная лодка гналась за нами, стреляя из пулеметов, и первыми же очередями были убиты два или три человека, включая капитана, который был на палубе и не имел времени укрыться. Затем подводная лодка открыла огонь из орудий, помещавшихся в ее боевой рубке. Первый такой выстрел взорвал паровой котел, окутал все паром и остановил судно.

К этому времени команда укрылась, но, несмотря на это, почти все, за исключением четырех человек, были убиты. Подводная лодка тогда начала кружиться перед судном и прошла мимо борта, продолжая непрерывный огонь из обеих орудий.

Мы медленно подвигались к порту все время, но судно не загорелось.

Штурман и я пытались опустить спасательную лодку, которая находилась на корме, но штурман был убит, и я отказался от этой попытки. Затем я спустился вниз в кладовую, которая была ниже ватерлинии, чтобы укрыться там. Судно приближалось к порту, когда, наконец, в 22 ч. 10 м. оно перевернулось и затонуло, а четыре человека, оставшиеся живыми на борту, были сброшены в море. Я не знал, где укрывались остальные три человека в течение всего этого времени, поскольку я не слышал и не видел их до тех пор, пока они не оказались в воде.

Я плавал в воде, пока мне не попался под руку сломанный борт нашей спасательной лодки, которая была перевернута, и я взобрался на ее дно. Даже теперя подводная лодка не погружалась, но преднамеренно шла в моем направлении, и, когда она была только в 60 или 70 ярдах от меня, она открыла стрельбу короткими очередями из пулеметов. Так как ее намерение было совершенно очевидно, я погрузился в воду, после чего вскарабкался опять на дно лодки. Подводная лодка вела стрельбу из орудий в течение целого часа...»

Я сейчас перейду к периоду, когда подсудимый Дениц занял место подсудимого Редера.

Председатель: Начиная с 1938 года?

Филлимор: Да, начиная с 1938 года.

Я хотел бы, чтобы Трибунал сделал соответствующий вывод из того, что подсудимый, как только занял место Редера, стал одним из руководителей империи, и ему, несомненно, в то время были известны все основные политические решения, тем более, что во время войны Дениц или его заместитель присутствовал на всех совещаниях в ставке Гитлера, на которых присутствовали Шпеер, Кейтель, Йодль, Риббентроп, Геринг и другие.

Следующий документ из книги документов Д-649, который я передаю как доказательство ВБ-208, представляет собой требование военно-морского флота, относящееся к июлю 1943 года, о передаче СД для расстрела персонала норвежского и британского флотов, захваченного в плен после потопления судна.

Следующий документ С-158 я представляю как доказательство ВБ-209. В нем содержатся две выдержки из протоколов совещаний от 19 и 20 февраля 1945 г. между подсудимым Деницем и Гитлером. Я прочту первое и последнее предложения из первой выдержки:

«Фюрер рассматривает вопрос о том, следует Германии или нет отказаться от выполнения правил Женевской Конвенции». Речь, очевидно, идет о Конвенции 1929 года, касающейся военнопленных.

И последнее предложение:

«Фюрер приказывает главнокомандующему военно-морским флотом рассмотреть положительные и отрицательные стороны этого шага и дать свои предложения как можно скорее».

Во второй выдержке говорится, что Дениц высказывает свое мнение в присутствии Йодля и представителя Риббентропа. Это два последних предложения, на которые я сошлюсь:

«Наоборот, ущерб, то есть ущерб при отказе от Конвенции, перевесит преимущества. По мнению главнокомандующего, будет лучше проводить те меры, которые мы находим необходимыми, без предупреждения и любыми путями сохранять вид законности для внешнего мира».

Вопрос, освещенный в этом документе, представляет большую важность, когда мы вспомним, что благодаря этой Конвенции около 165 тысяч британских и от 65 тысяч до 70 тысяч американских военнопленных были должным образом возвращены по окончании войны, поэтому выступление за нарушение этой Конвенции не является таким вопросом, на который нельзя не обратить внимания.

Следующий документ С-171 я представляю под номером ВБ-210, это тоже выдержка из протокола совещания между подсудимым Деницем и Гитлером от 1 июля 1944 г. Документ подписан подсудимым Деницем.

«Относительно общей стачки в Копенгагене фюрер заявил, что единственным оружием для борьбы с террором является террор».

Процессы, проводимые военно-полевыми судами, создают мучеников. История показывает, что имена этих людей на устах каждого, тогда как забвение — удел тех многих тысяч, которые потеряли свои жизни при подобных обстоятельствах, но без какого-либо военно-полевого суда».

Я перехожу к последнему документу Д-650, который я представляю в качестве доказательства за номером ВБ-212.

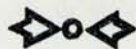
В нем содержатся приказы, изданные подсудимым в апреле. Документ, который я представляю, показывает фанатическую приверженность подсудимого нацистским идеям и его готовность даже на этой стадии продолжать уже безнадежную войну за счет человеческих жизней, хорошо зная о росте разрушений и страданий женщин и детей его страны.

Я подведу итоги: подсудимый не был простым моряком, находившимся в роли офицера службы, лояльно подчинявшимся приказам правительства; он был ярким нацистом, который делал все, что мог, для того чтобы внедрить в военно-морской флот и в германский народ нацистские идеи. Не случайно именно он, а не Геринг, не Риббентроп, не Геббельс, не Гиммлер был избран преемником Гитлера. Он играл большую роль в строительстве подводного флота — одного из самых смертоносных орудий

агрессивной войны. Он помогал планировать и проводить агрессивную войну. И мы не сомневаемся, что он хорошо знал, что эти войны являлись преднамеренным нарушением договоров. Он готов был нарушить любые правила, если думал, что это не будет обнаружено. Нарушение Женевской Конвенции или принципа нейтралитета производилось там, где он надеялся доказать, что потопление произошло из-за мины. Он готов был отдать приказание и, действительно, отдавал их об убийстве незащитных людей, спасавшихся с потопленных судов.

Имеется мало стран, где бы вдовы или родители не носили траур по морякам торгового флота, погибшим в результате безграничной жестокости этого человека, дававшего приказы подводным лодкам.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ХЕЙЗИГА

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 14 января 1946 г.]

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Петер Иосиф Хейзиг.

Председатель: Говорите за мной: «Клянусь богом всемогущим и всеведущим, что я буду говорить чистую правду, ничего не утаю и ничего не прибавлю.

(Свидетель повторяет слова присяги на немецком языке.)

Филлимор: Петер Иосиф Хейзиг, Вы были в Германии старшим лейтенантом военно-морского флота?

Хейзиг: Я — старший лейтенант военно-морского флота Германии.

Филлимор: Вы были взяты в плен в 1944 году, 12 декабря, и с тех пор Вы являетесь военнопленным?

Хейзиг: Да.

Филлимор: Вы дали письменное показание под присягой 27 ноября 1945 г.?

Хейзиг: Да.

Филлимор: Это Ваша подпись?

(Документ Д-566 предъявляется свидетелю.)

Хейзиг: Да, это те показания, которые я дал.

Филлимор: Я представляю его как документ ВБ-201. *(Обращается к свидетелю.)* Возвратитесь мысленно к осени 1942 года, в каком чине Вы находились в то время?

Хейзиг: Я служил лейтенантом во второй учебной дивизии подводных лодок.

Филлимор: Посещали ли Вы там курс обучения?

Хейзиг: Я проходил специальный курс обучения для вахтенных офицеров подводных лодок.

Филлимор: Помните ли Вы последний день Вашего обучения?

Хейзиг: В последний учебный день гроссадмирал Дениц, который был тогда командующим подводным флотом, произвел смотр второй учебной дивизии подводных лодок.

Филлимор: И что случилось в конце смотра?

Хейзиг: В конце смотра, то есть не совсем в конце, а во время смотра, гроссадмирал Дениц произнес речь, которая была обращена к офицерам второй учебной дивизии подводных лодок.

Филлимор: Не можете ли Вы вспомнить дату этого смотра?

Хейзиг: Я помню только примерно, что это, очевидно, было в конце сентября или в начале октября 1942 года...

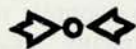
Филлимор: Не изложите ли Вы перед Трибуналом содержание того, что было сказано адмиралом Деницем в его речи? Говорите медленно.

Хейзиг: Гроссадмирал Дениц говорил в своей речи, что действия подводных лодок в последнее время стали менее успешными. Причиной этого являлось сильное воздушное наблюдение противника...

Филлимор: Что было особенно важным в речи гросс-адмирала Деница?

Хейзиг: Гроссадмирал Дениц продолжал свою речь примерно следующим образом. При данной ситуации он не понимает такого положения вещей, при котором германские подводные лодки, подвергая себя опасности, пытаются спасти торговые корабли и команды потопленных ими торговых кораблей противника. Это значит работать на руку врагу, так как спасенные команды будут работать в дальнейшем на новых торговых судах. Ввиду необходимости вести тотальную войну на море в настоящий момент нужно, наоборот, учитывать, что команды для кораблей, для подводных лодок являются точно такой же целью, как сами корабли. Это приведет к тому, что союзники не будут в состоянии укомплектовывать команды своих новых кораблей. С другой стороны, следует ожидать, что в Америке и, возможно, во всех других союзных странах, вспыхнет забастовка, так как уже сейчас часть этих команд отказывается выходить в море. Если теперь, благодаря нашим боевым операциям, война на море станет тяжелее, это отразится и в этом отношении. Если эта война и подобное ведение войны покажутся нам жестокими, мы всегда должны помнить о том, что наши женщины и наши семьи на родине подвергаются бомбардировкам противника.

Таково было содержание речи гросс-адмирала Деница в ее существенных чертах...

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МЕЛЕ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала от 15 января 1946 г.]

Филлимор: Я вызываю сейчас моего второго свидетеля Карла Гейнца Меле. Письменные показания, которые он дал, являются следующим документом в книге документов.

(Вводят свидетеля.)

Председатель: Как Ваше имя?

Свидетель: Карл Гейнц Меле.

Председатель: Повторяйте за мной слова присяги.

(Свидетель повторяет слова присяги.)

Филлимор: Карл Гейнц Меле, Вы имели воинское звание капитана 3-го ранга в германском военно-морском флоте?

Меле: Да.

Филлимор: Вы служили в германском военно-морском флоте с 1930 года?

Меле: Да.

Филлимор: Не сообщите ли Вы Трибуналу, какие награды Вы имеете?

Меле: Я получил военный значок подводника, железный крест 2-го класса, железный крест 1-го класса, рыцарский крест, крест за боевые заслуги 1-го и 2-го классов и серебряный германский крест.

Филлимор: Не давали ли Вы письменное показание под присягой 21 июля 1945 г.?

Меле: Да, я дал такие показания.

Филлимор: Не является ли документ ПС-382 Вашим письменным показанием?

Меле: Да, это мое показание, данное под присягой.

Филлимор (обращаясь к Трибуналу): Этот документ ПС-382 я представляю в качестве доказательства за номером ВБ-202.

(Обращаясь к свидетелю.)

Осенью 1942 года не командовали ли Вы 5-й флотилией подводных лодок?

Меле: Да.

Филлимор: Не была ли Ваша база в Киле?

Меле: Да.

Филлимор: В течение какого времени Вы занимали этот пост?

Меле: Четыре года.

Филлимор: Не было ли это с июня 1941 года до момента капитуляции?

Меле: Да.

Филлимор: Каковы были Ваши обязанности в качестве командующего этой флотилией?

Меле: Главными моими задачами как командира флотилии было снаряжение в материальном отношении подводных лодок, идущих из тыла на фронт, и сообщение им приказов командования подводными лодками.

Филлимор: Несли ли Вы какую-нибудь особую ответственность в отношении приказов для командиров подводных лодок?

Меле: Да, я отвечал за то, чтобы выходящие в море подводные лодки имели все новые приказы командования подводными лодками.

Филлимор: Несли ли Вы какую-нибудь ответственность за разъяснение содержания приказов?

Меле: Приказы командования подводными лодками всегда были очень ясны и недвусмысленны. При неясностях я обычно консультировался в штабе командующего подводными лодками.

Филлимор: Видели ли Вы лично командиров лодок перед тем, как они выходили в море на выполнение заданий?

Меле: Конечно, всякий командир лодки перед выходом в море получал инструктаж командира.

Филлимор: Я хочу возвратиться к двум-трем вопросам, которые я уже задавал.

Видели ли Вы лично командиров лодок перед тем, как они выходили в море на выполнение заданий?

Меле: Да. Каждый командир лодки перед выходом на задание получал у меня инструкции.

Филлимор: В чем заключался этот инструктаж? Задавались ли во время него какие-либо вопросы относительно приказов?

Меле: Да. Весь опыт предыдущих выходов в море и все вопросы оборудования обсуждались на этих совещаниях с командирами; командиры лодок имели также возможность на этих совещаниях выяснять все неясности путем соответствующих вопросов.

Филлимор: Помимо совещаний с Вами, на которых производился инструктаж, приезжали ли командиры лодок в штаб Деница для получения там инструкций?

Меле: По мере возможности это делалось, главным образом с того момента, когда командующий подводными лодками перевел свою ставку из Парижа в Берлин.

Филлимор: Не помните ли Вы приказа, изданного осенью 1942 года, относительно спасательных средств?

Меле: Да, в сентябре 1942 года мне была передана офицерская телеграмма для командиров находящихся в море лодок, в которой говорилось об этом вопросе.

Филлимор: Не взглянете ли Вы на этот документ?

(Обращаясь к председателю.)

Ваша честь, это — документ, который я уже представил под номером ВБ-199.

Председатель: Какой другой номер?

Филлимор: Это — документ Д-630.

Председатель: Д-630?

Филлимор: Да, ваша честь.

(Обращаясь к свидетелю.)

Не является ли это приказом, на который Вы ссылаетесь?

Меле: Да, это тот приказ.

Филлимор: Видели Вы этот приказ с того момента, как Вы были взяты в плен и до последней пятницы?

Меле: Нет.

Филлимор: Я думаю, что из этого следует, что показания об этом приказе Вы дали по памяти?

Меле: Да, только по памяти.

Филлимор: После того, как Вы получили этот приказ, посещали Вы штаб гроссадмирала Деница?

Меле: Да. После получения этого приказа я во время следующего посещения главной ставки командующего подводными лодками говорил относительно этого приказа с референтом штаба капитаном 3-го ранга Купишем.

Филлимор: Не сообщите ли Вы Трибуналу, что говорилось при этом посещении?

Меле: Во время этой беседы с капитаном 3-го ранга Купишем я спросил, как следует понимать имеющиеся в этом приказе неясности и двусмысленные места? Он разъяснил их мне с помощью двух примеров.

Первый пример. Одна подводная лодка в Бискайском заливе во время марша на операцию заметила резиновую лодку с оставшимся в живых экипажем одного английского самолета. Так как подводная лодка еще только шла на операцию, то есть была полностью вооружена, она не имела возможности взять к себе экипаж этого самолета, хотя именно в это время было бы очень желательно брать с собой специалистов со сбитых самолетов для того, чтобы получить от них необходимые сведения.

Однако подводная лодка обошла большим кругом эту резиновую лодку и продолжала свой марш. По возвращении с операции Купиш рассказал об этом случае в штабе командующего подводными лодками, и офицеры штаба упрекнули его в том, что, если уж он не мог взять с собой экипаж этих специалистов, то по крайней мере было бы важно уничтожить экипаж этого самолета, ибо следует считаться с тем, что максимум через 24 часа эта резиновая лодка будет подобрана английскими спасательными силами и они...

Филлимор: Простите, я Вас прерву на минуту. Я не вполне понял, что Вы сказали относительно того, как следовало поступить в данном случае. Вы сказали, что правильнее было бы...

Меле: Правильнее было бы, если уже нельзя было взять с собой экипаж или специалистов, уничтожить их, ибо следует считаться с тем, что этот экипаж в самое короткое время будет подобран английскими спасательными силами и при случае сможет снова потопить одну или несколько германских подводных лодок.

Филлимор: Привел ли он Вам второй пример?

Меле: Да. Второй пример также привожу. В первые месяцы подводной войны против Соединенных Штатов большое количество тоннажа, точную цифру я не помню, было потоплено в непосредственной близости от берега. После этих потоплений большая часть экипажа спаслась благодаря близости суши. Это очень прискорбно, ибо для торгового судоходства важен не только тоннаж, но и экипаж, а этот экипаж между тем в состоянии занять свое место на новых судах.

Филлимор: Вы говорили относительно двусмысленности приказа. Известно ли Вам, как обычно формулировал свои приказы адмирал Дениц?

Меле: Я не совсем понял вопрос.

Филлимор: Известно ли Вам, как обычно адмирал Дениц формулировал свои приказы?

Меле: Конечно. По моему мнению, приказ должен быть сформулирован так: вновь указывается на то, что ради безопасности подводных лодок спасательные мероприятия проводиться не должны.

По моему мнению, его следовало так составить, если бы были запрещены только спасательные меры. Все...

Филлимор: Не хотите ли Вы сказать, что если бы были запрещены только меры по спасению, было бы достаточно сослаться на предыдущий приказ?

Меле: Конечно, этого было бы достаточно.

Филлимор: Имелась ли на предыдущем приказе пометка «совершенно секретно»?

Меле: Этого я не могу точно вспомнить.

Филлимор: Какая пропаганда проводилась в то время относительно команд?

Меле: Пропаганда в то время сводилась к тому, что противнику очень трудно укомплектовать достаточно экипажей для своего торгового судоходства...

Председатель: Вопрос относительно пропаганды носит слишком общий характер для него.

Филлимор: Ваша честь, я не настаиваю.

(Обращаясь к свидетелю.)

На основании Ваших знаний относительно того, каким образом излагались приказы, не скажете ли Вы Трибуналу, каким образом Вы истолковывали эти приказы?

Меле: В приказе, по моему личному мнению, говорилось, что спасательные мероприятия запрещены, что... желательнее, чтобы при потоплении торговых судов никого не оставалось в живых.

Филлимор: И не потому ли, что Вы так истолковывали этот приказ, Вы тогда направились в штаб адмирала Деница?

Меле: Я поехал в главную квартиру командующего подводным флотом не только по поводу этого приказа; эти визиты происходили довольно часто, чтобы разъяснить также и другие вопросы и чтобы иметь возможность постоянно знакомиться с мнениями и воззрениями командующего подводным флотом, ибо я должен был сообщать об этом командирам подводных лодок.

Филлимор: Каким образом Вы инструктировали командиров лодок относительно этого приказа?

Меле: На совещаниях с командирами я зачитывал им текст этого приказа без всяких комментариев. В некоторых немногочисленных случаях командиры спрашивали меня о значении этого приказа. В таких случаях я рассказывал командирам подводных лодок оба примера командующего подводным флотом так, как они были рассказаны мне в главной ставке, с тем ограничением, что я говорил: командующий подводным флотом официально не может дать вам такой приказ, каждый должен согласовывать это со своей совестью...

Филлимор: Когда Вы сами были командиром подводной лодки, каковы были приказы относительно спасения?

Меле: В начале войны нам было сказано, что безопасность собственной подводной лодки — самое главное и что подводная лодка из-за мер по спасению не должна подвергать себя опасности. Были ли эти приказы в начале войны в письменном виде, я уже не помню.

Филлимор: Когда Вы получили этот приказ от 17 сентября 1942 г., рассматривали Вы его только как приказ о запрещении спасения или Вы истолковывали его иначе?

Меле: При получении этого приказа мне бросилось в глаза, что он не был очень ясен, какими обычно были приказы командующего подводными лодками, что в этом приказе можно было видеть двусмысленность.

Филлимор: Вы не ответили на мой вопрос. Считали ли Вы, что этот приказ означал, что командир подводной лодки должен был только воздерживаться от принятия мер по спасению, или же Вы истолковывали этот приказ иначе?

Меле: Я понимал его так, что он идет дальше, но не как приказ, а что было бы желательно то, о чем там говорилось.

Филлимор: По поводу примера, который Вы привели о Бискайском заливе. Известны ли Вам какие-либо факты об этом инциденте?

Меле: Нет, подробности этого случая мне неизвестны.

Филлимор: Что Вы дословно сказали, когда передавали командирам подводных лодок этот приказ?

Меле: Командирам подводных лодок я говорил дословно следующее: «Мы переходим теперь к очень трудной и щекотливой главе. Речь идет об отношении к спасательным лодкам. Командующий подводными лодками издал в отношении этого следующий приказ в сентябре 1942 года», и затем я дословно читал приказ от 1942 года. В большинстве случаев дело таким образом заканчивалось. Ни у кого не было вопросов. Объяснения без вопросов не давались. В некоторых, редких случаях командиры подводных лодок спрашивали: «Как следует истолковывать этот приказ?» Тогда я приводил оба рассказанные мне в штабе примеры и добавлял к этому: «Официально что-нибудь в этом роде нам приказать не могут, каждый должен согласовывать это со своей совестью».

Филлимор: Не помните ли Вы какие-нибудь замечания командиров подводных лодок после того, как они прочли этот приказ?

Меле: Многие командиры подводных лодок, после того как им без всяких комментариев зачитывали этот приказ, говорили: «Он однозначен, хотя и чертовски суров».

Филлимор: У меня нет больше вопросов.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ШПРЕХЕРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ШИРАХА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 16 января 1946 г.]

...Господа судьи! Сейчас я перехожу к деятельности подсудимого Шираха, связанной с совершением преступлений против человечности, изложенных в разделе первом Обвинительного заключения. Представление отдельных доказательств будет связано с имперским гау Вены, но прежде всего разрешите мне вернуться к двум важным пунктам предыдущих доказательств, которые покажут, что Ширах несет ответственность за военные преступления и преступления против человечности, распространенные по всей Европе. В соответствии с его соглашением с Гиммлером он подобрал через «гитлеровскую молодежь» многих, если не всех, членов СС, которые распоряжались в большинстве случаев в концентрационных лагерях, чьи военные преступления и преступления против человечности по всей Европе широко известны.

Прежде чем перейти к особым действиям Шираха, я только упомяну еще, что Ширах не может избежать ответственности и за внедрение в умы молодежи нацистской идеологии с ее идеями о «высшей расе», о «низших» народах, о «лебенсрауме» (жизненном пространстве) и мировом господстве, поскольку эти взгляды были психологическими предпосылками для подстреательства и для терпимости в отношении тех жестокостей, которые проводились ревностными нацистами по всей Германии и на оккупированных территориях.

Для того чтобы представить ответственность Шираха за преступления, совершенные в имперском гау Вены, где Ширах был гаулейтером и имперским губернатором с июля 1940 года и до поражения Германии, следует помнить об основных функциях этих двух должностей.

Первый документ, на который я сошлюсь, представляется под номером ПС-1893. Это — отрывок из нацистского справочника 1943 года, он относится к самому разгару деятельности Шираха в имперском гау Вены.

Документ проливает свет на функции гаулейтера, и я намерен лишь прокомментировать его. Поскольку господа судьи могут принять без доказательства официальный нацистский справочник, нет необходимости зачитывать его, если только Вы не пожелаете, чтобы я зачитал выдержки из каких-либо отдельных приказов. Из этих приказов ясно, что гаулейтер был высшим представителем Гитлера в своем гау, высшим партийным руководителем, обладающим обширными политическими полномочиями. Он был полностью ответствен за политическое положение в своем гау. Он мог созывать — и мы считаем это важным — руководителей СА и СС как «необходимых для проведения политических задач». Кроме этого, он должен был по крайней мере раз в месяц встречаться с руководителями партийных организаций гау, включая сюда, конечно, СС.

Положение имперского губернатора в Вене было особым. После аншлюсса Австрия как государство уже не существовала. Она была разделена на семь административных имперских гау. Самым значительным из них было имперское гау Вена, губернатором которого был Ширах. Статистические данные того времени устанавливают, что в то время число жителей в Вене превышало два миллиона человек. Поэтому она была, несомненно, одним из самых больших городов империи. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства декрет от 1939 года, который опубликован в «Рейхсгезетцблатт» (документ ПС-3301). Это основной закон об административной реорганизации Австрии, принятый в апреле 1939 года, немногим больше, чем за год до того, как Ширах стал имперским губернатором. Этот закон показывает, что Ширах в качестве губернатора являлся наместником главы германского государства — Гитлера, что он мог издавать декреты и приказы в границах, установленных высшими имперскими властями, что он находился на особом счету у своего административного руководителя подсудимого Фрика — имперского министра внутренних дел — и что он также был первым мэром города Вены. В тот же самый период, когда Ширах был гаулейтером и имперским губернатором Вены, он являлся имперским уполномоченным по обороне Вены, так как после 1940 года Германия воевала.

В связи с его большой ответственностью и полномочиями, вытекающими из положения, которое он занимал, обвинение заключается, что Ширах должен быть признан виновным, особенно в преступлениях нацистских заговорщиков в гау Вены, на том основании, что он либо одобрял их, либо принимал участие в их

совершении, либо содействовал осуществлению преступлений. Ниже следуют отдельные примеры, которые фактически демонстрируют то, что Ширах лично был связан с нацистскими преступлениями: когда он стал хвастаться (черта, характерная для многих из подсудимых), то сам невольно признал, что был втянут в действия, являющиеся преступлениями, подсудными настоящему Трибуналу.

Прежде всего я скажу о рабском труде.

Программа рабского труда, естественно, играла очень большую роль в поставке рабочей силы для промышленности такого значительного города, как Вена. Общий характер этой программы и преступления, которые из нее вытекали, уже были представлены мистером Доддом; кроме того, советское обвинение позднее представит материалы о дальнейших действиях.

Документ ПС-3352, который я хотел бы представить как доказательство США-206, содержит ряд выдержек из приказов партийной канцелярии. Каждый из этих приказов показывает, что на гаулейтеров возлагалась ответственность за распределение и использование рабочей силы в интересах Германии. Они доказывают простым и понятным языком, что гаулейтеры под управлением такого старого, опытного гаулейтера, как Заукель, который был тогда генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, стали высшими, объединяющими и координирующими агентами нацистских заговорщиков во всей программе по использованию рабочей силы. Там говорится, что Геринг как уполномоченный по четырехлетнему плану согласился с предложением Заукеля о том, что гаулейтеры должны быть использованы для того, чтобы обеспечить возможно более высокую производительность труда. На странице 117 Вашей книги документов говорится, что в июле 1942 года Заукель назначил гаулейтеров своими специальными генеральными уполномоченными по вопросам использования рабочей силы в их гау, обязав их установить гармоническое сотрудничество всех заинтересованных сторон. Фактически гаулейтер стал высшим арбитром во всех сталкивающихся интересах, которые существовали в течение войны в отношении требований на рабочую силу. Согласно этому же приказу управления провинции по труду и их штаты получили указание «находиться в распоряжении гаулейтеров для информации и консультации и выполнять все предложения и требования гаулейтера в целях улучшения использования рабочей силы».

На страницах 118—119 Вашей книги документов имеется приказ подсудимого Заукеля о том, чтобы его специальные генеральные уполномоченные — гаулейтеры ознакомились с общими положениями, касающимися рабочих с Востока. Заукель заявил, что это непосредственной целью было «избежать того,

чтобы политически неразвитые руководители фабрик уделяли слишком много внимания заботе о рабочих с Востока и тем самым вызывали справедливое недовольство среди германских рабочих».

Если Ширах как гаулейтер должен был рассматривать такие вопросы, как недовольство германских рабочих вниманием к рабочим с Востока, то можно легко понять, какое отношение он имел к программе рабского труда в имперском гау Вены, и представить его ответственность за это.

Сейчас я перехожу к вопросу о преследовании церквей.

Об уничтожении в административном порядке религиозных организаций среди молодежи, когда Ширах был руководителем нацистской молодежи, уже говорилось. Об этом свидетельствуют два письма, написанные в марте 1941 года: одно от подсудимого Бормана, другое от Ганса Ламмерса...

Обращаю внимание Трибунала на документ Р-146, представленный как доказательство США-678.

Этот документ ясно устанавливает, что при посещении Вены Гитлером Ширах и два других чиновника выдвинули перед ним предложение о том, чтобы конфискация церковной собственности в Австрии, происходившая под разными предлогами, производилась бы в пользу гау, а не в пользу империи. Позднее Гитлер решил издать постановление, отражавшее точку зрения Шираха о конфискации в пользу гау. Я говорю об этом лишь для того, чтобы показать отношение Шираха к преследованию церквей, о котором уже было представлено большое количество доказательств. Вот одно из них: «Мюнхен. 20 марта 1941 г. Коричневый дом. Циркулярное письмо № 5. Всем гаулейтерам. Тема: Конфискация церковной собственности.

Ценная церковная собственность в последнее время должна была подвергаться конфискации в больших масштабах, особенно в Австрии. Согласно отчетам гаулейтеров фюреру, эта конфискация часто вызывалась нарушением указов, относящихся к военной экономике (то есть хранение запасов различных пищевых продуктов, текстиля, изделий из кожи и т. д.). В других случаях она была вызвана нарушениями закона, касающегося злонамеренных выпадов против государства, и в некоторых случаях в связи с незаконным хранением огнестрельного оружия. Очевидно, что за конфискацию, произведенную по вышеизложенным причинам, церквям не следует выплачивать никакой компенсации.

В отношении дальнейшей конфискации несколько австрийских гаулейтеров пытались выяснить вопрос о том, кому следует присвоить конфискованную таким образом собственность во время последнего визита фюрера в Вену. Пожалуйста, обратите внимание на решение фюрера, как оно изложено в письме,

написанном имперским министром доктором Ламмерсом имперскому министру внутренних дел и датированном 14 марта 1941 г.

Я прилагаю копию выдержек из него.

М. Борман».

Приложение, о котором упоминается в письме, было следующего содержания: «Берлин, 14 марта 1941 г. Имперский министр и начальник имперской канцелярии имперскому министру внутренних дел.

Тема: Проект указа, дополняющего положения о конфискации собственности лиц и организаций, враждебных государству и народу.

Имперский губернатор и гаулейтер фон Ширах, доктор Юри и Эйгрубер недавно обратились к фюреру с жалобой на то, что имперское министерство финансов все еще поддерживает точку зрения о том, что конфискация собственности лиц и учреждений, враждебных народу и государству, должна производиться в пользу империи, а не в пользу имперского гау. Вследствие этого фюрер информировал меня, что он желает, чтобы конфискация подобной собственности производилась в пользу соответствующего имперского гау, на территории которого находится конфискуемая собственность, а не в пользу империи».

Сейчас я перехожу к вопросу о преследовании евреев. Обвинение утверждает, что Бальдур фон Ширах руководил антисемитскими мероприятиями, направлял их и принимал в них участие. Несомненно, что вся идеология и обучение гитлеровской молодежи основывались на нацистском расовом мифе. До войны фон Ширах обратился к собранию националистской студенческой лиги — организации, которую он возглавлял с 1929 года по 1931 год.

Документ РС-2442, США-679 представляет собой письменное показание Грегора Циммера, данное под присягой.

Свидетель Циммер ссылается на собрание, имевшее место перед войной в Гейдельберге (Германия), на котором он лично присутствовал, когда Бальдур фон Ширах обратился к некогда возглавлявшейся им студенческой лиге.

«Он, то есть Ширах, заявил, что наиболее важной фазой германской университетской жизни в третьей империи была программа НСДСТБ. Он превозносил различного рода деятельность этого союза. Он напоминал студентам о той службе, которую со служила германская молодежь во время еврейских погромов. Театральным жестом он показал за реку на старинный университетский город Гейдельберг, где несколько сожженных синагог были немymi свидетелями деятельности гейдельбергских студентов. Эти скелеты зданий будут стоять там века, чтобы

вдохновлять будущих студентов и служить предупреждением врагам государства».

Для того чтобы попытаться отчетливо представить подлинный размах жестокого обращения о евреях при правлении Шираха, мы должны обратиться к его деятельности в рейхсгау Вены, а также к деятельности его помощников — СС и гестапо — в Вене.

Документ ПС-1948 я представляю как доказательство США-680; он написан на бланке последнего губернатора Вены.

«Так же как старый гейдельбергский замок был свидетелем того, что старая Германия была слишком слабой для того, чтобы отразить вторгнувшихся французов, которые разрушили ее памятники, так и обугленные развалины синагог будут вечным напоминанием будущим поколениям о силе новой Германии.

Он¹ напомнил студентам о том, что все еще имеются страны, где люди расточают свое время и энергию на книги и бесполезные дискуссии на абстрактные философские и метафизические темы. Эти дни остались позади. Новая Германия — страна действия. Другие страны погружены в спячку.

Но он считал, что их не следует будить. Чем крепче будет их спячка, тем больше возможности будет для людей третьей империи подготовиться к действию. Придет день, когда студенты Гейдельберга займут свое место бок о бок с legionами других студентов для того, чтобы внести в побежденный мир идеологию нацизма».

Документ ПС-1948, который я представляю как доказательство США-680, написан на бланке имперского наместника в Вене.

«Вена. 7 ноября 1940 г. Тема: Принудительный труд трудоспособных евреев.

1. Уведомление.

5 ноября 1940 г. состоялся телефонный разговор с полковником (штандртенфюрером) гестапо Губером. Гестапо получило указание от главного управления имперской безопасности (РСХА) о том, что трудоспособные евреи должны вывозиться для принудительного труда. В настоящее время гестапо производит расследования для того, чтобы выяснить, сколько трудоспособных евреев еще имеется в наличии — для составления планов предполагаемой массовой программы. Предполагается, что осталось немного евреев, которых можно было бы использовать. Если небольшое число их может быть использовано, гестапо не остановится перед тем, чтобы использовать евреев даже для очищения от развалин разрушенных синагог.

¹ Ширах. — Составители.

Полковник СС Губер будет лично докладывать по этим вопросам регирунгспрезиденту.

Я доложил об этом соответственно регирунгспрезиденту. Этот вопрос в дальнейшем следует иметь в виду.

Фишер».

Я хочу обратить внимание Суда на значение титула «регирунгспрезидент». Полковник СС, как Вы заметили, должен был отчитываться перед регирунгспрезидентом. Если Вы вернетесь к декрету, по которому Вена утверждалась как рейхсгау, Вы увидите, что регирунгспрезидентом был личный представитель Шираха внутри правительственной администрации Вены.

Нам кажется, что этот документ ПС-1948, подписанный Фишером, относительно принудительного труда евреев разрешает спор о том, что лица, находившиеся в ранге гаулейтера, якобы не знали о жестокостях, которые совершались гестапо и СС в их собственной области. Документ этот также показывает, что даже заместители гаулейтеров были подробно информированы о намечавшихся мерах по преследованию, которые проводились в то время.

Шираху также было известно о жилищном кризисе в Вене, который был облегчен для некоторых представителей «высшей расы», занявших дома несчастных евреев, выселенных в Польшу.

3 декабря 1940 г. Ламмерс написал письмо Шираху. Это наш документ ПС-1950, он представляется как доказательство США-681. Это очень короткое письмо, написанное на бланке имперского министра и начальника имперской канцелярии и помеченное: «секретно». Оно адресовано имперскому губернатору Вены, гаулейтеру фон Шираху.

«Берлин. 3 декабря 1940 г.

Как меня информировал рейхслейтер Борман, фюрер решил после получения одного из ваших отчетов, что 60 тысяч евреев, все еще проживающих в рейхсгау Вены, должны быть высланы в ближайшее время, то есть еще в течение войны, в генерал-губернаторство, поскольку в Вене жилищный кризис.

Я информировал генерал-губернатора в Кракове, так же как и рейхсфюрера СС, об этом решении фюрера, и вас прошу также ознакомиться с ним.

Ламмерс».

В качестве последнего яркого доказательства против этого самого молодого из сидящих на этой скамье подсудимых я приведу слова, произнесенные им и опубликованные не только для всего гау Вены, но и, по существу, для уведомления всей Германии и мира. Текст этого выступления появился в венском издании «Фелькишер беобахтер» 15 сентября 1942 г. (документ ПС-3048, США-274).

Я хотел бы указать, что эти слова были произнесены перед так называемой европейской юношеской лигой в Вене в 1942 году.

Трибунал вспомнит, что Ширах все еще оставался в то время имперским лидером по воспитанию молодежи в НСДАП.

«Каждый еврей, который старается осуществить свое влияние в Европе, представляет собой опасность для европейской культуры. Если кто-либо будет упрекать меня в том, что я изгнал из этой столицы, которая когда-то была европейской метрополией еврейства, многие десятки тысяч евреев в гетто на Востоке, я чувствую себя обязанным ответить: «В этом действии я вижу вклад в европейскую культуру».

Хотя основная помощь Шираха заговору заключалась в том, что он подчинил германскую молодежь целям заговорщиков, он виновен также как партийный и правительственный администратор большого масштаба в чудовищных преступлениях против человечности, совершенных после того, как заговор дошел в своем неизбежном развитии до развязывания агрессивных войн.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ГЛАВНОГО
ОБВИНИТЕЛЯ ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
МАКСУЭЛЛ-ФАЙФА ПО ВОПРОСУ
ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМОГО НЕЙРАТА ЗА ВОЕННЫЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Из стенограммы заседания Международного Военного
Трибунала от 24 января 1946 г.]

...Я надеюсь, что Трибунал не будет возражать против моего намерения не касаться тех вопросов, которые были освещены моими коллегами. Я хочу только показать совершенно отчетливо Трибуналу основание для некоторых преступлений, заложенное подсудимым Нейратом, воспользовавшимся занимаемым им правительственным постом.

Во-первых, подсудимый фон Нейрат занял пост протектора, обладая самыми широкими правами. Законодательный акт, которым был создан протекторат, гласил:

«1. Являясь выразителем интересов империи, фюрер и имперский канцлер назначает имперского протектора в Богемии и Моравии. Резиденция протектора будет в Праге.

2. На имперского протектора как представителя фюрера и имперского канцлера и как уполномоченного имперского правительства возлагается обязанность следить за выполнением политических принципов, установленных фюрером и имперским канцлером.

3. Имперский протектор будет утверждать кандидатуры членов правительства протектората. Утверждение может быть отменено.

4. Имперский протектор пользуется правом получать информацию относительно всех мероприятий, проводимых правительством протектората, и может давать советы. Он может протестовать против мероприятий, которые могут причинить ущерб

империи, и в случае опасности может издавать приказания, необходимые для ограждения общих интересов.

5. Опубликование законов, приказаний и других законодательных актов, равно как и исполнение административных мер и судебных постановлений, будет приостановлено в случае протеста протектора».

С самого начала создания протектората верховная власть подсудимого фон Нейрата была укреплена путем издания целого ряда основных декретов, которые я прошу Трибунал приобщить к делу. Эти декреты составили фиктивную правовую базу для политики и программы, которые последовали за этим и были направлены к единой цели, а именно к систематическому разрушению национального единства чехов. Я перечислю некоторые из этих декретов:

1. Декрет, которым «расовые немцы» в Чехословакии возводились в высший разряд граждан.

Я сейчас ссылаюсь на декрет фюрера и имперского канцлера относительно протектората, о котором я только что упоминал.

2. Акт относительно представительства в рейхстаге великой Германии лиц германской национальности, проживающих в протекторате. Этот акт был издан 13 апреля 1939 г.

3. Приказ от 20 апреля 1939 г. относительно принятия в германское подданство бывших чехословацких граждан германского происхождения.

Затем был издан целый ряд декретов, которыми «расовым немцам» в Чехословакии предоставлялся статус, дающий предпочтение в вопросах, касающихся судебного разбирательства и других юридических вопросов:

1. Декрет от 14 апреля 1939 г. относительно уголовного судопроизводства в протекторате Богемии и Моравии.

2. Декрет от 14 апреля 1939 г. относительно судебного разбирательства гражданских дел.

3. Декрет от 8 мая 1939 г. относительно судопроизводства в военных трибуналах.

Затем был издан целый ряд декретов, которыми протектору предоставлялись широкие полномочия изменять путем издания декретов национальные законы протектората. Об этом говорилось в постановлении от 7 июня 1939 г. о законодательстве в протекторате.

И, наконец, протектору предоставлялось право прибегать к помощи рейхсфюрера СС и начальника германской полиции для того, чтобы «принимать в случае необходимости такие (полицейские) меры, которые выходят за пределы обычных полицейских мер».

Этот декрет, опубликованный в «Рейхсгезетцблатт», если Трибуналу угодно просмотреть его и приобщить к делу, он

может найти его в книге документов на странице 131. Трудно себе представить, каковы могли быть полицейские меры, которые выходили за пределы обычных полицейских мер, особенно если при этом вспомнить, какие полицейские меры применялись в самой Германии между 1933 и 1939 г. Но если такое превышение было возможным, и, по всей видимости, оно было возможным, то поэтому подсудимому фон Нейрату было предоставлено такое право, которое он использовал для принуждения чехов.

Основная политика протектората была направлена к единой цели, а именно: к уничтожению независимости чехов как нации и присоединению их территории к империи (документ ПС-862, США-313).

Я представляю меморандум, подписанный генерал-лейтенантом пехоты Фридериче на бланке, озаглавленном: «Заместитель командующего вооруженными силами при имперском протекторате Богемии и Моравии» (документ ПС-862, США-313). Он обозначен как совершенно секретный документ, датирован 15 октября 1940 г. и издан за год до того, как подсудимый Нейрат покинул свой пост 27 сентября 1941 г. Этот меморандум озаглавлен: «Основные принципы политики в отношении протектората» и отпечатан в четырех экземплярах. Он был послан также подсудимому Кейтелю и подсудимому Иодлю и начался следующими словами: «9 октября этого года (то есть 1940 года) в управлении имперского протектората состоялось официальное совещание, на котором статс-секретарь генерал-лейтенант СС Франк (это не подсудимый Франк, а его однофамилец) говорил следующее: «После создания протектората Богемии и Моравии партийные органы, промышленные круги и органы центрального правительства в Берлине столкнулись с трудностями при разрешении чешской проблемы».

После тщательного изучения вопроса имперский протектор выразил в форме меморандума свое мнение относительно различных планов. В этом меморандуме указывались три пути для разрешения этой проблемы.

А. Германское проникновение в Моравию и ограничение чешской национальности оставшейся частью Богемии.

Это решение считается неудовлетворительным. Чешская проблема, хотя и в меньшей степени, но все равно продолжала бы существовать.

В. Многочисленные возражения могут быть выдвинуты против наиболее радикального пути для разрешения этой проблемы, а именно против насильственной депортации всех чехов. В меморандуме делается вывод, что это мероприятие не может быть проведено в разумных границах времени.

С. Ассимиляция чешской национальности, то есть поглощение примерно половины чешской национальности германской нацией, поскольку это имеет положительное значение с радикальной или других точек зрения. Она будет проводиться, помимо других путей, также увеличением числа чешских рабочих на территории империи, за исключением пограничного района Судетской области, или, говоря другими словами, путем распыления сосредоточенной сейчас в одном месте чешской национальности.

Другая половина чешской национальности должна быть лишена всяких прав, уничтожена или вывезена из страны различными способами. Это относится в особенности к лицам монгольской расы и к большей части интеллигенции. Интеллигенцию едва ли можно перевоспитать в идеологическом отношении, и она всегда будет представлять собой обузу, постоянно претендуя на руководящую роль в отношении других классов чешского населения и препятствуя, таким образом, быстрой ассимиляции.

Те элементы, которые препятствуют задуманной германизации, должны подвергаться жестокому обращению и подлежат истреблению.

Вышеуказанное развитие ассимиляции, естественно, предполагает усиленный приток немцев с территории империи в протекторат.

После обсуждения вопроса фюрер избрал решение «С» (ассимиляция) в качестве директивной установки при решении чешской проблемы и приказал, чтобы наряду с внешним сохранением автономии протектората в течение ближайших лет проводилась германизация централизованным путем под руководством управления имперского протектората.

Из вышеуказанного никаких особых заключений для вооруженных сил не вытекает. Эта установка всегда существовала. В этой связи я ссылаюсь на мой меморандум, который был направлен начальнику штаба верховного командования вооруженными силами от 12 июля 1939 г. и который был озаглавлен «Чешская проблема».

Этот меморандум подписан, как я уже сказал, генерал-лейтенантом, заместителем командующего вооруженными силами. Таким образом, это мнение имперского протектората было принято за основу проводимой в протекторате им политики. Результатом была политика укрепления германского контроля над Богемией и Моравией путем систематического угнетения чехов, посредством отмены гражданских свобод и систематического разрушения национальной, политической, экономической и культурной системы, путем режима террора, о котором будут говорить мои советские коллеги. Я полагаю, они ясно докажут,

что единственной протекцией, которую оказывал этот подсудимый, была протекция исполнителям бесчеловечных преступлений.

Я уже обращал внимание Трибунала на многочисленные награды и почести, которые получал этот подсудимый за свои заслуги, и можно с полным основанием сказать, что Гитлер оказывал больше почестей фон Нейрату, чем другим нацистским руководителям, которые состояли в партии с момента ее создания. Его назначение на пост председателя вновь учрежденного тайного правительственного совета в 1938 году было само по себе новым и выдающимся знаком почести. 22 сентября 1940 г. Гитлер наградил его железным крестом первой степени как имперского протектора Богемии и Моравии. Об этом говорится в «Дейче нахрихтен бюро» от 22 сентября 1942 г. Он был также награжден золотым значком партии, и лично сам Гитлер возвел его из ранга группенфюрера в ранг обергруппенфюрера СС 21 июля 1943 г. Я также хочу сообщить Трибуналу, что фон Нейрат и Риббентроп были единственными двумя немцами, награжденными орденом «Адлерорден» — наградой, которая обычно предназначалась только для иностранцев. Когда Нейрату исполнилось 70 лет, 2 февраля 1943 г., большинство немецких газет всячески восхваляло его многолетнюю деятельность в интересах нацистского режима. Эта деятельность, как утверждает обвинение, может быть сформулирована в следующих двух пунктах:

1. Фон Нейрат был членом внутренней пятой колонны в рядах консервативных политических кругов Германии. Они были антинацистскими, но частично изменили своим взглядам после того, как увидели, что один из их членов, а именно этот подсудимый, откровенно перешел на сторону нацистов.

2. Его репутация как дипломата заставила общественное мнение за границей с трудом верить, что он может быть членом такого правительства, которое не выполняет своих обязательств и договоров. Для Гитлера было весьма важно, чтобы его собственное намерение нарушать каждый договор или обязательство было скрыто как можно дольше. И для этой цели он нашел в лице подсудимого фон Нейрата удобный инструмент.

На этом мы заканчиваем представление соображений об индивидуальной ответственности подсудимого фон Нейрата за военные преступления и преступления против человечности.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ШПРЕХЕРА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО ФРИЧЕ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 23 января 1946 г.]

...Представляю еще одну радиопередачу от 8 января 1944 г. Ваша честь, я старался подобрать наиболее характерные радиопередачи, имевшие место в различные периоды. Все они сводятся к разжиганию расовой ненависти.

Господа судьи, мы считаем, что это было фактически побуждением к дальнейшему преследованию евреев и, по существу, к их уничтожению. Фриче также побуждал к безжалостным мерам против народов СССР. В своих регулярных радиопередачах Фриче часто связывал свое подстрекательство против народов СССР с клеветническими заявлениями в отношении евреев, и это подстрекательство было не менее пылким. Если бы эти клеветнические заявления не имели столь трагичных последствий и не были бы связаны с убийством миллионов людей, то они казались бы комичными, даже нелепыми. Клеветнические пропагандистские измышления против народов СССР, касающиеся зверств, фактически являлись, как мы это теперь хорошо знаем, описанием зверств, совершенных самими немецкими захватчиками.

Следующие выдержки вновь взяты из радиопередач, переведенных и переведенных в период, непосредственно последовавший за вторжением в СССР в июне 1941 года.

Первая выдержка: «Письма, доходящие до нас с фронта от представителей рот пропаганды и солдат, находящихся в отпуске, свидетельствуют о том, что в этой борьбе на Востоке не один политический строй сражается против другого, не одно мировоззрение — против другого, а культура, цивилизация и человеческая порядочность сопротивляются дьявольским принципам мира «недочеловеков».

Затем другая выдержка: «Только решение фюрера нанести своевременный удар спасло нашу родину от вторжения этих недочеловеков и спасло наших мужчин, женщин и детей от тех невыразимых ужасов, которые им предстояли, если бы они стали их добычей»...

Доказательства, которые были уже представлены и которые будут в скором времени представлены нашими советскими коллегами, покажут, что представители этих нацистских заговорщиков, не колеблясь, уничтожали советских солдат и гражданское население огромными массами, изощряясь в применении различных зверских методов, а по радио распространяли ложь, что это делают большевики.

Подстрекательские заявления Фриче делают его прямым соучастником этих преступлений, так как, бессмысленно называя советских людей «недочеловеками», он клеветнически утверждал, что они якобы стремятся к уничтожению германского народа, и делал другие подобные чудовищные заявления, помогая этими пропагандистскими, клеветническими речами созданию психологической атмосферы полного неразумия и ненависти, что побуждало к жестокостям на Востоке и делало их возможными. Хотя мы не можем сказать, что Фриче приказал убить 10 или 100 тысяч человек, достаточно остановиться на том, что мы уже сказали, — насколько труднее было бы заговорщикам без этого подстрекательства Фриче создать условия, при которых стало возможным уничтожение миллионов людей на Востоке.

Фриче поощрял, поддерживал и восхвалял политику нацистских заговорщиков, направленную на безжалостную эксплуатацию оккупированных стран.

Он заявил в своем письменном показании: «Использование производственных возможностей оккупированных стран в интересах увеличения военного потенциала я открыто и с гордостью восхваляю главным образом потому, что компетентные власти предоставили в мое распоряжение многочисленные материалы, особенно по вопросу использования рабочей силы на добровольных началах».

Фриче был ревностным пропагандистом, с гордостью восхвалявшим эксплуататорскую политику германской империи главным образом или умышленно потому, что эти компетентные власти давали ему материал для его выступлений об использовании рабочей силы якобы на добровольных началах.

Затем я остановлюсь на роли Фриче как руководителя всего германского радио. Фриче оставался на посту руководителя отдела печати Германии до того момента, как заговорщики приступили к осуществлению своей последней агрессии. В ноябре 1942 года Геббельс создал новый пост уполномоченного

по вопросам политической организации пангерманского радиовещания — пост, который занимал Фриче со дня его создания и до конца.

В качестве уполномоченного по политической организации пангерманского радио Фриче передавал по телетайпу приказы всем пропагандистским учреждениям империи. Все они использовались для того, чтобы подчинить всю систему радио Германии интересам заговорщиков. Геббельс обычно в 11 часов утра проводил совещание со своими ближайшими сотрудниками в министерстве пропаганды. Когда Геббельс и его заместитель доктор Науман отсутствовали, то после 1943 года эти совещания обычно проводил Фриче. Геббельс восхвалял радиопередачи Фриче. Эти восхваления мы находим в предисловии к книге «Война поджигателям войны», написанной Геббельсом. Там Геббельс говорил: «Никто не знает лучше меня, сколько труда вложено в эти радиопередачи. Сколько раз передавались и диктовались в течение нескольких последних минут тексты выступлений для того, чтобы они несколькими минутами позднее могли быть жадно услышаны всей нацией».

Говорили, что Фриче был «голосом своего хозяина», выступая по радио. Это, конечно, было следствием функций Фриче.

Когда Фриче выступал по радио, то германскому народу было ясно, что они слушали заявления высшего руководства в этой области.

Фриче не характеризуется обвинением как тип заговорщика, который подписывал декреты, или как заговорщик, который заседал на тайных советах и составлял планы общей стратегии заговорщиков. Функции пропаганды отличаются от такого стратегического планирования, ибо функции агентства пропаганды имеют скорее нечто общее с агентством рекламы или отделом общественных отношений, задача которых заключается в том, чтобы сбыть товар и завоевать рынок для соответствующего мероприятия.

Здесь мы утверждаем, что этим мероприятием являлся нацистский заговор. Изворотливый продавец товара, совершающий обман в интересах заговора, столь же важен и является таким же преступником, как и искушенный стратег, даже если бы он и не внес существенной лепты в формирование основных положений этой стратегии, а лишь содействовал искусному проведению ее в жизнь. В данном случае обвинение утверждает, что пропаганда имела огромное значение как орудие заговорщиков.

Мы далее утверждаем, что ведущие пропагандисты были главными и важными участниками в заговоре, и Фриче также являлся важным пропагандистом. Когда Фриче занял свой пост в министерстве пропаганды, самой знаменитой фабрике

по производству лжи, которая когда-либо существовала, то он таким образом стал соучастником заговора.

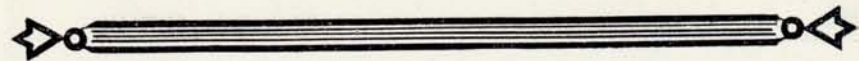
Он сделал это более сознательно, чем большинство заговорщиков, которые проделали это значительно раньше; еще до захвата нацистами власти Фриче занимал важную в стратегическом отношении позицию для того, чтобы наблюдать, как заговорщики обманывали германский народ и весь мир. Трибунал вспомнит, что в 1938 году Фриче еще до того, как дать клятву партии в беспрекословном повиновении и послушании фюреру, избавив себя, таким образом, от моральной ответственности, лично наблюдал и был очевидцем всех действий штурмовых отрядов и применения нацистско-расовой теории на практике. Однако когда он, несмотря на это, старался поставить всю информационную службу Германии под фашистский контроль, то он узнал из уст самого Геббельса о многочисленных интригах и клеветнических измышлениях против оппозиции как вне, так и внутри Германии. Он видел, что происходило с журналистами-оппозиционерами, людьми, чья профессия еще недавно была ему близка, лишенными средств к существованию и сокрушенными, вынужденными приспособиться, так как в противном случае они подлежали уничтожению. Но он продолжал поддерживать заговорщиков. Он изо дня в день изучал искусство интриг и клеветнических измышлений для того, чтобы свращать германскую нацию, приобретая все больший престиж и влияние по мере того, как он преуспевал в этом искусстве.

Трибунал вспомнит, что Фриче говорил о том, что его предшественник был снят с поста руководителя отдела германской печати частично потому, что он переборщил в своих успешных, но чрезмерных манипуляциях в отношении судетской пропаганды. Фриче заполнил тогда брешь, которая образовалась в результате утраты доверия как редакторов, так и германского народа. И Фриче это удалось сделать. Вне всякого сомнения, Фриче не был таким недалеким человеком, как тот, которого он сменил. Своиственные ему пронзительность и хитрость, его способность внушать доверие, а также способность находить жадных слушателей в лице всей нации, готовых охотно выслушать то, что говорил Геббельс, делали его одним из самых полезных соучастников заговора. Нацистская Германия и ее пресса вступили в фазу военных операций, имея Фриче в качестве руководителя особого орудия пропаганды, контролирующего германскую прессу и германскую информационную службу...

В 1942 году Фриче перешел из области прессы в область радио, и этот переход состоялся тогда не потому, что им были недовольны, а потому, что Геббельс больше всего нуждался в нем как в главном руководителе радио. Фриче находится на

скамье подсудимых не как свободный журналист, а как официальный, контролируемый нацистами пропагандист, помогавший им стягивать петлю на шею германского народа, пропагандист, цинично восхвалявший варварский расизм, пропагандист, делавший эксцессы этих заговорщиков более удобоваримыми для сознания и совести германского народа, пропагандист, хладнокровно призывающий немецких обывателей к слепой ярости против тех людей, о которых говорилось, что они низшая раса, виновная во всех тех страданиях, в которые был ввергнут германский народ самими нацистскими заговорщиками.

В заключение я хотел бы сказать, что без пропагандистского аппарата нацистского государства и его руководителя Фриче нельзя было бы осуществить все то, что обрушилось на мир, в том числе и на Германию, то есть все эти катастрофы и страдания. Фриче содействовал нацистским заговорщикам в их подлой и варварской практике, и поэтому он теперь предстал перед Судом Международного Трибунала как их соучастник.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОБВИНИТЕЛЯ ЛАМБЕРТА ПО ВОПРОСУ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПОДСУДИМОГО БОРМАНА ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

[Стенограмма заседания Международного Военного Трибунала
от 16 января 1946 г.]

...Господа судьи! Обвинение сейчас переходит к делу подсудимого Бормана и к представлению доказательств, устанавливающих его ответственность за преступления, изложенные в обвинительном заключении.

Я представляю книгу документов в качестве доказательств от имени американского обвинения вместе с судебными выдержками по делу против подсудимого Бормана.

Подсудимый Борман несет главную ответственность за содействие приходу к власти нацистских заговорщиков, укрепление их власти над Германией, в подготовке к агрессивной войне, что изложено в первом разделе Обвинительного заключения.

Из материалов Суда вытекает, что нацистская партия и ее руководящий состав были главными рычагами организации заговора против мира.

После отлета подсудимого Гесса в Шотландию в мае 1941 года Борман стал руководителем нацистской партии. Его официальный титул — начальник партийной канцелярии. До этого времени Борман был начальником штаба подсудимого Гесса, заместителя фюрера.

Благодаря этим двум ответственным постам: посту начальника партийной канцелярии и посту начальника штаба заместителя фюрера — Борман явился одним из организаторов заговора. Подчиняясь только (мы подчеркиваем) верховной власти Гитлера, Борман использовал власть партии, а также большие полномочия ее агентов и организаций для осуществления нацистского заговора; он использовал партию для того, чтобы

заставить германский народ подчиниться воле нацистских заговорщиков.

Он также направлял влияние партии на организацию выступления с целью осуществления господства над Европой и достижения цели мирового господства. Следовательно, подсудимый Борман виновен в бесчисленных преступлениях, связанных с заговором, в бесчисленных преступлениях, совершенных партией, ее организациями, нацистами и их приверженцами, в содействии развитию заговора.

Было бы целесообразно коротко ознакомить Суд с участием подсудимого Бормана в развитии заговора.

Подсудимый Борман начал свою деятельность более чем 20 лет тому назад. В 1922 году... он вступил в организацию «Россбах» — одну из подпольных групп, которая продолжала милитаристские традиции германской армии и осуществляла террор против немногочисленного активного пацифистского меньшинства в Германии. Когда он был окружным руководителем этой организации в Мекленбурге, он был арестован и предан суду за участие в политическом убийстве, что, как мы предполагаем, указывает на его склонность к употреблению разных незаконных методов для того, чтобы добиться лично его удовлетворяющих целей.

После освобождения из тюрьмы, в 1925 году, Борман возобновил свою подпольную деятельность. Он вступил в военную организацию «Фронтбанн» и в том же самом году вступил в нацистскую партию; с тех пор началось его продвижение к руководящему положению в партии. В 1927 году он стал возглавлять прессу как представитель партии в Тюрингии. 1 апреля 1928 г. он назначается окружным руководителем в Тюрингии и руководителем деловой жизни всей провинции.

Сейчас мы переходим к исключительно важному пункту, касающемуся связи Бормана с СА.

С 15 ноября 1928 г. до августа 1930 года он находился в штабе главного командования СА.

Трибунал уже заслушивал доказательства о преступности СА, и ему хорошо известно, что это была полувоенная организация молодежи, главной целью которой было обеспечить власть нацистов и подвергнуть террору оппозиционные элементы.

Мы утверждаем, что в силу положения, которое Борман занимал в штабе главного командования СА, он разделяет ответственность за противозаконные действия СА и за содействие развитию заговора.

В августе 1930 года Борман организовал фонд помощи нацистской партии («Хильфскассе») и стал его начальником. Через этот фонд он собрал большие суммы в целях якобы под-

держки семей тех членов партии, которые были убиты или ранены в борьбе за дело партии.

Как известно Трибуналу, 30 января 1933 г. нацисты захватили власть в Германии. Вскоре после этого, в июле 1933 года, подсудимый Борман получил третий по значению пост в партийной организации, то есть пост начальника штаба подсудимого Гесса, заместителя фюрера. В то же самое время он был назначен рейхслейтером, что, как известно Трибуналу, сделало его членом верхушки обвиняемой организации, членом руководящего состава нацистской партии.

В ноябре 1933 года он стал членом рейхстага.

Я прошу Трибунал принять без доказательств правительственное германское издание «Великогерманский рейхстаг» 1943 года.

Факты, которые я перечислил в вышеприведенном очерке карьеры подсудимого Бормана, изложены на странице 167 этого издания, английский перевод которого имеется в документе ПС-2981.

Как начальник штаба подсудимого Гесса Борман отвечал и за передачу подсудимому Гессу требований партии, касающихся всех сфер государственных дел. Затем эти требования проводились в жизнь подсудимым Гессом в силу его участия в законодательстве, его полномочий в отношении назначения и повышения правительственных чиновников и в силу его положения в имперском кабинете.

Сейчас я перехожу к важному пункту, который указывает на причастность подсудимого Бормана к деятельности СД и гестапо. Как начальник штаба подсудимого Гесса Борман принимал меры для того, чтобы усилить власть гестапо и СД над гражданским населением Германии. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства приказ Бормана от 14 февраля 1935 г., опубликованный в официальном издании «Декреты заместителя фюрера», 1937 год, страница 257.

Я процитирую из этого декрета только части, относящиеся к делу. В декрете говорится: «Заместитель фюрера ожидает, что партийные организации в настоящее время перестанут относиться недоверчиво к СД и полностью поддержат СД в разрешении тех трудных задач, которые доверены этой организации, для того, чтобы охранить партийное движение и наш народ».

Сейчас я перейду к доказательствам об усилиях Бормана поддержать работу гестапо.

В отношении усилий Бормана укрепить власть гестапо я прошу Трибунал принять в качестве доказательства приказ Бормана от 3 сентября 1935 г., призывающий организации партии докладывать гестапо о всех лицах, которые критикуют

нацистские организации или нацистскую партию. Этот декрет находится в официальном партийном издании «Декреты заместителя фюрера», 1937 год (документ ПС-3239).

Я кратко суммирую содержание этого документа. В первом абзаце имеется ссылка на закон от 20 декабря 1934 г. Этот закон ставит партийные организации под такую же защиту закона, которой пользовалось государство.

В первом и втором абзаце этого декрета указывается, что в любом случае, связанном со злонамеренным или физическим нападением на членов нацистской партии или на ее учреждения, имперский министр юстиции будет консультироваться с заместителем фюрера для того, чтобы предпринять совместные действия против нарушителей.

В третьем абзаце Борман приказывает всем партийным организациям докладывать гестапо о лицах, критикующих нацистскую партию или ее учреждения.

В последнем абзаце этого декрета Борман инструктирует ортсгруппенлейтеров (согласно иерархическому порядку они идут после крейслейтеров и гаулейтеров) о том, что последние должны докладывать гестапо о всех лицах, критикующих учреждения нацистской партии.

Дальше идет важный пункт, касающийся связи Бормана с СС. Трибуналу уже были представлены доказательства, устанавливающие преступность СС. В этой связи прошу Трибунал принять в качестве доказательства документ ПС-3234, издание «Дас архив» за июль 1940 года, в котором сообщается, что фюрер повысил Бормана в чине, произведя его из генерал-майора в генерал-лейтенанты СС. Соответственно мы утверждаем, что Борман виновен в преступных действиях СС и является за них ответственным.

После того как подсудимый Гесс вылетел в Шотландию в мае 1941 года, подсудимый Борман занял его место в качестве руководителя нацистской партии, следующего после Гитлера, с титулом начальника партийной канцелярии. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства декрет от 24 января 1942 г. По нашему мнению, это исключительно важный декрет, поскольку согласно ему участие партии во всем законодательстве и во всех правительственных назначениях должно было осуществляться исключительно Борманом. Он должен был принимать участие в подготовке и — мы подчеркиваем это — в принятии и в обнародовании всех имперских законов и уставов. Кроме того, он должен был утверждать все законы имперских провинций так же, как все декреты имперских наместников. Все связи между государством и партийными чиновниками проходили через него. На основании этого мы заявляем, что Борман виновен в принятии каждого закона, который был издан в Германии

после 24 января 1942 г., если такой закон способствовал развитию преступного плана.

Я думаю, что будет полезным просить Трибунал принять в качестве доказательства декрет от 29 мая 1941 г., в котором Гитлер приказывает, чтобы Борман взял на себя все полномочия и все посты, которыми раньше располагал и которые занимал подсудимый Гесс.

Я сейчас прошу Трибунал принять в качестве доказательства важный декрет совета обороны империи от 16 ноября 1942 г. В соответствии с этим декретом все гаулейтеры, которые подчинялись Борману в силу его положения начальника партийной канцелярии, назначались имперскими комиссарами по обороне, и им поручались координация, руководство и направление нацистских усилий в подготовке к агрессивной войне.

С этого времени нацистская партия под руководством Бормана стала решающей силой в планировании и руководстве нацистской военной экономикой, в подготовке к агрессивной войне.

12 апреля 1943 г., как это показано в издании «Великогерманский рейхстаг» за 1943 год (документ ПС-2981), Борман был назначен секретарем фюрера, и мы утверждаем, что этот факт доказывает существование тесной связи подсудимого Бормана с Гитлером и влияние Бормана на последнего, а также увеличивает роль и ответственность Бормана в заговоре.

Сейчас мы переходим к важному вопросу об ответственности подсудимого Бормана за действия фольксштурма. Я прошу Трибунал принять в качестве доказательства приказ Гитлера от 18 октября 1944 г., который был опубликован в «Фелькишер Beobachter» 20 октября 1944 г., в котором Гитлер назначил Бормана руководителем фольксштурма. Это изложено в нашем документе ПС-3018. Этим документом Гиммлер назначается военным руководителем фольксштурма, а Борману поручается организационное и политическое руководство. Как Трибуналу известно, членами фольксштурма являлись все мужчины Германии в возрасте от 16 до 60 лет. В качестве руководителя фольксштурма Борман ответствен за бесполезное затягивание войны, вызвавшей разрушение германской и европейской экономики, загубившей столько человеческих жизней и повлекшей за собой разрушение материальных ценностей.

Сейчас мы переходим к ответственности подсудимого Бормана за преследование церкви. Подсудимый Борман допускал и направлял мероприятия по преследованию христианской церкви, а также принимал в них активное участие. Трибунал, конечно, заслушал уже многое о действиях заговорщиков по преследованию церкви. Мы не имеем желания пересказывать эти доказательства сейчас...

Я представляю в качестве доказательства, не оглашая, документ ПС-131 под номером США-687. Не цитируя, я хочу сказать, что это письмо от 12 декабря 1939 г. подсудимого Бормана подсудимому Розенбергу об упразднении семи кафедр в близлежащем Мюнхенском университете.

Теперь я кратко коснусь вопроса об ответственности Бормана за конфискацию религиозного имущества. Борман использовал свою большую власть и положение для того, чтобы провести конфискацию религиозной собственности и подвергнуть христианскую церковь и духовенство дискриминационному правовому режиму.

Предъявляю в качестве доказательства документ ПС-099, США-688. Это — копия письма от 19 января 1940 г. подсудимого Бормана имперскому министру финансов, в котором Борман требует значительно увеличить военный налог на церкви. Цитирую этот документ, который гласит следующее:

«Как мне сообщили, с 1 ноября 1939 г. на первые три месяца военный фонд церквей был установлен в 1800 тысяч рейхсмарок в месяц, из которых 1 миллион рейхсмарок должен быть выплачен протестантской, а 800 тысяч рейхсмарок — католической церквями. Установление такой низкой цифры меня удивило. Насколько я могу судить из многочисленных отчетов, политические организации должны собрать такой большой военный фонд, что проведение других возложенных на них задач, подчас весьма важных, как, например, в области социального обеспечения, находится под угрозой. Ввиду этого кажется абсолютно необходимым наложить более высокие нормы на церкви».

Спрашивается, преступление ли налагать на церкви повышенный налог? Рассматривая это требование Бормана отдельно, обвинение не утверждало бы, что оно носило преступный характер, но в свете враждебности Бормана к христианской церкви и его усилий не только ограничить, но и полностью устранить ее, мы утверждаем, что этот документ имеет силу доказательства, так как он показывает враждебность Бормана по отношению к христианской церкви и духовенству и проводимые им конкретные меры по претворению в жизнь этой враждебности.

Далее я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-89, который уже был представлен под номером США-360. Как Трибунал помнит, это — письмо от 8 марта 1940 г. подсудимого Бормана рейхслейтеру Аманну, в котором Борман дает указания Аманну, руководителю печати, более строго ограничить выдачу бумаги на религиозные издания, а вместо этого обеспечить бумагой издания, в большей мере соответствующие нацистской идеологии.

Далее в качестве доказательства под номером США-689 я представляю документ ПС-66. Это — письмо подсудимого Бор-

мана подсудимому Розенбергу от 24 июня 1940 г., к которому прилагается проект дискриминационного закона против церкви в Данциге и в Западной Пруссии. Этот декрет сам по себе является прямым нарушением религиозной свободы. Я не буду цитировать его, а лишь кратко изложу содержание. В первом параграфе декрета требуется утверждение имперского уполномоченного в Данциге и Западной Пруссии в качестве обязательного условия для установления правовой компетенции всех религиозных организаций.

С разрешения Трибунала я обращаюсь теперь к вопросу об ответственности подсудимого Бормана за преследование евреев. Я хочу сказать, что обвинение не намеревается повторять многочисленные уже представленные доказательства по вопросу о преследовании евреев, а ограничится теми из них, которые указывают на индивидуальную ответственность подсудимого Бормана за преследование евреев. Подсудимый Борман разделяет глубокую вину нацистских заговорщиков за их отвратительную программу преследования евреев. Мы хотим отметить, что именно подсудимый Борман был уполномочен Гитлером передавать и выполнять приказы фюрера по разрешению так называемой еврейской проблемы.

После проведения организованных и руководимых нацистской партией погромов 8 и 9 ноября 1938 г., в ходе которых множество евреев было убито, ранено или направлено в концлагеря, а еврейские магазины ограблены, синагоги разрушены и подожжены по всей Германии, подсудимый Борман по приказу Гитлера дал указание подсудимому Герингу окончательно решить еврейский вопрос в Германии.

Я обращаю внимание Трибунала на документ ПС-1816, который был уже представлен в качестве доказательства под номером США-261. Трибунал хорошо знаком с этим документом, на который обвинение часто ссылалось. Трибуналу известно, что документ ПС-1816 представляет собой протокол совещания по еврейскому вопросу, которое состоялось под председательством подсудимого Геринга 12 ноября 1938 г. Я цитирую лишь первую фразу документа, которая возлагает ответственность на подсудимого Бормана и гласит следующее:

«Геринг: Сегодняшнее совещание имеет решающий характер. Я получил письмо, написанное по приказу фюрера Борманом, начальником штаба заместителя фюрера, с просьбой о том, чтобы еврейский вопрос был раз и навсегда решен тем или иным путем».

Трибунал хорошо помнит ход прений и решения, принятые на этом совещании... В результате этого совещания нацистские заговорщики провели целый ряд антиеврейских декретов и мероприятий.

Документ ПС-69, который я сейчас предъявляю в качестве доказательства под номером США-589, представляет собой декрет Бормана от 17 января 1939 г., в котором Борман требует, чтобы были проведены новые антиеврейские мероприятия, определенные на только что упомянутом совещании у Геринга, в силу которых евреям отказывалось в самых нормальных условиях человеческого существования, как-то жилье, транспорт и т. д.

Цитирую приказ Бормана на первой странице английского перевода документа ПС-69: «После доклада генерал-фельдмаршала Геринга фюрер принял некоторые основные решения по еврейскому вопросу. В прилагаемом документе вашему вниманию представляются эти решения. Предлагается строго подчиняться этим директивам. *Борман*».

С целью экономии времени я не буду приводить цитат из прилагаемого приказа Бормана. Во всяком случае, в силу этого приказа евреям запрещалось занимать спальные места в поездах, останавливаться в некоторых гостиницах Берлина, Мюнхена, Нюрнберга, Аугсбурга и т. д., им запрещалось пользоваться бассейнами, появляться на некоторых площадях, курортах и т. д. Совершенно очевидны унижения и бытовые неудобства, к которым привело осуществление этого декрета.

После начала войны антиеврейские меры стали еще более интенсивными и жестокими. Подсудимый Борман участвовал совместно с СС и гестапо в мероприятиях по вывозу в Польшу 60 тысяч еврейских жителей Вены. Трибунал, несомненно, уже видел этот документ в связи с делом фон Шираха. Это — документ ПС-1950, в котором Ламмерс пишет о том, что Борман сообщил ему и фон Шираху о предложении относительно угона евреев. Я ограничусь указанием на этот факт.

Когда Борман заменял подсудимого Гесса в качестве начальника партийной канцелярии, он использовал свои широкие права таким образом, что стал основным двигателем программы ограбления и уничтожения евреев и подвергал их жесточайшему преследованию.

Я прошу Трибунал принять декрет от 31 мая 1941 г., который был подписан подсудимым Борманом и посредством которого дискриминационные Нюрнбергские законы были распространены на аннексированные восточные территории.

По распоряжению, изданному в соответствии с имперским законом о гражданстве от 1 июля 1943 г. («Рейхсгезетцблатт», 1943 год, часть 1, страница 372) и подписанному подсудимым Борманом, все евреи были лишены всякой защиты обычных судов и переданы юрисдикции гиммлеровской полиции (документ ПС-1422).

Применение этого закона скоро принесло свои плоды, за которые подсудимый Борман должен быть признан ответственным.

Наконец, по вопросу об ответственности Бормана за преследование евреев я прошу Трибунал принять без доказательств декрет Бормана от 9 октября 1942 г. о том, что проблема устранения евреев с территории великой Германии навсегда не может быть разрешена путем одной эмиграции, а должна быть разрешена путем безжалостного применения силы в особых лагерях на Востоке.

Я процитирую лишь последнюю фразу этого декрета: «Существование этого вопроса говорит о том, что эти проблемы, которые бывают очень трудными, могут быть разрешены только с безжалостной твердостью... *Борман*».

С разрешения Трибунала я перейду к следующему вопросу — вопросу об участии Бормана в совершении и планировании самых различных военных преступлений в соответствии с целями заговора. Мы уже говорили о той большой власти, которой обладал Борман. Мы хотим отметить, что в качестве секретаря фюрера он присутствовал на всех совещаниях и использовал эту огромную власть для планирования, руководства и совершения противозаконных действий, которые мы называем военными преступлениями и преступлениями против человечности.

Обращаю внимание Трибунала на документ Л-221, уже представленный под номером США-317. Как Трибунал знает, это — всеобъемлющий отчет от 16 июля 1941 г., составленный подсудимым Борманом ровно через три недели после вторжения Германии на территорию Советского Союза. Это — протокол двадцатичетырехчасового совещания в ставке Гитлера, на котором присутствовали подсудимые Геринг, Розенберг и Кейтель, а также имперский министр Ламмерс. В результате этого совещания был принят детальный план и составлены директивы по порабощению, истреблению, аннексии и онемечиванию большой территории в Советском Союзе и других странах Восточной Европы.

В свой отчет об этом совещании подсудимый Борман включил множество собственных предложений о мерах по эффективному выполнению этих планов.

Позже подсудимый Борман принимал активное участие в осуществлении этой программы нацистов.

Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-72, который уже представлен под номером США-357. Это — письмо подсудимого Бормана от 19 апреля 1941 г. Розенбергу по вопросу о конфискации культурных ценностей на Востоке. Цитирую лишь последние два абзаца:

«Фюрер подчеркнул, что на Балканах не будет необходимости в использовании наших экспертов (то есть экспертов штаба

Розенберга — грабительской организации), так как там нет предметов искусства, которые подлежат конфискации. В Белграде существовала только коллекция принца Павла, которая будет ему возвращена. Материалы лож и т. д. будут захвачены органами группенфюрера СС Гейдриха.

Библиотеки и предметы искусства монастырей, конфискованные в Германии, должны временно оставаться в этих монастырях, если гаулейтеры не приняли иного решения. После войны эти фонды будут тщательно изучены. Однако ни при каких обстоятельствах не должна быть проведена централизация всех библиотек. Фюрер неоднократно отклонял это предложение. *Борман*.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ ПС-61, США-692. Это — конфиденциальное письмо от 11 января 1944 г. В этом письме, которое нам кажется очень важным, Борман бросает свет на проведение широких операций по вывозу с территорий, оккупированных Германией, различных товаров для передачи пострадавшему от бомбежки населению Германии. Как Трибунал знает, Гаагские Конвенции и законы войны разрешают оккупантам реквизировать товары и прибегать к услугам только для оккупационной армии и для администрации оккупированных районов. Здесь же они использовались для населения, которое находилось в самой Германии.

Теперь мы переходим к вопросу, которому обвинение придает большое значение в связи с делом подсудимого Бормана. В ходе войны Борман издал серию приказов, устанавливающих компетенцию партии по вопросу об обращении с военнопленными, особенно когда они использовались для принудительного труда. Как помнит Трибунал, согласно Женевской Конвенции 1929 года военнопленные являются пленными не войск и не армии, которые их захватывают, а всего государства, и это государство обладает юрисдикцией в отношении их и несет за них ответственность.

Рядом декретов, которые мы сейчас представим, подсудимый Борман устанавливает компетенцию нацистской партии над союзными военнопленными. При осуществлении этой компетенции он требует особенно зверского и жестокого обращения с советскими военнопленными.

Я представляю в качестве доказательства документ ПС-232 под номером США-693. Это — декрет подсудимого Бормана от 13 сентября 1944 г., который был адресован — прошу Трибунал обратить на это внимание — всем рейхслейтерам, гаулейтерам, крейслейтерам и руководителям нацистских филиальных организаций. Этот декрет устанавливает компетенцию нацистской партии по использованию военнопленных для принудительного труда. Я цитирую первые три абзаца:

«Правила, которые до сего времени имели силу в отношении обращения с военнопленными и определяли задачи охранных частей, более не оправдывают себя в силу требований тотальных военных усилий».

Обвинение спрашивает, с каких пор требования военных усилий дают основание нарушать или изменять нормы международного права?

Продолжаю цитату: «Поэтому верховное командование вооруженных сил по моему предложению издало приказ, копия которого прилагается».

Содержание этого приказа следующее:

«1. Между начальником ОКВ и мною существует договоренность о том, что сотрудничество партии в вопросе о содержании военнопленных неминуемо. Поэтому офицеры, которые работают в системе по содержанию военнопленных, получили указания, как можно более тесно сотрудничать с партийными руководителями. Команданты лагерей для военнопленных должны немедленно назначить офицеров для связи с крейслейтерами.

Таким образом, партийные руководители получают возможность преодолеть соответствующие трудности на местах и оказывать влияние на охранные части лучшим образом использовать военнопленных для политических и экономических целей».

Разрешите заметить, что в силу этого приказа, адресованного рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам — членам руководящего состава, партийные руководители должны были сотрудничать в проведении этого плана.

Трибунал дал мне возможность отметить, что этот декрет адресован рейхслейтерам, гаулейтерам, крейслейтерам и руководителям филиальных и контролируемых нацистами организаций. Как Трибуналу известно, крейслейтер — довольно незначительная фигура среди руководителей нацистской партии. Это районный руководитель. В этом приказе требуется сотрудничество партийных руководителей, количество которых, как Трибунал знает, доходит до 500 тысяч человек.

Теперь я представляю в качестве доказательства документ Д-ПС-163 под номером США-694. Это — письмо подсудимого Бормана, датированное 5 ноября 1941 г., адресованное всем рейхслейтерам, гаулейтерам и крейслейтерам. В нем передаются инструкции имперского министра внутренних дел, запрещающие погребение русских военнопленных с соблюдением соответствующих обрядов. Я цитирую относящиеся к делу выдержки из этих инструкций, начиная с предпоследней фразы первой страницы:

«В целях экономии и когда это возможно, с управлениями армии будет устанавливаться связь по вопросу о перевозке трупов (предоставлении перевозочных средств). Гробы не должны

предоставляться для перевозки и погребения. Трупы должны полностью прикрываться крепкой бумагой (промасленной, просмоленной или асфальтовой бумагой, если возможно) или каким-либо другим подходящим материалом. Перевозка и погребение должны производиться незаметно. Если нужно похоронить несколько трупов, то должна быть вырыта общая могила. В этом случае тела должны быть похоронены рядом (а не друг на друге) в соответствии с местными обычаями относительно глубины могил. В тех случаях, когда погребение происходит на кладбищах, следует выбирать отдаленное место. Никакие обряды или украшение могил не разрешаются.

Далее я представляю в качестве доказательства под номером США-695 документ ПС-228. Это — циркуляр Бормана от 25 ноября 1943 г., изданный в ставке фюрера, с требованием о том, чтобы с военнопленными обращались более жестоко и в большей мере использовали их рабочую силу...

Обращаю внимание Трибунала на документ ПС-656, который уже был представлен в качестве доказательства под номером США-339. Как Трибунал помнит, это — секретный циркуляр Бормана; к циркуляру прилагались инструкции нацистского верховного командования от 29 января 1943 г. Циркуляр предусматривал использование с помощью оружия и телесных наказаний рабочей силы союзных военнопленных. Цитирую краткую выдержку из этих инструкций:

«Если военнопленные не выполняют его (то есть охранника) приказа, тогда он в случае необходимости или опасности имеет право требовать повиновения с помощью оружия, если в его распоряжении нет других средств. Он может использовать оружие, поскольку это необходимо для достижения своей цели. Если охранник невооружен, он имеет право требовать повиновения применением других средств».

Трибунал знает, что согласно Женевской Конвенции о военнопленных 1929 года военнопленные, не выполняющие приказы, подлежат военному суду в таком же порядке, как если бы они были военными служащими германских вооруженных сил. Этот декрет дает право охране использовать винтовки или другие меры принуждения.

Как помнит Трибунал, я уже представил ряд декретов подсудимого Бормана, в которых он требовал более жестокого и сурового обращения с союзными военнопленными. Эти указания, данные подсудимым Борманом, дополняются его декретом от 30 сентября 1944 г. (документ ПС-058, США-456). Этим декретом подсудимый Борман передал всех военнопленных в распоряжение Гиммлера. Декрет также предусматривал, что все коменданты лагерей для военнопленных должны действовать по приказу местных командиров СС. В силу этого распоряже-

ния подсудимого Бормана Гиммлер смог начать проведение своей программы бесчеловечного обращения и даже уничтожения союзных военнопленных.

Теперь мы представим доказательства ответственности подсудимого Бормана за организованный самосуд над союзными летчиками (документ ПС-62, США-696). Я прошу Трибунал взглянуть на этот документ. Это — приказ подсудимого Гесса от 13 марта 1940 г., направленный всем рейхслейтерам, гаулейтерам и другим нацистским чиновникам и организациям. Он содержит указания подсудимого Гесса нацистским руководителям о том, чтобы они инструктировали германское гражданское население задерживать или «ликвидировать» всех союзных летчиков, выбросившихся с парашютом. Обращаю внимание Трибунала на третий абзац первой страницы английского перевода документа. В нем Гесс дает указания о том, чтобы эти инструкции, которые я вскоре оглашу, передавались только устно всем — прошу Трибунал обратить внимание — всем крейслейтерам, ортсгруппенлейтерам, целленлейтерам и даже блоклейтерам, то есть всем членам руководящего состава нацистской партии от рейхслейтера до блоклейтера включительно.

Эти инструкции озаглавлены: «О поведении в случае посадки самолетов или парашютистов противника». Я пропускаю первые три инструкции, потому что они несущественны. Четвертая же инструкция гласит: «Парашютисты противника также должны быть немедленно задержаны или ликвидированы».

Этот документ говорит сам за себя и не нуждается в дальнейших комментариях обвинения.

Для того чтобы обеспечить успех этого плана, о проведении которого дал приказ подсудимый Гесс, подсудимый Борман послал секретное письмо от 30 мая 1944 г. членам руководящего состава нацистской партии, запрещающее какие-либо полицейские меры или судебное преследование германских гражданских лиц, которые совершили самосуд или убили союзных летчиков. Этот документ ПС-57 уже был вручен Трибуналу в связи с представлением обвинением материалов по вопросу о преступном характере руководящего состава нацистской партии.

Господа судьи! Такие самосуды, организованные и санкционированные подсудимым Борманом, действительно имели место, и этот факт неопровержимо установлен на проведенных американскими военными судами процессах, в результате которых были осуждены германские гражданские лица за убийства союзных летчиков. Прошу Трибунал принять без доказательства приговор № 2 военного трибунала 15-й американской армии от 23 июня 1945 г. (документ ПС-2559). Приговором осужден к смертной казни германский гражданин за убийство американского летчика, который выбросился с парашютом

и совершил посадку. Летчик не обладал никакими средствами самозащиты.

Мы могли бы упомянуть и другие приговоры американских и других союзных военных трибуналов, осуждающие германских граждан за самосуд и убийство союзных летчиков, которые выбросились с парашютом и приземлились на немецкой территории, не обладая никакими средствами самозащиты, но мы думаем, что в этом нет необходимости.

Как уже говорилось на Суде, 20 октября 1944 г., когда поражение нацистов в этой войне стало неминуемым, Борман взял на себя политическое и организационное руководство вновь созданным «фольксштурмом» — народным ополчением.

Ввиду того что он организовал продолжавшееся сопротивление фольксштурма, Борман несет ответственность за сопротивление, которое затянуло агрессивную войну на несколько месяцев.

Теперь, господа судьи, я хочу представить доказательство, показывающее, что Борман санкционировал целый ряд преступлений против человечности в соответствии с заговором, руководил ими и участвовал в их совершении.

Борман играл крупную роль в проведении программы принудительного труда. Я представляю в качестве доказательства документ Д-226, США-697. Это — циркуляр подсудимого Шпеера от 10 ноября 1944 г., которым передаются указания Гимmlера о том, чтобы партия и гестапо сотрудничали в обеспечении большой производительности труда миллионов иностранных рабочих, угнанных в Германию. Цитирую:

«Все мужчины и женщины, члены НСДАП, ей подчиненных и руководимых ею организаций на предприятиях в соответствии с указаниями крейслейтеров должны быть предупреждены местными руководителями групп (то есть ортсgruppenлейтерами) и обязаны держать иностранцев под самым тщательным наблюдением. Они должны сообщать о малейшем подозрении десятникам, которые передадут эту информацию уполномоченному по обороне, а если такой уполномоченный не назначен, — в соответствующий полицейский участок. В то же время они должны сообщать об этом директору предприятия и ортсgruppenлейтеру для того, чтобы постоянно и неустанно как на словах, так и на деле оказывать влияние на иностранцев, убеждая их в неминуемости германской победы и непреодолимости германского сопротивления и, таким образом, способствуя дальнейшему увеличению производительности труда на предприятиях. От членов партии, как мужчин, так и женщин, и от членов партийных и руководимых партией организаций ожидается, что они в большей степени, чем когда-либо прежде, будут вести себя приммерно».

Теперь пару слов о значении этого циркуляра. Правда, он подписан Шпеером, и в нем говорится о соглашении между ним и Гимmlером, но в силу этого соглашения члены партии должны были осуществлять наблюдение над иностранными рабочими, а руководителем нацистской партии, как Трибуналу известно, был Борман.

Ясно, что такая директива не могла быть издана без того, чтобы Борман не участвовал как в ее составлении, так и в осуществлении.

Представляю в качестве доказательства под номером США-698 документ ПС-25. Это — протокол совещания от 14 сентября 1942 г., в котором говорится, что набор, мобилизация и доставка 500 тысяч домашних работниц с Востока должны производиться подсудимым Заукелем, Гимmlером и подсудимым Борманом. Я цитирую первые фразы третьего абзаца:

«Фюрер приказал немедленно привезти от 400 до 500 тысяч восточных домашних работниц с Украины в возрасте от 15 до 35 лет и поручил генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы провести это мероприятие в течение приблизительно трех месяцев».

Таким образом, с одобрения рейхслейтера Бормана разрешался противозаконный угон в Германию женщин для домашней работы, и это делалось помимо официального набора.

Подсудимый Борман навязал свою волю администрации оккупированных Германией районов и настаивал на безжалостной эксплуатации жителей оккупированных восточных областей. Обращаю внимание Трибунала на документ Р-36, который уже был представлен под номером США-344. Трибунал хорошо знаком с этим документом, так как на него уже несколько раз ссылались на этом процессе. Это — меморандум министерства по делам оккупированных восточных областей от 19 августа 1942 г., в котором сказано, что линия репрессий, проводимая подсудимым Борманом в отношении жителей восточных районов, в действительности определяла политику Германии на оккупированных территориях Востока.

Трибунал помнит ставшую известной выдержку из этого документа, которая содержит все основное во взглядах Бормана по вопросу о германской оккупационной политике на Востоке, Борман сказал:

«Славяне должны работать на нас. Они могут умирать постольку, поскольку они нам не нужны. Они не должны иметь возможности пользоваться немецким общественным медицинским обслуживанием. Их рождаемость нас не интересует. Они могут пользоваться противозачаточными средствами и делать аборты, и чем больше, тем лучше. Мы не хотим, чтобы они были образованными. Достаточно, если они будут уметь считать».

до ста. Тем более полезными они будут для нас. Религию мы им оставим для отвлечения внимания. Что касается продовольствия, то они получают только то, что совершенно необходимо. Мы — господа, мы стоим на первом месте».

Мы утверждаем, что это точное изложение содержания документа Р-36.

Далее мы обращаем внимание Трибунала на документ ПС-654, представленный под номером США-218. Как помнит Трибунал, это — протокол совещания от 17 ноября 1942 г., в котором излагается соглашение министра юстиции с Гиммлером, заключенное по предложению Бормана, и в соответствии с которым все жители оккупированных восточных территорий были подвергнуты жестокому политическому режиму.

Ввиду того что Борман издавал эти и подобные им приказы, утверждаем, что на него ложится значительная доля ответственности за жестокое обращение с людьми и за истребление большого количества людей в оккупированных Германией районах Востока.

С разрешения Трибунала я хочу в нескольких словах подытожить то, что я сказал. Мы показали, что Борман, которому было лишь 45 лет к моменту разгрома Германии, посвятил всю свою жизнь содействию осуществлению нацистского заговора. Его основной вклад в заговор заключался в том, что он руководил аппаратом нацистской партии и этим способствовал достижению многочисленных целей заговора. Сначала в качестве начальника штаба подсудимого Гесса, а затем начальника партийной канцелярии, подчиненного только верховной власти самого Гитлера, он использовал эти два поста и всю власть партии и ее организаций для проведения планов заговорщиков. Он использовал свои огромные полномочия для преследования церкви и духовенства.

Он санкционировал и активно участвовал в проведении мероприятий по преследованию евреев.

В качестве начальника партийной канцелярии и секретаря Гитлера подсудимый Борман санкционировал многочисленные военные преступления и преступления против человечности, руководил ими и участвовал в совершении этих преступлений, включая самосуд над союзными летчиками, порабощение и бесчеловечное обращение с жителями на оккупированных Германией территориях, жестокости в отношении угнанных рабочих, разлучение членов семей, нарушение постановлений Гаагских Конвенций, преднамеренное преследование и истребление гражданского населения восточных территорий.

Господа судьи, каждый школьник знает, что собой представлял Гитлер, но мы хотим подчеркнуть, что без таких подручных, как Борман, Гитлер никогда не смог бы захватить и

укрепить свою власть в Германии: он оставался бы один, без приверженцев.

Борман был одним из соучастников Гитлера. Хотя он еще не попал в руки правосудия, и хотя его место на скамье подсудимых свободно, он не может избежать ответственности за свои противозаконные действия.

В заключение мы хотели бы остановиться на том, что нам кажется чрезвычайно важным. Борман отсутствует, но согласно последней фразе статьи 6 Устава каждый подсудимый, являвшийся руководителем, организатором, подстрекателем или соучастником этого заговора, несет ответственность за действия всех лиц, виновных в совершении преступлений, предусмотренных планом заговора.

На основании этого мы утверждаем, что, хотя Бормана здесь и нет, каждый из сидящих на скамье подсудимых разделяет ответственность за его преступные действия.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	<i>Стр.</i>
Танцер Софи. 20 лет. Из Австрии. Алиментарная дистрофия II степени	112
Блюм Палко. 6 лет. Из Чехословакии. Алиментарная дистрофия II степени	112
Левин Гильде. 42 лет. Из Франции (Ницца). Алиментарная дистрофия III степени	112
Цимлих (слева). 12 лет. Из Польши; Мангель (справа). 13 лет. Из Венгрии. Обморожение стоп II и III степени. Были выставлены на мороз без обуви на 12 часов	144
Статуетка из препарированной человеческой головы заключенного, специально для этого убитого гитлеровцами. (Предъявлена обвинением в качестве доказательства.)	144
Узники концлагеря Освенцим	304
Группа французов, узников Освенцима, освобожденных Советской Армией	304
Зверски замученные гитлеровскими палачами заключенные концлагеря Освенцим	304
Костры с жертвами, подготовленными к сжиганию в лагере Клога. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	336
Дети — узники. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	336
Машина „костедробилка“ для перемалывания сожженных гитлеровцами трупов. Делалось это для сокрытия массовых казней. Машина осталась на территории Яновского лагеря и хранится во Львове. (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	368
Эксгумированные трупы мирных граждан, казненных гитлеровцами в Яновском лагере. (Расстрел произведен в июле 1944 года за несколько дней до освобождения Львова частями Советской Армии.) (Из документов Чрезвычайной Государственной Комиссии.)	400

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, СОВЕРШЕННЫЕ ГИТЛЕРОВЦАМИ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР, ПОЛЬШИ, ЮГОСЛАВИИ, ЧЕХОСЛОВАКИИ И ГРЕЦИИ	
Представление доказательств помощником Главного обвинителя от СССР Л. Н. Смирновым по разделу обвинения „Преступления против человечности, совершенные гитлеровцами на оккупированных территориях Советского Союза, Польши, Югославии, Чехословакии и Греции“	7
О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	40
О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	51
О злодеяниях немцев на территории Львовской области (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	66
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Минске (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	83
О преступлениях немецких захватчиков на территории Латвийской Советской Социалистической Республики (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	92
О преступлениях гитлеровских захватчиков в Литовской Советской Социалистической Республике (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	107
О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Эстонской Советской Социалистической Республике (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	124
Истребление гитлеровцами советских людей путем заражения сыпным тифом (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	136
Допрос свидетеля Кивелиша в заседании Трибунала 26 февраля 1946 г.	144
Допрос свидетеля Шмаглевской в заседании Трибунала 27 февраля 1946 г.	155
КАЗНИ ЗАЛОЖНИКОВ И ДРУГИЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ И ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ, ГОЛЛАНДИИ, НОРВЕГИИ, ДАНИИ И ЛЮКСЕМБУРГА	
Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от Франции Дюбостом о казнях заложников и других нарушениях законов и обычаев войны	163

Представление доказательств французским обвинителем Жертоффером о разграблении экономики Франции	216
Представление доказательств французским обвинителем Фором о германизации Франции, Дании, Голландии, Норвегии и Люксембурга	241
Допрос свидетеля Эмиля Рейтера	
Допрос свидетеля Якубуса Форринка	
Допрос свидетеля Ганса Каппелена	

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ — ЛАГЕРЯ СМЕРТИ

Представление доказательств заместителем Главного обвинителя от США Доддом по разделу обвинения „Концентрационные лагеря“	295
Приказ начальника главного административно-хозяйственного управления СС Поля о руководстве концентрационными лагерями	314
Выдержка из письма начальника главного административно-хозяйственного управления СС Поля от 30 апреля 1942 г.	315
„Лагерь смерти“ (Сборник документов о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии)	317
О чудовищных преступлениях германского правительства в Освенциме (Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии)	350
Из письма акционерного общества „Заводы Дидье“ от 25 июля 1943 г. с предложением об установке кремационных печей	370
Переписка фирмы „Кори“ — общества с ограниченной ответственностью Коммюнике Польско-Советской Чрезвычайной Комиссии по расследованию злодеяний немцев, совершенных в лагере уничтожения на Майданеке в городе Люблине	372
Из акта осмотра в городе Львове костедробилки	390
Об использовании срезанных волос	392
Допрос свидетеля Вайян-Кутюрье	394
Допрос свидетеля Рудольфа Гесса	416
Допрос свидетеля Альфреда Балаховского	426
Допрос свидетеля Франсуа Буа	432
Допрос свидетеля Алоиса Хельригеля	440
Допрос свидетеля Франца Блаха	443
Допрос свидетеля Зиверса	472
Допрос свидетеля Самуила Ройзмана	492
Допрос свидетеля Виктора Дюпона	498
Допрос свидетеля Эмиля Пуля	510
Допрос свидетеля Альберта Томса	539
Показания свидетеля З. Ю. Мазура, допрошенного в городе Данциге	544
Рецептура мыла, обнаруженного союзными войсками в Данцигском анатомическом институте медицинской академии	548
О германских военных преступлениях в анатомическом институте в Данциге (из сообщения Британского национального отдела Комиссии Объединенных Наций по расследованию военных преступлений)	550

УНИЧТОЖЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ НАРОДОВ

Представление доказательств американским обвинителем Гаррисом по разделу обвинения „Германизация и грабеж в оккупированных странах“	557
Из программы НСДАП, принятой в феврале 1920 года	573
Указ фюрера и имперского канцлера от 30 января 1940 г. о праве помилования в оккупированных польских областях	574

Директивы от 4 декабря 1941 г. об уголовном преследовании за преступления против рейха или против оккупационных сил на оккупированных территориях	575
Объявление германского губернатора Варшавского района Фишера о смертной казни за повреждение военных сооружений	578
О судопроизводстве по делам поляков и других восточных народов	579
Отчет об операции „Болотная лихорадка“	581
Приказ от 17 февраля 1942 г. в дополнение к уголовным предписаниям в занятых восточных областях	583
Упрощение порядка применения превентивного ареста поляков	585
Коммунистическое повстанческое движение в оккупированных областях	587
Из дневника Ганса Франка	589
Из телеграммы на имя Франка, подписанной губернатором Варшавы Фишером	601
Из телеграммы Франка Ламмерсу	601
Из официального доклада Польского правительства	602
Материалы судебного процесса по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края в период немецкой оккупации	604
Допрос свидетеля Якова Григорьевича Григорьева	618
Допрос свидетеля Отто Олендорфа	622
Протокол допроса на предварительном следствии свидетеля Василевича Иосифа Афанасьевича	647
Показания свидетеля Иосифа Малиновского, допрошенного в Варшаве 3 ноября 1945 г.	649
Из показания польского следователя-судьи в Лодзи Эдислава Лукашевича	654

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

Представление доказательств американским обвинителем Уолшем по разделу обвинения „Преследование евреев“	657
Осуществление гитлеровскими властями плана истребления еврейского населения Европы (Сообщение Информбюро Народного комиссариата иностранных дел от 19 декабря 1942 г.)	678
Имперский закон о гражданстве от 15 сентября 1935 г.	684
Копия телеграммы-молнии из Мюнхена от 10 ноября 1938 г.	685
Копия телеграммы-молнии из Берлина от 10 ноября 1938 г.	687
Письмо „Масштабы разрушения нельзя подтвердить цифрами“	688
Из дневника Ганса Франка	690
Протокол „Ванзее“ о планах уничтожения 11 миллионов евреев	692
О мерах наказания для евреев на восточных территориях	697
Временные директивы по обращению с евреями на территории Остланда	700
Из отчета полиции безопасности и СД „Варшавское гетто больше не существует“	702
Из отчета оперативной группы „А“ полиции безопасности и СД за период с 16 октября 1941 г. по 31 января 1942 г.	705
Из итогового отчета командира роты 2-го полицейского полка от 1 ноября 1942 г.	707
Из донесения начальника 1-го участка охранной полиции города Двинска	708
Из официального доклада Польского правительства	710

Из донесения начальника гестапо Мюллера начальнику полиции безопасности Гиммлеру от 16 декабря 1942 г. об отправке польских евреев в концентрационные лагеря Германии	711
Допрос свидетеля Дитера Вислицени	712
Допрос свидетеля Суцкевера	727

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПОДСУДИМЫХ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

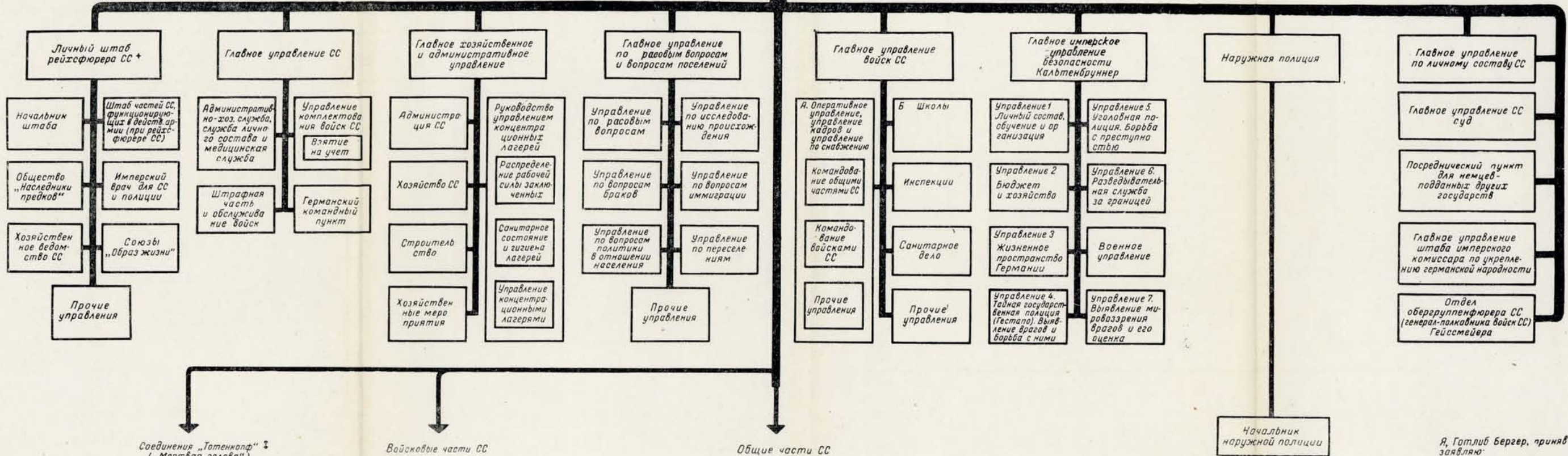
Из выступления американского обвинителя Альбрехта по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Геринга	737
Из выступления английского обвинителя Гриффит-Джонса по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Гесса	746
Из выступления заместителя Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфа по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Риббентропа	749
Из выступления французского обвинителя Катра по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимых Кейтеля и Иодля	758
Из выступления французского обвинителя Мунье по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимых Розенберга, Заукеля, Шпеера, Зейсс-Инкварта и дополнительно — Геринга	764
Из выступления американского обвинителя Гарриса по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Кальтенбруннера	780
Из выступления американского обвинителя Брудно по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Розенберга	796
Из выступления американского обвинителя Болдуина по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Франка	803
Из выступлений американского обвинителя Кемпнера по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Фрика	818
Из выступления английского обвинителя Гриффит-Джонса по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Штрейхера	825
Из выступления американского обвинителя Мельтцера по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Функа	832
Из выступления английского обвинителя Филлимора по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Деница	836
Допрос свидетеля Хейзига	849
Допрос свидетеля Меле	851
Из выступления американского обвинителя Шпрехера по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Шираха	857
Из выступления заместителя Главного обвинителя от Великобритании Максвелл-Файфа по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Нейрата	865
Из выступления американского обвинителя Шпрехера по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Фриче	870
Из выступления американского обвинителя Ламберта по вопросу об индивидуальной ответственности подсудимого Бормана	875
Перечень иллюстраций	892

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
660	23 сверху	„Рейсгезетцблатт“	„Рейсгезетцблатт“
669	23 „	560065	56065
704	10 снизу	50065	56065
805	6 сверху	в 1938 году,	в 1939 году,
827	19 снизу	„Фелькишер бер- бахтер“	„Фелькишер бео- бахтер“
868	8 „	протектората	протектора
868	16 „	заклучений	исключений
894	5 сверху	Допрос свиде- теля Эмиля Рей- тера	Допрос свиде- теля Эмиля Рей- тера 273
894	6 „	Допрос свидетеля Якубуса Фор- ринка	Допрос свидетеля Якубуса Фор- ринка 279
894	7 „	Допрос свидетеля Ганса Каппелена	Допрос свидетеля Ганса Каппелена 284

Зак. 581.

Рейхсфюрер СС
Шеф германской полиции
Гиммлер

+ Личный штаб рейхсфюрера СС
В 1943 году была официально сообщена, что как самостоятельное управление он прекратил свое существование. Большая часть отделов, из которых ранее состоял этот штаб, перешли в личное подчинение рейхсфюрера СС Гиммлера.

‡ Соединения "Тотenkopf"
После начала войны соединения "Тотenkopf" стали составной частью войск СС. После этого охрану концентрационных лагерей стали набирать из сотрудников общих частей СС и других органов.

Я, Готтлиб Бергер, приняв присягу, заявляю
Я с 1940 года до конца войны являюсь начальником главного управления СС. Я знаком с организацией СС и с функциями главных управлений, образующих имперское руководство СС. Я тщательно исследовал настоящую схему СС. Она представляет собой истинное и правильное воспроизведение организаций СС и структуры главных управлений имперского руководства СС.

